

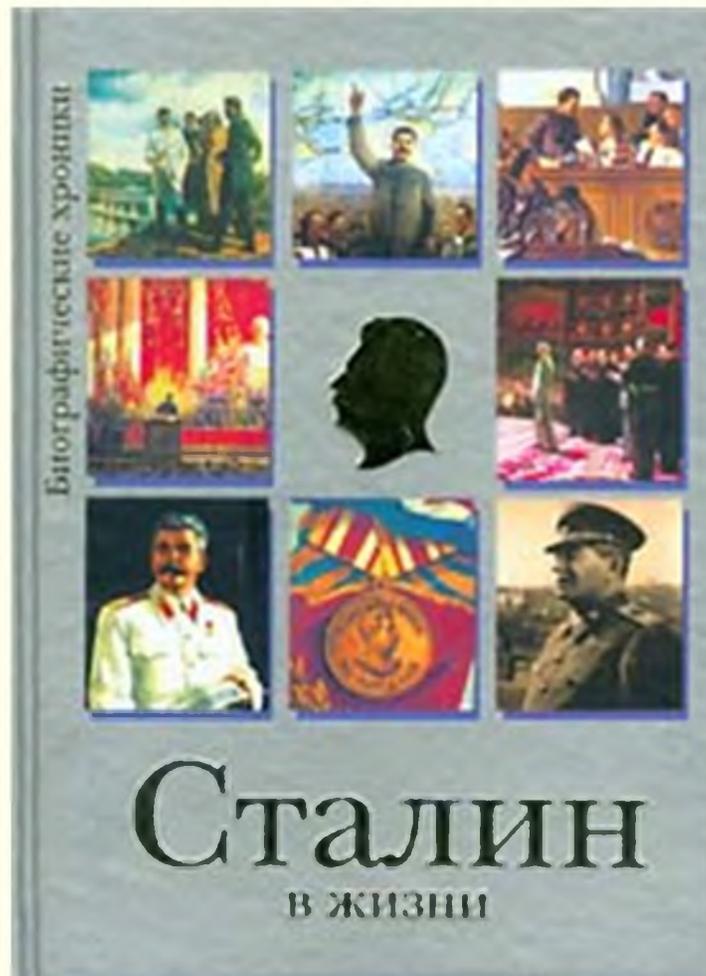
СТАЛИН

В ЖИЗНИ

Биографическите хроники

**Сталин в жизни.
Систематизированный
свод воспоминаний
современников,
документов эпохи,
версий историков**

О СТАЛИНЕ И СТАЛИНИЗМЕ

Прочитав рукопись этой книги, мне ничего не оставалось, как только добавить к ней несколько замечаний иного характера, более общего. Книга, как увидит читатель, касается сугубо частных моментов, личной, в какой-то степени интимной биографии Сталина. Если можно отделить таковую от общего течения его жизни. Что, надо заметить, не всегда удается автору. Да это, впрочем, и невозможно. Частная жизнь таких людей, как выбранная Е. Гуслиаровым для очередного исследования, настолько тесно переплетается с общественной, что четкую грань определить тут совершенно невозможно. Я и раньше много думал о Сталине, поэтому кое-где прибегу к тем моим размышлениям, которые, возможно, знакомы читателю, особенно зарубежному. Так вот, оценка личности Сталина немыслима без оценки эпохи, неразрывно связанной с его именем, — эпохи сталинизма. Что такое Сталин без сталинизма? Человек невысокого роста. Недоучившийся малограмотный семинарист. Рябой. С грузинским акцентом. Был коварен, мстителен и жесток. Своими пальцами оставлял жирные пятна на страницах книг... А не слишком ли это жидко для характеристики человека, владевшего и до сих пор еще владеющего умами и сердцами миллионов людей?! После урагана разоблачений ужасов сталинского периода, который (ураган) начался со знаменитого доклада Хрущева и достиг апогея с появлением не менее знаменитого «Архипелага ГУЛАГа» Солженицына, прочно утвердилось представление о сталинском периоде исключительно как о периоде злодейства, как о черном провале в ходе

истории, а о самом Сталине — как о самом злодейском злодее из всех злодеев в человеческой истории. В результате теперь в качестве истины принимается лишь разоблачение язв сталинизма и дефектов его вдохновителя. Попытки же более или менее объективно высказаться об этом периоде и о личности Сталина расцениваются как апологетика сталинизма. И все же я рискну отступить от разоблачительно-критической линии и высказаться в защиту... нет, не Сталина и сталинизма, а лишь возможности объективного понимания их. Время эмоций на эту тему прошло. Настало время не только обличать злодейство, но подумать об его исторической сущности и истоках. Выросло это злодейство из темных душ кучки злоумышленников как некое отступление от благопристойных норм человеческой истории, или оно явило человечеству поучительный пример того, что на самом деле с необходимостью получается, когда самые светлые идеалы и мечты человечества воплощаются в жизнь, — вот в чем вопрос.

Кроме того, мне кажется, что я имею и моральное право на такой риск. Я с юности не питал никаких симпатий к Сталину и сталинизму. Еще в 1939 году я открыто выступил против культа Сталина, за что был исключен из комсомола и из института, направлен в психиатрический диспансер для обследования, а затем доставлен на Лубянку. В диспансере меня признали психически здоровым, чего не сделали бы в либеральные послесталинские времена. А из лап органов государственной безопасности мне удалось ускользнуть. И вплоть до хрущевского доклада моим тайным призванием была антисталинистская пропаганда. Должен признать, что я не был единственным в своем роде. В хрущевские годы дело критики сталинизма взяли в свои

руки сами бывшие заядлые сталинисты, и мой антисталинизм утратил смысл. И я обрел способность отнестись к нему спокойно, т.е. не с ненавистью, а с презрением.

А моя мать до самой смерти (она умерла в 1968 г.) хранила в Евангелии портрет Сталина. Она пережила все ужасы коллективизации, войны и послевоенных лет. Если бы в деталях описать, что ей пришлось вынести, читатель не поверил бы. И все-таки она хранила портрет Сталина. Почему? В ответе на этот вопрос лежит ключ к пониманию сущности сталинизма. Дело в том, что, несмотря на все ужасы сталинизма, это было подлинное народовластие, это было народовластие в самом глубоком (не скажу, что в хорошем) смысле слова, а сам Сталин был подлинно народным вождем. Народовластие — это не обязательно хорошо. Зверства сталинизма были характерным выражением народовластия в тот период. И этому ничуть не противоречит то, что одновременно это было и насилием над самим народом. Народный вождь — это не обязательно мудрый и добрый человек. Иногда народные вожди бывают отпетыми мерзавцами. И иногда сами они глубоко презирают народ, ибо знают, что такое народные массы в реальности, а не в книжках и в доктринах. Именно Сталин, а не Ленин, был народным вождем, ибо у Ленина тех именно качеств, какие приписываются Сталину, было недостаточно, чтобы стать народным вождем.

Чтобы ответить на вопрос о сущности сталинизма, надо установить, чьи интересы выражал Сталин, кто за ним шел. Почему моя мать хранила портрет Сталина? Она была крестьянка. До коллективизации наша семья жила неплохо. Но какой ценой это доставалось? Тяжкий труд с рассвета до заката. А какие перспективы были у

ее детей (она родила одиннадцать детей!)? Стать крестьянами, в лучшем случае — мастерами. Началась коллективизация. Разорение деревни. Бегство людей в города. А результат этого? В нашей семье один человек стал профессором, другой — директором завода, третий — полковником, трое стали инженерами. И нечто подобное происходило в миллионах других семей. Я не хочу здесь употреблять оценочные выражения «плохо» и «хорошо». Я хочу лишь сказать, что в эту эпоху в стране происходил беспрецедентный в истории человечества подъем многих миллионов людей из самых низов общества в мастера, инженеры, учителя, врачи, артисты, офицеры, ученые, писатели, директора и т.д. и т.д. Не играет роли проблема, могло бы или нет нечто подобное произойти в России без сталинизма. Для участников процесса это фактически происходило во время сталинизма и, казалось, благодаря ему. И на самом деле во многом благодаря ему. Вот эти миллионы людей, вовлекавшие в сферу своих переживаний миллионы других, и явились опорой и ударной силой сталинизма. Конечно, не только реальные успехи людей, но и иллюзии играли тут роль. Но иллюзии не на счет марксистских сказок (в них верили мало), а насчет очень простых вещей: улучшения бытовых условий и душевных отношений между людьми. Для меня и многих моих сверстников отдельная койка с чистыми простынями и трехразовое регулярное питание казались пределом мечтаний. Хотя многие из нас не верили в марксистские сказки и понимали суть реального коммунизма, но и у нас были надежды на эту отдельную койку и сытный обед. Эти надежды пересиливали наше негативное отношение к нарождающемуся обществу. Хотели мы этого или нет, они связывались с именем Сталина. При оценке личности

надо учитывать не только ее субъективные качества, но и то, как она отображается в сознании окружающих. А Сталин в сознании окружающих отображался не только и не столько как мерзавец, сколько как символ этого великого процесса. Это была серьезная история, а не просто насилие кучки жестоких злоумышленников над добрым и обманутым народом. Народ обманут не был. Не забывайте, что в самих массовых репрессиях сталинских времен, в которых пострадали миллионы простых людей, принимали активное участие миллионы других простых людей, причем, одни и те же люди часто играли роль палачей и жертв. Эти репрессии тоже были проявлением самодеятельности широких масс населения. И теперь трудно выяснить, чья доля в них больше — доля высших злоумышленников во главе со Сталиным или доля этих широких якобы обманутых масс населения. Чтобы покончить с этой темой, выскажу еще одну еретическую мысль: жертвы сталинизма — это лишь половина правды о нем. Есть другая половина, а именно та, что жертвы были помощниками и соучастниками своих палачей. Жертвы были адекватны породившей их эпохе. Ужас эпохи становления коммунизма состоит не столько в факте жертв, сколько в том, что получает преимущества, отбирается и выживает тип человека, готового пойти на жертвы и сделать своими жертвами других людей. Сталин был ярчайшим выразителем этой психологической революции. Мне кажется, что сталинские репрессии принесли Сталину больше божественного почитания, чем его неуклонная политика ежегодного копеечного снижения цен на продукты питания.

Сталин был преемником Ленина, а сталинизм — преемником ленинизма. Есть различные мнения об их

взаимоотношениях. Одни говорят, что Сталин был верным учеником и продолжателем дела Ленина. Другие говорят, что Сталин был изменой делу Ленина. Думаю, что те и другие по-своему правы. Но тут есть иной разрез понимания, который более существен для оценки Сталина и сталинизма. Я различаю две струи в том потоке жизни, который пронесся в Советском Союзе в результате революции, а именно — струю конкретно-историческую и струю общесоциологическую. В первой из них люди влезали на броневики, размахивали маузерами, захватывали телефонные станции, ставили к стенке, носились с шашкой наголо и с криками «ура»... Это было на виду. В другой струе в это время тихо и незаметно зрело новое дитя — будущее коммунистическое общество. Оно зрело самым прозаическим образом: создавались бесчисленные конторы и должности, рос и дифференцировался аппарат власти, запуская свои щупальца во все клеточки общества, присваивались чины, распределялись жизненные блага... Когда лавина драматической истории унеслась в прошлое, и поднятая ею пыль осела, стало ясно, ради чего на самом деле произносились речи, сверкали клинки, гремели крики «ура». Реальное новое общество с его дотошной системой власти и управления уже родилось и выдвинуло на арену истории своих подлинных деятелей. Так вот, Ленин и его гвардия представляли первую струю процесса, а Сталин со своими сообщниками — вторую. Почему-то, говоря о Ленине, считают уместным слово «гвардия», а говоря о Сталине, употребляют слово «сообщники». С именем Ленина связан лишь предреволюционный период истории партии и период физического выживания страны с младенцем нового общества во чреве. С именем

Сталина связано становление нового общества, превращение слабого зародыша в могучее зрелое существо. Могучее, подчеркиваю, не обязательно хорошее.

Крокодил, как известно, силен, но приятности в нем мало, если не считать того, что его шкура годится на дамские сумочки. Ленин есть предыстория реального коммунизма. Реальная же, собственная история коммунизма начинается со Сталина. Именно этим, а не отрицательными личными качествами, объясняется победа Сталина и его сообщников (не гвардии, конечно) над Троцким, Зиновьевым, Бухариным и прочими болтунами из ленинской гвардии (само собой разумеется). Дело тут не в уме одних (Сталин, говорят, был куда глупее Троцкого) и в глупости других (Троцкий, говорят, был куда умнее Сталина). Дело в стечении обстоятельств. Дело в том, какие социальные силы выходили на арену истории и захватывали инициативу в миллионах клеточек жизни гигантского общества. Сталинизм, а не ленинизм есть наиболее полное проявление сути коммунизма. Ленинизм есть лишь подготовка к сталинизму, есть лишь зародыш его, а еще точнее — лишь место, в котором зрел зародыш. И его постигла участь, какую он и заслужил исторически. Между прочим, мне недавно довелось перечитать некоторые сочинения упомянутых выше противников Сталина. Я не заметил абсолютно никаких интеллектуальных преимуществ их перед Сталиным. Я не хочу этим сказать, что Сталин был умен. Я хочу этим сказать лишь то, что его противники не были умнее его.

Раз уж речь зашла об уме, самое время сказать несколько слов о Сталине как теоретике. Общеизвестно, что Сталин, якобы, вульгаризировал марксизм. Но

поставьте такой вопрос: что нового внесли советские философы в марксизм после смерти Сталина, если отбросить их безудержное словоблудие и всяческие пустячки? Попробуйте беспристрастно ответить на этот вопрос, и у вас, может быть, зародится сомнение в уместности тут слова «вульгаризация». Конечно, тут имела место какая-то вульгаризация отдельных мыслей основоположников марксизма. Но только ли это? И вульгаризация ли это на самом деле? О вульгаризации можно говорить, если первоисточники представляют собою вершины (или глубины?) премудрости. Но если рассмотреть эти первоисточники доскональным образом с точки зрения строгих научных критериев, то обнаружится, что и вульгаризировать-то нечего было. Было что очищать от словесной шелухи. Было кое-что, чему можно было придать удобоваримый вид, пересказав нормальным человеческим языком. Но вульгаризировать? Я не знаю, был ли Сталин сам автором приписываемых ему сочинений. Но одно я знаю определенно: сочинения Сталина и явились той живой мышью, которую родила гора текстов марксизма. Из последних для нужд великой идеологической революции, происходившей в стране, просто нельзя было выжать больше. А в качестве идеологических текстов, рассчитанных на миллионные массы населения с очень низким культурным уровнем, сталинские сочинения были наилучшими из всего того, что было написано в марксизме. Приписываемая Сталину работа «О диалектическом и историческом материализме» на самом деле явилась вершиной марксизма как идеологии, фактически до сих пор в Советском Союзе в основе всей идеологической работы так или иначе лежат результаты идеологической революции, осуществленной, по крайней мере, именем

Сталина. Если хотите постичь самое глубинное содержание марксистского учения, прочитайте сочинения Сталина. Это нелепая иллюзия, будто в марксизме еще остались некие интеллектуальные высоты и тонкости, замолчанные или искаженные вульгаризаторами, будто существует некий истинный марксизм, не имеющий ничего общего с мрачными явлениями его в качестве государственной идеологии коммунистического общества. Конечно, в сочинениях основателей марксизма есть кое-что, что может быть истолковано как явление высокой духовной культуры. Но это «кое-что» не есть специфический продукт марксизма. Это заимствовано у предшественников и современников, главным образом — в форме их погромов. Кстати сказать, погромы своим противникам, которые учиняли Маркс, Энгельс и Ленин в своих сочинениях, послужили своеобразной подготовкой для сталинских погромов в реальном коммунистическом обществе, победившем под идеологическим знаменем марксизма. Сталин был самым подлинным и верным марксистом. Когда ему отводят роль дьявола в сонме ангелов марксизма, то тем самым не очищают некий светлый марксизм от черных пятен сталинизма, а лишь стремятся спрятать подлинную суть марксизма, с поразительной полнотой и ясностью раскрытую Сталиным и его соратниками.

В сталинский период сложились все органы тела коммунизма и четко определились их функции, были выработаны все ритуалы и образцы поведения. После смерти Сталина произошли, конечно, некоторые изменения. Хрущев, например, ударился в несвойственную Сталину ужасающую болтливость и начал мотаться по белу свету. Но образ Сталина все равно довлел над его сознанием. Брежнев претендует на

роль второго Ильича. По болтливости и по склонности к путешествиям он превзошел Хрущева, хотя по ораторским данным ему более подошел бы сталинский вариант. Но не требуется быть специалистом по психоанализу, чтобы заметить, что образ Сталина смолоду овладел душой Брежнева. Конечно, Хрущев пошел на разоблачение ужасов сталинизма, а Брежнев не отваживается на массовые репрессии даже против диссидентов, неслыханных в сталинские времена. Но есть ли это их личные качества? Антисталинистские настроения появились в стране и в партии задолго до хрущевского доклада. Последний в большей мере был итогом предшествующей истории, чем началом новой. Он был вехой в новой истории, а не движущей причиной. Движущие причины остались скрытыми. О них не хотят говорить даже диссиденты. Брежневский же «либерализм» также не есть личная его черта. Это — прочное завоевание господствующих слоев советского общества, которые лишь после смерти Сталина (т.е. с окончанием сталинского периода) почувствовали себя в безопасности.

В Советском Союзе официально считалось, что в сталинские времена нарушались нормы партийно-государственной жизни, но что с этим было покончено. По этому поводу раздаются критические голоса. «Ничего подобного! — вещают эти голоса. — Упомянутые нормы всегда нарушались!» Эти голоса считают, что если в стране плохо, так значит нормы нарушаются. Но как официальная точка зрения, так и ее критика в данном случае лишены смысла. Дело не в том, соблюдаются или нет нормы, а в том, что из себя представляют сами эти нормы. А эпоха сталинизма была эпохой изобретения и утверждения этих норм. Дело

обстояло не так, будто уже были некие нормы, когда пришел Сталин со своей бандой и начал нарушать их. Когда пришел Сталин, никаких норм таких еще не было. Они рождались и утверждались в том страшном процессе, который лишь впоследствии был истолкован как их нарушение. Нельзя было нарушить то, чего еще не было. Просто процесс становления общества имеет свои нормы, в соответствии с которыми вырабатываются нормы возникшего общества. Весь сталинский период проходил в точном соответствии с первыми.

Сталин был адекватен породившему его историческому процессу. Не он породил этот процесс, но он наложил на него свою печать, дав ему свое имя и свою психологию. В этом была его сила и его величие. Не исключено, что молодежь еще будет когда-нибудь тосковать по сталинским временам. Народ (тот самый, якобы обманутый и изнасилованный) уже тоскует и встречает упоминание его имени аплодисментами.

Александр Зиновьев

ОТ АВТОРА

Сталин — фигура историческая. Так к ней и надо относиться. Для личностей, подобных ему, рамки нашей любви и ненависти тесны. Если бы мы признавали

нелепость столь обычных чувств в применении к этой фигуре, сколько чернил было бы сэкономлено, сколько умственных усилий было бы применено более достойно. Сталин сказал в конце жизни: «На мою могилу нанесут много мусора, но ветер истории его безжалостно развеет». Поставив себе задачу прочитать все (это было необходимым условием для того, чтобы сделать эту книгу) о Сталине, я понял, о чем он говорил. Все, что продиктовано исключительно любовью и ненавистью — это и есть мусор. Редко, правда, находились люди, сознание которых не застили эти чувства, и которые могли наблюдать Сталина с трезвым удивлением, видеть в каждом его действии и даже жесте соответствие той исторической обстановке, в которой они были сделаны. Таких людей, повторю, оказалось мало. Однако и в мусоре попадалось нечто полезное. По зернышку собралось то, что может дать представление о живом Сталине. Говорить о том, ужасен он или велик, не моя задача. Мне просто хотелось угадать, как он выглядел в столкновении с мелкими и более значительными обстоятельствами, которые предлагает нам каждый новый день. Как он выходил из ситуаций, которые составляют суть обыденной, повседневной жизни. Как он любил и ненавидел, как он ел и пил, какими болезнями страдал. Какого именно роста был, в конце концов. Короче, каков был Сталин в жизни.

Задача эта не казалась мне примитивной после того, как я узнал об одном убеждении авторитетного нынешнего историка Арнольда Дж. Тойнби. Он полагает, что «будь у Клеопатры нос на полдюйма длиннее и вся история пошла бы по другому пути».

Историю не переделать, но понимать ее необходимо. Сталин во многом ошибался. Например, в

том, что роль личности в истории ничтожна. Великая личность (это качество не обязательно бывает со знаком «плюс») непременно накладывает свой отпечаток на весь народ, на его характер, на его историческое поведение. И потому судить за историю народа только личность, в лучшем случае, примитивно. Когда-нибудь в этом вопросе разберутся глубже.

Да, история у нас, как наша состарившаяся деревенская мать. Нам и неловко может стать за нее в какой-нибудь праздничный день пред нарядными гостями. Но, если это умные гости, то они поймут, что только никчемный сын может стыдиться собственной матери...

НАЧАЛО. КАК ЗАКАЛЯЛСЯ СТАЛИН

Тайна даты рождения

Сталин (Джугашвили), Иосиф Виссарионович, родился 21 декабря 1879 года в городе Гори, Тифлисской губернии. Отец его — Виссарион Иванович, по национальности грузин, происходил из крестьян села Диди-Лило, Тифлисской губернии, по профессии сапожник, впоследствии рабочий обувной фабрики Адельханова в Тифлисе. Мать — Екатерина Георгиевна —

из семьи крепостного крестьянина Геладзе села Гамбареули.

Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. М., 1948. С. 5

1878 год. Родился 6 декабря, крестился 17-го, родители — жители города Гори крестьянин Виссарион Иванович Джугашвили и законная жена его Екатерина Георгиевна. Крестный отец — житель Гори крестьянин Цихитатришвили. Совершил таинство протоиерей Хахалов с причетником Квиникидзе.

Выписка из метрической книги Горийского Успенского собора

о рождении И. Джугашвили.

Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1990. № 11

В глаза бросается одна странность при сличении дат рождения И. В. Сталина в его официальной биографии и метрической книге. Они разные. Не могла бы уважаемая редакция объяснить, в чем тут дело...

Из письма читателя

Е. Миронова в журнал «Известия ЦК КПСС»

В связи с этим в журнале «Известия ЦК КПСС» № 11 за 1990 г. появился... ответ, подготовленный сотрудниками Общего отдела ЦК КПСС и ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС И. Китаевым, Л. Мошковым и А. Черневым.

В нем указывалось, что официальной датой рождения И. В. Сталина, согласно всем справочникам,

энциклопедиям и документам считается 21 декабря 1879 или 9 декабря 1879 г. по старому стилю. Вместе с тем, согласно метрической книге Горийской Успенской соборной церкви, зарегистрировавшей факт рождения Сталина, указано, что «у крестьян Виссариона Ивановича Джугашвили и его жены Екатерины Гавриловны (?) родился сын Иосиф — 6 декабря 1878 г., который был 17 декабря крещен, в этой же церкви».

Отмечая это расхождение в датах (и в годе и в числе месяца), авторы ответа совершенно правильно подчеркивают, что в *надежности церковной книги нельзя сомневаться*, тем более, что выписка из нее была подтверждена также в 1894 г. при выдаче Сталину аттестата об окончании Горийского духовного училища (кстати, в аттестате — круглые пятерки, в том числе и по поведению! Сталин кончил училище — первым учеником).

Естественно, что дата, указанная в метрике, повторена и в материалах Петербургского губернского жандармского управления, где было заведено дело на Сталина, и где, разумеется, запросили о нем сведения с места рождения.

Наконец, имеется собственноручно заполненная Сталиным анкета с вопросами об его биографии и адресованная ему шведской левой социал-демократической газетой «Фолькетс Дагблад Политикен» в 1920 г., где он сам написал дату своего рождения — 1878 г. Это, кстати, единственный документ, где дата проставлена рукой Сталина. Во всех остальных случаях, в материалах и анкетах съездов партии, начиная с VI, в партбилетах, в списках членов ЦК и т.п. дата рождения Сталина проставлена всюду рукой

соответствующего секретаря, регистратора или помощника, и всюду она только 1879 г.

Похлебкин В. В. Великий псевдоним. М.: Юдит, 1996. С. 109–110

К сожалению, имеющиеся материалы не позволяют с достоверностью утверждать, сознательно ли И.В. Сталин изменил дату своего рождения, и если да, то с какой целью. Возможно, ответы на эти вопросы будут найдены позднее (если такие ответы вообще существуют).

Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 121

Сталин, конечно, твердо помнил свой метрический год рождения и всюду, вплоть до 1920 г., указывал его верно. Но в партийных документах *после 1917 г.* — всюду фигурировал также 1879 г. Впервые эта дата появилась в материалах (анкетах) VI Съезда партии. У нас будет еще повод поговорить о сталинской склонности к мистике чисел. По грузино-персидскому счету цифра 5 была наделена магическим смыслом. Все, что было кратно 5 должно было приносить счастье, или сбываться. В 1917 г. наступало первое *пяtilетие* после 1912 г., «года свершений» для Сталина (с этого года начинается его активное участие в революции. — *Е. Г.*). Сталин верил, что в 1917 г. не только будет революция, но и в то, что она удастся и непременно победит.

<...>

И когда это действительно случилось, он еще более уверился и в своих марксистских знаниях и выводах, и в своей вере в счастливую «пятерку».

В связи с этим он мысленно окинул весь пройденный до революции путь, сверяя его с «пятилетками». В 1889 появилось издание «Вепхис ткаосани» («Тигровой шкуры», которому было суждено помочь ему в выборе «крепкого» псевдонима (издателем знаменитой поэмы Руставели был некто Сталинский, и Похлебкин В. предполагает, что это могло повлиять на выбор псевдонима Сталин. — *Е. Г.*), и ему было в это время *ровно 10 лет*, в 1899 г. его исключили из семинарии и он стал профессиональным революционером, и ему исполнилось в это время *ровно 20 лет*. Следовательно, гораздо правильнее вести отсчет с 1879 г., а не формально с 1878 г. Ибо от 1879 г. его отделяет только несколько дней конца декабря, и, если бы не случайность, и мать доносила бы его еще неделю, то он и формально, и фактически, родился бы в 1879 г. Ведь, когда его спрашивали о том, сколько ему лет, он считал не формально, а реально и в этом счете одна — полторы недели не имели значения. *Ведь фактически его жизнь начиналась не с почти полностью прошедшего 1878 г., а с начавшегося 1879 г.* Вот почему он всегда приводил в России только эту дату и решил после 1917 г. окончательно придерживаться ее, как реальной, а не «догматической» каким являлся 1878 г. И когда он, вопреки уже принятому им правилу, в 1920 г. указал 1878 г., то это было сделано потому, что дата эта указывалась для заграницы, где, как прекрасно знал Сталин, господствовали страшно бюрократические и формальные взгляды и где отход от даты в метриках был бы признан сенсационным. Так вот, чтобы не

«раздражать» западных чистоплюев педантичности, Сталин «бросал» им «кость» — формальный год своего рождения, а не фактический, каким был 1879 г., ибо только с него недельный младенец начал свою жизнь *и только 1879 г. был первым полным годом его реальной жизни*. Здесь снова проявилась жгучая нелюбовь Сталина к формализму, к догматике и его стремление рассматривать все явления под углом здравого смысла и целесообразности. Но объяснять это кому-либо он просто не стал. Он знал, что это — лишнее, что это в конце концов никого не касается, кроме него, а он может поступать в отношении себя самого и своей жизни так, как считает правильным. Тем более, что фактически *указание на 1879 г. правильно — оно отражает реальное число прожитых им лет*, а реальное число лет важнее, чем формальная дата. Только тогда получается верный счет!

Таким образом, мы видим, что существует вполне ясное, понятное, логичное и правдоподобное объяснение того, почему официальная дата рождения И.В. Сталина указывалась в СССР как 1879 г., а не 1878 г., как в метрике, и по каким причинам Сталин сам «поправил» эту дату.

Похлебкин В. С. 113–115

Джугашвили (джуга — по-древнегрузински сталь).

Красиков С. П. Возле вождей. М.: Современник, 1997. С. 76

Вот что писал по этому поводу в 1990 г. в ответ на мой запрос видный грузинский писатель-драматург Кита

Михайлович Буачидзе, кстати, бывший узник сталинских концлагерей, человек замечательной стойкости и глубокой культуры, сохранивший в самых тяжелых условиях порядочность, высокий интеллект и несколько не растерявший и не разменявший от превратностей судьбы свою образованность.

«Дорогой Вильям Васильевич!

Вы — интереснейший человек, с которым даже заочно-эпистолярное знакомство доставляет истинное удовольствие. Я говорю это потому, что благодаря Вашей дотошности и научной добросовестности, мне, наконец, удалось выяснить то, чего мы, грузины, к стыду своему, до сих пор не знали. «Джуга» означает вовсе не «сталь», как я Вам сообщал прежде, поскольку это было, так сказать, как бы известное, расхожее мнение. «Джуга» — это очень древнее языческое грузинское слово с персидским оттенком, вероятно, распространенное в период иранского владычества над Грузией, и означает оно просто имя. Значение, как у многих имен — не переводимо. Имя как имя, как русское Иван. Следовательно, Джугашвили — значит просто «сын Джуги» и ничего другого. Выходит, что Вы правы — к происхождению псевдонима «Сталин» его первоначальная, природная фамилия никакого отношения не имеет.

Искренне Ваш Кита Буачидзе,
селение Парихнади, февраль 1990 г.»

Похлебкин В. С. 71–72

Под знаком Стрельца

...Перед тем как родился Сталин, у его матери (которую я имел счастье знать и неоднократно бывать у нее) первенцем был Михаил, умерший в возрасте одного года. Потом родился Георгий, тоже умерший в младенчестве от тифа. И первого и второго крестил мой дед. А когда родился третий ребенок — Иосиф, — Екатерина Георгиевна ему сказала: «Ты, конечно, человек очень добрый, но рука у тебя тяжелая. Так что извини меня, ради Бога, Иосифа покрестит Миша». Забыл его фамилию... Маленький Сталин тоже переболел тифом, но все-таки выжил.

Г. Эгнатошвили (кремлевский охранник Сталина).

Цит. по: *Логинов В.* В тени Сталина. М.: Современник, 2000. С. 18

Родившиеся под знаком Стрельца обладают необыкновенным сверхзнанием высокой духовной природы, неукротимой и буйной энергией, сметающей все на пути диктата, успеха и власти.

Красиков С. С. 76

Место, где родился Сталин, оставлено так, как и выглядело раньше, только закрыто огромным шатром для защиты от непогоды. Верх этого шатра сделан из цветного стекла. Сталин родился в крошечном

одноэтажном домике, построенном из оштукатуренных камней, с двумя комнатами и верандой по всему фасаду. И все же семья Сталина была так бедна, что все теснились в половине дома, в одной комнате.

Стейнбек Дж. Русский дневник. М.: Мысль, 1989. С. 109

Стол, четыре табуретки, кровать, небольшой буфет с самоваром, настенное зеркало и сундук с семейными пожитками — вот и вся его обстановка. На столе — медная керосиновая лампа. Белье и посуда хранились в открытых стенных шкафах. Винтовая лестница вела в подвальное помещение с очагом, на котором Екатерина, должно быть, готовила пищу. Бесо (прозвище отца. — *Е. Г.*) держал здесь кожу и сапожный инструмент. Из мебели были некрашеная табуретка да колыбель Сосо (уменьшительное от Иосиф. — *Е. Г.*).

Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879—1929. М.: Прогресс, 1990. С. 75

Через дверь протянут шнур, но каждый может заглянуть внутрь, увидеть кровать, небольшой платяной шкаф, маленький стол, самовар, кривую лампу. В этой комнате семья жила, готовила еду и спала.

Стейнбек Дж. С. 110

Уездный городок Гори значился среди примечательных мест России, включенных во всемирно известный путеводитель Бедекера.

Яковлев Н. Н. *Сталин: путь наверх. М., 2000. С. 17*

В источниках XIX столетия Гори — живописный городок, раскинувшийся на берегу Куры у подножия высокого холма с крепостью на вершине. Максим Горький, посетивший Гори в 90-е годы во время одного из своих длительных скитаний, обнаружил в этих местах сильный колорит «какой-то обособленности и дикой оригинальности». В очерке для газеты своего родного Нижнего Новгорода он описывал их...

Такер Р. С. 75

Городок в устье реки Куры невелик — с порядочную деревеньку. Посреди — высокий холм. На холме крепость. На всем колорит какой-то дикой оригинальности: знойное небо над городом, буйные шумные воды Куры, неподалеку горы, в них пещерный город и еще дальше горы Главного хребта, осыпанные нетающим снегом...

Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 4. С. 302

На родине Сталина солнечные лучи падают на землю почти отвесно. От света к тени нет перехода. Или — или. Или свет — или тень. Третьего не дано.

Дмитриевский С. Сталин. Берлин, 1932. С. 8

Такие картины природы окружали Сосо Джугашвили в детстве. <...>

Гори (что по-грузински означает «холм») расположен в гористой местности на востоке Грузии, примерно в 45 милях к северо-западу от Тифлиса. В те времена он являлся уездным центром Тифлисской губернии. На протяжении всей истории его неоднократно разрушали землетрясения. В прошлом один из пунктов караванного пути, этот город стал станцией главной железнодорожной линии, построенной в 1871 г. и соединившей черноморский порт Поти с Тифлисом. К моменту рождения Сосо город насчитывал 8—9 тыс. жителей.

Такер Р. С. 75

В долинах и горах Кавказа удержались брызги человеческого потока, переливавшегося в течение столетий из Азии в Европу. Отдельные племена и группы как бы застыли здесь в своем развитии, превратив Кавказ в гигантский этнографический музей.

Троцкий Л. Сталин. Опыт политической биографии. Т. 1. Нью-Йорк, 1985. С. 217.

(Далее цит.: *Троцкий Л.*)

Грузия была христианской уже тогда, когда Франция, Германия и Англия были еще языческими. Христианские предания, рассказываемые здесь, имеют восточный оттенок.

Стейнбек Дж. С. 108

...Англия на протяжении 200 лет, еще со времен Екатерины, опасалась выхода России к югу от Кавказа. Поэтому ее естественным союзником здесь была Турция. После присоединения Грузии к Российской империи (как считают грузины, обманным путем, в нарушение Георгиевского трактата) и последующей ее колонизации сама Грузия стала тайным, потенциальным союзником Англии и Турции против России.

Множество восстаний грузин было подавлено русскими войсками. В начале XIX века в одном из них участвовал прадед Сталина Заза Джугашвили...

Иванов Я. Еще одна загадка Сталина // Независим. газета. 1996. 21 дек.

Родители

О его предках известно немного. Прадед по отцу, по имени Заза Джугашвили, в начале XIX века участвовал в крестьянском восстании против русских и затем нашел убежище в деревне Диди-Лило близ Тифлиса. Его сын Ваню развел в этой деревне виноградник, и здесь у Ваню родился сын Виссарион, по прозвищу Бесо. После смерти отца Бесо поселился в Тифлисе и нашел работу на кожевенном заводе Адельханова, где обучился сапожному ремеслу. Через некоторое время некий Барамов открыл в Гори сапожную мастерскую, и среди нанятых им на работу был и Джугашвили. В Гори Бесо познакомился и вступил в брак с Екатериной Геладзе, из

семьи бывших крепостных, проживавших в соседнем селении Гамбареули. После отмены в Грузии в 1864 г. крепостного права (на три года позднее, чем в самой России) семья Геладзе переселилась в Гори. Тогда Екатерине было 9 лет, когда же родился Сосо, ей было немногим более двадцати, к тому времени она уже похоронила троих детей.

Такер Р. С. 75–76

17 мая сочетались браком: временно проживающий в Гори крестьянин Виссарион Иванович Джугашвили, вероисповедания православного, первым браком, возраст — 24 года; и дочь покойного горийского жителя крестьянина Глаха Геладзе Екатерина, вероисповедания православного, первым браком, возраст — 16 лет.

Выписка из книги бракосочетаний г. Гори за 1874 г.

Полуграмотные родители из крестьян (потомки крепостных) были бедны и жили в небольшом, взятом в аренду домике на окраине Гори, в так называемом русском квартале, рядом со старыми русскими армейскими бараками.

Такер Р. С. 75

Грузинские эмигранты в Париже заверяли Суварина, автора французской биографии Сталина, что мать Иосифа Джугашвили была не грузинкой, а осетинкой, и что в жилах его есть примесь монгольской крови. В противоположность этому некий Иремашвили, с которым нам предстоит еще встретиться в дальнейшем,

утверждает, что мать была чистокровной грузинкой, тогда как осетином был отец, «грубая, неотесанная натура, как все осетины, которые живут в высоких кавказских горах». Проверить эти утверждения трудно, если не невозможно. Вряд ли, однако, в этом есть необходимость для объяснения моральной фигуры Сталина.

Троцкий Л. С. 219

Я заметила, что глаза у нее — светлые, на бледном лице, покрытом веснушками, и руки покрыты тоже сплошь веснушками. Голова была повязана платком, но я знала, — это говорил отец, — что бабушка была в молодости рыжей, что считается в Грузии красивым.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу: Сборник. М.: ЗАХАРОВ, 2000. С. 180

Полностью отождествлял себя Сосо только с матерью. Согласны мы или нет с утверждением, что он усвоил ее образ мыслей и черты характера, не вызывает, однако, сомнения тот факт, что он питал глубокую привязанность к матери, которая сильно повлияла на формирование его личности. Суть такого влияния раскрыл Фрейд, заметивший, что «мужчина, который был безусловным фаворитом своей матери, на всю жизнь сохраняет чувство победителя, ту самую уверенность в успехе, которая часто и приносит настоящий успех».

Такер Р. С. 79–80

Судя по тому, что я слыхала о ней от людей, знавших ее, да и по выражению губ ее и глаз на многочисленных фотографиях, была она до крайности работающей и педантичной во всех своих делах и в силу того не слишком чувствительной к забавным сторонам жизни. Виссарион Иванович именно потому и привлекся к ней, считая ее особо пригодной для ухода за семейным очагом.

Г. Я. Джугашвили (внучка Сталина). Дед, отец, Ма и другие. М.: Олимп, 1993. С. 15

Низший слой мелкой буржуазии знает две высокие карьеры для единственных или одаренных сыновей: чиновника и священника. Мать Гитлера мечтала о карьере пастора для сына. С той же мыслью носилась, лет на десять раньше, в еще более скромной среде, Екатерина Джугашвили. Сама эта мечта увидеть сына в рясе показывает, кстати, насколько мало была проникнута семья сапожника Бесо «пролетарским духом».

Троцкий Л. С. 219

...Она не поколебалась ни минуты, чтобы сказать своему сыну, ставшему потом главой государства, с чисто материнской бестактностью и безапелляционностью: «А жаль все-таки, что ты не стал священником!» То, чем он стал, ее не интересовало. Он не стал служить Богу, как она этого хотела. Сын был восхищен ее непреклонностью. Но вспоминал также: «Как она меня била! Ай-яй-яй, как она меня била!» И в этом, по-видимому, был для него знак ее любви.

Аллилуева С. С. 209

В возрасте пяти лет он перенес тяжелую оспу, едва не стоившую ему жизни и оставившую многочисленные шрамы на его лице.

Ноймайр А. *Диктаторы в зеркале медицины.* Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 446

У медиков имеется немало оснований предполагать, что в довольно раннем возрасте вождь перенес инсульт, после которого у него значительно уменьшилась левая лобная доля мозга, в которой локализируются высшие психические функции. Именно этим многие исследователи объясняют своеобразие сталинского юмора, приводившего в ужас даже самых ближайших людей его окружения.

Красиков С. С. 179–180

До 11 лет не говорил по-русски.

Фельштинский Ю. *Вожди в законе.* М.: Terra-Книжный клуб, 1999. С. 3

(Далее цит.: *Фельштинский Ю.*)

Она всячески выражала свою привязанность к нему, привила ему постоянное стремление к успеху, который не выпал на ее долю. В результате у Сосо сформировались «чувство победителя» и «уверенность в успехе», о которых говорил Фрейд.

У бабушки были свои принципы — принципы религиозного человека, прожившего строгую, тяжелую, честную и достойную жизнь. Ее твердость, упрямство, ее строгость к себе, ее пуританская мораль, ее суровый мужественный характер — все это перешло к отцу.

Стоя у ее могилы, вспоминая всю ее жизнь, разве можно не думать о Боге, в которого она так верила?

Аллилуева С. С. 180

От Е. Я. Джугашвили (внук Сталина. — Е. Г.) я узнал, что в 1922 году, когда Сталин и Орджоникидзе приезжали в Грузию, к Сталину подошла его мать и спросила: «Сынок, на твоих руках нет царской крови?» «Вот тебе крест, истинно нет!» — ответил Сталин и на глазах у всех перекрестился. Изумленному Орджоникидзе он сказал: «Она же верующая! Дай Бог, чтоб наш народ так поверил в марксизм, как она в Бога!»

Чуев Ф. И. Молотов: Полудержавный властелин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 245.

(Далее цит.: Чуев Ф.)

Она так и не захотела покинуть Грузию и приехать жить в Москву, хотя отец звал ее, и мама тоже. Ей был не нужен столичный уклад жизни, она продолжала свою тихую, скромную жизнь простой набожной старухи. Умерла она в 1936 году около восьмидесяти лет. Отец

очень огорчился и часто говорил о ней позже. Но он был плохим, невнимательным сыном, как и отцом, и мужем...

Аллилуева С. С. 141

Я нашел в его архиве присланный ему из Тбилиси жалкий список вещей, оставшихся после ухода матери владыки полумира. Она прожила жизнь нищей и одинокой. Такой и умерла. После ее смерти вернулись обратно и его письма, которые она сохранила.

Радзинский Э. *Сталин. М., 1997. С. 413*

«Здравствуй мама — моя!

Как живешь, как твое самочувствие? Давно от тебя нет писем, — видимо, обижена на меня, но что делать, ей богу очень занят.

Присылаю тебе сто пятьдесят рублей, — больше не сумел. Если нужны будут деньги, сообщи мне, сколько сумею пришлю. Привет знакомым».

Сталин — Е. Г. Джугашвили. 25 апреля 1929 г.

(Здесь и далее переписка Сталина цит. по: Иосиф Сталин в объятьях семьи. Из личного архива: Сб. документов. М.: Родина, 1993).

«Здравствуй мама — моя!

Письмо твое получил. Получил также варенье, чурчхели, инжир. Дети очень обрадовались и шлют тебе благодарность и привет».

Сталин — Е. Г. Джугашвили. 24 марта 1934 г.

Я вспомнила, как в 1934 году Яшу, Василия и меня послали навестить бабушку в Тбилиси, — она болела тогда...

Аллилуева С. С. 179–180

«Маме — моей — привет!

Присылаю тебе шаль, жакетку и лекарства. Лекарства сперва покажи врачу, а потом прими их, потому что дозировку лекарства должен определять врач».

Сталин — Е. Г. Джугашвили. Май 1937 г.

«Несколько раз мы были у бабушки. Бабушка мне очень понравилась. Я ее полюбила и еще к ней поеду».

С. Аллилуева — Сталину. Июнь 1935 г.

Она жила в каком-то старом красивом дворце с парком. Она занимала темную низкую комнату с маленькими окнами во двор.

Аллилуева С. С. 123

Мы (журналисты «Правды». — *Е. Г.*) пришли в гости к матери Иосифа Виссарионовича Сталина. Три дня назад — 17 октября — здесь был Сталин. Сын. 75-летняя мать Кеке (домашнее имя матери Сталина. — *Е. Г.*)

приветлива, бодра. Она рассказывает нам о незабываемых минутах.

— Радость? — говорит она. — Какую радость испытала я, вы спрашиваете? Весь мир радуется, глядя на моего сына и нашу страну. Что же должна была испытать я — мать?

Мы садимся в просторной светлой комнате, посередине которой — круглый стол, покрытый белой скатертью. Букет цветов. Диван, кровать, стулья. Над кроватью — портреты сына. Вот он с Лениным, вот молодой, в кабинете...

— Пришел неожиданно, не предупредив. Открылась дверь — вот эта — и вошел, я вижу — он. Он долго целовал меня и я тоже. — Как нравится тебе наш новый Тифлис? — спросила я. — Он сказал, что хорошо вспомнил о прошлом, как жили тогда. Я работала поденно и воспитывала сына. Трудно было. В маленьком темном домике через крышу протекал дождь и было сыро. Питались плохо. Но никогда, никогда я не помню, чтобы сын плохо относился ко мне. Всегда забота и любовь. Примерный сын! <...>

Мы прощаемся. Новый Тифлис бурлит, сверкает и цветет. А в памяти еще звучат слова матери:

— Всем желаю такого сына!

Правда. 1935. 23 окт.

Его мать никогда не приезжала к нему в Москву. Можно ли представить грузина, который, став царем, не позовет к себе свою мать? Он никогда не писал ей. Не приехал даже на ее похороны.

Н. Гоглидзе.

Цит. по: *Радзинский Э. С. 27*

В музее Сталина в Гори никак не хотели увеличить прекрасную — и единственную — фотографию отца вместе с его матерью при последнем посещении в 1936 году. Они сидят рядом за столом, очевидно, в ее комнате, и она держит руку на его плече, а у него такое счастливое, такое *любящее* выражение лица, какого я вообще никогда у него не видела!

Аллилуева С. С. 210

В 1936 году в возрасте восьмидесяти лет мать Сталина умерла.

Грей Я. *Сталин. М.: ИнтерДайджест, 1995. С. 21*

В ту осень в Грузии я думала о своей бабушке Екатерине. Она похоронена рядом с Грибоедовым на Давидовой горе в Тбилиси, возле церкви св. Давида. Там покой и красота, ничем не испорченные, ничем не опошленные.

Аллилуева С. С. 179

...Прежде всего бросается в глаза тот факт, что официально собранные воспоминания обходят почти полным молчанием фигуру Виссариона, сочувственно

останавливаясь в то же время на трудовой и тяжелой жизни Екатерины. «Мать Иосифа имела скудный заработок, — рассказывает некто Гогохия, — занимаясь стиркой белья и выпечкой хлеба в домах богатых жителей Гори. За комнату надо было платить полтора рубля». Мы узнаем, таким образом, что забота об уплате за квартиру лежала на матери, а не на отце. И дальше: «Тяжелая трудовая жизнь матери, бедность сказывались на характере Иосифа», — как если бы отец не принадлежал к семье. Только позже автор вставляет мимоходом фразу: «Отец Иосифа — Виссарион — проводил весь день на работе, шил и чинил обувь». Однако, работа отца не приводится ни в какую связь с жизнью семьи и ее материальным уровнем. Получается впечатление, будто об отце упомянуто лишь для заполнения пробела. Глурджидзе, другой товарищ по духовному училищу, уже полностью игнорирует отца, когда пишет, что заботливая мать Иосифа «зарабатывала на жизнь кройкой, шитьем и стиркой белья». Эти не случайные умолчания заслуживают тем большего внимания, что нравы народа далеко не отводили женщине руководящее место в семье.

Троцкий Л. С. 221

Он говорил, что она была умной женщиной. Он имел в виду ее душевные качества, а не образование, — она едва умела нацарапать свое имя. Он рассказывал иногда, как она колотила его, когда он был маленьким, как колотила и его отца, любившего выпить. Характер у нее был, очевидно, строгий и решительный, и это восхищало отца. Она рано овдовела и стала еще суровее...

Аллилуева С. С. 140–141

Сталин рассказывал о своем отце, что тот был сапожником и сильно пил. Так пил, что порою пояс пропивал. А для грузина пропить пояс — это самое последнее дело. «Он, — рассказывает Сталин, — когда я еще в люльке лежал маленьким, бывало, подходил, обмакивал палец в стакан вина и давал мне пососать. Приучал меня, когда я еще в люльке лежал». Об отце его не знаю, как сейчас в биографии Сталина написано. Но в ранние годы моей деятельности ходил слух, что отец его — вовсе не рабочий. Тогда придирались, кто какого происхождения. Если обнаруживалось нерабочее происхождение, то считался человеком второго сорта. И это было понятно. Самый революционный и самый стойкий — рабочий класс. Он выносил всю тяжесть борьбы на своих плечах и поэтому к другим классам и прослойкам общества, непролетарским, имел придирическое, не настороженное, а именно придирическое отношение. К таковым относились с большим недоверием.

Итак, говорили, что у Сталина отец был не просто сапожник, а имел сапожную мастерскую, в которой работало 10 или больше человек. По тому времени это считалось предприятием. Если бы это был кто-либо другой, а не Сталин, то его бы на партчистках мурыжили бы так, что кости трещали. А тут находились объяснения обтекаемого характера. И все-таки люди об этом говорили. Я этот факт здесь просто припоминаю. Он не служит поводом для каких-нибудь особенных выводов, ибо не имеет никакого значения. Я просто рассказываю, как тогда относились к такого рода вопросам.

Хрущев Н. *Время. Люди. Власть. М.: ИИК «Московские новости», 1999. Т. 2. С. 118*

По описаниям, Бесо Джугашвили был худощавым, с черными волосами, бородой и усами. Современники отмечали, что в молодости Сосо внешне очень походил на отца.

Такер Р. С. 80

Отец Сталина был сапожником по профессии и горьким пьяницей по репутации.

Слассер Р. *Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции. М.: Прогресс, 1989. С. 17*

Мастером он был знатным, сработанные им сапоги славились в Гори.

Яковлев Н. Н. С. 18

Достоверно известно, что Бесо был суровым, вспыльчивым человеком и большим любителем выпить. В конце концов он умер после драки в трактире. Екатерина и Сосо постоянно страдали от его побоев. В 1885 г., когда Сосо было пять лет, Бесо вернулся на фабрику Адельханова в Тифлисе, не порывая, однако, связи с семьей. Между тем Екатерина с трудом сводила концы с концами, работая прачкой, швеей и кухаркой в богатых домах Гори.

Такер Р. С. 80

У Виссариона Джугашвили вошло в привычку выбивать из маленького Иосифа его якобы упрямство, причем отец предпочитал воспитывать сына побоями преимущественно перед тем, как отправиться спать...

Ноймайр А. С. 331–332

Врач Н. Кипшидзе вспоминал рассказы Кэкэ: «Однажды пьяный отец поднял сына и с силой бросил его на пол. У мальчика несколько дней шла кровавая моча».

Радзинский Э. С. 413

Незаслуженные страшные побои сделали мальчика столь же суровым и бессердечным, каким был его отец. Поскольку люди, наделенные властью над другими благодаря своей силе или старшинству, представлялись ему похожими на отца, в нем скоро развилось чувство мстительности ко всем, кто мог иметь какую-либо власть над ним. С юности осуществление мстительных замыслов стало для него целью, которой подчинялись все его усилия

Иремашвили И. (однокашник Сталина по духовной семинарии). Сталин и трагедия Грузии. Берлин, 1931. С. 11–12

Отцовские избиения, вызывавшие у Иосифа ненависть и желание отомстить, подтверждаются и другими источниками, которые единодушно указывают на то, что отцовская «черная педагогика» не сломала, а,

напротив, закалила его и повысила способность к сопротивлению невероятным физическим и психическим нагрузкам, ожидавшим его в будущем.

Ноймайр А. С. 332

...Как-то он метнул нож в подступавшего с кулаками к матери отца.

Яковлев Н. Н. С. 18

Когда молодого Сталина впервые посадили в тюрьму за революционную деятельность, его отец Виссарион Джугашвили пришел к нему на свидание:

— Ты что, против царя пошел, да? Ты хочешь свергнуть Николая, да? — кричал он. — Ты что, хочешь на его место сесть, да?

Чуев Ф. С. 298

Когда примерно через год после этого инцидента Виссарион умер, Сосо, должно быть, сразу ощутил, что из его жизни исчезла зловещая тень. Однако к тому времени у мальчика уже обнаружили мстительность и озлобленность, характерные для его отца, которого он презирал. Та чуждая сила, которую олицетворял отец, каким-то образом стала сутью Сосо.

Такер Р. С. 79

Его отец и погиб в пьяной драке — кто-то ударил его ножом.

Аллилуева С. С. 140

Ранняя смерть отца не произвела на ребенка никакого впечатления. Он ничего не потерял со смертью человека, которого должен был называть отцом.

Иремашвили И. С. 11–12

В президентском архиве разъяснили: «Об отце Сталина никаких документальных материалов у нас нет».

Уму непостижимо: оказывается, никто никогда не видел даже фотографии отца вождя всех народов! <...> Когда умер, где похоронили — ведомо лишь Богу. Отсутствие официальных сведений — наверное, неспроста! — породило массу всевозможных слухов и легенд.

Зенькович Н. Н. *Тайны уходящего века-3. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 21.*

(Далее цит.: *Зенькович Н.*)

Именно в Грузии, и даже далеко от Гори и Диди-Лило, в маленькой деревеньке Анаклия, на берегу моря, в старой хижине, много лет назад я впервые услышала легенду о том, что Сталин не был сыном своего отца, а родился от местного князя, у которого мать Сталина служила горничной.

Васильева Л. Н. *Кремлевские жены. М.: Вагриус, 1992. С. 174.*

(Далее цит.: *Васильева Л.*)

Говорят, [Бесо] открыто называл ее чуть ли не старой проституткой. Дело в том, что Бесо жил в Тифлисе и не присылал им денег — все пропивал этот пьяница. Кэкэ должна была сама зарабатывать на жизнь, на учение сына — она ходила по домам к богатым людям, стирала, шила. Она была совсем молодая. Дальнейшее легко представить. Даже при его жизни, когда все всего боялись, люди говорили: «Сталин не был сыном неграмотного Бесо». Называли фамилию Пржевальского.

Н. Гоглидзе.

Цит. по: *Радзинский Э. С. 27*

Называли другие имена — двух или трех местных князей, богатого домовладельца — соседа. По счастью, эти версии хоть не лишили Катерину права материнства. Позднее, с легкого пера вошедшего в моду романиста, жертвами шарма рыжей матрасницы оказались уже и российские вельможи: царский наместник в Грузии князь Голицын (если то не был граф Воронцов), а также некая сановная персона непосредственно царского происхождения (отрывки из романа мне читали по телефону, и в эфирном стрекоте имя знатного лица съезжилось и утратило буквенный контур).

Джугашвили Г. С. 14

После смерти Сталина, когда исчез страх, стали называть еще несколько имен предполагаемых отцов — среди них был даже еврей-купец. Но чаще всех называли Якова Эгнаташвили. Это был богатый виноторговец,

любитель кулачных боев. И у него тоже работала Кэкэ. Недаром Яков Эгнаташвили платил за учение Сосо в семинарии. Говорили, что Сталин в его честь назвал Яковом своего первого сына... Я видел портрет этого богатыря-грузина. Нет, это совсем не тщедушный Сосо... Конечно, когда Бесо возвращался из Тифлиса, он узнавал все эти слухи. Может, поэтому он так бил маленького Сосо? И жену он бил смертно. И когда Сталин вырос — он, как всякий грузин, не мог не презирать падшую женщину. Оттого никогда не приглашал мать в Москву, не писал ей...

Н. Гоглидзе.

Цит. по: *Радзинский Э. С. 27*

Портниха Альбина (существо мистическое и суперсветское: серебряные черепа на пальцах, независимая прическа), провожая меня до дверей старой коммуналки с необъятными потолками, вдруг перешла на шепот и, как-то даже по-плебейски озираясь, сообщила (до того мы говорили о детях), что, по самым проверенным сведениям, подтвержденным «совершенно подлинными» документами, мой дед вовсе не сын Пржевальского и Катерины-матрасницы (о чем знает весь свет), а Пржевальского и некой грузинской княжны «очень, очень» знатного происхождения. Согласно тем же «совершенно подлинным» документам, страстный порыв, соединивший эту пару, был втиснут в жесткие пространственно-временные рамки какого-то (естественно, пышного) бала, а ребенок (батистовые пеленки, тончайшие кружева) вручен или подкинут злополучней Катерине. (...В бумагах Пржевальского «действительно существовали» пометки о деньгах,

переведенных Катерине Джугашвили.) Я тяну: «Да-а-а!..» — рассказчик удовлетворен и держит эффектную паузу. Он настроен на пикантный лад. Я подыгрываю, делаю большие глаза и всей фигурой выражаю крайнее изумление. Зачем отрывать его от маленьких радостей, задав невзрослый и скучный вопрос: «А почему Пржевальский не мог быть просто добрым человеком? Ну, видел, как Катерина с большим животом колотится на поденке. Может, перекинулся с ней двумя-тремя словами, нашел смышленной, пожалел и...» — «Да вряд ли, он был очень расчетлив, любой самый мелкий расход заносил в отдельную графу! Потом ведь и сходство».

Джугашвили Г. С. 13–14

Еще при его жизни, когда за любое не так сказанное слово о нем исчезали люди, свободно рассказывали, что он незаконный сын великого Пржевальского. Эти ненаказуемые рассказы могли быть только с высочайшего одобрения. В этом была не только ненависть Сталина к пьянице-отцу, но и государственный интерес. Он уже стал царем всея Руси и вместо неграмотного грузина-пьяницы захотел иметь знатного русского папашу. Но в Грузии согрешившая замужняя женщина — падшая женщина. Это родило грязные легенды о его матери...

И. Нодия.

Цит. по: *Радзинский Э. С. 27–28*

Бедная Катерина-поденщица, Катерина-матрасница! Знала ли она, моя чужие полы, стирая чужое белье, вскармливая грудью чужих младенцев, набивая чужие

матрасы, — какими коварными переливами зазмеется ее жесткие рыжие волосы в воображении людей, которые век спустя кинутся стоптанной пыльной дорогой «романтики для всех» к нелепой цели: сковать легендой того, кто не умер — один из всех рожденных ею детей...

Джугашвили Г. С. 14

В духовном училище

В 1890 году, очевидно вскоре после смерти отца, одиннадцатилетний Сосо вступил в духовное училище с ситцевой сумкой под мышкой. По словам товарищей, мальчик проявлял большое рвение в изучении катехизиса и молитв. Тот же Гогохия отмечает, что благодаря своей исключительной памяти Сосо запоминал уроки со слов учителя и не нуждался в повторении.

Троцкий Л. С. 222

В 1888 г. она определила Иосифа в училище, где вошли в бедственное положение семьи и установили ему стипендию — 3 рубля в месяц.

Яковлев Н. Н. С. 19

Сосо был одет не богато, но все на нем было чисто и аккуратно.

Гоглицидзе С. (преподаватель духовного училища).

РЦХИНДИ. Ф. 558, оп. 4, д. 665, л. 242

Вскоре после поступления маленького Сосо в училище, а именно, в 1889 г., когда Иосифу было 10 лет, произошло немалое для того времени событие в культурной жизни Грузии; в Тифлисе появилось необычное по тому времени издание произведения Шота Руставели «Тигровая кожа» в переводе на пять языков.

Неизвестно, мог ли видеть, тогда или немного позднее это издание ученик Джугашвили...

Похлебкин В. С. 73

В духовном училище Иосиф овладел русским языком, всю жизнь Сталина отличала абсолютная грамотность и четкий, почти каллиграфический почерк.

Яковлев Н. Н. С. 20

В годы обучения в горийской школе он был жизнерадостным, открытым и компанейским мальчиком...

Ноймайр А. С. 335

И еще: он умел подчинять. Он организовал компанию из самых сильных мальчишек, назвал их — «Три мушкетера». Петя Капанадзе, Церадзе, Гриша Глурджидзе — имена мальчиков, безропотно выполнявших все приказания малорослого дАртаньяна — Сосо.

Став Сталиным и уничтожив сподвижников революционера Кобы, он сохранит странную для него сентиментальную привязанность к друзьям маленького Сосо. В голодные годы войны он исправно посылает Пете, Мише и Грише немалые по тем временам деньги... «Прими от меня небольшой подарок. Твой Сосо», — нежно пишет 68-летний Сталин в очередной записочке 70-летнему Капанадзе. Эти записочки остались в его архиве.

Радзинский Э. С. 34

Любимой игрой Сосо был «криви» (коллективный ребячий бокс). Было две команды боксеров — те, кто жили в верхнем городе, и представители нижнего. Мы лупили друг друга беспощадно, и маленький тщедушный Сосо был одним из самых ловких драчунов. Он умел неожиданно оказаться сзади сильного противника. Но упитанные дети из нижнего города были сильнее...

М. Церадзе.

Цит. по: *Радзинский Э. С. 34*

...В первые годы учения Сосо был очень верующим, посещал все богослужения, пел в церковном хоре. Хорошо помню, что он не только выполнял религиозные обряды, но всегда и нам напоминал об их соблюдении.

Могулия В. Сталин в годы учебы в духовном училище // *Безбожник.* 1939. 21 дек.

В Горийском духовном училище Иосиф был в числе лучших учеников. «На уроках все его внимание было

обращено на то, чтобы не пропустить ни одного слова, ни одного понятия. Он весь был обращен в слух — этот в обычное время крайне живой, подвижный и шустрый Сосо» — так вспоминает Сталина его одноклассник. Тогда же, в 13 лет, он перестал верить в Бога, прочтя популярную статью об учении Дарвина. И тогда же в Горийском училище стали усиленно вводить русский язык как основной. За переход на грузинский строго наказывали — били кулаком или линейкой, ставили коленями на мелкие камешки.

Иванов Я. // Независим. газета. 1996. 21 дек.

Однажды, когда группа старших ребят отправилась с надзирателем училища за город, Сосо первым с разбегу перепрыгнул через широкий ручей, а когда один из учеников, встав посредине потока и подставив собственную спину вместо переходного мостика, помог боязливому надзирателю, Сосо проворчал: «Ишак ты, что ли? Я бы самому богу не подставил спину — не то что надзирателю».

Такер Р. С. 81

Глурджидзе вспоминает, в свою очередь, как тринадцатилетний Иосиф сказал ему однажды: «Знаешь, нас обманывают, бога не существует...» В ответ на изумленный возглас собеседника Иосиф порекомендовал ему прочесть книгу, из которой видно, что «разговоры о боге — пустая болтовня». «Какая это книга?» — «Дарвин. Обязательно прочти».

Троцкий Л. С. 223–224

Учился он прекрасно, но его отец, покойный муж мой Виссарион, задумал мальчика взять из школы, чтобы обучать своему сапожному ремеслу. Возражала я, как могла, даже поссорилась с мужем, но не помогло: муж настоял на своем.

Джугашвили Е. // Правда. 1935. 27 окт.

И учителя, и церковные служители посоветовали искавшей поддержки Екатерине смириться и, стремясь как-то ее успокоить, пообещали устроить Сосо в церковный хор экзарха Грузии в Тифлисе.

Такер Р. С. 79

Ты хочешь, чтобы твой сын стал митрополитом? Ты никогда не доживешь до этого, я сапожник, и он будет им, — часто говорил Бесо. Он попросту увез мальчика в Тифлис и определил на фабрику Адельханова: маленький Сосо помогал рабочим, прислуживал старикам. Но Кэкэ уже не боялась мужа — приехала в Тифлис и увезла сына. Беляев (инспектор училища. — *Е. Г.*) помог ей снова определить мальчика в училище.

С. Гоглицидзе.

Цит. по: *Радзинский Э. С. 37*

По словам бывшего соученика, учитель Илуридзе, часто пытавшийся «срезать» Сосо как вожака группы «детей нищих и несчастных», однажды попросил его назвать расстояние между Санкт-Петербургом и

Петергофом. Ответ был признан неправильным, но он продолжал настаивать на своем, а когда рассерженный учитель стал угрожать и требовать извинений, Сосо замолчал, а глаза его так и расширились от гнева.

Такер Р. С. 81

Для него высшая радость состояла в том, чтобы одержать победу и внушить страх... По-настоящему любил он только одного человека — свою мать. Как мальчик и юноша он был хорошим другом для тех, кто подчинялся его властной воле...

Иремашвили И. С. 5–6

Сосо Джугашвили оказался не по годам развитым, способным в учении, энергичным, физически подвижным ясноглазым ребенком, большим любителем всяческих забав. Обладая хорошим голосом, он пел в школьном хоре горийской церкви.

Такер Р. С. 79

По словам того же Иремашвили, Сосо вместе с двумя другими школьниками охотно пел в деревенской церкви во время летних каникул.

Троцкий Л. С. 222

Во время церковного поста пели трое. Это была Покаянная молитва. Певцы подбирались с лучшими голосами, и одним из них всегда был Сосо. Вечернее богослужение, три мальчика, облаченные в стихари, стоя

на коленях, распевают молитву... Ангельские голоса трех детей, открыты золотые царские врата, воздел руки священник — и мы, исполненные неземного восторга и павшие ниц...

Д. Сулиашвили.

Цит. по: *Радзинский Э. С. 33*

Особые приметы

Пережил он и свою долю мальчишечьих злоключений...

Такер Р. С. 77

В возрасте десяти лет он попал под автомобиль и 10 дней находился в состоянии комы. Из-за плохо обработанных ран у него произошло заражение крови и в результате всего этого левая рука перестала сгибаться в локте. Так, во всяком случае, выглядит данный эпизод в изложении самого Сталина. Выглядит это неправдоподобно уже хотя бы потому, что первый автомобиль был собран Даймлером только в 1885 году, и трудно себе представить, чтобы спустя всего четыре года подобная машина могла появиться на улицах заштатного грузинского городишки.

Ноймайр А. С. 331

В день Крещения возле моста через Куру собралось множество народу. Никто не заметил, как с горы мчался фаэтон, потерявший управление. Фаэтон врезался в толпу, налетел на Сосо, ударил дышлом по щеке, сшиб с ног, но, по счастью, колеса проехали лишь по ногам мальчика. Собралась толпа, на руках отнесли Сосо домой. При виде искалеченного мать не смогла сдержать вопль. Доктор объявил, что внутренние органы не повреждены. Через несколько недель он вернулся к занятиям.

С. Гоглицидзе.

Цит. по: *Радзинский Э. С. 36*

Сам Сталин официально объяснял «левосторонний паралич» руки несчастным случаем, который произошел с ним в детстве.

Ноймайр А. С. 446

Рука у него была нормальная, но ее держал вот так, какая-то операция, видимо, была в детстве. Он под фаэтон попал...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 362*

Заражение крови сказалось на его левой руке. Рука стала сохнуть и была чуть короче правой.

Грей Я. С. 22

Для армии Сталина забраковали в 1916 году.

— Сочли, я буду там нежелательным элементом, — говорил он нам, — а потом придрались к руке.

Левая рука Сталина плохо сгибалась в локте. Он повредил ее в детстве. От ушиба на руке началось нагноение, а так как лечить мальчика было некому, то оно перешло в заражение крови. Сталин был при смерти.

— Не знаю, что меня спасло тогда, здоровый организм или мазь деревенской знахарки, но я выздоровел, — вспоминал он.

Но след от ушиба на руке остался на всю жизнь...

Аллилуева А. С. (сестра жены Сталина).
Воспоминания. М., 1946. С. 29

Профессор Плетнев, неоднократно имевший возможность лично наблюдать эту руку, считал это укорочение и функциональное ограничение последствием перенесенного в детстве инфекционного заболевания, возможно, полиомиелита, то есть детского паралича. Лишь после смерти Сталина его дочь Светлана сообщила, что причиной укорочения и нарушения функций левой руки ее отца была ошибка акушера при его рождении. Ванденберг указывает на наличие связи между этим недостатком и якобы обнаруженной при клинических исследованиях ранней сифилитической инфекции, однако такое предположение представляется крайне маловероятным.

Ноймайр А. С. 446

Сталин искалечил руку во время одного из эксков (так игриво революционеры называли экспроприации. — *Е. Г.*), он был ловок и храбр. Во время захвата денег в Тифлисе он был среди нападавших на экипаж...

П. Павленко.

Цит. по: *Радзинский Э. С.* 64

Но как бы там ни было, левая рука Сталина в течение всей его жизни оставалась неполноценной и была на четыре сантиметра короче правой.

Ноймайр А. *С.* 331

Лицо в оспенных пятнах, глаза карие, усы черные, нос обыкновенный. Особые приметы: над правой бровью родинка, левая рука в локте не разгибается.

Из полицейского донесения

Цит. по: *Такер Р. С.* 123

Троцкий через много лет писал, что даже на заседаниях Политбюро Сталин носил на левой руке теплую перчатку. Это еще больше углубило его чувство неполноценности и необходимости самоутверждения.

Грей Я. С. 22

Он прекрасно плавал, но стеснялся плавать в Куре. У него был какой-то дефект на ноге, и мой прадедущка, учившийся с ним в старших классах, как-то поддразнил его, что он прячет в туфле дьявольское копыто. Но это

ему дорого обошлось. Сосо тогда ничего не сказал. Прошло больше года. В то время за Сосо, как собачка на привязи, ходил главный силач училища Церадзе. Прадедущка уже все забыл, когда Церадзе жестоко избил его...

К. Дживилегов.

Цит. по: *Радзинский Э. С. 36*

Я читаю «Медицинскую историю И. В. Сталина». На одной из страниц написано: «Сращивание пальцев левой ноги».

Радзинский Э. С. 36

Среди многочисленных его арестов один, в Батуме в 1902 году, заслуживает особого упоминания, потому что в полицейских архивах сохранилось описание его примет, среди которых имеется, в частности, такая: «Небольшое врожденное уродство сращение второго и третьего пальца на правой ноге».

Ноймайр А. С. 342

Бывший комендант Большого театра, а фактически один из охранников Сталина А. Рыбин рассказал мне, как ездили со Сталиным на озеро Рица. Поехали в полной уверенности, что на даче все готово к приему вождя. Но, как обычно у нас, все оказалось не так — даже спать было негде и не на чем. Легли прямо на берегу — в спальных мешках. Среди ночи Сталин проснулся.

— Ну и храпите же вы! — сказал он охранникам, взял свой спальный мешок и пошел досыпать один.

— Уж он и простак был донельзя, этот Сталин! — запомнилась мне дословно фраза А. Рыбина.

Иногда Сталин, закатав свои брюки с лампасами, ходил босиком по воде. Я и спросил А. Рыбина, было ли у Сталина на ноге шесть пальцев, о чем прочитал в одном «демократическом» издании в разгар перестройки. Рыбин даже опешил:

— Если б было, мы бы, наверно, сразу обратили внимание...

Чуев Ф. И. Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998. С. 544.

(Далее цит.: *Чуев Ф.*)

В семинарии

Говорили, что безусловные успехи Сосо в учении усилили существовавшую в школе напряженность в отношениях между детьми из богатых и бедных семей. Переходя из класса в класс как лучший ученик, он окончил школу в 1894 г. в возрасте 14 лет и получил диплом с отличием, который редко выдавался учащимся из бедных семей.

Такер Р. С. 81

В 1894 году Иосиф покинул Гори и поступил в Тифлисскую духовную семинарию. Большинство из почти шестисот студентов этого учебного заведения рассматривали учебу в нем не как подготовку к духовной карьере, а как ступень светского университетского образования. Дело было в том, что русский царь не позволил открыть в Тифлисе университет, опасаясь его превращения в очаг националистической крамолы. В это время проводились мероприятия по всеобщей русификации, и в качестве языка преподавания в семинарии был введен русский язык вместо ранее использовавшегося грузинского. Эта мера в сочетании с жесткой дисциплиной, царившей в семинарии и делавшей жизнь в ней похожей скорее на казарму, чем на духовное учебное заведение, стала причиной неоднократных конфликтов между студентами и начальством.

Ноймайр А. С. 333

Мы чувствовали себя как арестанты, которые должны провести здесь без вины молодые годы...

Иремашвили И. С. 120

...Тифлисская православная семинария являлась тогда рассадником всякого рода освободительных идей среди молодежи, как народническо-националистических, так и марксистско-интернационалистических; она была полна различными тайными кружками.

Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография.
С. 7

...Уже в первые семинарские годы [Иосиф] заметно изменился. Он производил впечатление скорее замкнутого и погруженного в себя человека, быстро научился непроницаемой завесой скрывать свои мысли и чувства от окружающих — качество, позднее ставшее определяющим элементом его тактики.

Ноймайр А. С. 335

Воспоминания Иремашвили несравненно живее и ближе к правде. Он рисует Иосифа долговязым, жилистым, веснушчатым мальчиком, исключительно по настойчивости, замкнутости и властолюбию умевшим добиваться поставленной цели, шло ли дело о командовании над товарищами, о метании камней или о карабкании по скалам. Сосо отличался горячей любовью к природе, но не чувствовал привязанности к ее живым существам. Сострадание к людям или животным было ему чуждо: «Я никогда не видел его плачущим». «Для радостей или горестей товарищей Сосо знал только саркастическую усмешку». Все это, может быть, слегка отшлифовалось в памяти, как камень в потоке, но это не выдуманно.

Троцкий Л. С. 223

Иремашвили писал, что в то время Иосиф был худым и жилистым, с орлиным носом, узким лицом с оспинами, темными глазами, живыми и беспокойными. Он был маленького роста, но сильный и лучше всех умел драться. Но Иосиф был «не похож на других», и его не любили за его манеры. Как и многие способные люди,

переживающие свою бедность, низкое происхождение или физические недостатки, он был агрессивным. Ему приходилось таким образом утверждать себя. Он был «хорошим другом до тех пор, пока ты подчинялся его властолюбивой воле».

Грей Я. С. 22

В момент поступления в семинарию Иосифу было всего 14 лет, по своему телосложению он был скорее слабым и тщедушным, но, тем не менее, очень скоро не только одноклассники, но и преподаватели обратили внимание на отличавшее его высокое чувство собственного достоинства, необычное в столь юном возрасте. Возможно, дело было в матери, которая, будучи сама неграмотной, добилась того, что ее сын стал студентом семинарии, и тем самым обеспечила для него лучшее будущее. Ее несокрушимая вера в единственного и несомненно умного сына вселила в него убежденность, возможно, даже с оттенком веры в предопределенность, в том, что он, как «делегат» матери, должен совершить в своей жизни нечто значительное.

Ноймайр А. С. 333

Около шестисот учеников, практически все время (за исключением примерно одного часа в послеобеденное время) находившихся взаперти в строении казарменного типа, которое некоторые называли «каменным мешком», вели строго регламентированную жизнь: в 7.00 — подъем, утренняя молитва, чай, классные занятия до 14.00, в 15.00 — обед,

в 17.00 — перекличка, вечерняя молитва, чай в 20.00, затем самостоятельные занятия, в 22.00 — отбой.

Такер Р. С. 85

Стоило монахам потушить лампы и удалиться, как Иосиф доставал свечку и при ее слабом свете читал, нередко проводя за книгой бессонные ночи. Последствия сказались: он стал выглядеть больным. Иной раз приятели отбирали у ненасытного чтеца книгу и тушили свечу.

Яковлев Н. Н. С. 25

...Когда ему было 15—16 лет, Сосо придумал пополнять свое образование путем... чтения книг в букинистических магазинах, подолгу простаивая у прилавка погруженным в чтение якобы «рассматриваемой» книги.

Когда же эта уловка была обнаружена и ему чуть было не запретили доступ в книжные магазины, молодой Джугашвили придумал другую штуку: он стал брать книги в магазине, для чтения напрокат, платя по 10 коп. за сутки. Но он не читал эти книги, а уговорил нескольких друзей коллективно переписывать их. Переписывали сразу два человека — каждый по странице, сидя по обе стороны раскрытой на столе книги. Этот прием настолько убыстрял переписывание, что довольно толстую книгу ценой в 3 рубля друзья успевали переписать за три дня, и она, следовательно, обходилась им всего в 30 коп. (на троих), т.е. вдесятеро дешевле. Рукописи тщательно переплетались и таким путем в сравнительно короткое время у Сосо составилась

довольно приличная библиотека. Когда его исключили из семинарии и он стал работать в обсерватории, то эта «библиотека» хранилась у него в комнате. Позднее, когда Иосиф Джугашвили перешел на нелегальное положение (1901 г.) библиотечку рассовали по друзьям, но пользоваться ею продолжали вместе.

О составе книг этой библиотеки мы имеем приблизительное представление из воспоминаний Ладос Кецохели и других грузинских революционеров (Стуруа, Джибладзе). Там были книги Маркса, Энгельса, Гете, Шиллера, Аристотеля, Шекспира, Дарвина, Гейне, Адама Смита, Туган-Барановского, Струве, Плеханова, Белинского, Чернышевского, Писарева, Тургенева, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина и грузинских писателей — Бараташвили, Чавчавадзе, Казбеги, Ниношвили, Иоселиани, Акакия Церетели и др.

Похлебкин В. С. 73–74

Коба

В этом же возрасте Сталин прочел книгу Казбеги «Отцеубийца», которая его потрясла. Главный герой романа, Коба, посвятил всю свою жизнь борьбе против русских захватчиков.

Иванов Я. Еще одна загадка Сталина // Независим. газета. 1996. 21 дек.

Уроженец гор и страстный грузинский патриот, Казбеги сочинял будоражащие воображение рассказы о борьбе горских племен Кавказа с вторгшимися на их землю русскими войсками. Это были, по существу, выдуманные истории, очень похожие на схватки белых с индейцами, изложенные с позиций индейцев. <...>

В романе любовь, интриги и приключения переплетались с подлинными историческими событиями, имевшими место в 1845 г., когда отряды горцев, руководимые имамом Шамилем, вступили в бой с экспедиционным корпусом русских, возглавлявшимся наместником царя на Кавказе графом Воронцовым. Книга рассказывает о Иаго и Нуну, молодой крестьянской паре, постоянно разлучаемой судьбою, и об их верном друге по имени Коба, который изо всех сил пытается им помочь, полагаясь главным образом на свою храбрость, находчивость, ясный ум и способность выйти с честью из любой ситуации. Иаго заключен в тюрьму, а Нуну похищена в результате козней деревенского предателя Гирголы, который сотрудничает с русскими. Стремясь помешать увезти Нуну, Коба убивает одного из похитителей и становится разбойником, а затем устраивает дерзкий побег Иаго. Оба молодых человека живут в горах подобно Робин Гуду, водят дружбу с крестьянами, сражаются с казаками и захватывают несколько русских офицеров, которых доставляют Шамилю. И в тот момент, когда они уже готовы освободить Нуну и присоединиться к Шамилю, их постигает неудача. Попав в западню, расставленную Гирголой и его людьми, они бьются с во много раз превосходящими силами противника. Иаго убит, Нуну умирает после ложного обвинения в убийстве собственного отца, и только Кобе удается спастись. В

эпilogе звучит выстрел мщения Кобы, и смертельно раненный Гиргола признается во всех своих злодеяниях.

Такер Р. С. 82–83

Коба стал для Сосо Богом, взамен утраченного. Он стал для него смыслом жизни.

Иванов Я. Независим. газета. 1996. 21 дек.

...Идеалом и предметом мечтаний Сосо являлся Коба... Он хотел бы стать вторым Кобой, борцом и героем, знаменитым, как этот последний. В нем Коба должен был воскреснуть. С этого момента Сосо начал именовать себя Кобой и настаивать, чтобы мы именовали его только так. Лицо Сосо сияло от гордости и радости, когда мы звали его Кобой.

Иремашвили И. С. 12

Учитывая важную роль символического образа Кобы в жизни интересующей нас личности, стоит, пожалуй, подробнее остановиться на том, что в этом образе с самого начала привлекало Сосо. Коба из «Отцеубийцы» — вовсе не сложная и тонкая натура, а довольно прямолинейный идеализированный тип героя, постоянно встречающегося в романах подобного жанра, — сильный, молчаливый, бесстрашный рыцарь, доблестный в бою, меткий стрелок, ловкий и изобретательный в трудных ситуациях. Подобные качества, конечно же, должны были понравиться любому задиристому подростку, желающему вообразить себя в роли героя. Но в истории, рассказанной Казбеги, Коба обнаружил еще одно

свойство, которое, несомненно, сделало его для Сосо Джугашвили особенно привлекательным: он выступает как мститель.

Тема отмщения проходит красной нитью через весь роман. Так, обычай кровной мести кавказских горцев многократно упоминается с одобрением. В романе простые люди Грузии горят желанием отомстить высокомерным русским завоевателям, которые захватили страну, ограбили и унизили ее народ. Сам Шамиль — «железный человек», храбрый военачальник, обожаемый своими сторонниками, — предстает как руководитель народного движения мстителей, который «олицетворял собой гнев народный». Иаго и Коба страстно желают отомстить не только непосредственным угнетателям (Гирголе и исправнику), но одновременно и русским властям, поддерживающим таких негодяев. И они видят в служении Шамилю ниспосланную небом возможность принять участие в коллективном акте отмщения. Таким образом, роман «Отцеубийца» не только дал Сосо идеализированный образ героя в роли мстителя, но и убедил его в том, что свершившийся акт — триумф отмщения — достойное дело, которому можно посвятить жизнь.

Такер Р. С. 83–84

Что же на самом деле означало имя Коба?

Как бы мы ни трактовали это слово, какие бы версии ни принимали за подлинные, — как ни странно, — мы приходим всегда к выводу, что этот псевдоним имел для молодого Джугашвили — символический смысл. И весьма глубоко символический.

Так, если исходить из того, что Коба (Кобе, Кова, Кобь) взято из церковно-славянского языка, то оно означает — волховство, предзнаменование, авгура, волхва, предсказателя, что весьма близко к предыдущему сталинскому псевдониму К. Като, но в более широком, и более обобщенном смысле.

Если же исходить из того, что это слово — грузинское и означает имя, то Коба — это грузинский эквивалент имени персидского царя Кобадеса, сыгравшего большую роль в раннесредневековой истории Грузии.

Царь Коба — покорил Восточную Грузию, при нем была перенесена столица Грузии из Мцхета, в Тбилиси (конец V века), где она и сохраняется в течение 1500 лет неизменно.

Но Коба не просто царь из династии Сассанидов, он — по отзыву византийского историка Феофана — великий волшебник. Обязанный в свое время своим престолом магам из раннекоммунистической секты, проповедовавшей равный раздел всех имуществ, Коба приблизил сектантов к управлению, чем вызвал ужас у высших классов, решившихся составить против Кобы заговор и свергших его с престола. Но посаженного в тюрьму царя-коммуниста освободила преданная ему женщина, и он вновь вернул себе трон. Эти подробности биографии царя Кобы кое в чем (коммунистические идеалы, тюрьма, помощь женщины в побеге, триумфальное возвращение на трон) совпадали с фактами биографии Сталина. Более того, они продолжали совпадать и тогда, когда Сталин расстался с этим псевдонимом, ибо в 1904—1907 гг. Сталин не мог, конечно, предвидеть 1936—1938 гг., но он знал, что его

двойник царь Коба в 529 г. (за два года до смерти) зверски расправился со всеми своими бывшими союзниками, — коммунистами-маздакитами.

Следует отметить, что некоторые иностранные биографы Сталина, а вслед за ним и подражающие им отечественные, опираясь на указания некоторых своих поверхностных грузинских информаторов, считают, что псевдоним Коба Сталин заимствовал, якобы от имени героя одного из романов грузинского классика А. Казбеги — «Отцеубийца», которого также звали Кобой, и который предстает в романе, как абрек-горец, ведущий борьбу за независимость своей родины. Однако следует иметь в виду, что у самого А. Казбеги — имя Коба — вторично, взято оно от Кобы-царя, после которого оно и приобрело распространение в Грузии.

Похлебкин В. С. 47–48

Иосиф увлекался еще и романтической поэмой классика грузинской литературы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Эта поэма произвела на него глубокое впечатление на всю жизнь. Не питавший склонности к живописи, Сосо, тем не менее, прилежно срисовал портрет Шота Руставели, который очень понравился окружающим. В этой связи мемуарист рассказывает трогательную и, не исключено, достоверную историю. Хозяину книжного магазина, куда часто приходил Сосо, так приглянулся нарисованный портрет, что он предложил юному автору продать его. Мальчик продавать отказался, а отдал «просто так» и получил в качестве ответного дара две книги.

Громов Е. С. Сталин. Власть и культура. М.: Республика, 1998. С. 16

Я видел ее [поэму «Витязь в тигровой шкуре»] у Сталина, когда был у него в последний раз. Он очень любит эту поэму, и ему нравится этот перевод.

Н. Бухарин.

Цит. по: *Николаевский Б.* Тайные страницы истории. Париж, 1964. С. 63

Следует отметить, что в первый год пребывания в семинарии Сосо сочинил ряд поэм на грузинском языке, которые были напечатаны в тифлисской литературной газете «Иверия» в 1895 г.

Такер Р. С. 88

Он взялся редактировать подпольный рукописный журнал, выходивший два раза в месяц.

Яковлев Н. Н. С. 31

Сталин нигде и никогда не упоминал о своей страсти к поэзии. Однако он был настоящим поэтом, отмечен живым классиком грузинской литературы Ильей Чавчавадзе, который, увидев искру необыкновенного дарования, включил его стихи в школьные хрестоматии еще в 1895 году, когда Иосифу было шестнадцать лет.

Красиков С. С. 98

Благодаря литературному покровительству Ильи Чавчавадзе, некоторые из его стихов и были опубликованы в его солидном литературно-художественном журнале, любимом грузинской интеллигенцией. Это уже была какая-то заявка о себе, своем мироощущении. В 1901 г. составитель пособия по грузинской словесности М. Келенджеридзе в числе лучших образцов грузинской классической литературы привел одно из этих стихотворений, подписанное «Сосело». В 1907 г. в «Грузинской хрестоматии или сборнике лучших образцов грузинской словесности» было приведено стихотворение И. В. Джугашвили, посвященное Р. Эристави.

Яковлев Н. Н. *С. 36*

— Сталин писал стихи, — говорю я Молотову. — Я перевел несколько его стихотворений. Вот одно из них. Почитаю вам в своем переводе:

Он бродил от дома к дому,
словно демон отрешенный,
и в задумчивом напеве
правду вещь берег.
Многим разум осенила
эта песня золотая,
и оттаивали люди,
благодарствуя певца.
Но очнулись, пошатнулись,

переполнились испугом,
чашу, ядом налитую,
приподняли над землей
и сказали: — Пей, проклятый,
неразбавленную участь,
не хотим небесной правды,
легче нам земная ложь.

Это было в 1896 году написано. Ему не было еще семнадцать лет.

— Сталин писал стихи до семнадцати лет. Это, когда все пишут стихи — так полагается. Хорошие писал, — говорит Молотов.

Чуев Ф. С. 314

В 1949 году, к 70-летию вождя, по инициативе Л. П. Берия будет предпринята попытка втайне от Сталина издать его стихи в подарочном оформлении на русском языке. Под строжайшим секретом к их переводам будут привлечены такие поэты, как Борис Пастернак и Арсений Тарковский. Однако в самый разгар работы пришло указание переводы стихов приостановить. Исходило оно от кого-то свыше всеильного Л. П. Берия.

Почему автор стихов не захотел пропагандировать себя как поэта, когда всячески способствовал пропаганде поэтического творчества Карла Маркса и Мао Цзэдуна? Неведомо. Его же поэтическая деятельность, продолжалась всего четыре года. Поиск прижизненных публикаций поэта Иосифа Джугашвили по объективным

причинам ограничен. До нас дошла лишь малая толика их.

Красиков С. С. 98

* * *

Шел он от дома к дому,
В двери чужие стучал.
В голос пандури влюбленный,
Тихо псалмы напевал.
В молитве его и песне,
Как солнечный луч чиста,
Звучала мелодия чести,
Божественная мечта.
Сердца, обращенные в камень,
Будил вдохновенный напев,
Надежды и веры пламень
Вздымался выше дерев.
Но люди, забывшие правду,
Хранящие в душах тьму,
Вместо вина отраву
Налили в бокал ему.
Сказали:
Иди обратно.
Отраву испей до дна.
Молитва твоя чужда нам.
И правда твоя не нужна.

* * *

Когда луна из Зазеркалья
Расплещет свет на сонный мир
И голубою тенью дальней
Подсветит блещущий эфир,
Когда за рощей безмятежной
Расплещет звуки соловей
И саламури голос нежный
Разбудит песнь в груди моей,
Когда тоской воспоминанья
Родник в ущелье зазвенит,
Когда в тревожном ожиданье
Село в распадке замолчит,
Когда гонимый роком отрок
В беде увидит отчий край
И, разрывая тьмы волокна,
Увидит солнце невзначай,
Тогда тяжелый сумрак бездны
В больной рассеется груди
И белый ангел в поднебесье
Свободе славу протрубит,
Взойдет сиянье над планетой,
Как озаренная мечта,

И воспарит душа поэта
В лучах, возвышенно-чиста.

ЛУНЕ

Плыви спокойно, величаво
Над беспокойною землей.
Развей серебряным сияньем
Тумана занавес густой.
Склонись, подобно человеку,
К земле, с улыбкою склонись.
Спой колыбельную Казбеку,
Чьи льды, искрясь, стремятся ввысь.
Но только знай, кто был обидой
Низвержен и повергнут в прах,
Сравниться думает с Мтацминдой,
Свет веры возродив в умах.
Блистай во тьме зимой и летом,
Лучами ясными играй,
Зеркальным блеском, мягким светом
Родную землю озаряй.
Я полечу к тебе навстречу,
Ладони к свету протяну,
И сердце птицей затрепещет,
Встречая светлую луну.

* * *

*Поэту, певцу крестьянского труда,
князю Рафаэлу Эристави.*

Когда бедой крестьянской доли
Ты, князь, унижен был до слез,
Немало ужаса и боли
Тебе увидеть довелось.
Когда ты ликовал и плакал
Над судьбами своей страны,
Твои псалмы под звуки арфы
Сошли с небесной вышины.
Когда, мечтою вдохновленный,
Заветных струн коснулся ты
И, словно юноша влюбленный,
Стране отдал свои мечты,
С тех пор с народом воедино,
Ты связан узами любви,
И сердце честного грузина
В твоей колотится груди.
Земля тебя за труд упорный
Должна наградой увенчать...
Уже пустило семя корни.

Жизнь будет всходы пожинать
Народ в веках тебя прославит,
Как прославляет этот стих.
Сынов, подобных Эристави,
Родная Грузия взрастит.

* * *

Приуныл сосед Ниника.
Сломлен старостью седой.
Голова его поникла.
Стал беспомощным герой.
Лишь вчера он был удалым,
Вел друзей в поля гуртом,
Проходил по полю шквалом,
Сноп ложился за снопом.
По жнивью шагал упрямо,
Утирая пот с лица.
Удалого сердца пламя
Озаряло молодца.
А теперь не ходят ноги.
Злая старость не щадит.
Не печалится убогий.
Внукам сказки говорит.
И, когда с долины ветер

Станет песни приносить,
Озаряется дед светом,
Опираясь на костыль.
Проклиная боль и старость,
Поднимается старик
И, детишкам улыбаясь,
Загорается на миг.
И. Джугашвили.

Цит. по: Красиков С. С. 98–101

* * *

Когда луна своим сияньем
Вдруг озаряет мир земной
И свет ее над дальней гранью
Играет бледной синевой,
Когда над рощею в лазури
Рокочут трели соловья
И нежный голос саламури
Звучит свободно, не таясь,
Когда, утихнув на мгновенье,
Вновь зазвенят в горах ключи
И ветра нежным дуновеньем
Разбужен темный лес в ночи,
Когда, кромешной тьмой томимый,

Вновь попадет в свой скорбный край,
Когда кромешной тьмой томимый,
Увидит солнце невзначай, —
Тогда гнетущей душу тучи
Развеют сумрачный покров,
Надежда голосом могучим
Мне сердце пробуждает вновь,
Стремится ввысь душа поэта,
И сердце бьется неспроста:
Я знаю, что надежда эта
Благословенна и чиста!

УТРО

Раскрылся розовый бутон,
Прильнул к фиалке голубой,
И, легким ветром пробужден,
Склонился ландыш над травой.
Пел жаворонок в синеве,
Взлетая выше облаков,
И сладкозвучный соловей
Пел детям песню из кустов:
«Цвети, о Грузия моя!
Пусть мир царит в родном краю!
А вы учeboю, друзья,

Прославьте Родину свою!»

И. Джугашвили.

*Цит. по: Мудрость вождей. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
С. 182–183*

Я убеждена в том, что духовная семинария, где он провел в общей сложности более десяти (sic!) лет, оказала большое влияние на формирование его характера и на всю его дальнейшую жизнь. Она развила и усилила его врожденные свойства. Религиозного чувства у него никогда не было. У молодого человека, который ни минуты не верил в духовное, не верил в Бога, бесконечные молитвы и навязанная дисциплина могли привести только к противоположному результату... Семинарский опыт внушил ему, что люди нетерпимы и грубы, что духовные пастыри обманывают свою паству, для того чтобы крепче держать ее в руках, что они занимаются интригами, лгут и что у них очень много других пороков, но очень мало достоинств...

Аллилуева С. С. 150

Меня сделало марксистом мое социальное положение... но прежде всего, жесткая нетерпимость и иезуитская дисциплина, так беспощадно давившая на меня в семинарии.

Из интервью Сталина Э. Людвигу.

Цит. по: Сталин И. В. Сочинения: В 13 т. М., 1946—1952. Т. 13. С. 113

От юношеских лет у него осталась разве стремительная походка, Иосиф не ходил, а почти бежал. Товарищи прозвали его «геза» (идуший прямо). Эту привычку И. В. Сталин сохранил почти до смерти.

Яковлев Н. Н. *С. 31*

Огромные личные жертвы матери и государственные стипендии позволили Иосифу проучиться в духовной семинарии до 19 лет. Стипендию, давшую возможность продолжить образование в семинарии, он смог получить благодаря замечательным успехам в горийском церковном училище, при окончании которого он был отмечен похвальным листом.

Ноймайр А. *С. 333*

Что до повседневной жизни, то Серго Орджоникидзе, близко знавший Иосифа в эти годы, много лет спустя напомнил мнение товарищей о нем: «Коба не понимает шуток. Станный грузин — не понимает шуток. Отвечает кулаками на самые невинные замечания».

Яковлев Н. Н. *С. 31*

У молодого Джугашвили начали проявляться скрытность и угрюмая отчужденность, характерные для него в более поздние годы.

Такер Р. *С. 67*

Людвиг. Что Вас толкнуло на оппозиционность? Быть может, плохое обращение со стороны родителей?

Сталин. Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо. Другое дело православная духовная семинария, где я учился тогда. Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма, как действительно революционного учения.

Людвиг. Но разве Вы не признаете положительных качеств иезуитов?

Сталин. Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе для осуществления дурных целей. Но основной их метод — это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство, — что может быть в этом положительного? Например, слежка в пансионате: в 9 часов звонок к чаю, уходим в столовую, а когда возвращаемся к себе и комнаты, оказывается, что уже за это время обыскали и перепотрошили все наши вещевые ящики... Что может быть в этом положительного?

Сталин И. Т. 13. С. 113–114

Когда однажды инспектор семинарии монах Димитрий после обыска зашел к товарищу Сталину, товарищ Сталин сидел, читая книгу и как бы не замечая вошедшего. Монах спросил его:

— Разве ты не видишь, кто перед тобой?

Товарищ Сталин встал, протер глаза и сказал:

— Ничего, кроме темного пятна, не вижу.

Ярославский Е. О товарище Сталине. М., 1939. С. 10–11

Как-то вечером Джугашвили и Иремашвили тайком выскользнули из семинарии и отправились в дом рабочего главных тифлисских железнодорожных мастерских на собрание социал-демократической организации железнодорожников. Совершивший побег революционер, в черной рубашке с красным галстуком, с запавшими горящими голубыми глазами на худом бледном лице, несколько часов безраздельно владел их вниманием, рассказывая о страданиях политических заключенных в суровых сибирских краях.

Такер Р. С. 89

Людвиг: Когда я был у Масарика, то он мне заявил, что осознал себя социалистом уже с 6-летнего возраста. Что и когда сделало Вас социалистом?

Сталин: Я не могу утверждать, что у меня уже с 6 лет была тяга к социализму. И даже не с 10 или с 12 лет. В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили вкус к подпольной марксистской литературе.

Сталин И. Т. 13. С. 113

В ноябре 1896 года появилась первая запись о том, что Джугашвили читает запрещенные книги, вскоре другая.

Грей Я. С. 27

Иремашвили рассказывает: «Тайно, на занятиях, на молитве и во время богослужения, мы читали «свои» книги. Библия лежала открытой на столе, а на коленях мы держали Дарвина, Маркса, Плеханова и Ленина». Вначале, вспоминает Иремашвили, он и Сосо, читали много грузинской литературы. Одним из любимых произведений была грузинская эпическая поэма XII века «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, в которой трое друзей-витязей вызволяют прекрасную девушку из заточения в крепости и таким образом спасают от принудительного замужества».

Такер Р. С. 88

В 9 вечера в столовой инспектором была усмотрена группа воспитанников, столпившихся вокруг воспитанника Джугашвили, что-то читавшего им. При приближении инспектора Джугашвили старался скрыть записку и только при настойчивом требовании решился обнаружить свою запись. Оказалось, что Джугашвили читал посторонние, не одобренные начальством семинарии книги, составлял особые заметки по поводу прочитанных им статей.

Из книги записей проступков учащихся Тифлисской семинарии за 1898—1999 гг.

Цит. по: Яковлев Н. Н. С. 123

Очень интересны записи в «Кондуитном журнале» духовной семинарии:

«Джугашвили, оказалось, имеет абонементный листок из «Дешевой библиотеки», книгами которой он пользуется. Сегодня я конфисковал у него соч. В. Гюго «Труженики моря», где нашел и названный лист.

Пом. инсп. С. Мураховский».

Надпись на донесении:

«Наказать продолжительным карцером. Мною был уже предупрежден по поводу посторонней книги — «Девяносто третий год» В. Гюго.

Инспектор семинарии иеромонах Гермоген». (Запись в ноябре 1896 г.).

«В 11 ч. в. мною отобрана у Джугашвили Иосифа книга «Литературное развитие народных рас» Летурно, взятая им из «Дешевой библиотеки», в книге оказался и абонементный листок. Читал названную книгу Джугашвили на церковной лестнице. В чтении книг из «Дешевой библиотеки» названный ученик замечается уже в 13 раз. Книга представлена мною о. (отцу. — Е. Г.) Инспектору.

Пом. инспектора С. Мураховский».

Надпись на донесении:

«По распоряжению о. Ректора, — продолжительный карцер и строгое предупреждение». (Запись в марте 1897 г.)

«Джугашвили Иосиф (V, I) во время совершения членами инспекции обыска у некоторых учеников V класса несколько раз пускался в объяснения с членами инспекции, выражая в своих заявлениях недовольство

производящимися время от времени обысками среди учащихся, и заявил при этом, что-де ни в одной семинарии подобных обысков не производится. — Ученик Джугашвили вообще непочтителен и груб в обращении с начальствующими лицами, систематически не кланяется одному из преподавателей (С. А. Мураховскому), как последний неоднократно уже заявлял инспекции.

Пом. инспектора А. Ржавенский».

Надпись на донесении:

«Сделан был выговор. Посажен в карцер, по распоряжению о. Ректора, на 5 часов. И. Д. (иеромонах Димитрий)». (Запись 16 декабря 1898 г.)

Яковлев Н. Н. *С. 26*

В переводе Иосиф прочитал Бальзака, Гюго и Теккерея, чья «Ярмарка тщеславия» произвела на него глубокое впечатление. Читал он книги по истории, экономике и биологии. Среди них: «Происхождение человека» Дарвина; «Сущность христианства» Фейербаха; «Этика» Спинозы; «Химия» Менделеева... Это была довольно смелая программа для молодого семинариста. Он ничего не забывал из прочитанного. Годы спустя Сталин цитировал и ссылался на многие из этих книг.

Грей Я. *С. 26*

Сосо прочел много произведений художественной литературы, среди них «Отцы и дети» Тургенева. Под влиянием этой книги Сосо поставил вопрос, насколько можно верить авторитету известных лиц, должны ли мы

без критики принимать взгляды того или другого ученого. По этому вопросу среди нас велись большие споры.

Неизвестный свидетель ранних революционных лет Сталина.

РЦХИНДИ. Ф. 558, оп. 4, д. 665, л. 194

Он был праведник и сам считал себя непогрешимым. Никто ни разу не видел, чтобы взор его увлажнили слезы. Вершина добродетели, недоступная и леденящая. Он был справедлив и страшен в своей справедливости. Для священника в революции нет середины. Превратности революции могут привлечь к себе священника лишь из самых низких либо из самых высоких побуждений; он или гнусен или велик. Симурдэн был велик, но это величие замкнулось в себе, ютилось в недостижимых кручах, в негостеприимно мертвенных сферах: величие, окруженное безднами. Иные горные вершины бывают так зловеще чисты...

Отрывок из романа В. Гюго «93-й год», который по мнению некоторых биографов утвердил семинариста И. Джугашвили в революционном выборе.

Цит. по: Гюго В. 93-й год. М.: Худ. лит., 1988

Чем-то вроде игры в тайное сопротивление и способа выразить свой протест стало для него увлечение книгами, чтение которых официально не одобрялось или вовсе было запрещено. В семинарию контрабандой проносили не только произведения русских классиков, но и политические издания, обладавшие определенной

подрывной силой, например, книги об эволюционной теории Дарвина или «Капитал» Маркса. Овладев этими, казавшимися ему научными, основами, он взялся за организацию социалистического кружка, в который вошли несколько его однокашников, в том числе и уже ранее цитированный нами Иремашвили.

Ноймайр А. *С. 335*

По словам Иремашвили, во время дискуссий среди молодых социалистов в семинарии Сосо имел привычку упорно настаивать на собственной правоте и безжалостно критиковать другие взгляды. В результате группа раскололась на тех, кто, уступая давлению, согласился стать послушным последователем Джугашвили, и тех, кто мыслил более независимо и не желал уступать деспотическим методам Сосо.

Такер Р. *С. 87–88*

Длительное богословское образование привело также к тому, что он усвоил определенные схемы мышления, которые позднее придали стилю и аргументации его литературных трудов столь характерный догматизм и идущее от катехизиса жесткое разделение всего на абсолютные черно-белые категории... Адам Улам называл литературный стиль Сталина «декламаторским полным повторений и литургических созвучий», что выразилось также и в его манере речи с «типичной схемой повторяющихся вопросов и ответов».

Ноймайр А. *С. 334*

В годы обучения в семинарии, по некоторым данным, духовником Иосифа Джугашвили был настоятель Новоафонского монастыря, находившегося под особым покровительством царствующего дома (в память об Александре II, его строителе). Простому семинаристу этим была оказана большая честь. Это тем более интересно, что духовником семинаристов обычно назначался настоятель местного (в данном случае тифлисского) храма. Почему же Джугашвили попал к новоафонскому? Не потому ли что он собирался принять постриг и вступить в этот монастырь? Или его незримые покровители готовили его к какому-то иному, невиданному послушанию?

Яковлев Н. Н. *С. 37*

На пятом курсе нелегальная деятельность Иосифа, в которой немалую роль сыграл его идол Ладо (Кецховели), была расценена начальством как «подстрекательство к беспорядкам», и он был «по неизвестным причинам» исключен из семинарии. Каковы в действительности были эти причины, узнать теперь уже, скорее всего, не удастся.

Ноймайр А. *С. 336–337*

В 1899-м исключен из семинарии по одним сведениям — за революционную деятельность, по другим — за неявку на экзамен.

Фельштинский Ю. *С. 3*

«Вышиблен из православной духовной семинарии за пропаганду Марксизма».

Из анкеты Сталина 1931 г.

Я забрала его домой из-за болезни. Когда он поступил в семинарию, он был здоровым мальчиком. Перенапряжение и чрезмерная работа ослабили его здоровье, и доктора сказали мне, что у него может развиваться туберкулез. Поэтому я забрала его. Он не хотел оставлять учебу. Но я забрала его. Он был моим единственным сыном.

Из интервью матери Сталина американскому журналисту Г. Кникербокеру.

Цит. по: *Фельштинский Ю.* Вожди в законе. С. 223

Екатерина прибавляет, что сын ее не хотел покидать семинарию и что она «взяла» его против его воли. Это звучит маловероятно. Плохое здоровье могло вызвать временный перерыв в занятиях, но не полный разрыв со школой, не отказ матери от столь заманчивой карьеры для сына. В 1899 г. Иосифу было уже двадцать лет, он не отличался податливостью, и вряд ли мать легко могла распоряжаться его судьбой. Наконец, по выходе из семинарии Иосиф вовсе не вернулся в Гори, под крыло матери, что было бы наиболее естественно в случае болезни, а остался в Тифлисе без занятия и без средств. Старуха Кеке чего-то не договорила журналистам.

Троцкий Л. С. 44

Иремашвили пишет, что «Иосиф покинул семинарию, унося с собой горькую и жестокую ненависть к школьному начальству, буржуазии и вообще ко всему, что служило для него воплощением царского режима».

Ноймайр А. С. 337

С полгода он перебивался, давая частные уроки, а 28 декабря 1899 г. поступает наблюдателем-метеорологом в Тифлисскую физическую лабораторию.

Яковлев Н. Н. С. 43

Подмастерье революции

Из семинарии он был исключен за неблагонадежность девятнадцати лет от роду. В том же (1898) году он вступил в Российскую социал-демократическую партию и был последовательным членом Тифлисского, Батумского, Бакинского комитетов, редактировал разные партийные издания («Борьба», «Дро», «Бакинский рабочий»), написал несколько марксистских книжек. К большинству фракции он примкнул с самого момента раскола в среде социал-демократов и очень скоро стал признанным главой немногочисленных кавказских большевиков.

Алданов М. Сталин // Литература русского зарубежья: Антология в 6 т. М.: Книга, 1991. Т. 2. С. 54

Как-то Иосиф заглянул в воскресную школу (их организовали месами-даситы) и с порога стал объяснять рабочим суть классовой борьбы. Заметив недоуменный взгляд слушателя, он осведомился, чему их учат? И получил обескураживающий ответ: объясняют, как движется солнце. Коба оценил комизм ситуации и доверился постигавшему начатки астрономии: «Слушай! Солнце, не бойся, не собьется с пути. А вот ты учись, как должно двигаться революционное дело, и помоги мне устроить маленькую нелегальную типографию».

Яковлев Н. Н. С. 43

Иосиф работал наблюдателем-вычислителем обсерватории. Там не было самопишущих приборов, поэтому круглосуточная регистрация всех элементов погоды велась живыми наблюдателями. Днем и ночью. Дневной дежурный работал до девяти вечера, когда его сменял ночной дежурный.

К. Домбровский.

Цит. по: Радзинский Э. С. 47–48

Типографию поставили прямо там, где нелегально проживал И. Джугашвили. Один из участников предприятия десятилетия спустя вспоминал: «Тесная комнатка, тускло освещенная керосиновой лампой. За маленьким круглым столиком сидит Сталин и пишет.

Сбоку от него — типографский станок, у которого берутся наборщики.

Шрифт разложен в спичечных и папиросных коробках и на бумажках. Сталин часто передает наборщикам написанное».

Яковлев Н. Н. *С. 43*

Маленький, тщедушный, какой-то ущербный, одет в косоворотку с чужого плеча, на голове нелепая турецкая феска.

Ф. Кнунянц.

Цит. по: Радзинский Э. С. 71

Его нельзя было видеть иначе, как в этой грязной блузе и нечищенных ботинках. Все, напоминавшее буржуа, он ненавидел...

Иремашвили И. *С. 125*

Грязная блуза, нечищенная обувь были общим признаком революционеров, особенно в провинции...

Троцкий Л. *С. 120*

Я несколько раз посещал его в маленькой, убогой, скудно обставленной комнате на Михайловской улице. Коба носил каждый день простую черную русскую блузу с характерным для всех социал-демократов красным галстуком. Зимой он надевал поверх старый коричневый плащ. В качестве головного убора он знал только русский

картуз. Хотя Коба покинул семинарию отнюдь не в качестве друга всех молодых семинарских марксистов, все же все они время от времени складывались, чтобы при случае помочь ему в нужде...

Иремашвили И. С. 233

Социалист-революционер Верещак, близко сталкивавшийся с Кобой в тюрьме, рассказал в 1928 году в эмигрантской печати, будто после исключения Иосифа Джугашвили из семинарии директор получил от него донос на всех его бывших товарищей по революционному кружку. Когда Иосифу пришлось давать по этому делу ответ перед тифлисской организацией, он не только признал себя автором доноса, но и вменил себе этот акт в заслугу.

Троцкий Л. С. 233

Сталин не отрицал обвинений, но оправдывал свой поступок тем, что исключенные учащиеся, потеряв право стать священниками, смогли бы стать хорошими революционерами.

И. Дон Левин.

Цит. по: *Фельштинский Ю. С. 285*

Нравственная неразборчивость молодого Сталина создает вокруг него атмосферу подозрений и зловещих слухов. Ему начинают приписывать многое, в чем он не повинен.

Троцкий Л. С. 233

«По вновь полученным мною агентурным сведениям, Джугашвили был известен в организации под кличками Сосо и Коба, с 1902 г. работал в социал-демократической партии — организации, сначала меньшевиком, а потом большевиком как пропагандист и руководитель 1-го района (железнодорожного)».

Из полицейского донесения, которое некоторыми исследователями ставится под сомнение.

Цит. по: Заря Востока. 1925. 23 дек.

В 1903 г. он женился.

Иремашвили И. С. 242

Уже в кавказский период своей жизни он прослыл одиночкой, избегавшим любых тесных контактов, и создавалось впечатление, что он вообще не способен к нормальному человеческому общению. Тем не менее, в 1906 (?) году он женился на Екатерине Сванидзе, дочери (сестре?) одного из своих школьных товарищей...

Ноймайр А. С. 341

В 1903 году, когда Сталину шел 24-й год, он женился на молодой малокультурной грузинке...

Троцкий Л.С. 106

Троцкий в своих воспоминаниях называет Екатерину Сванидзе «молодой, малокультурной грузинкой» —

однако известно: у этой девушки из грузинской деревни до 14 лет были домашние учителя, брат ее учился в Берлине.

Васильева Л. С. 190

Его брак был, как он понимал его, счастливым. Правда, равноправия полов, которое он выдвигал как основную форму брака в новом государстве, в его собственном доме нельзя было найти. Да это и не отвечало совсем его натуре — чувствовать себя равноправным с кем-нибудь. Брак был счастливым, потому что его жена, которая не могла следовать за ним, глядела на него как на полубога, и потому что она как грузинка, выросла в священной традиции, обязывающей женщину служить.

Иремашвили И. С. 242

...Жалкий домишко, в котором он жил с женой и сыном Яковом, стал тем местом, где он единственный раз в своей жизни испытал истинную любовь. Судя по всему, это утверждение соответствует истине.

Ноймайр А. С. 341–342

С невестой Екатериной Сванидзе Джугашвили мог познакомиться через ее брата Александра, который учился вместе с ним в Тифлисской семинарии.

Иремашвили И. С. 14

Екатерина была деревенская девушка, но, с присущим большинству грузинок природным аристократизмом черт лица, фигуры, манеры поведения.

Васильева Л.С. 173

Эта истинно грузинская женщина... всей душой заботилась о судьбе своего мужа. Проводя неисчислимые ночи в горячих молитвах, ждала своего Сосо, когда он участвовал в тайных собраниях. Она молилась о том, чтобы Коба отвернулся от своих богопротивных идей ради мирной семейной жизни в труде и довольстве.

Иремашвили И. С. 242

Не без изумления узнаем мы из этих строк, что у Кобы, который сам уже в 13 лет отвернулся от религии, была наивно и глубоко верующая жена.

Троцкий Л. С. 242

...Первую жену нашла Иосифу его мать. Но это лишь предположение. Одно из многих.

Васильева Л. С. 173

Дело было не только в типичной для тогдашней грузинской семьи кротости супруги, но и в том, что в ее обществе он попадал в привычный мир внимания и ласки — жену не только звали Екатериной, как мать, но у них даже внешне было большое сходство.

Яковлев Н. Н. С. 59

Почти не было случая, чтобы революционный интеллигент женился на верующей... Это просто не отвечало нравам, взглядам, чувствам среды. Коба представлял, несомненно, редкое исключение. По взглядам он был марксистом, по чувствам и духовным потребностям — сыном осетина Бесо из Диди-Лило. Он не требовал от жены больше того, что его отец нашел в безропотной Кеке...

Троцкий Л. С. 138

Деду она была идеальной женой, так как чудом воплощала все качества, которыми молва награждает восточных женщин, хотя обладает ими далеко не каждая из них. Отличная швея и стряпуха, она (и это главное) не покушалась на приоритет мужа даже в самых незначительных семейных решениях.

Джугашвили Г. С. 59

Он мне часто говорил: «Вы не представляете, какие красивые платья она умела шить». Как мужчина, он понимал, что красивое. А ведь не всякий мужчина в этом разбирается...

Онуфриева П. (вологодская знакомая Сталина).

РЦХИНДИ. Ф. 558, оп. 4, д. 647, л. 77

Образ первой сталинской жены двоится, троится, четверится: то ли тихая, домашняя женщина, то ли искусная портниха, обшивавшая саму супругу

тифлисского генерал-губернатора Свечина, то ли отличная прачка и гладильщица, то ли разносчица ленинской «Искры» — помощница мужа. За последнюю деятельность вроде и тюрьмы удостоилась...

Васильева Л. С. 173

Где супруги жили во время редких встреч — нам не известно. Вполне возможно, что в какой-то части дома родителей Екатерины, который, как считают, находился в селении Диди-Лило близ Тифлиса, на родине далеких предков Джугашвили.

Такер Р. С. 104

Первая жена Сталина, Екатерина Сванидзе, умерла молодой в 1908 году.

Слассер Р. С. 17

Жена Кобы — мы не знаем даже ее имени — умерла в 1907 г., по некоторым сведениям, от воспаления легких.

Троцкий Л. С. 243

...С женами Деду не слишком везло. Бабушка моя, тоже Катерина, умерла в возрасте двадцати четырех лет от брюшного тифа.

Джугашвили Г. С. 59

Като скончалась на его руках...

Иремашвили И. С. 128

В музее Сталина в Гори была одна замечательная фотография 1907 года, на которой еще молодой Сталин — двадцати восьми лет — стоит возле гроба своей первой жены. Она была так молода и обладала ангельской, чистой красотой даже в смерти, и он стоит, наклонив голову, с выражением горя на лице и черные волосы падают в беспорядке на лоб. Я видела эту фотографию не раз, но директор музея сказал, что они «сняли ее, так как волосы там не в порядке». О, святая глупость! Им нужно было, чтобы он выглядел уже тогда, как на монументах, — огромным, толстым, тяжелым, каким он не был даже в старости... Нервное, молодое, худое лицо с растрепанными волосами «не годилось для экспозиции». Но это было именно то, что увидели в нем годами позже *духовные* пастыри, и для них это было обнадеживающим знаком.

Аллилуева С. С. 209–210

Он был очень опечален и встретил меня как некогда, по-дружески. Бледное лицо отражало душевное страдание, которое причинила смерть верной жизненной подруги этому столь черствому человеку. Его душевное потрясение... должно было быть очень сильным и длительным, так как он не способен был более скрывать его перед людьми.

Иремашвили И. С. 243–244

Умершую похоронили по всем правилам православного ритуала. На этом настаивали родственники жены, и Коба не сопротивлялся.

Троцкий Л. С. 244

Когда небольшая процессия достигла кладбища, рассказывал Иремашвили, «Коба крепко пожал мою руку, показал на гроб и сказал: «Сосо, это существо смягчало мое каменное сердце; она умерла и вместе с ней последние теплые чувства к людям». Он положил правую руку на грудь: «Здесь, внутри, все так опустошено, так непередаваемо пусто».

Такер Р. С. 104

После смерти жены Коба стал ревностным организатором убийств князей, священников, буржуа...

Иремашвили И. С. 72

Остался малолетний сын — Яков.

Васильева Л. С. 173

Яков Джугашвили родился 19 марта 1907 года. Его мать — Екатерина Сванидзе — первая жена Сталина — умерла от брюшного тифа спустя восемь месяцев. До 14 лет его воспитывала тетка, Александра Монаселидзе, а в 1921 году Яков переехал в Москву к отцу.

Краскова В. С. Кремлевские дети. Минск: Литература, 1998. С. 110.

(Далее цит.: *Краскова В.*)

Их сына вырастила в Грузии сестра матери.

Такер Р. С. 104

Вот и все, что мы знаем об этом браке, который во времени (1903-1907) довольно точно укладывается в рамки первой революции. Такое совпадение не случайно: ритмы личной жизни революционеров слишком тесно бывали связаны с ритмами больших событий.

Троцкий Л. С. 244

Вступая в большую жизнь, Джугашвили захватил с собой злобную, лютую вражду к школьной администрации, к буржуазии, ко всему, что существовало в стране и воплощало царизм...

Иремашвили И. С. 24

К Сталину с равной справедливостью относятся слова, сказанные Эриком Х. Эриксоном о Гитлере: «он... остался несломленным юношей, решившимся вступить на жизненный путь, пролегающий в стороне от буржуазного счастья, экономической надежности и внутреннего душевного мира».

Ноймайр А. С. 337

До революции о Сталине я знал только по его работе «Национальный вопрос и социал-демократия», которую мы, наряду с книгами Шпрингера и Отто Бауэра, штудировали в марксистском кружке в 1915 г., когда я учился в семинарии. Труд Сталина произвел на меня хорошее впечатление.

Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999. С. 347

Из описания одной из соратниц Сталина мы узнаем, каким предстával он на обычных политических сходах: «Он был маленького роста, худой и производил впечатление уголовника, чем и напомнил мне мелкого воришку в ожидании приговора. Он носил темно-синюю крестьянскую блузу, узкую куртку и черную турецкую шапку... В его отношении ко мне сквозило недоверие. После долгих расспросов он передал мне пачку нелегальной литературы... с тем же неизменным подозрением и недоверием он проводил меня до дверей».

Ноймайр А. С. 339

О личном существовании он меньше всего заботился. Он не предъявлял никаких требований к жизни и считал такие требования несовместимыми с социалистическими принципами. Он был достаточно честен, чтобы приносить своей идее личные жертвы.

Иремашвили И. С. 232

Но, несмотря на внешнюю непрезентабельность, он уже тогда, по всей видимости, пользовался определенным авторитетом, потому что дальше автор воспоминаний пишет так: «В назначенное время Кобы снова на месте не оказалось. Он всегда опаздывал, не намного, зато регулярно... Когда он пришел, атмосфера изменилась... и стала напряженной. Обычно он приходил с книгой, которую держал под мышкой левой, искривленной рукой, и усаживался где-нибудь в сторонке или в углу. Он молча ждал, пока все выскажутся. Он всегда говорил последним... и преподносил собственную точку зрения как окончательную, давая понять, что дискуссия закончена. Поэтому возникало впечатление, что все сказанное им имеет особый вес».

Ноймайр А. С. 339

О Ленине впервые Коба услышал в декабре 1900 года. Аллилуевы (родители второй его жены Надежды) жили в Тифлисе, у них в доме Сталин познакомился с человеком, повернувшем его жизнь. С Виктором Курнатовским. У Курнатовского был революционный талант. Он только приехал и сразу сплотил всех большевиков Тифлиса. От него Сталин впервые услышал о Ленине.

Васильева Л. С. 179

Подручный Ленина

Осенью 1903 года Сталина ссылают в Иркутскую губернию. 27 ноября он прибывает на место, в село Новая Уда Балаганского уезда, а 5 января 1904 года уже бежит в Тифлис.

Иванов Я. // Независим. газета. 1996. 21 дек.

Полиция завела на Кобу криминальное дело. В нем были фотографии анфас и в профиль и следующая запись: «Рост два аршина полтора вершка (приблизительно 163 см); телосложение среднее; возраст 23 года. Второй и третий пальцы левой ноги сросшиеся. Волосы, борода и усы темные. Нос прямой и длинный. Лоб прямой и низкий. Лицо удлинненное, смуглое, с оспинами».

Грей Я. С. 37

Впервые я познакомился с Лениным в 1903 году. Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки. Но оно оставило во мне неизгладимое впечатление, которое не покидало меня за все время моей работы в партии. Я находился тогда в Сибири в ссылке. Знакомство с революционной деятельностью Ленина с конца 90-х годов и особенно после 1901 года, после издания «Искры», привело меня к убеждению, что мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного. Он не был тогда в моих глазах простым руководителем партии, он был ее фактическим создателем, ибо он один понимал внутреннюю сущность

и неотложные нужды нашей партии. Когда я сравнивал его с остальными руководителями нашей партии, мне все время казалось, что соратники Ленина — Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие — стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения.

Сталин И. *Т. 6. С. 52–53*

Ленин, — говорил Коба, — возмущен, что бог послал ему таких товарищей, как меньшевики! В самом деле, что это за народ! Мартов, Дан, Аксельрод — жиды обрезанные. Да старая баба В. Засулич. Поди и работай с ними. Ни на борьбу с ними не пойдешь, ни на пиру не повеселишься. Трусы и торгаши!..

Арсенидзе Р. (участник революционной борьбы в Закавказье).

Из воспоминаний о Сталине // Новый журнал. Нью-Йорк, 1963. №72. С. 221

Это впечатление так глубоко запало мне в душу, что я почувствовал необходимость написать о нем одному своему близкому другу, находившемуся тогда в эмиграции, требуя от него отзыва. Через несколько времени, будучи уже в ссылке в Сибири, — это было в конце 1903 года, — я получил восторженный ответ от моего друга и простое, но глубоко содержательное письмо Ленина, которого, как оказалось, познакомил мой друг с моим письмом. Письмецо Ленина было

сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период. Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело, — когда каждая фраза не говорит, а стреляет. Это простое и смелое письмо еще больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии. Не могу себе простить, что это письмо Ленина, как и многие другие письма, я предал сожжению. С этого времени началось мое знакомство с Лениным.

Сталин И. *Т. 6. С. 53*

В 1904 году он [Сталин] бежит из сибирского лагеря, несмотря на сильные метели и латентную форму туберкулеза, которым он болел согласно некоторым сообщениям.

Ноймайр А. *С. 346*

Аллилуев, отец второй жены Сталина, рассказывает, что при первой попытке побега Коба обморозил себе лицо и уши и вынужден был вернуться назад. Пришлось запастись более теплой одеждой. Крепкая сибирская тройка при надежном ямщике быстро промчала его по снежному тракту до ближайшей станции железной дороги. Обратный путь через Урал длился уже не три месяца, а какую-нибудь неделю.

Троцкий Л. *С. 228–229*

Каким образом грузин, едва говорящий по-русски, впервые попавший в Россию да еще и в Сибирь, без каких-либо связей, лютой зимой так легко бежит из ссылки?

Иванов Я. // Независим. газета. 1996. 21 дек.

Дело в том, что плата за прогоны ямщикам была не деньгами, а водкой: «полтора аршина за прогон», что означало «на каждом постоялом дворе делали остановку, и пассажир выставлял на стол на полтора аршина шкаликов водки».

Яковлев А. С. 308–309

Сталина не выдали (несмотря на его акцент и внешность) именно самые простые и «тертые» русские люди — ямщики, крестьяне, прислуга постоялых дворов, без содействия которых никакой побег через всю Россию не удался бы. Другие русские революционеры, особенно из числа интеллигенции, часто не могли найти общий язык с простыми людьми, или настолько выделялись из массы своими «барскими» привычками или поведением, что вызывали подозрение у простолюдинов, которые, будучи строго приучены к российской государственной дисциплине, немедленно доносили о «странных барах» по начальству. Как известно, именно благодаря таким доносам ямщиков, горничных, дворников и других «подневольных людей» были сорваны, провалены самые искусно подготовленные побег декабристов, Чернышевского и массы народовольцев-дворян из Витимских, Олекминских, Нерчинских и тому подобных сибирских ссылок.

Сталин же, используя интуитивно и сознательно некоторые черты русского характера, умел располагать к себе ямщиков на сибирских трактах. Он не старался их упрасивать скрыть его от полиции обещаниями дать деньги или как барин не предлагал им «дать на водку», т.е. всячески избегал того, чтобы люди воспринимали его как человека, хотевшего их «подкупить», сделать что-то недозволенное за взятку, ибо хорошо понимал, как оскорбляли такие предложения открытых, наивных, честных, простых русских провинциальных людей. Вместо этого, он «честно» говорил ямщикам, что денег у него на оплату поездки нет, но вот пара штофов водки, к счастью, имеется и он предлагает платить по «аршину водки» за каждый прогон между населенными пунктами, насколько хватит этих штофов. Ямщик, конечно, со смехом начинал уверять тогда этого явно нерусского инородца, что водку меряют ведрами, а не аршинами. И тогда Сталин, вытаскивал из-за голенища деревянный аршин — досочку длиной 71 см, доставал из мешочка несколько металлических чарочек, плотно уставлял ими аршин, наливал в них водку и показывал на практике, как он понимал «аршин водки». Это вызывало всеобщий смех, веселье, поскольку все это было, как-то ново, необычно, и приятно «тормошило» русского человека в обстановке серости и обыденности провинциальной жизни. Главное же — такой подход превращал взятку из «подачки» и «подкупа» в товарищескую игру, лишал всю эту сделку ее смущавшего людей неприличия, ибо создавал ситуацию товарищеской шутки, азарта и дружеского взаимодействия, так как нередко уже второй или третий «аршин водки» распивался совместно. «И откуда ты взялся, такой веселый парень! — говорили ямщики, не без сожаления расставаясь с необычным

пассажиром. — Приезжай к нам еще!», — поскольку он слезал через три-четыре станции, откуда уже с другими ямщиками продолжал ту же игру, — всегда проезжая небольшой отрезок пути и никогда не говоря конечного пункта своего следования, и вообще не упоминая ни одной станции, которые он не знал и в названии которых не хотел ошибиться. Он ехал — покуда хватит «аршина водки» или нескольких аршинов, — и так неуклонно и надежно продвигался из Сибири в европейскую Россию, избегая всяких встреч с полицией.

Так, несмотря на весь свой грузинский, «кавказский» вид и вопреки явно нерусскому акценту и речи, Сталину удавались его дерзкие побеги из самых отдаленных углов Российской империи. Он знал народ, и народ, чувствуя это, был на его стороне, разумеется, и не подозревая, с кем в действительности имеет дело.

Похлебкин В. С. 60–61

Без заминки он проделал обратный путь и в феврале 1904 г. приехал в Тифлис. В деньгах беглый ссыльный, по-видимому, не нуждался.

Яковлев Н. Н. С. 46

Сталин впервые таким образом сталкивается с русским коренным народом и осознает, что симпатии этого народа ему будет довольно легко завоевать, ибо народ этот доверчив, открыт, и готов жертвовать собой ради светлой идеи и ради того, кто кажется ему умнее, сильнее и решительнее его самого. А это открывает

совершенно новые перспективы и в революционной работе, и в революционной карьере самого Кобы.

Похлебкин В. С. 56

В 1904 году грузинские революционеры для нелегальных собраний сняли в Тифлисе подвал в доме банкира. Вскоре они решили принять в партию нового товарища Годерадзе. На собрание пришел представитель РСДРП. Молодой, никому не известный. Назвался «Кобой». Сказал: «Пока надо воздержаться от приема в партию Годерадзе». Все были этим обескуражены. Через три дня Годерадзе снова появился. А следом за ним — Коба. К всеобщему изумлению, на сей раз Коба сам предложил принять Годерадзе. Пораженный такой резкой переменой мнения, С. Кавторадзе схватил со стола керосиновую лампу и швырнул в лицо Кобе, который сумел увернуться. Лампа врезалась в стену и разбилась вдребезги. Спокойно закурив трубку, Коба невозмутимо произнес:

— Нехорошо получается. Банкир предоставил нам помещение, а мы вместо благодарности могли поджечь его дом.

Рыбин А. Т. *Рядом со Сталиным. Записки телохранителя.* М.: ИРИС-ПРЕСС, 1994. С. 64–65

Большую часть времени он проводит в разъездах по Закавказью. Летом 1904 г. он в крупнейшем пролетарском центре региона — Баку, осенью в западной части Грузии — Кутаиси, Чиатури и Батуми. В годы культа все, сделанное им тогда, невероятно преувеличивалось, как и достижения кавказских

большевиков. Оставалось никак не объясненным, почему, несмотря на превозносимые титанические усилия Кобы (руководство забастовками, роспуск меньшевистских комитетов, основание большевистских и прочего в таком духе), Грузия так и осталась меньшевистской.

Яковлев Н. Н. *С. 47*

В 1903 году Ленин находился в эмиграции и к нему со всех сторон стекались ученики и последователи. Они бежали из сибирской ссылки, с Урала, из северных губерний России, из Полтавы, из Польши. Во главе своего штаба он начал разработку программы и тактики новой политической партии.

Кобатакже бежал в 1904 году из Восточной Сибири, куда он был сослан. Но он не бежал за границу. Он приехал к себе на Кавказ, в Тифлис, где под носом полиции началась энергичная работа по созданию новой большевистской партии.

За Кобой следили десятки лучших агентов полиции. Но он был неуловим. Он усвоил все приемы известнейших революционеров, когда-либо укрывавшихся от полиции. Он менял одежду, гримировался, носил фальшивые усы и фальшивую бороду, становился женихом перезрелых старых дев из чиновничьих семейств, наконец, даже ухитрился поступить учителем в начальную школу. Агенты полиции не могли открыть этого кавказского Арсена Люпена. Но, сватаясь к перезрелым чиновницам, Коба одновременно продолжал свою большую подрывную работу. Он сделался руководителем закавказского комитета большевиков и редактором нелегальной газеты «Борьба пролетариата». Эта газета издавалась в тысячах

экземпляров и наводняла весь Кавказ, появлялась на фабриках, заводах и даже в канцеляриях правительственных учреждений. Энергия Кобы не знала пределов. Он разрабатывал один план за другим, он вербовал кадры бойцов, он начал доставать оружие, он мечтал о всеобщем восстании на Кавказе, которое должно было смести петербургского наместника, Воронцова-Дашкова.

Беседовский Г. З. На путях к термидору. М.: Современник, 1997. С. 348–349

Он преклонялся перед Лениным, боготворил Ленина. Он жил его аргументами, его мыслями, копировал его бесподобно, настолько, что мы в насмешку называли его левой ногой Ленина.

Арсенидзе Р. // Новый журнал. Нью-Йорк, 1963. № 72. С. 221

Личное его знакомство с Лениным состоялось лишь в 1905 году на партийной конференции большевиков в финском городе Таммерфорсе.

Ноймайр А. С. 340

Впервые я встретился с Лениным в декабре 1905 года на конференции большевиков в Таммерфорсе (в Финляндии). Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моем воображении в виде великана, статного и представительного...

Принято, что «великий человек» обычно должен запаздывать на собрания, с тем, чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причём, перед появлением «великого человека» члены собрания предупреждают: «тсс... тише... он идёт». Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение.

Сталин И. С. 54–55

Главное свое внимание вождь большевиков после провала первой революции устремил на то, что тогда игриво называлось «эксами» или «эксакциями» (в брошюрах того времени часто употребляется и глагол «эксировать»). В этой области ближайшим сотрудником и правой рукой Ленина стал уже в ту пору весьма известный кавказский боевик, по революционной кличке «Коба», он же «Давид», он же «Нижерадзе», он же «Чижиков», он же «Иванович», он же всемогущий русский диктатор Иосиф Виссарионович Сталин-Джугашвили.

Алданов М. С. 56

Революция, как и война, имеет свой нерв — деньги. Без этого нерва лучшие революционеры превращаются в смешных романтиков. Революция должна иметь в своих руках оружие, революция должна иметь за собой могущественную, дорогостоящую организацию.

Перед Кобой встал вопрос: откуда взять деньги?

Он думал не долго.

Вся его психика кавказского жителя, все его юношеское прошлое, его детские игры в разбойники подсказывали ему один выход — грабежи. Деньги находились кругом в достаточном количестве. Их надо было уметь только взять. На Кавказе жили сотни богачей-армян, державших в руках многомиллионные состояния. Казначейство русского правительства ежедневно перевозило сотни тысяч и миллионы рублей. У Кобы были люди решительные и энергичные, смелые кавказцы, привыкшие считать грабеж обычным методом наживы. Он не мог колебаться. Но он был дисциплинированным человеком и не считал возможным пустить в ход свой способ, не согласовав предварительно этого вопроса с лидером партии, с Лениным.

Беседовский Г. С. 349

Крупская, которая много знала о «тайных операциях», откровенно писала: «...большевики считали допустимым захват царской казны, допускали экспроприацию».

Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х кн. М., 1990. Т. 1. С. 101

Началась переписка Кобы с Лениным, приехавшим в это время в Финляндию, где он нелегально проживал. Ленин колебался еще меньше Кобы. Он прислал ему письмо, в котором полностью благословлял на грабежи. Но Ленин писал Кобе также, что «надо все это устроить так, чтобы ответственность ни в коем случае не падала на нашу партию. Организуйте отдельный отряд боевиков-экспроприаторов и поставьте во главе его

вполне надежное лицо, человека, который скорее умрет, чем откроет правду в случае ареста. Если отряд провалится, мы от него отречемся и объявим, что отряд действовал самозвано и самочинно, без нашего разрешения. Иначе мы действовать не можем, так как вся эта меньшевистская слякоть съест нас живьем в случае провала».

Беседовский Г. С. 349

В центре разбойной организации стояли большевики Джугашвили (Сталин) и Тер-Петросян (Камо). Общее руководство по добыванию денег для партийной кассы осуществлял Красин.

Волкогонов Д. Т. 1. С. 102

Коба начал выполнять распоряжение лидера своей партии. Прежде всего он получил новую кличку. Теперь он уже стал называться Нижерадзе. Под этой кличкой началось руководство работой боевиков. Нижерадзе вскоре нашел прекрасного руководителя боевой организации, армянина по фамилии Петросян. Это был рослый красавец, нечеловеческой силы, влюбленный в Сталина, как в женщину, и слепо веривший каждому его слову. Петросян был редким экземпляром убежденного фанатика, способного отдать голову за малейшую запятую из партийного катехизиса. По натуре это был человек редкой храбрости, большой ловкости, находчивый и изобретательный, словно самой судьбой созданный для руководства большой шайкой грабителей.

Беседовский Г. С. 350

Личность эта по своим похождениям почти легендарная.

Соломон Г. Среди красных вождей. М.: Современник, 1995. С. 474

Отец бесился: что нашли вы в этом голодранце Сосо? Разве в Гори нет достойных людей? Не доведет он вас до добра. Однако тщетно — Сосо притягивал нас к себе как магнит. Что же касается брата, он был им словно околдован.

Д. Тер-Петросян (сестра Камо).

Цит. по: *Радзинский Э. С. 68*

Петросян, получивший кличку Камо, начал вербовать членов боевого отряда. Прежде всего он позаботился о женском составе. Несколько грузинок исключительной красоты были сагитированы им и включены в отряд. Они должны были заводить знакомства в определенных кругах, добывать сведения о перевозке денег, выходить замуж за чиновников государственного банка и казначейства, чтобы возможно лучше организовать слежку.

Беседовский Г. С. 350

Мне крайне трудно «объективно» писать о большевиках. Скажу, однако, тут же: (Сталин) это человек выдающийся, бесспорно самый выдающийся из всей ленинской гвардии. Сталин залит кровью так густо,

как никто другой из ныне живущих людей, за исключением Троцкого и Зиновьева. Но свойств редкой силы воли и бесстрашия, я по совести отрицать в нем не могу. Для Сталина не только чужая жизнь копейка, но и его собственная — этим он резко отличается от многих других большевиков.

Алданов М. С. 54

Для приобретения добавочных средств большевики в 1907 г. устроили вооруженное нападение, в стиле дикого Запада, на посыльных Государственного банка, везших деньги по улицам Тифлиса в сопровождении конной охраны. Закулисным организатором ограбления был Иосиф Сталин.

Фишер Л. Жизнь Ленина. Лондон, 1970. С. 110

Шесть раз его арестовывали и шесть раз отправляли в ссылку на поселение: в Восточную Сибирь (1903 г.), в Сольвычегодск (1908 г.), снова в Сольвычегодск (1908 г.), в Вологду (1911 г.), в Нарымский край (1912 г.) и в Туруханский край (1913 г.). Из всех этих мест (за исключением последнего), он бежал, не засиживаясь долго, чаще всего через месяц-другой по водворении на жительство. Жизнь Сталина поистине может служить уроком смирения для деятелей департамента полиции. Хороша была ссылка, из которой человек мог бежать пять раз. Недурно было и то, что Сталина мирно отправляли в ссылку. В вину ему департамент полиции вменял какую-то «маевку», устройство уличных демонстраций, нелегальные издания, руководство экономической забастовкой на батумских предприятиях

Ротшильд, что-то еще в таком же роде. Эти тяжкие преступления должны были вызывать усмешку у людей, знавших настоящую работу Сталина.

Алданов М. С. 56

В 1907 году Сталин принимает участие в экспроприации тифлисского банка.

Троцкий Л. С. 182

Он был верховным вождем так называемых боевиков Закавказья. Я не знаю и, кажется, никто, кроме самого Сталина, не знает точно, сколько именно «эксов» было организовано по его предначертаниям. Высшим партийным достижением в этой области была памятная экспроприация в Тифлисе, обеспечившая большевистской партии несколько лет полезной работы.

Алданов М. С. 55

Закончив организацию боевого отряда, который состоял из 75 человек, Камо выехал в Финляндию и там непосредственно от Ленина получил несколько динамитных бомб македонского образца. С этими бомбами он вернулся в Тифлис.

Беседовский Г. С. 350

13 июня 1907 года, в 10 1/2 часов утра, кассир Тифлисского отделения Государственного банка Курдюмов и счетовод Головня получили на почте присланную отделению из столицы большую сумму денег

и повезли ее в банк в фаэтоне, за которым следовал другой фаэтон с двумя вооруженными стрелками. Оба экипажа были окружены казачьим конвоем.

Алданов М. С. 55

В двуколке находилось около трехсот пятидесяти тысяч рублей пятисотрублевыми банкнотами.

Орлов В. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М.: Современник, 1998. С. 161

В этот день тифлисское отделение государственного банка получило по почте из столицы 375 тысяч рублей пятисотрублевыми кредитными билетами под литерой АМ № 62900 и следующие.

Беседовский Г. С. 350

Современные большевистские источники и устная традиция говорят о 260 тыс. рублей. Но русские газеты того времени (Новое время. 1907. 14 июня) называют и другую цифру — 341 тыс.

Алданов М. С. 55

В центре города вблизи дворца наместника, когда передние казаки конвоя свернули с Эриванской площади на Сололакскую улицу, с крыши дома князя Сумбатова в поезд был брошен снаряд страшной силы, от разрыва которого разлетелись вдребезги стекла окон на версту в округе. Почти одновременно в конвой с тротуаров

полетело еще несколько бомб и какие-то прохожие открыли по нему пальбу из револьверов.<...>

Кассир и счетовод были выброшены из фаэтона первым же снарядом. Лошади бешено понесли уцелевший чудом фаэтон. На другом конце площади высокий «прохожий» ринулся наперерез к мчавшимся лошадям и швырнул им под ноги бомбу. Раздался новый оглушительный взрыв — и все исчезло в облаке дыма. Один из свидетелей видел, однако, что человек в офицерском мундире, проезжавший на рысаке по площади, соскочил с пролетки, бросился к разбитому дымящемуся фаэтону, схватил в нем что-то и умчался, паля наудачу из револьвера по сторонам.<...>

Человек, переодетый офицером, был известный Петросян, ученик и помощник Сталина, прозванный им Камо.

Алданов М. С. 55–57

Во время этого нападения было убито и ранено сто человек. Полиция ухитрилась не поймать ни одного из участников — так велика была паника. Сам престарелый наместник пришел в ужас от такой дерзкой экспроприации.

Беседовский Г. С. 351

Все произошло в считанные секунды, вызвали врачей, на место происшествия примчались военные, полиция и гражданские власти. Опросили очевидцев, раненых отвезли в госпиталь, убрали убитых. В результате нападения, организованного Сталиным в

интересах партии, погибло более пятидесяти человек. <...> Преступление так и не было раскрыто, поскольку не удалось найти доказательства виновности его участников. Только в последние годы, благодаря признаниям людей, находящихся теперь у власти, появилась возможность воссоздать ход тех захватывающих событий...

Орлов В. С. 162

Личное участие Кобы в этой кровавой операции считалось в партийных кругах несомненным...

Троцкий Л. С. 126

Следует отметить, что Нижерадзе не только организовал этот грабёж, но и лично принял в нем деятельное участие. Это он бросил первый снаряд. Нижерадзе сидел на крыше дома князя Сумбатова, и оттуда, с крыши, был им брошен снаряд. Он не должен был этого делать, так как к тому времени занимал уже слишком высокое положение в большевистской партии. Но не устояло его сердце, потомка аланов, любителя разбойничьих игр и смелых походов. Он не хотел быть только руководителем, посылающим других на грабёж. Он лично принял участие в организованном им деле...

Беседовский Г. С. 351

Но это едва ли верно: Сталин занимал уже тогда слишком высокое положение в партии для того, чтобы

исполнять роль рядового террориста. По-видимому, ему принадлежало высшее руководство делом...

Алданов М. С. 57

До этого он принимал участие в убийстве военного диктатора Грузии генерала Грязнова. Генерал должен был быть убит террористами-меньшевиками, но те медлили. И Коба организовал его убийство и очень веселился, когда меньшевики объявили это своим делом.

Иремашвили И. С. 172

Сам Сталин нигде и никогда не обмолвился о своих боевых похождениях ни словом. Трудно сказать, почему.

Троцкий Л. С. 246

Сталин не возвращается и никому не позволяет возвращаться к террористическим актам, так или иначе связанным с его именем, иначе обнаружилось бы неизбежно, что в актах участвовали другие, он руководил ими только издалека.

Б. Суварин.

Цит. по: Троцкий Л.. С. 246

Я не буду приводить имен, замешанных в этом старом деле, ставшем уже достоянием истории. Революционеры, вступившие в 1905 году в открытый бой с царским правительством, смотрели на это дело как на один из актов военных действий.

Соломон Г. С. 474

Ленину, для нужд партии, и были позднее отвезены похищенные деньги. Ни Сталин, ни Камо, в отличие от многих других экспроприаторов, не пользовались, «эксами» для личного обогащения.

Алданов М. Т. 2. С. 57

И вся захваченная при этом «эксе» сумма... была передана партии, или, вернее сказать, большевикам.

Фишер Л. С. 123

Все участники этой экспроприации остались неуловимыми. Русская полиция рвала и метала и, конечно, приняла все меры к тому, чтобы арестовать тех, кто попытался бы разменять эти пятисотрублевки...

Соломон Г. С. 474

Так как номера похищенных билетов были немедленно сообщены во все русские города, часть денег, была отправлена для размена за границу. Размен был поручен Литвинову (будущий сталинский нарком иностранных дел. — *Е. Г.*). Проводя этот размен в Париже, Литвинов был арестован...

Беседовский Г. С. 351

...Большевики не все их смогли разменять до самой революции. Та же Крупская уточняла, что «пытавшиеся

произвести размен были арестованы. В Стокгольме был арестован латыш (Страуян — *Д. В.*) — член цюрихской группы, в Мюнхене — Ольга Равич, член женевской группы, наша партийка, недавно вернувшаяся из России, Богдасарян и Ходжамирян. В самой Женеве был арестован Семашко...»

Волкогонов Д. Т. 1. С. 102

Номера (пятисотрублевых банковских билетов) были известны иностранным банкам.

Фишер Л. С. 170

Тифлисская экспроприация была самой грандиозной из всех, проведенных радикальным крылом РСДРП, но не единственной. Известными «эксами» были захваты крупных денежных сумм на корабле «Николай I» в бакинском порту, ограбления почтовых отделений и вокзальных касс. Формально большевистский центр стоял в стороне, но через таких людей, как Джугашвили, Тер-Петросян, часть средств уходила за границу, в кассу большевиков. Ленину было из каких средств выделять небольшие суммы Каменеву, Зиновьеву, Богданову, Шанцеру, другим большевикам в качестве «партийного жалованья».

Волкогонов Д. Т. 1. С. 102

Он [Сталин] упрятал оставшиеся деньги в такое место, которое едва ли могло вызвать подозрения самой лучшей в мире полиции: кредитные билеты были заделаны в диване заведующего Кавказской

обсерваторией! Чем не Рокамболь? (герой французского авантюрного романа. — *Е. Г.*)

Алданов М. С. 56

«Швейцарские обыватели были перепуганы насмерть... только и разговоров о русских эксах», — сообщала с восторгом Крупская из Швейцарии... «Только дьявол знает, как этот грабеж неслыханной дерзости был совершен», — писала тифлисская газета «Новое время».

Радзинский Э. С. 68

Меньшевики, вслед за буржуазными филистерами, немало негодовали по поводу «заговорщических» методов большевизма и его «анархо-бланкизма».

Троцкий Л. *Сталинская школа фальсификаций*. Берлин: «Гранат». 1932. С. 182.

(Далее цит.: *Троцкий Л.*)

Мне зажали рот вчера, мне зажмут его, конечно, в Революционном трибунале... Но как бы ни зажимали рот, правда об экспроприаторском прошлом Сталина будет вскрыта, а г-н Свердлов и его г-н Троцкий, его кум Сталин и все прочие кумовья уже себя осудили. Этого с меня хватит...

Мартов Ю. (Цедербаум) По поводу «эксав» // Вперед. 1918. 26 апр.

У нас к этому негодованию может быть только одно отношение: презрение. Факт участия в смелом, хотя и

частичном ударе врагу делает только честь революционной решимости Сталина. Приходится, однако, изумляться, почему этот факт трусливо устранен из всех официальных биографий Сталина? Не во имя ли бюрократической респектабельности? Думаем все же, что нет. Скорее по политическим причинам. Ибо, если участие в экспроприации само по себе отнюдь не может скомпрометировать революционера в глазах революционеров, то ложная политическая оценка тогдашней ситуации компрометирует Сталина как политика. Отдельные удары по учреждениям, в том числе и «кассам» врага совместимы лишь с массовым наступлением, т. е. с подъемом революции. При отступлении масс, частные, отдельные, партизанские удары неизбежно вырождаются в авантюры и ведут к деморализации партии. В 1907 году революция откатывалась и экспроприации вырождались в авантюры. Сталин, во всяком случае, показал в этот период, что не умеет отличать отлива от прилива. Неспособность политической ориентировки широкого масштаба он обнаружит в дальнейшем не раз.

Троцкий Л. С. 182

«Я полностью согласен с тем, что Сталин был исключен или вышел из партии после «экспроприации» 1907 года. Иначе быть не могло. Как Вы знаете, только Охранка извлекла пользу из этой глупо задуманной операции. То, что денежные знаки и кредитные билеты были помечены, является довольно веским свидетельством того, что операция родилась в недрах департамента полиции. Тот факт, что царское правительство не потеряло ни одной копейки,

подкрепляется страшной «потерей репутации» большевиками, которой пользовалась их деятельность в России и за границей».

Э. Смит — Дж. Кеннану. Принстон, Нью-Джерси. 26 сент. 1966 г.

Цит. по: *Фельштинский Ю.* Вожди в законе. С. 235

...Спустя несколько лет, «оставшиеся пятисотки были сожжены» (Крупская Н. К. Из воспоминаний... С. 161)

Фишер Л. С. 170

...А Коба получил достаточный досуг изучать эсперанто, если только он не успел разочароваться в языке будущего.

Троцкий Л. С. 249

К тому времени в тюрьме оказался и Вышинский — по делу о железнодорожной забастовке, причем в вину ему был поставлен лишь один, даже не второстепенный, а третьестепенный эпизод: «В декабре 1905 г. в г. Баку в одном из собраний в железнодорожном театре произносил речь, в коей возбуждал железнодорожных служащих примкнуть ко всеобщей политической забастовке...» В феврале 1908 года Особое присутствие Тифлисской судебной палаты только за это и приговорило Вышинского к одному году крепости.

Вышинского отправили отбывать наказание в Баиловскую тюрьму.

Сохранившаяся и до наших дней Баиловская тюрьма была переполнена тогда арестантами. Ее вместимость — по плану и санитарным нормам — составляла 400 человек, набили же туда более полутора тысяч. Режим был достаточно свободным, двери камер не закрывались, арестанты ходили «в гости» из камеры в камеру, многие спали в коридорах.

Камера, куда попал Вышинский, как и все остальные,местила много больше обитателей, чем полагалось. Одно из мест на нарах занимал осужденный, доставленный сюда еще в марте. В полицейских документах он значился как Гайоз Нижарадзе, арестанты звали его Коба, настоящее же имя его было Иосиф Виссарионович Джугашвили, или, проще говоря, Сталин. Забившись в угол и поджав под себя ноги, повернувшись ко всем спиной, в синей косоворотке без пояса, с перекинутым через плечо башлыком, он часами изучал «язык будущего» — эсперанто...

Краскова В. Преступления за кремлевской стеной. Минск, 1999. С. 113–114.

(Далее цит.: *Краскова В.*)

«В тюремной жизни он установил распорядок, — рассказывал спустя 35 лет Каландадзе, — вставал рано утром, занимался гимнастикой, затем приступал к изучению немецкого языка и экономической литературы... Любил он делиться с товарищами своими впечатлениями от прочитанных книг».

Совсем не трудно представить себе список этих книг: популярные произведения по естествознанию; кое-что из Дарвина; «История культуры» Липперта;

может быть, старики Бокль и Дрэпер в переводах семидесятых годов; «Биографии великих людей» в издании Павленкова; экономическое учение Маркса в изложении русского профессора Зибера; кое-что по истории России; знаменитая книга Бельтова об историческом материализме (под этим псевдонимом выступил в легальной литературе эмигрант Плеханов); наконец, вышедшее в 1899 году капитальное исследование о развитии русского капитализма, написанное ссыльным В. Ульяновым, будущим Н. Лениным, под легальным псевдонимом В. Ильина. Всего этого было и много и мало. В теоретической системе молодого революционера оставалось, конечно, больше прорех, чем заполненных мест.

Троцкий Л. С. 57

Он настаивал, чтобы все они обращались друг к другу на «ты». На «вы», наставлял Коба, обращаются к революционерам царские слуги, отправляя их на эшафот.

Яковлев Н. Н. С. 44

«Политические» жили коммуной, деля по-братски продукты, приходившие с воли. Когда было из чего, Коба с удовольствием готовил харчо и острый грузинский соус.

Краскова В. С. 114

Даже осужденные «смертники» содержались вместе с другими заключенными. По ночам их выхватывали из спящей толпы, тащили на виселицу в тюремном дворе и вешали. Прощальные крики и стоны казненных слышали

и переживали все. Коба сохранял спокойствие. Конечно, внешнее. В накаленной человеческими страданиями атмосфере он пробыл восемь месяцев.

Яковлев Н. Н. С. 59

Во время заключения в бакинской тюрьме сожитель Сталина по камере предался однажды мечтам о революции. «Крови тебе захотелось?» — спросил неожиданно Сталин, который тогда еще назывался Коба. Он вынул спрятанный за голенищем сапога нож, высоко поднял штанину и нанес себе глубокий порез: «Вот тебе кровь».

Троцкий Л. С. 350

...Троцкий, отбывший наказание в царских тюрьмах и сибирской ссылке, располагал достоверными сведениями относительно коварности характера Сталина, приведенными в 1928 году в разоблачениях Верещака. В бакинской тюрьме произошел такой случай. Молодой грузин был сильно избит соседями по камере, так как его заподозрили в доносительстве. Окровавленное тело юноши унесли на носилках. Верещак писал, что, как стало известно позже, слух о доносительстве распустил Коба. Другой случай произошел в тюрьме, в которой Верещак и Сталин сидели в одной камере. Там «Митька-грек» зарезал насмерть молодого заключенного. Перед комитетом заключенных убийца утверждал, что тот был полицейским шпионом. В конечном счете после долгого расследования убийца понял, что его ввели в заблуждение, и автором обвинения был Коба.

Дон Левин И. Величайший секрет Сталина // Был ли Сталин агентом Охранки?: Сб. статей. М.: Терра, 1999. С. 287

Во время очередной обструкции заключенных Коба выбил крышкой от параши дверь камеры.

Яковлев Н. Н. С. 65

Эсер Верещак написал в своих мемуарах, что в то время как политические заключенные пытались не якшаться с обычными уголовниками и всячески убеждали свою молодежь этого не делать, Кобу постоянно видели в компании убийц, вымогателей и грабителей. Он всегда восхищался людьми, провернувшими нечто прибыльное. Соседями Сталина по камере были два фальшивомонетчика, изготовившие 500-рублевые банкноты: Сакварелидзе и его брат Нико. Так писал Верещак о том периоде, когда они со Сталиным находились в 1908 году в тюрьме.

Орлов А. Наследие // Был ли Сталин агентом Охранки?

Политических потрясало умение Кобы обходиться с самыми различными людьми, включая уголовников. Он пользовался среди них авторитетом, которого, конечно, не искал. Люди социального дна инстинктивно тянулись к защитнику слабых и убогих в тюрьме.

Яковлев Н. Н. С. 65–66

Вел он себя в тюрьме независимо, перед начальством не пресмыкался. Часто подвергался наказаниям, но при этом казался в самом деле нестигаемым. Однажды я был свидетелем, как его подвергли жесточайшему наказанию — прохождению сквозь строй.

Верещак С. (участник рев. событий в Закавказье)
Сталин в тюрьме // Дни. Париж, 1928. 22 янв.

Немногие выживали после этого. Некоторые от боли и напряжения сходили с ума. Никто не доходил до конца страшного строя. Сталин сказал себе, что дойдет... Его спина обратилась в кровавый пузырь. Он шатался. Но стиснул зубы — и дошел до конца строя. Уже там свалился. Но выжил. Когда оправился — бежал и снова начал подпольную работу.

Дмитриевский С. С. 7

Отрываясь в своем углу время от времени от учебника, Сталин вступал в жаркие споры с меньшевиками и эсерами, составлявшими основную часть «политических». Уголовники относились к нему с почтением и в споры никогда не вступали. Вышинский, как и другие меньшевики, был среди основных оппонентов. Трудно сказать, кто оказывался победителем, — ведь ни судей, ни жюри на тех поединках не существовало, — но Коба, вспоминая его сокамерники, участвовал в спорах, доводил своих противников до иступления: на тюремном языке это называлось «загнать в пузырь». Одним из тех, кто всегда

его поддерживал — зачастую не словами, а «действием», — был Серго Орджоникидзе.

Краскова В. С. 114

Глядя на неразвитый лоб и маленькую голову, казалось, что если ее проткнуть, то из нее, как из газового резервуара, с шумом полетит весь «Капитал» Карла Маркса. Марксизм был его стихией, в нем он был непобедим. Не было такой силы, которая бы выбила его из раз занятого положения. Под всякое явление он умел подвести соответствующую формулу по Марксу. На непросвещенных в политике молодых партийцев такой человек производил сильное впечатление. Вообще же в Закавказье Коба слыл как второй Ленин. Он считался «лучшим знатоком марксизма».

Верещак С. // Дни. 1928. 22 янв.

Сталин — агент Охранки?

После этого грандиозного дела (ограбления тифлисского банка. — *Е. Г.*) банка организация Камо вскоре распалась. Часть членов ее превратилась в обыкновенных уголовных преступников, часть ушла из партии большевиков. Камо бежал за границу, в Берлин, и здесь пытался продолжать свою работу. <...>

Он представил Ленину проект похищения известного банкира Мендельсона с требованием выкупа в

5 миллионов рублей. Камо предлагал в случае отказа семьи Мендельсона внести выкуп отрезать банкиру пальцы на руках и посылать пальцы по почте семье, чтобы заставить внести выкуп.

Беседовский Г. С. 351

Однако германская тайная полиция заинтересовалась кавказским гостем с самого его приезда в столицу. У него был произведен обыск, при котором нашли чемодан с бомбами. По совету Красина, переславшего ему в тюрьму записку через адвоката, Камо стал симулировать буйное умопомешательство — и притворялся помешанным четыре года!

Алданов М. С. 58–59

Будучи арестован, он симулировал сумасшествие и выдержал пытки. Его приговорили к смерти, в последнюю минуту смягчили наказание.

И. Дон Левин.

Цит. по: *Фельштинский Ю С. 293*

...Камо был схвачен немецкой полицией, когда его люди пытались обменять похищенные деньги. Царское правительство потребовало его выдачи, но Камо оказал пассивное сопротивление: притворился, что впал в ступор (оцепенение, резкое угнетение при некоторых психозах. — *Е. Г.*). Лучшие немецкие психиатры указали на ухудшение его умственного состояния. Это спасло Камо.

Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. С. 596

Известно, как он, арестованный в Берлине, чтобы его не выдали русской полиции, добивавшейся этого два года, находясь в тюрьме, притворялся сумасшедшим: он все время идиотски смеялся, приручил пойманного им воробья, не расставаясь с ним даже во время допросов, в комиссии для освидетельствования его умственных способностей танцевал и прыгал, как дурачок, ел всяких насекомых...

Соломон Г. С. 474

После четырех лет пребывания в немецкой тюремной психиатрической лечебнице он был выдан России для продолжения медицинского лечения в тюремном лазарете...

Судоплатов П. С. 596

Признанный тифлисскими врачами душевнобольным, Камо был переведен в психиатрическую лечебницу, откуда немедленно бежал — разумеется, в Париж, к Ленину, которого он по-настоящему боготворил.

Алданов М. С. 58–59

Спустя три года Ленин в Париже встретился с Камо. Вождь большевиков с большой симпатией и одобрением

выслушал террориста. Камо сидел в гостиной у Ленина, ел миндаль, «и рассказывал об аресте в Берлине, придумывал казни тому провокатору, который его выдал, рассказывал о годах симуляции, когда он притворялся сумасшедшим, о ручном воробье, с которым он возился... Ильич слушал и остро жалко ему было этого беззаветно смелого человека, детски наивного, с горячим сердцем, готового на великие подвиги... В период гражданской войны Камо нашел свою «полочку», опять стал проявлять чудеса героизма».

Волкогонов Д. Т. 1. С. 103–104

После октябрьского переворота он работал сначала в Чрезвычайной комиссии, затем в тылу белой армии. По некоторым намекам в большевистской литературе, можно предположить, что ему было поручено важное террористическое предприятие. Камо погиб случайно в Тифлисе, раздавленный на Верейском спуске автомобилем (в 1922 г. — *Е. Г.*).

Алданов М. С. 58–59

«Удар был настолько силен, — писала тифлисская газета, — что товарища Камо отбросило в сторону, и, ударившись головой о тротуарную плиту, он потерял сознание... В больнице, не приходя в себя, он скончался».

Радзинский Э. С. 69

Его верный друг и покровитель Нижерадзе, на этот раз уже всемогущий диктатор, известный под фамилией

Сталин, отдал по телеграфу приказ Тифлисскому ГПУ «расстрелять шофера». Приказ был немедленно исполнен. Шофер, член коммунистической партии, виновный в неосторожном убийстве, был расстрелян по приказу всемогущего диктатора, как искупительная жертва за смерть его верного друга. Кровь аланов еще раз показала себя в Давиде-Кобе-Нижеградзе-Сталине.

Беседовский Г. С. 351

Вскоре после этого инцидента, тем же летом, Сталин отправился на Кавказ, а автор биографии «Камо» Бибинейшвили был репрессирован в ходе большой чистки.

И. Дон Левин.

Цит. по: Был ли Сталин агентом Охранки? С. 293

Товарищ Камо погиб именно в тот момент, когда товарищи уговорили его заняться мемуарами и с этой целью приставили стенографистку... Какая насмешка судьбы!

М. Орахелашвили.

Цит. по: *Радзинский Э. С. 70*

Вскоре после своей высылки за границу Троцкий заявил о подозрительном исчезновении определенных документов из советских архивов, а старый кавказский большевик В. Е. Бибинейшвили вспоминал, что вскоре после того, как в Грузию вторглись Советы, туда приехал «таинственный незнакомец» и под фальшивым

предлогом захватил корреспонденцию Камо и другие ценные документы, которые исчезли без следа. Троцкий поставил вопрос о том, не похитил ли Сталин с помощью одного из своих агентов у Камо определенные материалы, которые по той или иной причине могли беспокоить Сталина.

И. Дон Левин.

Цит. по: Был ли Сталин агентом Охранки? С. 293

Когда Ежова арестовывали, в его сейфе нашли досье на... Сталина! Там были воспоминания какого-то грузина (естественно, исчезнувшего в лагерях), доказывавшего, что Сталин был провокатор. Об этом рассказал сыну один из ближайших соратников Сталина — Маленков.

Радзинский Э. С. 372

Впрочем, «дыма без огня» не бывает. Если Сталин не был постоянным и платным агентом Охранки, он, несомненно, был время от времени осведомителем этого учреждения. Об этом в социал-демократических кругах в 1908—1912 гг. ходили упорные слухи, которым, однако, мало кто верил.

Байкалов А. (меньшевик, участник Февральской революции) Мои встречи с Осипом Джугашвили // Возрождение. Париж, 1950. Март-апр.

Слухи о причастности Сталина к провокациям появились давно, еще в 1910 году. Поводом послужили

многочисленные провалы в Бакинской организации РСДРП.

Каптелов Б., Перегудова З. Был ли Сталин агентом Охранки? // Родина. 1989. № 5

В беседе с нами О. Г. Шатуновская (старая большевичка, состоявшая в описываемое время в партийных организациях Закавказья. — *Е. Г.*) подтвердила, что, по словам Степана Шаумяна, «Сталин с 1906 года являлся агентом царской Охранки». Напомним, что Сталин стал членом РСДРП в 1898 году. Своим близким товарищам по партии, в их числе и Шатуновской, Степан Шаумян рассказывал об обстоятельствах одного ареста на конспиративной квартире в Баку.

Арутюнов Г., Волков Ф. Перед судом истории // Моск. правда. 1989. 30 марта

Потом, когда мне говорили о работе Сталина в Закавказье, особенно жена Шаумяна Екатерина Сергеевна, то рассказывали, что Сталин, будучи в Баку, вел себя как склочник, подсиживал Шаумяна, что в какое-то время работы бакинской организации он и Спандарян захватили руководство в свои руки.

Микоян А. С. 347

В своей, выпущенной в 1940 г. на английском языке книге «Я знал Сталина», я цитировал два инцидента из подпольной жизни Сталина, давших основание считать его полицейским осведомителем. Сталин выдал полиции

двух своих товарищей по большевистской работе на Кавказе К. Цинцадзе и С. Шаумяна.

Шаумян был настолько твердо убежден в предательстве Сталина, что в 1908 г. возбудил против него формальное обвинение в центральных учреждениях большевистской фракции. Но Ленин замял это обвинение, вероятно, потому, что как раз в это время он получал от Сталина награбленные им, Сталиным, деньги для своей работы.

Подробно об этих инцидентах и других «художествах» Сталина писал покойный ныне известный грузинский социал-демократ Ной Жордания в своих воспоминаниях, напечатанных летом 1935 г. в парижской газете «Последние новости».

Байкалов А. // Русская мысль. 1956. 8 мая

Третье обвинение Сталина — в том, что он выдал царским властям Степана Шаумяна, «кавказского Ленина» — впервые появилось в печати в издававшемся Жорданием «Эхе борьбы» (№ 3 за 1930 г.). Речь шла о случае, который произошел в 1907 году в разгар острого соперничества между Сталиным и Шаумяном. Шаумян, армянин, получивший западноевропейское университетское образование, должен был стать членом ЦК партии (он известен в СССР как руководитель двадцати шести бакинских комиссаров, казненных в сентябре 1918 года солдатами Британского экспедиционного корпуса на Кавказе). Грузинское социал-демократическое издание выдвинуло обвинение в том, что честолюбивый Сталин был преисполнен решимости убрать Шаумяна из руководства. «Начавшаяся между ними длительная борьба, —

повествует Суварин (парижский биограф Сталина. — *Е. Г.*), — приобрела такие масштабы, что бакинские рабочие даже подозревали Джугашвили в том, что он донес на Шаумяна в полицию, и требовали, чтобы Сталин был привлечен к суду партийного трибунала. Его спасли арест и ссылка в Сибирь».

Сам Шаумян открыто обвинял Сталина в том, что тот на него донес. Так, он сообщил Жордании о своей уверенности в том, что именно Сталин донес в полицию о нелегальной квартире, в которой иногда ночевал Шаумян и адрес которой был известен только Кобе (Сталину). Шаумян считал, что кроме Сталина донести об этой квартире не мог никто.

И. Дон Левин.

Цит. по: Был ли Сталин агентом Охранки? С. 286–287

Местонахождение этой квартиры знал только Сталин, которому Шаумян доверительно сообщил об этом.

Арутюнов Г., Волков Ф. // Моск. правда. 1989. 30 марта

Авеля Енукидзе я хорошо и давно знал, он еще в 1911 г. предупреждал меня против Сталина и рассказывал о конфликте между Сталиным и Шаумяном. Но это длинная бакинская история, в которую вплетаются элементы полицейской провокации (Сталина и тогда подозревали).

Б. Николаевский — И. Бергеру. 2 октября 1961 г.

Цит. по: *Валентинов Н.* Наследники Ленина. М.:Терра, 1990.

(Далее цит.: *Валентинов Н.*)

Конечно, мимо обвинений такого рода не может пройти ни один серьезный исследователь, тем более, что исходили они от такого видного деятеля, как С. Шаумян. Однако вот какой документ вышел из Бакинского ГЖУ спустя десять дней после сообщения «Фикуса» (кличка секретного агента, выдавшего Шаумяна, некоторые исследователи полагают, что под ней скрывался Сталин. — *Е. Г.*):

«Упоминаемый в месячных отчетах (предоставленных мною от 11 августа минувшего года за № 2681 и от 6 сего марта за № 1014) под кличкой «Молочный», известный в организации под кличкой «Коба» — член Бакинского комитета РСДРП, являвшийся самым деятельным партийным работником, занявшим руководящую роль, принадлежавшую ранее Прокофию Джапаридзе (арестован 11 октября минувшего года — донесение мое от 16 октября за № 3302), задержан, по моему распоряжению, чинами наружного наблюдения 23 сего марта.

К необходимости задержания «Молочного» побуждала совершенная невозможность дальнейшего за ним наблюдения, так как все филеры стали ему известны и даже назначаемые вновь, приезжие из Тифлиса, немедленно проваливались, причем «Молочный», успевая каждый раз обмануть наблюдение, указывал на него и встречавшимся с ним товарищам, чем, конечно, уже явно вредил делу».

Как видим, даже такой опытный революционер, как Шаумян, в сложных условиях не был застрахован от ошибочных суждений по отношению к своим товарищам.

Каптелов Б., Перегудова З. // Родина. 1989. № 5

Мне думается, однако, что, донося в полицию на своих товарищей, Сталин руководствовался не какими-либо политическими или материальными побуждениями, а исключительно чувством мести. Шаумян и Цинцадзе, оба честные и порядочные люди, не могли сочувствовать тем «приемчикам», которые Сталин употреблял в борьбе с меньшевиками (грязная клевета, обвинения в растрате партийных денег, распускание слухов о службе меньшевистских лидеров в Охранке и т. п.), часто с ним жестоко ссорились и угрожали ему партийным судом.

Сталину нужно было как-то избавиться от таких опасных ему и авторитетных в партийных кругах соперников. Своей Охранки у него тогда еще не было, и он, по своей натуре гнуснейший негодяй, пользовался для этой цели царской Охранкой, сводя при ее помощи личные счеты с прогневавшими его людьми и устраняя их со своего пути.

Байкалов А. // Русская мысль. 1956. 8 мая

«Дорогой Николай Владиславович. <...> Дело дошло до того, что сегодня Фрумкин сообщил мне, что из очень серьезного источника ему сообщили, что в грузинской газете «Коммунист» в номере от 20 апреля 1940 г. (шестнадцать лет тому назад!) была напечатана речь Сталина, произнесенная им в Тифлисе (враль не

сообщает, где именно и по какому поводу), в которой он заявил, что истый большевик должен делать все для блага партии, даже служить в Охранке, «что я и делал» (понимается — для блага партии). Я спрашиваю, почему же 16 лет такой материал держался в секрете, этого Фрумкин не знает. Если Вы знаете какого-нибудь грузина (не враля — бывают и такие!), спросите, что об этом было известно...»

Л. Дан — Н. Валентинову-Вольскому. Стенфорд. 11 мая 1956 г.

Цит. по: *Валентинов Н.*

Помню рассказ товарища Сосо после побега из ссылки. Перед побегом товарищ Сосо сфабриковал удостоверение на имя агента при одном из сибирских исправников. В поезде к нему пристал какой-то подозрительный субъект-шпион. Чтобы избавиться от этого субъекта, товарищ Сосо сошел на одной из станций, предъявил жандарму свое удостоверение и потребовал от него арестовать эту «подозрительную» личность. Жандарм задержал этого субъекта, а тем временем поезд отошел, увозя товарища Сосо...

Д. Вадачкория.

Цит. по: Был ли Сталин агентом Охранки? С. 34

«Я слышал историю, что он признался на каком-то студенческом собрании в 1920-е годы, что использовал связи с полицией как средство для побегов из Сибири, но я забыл, где я слышал или читал об этом».

Дж. Кеннан — Эд. Смигу. Стенфорд. 9 декабря 1966 г.

Для характеристики личности Сталина [...] достаточно привести беседу его с одной группой грузинских комсомольцев в Тбилиси, приведенной в фельетоне (жанр фельетона не всегда имел то значение, которое стало привычным в последнее время, изначально фельетоном называлась и просто острая и поучительная статья. — *Е. Г.*) Агниашвили в грузинской газете «Коммунист» от 20 апреля 1940 г. Сталин вел беседу со своими слушателями на тему «Каким должен быть истинный революционер?», и, рассказав о своей жизни, между прочим, сообщил в назидание им следующее: «В 1907 году царское самодержавие арестовало меня и, продержав шесть месяцев в тюрьме, выслало в Сибирь. Вот приехал я в назначенное место, обосновался, ознакомился с местностью, хожу туда-сюда, переписываюсь с Лениным, но потом надоело сидеть без живой работы и я решил нелегально выехать отсюда. Что же мне делать? — спрашиваю себя. Немного подумав, захожу я в местное Охранное отделение и предлагаю себя их агентом-сотрудником. Предлагаю свои услуги по розыску и аресту революционных организаций. Конечно, Охранное отделение принимает меня охотно. Я прошу у них удостоверение о том, что я состою их сотрудником. Они выполняют мою просьбу. Получив удостоверение, я на другой же день сажусь в поезд и направляюсь в Москву. Вдруг в вагоне поезда я заметил какого-то подозрительного субъекта, который исподлобья осматривает меня. Я не смущаюсь. Ах ты, «Виришвило» (грузинское ругательное слово — в дословном переводе — «сын осла». — *Е. Г.*). Думаю, ты хочешь провести меня. Я тебе покажу. Не долго думая, схожу на

ближайшей станции, захожу в жандармское отделение, предъявляю свое удостоверение, выданное охранным отделением, и указываю на того субъекта, чтобы его задержали и установили его личность, так как, говорю, я подозреваю в нем бежавшего из ссылки революционера. Они, конечно, верят. У меня ведь документ в руках. Жандармы немедленно посылают за этим человеком и арестовывают его. Но пока выясняют его личность, я оставляю их всех, сажусь в тот же поезд и улечиваюсь. Вот каким должен быть истинный революционер...

Д. Сагирашвили.

Цит. по: Был ли Сталин агентом Охранки? С. 6–7

В своих мемуарах Н. С. Хрущев описывает одну из встреч с И. В. Сталиным, происходившую в 1937 г. Сталин сказал Хрущеву об аресте его помощников Рабиновича и Финкеля. Хрущев дал им положительную характеристику. Сталин возразил, заявив ему, что они сознались, что являются врагами народа. «Это все чекисты, — говорил Сталин, — стали делать и подбрасывать нам материал, вроде бы кто-то дал им показания. И на меня есть показания, что тоже имею какое-то темное пятно в своей революционной биографии».

«Поясню, — писал Хрущев, — о чем шла речь. Тогда хоть и глухо, но бродили все же слухи, что Сталин сотрудничал в старое время с царской Охранкой и что его побеги из тюрем (из ссылки. — *Ф. В.*), были подстроены сверху, потому что невозможно было сделать столько удачных побегов. Сталин не уточнял, на что намекали, когда разговаривал со мной, но я полагаю, что эти слухи до него как-то доходили. Он мне о них не

сказал и просто заявил, что чекисты сами подбрасывают материалы».

Волков Ф. Взлет и падение Сталина. М. 1992. С. 30

Мой двоюродный брат Зиновий сообщил мне тогда, в 1937 году, в Париже, что было изготовлено несколько фотокопий сталинского досье из Охранки.

Орлов А. (Фельдбин Л.) // Лайф. 1956. 23 апр.

(Здесь и далее цит. по: Был ли Сталин агентом Охранки? С. 235)

В одной из многочисленных бесед, происходивших между В. М. Молотовым, уже находившимся на пенсии, и писателем И. Ф. Стаднюком, он прямо спросил Молотова:

— Верны ли слухи, что Сталин был агентом царской Охранки?

— Да, — ответил Молотов, — он был внедрен в царскую Охранку по заданию большевистской партии.

Волков Ф. С. 30

Полицейские архивы старого режима были разбросаны по многим городам. Значительная часть их сохранилась в Ленинграде. Большое количество документов находилось с первых лет советской власти в одном из помещений, которым пользовался предшественник Ягоды, Менжинский. Теперь они были переданы надежному сотруднику НКВД по фамилии Штейн, который был помощником начальника отдела, готовившего московские процессы.

Однажды Штейн наткнулся на изящную папку, в которой Виссарионов, заместитель директора Департамента полиции, хранил документы, видимо, предназначенные только для его глаз. Листая их, Штейн увидел анкету с прикрепленной к ней фотографией Сталина — тогда еще молодого человека. Он подумал, что ему удалось обнаружить некие реликвии, касающиеся деятельности великого вождя в большевистском подполье.

Штейн уже собрался было бежать к Ягоде с радостным сообщением о ценной исторической находке. Но при повторном осмотре папки у него возникло подозрение. Приподнятое настроение сменилось страхом и ужасом, когда он приступил к чтению. Обширные рукописные докладные и письма были адресованы Виссарионову, почерк же принадлежал диктатору и был хорошо знаком Штейну. Папка действительно прекрасно характеризовала Сталина, однако не Сталина-революционера, а Сталина — агента-provokatora, который неумолимо работал на царскую тайную полицию.

Несколько мучительных дней Штейн прятал папку Виссарионова в своем кабинете. Наконец решение было принято. Он забрал папку и полетел в Киев, чтобы показать ее своему бывшему начальнику по НКВД, который был к тому же его лучшим другом. Это был В. Балицкий, очень влиятельный член ЦК Коммунистической партии Советского Союза. Балицкий также руководил НКВД Украины. Мой двоюродный брат Кацнельсон был близким другом Балицкого с первых дней революции, а теперь и его заместителем.

Когда Балицкий изучил обжигающую руки папку, то был потрясен не менее Штейна. Он позвал к себе Зиновия. Они детальнейшим образом исследовали каждый документ в подшивке. Хотя и простым глазом было видно, что документы подлинные, все провели необходимую экспертизу и анализы, чтобы установить возраст бумаги и, конечно же, идентичность почерка.

Не оставалось и тени сомнения: Иосиф Сталин долгое время был агентом царской тайной полиции и действовал в этом качестве до середины 1913 года. Папка содержала не только агентурные донесения Сталина. Оказалось, что Сталин отчаянно пытался сделать карьеру в царской тайной полиции.

Некоторые из сталинских сообщений от 1912 года относились к Четвертой Думе. Большевистская фракция в этой Думе состояла из шести депутатов во главе с Романом Малиновским. Когда архивы Охранки были открыты после первой так называемой Февральской революции, выяснилось, что Малиновский все это время был царским агентом и ловко обманывал своих коммунистических коллег. После прихода большевиков к власти он был судим, признан виновным и расстрелян.

Орлов А. (Фельдбин Л.) // Лайф. 1956. 23 апр.

Такое открытие было смертным приговором для Штейна.

Жерби А. Сталин был агентом Охранки // Новое русское слово. 1956. 24 апр.

Перед Штейном встал мучительный вопрос: что делать со «взрывоопасной информацией»? Решил он так: забрал папку и полетел в Киев, где вручил ее своему другу — главе НКВД Украины В. Балицкому. Балицкий посвятил в тайну своего заместителя З. Кацнельсона. Затем, тщательно проверив подлинность документов, они передали папку члену Политбюро ЦК ВКП(б) Станиславу Косиору и командующему войсками Красной Армии на Украине Ионе Якиру.

Круг лиц, посвященных в ужасную тайну, расширялся: Якир вылетел с документами в Москву к Тухачевскому, «чья личная неприязнь к Сталину была известна». Тухачевский доверился Гамарнику... Орлов описывает дело так: «Высшие начальники решились поставить на карту свою жизнь ради спасения страны и избавления от вознесенного на трон агента-provokatora». 15 или 16 февраля 1937 года, когда состоялась встреча Кацнельсона с Орловым, генералы Красной Армии находились в состоянии «сбора сил».

Моск. новости. 1996. 10–17 марта. № 10

И все-таки какая-то группировка командного состава была. Не могла не быть. Она была. Вся эта верхушка в Германии проходила учебу, была связана с немцами. Мы получили сведения, у Сталина были данные, что у нас есть связанная с фашистами группа. Называли Тухачевского и Якира. Тухачевский когда-то был в плену в Германии и бежал из плена. Есть какая-то группировка. Что многие из них носили у себя в портфеле жезл Наполеона — это несомненно.

Тухачевский был, по всем данным, бонапартистских настроений. Способный человек. Мог претендовать.

Л. Каганович.

Цит. по: *Чуев Ф.* Каганович. Шепилов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 52.

(Далее цит.: *Чуев*)

Директор Пушкинского заповедника в Михайловском С. Гейченко рассказывал мне о Тухачевском — тот командовал округом, жил под Ленинградом в бывшем дворце царицы, там же служил и отец Гейченко. Тухачевский каждую субботу принимал подчиненных в своем кабинете, сидя на царском троне. Перед ним на столе лежали разложенные пачками деньги, которыми он одаривал за хорошую службу — по-барски и даже по-царски...

Чуев Ф. С. 258

Тысячу раз после провала планировавшегося Тухачевским переворота (названные документы заговорщики намерены были, по утверждению автора, использовать, чтобы скомпрометировать и уничтожить Сталина. — *Е. Г.*) я спрашивал себя, что случилось с этими документами. Возможно, что пытками заставили жертв 1937 года указать места хранения одной или более фотокопий. Но некоторые из них, а возможно, сам оригинал документов, должны были быть сохранены.

Орлов А. (Фельдбин Л.) // Лайф. 1956. 23 апр.

В папке были фотография Сталина, прикрепленная к анкете, собственноручные донесения Сталина в Охранку и его письмо, направленное Золотареву, товарищу министра внутренних дел, — через голову непосредственного полицейского начальства Сталина. В нем «Сталин вежливо напомнил товарищу министра, что имел честь быть представленным ему в приватной комнате некоего ресторана». Письмо содержало обвинение Романа Малиновского, который был одновременно членом ЦК партии и сотрудником Охранного отделения, в том, что тот «работал усерднее для дела большевиков, чем для дела полиции». Золотарев написал на письме: «Этот агент ради пользы дела должен быть сослан в Сибирь. Он напрашивается на это». Сталин был арестован и сослан в Туруханский край.

Моск. новости. 1996. № 10. 10–17 марта

Ген. Якир полетел в Москву и откровенно рассказал все своему другу и однокашнику Тухачевскому, главнокомандующему Советской Армией, неприязнь которого к Сталину была всем известна. Тухачевский, в свою очередь, посвятил в это дело своего помощника ген. Гамарника, известного своей честностью. К ним присоединились еще несколько генералов, ставших позже жертвами кровавой расправы Сталина. Так возник заговор, имевший целью покончить со сталинским режимом, но прежде всего с самим самодержцем, который оказался не кем иным, как новым Азефом, креатурой ненавистной Охранки..

Жерби А. // Новое русское слово. 1956. 28 апр.

Планы их были таковы. Под благовидным предлогом убедить наркома Ворошилова попросить Сталина созвать конференцию по проблемам, касающимся округов и регионов, командующие которыми были посвящены в планы заговорщиков. В определенный час или по сигналу два отборных полка Красной Армии должны были перекрыть главные улицы, ведущие к Кремлю, чтобы заблокировать движение войск НКВД. Одновременно заговорщики объявляют Сталину, что он арестован, собирают Пленум ЦК и расстреливают изменника. Надо ли расстреливать Сталина до или после созыва Пленума — об этом заговорщики еще не договорились.

Моск. новости. 1996. № 10. 10–17 марта

Были две точки зрения. Тухачевский и другие генералы считали, что Сталина следует пристрелить на месте, после чего можно будет собрать ЦК партии и представить документальные доказательства позорного прошлого диктатора. Косиор, Балицкий, Кацнельсон и другие считали, что Сталина нужно передать суду ЦК партии и предъявить ему обличающие документы. Несколько дней спустя Орлов выписался из парижского госпиталя и вернулся в Испанию. Неделю за неделей, месяц за месяцем он слушал радио, ожидая сенсационной новости. 11 июня 1937 года Орлов ехал в автомобиле со стороны франко-испанской границы в Барселону. Внезапно музыка, которую он слушал, была прервана. Радиоспикер объявил: «Срочный бюллетень радио Тулузы. Советский маршал Тухачевский и несколько других генералов Красной Армии арестованы по обвинению в государственной измене и преданы военному суду».

Вейнбаум М. Александр Орлов и его книга // Новое русское слово. 1953. 9–16 дек.

...Маршал артиллерии Казаков, в частности, рассказал об обстоятельствах ликвидации Сталиным высшего командного состава Красной Армии.

В тридцатые годы, по заданию М. Н. Тухачевского, наша военная разведка проникла в штабы и разведывательные управления целого ряда капиталистических государств — Англии, Германии, Франции и т. д. Среди других материалов в руки нашей разведки попали материалы об И. В. Сталине. По свидетельству Казакова, эти материалы раскрывали связи Сталина с царской охранкой и английской разведкой. Тухачевский, Якир, Уборевич, Гамарник и др. руководители Красной Армии обсуждали этот вопрос и пришли к выводу о необходимости убрать Сталина как предателя партии (provokatora) и как изменника революции и социалистической родины.

На одном из совещаний высших военачальников присутствовал кто-то из командиров, связанных с НКВД. Он выдал всех участников совещания, надеясь на этом предательстве сделать карьеру (тип вроде Мехлиса). Узнав, что заговор раскрыт, Гамарник застрелился, а другие его участники были еще ранее арестованы и 11.VI.1937 г. расстреляны.

Гронский И. *Из прошлого. М.: Известия, 1991. С. 205*

12 июня произошло официальное советское сообщение, что военный суд состоялся и казнены восемь высших военных: Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич,

Путна, Эйдеман, Фельдман и Примаков. Штейн, офицер НКВД, открывший папку Охраны о Сталине, застрелился. Косиор, несмотря на положение члена Политбюро, расстрелян. Гамарник застрелился до расстрела генералов. Балицкий был расстрелян.

Аронсон Г. Подлинный документ или фальшивка? // Новое русское слово. 1956. 26 апр.

«Пятая колонна» была у нас. «Пятая колонна» была. Если бы мы не уничтожили эту «пятую колонну», мы бы войну не выиграли. Мы были бы разбиты немцами в пух и прах.

Л. Каганович.

Цит. по: Чуев Ф.. С. 35

Орлов был убежден, что «папка Виссарионова», с которой были сняты фотокопии, была кем-то сохранена, предъявлена Хрущеву, что и заставило его немедленно отмежеваться от Сталина, выступить с разоблачением «культа личности».

Моск. новости. 1996. 10—17 марта. № 10

Однажды, это было уже в 1947 году, мне принесли документ, написанный на русском языке. Я сразу понял, что это не фотостат, а подлинное письмо, отправленное из штаб-квартиры Охранки, тайной полиции царского режима, в 1913 году. <...> Письмо адресовано начальнику Охранки Енисейской губернии в Сибири, в

которую входил и Туруханский край, куда в 1913 году был выслан Сталин.

Дон Левин И. // Лайф. 1956. 23 апр.

Приведем это письмо полностью:

«М.В.Д.

Заведывающий особым отделом Департамента
полиции

12 июля 1913 года

2898

Совершенно секретно

Лично

Начальнику Енисейского Охранного отделения А. Ф.
Железнякову

[Штамп: «Енисейское Охранное отделение»]

[Входящий штамп Енисейского Охранного
отделения:] Вх. № 65 23 июля 1913 года.

Милостивый Государь

Алексей Федорович!

Административно-высланный в Туруханский край Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин, будучи арестован в 1906 году, дал начальнику Тифлисского г[убернского] ж[андармского] управления ценные агентурные сведения. В 1908 году н[ачальни]к Бакинского Охранного отделения получает от Сталина ряд сведений, а затем, по прибытии Сталина в

Петербург, Сталин становится агентом Петербургского Охранного отделения.

Работа Сталина отличалась точностью, но была отрывочная.

После избрания Сталина в Центральный комитет партии в г. Праге Сталин, по возвращении в Петербург, стал в явную оппозицию правительству и совершенно прекратил связь с Охраной.

Сообщаю, Милостивый Государь, об изложенном на предмет личных соображений при ведении Вами розыскной работы.

Примите уверения в совершенном к Вам почтении

[Подпись:] *Еремин»*

Фельштинский Ю. С. 17–18

У меня в руках было окончательное доказательство того, что Сталин действительно принадлежал к царской Охранке.

Дон Левин И. // Лайф. 1956. 23 апр.

Дон Левин И. получил этот документ от трех лиц с безупречной репутацией, купивших его от проф. М. П. Головачева, беженца, жившего в Шанхае. Эти лица следующие: Вадим С. Макаров, сын русского адмирала, в настоящее время работающий в Соединенных Штатах в качестве инженера; Борис Бахметьев, прежний русский посол в Соединенных Штатах от Временного правительства; Борис Сергеевский, пионер русской авиации и ныне работающий в качестве пилота в США.

Головачев же, продавший им этот документ, получил его от полковника Русианова, офицера царской полиции, во время февральской революции разгромившего Охранку в Енисейске, и увез его в Шанхай, спасаясь от октябрьского переворота. В одну из своих поездок в Соединенные Штаты он продал документ вышеназванным трем лицам.

Жерби А. // Новое русское слово. 1956. 24 апр.

Этот документ, если он подлинный, наконец-то проливает свет на самую неуловимую часть сталинской карьеры. В течение многих лет существовали слухи, предположения и даже догадки о том, что Сталин, несмотря на приобретение веса в рядах большевиков, пытающихся свергнуть царское правительство, работал на царскую Охранку. Но наиболее критически настроенные по отношению к нему его биографы и даже его злейший враг Лев Троцкий отвергали это обвинение либо как абсурдное, либо как абсолютно бездоказательное.

Дон Левин И. // Лайф. 1956. 23 апр.

Два человека — Александр Орлов и Исаак Дон Левин — в двух статьях в очередном номере еженедельника «Лайф» — доказывают, что Сталин служил в царской Охранке, что он был и революционером, и шпионом, агентом-provokатором, вроде Азефа, вроде большевика и члена Четвертой Государственной думы Малиновского и других... Александр Орлов, он же Лев Лазаревич Никольский (?), в прошлом (до середины 1938 года) видный чиновник НКВД, а позже невозвращенец и автор «Тайной истории

преступлений Сталина». Исаак Дон Левин — американский журналист и антикоммунистический деятель.

Вейнбаум М. // Новое русское слово. 1956. 21 апр.

Когда после русской революции 1917 г. был открыт доступ в центральные архивы Охранки, обнаружилось, что в самые близкие к Ленину круги большевиков Охранка разместила, по крайней мере, с дюжину тайных агентов. Тщательное расследование позволило опознать личность одиннадцати из них. Кто же был неразгаданный двенадцатый? Если письмо Еремина не подделка, то сам Сталин.

Дон Левин И. // Лайф. 1956. 23 апр.

В «письме» говорится, что Сталин вступил в сотрудничество с Охранкой после ареста в 1906 году. (Историкам легко вычислить, что этот арест Сталина мог быть связанным лишь со знаменитым, но печальным эпизодом в истории большевистской партии — облавой на Авлабарскую типографию. — *Е. Г.*) Но в имеющемся в архиве подробном списке арестованных в связи с провалом Авлабарской типографии Сталин отсутствует.

Перегудова З. Был ли Сталин агентом Охранки? // Общая газета. 1997. 9—15 окт.

Существование Авлабарской типографии — один из наиболее романтических эпизодов в истории партии большевиков. Местоположение, где печаталась подпольная литература, было восстановлено и

превратилось в приманку для экскурсий, ибо считалось, что типография — детище Сталина. Большая советская энциклопедия называет Авлабар «выдающимся образцом подпольной техники большевиков» и утверждает, что она «превосходила все другие подпольные типографии». Тайна существования Авлабарской типографии, печатавшей пропагандистскую литературу большевиков, была раскрыта царским правительством 15 апреля 1906 года. На следующий день главная тифлисская газета напечатала следующую заметку...

«Тайная типография.

В субботу, 15 апреля, на Авлабаре, шагах в 150-200 от городской острозаразной больницы, в отдельно стоящем доме без жильцов Д. М. Ростомашвили, во дворе обнаружен колодец до 10 саж. глубиной, в который можно было спуститься по блоку. По галерее внизу колодца на глубине около 7 саж. можно было сообщаться с другим колодцем, в котором была поставлена приставная лестница высотой около 5 сажен. По лестнице можно было попасть во второй подвал, расположенный ниже первого подвала этого дома. В этом подвале обнаружены вполне оборудованная типография с 20 типографскими кассами со шрифтами русским, грузинским и армянским, печатная ручная машина, стоящая 1.500-2.000 рублей, различные кислоты, гремучий студень и другие принадлежности для снаряжения бомб, всевозможная нелегальная литература, печати различных частей войск и учреждений, а также разрывной снаряд, в котором находилось 15 фун. динамита. Типография эта освещалась ацетиленовыми лампами, и в ней устроена была электрическая сигнализация. Во дворе дома, в сарайчике, найдены еще 3 «снаряженных бомбы», втулки

к ним и проч. Как причастные к этому делу арестованы 24 лица, устроившие заседание в редакции газеты «Элва». При обыске помещения этой редакции найдена масса нелегальной литературы и прокламаций, а также около 20 чистых паспортных бланков. Помещение редакции опечатано. Так как из этой тайной типографии идут в разные направления какие-то провода, то ныне производятся раскопки в надежде найти другое подземное помещение. Инвентарь, найденный в этой типографии, перевезен на 5 подводах. Вечером того же дня арестованы еще трое соучастников. Когда арестованных вели в тюрьму, они все время пели «Марсельезу».

Е. Ярославский.

Цит. по: О товарище Сталине. М., 1939. С. 23–24

15 апреля во время полицейской облавы на авлабарскую типографию Сталин был арестован, а затем отпущен.

Л. Троцкий. С. 25

Через несколько часов после ареста в Авлабаре Сталин был отпущен на свободу. Чем это можно объяснить, кроме как сделкой с Охранкой? Он получил свободу в обмен на поездку в Стокгольм в качестве делегата с последующим докладом в Охранку о том, что происходило в самом центре революционеров-заговорщиков.

Дон Левин И. // Лайф. 1956. 23 апр.

В связи с арестом Авлабарской типографии в архиве имеется несколько дел, в которых фигурирует, в частности, 17 человек, арестованных в разное время (с 15 апреля по 21 мая) по этому делу. Фамилия Джугашвили в этом перечне отсутствует. В документах более позднего времени арест 1906 г. никак не отражен, что вызывает сомнение: а был ли арест в 1906 г.? Джугашвили в это время находился в Стокгольме на IV съезде РСДРП, который открылся 10 апреля (23 апреля нового стиля). Левин выдвигает версию, что Сталин был арестован 15 апреля (старого стиля), дал сведения, а через 8 дней (23 апреля нового стиля), когда начал работать съезд, оказался на съезде. Но здесь автора подвел пересчет со старого стиля на новый.

Не подтверждается версия о том, будто Сталин выдал Авлабарскую типографию. Судя по документам, типография была обнаружена случайно, никаких агентурных данных о ее существовании на территории Авлабар у жандармерии не было. Обратимся к донесению начальника Тифлисского ГЖУ, который 17 апреля 1906 г. доносил в Департамент полиции:

«15 апреля утром были произведены повальные обыски в разных частях города Тифлиса, в тех местах, где наблюдались подозрительные лица. В числе обысков, производимых на окраине города, в местности 7 участка «Авлабар» — обыск усадьбы Ростомашвили был поручен временно прикомандированному по вверенному мне управлению для производства дознаний ротмистру Юлинцу (начальник Батумского отделения жандармского полицейского управления железных дорог). В подвале флигеля этой усадьбы, покинутой жильцами, за три дня перед тем ротмистром Юлинцем были обнаружены семь стеклянных запалов, употребляемых для взрывания бомб

и завернутых в бумагу с типографскими оттисками, что подало ротмистру Юлинцу мысль о возможности нахождения в этой усадьбе тайной типографии».

Примечательна резолюция на этом донесении: «Затребовать подробные приметы и точные сведения о скрывавшихся жильцах и арендаторах для последующего розыска».

Коптелов Б., Перегудов В. // Родина. 1989. № 5

Работал ли в Охранке человек по фамилии Железняков, кому было адресовано мое письмо? Существовал ли подписавший письмо Еремин? И найдется ли человек, который знал его и может подтвердить подлинность его подписи? И, наконец, жив ли кто-нибудь работавший в Особом отделе и непосредственно осведомленный о связях Сталина с Охранкой?

В начале 1950 года я предпринял поиски во Франции и в Германии. Самое большее, что мне удалось сделать по поводу Железняка, это разыскать нескольких русских беженцев, которые знали его лично в Сибири и могли подтвердить, что такой человек существовал и занимал именно эту должность. Зато по поводу Еремина мне повезло по-настоящему.

На окраине Парижа жил старик с солдатской выправкой, бывший генерал Охранки Александр Спиридович. Генерал Спиридович был известен как оставшийся в живых сотрудник высшего эшелона царской секретной службы. Он получил ранение во время совершенного покушения в 1905 году в Киеве, где он был

начальником местной Охранки. Когда свершилась революция, он бежал во Францию.

Спиридович вступил в переписку о письме из Охранки со своим другом Макаровым, живущим в Нью-Йорке. 14 июля 1949 года он написал следующее:

«Я хорошо знал Еремина. После того как я был ранен в Киеве в 1905 году, Еремин по моему представлению был назначен начальником Киевского Охранного отделения».

Когда я приехал повидаться со Спиридовичем в Париже, я объяснил ему, что решающий момент заключается в подтверждении достоверности подписи Еремина. Тогда любезный генерал принес серебряный графин на подносе. Он взял семидюймовой высоты графин и протянул его мне.

— Это был подарок моих подчиненных по выздоровлении после совершенного на меня покушения на убийство, — сказал генерал Спиридович, указывая на выгравированные подписи офицеров его подразделения.

Взглянув на подписи, я сразу увидел нечто знакомое.

— Это подпись Еремина! — воскликнул я. Я вынул фотостат письма, который привез с собой. Генерал Спиридович увидел его впервые. Он тоже тотчас узнал почерк Еремина. Сравнение обеих подписей не оставило у нас никаких сомнений в том, что подпись на письме подлинная.

Дон Левин И. // Лайф. 1956. 23 апр.

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации. — *Е. Г.*) располагает множеством документов за подписью Еремина, очень характерной. Графологическая экспертиза однозначно установила: подпись под посланием Железнякову не принадлежит Еремину.

Перегудова З. // Общая газета. 1997. 9—15 окт.

Документ, опубликованный Дон Левин И.ым, написан на бланке Заведывающего Особым отделом Департамента полиции, подписан заведывающим Ереминым и датирован 12 июля 1913 г. Между тем из совершенно бесспорных, не вызывающих сомнений данных явствует, что в это время, т. е. 12 июля 1913 года, Еремин уже не был заведывающим Особым отделом Департамента полиции, так как за месяц до того, а именно 11 июня 1913 года, получил назначение начальником Финляндского жандармского управления. Отсюда со всей очевидностью вытекает, что фабрика фальшивых документов, не зная об уходе Еремина с поста заведывающего Особым отделом Департамента полиции за месяц до 12 июля 1913 года, в данном случае попалась с поличным. Как, впрочем, это часто бывает при подделках: не доглядели мелочь — и на этой мелочи провалились.

Аронсон Г. // Новое русское слово. 1956. 20 мая

Прежде всего в Красноярске никакого «Охранного отделения» в 1910—1917 гг. и не было. Существовало, как и в других губернских городах Российской Империи, только Енисейское губернское жандармское управление.

Штат его состоял из двух офицеров: начальника и его помощника, и двух-трех десятков унтер-офицеров. В г. Енисейске, небольшом уездном городе (8000 жителей), никаких жандармских учреждений вообще не было. Если там возникало какое-либо «дело», то для разбора его из Красноярска приезжал начальник жандармского управления или его помощник.

Я не могу сказать, был ли в Енисейском губернском жандармском управлении офицер, носивший фамилию А. Ф. Железнякова. Если бы был, я, вероятно, помнил бы эту фамилию. Когда в 1911 и 1915 гг. меня подвергали кратковременным арестам, допрашивал меня помощник начальника управления ротмистр Оболенский. Начальником управления в 1913—1917 гг. был полковник Белов (Беляев).

Байкалов А. // Русская мысль. 1956. 8 мая

Тщательное изучение, в свете известных мне документов и фактов, утверждений гг. Орлова и Левина, что Сталин был царским полицейским агентом, вызывает во мне сомнения в их достоверности. Согласно утверждению г-на Орлова, Сталин был активным шпионом в 1912—1913 гг. и делал свои доклады Виссарионову, вице-директору Департамента полиции. После революции 1917 года Сергея Виссарионова допрашивала специальная следственная комиссия. Виссарионов оказал большое содействие следствию, назвав имена тайных агентов и сообщив ряд других подробностей деятельности Департамента полиции. На вопрос, работали ли под его руководством лидеры революционных партий, он ответил, что из них был только один, Роман Малиновский. Он не упомянул

Сталина, хотя у него не было никакого основания скрывать какую-либо связь Сталина с Охранным отделением. Шеф Виссарионова, Степан Белецкий, директор Департамента полиции, также подробно входил на допросах в обсуждение деятельности Департамента полиции, но и он не упомянул имени Сталина.

Жерби А. // Русская мысль. 1956. 19 мая

Хочется еще добавить к сказанному, что за границей после революции проживал бывший начальник С.-Петербургского Охранного отделения ген. Герасимов, опубликовавший на французском языке свои мемуары, который, несомненно, был бы осведомлен о службе Сталина в Охранке. Что могло побудить его скрыть этот красноречивый факт, если бы он соответствовал действительности? И что могло Виссарионова из Департамента полиции, руководившего деятельностью Малиновского, скрыть на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии при Временном правительстве в 1917 г. — скрыть, что он «вел» того же Сталина в качестве секретного сотрудника?

Аронсон Г. // Новое русское слово. 1956. 26 апр.

С. П. Мельгунов сообщает о том, что он был председателем комиссии, завладевшей полицейскими архивами в Москве, и что эти архивы не содержали какого-либо компромата на Сталина. Впоследствии Мельгунов оказался в тюремной камере вместе с Виссарионовым, одним из главных руководителей тайной полиции, и расспросил его о большевиках — осведомителях Охранки. Виссарионов не располагал

никакой информацией, ибо эта служба не имела к нему отношения, но якобы слышал, что речь шла о... Троцком.

Дж. Кеннан. Архив гугеровского института.

Цит. по: *Фельштинский Ю. С. 280*

«Сейчас здесь все только и говорят о провокаторстве Сталина. Документ этот у меня был едва ли не с 1945 г., а знал я о нем еще со времен парижских. Меня просили напечатать его с комментариями, я отказался, заявив, что «Сталин был провокатором, но документ — поддельный и только скомпрометирует разоблачение». Это же думаю и теперь».

Б. Николаевский — Н. Валентинову. Париж. 20 апреля 1956 г.

«От документа, пущенного в обращение [...] Дон Левиным, за десять километров несет такой фальшью, что нужно быть просто слепым или дураком, чтобы ее не заметить. Неужели департамент полиции не знал, что нет «Енисейского охранного отделения», а есть «Енисейское губернское жандармское правление»? Ротмистр Железняков действительно существовал, но не был начальником несуществующего Енисейского охранного отделения. В книжечке Москолева «Русские бюро большевистской партии» (изд. 1947 г.) на стр. 149–165 довольно подробно рассказывается, как и кто следил за Сталиным в Туруханском крае. Упоминается и ротмистр Железняков, но не в качестве начальника «Охранки». В донесении полиции говорится побочно о Джугашвили (о Сталине тогда почти никто не слышал), и, конечно, не в

том придуманном (глупо!) стиле, в каком составлен документик».

Н. Валентинов — Б. Николаевскому. 25 апреля 1956 г.

Цит. по: *Валентинов Н.* Наследники Ленина

Сомнение это должно усилиться теперь, когда в приведенных в книжке Москалева документах из Красноярского архива по фондам Енисейского жандармского управления вы ни разу не встречаете партийной клички: Сталин. Во всех справках и документах Сталин называется постоянно: Джугашвили — и только. Департамент полиции предписывает: «Водворить Джугашвили в один из отдаленных пунктов»... Начальник Енисейского жандармского управления приказывает «принять меры к воспрепятствованию побега Джугашвили». Я. Свердлов в перехваченном письме от 11 марта 1914 года пишет об Иосифе Джугашвили — и не только по соображениям цензуры, но потому, что Сталина тогда Сталиным никто не называл. Никто, кроме автора сфабрикованного документа, о котором идет речь.

Аронсон Г. // Новое русское слово. 1956. 1 мая

Как я уже писал выше, в г. Енисейске никакой Охранки никогда не было. Что касается жандармского управления в г. Красноярске, то, по постановлению образовавшегося там 28 февраля 1917 г. Комитета общественной безопасности, я в ночь на 2 марта занял нарядом войск помещение жандармского управления. Офицеры были арестованы, унтер-офицеры отпущены по

домам, а самое помещение с его архивами поставлено под военную охрану.

Мне и присяжному поверенному В. Я. Гуревичу было поручено допросить жандармских офицеров с целью получения от них фамилий и адресов их секретных сотрудников. Оба офицера — и начальник управления, и его помощник — дали самые подробные и откровенные показания о своих агентах. На основании этих показаний сразу же было арестовано десятка два агентов, которых позже, в августе 1917 года, судили в согласии с изданным Временным правительством распоряжением.

Все находившиеся в архиве жандармского управления бумаги были внимательно рассмотрены следственной комиссией, назначенной губернским комиссаром д-ром В. М. Крутовским. В составе этой комиссии были адвокаты и общественные деятели, представителя большевиков не было. Никто из офицеров царской полиции доступа к архивам жандармского управления не имел.

В разбиравшихся делах агентов Охранки я выступал в качестве общественного обвинителя и благодаря этому имел доступ ко всем собранным следственной комиссией материалам. Если бы в архивах жандармского управления нашелся бы какой-либо документ относительно работы Сталина в Охранке, этот документ, несомненно, был бы сообщен мне следственной комиссией, члены которой не имели, конечно, никаких оснований его скрывать.

Байкалов А. // Русская мысль. 1956. 8 мая

Даже тот факт, что Дон Левин И., добросовестный писатель-историк, посвятил целых три года и несколько поездок в Европу, не говоря о многих поездках в европейские различные страны для этого, прежде, чем передать оригинал письма Еремина в Толстовский фонд, не дает нам права считать проверку вполне законченной.

Жерби А. // Русская мысль. 1956. 28 апр.

Сталин отбывал ссылку в деревне Мирное Туруханского края. В этой маленькой деревушке, в 1500 верстах от Красноярска, никакой революции делать было нельзя, и потому у жандармов не могло быть никаких оснований «подсаживать» туда своих секретных агентов. Я думаю поэтому, что Департаменту полиции незачем было бы осведомлять жандармские власти Енисейской губернии о приезде в Туруханский край Сталина: они никак не могли бы использовать его услуги для розыскной работы.

Байкалов А. // Русская мысль. 1956. 8 мая

Не входя в рассмотрение вопроса, служил ли Сталин до революции в царской Охранке, и не располагая никакими данными по этому вопросу ни «за», ни «против», я хочу только прибавить несколько доводов в пользу тех сомнений в подлинности приведенного Дон Левин И.ым документа в его статье в «Лайфе», которые высказал М. Е. Вейнбаум в «НРС» 21 апреля. Эти доводы следующие:

1) Фраза, приведенная в документе, о том, что «Сталин по возвращении в Петербург стал в явную оппозицию к правительству», представляется мне

совершенно не соответствующей обычному стилю Департамента полиции. Да она и не соответствует стилю, принятому в публицистике тех лет. К тому же надо иметь в виду, что большевики были партией революции, а не оппозиции. Об «оппозиции правительству» можно было говорить в применении к кадетам, а не большевикам.

2) Странно, что в документе, датированном 1913 годом, упоминается Петербург без прибавления «Санкт» или буквы «С». В официальной корреспонденции строго придерживались официального наименования столицы.

3) Вызывает сомнения и то обстоятельство, что документ подписан одним лицом, Ереминым, на бланке «Заведующий Особым отделом Департамента полиции». Выясняя этот вопрос, я имел возможность видеть свыше двадцати фотокопий документов, исходивших от Департамента полиции за годы 1902—1907. Всюду бланк имеет другой вид, а именно: «Министерство внутренних дел. Департамент полиции. По Особому отделу». Затем каждый документ Департамента полиции имеет не меньше двух подписей, обычно — три подписи. Вот, например, типичный циркуляр Департамента полиции, разосланный жандармским управлениям и Охранным отделениям, — от 21 сентября 1907 г. за № 135424. Он сопровождается следующими подписями. Подписал: За вице-директора Пешков. Скрепил: За заведующего отделом Еремин. Верно: За помощника делопроизводителя Луценко. Причем только третья подпись оригинальная, две первых — на пишущей машинке.

4) В документе упоминается, что по прибытии в Петербург «Сталин становится агентом Петербургского Охранного отделения». М. Е. Вейнбаум правильно

усомнился в том, насколько Департамент полиции называет своих служащих «агентами». Правда, при тайной полиции существовала «внутренняя агентура», но, насколько можно заметить, жандармы в своих мемуарах (например, П. Заварзин в книге «Работа тайной полиции», Париж, 1924 г.) никогда не пишут об агентах, а всегда о «секретных сотрудниках». Да и в циркулярах Департамента полиции, например от 5 июля 1907 г., за подписью Курлова и других, говорится: «Получены сведения, что мещанин Цехновицер и некий Деллер шантажируют под видом секретного сотрудничества разных лиц» и т. д.

5) М. Е. Вейнбаум совершенно прав, когда удивляется, что в документе наряду с Джугашвили приводится имя Сталина, в те годы почти неизвестное ни в литературе, ни даже в партии большевиков, где он именовался Коба, Иванович, Васильев и др. Неверно и указание в документе, что Сталин был избран в ЦК в г. Праге, когда официальные источники говорят о его кооптации и то «после Пражской конференции». Авторы документа могли этого не знать и не понимать разницы, — тем не менее, она существенна с точки зрения организационных нравов у большевиков.

Можно было бы привести еще другие соображения, вынуждающие признать, что мы в данном случае имеем дело не с подлинным документом, а с фальшивкой, — каких одно время в русской эмиграции расплодилось немало и по разнообразным случаям. Общеизвестно, в частности, что на Дальнем Востоке фабрикация таких фальшивок, рассчитанных на малоопытных людей, одно время была довольно широко поставлена.

Аронсон Г. // Новое русское слово. 1956. 26 апр.

Кроме того, жандармские офицеры имели военные чины, и департамент полиции не стал бы именовать подчиненного ему офицера «милостивым государем», а употребил бы присвоенное чину обращение, например «Ваше Высокоблагородие».

Впрочем, этот ляпсус может быть объяснен тем, что Жерби А. пришлось пересмотреть документ с опубликованного Дон Левиным английского перевода. При двойном переводе такого рода искажение текста вполне возможно.

Я на основании изложенного думаю, что хранящийся в библиотеке Толстовского фонда документ подложен, но, разумеется, я не могу высказать окончательного мнения об этом, не ознакомившись с подлинником документа.

Байкалов А. // Русская мысль. 1956. 8 мая

Просмотр и изучение архивных дел фонда Департамента полиции Министерства внутренних дел и, в частности, Особого отдела Департамента полиции, который возглавлял полковник Еремин, показало, что воспроизведенного в статье его письма не было и нет. Каких-либо изъятий листов в делах не обнаружено.

Из официальной справки ЦГАОР* // Моск. правда. 1989. 2 июля

*Центральный Государственный архив
Октябрьской революции

Вывод: Сталин, виновный в более страшных предательствах и вероломстве, теоретически рассуждая, вполне мог бы служить царской полиции, однако этому пока нет никаких доказательств и уж тем более не могут служить доказательством фальшивый документ, напечатанный в «Лайфе», и абсурдная статья Александра Орлова.

Дж. Кеннан.

Цит. по: *Фельштинский Ю. С. 274*

Списки секретных сотрудников, действующих в Бакинской организации, хранящиеся в ГАРФе, насчитывают в эти годы 20 человек. Сталина среди них, хотим мы этого или не хотим, — нет.

Тогда кто же был автором документа-фальшивки и зачем она ему понадобилась? Фамилия этого человека выше уже называлась: Руссиянов. В сентябре 1915 года ротмистр Руссиянов сменил ротмистра Железнякова на посту заведующего Енисейским розыскным пунктом.

Судя по «письму Еремина», оно могло быть изготовлено только лицом, знавшим специфику оформления таких документов. Но в данном случае автор фальшивки слишком понадеялся на себя, на свою память. В материалах Временного Сибирского правительства Колчака есть приказ министра внутренних дел — Руссиянов назначается начальником Акмолинского

областного управления государственной охраны. Если сравнить материалы Сибирского Временного правительства и «письмо Еремина», то в стиле их оформления, в малоприметных деталях больше сходства, чем с документами Департамента полиции.

В отличие от полковника Еремина, который как профессионал вызывает своего рода уважение, Руссиянов не был человеком, скрупулезно соблюдавшим все необходимые формальности, его скорее отличала самонадеянность и импульсивность, к тому же есть документы, где ставится под сомнение его моральная чистоплотность. Взвесив все это, можно допустить, что именно Руссиянов изготовил фальшивку.

Графологическая экспертиза по моей просьбе была проведена крупным специалистом, юристом-графологом Диной Петровной Поташник, которой были представлены и подлинные документы с автографами Руссиянова. Экспертиза с большой степенью вероятности удостоверила, что подпись в подражание Еремину была выполнена именно Руссияновым. Полагаю, что «письмо» было изобретено в 1945—1947 гг. Возможно, у Руссиянова была своя корысть: революция в Китае заставила многих белоэмигрантов перебраться в Америку. Возможно, он захотел набить себе цену, и «документ» показался ему своеобразной визой для въезда в США.

Каптелов Б., Перегудова З. // Родина. 1989. № 5

«Он вышел живым из этого ада...»

По смутным сообщениям, он будто бы болел туберкулезом легких, который, однако, не помешал ему совершить авантюрный побег из ссылки и преодолеть невероятные трудности пешего перехода через бесконечные ледяные пространства Сибири. В феврале 1909 года, опять же в ссылке, он заболел тяжелой формой брюшного тифа, в связи с чем подлежал перемещению, но, несмотря на очень ослабленное общее состояние организма вновь сумел бежать с этапа под Вологдой.

Ноймайр А. С. 446–447

8 февраля 1909 года, находясь в ссылке, он заболел тифом, и его должны были перевести в другой лагерь. Но общее состояние было настолько тяжелым, что сопровождавшие сочли необходимым прервать этап не менее, чем на три недели. Его под конвоем препроводили в губернский город Вологду.

Ноймайр А. С. 343

24 марта 1910 г. жандармский ротмистр Мартынов сообщал, что им задержан Иосиф Джугашвили, известный под кличкой «Коба», член бакинского Комитета, «самый деятельный партийный работник, занявший руководящую роль» (будем верить, что документ не исправлен рукою Берия). В связи с этим арестом другой жандарм докладывал по начальству: «ввиду упорного участия» Джугашвили в революционной

деятельности и его «двукратного побега», он, ротмистр Галимбатовский, «полагал бы принять высшую меру взыскания». Не надо думать, однако, что дело шло о расстреле: «высшая мера взыскания» в административном порядке означала ссылку в отдаленные места Сибири на пять лет.

Троцкий Л. С. 248

Мне запало в душу, как Сталин рассказывал об одной своей ссылке. Не могу сказать сейчас точно, в каком году это происходило. Его сослали куда-то в Вологодскую губернию. Туда вообще много было выслано политических, но и много уголовных. Он нам несколько раз об этом рассказывал. Говорил: «Какие хорошие ребята были в ссылке в Вологодской губернии из уголовных! Я сошелся тогда с уголовными. Очень хорошие ребята. Мы, бывало, заходили в питейное заведение и смотрим, у кого из нас есть рубль или, допустим, три рубля. Приклеивали к окну на стекло эти деньги, заказывали вино и пили, пока не пропьем все деньги. Сегодня я плачу, завтра — другой, и так поочередно. Артельные ребята были эти уголовные. А вот «политики», среди них было много сволочей. Они организовали товарищеский суд и судили меня за то, что я пью с уголовными». Уж не знаю, какой там состоялся приговор этого товарищеского суда. Никто его об этом, конечно, не спрашивал, и мы только переглядывались. А потом обменивались мнениями: он еще в молодости, оказывается, имел склонность к пьянству. Видимо, у него это наследственное.

Хрущев Н. Т. 2. С. 118–119

В Вологде, согласно донесениям филеров, за три месяца двадцать два дня пребывания в городе поднадзорный 17 раз посетил библиотеку. В кино и театр он не ходил.

Громов Е. С. 24

Мы получали довольно много художественной литературы, журналов и газет: «Русские ведомости», «Русское слово» или «Утро России», «Киевскую мысль», доставляли и «Новое время». Журналы: «Новый мир», «Русское богатство», «Вестник Европы». Сборник «Знание», а, как известно, в «Знании» печатались М. Горький, Л. Андреев, Скиталец, Бунин, Гусев-Оренбургский и др.

Голубев И. (из воспоминаний о Сольвычегодской ссылке).

РЦХИНДИ. Ф. 558, оп. 4, д. 540, л. 40

Привычка регулярно читать журналы останется у него на всю жизнь.

Громов Е. С. 24

В сталинском фонде РЦХИДНИ хранятся воспоминания Пелагеи (Полины) Георгиевны Онуфриевой (Фоминой), которые составлялись ею летом 1944 года. Любопытный документ.

Громов Е. С. 33

В особом бескорыстии и душевности русского народа, почерпнутых в ссылках, окончательно убеждает его знакомство с П.А. Чижиковым и П.Г. Онуфриевой в Вологде. Онуфриева, невеста Чижикова, уговаривает жениха отдать свои документы Иосифу Джугашвили, с которыми тот бежит в Петербург 6 сентября 1911 г.

Похлебкин В. *С. 56*

Он вышел с Николаевского вокзала и решил побродить по городу... надеялся кого-нибудь встретить на улице. Это было безопаснее, чем искать по адресам. Под дождем он проходил весь день. Толпа на Невском редела, гасли огни реклам, и тогда он увидел Тодрию. После убийства Столыпина вся полиция была на ногах. Решили снять меблированную комнату. Швейцар вертел его паспорт недоверчиво — в нем он значился Петром Чижиковым. На следующее утро Тодрия повел его к нам.

Аллилуева А. *С. 123*

Правда, уже 9 сентября его арестовывают, поскольку у первого же городского возникает подозрение, как это истый русак Чижиков (по паспорту) говорит с таким явным «кавказским» акцентом? В таких случаях даже подлинность паспорта ничего уже не значит. Сталина вновь препровождают в ту же Вологду: проваливается лишь Чижиков.

Похлебкин В. *С. 56*

Он постоянно заходил к нам на квартиру... Мы подолгу разговаривали о литературе, искусстве, о книжных новинках. Больше всего эти собеседования мы проводили в Александровском или в Детском садах, сидя в летние дни где-нибудь на скамеечке в тени. Если мы бывали дома у нас, то вели себя свободно — читали, каждый про себя, что-нибудь...

П. Онуфриева

Цит. по: *Громов Е. С. 33*

Сохранились две открытки, посланные Иосифом в Тотьму, куда уехала Поля, там она училась и жили ее родители, в Вологду же приезжала на каникулы. На первой, от 24 декабря 1911 года, изображены танцующие женщины-богини или нимфы, одна — с обнаженной грудью. На второй — скульптурные фигуры целующихся обнаженного мужчины и полуобнаженной женщины, отправлена она из Вологды 15 февраля 1912 года. Такие несколько фривольные картинки были в моде тогда, особенно в провинции.

Громов Е. С. 33

Ну-с «скверная» Поля, я в Вологде и целуюсь с «дорогим», «хорошим» «Петенькой». Сидит за столом и пьет за здоровье «умной» Поли. Выпейте же и Вы за здоровье известного Вам «чудака». Иосиф».

«За мной числится Ваш поцелуй, переданный мне через Петьку. Целую Вас ответно, да не просто целую, а горррррячо (просто целовать не стоит). Иосиф».

Надписи Сталина на открытках,

отправленных П. Онуфриевой в декабре 1911 и в феврале 1912 гг.

Цит. по: *Громов Е. С. 33*

10 января 1911 года Коба переселяется в дом Матрены Прокопьевны Кузаковой, молодой вдовы. Она сама описала их встречу: «Зимой 1910 года зашел ко мне мужчина средних лет и спрашивает: „Жил у вас на квартире мой друг Асатиани?“»

Радзинский Э. С. 74

До Сталина квартировал у меня ссыльный, Давид. Уехал. Вскоре является грузин.

— Здесь жил Давид?

— Жил.

— Он порекомендовал мне поселиться у вас.

Это и был Иосиф Виссарионович...

К. Кузаков (внебрачный сын Сталина). Со слов матери М. П. Кузаковой.

Цит. по: *Краскова В.*

Свой дом Кузакова описала так: «Дом был тесный, дети спали прямо на полу... Детей у меня было много, иной раз расшумятся, какое уж тут чтение». Так что, видимо, не условия жизни в этом доме привлекли Кобу...

Радзинский Э. С. 74

У меня было три брата и две сестры от законного брака моей матери, от ее мужа Степана Михайловича, он умер за два года до моего рождения. И самое интересное то, что меня, незаконнорожденного, вся семья обожала. Особенно баловали сестры. Смешно, но старшая сестра была замужем за жандармом...

К. Кузаков.

Цит. по: *Краскова В.*

В анкете Кузакова в графе рождения стоит 1908 год, а его отец, согласно той же анкете, умер в 1905 году!

Из рассказа неназванного ответственного работника телевидения

Цит. по: *Радзинский Э. С. 75*

Я был еще совсем маленьким... У нас, в Сольвычегодске на пустыре, неподалеку от дома ссыльные устроили футбольное поле, и я часто бегал туда смотреть игру. На краю поля подбирал мячи и подавал игрокам. Тогда, конечно, я не понимал, насколько сильно отличаюсь от своих сверстников. Черные-пречерные волосы — ребенок, как теперь говорят, кавказской национальности.

На меня все поглядывали с любопытством. И как-то я заметил — один ссыльный пристально смотрит на меня. Потом он подошел ко мне, спросил, как зовут.

— Костя, — ответил я.

— Так это ты сын Иосифа Джугашвили? Похож, похож.

Я не сразу спросил маму об отце. Она была женщиной доброй, но с железным характером. Гордой женщиной. Иногда суровой. Губы всегда плотно сжаты. Крепкая была. И очень разумная — до последних своих дней.

Когда я все же собрался с духом и спросил, правда ли то, что обо мне говорят, она ответила:

— Ты — мой сын. Об остальном ни с кем никогда не говори.

К. Кузаков.

Цит. по: *Краскова В.*

Когда я работала на телевидении и оно переехало в Останкино с Шаболовки, я услышала, что нашим главным редактором будет Кузаков Константин Степанович, а он — незаконнорожденный сын Сталина. Это было уже после смерти Иосифа Виссарионовича, а значит, и после моего и моей мамы возвращения из тюрьмы. Я, конечно, удивилась. Пришла к маме, рассказала ей. Она говорит: «Верно. Иосиф говорил мне, что у него в ссылке был сын от русской женщины».

Я, конечно, не посмела подойти к Кузакову, потому что он был очень большим начальником, а я всего помощником режиссера. Но стала наблюдать за ним, за походкой, как он ест, как пьет. Так как я очень хорошо с самого детства знала Иосифа Виссарионовича, то обратила внимание, что Кузаков так же, как Сталин, приседает, когда идет. Двигается словно вприсядку. Восточная походка. У Сталина всегда были мягкие сапоги, а у этого ботинки, но походка одинаковая.

Потом в столовой следила, как кушает Кузаков. У Сталина были очень изящные руки — у Кузакова такие же кисти. Он ел точно как Сталин.

А подойти к нему постеснялась. Лишь когда ушла на пенсию и он узнал, что я родственница, позвонил, пригласил к себе в кабинет — пришла. Мы познакомились. У меня оказалось много интересных семейных фотографий — их мне вернули после тюрьмы. Он рассматривал, удивлялся. И сказал:

— А ко мне сталинские дети не проявили интереса.

— Я как только узнала о вас, проявила интерес, но постеснялась к вам подойти!

К. Политковская (племянница Сталина по линии Аллилуевых).

Цит. по: *Васильева Л. Н. Дети Кремля. М.: Атлантида, 1998. С. 158.*

(Далее цит.: *Васильева Л.*)

Однажды, — рассказывала она, — Сталин бежал из ссылки летом. Тогда многие бежали, он бежал несколько раз — надзор над ссыльными был не слишком суровый. Спустя некоторое время прошел слух, что двое беглецов-ссыльных утонули, переплывая через реку Вычегду. О Сталине долго ничего не было слышно. Я сильно горевала, думала — не выплыли.

К. Кузаков. Со слов матери.

Цит. по: *Краскова В.*

Вскоре после возвышения Иосифа Виссарионовича вдову вызвали в столицу, дали квартиру в новом правительственном доме, юный Кузаков получил высшее образование и всю жизнь занимал высокие посты, соответствующие рангу заместителя министра. Сталина он никогда не видел. В конце 40-х годов Кузаков уже работал в ЦК партии. В это время началась очередная волна репрессий. Очередь дошла до Кузакова. Его выгнали из ЦК. Казалось, дни его сочтены, но он написал заявление на имя Сталина, и Кузакова тотчас оставили в покое...

Из рассказа неназванного ответственного работника телевидения.

Цит. по: *Радзинский Э. С. 74–75*

Я читал лекции на курсах секретарей райкомов. Смотрю, в зал вошел Жданов. Посидел. Послушал. Мне потом передали, что ему понравилось. Через короткое время меня телеграммой вызвали в Агитпроп ЦК, в Москву. Агитпропом руководил Жданов. Мне предложили стать инструктором, я согласился. Ездил, проверял, как идет изучение «Краткого курса истории ВКП(б)». Скоро стал помощником начальника отдела, потом управления, и пошло, пошло...

Знал ли Жданов о моем происхождении? Думаю, большим секретом это не было. Для него тоже. Но я всегда ухитрялся уходить от ответа, когда меня об этом спрашивали. Полагаю, мое продвижение по службе связано и с моими способностями, хотя не могу отрицать, что, приближая меня к себе, Жданов хотел стать ближе к Сталину.

Очень хорошо относился ко мне помощник Сталина, Поскребышев. Он же передавал мне и личные поручения Сталина. Одно время я чувствовал особое отношение ко мне Маленкова. Он попытался устроить мне личный прием у Сталина, но ничего не вышло по моей вине: мы работали в ЦК на Старой площади до самого утра, и, вернувшись домой, я крепко уснул. Семья была на даче. Мне звонили и по вертушке (вертушка, правительственный телефон — знак того, что Кузаков достиг немалых высот в сталинском ЦК. — *Л. В.*), и по городскому телефону, а я спал. Проснулся, позвонил к себе в отдел узнать, как дела. Сказали, что нужно срочно перезвонить Поскребышеву. Тот на меня шуметь: «Слушай, мы тебя искали-искали. Маленков сам звонил тебе. Сталин хотел видеть тебя. Теперь поздно, к нему зашли маршалы...»

Перед этим произошла такая история. На съездах партии и сессиях Верховного Совета СССР создавалась редакционная комиссия. Делегаты и депутаты за день до выступления сдавали в нее тексты своих выступлений. В комиссию входили люди из аппарата ЦК, Совнаркома, Президиума Верховного Совета. От ЦК, как правило, назначали меня. Я занимался политическим редактированием речей.

За несколько дней до несостоявшейся встречи со Сталиным на сессии один из депутатов сдал на проверку речь, в которой обрушился на советских и партийных руководителей Прибалтики. А было негласное указание «прибалтов» не критиковать. Я в перерыве заседания подошел к Жданову.

— Что делать? — спрашиваю.

Андрей Александрович просмотрел речь. Помолчал. Потом говорит:

— Пойдем, посоветуемся с Молотовым. И мы пошли в буфет Президиума. Молотов начал читать. Вдруг я вижу — на меня смотрит Сталин. Он рядом, в двух шагах. Молотов говорит:

— Я бы не стал эту речь давать, но надо посоветоваться. — И глазами показывает на Сталина. Я даже шага не успел сделать в сторону Сталина — раздался звонок. Члены Политбюро пошли в зал. Сталин остановился и опять посмотрел на меня. Я чувствовал — ему хочется что-то сказать мне. Хотелось рвануться к нему, но что-то остановило. Наверно, я подсознательно понимал — ничего, кроме больших неприятностей, публичное признание родства мне не принесет. Сталин махнул трубкой и медленно пошел...

Видел я его не раз. И издали, и близко. Но к себе он больше не вызывал. Думаю, не хотел делать меня инструментом в руках интриганов.

Однажды я наблюдал его очень близко. На заседании Оргбюро ЦК сидел недалеко от него. Заседание было посвящено кинематографии. Неожиданно вошел Сталин. Мне врезались в память его руки. Странные, необычные. На Оргбюро он все время делал пометки на листках. И потом рвал эти листки. На мелкие, нет, микроскопические кусочки. Никто бы снова не мог собрать их воедино. Совершенно закрытый человек. И от врагов, и от друзей, и от обычных человеческих чувств... Однажды поздно вечером меня вызвал Жданов. У него сидел министр госбезопасности Абакумов. Мне было сказано, что мой заместитель в ЦК КПСС Борис Сучков — шпион и выдал американцам

секрет советской атомной программы. В глазах у меня потемнело. Не верил, что Борис предатель, но это уже не имело никакого значения. Его, кстати, впоследствии реабилитировали. Атомными вопросами занимался сам Берия, и никакой пощады ни Сучкову, ни тем, кто с ним знаком, ждать не приходилось. Особенно мне, поскольку именно я поручился за Бориса при его приеме на работу в ЦК. Тогда была такая форма взаимной ответственности. Нигде в документах не было зафиксировано, но на работу в аппарат ЦК Сучкова рекомендовал Жданов, а я по его просьбе только подписал поручительство. Берия пытался уничтожить Жданова и хотел, чтобы я дал компромат на Жданова самому Сталину. Берия, конечно, все знал и мог сам доложить об этом, но предпочел обзавестись свидетелем, которому Сталин поверил бы безоговорочно. Жданов делал вид, будто не имеет к Сучкову никакого отношения. Говорил, что плоховато мы знаем своих сотрудников. Он не просил меня не выдавать его как поручителя за Сучкова, но я прекрасно понимал — назови я Жданова, и мы все автоматически станем участниками грандиозного заговора — защитить нас уже не сможет никто.

Меня судили судом чести ЦК за потерю бдительности. Исключили из партии. Сняли со всех постов. Было тяжело, но все же не лагерь, не расстрел.

А потом, в день ареста Берия, меня восстановили в партии. Председатель партийного контроля Шверник показал мне мое персональное дело. Многие, кого я считал друзьями, написали на меня страшные доносы. Тогда меня спас сам Сталин. Берия вынес вопрос об «атомном шпионаже» на Политбюро и там, как мне рассказывал Жданов, требовал моего ареста. Он

понимал, что в тюрьме они заставят меня подписать любые признания.

Сталин долго ходил вдоль стола, курил и наконец сказал:

— Для ареста Кузакова не вижу оснований!

К. Кузаков.

Цит. по: *Васильева Л. С.* 154–157 Переломный момент в жизни Сталина произошел после нелегальной конференции в Праге, на которой Ленин сформировал свой Центральный Комитет. По крайней мере, четверо делегатов, включая Малиновского, являлись агентами Охранки. Ленин послал в Вологду, столицу губернии, в которой теперь отбывал наказание Сталин, его земляка Серго Орджоникидзе, чтобы договориться относительно «кооптации» Сталина в ЦК. Орджоникидзе писал затем Ленину, что достиг со Сталиным определенной договоренности и что тот удовлетворен ходом вещей. После этого Малиновский ввел Сталина в состав ЦК. Более того, Сталин должен был стать редактором проектируемой ежедневной газеты «Правда», издание которой предполагалось начать через несколько недель в Санкт-Петербурге. Новые горизонты открывались перед «пламенным колхидцем», как назвал Ленин Сталина (Колхида была кавказским царством в древней Парфии). Неудивительно, что Сталин бежал спустя всего лишь несколько дней после визита Орджоникидзе, 29 февраля 1912 года.

Дон Левин И. С. 291

Но истечении назначенного срока пребывания ему, несмотря на сильно ослабленное физическое состояние, удалось бежать.

Ноймайр А. С. 343

1 сентября 1912 г. Сталин почти открыто вошел на борт парохода, отправлявшегося вверх по реке. Четвертый побег из ссылки. Туда по этапу его везли почти 3 месяца, оттуда путь до Петербурга оказался менее двух недель.

Яковлев Н. Н. С. 70

На обратном пути (из Нарымского края. — *Е. Г.*) в Петербург он заехал в Ростов. Он оставил мне директивы для работы Донского комитета. В это время ЦК почти весь сидел... Мы дошли до вокзала пешком и, маскируя нашу встречу, выпили по чашечке кофе и провели вместе два часа до поезда. Он был в демисезонном пальто черного цвета. На нем была темно-серая, почти черная шляпа, и сам он был худой, а лицо смуглое...

Швейцер В. Сталин в Туруханской ссылке. М., 1940. С. 85

Я жила на конспиративной квартире вместе с дочерью. В одной из комнат прятался А. Сольц — большевик, за плечами которого и ссылки, и тюрьмы. Он жил в маленькой комнатке, предназначенной для прислуги. Однажды Сольц сказал, что приведет товарища-кавказца, с которым хочет меня познакомить. И тут выяснилось, что на самом деле этот кавказец уже

несколько дней живет у Сольца, не выходя из комнаты. Видно, все те же неписанные законы конспирации не позволяли им даже мне открыться... Так я познакомилась со Сталиным. Он показался мне сперва слишком серьезным, замкнутым и стеснительным. Казалось, больше всего он боится чем-то затруднить и стеснить кого-то. С трудом я настояла, чтоб он спал в большой комнате и с большими удобствами. Уходя на работу, я каждый раз просила его обедать с детьми... но он запирался на целый день в комнате, питался пивом и хлебом...

Т. Словатинская.

Цит. по: *Радзинский Э. С.* 84

Свыше шести месяцев перед последним арестом отдал Сталин интенсивной работе в Петербурге и за границей. Он принимал активное участие в проведении избирательной кампании в Думу, руководил «Правдой», участвовал в важном совещании партийного штаба за границей и написал свою работу о национальном вопросе. Это полугодие имело, несомненно, большое значение в его личном развитии. Впервые он нес ответственность за работу на столичной почве, впервые подошел к большой политике, впервые близко соприкоснулся с Лениным. То чувство мнимого превосходства, которое ему было столь свойственно как реалистическому «практику», не могло не быть потрясено при личном контакте с великим эмигрантом. Самооценка должна была стать более критической и трезвой, честолюбие — более замкнутым и тревожным, ущемленное провинциальное самодовольство должно было неминуемо окраситься завистью, которую смиряла

только осторожность. В ссылку Сталин уезжал со стиснутыми зубами.

Троцкий Л. С. 224

Сталин был арестован 26 февраля 1913 г.

Яковлев Н. Н. *С. 77*

Его арестовали весной 1913 года на благотворительном вечере. Мы часто с каким-либо студенческим землячеством устраивали концерты, якобы с благотворительной целью, а на деле — чтобы собрать деньги для партии... Помню, как сейчас... он сидел за столиком... и беседовал с депутатом Малиновским, когда заметил, что за ним следят... Он вышел на минутку в артистическую комнату и попросил вызвать меня... он сказал, что появилась полиция, уйти невозможно, сейчас он будет арестован. Попросил сообщить, что перед концертом он был у Малиновского. Действительно, как только Сталин вернулся, к его столику подошли двое штатских и попросили его выйти с ними. О том, что Малиновский провокатор, никто еще не знал...

Т. Словатинская.

Цит. по: *Радзинский Э. С. 84*

По словам самого Сталина, он был арестован по возвращении в меблированные комнаты поздно ночью, когда заснул.

Аллилуева С. С. 77

Полиция с нетерпением ожидала первого случая, когда он выйдет на улицу. Случай этот скоро представился. В зале Калашниковской биржи устраивался концерт, сбор с которого должен был поступить на издание «Правды» и другие революционные цели. Такие концерты обычно в большом количестве посещались сочувствовавшей интеллигенцией и рабочими. Приходили туда и легально живущие партийцы и даже нелегальные работники, в шуме толпы успевавшие встретиться и переговорить с кем надо. Сталин решил отправиться в здание Калашниковской биржи. Малиновскому это было известно, и он сообщил об этом в департамент полиции. На наших глазах Сталин был схвачен охранником в тот же вечер в одном из помещений биржи.

Бадаев А. Большевики в Государственной думе. М., 1939. С. 286

Царская юстиция на этот раз по многим причинам решила сурово расправиться со своим пленником. В том, что Сталин снова попытается бежать, в департаменте полиции не сомневались и потому заранее постарались создать ему непреодолимые препятствия. Местом ссылки определили далекий Туруханский край. Срок — четыре года.

Яковлев Н. Н. С. 78

В начале июля 1913 г. его отправили под конвоем по железной дороге в Красноярск, затем пароходом по Енисею в село Монастырское, административный центр Туруханского края.

Такер Р. С. 151

Покров таинственности станет плотнее при взгляде на жизнь Сталина в его последнем месте ссылки. В Туруханске Сталин находился вместе с другими членами большевистского ЦК, в том числе с Яковом Свердловым, будущим председателем ВЦИК советской республики. Свердлов и Сталин между собой не ладили.

Дон Левин И. С. 292

Здесьняя колония ссыльных, заблаговременно извещенная о приезде Сталина, устроила ему радушный прием, приготовив жилье и провизию. Вновь прибывший, однако, ожиданий не оправдал. Вместо того чтобы, следуя сложившемуся ритуалу, рассказать собравшимся о политической ситуации в России, он удалился в свою комнату и не пожелал ни с кем разговаривать. И что еще хуже: при переводе в отдаленный населенный пункт он забрал с собой все книги недавно умершего члена колонии. Ссыльные уже решили, что эти книги составят библиотеку для общего пользования. Один из ссыльных, Филипп Захаров, который отправился поговорить со Сталиным по данному вопросу, был встречен с таким высокомерием, с каким генерал обычно принимает простого солдата.

Такер Р. С. 151

По неписаному закону принято было, что каждый вновь прибывший в ссылку товарищ делал сообщение о положении дел в России. От кого же было ждать более

интересного, глубокого освещения всего происходящего в далекой, так давно оставленной России, как не от члена большевистского ЦК? Группа ссыльных, среди которых были Я. М. Свердлов и Филипп, работала в это время в селе Монастырском на постройке... Туда как раз и должен был прибыть Сталин. Дубровинского (одного из ссыльных товарищей. — *Е. Г.*) уже не было в живых.

Филипп, не склонный по натуре создавать себе кумиров, да к тому же слышавший от Дубровинского беспристрастную оценку всех видных тогдашних деятелей революции, без особого восторга ждал приезда Сталина, в противоположность Свердлову, который старался сделать все возможное в тех условиях, чтобы поторжественнее встретить Сталина. Приготовили для него отдельную комнату, из весьма скудных средств припасли кое-какую снедь. Прибыл!.. Пришел в приготовленную для него комнату и... больше из нее не показывался! Доклада о положении в России он так и не сделал. Свердлов был очень смущен.

Сталина отправили в назначенную ему деревню Курейку, а вскоре стало известно, что... у него все книги Дубровинского... Горячий Филипп поехал объясняться. Сталин принял его так, как примерно царский генерал мог бы принять рядового солдата, осмелившегося предстать перед ним с какими-то требованиями. Возмущенный Филипп (возмущались все!) на всю жизнь сохранил осадок от этого разговора...

Р. Захарова (жена ссыльного Ф. Захарова).

Цит. по: *Трифонов Ю. В.* Отблеск костра. М., 1966.

Вместо определенного им для жилья станка Костино обоих в начале марта 1914 г. переводят в станок Курейка, что в 100 километрах севернее, в 80 километрах за Полярным кругом. С десятков изб, местное население — остяки занимались рыболовством. Край земли, зима с жуткими морозами 8—9 месяцев, полярная ночь. Во время куцега лета в Курейку успевал зайти один пароход. Почта 8—9 раз за год. Тяжелый надзор, постоянные придирки полупьяных стражников.

Яковлев Н. Н. *С. 78–79*

«В этом проклятом крае природа скудна до безобразия: летом река, зимой снег, это все, что дает здесь природа, — и я до глупости истосковался по видам природы хотя бы на бумаге...»

Сталин — семье Аллилуевых. Конец 1913 г.

Сначала Иосиф Джугашвили жил в Курейке с товарищем по ссылке Яковом Свердловым в избе Тарасеевых. Эта хорошая рубленая изба сохранилась. Ее (позже) раскатали, втащили под своды пантеона, собрали по бревнышку. А Анфисе Степановне Тарасеевой, словоохотливой старухе, которую Чебуркин (побывавший в ссылке в тех местах уже в сталинское время, и которого интервьюировал журналист. — *Е. Г.*) расспрашивал о подробностях ссыльной жизни Сталина, построили новую, со всеми удобствами.

Ярославцев В. Пантеон генералиссимуса // Российск. газета. 1992. 21 марта

Над ними бдительное начальство — Енисейский розыскной пункт, его заведующий ротмистр по положению, помощник начальника Енисейского губернского жандармского управления. В департаменте полиции отлично понимали, что нерв любого побега — деньги. Были приняты строжайшие меры, чтобы ссыльные их не имели, а, если уличали в их негласном получении, немедленно лишали ничтожного пособия. Сталин попался, лишен пособия на 4 месяца, а на что покупать керосин, продукты?

Яковлев Н. Н. *С. 79*

«Устроился я на новом месте (в Курейке) значительно хуже. Со мной грузин Джугашвили, с которым мы уже встречались в другой ссылке. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни. Я же сторонник минимального порядка. На этой почве нервничаю иногда».

Свердлов Я. М. Избр. произведения. М., 1957. Т. 1. С. 227

Это мартовское письмо 1914 г., а в конце мая в другом письме Свердлов присовокупил: «Со мной товарищ. Но мы слишком хорошо знаем друг друга. Притом же, что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех своих мелочах. Хуже всего, что только со стороны «мелочей жизни» и виден. Нет места для проявления крупных черт. С товарищем теперь на разных квартирах, редко и видимся».

В 1924 году, спустя примерно пять лет после неожиданной смерти Свердлова, было объявлено о предстоящей публикации всей его переписки из Туруханска. Известно, что в ней много говорилось о Сталине. Но она так никогда и не увидела света. Однако о поведении Сталина в Туруханске стало кое-что известно. Выявилось, что он поддерживал дружеские отношения с местным офицером полиции надзирателем Кибировым. Это было нарушением всех традиций, существовавших между политическими ссыльными. Одним из последствий этого стало установление Кибировым пристального, наблюдения над двумя главными коллегами и соперниками Сталина — Спандаряном и Свердловым, которые являлись признанными лидерами всей колонии ссыльных.

Дон Левин И. С. 292

Он попал в Туруханский край и жил в одной деревне со Свердловым. Они сначала дружили, но потом, судя по его рассказам, было видно, что рассорились или разошлись. По крайней мере, перестали жить в одной крестьянской избе. Свердлов ушел оттуда, нашел себе квартиру и покинул Сталина, Сталин всегда говорил нам, что, когда они жили вместе, чалдоны, у которых они размещались в той деревне, считали, что главный — это Яшка, а не Рябой. Сталина называли Рябым, потому что у него лицо было изъедено оспой. Когда Яшка ушел на другую квартиру, они стали говорить: «Мы-то считали,

что доктор главный, а оказывается, не доктор, а Рябой». Местные крестьяне называли Свердлова доктором. Он был раньше провизором и, видимо, оказывал какую-то помощь больным, какие-то были у него лекарства. Поэтому и шла о нем слава, что он доктор.

Хрущев Н. Т. 2. С. 117–118

25 августа начальник Енисейского губернского жандармского управления получает срочную телеграмму из департамента полиции: «Принять меры к воспрепятствованию Джугашвили и Свердлова побега из ссылки».

Яковлев Н. Н. С. 78

Один из его товарищей по ссылке в Курейке был неприятно удивлен тем, что «Джугашвили остался, как всегда, гордым, как всегда, погруженным в себя, в свои мысли и планы».

Ноймайр А. С. 346

Яков Свердлов, который вместе со своим товарищем Суреном Спапдаряном играл руководящую роль среди трехсот товарищей по несчастью в Курейке, писал позднее жене о Сталине — «Товарищ, с которым я здесь жил, в личном отношении был просто невозможен. Мы вынуждены были воздерживаться от встреч и разговоров».

Ноймайр А. С. 344

Это в Курейке-то, где насчитывалась едва дюжина изб.

Яковлев Н. Н. *С. 79*

Сталин завел среди местных жителей самые разнообразные знакомства, и позднее Аллилуевы слышали (от него ли самого или от кого-то еще), что он сожительствовал с местной крестьянкой и имел от нее сына. Данная история, если она соответствует действительности, помогает объяснить, почему Сталин и Свердлов в Курейке жили отдельно друг от друга.

Такер Р. *С. 151*

Дочь русского поэта Марины Цветаевой Ариадна Сергеевна в 30-х годах была в ссылке в Туруханском крае, в том самом месте, где жил когда-то и ссыльный грузин Джугашвили. Хозяйка, у которой собирались политические для проверки уполномоченным НКВД, рассказывала о Сталине много всяких историй. Например, о том, как он ходил к крестьянской девушке, проживавшей в ее доме. Там любовь происходила. О том, как с местным якутом-егерем Сталин охотился в тайге.

Грибанов С. В. Заложники времени. М.: Военное издательство, 1992. С. 41.

(Далее цит.: *Грибанов С.*)

Было, однако, и еще занятие, которому он предавался с удовольствием, — вечеринки да выпивки.

Но тут Свердлов, с которым он жил в избе Тарасеевых, был ему не товарищ. Уже через некоторое время Яков Михайлович сбежал от него на другую квартиру, а через год добился перевода в село Монастырское, откуда и писал жене, что Джугашвили невыносим, жить с ним невозможно. Анфиса Степановна Тарасеева рассказывала Чебуркину:

— Жили они у нас с Яковом Михайловичем недружно. Иногда сильно ругались. Есиф даже в суп Якову плевал, и тот есть отказывался.

Ярославцев В. // Российск. газета. 1992. 21 марта

Сам Сталин спустя три десятка лет, посмеиваясь, рассказывал членам Политбюро, как они одно время вели общее хозяйство со Свердловым. Чтобы не дежурить по очереди на кухне, он специально делал обед несъедобным...

Микоян С. Аскетизм вождя // Огонек. 1989. № 15

Сталин рассказывал: «Мы готовили себе обед сами. Собственно, там и делать-то было нечего, потому что мы не работали, а жили на средства, которые выдавала казна: на три рубля в месяц. Еще партия нам помогала. Главным образом мы промышляли тем, что ловили нельму. Большой специальности для этого не требовалось. На охоту тоже ходили. У меня была собака, я ее назвал Яшкой». Конечно, это было неприятно Свердлову: он Яшка и собака Яшка. «Так вот, — говорил Сталин, — Свердлов, бывало, после обеда моет ложки и тарелки, а я никогда этого не делал. Поем, поставлю тарелки на земляной пол, собака все вылизет, и все

чисто. А тот был чистюля». Мы опять переглядывались. Мы сами прошли, кто — крестьянскую, кто — рабочую школу, и не были изнежены каким-то особым обслуживанием. Но чтобы не помыть ложку, тарелку или чашку, из которой ешь? Чтобы собака все вылизывала? Нас это удивляло.

Хрущев Н. Т. 2. С. 119

Значение такого отчуждения станет особенно понятным, если иметь в виду, что эти двое были единственными политическими ссыльными, проживавшими в то время в Курейке.

Такер Р. С. 151

Во время ссылки Сталина все население станка Курейки состояло из 38 мужчин и 29 женщин. Жители занимались охотой и рыбной ловлей. Административно-ссыльный Иосиф Джугашвили тоже пристрастился к богатой рыбалке и охоте. Да и чем еще заниматься в северной глухомани?

Ярославцев В. // Российск. газета. 1992. 21 марта

Зимой в прорубях пристраивал снасть. Однажды пошел проверить клев, ушел за несколько верст по реке, и тут поднялась пурга. Он с тяжелой связкой рыбы на плече ковылял от вешки к вешке и вдруг потерял дорогу. В снежной завесе метнулись две фигуры. Сталин окликнул их, те сразу исчезли. Не чая добраться до дома, он механически брел. Буду идти, пока хватит сил... Внезапно услышал собачий лай. Доковылял до Курейки.

Ввалился в первую же избу и без сил рухнул на лавку. Хозяева вскочили, в ужасе прижались к стене.

— Осип, ты?

— Конечно, я. Не лешак же!

А мы встретили тебя и подумали — водяной идет. Испугались и убежали.

С грохотом отвалилась с лица ледяная маска. Он потянулся — зазвенел лед. Да, в ледяном панцире он мало походил на человека.

Яковлев Н. Н. *С. 82*

Случались такие рассказы о его жизни в ссылках, о которых дети могли бы так сказать: «Дедушка, а может быть, ты врешь?» Мы-то привыкли, что на позднем этапе своей жизни, когда он уже плохо себя контролировал, многое выдумывал. Например, рассказывал такие вещи: «Пошел я раз на охоту. Взял ружье и пошел за Енисей. В том месте, где я жил, Енисей имел в ширину 12 верст. Я перешел Енисей на лыжах, дело было зимой. Смотрю, на ветках сидят куропатки. (Я-то, признаться, не знаю, сидят ли куропатки на ветках? Имел я дело на охоте с куропатками, но всегда считал, что это — степная дичь и прячется в траве. Ну, не знаю. Как говорится, за что купил, за то и продаю.) Подошел. Стал стрелять. У меня было 12 патронов, а там сидели 24 куропатки. Я 12 убил, а остальные все сидят. Патронов больше нет. Я решил вернуться за патронами. Ушел назад, взял патроны и возвратился. А они все сидят». Тут я его даже переспросил: «Как, все, все сидят?» «Да, — отвечает, — все». Тут Берия ввернул какое-то замечание, поощряющее его рассказ. Он продолжает: «Я застрелил

этих куропаток, взял веревку, привязал их к ней, а веревку привязал к поясу и поволок куропаток за собой».

Это мы слушали за обедом. Когда уходили и, готовясь уехать, заходили в туалет, то там буквально плевались: за зимний день он прошел 12 верст, убил 12 куропаток; вернулся — вот еще 12 верст; взял патроны, опять прошел 12 верст, снова застрелил куропаток — и назад. Это будет 48 километров на лыжах. Берия говорил мне: «Слюшай, как мог кавказский человек, который на лыжах очень мало ходил, столько пройти? Ну, брешет!» У нас ни у кого не было сомнения в этом. Зачем ему нужно было врать, трудно сказать. Имелась у него какая-то такая потребность. Но это была забавная брехня, которая, конечно, никакого вреда не приносила. Однако велись, конечно, и серьезные разговоры.

Хрущев Н. Т. 1. С. 119–120

Угол комнаты, где ютились Сталин и Свердлов, был забит капканами для ловли зверей, рыболовными сетями, другими рыболовными принадлежностями. Чтобы не дежурить по очереди на кухне, Сталин специально делал обед несъедобным. Иногда он отбирал тарелку с супом у Свердлова. Естественно, это вызывало протесты Я. М. Свердлова. К этому присоединялась тяжесть, грубость характера И. Сталина, его нетерпимость к другим. Видимо, они были накалены до такой степени, что Сталин подговорил уголовников-ссыльных, организовать покушение на Я. М. Свердлова, и те бросились на него с ножом. Спас ссыльный Борис Иванов. Он, будучи человеком большой силы, во время нападения уголовников на Я. М. Свердлова схватил тяжелую скамью

и обрушил ее на головы нападающих. Те в панике бежали. Я. М. Свердлов был спасен.

Волков Ф. С. 35

Потом я узнал, что Сталин, собственно говоря, и стрелять-то толком не умеет. Он взял как-то ружье, когда на ближней даче мы у него обедали, пошел разогнать воробьев и ранил чекиста, который его охранял. Один раз из-за его неумения обращаться с оружием у него за столом выстрелило ружье, и совершенно случайно он не убил тогда Микояна. Он сидел близко от него, выстрелом вырвало кусок земли и забросало песком и стол, и Микояна. Мы смотрели ошарашенные, никто ничего не сказал, но все были потрясены.

Хрущев Н. Т. 1. С. 120

Тайком от стражников, зимой, мы вместе с Суреном Спандарьяном поехали в Курейку к Сталину. Нужно было разрешить ряд вопросов, связанных с происходившим тогда судом над думской фракцией большевиков и с внутрипартийными делами.

Это были дни, слитые с ночами в одну бесконечную полярную ночь, пронизанную жестокими морозами. Мы мчались на собаках по Енисею без остановки. Монастырское от Курейки в 200 километрах. Мчались под несмолкаемый вой волков.

Вот и Курейка. На берегу, там, где маленькая изломанная порогами быстрая речка Курейка впадала в бурный полноводный Енисей, разбросано было несколько деревянных домишек, стоявших далеко друг от друга. У

самого Енисея на небольшой возвышенности виднелся деревянный дом, занесенный снегом. Здесь жил Сталин. Мы подъезжали. Собаки, завидев впереди жильё, бежали во всю прыть. Из домиков выбежали люди. Навстречу нам вышел Сталин. Местные жители с любопытством рассматривали полярных путешественников. Из соседнего домика лениво вышел стражник, медленно и важно подошел к нам...

У нас с Иосифом была радостная, теплая встреча. Нашему неожиданному приезду Иосиф был необычайно рад. Он проявил большую заботу о нас. Мы зашли в дом. Небольшая квадратная комната, в одном углу — деревянный топчан, аккуратно покрытый тонким одеялом, напротив рыболовные и охотничьи снасти — сети, оселки, крючки. Все это изготовил сам Сталин. Недалеко от окна продолговатый стол, заваленный книгами, над столом висит керосиновая лампа. Посредине комнаты небольшая печка — «буржуйка», с железной трубой, выходящей в сени. В комнате тепло, заботливый хозяин заготовил на зиму много дров. Мы не успели снять с себя теплую полярную одежду, как Иосиф куда-то исчез. Прошло несколько минут, и он снова появился. Иосиф шел от реки и на плечах нес огромного осетра. Сурен поспешил ему навстречу, и они внесли в дом трехпудовую живую рыбу.

— В моей проруби маленькая рыба не ловится, — шутил Сталин, — любясь красавцем-осетром.

Оказывается, этот опытный «рыболов» всегда держал в Енисее свой «самолов» (веревка с большим крючком для ловли рыбы). Осетр еле помещался на столе. Сурен и я держали его, а Иосиф ловко потрошил огромную рыбу. За столом завязался разговор.

— Что слышно из России, какие новости? — спрашивал Сталин.

Сурен рассказывал все, что знал о войне, о работе подпольных организаций, о связи с заграницей. Особенно долго шел разговор о войне.

Когда Сурен рассказывал подробности о суде над думской фракцией и о предательстве Каменева, Сталин ответил Сурену:

— Этому человеку нельзя доверять — Каменев способен предать революцию.

Беседа длилась долго-долго... Я рассматривала комнату, в которой жил Иосиф. В самой обстановке комнаты чувствовалось, как напряженно он работал. Стол был завален книгами и большими пачками газет.

В. Швейцер (жена С. Спандаряна). С. 62

В начале 1914 г. он пишет в Петербург Малиновскому(!): «У меня нет богатых родственников или знакомых, мне положительно не к кому обратиться, и я обращаюсь к тебе — и к Петровскому, и к Бадаеву... За все свое пребывание в Туруханской ссылке получил всего 44 руб. из-за границы и 25 руб. от Петровского. Больше я ничего не получал. Иосиф».

Яковлев Н. Н. С. 79

Мы отправляли посылки и деньги из фонда помощи. Сталин вспоминал, как однажды был обрадован в своем одиночестве записочкой, которую неожиданно нашел в

кармане пиджака. Мы вложили этот привет от нас, когда отправляли ему зимний костюм.

С отцом он переписывался. Мы читали его письма и видели далекий край, где свирепствует лютая зима. Там, в избе остяков-рыболовов, в деревушке, затерявшейся в унылой бесконечной тундре, он жил.

Но в письмах Сталина не было ни слова о тяжелых условиях. Он просил ничего ему не посылать, не тратить денег: «Не забывайте, что у вас большая семья», — напоминал он в письме, адресованном отцу. «Всем необходимым я уже запасся», — обычно сообщал он.

Вот что он написал однажды:

«25/XI.

Для Ольги Евгеньевны.

Очень-очень Вам благодарен, глубокоуважаемая Ольга Евгеньевна, за Ваши добрые и чистые чувства ко мне. Никогда не забуду Вашего заботливого отношения ко мне! Жду момента, когда я освобожусь из ссылки и, приехав в Петербург, лично поблагодарю Вас, а также Сергея, за все. Ведь мне остается всего-навсего два года.

Посылку получил. Благодарю. Прошу только об одном — не тратиться больше на меня: Вам деньги самим нужны. Я буду доволен и тем, если время от времени будете присылать открытые письма с видами природы и прочее. В этом проклятом крае природа скудна до безобразия — летом река, зимой снег, это все, что дает здесь природа, — и я до глупости истосковался по видам природы хотя бы на бумаге.

Мой привет ребятам и девицам. Желаю им всего-всего хорошего.

Я живу, как раньше. Чувствую себя хорошо. Здоров вполне, — должно быть, привык к здешней природе. А природа у нас суровая: недели три назад мороз дошел до 45 градусов.

До следующего письма.

Уважающий Вас Иосиф».

Из Курейки он прислал отцу законченную рукопись своего труда по национальному вопросу. Он просил переслать эту рукопись за границу, Ленину, который ждал эту работу. Вместе с сестрой Надей мы отнесли рукопись Бадаеву, который и отправил ее Владимиру Ильичу.

Аллилуева А. С. 62

«У меня нет ни гроша, все запасы вышли... были кой-какие деньги, да ушли на теплую одежду... нельзя ли растормошить знакомых и раздобыть рублей 20—30. Это было бы прямо спасение...»

Сталин — в издательство «Просвещение». 1913 г.

Цит. по: *Яковлев Н. Н. С. 223*

«Кажется, никогда еще не переживал такого ужасного положения. Деньги все вышли, начался какой-то подозрительный кашель в связи с усиливающимся морозом (37 градусов холода). Нет запасов ни хлеба, ни сахара, здесь все дорогое, нужно молоко, нужны дрова... но нет денег. У меня нет богатых родственников или знакомых, мне положительно не к кому обратиться. Моя просьба состоит в том, что если у

фракции до сих пор остался фонд репрессированных, пусть она... выдаст мне... хотя бы рублей 60».

Сталин — уфимской фракции большевиков. 1913 г.

Только за три первых месяца туруханской ссылки бедный Сосо получил 60 рублей. Дальше пошли переводы в 100 да 50 рублей... А чтобы жандармов не насторожили эти переводы, их получал полицейский стражник Мерзляков, с которым Коба подружился и вместе с ним пьянствовал. После революции Иосиф Виссарионович не забыл своего курейского стражника и специальным письмом защитил его от советских енисейских властей, которые вознамерились было привлечь бывшего прислужника царизма к строгой революционной ответственности.

Ярославцев В. // Российск. газета. 1992. 21 марта

«М. Мерзляков был стражником. По заданию пристава наблюдал за мной (других ссыльных не было тогда в Курейке).

Понятно поэтому, что в «дружеских» отношениях с Мих. Мерзляковым я не мог быть. Тем не менее, я должен свидетельствовать, что если мои отношения с ним не были «дружескими», то они не были и враждебными... Объясняется это, мне кажется, тем, что Мих. Мерзляков относился к заданию формально, без обычного полицейского рвения, не шпионил за мной, не травил, не придирался, сквозь пальцы смотрел на мои частые отлучки и нередко поругивал пристава за его

надоедливые «указания» и «предписания». И. Сталин. Москва, 27 ноября 1930 г.».

Из записки Сталина в Комиссию Партконтроля

Остяки, «низкорослые, добродушные люди», по словам Сталина, учили его ловить рыбу — они часами просиживали у лунки. Скоро Сталин стал приносить большой улов. Остяки, почему-то называвшие его Осипом, говорили: «Осип, ты слово знаешь!» А дело было в том, что, если рыба не шла, Сталин менял место.

Яковлев Н. Н. С. 82

Мы у Сталина не раз ели сибирскую рыбу — нельму. Как сыр, кусочками нарежут — хорошая, очень приятная рыба. Вкусная.

В Сталине от Сибири кое-что осталось. Когда он жил в Сибири, был рыбаком, а так не увлекался. Не заметно было, да и некогда.

Рыбу ели по-сибирски, мороженую, сырую, с чесноком, с водкой, ничего, хорошо получалось, с удовольствием ели... Налимов часто ели. Берия привозил.

В. Молотов.

Цит. по: Чуев Ф. С. 313

Приходили приятели-остяки, усаживались на корточки и не мигая смотрели на лампу-молнию. Самому постоянному гостю Сталин время от времени давал затянуться из своей трубки...

Яковлев Н. Н. С. 82–83

...Рассказывали, что в последней сибирской ссылке он провел многие часы за чтением книги Макиавелли «Государь» — этого классического руководства для лиц, стремящихся к власти.

Такер Р. С. 151

И все же самый близкий друг — пес. «Был он моим собеседником, — рассказывал впоследствии Сталин Аллилуевым. — Сидишь зимними вечерами, — если есть керосин в лампе, — пишешь или читаешь, а Тишка прибежит с мороза, уляжется, жметя к ногам, урчит, точно разговаривает. Нагнешься, потреплешь его за уши, спросишь: «Что, Тишка, замерз, набегался? Ну, грейся, грейся!»

Яковлев Н. Н. С. 83

В 1915 г. в письме Зиновьеву Ленин спрашивал: «Не помните ли фамилии Кобы?» Несколько позднее в том же году он писал В. А. Карпинскому: «Большая просьба: узнайте (от Степко или Михи и т.п.) фамилию «Кобы» (Иосиф Дж.....?? Мы забыли). Очень важно!!»

Такер Р. С. 150

У нас очень мало сведений об этом периоде жизни Сталина. Известно, что он получал деньги и посылки от Аллилуевых из Петербурга. Был в хороших отношениях с

местными жителями. Говорят, что он жил с местной крестьянкой и что даже у него родился сын. Говорят.

Грей Я. С. 54

Возможно, у Сталина был еще один сын, чье имя и биография оказались потеряны для истории. С 1913 до 1916 года, в период своей последней, самой суровой из ссылок, он подолгу жил в полной изоляции и, как потом в минуту необычной для него откровенности признался одной из дочерей Аллилуева, сблизился с простой крестьянкой, подарившей ему сына. И мать, и сын, если они действительно существовали — что отнюдь не достоверно, — были тотчас же забыты, едва Сталин в конце 1916 года вернулся в европейскую часть России. Если не считать нескромных признаний самого Сталина, о них с тех пор ничего не известно.

Слассер Р. С. 18

Анфиса Степановна была разговорчива, вспоминает П. В. Чебуркин, особенно когда он приходил с четвертинкой водки. Выпить она любила. Как и все жители этих мест, как и поднадзорно-ссылный Иосиф Джугашвили.

— Есиф веселый парень был, — рассказывала Тарасеева, — плясал хорошо, песни пел, со стражником дружбу водил, и тот ему письма куда-то отправлял. До баб охоч был, сынок тут у него народился, от родственницы моей...

Ярославцев В. // Российск. газета. 1992. 21 марта

В феврале 1917 года его, однако, вызвали на призывную комиссию в Красноярск, и лишь благодаря искривленной руке и врожденному уродству ноги он был признан негодным к военной службе

Ноймайр А. С. 345

Примечательна завершающая страница его туруханской ссылки. В октябре 1916 года ратник ополчения I разряда Иосиф Джугашвили был вызван с некоторыми другими ссыльными, большевиками и эсерами, в Красноярск на медицинское освидетельствование для призыва в армию. Один из ехавших на лошадях со Сталиным ссыльных, Борис Иванов вспоминал:

«В Верхне-Имбатске стояли около недели, хотелось отдохнуть. С нами ехали музыканты, устраивались вечеринки. На этих вечеринках И. В. Сталин был самым веселым».

— Да чего им тут не жить-то было, — рассказывала Тарасеева. — Им ведь какие деньги на прокорм от казны давали. По пятнадцать рублей в месяц каждому! А ведь когда пароход осенью приходил, то на два рубля на всю зиму муки-то я припасала...

Ярославцев В. // Российск. газета. 1992. 21 марта

Сталин приехал из Туруханского края в Красноярск в августе 1916 года, будучи вызван для медицинского освидетельствования на предмет призыва в армию. Так как левая рука у Сталина в локте не сгибалась, его признали негодным к службе, и губернатор Гололобов

разрешил ему оканчивать срок ссылки в г. Ачинске. Я знаю совершенно точно, что никакой революционной работой Сталин в Ачинске не занимался. Впрочем, такой работой не занимался никто даже в Красноярске, где жило тогда свыше сотни политических ссыльных.

Байкалов А. // Русская мысль. 1956. 8 мая

До конца ссылки оставалось четыре месяца...

Грей Я. С. 54

Я уехал, а Сталин прибыл на мое место в ссылку, и мы разминулись. Но начали переписываться. А когда познакомились, жили в одной квартире. Потом он у меня отбил девушку. Вот Маруся к нему и убежала.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 297*

По сообщению ссыльного большевика И. Д. Перфильева, который после Октябрьской революции еще некоторое время оставался в Ачинске, у Сталина был там роман с местной девушкой, и в результате этой связи на свет появился ребенок... Перфильеву не было известно о том, интересовался ли когда-нибудь Сталин судьбой этой женщины и этого ребенка.

Ноймайр А. С. 345

Лев Каменев тогда тоже находился в этом городе. У них бывал и Сталин. По воспоминаниям одного эмигранта, Каменев играл главенствующую роль в

беседах и, не колеблясь, прерывал Сталина, если он делал какие-либо замечания. Но обычно Сталин тихо сидел и покуривал трубку, кивая иногда головой в знак согласия с Каменевым.

Грей Я. С. 54–55

В далеком Цюрихе Ленин в конце января 1917 г. просвещал местных молодых социалистов о том, что революция в Европе, хотя и неизбежна, но «мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции». Февраль 1917 г. опрокинул расчеты и ожидания большевистских лидеров — грянула революция. Монархия пала, власть перехватило Временное правительство. Но одновременно по всей стране явочным порядком возникали Советы. Амнистия открыла двери тюрем и ссылок. 8 марта трое известных большевиков Каменев, Муранов и Сталин выезжают курьерским поездом из Красноярска в столицу, переименованную с началом войны в Петроград.

Яковлев Н. Н. С. 86

Процент самоубийств среди ссыльных был высок. Многие сходили с ума. Это было место, где выживали только люди, закаленные морально и физически.

Грей Я. С. 53

У Сталина хватило твердости и воли к сопротивлению, и он вышел живым из этого ада. Но все же он за эти годы заметно сдал, перестал интересоваться

рыбной ловлей и охотой и почти не участвовал в беседах и политических дискуссиях товарищей...

Ноймайр А. *С. 344*

Коба мог подвести итог: 19 лет участия в революционной борьбе — из них около 3 лет отняли тюрьмы и примерно 6 лет ссылки. Семь арестов, шесть побегов.

Яковлев Н. Н. *С. 86*

Отец полюбил Россию очень сильно и глубоко, на всю жизнь. Я не знаю ни одного грузина, который настолько бы забыл свои национальные черты и настолько сильно полюбил бы все русское. Еще в Сибири отец полюбил Россию по-настоящему: и людей, и язык, и природу. Он вспоминал всегда о годах ссылки, как будто это были сплошь рыбная ловля, охота, прогулки по тайге. У него навсегда сохранилась эта любовь.

Аллилуева С. *С. 111*

Сталин и мне говорил...: «Мы хорошую школу прошли, мы в тюрьмах, мы в ссылках, а теперь по учебникам — там, знаете, не то...» Ну и страшный. Страшный.

Д. Шепилов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 336*

ИОСИФ И НАДЕЖДА

Революция и любовь

Когда в феврале 1917 года царь вынужден был отречься от престола и в спешке было создано Временное правительство, Сталин немедленно отправился поездом в Петроград, не забыв перед этим направить своему блистательному идеалу Ленину «дружеский привет» телеграфом. В Петроград он прибыл 12 марта.

Ноймайр А. *С. 346*

Не теряя времени понапрасну, он сразу же направился к своему старому другу — Сергею Аллилуеву, квалифицированному рабочему-механику и революционеру. Он жил с семьей в рабочем Выборгском районе, к северу от главного русла реки Невы.

Слассер Р. *С. 17*

Примерно с VI съездом партии совпал переезд Сталина к Аллилуевым. Это не потребовало больших хлопот. Все его имущество — книги, рукописи, кое-что из одежды — помещалось в небольшой плетеной корзинке. С ней он приехал из ссылки.

В 1917 году Сталин познакомился с шестнадцатилетней девушкой Надеждой Аллилуевой, которая стала его второй женой. Ее отец был старый большевик, рабочий, который укрывал Ленина, когда тот был на нелегальном положении.

Бармин А. Соколы Троцкого. М.: Современник, 1997. С. 310–311

Вот как она описывает то время:

«...Завтра из-за холода не пойду в гимназию. Только что вернулась с урока музыки, очень озябла. 3 января выдержала экзамен на 5! Я очень довольна, что мои труды не пропали зря, мне немного трудно, но бросать я все же не хочу». Это из письма друзьям родителей в начале 1917 года. А вот что пишет в канун революции, 27 февраля:

«А теперь у нас занятия на четыре дня прекращены ввиду беспокойного состояния Петрограда, и у меня теперь есть время. Настоящее положение Петрограда очень и очень нервное, и мне очень интересно, что делается в Москве... Занятий у нас после Рождества очень мало, то было холодно, то я болела, а теперь и на улицу не выйдешь. Написала бы подробнее, в чем дело, но, я думаю, в письме не стоит распространяться. Все эти дни буду читать Чехова, а то очень скучно. Все это надоело и хочется скорее хорошего жаркого лета».

Грибанов С. Заложники времени. С. 29

Вспоминаю 1917 год, когда я волей партии, после скитаний по тюрьмам и ссылкам, был переброшен в Ленинград. Там, в кругу русских рабочих, при непосредственной близости с великим учителем пролетариев всех стран — товарищем Лениным, в буре великих схваток пролетариата и буржуазии, в обстановке империалистической войны, я впервые научился понимать, что значит быть одним из руководителей великой партии рабочего класса. Там, в кругу русских рабочих — освободителей угнетенных народов и застрельщиков пролетарской борьбы всех стран и народов, я получил свое третье боевое революционное крещение. Там, в России, под руководством Ленина я стал одним из мастеров от революции. Позвольте принести свою искреннюю товарищескую благодарность моим русским учителям.

И. Сталин.

Цит. по: Сталин: в воспоминаниях современников и документах истории. М., 1995

...Все в том же костюме, косоворотке и в валенках, только лицо его стало значительно старше. Он смешно показывал в лицах ораторов, которые устраивали встречи на вокзалах. Он стал веселый.

Аллилуева А. С. 121

Сталин был веселый человек, любил посмеяться, пошутить, премило имитировал он и разговор местечковых евреев.

Грибанов С. С. 28

А вот другие страницы из воспоминаний Анны Аллилуевой:

«В Петербурге мы объясняли Сталину, что переезжаем на новую квартиру.

— Вот и хорошо, — довольно замечает Иосиф, — оставьте комнату для меня. — И, кивая на прощание, повторяет: — Для меня комнату не забудьте!»

В другом месте опять:

«— А комната ваша ждет вас, комната, о которой вы просили.

Лицо Сталина проясняется от улыбки:

— Оставьте, обязательно оставьте... комнату считайте моей».

Почему-то при чтении этого отрывка из воспоминаний Анны Сергеевны мне вспомнились Савельич и Пугачев в пушкинской «Капитанской дочке»: слуга Савельич упрямо напоминает Пугачеву о тулупчике, подаренном ему в те времена, когда Пугачев был еще бродягой, а новый Пугачев в роли царя Петра Третьего злится, не желая вспомнить тулупчик, как свое унижительное прошлое.

Анна Сергеевна была обречена.

Васильева Л. С. 231

Как и где он питался, кроме утреннего чая — не знаю. Я видел, как он пожирал хлеб, колбасу и копченую тарань прямо у лавочки перед домом — это, видно, было его ужином, а может, и обедом.

Ф. Аллилуев.

Цит. по: *Красиков С. Возле вождей*

Аллилуевы относились к жильцу как к члену семьи. Хозяйка дома Ольга Евгеньевна, испытующе оглядев его, решительно сказала: «Нельзя вам больше, Иосиф, ходить в таком обтрепанном костюме. Обязательно нужен новый».

Яковлев Н. Н. *С. 98*

И мы купили ему новый костюм. Он не любил галстуки. Мать сделала ему высокие вставки наподобие мундира, френча.

Ф. Аллилуев.

Цит. по: *Красиков С. Возле вождей*

Бурные июльские дни в Петрограде. Временное правительство отдало приказ об аресте Ленина и Зиновьева.

Сталин укрыл Ильича в квартире Аллилуевых, в той самой комнате, которая предназначалась для него. Пока Ленин скрывался, в руководстве партии разгорелся спор — являться ли Ленину в суд. 7 июня 1917 г. у Аллилуевых собрались Крупская, Ногин, Орджоникидзе, Сталин и другие, чтобы вынести окончательное решение. Ногин заикнулся было — пойти в суд и «разоблачить» Временное правительство. Ленин обрезал такую идею — «гласного суда не будет». Сталин мрачно добавил, что «юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге».

Порешили отправить Ленина и Зиновьева в район Сестрорецка, а пока для маскировки обрить Ильича. Сталин вооружился бритвой и саморучно сбрил усы и бороду Ленина. Ко многим другим талантам еще обнаружил мастерство брадобрея. Нахлобучили Ильичу на голову кепку, одели в пальто до пят Аллилуева. Сталин и владелец пальто 11 июня 1917 г. проводили Ленина на Приморский вокзал, откуда пригородным поездом отправился на ст. Разлив.

Яковлев Н. Н. *С. 95*

Октябрьская революция была, так сказать, бенефисом Троцкого. По крайней мере, он, говоря о ней в ту пору и впоследствии, неизменно держал себя как «бенефициант», — как бенефициант подчеркнуто-скромный и растроганно-тактичный. Он взволнованно раскланивался с современниками и историей, взволнованно принимал букеты и часть их передавал другим участникам спектакля, заботливо выбирая для этого букетики похуже и участников побездарней. В своих книгах, посвященных Октябрю 1917 г., Троцкий отечески расхвалил самых серых революционеров, принимавших участие в перевороте, — вплоть до фельдшера Лазимира, вплоть до какого-то матроса Маркина. Более видных людей он старательно оставил в тени. Разумеется, Ленина никак нельзя было обойти молчанием — льстиво-коварная книга Троцкого о Ленине достаточно известна. Но о Сталине Троцкий совершенно забыл упомянуть. Сталину ни малейшего букетика не досталось. Двухтомный труд Троцкого о 1917 годе украшен портретами Свердлова, Иоффе, Антонова-Овсеенко, Подвойского, Крыленко, — портрет

Сталина так и не попал в книгу. Между тем роль нынешнего диктатора в Октябрьской революции была чрезвычайно велика: он входил и в «пятерку», ведавшую политической стороной восстания, и в «семерку», ведавшую стороной организационной.

Алданов М. С. 59–60

В отсутствие Ленина, скрывавшегося в Разливе, Сталин делает на VI съезде партии доклад о политическом положении — главный, основной доклад съезду. В первой же фразе этого доклада Сталин твердо заявляет: «Вопрос о современном моменте, есть вопрос о судьбах нашей революции». Но его доклад и резолюция об ориентации партии на совершение социалистической революции частью съезда, мнение которой выражает К. К. Юренев (лидер «межрайонцев»), определяется, как «авантюра». Однако Сталин добивается в ходе съезда принятия общей, единой резолюции, нацелившей партию на социалистическую революцию, — вопреки всем сомнениям оппозиции.

Известны исторические, пророческие слова Сталина, сказанные им при обсуждении пункта 9 резолюции, когда Е.А. Преображенский внес предложение сделать добавление о том, что революция в России может быть начата только «при наличии пролетарской революции на Западе».

Сталин: «Я против такого окончания резолюции. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Запад может

указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего».

Таким образом, Сталин твердо верил, что в 1917 г. революция должна быть, что она произойдет и окончится победой.

Похлебкин В. С. 113—115

Мне кажется, что даже одной мелкой детали достаточно, чтобы ярко осветить превосходство Сталина над Троцким. Сталин дал указание поместить в большом официальном издании «Истории гражданской войны», редактируемом Горьким, портрет Троцкого. Между тем Троцкий в своей книге злобно отвергает все заслуги Сталина, оборачивая его достоинства в их противоположность, и книга его полна ненависти и язвительной насмешки по отношению к Сталину.

Фейхтвангер Л. Москва 1937. М.: Политиздат, 1990. С. 226

Как вел себя Сталин в критические дни Октября? Какова была его действительная роль? Почему его имя крайне редко встречается в революционных хрониках, хотя он регулярно, почти всегда, входил в различные руководящие органы?

Сначала несколько свидетельств. Вот как оценивается роль Сталина в революции в его «Краткой биографии». В ней говорится, что «Ленин и Сталин — вдохновители и организаторы победы Великой Октябрьской социалистической революции. Сталин — ближайший сподвижник Ленина. Он непосредственно

руководит всем делом подготовки восстания. Его руководящие статьи перепечатываются областными большевистскими газетами. Сталин вызывает к себе представителей областных организаций, инструктирует их и намечает боевые задачи для отдельных областей. 16 октября Центральный Комитет избрал Партийный центр по руководству восстанием во главе с тов. Сталиным»... И фактически все. Апологетика явная: только Ленин и он, Сталин. Руководит он не иначе как путем «вызовов» и «инструктажей». Но это уже взято из практики и терминологии 30-х годов. Авторам биографии было трудно сказать что-то конкретное, ибо Сталин в дни революционного апогея ничем не «руководил», ничто не «направлял» и никого не «инструктировал», а лишь исполнял текущие поручения Ленина, решения ВРК при Петроградском Совете.

Волкогонов Д. Т. 1. С. 94

У большевиков в это время кроме Каменева появился в Исполнительном Комитете Сталин. Этот деятель — одна из центральной фигур большевистской партии и, стало быть, одна из нескольких единиц, державших (державших до сей минуты) в своих руках судьбы революции и государства. Почему это так, сказать не берусь: влияния среди высоких, далеких от народа, чуждых гласности, безответственных сфер так прихотливы! Но, во всяком случае, по поводу роли Сталина приходится недоумевать. Большевистская партия при низком уровне ее «офицерского корпуса», в массе невежественного и случайного, обладает целым рядом крупнейших фигур и достойных вождей среди «генералитета». Сталин же за

время своей скромной деятельности в Исполнительном Комитете производил — не на одного меня — впечатление серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно. Больше о нем, собственно, нечего сказать.

Суханов Н. Записки о революции. М.: Издательство политической литературы, 1991. Т. 2. С. 280

Во время войны Сталин находился в ссылке. Он прибыл в Петербург после (февральской) революции и сразу оказался ближайшим помощником Ленина. Роль Сталина была, однако, не показной. Показную роль играли вначале Зиновьев, а потом Троцкий. *Алданов М. С.* 59

3 июля 1917 года по старому стилю. В этот день, как рассказывает Бедный, он сидел в редакции «Правды» и разговаривал со Сталиным. Вдруг раздался телефонный звонок, и Сталин взял трубку. Звонил один моряк из Кронштадта. Он просил совета Сталина по одному важному вопросу: следует ли морякам явиться на демонстрацию в Петроград вооруженными или без оружия?

Бедный нашел всю ситуацию чрезвычайно забавной. Забавным показался не вопрос, который был достаточно серьезным, а то, как вел себя, отвечая на него, Сталин. Попыхивая трубкой и поглаживая усы, Сталин на минуту задумался, потом дал ответ, который заставил Бедного невольно расхохотаться. «Вот мы, писаки, — сказал Сталин, — так свое оружие, карандаш, всегда таскаем с собой... А как там вы со своим оружием, вам виднее!..»

Как с восхищением подчеркнул Бедный, Сталин не стал давать морякам конкретных рекомендаций идти на демонстрацию вооруженными, но это недвусмысленно подразумевалось. В случае неудачного исхода демонстрации никто не смог бы обвинить Сталина в том, что он призывал использовать оружие против правительства. Именно этот ответ вызвал у Бедного восхищение сталинской «хитростью».

Слассер Р. С. 177

Сталин вошел в первое Советское правительство, став народным комиссаром по делам национальностей.

Волкогонов Д. Т. 1. С. 79

Сталин был наркомнац и одновременно нарком РКИ — Рабоче-крестьянской инспекции так называемой.

В. Молотов.

Цит. по: Чуев Ф. С. 332

В этом деле Сталину помогал некий С. С. Пестковский, большевик польского происхождения, который обратился к нему с просьбой определить на работу в революционном правительстве и получил должность заместителя комиссара. Сначала они обосновались в одной из комнат Смольного, где Пестковский нашел свободный стол, придвинул его к стене и прикрепил над ним записку «Народный Комиссариат по делам национальностей». Когда Пестковский сказал, что им потребуются деньги, Сталин навел справки и отправил его к Троцкому со словами: «У

него есть, он нашел их в бывшем министерстве иностранных дел». Пестковский получил у Троцкого три тысячи рублей, и комиссариат начал функционировать.

Такер Р. С. 173

— Ленин поручил РКИ проверить какое-то запутанное дело. Письмо получил. Сталин рассказывал: «Я как нарком пришел к нему и говорю: я назначаю такую-то комиссию. Перечисляю ему — того-то, того-то... Он мне говорит: «Ни одного еврейчика? Нет, ничего не выйдет!»

Вот какая обида нам, русакам, тому же Ленину! Ленин говорил: «Русские ленивы», — и чувствовалось, что ему страшно обидно, что русские действительно ленивы, начнут дело, не кончат... «Поболтать, покалякать — это мы мастера! А вот организовать...» «Покалякать» — любимое слово Ленина.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 332*

— Ленин в 1918 году написал: «Русский человек — плохой работник». А откуда ему быть хорошим? — рассуждает Молотов. — Чем он у помещика занимался? Такие условия, что был неподготовлен. Это напечатано. В полном собрании.

— Не там ли: соединить русский размах с американской деловитостью?

— Это Сталин сказал, — поправляет Молотов.

Чуев Ф. С. 331

А. Е. Голованов мне рассказывал, как Сталин ходил вокруг Кагановича, сидевшего на вертящемся кресле, и говорил ему:

— Ты что мне принес? Что за список ты принес?

В списке значились кандидаты на руководящие должности в Наркомате путей сообщения, в основном евреи. Сталин стал вспоминать:

— Я был молодой, неопытный наркомнац. Ко мне пришел нарком, еврей, и принес на утверждение кандидатуру своего зама. Тоже еврея. Я подписал и понес бумагу Ленину.

Владимир Ильич сказал: «Товарищ Сталин! Запомните себе раз и навсегда и зарубите на носу, батенька: если у нас начальник — еврей, то зам непременно должен быть русским! И наоборот!»

Сталин оттолкнул трубкой лежащий на столе список и сказал:

— Против Ленина — не пойдем!

Чуев Ф. С. 132–133

Вначале Московский Совет выделил Сталину под два его государственных учреждения два бывших особняка, расположенных на разных улицах. Желая, чтобы все учреждения находились под одной крышей, Сталин попытался получить здание Большой сибирской гостиницы в Златоустинском переулке. Надежда Аллилуева, уже работавшая в комиссариате секретарем, отпечатаала на машинке объявления: «Это помещение занято Наркомнацем». Сталин и Пестковский вызвали

автомобиль и поехали к гостинице. На передней двери красовалась бумажка: «Это помещение занято Высшим Советом Народного Хозяйства». Сорвав ее, они прикрепили свою записку, затем с черного хода вошли в темное здание и, освещая дорогу спичками, в разных местах развесили наркомнацевские объявления. Но битву за здание выиграл все-таки ВСНХ. «Это был один из тех немногих случаев, — заметил позднее Пестковский, — когда Сталин потерпел поражение».

Такер Р. С. 175

Правда, Пестковский пишет еще о терпимости Сталина: «Я работал бок о бок со Сталиным около 20 месяцев и все это время принимал участие в разных оппозициях... Тем не менее Сталин относился ко мне с величайшим терпением... Вследствие моей ложной линии он не давал мне руководства работой среди восточных национальностей. Это руководство он сохранил за собой, а я работал среди национальностей запада».

Троцкий Л. С. 354

37-летний грузин выкраивает время и для личной жизни. Молотов рассказывал, как они вместе со Сталиным ухаживали за одной девушкой. Она отдала предпочтение Иосифу...

Громов Е. С. 48

...Была такая женщина — Людмила Николаевна Сталь.

— Сталь была. Людмила Сталь была. Она работала в ЦК партии. Известная работница. Она среди женщин работала.

— Успенский (автор нашумевшего романа «Тайный советник вождя». — *Е. Г.*) говорит, что она была любовницей Сталина.

— Неверно. Этого я не знаю, не могу сказать. Но Сталь была, я ее знал уже седой. Дебелая такая, но, видимо, интересная женщина была. Возможно. Говорили и другое. Говорили про Славотинскую. Она была мать жены Трифонова Валентина Андреевича, члена Военного совета. Она работала у нас в ЦК партии. Сталь работала в журнале «Работница». Славотинскую я знал, она у меня часто бывала на приеме. Есть письма Сталина к Славотинской. Это известно. Она в Ленинграде жила. Если уж подозревать, то можно подозревать Славотинскую, поскольку есть документы, письма. А вот про Сталь — не знаю. Может быть, был роман и со Сталь...

— Роман был, якобы, в период первой русской революции. Она его старше лет на десять. А потом возобновился между Февральской и Октябрьской революциями. Успенский говорит, что она работала в ЦК партии и редактировала все произведения Сталина. И получила орден Ленина в тридцать девятом году. А он взял фамилию — Сталин.

Если она получила орден, то получила орден за работу. А что, возможно, были какие-то привязанности у Сталина. У него были перерывы, видите ли. У него жена умерла до революции. А на Надежде Сергеевне он женился в девятнадцатом году, до девятнадцатого года имел право любить кого угодно.

Л. Каганович.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 173*

— Говорят, в 1918 году Сталин в Петрограде схватил венерическую болезнь...

— Ну, было такое, — улыбается Молотов.

— Триппер? Доказывают люди...

— Это доказывают сугубые пенсионеры, одна труха осталась, — шутит.

Чуев Ф. С. 310

Речь Сталина монотонна и утомительна для слуха. При жизни Ленина он обычно сидел на заседаниях Политбюро отдельно от всех и молчал, будучи неспособным принимать участие в оживленной дискуссии, которую считал пустой болтовней.

Бармин А. С. 307

Перекричать дюжину-другую глоток в прокуренной комнате нарком не мог. Вообще он терпеть не мог громко говорить. «Все члены коллегии по национальному вопросу стояли в оппозиции к Сталину, нередко оставляя своего народного комиссара в меньшинстве... Иногда он терял терпение, но он никогда не обнаруживал этого на собраниях. В тех случаях, когда в результате наших бесконечных дискуссий на совещаниях запас его терпения истощался, он вдруг исчезал. Делал это он чрезвычайно ловко. Сказав: «Я на минутку», он исчезал из комнаты и прятался в одном из закоулков Смольного и

Кремля. Найти его было почти невозможно. Сначала мы его ждали, а потом разошлись. Я оставался один в нашем общем кабинете, терпеливо дожидаясь его возвращения. Но не тут-то было. Обычно в такие минуты раздавался телефонный звонок: это Владимир Ильич требовал Сталина. Когда я отвечал, что Сталин исчез, он мне говорил неизменно: «Срочно найти». Задача была нелегкой. Я отправлялся в длинную прогулку по бесконечным коридорам Смольного и Кремля в поисках Сталина. Находил я его в самых неожиданных местах. Пару раз я застал его на квартире у матроса Т. Воронцова, где Сталин лежал на диване, курил трубку и обдумывал свои тезисы».

С. Пестковский.

Цит. по: *Троцкий Л.С.* 30–31

В 1919 году Троцкий пожаловался Ленину, что Сталин пьет вино из царских подвалов в Кремле. Сталин был вызван на очную ставку с Троцким по поводу этого обвинения. «Если на фронт дойдет слух, что в Кремле идет пьянство, это произведет дурное впечатление», — утверждал Троцкий. Продажа алкогольных напитков в это время была в России запрещена. Сталин запротестовал, говоря, что кавказцы не могут обойтись без вина. «Вот видите, — сказал Ленин, — грузины не могут жить без вина». На этом дискуссия окончилась. «Я капитулировал без борьбы», — вспоминал об этом Троцкий в статье, напечатанной 2 октября 1939 года в американском журнале *Лайф*.

Фишер Л. С. 646

Таким образом, до 1919 г. мне не приходилось сталкиваться со Сталиным и узнать о нем что-то особенное. Его не было заметно. Даже несмотря на то, что он был наркомом по делам национальностей и членом Политбюро.

Микоян А. С. 347

Первый период нэпа застал Сталина на слабых позициях. Народный комиссариат национальностей мало-помалу превращался в пустое место. Работа Сталина как члена Центрального Комитета не давала ему достаточного простора для применения своих сил. Выдвигались все новые партийные фигуры. Блестел своими ораторскими дарованиями Троцкий, покоряя молодую аудиторию. Он выступал по всем вопросам: политики, литературы, искусства и быта, и все его выступления превращались в сплошной триумф.

Беседовский Г. С. 352

Малоизвестный факт. Заполняя в 1920 году развернутую анкету всеукраинской конференции КПУ, Коба пишет в главке «профессия» — «писатель (публицист)»

Громов Е. С. 64

Со второй половины 1921 года Политбюро поручает ему [Сталину] вести организационную работу в Центральном комитете. Ему вменялась подготовка пленумов ЦК, сессий ЦИК и другое, то есть, по существу, он исполняет обязанности секретаря ЦК.

Как в свое время Свердлов, Сталин стал генсеком фактически. Именно этот пост был облюбован Сталиным для восхождения к абсолютной власти. «Ролью только политического вождя, который на свою аудиторию воздействует лишь статьями и речами, он никогда не довольствовался, а всегда стремился держать в своих руках и нити организационных связей: он превосходно знал, что только таким путем можно держать в руках те руководящие кадры партийных работников, которые необходимы для функционирования всякой, организации». Эти строки, превосходно характеризующие Сталина, принадлежат Крупской и относятся к Ленину. Дореволюционному Ленину 1901 года.

Фельштинский Ю. С. 279

Впервые я увидел Сталина в 1922 году на Четвертом конгрессе Интернационала. Тогда это был еще простой смертный, и он отнюдь не считался выдающимся деятелем партии или советского правительства. Он был одним из секретарей Центрального Комитета партии, то есть занимал второстепенный пост, носивший в известной степени технический характер. Однако скоро он сумел превратить этот пост в такое сосредоточие власти, которое не снилось русским царям. Но в то время нам, конечно, не могло прийти в голову, что секретарь ЦК, даже старший из трех секретарей, занимавший к тому же второстепенный правительственный пост комиссара Рабоче-крестьянской инспекции, может через два года стать ведущей политической фигурой, а через десять лет почти божеством. Его относительная

малозначительность была очевидна для всех участников конгресса. В то время, как такие ведущие лидеры, как Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Радек, Раковский и еще с полдюжины других, были постоянно окружены делегатами из различных стран, а их выступления слушали с огромным вниманием, Сталин всегда ходил один.

Я увидел Сталина как раз в тот момент, когда он выходил из Георгиевского зала, где проходил конгресс. На нем была серая военная шинель, сапоги и гимнастерка полувоенного покроя. Он уже спускался по лестнице, когда к нему подбежал какой-то мелкий служащий из аппарата Коминтерна и задал какой-то вопрос. Я сидел в нескольких шагах, курил и наблюдал за делегатами конгресса. Служащий Коминтерна был очень мал ростом и, как это часто бывает у низкорослых людей, компенсировал этот недостаток чрезмерной активностью. Сталин и сам был невысок, но этот клерк доставал ему только до плеча. Сталин, возвышаясь над своим собеседником, спокойно слушал, иногда кивал или вставлял одно-два слова. Маленький человечек прыгал вокруг Сталина, дергал его за рукава, за лацканы и пуговицы и безостановочно говорил, что даже у меня стало вызывать раздражение. Но что привлекло мое внимание и заставило запомнить эту сцену, было удивительное терпение, с которым Сталин слушал своего собеседника. Я подумал, что он, должно быть, идеальный слушатель. Он уже собирался уходить, но вместо этого в течение почти часа спокойно слушал собеседника, был так нетороплив и внимателен, как будто у него был неограниченный запас времени и он мог без конца слушать этого маленького суетливого клерка. В его манере было что-то монументальное.

Бармин А. С. 303–304

Я вспоминаю, впрочем, эпизод, где Сталин вышел из себя. Это происходило, кажется, на заседании Советской делегации Коммунистического Интернационала. Речь шла об интриге, которую Сталин подводил под Зиновьева как председателя Коммунистического Интернационала. Сталин, как всегда, требовал искренности и сокрушенно говорил, что у оппозиции нет искренности. Надо сказать, что разговоры Сталина об искренности — его любимая тема — всегда выводили оппозицию из себя. Да и сторонникам Сталина не всегда было по себе. Каменев крикнул какое-то резкое замечание, вроде «лицемер». Сталин ответил грубым ругательством, завязалась подлинная перебранка. Каменев стоял бледный и взволнованный, сцена была очень тяжелая.

Троцкий Л. С. 336–337

Следует, однако, отметить, что карьере Сталина в партии во многом помогла женитьба в 1919 г. на Надежде Аллилуевой.

Такер Р. С. 20

Жену свою Коба достал, как драгоценный жемчуг буквально со дна моря. В 1903 году двухлетняя Наденька Аллилуева жила с родителями в Баку. Однажды, если верить фамильным преданиям, она играла на набережной и — бултых в море!

Грибанов С. С. 29

Он был рядом и одним движением выхватил ее из воды.

Васильева Л. С. 180

А в Петрограде они встретились, когда Сталин, ссыльный 38-летний революционер, вернулся из Сибири. Наденьке тогда только что исполнилось 16 лет.

Грибанов С. С. 29

У нее была другая перспектива, другой рост: она только начала расти, когда революция свершилась, — а он уже был зрелым сорокалетним человеком, вступившим в пору скепсиса, рассудочности, холодного расчета — всего того, что так важно для политика.

Аллилуева С. С. 87

Говорят, Надя была очень веселая девушка, хохотушка... Но я этого уже не застала. Когда все поняли, что он за ней ухаживает, ей стали говорить, что у него очень тяжелый характер. Но она была в него влюблена, считала, что он романтик. Какой-то у него был мефистофелевский вид, шевелюра такая черная, глаза огненные... В Петербурге она не была еще его женой, ждали, когда ей исполнится шестнадцать.

К. Политковская-Аллилуева.

Цит. по: Радзинский Э. С. 295

Это была очень живая девушка с большими, как у ее матери-грузинки, черными глазами.

Бармин А. С. 310–311

Мама родилась в Баку, и ее детство прошло на Кавказе. Южная ее внешность иногда заставляла тех, кто плохо знает Грузию, принимать ее за грузинку. На самом деле такими бывают болгарки, гречанки, украинки — с правильным овалом лица, черными бровями, чуть вздернутым носом, смуглой кожей и мягкими карими глазами в черных прямых ресницах. Правда, у мамы к этому облику было добавлено что-то от цыган — какая-то восточная томность, печальные глаза и длинные суховатые пальцы. Она очень любила кутаться в шали, ей это шло, на ней естественно выглядело бы и индийское сари.

Аллилуева С. С. 80

Известно, что она была дочерью питерского рабочего-большевика Аллилуева, у которого скрывался Ленин в 1917 году перед большевистским переворотом.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж, 1990. С. 178

Она принадлежала сама к молодому поколению революции — к тем энтузиастам-труженикам первых пятилеток, которые были убежденными строителями новой жизни, сами были новыми людьми и свято верили в свои новые идеалы человека, освобожденного революцией от мещанства и от всех прежних пороков.

Мама верила во все это со всей силой революционного идеализма, и вокруг нее было тогда очень много людей, подтверждавших своим поведением ее веру. И среди всех, самым высоким идеалом нового человека показался ей некогда отец. Таким он был в глазах юной гимназистки, — только что вернувшийся из Сибири «несгибаемый революционер», друг ее родителей. Таким он был для нее долго, но не всегда...

Аллилуева С. С. 99–100

В 1918 году она сама вступил в партию большевиков.

Бармин А. С. 310

Вскоре мама вышла замуж и приехала с мужем в Москву. Там она стала работать в секретариате у В. И. Ленина, у Л. А. Фотиевой.

Аллилуева С. С. 89

В разгар гражданской войны Надежде приходилось проводить в канцелярии долгие часы, часто до поздней ночи, печатать на машинке, шифровать и расшифровывать телеграммы. Как впоследствии вспоминали старшие сотрудники этой канцелярии, ей доверяли работу самого секретного характера.

Такер Р. С. 204–205

Затем уехала с моим отцом на южный фронт.

Аллилуева С. С. 89

После переезда правительства в Москву Надя поехала с ним в Царицын — секретаршей, потом стала его женой...

К. Политковская-Аллилуева.

Цит. по: *Радзинский Э. С.* 295

4 июня 1918 г. специальным поездом он отбыл в Царицын, имея 400 красноармейцев, в том числе 100 латышских стрелков («обязательно» выделить их предписал Ленин). С ним поехала Надежда Аллилуева.

Яковлев Н. Н. С. 119

Она вышла замуж за Сталина в семнадцатилетнем возрасте, когда ему было уже сорок лет.

Такер Р. С. 395

В 1918 году Сталин был послан в Царицын (переименованный в 1925 году в Сталинград) для обеспечения скорейшей отправки хлеба в Москву, Петроград и другие промышленные центры, где продовольственное положение приняло катастрофический характер. Вместе со Сталиным в салон-вагоне ехали мой отец, старый большевик Сергей Яковлевич Аллилуев, оказавший Сталину ряд услуг еще во времена царизма, и моя 17-летняя сестра Надя, работавшая секретарем-машинисткой в Управлении делами СНК. По тогдашним железнодорожным условиям

поезд до Царицына двигался медленно, подолгу останавливаясь на промежуточных станциях.

В одну из ночей отец услышал душераздирающие крики из купе, где находилась Надя. После настойчивых требований дверь отворилась, и он увидел картину, которая ни в каких комментариях не нуждалась: сестра бросилась на шею отцу и, рыдая, сказала, что ее изнасиловал Сталин. Будучи в состоянии сильного душевного волнения, отец вытащил пистолет, чтобы застрелить насильника, однако Сталин, поняв нависшую над ним серьезную опасность, опустившись на колени, стал упрашивать не поднимать шума и скандала и заявил, что он осознает свой позорный проступок и готов жениться на дочери.

Сестра долго сопротивлялась браку с нелюбимым человеком, к тому же старше ее на двадцать с лишним лет, но была вынуждена уступить, и 24 марта 1919 года был зарегистрирован брак между Сталиным, которому шел сороковой год и 18-летней Аллилуевой, а через пять месяцев родился их сын Василий (кстати сказать, она не изменила своей девичьей фамилии).

Тем не менее, Сергей Яковлевич, презиравший Сталина, описал это глубоко возмущившее его событие, оставившее неизгладимый след в его душе, а рукопись, отлично зная характер и повадки своего зятя, закопал на даче под Москвой. Эту тайну он доверил лишь мне, своей старшей дочери...

А. Аллилуева (старшая сестра жены Сталина).

Цит. по: *Ицков И.* Записки юриста. М., 1994. С. 37–38

В этом пошлом вымысле с перепутанными действующими лицами, возможно, сохранились отголоски подлинной трагической истории. Конечно, Надя была влюблена в революционного героя, к тому же в ней текла страстная цыганская кровь. Так что все действительно должно было произойти в том раскаленном вагоне, куда после безумия расстрелов возвращался ее мрачный возлюбленный. И был крик страсти в ночи, на который поспешил несчастный Федя, и, вбежав в незакрытое купе, увидел обожаемую сестру и старого грузина (он должен был казаться ему стариком — этот сорокалетний грузин, которого он боготворил)... Страшно крушение чистоты в молодые годы, и не всегда могут пережить его юноши-идеалисты.

Но все это не более чем догадки. Достоверна лишь ночь, вагон и трое — в сумасшедшей жаре под звездами 1918 года.

Радзинский Э. *С. 154*

Она ехала в качестве секретаря. То был медовый месяц молодоженов. 6 июня спецпоезд прибыл в Царицын.

Яковлев Н. Н. *С. 119*

Помню такой конкретный случай, когда Сталин прямо выражал недовольствие Лениным. Когда Сталин, по его рассказу, находился в Царицыне, он поехал на хлебозаготовки и принимал тогда же меры по организации обороны Царицына. Туда вместе с 5-й армией отступил с Украины Ворошилов, и там они сошлись со Сталиным. Сталин рассказывал, что Ленин

вызвал его в Москву с докладом о положении вещей. Потом Ленин ему говорит: «Батенька, я получил сведения, что вы там пьянствуете, сами пьете и других спаиваете. Нельзя это делать!» Сталин и не отрицал, что он там пил. В чем же дело? «Вот видите, кто-то ему наговорил. Это спецы наговорили, а он мне нотацию читал», — высказывался Сталин с явным недовольством. Мы между собой переговаривались, видимо, этот недостаток, от которого мы страдаем, работая под руководством Сталина, — давний порок. Он еще в те времена пьянствовал, Ленин это знал и предупреждал его.

Хрущев Н. *Т. 2. С. 117*

...В силу настояний Сталина в 1918—22 гг. была принята *пятиконечная* звезда — пентаграмма — в качестве символического охранного знака не только для Красной Армии, но и как государственная эмблема. Сталин вначале «протащил» пятиконечную звезду в 1922 г. в герб Грузии, а затем — в герб ЗСФСР, и позднее — также в герб СССР (в 1936 г.), хотя В.И. Ленин был принципиально против использования военных символов в качестве эмблем социалистического государства.

Похлебкин В. *С. 100*

Помню, во время гражданской войны я расспрашивал члена ЦК Серебрякова, который тогда работал вместе со Сталиным в Революционном Военном Совете Южного фронта: не мог бы Серебряков в интересах экономии сил справиться и без Сталина? Серебряков ответил: «Нет, так нажимать, как Сталин, я

не умею. Это не моя специальность. Способность «нажимать» Ленин в Сталине очень ценил.

Троцкий Л. С. 332

Из Сибири он привез постановление: если кулак не сдает хлеб в размерах, какие для него положены, — применять репрессивные меры. Он довольно крепко нажал. И выкачал хлеб...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 320*

Из Омска Сталин поехал в какую-то деревню. Рассказывали, он там все агитировал сдавать хлеб. Тут кто-то из крестьян и крикни ему: «А ты, кацо, спляши нам лезгинку — может, мы тебе хлебца-то и дадим».

В. Кротов.

Цит. по: *Радзинский Э. С. 249*

Светлана Аллилуева в своей книге «Двадцать писем к другу» пишет, что Сталин и Надежда поженились весной 1918 года перед самым переездом Советского правительства из Петрограда в Москву, однако официально их брак был зарегистрирован 24 марта 1919 года. В этом ничего странного нет, в то время люди мало заботились о формальных документах и многие семьи прожили долгие годы без оформления брака.

Аллилуев В. Ф. (племянник Н. Аллилуевой). *Хроника одной семьи: Аллилуевы — Сталин. М.: Мол. гвардия, 1995. С. 8*

По законодательству, принятому позднее в СССР, такой брак считался недействительным.

Зенькович Н. С. 25

Ольга Аллилуева, будущая теща, относилась к нему очень тепло... но брак дочери ее не обрадовал: она долго пыталась отговорить маму и попросту ругала ее за это «дурой». Она никогда не могла внутренне согласиться с маминым браком, всегда считала ее глубоко несчастной, а ее самоубийство — результатом «всей этой глупости».

Аллилуева С. С. 90

От этого брака у него было двое детей: сын Василий и любимая дочь — Светлана.

Бармин А. С. 310–311

Ведь ребенок же еще, и вдруг на плечи этого ребенка свалилась такая судьба. Хватило бы только лишь революции с гражданской войной и разрухой... Нет, на ребенка еще свалилась камнем любовь к человеку на 22 года старше, вернувшемуся из ссылки, с тяжелой жизнью революционера за плечами, к человеку, идти рядом с которым нелегко было и товарищам. А она пошла рядом, как маленькая лодочка, привязанная к огромному океанскому пароходу, — так я и вижу эту «пару» рядом бороздящую бешеный океан...

Аллилуева С. С. 89–90

В отличие от него Надя была по характеру совсем другим человеком.

Хрущев Н. Т. 1. С. 65

Позднее она устроилась в редакцию журнала «Революция и культура», публиковавшегося «Правдой», и активно участвовала в деятельности партийной организации издательства.

Такер Р. С. 205

Семейные конфликты начались рано. Уже по приезду в Москву в 1918 году, когда едва минули первые медовые месяцы, возник конфликт, длившийся почти месяц. О нем рассказали писателю А. Беку секретарь СНК и СТО Л. А. Фотиева и стенографистка В. И. Ленина М. А. Володичева, когда он брал у них интервью для своей книги «Новое назначение». Причиной ссоры была мелочь: Сталин говорил Надежде «ты», а она обращалась к нему на «вы» и никак не соглашалась на «ты». Такие вот разные они были люди.

Аллилуев В. С. 26

Ленин поначалу заботился о «чудесном грузине». «Нельзя ли ускорить освобождение квартиры, намеченной Сталину?» — спрашивает у Енукидзе. Но проходит три месяца. Что-то, видимо, не получается с той квартирой, и Ленин не на шутку гневается: «Квартира Сталина. Когда же? Вот волокита!» Серго

Орджоникидзе от Ильича схлопотал даже выговор за Сталина: оторвал Кобу от отдыха на Северном Кавказе...

Грибанов С. С. 29

Артем Федорович (приемный сын Сталина. — *Е. Г.*) подтверждает своими рассказами весьма скромный, непритязательный быт Сталина. Квартира его помещалась в двухэтажном доме у Троицких ворот Кремля. По нынешним понятиям неудобная была квартира. Это отмечал еще Ленин в одной из своих записок, а мне рассказывал Молотов.

Все комнаты проходные. В прихожей стояла кадка с солеными огурцами — любил. На вешалке висела его старая доха мехом наружу. Он часто ходил в ней. По-видимому, она появилась у него с гражданской войны, но многие считали, что привез он ее из ссылки, из Туруханского края. Тут же помещалась и фронтовая шинель, которую ему однажды пытались заменить, но он возмутился: «Вы пользуетесь тем, что можете мне каждый день приносить новую шинель, а мне эта еще лет десять послужит!»

Тут же стояли старые подшитые валенки...

Чуев Ф. С. 61

Я уже упоминал, что был знаком с братом Надежды, простым и симпатичным парнем, очень способным управленцем, который в одно время со мной работал в Наркомвнешторге. Как только упоминалось имя его сестры, он мрачнел. Он был очень сдержан в рассказах о ее жизни, но из того, что я узнал, у меня сложилось

убеждение, что она была несчастлива. Умная и чувствительная женщина, серьезная и сдержанная, она была окружена подхалимами и льстецами, которых презирала.

Бармин А. С. 310–311

Женившись семь лет спустя после смерти Катерины на Надежде Аллилуевой (думаю, она стала второй, и последней, любовью в его жизни), Дед столкнулся с характером крепким и своенравным. Новая жена имела свои пристрастия (казавшиеся ему женской ерундой) и упорно отстаивала их в открытом бою, пренебрегая тем, на чем держится семейное благополучие и ради чего многие женщины идут на сложнейшие обходные маневры, а именно, умением манипулировать «владыкой» без ущерба для его самолюбия...

Джугашвили Г. С. 59

Со Сталиным в обращении мы так и остались на «ты». Вообще со Сталиным очень узкий круг лиц был взаимно на «ты»: Орджоникидзе, Калинин, несколько позже — Молотов, Ворошилов, затем Киров, Бухарин, Каменев. (Каменев и Сталин дружили еще на Кавказе и в ссылке встречались, в Минусинске, вместе прибыли в Петроград и работали в редакции «Правды», находились в хороших отношениях друг с другом — до известной поры.) Некоторые из перечисленных товарищей обращались к нему Коба — это была его партийная кличка. Редко Орджоникидзе называл его Сосо — уменьшительное от Иосиф.

Сталин много раз со мной говорил: почему вы говорите мне «вы», а не «ты»? Я тебе буду говорить «ты». Давай на брудершафт! Выпили. Я продолжаю ему говорить «вы». Он говорит: «Что же это такое? Выпили на брудершафт, а ты мне говоришь «вы»? Я говорю: «А вы Ленину говорили «ты»? Он задумался. «Нет, — говорит, — я ему говорил «вы». «А почему?» — «Не мог». «Вот и я, — говорю, — не могу». — «Здорово ты меня посадил!» При людях разговор был.

Л. Каганович.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 173*

Ее называли «строгой», «серьезной» не по годам, — она выглядела старше своих лет только потому, что была необычайно сдержанна, деловита и не любила позволять себе «распускаться». Визиты бабушки и Анны Сергеевны ее раздражали — по словам моей няни — именно потому, что обе эти добрые, открытые женщины требовали от нее откровенности. Для них самих было так естественно жаловаться и плакать — она же этого не терпела... Она не любила признаваться, что ей плохо. Не любила обсуждать свои личные дела. За это на нее обижались и бабушка, и ее сестра, Анна Сергеевна, — сами они были чрезвычайно открытые, откровенные, — что на уме, то и на языке.

Аллилуева С. С. 101

Светлана в «Двадцати письмах к другу» деликатно говорит о педантичности и сухости Надежды Сергеевны, слишком серьезно относившейся даже к мелочам, а вот Кира, старшая дочь Павла, прямо признается, что она никогда не боялась Сталина, а Надежду за ее сухость и строгость побаивалась сильно.

Аллилуев В. С. 26

Когда меня спрашивают, боялась ли я Сталина, то я всегда отвечаю — нет! Его я не боялась. Я боялась Надежды Сергеевны. Она замораживала, казалась строгой, скрытной. Лицо неприветливое, настороженное.

К. Политковская-Аллилуева.

Цит. по: Радзинский Э. С. 174

Жесткость характера Надежды проявлялась с раннего детства. Моя мать в «Воспоминаниях» приводит такой эпизод. В 1911 году, когда Наде было десять лет, ей для перехода в другую гимназию потребовалось свидетельство о причащении. В церкви Надежда так независимо и недобро отвечала священнику, что тот, поразившись, сказал сокрушенно: «Ну и колючая у тебя сестра, почаще ей надо священные книги читать».

Аллилуев В. С. 26

Мама была очень скрытной и самолюбивой... Это сдерживание себя, эта страшная внутренняя самодисциплина и напряжение, это недовольство и раздражение, загоняемое внутрь, сжимавшееся внутри все сильнее и сильнее как пружина, должны были, в

конце концов, неминуемо кончиться взрывом, пружина должна была распрямиться со страшной силой...

Аллилуева С. С. 101

После замужества круг близких людей Надежды как-то неожиданно оборвался — отец пропал без вести, гражданская война забрала двух братьев на фронт, сестра, выйдя замуж, оставила Москву. Рядом с ней самым близким человеком оказался муж, но он был намного старше, и, главное, его все больше и больше отбирала у нее работа, он практически уже не принадлежал себе самому и внимания молодой жене мог уделять все меньше и меньше. Надежда разумом понимала все, но чувства бунтовали. Конфликт между этими по-своему любившими друг друга людьми развивался то приливами, то отливами, то замирал, то разгорался, что и привело, наконец, к трагической развязке.

Аллилуев В. С. 28

Они ревновали друг друга, она — открыто, он — тайно (как все мужчины его склада), ненавидя ее новые платья и духи (зачем это? Для меня, она знает, и так хороша). Любя и боясь потерять, они мучили друг друга. От постоянной борьбы она устала первой, страдала головными болями, часто сидела, припав головой к рукам, закрыв глаза, становясь похожей на статуэтку, которую ее дочери подарил кто-то много лет спустя: молодая женщина с крупным узлом волос на затылке сидит на диванчике, облокотясь на валик и припав лбом к кисти левой руки. Видно — она небольшого роста, чуть

полновата, и прическа как на фотографиях, и лицо. «Это — Надежда Сергеевна?» — «Ты знаешь, мне тоже кажется, очень похожа». Мы так ее и называли.

Джугашвили Г. С. 59

Я запомнила ее очень красивой. Она, наверно, не только мне казалась такой. Я не помню точно лица, но общее впечатление чего-то красивого, изящного. Это было неосознанное впечатление детства, просто так чувствовалась ее атмосфера легко двигающегося, хорошо пахнущего, ее натура.

Аллилуева С. С. 173

В начале двадцатых годов И. В. Сталин продемонстрировал невозможное — выжил после тяжелейшего перитонита, гнойного воспаления аппендикса, который обычно завершается летальным исходом. При отсутствии антибиотиков, полученных лишь спустя десятилетие, это действительно выглядело невероятным.

Красиков С. С. 179

Здоровье Сталина подверглось серьезной опасности. Предстояла операция. Сталина, по настоянию Ленина, перевели в Москву, в Солдатенковскую знаменитую больницу.

«Владимир Ильич, — рассказывает лечивший Сталина доктор Розанов, — ежедневно два раза, утром и вечером, звонил ко мне по прямому проводу и не только справлялся о его здоровье, потребовал самого

тщательного и обстоятельного доклада. Операция т. Сталина была очень тяжелая: помимо удаления аппендикса, пришлось сделать широкую резекцию слепой кишки, и за исход ручаться было трудно. Владимир Ильич, видно, очень беспокоился и сказал мне:

— Если что, звоните мне во всякое время дня и ночи...

Когда на четвертый или пятый день после операции всякая опасность миновала, и я сказал ему об этом, у него, видно, от души вырвалось:

— Вот спасибо-то!.. Но я все-таки буду звонить вам каждый день...

Навещая т. Сталина у него уже на квартире, я как-то встретил там Владимира Ильича. Встретил он меня очень приветливым образом. Отозвал в сторону, опять расспросил, что было со Сталиным. Я сказал, что его необходимо отправить куда-нибудь отдохнуть после тяжелой операции. На это он:

— Вот и я говорю то же самое, а он упирается. Ну, да я устрою, только не в санаторий, сейчас говорят, что они хороши, а еще ничего хорошего нет...

Я говорю:

— Да пусть едет прямо в родные горы.

Владимир Ильич:

— Вот и правильно, да подальше, чтобы никто к нему не приставал, надо об этом позаботиться».

Простор. 1993. № 11. С. 174

Решились оперировать под местным наркозом из-за слабости больного. Но боль заставила прекратить операцию, дали хлороформу... Потом он лежал худой и бледный как смерть, прозрачный, с отпечатком страшной слабости.

Аллилуев Ф. С. 123

Возможно именно в это время Сталин сильно удивил Ленина. Ленин, полушутя — полусерьезно, на правах заботливого брата посоветовал ему жениться на своей сестре «Маняше» — Марии Ильиничне. Оказалось, что Сталин уже женат. И не на ком-нибудь, а на своей секретарше. Как известно, ею была Надежда Аллилуева...

Валентинов Н. Неизвестный Ленин. М.: На боевом посту, 1992. С. 123

Передо мной протокол заседания комиссии по проверке и очистке партии Замоскворецкого района Москвы: «Слушали: ...7. О Аллилуевой Н. С. Постановили:

Исключить как балласт, совершенно не интересующийся партийной жизнью. Как советский работник, может исполнять всякую работу».

Архивный документ датирован 10 декабря 1921 года.

Зенькович Н. С. 26

«Проверочной комиссией Замоскворецкого района постановлено считать меня исключенной как балласт и как не интересующуюся партийной работой.

Считая постановление комиссии слишком резким, прошу губернскую комиссию пересмотреть это решение и перевести меня в кандидаты, ввиду моего серьезного желания подготовиться для партийной работы, которой я не вела до сих пор исключительно только потому, что считала себя неподготовленной. Прошу комиссию принять во внимание то, что мне 20 лет, и я не имела еще возможности получить партийную подготовку и опыт. В настоящее время я прохожу партийную школу и надеюсь, что в дальнейшем буду более пригодным членом партии, чем была до сих пор, а поэтому прошу перевести меня в кандидаты для опыта.

Н. Аллилуева.

Заявление в Московскую губкомиссию по проверке и очистке партии от 12 декабря 1921 г.

Цит. по: *Зенькович Н.*

«До меня дошло известие об исключении из партии Надежды Сергеевны Аллилуевой. Лично я наблюдал ее работу как секретарши в Управлении делами СНК, т. е. мне очень близко. Считаю, однако, необходимым указать, что всю семью Аллилуевых, т. е. отца, мать и двоих дочерей, я знаю с периода до Октябрьской революции. В частности, во время июльских дней, когда мне и Зиновьеву приходилось прятаться и опасность была очень велика, меня прятала именно эта семья, и все четверо, пользуясь полным доверием тогдашних большевиков-партийцев, не только прятали нас обоих, но и оказывали целый ряд конспиративных услуг, без которых нам бы не удалось уйти от ищек Керенского.

Очень может быть, что, ввиду молодости Надежды Сергеевны Аллилуевой, это обстоятельство осталось неизвестным комиссии. Я не знаю также, имела ли возможность комиссия при рассмотрении дела о Надежде Сергеевне Аллилуевой сопоставить сведения об ее отце, который работал в разнообразных функциях по содействию партии задолго до революции, оказывая, как я слышал, серьезные услуги нелегальным большевикам при царизме.

Считаю долгом довести эти обстоятельства до Центральной комиссии по очистке партии.

20 декабря 1921 года в 20 часов».

**Ленин — П. Залуцкому, А. Сольцу,
членам Центральной комиссии по очистке
партии.**

Цит. по: *Зенькович Н.*

К этому времени у Надежды и Сталина родился первенец — Василий. Перед родами Надежда ушла из дома, и никто не знал, где она находится. Родился Василий в каком-то родильном доме на окраине Москвы.

Аллилуев В. С. 29

С самого первого дня жизни Василий Сталин оказался в экстремальной ситуации. Его мать, Надежда Аллилуева, поссорившись с его отцом Иосифом Сталиным, накануне родов, рискуя своей жизнью и жизнью ребенка, ушла из дому в никуда. Василий родился не в кремлевской больнице, где все уже было заранее подготовлено для первенца сталинской жены, а

на окраине Москвы, в маленьком, заштатном родильном доме. Аллилуеву и ребенка с трудом разыскали там.

Васильева Л. С. 112

Надежду Аллилуеву в партии восстановили. В 1921 году у нее родился сын Василий, этим, видимо, и объясняется ее тогдашняя «недостаточная общественная деятельность».

Зенькович Н. С. 135

«Родился в 1921 году в Москве в семье профессионального революционера. С 1921 по 1938 год жил на иждивении родителей и учился.

18 июня 1945 года

В. Сталин»

Автобиография В. Сталина.

Архив Министерства обороны.

Цит. по: Иосиф Сталин в объятиях семьи: Сб. документов

По гороскопу Василий Иосифович был «рыбой». Все основные жизненные этапы происходили у него в марте...

Красиков С. С. 123

Когда родился Вася, Сталин перестал с Надей разговаривать. А у них повелось так: он называл ее на

«ты», а она говорила ему «вы». Не разговаривал целый месяц...

Л. Фотиева (личный секретарь Ленина).

Цит. по: *Бек А.* К истории последних ленинских документов. Из архива писателя... // Моск. новости. 1989. № 17. 23 апр.

(Далее цит.: *Бек А.* Из архива писателя)

«Васенька за зиму очень поправился и стал очень большим мальчиком, очень упрямый и непослушный из-за чего я с ним очень часто ссорюсь. Говорит очень мало, но понимает абсолютно все, так что очень часто уже исполняет мои поручения. Он тоже очень хочет видеть свою дорогую и хорошую бабушку и забавляться с ней. Он очень огорчен сегодня, т. к. у него были два очень хорошеньких кролика и внезапно околели, отравившись чем-то, так бедный Васенька все время ищет и никак не может понять, что их нет и не будет больше».

Н. Аллилуева — Е. Джугашвили. 1 мая 1923 г.

(Здесь и далее письма Н. Аллилуевой цит. по сборнику документов: Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. М.: Родина, 1993.)

Детство жизнерадостного, любознательного Василия Сталина прошло на даче в Зубалове, под сенью лип и елей, под наблюдением опытного педагога Василия Ивановича Муравьева. Учитель обучал подростка русскому и немецкому языкам, развивал

наблюдательность, приобщал к рисованию, чтению, расширял кругозор.

Красиков С. С. 105

К этому времени и произошли те события, которые стали поворотными в судьбе Сталина, определили все дальнейшее течение его жизни...

Такер Р. С. 123

Яд для Ленина

Здоровье Ленина резко надломилось в конце 1921 года.

Троцкий Л. Портреты революционеров. М., 1991. С. 67.

(Далее цит.: *Троцкий Л.*)

В конце ноября 1921 года Ленина перед отъездом за границу посетила Андреева. 29 января 1924 года, вскоре после смерти Ленина, она рассказывала в письме Горькому об этой встрече, оказавшейся последней. Он долго что-то слушал, а потом вдруг говорит: «Какая вы еще, Мария Федоровна, молодая! Даже румянец во всю щеку от волнения... Краснеть не разучились. А вот я — уставать стал. Сильно уставать».

Фельштинский Ю. С. 251

По должности режимом больного ведал Сталин.

Яковлев Н. Н. С. 161

«На т. Сталина возложить персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки».

Из решения пленума ЦК РКП(б) 18 декабря 1922 г.

«1.Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5-10 минут, но это не должно носить характер переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются.

2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений».

Из Решения Политбюро

(Сталин, Каменев и Бухарин). 24 дек. 1922 г.

Цит. по: *Докучаев М. История помнит. М.: Соборъ, 1998*

У Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкцию врачам.

Л. Фотиева.

Цит. по: *Бек А.* Из архива писателя

Иными словами, заключенному Ленину на несколько минут в сутки выдают в камеру перо и бумагу (но так как все записывают секретари, Сталин немедленно оказывается в курсе всего написанного). Свой режим Ленин воспринимал именно как тюремный: «Если бы я был на свободе (сначала оговорился, а потом повторил смеясь: если бы я был на свободе), то я легко бы все это сделал сам», — сказал Ленин Фотиевой 1 февраля 1923 года. Но Ленин был уже не на свободе. Он лежал и говорил мне с досадой: «Мысли мои вы не можете остановить. Все равно я лежу и думаю!» Крупская вспоминала: «В этом же и беда была во время болезни. Когда врачи запретили чтение и вообще работу. Думаю, что это неправильно было. Ильич часто говорил мне: «Ведь они же (...) не могут запретить мне думать». Сама Крупская тоже понимала, что Ленин в заточении: «Во время болезни был случай, когда в присутствии медсестры я ему говорила, что вот, мол, речь, знаешь, восстанавливается, только медленно. Смотри на это, как на временное пребывание в тюрьме. Медсестра говорит: «Ну, какая же тюрьма, что вы говорите, Надежда Константиновна?» Ильич понял: после этого разговора он стал определенно больше себя держать в руках».

Фельштинский Ю. С. 300

«Ввиду систематических нападков на тов. Сталина со стороны оппозиционного меньшинства ЦК и непрекращающихся утверждений о чуть ли не полном разрыве со Сталиным со стороны Ленина, я считаю себя обязанной сказать несколько слов об отношении Ленина

к Сталину, ибо все последнее время жизни В.И. я была с ним.

Влад. Ильич чрезвычайно ценил Сталина и притом настолько, что и во время первого удара, и во время второго удара В. И. обращался к Сталину с самыми интимными поручениями, подчеркивая при этом, что он обращается именно к Сталину.

Вообще в самые тяжелые моменты болезни В. И. не вызывал ни одного из членов ЦК и ни с кем не хотел видаться, вызывал лишь Сталина. Таким образом, спекуляция на том, что В. И. относился к Сталину хуже, чем к другим, является прямой противоположностью по отношению к истине...»

Записка Н. И. Бухарина, хранящаяся в бывшем архиве ЦК КПСС (должна была прозвучать от имени М. И. Ульяновой на Пленуме ЦК в защиту Сталина. — Е. Г.).

Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 12

В. И. очень ценил Сталина. Показательно, что весной 1922 г. когда с В. И. случился первый удар, а также во время второго удара в декабре 1922 г. В. И. вызывал к себе Сталина и обращался к нему с самыми интимными поручениями, поручениями такого рода, что с ними можно обратиться лишь к человеку, которому особенно доверяешь, которого знаешь как истинного революционера, как близкого товарища. И при этом Ильич подчеркивал, что хочет говорить именно со Сталиным, а не с кем-либо иным. Вообще за весь период его болезни, пока он имел возможность общаться с товарищами он чаще всего вызывал к себе тов. Сталина,

а в самые тяжелые моменты болезни вообще не вызывал никого из членов ЦК кроме Сталина.

Из записей М. И. Ульяновой, обнаруженных после ее смерти.

Цит. по: *Ульянова М. И.* Об отношении В. И. Ленина к Сталину // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12

Два года тому назад я впервые записал факты, которые были в свое время (1923-1924 годы) известны не более как семи-восемью лицам, да и то лишь отчасти. Из этого числа в живых сейчас остались, кроме меня, только Сталин и Молотов...

Троцкий Л. Сверх-Борджиа в Кремле // Троцкий Л. Портреты революционеров: Сб. статей. С. 274

В последующие годы коммунисты, знавшие Ленина, собирались и шепотом обсуждали странный слух о том, что его отравил Сталин...

Payne P. *The Rise and Fall of Stalin.* New York, 1981. P. 332–333.

В высших партийных кругах Грузии... упорно распространялся слух, что Ленин не умер, а покончил жизнь самоубийством, приняв яд, данный ему Сталиным. Слух этот передавался в разных вариантах — то Сталин дал Ленину яд по его настойчивому требованию, чтобы избавиться от адских мук, то этот яд Сталин дал Ленину через своего агента-врача <...> (называли даже имя). Был и такой вариант — Сталин разыскал для Ленина в Грузии народного целителя <...>, а на самом деле этот

целитель не лечил, а залечивал Ленина ядовитыми травами. Интересно, что во всех вариантах слухов неизменно присутствует яд, будто Сталин так и ездил к Ленину с флакончиком яда.

Авторханов А. Убил ли Сталин Ленина? // Новый журнал. Нью-Йорк, 1957. № 10. С. 49

22 декабря (1921 г.) Владимир Ильич вызвал меня в 6 часов вечера и продиктовал следующее: «Не забыть принять все меры достать и доставить... в случае, если паралич перейдет на речь, цианистый калий, как меру гуманности и как подражание Лафаргу...»

Л. Фотиева.

Цит. по: Бек А. Из архива писателя

Еще в 1911 году под влиянием известия о самоубийстве Лафаргов он сказал Крупской: «Если не можешь больше для партии работать, надо посмотреть правде в глаза и умереть так, как Лафарги».

Зенькович Н. Вожди и сподвижники. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. С. 11.

(Далее цит.: *Зенькович Н.*)

Я два раза была в это время у Сталина. Первый раз насчет яда. Но об этом писать нельзя. <...> Только не записывайте. И если вздумаете опубликовать, то отрекусь. <...> Так вот. Сначала о яде.

Л. Фотиева.

Цит. по: *Бек А.* Из архива писателя

Зимой В. И. чувствовал себя плохо. Головные боли, потеря работоспособности сильно беспокоили его. Не знаю точно когда, но как-то в тот период В. И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Ст[алин] обещал. Почему В. И. обратился с этой просьбой к Ст[алину]? Потому, что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой.

Ульянова М. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198–199

У Владимира Ильича было расстройство речи. Врачи просили его назвать какой-нибудь предмет, а он не мог. Просили написать, тоже не мог. Жаловался, что у него парализована то рука, то нога. Это были мгновенные параличи, быстро проходящие. Когда он начал ходить, был случай, он упал во время такого паралича. <...> Сирени в саду было много, но он не переносил никакого резкого запаха, а когда я приносила полевые цветы, он был доволен... Предписания врачей он выполнял очень строго и точно. Помню, мы решили убрать из его комнаты книги. Читать ему в это время не разрешалось...

Из воспоминаний медсестры М. Петрашевой.

Цит. по: *Фельштинский Ю.* С. 258

Совершенно другую картину застал я спустя месяц. На этот раз тов. Ленин окружен грудой книг и газет (ему разрешили читать и говорить о политике без ограничения). Нет больше следов усталости, переутомления. Нет признаков нервного рвения к работе, — прошёл голод. Спокойствие и уверенность вернулись к нему полностью. Наш старый Ленин, хитро глядящий на собеседника, прищурил глаз...

Зато и беседа наша на этот раз носит более оживлённый характер.

Сталин И.. Соч. Т. 5. С. 135

Еще летом (1921 г.) в Горках Ленин попросил у Сталина прислать ему яда — цианистого калия. Сказал так: «Если дело дойдет до того, что я потеряю речь, то прибегну к яду. Хочу его иметь у себя». Сталин согласился. Сказал: «Хорошо». Однако об этом разговоре узнала Мария Ильинична и категорически воспротивилась. Доказывала, что в этой болезни бывают всяческие повороты, даже потерянная речь может вернуться. В общем, яда Владимир Ильич не получил.

Л. Фотиева.

Цит. по *Бек А.* Из архива писателя.

Они расстались и не виделись до тех пор, пока В. И. Ленин не стал поправляться... В это время Сталин бывал у него чаще других. Он приехал первым к В. И. Ильич встречал его дружески, шутил, смеялся, требовал, чтобы я угощала Сталина, принесла вина и пр.

Ульянова М. Об отношении В. И. Ленина к Сталину
// Известия ЦК КПСС 1989. № 12. С. 198–199

«Мне нельзя читать газеты, — иронически замечает тов. Ленин, — мне нельзя говорить о политике, я старательно обхожу каждый клочок бумаги, валяющийся на столе, боясь, как бы он не оказался газетой и как бы не вышло из этого нарушения дисциплины».

Я хохочу и превозношу до небес дисциплинированность тов. Ленина. Тут же смеёмся над врачами, которые не могут понять, что профессиональным политикам, получившим свидание, нельзя не говорить о политике.

Сталин. Соч. Т. 5. С. 135

Ленин видел в Сталине единственного человека, способного выполнить трагическую просьбу, ибо непосредственно заинтересованного в ее исполнении. <...> Попутно он хотел, может быть, проверить Сталина: как именно мастер острых блюд поспешит воспользоваться открывающейся возможностью...

Троцкий Л. С. 276

С той же просьбой обратился В. И. к Сталину в мае 1922 г. после первого удара. В. И. Ленин решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Ст[алина]. Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Ст[алин] пробыл у В. И. действительно 5 минут, не больше. И когда вышел от И[льи]ча, рассказал мне и

Бухарину, что В. И. просил его доставить ему яд, т[ак] как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В. И. и Ст[алин] вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В. И. и Ст[алин] вернулся снова к В. И. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что еще не все потеряно, и время исполнить его просьбу не пришло...

...30 мая (1922 г. — *Е. Г.*) Владимир Ильич потребовал, чтобы к нему вызвали Сталина. Уговоры Кожевникова отказаться от этого свидания, так как это может повредить ему, не возымели никакого действия. Владимир Ильич указывал, что Сталин нужен ему для совсем короткого разговора, стал волноваться и пришлось выполнить его желание. Позвонили Сталину и через некоторое время он приехал вместе с Бухариным. Сталин прошел в комнату Владимира Ильича плотно прикрыв за собой, по просьбе Ильича, дверь. Бухарин остался с нами и как-то таинственно сказал. «Я догадываюсь, зачем Владимир Ильич хочет видеть Сталина». Но о догадке своей он нам на этот раз не рассказал.

Через несколько минут дверь в комнату Владимира Ильича открылась и Сталин, который показался мне несколько расстроенным, вышел. Простившись с нами, оба они — Бухарин и Сталин — направились мимо Большого дома через домик санатория во двор, к автомобилю. Я пошла проводить их. Они о чем-то разговаривали друг с другом вполголоса, и во дворе Сталин обернулся ко мне и сказал: «Ей (он имел в виду меня) можно сказать, а Наде (Надежде Константиновне)

не надо». И Сталин передал мне, что Владимир Ильич вызывал его для того, чтобы напомнить ему обещание, данное раньше, помочь ему вовремя уйти со сцены, если у него будет паралич. «Теперь момент, о котором я Вам раньше говорил, — сказал Владимир Ильич, — наступил, у меня паралич и мне нужна Ваша помощь».

Владимир Ильич просил Сталина привезти ему яду. Сталин обещал, поцеловался с Владимиром Ильичом и вышел из его комнаты. Но тут, во время нашего разговора, Сталина взяло сомнение: не понял ли Владимир Ильич его согласия таким образом, что действительно момент покончить счеты с жизнью наступил и надежды на выздоровление больше нет? «Я обещал, чтобы его успокоить, — сказал Сталин, — но, если он в самом деле истолкует мои слова в том смысле, что надежды больше нет? И выйдет как бы подтверждение его безнадежности?» Обсудив это, мы решили, что Сталину надо еще раз зайти к Владимиру Ильичу и сказать, что он переговорил с врачами и последние заверили его, что положение Владимира Ильича совсем не так безнадежно, болезнь его не неизлечима и что надо с исполнением просьбы Владимира Ильича подождать. Так и было сделано. Сталин пробыл на этот раз в комнате Владимира Ильича еще меньше, чем в первый раз, и, выйдя, сказал нам с Бухариным, что Владимир Ильич согласился подождать и что сообщение Сталина о его состоянии, со слов врачей, Владимира Ильича, по-видимому, обрадовало. А уверение Сталина, что, когда, мол, надежды действительно не будет, он выполнит свое обещание, успокоило несколько Владимира Ильича, хотя он не совсем поверил ему: «дипломатничаете, мол»

Но я задаю себе ныне другой, более далеко идущий вопрос: действительно ли Ленин обращался к Сталину за ядом? Не выдумал ли Сталин целиком эту версию, чтобы подготовить свое алиби? Опасаться проверки с нашей стороны у него не могло быть ни малейших оснований: никто из нас троих не мог расспрашивать больного Ленина, действительно ли он требовал у Сталина яду.

Троцкий Л. С. 276

(Сталин только однажды разоткровенничался на эту тему в узком кругу на одной из встреч с несколькими писателями на квартире у Максима Горького. — *Е. Г.*) Сталин тогда говорил замечательно. Он рассказывал редкие, интимные вещи из жизни Ленина, о которых никто не знает.

— Ленин понимал, что умирает, — говорил Сталин, — и попросил меня однажды, когда мы были наедине, принести ему цианистого калия.

«Вы самый жестокий человек в партии, — сказал Ленин, — вы можете это сделать».

— Я ему сначала обещал, а потом не решился. Как это я могу дать Ильичу яд. Жалко человека. А потом, разве можно было знать, как пойдет болезнь. Так я и не дал. И вот раз поехали мы к Ильичу, а он и говорит, показывая на меня: «Обманул меня, шатается он». Никто тогда этой фразы понять не мог. Все удивились. Только я знал, на что он намекает: о просьбе Ленина я тогда же

доложил на Политбюро. Ну, конечно, все отвергли его просьбу. Вот Гронский знает про это.

Зелинский К. Одна встреча у Горького // Вопросы литературы. 1991. Май. С. 156

Во время второго заболевания Ленина, видимо, в феврале 1923 года, Сталин на собрании членов Политбюро (Зиновьева, Каменева и автора этих строк) после удаления секретаря сообщил, что Ильич вызвал его неожиданно к себе и потребовал доставить ему яду...

Троцкий Л. С. 275

— В феврале 1923 года Ленину стало совсем плохо, и он попросил Сталина принести ему яд. Сталин обещал, но не принес. Потом он говорил, что, наверно, Ленин обиделся на него за это. «Как хотите, я не могу это сделать», — сказал Сталин. На Политбюро обсуждался этот вопрос.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 271

«Строго секретно.

Членам Пол. Бюро.

В субботу 17 марта т. Ульянова (Н.К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном «просьбу Вл. Ильича Сталину» о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н.К. говорила, между прочим, что Вл. Ильич «переживает невероятные

страдания», что «дальше жить так невыносимо», и упорно настаивала «не отказывать Ильичу в его просьбе». Ввиду особой настойчивости Н.К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В.И. дважды вызывал к себе Н.К. во время беседы со мной и с волнением требовал «согласия Сталина»), я не считал возможным ответить отказом, заявив: «Прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование». В. Ильич действительно успокоился. Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича, и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК.

21 марта 1923 г. И. Сталин»

Записка в Политбюро

Не очень ясно, как Ленин, утративший возможность говорить, 17 марта 1923 года просил «порцию цианистого калия». Возможно, жестами.

Волкогонов Д. Т. 2. С. 347–348

— Не может быть, разумеется, и речи о выполнении этой просьбы! — воскликнул я. — Гетье (личный врач Ленина. — *Е. Г.*) не теряет надежды. Ленин может поправиться.

— Я говорил ему все это, — не без досады возразил Сталин, — но он только отмахивается. Мучается старик. Хочет, говорит, иметь яд при себе... прибегнет к нему, если убедится в безнадежности своего положения.

— Все равно невозможно, — настаивал я, на этот раз, кажется, при поддержке Зиновьева. — Он может поддаться временному впечатлению и сделать безвозвратный шаг.

— Мучается старик, — повторял Сталин, глядя неопределенно мимо нас и не высказываясь по-прежнему ни в ту, ни в другую сторону.

Троцкий Л. С. 276

«Читал. Полагаю, что «нерешительность» Сталина — правильна. Следовало бы в строгом составе членов Пол. Бюро обменяться мнениями. Без секретарей (технич.).»

Томский

Читал:

Г. Зиновьев Молотов

Читал:

Н. Бухарин

Троцкий

Л. Каменев»

Резолюции на записке Сталина

«Строго секретно.

Зин., Каменеву.

Только что вызвала меня Надежда Константиновна и сообщила в секретном порядке, что Ильич в «ужасном»

состоянии, с ним припадки, «не хочет, не может дольше жить и требует цианистого калия, обязательно». Сообщила, что пробовала дать калий, но «не хватило выдержки», ввиду чего требует «поддержки Сталина».

Сталин».

Сталин. Записка в политбюро.

21 марта 1923 (?)

Помню, насколько необычным, загадочным, не отвечающим обстоятельствам показалось мне лицо Сталина. Просьба, которую он передавал, имела трагический характер, на лице его застыла полуулыбка, точно на маске. Несоответствие между выражением лица и речью приходилось наблюдать у него и прежде. На этот раз оно имело совершенно невыносимый характер. Жуть усиливалась еще тем, что Сталин не высказал по поводу просьбы Ленина никакого мнения, как бы выжидая, что скажут другие: хотел ли он уловить оттенки чужих откликов, не связывая себя? Или же у него была своя затаенная мысль?.. Вижу перед собой молчаливого и бледного Каменева <...> и растерянного, как во все острые моменты, Зиновьева. Знали ли они о просьбе Ленина еще до заседания? Или же Сталин подготовил неожиданность и для своих союзников по триумвирату?

Троцкий Л. С. 275–276

«Нельзя этого никак. Ферстер дает надежды — как же можно? Да если бы и не было этого! Нельзя, нельзя, нельзя!

Г. Зиновьев.

Л. Каменев».

Резолюция на записке Сталина

Цит. по: *Яковлев Н. Н.* Сталин. Путь наверх

Я представляю себе ход дела так. Ленин потребовал яду — если он вообще требовал его — в конце февраля 1923 года. В начале марта он оказался уже снова парализован. Медицинский прогноз был в этот период осторожно-неблагоприятный. Почувствовав прилив неуверенности, Сталин действовал так, как если б Ленин уже был мертв. Но больной обманул его ожидания. Могучий организм, поддерживаемый непреклонной волей, взял свое... Ленин начал медленно поправляться, свободнее двигаться, слушал чтение и сам читал; начала восстанавливаться речь. Врачи давали все более обнадеживающие заключения. Выздоровление Ленина не могло бы, конечно, воспрепятствовать смене революции бюрократической реакцией. Недаром Крупская говорила в 1926 году: «Если б Володя был жив, он сидел бы сейчас в тюрьме».

Троцкий Л. С. 277

...Могу подтвердить факт, что больной Ленин просил у Сталина принести яд. Это было, это было. Сталин ставил вопрос на Политбюро. А что он мог сделать? Ведь Политбюро ему поручило охранять Ленина. И он следил, чтобы Ленина никто не трогал, не нервировал, чтобы он был в изоляции от политики, чтобы не волновался. Сталин был, конечно, против, чтобы давать Ленину яд.

Насчет яда теперь приплетают и Ягоду, чисто шерлокхолмовская версия. А Ягода в то время, при Ленине, был еще маленьким человеком. Сталин даже его и не знал, даже не был тогда знаком с Ягодой. С ним Сталин был связан позднее, в 1924 году.

Л. Каганович.

Цит. по: Куманев Г. Рядом со Сталиным. М.: Былина, 1999. С. 80

Если у Сталина был замысел помочь работе смерти, то остается вопрос: зачем он сообщил о просьбе Ленина членам Политбюро, если он собирался так или иначе ее выполнить? Он, во всяком случае, не мог ждать поддержки или содействия с их стороны, наоборот, он был уверен, что встретит отпор, прежде всего с моей стороны... Поведение Сталина в этом случае кажется загадочным, необъяснимым только на первый взгляд. В тот период Сталин был еще далек от власти. Он мог с основанием опасаться, что впоследствии в теле будет обнаружен яд и что будут искать отравителя. Гораздо осторожнее было при этих условиях сообщить Политбюро, что Ленин хочет отравиться. Политбюро решило вопрос о доставке ему яда отрицательно, но Ленин мог получить яд другим путем.

Политбюро отнимало у него возможность выполнить просьбу Ленина (действительную или мнимую) легально. Но в этом не было и нужды. Если Ленин обратился к нему, то не в официальном, а в личном порядке, рассчитывая, что эту услугу Сталин окажет ему охотно. Передать больному яд можно было разными путями через очень надежных людей в окружении. При Ленине были члены охраны, среди них люди Сталина. Могли дать

яд при таких условиях, что никто не знал бы о характере передачи, кроме Ленина и его самого.

Никто никогда не узнал бы, кто именно оказал больному эту услугу. Сталин мог всегда сослаться на то, что ввиду его отказа по решению Политбюро, Ленин нашел, очевидно, какой-то иной источник. Это на случай открытия дела, вскрытия тела и обнаружения отравы преимущества предупреждения были поистине неоценимы: все члены Политбюро знали, что Ленин хотел достать яд, Сталин вполне легально предупредил об этом Политбюро. С этой стороны Сталин обеспечивал себя, таким образом, полностью... Опасности проверки не было ни малейшей: никому из нас не могло, разумеется, прийти в голову допрашивать Ленина, действительно ли он пытался через Сталина добыть яд. Зато в случае, если бы яд в трупе оказался обнаружен, объяснений искать не пришлось бы: Политбюро было в свое время извещено, что Ленин искал смерти, очевидно, несмотря на отказ Сталина в помощи, он сумел ее найти...

Л. Троцкий С. 355

После нового удара он [Ленин] в декабре под строгим секретом опять послал меня к Сталину за ядом. Я позвонила по телефону, пришла к нему домой. Выслушав, Сталин сказал:

— Профессор Ферстер написал мне так: «У меня нет оснований полагать, что работоспособность не вернется к Владимиру Ильичу». И заявил, что дать яд после такого заключения не может.

Я вернулась к Владимиру Ильичу ни с чем. Рассказала о разговоре со Сталиным.

Владимир Ильич вспылил, раскричался. Во время болезни он часто вспыхивал даже по мелким поводам, например, испорчен лифт (он был вспыльчив смолodu, но боролся с этим).

— Ваш Ферстер шарлатан, — кричал он. — Укрывается за уклончивыми фразами.

И еще помню слова Ленина:

— Что он написал? Вы это сами видели?

— Нет, Владимир Ильич. Не видела.

И, наконец, бросил мне:

— Идите вон!

Я ушла, но напоследок все же возразила:

— Ферстер не шарлатан, а всемирно известный ученый.

Несколько часов спустя Ленин меня позвал. Он успокоился, но был грустен.

— Извините меня, я погорячился. Конечно, Ферстер не шарлатан. Это я под горячую руку...

Л. Фотиева.

Цит. по: *Бек А.* Из архива писателя

Иосиф здоров, работает очень много и поэтому устал, но летом он будет отдыхать и тогда опять поправится. У него иногда болит ночами рука (это ревматизм), но сейчас опять легче.

Н. Аллилуева — Е. Джугашвили. 1 мая 1923 г.

Был один инцидент между Лениным и Сталиным, о котором тов. Зиновьев упомянул в своей речи и который имел место незадолго до потери Ильичем речи (март 1923 г.), но он носил чисто личный характер и никакого отношения к политике не имел. Это тов. Зиновьев хорошо знает, и ссылаться на него было совершенно напрасно. Произошел этот инцидент благодаря тому, что Сталин, которому по требованию врачей было поручено пленумом ЦК следить за тем, чтобы Ильичу в этот тяжелый период его болезни не сообщали политических новостей, чтобы не взволновать его и не ухудшить его положения, отчитал его семейных за передачу такого рода новостей. Ильич, который случайно узнал об этом, — а такого рода режим оберегания его вообще всегда волновал, — в свою очередь отчитал Сталина. Тов. Сталин извинился, и этим инцидент был исчерпан. Нечего и говорить, что, если бы Ильич не был в то время, как я указала, в очень тяжелом состоянии, он иначе реагировал бы на этот инцидент. Документы по поводу этого инцидента имеются, и я могу по первому требованию ЦК предъявить их.

Ульянова М. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12

Сталин много говорил нам о Ленине. Он часто возмущался тем, что, когда Ленин лежал больной, а он повздорил с Крупской, Ленин потребовал, чтобы Сталин извинился перед ней. Я сейчас точно не могу припомнить, какой возник повод для ссоры. Вроде бы Сталин прорывался к Ленину, а Надежда Константиновна охраняла Ильича, чтобы его не перегружать и не волновать его, как рекомендовали врачи. Или что-то другое. Сталин сказал какую-то грубость Надежде

Константиновне, а она передала Ленину. Ленин потребовал, чтобы Сталин извинился. Я не помню, как поступил Сталин: послушался ли Ленина или нет. Думаю, что в какой-то форме он все-таки извинился, потому что Ленин иначе с ним не помирился бы...

Хрущев Н. Т. 2. С. 120

«Лев Давыдович, проф. Ферстер разрешил сегодня Владимиру Ильичу продиктовать письмо, и он продиктовал мне следующее письмо к вам: «Тов. Троцкий, как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление. В. Ленин».

Н. Крупская — Л. Троцкому. 21 декабря 1922 г.

Цит. по: Такер Р. Сталин. Путь к власти

«Письмо Крупской к Зиновьеву и Каменеву, на которое Вы так часто ссылаетесь, относится к 23 декабря не 1923 г., а 1922 г. Оно было вызвано угрозами Сталина в связи с посылкой Крупской письма к Троцкому от 21 декабря 1922 г. (напечатано в «Сталинской школе фальсификации» Л. Троцкого) о внешней торговле («противник очистил позиции без боя... надо продолжать наступление»). Сталин формально был прав, так как в это время еще действовало абсолютное запрещение врачей — отменено только 29 декабря. Но, конечно, права и Крупская, так как Ленин требовал. 21-го Ленин еще не имел стенографистки, записала сама Крупская.

Б. Николаевский — Н. Валентинову. Париж. 23 февраля 1956 г.

Цит. по: *Валентинов Н.* Наследники Ленина

Врачи запретили посещать Ленина, когда он болел, когда его положение ухудшилось. А Крупская разрешила. И на этом возник конфликт между Крупской и Сталиным. Сталин поддерживал решение ЦК — не допускать к Ленину никаких людей. Он был прав в данном случае. Если ЦК, даже Политбюро решило и возложило на Сталина наблюдение за выполнением этого решения...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 271

Это письмо каким-то образом дошло до Сталина, так как на другой день, 22 декабря, Сталин перешел в контрнаступление — против Крупской.

Фишер Л. С. 937

Тут-то и присоединился тот конфликт, который повел за собой письмо В. И. к Сталину 5/III-23, которое я приведу ниже. Дело было так. Врачи настаивали, чтобы В. И. не говорили ничего о делах. Опасаться надо было больше всего того, чтобы В. И. не рассказала чего-либо Н. К., которая настолько привыкла делиться всем с ним, что иногда совершенно произвольно, не желая того, могла проговориться. Следить за тем, чтобы указанное запрещение врачей не нарушалось, ПБ поручило Сталину. И вот однажды, узнав, очевидно, о каком-то разговоре Н. К. с В. И., Сталин вызвал ее к телефону и в

довольно резкой форме, рассчитывая, очевидно, что до В. И. это не дойдет, стал указывать ей, чтобы она не говорила с В. И. о делах, а то, мол, он ее в ЦКК потянет. Н. К. этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и пр.

Ульянова М. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12

— Я должен сказать, во-первых, что Сталин не кричал никогда, нет.

Л. Каганович.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 263*

Крупская невзлюбила Сталина за то, что он довольно бестактно с ней обошелся. Сталин провел решение секретариата, чтобы не пускать к Ленину Зиновьева и Каменева, раз врачи запретили. Они пожаловались Крупской. Та возмутилась, сказала Сталину, а Сталин ей ответил: «ЦК решил и врачи считают, что нельзя посещать Ленина». — «Но Ленин сам хочет этого!» — «Если ЦК решит, то мы и вас можем не допустить».

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 266*

Его грубость дошла до того, что он предложил ОГПУ подслушивать телефонные разговоры Крупской с Троцким. Крупская долго терпела это, но однажды, когда Сталин позвонил к ней и в грубом тоне заявил, что, если

она будет передавать больному Ленину жалобы Троцкого, он пришлет отряд ГПУ и выбросит ее из квартиры, а возле Ленина посадит сиделку. Крупская не выдержала и резко оборвала Сталина. В ответ она услышала по телефону резкое и грубое ругательство, какое встречается в самых низкопробных притонах.

Беседовский Г. С. 355

— Сталин был раздражен: «Что я должен перед ней на задних лапках ходить? Спать с Лениным еще не значит разбираться в ленинизме!» Мне Сталин сказал примерно так: «Что же, из-за того, что она пользуется тем же нужником, что и Ленин, я должен так же ее ценить и признавать, как Ленина?»

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 266*

Легенда же гласит, что Сталин произнес: «Спать с вождем еще не значит знать вождя».

Зенькович Н. С. 152

Мне было ее жалко. Сталин в узком кругу объяснял нам, что она вовсе не была женою Ленина. Он иной раз выражался о ней довольно свободно. Уже после смерти Крупской, когда он вспоминал об этом периоде, то говорил, что, если бы дальше так продолжалось, мы могли бы поставить под сомнение, что она являлась женою Ленина, говорил, что могли бы объявить, что другая женщина была женою Ленина, и называл довольно уважаемого в партии человека. Та женщина и

сейчас жива, поэтому я не упоминаю ее имени. Я не могу быть судьей в таких вопросах, а просто считаю, что тут налицо одно из проявлений неуважения к Ленину. Это именно не клевета, а неуважение к Ленину.

Хрущев Н. *Т. 2. С. 123*

...Он «шутливо» предупредил Крупскую: «Если будете раскольничать, мы дадим Ленину другую вдову».

Радзинский Э. *С. 61*

«Лев Борисыч, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию, как более близким товарищам В. И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которым я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая и нервы напряжены у меня до крайности».

Н. Крупская — Л. Каменеву. 23 декабря 1922 г.

Цит. по: *Такер Р. Сталин. Путь к власти*

Уже после смерти Сталина в секретном отделе мы наши конверт, а в нем лежала записка, написанная рукою Ленина.

Хрущев Н. *Т. 2. С. 122*

В 1955 году, похоронив идею музея Сталина, Хрущев решил передать дачу в Кунцево в собственность ЦК КПСС для создания здесь «Дома творчества», то есть изолированной резиденции, в которой группы сотрудников аппарата ЦК могли бы уединяться для подготовки разных докладов и аналитических записок для Политбюро. В связи с этим начали менять меблировку. Большую часть мебели самого Сталина выносили в обширные подземные помещения, созданные перед началом войны и во время войны как бомбоубежища. Бывший помощник Хрущева А. В. Снегов, с которым мы были знакомы, рассказывал, что при выносе письменного стола из бывшего кабинета Сталина под газетой, постеленной самим Сталиным на дно одного из ящиков, были случайно обнаружены пять писем Сталину. Снегов запомнил три из них. Одно из писем было продиктовано Лениным 5 марта 1923 года. Это письмо, в котором Ленин требовал от Сталина извинений за грубое обращение с Н. К. Крупской, было вскоре прочитано как «новый документ» во время секретного доклада Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС в конце февраля 1956 года. Второе письмо было написано Бухариным, как предсмертное, перед самым расстрелом. Оно кончалось словами: «Коба, зачем тебе нужна моя смерть?» Третье из найденных случайно писем было написано маршалом

Тито в 1950 году. Его текст был краток: «Сталин. Перестаньте посылать ко мне убийц. Мы уже поймали пятерых, одного с бомбой, другого с винтовкой... Если вы не перестанете присылать убийц, то я пришлю в Москву одного, и мне не придется присылать второго».

Медведев Ж., Медведев Р. *Неизвестный Сталин. М.: Правда человека. 2001. С. 82–83*

Ленин писал Сталину, что он нанес оскорбление Надежде Константиновне, которая является его другом, и требовал, чтобы тот извинился. Ленин писал, что если Сталин не извинится, то Ленин не будет считать его своим товарищем. Я был удивлен, что такая записка сохранилась. Наверное, Сталин забыл о ней. Сталин сильно не уважал Надежду Константиновну. Да он не уважал и Марию Ильиничну. Вообще очень плохо отзывался о них и не считал, что они представляли какую-то ценность для партии, что они сыграли какую-то роль в борьбе за дело партии, в достижении ею победы, какую одержала партия большевиков. Мне становилось очень не по себе, когда я слышал и видел, с каким неуважением относился Сталин к Надежде Константиновне еще при ее жизни.

Хрущев Н. Т. 2. С. 122–123

Надежда Константиновна не всегда вела себя, как надо. Она могла бы проговориться Владимиру Ильичу. Она привыкла всем делиться с ним. И даже в тех случаях, когда этого делать нельзя было. <...> Например, зачем она рассказала Владимиру Ильичу, что Сталин выругал ее по телефону?..

Л. Фотиева

Цит. по: *Бек А.* Из архива писателя

Сейчас, когда в некоторых публикациях все чаще стало упоминаться имя Надежды Константиновны Крупской и отношение к ней Сталина, я хочу рассказать о том, что мне доподлинно известно.

Почему В. И. Ленин, только через два месяца после грубого разговора Сталина с Надеждой Константиновной написал ему письмо, в котором потребовал, чтобы Сталин извинился перед ней?

Возможно, только я одна знаю, как это было в действительности, так как Надежда Константиновна часто рассказывала мне об этом. Было это в самом начале марта 1923 года. Надежда Константиновна и Владимир Ильич о чем-то беседовали. Зазвонил телефон. Надежда Константиновна пошла к телефону (телефон в квартире Ленина всегда стоял в коридоре). Когда она вернулась, Владимир Ильич спросил:

— Кто звонил?

— Это Сталин, мы с ним помирились.

— То есть как?

И пришлось Надежде Константиновне рассказать все, что произошло в декабре 1922 года, когда Сталин ей позвонил, очень грубо с ней разговаривал, грозил Контрольной комиссией. Надежда Константиновна просила Владимира Ильича не придавать этому значения, так как все уладилось и она забыла об этом. Но Владимир Ильич был непреклонен, он был глубоко оскорблен неуважительным отношением Сталина к

Надежде Константиновне и продиктовал 5 марта 1923 года письмо Сталину с копией Зиновьеву и Каменеву, в котором потребовал, чтобы Сталин извинился.

Сталину пришлось извиниться, но он этого не забыл и не простил Надежде Константиновне, и это повлияло на его отношение к ней...

Дридзо В. (секретарь Крупской). Воспоминания // Коммунист. 1989. № 5

Секретарь Ленина Володичева также считала, что Ленин узнал о грубости Сталина ранее 5 марта: «Возможно, он знал это раньше. А письмо написал 5 марта».

Фельштинский Ю. С. 293

«Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но, тем не менее, этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением Ленин».

В. И. Ленин — Сталину. 5 марта 1922 г.

Цит. по: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329–330*

Письмо это В. И. просил Володичеву отправить Сталину, не говоря о нем Н. К., а копию в запечатанном конверте передать мне.

Но, вернувшись домой, Н. К. по расстроенному виду В. И. поняла, что что-то неладно. И попросила Володичеву не посылать письма. Она, мол, сама поговорит со Сталиным и попросит его извиниться. Так передает Н. К. теперь, но мне сдается, что она не видала этого письма и оно было послано Сталину — так, как хотел В. И. Ответ Сталина несколько задержался, потом решили (должно быть, врачи с Н. К.) не передавать его В. И., так как ему стало хуже...

Ульянова М. // Известия ЦК КПСС. 1989. №12. С. 195.

Передавала письмо из рук в руки. Я просила Сталина написать письмо Владимиру Ильичу, так как тот ожидает ответа, беспокоится. Сталин прочел письмо стоя, тут же при мне, лицо его оставалось спокойным. Помолчал, подумал и произнес медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, делая паузы между ними: «Это говорит не Ленин, это говорит его болезнь». И продолжал; «Я не медик, я — политик. Я Сталин. Если бы моя жена, член партии, поступила неправильно и ее наказали бы, я не счел бы себя вправе вмешиваться в это дело. А Крупская — член партии. Но раз Владимир Ильич настаивает, я готов извиниться перед Крупской за грубость».

М. Володичева (секретарь Ленина).

Цит. по: *Бек А.* Из архива писателя

Сталин, получив письмо о фактическом разрыве отношений с Лениным, ведет себя со своим больным патроном почти дерзко. На трех страничках, вырванных из служебного блокнота со штампом «Секретарь Центрального Комитета И.В.Сталин», генсек 7 марта фактически дезавуирует сказанное Крупской...

Волкогонов Д. Т. 2. С. 347–348

«Т. Ленину от Сталина.

Только лично.

Т. Ленин!

Недель пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: «Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем Вы, Надежда Константиновна, оказываетесь, нарушаете этот режим, нельзя играть жизнью Ильича» и пр.

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое «против» Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрого Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего, собственно, от меня хотят.

И. Сталин».

Сталин — В. И. Ленину. 7 марта 1923 г.

Ленин в своем письме, дважды обращаясь к Сталину употребляет слово «уважаемый». Генсек обходится без этих эпитетов.

Волкогонов Д. Т. 2. С. 343

6 марта Володичева записала в «Дневнике»: «Письмо Владимиру Ильичу еще не передано, т. к. он заболел». Это была последняя фраза «Дневника дежурных секретарей Ленина». «Нельзя сказать, знал ли Ленин об ответе Сталина, с точной достоверностью. Да, впоследствии, когда мы были на даче, когда ему стало лучше, это было возможно. Но возможно, а не точно!» — так завершила Володичева свой рассказ о последней борьбе Ленина.

Фельштинский Ю. С. 313

...И так В. И. и не узнал его ответа, в котором Сталин извинялся.

Ульянова М. // Известия ЦК КПСС. 1989. №12. С. 195.

Это было последнее письмо, продиктованное Лениным. Он пытался продиктовать Крупской еще одно письмо, в котором требовал немедленной отставки Сталина, но не успел: его поразила последний удар, который привел его в состояние полного паралича. Из этого состояния он больше до самой смерти не выходил. Грубость Сталина ускорила его смерть...

Беседовский Г. С. 355–356

Еще до этого я слышала о некотором недовольстве В. И. Сталиным. Мне рассказывали, что, узнав о болезни Мартова, В. И. просил Сталина послать ему денег. «Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего дела! Ищите себе для этого другого секретаря», — сказал ему Сталин. В. И. был очень расстроен этим, очень рассержен на Сталина. Были ли другие поводы для недовольства со стороны В. И. Очевидно, были...

Ульянова М. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 195

...Однажды, когда к нему пришли жаловаться на Сталина, Ленин с раздражением воскликнул: «Я, конечно, знаю, что Сталин туп и груб, но, поймите же, не могу же я как гувернантка все время следить за ним! У меня есть дела и поважнее!»

Другой раз, в беседе с Ногиным, Ленин выразился еще определеннее: «Несчастье Сталина в том, что он любит простые истины, не понимая того, что очень часто такие истины являются самыми сложными. Кроме того,

он все перебарщивает и все пересаливает. Если бы судьба сделала его кашеваром в казарме, Сталин каждый день пересаливал бы солдатские щи и каждый день солдаты выливали бы ему эти щи на голову. Впрочем, даже такая экзекуция не сделала бы из Сталина хорошего кухаря».

Валентинов Н. С. 201

— Помните, вы рассказывали, что, когда Ленин начал характеризовать Сталина, вас потрясло одно слово, которым он характеризовал Сталина?

— Да, «держиморда».

— Это письмо по национальному вопросу?

— Где это было, в какой стенограмме, я не помню. Я просто сначала не разобралась, потом, когда разобралась, ужаснулась, ужаснувшись, перестала печатать.

— И так это слово и не вошло никуда?

— Не вошло...

М. Володичева.

Цит. по: *Бек А.* Из архива писателя

У В. И. было очень много выдержки. И он очень хорошо умел скрывать, не выявлять отношения к людям, когда считал это почему-либо более целесообразным. Я помню, как он скрывался в своей комнате, закрывал за собой дверь, когда в нашей квартире появлялся один служащий ВЦИКа, которого он не переваривал. Он точно боялся встретиться с ним, боялся, что ему не удастся

сдержанность себя и его действительное отношение к этому человеку проявится в резкой форме.

Тем более сдерживался он по отношению к товарищам, с которыми протекала его работа. Дело было для него на первом плане, личное он умел подчинять интересам дела, и никогда это личное не выпирало и не превалировало у него.

Характерен в этом отношении случай с Троцким. На одном заседании ПБ Троцкий назвал Ильича «хулиганом». В. И. побледнел как мел, но сдержался. «Кажется, кое у кого тут нервы пошаливают», что-то вроде этого сказал он на эту грубость Троцкого, по словам товарищей, которые передавали мне об этом случае. Симпатии к Троцкому и помимо того он не чувствовал — слишком много у этого человека было черт, которые необычайно затрудняли коллективную работу с ним. Но он был большим работником, способным человеком, и В. И., для которого, повторяю, дело было на первом плане, старался сохранить его для этого дела, сделать возможным дальнейшую совместную работу с ним. Чего ему это стоило — вопрос другой. Крайне трудно было поддерживать равновесие между Троцким и другими членами ПБ, особенно между Троцким и Сталиным. Оба они — люди крайне честолюбивые и нетерпимые. Личный момент у них перевешивает над интересами дела. И каковы отношения были у них еще в первые годы Советской власти, видно из сохранившихся телеграмм Троцкого и Сталина с фронта к В. И.

Ульянова М. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С.

В 1922 году Ленин понимал, что такое Сталин: «Мария Акимовна, — спросил А. Бек секретаря Ленина Володичеву, — есть ли какие-нибудь шансы найти просто устные отзывы Ленина о Сталине?» «Ничего я не слышала. Даже намек нет, — ответила Володичева. — Ленин все-таки был тоже очень осторожный человек».

Фельштинский Ю. С. 293

До нас дошли свидетельства, что больной давал понять самым близким, что порывает личные отношения со Сталиным, намеревается «разгромить его политически», взорвав некую «бомбу» на съезде и т. д.

Яковлев Н. Н. С. 167

«Вы знаете ведь Владимира Ильича, — с торжеством говорила Крупская Каменеву, — он бы никогда не пошел на разрыв личных отношений, если бы не считал необходимым разгромить Сталина политически». <...> Со своей стороны Крупская рассказывала мне о том глубоком недоверии, с каким Ленин относился к Сталину в последний период своей жизни. «Володя говорил: «У него (Крупская не назвала имени, а кивнула головой в сторону квартиры Сталина) нет элементарной честности, самой простой человеческой честности...»

Троцкий Л. С. 274

Последние годы сложные были для Ленина. Нервные.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 297

За несколько дней до обращения к Сталину Ленин сделал свою безжалостную приписку к Завещанию. Через несколько дней после обращения он порвал с ним все отношения.

Троцкий Л. С. 276

23 декабря 1922 года мне сообщили, что меня вызывает к себе Ленин. Его беспокоит один важный вопрос, и он хочет продиктовать что-то стенографистке. Мне и раньше приходилось стенографировать выступления и письма Владимира Ильича. Записывала я его доклад на апрельской конференции, принимала его телефонограммы из Горок, а теперь мне предстояло вести запись у постели больного Ильича. Можете себе представить, как я волновалась! Помню, что в квартире Владимира Ильича я увидела Марию Ильиничну, Надежду Константиновну и группу врачей. Меня предупредили, что Ленину разрешено диктовать не более 5 минут. Надежда Константиновна провела меня в комнату, где на кровати лежал Ильич. Вид у него был болезненный. Он неловко подал мне левую руку, правая была парализована. Это меня сильно поразило. Я не предполагала, что ему до такой степени плохо. Когда мы остались одни, я села за стол рядом с кроватью. Ленин сказал: «Я хочу продиктовать письмо к съезду. Запишите!» <...> Ленин диктовал быстро. Видимо, все было продумано у него заранее. Чувствовалось его болезненное состояние. Диктовка давалась ему нелегко. Говорил он глухо, не жестикулируя как обычно. Закончил

диктовку в отведенное время и немного повеселел. А я все еще не могла прийти в себя. Была как в тумане...

М. Володичева.

Цит. по: *Бек А.* Из архива писателя

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС (Наркомат путей сообщения. — *Е. Г.*), отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно».

Ленин (Из так называемого «Политического завещания»).

Цит. по: Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345

...Ленин стремился придать своей оценке Сталина как можно менее обидное выражение. Но речь шла тем не менее о смещении Сталина с того единственного поста, который мог дать ему власть.

Троцкий Л. С. 274

В «Завещании» Ленин говорит: надо обдумать вопрос, а не снять Сталина. Если бы он хотел его снять, то давно бы снял.

Л. Каганович.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 115

Хотя невозможно точно сказать, сообщили ли Ленину именно в это время о выходке Сталина по отношению к Крупской и о ее письме к Каменеву, есть все основания предположить, что к 4 января ему об этом инциденте стало известно, ибо в этот день он потребовал ту часть записок, которая была составлена 24 декабря, и продиктовал следующее добавление к ней: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношениях Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

Фишер Л. С. 937

То, что Ленин написал о грубости Сталина, — это было не без влияния Крупской.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 271*

Мне Сталин однажды сказал по поводу письма Ленина: «А что я тут могу сделать? Мне Политбюро поручило следить за тем, чтоб его не загружать, чтоб выполнять указания врачей, не давать ему бумаги, не давать ему газет, а что я мог — нарушить решение Политбюро? Я же не мог! А на меня нападают». Это он с большой горечью говорил мне лично, с большой горечью. С сердечной такой горечью.

Л. Каганович.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 263*

Тот, кто станет изучать документы, объясняющие причины принятия Лениным по данному вопросу столь жесткого решения, легко обнаружит ключ к разгадке в слове «грубость», которое означает не только оскорбительную речь, но и оскорбительные поступки. И в последних высказываниях Ленина о Сталине это слово играет весьма существенную роль. Свое письмо к Сталину от 5 марта с требованием извинений Ленин начал с упоминания грубости по отношению к Крупской. Вполне возможно, что Ленин узнал об инциденте в конце декабря или начале января, то есть вскоре после случившегося, и что грубость Сталина в отношении жены

Ленина в какой-то степени повлияла на решение сделать уже упоминавшееся добавление...

Такер Р. С. 248–249

Был уже поздний час, когда я вернулась в секретариат. Я долго сидела там подавленная, стараясь осмыслить все услышанное у Ленина. Его письмо показалось мне очень тревожным. Я позвонила Лидии Александровне Фотиевой, сказала ей, что Ленин продиктовал мне чрезвычайно важное письмо очередному съезду партии, и спросила, что с ним делать, не показать ли кому-нибудь, может быть, Сталину. Упор нужно сделать не на то, что я была очень взволнована, просто я впервые видела его в таком состоянии. «Ну что же, покажите Сталину», — сказала Лидия Александровна. Так я и сделала... В квартире Сталина я увидела его самого, Надежду Сергеевну Аллилуеву, Орджоникидзе, Бухарина и Назаретяна. (А. Назаретян, член партии с 1905 года, с 1922 года работал в ЦК РКП(б). — Е. Г.) Сталин взял письмо и предложил Орджоникидзе и Бухарину пройти с ним в соседнюю комнату. Получилось так, что все произошло в молчании. [...] Примерно через четверть часа вышел Сталин. Шаги его были на этот раз тяжелыми, лицо озабоченно. Он пригласил меня в другую комнату, и Орджоникидзе спросил, как себя чувствует Ильич. [...] Повторяю: в квартире Сталина я увидела его самого, Аллилуеву, Орджоникидзе и Бухарина. Мне было важно довести до сведения Сталина, что хотя Владимир Ильич и прикован к постели, но бодр, речь его течет бодро и ясно. У меня создалось впечатление, что Сталин был склонен объяснить ленинское письмо съезду болезненным состоянием

Ильича. «Сожгите письмо», — сказал он мне. Это распоряжение Сталина я выполнила. Сожгла копию письма, которую ему показывала, но не сказала, что 4 других экземпляра ленинского документа лежат в сейфе.

На следующий день я рассказала обо всем произошедшем Фотиевой и Гляссер. «Что ты наделала! — набросились они на меня. — Сейчас же возобнови копию!» Я тут же отпечатала пятую копию.

Володичева М.

Цит. по: *Бек А.* Из архива писателей

После всего того, что произошло в предшествовавшие месяцы, Завещание не могло явиться для Сталина неожиданностью. Тем не менее, он воспринял его как жестокий удар. Когда он ознакомился впервые с текстом, который передала ему Крупская для будущего съезда партии, он в присутствии своего секретаря Мехлиса, ныне политического шефа Красной армии, и видного советского деятеля Сырцова, ныне исчезнувшего со сцены, разразился по адресу Ленина площадной бранью, которая выражала тогдашние его подлинные чувства по отношению к «учителю».

Троцкий Л. С. 275

Листки бумаги, исписанные едва понятным, ломающимся почерком, фиолетовыми чернилами и химическим карандашом, — это упражнения, которые выполнял вождь под руководством Крупской. Именно в это время, после майского удара, у Ленина усилились провалы в памяти, ослабла адекватность реакции на

события; рассеянность, «невозможность», как пишет В. Крамер, «выполнения самых простых арифметических задач и утрата способности запоминания хотя бы нескольких коротких фраз при полной сохранности интеллекта».

В «полной сохранности интеллекта» приходится, конечно, усомниться. Например, 30 мая, как вспоминала М.И.Ульянова, когда «врачи предложили ему помножить 12 на 7 и он не смог этого сделать, то был этим очень подавлен. Но и тут сказалось обычное упорство. После ухода врачей он в течение трех часов бился над задачей и решил ее путем сложения ($12+12 = 24$, $24+12 = 36$ и т.д.). Однако после этого всего через месяц-другой вождь принимает решения, имеющие огромное значение для судеб России и мирового сообщества: высылка интеллигенции за границу, одобрение постановления ВЦИК «О внесудебных решениях ГПУ, вплоть до расстрела», определение вопросов стратегии и тактики III Интернационала — переход от непосредственного штурма буржуазной крепости к ее методической осаде. Кто скажет, восстановился ли вождь большевиков после болезни, принимая эти решения?

Волкогонов Д. Т. 2. С. 328

Ленин лежал, разбитый параличом. Он с трудом произносил несколько десятков слов, которым обучала его Крупская. А вокруг него партийная директория шумела и спорила. Был один из ответственных моментов мировой истории, осень 1923 года...

Беседовский Г. С. 356

Бажанов, бывший секретарь Сталина, описывает заседание ЦК, где Каменев впервые оглашал Завещание. «Тяжкое смущение парализовало всех присутствующих. Сталин, сидя на ступеньках трибуны президиума, чувствовал себя маленьким и жалким. Я глядел на него внимательно; несмотря на его самообладание и мнимое спокойствие, ясно можно было различить, что дело идет о его судьбе...» Радек, сидевший на этом памятном заседании возле меня, нагнулся ко мне со словами:

— Теперь они не посмеют идти против вас...

Троцкий Л. С. 275

Многие посторонние люди задавались вопросом, почему в своем «завещании» Ленин упомянул как недостаток такое качество Сталина, как грубость, которое для пролетарского революционера может считаться достоинством.

Это происходило потому, что они не могли себе представить, до какой степени грубости мог дойти Сталин в своем неуважении к товарищам. Хорошим примером может служить его замечание, которое он сделал, ознакомившись с «завещанием» Ленина, но я, к сожалению, не могу привести его в этой книге.

Бармин А. С. 306–307

Был и другой эпизод, когда Сталин под давлением оппозиции оказался вынужденным огласить перед широкой аудиторией запретный текст ленинского завещания. Сталин редко выходит из себя, редко повышает голос или употребляет жестикуляцию. Только

по грубости выражений, по цинизму обвинений, да еще по глухому тембру голоса можно подметить душущую его злобу. Именно таким тоном он читал завещание Ленина. В отместку он прочитал некоторые старые документы, которые могли повредить членам оппозиции. Он читал с намеренными искажениями, предназначенными для протокола. Его прерывали, поправляли, уличали. На возгласы с мест он не находил ответа. Полемическая находчивость не свойственна его неповоротливому уму. В конце концов он совершенно потерял равновесие и, приподнявшись на цыпочках, форсируя свой голос, с поднятой вверх рукой стал хрипло кричать бешеные обвинения и угрозы, вызвавшие оторопь во всем зале. Ни раньше, ни позже я не видел его в таком состоянии исступления.

Троцкий Л. С. 337

При чтении завещания в зале вдруг раздалась чья-то громкая реплика:

— Ничего, нас грубостью не испугаешь, вся наша партия грубая, пролетарская...

Брусенцов В. *Ленин // Простор. 1993. № 11. С. 154*

Характер Сталина был крутым, нрав — грубым. Но его грубость вовсе не отражала его злобность лишь в данном случае или его отношение к конкретному человеку. Это была какая-то злобность вообще, врожденная грубость, хотя, видимо, скорее тут результат воспитания и влияния среды. Его грубость я на себе испытывал много раз. При всем том, что Сталин ко мне относился хорошо. Если бы он относился плохо и питал

какое-то недоверие, то ведь он имел возможность легко расправиться со мной, как расправлялся со всеми, негодными ему. Пусть он послал мне грубейшую телеграмму по поводу заготовки хлеба после войны, о чем я уже говорил (там он сообщил мне, что я сомнительная личность), но не расправился со мной!

Я бы даже сказал, что он относился ко мне с каким-то уважением. Не раз после своих грубостей он выражал мне свое расположение. Но Боже упаси, чтобы это было каким-то извинением. Нет, эта форма выражения чувств была чужда его характеру.

Хрущев Н. Т. 2. С. 62

Две черты еще нужно отметить у Сталина. Это, во-первых, его любовь плести различные партийные интриги и в этих целях, как гастрономически выражался тот же Ленин, «подавать весьма острые блюда», и его сказочную, дикую грубость в обращении с людьми. Видный коммунист, с чином заместителя народного комиссара, смущенно рассказывал автору этих строк, что однажды на официальном приеме Сталин облил его таким пахучим ведром самых невероятных ругательств (с поминованием родителей), что у заместителя народного комиссара задрожали ноги, и «поверите, даже живот заболел».

Валентинов Н. С. 201–202

Впрочем, Сталин очень хорошо умел владеть собой и был груб, лишь когда не считал нужным быть вежливым.

Раз утром Сталин вызвал меня в кабинет В. И. Он имел очень расстроенный и огорченный вид. «Я сегодня всю ночь не спал», — сказал он мне. «За кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится! Как к изменнику какому-то. Я же его всей душой люблю. Скажите ему это как-нибудь». Мне стало жаль Сталина. Мне казалось, что он так искренне огорчен.

Ильич позвал меня зачем-то, и я сказала ему, между прочим, что товарищи ему кланяются. «А», — возразил В. И. «И Сталин просил передать тебе горячий привет, просил сказать, что он так любит тебя». Ильич усмехнулся и промолчал. «Что же, — спросила я, — передать ему и от тебя привет?» — «Передай», — ответил Ильич довольно холодно. «Но, Володя, — продолжала я, — он все же умный, Сталин». — «Совсем он не умный», — ответил Ильич решительно и поморщившись.

Но как В. И. ни был раздражен Сталиным, одно я могу сказать с полной убежденностью. Слова его о том, что Сталин «вовсе не умен», были сказаны В. И. абсолютно без всякого раздражения. Это было его мнение о нем — определенное и сложившееся, которое он и передал мне. Это мнение не противоречит тому, что В. И. ценил Сталина как практика, но считал необходимым, чтобы было какое-нибудь сдерживающее начало некоторым его замашкам и особенностям, в силу которых В. И. считал, что Сталин должен быть убран с поста генсека. Об этом он так определенно сказал в своем политическом завещании, в характеристике ряда

товарищей, которые он дал перед своей смертью и которые так и не дошли до партии. Но об этом в другой раз.

Ульянова М. // Известия ЦК КПСС. 1989. №12. С. 195

По настроению больного Ленина было ясно, что он собирается оставить своим преемником Троцкого. Ленин хотел, чтобы его место заняла фигура, хорошо известная международному рабочему движению. Он хотел, чтобы его преемник, в случае необходимости, мог сделаться Председателем Совета Народных Комиссаров не только в Москве, но и в Берлине, Париже или Лондоне.

Таким человеком мог быть только Троцкий.

Беседовский Г. С. 352–353

Сталин не мог более сомневаться, что возвращение Ленина к работе означало бы для генерального секретаря политическую смерть. И наоборот: только смерть Ленина могла расчистить перед Сталиным дорогу...

Троцкий Л. С. 275

Троцкий <...> рассказал один крайне важный эпизод, который, возможно, заставит историков признать Сталина убийцей Ленина не только через оскорбление его жены, но и в более непосредственном значении этого слова, убийцей-отравителем. <...> Самый факт обращения Ленина с этой просьбой к Сталину вызывает большие сомнения: в это время Ленин уже относился к Сталину без всякого доверия, и непонятно, как он мог с

такой интимной просьбой обратиться именно к нему. Этот факт приобретает особенное значение в свете другого рассказа. Автор этих строк встречался с одной эмигранткой военных лет <...>. В Челябинском изоляторе ей пришлось встретиться со стариком-заключенным, который в 1922—1924 годах работал поваром в Горках, где тогда жил больной Ленин. Этот старик покаялся рассказчице, что в пищу Ленина он подмешивал препараты, ухудшавшие состояние Ленина. Действовал он так по настоянию людей, которых он считал представителями Сталина...

Николаевский Б. Тайные страницы истории. Париж, 1964. С. 228–229

После беспорядков в изоляторе Богутская (?) заболела и не выходила на прогулки. Мои престарелые компаньоны — монархисты — тоже хворали. Поэтому в течение нескольких дней я расхаживала по тюремному двору в полном одиночестве.

Но в один из дней ко мне присоединился спутник. Им оказался коммунист Гаврила Волков, который уже давно пребывал в тюрьме. До сих пор ему было разрешено выходить на прогулки только в полном одиночестве. Через окошко в моей камере я много раз видела, как он, сутулясь, одиноко бродил по пустынному двору. Хотя он находился всего в двух камерах от меня, мне ни разу не представилась возможность перекинуться с ним хоть словом. Он выглядел испуганным и в то же время устрашающим. В нем присутствовало нечто, отчего не хотелось завязывать беседы. Ходили слухи, что его держат в «строжайшей изоляции», подотчетной

непосредственно Кремлю. И никто не знал, в чем его обвиняют и почему посадили. <...>

Из моей беседы с Волковым я поняла, что он знает о моей причастности к делу Кирова. По его словам, он часто следил за мной через окошко своей камеры, потому что я напоминала ему дорогого его сердцу человека, оставшегося в Москве, его бывшую невесту.

У нас был долгий разговор. Он рассказал мне, что он старый большевик и принимал участие в большевистском восстании 1917 года в Москве. До 1923 года он служил в Кремле в качестве заведующего столовой для высокопоставленных партийных функционеров. Затем его сделали шеф-поваром кремлевского санатория в Горках. Два его брата занимали важные должности у Микояна в Наркомате пищевой промышленности. Волков был арестован и доставлен сюда в тюрьму из «Серебряных сосен» в 1932 году. Как раз миновала третья годовщина его пребывания в изоляторе.

На мои простые вопросы о сроке его заключения и о причине он дал весьма странные ответы. Ему ничего не было известно о сроке. Что же касается причины, то он мог только догадываться. Суда над ним не было, его ни разу никто не допрашивал.

«Меня не только никогда не допрашивали, но никому не было даже позволено разговаривать со мной о моем деле». В ответ на мое удивление он объяснил, что люди, имевшие какое-либо отношение к Кремлю и впавшие в немилость, редко подвергались допросу или представляли перед судом. Обычно приговор выносился заочно. <...>

В течение одиннадцати лет глубоко в душе я хранил страшную тайну, о которой не поведал ни единому человеку.

— Тогда, быть может, вам не стоит раскрывать ее и мне, — ответила я с тревогой в голосе.

— Нет, — возразил он. — Я чувствую, что мне не представится другой возможности поговорить с кем-либо так откровенно. Более того, я знаю, что живым меня отсюда не выпустят. Я должен рассказать вам мою историю...

— Когда в 1923 году Ленин заболел, — продолжал Волков, — было решено госпитализировать его в кремлевском санатории в Горках...

Волкова направили туда в качестве личного шеф-повара Ленина. Жена Ленина, Надежда Крупская, одобрила его кандидатуру, поскольку знала его в Кремле как человека, которому можно, без сомнений, доверять.

Ему приходилось много работать. Он должен был сам готовить и подавать еду Ленину, его жене и его врачам. Он проработал почти год без единого выходного дня, ибо сознавал, что обязан сделать все возможное, чтобы ускорить выздоровление вождя своей партии. Ленин и его жена явно ценили преданность Волкова.

Хотя Ленин чувствовал себя не очень хорошо, врачи обещали быстро поставить его на ноги. Порой ему действительно становилось лучше, и он выходил на террасу посидеть на солнышке. Время от времени у него были посетители. Несколько раз к нему приезжал Сталин. Но в основном Ленин оставался один, если не считать присутствия Надежды Крупской.

Сначала все шло хорошо. Состояние Ленина, казалось, не вызывало тревоги. Затем к концу года, незадолго до наступления новогодних праздников — зима была лютая, вспоминал Волков, — Надежду Крупскую по какому-то неотложному делу неожиданно вызвали в Москву. Она отсутствовала три дня, и за это время здоровье Ленина резко ухудшилось.

Когда Крупская увидела Ленина, она ахнула. Так плохо он выглядел. Естественно, был назначен особый уход, и вскоре Ленин поправился. Все облегченно вздохнули, и жизнь вернулась в обычное русло.

Примерно десять дней спустя Надежду Крупскую снова вызвали в Кремль по какому-то партийному делу. На этот раз она отсутствовала дольше, и Ленину снова стало хуже. Когда Волков однажды утром принес ему чай, Ленин выглядел очень расстроенным. Он не мог говорить. Он подавал Волкову какие-то знаки, но тот не понимал, что Ленин хочет. Кроме них в комнате никого не было. «Позвать врача?» — спросил его Волков. Ленин категорически затряс головой и продолжал жестикулировать. Только после длительных расспросов Волков, наконец, понял, чего Ленин хочет. Он просил Волкова любым путем добраться до Кремля, сказать Крупской, что чувствует себя хуже, попросить ее бросить все дела и вернуться в Горки. Ленин предупредил Волкова не звонить Крупской, а повидаться с ней лично.

— Незачем говорить, — продолжал Волков, — что я приложил все усилия, дабы выполнить его просьбу, но выбраться из Горок мне не удалось. Во-первых, разыгралась сильная метель, и все дороги стали непроходимыми и непроезжими. И, что более важно, из Кремля позвонил Сталин и велел всем врачам, а также

всему персоналу в Горках оставаться на месте, пока здоровье «нашего горячо любимого товарища Ленина» не улучшится. Короче, Надежда Крупская не вернулась из Кремля, а состояние Ленина становилось все хуже и хуже. Он уже больше не мог вставать с постели.

И затем 21 января 1924 года... В одиннадцать утра, как обычно, Волков принес Ленину второй завтрак. В комнате никого не было. Как только Волков появился, Ленин сделал попытку приподняться и, протянув обе руки, издал несколько нечленораздельных звуков. Волков бросился к нему, и Ленин сунул ему в руку записку.

Едва Волков повернулся, успев спрятать записку, в комнату, по-видимому, привлеченный нарушением тишины, ворвался доктор Елистратов, личный терапевт Ленина. С помощью Волкова он уложил Ленина на подушки и ввел ему что-то успокоительное. Ленин утих, глаза у него были полуприкрыты. Больше он их ни разу не открыл.

В записке, начертанной неразборчивыми каракулями, было сказано: «Гаврилушка, меня отравили... Сейчас же поезжай и привези Надю... Скажи Троцкому... Скажи всем, кому сумеешь».

— Два вопроса мучили меня все эти годы, — продолжал Волков. — Видел ли Елистратов, как Ленин передал мне записку? И, если видел, сообщил ли Сталину? Эти вопросы нарушали мое спокойствие, отравляли существование. Меня не покидала мысль, что моя жизнь висит на волоске.

— Какой ужас! — воскликнула я.

— Позже я несколько раз сталкивался с доктором Елистратовым, но мы ни разу и словом не обменялись. Мы просто смотрели друг на друга — вот и все. Мне думалось, что я вижу в его глазах ту самую муку от глубоко скрытой в душе тайны. Может, я ошибаюсь, но мне казалось, что он тоже был рабом тайны. Что с ним случилось, мне неизвестно. Он поскорости исчез из Горок.

Волков умолк, но через минуту добавил:

— Увы, я так и не сумел выполнить просьбу Ленина, никому не сказал о ней. Вы первая.

Лицо Волкова было искажено усилием сдержать свои эмоции, да и я сама была потрясена его откровениями.

— Вы могли бы спросить меня, почему я так долго молчал, — сказал он. — Поверьте, не только из-за страха перед тем, что Сталин меня расстреляет. Я понимал, что ради того, чтобы утаить правду о смерти Ленина, он не остановится перед уничтожением моих родственников, друзей и знакомых — всех, кого он мог подозревать в том, что они знают мою тайну. Вот почему я держал рот на замке. Я даже перестал видеться со своей невестой, боясь подвергнуть ее жизнь опасности.

Когда наша прогулка в то утро подошла к концу, Волков проводил меня до двери в мою камеру. И больше я его никогда не видела.

Е. Лермоло.

Цит. по: *Фельштинский Ю. С. 326–327*

Вечером 21 января 1924 года Ленин умер от последствий четвертого инсульта.

Я постараюсь, если еще какие-то силы у меня будут, рассказать, я глубоко убежден: мне кажется, внутренне он неприязненно относился к Ленину, враждебно. У меня возникла эта мысль. Я вспоминаю, как постепенно затухал Ленин... Несмотря на то, что Сталин все время повторял: «Мы ученики Ленина...», но практически — везде Сталин, Сталин... Это нарастало. Я с вами делюсь. Он хотел все-таки быть первым. Я могу привести много примеров.

Не раз развенчивал Энгельса.

— Тут нас Энгельс попутал! Или:

— Тут Фред наврал! (Фридрих. — *Е. Г.*)

Не трогал Маркса. Мне казалось, что он хотел сначала Энгельса, а потом где-то такое Ленина...

Д. Шепилов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 331*

Он к Ленину относился с большой любовью. Я это видел, я это знал. Я видел, когда умер Ленин, каким Сталин выглядел и как он себя чувствовал. И вранье все, когда говорят о том, что он к Ленину относился, так сказать, ну, неблагородно. Неправда.

Л. Каганович.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 263*

Г. А. Куманев: Была ли, когда не стало Ленина, альтернативная фигура Сталину?

Л. М. Каганович: После Ленина никто не мог его достойно заменить. Это бесспорно. Все эти оперативные кандидатуры, которые сейчас называются, — все это чепуха. Я могу по каждому из них рассказать, почему они не подходили и не могли подходить. Единственный человек, который мог возглавить нашу страну при всех его недостатках, при всех ошибках, которые были (а они были, я их не отрицаю), — это Сталин.

Куманев Г. С. 80

Больше всего меня возмущало, да и не только меня, но и других, поведение Кагановича. Это был холуй. У него сразу поднимались ушки на макушке, и тут он начинал подличать. Бывало, встанет, горло у него зычное, сам мощный, тучный, и рокошет: «Товарищи, пора нам сказать правду. Вот в партии все говорят: Ленин, ленинизм. А надо говорить так, как оно есть, какая существует ныне действительность. Ленин умер в 1924 году. Сколько лет он проработал? Что при нем было сделано? И что сделано при Сталине? Сейчас настало время дать всем лозунг не ленинизма, а сталинизма». Когда он об этом распространялся, мы молчали. Стояла тишина.

Сталин первым вступал в полемику с Кагановичем: «Вы что говорите? Как вы смеее так говорить?» Но произносилось это тоном, поощряющим как бы возражения Сталину. В народе хорошо известен этот прием. Когда мать идет в другую деревню в гости и хочет, чтобы ее девочка или мальчонка пошли с ней, чтобы их там покормили, она кричит; «Не ходи, не ходи,

чертенок!» и грозит ему пальцем. А когда никто не видит, манит его: «Иди за мной, иди». Он и бежит за ней. Я сам наблюдал такие картины в деревне. Сталин тоже начинал разносить Кагановича, что это он такое себе позволяет. Но видно было, что сказанное ему нравится. Сталин обычно возражал Кагановичу такими словами: «Что такое Ленин? Каланча. Что такое Сталин? Палец». А иной раз приводил такие сравнения, которые ни в какие записи не вмещаются!

Я много раз слышал повторение таких сравнений и бурное реагирование на сталинские утверждения со стороны Кагановича, которого это еще больше подогревало, и он настойчиво повторял свое, потому что видел, что у Сталина явно ложное возмущение.

Хрущев Н. Т. 2. С. 123

Вы не понимаете того времени. Не понимаете, какое значение имел Сталин. Большой Сталин... Мария Ильинична [сестра Ленина] еще при жизни Владимира Ильича сказала мне: «После Ленина в партии самый умный человек Сталин». [...] Сталин был для нас авторитет. Мы Сталина любили. Это большой человек. Он же не раз говорил: «Я только ученик Ленина».

Л. Фотиева.

Цит. по: *Бек А.* Из архива писателя. С. 278

Летом 1924 года на имя Сталина пришло необычное письмо:

«Добрый день, Иосиф Виссарионович!

Вы, конечно, меня не знаете и даже не слышали, т. к. таких, как я, в СССР миллионы, а я Вас знаю по газетам и журналам.

Прочитав в журнале «Смена», который я выписываю, о Вас как о любимом ученике Ильича, я был воодушевлен этим, я думал, что у Ильича не было любимых учеников...

Теперь я к Вам с личной просьбой, а прежде чем объяснить сущность просьбы, я опишу свою биографию...»

Из письма следовало, что автору семнадцать лет, что родился он в Череповецкой губернии, Череповецком уезде, Усищевской волости, в деревне Лаврове, в семье бедного крестьянина. Отец с двенадцати лет занимается портняжным ремеслом. Жили в Петрограде, потом переехали в городок Няндомы Архангельской губернии. Там паренек вступил в комсомол, стал секретарем ячейки, учится в фабрично-заводском училище.

Родители не одобрили его выбора, требовали, чтобы он выписался из комсомола. Отнимали сапоги, чтобы не ходил на собрания ячейки. Но он проявил упорство, настоял на своем.

А теперь о просьбе.

«Как ленинец, я тоже желаю почтить память Ильича, а посему на дому имею уголок Ленина в котором имеются немножко литературы и плакаты. Но нет статейки.

Я хотел по смерти Ильича, хотел свою фамилию Блохин переменить на Ленин, но подумавши я решил, что я не достоин такой участи. И вот я решил переменить свою фамилию на Вашу, т. е. Сталин. Если меня спросят:

«Почему вы переменяли фамилию на Сталина, я отвечу, в честь любимого ученика Ильича тов. Сталина». А почему обращаюсь к Вам, тов. Сталин, не имеете ли чего против этого. Если нет, то прошу дать мне разъяснение, куда мне обратиться и можно ли мне переменить фамилию.

Так как я говорил с одним из партийных, он говорит, что нужно 18 лет или старше, а моложе нельзя, а мне только 17 лет.

Прошу дать поскорее ответ, так как скоро занятия кончатся и я уеду куда-либо.

С ком. приветом

Блохин.

Адрес таков: Ст. Няндомы Сев. ж. д., поселок, дом № 38, фабзайчонку Мих. Ник. Блохину».

А вот и ответ из Кремля:

«Копия. 3 сентября 1924 г.

Тов. Блохину М. Н.

Дорогой товарищ!

Против присвоения фамилии Сталин никаких возражений не имею, наоборот, буду очень рад, так как это обстоятельство даст мне возможность иметь младшего брата (у меня братьев нет и не бывало).

Статью постараюсь написать, как только получу возможность. Что касается процедуры перемены фамилии, то за справками надо обратиться в Административный Отдел Губисполкома.

С коммунистическим приветом

И. Сталин».

В конце сентября от Блохина пришла весточка:

«Многоуважаемый Иосиф Виссарионович! Позавчера получил ваше письмо, за которое очень и очень благодарю, и надеюсь, что в дальнейшем время от времени будете писать, делиться жизненными вопросами с братишкой Мишанко.

Сегодня вместе с вашим письмом отправляю письмо в Вологду, в Губисполком (насчет перемены фамилии), о дальнейших результатах сообщу в следующем письме...

Пиши, как будет время».

К сожалению, других писем от Блохина-Сталина в деле нет. Интересно, удалось ли ему поменять фамилию?

Зенькович Н. С. 65–66

Сталин <...> мог бояться, что я свяжу смерть Ленина с прошлогодней беседой о яде, поставлю перед врачами вопрос, не было ли отравления, потребую специального анализа. Во всех отношениях было поэтому безопаснее удержать меня подальше до того дня, когда оболочка тела будет бальзамирована, внутренности сожжены, и никакая экспертиза не будет более возможна.

Троцкий Л. С. 277

В своей статье Троцкий рассказывает, как Сталин нарочно телеграфировал ему на Кавказ неверную дату

похорон Ленина. <...> Но если Троцкий хоть сколько-нибудь верил сообщению, что Ленин просил у Сталина яду, то почему он сейчас же не вернулся из Тифлиса в Москву и не потребовал расследования? Ведь тело Ленина еще долгое время оставалось ненабальзамированным.

Фишер Л. С. 977

Когда я спрашивал врачей в Москве о непосредственных причинах смерти, которой они не ждали, они неопределенно разводили руками. Вскрытие тела, разумеется, было произведено с соблюдением всех необходимых обрядностей: об этом Сталин в качестве генерального секретаря позаботился прежде всего! Но яду врачи не искали, даже если более проницательные допускали возможность самоубийства. Чего-либо другого они, наверное, не подозревали. Во всяком случае, у них не могло быть побуждений слишком утончать вопрос. Они понимали, что политика стоит над медициной. Крупская написала мне в Сухум очень горячее письмо, я не беспокоил расспросами на эту тему. С Зиновьевым и Каменевым я возобновил личные отношения только через два года, когда они порвали со Сталиным. Они явно избегали разговоров об обстоятельствах смерти Ленина, отвечали односложно, отводя глаза в сторону. Знали ли они что-нибудь или только подозревали? Во всяком случае, они были слишком тесно связаны со Сталиным в предшествующие три года и не могли не опасаться, что тень подозрения ляжет и на них. Точно свинцовая туча окутывала историю смерти Ленина. Все избегали разговора об ней, как если бы боялись прислушаться к собственной тревоге. Только

экспансивный и разговорчивый Бухарин делал иногда с глазу на глаз неожиданные и странные намеки.

— О, вы не знаете Кобы, — говорил он со своей испуганной улыбкой. — Коба на все способен.

Троцкий Л. С. 278

Настоящий вопрос заключается вот в чем: почему Троцкий хранил эту «тайну» до 1939 года? Его выслали из СССР в 1929 году. За эти 10 лет он написал несколько книг и десятки статей. Сталин был его политическим врагом, и он не щадил обвинений по его адресу. Самым худшим обвинением могло быть обвинение в убийстве Ленина. Но целое десятилетие Троцкий ни словом не упомянул об этом, не позволил себе и намек на что-нибудь подобное.

Фишер Л. С. 977

Хотя паралич и смерть Ленина явились для Сталина политическим спасением, нет никаких свидетельств, что Сталин что-то предпринимал, чтобы ускорить подобный исход.

Такер Р. С. 253

В истории болезни Ленина за последний год его жизни, с февраля 1923 года по январь 1924, ничто не подтверждает сенсационного подозрения, будто Ленина отравил Сталин.

Фишер Л. С. 977

Весной 1923 г., мажется в мае, будучи в Москве, я зашел к нему днем на квартиру. Он жил тогда в первом доме направо от Троицких ворот, на втором этаже двухэтажного дома. Комнаты простые, не особенно просторные, кроме столовой. Кабинет был даже очень маленький.

Сталин вышел из кабинета с перевязанной рукой. Я это увидел впервые и, естественно, спросил, что с ним. «Рука болит, особенно весной. Ревматизм, видимо. Потом проходит». На вопрос, почему он не лечится, ответил: «А что врачи сделают?» У него было скептическое отношение к врачам и курортам. До этого он один раз отдыхал в Нальчике, в небольшом домике, без врачебного надзора. А потом ни на каких курортах не был и не хотел бывать.

Микоян А. С. 351

Заметил ли Сталин, занятый этой борьбой, что в третий раз стал отцом?

Брусенцов В. // Простор. 1993. № 11. С. 123

Через некоторое время Надя исчезла. Как потом оказалось, отправилась проводить последние месяцы своей беременности к родителям в Ленинград.

Когда она вернулась и я ее увидел, она мне сказала: «Вот, полюбуйте моим шедевром». Шедевр было месяца три, он был сморщенным комочком. Это была Светлана. Мне было разрешено в знак особого доверия подержать ее на руках.

Бажанов Б. С. 179

«Недавно я родила Вам внучку очень хорошую девочку, которую звать Светланой. Родилась она 28/II в 3 часа ночи. Когда она подрастет, сниму ее и пошлю Вам карточку, пока что еще рано».

Н. Аллилуева — Е. Джугашвили. 14 апреля 1923 г.

Вместе с тем Надежда стала матерью двух детей и показала себя хорошей хозяйкой. Семья жила не по-пролетарски. Сохраняя квартиру в Кремле, Сталин и Надежда в 1919 г. получили просторную загородную дачу...

Такер Р. С. 205

Идеальная жена

Солнечный дом, в котором прошло мое детство, принадлежал раньше младшему Зубалову, нефтепромышленнику из Батума. В том доме хозяйствовала моя мама. Она создала тот дом, он был ею полон, и отец был в нем не бог, не «культ», а просто обыкновенный отец семейства. Дом этот назывался «Зубалово», по имени его старого, дореволюционного владельца, и находится он сейчас от меня здесь в двух километрах, недалеко от станции Усово.

В 20-е годы дом перестроили, и под наблюдением Сталина это место превратили в процветающую усадьбу с различными надворными постройками, цветниками, плодовым садом, полянкой для индеек и бассейном для уток.

Такер Р. С. 205

Отец немедленно расчистил лес вокруг дома, половину его вырубил — образовались просеки, стало светлее, теплее и суше. Лес убирали, за ним следили, сгребали весной сухой лист. Перед домом была чудесная, прозрачная, вся сиявшая белизной, молоденькая березовая роща, где мы, дети, собирали всегда грибы. Неподалеку устроили пасеку, и рядом с ней две полянки засевали каждое лето гречихой, для меда. Участки, оставленные вокруг соснового леса — стройного, сухого, — тоже тщательно чистились; там росла земляника, черника, и воздух был какой-то особенно свежий, душистый. Я только позже, когда стала взрослой, поняла этот своеобразный интерес отца к природе, интерес практический, в основе своей — глубоко крестьянский. Он не мог просто созерцать природу, ему надо было хозяйствовать в ней, что-то вечно преобразовывать. Большие участки были засажены фруктовыми деревьями, посадили в изобилии клубнику, малину, смородину. В отдалении от дома отгородили сетками небольшую полянку с кустарником и развели там фазанов, цесарок, индюшек; в небольшом бассейне плавали утки. Все это возникло не сразу, а постепенно расцветало и разрасталось, и мы, дети, росли, по существу, в условиях

маленькой помещичьей усадьбы с ее деревенским бытом, — косьбой сена, собиранием грибов и ягод, со свежим ежегодным «своим» медом, «своими» соленьями и маринадами, «своей птицей».

Правда, все это хозяйство больше занимало отца, чем маму. Мама лишь позаботилась о том, чтобы возле дома цвели весной огромные кусты сирени, и насадила целую аллею жасмина возле балкона. А у меня был маленький свой садик, где моя няня учила меня ковыряться в земле, сажать семена настурций и ноготков.

Аллилуева С. С. 163–164

Мама была после нас, детей, — самой молодой в доме. Учительницы, няня — все были старше, всем было за сорок; экономка наша, Каролина Васильевна, повариха Елизавета Леонидовна — были пожилые женщины за пятьдесят лет. Но все равно, все любили молодую, красивую, деликатную хозяйку — она была признанный авторитет.

Аллилуева С. С. 95

Чтобы выкроить время для активной работы вне дома, Надежде приходилось во многом полагаться на нянь и домашних воспитателей для сына Василия и дочери Светланы. Но верховенство в Зубалове она сохранила за собой, превратив его в уютное место общения, центр гостеприимства для неиссякаемого потока гостей из числа друзей в высших партийных кругах. Для человека, делавшего карьеру в советской

политике (особенно склонного к уединению) выбор жены не мог быть более удачным.

Такер Р. С. 205

Несмотря на свою молодость, мама была всеми уважаема в доме, и надо сказать — ее просто все очень любили. Она была красива, умна, необыкновенно деликатна со всеми без исключения и вместе с тем очень тверда, упорна и требовательна в том, что ей казалось непреложным. Только одной ей удавалось объединить и как-то сдружить меж собою всех наших разношерстных и разнохарактерных родственников, — она была признанной главой дома.

Аллилуева С. С. 36–37

Внешне она [Надежда] была мадонной — миндалевидные глаза, ровный нос, гладкие волосы. Я не видела ее улыбающейся. И лишь однажды... Светлане исполнилось четыре месяца. Надежда Сергеевна позвала меня. Светлана была чудесная, рыженькая толстушка с зелеными глазами. Вот тогда я увидела улыбку на лице Надежды Сергеевны и нежность к ребенку.

К. Аллилуева-Порлитковская.

Цит. по: Васильева Л. С. 174–175

В доме всегда было людно. В Зубалове у нас часто летом жила Николай Иванович Бухарин, которого все обожали. Он наполнял весь дом животными, которых очень любил. Бегали ежи на балконе, в банках сидели ужи, ручная лиса бегала по парку, подраненный ястреб

сидел в клетке. Я смутно помню Н. И. Бухарина — в сандалиях, в толстовке, в холщовых летних брюках. Он играл с детьми, балагурил с моей няней, учил ее ездить на велосипеде и стрелять из духового ружья; с ним всем было весело. Через много лет, когда его не стало, по Кремлю, уже обезлюдившему и пустынному, долго еще бегала «лиса Бухарина» и пряталась от людей в Тайницком саду...

Аллилуева С. С. 33

После смерти Ленина Сталин сейчас же удалил старых секретарей бюро, которые хорошо знали отношения внутри Политбюро, в частности, отношение Ленина к Сталину. Старая революционерка Лассер, глубоко преданная Ленину, была заменена молодым человеком новой школы Бажановым. Выбор оказался не очень счастливым. Бажанов скоро порвал с партией, бежал за границу и разоблачил все, что он успел узнать за время своего короткого пребывания в Политбюро, прибавив к этому свои догадки и вымыслы.

Троцкий Л. С. 340

Когда я познакомился с Надей, у меня было впечатление, что вокруг нее какая-то пустота — женщин-подруг у нее в это время как-то не было, а мужская публика боялась к ней приближаться — вдруг Сталин заподозрит, что ухаживают за его женой. Сживет со свету.

У меня было явное ощущение, что жена диктатора нуждается в самых простых человеческих отношениях. Я, конечно, и не думал за ней ухаживать (у меня уже был в

это время свой роман, всецело меня поглощавший). Постепенно она мне рассказала, как протекает ее жизнь.

Домашняя ее жизнь была трудна. Дома Сталин был тиран. Постоянно сдерживая себя в деловых отношениях с людьми, он не церемонился с домашними.

Не раз Надя говорила мне, вздыхая: «Третий день молчит, ни с кем не разговаривает и не отвечает, когда к нему обращаются. Необычайно тяжелый человек».

Но разговоров о Сталине я старался избегать — я уже представлял себе, что такое Сталин, а бедная Надя только начинала, видимо, открывать его...

Бажанов Б. С. 178

— В журнале «Континент» появилась статья бывшего секретаря Сталина в двадцатые годы Бажанова. Кто он?

— Большой жулик, — отвечает Молотов. — Я его помню. Красивый мальчик такой. Он сбежал в Иран. Я все удивлялся, как он к Сталину попал.

Чуев Ф. С. 401

Я вхожу к Сталину с каким-то срочным докладом, как всегда, без доклада. Я застаю Сталина говорящим по телефону. То есть не говорящим, а слушающим — ...он держит трубку от какого-то непонятного мне и мне неизвестного телефона, шнур от которого идет почему-то в ящик сталинского стола.

Сталин поднимает голову и смотрит мне прямо в глаза тяжелым, пристальным взглядом. Понимаю ли я,

что я открыл?.. Понимаю ли я, какие последствия вытекают из этого открытия для меня лично?

У Сталина в его письменном столе есть какая-то центральная станция, при помощи которой он может включиться и подслушивать любой разговор, конечно, «вертушек».

Бажанов Б. Кремль. 20 годы. Париж, 1931. С. 94.

(Далее цит.: *Бажанов Б.*)

— Ему (упомянутому секретарю Сталина Б. Бажанову. — *Е. Г.*) сейчас семьдесят шесть лет, он написал мемуары, — говорит Шота Иванович (Квантелиани, присутствовавший при беседе, при Сталине был первым секретарем ЦК Грузии. — *Е. Г.*). — Пишет, что у Сталина был в столе телефон для подслушивания.

— Маловероятно, — говорит Молотов. — Времени не хватит. Ведь это столько времени надо подслушивать. Выбирать интересные разговоры. Технически невозможно. И то, что телефон стоял у Сталина в столе, — я этого не видел.

Чуев Ф.С. 401

Сталин дома: холодный, молчаливый и замкнутый. «Вы знаете, — сказал однажды Бажанову старший сын Сталина Яков, — мой отец во вторник сам заговорил со мной!» — «О чем же?» — «Я читал, и отец, подойдя ко мне, спросил: «Что ты читаешь?»»

«И это все?» — «Да, все»... Мальчик не слышал целыми днями от отца ни единого слова, хотя в то время они жили в Кремле в одной квартире.

Краскова В. С. 169

Он же рассказывал о том, что Сталин, если не в духе, а это случалось часто, молчал за обедом, и все молчали. После завтрака Сталин обычно сидел у окна в кресле. С трубкой.

Раздается звонок по внутреннему телефону Кремля.

— Коба, тебя зовет Молотов, — говорит Надежда Аллилуева.

— Скажи ему, что я сплю, — отвечает Сталин...

Васильева Л. С. 196–197

Рассказывал поэт Семен Олендер:

В двадцатые годы я написал стихотворение, в котором обругал и Сталина, и Троцкого, — между ними шла непримиримая борьба. Отнес в «Комсомолку». Стихи попали к Надежде Сергеевне Аллилуевой. Мы не знали, что она жена Сталина, знали — муж работает в ЦК.

Через несколько дней мне позвонил некто, назвавшийся Картлинским, и сказал, что ему непонятна в стихах моя позиция: ругаю одновременно и Сталина, и Троцкого.

— Они мне оба не нравятся, — ответил я.

— Вы что, хотите стать советским Лермонтовым? Так запомните, что вы не Лермонтов, а товарищ Сталин не Николай Романов! — И повесил трубку.

Потом я узнал, что Картлинский — один из псевдонимов Сталина. К Дзержинскому меня все-таки вызвали, тем дело и кончилось.

Чуев Ф. С. 546

Мама привыкла к подобному быту и не знала иных развлечений, более свойственных ее возрасту и полу — она была в этом отношении идеальной женой. Даже когда я была совсем маленькой и ей нужно было кормить меня, а отец, отдохавший в Сочи, вдруг немножко заболел, — она бросила меня с нянькой и козой Нюской, и сама без колебаний уехала к отцу. Там было ее место, а не возле ребенка. Словом, у нас тоже был дом, как дом, с друзьями, родственниками, детьми, домашними праздниками. Так было и в городской нашей квартире и, особенно летом, в Зубалове.

Аллилуева С. С. 36

«Вы пишете, что скучно. Знаете, дорогая, везде так же. Я в Москве решительно ни с кем не имею дела. Иногда даже странно: за столько лет не иметь приятелей близких, но это, очевидно, зависит от характера. Причем, странно, ближе себя чувствую с людьми беспартийными (женщинами, конечно). Это объясняется, очевидно, тем, что эта публика проще.

Я очень жалею, что связала себя опять новыми семейными узами (?). В наше время это не очень легко, т.

к. вообще страшно много новых предрассудков, и если ты не работаешь, то уже, конечно, «баба», хотя, может быть, не делаешь этого потому, что считаешь работу без квалификации просто не оправдывающей себя интересом к ней. А теперь, особенно когда я займусь семьей, думать о квалификации не приходится. Я Вам, дорогая Маруся, очень советую, за границей чем-либо для России запастись. Серьезно. Вы даже не представляете, как тяжело работать только для заработка, выполняя любую работу, нужно иметь обязательно специальность, которая дает тебе возможность не быть ни у кого на побегушках, как это обыкновенно бывает в «секретарской» работе, а выполнять все, что касается специальности».

Н. Аллилуева — М. Сванидзе. 11 января 1926 г.

До этих лет мама вообще сама вела хозяйство, получала какие-то пайки и карточки, и ни о какой прислуге не могло быть речи. Во всяком случае, важно то, что в доме был нормальный быт, которым руководила хозяйка дома, и никаких признаков присутствия в доме чекистов, охраны тогда еще не было. Единственный «охранявший» ездил только с отцом в машине и к дому никакого отношения не имел, да и не подпускался близко...

Аллилуева С. С. 34–35

Подчеркивая независимость ее характера, приводят такой пример: в 1927 году, во время ожесточенной борьбы Сталина с Троцким, когда Троцкий и Зиновьев были исключены из партии и покончил с собой их видный сторонник дипломат А. А. Иоффе, на похоронах

за его гробом в числе провожавших в последний путь шла Надежда Аллилуева.

Зенькович Н. С. 138

Один пример очень характерен в этом смысле. После смерти Ленина (а, может быть, и раньше) было принято постановление ЦК о том, что члены ЦК не имеют права получать гонорар за печатание своих партийных статей, книг — и что эти средства должны идти в пользу партии. Мама была этим недовольна, потому что считала — лучше получать то, что ты действительно заработал, чем бесконечно, без всяких лимитов, лазить в карман казны и брать оттуда на свои домашние нужды, на дачи, машины, содержание прислуги и т. п. Тогда еще только-только начиналось казенное содержание домов членов правительства. Слава Богу, мама не дожидаясь до этого и не увидела как потом, отказываясь от гонораров за партийные труды, наши знатные партийцы со всеми чадами, домочадцами и всеми дальними родственниками сели на шею государству.

Аллилуева С. С. 99

Она пошла учиться в Промышленную академию.

Аллилуев В. С. 123

Мама работала в редакции журнала, потом поступила в Промышленную академию, вечно где-то заседала, а свое свободное время она отдавала отцу — он был для нее целой жизнью. Нам, детям, доставались, обычно, только ее нотации, проверка наших знаний. Она

была строгая, требовательная мать, и я совершенно не помню ее ласки: она боялась меня разбаловать, так как меня и без того любил, ласкал и баловал отец. Мы, конечно, не понимали еще тогда, что всеми нашими развлечениями, играми, всем своим весельем и интересным детством мы были обязаны ей. Это мы поняли позже, когда ее не стало...

Аллилуева С. С. 32

Осенью 1930 года Промышленная академия была уютным уголком, где могли отсиживаться люди, которые, собственно, не особенно хотели учиться, но в сложившихся политических условиях вынуждены были оставить хозяйственную, партийную, профсоюзную деятельность. Вот они и расползались главным образом по учебным заведениям. В Промакадемии стипендия была приличная, столовая хорошая, общежитие хорошее: у каждого — комната, а некоторые маститые хозяйственники имели возможность получить две комнаты и устроиться с семьей...

Хрущев Н. Т. 2. С. 89

Несмотря на громкое название, это были просто курсы для переподготовки и повышения культурности местных коммунистов из рабочих и крестьян, бывших директорами и руководителями промышленных предприятий, но по малограмотности плохо справляющихся со своей работой.

Аллилуев В. С. 123

Аллилуеву же я жалел еще и чисто по-человечески. Славным она была человеком. Когда она училась в Промакадемии на текстильном факультете, овладевая специальностью химика по искусственному волокну, то была избрана партгруппоргом и приходила согласовывать со мной всякие формулировки. Я при этом всегда как бы оглядывался: вот придет она домой и расскажет Сталину о моих словах... У Винниченко есть рассказ «Пиня». Этот Пиня был выбран старостой в тюремной камере, поэтому он за всех принимал решения. Избрали меня в Промакадемии секретарем парткома, и почувствовал я себя Пиней. Но ни разу не пожалел, что сказал Надежде Сергеевне то или что-то другое.

Хрущев Н. Т. 1. С. 53

Она честно верила в правила и нормы партийной морали, предписывавшей партийцам скромный образ жизни. Она стремилась придерживаться этой морали, потому что это было близко ей самой, ее семье, ее родителям, ее воспитанию.

Аллилуева С. С. 99

«Вообще же говоря, страшно мало свободного времени как у Иосифа, так и у меня. Вы, наверное, слышали, что я (на старости лет) пошла учиться, остался мне еще один год. Само по себе учение мне не трудно, но трудно довольно-таки увязывать все свои обязанности в течение дня, но, в общем, я не жалею и пока что справляюсь со всеми делами успешно — успеваю, конечно, следить и за здоровьем».

Н. Аллилуева — Е. Джугашвили. 12 марта 1931 г.

Несмотря на недостаток времени, мама и сама продолжала заниматься музыкой с известной всему тогдашнему Кремлю преподавательницей — Александрой Васильевной Пухляковой. Я встретила с ней много позже. Занималась мама и французским, не знаю — с кем, и не знаю, чего ей удалось достигнуть. Во всяком случае, чтобы не отставать от славных, образованных людей, окружавших ее, ей самой хотелось еще учиться и совершенствоваться.

Аллилуева С. С. 94

Когда мы вместе учились или беседовали по партийным вопросам, она ничем не выказывала своей близости со Сталиным, умела себя держать... Когда же я стал секретарем Московского комитета партии, чаще встречался со Сталиным и бывал у него на семейных обедах, то понял, что о жизни Промышленной академии и о моей роли там Аллилуева рассказывала Сталину, который при разговорах со мной иной раз напоминал мне о событиях, о которых я никогда не вспоминал или даже забыл. Тогда-то я понял, что это Надя рассказывала о них мужу... Это, я считаю, и определило мою позицию. И, главное, отношение ко мне Сталина. Вот я и называю это лотерейным билетом, что я вытащил свой счастливый лотерейный билет... Полагаю, что именно это определило отношение ко мне Сталина не только тогда, но и позднее. Я называю это лотерейным билетом. Я вытащил счастливый билет и поэтому остался в живых, когда мои сверстники, однокашники и друзья, с которыми я вместе работал в партийных организациях, в

большинстве своем сложили голову как «враги народа». И я сам себе задавал вопрос: «Почему меня пощадили?» Тот факт, что я действительно был предан делу партии, не вызывает сомнения. Ведь я-то знаю это. Но и те товарищи, которые работали со мной, тоже были преданы делу партии, сплошь и рядом принимали такое же участие в борьбе за генеральную линию партии, выступали за Сталина. И все-таки они безвинно погибли. Вероятно, Сталин наблюдал за моей деятельностью глазами Нади, с которой я был на равной ноге. Она видела меня почти каждый день, с уважением относилась к моей политической деятельности и обо всем рассказывала Сталину, что и послужило основой его доверия ко мне. Иной раз он нападал на меня, оскорблял, делал грубые выпады. И все же скажу, что до последнего дня своей жизни он ко мне относился все-таки хорошо. Говорить о какой-то любви со стороны этого человека невозможно. Это было бы слишком сентиментально и не характерно для него. А его уважение ко мне выражалось в той поддержке, которую он мне оказывал.

Хрущев Н. Т. 2. С. 64–65

Даже после рождения двоих детей она продолжала учебу в Промакадемии, надеясь сделать самостоятельную карьеру в народном хозяйстве. У нее была своя жизнь и свои интересы.

Бармин А. С. 310–311

Она училась в Промакадемии и много внимания уделяла детям.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. Тени Сталина. М.: Современник, 2000. С. 95

Мама была строга с нами, детьми — неумолима, недоступна. Это было не по сухости души, нет, а от внутренней требовательности к нам и к себе... Она редко ласкала меня, а отец меня вечно носил на руках, любил громко и сочно целовать, называть ласковыми словами — «воробушка», «мушка». Однажды я прорезала новую скатерть ножницами. Боже мой, как больно отшлепала меня мама по рукам! Я так ревела, что пришел отец, взял меня на руки, утешал, целовал и кое-как успокоил... Несколько раз он так же спасал меня от банок и горчичников, — он не переносил детского плача и крика.

Мама же была неумолима и сердилась на него за «баловство».

Аллилуева С. С. 91

Она очень нравилась мне своей скромностью, этим хорошим человеческим показателем. Когда она училась в Промышленной академии, то очень немногие люди знали, что она жена Сталина. Аллилуева, и все. У нас учился еще один Аллилуев, горняк, ей не родственник. Надя никогда не пользовалась какими-то привилегиями, она не приезжала на машине и не уезжала в Кремль на машине, ездила трамваем и старалась вообще ничем не выделяться в массе студентов. Это было умно с ее стороны — не показывать, что она близка к человеку,

который в политическом мире считался лицом номер один.

Хрущев Н. Т. 1. С. 65

Отец нас не стеснял (правда, он был очень строг и требователен к Василию), баловал, любил играть со мной, — я была его развлечением и отдыхом. Мама же больше жалела Василия, а ко мне была строга, чтобы компенсировать ласки отца. Но, все равно, я ее любила больше...

Аллилуева С. С. 93

«Бываю иногда за городом. Ребята здоровы. Мне не очень нравится учительница. Она все бегаёт по окрестности дачи и заставляет бегать Ваську и Томика с утра до вечера. Я не сомневаюсь, что никакой учебы у нее с Васькой не выйдет. Недаром Васька не успевает с ней в немецком языке. Очень странная женщина».

Сталин — Н. Аллилуевой. 2 сентября 1930 г.

«Светланочке 5 исполнилось 28.II.31 г. С ней в большой дружбе отец, пока что девочка ничего, что будет дальше увидим».

Н. Аллилуева — Е. Джугашвили. 12 марта 1931 г.

Центром жизни летом были терраса внизу и балкон отца на втором этаже, — куда меня вечно посылала моя няня. «Пойди, отнеси папочке смородинки», или «пойди, отнеси папочке фиалочки». Я отправлялась и, что бы я

ни приносила, всегда получала в ответ горячие, пахнущие табаком, поцелуи отца и какое-нибудь замечание от мамы...

Аллилуева С. С. 36

Как-то раз — это была редкость — мама провела целый день с нами в Зубалове, должно быть, нужно было заменить учительницу. Она что-то убирала, что-то шила, что-то обсуждала с няней, проверяла мои тетрадки. Сентиментального сюсюканья с детьми она терпеть не могла, но зато, когда у нас в Зубалове делали детскую спортивную площадку, то уж она сама выдумывала, как ее интереснее устроить. И «робинзоновский домик» на деревьях, наверное, возник не без ее участия. Она любила фотографировать и хорошо это делала. Все наши семейные фотографии в Зубалове и в Сочи — сделаны ею. Она снимала детей, природу вокруг, самый дом. Благодаря ей остались фотографии нашего дома в Зубалове, дачи в Сочи, куда меня тоже возили, еще с мамой, снимки первого дома, построенного для отца в Сочи архитектором М. И. Мержановым. Потом отец, одержимый страстью перестраивать, переделал все эти дома до неузнаваемости. Слава Богу, их можно узнать на снимках, сделанных мамой, — узнать и вспомнить...

Аллилуева С. С. 95

На квартире Сталина жил и его старший сын от первого брака — Яков. Почему-то его никогда не называли иначе как Яшка. Это был очень сдержанный, молчаливый и скрытный юноша. Он был года на четыре моложе меня. Вид у него был забитый.

Ретроспективный взгляд на детство Иосифа Джугашвили способно объяснить детство Якова Джугашвили, протекавшее в Кремле на глазах моей семьи. Двенадцатилетний Яша походил на отца, каким его представляют ранние снимки, не восходящие, впрочем, раньше 23 лет, только у сына в лице было, пожалуй, больше мягкости, унаследованной от матери, первой жены Сталина. Мальчик Яша подвергался частым и суровым наказаниям со стороны отца. Как большинство мальчиков тех бурных лет, Яша курил. Отец, сам не выпускавший трубки изо рта, преследовал этот грех с неистовством захолустного семейного деспота, может быть, воспроизводя педагогические приемы Виссариона Джугашвили... Мне думается сейчас, что эти сцены воспроизводили с неизбежными отличиями места и времени те эпизоды, которые разыгрывались тридцатью пятью годами раньше в Гори, в домике сапожника Виссариона.

Троцкий Л. С. 308

Яша жил в Тбилиси довольно долго. Его воспитывала тетка, сестра его матери, Александра Семеновна. Потом юношей, по настоянию своего дяди Алеши Сванидзе, он приехал в Москву, чтобы учиться. Отец встретил его не приветливо, а мама старалась его опекать. Вообще говоря, жизнь в Кремле в одной квартире с нами и учеба на русском языке, трудно дававшемся ему вначале, все это было совсем не для

него. Оставшись в Грузии, он, наверное, жил бы спокойнее и лучше, как и его двоюродные братья.

Аллилуева С. С. 144

«Яша уже давно ходит в школу, занимается он ничего, хотя ему трудно одному, а Иосиф нанимать ему учительницу запретил, поэтому ему одному заниматься трудно, чувствует он себя ничего, но часто простужается и кашляет ведь у него очень слабый организм, он также просил послать своей дорогой бабушке привет».

Н. Аллилуева — Е. Джугашвили. 8 октября 1922 г.

Яша — мальчик лет 12-ти, с очень нежным, смуглым личиком, на котором привлекают (внимание) черные глаза с золотистым поблескиванием. Тоненький, скорее миньютюрный, похожий, как я слышала, на свою умершую от туберкулеза мать. В манерах, в обращении очень мягок. Сереже, с которым он был дружен, Яша рассказывал, что отец его тяжело наказывает, бьет — за курение. «Но нет, побоями он меня от табаку не отучит». «Знаешь, вчера Яша провел всю ночь в коридоре с часовым, — рассказывал мне Сережа. — Сталин его выгнал из квартиры за то, что от него пахло табаком».

Седова Н. (жена Троцкого).

Цит. по: *Троцкий Л. С. 90*

Яков дружил с сыном Троцкого — Сергеем. «Любовь» Троцкого к Сталину известна всем.

Краскова В. С. 104

Я застал как-то Яшу в комнате мальчиков с папиросой в руке. Он улыбался в нерешительности.

— Продолжай, продолжай, — сказал я ему успокоительно.

— Папа мой сумасшедший, — сказал он убежденно. — Сам курит, а мне не позволяет.

Троцкий Л. С. 107

«Яша учится, шалит, курит и меня не слушается, Васенька тоже шалит, обижает маму и тоже меня не слушается, курить еще не курит, но наверное его Иосиф скоро научит, т. к. он его всегда угощает своей папироской».

Н. Аллилуева — Е. Джугашвили. 8 октября 1922 г.

Сталин любил своего младшего сына.

Краскова В. С. 117

Нельзя не передать здесь другой эпизод, рассказанный мне Бухариным, видимо, в 1924 г., когда, сближаясь со Сталиным, он сохранял еще очень дружественное отношение со мной.

«Только что вернулся от Кобы, — говорил он мне. — Знаете, чем он занимается? Берет из кровати своего годовалого мальчика, набирает полон рот дыму из трубки и пускает ребенку в лицо...

— Да что вы за вздор говорите! — прервал я рассказчика.

— Ей-богу, правда! Ей-богу, чистая правда, — поспешно возразил Бухарин с отличавшей его ребячливостью. — Младенец захлебывается-заливается: ничего, мол, крепче будет...

Бухарин передразнил грузинское произношение Сталина.

— Да ведь это же дикое варварство!

— Вы Кобы не знаете: он уж такой особенный...» Мягкому Бухарину первобытность Сталина, видимо, слегка импонировала. Нельзя не согласиться, что отец был, действительно, «особенным». Он «закалял» младшего сына дымом и, наоборот, отучал старшего сына от дыма при помощи тех педагогических приемов, которые применял некогда к нему самому сапожник Виссарион...

Эмиль Людвиг, опасавшийся встретить в Кремле надменного диктатора, на самом деле встретил человека, которому он, по собственным словам, готов был бы «доверить своих детей». Не слишком ли поспешно? Лучше бы почтенному писателю этого не делать...

Троцкий Л. С. 107–108

«Яша учится, бегают, иногда меня не слушается, но в общем — он очень хороший мальчик, только лентяйничает и поэтому не очень хорошо учится, он стал очень большой совсем как Иосиф, только голова у него к сожалению не такая».

Н. Аллилуева — Е. Джугашвили. 1 мая 1923 г.

«Я очень любила Яшу, милого, красивого: смуглое лицо, агатовые глаза, чудесная улыбка, чудные вьющиеся волосы. Очень добрый взгляд, очень дружелюбен. Он подходил к моей маме:

— Жень, дай рубль.

— Может, больше?

— Нет, рубль.

Она все удивлялась: зачем ему рубль-то нужен? Оказывается, ему папа денег не давал, вот он с рублем и ходил», — говорит сегодня Кира Павловна, племянница Сталина.

Васильева Л. С. 92

Он приходил иногда к нам на квартиру в Кремль, играл со мной, смотрел, как я делаю уроки, и с напряжением ждал, когда отец придет обедать. За столом он сидел обычно молча. Яша уважал отца и его мнения, и по его желанию стал военным. Но они были слишком разные люди, сойтись душевно им было невозможно. («Отец всегда говорит тезисами», как-то раз мне сказал Яша) Яшино спокойствие и мягкость раздражали отца, бывшего порывистым и быстрым даже в старости.

Аллилуева С. С. 145

Мама говорила, что он таким застенчивым был! Ему как-то нужны были калоши, и он пришел к отцу и не

знал, как ему сказать, чтобы ему купили калоши. Они мне так в память врезались...

Из воспоминаний дочери Н. Власика.

Цит. по: *Логинов В. С. 20*

Поражала одна его особенность, которую можно назвать нервной глухотой. Он был всегда погружен в свои какие-то скрытые внутренние переживания. Можно было обращаться к нему и говорить — он вас не слышал. Вид у него был отсутствующий. Потом он вдруг реагировал, что с ним говорят, спохватывался и слышал все хорошо.

Бажнов Б. С. 179

Я видела лишь раз или два, что он может и взорваться — внутренний жар был в нем, это происходило всегда из-за Василия, из-за привычки последнего сквернословить в моем присутствии и вообще при женщинах, и при ком угодно. Яша этого не выдерживал, набрасывался на Василия как лев, и начиналась рукопашная.

Аллилуева С. С. 144

«Алеша рассказывает очень приятные вещи про Толю (?). Молодец мальчик, про Яшу этого сказать никак не могу, я уже потеряла всякую надежду, что он когда-либо сможет взяться за ум. Полное отсутствие всякого интереса и всякой цели. Так, что-то необъяснимое. Очень жаль и очень неприятно за Иосифа,

его это (при общих разговорах с т.т.) иногда очень задевает. Но что же делать...»

Н. Аллилуева — М. Сванидзе. 11 января 1926 г.

«Яша это лето, очевидно, опять поедет на Кавказ и тогда Вы увидите, какой он стал большой и как он похож на Иосифа. Светланочка тоже похожа на него. Она очень хорошая и веселая девочка, так что мы ее все очень любим, только Васенька, хотя и очень любит ее, но все-таки немного ревнует, но это пока он еще глупенький. Вырастет немного и поймет, что не нужно этого делать».

Н. Аллилуева — Е. Джугашвили. 24 февраля 1927 г.

«Передай Яше от меня, что он поступил, как хулиган и шантажист, с которым у меня нет и не может быть больше ничего общего. Пусть живет, где хочет и с кем хочет».

Сталин — Н. Аллилуевой. 9 апреля 1928 г.

Яша всегда чувствовал себя возле отца каким-то пасынком, — но не возле моей мамы, которую он очень любил.

Аллилуева С. С. 144

Сталин его не любил и всячески угнетал. Яшка хотел учиться — Сталин послал его работать на завод рабочим. Отца он ненавидел скрытой и глубокой

ненавистью. Он старался всегда остаться незамеченным, не играл до войны никакой роли.

Бажнов Б. С. 179

Как правило, люди, неожиданно впадающие в ярость по незначительному поводу, таким образом изливают на других те чувства, которые испытывают в отношении самих себя. Есть определенные основания считать, что, выражая злость по поводу появления Якова в Москве, Сталин злился на самого себя. Другими словами, весьма вероятно, что приезд сына-грузина пробудил в Сталине глубокие чувства стыда и презрения к себе, вызванные тем, что он сам был грузином. Для Сталина это чувство было невыносимым, и поэтому он выразил его в форме презрения к Якову. Эта проекция вовне недовольства собой, вызванного несоответствием между идеальным представлением о себе и реальными достижениями, была одной из основополагающих черт характера Сталина. Он был нетерпим к любым отклонениям от идеального образа, созданного им самим. С другой стороны, эти отклонения не могли не фиксироваться в подсознательной форме, вызывая чувства раздражения и гнева и обвинения в собственный адрес, и он приобрел привычку выражать эти чувства и выдвигать такие обвинения против других. Этим отчасти объясняется то, что для Сталина часто бывали характерны дурное настроение, раздражительность и вспыльчивость.

Такер Р. С. 391

...В Урюпинске, в квартире родственников второй жены И. В. Сталина Надежды Сергеевны Аллилуевой, состоялось его (Якова) знакомство с Ольгой Голышевой, от которой у него остался сын, сегодня единственный из сталинских потомков кадровый военный, о чем так мечтал И. В. Сталин.

Колесник А. Миф и правда о семье Сталина. М., 1990. С. 404

Яков — 1907 года рождения, а Ольга — 1909. Была ли это большая взаимная любовь, нет ли — сказать трудно. Но отношения были продолжены в Москве. Рожать Ольга Голышева уехала в Урюпинск, в родительский дом. 10 января 1936 года она родила сына Евгения, а 11 января в книге регистрации новорожденных бюро ЗАГС г. Урюпинска Сталинградской области появилась актовая запись № 49. Имя новорожденного Джугашвили Евгений. Отец — Джугашвили Яков Иосифович, грузин, 27 лет, студент, мать — Голышева Ольга Павловна, русская, 25 лет, техник.

Краскова В. С. Наследники Кремля. Минск, 1997. С. 405.

(Далее цит.: *Краскова В.*)

Малыш рос бойким, смышленным. Через год он уже вовсю бегал по двору, похожий на шустрого цыганенка, без конца повторял свое ребячье «та-та-та-та». За эту скороговорку мать и ее сестра Надежда Павловна,

которая большей частью воспитывала малыша, в шутку прозвали его Таткам.

Колесник А. С. 205

— Евгений Яковлевич, Сталин знал о вашем существовании?

— Дочь Иосифа Виссарионовича Светлана Аллилуева (ныне Питерс) в свой последний приезд в Союз, будучи у меня дома, положительно ответила на этот вопрос. Однако И. В. Сталин не нашел времени или желания когда-нибудь посмотреть на меня. По утверждению С. А. Аллилуевой, ее отец видел из восьмерых внуков только троих.

Из интервью Е. Джугашвили (внука Сталина).

Цит. по: *Краскова В. Наследники Кремля. С. 411*

Первый брак принес ему [Якову] трагедию... Доведенный до отчаяния отношением отца, совсем не помогавшего ему, Яша выстрелил в себя у нас в кухне, на квартире в Кремле. Он, к счастью, только ранил себя, — пуля прошла навылет. Но отец нашел в этом повод для насмешек: «Ха, не попал!» — любил он поиздеваться. Мама была потрясена. И этот выстрел, должно быть, запал ей в сердце надолго и отозвался в нем... Отец стал относиться к нему за это еще хуже — я уже писала об этом. Мне позже об этом рассказывала няня... Должно быть, на маму произвела очень тягостное впечатление попытка Яши покончить с собой.

Аллилуева С. С. 96

Отношения у Якова с Ольгой не складывались. И через некоторое время они расстались.

Краскова В. С. 405

Яша очень любил и уважал мою маму, любил меня, любил маминых родителей. Дедушка и бабушка опекали его как могли, и он уехал потом (после первого брака и попытки самоубийства. — *Е. Г.*) в Ленинград и жил там на квартире у дедушки, Сергея Яковлевича.

Аллилуева С. С. 96

Яков Джугашвили женат был дважды, но имел трех детей от трех женщин. Первый раз был женат (неофициально. — *Е. Г.*) на однокласснице Зине, которая родила ему Ленину. Ленина умерла в младенческом возрасте.

По настоянию родственников Надежды Сергеевны Аллилуевой познакомился с Ольгой Голышевой и женился второй раз, от этого брака 12 января 1936 года родился сын Евгений.

Потом женился на танцовщице Юлии Мельцер, от этого брака родилась дочь Галина. Галина живет в России... Она замужем за алжирским коммунистом и работает переводчицей в МИДе.

Красиков С. С. 103

Мы ходили с ним на соревнования по боксу, играли в бильярд в гостинице «Метрополь». Он мог всю ночь

напролет играть в бильярд, был случай, когда он сутки подряд играл в доме отдыха, не выходя из него. У него какая-то особая любовь к бильярду была, очень азартный игрок был...

Г. Эгнатошвили.

Цит. по: Логинов В. В тени Сталина. М.: Современник, 2000. С. 20

Мама очень нежно, с истинной любовью относилась к Яше... Она делала все возможное, чтобы скрасить его нелегкую жизнь, помогала ему в его первом браке, защищала его перед отцом, всегда относившимся к Яше незаслуженно холодно и несправедливо... Яша был моложе мамы только на семь лет. Она... заботилась о нем, утешала его в первом неудачном браке, когда родилась дочка и вскоре умерла. Мама очень огорчалась и старалась сделать жизнь Яши возможно более сносной, но это было вряд ли возможно, так как отец был недоволен его переездом в Москву, недоволен его первой женитьбой, его учебой, его характером, словом, всем.

Аллилуева С. С. 95–96

Яков очень походил на грузина, был похож на Сталина, но, видимо, в нем было больше черт от матери.

Микоян А. С. 361

Помню, в Крыму такой случай был. Мой отец там работал директором дома отдыха в Форосе, в том самом злополучном Форосе, где Горбачев во время путча

отдыхал. Там было дворцовое помещение, пристройка, отделение местного совхоза и неподалеку молочная ферма, Яша часто к нам туда приезжал и у нас практически все время находился. А там горы и скалы, понимаете ли, такие, что камень на камне висит, и такая каменоломня разрушающаяся, что вот-вот все обвалится... И вот Яша как-то ушел в эти горы на охоту. Ну, мы ждем, ждем, а его все нет и нет. Переволновались, выглядываем, места себе не находим. И вдруг я вижу, он по камням карабкается. Не то идет, не то ползет. Ружье у него за плечом, а в руках собака. Я думал, собака ранена, а она, оказывается, ха-ха... устала! И он ее несет на руках! Я у него спрашиваю: «Ты сам-то не устал, еле идешь, язык высунувши?!» И вот так он собаку нес, такой доброй души человек!

Г. Эгнатошвили.

Цит. по: Логинов В. С. 20

Во всяком случае, жизнь Яши всегда была честной и порядочной. Он был скромен, ему претило всякое упоминание о том, чей он сын... И он честно и последовательно избегал любых привилегий для своей персоны, да у него их никогда и не было.

Аллилуева С. С. 148

Он окончил железнодорожный институт и перед войной уже заканчивал Военно-артиллерийскую академию. И были все основания, что его можно было оставить при Генеральном штабе, но он ушел на фронт в

первые дни войны, в июне уже был на передовой, потом плен и смерть...

Г. Эгнатошвили.

Цит. по: *Логинов В. С. 20*

Не знаю, почему Яша сделался профессиональным военным. Он был глубоко мирный человек — мягкий, немного медлительный, очень спокойный, но внутренне твердый и убежденный. Он был похож на отца миндалевидным, кавказским разрезом глаз, и больше ничем... Больше он походил на свою мать, Екатерину Сванидзе, умершую, когда ему было два года. Это сходство бросается в глаза и на портретах. Очевидно, и характер достался ему от нее — он не был ни честолюбив, ни властолюбив, ни резок, ни одержим. Не было в нем противоречивых качеств, взаимоисключающих стремлений, не было в нем и каких-либо блестящих способностей, он был скромн, прост, очень трудолюбив и трудоспособен, и очаровательно спокоен.

Аллилуева С. С. 143–144

А вот его сын Василий вырос другим.

Рыбин А. С. 41

Когда Яков окончил институт и стал инженером, он бывал у Сталина, и у них сложились вроде бы нормальные отношения.

Но Сталину не нравилось, что Яков стал энергетиком, и он посоветовал сыну пойти в армию и стать офицером артиллерии. Яков сразу же согласился, был принят в Московскую артиллерийскую академию, которую закончил перед войной, и был назначен командиром артиллерийской батареи. Там же служил Артем — сын Сергеева (Артема), известного большевика, умершего в начале 1920-х гг.

Микоян А. С. 361–362

Уезжая в Кронштадт на подавление мятежа,— известный большевик Артем (Сергеев) попросил Сталина:

— Если со мной что случится, присмотри, за моими!

Случилось немного позже, летом. После, гибели Артема остались его жена и крошечный сын, родившийся в марте 1921 года и названный Артемом. Он появился на свет в том же знаменитом московском родильном доме Грауэрмана, что и сын Сталина Василий — разница в неделю.

Сталин не забыл семью погибшего друга. Артем рос вместе с Василием. Старший сын Сталина Яков жил уже отдельно, а Светлана родилась позднее.

Чуев Ф. С. 58

Когда я стал ходить к Сталину и бывать у него на квартире, Яков заглядывал туда редко. Он жил отдельно, имел свою семью, и я видел его за семейным столом всего несколько раз, причем он всегда был один. При мне никогда он не был у отца с женой и с дочерью.

Любовная драма

...В те годы вообще жизнь была куда проще, — отец еще ходил пешком по улицам, как все люди (правда, он больше любил всегда машину). Но и это казалось чрезмерным выпячиванием среди остальных.

Аллилуева С. С. 99

Возвращался с работы часто пешком вместе с Молотовым.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 96

— Помню метель, снег валит, мы идем со Сталиным вдоль Манежа. Это еще охраны не было. Сталин в шубе, валенках, ушанке. Никто его не узнает. Вдруг какой-то нищий к нам прицепился: «Подайте, господа хорошие!» Сталин полез в карман, достал десятку, дал ему, и пошли дальше. А нищий нам вслед: «У, буржуи проклятые!» Сталин потом смеялся: «Вот и пойми наш народ! Мало дашь — плохо, много — тоже плохо!»

В. Молотов.

Цит. по: Чуев Ф. С. 369

Вставал т. Сталин обычно часов в 9, завтракал и в 11 часов был на работе в ЦК на Старой площади. Обедал на работе, ему приносили в кабинет из столовой ЦК. Иногда, когда в Москву приезжал т. Киров, они вместе ездили обедать домой. Работал т. Сталин часто до глубокой ночи, особенно в те годы, когда после смерти Ленина пришлось активизировать борьбу с троцкистами.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 95

Именно в эти годы Сталин проявил себя дальновидным психологом и стратегом. На вопрос, что же дальше, Сталин ответил так: «Дальше некуда идти, товарищи, ибо пройдены все пределы допустимого в партии. Нельзя больше болтаться в двух партиях одновременно, и в старой ленинской партии, и в новой троцкистской партии...»

Назаров Г. С. 123

Однажды говорил я со Сталиным, и вдруг он говорит мне со свойственным ему грузинским акцентом: «Большой антисемитизм!» Я спрашиваю Сталина: «А что же делать?» На это Сталин отвечает коротко: «Слишком много евреев в политбюро. Надо их выбросить. Вот такой русский человек, как ты, должен быть представлен в политбюро», — сделал мне комплимент Сталин...

Т. В. Сапронов (ответственный работник ЦК ВКП(б)).

Цит. по: *Костырченко Г. Тайная политика Сталина. М., 2001. С. 104*

После перехода Зиновьева и Каменева в оппозицию положение резко изменилось к худшему. Теперь открылась полная возможность говорить рабочим, что во главе оппозиции стоят три «недовольных еврейских интеллигента». По директиве Сталина Угланов в Москве и Киров в Ленинграде проводили эту линию систематически и почти совершенно открыто. Чтоб легче демонстрировать перед рабочими различие между «старым» курсом и «новым», евреи, хотя бы и беззаветно преданные генеральной линии, снимались с ответственных постов. Не только в деревне, но даже на московских заводах травля оппозиции уже в 1926 году принимала нередко совершенно явный антисемитский характер. Многие агитаторы прямо говорили: «Бунтуют жида».

Троцкий Л. С. 123

Из бесед с Рыковым могу сообщить, как он возмущался антисемитизмом Сталина, говорившего, что «мы теперь всех жидков из Политбюро удалили». Это после удаления из Политбюро Троцкого, Каменева, Зиновьева.

Н. Валентинов — Б. Николаевскому. Париж. 17 апреля 1956 г.

Цит. по: *Валентинов Н.*

Дело зашло так далеко, что Сталин оказался вынужден выступить с печатным заявлением, которое гласило: «Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому что они евреи, а потому что они оппозиционеры и проч.». Для всякого политически мыслящего человека было совершенно ясно, что это сознательно двусмысленное заявление, направленное против «эксцессов» антисемитизма, в то же время совершенно преднамеренно питало его. «Не забывают, что вожди оппозиции — евреи», — таков был смысл заявления Сталина, напечатанного во всех советских газетах. Сам Сталин в виде многозначительной «шутки» сказал Пятакову и Преображенскому: «Вы теперь против ЦК прямо с топорами выходите, тут видать вашу «православную» работу. Троцкий действует потихоньку, а не с топором».

Троцкий Л. С. 329

После устранения из политбюро Троцкого, Каменева и Зиновьева в народе родилась острота: «Раньше в политбюро пахло чесноком, а теперь — шашлыком. Имел хождение также следующий анекдот: «Один еврей спрашивает другого — чем Сталин похож на Моисея? И отвечает — Моисей вывел евреев из пустыни, а Сталин вывел их из политбюро».

Костырченко Г. В. С. 104

Молотов рассказывал, что над Сталиным, когда он плывал по Черному морю на пароходе «Троцкий», подшучивали из Политбюро:

— Долго ты еще будешь на Троцком ездить? Зато из Одессы Троцкий отплывал навеки за рубеж на пароходе «Ильич». Может, случайность...

А когда еще до этого он отправлялся с огромным количеством багажа на поезде малой скоростью в ссылку в Алма-Ату, он выяснил у Сталина:

— Тише едешь, дальше будешь?

— Дальше едешь, тише будешь, — уточнил Сталин.

Чуев Ф. С. 533–534

В 1927 году в здание комендатуры на Лубянке была брошена бомба. Я в это время находился в Сочи в отпуске. Начальство срочно вызвало меня и поручило мне организовать охрану Особого отдела ВЧК, Кремля, а также охрану членов правительства на дачах, прогулках, поездках и особое внимание уделить личной охране т. Сталина. До этого времени при т. Сталине находился только один сотрудник, который сопровождал его, когда он ездил в командировки. Это был литовец Юсис. Вызвал Юсиса и на машине отправился с ним на подмосковную дачу, где обычно отдыхал т. Сталин. Приехав на дачу и осмотрев ее, я увидел, что там царил полный беспорядок. Не было ни белья, ни посуды, ни обслуживающего персонала. Жил на даче один комендант.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 94

Семья Сталина жила в бывшем имении нефтепромышленника Зубалова, это недалеко от станции

Усово — по ветке Белорусской железной дороги. У бывшего хозяина там было две усадьбы. В одной поселились Микоян с семьей, Ворошилов, Шапошников, а в другой — Сталин.

Грибанов С. С. 40

Отец немедленно расчистил лес вокруг дома, половину его вырубил, — образовались просеки; стало светлее, теплее и суше. Лес убирали, за ним следили, сгребали весной сухой лист. Перед домом была чудесная, прозрачная, вся сиявшая белизной, молоденькая березовая роща, где мы, дети, собирали всегда грибы. Неподалеку устроили пасеку и рядом с ней две полянки засевали каждое лето гречихой, для меда. Участки, оставленные вокруг соснового леса — стройного, сухого, — тоже тщательно чистились; там росла земляника, черника, и воздух был какой-то особенно свежий, душистый. Я только позже, когда стала взрослой, поняла этот своеобразный интерес отца к природе, интерес практический, в основе своей — глубоко крестьянский. Он не мог просто созерцать природу, ему надо было хозяйствовать в ней, что-то вечно преобразовывать. Большие участки были засажены фруктовыми деревьями, посадили в изобилии клубнику, малину, смородину. В отдалении от дома отгородили сетками небольшую полянку с кустарником и развели там фазанов, цесарок, индюшек; в небольшом бассейне плавали утки. Все это возникло не сразу, а постепенно расцветало и разрасталось, и мы, дети, росли, по существу, в условиях маленькой помещичьей усадьбы с ее деревенским бытом, — косьбой сена, собиранием грибов и ягод, со свежим

ежегодным «своим» медом, «своими» соленьями и маринадами, «своей птицей».

Аллилуева С. С. 30–31

Как я узнал от Юсиса, т. Сталин приезжал на дачу с семьей только по воскресеньям и питался бутербродами, которые они привозили с собой из Москвы.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 54

Взрослые часто веселились — должно быть, по праздникам, или справляли дни рождения... Тогда появлялся С. М. Буденный с лихой гармошкой и раздавались песни — украинские, русские. Особенно хорошо пели С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов. Отец тоже пел, у него был отличный слух и высокий, чистый голос (а говорил он, наоборот, почему-то глуховатым и низким негромким голосом). Не знаю, пела ли мама, или нет, но, говорят, что в очень редких случаях она могла плавно и красиво танцевать лезгинку. Вообще же, грузинское не культивировалось у нас в доме — отец совершенно обрусел.

Аллилуева С. С. 166

На семейных обедах у Сталина в начале 30-х годов бывали, кроме него самого и Надежды Сергеевны как хозяев, мать и отец Аллилуевы — родители Нади, ее брат с женой, сестра Анна Сергеевна с мужем Реденсом (начальником Управления внутренних дел Московской области), очень хорошим товарищем, поляком по

национальности. Сталин и его расстрелял, несмотря на то, что должен был бы отлично знать его и доверять ему. Эти обеды проходили как все семейные обеды. Мне было приятно, что меня приглашали на них. Приглашали туда и Булганина. Сталин сажал нас рядом с собой и проявлял внимание к нам.

Хрущев Н. Т. 2. С. 65

Дома у Сталина обычно пели квартетом — он, Михайлов, Ворошилов и Молотов. Исключительно музыкальный, Сталин пел вторым тенором. Его любимым романсом был «Гори, гори, моя звезда», а из песен — украинская «У соседа хата била».

Рыбин А. С. 19

Словом, у нас тоже был дом как дом, с друзьями, родственниками, детьми, домашними праздниками. Так было и в городе, в нашей квартире и, особенно летом, в Зубалове. Зубалово из глуховатой, густо заросшей усадьбы с темным острокрышим домом, полным старинной мебели, было превращено отцом в солнечное, изобильное поместье, с садами, огородами и прочими полезными службами. Дом перестроили: убрали старую мебель, снесли высокие готические крыши, перепланировали комнаты. Только в маленькой маминной комнатке наверху сохранились — я еще помню их — стулья, стол и высокое зеркало в золоченой оправе и с золочеными резными ножками. Отец с мамой жили на втором этаже, а дети, бабушка, дедушка, кто-нибудь из гостей — внизу.

Вторая дача, «Семеновское», находилась в ста десяти километрах от Москвы, в бывшем владении фаворита Екатерины II Григория Орлова и его братьев. Там в тридцатые годы ОГПУ выстроило такой же одноэтажный дом с шестью комнатами и двумя застекленными террасами. Вокруг зеленел тоже в основном сосновый лес. Имелись три пруда. Самым же примечательным был родник-пятиключник. Каждая струя этого чуда природы была разной высоты и красоты.

Сталин приезжал в «Семеновское» редко. Может, полюбоваться на пятиключник да с компанией отдохнуть на острове посреди самого большого пруда. Однажды он посоветовал направить ключевую воду в зацветающие пруды. Местная рыба от нее почему-то стала чахнуть. Сожалея об этом, Сталин предложил исправить ошибку. Воду пустили в речку Лопасню, текущую к деревне Семеновское.

Рыбин А. С. 74

При первом тщательном медицинском осмотре в 1927 году профессор Плетнев обнаружил у него заболевание желчного пузыря, вызывавшее жалобы при диетологических нагрузках. Однако из записок Плетнева неясно, идет ли здесь речь о желчнокаменной болезни или всего лишь о нарушениях в области желчных путей. Во время этого же исследования было обнаружено «повреждение сердечной мышцы», однако отсутствие клинических или электрокардиографических данных не позволяет нам поставить точный диагноз. Вероятно, у

пациента, которому к тому времени было 48 лет, появились признаки начинающегося заболевания коронарных сосудов сердца по той причине, что отложения на внутренних стенках сосудов привели к их сужению, которое в той или иной степени нарушает снабжение сердечной мышцы кислородом. В таких случаях принято говорить о коронарносклеротической миокардиопатии, при возникновении которой особыми факторами риска являются гипертония, злоупотребление никотином и недостаточная физическая подвижность.

Ноймайр А. С. 447

В 60-е годы в редакции журнала «Октябрь» журналистка Елена Микулина рассказывала, как в молодости, в 1929 году, написала брошюру о социалистическом соревновании, тыкалась с ней в различные печатные органы и издательства, но нигде не брали:

— План забит, бумаги нет...

В общем, как всегда.

Ходила-ходила и добрела до Центрального Комитета партии:

— Я хочу попасть на прием к секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Сталину.

Товарищ Сталин очень занят, — ответила ей женщина в приемной, не поднимая головы.

— У меня очень важное дело.

— Товарищ Сталин очень занят.

— Но у меня важное неотложное дело.

— Какое дело?

— Я написала брошюру о социалистическом соревновании...

— Единственное, чем я могу вам помочь, — сказала женщина из приемной, — посоветовать вам оставить у нас вашу брошюру, мы вам ответим.

Делать нечего, оставила рукопись.

Дней через десять в коридоре общежития, где жила Елена Никулина, раздался телефонный звонок, и ее пригласили к аппарату.

— С вами говорит Товстуха, — раздалось в трубке.

— Какая толстуха?

— Не какая, а какой, — с обидой в голосе уточнил говоривший. — Помощник товарища Сталина. Товарищ Сталин ознакомился с вашей работой и хотел бы с вами поговорить.

Помощник назвал день и время и спросил:

— Вам удобно?

— Конечно, удобно!

В назначенный день и час журналистка была в главном кабинете страны. Вошла — никого нет. Огляделась — Сталин стоял у маленького столика и листал газеты.. Он был в штатском костюме и галстук — мало кто видел его в такой одежде. Из газет потом Елена Никулина узнала, что в тот день Сталин принимал английскую правительственную делегацию...

— Какая молодая, а такие умные книжки пишет, — сказал Сталин. — А в чем ваши трудности, на что вы жалуетесь?

— Не могу нигде напечатать, товарищ Сталин.

— Да, у нас это очень трудно. Как же вам помочь? «Я подумала, одного его звонка достаточно, чтобы все было немедленно сделано», — вспоминает Е. Микулина.

А он ходил по кабинету, рассуждал:

— Как же вам помочь? А что, если я напишу предисловие к вашей брошюре?

Такое ей и в голову не могло прийти!

— У меня много работы, — продолжал Сталин, — но, если вы потерпите дней десять, я напишу предисловие.

— К вам так трудно попасть, товарищ Сталин, у вас в приемной ЦК такая мегера сидит...

— Она не мегера, у нее трудная работа. А я пришлю вам предисловие по почте

Сталин понимал, что, когда выйдет брошюра неизвестной журналистки с его предисловием, она сразу станет всесоюзно знаменитым человеком, и он спросил:

— А что вы собираетесь делать дальше?

Хочу поехать по стройкам пятилетки, написать...

— Это хорошо.

— Но я работаю в журнале «Крестьянка», там сельскохозяйственный профиль, и меня не пошлют на промышленные объекты.

— Я думаю, что вас командирует наша газета «Правда».

— Но я там никого не знаю.

Тут Сталин впервые улыбнулся и сказал:

— Пошлют!

А Елена подумала о том, что в кабинете у Сталина нет ни секретаря, ни стенографистки, нигде ничего не фиксируется...

Но дней через десять в общежитие ей действительно принесли пакет с грифом «Генеральный секретарь ЦК ВКП(б)». На нескольких страничках на машинке там было предисловие Сталина.

Она взяла эти странички и отправилась в издательство, где ей упорно отказывали.

Увидев ее, редактор воскликнул:

— Товарищ Микулина, я же вам объяснял, что план забит, бумаги нет...

— А если к моей брошюре будет предисловие одного из членов Политбюро? — спросила Микулина.

— Ну, тогда издадим в этом году, — улыбнулся редактор.

— А если будет предисловие товарища Сталина?

— Издадим немедленно, — развел руками редактор.

Больше не говоря ни слова, она положила перед редактором предисловие Сталина.

Тот быстро пробежал странички, еще раз прочитал, бережно взял текст в руки и исчез. Микулина осталась одна. Минут через двадцать появились трое: редактор, главный редактор и директор издательства.

— Товарищ Микулина, — обратился директор, — что же вы ко мне не зашли? Эх, молодежь, учить вас надо! Ко мне следовало сразу зайти, вот договор подпишите, пока касса не закрылась, получите гонорар...

Когда Микулина вернулась в свое общежитие, по всей Москве пролетел слух, что сам Сталин написал предисловие молодой журналистке. Первым к ней прибежал корреспондент журнала «Огонек»:

— Товарищ Микулина, как бы нам это предисловие отдельно напечатать...

Микулина решила справиться на этот счет у помощника Сталина, позвонила Товстухе, и тот ответил:

— Мы это предусмотрели. Отвечайте корреспондентам, что скоро эта статья будет опубликована в газете «Правда».

Все это может показаться фантастикой, но я открываю 12-й том сочинений И. В. Сталина и на 108-й странице читаю заголовок: «Соревнование и трудовой подъем масс. Предисловие к книжке Е. Микулиной «Соревнование масс».

Сталин пишет:

«Социалистическое соревнование есть выражение деловой революционной самокритики масс, опирающейся на творческую инициативу миллионов трудящихся...»

Я думаю, что брошюра т. Е. Микулиной является первой попыткой дать связное изложение материалов из практики соревнования, демонстрирующее дело соревнования как дело самих трудящихся масс. Достоинство этой брошюры состоит в том, что она представляет простой и правдивый рассказ о тех глубинных процессах великого трудового подъема, которые составляют внутреннюю пружину социалистического соревнования.

11 мая 1929 г.».

Четыре странички в 12-м томе, заканчивающиеся такой сноской:

«Правда» № 114,

22 мая 1929 г.

П о д п и с ь: И. Сталин.

Чуев Ф. С. 554–557

Хочу описать еще одну встречу со Сталиным, которая произвела на меня сильное впечатление. Это произошло, когда я учился в Промакадемии. Первый выпуск ее слушателей состоялся в 1930 году. Тогда директором у нас был Каминский, старый большевик, хороший товарищ. Я к нему относился с уважением. Мы его попросили, чтобы он обратился к Сталину с просьбой принять представителей партийной организации Промышленной академии в связи с первым выпуском слушателей. Мы хотели услышать напутственное слово от товарища Сталина. У нас был запланирован вечер в Колонном зале Дома союзов, посвященный выпуску слушателей, и мы просили, чтобы Сталин выступил на этом торжественном заседании. Нам сообщили, чтобы мы выделили своих представителей, и Сталин примет человек шесть или семь. В их числе был и я как секретарь партийной организации. Остальные участники этой встречи уже окончили Промышленную академию, а я попал именно как представитель партийной организации.

Пришли к Сталину. Он сейчас же принял нас, и началась беседа. Сталин развивал такую тему: надо учиться, надо овладевать знаниями, но не разбрасываться, а знать свое конкретное дело глубоко и в деталях. Нужно, чтобы из вас получились подготовленные руководители, не вообще какие-то специалисты по общему руководству делом, а с глубоким знанием именно своего дела. Тут он привел такой пример: если взять нашего специалиста, русского инженера, то это специалист очень образованный и всесторонне развитый. Он может поддерживать разговор на любую тему и в обществе дам, и в своем кругу, он сведущ в вопросах литературы, искусства и других. Но когда потребуются его конкретные знания, например, машина остановилась, то он сейчас же пошлет других людей, которые бы ее исправили. А вот немецкий инженер будет в обществе более скупен. Но если ему сказать, что остановилась машина, он снимет пиджак, засучит рукава, возьмет ключ, сам разберёт, исправит и пустит машину. Вот такие люди нужны нам: не с общими широкими знаниями, это тоже очень хорошо, но, главное, чтобы они знали свою специальность и знали ее глубоко, умели учить людей.

Хрущев Н. *Т. 1. С. 54–55*

А какие чудесные бывали у нас в доме детские праздники! Приглашались дети — человек 20—30, весь тогдашний Кремль. Тогда в Кремле жило очень много народу, и жили просто, весело. Всегда устраивалась — и долго подготавливалась, вместе с Александром Ивановичем и Наталией Константиновной — детская самодеятельность.

Я помню свой последний (при маме) день рождения в феврале 1932 года, когда мне исполнилось 6 лет. Его справляли на квартире в Кремле — было полно детей. Ставили детский концерт: немецкие и русские стихи, куплеты про ударников и двурушников, украинский гопак в национальных костюмах, сделанных нами же из марли и цветной бумаги. Артем Сергеев (ныне генерал, кавалер всех орденов, а тогда ровесник и товарищ моего брата Василя), накрытый ковром из медвежьей шкуры и стоя на четвереньках, изображал медведя, а кто-то читал басню Крылова. Публика визжала от восторга. По стенам были развешены наши детские стенгазеты и рисунки. А потом вся орава — и дети, и родители — отправились в столовую, пить чай с пирожными и сладостями. Отец тоже принимал участие в празднике. Правда, он был пассивным зрителем, но его это занимало, изредка, для развлечения он любил детский гвалт. Все это врезалось в память навсегда.

Аллилуева С. С. 164–165

Жена его, Надежда Сергеевна, очень скромная женщина редко обращалась с какими-нибудь просьбами, скромно одевалась, не в пример женам многих ответственных работников.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 95

Это была очень приветливая женщина, сдержанная, контролировала свое поведение очень строго, держала себя скромно, чтобы ни в чем не было видно, что она жена Сталина — ответственного работника. Вела себя

образцово, как рядовая коммунистка. В то время мы часто обедали у Сталина. Обед был простой: из двух блюд, закусок было мало, лишь иногда селедка — так, как и у всех у нас тогда было. Иногда была бутылка легкого вина, редко водка, если приходили русские люди, которые больше любили водку. Пили очень мало, обычно по два бокала вина.

Микоян А. С. 360

Жил т. Сталин с семьей очень скромно. Ходил он в старом, сильно потертом пальто. Я предложил Надежде Сергеевне сшить ему новое пальто, но для этого надо было снять мерку или взять старое и с него сделать в мастерской точно такое новое. Мерку снять не удалось, так как он наотрез отказался, сказав, что новое пальто ему не нужно. Но нам все-таки удалось сшить ему новое пальто.

Власик Н. С. 95

...Надежда Сергеевна была принципиальным партийцем и в то же время чуткой и хлебосольной хозяйкой. Я очень сожалел, когда она умерла.

Хрущев Н. Т. 2. С. 89

Надю Аллилуеву невозможно представить себе покупающей драгоценности за границей на кредитную карточку «Америкэн экспресс». Век Раисы Горбачевой настал много позже...

Аллилуева С. С. 123

Видимо, она принадлежала к такому типу женщин, которые были максималистами в любви. Логично предположить, что Надежда очень любила Сталина, и это чувство было настолько сильным, всепоглощающим, что не оставляло даже места для любви к детям.

Аллилуев В. С. 28

Ей, с ее некрепкими нервами, совершенно нельзя было пить вино, оно действовало на нее дурно, поэтому она не любила и боялась, когда пьют другие. Отец как-то рассказывал мне, как ей сделалось плохо после вечеринки в Академии, — она вернулась домой совсем больная оттого, что выпила немного и ей стало сводить судорогой руки. Он уложил ее, утешал, и она сказала: «А ты, все-таки, немножко любишь меня!..» Это он сам рассказывал мне уже после войны, — в последние годы он все чаще и чаще возвращался мыслью к маме и все искал «виновных» в ее смерти.

Аллилуева С. С. 100

...Они умели обижаться оба — надолго обижаться, но все-таки это была любовь — любовь двух странных, точнее, страшных для семейной жизни людей.

Радзинский Э. С. 298

«Ты, все-таки, немножко любишь меня!» — сказала она отцу, которого она сама продолжала любить, несмотря ни на что... Она любила его со всей силой цельной натуры однолюба, как ни восставал ее разум, —

сердце было покорено однажды, раз и навсегда. К тому же мама была хорошей семьянинкой, для нее слишком много значили муж, дом, дети и ее собственный долг перед ними. Поэтому — я так думаю — вряд ли она смогла бы уйти от отца, хотя у нее не раз возникала такая мысль. Вряд ли... К числу порхающих женщин ее никак нельзя было отнести, она была слишком строгой к самой себе.

Аллилуева С. С. 101

В нашей-то семье знали, что Надежда и Сталин любили друг друга...

Аллилуев В. С. 32

Прочтите хотя бы их письма...

Джугашвили Г. С. 123

«Дорогой Иосиф.

Как твое здоровье, поправился ли и лучше ли чувствуешь себя в Сочи? Я уехала с каким-то беспокойством, обязательно напиши. Доехали хорошо, как раз к сроку. В понедельник 2/IX письменный экзамен по математике, 4/IX физическая география и 6/IX русский яз. Должна сознаться тебе, что я волнуюсь. В дальнейшем дела складываются так, что до 16/IX я свободна, по крайней мере, это сейчас так говорят, какие будут изменения в дальнейшем не знаю. Словом пока никаких планов строить не могу, т. к. все «кажется». Когда будет все точно известно напишу тебе, а ты мне посоветуешь как использовать время. Москва нас

встретила холодно. Приехали в переменную погоду — холодно и дождь. Пока никого не видела и нигде не была. Слышала как будто Горький поехал в Сочи, наверное побывает у тебя, жаль, что без меня — его очень приятно слушать. По окончании моих дел напишу тебе о результатах. Тебя же очень прошу беречь себя. Целую тебя крепко, крепко, как ты меня поцеловал на прощанье».

Н. Аллилуева — Сталину. 28 августа 1929 г.

(Здесь и далее письма цит. по: Иосиф Сталин в объятиях семьи: Сб. документов. М., 1993)

«Как приехала, как твои дела с Промакадемией, что нового, — напиши».

Сталин — Н. Аллилуевой. 29 августа 1929 г.

«Что нового? Право не знаю, т. к. до сих пор еще никуда не выбиралась, только в воскресенье была в Зуб[алово], там все в порядке. Просека сделана, цыцарки живы и т. д. Грибов из-за отсутствия дождей к сожалению больше нет, так что собрали совсем немного для тебя. Светлана, увидев только меня, сразу заявила, а почему мой папа не приехал.

Вчера звонил Микоян, интересовался твоим здоровьем и моими делами. Говорил, что будет у тебя. Кстати, должна тебе сказать, что в Москве всюду хвосты и за молоком и за мясом гл[авным] об[разом]. Зрелище неприятное, а главное, все же, можно было бы путем правильной организации это все улучшить».

Н. Аллилуева — Сталину. 2 сентября 1929 г.

«Как дела с экзаменом? Целую мою Татюку».

Сталин — Н. Аллилуевой. 1 сентября 1929 г.

«Как мои дела с Промакадемией, ты спрашиваешь. Теперь могу уже сказать, что лучше, т. к. сегодня был у меня экзамен по математике письменной, который прошел удачно, но в общем мне все же не везет, а именно: утром нужно было быть в ПА (в Промакадемии. — Е. Г.) к 9-ти часам, я конечно вышла 8 $\frac{1}{2}$ и что же, испортился трамвай, стала ждать автобуса — нет его, тогда я решила, чтобы не опоздать, сесть на такси, села и что же, отъехав саженой 100, машина остановилась, у нее тоже что-то испортилось. Все это меня ужасно рассмешило, но, в конце концов, в ПА я ждала два часа начала экзамена».

Н. Аллилуева — Сталину. 2 сентября 1929 г.

«Татюка!

Как твои дела, как приехала?

Оказывается, мое первое письмо (утерянное) получила в Кремле твоя мать. До чего надо быть глупой, чтобы получать и вскрывать чужие письма».

Сталин — Н. Аллилуевой. 16 сентября 1929 г.

«Очень рада, что твои дела налаживаются. У меня тоже все пока идет хорошо за исключением сегодняшнего дня, который меня сильно взволновал. Сейчас я тебе обо всем напишу. Была я сегодня в ячейке

«Правды» за открепительным талоном и, конечно, Ковалев (в то время один из ведущих сотрудников «Правды». — *Е. Г.*) рассказал мне о всех своих печальных новостях. Речь идет о Ленинградских делах (1 сентября 1929 года «Правда» опубликовала подборку статей под общим заголовком «Направим действенную самокритику против извращений пролетарской линии партии, против конкретных проявлений правого уклона», с подзаголовком «Коммунары Ленинграда, смелее развертывайте самокритику, бейте по конкретным проявлениям правого оппортунизма». После этой публикации целый ряд членов партии, раскритикованных в статье, покончили жизнь самоубийством, после чего было решено наказать работников «Правды», допустивших «перегиб» в критике. — *Е. Г.*) Ты, конечно, знаешь о них, т. е. о том, что «Правда» поместила этот материал без предварительного согласования с Ц.К., хотя этот материал видел и Н. Н. Попов и Ярославский и ни один из них не счел нужным указать Партийному отделу «Правды» о необходимости согласовать с Ц.К. (т. е. Молотовым). Сейчас же после того, как каша заварилась, вся вина пала на Ковалева, который, собственно, с ред. Бюро согласовал вопрос. На днях их всех вызывали в ЦКК. Были там тт. Молотов, Крумин (который, зная авторитет Ковалева в «Правде», его не любит чисто лично, т. к. сам авторитетом не пользуется), Ярославский и Ковалев. Заседание вел Серго. Ковалев рассказал мне, как велось заседание, а именно: Крумин плел все вроде того, что Ковалев этот материал не показал редколлегии и т. д.; Молотов заявил, что Партийный отд[ел] «Правды» не проводит линии Ц.К. и вообще занимается перегибом линии партии в самокритике. Ковалев выступил со своими объяснениями как было дело, Серго

же не дал ему договорить до конца, стукнул «традиционно» по столу кулаком и стал кричать, что до каких пор в «Правде» будет продолжаться Ковалевщина, что ЦКК не потерпит этого и в этом духе. Ковалев мне рассказал, что после подобного ответа на его объяснения он вообще понял, что здесь почва подготовлена Круминым, что ни Серго, ни Молотов абсолютно не имеют понятия, кем проведена вся работа в «Правде» по положению аппарата, что Крумин, конечно, все выдает за свои труды. Кроме этого Ковалев мне рассказал, что он очень сработался с Н. Н. Поповым, а у Крумина наоборот, против Попова зуд, и этим особенно вызвано личное обострение со стор[оны] Крумина. На заседании редакционной коллегии Криницкий выступил с заявлением, что Ковалев зиновьевец и т. д. и т. п. Словом возможно, что Ковалев и допустил ошибку, которую допустил и Ярославский и Попов, но это не значит, что дело должно принять подобный тон и оборот. Ты на меня не сердись, но серьезно, мне стало бесконечно больно за Ковалева. Ведь я знаю какую он провел колоссальную работу и вдруг по предложению Крумина редакционная кол[легия] принимает решение «освободить т. Ковал[ева] от заведующего] отд[елом] партийной жизни, как невыдержанного партийца», это прямо чудовищно. Причем, вообще говоря, его может снять только Орготд[ел] ЦК, который послал его на эту работу, а не Крумин. Жаль, что тебя нет в Москве. Я лично советовала Ков[алеву] пойти обязательно к Молотову и отстаивать вопрос с принципиальной стороны, т. е. если считают, что его нужно снять, так это должно быть сделано без обвинения в партийной невыдержанности, Ковалевщины, зиновьевщины и т. д. Такими методами нельзя разговаривать с подобными

работниками. Вообще же говоря, он теперь считает, что он действительно должен уйти, т. к. при подоб[ных] услов[иях] работать нельзя.

Словом, я никак не ожидала, что все так кончится печально. Вид у него — человека убитого. Да, на этой комиссии у Серго Крумин заявил, что он не организатор, что никаким авторитетом не пользуется и т. д. Это чистейшая ложь.

Я знаю, что ты очень не любишь моих вмешательств, но мне все же кажется, что тебе нужно было бы вмешаться в это заведомо несправедливое дело».

Н. Аллилуева — Сталину. Между 16 и 22 сентября 1929 г.

«Получил письмо на счет Ковалева. Я мало знаком с делом, но думаю, что ты права. Если Ковалев и виновен в чем-либо, то Бюро редколлегии, которое является хозяином дела, — виновно втрое. Видимо в лице Ковалева хотят иметь «козла отпущения». Все, что можно сделать, сделаю, если уже не поздно». *Сталин — Н. Аллилуевой. 23 сентября 1929 г.*

«Молотову. Нельзя ли подождать с вопросом о Ковалеве в «Правде». Неправильно превращать Ковалева в козла отпущения. Главная вина остается все же за бюро редколлегии. Ковалева не надо снимать с отдела партийной жизни: он его поставил неплохо, несмотря на инертность Крумина и противодействия Ульяновой. *Сталин*».

Сталин — В. Молотову. 22/IX.29 г. Сочи.

Цит. по: Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925—1936 гг. М.: Россия молодая, 1995

«...3) Мне сообщают, что в «Правде» нашли, наконец, козла отпущения в лице молодого человека редколлегии Ковалева, на которого и решили, оказывается, взваливать всю вину за допущенную ошибку в отношении Ленинграда. Очень дешевый, но неправильный и небольшевистский способ исправления своих ошибок. Виновны прежде всего и больше всего члены бюро редколлегии, а не заведующий отделом партжизни Ковалев, которого я знаю как абсолютно дисциплинированного члена партии и который ни в коем случае не пропустил бы ни одной строчки насчет Ленинграда, если бы не имел молчаливого или прямого согласия кого-либо из членов Бюро».

Сталин — С. Орджоникидзе. 23/IX.29 г. Сочи.

«Забыл послать тебе деньги. Посылаю их (120 р.) с отъезжающим сегодня товарищем, не дожидаясь очередного фельдъегеря».

Сталин — Н. Аллилуевой. 25 сентября 1929 г.

«Ковалева пока не трогали, хотя он наделал массу глупостей. Согласен с тобой, что руководители «Правды» гораздо больше виноваты, чем Ковалев, больше того, виноваты кое-кто из аппарата ЦК... Как ни тяжело, но все-таки должен сказать, чем скорее ты приедешь, тем лучше...»

*С. Орджоникидзе — Сталину. 27 сентября 1929 г.
Москва.*

«Очень рада, что в деле Ковалева ты «выразил» мне доверие. Очень жаль, если ни чем нельзя будет скрасить эту ошибку.

Без тебя очень и очень скучно, как поправишься, приезжай и обязательно напиши мне, как себя чувствуешь. Мои дела пока идут успешно, занимаюсь очень аккуратно. Пока не устаю, но я ложусь в 11 часов. Зимой, наверное, будет труднее. Должна тебе сказать, что публика очень хорошая и живет дружно. В отношении успеваемости делают определения следующим об[разом]: кулак, средняк, бедняк. Смеху и споров ежедневно масса. Словом, меня уже зачислили в правые».

Н. Аллилуева — Сталину. 27 сентября 1929 г.

«Посылаю тебе шинель, т. к. после юга можешь сильно простудиться...»

Н. Аллилуева — Сталину. 1 октября 1929 г.

«Здравствуй Иосиф!

Посылаю тебе просимые книги, но к сожалению не все, т. к. учебника английского яз[ыка] не могла найти. Смутно, но припоминаю, как будто он должен быть в тех книгах, которые в Сочи на столе в маленькой комнате, среди остальных книг. Если ее не окажется в Сочи, то я

не могу понять, куда могла она деваться. Ужасно досадно».

Н. Аллилуева — Сталину. 5 сентября 1930 г.

«Письмо получил. Книги тоже. Английского самоучителя Московского (по методу Розендаля) у меня здесь не оказалось. Поищи хорошенько и пришли.

К лечению зубов уже приступил. Удалили негодный зуб, обтачивают боковые зубы и, вообще, работа идет вовсю. Врач думает кончить все мое зубное дело к концу сентября.

Никуда не ездил и ездить не собираюсь. Чувствую себя лучше. Определенно поправляюсь.

Посылаю тебе лимоны. Они тебе понадобятся.

Как дело с Васькой, с Сетанкой?

Целую кепку ного, очень ного».

Сталин — Н. Аллилуевой. 8 сентября 1930 г.

«За лимоны спасибо, конечно, пригодятся. Живем неплохо, но совсем уже по-зимнему — сегодня ночью было — 7° по С. Утром все крыши были совершенно белые от инея. Очень хорошо, что ты греешься на солнце и лечишь зубы. Вообще же Москва вся шумит, стучит, разрыта и т. п., но все же постепенно все налаживается. Настроение у публики (в трамв[аях] и в др. общественных местах) сносное — жужжат, но не зло. Всех нас в Москве развлек прилет Цеппелина зрелище было, действительно, достойное внимания. Глазела вся Москва на эту замечательную машину. По поводу

стих[отворца] Демьяна все скулили, что мало пожертвовал (12 сентября 1930 года инициативная группа сотрудников «Правды» обратилась к читателям: собрать средства и построить в кратчайший срок советский дирижабль «Правда». Газета ежедневно публиковала списки организаций и отдельных людей, вносивших свои сбережения на постройку дирижабля. — *Е. Г.*), мы отчислили однодневный заработок. Видела новую оперу «Алмас», где Максакова совершенно исключительно станцевала лезгинку (армянскую), я давно не видела танца, так художественно выполненного. Тебе, думаю, очень понравится танец, да и опера.

Да, все же как я ни искала твоего экз[емляра] учебника — не нашла, посылаю другой экз[емляр]. Не сердись, но нигде не нашла. В Зубалове паровое отопление уже работает и вообще все в порядке, очевидно, скоро закончат. В день прилета Цеппелина Вася на велосипеде ездил из Кремля на аэродром через весь город. Справился неплохо, но, конечно, устал».

Н. Аллилуева — Сталину. 12 сентября 1930 г.

«Как твое здоровье. Приехавшие т.т. (Уханов и еще кто-то) рассказывают, что ты очень плохо выглядишь и чувствуешь себя. Я же знаю, что ты поправляешься (это из писем). По этому случаю на меня напали Молотовы с упреками, как это я могла оставить тебя одного и тому подобные, по сути, совершенно справедливые, вещи. Я объяснила свой отъезд занятиями, по существу же, это конечно не так. И я считаю, что упреков я не заслужила, но в их понимании, конечно, да».

Н. Аллилуева — Сталину. 19 сентября 1930 г.

«Получил посылку от тебя. Посылаю тебе персики с нашего дерева.

Я здоров и чувствую себя, как нельзя лучше. Возможно, что Уханов видел меня в тот самый день, когда Шапиро поточил у меня восемь (8!) зубов сразу, и у меня настроение было тогда, возможно, неважное. Но этот эпизод не имеет отношения к моему здоровью, которое я считаю поправившимся коренным образом.

Попрекнуть тебя в чем-либо насчет заботы обо мне могут лишь люди, не знающие дела. Такими людьми и оказались в данном случае Молотовы. Скажи от меня Молотовым, что они ошиблись насчет тебя и допустили в отношении тебя несправедливость. Что касается твоего предположения насчет нежелательности твоего пребывания в Сочи, то твои попреки также несправедливы, как несправедливы попреки Молотовых в отношении тебя. Так, Татка».

Сталин — Н. Аллилуевой. 24 сентября 1930 г.

«За восемь зубов молодец. Я же соревнуюсь с горлом, сделал мне профессор Свержевский операцию, вырезал 4 куска мяса, пришлось полежать четыре дня, а теперь я, можно сказать, вышла из полного ремонта. Чувствую себя хорошо, даже поправилась за время лежания с горлом.

Персики оказались замечательными. Неужели это с того дерева? Они замечательно красивые...»

Н. Аллилуева — Сталину. 30 сентября 1930 г.

«О тебе я слышала от молодой интересной женщины, что ты выглядишь великолепно, она тебя видела у Калинина на обеде, что замечательно был веселый и тормозил всех, смущенных твоей персоной. Очень рада».

Н. Аллилуева — Сталину. 6 октября 1930 г.

«Татьяка! Получил твое письмо.

Ты что-то в последнее время начинаешь меня хвалить. — Что это значит? Хорошо, или плохо?»

Сталин — Н. Аллилуевой. 8 октября 1930 г.

«Иосиф обещал написать Вам сам, так что о нем ничего не пишу. В отношении здоровья его могу сказать, что я удивляюсь его силам и энергии. Только, действительно, здоровый человек может выдержать работу, которую несет он».

*Н. Аллилуева — Е. Джугашвили (матери Сталина).
12 марта 1931 г.*

«...В Москве очень холодно, возможно, что мне после юга так показалось, но прохладно основательно.

Москва выглядит лучше, но местами похожа на женщину, запудривающую свои недостатки, особенно во время дождя, когда после дождя краска стекает полосами. В общем, чтобы Москве дать настоящий желаемый вид требуются, конечно, не только эти меры и не эти возможности, но на данное время и это прогресс».

Н. Аллилуева — Сталину. Не позднее 12 сентября 1931 г.

«Письмо получил. Хорошо, что научилась писать обстоятельные письма. Из твоего письма видно, что внешний облик Москвы начинает меняться к лучшему. Наконец-то!

«Рабочий техникум» по электротехнике получил. Пришли мне, Татка, «Рабочий техникум» по черной металлургии. Обязательно пришли (посмотри мою библиотеку — там найдешь)».

Сталин — Н. Аллилуевой. 14 сентября 1931 г.

«Посылаю тебе просимое по электротехнике. Дополнительные выпуска я заказала, но к сегодняшнему дню не успели дослать, со следующей почтой получишь, тоже и с немец[кой] книгой для чтения — посылаю то, что есть у нас дома, а учебник для взрослого пришлю со следующей почтой».

Н. Аллилуева — Сталину. Не позднее 12 сент. 1931 г.

«Был раз (только раз!) на море. Купался. Очень хорошо! Думаю ходить и впредь».

Сталин — Н. Аллилуевой. 19 сентября 1931 г.

Она была так молода, у нее вся жизнь еще была впереди. В 1931 году ей только лишь исполнилось 30 лет. Она училась в Промышленной Академии на факультете

искусственного волокна. Это была новая область для тех лет, новая промышленная химия. Из мамы получился бы отличный специалист. Остались ее тетрадки — аккуратные, чистенькие, наверное, образцовые. Она отлично чертила, и дома, в ее комнате стояла чертежная доска. В Академии учились ее приятельницы — Дора Моисеевна Хазан (жена А. А. Андреева) и Мария Марковна Каганович. Секретарем партячейки у них был молодой Никита Сергеевич Хрущев, приехавший в Академию из Донбасса. После окончания Академии он стал профессиональным партийным работником. А мамыны приятельницы стали работать в текстильной промышленности. Она жаждала самостоятельной работы, ее угнетало положение «первой дамы королевства».

Аллилуева С. С. 94–95

Ей так хотелось быть «обычным человеком» и жить обычной жизнью. И это уважали в ней тогда, в дни все еще революционного пуританизма. «Новый класс» советских буржуа, так четко описанный Джиласом, возник позже, в особенности — после второй мировой войны... Анна Сергеевна говорит, что в самые последние недели, когда мама заканчивала Академию, у нее был план уехать к сестре в Харьков, — где работал Реденс в украинской ЧК, — чтобы устроиться по своей специальности и жить там. Анна Сергеевна все время повторяет, что у мамы это было настойчивой мыслью, что ей очень хотелось освободиться от своего «высокого положения», которое ее только угнетало. Это очень похоже на истину.

Аллилуева С. С. 120

Анна Сергеевна всегда говорит, что мама была «великомученицей», что отец был для нее слишком резким, грубым и невнимательным, что это страшно раздражало маму, очень любившую его. Как-то еще в 1926 году, когда мне было полгода, родители рассорились и мама, забрав меня, брата и няню, уехала в Ленинград к дедушке, чтобы больше не возвращаться. Она намеревалась начать там работать и постепенно создать себе самостоятельную жизнь. Ссора вышла из-за грубости отца, повод был невелик, но, очевидно, это было уже давнее, накопленное раздражение. Однако обида прошла. Няня моя рассказывала мне, что отец позвонил из Москвы и хотел приехать «мириться», и забрать всех домой. Но мама ответила в телефон, не без злого остроумия: «Зачем тебе ехать, это будет слишком дорого стоить государству! Я приеду сама». И все возвратились домой...

Аллилуева С. С. 98

Дважды она, забрав детей, уезжала к родным. Сначала Дед уступил и первым пошел на примирение. Во второй раз она не рассчитала свою власть, и ей пришлось вернуться самой, не дождавшись от него знака. Она не услышала и слова упрека: он вел себя так, словно ничего не произошло. Но ее самолюбие, уязвленное его победой, даже тут нашло повод для боли.

Джугашвили Г. С. 5

И я думаю, что именно потому, что она была женщиной умной и внутренне бесконечно правдивой, она

своим сердцем поняла, в конце концов, что отец — не тот новый человек, каким он ей казался в юности, и ее постигло здесь страшное, опустошающее разочарование.

Аллилуева С. С. 100

Но были еще причины иного рода. Видимо, трудное детство не прошло даром, у Надежды развивалась тяжелая болезнь — окостенение черепных швов. Болезнь стала прогрессировать, сопровождаясь депрессиями и приступами головной боли. Все это заметно сказывалось на ее психическом состоянии. Она даже ездила в Германию на консультацию с ведущими немецкими невропатологами.

Аллилуев В. С. 29

«Татьяка!

Напиши, что-нибудь. Обязательно напиши и пошли по линии НКВД на имя Товстухи (в ЦК). Как доехала, что видела, была ли у врачей, каково мнение врачей о твоём здоровье и т. д. — напиши.

Съезд откроем 26-го. Дела идут у нас неплохо.

Очень скучно здесь, Таточка. Сажу дома один, как сыч. За город еще не ездил, — дела. Свою работу кончил. Думаю поехать за город к ребятам завтра — послезавтра.

Ну, до свидания. Не задерживайся долго, приезжай поскорее.

Це-лу-ю.

Твой Иосиф»

Сталин — Н. Аллилуевой. 21 июня 1930 г.

«Как доехала до места? Как твои дела? Что нового? Напиши обо всем, моя Таточка».

Сталин — Н. Аллилуевой. 2 июля 1930 г.

Эту поездку ей устроил Павел Сергеевич, работавший в то время торгпредом в Германии. Врачи предписали ей полный покой и запретили заниматься какой-либо работой.

Аллилуев В. С. 29

(Канель (?) мне сказала после смерти Нади, что при просвечивании рентгеном установили, что у нее был череп самоубийцы.) Не знаю, так ли это, во всяком случае, у нее был ранний климакс и она страдала приливами и головными болями...

М. Сванидзе (сестра первой жены Сталина Екатерины Сванидзе). Из дневника от 9 мая 1935 г.

(Здесь и далее дневник М. Сванидзе цит. по: Иосиф Сталин в объятиях семьи: Сб. документов)

Сохранились приказы о предоставлении ей отпусков в связи с необходимостью лечения: с 1 декабря 1920 года, с 8 апреля 1922 года. В приказе руководства управления делами от 10 мая 1922 года указывалось: «Пом. Секретаря Б[ольшого] СНК тов. Аллилуева

переводится в группу утративших трудоспособность сроком на 2 месяца с 8.У.22 г. ввиду ее болезни».

Зенькович Н. С. 28

Вот и накладывалось одно на другое. Скандалы вспыхивали, как сухая солома жарким летом, и чаще по пустякам. Надежда не раз грозилась покончить с собой. И трагедия совершилась...

Аллилуев В. С. 29

Она очень ревновала его. Цыганская кровь.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф С. 308*

Моя няня говорила мне, что последнее время перед смертью мама была необыкновенно грустной, раздражительной. К ней приехала в гости ее гимназическая подруга, они сидели и разговаривали в моей детской комнате (там всегда была «мамина гостиная»), и няня слышала, как мама все повторяла, что «все надоело», «все опостылело», «ничего не радует», а приятельница ее спрашивала: «Ну, а дети, дети?». «Все, и дети», — повторяла мама. И няня моя поняла что, раз так, значит, действительно ей надоела жизнь... Но и няне моей, как и всем другим, в голову не могло прийти предположение, что она сможет через несколько дней наложить на себя руки...

Аллилуева С. С. 100

Она стала ходить в церковь. Все вокруг заметили это...

Христианские настроения Аллилуевой подтвердила мне недавно сноха Каменева, Галина Сергеевна Кравченко:

— Надежду Аллилуеву я часто встречала в начале тридцатых в мастерской для высших чинов Кремля, их жен и детей. У нас с ней была общая портниха. Не могу сказать, чтобы мы были близко знакомы. Сидели в мастерской, ждали, когда вызовут на примерку.

Какая она была? На мой взгляд, очень неинтересная. Серая. Скучная. И вкус ее мне, любившей всякие экстравагантности, не нравился, скучный.

Выглядела Аллилуева старше своих лет. Пожалуй, можно было дать под сорок. Если у молодой жены старый муж, они с годами сравниваются в возрасте.

Аллилуева была очень верующая. Да, да, не удивляйтесь, она в церковь ходила. Все знали и много говорили об этом. Ей, видно, разрешалось, что другим партийцам запрещалось: она состояла в партии с восемнадцатого года. Вообще, заметно было, что она немножко «того». Как теперь говорят, с фиалками в голове.

Васильева Л. С. 195–196

Вообще-то я мало знал о семейной жизни Сталина. Судить об этом я могу только по обедам, где мы бывали, и по отдельным репликам. Случалось, Сталин, когда он был под хмельком, вспоминал иной раз: «Вот я, бывало, запрусь в своей спальне, а она стучит и кричит:

«Невозможный ты человек. Жить с тобой невозможно». Он рассказывал также, что, когда маленькая Светланка сердилась, то повторяла слова матери: «Ты невозможный человек. — И добавляла: — Я на тебя жаловаться буду». — «Кому же ты жаловаться будешь?» — «Повару». Повар был у нее самым большим авторитетом.

Хрущев Н. Т. 1. С. 53

Мое последнее свидание с ней было чуть ли не накануне ее смерти, во всяком случае, за один-два дня. Она позвала меня в свою комнату, усадила на свою любимую тахту (все, кто жил на Кавказе, не могут отказаться от этой традиционной тахты) и долго внушала, какой я должна быть и как должна себя вести. «Не пей вина! — говорила она, — никогда не пей вина!» Это были отголоски ее вечного спора с отцом, по кавказской привычке всегда дававшего детям пить хорошее виноградное вино. В ее глазах это было началом, которое не приведет к добру. Наверное, она была права, — брата моего Василия впоследствии погубил алкоголизм. Я долго сидела у нее в тот день на тахте и оттого, что встречи с мамой вообще были редки, хорошо запомнила эту, последнюю.

Аллилуева С. С. 101

Я видел ее вместе с братом на праздновании 15-й годовщины Октября. Через три недели она должна была получить в Промакадемии диплом инженера-химика. Она выглядела очень бледной и усталой и не интересовалась тем, что происходило вокруг. Ее брат тоже выглядел очень обеспокоенным.

...Знаете чувство, когда при виде торжеств на Красной площади — ком в горле? Кто постарше — знает.

Васильева Л. С. 197

Надежда Аллилуева шла со своей Промакадемией в первом ряду, под знаменами. Она сразу же бросалась в глаза — высокая, в распахнутом пальто, хотя было холодно. Она улыбалась и смеялась, что-то говорила своим спутникам, — смотрела в сторону Мавзолея, махала рукой, ее белое мраморное лицо было прекрасно. Взмах руки был царственный. Она была вся... лучезарная.

Е. Лебедева.

Цит. по: *Васильева Л. С. 197*

Аллилуева была рядом со мной, мы разговаривали. Было прохладно, Сталин на Мавзолее, как всегда, в шинели. Крючки шинели были расстегнуты, полы распахнулись. Дул ветер.

Надежда Сергеевна глянула и говорит:

— Вот мой не взял шарф, простудится и опять болеть будет.

Вышло очень по-домашнему и никак не вязалось с представлениями о Сталине, о вожде, уже вросшими в наше сознание.

Кончилась демонстрация, разошлись...

Самоубийство Надежды

Большие увеличенные фотографии были развешаны по всем комнатам нашей новой квартиры в Кремле.

Мама здесь такая счастливая, такая сияющая, что глядя на это фото немыслимо, невозможно понять ее дальнейшую судьбу — вот почему многие и не понимали, и не верили...

Аллилуева С. С. 97

А на следующий день Каганович собирает секретарей московских райкомов партии и говорит, что скоропостижно скончалась Надежда Сергеевна. Я тогда подумал: «Как же так? Я же с ней вчера разговаривал. Цветущая, красивая такая женщина была». Искренне пожалел: «Ну, что же, всякое бывает, умирают люди...»

Хрущев Н. Т. 1. С. 52

Кира Аллилуева-Политковская: «На ноябрьские праздники мама с папой приходят убитые, говорят: «Надежде Сергеевне сделали операцию аппендицита, она умерла во время операции, от сердца».

Радзинский Э. С. 311

В ту ночь она застрелилась.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 308*

Самоубийство в ноябре...

Васильева Л. С. 199

Через день или два Каганович опять собирает тот же состав и говорит: «Я передаю поручение Сталина. Сталин велел сказать, что Аллилуева не умерла, а застрелилась». Вот и все. Причин, конечно, нам не излагали. Застрелилась, и все тут.

Хрущев Н. Т. 1. С. 52

Аллилуева была, по-моему, немножко психопаткой в это время.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 307*

Как видим, слухи и домашние и партийные легенды более или менее совпадают, не слишком много разноголосицы. Современники дополнили не складывающуюся картину новыми сообщениями: у Аллилуевых по линии матери была плохая наследственность — Ольга Евгеньевна страдала психическим расстройством. Оно же постигло и Анну,

старшую сестру Надежды Сергеевны, правда, она прошла через сталинскую тюрьму и одиночку и после этого заболела.

Васильева Л. С. 204

После парада все, как всегда, пошли обедать к Ворошилову. В Кремле у него большая квартира была. Туда пришли прямо с Красной площади командующий парадом (по-моему, Корк) и некоторые члены Политбюро, самые близкие Сталину. Тогда демонстрации надолго затягивались. Там они пообедали, выпили, как полагается и что полагается в таких случаях. Надежды Сергеевны там не было.

Хрущев Н. Т. 1. С. 52

У нас была большая компания после 7 ноября 1932 года на квартире Ворошилова.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф.. С. 307–308*

К праздничному вечеру у Ворошиловых Надя особенно тщательно готовилась.

Надежда-внучка: «Анна Сергеевна Аллилуева, бабушкина сестра, рассказывала об этом вечере. Надя обычно строго ходила — с пучком, а тут она сделала новую прическу, модную... Кто-то из Германии привез ей черное платье, и на нем были аппликации розами. Был ноябрь, но она заказала к этому платью чайную розу, она была у нее в волосах. И она закружилась в этом платье перед Анной Сергеевной и спросила: «Ну, как?»»

Мама сама была предельно скромна в своих жизненных запросах, только в последние годы ее жизни Павлуша, работавший в полпредстве в Берлине, прислал ей несколько хороших платьев, делавших ее совершенно неотразимой... А обычно она ходила в скромнейших тряпочках домашнего изготовления, только изредка «лучшее» платье шила портниха, но все равно она и так выглядела прекрасной.

Это полное отсутствие мещанского стяжательства многими воспринималось даже с обидой, считалось, что вот, мол, какие «убогие» старики, уж не мог зять их и приодеть получше... А зять сам носил летом полувоенный костюм из коломянки, а зимой — шерстяной, пальто носил тоже лет 15, а странную куцую шубу, крытую оленьим мехом, на беличьей подкладке, должно быть «справил» себе сразу же после революции и вместе с ушанкой носил зимой до последних своих дней...

Аллилуева С. С. 101

...На вечере у Ворошилова опять произошла сцена. Алеша Сванидзе, бывший там, рассказывал так: Дед разговаривал с дамой, сидевшей рядом. Надежда сидела напротив и говорила тоже оживленно, по видимости не обращая на них внимания. Потом вдруг, глядя в упор, громко, на весь стол, сказала какую-то колкость. Дед, не поднимая глаз, так же громко ответил: «Дура!» Она выбежала из комнаты, уехала на квартиру в Кремль. Он позднее поехал ночевать на дачу. Вечером она несколько раз звонила ему из города. Первый раз он бросил трубку.

Потом просил подходить Алешу... Предвидеть, как обернется дело, он не мог.

Джугашвили Г. С. 59–60

Совсем недавно, 8 ноября, Н.И. видел ее в Кремле на банкете в честь пятидесятилетия Октябрьской революции. Как рассказывал Н.И., полупьяный Сталин бросал в лицо Надежде Сергеевне окурки и апельсиновые корки. Она, не выдержав такой грубости, поднялась и ушла до окончания банкета.

Ларина-Бухарина А. М. Незабываемое. М., 1989. С. 204

На нее все это действовало так, что она не могла уж себя держать в руках. С этого вечера она ушла вместе с моей женой, Полиной Семеновной. Они гуляли по Кремлю. Это было поздно ночью, и она жаловалась моей жене, что вот то ей не нравилось, это не нравилось. Про эту парикмахершу... Почему он вечером так заигрывал... А было просто так, немножко выпил, шутка. Ничего особенного, но на нее подействовало.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 307*

Полина Семеновна ушла тогда вместе с мамой, чтобы не оставлять ее совсем одну. Они вышли, несколько раз обошли вокруг Кремлевского дворца, гуляя, пока мама не успокоилась.

Аллилуева С. С. 306

Она успокоилась и говорила уже о своих делах в академии, о перспективах работы, которые очень радовали и занимали. Отец был груб, ей было с ним трудно — это все знали, но ведь они прожили уже немало лет вместе, были дети, дом, семья, Надю все так любили... Кто бы мог подумать! Конечно, это не был идеальный брак, но бывает ли он вообще...

П. Жемчужина (Молотова).

Цит. по: *Аллилуева С. С.* 155

Полина Семеновна поведала о своих тяжелых переживаниях, а когда разговор коснулся преждевременно ушедших из жизни общих знакомых, она рассказала, что в ночь на 8 ноября 1932 года была с мужем на «вечеринке» по случаю 15-й годовщины Октября в кремлевской квартире Ворошилова, где был и Сталин с Надеждой Сергеевной.

Когда «вечеринка» подходила к концу, Сталин, проходя по залу, бросил окурочок папиросы в лицо Аллилуевой, сидевшей на диване рядом с Жемчужиной, после чего они обе удалились из квартиры и в ночной тиши долго бродили по безлюдному Кремлю. Аллилуева была в чрезвычайно возбужденном состоянии, плакала навзрыд и говорила, что дальше не может жить под одной крышей с человеконенавистником, сыгравшим роковую роль в ее жизни, что ей жалко несчастных детей, но терпеть выше ее сил.

Жемчужина, как могла, пыталась ее успокоить и приглашала пойти к ней, чтобы провести там остаток

ночи, но Аллилуева отказалась и, поцеловав собеседницу, ушла к себе...

Ицков И. Записки юриста. М., 1994. С. 44–45

Сталин скатал комочек хлеба и на глазах у всех бросил этот шарик в жену Егорова. Я это видел, но не обратил внимания. Будто бы это сыграло роль...

В. Молотов.

Цит. по: Чуев Ф. С. 307–308

К тому же ее постоянно снедало чувство ревности (мне в семье многие говорили, что Надежда была очень ревнивой), а «доброхотов» из числа ее окружения хватало, чтобы это чувство подогревалось. Между прочим, причиной их последней роковой ссоры в Большом театре была именно ревность. Надежде вдруг показалось, что Сталин как-то не так посмотрел на одну из балерин.

Аллилуев В. С. 28

— Что Аллилуева собой представляла? Говорят, не совсем нормальная была.

— Она похожа все-таки была на здорового человека. Нервы и прочее — это да, но нельзя считать ненормальной. Поступок ее нехороший, чего там говорить.

— Из-за чего она застрелилась, неужели Сталин так плохо к ней относился?

— Он не плохо относился, но ревность могла быть.

— Сталин гулял, что ли? У него ж работа...

— Он не гулял, но на такого человека могло подействовать...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 307–308*

(Со слов Анны Сергеевны Аллилуевой): «Она пришла и закрылась, а дед поехал на дачу». Значит, Сталина в доме не было?

Радзинский Э. С. 311

Сталин был в доме во время выстрела — он спал и не услышал выстрела...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 123*

Наиболее же достоверной информацией по этому трагическому случаю можно бы было признать рассказ А. И. Микояна одному из руководящих сотрудников службы безопасности во время прогулки в Сочи, где он находился на отдыхе: «Утром 8 ноября 1932 года мне позвонил Сталин и попросил немедленно приехать к нему на квартиру. Голос у него дрожал, он еле выговаривал слова. Сразу стало ясно, что случилось что-то невероятное. Когда я приехал, то увидел, что Сталин был в весьма подавленном состоянии. Из рассказа горничной я узнал о случившейся беде, самоубийстве Надежды

Сергеевны. Вскоре на квартиру приехали члены Политбюро с женами».

Докучаев М. С. 103

После смерти Сталина я узнал историю смерти Аллилуевой. Конечно, эта история никак документально не подтверждена. Власик, начальник охраны Сталина, рассказал, что после парада все отправились обедать к военному комиссару Клименту Ворошилову на его большую квартиру. После парадов и других подобных мероприятий все обычно шли к Ворошилову обедать.

Командующий парадом и некоторые члены Политбюро отправились туда прямо с Красной площади. Все выпили, как обычно в таких случаях. Наконец все разошлись. Ушел и Сталин. Но он не пошел домой.

Было уже поздно. Кто знает, какой это был час. Надежда Сергеевна начала беспокоиться. Она стала искать его, звонить на одну из дач. И спросила дежурного офицера, нет ли там Сталина.

— Да, — ответил он. — Товарищ Сталин здесь.

— Кто с ним?

Он сказал, что с ним женщина, назвал ее имя. Это была жена одного военного, Гусева, который тоже был на том обеде. Когда Сталин ушел, он взял ее с собой. Мне говорили, что она очень красива. И Сталин спал с ней на этой даче, а Аллилуева узнала об этом от дежурного офицера.

Утром — когда, точно не знаю, — Сталин пришел домой, но Надежды Сергеевны уже не было в живых. Она

не оставила никакой записки, а если записка и была, нам никогда об этом не говорили.

Позже Власик сказал:

— Тот офицер — неопытный дурак. Она спросила его, а он взял и сказал ей все.

Потом пошли слухи, что, возможно, Сталин убил ее. Эта версия не очень ясна, первая кажется более правдоподобной. В конце концов, Власик был его охранником...

Хрущев Н. Т. 1. С. 53–54

После демонстрации 7 ноября 1932 года некоторые члены Политбюро, секретари ЦК и видные военачальники собрались с женами на праздничный обед, на квартире К.Е. Ворошилова в Кремле. Был там и И.В. Сталин с Надеждой Сергеевной. Неожиданно, без приглашения на обед, прибыл с женой бывший начальник Главного политического управления Красной Армии, сподвижник Ворошилова и Сталина по гражданской войне С.И. Гусев (Драбкин Яков Давидович). Жена его — еврейка, очень красивая женщина, нравилась Сталину. После праздничных тостов и изрядной выпивки началось веселье, в ходе которого Сталин на виду у всех и при неблагоприятном поведении жены Гусева слишком здорово поухаживал за ней. Это был не первый случай, когда у Сталина проявлялись открытые симпатии к жене Гусева, а она со своей стороны способствовала этому. Об этом осуждающе говорили в высших кругах и решили оградить Генсека и его жену от ненужных интриг и разговоров. В этой связи несколько членов Политбюро пригласили на узкое

совещание Гусева и предупредили его, чтобы он никогда не появлялся со своей женой там, где будет присутствовать Сталин и его супруга.

Гусев обещал выполнить наказ старших партийных товарищей, однако по непонятным причинам 7 ноября появился на праздничном обеде, куда ни его и тем более его жену никто не приглашал. Остается большой загадкой цель такого непрошеного визита. Случайно ли был сделан такой шаг со стороны Гусева или кто-то стоял за ним.

Несомненно остается одно, что приход на обед и присутствие на нем супругов Гусевых обернулись для Сталина и его семьи величайшей трагедией.

Надежда Сергеевна, чтобы не быть свидетельницей бестактного поведения своего мужа, ушла тогда с обеда. Она действительно долго гуляла по Кремлю с Жемчужиной-Молотовой, а придя домой, ждала мужа с извинениями. Сталин же, будучи выпившим, пришел домой и, как ни в чем не бывало, лег спать. Утром на следующий день он был разбужен и узнал страшную весть, которая потрясла его на долгое время. Этот факт, возможно, явился причиной и другого явления, Сталин с этого момента возненавидел евреев.

А. Микоян.

Цит. по: *Докучаева М. С. 104*

Как же случилось, что Надежда Аллилуева решилась на роковой выстрел? По словам Соловова, коменданта дачи «Семеновское» (дача Ворошилова), в тот вечер за столом собрались члены правительства с женами. Понятно, сразу же возникла нескончаемая дискуссия об

оппозиции. За скорую победу над ней налили вина. Все выпили. Только Надежда не сделала это. В то время она училась в Промакадемии, где шла ожесточенная борьба между ленинцами и Бухариным, Томским, Ухановым. Вероятно, она даже в чем-то разделяла их взгляды. Сталин резко спросил:

— Ты что не пьешь?

Надежда обиженно вышла из-за стола на крыльцо.

Рыбин А. С. 7

А повод был не так уж и значителен сам по себе и ни на кого не произвел особого впечатления, вроде «и повода-то не было». Всего-навсего небольшая ссора на праздничном банкете в честь XV годовщины Октября. «Всего-навсего», отец сказал ей: «Эй, ты, пей!» А она «всего-навсего» вскрикнула вдруг: «Я тебе не — Эй!» — и встала, и при всех ушла вон из-за стола.

Аллилуева С. С. 101–102

Они тепло относились друг к другу, Н. И. (Николай Иванович Бухарин. — *Е. Г.*) и Надежда Сергеевна, тайно она разделяла взгляды Н. И., связанные с коллективизацией, и как-то улучила удобный момент, чтобы сказать ему об этом.

Ларина-Бухарина А. С. 204

Она собиралась, как на бал.

«Кто-то за ней сильно ухаживал на этом вечере. И дед сказал ей что-то грубое», — продолжает Надя Сталина.

Радзинский Э. С. 305

Они сидели друг против друга, Сталин и Надежда Сергеевна, а Н. И. рядом с ней (возможно, через человека, точно не помню).

Ларина-Бухарина А. С. 204

Что Бухарин мог приезжать к Сталину и Аллилуевой, это несомненно. Он очень обходительный, интеллигентный и очень мягкий. Но чтобы она пошла за Бухариным, а не за Сталиным, я сомневаюсь. Маловероятно. Она очень любила Сталина, это факт. Она, правда, не совсем уравновешенная была.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 307*

В печальный день похорон Н. И. вспоминал, как однажды он случайно приехал на дачу Сталина в Зубалово в его отсутствие, он гулял с Надеждой Сергеевной возле дачи, о чем-то беседуя. Приехавший Сталин тихо подкрался к ним и, глядя в лицо Н.И., произнес страшное слово: «Убью!»

Н.И. принял это за шутку, а Надежда Сергеевна содрогнулась и побледнела...

Ларина-Бухарина А. С. 204

Но я знаю из уст брата подлинную причину смерти Надежды Аллилуевой. В тот вечер на даче Ворошилова, которая была расположена по соседству с дачей Сталина, она высказала критические замечания относительно политики на селе, которая обрекла крестьян на голод. В ответ Сталин грубо и непристойно оскорбил ее перед лицом своих друзей. Надя вернулась домой и выстрелом в голову покончила с собой. В официальном сообщении говорилось только о том, что она «безвременно и скоропостижно скончалась».

Бармин А. С. 312

В самый разгар сплошной коллективизации, голода в деревне, массовых расстрелов, когда Сталин находился почти в полном политическом одиночестве, Аллилуева, видимо, под влиянием отца, настаивала на необходимости перемены политики в деревне. Кроме того, мать Аллилуевой, тесно связанная с деревней, постоянно рассказывала ей о тех ужасах, которые творятся в деревне. Аллилуева рассказывала об этом Сталину, который запретил ей встречаться со своей матерью и принимать ее в Кремле. Аллилуева встречалась с ней в городе, и настроения ее все укреплялись. Однажды, на вечеринке не то у Ворошилова, не то у Горького, Аллилуева осмелилась выступить против Сталина, и он ее публично обложил по матушке. Придя домой, она покончила самоубийством.

Троцкий Л. Т. 2. С. 304

Однажды от своей подруги и однокурсницы по Академии народного хозяйства Мины Каровьей, мать которой стала жертвой украинского голодомора, она узнала, что там огромное число людей было обречено на голодную смерть вследствие принудительных реквизиций продовольствия. В очень возбужденном состоянии она вернулась в Кремль и потребовала ответа от своего мужа. Ответ состоял в том, что он отверг все ее обвинения как сказки и запретил впредь посещать Академию. От членов политбюро она также не смогла получить никакой информации, лишь общие намеки на то, что акция, проводимая на Украине, связана с «временным экспериментальным периодом молодого советского государства». Молотов в этой связи даже назвал ее «трусливой и малодушной коммунисткой». Лишь Надежда Крупская, вдова Ленина, спокойно ее выслушала и предложила ей поехать на Украину и самой оценить ситуацию. Сталин, узнав об этом, впал в ярость, грозил жене разводом и ссылкой. Надежда не отступила от своего плана и поехала на Украину. Через две недели, увидев этот кошмар собственными глазами, она вернулась в Москву совершенно другим человеком, сразу же написала подробный доклад в Политбюро и ЦК и пригрозила мужу публикацией доклада, если не будут немедленно приняты меры для прекращения провокационных и бесчеловечных актов насилия.

Надежду ждал еще один удар, теперь уже личного характера. Когда она после возвращения вновь пришла в Академию народного хозяйства, то узнала, что Нина Каровья и еще восемь однокурсниц арестованы ГПУ. Ошеломленная подобным актом произвола, она сразу же позвонила Генриху Ягоде, тогдашнему начальнику ГПУ, и потребовала немедленно освободить этих девушек. В

ответ ей пришлось выслушать сообщение Ягоды о том, что он, к сожалению, не может пойти навстречу ее желанию, поскольку все арестованные девушки уже «скончались в тюрьме от инфекционного заболевания».

После этого отношения Надежды со Сталиным стали натянутыми, и в конечном итоге она тоже стала косвенной жертвой этого геноцида. Глубокое разочарование при виде нараставшего разложения коммунистической партии и ее заправил, а также ужас, вызванный сознанием преступной роли ее мужа как главаря этого бандитского партаппарата, стали причиной ее преждевременной смерти. Официальной причиной смерти была названа «остановка сердца», но вскоре поползли слухи о том, что она застрелилась. Позднее ее дочь Светлана косвенно подтвердила эту версию, согласно которой мать оставила письмо, свидетельствующее о суицидальных намерениях. В биографии Сталина, опубликованной в 1989 году, Дмитрий Волкогонов ставит законный вопрос: действительно ли это было самоубийство. В пользу этих сомнений говорит также рассказанное профессором Плетневым, который был свидетелем событий, происходивших в эти критические дни.

Личный врач Сталина рассказывал, что в этой кризисной семейной ситуации его попросили использовать все его влияние для того, чтобы «вразумить» Надежду. Для этого специально устроили встречу между ними на квартире врача. Вначале она поделилась с профессором своими жуткими впечатлениями о катастрофическом голоде на Украине и сказала напрямую, что ее муж обманывает советских граждан, а затем пожаловалась: «Меня обманули моя партия и ее вождь, которому я хотела самоотверженно

служить. Теперь я вижу, как все последователи Ленина один за другим уходят в никуда. Сталин — диктатор, им руководит бредовая мечта о мировой революции. Сталинский террор гуляет по стране, как дикий зверь, — мне ужасно стыдно»

Ноймайр А. С. 374–375

Это был 1932 год, когда Сталин развернул гигантскую всероссийскую мясорубку — насильственную коллективизацию, когда миллионы крестьянских семей в нечеловеческих условиях отправлялись в концлагеря на истребление. Слушатели Академии, люди, приехавшие с мест, видели своими глазами этот страшный разгром крестьянства. Конечно, узнав, что новая слушательница — жена Сталина, они прочно закрыли рты. Но постепенно выяснилось, что Надя превосходный человек, добрая и отзывчивая душа: увидели, что ей можно доверять. Языки развязались, и ей начали рассказывать, что на самом деле происходит в стране (раньше она могла только читать лживые и помпезные репортажи в советских газетах о блестящих победах на сельскохозяйственном фронте). Надя пришла в ужас и бросилась делиться своей информацией к Сталину. Воображаю, как он ее принял — он никогда не стеснялся называть ее в спорах дурой и идиоткой. Сталин, конечно, утверждал, что ее информация ложна и что это контрреволюционная пропаганда. «Но все свидетели говорят одно и то же». — «Все?» — спрашивал Сталин. «Нет, — отвечала Надя, — только один говорит, что все это неправда. Но он явно кривит душой и говорит это из трусости, это секретарь ячейки академии — Никита Хрущев». Сталин запомнил эту фамилию. В

продолжавшихся домашних спорах Сталин, утверждая, что заявления, цитируемые Надей, голословны, требовал, чтобы она назвала имена: тогда можно будет проверить, что в их свидетельствах правда. Надя назвала имена своих собеседников. Если она имела еще какие-либо сомнения насчет того, что такое Сталин, то они были последними. Все оказавшие ей доверие слушатели были арестованы и расстреляны. Потрясенная Надя наконец поняла, с кем она соединила свою жизнь, да, вероятно, и что такое коммунизм; и застрелилась. Конечно, свидетелем рассказанного здесь я не был; но я так понимаю ее конец по дошедшим до нас данным.

Хрущев Н. Т. 2. С. 436–437

Она кричала в тот вечер перед смертью: «Я вас всех ненавижу! У вас какой стол, а народ голодает!»

Троцкий Л. Т. 2. С. 304

К сожалению, никого из близких не было в Москве в ту осень 1932 года. Павлуша и семья Сванидзе были в Берлине, Анна Сергеевна с мужем — в Харькове, дедушка был в Сочи. Мама заканчивала Академию и была чрезвычайно переутомлена.

Аллилуева С. С. 190

В Архиве президента я наткнулся на «Историю болезни Аллилуевой Н. С.», составленную в Кремлевской поликлинике. Хозяин сохранил ее в личном архиве... И вот в конце я наткнулся на поразившую меня запись, сделанную в августе 1932 года: «Сильные боли в области

живота. Консилиум — на повторную консультацию через 2—3 недели».

И, наконец, последняя тревожная запись: «31. 8. 32. Консультация по вопросу операции — через 3—4 недели»... Больше записей нет.

Итак, она покончила собой в то время, когда ей предстояла операция. Об этом я нигде никогда не читал!

Видимо, не зря она ездила в Карлсбад. Все это время она испытывала «сильные боли в области живота». Ее консультируют, готовят к операции.

Но о причинах болей ничего конкретного не сказано. Вероятно, речь шла о чем-то очень серьезном, и на лечении в Карлсбаде она уже начала что-то подозревать. Не в этом ли была причина ее обостренной нервозности? И не потому ли появился у нее пистолет — странный подарок брата Павлуши? Не она ли сама попросила его подарить? Пистолет считался верным помощником партийца, когда жизнь становится невмоготу...

Так что оскорбление на том праздничном вечере пало на подготовленную почву. Она уже, видимо, знала: жить ей осталось недолго.

Радзинский Э. С. 311

Сталин и мой отец дружили. Сталин удивлялся, что отец женился на моей маме, Евгении Александровне Земляницыной, дочери священника, иронизировал — «поповская дочка».

Он послал отца с семьей в Германию работать в Торгпредстве, и мы жили в Дюссельдорфе, потом

несколько лет в Берлине. В Берлин приезжала Надежда Сергеевна на консультации к немецким врачам. У нее были сильные головные боли. Врачи отказались оперировать ее серьезное заболевание: сращение черепных швов.

К. Аллилуева (племянница жены Сталина).

Цит. по: Васильева Л. С. 228

В те времена часто стрелялись. Покончили с троцкизмом, начиналась коллективизация, партию раздирала борьба группировок, оппозиция. Один за другим кончали с собой многие крупные деятели партии. Совсем недавно застрелился Маяковский, — еще этого не забыли и не успели осмыслить...

Я думаю, что все это не могло не отразиться в душе мамы, — человека очень впечатлительного, импульсивного. Все Аллилуевы были очень деликатными, нервными, трепетными натурами. Это натуры артистов, а не политиков. «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань»... — сказал Пушкин.

Дело в том, что мама жила и действовала всю жизнь по законам чувства. Логика ее характера была логикой поэтической.

Аллилуева С. С. 106

Дети могли носить в кармане пистолет. У руководителя авиапромышленности Шахурин, высокого белобрысого мужика, был сын Володя пятнадцати лет. Парень влюбился в дочь дипломата Уманского, которого назначили послом в Штаты и Мексику. Дочь звали Нина,

тоже пятнадцать лет. Жила она в другом доме, «Доме на набережной», где квартиры были больше, где при входе к гостям цеплялись вахтеры, где от старых большевиков передалась жильцам привычка к честной бедности и чтению книжек.

Объяснялись Нина и Володя на Большом Каменном мосту, на лестнице, спускающейся к Театру эстрады. Или он просил ее не уезжать, или приревновал, или просто хвастался. Короче, девочку Шахурин-младший застрелил, наповал. И выстрелил в себя. Умер, пожив еще день. Это было в 1943 году.

Весь дом клокотал (пистолет Володе дал сын Микояна): «Вот что сыночки начальников себе позволяют!»

Сталин сказал: «Волчата»

Терехов А. *Дом на набережной // Совершенно секретно. № 305*

В тот весенний день 1943 года Нина должна была улететь в США вместе с родителями. Домой ее пошел проводить Володя Шахурин, который жил на улице Грановского. Володя любил Нину и стал упрашивать ее не улетать, остаться в Москве. Разговор происходил на Большом Каменном мосту, на площадке у лестницы, ведущей к углу нашего дома со стороны Театра эстрады. Нина посмеялась над этой просьбой и, помахав ему на прощанье, стала спускаться по лестнице. И тогда Володя достал из кармана пистолет, принадлежавший Ивану Микояну, и выстрелил сначала в Нину, затем себе в висок. Нина погибла сразу, а Володя умер в больнице на другой день. Мы играли с ребятами во дворе и, услышав

два выстрела, кинулись посмотреть, что же произошло. Когда прибежали к лестнице, все уже было кончено...

Аллилуев В. С. 123

Как рассказывал Н.И., первым, кто увидел Надежду Сергеевну мертвой, кроме няни, пришедшей ее разбудить, был Енукидзе, которому няня Светланы решилась позвонить, побоявшись сказать об этом первому Сталину. Не это ли послужило причиной того, что А.С.Енукидзе убрали раньше остальных членов ЦК?

Ларина-Бухарина А. С. 204

Каролина Васильевна Тиль, наша экономка, утром всегда будила маму, спавшую в своей комнате. Отец ложился спать у себя в комнате или в маленькой комнатке с телефоном, возле столовой. Он и в ту ночь спал там, поздно возвратясь с того самого праздничного банкета, с которого мама вернулась раньше...

...Каролина Васильевна рано утром, как всегда, приготовила завтрак в кухне и пошла будить маму. Трясаясь от страха, она прибежала к нам в детскую и позвала с собой няню, — она ничего не могла говорить. Они пошли вместе. Мама лежала вся в крови возле своей кровати; в руке был маленький пистолет «вальтер», привезенный ей когда-то Павлушей из Берлина. Звук его выстрела был слишком слабый, чтобы его могли услышать в доме. Она была уже холодной. Две женщины, изнемогая от страха, что сейчас может войти отец, положили тело на постель, привели его в порядок. Потом, теряясь, не зная, что делать, побежали звонить тем, кто был для них существеннее, — начальнику

охраны, Авелю Софроновичу Енукидзе, Полине Семеновне Молотовой, близкой маминой подруге...

Вскоре они прибежали. Отец все спал в своей комнатухе, слева от столовой. Пришли В.М.Молотов, К.Е. Ворошилов. Все были потрясены и не могли говорить.

Аллилуева С. С. 227

Сталин все спал в своей комнате. Наконец и он вышел в столовую. «Иосиф, Нади с нами больше нет», — сказали ему.

В. Молотов.

Цит. по: Чуев Ф. С. 123

Наконец и отец вышел в столовую. «Иосиф, Нади больше нет с нами», — сказали ему.

Так мне рассказывала моя няня. Я ей верю больше, чем кому-либо другому. Во-первых, потому что этот ее рассказ был исповедью передо мною, а простая женщина, настоящая христианка, не может лгать в этом никогда...

Аллилуева С. С. 227

Что запомнилось? Сталин поднял пистолет, которым она застрелилась, и сказал: «И пистолетик-то игрушечный, раз в году стрелял». Пистолет был подарочный, подарил ей свояк, по-моему...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 308*

Бабушке сообщили о случившемся сразу, как только обнаружили труп, и она на подкашивающихся ногах едва добежала до квартиры Сталина. Там уже были Молотов и Ворошилов. Был врач. Бабушку встретил совершенно убитый и ошеломленный случившимся Сталин. Ольге Евгеньевне стало совсем плохо, и врач принес ей рюмку с валерианкой. Бабушка рюмку взяла, но выпить капли не смогла, спазм сдавил ей горло, рюмка беспомощно болталась в трясущейся руке. Сталин обнимал бабушку за плечи, пытаясь успокоить, и, поняв, что валерьянку ей не выпить, взял от нее рюмку и потом, махнув рукой, сказал:

— А, давай я сам ее выпью.

Аллилуев В. С. 25

Надя Сталина: «Утром, когда пошли к ней стучать в комнату и нашли ее мертвой... роза, которая была в волосах, лежала на полу перед дверью. Она уронила ее, вбежав в комнату. Именно поэтому на надгробной плите скульптор поместил мраморную розу».

Радзинский Э. С. 311

Сталин переживал самоубийство жены тяжело и болезненно. Его долгое время боялись оставлять одного. Кто-нибудь из семьи обязательно был рядом. Моя мать, бабушка или Евгения Александровна, жена Павла, ночевали у него в кремлевской квартире.

Аллилуев В. С. 30

Кира Аллилуева-Политковская: «Рассказывала мне потом мама: Надя пришла домой, видно, все заранее продумала... Никто не слышал выстрела. Револьверчик-то был маленький, дамский... Говорят, она оставила письмо, но никто его не читал. Она оставила письмо ему — Сталину... Наверное, она в нем все вылила».

Радзинский Э. С. 306

Ревность, конечно. По-моему, совсем необоснованная. Парикмахерша была, к которой он ходил бриться. Супруга этим была недовольна. Очень ревнивый человек. Как это так, почему? Такая молодая...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 307–308*

Первые дни он был потрясен. Он говорил, что ему самому не хочется больше жить. (Это говорила мне вдова дяди Павлуши, которая вместе с Анной Сергеевной оставалась первые дни у нас в доме день и ночь). Отца боялись оставить одного, в таком он был состоянии. Временами на него находила какая-то злоба, ярость. Это объяснялось тем, что мама оставила ему письмо.

Аллилуева С. С. 105

— В народе упорно говорят о письме, которое она оставила. Говорят, кроме Сталина, только Молотов читал.

— Что она оставила? Первый раз слышу. М-да. Придумают.

Из беседы Ф. Чуева с В. Молотовым.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 307*

Это было не просто личное письмо, это было письмо отчасти политическое. И, прочитав его, отец мог думать, что мама только для видимости была рядом с ним, а на самом деле шла где-то рядом с оппозицией тех лет.

Он был потрясен этим и разгневан и, когда пришел прощаться на гражданскую панихиду, то, подойдя на минуту к гробу, вдруг оттолкнул его от себя руками и, повернувшись, ушел прочь. И на похороны он не пошел.

Аллилуева С. С. 106

— Светлана пишет, что Надежда Сергеевна оставила после себя письмо, прочитав которое «отец мог думать, что мама только для видимости была рядом с ним».

— Она, конечно, поддавалась всяким влияниям. Бухарину в какой-то мере. Енукидзе Авель... У него брат был, я забыл, как его звали, черный такой. Его называли Каин. Коли брат Авеля, значит. Каин... Енукидзе — правый, бухаринец. Едва ли он разбирался, но долго держался на поверхности.

Из беседы Ф. Чуева с В. Молотовым.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 308*

Очевидно, она написала его ночью. Я никогда, разумеется, его не видела. Его, наверное, тут же уничтожили, но оно было, об этом мне говорили те, кто его видел. Оно было ужасным. Оно было полно обвинений и упреков.

Аллилуева С. С. 105

В существование какого-то «ужасного письма», которое, якобы, оставила Надежда, я абсолютно не верю. Так или иначе, это было бы обязательно известно в семье. Да и вообще Надежда была тогда в таком состоянии, что ей было не до писем и политических сочинений. А вот версия о том, что на тумбочке в спальне Надежды лежал экземпляр «Платформы Рютина», который ей мог дать сам Сталин, вполне убедительна. Перепуганный персонал мог в суматохе принять этот документ за предсмертное письмо Сталину, породив кривотолки, слухи.

Аллилуев В. С. 31

Пустили слух, что он ее убил.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 307–308*

Тогда еще ходили глухие сплетни, что Сталин сам убил ее. Были такие слухи, и я лично их слышал. Видимо,

и Сталин об этом знал. Раз слухи ходили, то, конечно, чекисты записывали и докладывали.

Хрущев Н. Т. 1. С. 52–53

Ее внезапную смерть, о которой было объявлено в ноябре 1932 года, почти все представители власти приписали самоубийству. Но, по крайней мере, один источник сообщил, что Сталин самолично убил Надю, мать двоих его детей. Жена бывшего советского атташе в Мексике Нина Алексеева, которая много лет служила одним из секретарей Крупской в Кремле, бежав в Соединенные Штаты, рассказала в своих неопубликованных мемуарах, что госпожа Сталина была застрелена собственным супругом.

Дон Левин И. С. 298

В ноябре 1932 года, придя домой из института, я застала там Н.И. (Николая Ивановича Бухарина. — *Ред.*). Он пришел сразу же после похорон Надежды Сергеевны Аллилуевой — жены Сталина. Я увидела его взволнованного, бледного. У гроба Надежды Сергеевны был и Н. И. В такой момент Сталин счел уместным подойти к Н. И. и сказать ему, что после банкета он уехал на дачу, а утром ему позвонили и сказали о случившемся. Это противоречит тому, что сообщает Светлана — дочь Надежды Сергеевны и Сталина — в своих воспоминаниях: ей стало известно от жены Молотова через много лет после гибели матери (в газетах было сообщено, что она умерла от перитонита), что Сталин спал в соседней комнате у себя на квартире в

Кремле и не слышал выстрела. Не хотел ли он в разговоре с Н. И. отвести от себя подозрение в ее убийстве?

Было ли это убийство, или самоубийство, мне неизвестно. Н. И. убийства не исключал.

Ларина-Бухарина А. С. 204

Потом люди говорили, что Сталин пришел в спальню, где он и обнаружил мертвую Надежду Сергеевну, не один пришел, а с Ворошиловым. Так ли это было, трудно сказать. Почему это вдруг в спальню нужно ходить с Ворошиловым? А если человек хочет взять свидетеля, то, значит, он знал, что ее уже нет? Одним словом, эта сторона дела до сих пор темна.

Хрущев Н. Т. 1. С. 52–53

В мемуарах Романо-Петровой (?) события этого дня описаны так: «В этот день Сталин пошел в кремлевскую квартиру Ворошилова, чтобы обсудить с ним какие-то вопросы. Вдруг в комнату ворвалась его жена, прервала разговор и обвинила обоих в организации голода. При этом она открытым текстом назвала методы Сталина террористическими. Сталин потерял самообладание, начал бросать на пол предметы и обозвал свою жену сукой и блядью. Надежда выбежала из комнаты, преследуемая взбешенным супругом, следом бежал Ворошилов. Оказавшись в своей квартире, Сталин набросился на жену с кулаками, чему Ворошилов пытался помешать. Надежда, с горящими от ненависти глазами, кричала Сталину, что он убийца и предатель. Тут Сталин выхватил пистолет и выстрелил в нее прежде, чем

Ворошилов успел что-либо предпринять. Надежда выбросила руки вперед, ловила ртом воздух и, словно окаменев на мгновение, прошептала: «Ты погубишь партию». Потом она упала на пол, обливаясь кровью».

Ноймайр А. С. 373–374

Ей (неизвестной узнице Гулага, рассказ которой записывает автор. — *Е. Г.*) повезло. Карлаг перекрестил ее жизненный путь с судьбой Фаины Борисовны Гамарник, высокопрофессиональным медиком, работавшей в санитарном управлении Кремля... Фаина Гамарник первой была вызвана после происшествия с Аллилуевой, женой Сталина, для оказания медицинской помощи. Конец агонии произошел в полном смысле у нее на руках. Ей, врачу, сразу стало понятно, что это несчастный, тем более, роковой случай.

В Аллилуеву стреляли — спасти ее было уже невозможно. Истекающая кровью женщина сказала: «Кто?! Это Иосиф, Фаина... Не простил, что я заступилась за Надю Крупскую, когда она просила миловать. Своей рукой, сам...»

Э. Это (бывший член ЦК комсомола 30-х гг.).

Цит. по: *Грибанов С. Заложники времени. С. 43–44*

«...Вроде бы Буденный кому-то рассказывал, что Сталин поздно ночью вошел в комнату и увидел, что тяжелая бордовая штора на окне колыхается. Ему показалось, что за шторой кто-то есть. Он всегда боялся врагов, нападения, боялся, что его убьют, маньяк был и пальнул в шевелящуюся штору. А за шторой стояла

Надежда Сергеевна. Что она там делала, неизвестно, просто, может, стояла и думала, глядя в темноту ночи. Вот и получилось, что он ее случайно убил», — снохе Каменева, Галине Сергеевне Кравченко, тайна смерти Аллилуевой запомнилась в такой интерпретации.

Васильева Л. С. 203

Для того, чтобы скрыть все следы от возможного расследования в будущем, Сталин не остановился даже перед осквернением могилы. Через четыре недели после похорон жены, на которых он, кстати, не присутствовал, он приказал снять почетный караул с могилы и под покровом ночи вскрыть гроб, извлечь из него тело Надежды и заменить его останками женщины примерно того же возраста. Почетный караул был возвращен лишь тогда, когда все следы осквернения могилы были устранены. Тело Надежды было кремировано, а после ликвидации трех чекистов, ставших невольными свидетелями убийства в квартире Сталина, с лица земли исчезли не только жертва, но и свидетели, которые могли когда-нибудь дать показания против Сталина. Лишь Василий однажды в присутствии профессора Плетнева назвал своего отца убийцей. Врачи, нарушившие свой долг и покрывшие это преступление, получили от Сталина щедрые подарки, а Плетневу, именем которого в будущем была названа кремлевская поликлиника, он пообещал, что превратит ее в самую лучшую и современную клинику не только в Советском Союзе, но и во всей Европе.

Через два дня, 9 ноября 1932 года, было объявлено о скоропостижной смерти Нади Аллилуевой. Причина смерти никогда официально не называлась. Был слух о

том, что ее убили. Этот слух приобрел некоторую правдоподобность, особенно среди тех, кто знал об имевшем место прецеденте: Буденный во время ссоры убил свою жену выстрелом в спину и позже женился на молодой актрисе.

Ноймайр А. С. 374–375

Говорили, застал неверную жену с возлюбленным бравый Семен Михайлович. Скандал был, и якобы она винулась, объясняла, что хочет ребеночка, а детей у нее от Семена нет, вот и думала, может, со студентом ребенок получится, хотя знала она, что после тех, тайных, родов не родит больше...

Много лет спустя Семен Михайлович рассказывал взрослой дочери, что семейная жизнь с Надеждой Ивановной к 1924 году у него разладилась: жили как чужие.

Однажды вечером возвращался Буденный с работы. Жена была с друзьями в театре. Шел он в свою квартиру на улице Грановского, а во дворе, загораживая дорогу, стояла компания мужчин. Было темно. Тогда оперативная служба еще не слишком хорошо работала по охране особо важных людей. Буденный снял пистолет с предохранителя и прошел сквозь компанию. Вошел в квартиру. Сел на постель и стал снимать сапоги. А сапоги у него были отменные, ухоженные — без талька не снимались, не одевались. Пока снимал, пришла жена с друзьями, увидела — на столе лежит пистолет. Говоря что-то и весело смеясь, она приставила пистолет к своему виску.

Буденный снимает сапог и видит в раскрытые двери Надежду Ивановну с пистолетом у виска.

— Положи! — кричит. — Он заряжен!

Она смеется:

— Я боевая, умею обращаться...

И не закончила фразу. Грохнул выстрел. Она упала. Наповал себя уложила. Свидетелей в комнате было несколько. Все сначала окаменели...

Васильева Л. С. 244

Престиж Буденного как военного героя был настолько велик, что дело замяли, он не понес никакого наказания и стал одним из пяти Маршалов Советского Союза. Если престиж Буденного высок, то престиж Сталина несравненно выше — так распространялся этот слух.

Бармин А. С. 312

Хочу сразу разочаровать авторов, которые для придания большей достоверности своим измышлениям ссылаются на какие-то свидетельства деда или моей матери, все это преднамеренная ложь. Никто и никогда в нашей семье не сомневался, что Надежда покончила жизнь самоубийством. Более того, ее осуждали за этот жестокий поступок.

Аллилуев В. С. 25

Много лет я держу в памяти совершенно невероятную историю, рассказанную мне в юности, в

середине пятидесятых, одной старой большевичкой, бывшей слушательницей института «Красной профессуры». Она просила никогда не упоминать ее фамилии, уверяла, что ничего не боится, сейчас за это не посадят, — говорила она, — но просто стыдно, что с ее именем может быть связана такая информация. Даже не знала, как ее назвать. Позорной, что ли? Какой-то нечеловеческой. Даже звериной.

Должна сказать, что спустя много лет, сегодня, собираясь рассказать услышанное от старой большевички, я испытываю то же чувство: мне стыдно, что с моим именем может быть связано обнародование, этого предположения. Маловероятного. Ужасающего. Чудовищного.

Но «говоря — говори».

Я не записывала рассказа старой большевички, поэтому не имею права на прямую речь. Она сообщила мне, что у нее была в начале тридцатых знакомая девушка из семьи старых большевиков, которая дружила с Надеждой Аллилуевой. Аллилуева часто жаловалась подруге на грубость и равнодушие Сталина. Они были тогда чужды друг другу. Сталин, по словам Аллилуевой, много пил, просто спивался, а ей пить нельзя, у нее по наследству от матери очень слабая психика, и она вообще пить не любила. Он при всех заставлял, ну, как это грузины заставлять умеют, она злилась, дерзила ему. Оставшись наедине, он, пьяный, был невыносим. Она иногда готова была убить его.

И разговоры о женщинах. Пошлые. Она не ревновала, нет. Они ее достоинство оскорбляли, эти пьяные мужские бредни. Он, пьяный, колобродил целыми ночами, а потом спал до полудня — и все это раздражало

ее. Стыдно было: вокруг кричат «великий Сталин!», а она такого «великого» видит! И дети не радовали. Она, было, начнет заниматься ими, он грубо вмешивается. У нее опускаются руки. Она чувствует, что уходят ее лучшие годы куда-то в песок или в помойную яму.

Аллилуева рассказывала это подруге откровенно и даже плакала. Она была очень экспансивна. Говорили, что у нее случаются сильные психические срывы. Отец этой девушки, старый большевик, бывал у Сталина в доме, он видел многое из того, о чем говорила Аллилуева, и даже рассказывал, что Надежда Сергеевна сама публично одергивала выпивающего Сталина. Даже оскорбляла его.

Однажды, это было примерно за неделю до седьмого ноября, Аллилуева сказала своей подруге, что скоро с ней случится что-то страшное. Она проклята от рождения, потому что она — дочь Сталина и его жена одновременно. Этого не должно быть в человечестве. Это кровосмешение. Сталин якобы сам сказал ей это в момент ссоры. Бросил в лицо: мол, то ли от меня, то ли от Курнатовского. А когда она остолбенела, пытался поправить положение: пошутил, мол.

Она прижала к стенке свою мать, которая в молодости хорошо погуляла, и та призналась, что действительно была близка со Сталиным и со своим мужем в одно время, вроде бы то ли в декабре 1900-го, то ли в январе 1901-го, и, если честно, не знает, от кого из них родилась Надя, хотя, конечно, она на законного отца похожа, значит, от него.

Аллилуевой все же стало казаться, что она — дочь Сталина, а значит, сестра своих дочери и сына. В общем, какой-то бред. Дьявольская история.

В последние дни своей жизни она считала, что таким, как она, проклятым, не место на земле.

Девушку эту, подругу, после самоубийства Аллилуевой никто нигде больше не видел.

Какое-то древнее сочинение...

Хочется думать, что это выдумка — Царь Эдип наоборот? Или пример Лота с дочерьми?

Васильева Л. С. 208–210

Есть страшноватая легенда: появление Кобы (в доме Аллилуевых. — *Е. Г.*) не оставило равнодушным пылкую женщину, и рождение младшей дочери Аллилуевой — Нади — могло иметь отношение к этому увлечению. К счастью, это только легенда. Когда Коба знакомится с Аллилуевым, Надя уже появилась на свет.

Радзинский Э. С. 60

Что касается всяких слухов и домыслов относительно смерти Надежды, то они клубились еще в то время. Моя мама часто заговаривала об этом со Сталиным, но он только пожимал плечами и отвечал: «На каждый роток не накинешь платок».

Аллилуев В. С. 31

Слухов, легенд и сплетен так много, что их стоило бы классифицировать.

Было две версии смерти Аллилуевой: убийство и самоубийство. В первой три предположения: убита самим Сталиным, убита охранниками, убита сообщниками.

Каждая версия распадается еще на несколько. Вот основные:

«Сталин сам убил ее из ревности. Она завела роман со своим пасынком Яковом. Он застал их. С ней расправился на месте, а сыну сказал, что отомстит позднее. Поэтому-то он и Якова из немецкого плена не вызволил».

«Сталин убил ее как своего политического противника. Она возмущалась его политикой, коллективизацией, а он не мог этого слушать — правда глаза колет».

«Сталин приказал ее убить, чтобы самому не марать рук, узнав, что она политически изменила ему — вошла в группу врагов народа, была такая группа «девятиста двух».

«Она действительно была в оппозиции, входила в группу, враждебную Сталину. Сообщники, боясь, что она предаст их, убрали ее».

«Сталин приказал охране ее убить, она надоела ему ревностью, и вообще, они уже давно не жили как муж и жена. Она мешала ему жить, как он хотел, — пить вино и гулять с балеринами».

«В Аллилуеву стреляли — спасти ее было невозможно. Истекающая кровью, она сказала: «Это Иосиф. Не простил, что я заступилась за Надю Крупскую, когда она просила миловать. Своей рукой, сам...»

В этой невозможной версии меня, конечно же, привлекло появление имени Надежды Константиновны рядом с трагедией другой Надежды.

К моменту загадочной смерти Надежды Аллилуевой в Москве уже давно утвердилась традиция, согласно которой умерших высокопоставленных партийцев полагалось кремировать. Урна с их прахом замуровывалась в древние кремлевские стены. Аллилуеву как жену вождя должны были удостоить ниши в кремлевской стене. Однако Сталин возразил против кремации. Он приказал Ягоде организовать пышную похоронную процессию и погребение умершей на старинном привилегированном кладбище Новодевичьего монастыря, где были похоронены первая жена Петра Первого, его сестра Софья и многие представители русской знати.

Краскова В. Тайны кремлевской охраны. Минск, 2000. С. 232–233.

(Далее цит.: *Краскова В.*)

Ее похоронили. Сталин ходил провожать ее на кладбище.

Хрущев Н. Т. 1. С. 52

В день похорон 11 ноября 1932 года гроб с телом Надежды был установлен для прощания в здании, где теперь располагается ГУМ. Все время, пока шла процессия прощания, у изголовья гроба стояла моя мама и вытирала платком сукровицу, вытекавшую из уголка рта покойной. Когда эта печальная церемония подходила к концу, в зал вошел Сталин. Постояв несколько минут

около покойной, он вдруг сделал движение руками, как бы отталкивающее от себя гроб, и проговорил:

— Она ушла, как враг!

Затем повернулся и пошел к выходу. Взгляд его наткнулся на Павла.

— Ты подарил ей пистолет?

— Да, — упавшим голосом пробормотал Павел.

— Нашел чего подарить!

Аллилуев В. С. 29

По его лицу было видно, что он очень переживал, оплакивал ее...

Хрущев Н. Т. 1. С. 52

Кира Аллилуева-Политковская: «Она лежала очень красивая... Потом, помню, мы шли пешком на Новодевичье, бабушку — у нее после всего отнялись ноги — везли на машине».

Радзинский Э. С. 309

Хоронили маму друзья, близкие, шагал за гробом ее крестный — дядя Авель Енукидзе.

Аллилуева С. С. 105

Н.И. рассказывал, что перед закрытием гроба Сталин жестом попросил подождать, не закрывать

крышку. Он приподнял голову Надежды Сергеевны из гроба и стал целовать.

«Чего стоят эти поцелуи, — с горечью сказал Н. И., — он погубил ее!»

Ларина-Бухарина А. С. 204

Я никогда не видел его плачущим. А тут, у гроба Аллилуевой, вижу, как у него слезы покатались...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 307–308*

Его фотографий во время маминых похорон не существует, так как он на похороны не ходил. Не мог. Придя на прощание, он вдруг разъярился, оттолкнул от себя гроб руками и, круто повернувшись, ушел прочь...

Аллилуева С. С. 210

— Она пишет: «Подойдя на минуту к гробу, он вдруг оттолкнул его от себя руками и, повернувшись, ушел прочь и на похороны не пошел».

— Нет, ничего подобного, ничего подобного, — возражает Молотов. — Помню хорошо. Сталин подошел к гробу в момент прощания перед похоронами — слезы на глазах. И сказал очень так грустно: «Не уберег». Я это слышал и это запомнил: «Не уберег».

Из беседы Ф. Чуева с В. Молотовым.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 309*

Уже выходя из зала, Сталин обернулся к Енукидзе.

— Ты ее крестил, ты ее и хорони, — сказал он и ушел. На Новодевичье кладбище, где хоронили Надежду, он не пришел.

Аллилуев В. С. 29

— Говорят, Сталин не ездил на похороны.

— Вранье! Вранье. Все члены Политбюро были на похоронах. Сталин был. Он был страшно подавлен. И я в прощальной речи сказал, что помню хорошо: «Мы, друзья Сталина, считаем своим долгом облегчить его страдания сейчас, после смерти его жены».

Он вместе с нами на кладбище ездил, стоял тут же у могилы. Мне было очень тяжело выступать, потому что Сталин присутствует, вы представляете себе, как мне было выступать по случаю смерти его жены, не мое амплуа, но я выступал. Сталин предложил — пусть Каганович скажет... Трижды я так выступал — на похоронах Аллилуевой, Кирова, Сен-Катаямы. Трудно это. Очень трудно было, но я сумел себя перевести в такое состояние.

Л. Каганович.

Цит. по: Чуев Ф. С. 94

...Заговорили о Яше. Тут И[осиф] опять вспомнил его отвратительное отношение к нашей Надюше, его женитьбу, все его ошибки, его покушение на жизнь, и тут И. сказал: «Как это Надя, так осуждавшая Яшу за этот его поступок, могла сама застрелиться. Очень она плохо сделала, она искалечила меня». Сашико вставила

реплику — как она могла оставить детей? «Что дети, они забыли ее через несколько дней, а она меня искалечила на всю жизнь. Выпьем за Надю!» — сказал Иосиф. И мы пили за здоровье дорогой Нади, так жестоко нас покинувшей. Женя сказала: «У Нади были приступы тоски, Надя была больна — (это со слов Канель я сказала Нюре и Жене)». — «Я этого не знал, я не знал и того, что она постоянно принимала кофеин, чтоб подбадривать себя».

М. Сванидзе. Из дневника от 9 мая 1935 г.

Приступая к работе над этой книгой, заранее зная, что глава об Аллилуевой будет трудной и полной всяческих противоречий, я, как говорится, «прыгнула с обрыва». По ноль девять узнала телефон справочной КГБ и позвонила:

— Мне нужен отдел, в котором хранится дело о самоубийстве Аллилуевой-Сталиной.

Трубка помолчала и выдала без комментариев обычный семизначный номер. По этому номеру мне дали еще номер. И так далее. Может быть, на пятый раз я попала, не знаю куда, но куда надо. Очень доброжелательный молодой мужской голос расспросил меня. Оказывается, он даже мои стихи знает. Попросил позвонить через неделю. И я получила ответ:

ДЕЛА АЛЛИЛУЕВОЙ НЕ СУЩЕСТВУЕТ. СТАЛИН ОТДАЛ ПРИКАЗ НЕ ВОЗБУЖДАТЬ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ НИКАКИХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ.

Васильева Л. С. 203

Я часто думаю, какая судьба ждала ее дальше, если бы она не умерла? Ничего хорошего ее не ждало. Рано или поздно она оказалась бы среди противников отца. Невозможно представить себе, чтобы она молчала, видя, как гибнут лучшие старые друзья — Н.И.Бухарин, А.С.Енукидзе, Реденс, оба Сванидзе — она бы не пережила этого никогда.

Аллилуева С. С. 107

...Сказал: «Разрешите выпить за Надю». Я пишу, а у меня опять полные слез глаза, как в тот момент. Все встали и молча подходили с бокалами к И., у него было лицо, полное страдания. После двух тяжелых потерь (Кирова и Надежды. — *Е. Г.*) И. очень изменился. Стал мягче, добрее, человечнее. До Надиной смерти он был неприступный, мраморный герой.

М. Сванидзе. Из дневника от 9 мая 1935 г.

Он считал долгие годы мамино самоубийство «предательством». Только лишь в его официальной биографии, выпущенной в конце 40-х годов, наконец, в списке дат и событий была отмечена «смерть Н.С. Аллилуевой, жены и друга И.В.Сталина». До того о ее существовании официально вообще не упоминалось. Очевидно, он, наконец «простил» маму за ее «предательство»... Отец был выведен из равновесия надолго. Он ни разу не посетил ее могилу на Новодевичьем. Он не мог. Он считал, что мама ушла как его личный недруг.

Аллилуева С. С. 106

Ко множеству его «фобий» добавилась еще одна — женофобия. Не желая видеть самодовольных лиц своих ближайших соратников, живших в согласии со своими женами, он решил почти всех их «обезженить», что и произошло в годы «Большого террора».

Бажанов Б. С. 338

У многих членов нашей семьи, и у меня в том числе, было убеждение, что обида на Надежду за самоубийство была столь глубока, что Сталин никогда так и не приходил на ее могилу. Но оказалось, что это не так.

Аллилуев В. С. 29

Потом еще долго по ночам ездил к могиле. Бывало, заходил в беседку и задумчиво курил трубку за трубкой...

Рыбин А. С. 7

Также, оказалось, интересовал его и памятник, вскоре сооруженный на могиле жены. Директор Новодевичьего кладбища С. Ф. Сосенкин рассказал мне: не так давно к нему в кабинет вошел посетитель и поинтересовался, куда исчезла чугунная роза, лежавшая у основания стелы с бюстом Надежды. Станислав Федорович заверил его, что роза цела, ее убрали, чтобы уберечь от возможной кражи. Увы, нравы сегодня таковы. В разговоре выяснилось, что посетитель этот не простой, он сам отливал изящную розу из чугуна и сам лично показывал ее Сталину.

Аллилуев В. С. 30

Мне рассказывали потом, когда я была уже взрослой, что отец был потрясен случившимся. Он был потрясен, потому что он не понимал: за что? Почему ему нанесли такой ужасный удар в спину? Он был слишком умен, чтобы не понять, что самоубийца всегда думает «наказать» кого-то — «вот, мол», «на, вот тебе», «ты будешь знать!» Это он понял, но он не мог осознать — почему? За что его так наказали?

И он спрашивал окружающих: разве он был невнимателен? Разве он не любил и не уважал ее как жену, как человека? Неужели так важно, что он не мог пойти с ней лишней раз в театр? Неужели это важно?

Аллилуева С. С. 124

— Я был плохим мужем, мне некогда было ее водить в кино, — сказал Сталин.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 123*

Я никогда, конечно, не видела жену Сталина, но Семен Михайлович, вспоминая, ее, говорил, что она была немного психически нездоровая, в присутствии других пилила и унижала его. Семен Михайлович удивлялся: «Как он терпит?» Сталин жаловался, когда это случилось, Семену Михайловичу: «Какая нормальная мать оставит детей на сиротство? Я же не могу уделять

им внимание. И меня обездолила. Я, конечно, был плохим мужем, мне некогда было водить ее в кино».

М. Буденная (жена маршала).

Цит. по: *Васильева Л.*

Полина Семеновна осуждала ее поступок, говорила: «Надя была не права. Она оставила его в такой трудный период!»

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 308*

Когда-то, на похоронах первой жены, Сталин сказал:

— Это существо смягчало мое каменное сердце. На похоронах второй жены он сказал:

— Она ушла как враг.

Больше не женился.

Васильева Л. С. 190

Кстати, памятник делал знаменитый символист И. Шадр, и композиция памятника с изваянием руки, как бы лежащей на плече Надежды, прямо говорит о том, что она наложила на себя руки.

Аллилуев В. С. 30

«Н. С. АЛЛИЛУЕВА

В ночь на 9 ноября скончалась активный и преданный член партии тов. Надежда Сергеевна Аллилуева.

ЦК ВКП(б)».

Правда. 1932. 10 нояб.

«ДОРОГОЙ ПАМЯТИ ДРУГА И ТОВАРИЩА
НАДЕЖДЫ СЕРГЕЕВНЫ АЛЛИЛУЕВОЙ

Не стало дорогого, близкого нам товарища, человека прекрасной души. От нас ушла еще молодая, полная сил и бесконечно преданная партии и революции большевичка.

Выросшая в семье рабочего-революционера, она с ранней молодости связала свою жизнь с революционной работой. Как в годы гражданской войны на фронте, так и в годы развернутой социалистической стройки, Надежда Сергеевна самоотверженно служила делу партии, всегда скромная и активная на своем революционном посту. Требовательная к себе, она в последние годы упорно работала над собой, идя в рядах наиболее активных в учебе товарищей в Промакадемии.

Память о Надежде Сергеевне как о преданнейшей большевичке, жене, близком друге и верной помощнице тов. Сталина будет нам всегда дорога.

Екатерина Ворошилова, Полина Жемчужина,

Зинаида Орджоникидзе, Дора Хазан,

Мария Каганович, Татьяна Постышева,

Ашхен Микоян, К.Ворошилов, В.Молотов,

*С.Орджоникидзе, В.Куйбышев, М.Калинин,
Л.Каганович, П.Постышев, А.Андреев,
С.Киров, А. Микоян, А.Енукидзе».*

Правда. 1932. 10 нояб.

«Дорогой Иосиф Виссарионыч,

эти дни как-то все думается о вас и хочется пожать вам руку. Тяжело терять близкого человека. Мне вспоминается пара разговоров с вами в кабинете Ильича во время его болезни. Они мне тогда придали мужества.

Еще раз жму руку.

Н. Крупская».

Правда. 1932. 16 нояб.

Смерть мамы страшно ударила его, опустошила, унесла у него веру в людей и в друзей. Он всегда считал маму своим ближайшим и верным другом, — смерть ее он расценил как предательство, как удар ему в спину. И он ожесточился. Должно быть, общение с близкими было для него каждый раз тяжким напоминанием о ней. И он стал избегать этого общения.

Аллилуева С. С. 126

Присутствие Нади оказывало хорошее влияние на Сталина. Когда ее не стало, домашняя обстановка у Сталина изменилась...

Микоян А. Так было. С. 360

Еще продолжались летние поездки в Сочи, куда брали и нас. Еще приходили повидать отца дедушка, бабушка, дядя Павлуша с женой, Реденсы, Сванидзе. Все вместе ездили к отцу на Ближнюю справлять чьи-то дни рождения или Новый год. Вместе отдыхали все в Сочи.

Но все катастрофически переменялось изнутри. В самом отце что-то сломалось. И изменился дом.

Аллилуева С. С. 114

Одним из любимых Сталиным был, например, часто повторяемый самим Руставели, и, по-видимому, прилагаемый им к себе афоризм: «Моя жизнь — безжалостная, как зверь». Сталин вспоминал его особенно часто после самоубийства жены — Н.С. Аллилуевой.

Похлебкин В. С. 76

«После кончины Нади, конечно, тяжела моя личная жизнь. Но, ничего, мужественный человек должен остаться всегда мужественным».

Сталин — Е. Г. Джугашвили. 24 марта 1934 г.

Ближняя дача

Тяжело переживая разлуку с женой Надеждой Сергеевной Аллилуевой, И. В. Сталин в первые годы после ее смерти избегал общения с друзьями, ушел в одиночество и в 1934 году выехал из Кремля в московский пригород, продолжая оставлять за собой кремлевскую квартиру.

Красиков С. С. 76

Отец сменил квартиру, он не мог оставаться там, где умерла мама. Он начал строить себе отдельную дачу в Кунцеве, куда и переехал жить на следующие двадцать лет. Мы же все — дети, близкие — продолжали ездить по воскресеньям, в каникулы и летом, в Зубалово. На новой квартире в Кремле отец бывал мало, он заходил лишь обедать. Квартира для жилья была очень неудобна. Она помещалась в бельэтаже здания Сената, построенного Казаковым, и была ранее просто длинным официальным коридором, в одну сторону от которого отходили комнаты — скучные, безликие, с толстыми полутораметровыми стенами и сводчатыми потолками.

Аллилуева С. С. 114

У Сталина была дача, называлась Ближняя. Была и Дальняя, где мы очень редко бывали, и была еще третья дача, какого-то бывшего дореволюционного инженера, с озером, Соколовка называлась.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 308*

Сталин предпочитал постоянно жить в Кунцеве — ближе всех от Кремля.

Рыбин А. С. 71

Дом на Ближней даче спроектировал и построил в 1933—1934 годах архитектор Мирон Мержанов. Он же строил дачи Генсеку в Сочи, недалеко от Мацесты, у Холодной речки, не доезжая Гагр, и за Адлером, возле речки Мюссера. Помимо перечисленных, вождь имел еще дачу под Сухуми, недалеко от Нового Афона, дачный комплекс на озере Рица и дачу на Валдае.

Красиков С. С. 77

Построили там (в Кунцеве) кирпичную дачу очень быстро еще в 1931 году... Одноэтажная дача из семи комнат строилась круглые сутки.

Рыбин А. С. 5

Когда Сталину показывали место будущей дачи, здесь был дикий пустырь, голое место. Но затем был выращен искусственный лес, прорыты овраги, насыпаны холмы.

Красиков С. С. 46

Это место едва ли можно назвать райским.

Рыбин А. С. 5

Ближняя, Кунцевская, располагалась неподалеку от сегодняшнего мемориала Победы, по выезде из Москвы по Минскому шоссе с поворотом на Поклонную гору. Ее окружал густой еловый лес. Жилищ тогда поблизости не было, следовательно, не было и людей, не считая наружной охраны и милиционеров, прогуливавшихся возле обочин.

Красиков С. С. 78

С севера за сосновым лесом пролегало Можайское шоссе, откуда слышался постоянный гул транспорта, неслись частые сигналы и выхлопные газы. Западнее, в деревне Давыдково, вечерами под гармошку вовсю горланили пьяные мужики, которых неистово бранили голосистые жены. С юга, примерно на таком же расстоянии, находилась Киевская товарная станция, где не умолкал грохот буферов при сцепке вагонов, а маневровый паровоз почему-то непрестанно издавал пронзительные гудки. От всего этого содома не спасали ни сосны, ни дощатый забор.

Рыбин А. С. 5

Входить в парадные двери Сталин не любил, ибо там без необходимости могло толпиться много народа, и потому чаще всего машина подвозила его вплотную к той самой небольшой двери, в которую он незаметно и проскальзывал. Скорее всею, это диктовалось состоянием характера, скромностью, революционной привычкой к конспирации и, естественно, чувством постоянной опасности. Хотя покушений на себя Иосиф Виссарионович не боялся. Как всякий человек, он

пытался себя обезопасить от нежелательных эксцессов, но никогда в этом не усердствовал.

Красиков С. С. 77

Забор был обыкновенный — из досок. Без всякой колючей проволоки сверху. Правда, высотой в пять метров. А в 1938 году появился второй — внутренний. Трехметровой высоты, с прорезями смотровых глазков. Заставили это сделать явные угрозы оппозиции. Диверсанты могли легко преодолеть единственную преграду и захватить Сталина, Особенно трудно было бы их заметить в ночной тьме. Ведь в лесу на расстоянии двух-трех метров уже совершенно ничего не видно. Вся надежда лишь на возможный шорох лазутчика. А если ветер? Жуткое состояние! Сам переживал его много раз. Вот и пришлось подстраховаться.

Рыбин А. С. 71

Сперва у главного дома Ближней дачи второго этажа не было и на его крыше располагался солярий.

Красиков С. С. 78

Отец жил всегда внизу, и по существу, в одной комнате. Она служила ему всем. На диване он спал (ему стелили там постель), на столике возле стояли телефоны, необходимые для работы; большой обеденный стол был завален бумагами, газетами, книгами. Здесь же, на краешке, ему накрывали поесть, если никого не было больше. Тут же стоял буфет с посудой и с медикаментами в одном из отделений.

Аллилуева С. С. 24–25

Сейчас там два этажа, причем во втором этаже никогда никто не жил, — ведь отец был один в доме. Быть может, ему хотелось поселить там меня, брата, внуков? Не знаю, он никогда не говорил нам об этом. Второй этаж был пристроен в 1948 году. Позже, в 1949-м, там, в большом зале, был огромный прием в честь китайской делегации. Это был единственный раз, когда второй этаж был использован. Потом он стоял без дела.

Аллилуева С. С. 24

Владелец дома любил лесную прохладу, и второй этаж к дому, по свидетельству Светланы Иосифовны, пристроили в 1948 году, а по другим данным — во время Великой Отечественной войны. Здесь постоянно проживали представители Генерального штаба, которые вместе с Верховным решали судьбы страны и Европы.

Красиков С. С. 78

Никаких бассейнов или массажных на даче не имелось. Никакой роскоши — тоже. Солидно выглядел только паркетный пол в зале.

Рыбин А. С. 5

У него очень в комнатах по-спартански. Книги и несколько портретов, мебель простая, самая необходимая. Единственный комфорт — это диваны, их

всегда у него по несколько в каждой комнате, разных форм, а иногда и цветов.

М. А. Сванидзе. Из дневника от 28 июня 1935 г.

Спальня Сталина была где-то двадцати метров. Стены зала обили мореной фанерой под дуб, а комнат — в основном под соломку. Швы прикрыли такими же рейками.

Рыбин А. С.5

Нижняя часть стен, метра на полтора от пола, была отделана панелями из коричневой карельской березы. Под окнами навешаны батареи электрического отопления, укрытые решетками из той же карельской березы.

Середину зала во всю его длину занимал покрытый темно-зеленым бильярдным сукном стол, который окружали жесткие кресла из светлого дерева. К стене жались диваны, кресла. А пол украшал расстеленный на весь зал персидский ковер, дорогой и уникальной работы.

Одно из жестких кресел с подлокотниками, стоящее сбоку, принадлежало самому хозяину. Перед креслом на зеленом сукне лежали аккуратно заточенные, неиспользованные, простые и цветные карандаши, пачки листов чистой бумаги. Подле пепельницы — обкуренная трубка. За несколько месяцев до смерти Генсек курить перестал, однако трубку по привычке носил с собой, и даже посасывал ее, вдыхая привычный табачный аромат

Красиков С. С. 80

Откуда-то привезли деревянную полуторную кровать, на которой мы спали поочередно. Потом ее занял Сталин.

Рыбин А. С. 5

Вообще-то надо сказать, Сталин любил во всем меру. Быт его, сегодня это хорошо известно, был прост, рационален, как говорится, ничего лишнего. Все, что его окружало, носило свой особый смысл и значение. Стены зала, к примеру, были украшены портретами Горького и Шолохова... несколько увеличенных фотографий детей, переснятых со страниц журнала «Огонек». Красовался на стене и гобелен китайской работы с изображенным на нем огромным тигром. Это был подарок Мао Цзэдуна.

Красиков С. С. 81

Тут же висела в рамке, под стеклом, репродукция репинского «Ответа запорожцев султану», — отец обожал эту вещь и очень любил повторять кому угодно непристойный текст этого самого ответа...

Аллилуева С. С. 26

Вверху дачного дома располагался кинозал. Под кинозалом — рабочий кабинет И. В. Сталина, который представлял собой двадцатиметровую комнату с перпендикулярно придвинутым прямоугольным столом к овальному массивному столу хозяина. Неподалеку у

стены стояли кожаный диван и четыре стула с высокими спинками

Красиков С. С. 79–80

На диванах, на полу первого и второго этажей лежало около десятка небольших ковров разного цвета. Еще на складе хранился зарубежный подарок, сотканый из серебряных нитей.

Рыбин А. С. 73

Рядом с залом заседаний Политбюро располагалась дверь, ведущая в маленькую квадратную спальню, с двумя окнами и тусклым освещением. В ней слева от входа стояла по-старинному высокая и широкая кровать с деревянными спинками и аккуратно застеленным покрывалом. Подушки постели были тщательно взбиты, положены одна на другую и покрыты крахмальной накидкой.

Против кровати — платяной шкаф с обычными простыми створками. Дверцы шкафа приоткрыты, внутри на две трети видны вешалки, треть отдана под полку для белья.

На вешалках в шкафу (это уже после войны) висели френч и шинель с погонами генералиссимуса, брюки с красными лампасами. Вещи ношенные и не разчищенные. Здесь же находилось два темных мужских костюма, в которых ни на фото, ни в кино, ни в жизни Верховного не видели.

На полках аккуратно стопочками сложены нижние рубашки, кальсоны, черные, многократно

стиранные носки. Внизу — две пары черных ботинок, чищенных гуталином и заметно поношенных.

У той же стены стоял еще и книжный шкаф, с книгами Ленина и советских писателей. В спальне светились такие же белые учрежденческие шторы. А перед ними во всей красе поблескивал лаком черный рояль.

Светлана Иосифовна заявляла, что не знает его происхождения, и мне непонятно, лукавила она или ненароком забыла о сем музыкальном инструменте. Старые служащие утверждали, что некогда он принадлежал А. А. Жданову. Андрей Александрович, будучи членом Политбюро, при наездах в Москву неоднократно играл на нем Сталину и его окружению. А после смерти Андрея Александровича рояль хранился у вождя как память о друге и на нем играли те, кто приглашался Верховным в гости. В этих случаях музыкальный инструмент торжественно переезжал в самую середину зала и под чуткими пальцами пианистов рассказывал о радостях и тщете жизни.

Красиков С. С. 85–86

Пол был устлан колоссальным ковром. По стенам стояли кресла и диваны, в углу был камин, отец всегда любил зимой огонь.

Аллилуева С. С. 16

Я начал с того, что послал на дачу белье и посуду, договорился о снабжении продуктами из совхоза, находившегося в ведении ГПУ и расположенного рядом с

дачей. Послал на дачу повариху и уборщицу. Наладил прямую телефонную связь с Москвой.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 95

Рядом с отодвинутым креслом Сталина, на небольшом столе у стены, стояли три телефона: черный — обыкновенный, белый — вертушка и цвета слоновой кости — высокочастотный. У стола — два стула, один ниже другого. Во время разговора по телефону руководитель государства любил расслабиться и как бы полулежать, для чего приказал столяру ножки своего стула укоротить. Другой стул предназначался для секретарши, которая вызывалась, если возникала необходимость что-то продиктовать.

Красиков С. С. 81

Здание, в котором находился кинозал, закрывалось для всех, за исключением лиц, прибывших со Сталиным.

Каждый раз, приезжая на «Ближнюю дачу», мы перешептывались друг с другом о том, на сколько больше, чем в наш прошлый приезд, стало здесь замков. К воротам были приделаны всевозможные запоры и была воздвигнута баррикада. Вдобавок ко всему, дачу окружали две стены, между которыми находились сторожевые псы.

Имелась также электрическая сигнальная система и множество других защитных устройств. В известной степени все это делалось совершенно правильно. Сталин, занимавший столь высокое положение, представлял

собой очень заманчивую цель для любого врага советского строя. Тут не было ничего смешного, и принимавшиеся им меры предосторожности казались разумными, хотя любому из нас было бы опасно пытаться подражать ему.

Хрущев Н. Т. 1. С. 101–102

Сотрудников охраны в непосредственной близости от основного дома было немного — три полковника КГБ и несколько майоров, которые дежурили по очереди. Они занимали отдельный дом, который непосредственно прилегал к даче Сталина. Причем проезд, который вел к даче, как бы прорезал здание для охраны. Обычно я питался в этом здании вместе с полковниками. Иногда вечерами они просили меня переводить им тот или иной трофейный кинофильм с английского языка. Пока Сталин был на даче, их задача состояла в том, чтобы поменьше мозолить ему глаза. Можно было не сомневаться, однако, что по периметру территории дачи располагалась многочисленная охрана.

Трояновский О. Через годы и расстояния. М.: Вагриус, 1997. С. 157

Повторяю: никаких железных дверей, кроме военного бомбоубежища, на даче не имелось. Все внутренние двери были сделаны из простого дерева и с половины застеклены. Дверь в зале-кабинете Сталина была абсолютно такой же и для лучшего движения воздуха никогда не закрывалась. Конечно, при необходимости захлопывалась на обычный английский замок «линг». Ключи от него всегда находились у

коменданта или дежурного офицера. Никакой сверхсложной внутренней системы запоров, которые-де мог открыть лишь сам Сталин при помощи специального электрического устройства, — в помещении не существовало. Это очередная байка изощренных сочинителей.

Рыбин А. С. 72

От гостиной налево располагался овальный, как в дворянских особняках позапрошлого века, зал, превращенный на даче в зал заседаний. Длиною он был около тридцати метров, с большим количеством двухстворчатых окон, плотно зашторенных тяжелыми гардинами.

Красиков С. С. 80

Еще одна небылица о маниакальном страхе Сталина перед террористами, которые будто бы мерещились за каждой шторой или диваном. Для чего, дескать, приказал поставить мебель так, чтобы за ней никто не мог спрятаться. Мол, даже драпировки на окнах для этого окоротил! Так вот, всю мебель расставил на даче (комендант) Орлов. И руководствовался при этом исключительно удобствами для работы членов Политбюро. Что касается штор... Батареи в зале-кабинете были закрыты декоративными деревянными решетками. Тепло поступало неважно. Да еще заслонялось толстыми драпировками. Сталину надоело каждый раз поднимать их и класть на подоконники. С привычной подначкой спросил у Орлова:

— Хозяин, батареи у нас кого греют, — драпировки или зал?

Так они укоротились все разом, навсегда избавив любого злоумышленника от надежды устроить верную засаду.

Рыбин А. С. 74

По одному из мостов, минуя березовую рощу, тропинка вела к стеклянным оранжереям. Здесь всегда ярко сияли стены и крыши. Сверху вниз свисали гирлянды винограда, спелые яблоки, груши, лимоны. На грядке возлежали пупырчатые огурцы, бледные баклажаны, рдели алые томаты.

Иосиф Виссарионович предпочитал питаться своими фруктами и овощами. Жизнь в оранжерее буйствовала, продолжая замыслы вождя. Разноцветные попугайчики, канарейки весело распевали в клетках до тех пор, пока клетки с разгулявшимися птицами не накрывали чем-нибудь темным.

Красиков С. С. 78

Сад, цветы и лес вокруг — это было самое любимое развлечение отца, его отдых, его интерес. Сам он никогда не копал землю, не брал в руки лопаты, как это делают истинные любители садоводства. Но он любил, чтобы все было возделано, убрано, чтобы все цвело пышно, обильно, чтобы отовсюду выглядывали спелые, румяные плоды — вишни, помидоры, яблоки, — и требовал этого от своего садовника. Он брал лишь иногда в руки садовые ножницы и подстригал сухие

ветки, — это была его единственная работа в саду. Но повсюду в саду, в лесу (тоже прибранном, выкошенном, как в лесопарке) там и сям были разные беседки, с крышей, без крыши, а то просто дощатый настил на земле и на нем столик, плетеная лежанка, шезлонг, — отец все бродил по саду и, казалось, искал себе уютного, спокойного места, — искал и не находил... Летом он целыми днями вот так перемещался по парку, ему несли туда бумаги, газеты, чай. Это тоже была его «роскошь», как он ее понимал и желал, — и в этом проявлялся его здоровый вкус к жизни, его неистребимая любовь к природе, к земле, а также его рационализм: последние годы ему хотелось здоровья, хотелось дольше жить...

Аллилуева С. С. 25–26

Застеклили две просторные террасы. На крыше сделали солярий с будкой от дождя... Что касается надстроенного второго этажа, то он оставался пустым. Вместе с Орловым Сталин туда поднимался всего два раза, так и не решив, чем занять помещение. Около прежней спальни Сталина имелся санузел с умывальником и ванной. Когда он бывал там, — никто не видел.

Рыбин А. С. 71–75

Что было приятно в этом доме, это его чудесные террасы со всех сторон и чудный сад. С весны до осени отец проводил дни на этих террасах. Одна была застеклена со всех сторон, две — открытые, с крышей и без крыши. Особенно он любил в последние годы маленькую западную терраску, где видны были

последние лучи заходящего солнца. Она выходила в сад; сюда же в сад, прямо в цветущие вишни, выходила и застекленная веранда, построенная в последние годы.

Аллилуева С. С. 25

Кухня же со столовой для прислуги и для охраны находились за длинным крытым переходом, соединяющим дом с флигелем. Кухонных запахов, как я уже упоминал, хозяин не переносил. Подавальщица, приносившая еду, должна была пробовать ее первой. Этот ритуал соблюдался четко.

Красиков С. С. 80

В отдалении поставили кухню и небольшую баню с хорошей каменкой. В соседней с баней комнате поместился бильярдный стол.

Рыбин А. С. 71

На прогулке, за обедом решались многие вопросы хозяйственного порядка, начиная с посадки деревьев до постройки и оформления зданий. Причем надо заметить, что если он брался за решение какого-либо вопроса, начиная с мировых проблем до хозяйственных мелочей, разбирался он во всем с большим знанием дела, чем всегда меня очень удивлял...

Власик Н. С. 111

Сетанка-хозяйка

...В те годы я нежно любила отца, и он меня. Как он сам утверждал, я была очень похожа на его мать, и это его трогало.

Аллилуева С. С. 132

Кто смеется, как ребенок, тот любит детей. У него их трое — взрослый Яша и двое маленьких: четырнадцатилетний Вася и восьмилетняя Светлана. Жена его, Надежда Аллилуева, скончалась в прошлом году. От ее земного облика не осталось ничего, кроме благородно-плебейского лица и прекрасной руки, запечатленной в белом мраморе на надгробном памятнике Новодевичьего кладбища. Сталин усыновил Артема Сергеева, отец которого стал жертвой несчастного случая в 1921 году

Барбюс А. Сталин. М., 1936. С. 25

До начала войны в Европе отец бывал дома почти каждый день, приходил обедать, обычно со своими товарищами, летом мы вместе ездили в Сочи. Тогда виделись часто... именно эти годы оставили мне память о его любви ко мне, о его старании быть отцом, воспитателем...

Аллилуева С. С. 178

Дети были еще маленькие, уделять им много внимания т. Сталин, ввиду своей занятости, не мог. Пришлось передать воспитание и заботу о детях Каролине Васильевне. Она была культурной женщиной, искренне привязанной к детям.

Н. Власик.

Цит. по: *ЛОГИНОВ В. С. 97*

В доме у нас, в Кремлевской квартире, хозяйствовала экономка, найденная мамой — Каролина Васильевна Тиль, из рижских немок. Это была милейшая старая женщина, со старинной прической кверху, в гребенках, с шиньоном на темени, чистенькая, опрятная, очень добрая. Мама доверяла ей весь наш скромный бюджет, она следила за столом взрослых и детей, и вообще вела дом. Я говорю, конечно, о том времени, которое сама помню, то есть, примерно о 1929—1933 годах, когда у нас в доме был, наконец, создан мамой некоторый порядок, в пределах тех скромных лимитов, которые разрешались в те годы партийным работникам.

Аллилуева С. С. 166–167

— Я разговаривал с Артемом Федоровичем Сергеевым, сыном Артема, легендарного большевика, — говорю Молотову.

— Он считался сыном Сталина, был его приемным сыном. Он совсем маленьким остался, когда Артем погиб, — отвечает Молотов.

— Он мне рассказывал о домашней обстановке в квартире Сталина до войны. Квартира была в двухэтажном доме в Кремле, у Троицких ворот. В прихожей стояла кадка с солеными огурцами.

— Помню, — говорит Молотов.

Чуев Ф. С. 359

Воскресенье проводил дома с семьей, обычно выезжал на дачу.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 96

Питался он тоже не «как Сталин». Частенько ел вчерашние щи, а на второе — мясо из этих щей. Дети радовались, когда приезжали гости, — можно хорошо поесть. Работала у Сталина повариха Матрена, кричала на него, ругала, что плохо ест, не вовремя ложится спать.

— Все нормальные люди давно спят, а он все сидит и сидит по ночам, — ворчала Матрена.

А. Сергеев (приемный сын Сталина).

Цит. по: Чуев Ф. С. 61

Уходя поздно ночью (он всегда уезжал ночевать к себе на дачу в Кунцево), отец, уже одетый в пальто, заходил иногда еще раз ко мне в комнату и целовал меня спящую, на прощание. Пока я была девчонкой, он любил

целовать меня, и я не забуду этой ласки никогда. Это была чисто грузинская, горячая нежность к детям...

Аллилуева С. С. 132

Дочь, любимица отца, хорошо училась и была скромной и дисциплинированной. Сын, по натуре одаренный, занимался в школе неохотно. Слишком он был нервным, порывистым, не мог долго усидчиво заниматься, часто в ущерб занятиям и не без успеха увлекаясь чем-то посторонним, вроде верховой езды. О его поведении скрепя сердце приходилось докладывать отцу и расстраивать его. Детей он любил, особенно дочь, которую в шутку называл «хозяйкой», чем она очень гордилась. К сыну относился строго, наказывал за шалости и проступки. Девочка, внешне похожая на бабушку, мать т. Сталина, характером была несколько замкнутой, молчаливой.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 97

Отец приходил обедать и, проходя мимо моей комнаты по коридору, еще в пальто, обычно громко звал «Хозяйка!» Я бросала уроки и неслась к нему в столовую — большую комнату, где все стены были заставлены книжными шкафами и стоял огромный резной старинный буфет с мамиными чашками, а над столиком со свежими журналами и газетами висел ее большой портрет (увеличенная домашняя фотография). Стол обычно был накрыт прибором на восемь, и я садилась за свой прибор справа от отца. Это бывало часов в семь вечера. Как правило, я сидела часа два и просто слушала, о чем

говорят взрослые. Потом отец спрашивал меня про мои отметки. И, так как отметки у меня тогда были отличные, то он очень этим гордился, меня все хором хвалили и отправляли спать.

Аллилуева С. С. 132

После того как Надя покончила жизнь самоубийством, Василий и Светлана всегда представляли перед нашими глазами, когда мы приходили на квартиру к Сталину. Я постепенно привык к Светлане, привязался к ней, относился к ней как-то по-родительски. Мне было по-человечески жаль ее как сиротку. Сталин был груб, невнимателен, у него родительской нежности не чувствовалось. Он был сухим, корявым в личных отношениях человеком. Везде, где повернется, оставляет неприятный след при контактах с людьми. Задиристый имел, агрессивный характер.

Хрущев Н. Т. 2. С. 66

Я помню, как все, кто принадлежал еще тогда к нашей семье, приезжали смотреть новый дом. Было весело и шумно. Были тогда моя тетка Анна Сергеевна (мамина сестра) с мужем, дядей Стахом Реденсом, был дядюшка мой Павлуша (мамин брат) с женой Евгенией Александровной, были Сванидзе — дядя Алеша и тетя Маруся. Были братья мои, Яков и Василий. Еще все происходило тогда по инерции и по традиции, как при маме — в доме было весело и многолюдно. Все привозили с собой детей, дети возились и галдели, и отец это очень любил. Были бабушка с дедушкой — мамини родители. Никак нельзя было бы сказать, что

после маминой смерти все родственники отвернулись от отца, наоборот, его старались развлечь, отвлечь, к нему были все внимательны, и он был радушен со всеми.

Но уже поблескивало где-то в углу комнаты пенсне Лаврентия, — такого тихонького еще тогда, скромненького... Он приезжал временами из Грузии, «припасть к стопам». И дачу новую приехал смотреть. Все, кто тогда был близок к нашему дому, его ненавидели — начиная с Реденса и Сванидзе, знавших его еще по работе в ЧК Грузии. Отвращение к этому человеку и смутный страх перед ним были единодушными у нас в кругу близких.

Аллилуева С. С. 23–24

Мне нравилась семья Сталина. У Сталина я встречал старика Аллилуева и его жену, тоже пожилую женщину. Приглашался туда и Реденс со своей женой, старшей сестрой Надежды Сергеевны Анной Сергеевной, и ее брат. Он мне тоже очень нравился — молодой и красивый человек в командирском звании, не то артиллерист, не то из танковых войск... Это были такие непринужденные семейные обеды, с шутками и прочим. Сталин на этих обедах был очень человечным, и мне это импонировало. Я еще больше проникался уважением к Сталину и как к политическому деятелю, равного которому не было в его окружении, и как к простому человеку. Но я тогда ошибался. Теперь я вижу, что не все понимал. Сталин действительно велик, я и сейчас это подтверждаю, и в своем окружении он был выше всех на много голов. Но он был еще и артист, и иезуит. Он способен был на игру, чтобы показать себя в определенном качестве.

За ужином пели песни. Жданов прекрасно играл на гармонии, но она у него несколько раз портилась. Песни пели задравные абхазские, украинские, старинные студенческие и просто шуточные. Постышев был очаровательно весел, плясал с Молотовым шуточно русскую, говорил с ним по-казакистански и очень веселила эта пара И. и всех гостей. После ужина перешли в кабинет (большую комнату). И. завел граммофон (радио) и плясали русскую, Анастас Ив[анович] лезгинку дико и не в такт, как всегда, мы танцевали фокстрот. Приглашали И., но он сказал, что после Надиной смерти он не танцует. И. ставил для фокстрота все время одну пластинку, ту самую, которую ставил в прошлом году — она ему нравится, и он уже не признает других (у него есть постоянство в натуре). За ужином он сказал, что «хозяйка требует рояль», мы поддержали. Конечно, Жданов играет и на рояле, И. любит музыку. Очень хорошо, если у него будет рояль. Настроение не падало до конца.

М. Сванидзе. Из дневника от 26 дек. 1935 г.

Что могу помнить я?.. Я помню только, что бабушка и дедушка жили постоянно у нас на даче Зубалово, — хотя их комнаты были всегда в противоположных концах дома. Они сидели за столом вместе с отцом, которого дедушка называл «Иосиф, ты», а бабушка «Иосиф, Вы», а он обращался к ним очень почтительно и называл их по имени и отчеству. Так было, я помню, и после смерти мамы. Родители страшно тяжело перенесли ее смерть, но они слишком хорошо понимали, как тяжело было это и

для отца, и поэтому, — как мне кажется и казалось, — в их отношении к нему ничего не переменялось. Эта общая боль не обсуждалась никогда вслух, но незримо присутствовала между ними. Может быть, поэтому, — когда весь дом наш развалился, — отец все чаще, уклонялся от встреч с бабушкой и дедушкой. До войны он еще виделся с ними, в свои редкие приезды в наше бывшее гнездо, Зубалово. Это бывало обычно летом и все собирались где-нибудь за столом в лесу, на свежем воздухе и обедали там. Но, по-видимому, отцу эти визиты были слишком болезненным напоминанием о прошлом. Он обычно уезжал мрачный, недовольный, иногда перессорившись с кем-нибудь из детей. Дедушка и бабушка всегда выходили повидать его.

Аллилуева С. С. 124

— Здесь большой стол. Патефон. Часто он приводился в действие. Пластинки разнообразные, но он любитель классической музыки. Часто в Большой театр ходил, на середину оперы, на кусок из оперы. Хорошо относился к Глинке, Римскому-Корсакову, Мусоргскому — к русским преимущественно композиторам. Ему нравились песни хора Пятницкого.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 361*

Бывало, когда я уже работал на Украине, приезжаешь к Сталину, чаще всего на ближнюю дачу в Волынском, 15 минут ехать из города. Приедешь, он обедает. Если это летом было, то он всегда обедал на воздухе, на веранде. Сидел обычно один. Подавали суп

— русская похлебка, графинчик стоял с водкой, графин с водой, рюмочка была умеренная.

Бывало, заходишь, поздороваешься, и он: «Хотите кушать? Садитесь, кушайте»

А садитесь — это значит, бери тарелку (тут же супница стояла), наливай себе сколько хочешь и кушай. Хочешь выпить — возьми графин, налей рюмочку, выпей. Если хочешь вторую, то это, как говорится, душа меру знает. Не хочешь (я подчеркиваю, что именно так тогда было), можешь не пить.

Хрущев Н. *Т. 2. С. 144*

...Он часами мог сидеть с гостями за столом. Это уж чисто кавказская манера: многочасовые застолья, где не только пьют или едят, а просто решают тут же, над тарелками, все дела — обсуждают, судят, спорят... И еще он любил говорить, если я чего-нибудь просила: «Ну, что ты просишь! Прикажи только, и мы тотчас все исполним». Отсюда — игра в «приказы», которая долго тянулась у нас в доме. Да еще была выдумана «идеальная девочка» — Лелька, которую вечно ставили мне в пример, — она все делала так, как надо, и я ее ненавидела за это.

Аллилуева С. *С. 36, 92*

Обедали шумно. Светлана написала приказ: «Приказываю, разрешить мне пойти с тобою в театр или в кино» и подписалась — «хозяйка Сетанка». Адрес — «1-ому моему секретарю тов. Сталину». Подала Иосифу и он сказал: «Что же, подчиняюсь». У них идет уже год

игра. Светлана хозяйка и у нее секретари. 1-ый секретарь — папа, потом идут Каганович, Молотов, Орджоникидзе, Киров и некоторые другие. С Кировым у нее большая дружба (потому что И. с ним очень хорош и близок). Светлана пишет приказы, И. подписывается и их кнопками вешают на стенку в столовой около телефонов. Формулировка всегда вроде вышеприведенной. И при мне не было случая, чтоб папа отказал дочери. Он нежно и тепло любит ее и она также.

М. Сванидзе. Из дневника от 26 февр. 1934 г.

Отец подписывался во всех письмах ко мне одинаково: «Секретаришка Сетанки-хозяйки бедняк И. Сталин». Надо объяснить, что это была игра, выдуманная отцом. Он именовал меня «хозяйкой», а себя самого и всех своих товарищей, бывавших у нас дома почти ежедневно, — моими «секретарями», или «секретаришками». Не знаю, развлекала ли эта игра остальных, но отец развлекался ею вплоть до самой войны. В тон его юмору я писала ему «приказы» наподобие следующих (форма их тоже была выдумана отцом):

«21 октября 1934 г. Тов. И.В.Сталину,
секретарю № 1.

Приказ № 4. Приказываю тебе взять меня с собой.

Подпись: Сетанка-хозяйка.

Печать. Подпись секретаря № 1: Покоряюсь. И.Сталин».

Очевидно, дело касалось того, что меня не брали в кино или в театр, а я просила. Или: «Приказываю тебе позволить мне поехать завтра в Зубалово» — 10 мая 1934 года. Или: «Приказываю тебе повести меня с собой в театр» — 15 апреля 1934 года. Или: «Приказываю тебе позволить мне пойти в кино, а ты закажи фильм «Чапаев» и какую-нибудь американскую комедию» — 28 октября 1934 года.

Отец подписывался под «приказом»: «Слушаюсь», «Покоряюсь», «Согласен» или «Будет, исполнено».

И, так как отец все требовал новых «приказов», а мне это уже надоело, то однажды я написала так: «Приказываю тебе позволить мне писать приказ один раз в шестидневку» — 26 февраля 1937 года.

Став чуть постарше, я несколько разнообразила эти требования:

«Папа!! Ввиду того, что сейчас уже мороз, приказываю носить шубу. Сетанка-хозяйка» — 15 декабря 1938 года.

Потом, не дождавшись позднего прихода отца домой, я оставляла ему на столе возле прибора послание:

«Дорогой мой папочка!

Я опять прибегаю к старому, испытанному способу, пишу тебе послание, а то тебя не дождешься. Можете обедать, пить (не очень), беседовать. Ваш поздний приход, товарищ секретарь, заставляет меня сделать Вам выговор.

В заключение целую папочку крепко-крепко и выражаю желание, чтобы он приходил пораньше.

Сетанка-хозяйка».

На этом послании от 11 октября 1940 года отец начертил: «Моей воробушке. Читал с удовольствием. Папочка».

И, наконец, последнее подобное шуточное послание — в мае 1941 года, на пороге войны:

«Мой дорогой секретаришка, спешу Вас уведомить, что Ваша хозяйка написала сочинение на «отлично!». Таким образом, первое испытание сдано, завтра сдаю второе. Кушайте и пейте на здоровье. Целую крепко папочку 1000 раз. Секретарям привет. Хозяйка».

И «резолюция» сверху на этом: «Приветствуем нашу хозяйку! За секретаришек — папка И.Сталин».

Аллилуева С. С. 138–139

Впервые я увидела Светлану в 1934 году на дедушкиной даче в Горках. Ее привез туда Сталин. Мы были ровесницы, и взрослые хотели нас подружить. Вскоре меня отвезли к ней в гости на сталинскую дачу в

Зубалово. Первое впечатление: встречает меня няня Светланы, ведет наверх, в комнате девочка сидит и ножницами режет что-то черное.

— Что это? — спрашиваю.

— Мамино платье. С бисером. Кукле перешиваю.

У нее не было матери, у меня недавно умер отец.

Мы заплакали.

М. Пешкова (внучка Горького).

Цит. по: Васильева Л. С. 172

«Сетанке-хозяйке.

Ты, наверное, забыла папку. Потому-то и не пишешь ему. Как твоё здоровье? Не хвораешь ли? Как проводишь время? Лельку не встречала? Куклы живы? Я думал, что скоро пришлешь приказ, а приказа нет, как нет. Нехорошо. Ты обижаешь папку. Ну, целую. Жду твоего письма.

Папка».

Все это старательно выведено крупными печатными буквами. И другое письмо тех же лет:

«Здравствуй, Сетанка!

Спасибо за подарки. Спасибо также за приказ. Видно, что не забыла папу. Если Вася и учитель уедут в Москву, ты оставайся в Сочи и дожидайся меня. Ладно? Ну, целую.

Твой папа».

Аллилуева С. С. 93

— В педагогическом институте работает такой товарищ С. Рассказывал, как вы спасли его от Берии. (После дежурства на Ближней даче Сталина по дороге домой С. встретил друга, и они отметили это событие коньяком. А поверх коньяка легло пиво. С. простился с другом, сел в трамвай, и там, как говорится, развезло. Все бы ничего, но пассажиры увидели, что у хмельного гражданина под штатским пиджаком на ремне висит пистолет. Вызвали милицию. Короче говоря, на очередном дежурстве ему вручили грозное предписание от Л. П. Берии явиться туда-то...

А службу продолжает нести — стоит в нужном месте у дачной дорожки. Прибывают, уезжают разные люди. Приехал Молотов. С. решился, терять нечего, была не была. Молотов выслушал суть дела, расспросил подробности, прочитал предписание, достал ручку и начертал на нем: «Строгий выговор. В. Молотов».

С. больше никто и никуда не вызывал. Но история не закончилась. Прошло сколько-то дней, обычное дежурство: на дорожке появился Сталин. Медленно прошел и, ни к кому конкретно не обращаясь, сказал: «Пей, да дело разумея!» С. вздрогнул. Сталин дошел до края дорожки, вернулся и снова поравнялся с чекистом: «Какой же дурак запивает коньяк пивом!» — и посмотрел на С. — *Ф. Ч.)*

Чуев Ф. С. 365–366

В 1934 г. он настолько привязался ко мне, что по вечерам мы сидели долго, говорили, он мне советы давал. Однажды предложил остаться ночевать у него на даче. Я, конечно, остался. Звонил жене, что остаюсь ночевать у Сталина. Это был первый случай, когда я не ночевал у себя дома. Для жены это было нежелательно. Прошло несколько дней, и он опять предложил остаться ночевать. Я снова предупредил жену, что не приду домой, так как она всегда меня ждала, в какое бы время я ни приходил. Когда это произошло в третий раз, вижу (хоть жена не говорит прямо, но по глазам видно), что она не знает, верить мне или нет. А как можно было проверить, что я у Сталина? Можно было верить только на слово. Правда, она меня знала, никаких оснований для ревности за всю нашу жизнь у нее не было. И все же в следующий раз, когда Сталин стал оставлять меня ночевать, я сказал, что моя жена волнуется, когда меня нет дома. Он не настаивал.

После меня у него часто ночевал Сванидзе, брат его первой жены. Видимо, ему было скучно совсем одному. Позже, когда Сванидзе не стало, у Сталина никто ночевать уже не оставался, и — он не предлагал этого никому.

Микоян А. С. 356

После смерти Надежды Сергеевны я некоторое время встречал у Сталина молодую красивую женщину, типичную кавказку. Она старалась нам не попадаться на пути. Только глаза сверкнут, и она исчезает. Потом мне сказали, что эта женщина является воспитательницей Светланки. Но это продолжалось недолго, и она исчезла.

Хрущев Н. Т. 1. С. 53

...Уникальный уродливый экспонат тех времен — новая экономка (то бишь «сестра-хозяйка»), приставленная к нашей квартире в Кремле, лейтенант (а потом майор) госбезопасности Александра Николаевна Накашидзе. Появилась она в нашем доме в 1937-м или 38-м году с легкой руки Берия, которому она доводилась родственницей, двоюродной сестрой его жены. Правда, родственница она была незадачливая и жена Берия, Нина Теймуразовна, презирала «глупенькую Сашу». Но это решили без ее ведома, вернее, без ведома их обеих. И в один прекрасный день на молоденькую, довольно милостивую Сашу обрушилось это счастье и честь... Вернувшись к сентябрю как обычно из Сочи, я вдруг увидела, что вместо Каролины Васильевны, меня встречает в передней молодая, несколько смущенная грузинка — новая «сестра-хозяйка».

Аллилуева С. С. 119

По некоторым замечаниям Берии я понял, что это была его протеже. Ну, Берия, тот «воспитательниц» умел подбирать...

Хрущев Н. Т. 1. С. 53

Александра Николаевна царствовала у нас в квартире до 1943 года, — как и почему ее выставил сам отец, я расскажу еще. В ее обязанности входило самое тесное общение со мной и Василием. Она была едва тридцати лет, смешлива, еще недолго подвизалась в

качестве «оперуполномоченной» и не успела стать чиновницей. Грузинская женщина по своей натуре для этой роли совершенно не годится. Она была, в общем, добра, и ей было естественнее всего подружиться с нами в этом доме, где для нее самой было все страшно, чуждо и угрожающе, где ее пугали ее собственные функции и обязанности... Она была несчастной пешкой, попавшей в чудовищный механизм, где она уже не могла сделать ни одного движения по своей воле, и ей ничего не оставалось как, сообразно со своими слабыми способностями и малым умом, осуществлять то, что от нее требовали...

Аллилуева С. С. 120

Теперь о его квартире. Здесь же на первом этаже (рисует). Комнат, наверно, шесть-семь, была комната для Светланы, для библиотеки, для спальни, для служащих. В разные периоды разные люди были. Грузинка одна старая была. Потом Валентина Истомина... Это уже на даче. Приносила посуду. А если была женой, кому какое дело?.. Я вот читаю, как Энгельс к этому просто относился. У него не было формально жены. Он жил со своей хозяйкой, ирландкой. А жениться ему было некогда. Когда эта ирландка померла, Маркс не придал этому значения и очень обидел Энгельса. Энгельс завел вторую хозяйку, сестру своей бывшей жены...

В. Молотов.

Цит. по: Чуев Ф. С. 357

Не знаю, точно ли сохранила память облик этой милой, обаятельной, невероятно стройной и опрятной

женщины, которая умела не только сохранять такт и аккуратность во всем, но при том еще и этические нормы поведения. Из-за секретности положения мало кто из военнослужащих знал, какую на самом деле должность занимала пригожуня. Дежурные постов нередко пытались заигрывать с красавицей, задерживая ее на постах разговорами, с желанием выудить номерок телефона для знакомства более обстоятельного.

Люди эти были разными, корректными и развязными. Отбиваться от перезрелых ухажеров приходилось нелегко. Однако Валентина Васильевна с честью выходила из положения, охлаждая потоки изъявлений влюбленных точно найденным тихим и твердым словом.

Никто из предполагаемых ухажеров взысканий не получал, как не получал и ожидаемых свиданий.

Красиков С. С. 148

Валечка, его многолетняя официантка, каждый день подававшая еду и оплакавшая его смерть, возможно, стала идеальным вариантом женщины великого вождя: предана, безропотна, покорна. Всегда под рукой.

Васильева Л. С. 87

У Ленина была история с Арманд — тоже не до этого ему было. У Сталина неудачно сложилось. И дети... Не до детей ему было. Его не хватало и на то, что делалось, — очень трудные условия.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 357

Вскоре после смерти Надежды мы узнали, что Сталин женился на сестре Кагановича. До сих пор, однако, в советской печати об этом не было сказано ни слова.

Бармин А. С. 312

После добровольного ухода из жизни любимой и единственной жены Иосифа Виссарионовича Сталина Надежды Сергеевны Аллилуевой у Генерального секретаря ЦК ВКП(б) появилась гражданская жена Роза Моисеевна Каганович, родная сестра Лазаря Моисеевича.

С огромными черными глазами, смоляными, с фиолетовым отливом волосами и красивым точеным носом, эта женщина была исключительной привлекательности. Среднего роста, с сильными ногами, широкими бедрами и тонкой талией, она исповедовала жизненный принцип «все хорошо, что хорошо для евреев». Ей было 37 лет, и они встретились с братом Лазарем в доме № 2 на площади Дзержинского, где брат в то время работал.

Разговор начал Лазарь:

— Ему сейчас необходим такой человек, как ты... Нужен врач, которому бы он мог довериться. Тебя он знает, потому поверит тебе и поверит твоему лечению.

Второе: ему нужна более устойчивая семейная жизнь. Его дочери Светлане шесть лет. Мы должны, мы обязаны устроить ему семью.

Наконец, ты должна стать своего рода якорем, женщиной, которая не будет ему мешать, не станет с ним спорить, женщиной, которую он в конце концов начнет призывать и сам зайдет к ней, как в тихую гавань...

Роза словам брата внимала проникновенно и безоговорочно восприняла их к действию. Войдя в семью Сталина, она прежде всего переделала сталинскую дачу. Наклеила неяркие обои, завезла новую мебель и дважды в неделю начала организовывать развлечения, устраивала приемы, приглашая на них своих друзей, и прежде всего близкую подругу, врача Надежду Булганину...

Каган С. Кремлевский волк. Нью-Йорк, 1990. С. 123

Известно ли Вам, что вторая жена Вашего отца тоже еврейка? Ведь Кагановичи евреи?

Ничего подобного. Она была русской. Да, Каганович еврей. Да. Жена моего отца? Все это слухи, что Вы там говорите. Ничего общего. Никогда. Нет, нет, ничего подобного! Ничего подобного. Что Вы там говорите? Никогда в жизни ничего подобного не было! Его первая жена грузинка, вторая — русская. Все!

Разве фамилия его второй жены не Каганович?

Нет, нет! Все это слухи. Чепуха.

На ком женат теперь его отец?

Кто? Нет, он... Его жена умерла в 1934 году. Аллилуева. Она русская, настоящая русская, русская из Донбасса. Нет, что Вы хотите, ведь человеку 62 года, он был женат. Сейчас, во всяком случае, нет.

*Из протокола допроса немцами Якова Джугашвили.
18 июля 1941 г.*

Цит. по: Иосиф Сталин в объятиях семьи: Сб. документов

— Говорят, что Сталин женился на дочери Кагановича?

— Это из белогвардейских газет. Нет, это чушь, конечно, явная чушь. Явная, явная чушь.

(Мая Лазаревна Каганович говорила мне, что это давняя сплетня и дома у них боялись, как бы она не дошла до Сталина.

— А я тогда была пионеркой, — улыбается героиня молвы. — Удивительный все-таки у нас народ! — *Ф. Ч.)*

Из беседы Ф. Чуева с В. Молотовым.

Чуев Ф. С. 310

Эта сплетня была весьма живучей. Главный маршал авиации А. Е. Голованов рассказывал мне про генерал-полковника Ермаченко, который женился на молодой, а старая жена по сложившейся традиции пожаловалась в политотдел. Когда генерала вызвали для разбора, он вспылал: «Сталину можно, а мне нельзя?»

«А ходили слухи — абсолютная чепуха! — что после смерти Аллилуевой Сталин женился на дочери Кагановича», — смеялся Александр Евгеньевич.

Генерала Ермаченко за его слова разжаловали, и Голованов принял участие в его судьбе, устроив начальником аэропорта Быково. А при удобном случае

рассказал о нем Сталину. Тот возмутился и велел восстановить его в звании и должности.

Чуев Ф. С. 58–59

Разговоры о женщинах из семьи Кагановича напрасно волнуют воображение желающих кое-что узнать из личной жизни Сталина.

Майя Лазаревна Каганович, которую сегодня называют «невенчаной женой Сталина», сказала мне, видимо, привычно при этом вопросе пожевываясь: «Ой, это такая чушь! Когда пошел этот слух, я была пионеркой. Мы в семье страшно боялись, чтобы до Сталина не дошло».

Ходили слухи о сестре Кагановича, враче, Розе. Даже в книге Стивена Кагана, якобы племянника Кагановича, «Кремлевский волк», вышедшей на Западе и перепечатанной у нас. Роза описана пышно.

— Кто такая Роза Каганович? — спросила я Серафиму Михайловну, сноху Кагановича.

— Не было такой.

Васильева Л. С. 210–211

Г. А. Куманев: Осенью прошлого года я был в США. Привез оттуда одну книгу. Знаете Вы о ней или нет? Автор Стюарт Кахан.

Л. М. Каганович: А-а-а. Это жулик. Мне говорили про него.

Г. А. Куманев: Название ее «Кремлевский волк», или «Волк Кремля». Вот эта книга на английском языке.
Л. М. Каганович: Это про кого?

Г. А. Куманев: Про Вас.

Л. М. Каганович: Про меня?

Г. А. Куманев: Да.

Л. М. Каганович: Серьезно? (Смех).

Г. А. Куманев: А вот на суперобложке автор, его фотография. Вот и Ваши некоторые фотографии. А это Ваши родители.

Л. М. Каганович: Родители? Смотри, какие достал фотографии?!

Г. А. Куманев: На другой стороне суперобложки фото: Вы со Сталиным.

Л. М. Каганович: Да... Ишь ты какой! Это, действительно, отец и мать. А это кто?

Г. А. Куманев: Нана Гутман и Морис Каганович в 1909 г.

Л. М. Каганович: У нас не было таких.

Г. А. Куманев: Здесь — Кахан, опять Морис Каганович и Роза Каганович, 1913г.

Л. М. Каганович: Видимо, здесь дает моих родственников?

Г. А. Куманев: Да, да. Сам он будто какой-то племянник и что много раз с Вами встречался.

Л. М. Каганович: Это он врет. А это кто?

Г. А. Куманев: Анна и Юнку Левик, 1920 г.

Л. М. Каганович: Левик? Не знаю я их.

Г. А. Куманев: Ну, а далее уже знакомые лица. Вот Сталин, Вы с бородкой, Калинин.

Л. М. Каганович: Ишь ты, какая сволочь. Написал книжку! И книга-то толстая....

Г. А. Куманев: Далее здесь опять Сталин, вон Молотов, опять Сталин, только молодой. А это Вы.

Л. М. Каганович: Вот сволочь какая. А о моей биографии он как пишет? Вы все прочитали?

Г. А. Куманев: Я книгу пока довольно бегло только просмотрел.

Л. М. Каганович: Вот сволочь, смотри, какая сволочь...

Г. А. Куманев: Книгу я увидел в киоске на Бродвее в Нью-Йорке. Шел с одним коллегой-американцем. Взял ее в руки, полистал, посмотрел на цену, а она 100 долларов!

Л. М. Каганович: 100 долларов?!

Г. А. Куманев: Да. Американец мне говорит: «Она у меня дома есть. Пойдемте ко мне, и я Вам ее подарю. Это недалеко». Книги там очень дорогие.

Л. М. Каганович: А если бы я как автор издал бы там свои мемуары?

Г. А. Куманев: Книга Ваша там бы цены не имела, была бы нарасхват.

Куманев Г. С. 91–92

Сплетни о его тайной жене Розе Каганович, похоже, распространялись германскими спецслужбами в антиеврейских целях.

Васильева Л. С. 87

Сестра или племянница Кагановича Роза... не была женой Иосифа Виссарионовича, но ребенок от Сталина у нее был.

Сама же она была очень красивой и очень умной женщиной и, насколько мне известно, нравилась Сталину. Их близость и стала непосредственной причиной самоубийства Надежды Аллилуевой, жены Иосифа Виссарионовича.

Ребенка, росшего в семье Кагановича, я хорошо знал. Звали мальчика Юрой. Помню, спросил у дочери Кагановича (той же Майи). Она смутилась и не знала, что ответить. Мальчишка очень походил на грузина. Мать его куда-то уехала, а он остался жить в семье Кагановича...

Берия С. Мой отец Лаврентий Берия. М., 1995. С. 362

Женщина по имени Роза в роду Кагановича была, она приходилась Лазарю Моисеевичу племянницей и переехала с мужем и сыном из Ростова в Москву после войны. Существовал даже якобы «салон Розы Каганович», откуда шли всякие повышения. В годы горбачевской гласности много писали о том, что дочь Кагановича Мая все-таки была женой Сталина, но не сразу после смерти Надежды Аллилуевой, а значительно позже, после войны.

И Лазарь Моисеевич, и Мая Лазаревна эту версию напрочь отрицали.

Тем не менее несколько человек, участвовавших в похоронах Сталина, независимо друг от друга, рассказывали автору этой книги, что они видели женщину в черном, шедшую за гробом генералиссимуса. Она держала за руку девочку, похожую на того, кого хоронили.

Зенькович Н. С. 31

...Появилась другая версия, будто Сталин женился на Мае Лазаревне не после смерти Аллилуевой, когда Мая была еще пионеркой, а в последние годы жизни, и в 1953 году она шла за его гробом, держа за руку девочку, так похожую на диктатора...

— Во-первых, я не шла за его гробом, — говорит Мая Лазаревна, — а во-вторых, посмотрите на мою Юлю — похожа она на Сталина?

Чуев Ф. С. 59

1. Я являюсь отцом Стюарта Кагана, автора книги «Кремлевский волк».

2. Большинство материалов, включенных в упомянутую книгу, написано на основе бесед с двумя лицами: Лазарем Моисеевичем Кагановичем и Моррисом Левиком Кагановичем, двоюродным братом Лазаря, другом его детства, моим отцом.

3. Информация от Морриса Кагановича была получена в ходе бесед в период с 1968 по 1976 год. Эти беседы проходили в Нью-Йорке, Филадельфии и

Кейн-Мее (штат Нью-Джерси). Они велись на английском языке.

4. Информация от Лазаря Кагановича была получена и ходе персональной встречи в Москве 23 сентября 1981 года, в его личной квартире на Фрунзенской набережной. У нас не было разрешения на то, чтобы фотографировать или пользоваться магнитофоном. Беседа велась на языке идиш.

5. Я сопровождал своего сына, Стюарта Кагана, в Москву с целью организации встречи с Лазарем Кагановичем. О нашей поездке были сообщения в газетах «Филадельфия бюллетень» и «Джунш экспонент».

Показания под присягой, сделанные Джеком Каганом, отцом Стюарта Кагана.

Цит. по: *Фельштинский Ю.* Вожди в законе

Уважаемый Андрей Андреевич!

Пишу Вам по небольшому делу, но имеющему отношение к вашему ведомству. Дело в том, что некий Господин Каган-Каганович из Нью-Йорка прислал мне письмо, в котором пишет, что он обратился в посольство СССР в Вашингтоне с просьбой о выдаче ему визы для поездки в Москву и что посольство «имеет намерение благосклонно решить этот вопрос». Обосновывает он свою поездку тем, что он якобы является моим племянником, и желанием повидаться со мной.

Для того, чтобы товарищи в посольстве не впали в заблуждение, сообщаю: никакого племянника Каган-Кагановича в Америке у меня нет.

Судя по тому, что эту свою выдумку сей Каган подкрепляет грубой ложью, будто он, будучи в Москве, якобы был у меня и даже беседовал об издании им книги обо мне, — он является личностью, по меньшей мере не заслуживающей никакого доверия. Так что если бы ему и была выдана виза в Москву — я его, конечно, не принял, так же как никогда его раньше не принимал и не видел его до сих пор.

Л. Каганович — А. Громыко. 3 мая 1982 г.

...Быт вождя на даче был размерен, неприхотлив. Дорожки, по которым он любил, думая, гулять в любое время года, были тщательно расчищены, мягко освещены, окружены невысокими растительными бордюрами, в результате чего звуки шагов и голосов приглушались, как бы способствуя доверительной беседе.

Красиков С. С. 77–78

Рассказываю Молотову о своей беседе с бывшим комендантом Большого театра А. Т. Рыбиным. Он имел возможность неоднократно наблюдать Сталина на даче. Рассказал, что Сталин любил полемизировать с рабочими — где, что, как построить. Любил спать на воздухе в кресле, в старой шинели или шубе, а на лице — фуражка генералиссимусская (в то время, все-таки, наверное, маршальская. — *Е. Г.*)

— Это верно, — подтверждает Молотов.

Чуев Ф. С. 364–365

Отец обычно не допекал меня нотациями или какими-нибудь нудными придирками. Его родительское руководство было самым общим — хорошо учиться, больше бывать на воздухе, никакой роскоши, никакого баловства. Иногда он проявлял по отношению ко мне какие-то самодурские причуды. Однажды, когда мне было лет десять, в Сочи, отец, поглядев на меня (я была довольно «крупным ребенком»), вдруг сказал: «Ты что это, голая ходишь?» Я не понимала в чем дело. «Вот, вот!» — указал он на длину моего платья — оно было выше колен, как и полагалось в моем возрасте. «Черт знает что! — сердился отец, — а это что такое?» Мои детские трусики тоже его разозлили. «Безобразие! Физкультурницы! — раздражался он все больше, — ходят все голые!» Затем он отправился в свою комнату и вынес оттуда две своих нижних рубашки из батиста. «Идем!» — сказал он мне. «Вот, няня, — сказал он моей няне, на лице которой не отразилось удивления, — вот, сшейте ей сами шаровары, чтобы закрывали колени, а платье должно быть ниже колен!» — «Да, да!» — с готовностью ответила моя няня, вовек не спорившая со своими хозяевами. «Папа!» — взмолилась я, — «да ведь так сейчас никто не носит!»

Но это был для него совсем не резон... И мне сшили дурацкие длинные шаровары и длинное платье, закрывавшее колени, — и все это я надевала только идя к отцу. Потом я постепенно укорачивала платье, — он не замечал, потому что ему было уже совсем не до того. И вскоре я вернулась к обычной одежде...

Но он не раз еще доводил меня до слез придирками к моей одежде: то вдруг ругал, почему я ношу летом носки, а не чулки, — «ходишь опять с голыми ногами!» То требовал, чтобы платье было не в талию, а широким

балахоном. То сдирал с моей головы берет — «Что это за блин? Не можешь завести себе шляпы получше?» И сколько я ни уверяла, что все девочки носят береты, он был неумолим, пока это не проходило у него, и он не забывал сам.

Позже я узнала от Александры Николаевны Накашидзе, что старики в Грузии не переносят коротких платьев, коротких рукавов и носок.

Аллилуева С. С. 141–142

Каждую ночь он работал до двух-трех часов. Лишь тогда в кабинете гасло электричество. Днем в свободное время трудился в саду, ухаживая за посадками кустарника, или копался в огороде. А часа в четыре обязательно приходил на городошную площадку, огороженную сеткой. Начинались жаркие баталии!.. С ним в паре всегда играл рабочий кухни Харьковский. В другой паре чередовались Ворошилов или Киров с Власиком, возглавляющим охрану Сталина. По вечерам хозяин и гости сражались на бильярде. Проигравшие проползали на четвереньках под столом, по которому дубасили киями хохочущие победители. Подыгрывать руководству в бильярд или городки строго запрещалось. Поэтому Сталину тоже приходилось оказываться под столом.

Рыбин А. С. 5–6

Был бильярд у Сталина. И я играл.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 361*

На бильярде он играл неплохо, тихими точными ударами, никогда не бил сильно, тщательно целился. Однажды он играл вдвоем с одним из моих собеседников против Бери и Маленкова. Те оба сильно играли на бильярде. Сталин взял в компанию моего собеседника, потому что считал, что тот хорошо играет. Но тот играл посредственно, и они, несмотря на все старания Сталина, чем дальше, тем все безнадежнее проигрывали. Сталин злился, в конце концов бросил кий и прервал игру, перед этим выругав соперников, сказав моему собеседнику:

«Ну, где нам с ними играть? Смотрите, какие они бандиты. Это же бандиты. Вы посмотрите на них, какие они». За этими словами слышался еще и призыв посмотреть на то, какие они здоровые, толстые бугаи. В этом смысле мне было рассказано, так и понял.

И. Конев.

Цит. по: Симонов К. С. 129

...Играли «на пролаз»: проигравший должен был лезть под бильярдный стол, но обычно вместо взрослых ползали дети. Мои старшие братья рассказывали мне, что как-то была большая игра. Сталин играл в паре с Павлом, а дед в паре с моим отцом. Партию выиграли дед с отцом, но вместо Сталина и Павла под стол полезли мои братья. Старшая дочь Павла Кира, к его неудовольствию, сильно возмущалась этим, считая, что взрослые сами должны отдуваться за проигрыш, а Сталина Кирино негодование позабавило, он смеялся. Потом эта традиция закрепилась, и позже уже я лез под бильярд, если проигрывал дед.

А уж хозяин был! Все держал на учете. С тем же Орловым (комендантом Ближней) постоянно обходил территорию дачи, проверяя сделанное или намечая предстоящую работу. За промашки не бранил, а наказывал рюмкой «Цинандали» или «Телиани». Трезвенник Орлов ничего не пил. И таким образом искупал вину. Сталин подносил ему за обедом стопку со словами:

— Вот это вам за промах. Помните?

Несчастному коменданту приходилось мужественно страдать.

Рыбин А. С. 73

Хозяин любил поработать садовым инвентарем. Копая или взрыхляя почву в саду, он тщательно взборонивал ее или брал ножницы и срезал с деревьев сухие ветки.

Красиков С. С. 78

...Он вдруг впервые заговорил со мной о маме. Мы были одни. На ноябрьские праздники, 9 ноября приходилась годовщина ее смерти. Это отравляло ему всегда эти праздники, и последние годы он проводил ноябрь на юге.

Мне было не по себе, я не знала, как говорить на эту тему с отцом, — я боялась ее. Мы сидели одни, был долгий завтрак — как всегда, много фруктов, хорошее вино. «И ведь вот такой плюгавенький пистолетик!» — сказал он вдруг в сердцах и показал пальцами, какой

маленький был пистолет. «Ведь — просто игрушка! Это Павлуша привез ей. Тоже, нашел что подарить!»

Он искал других виноватых. Ему хотелось найти причину и виновника, на кого бы переложить всю эту тяжесть. Тяжесть давила его все больше и больше. По-видимому, с возрастом, мысль его все чаще возвращалась к маме. То вдруг он вспоминал, что мама дружила с Полиной Семеновной Жемчужиной и она «плохо влияла на нее»; то ругал последнюю книгу, прочитанную мамой незадолго до смерти, модную тогда «Зеленую шляпу». Он не хотел думать об иных, серьезных причинах, делавших их совместную жизнь столь трудной для нее, — он искал непосредственного «повода» — как будто бы в этом и было все дело...

Мне было очень трудно. Я чувствовала, что он впервые говорит со мной об этом как с равным, взрослым человеком, — но мне было бесконечно тягостно испытывать подобное доверие...

Аллилуева С. С. 172–173

Запомнилась дочь Сталина умной, скромной девочкой. Хорошо знала английский. Очень была привязана к моей матери. Уже во время войны попал я в одну неприятную историю, связанную со Светланой. После возвращения с фронта подарил ей трофейный вальтер. Проходит время и в академию, где я учился, приезжает генерал Власик, начальник личной охраны Сталина.

— Собирайся, — говорит, — вызывает Иосиф Виссарионович.

Приезжаю. Никогда раньше такого не было, чтобы вызывал. Поговорили немного о моей учебе, а потом и говорит:

— Это ты Светлане револьвер подарил? А знаешь, что у нас дома с оружием было? Нет? Мать Светланы в дурном настроении с собой покончила.

Я обалдел. Знал, что мать Светланы умерла, но о самоубийстве никто у нас в доме никогда не говорил.— Ладно, — сказал Сталин, — иди, но за такие вещи вообще-то надо наказывать.

Берия С. С. 303–304

Даже став взрослой, идя к отцу, я всегда должна была думать, не слишком ли ярко я одета, так как неминуемо получила бы от него замечание. «На кого ты похожа?!» — произносил он иногда, не стесняясь присутствующих. Быть может, его раздражало, что я не походила внешне на маму, а долго оставалась неуклюжим подростком «спортивного типа». Чего-то ему во мне не хватало, в моей внешности. А вскоре и внутренний мой мир начал его раздражать.

Аллилуева С. С. 142

Был у Сталина друг

Навещали его тут (на даче) Ворошилов, Киров и Калинин. Сталин очень любил принимать гостей, но сам почти не пил. Водку — совсем, коньяк — тоже редко. Признавал только вина «Цинандали» и «Телиани».

Рыбин А. С. 5

В Москве мы встречались со Сталиным у него на квартире, когда я приезжал туда по партийным делам. Сталин тогда работал во всю силу. Не так много по времени (мы, молодые, больше работали), но, учитывая его способности, он был в полной форме, что вызывало к нему уважение, а манера поведения — симпатию.

Микоян А. С. 352

...Окружающие его настолько опекают, что проникнуть к нему простому смертному очень трудно. Для этого он завел городской телефон прямо к себе в кабинет, чтобы всякий нуждающийся в его совете и слове мог бы к нему дозвониться. Он добр и сердечен.

М. Сванидзе. Из дневника от 14 нояб. 1934 г.

Наши хорошие отношения — когда они были хорошими — создали для меня благоприятную атмосферу для товарищеской работы и нормальных деловых разговоров со Сталиным. Когда-то, в начале 1930-х гг., он умел спокойно выслушать или высказаться недлинно, но метко, быстро схватывая, о чем говорили, любил, чтобы кто-нибудь вечером бывал у него. Бывали Молотов, Ворошилов, я, Орджоникидзе, Киров, когда приезжал. Тогда не было обильного обеда, обильной

выпивки, больше сидели за чаем. Такие встречи помогали ему получать информацию, память у Сталина была отличная.

Микоян А. *С. 355–356*

Так вот, тогда — в Кунцево, на Ближней, бывало много народу, и было весело...

Аллилуева С. *С. 24*

Обычно 21 декабря, в день рождения Сталина, узкая группа товарищей — членов Политбюро без особого приглашения вечером, часов в 10—11, приезжала на дачу к Сталину на ужин. Без торжества, без церемоний, просто, по-товарищески поздравляли Сталина с днем рождения — без речей и парадных тостов. Немного пили вина.

Микоян А. *С. 578–579*

Приезжал погостить т. Киров.

Власик Н. *С. 97*

Сталин относился к Кирову лучше, чем к любому из нас...

Л. Каганович.

Цит. по: *Куманев Г. С. 84*

После смерти жены у него не было более близкого человека.

Рыбин А. С. 10

Сталин дружил с Кировым. Единственная нежная надпись, которую я прочел у Сталина, была на книге, подаренной им Кирову: «Другу моему и брату любимому от автора». Никому он так не писал.

Радзинский Э. С. 238

Как-то весной на ближней даче приготовили шашлыки, вино принесли. Весело улыбаясь, Киров подмигнул:

— Нам тут лишь музыки не хватает!

Как не хватает? Сразу позвали Пантюшина с полубаяном. По заказу Сталина он играл «Гори, гори, моя звезда» и «Сулико». А Киров любил песню «Есть на Волге утес».

Рыбин А. С. 10

(В тот раз) после обеда у И. было очень благодушное настроение. Он подошел к междугородной вертушке и вызвал Кирова, стал шутить по поводу отмены карточек и повышения цен на хлеб. Советовал Кирову немедленно выехать в Москву, чтоб защитить интересы Ленинградской области от более высокого повышения цен, нежели в других областях. Очевидно Киров отбояривался, потом И. дал трубку Каг[ановичу] и тот уговаривал Кир[ова] приехать на 1 день. И. любит

Кирова и, очевидно, ему хотелось после приезда из Сочи повидаться с ним, попариться в русской бане и побалагурить между делами, а повышение цен на хлеб было предлогом.

М. Сванидзе. Из дневника от 5 дек. 1934 г.

Киров каждый год в это время приезжал к Сталину. Теперь они основательно сдружились. Как-то сидели за столом, накрытым на склоне горы в тени дерева, и попивали грузинское вино с минеральной водой. Лукьянов, шофер Светланы и Василия, Антонов, Кузнецов и я находились поблизости. Сталин подозвал Кузнецова с Лукьяновым и пригласил за стол. Кузнецов отказался:

— Товарищ Сталин, мы же стоим на посту. Мы не можем нарушать инструкцию.

— Да вы, ребята, не бойтесь, — засмеялся Киров. — Я не выдам вас Власику. Выпьем вместе, закусим. Все будет шито-крыто.

Но мужественный Кузнецов был непреклонен. Тогда Сталин заключил:

— Наше дело с Сергеем Мироновичем вас пригласить, а остальное — ваше дело. Как вам будет угодно.

Обошлось. Хотя Сталин потом не раз усаживал всех за стол на террасе или на рыбалке и рассказывал смешные истории из прежней жизни — подпольной, тюремной или ссыльной. Все получалось вовсе не страшно, не опасно, а — наоборот...

Рыбин А. С. 7

О Кирове мне хочется рассказать особо. Больше всех Сталин любил и уважал Кирова. Любил его какой-то трогательной, нежной любовью. Приезды т. Кирова в Москву и на юг были для Сталина настоящим праздником. Приезжал Сергей Миронович на неделю, две. В Москве он останавливался на квартире у т. Сталина, и И. В. буквально не расставался с ним.

Власик Н. *С. 97*

В том роковом году мало кто навещал сталинские дачи. Наведался только председатель ЦИК Абхазской ССР Н. Лакоба, по кавказскому обычаю привез в подарок молодого барашка. Не забывал Сталина лишь Киров, привычно живший у нас весь период семнадцатого съезда партии. Даже спал на сталинской кровати, а хозяин довольствовался диваном.

Они снова вместе парились в бане, которую готовил рабочий по дворовому хозяйству Дубинин. Бывало, так нагонят пару, что не видно самих. Заберутся на полку и вовсю хлещутся вениками! Больше никто из членов Политбюро не имел такой чести.

Рыбин А. *С. 9*

Приезжаю вчера с дачи в 9 ч. и узнаю потрясающую новость — у нас горе, у всех огромное горе, а для И. особенно. Убит злодеем С. М. Киров, этот совершенно обаятельный человек, любимый всеми и пользовавшийся дружбой и любовью И. Этот удар потряс меня. Какое неслыханное злодеяние. Какой удар по партии, какая

тяжелая потеря для всех нас знавших так близко Сергея Мироновича. И. сильный человек, он геройски перенес всю боль и тяжесть утраты Надюши, но это такие большие испытания за короткое время. А другая сторона случившегося — террористический акт сам по себе страшен как явление, охватившее сейчас всю Европу. Это белый фашистский террор, который страшен своей слепой ненавистью, могущий так жестоко обрушиваться на лучших людей, как это имело место сейчас.

М. Сванидзе. Из дневника от 26 сент. 1934 г.

К этому времени К. Симонов относит весьма примечательный разговор Сталина с адмиралом И. С. Исаковым. Вскоре после убийства Кирова они были на заседании у Сталина, а затем пошли ужинать по длинному коридору с поворотами, где на каждом повороте стоял офицер НКВД.

Красиков С. С. 215

В тот раз, о котором я хочу рассказать, ужин происходил в одной из нижних комнат: довольно узкий зал, сравнительно небольшой, заставленный со всех сторон книжными шкафами. А к этому залу от кабинета, где мы заседали, вели довольно длинные переходы с несколькими поворотами. На всех этих переходах, на каждом повороте стояли часовые — не часовые, а дежурные офицеры НКВД. Помню, после заседания пришли мы в этот зал, и, еще не садясь за стол, Сталин вдруг сказал: «Заметили, сколько их там стоит? Идешь каждый раз по коридору и думаешь: кто из них? Если вот этот, то будет стрелять в спину, а если завернешь за

угол, то следующий будет стрелять в лицо. Вот так идешь мимо них по коридору и думаешь...» Я, как и все, слушал это в молчании. Тогда этот случай меня потряс. Сейчас, спустя много лет, он мне кое-что, пожалуй, объясняет в жизни и поведении Сталина, не все, конечно, но кое-что.

И. Исаков (адмирал флота).

Цит. по: *Симонов К. С. 332–333*

Теперь Сталин тоже опасался покушения. Поэтому нас охраняла дивизия имени Дзержинского. В Ленинграде по обеим сторонам нашего пути стояли шеренги красноармейцев. Потрясенный смертью Сергея Мироновича, Сталин за эти дни осунулся и почернел, оспины на лице стали виднее.

Рыбин А. С. 10

На ступеньки гроба поднимается Иосиф, лицо его скорбно, он наклоняется и целует лоб мертвого Серг[ея] Мир[оновича]. — Картина раздирает душу, зная, как они были близки, и весь зал рыдает, я слышу сквозь собственные всхлипывания, всхлипывания мужчин. Также тепло, заплакав, прощается Серго — его близкий соратник, потом поднимается весь бледный — меловой Молотов, смешно вскарабкивается толстенький Жданов, наклоняется, но не целует Каганович и с другой стороны расставив руки, опираясь на гроб, наклоняется А. И. Микоян. Прощание окончено. Несколько секунд заминка, не знают, пойдут ли близкие женщины, но Марии Львовне делается дурно, ее обступают врачи, льют капли, все заняты ею — Вожди ушли. Гроб завинчивают

крышкой, выносят венки и все наготове двинуться за гробом.

М. Сванидзе. Из дневника от 5 дек. 1934 г.

Поцеловав покойного Кирова в губы, он еле слышно выдохнул:

— Прощай, дорогой друг...

Рыбин А. С. 10

В то время в партии занимал видное место секретарь Северо-Кавказского краевого парткома Шеболдаев. Этот Шеболдаев — старый большевик... во время XVII съезда партии пришел к товарищу Кирову и сказал ему: «Старики поговаривают о том, чтоб возвратиться к завещанию Ленина и реализовать его, то есть передвинуть Сталина, как рекомендовал Ленин, на какой-нибудь другой пост, а на его место выдвинуть человека, который более терпимо относится к окружающим. Народ поговаривает, что хорошо бы выдвинуть тебя на пост Генерального секретаря»... Что ответил на это Киров, я не знаю, но стало известно, что Киров пошел к Сталину и рассказал об этом разговоре с Шеболдаевым. Сталин якобы ответил Кирову: «Спасибо, я тебе этого не забуду».

Хрущев Н. Т. 2. С. 123

Говорить о Кирове, как о каком-то его заместителе в этом деле, — это такой абсурд для каждого грамотного, знающего дело коммуниста! Это настолько противоречило взаимоотношениям между Сталиным и

Кировым и, прежде всего, мнению самого Кирова о своих возможностях! Это настолько противоречило, что только такой уголовный тип, как Никита, мог договориться до того, что Сталин будто бы имел специальную цель покончить с Кировым...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 554*

Он [Сталин] осунулся, побледнел, в глазах его скрытое страданье. Он улыбается, смеется, шутит, но все равно у меня ныло сердце смотреть на него. Он очень страдает. Павлуша Аллил[уев] был у него за городом в первые дни после смерти Кирова — и они сидели вдвоем с Иос[ифом] в столовой. Иосиф подпер голову рукой (никогда я его не видела в такой позе) и сказал: «осиротел я совсем». Павлуша говорит, что это было так трогательно, что он кинулся его целовать.

Как ужасно быть свидетелем минутной слабости такого большого человека — настоящего непобедимого орла. Иосиф говорил Павлуше, что Киров ухаживал за ним как за ребенком. Конечно, после Надиной трагической смерти это был самый близкий человек, который сумел подойти к И. сердечно, просто и дать ему недостающее тепло и уют. Мы все как-то всегда стесняемся лишней раз зайти, поговорить, посмотреть на него. Я лично не стесняюсь, я настолько люблю Иосифа и привязана к нему, в особенности после Надиной смерти, чувствуя его одиночество, что я бы часто ходила к нему, но Алеша как-то относится к этому подозрительно, вносит в это элемент и как будто ревности и боязни быть навязчивыми. Он говорит, что И. не любит, когда к нему ходят женщины, но ведь я не женщина для него, перед

которой он должен выдерживать светский этикет, я близкая подруга его покойной жены, я друг его семьи, я люблю его детей настоящей любовью близкого к дому человека и я привязана к нему, не говоря о респекте и уважении перед ним как перед большим человеком, с которым мне посчастливилось быть так близко знакомой. Думаю, что Алеша запугивает зря меня и сам напрасно держится в отдалении, ждет официальных приглашений и проч. Побольше простоты, официальности Иос[иф] имеет достаточно.

М. Сванидзе. Из дневника от 5 дек. 1934 г.

— Хрущев намекнул, что Сталин убил Кирова. Кое-кто до сих пор в это верит. Зерно было брошено. Была создана комиссия в 1956 году. Человек двенадцать разных, смотрели много документов, ничего против Сталина не нашли. А результаты не опубликовали.

— А кто был еще в этой комиссии?

— Помню, что был Шверник, были, по-моему, Суслов, Каганович, Фурцева, прокурор Руденко, потом этот, в ЧК тогда работал, как его... Человек десять — двенадцать. Точно не помню, пожалуй, был Микоян. Но точно не могу сказать. Ворошилов, по-моему, не был в комиссии. Может быть, забыл. Не всех помню.

Докладывал Комитет государственной безопасности. Группа Руденко материалы проверяла, рассматривала. Довольно много материалов. Все, какие нам давали материалы и какие сами находили возможность прочитать, использовали.

Комиссия пришла к выводу, что Сталин к убийству Кирова не причастен. Хрущев отказался это опубликовать — не в его пользу.

Из беседы Ф. Чуева с В. Молотовым.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 403*

Для меня, девочки-школьницы эти годы, вплоть до самой войны, были годы неуклонного искоренения и уничтожения всего, созданного мамой, какого-то настойчивого истребления самого ее духа, чтобы ничто не следовало установленным ею порядкам, чтобы все было наоборот...

И даже гибель таких близких друзей мамы, какими были Бухарин, Киров, Орджоникидзе, близкими и домашними воспринимались тогда как истребление всего, что было связано с ней

Аллилуева С. С. 178

На мужские посиделки часто приглашалась Светлана. Она прекрасно танцевала, вкусно готовила. Но со временем великовозрастная пьяная компания стала ей надоедать, и под различными предложениями она стала ее избегать.

Красиков С. С. 83

Иногда летом он забирал меня к себе в Кунцево дня на три, после окончания занятий в школе. Ему хотелось, чтобы я побыла рядом. Но из этого ничего не получалось, так как приноровиться к его быту было

невозможно: он завтракал часа в два дня, обедал часов в восемь вечера и поздно засиживался за столом ночью, — это было для меня непосильно, непривычно. Хорошо было только гулять вместе по лесу, по саду; он спрашивал у меня названия лесных цветов и трав, — я знала все эти премудрости от няни, — спрашивал, какая птица поет... Потом он усаживался где-нибудь в тени читать свои бумаги и газеты, и я ему уже была не нужна, я томилась, скучала и мечтала поскорее уехать к нам в Зубалово, где была масса привычных развлечений, куда можно было пригласить подруг. Отец чувствовал, что я скучаю возле него и обижался, а однажды рассорился со мной надолго, когда я спросила: «А можно мне теперь уехать?» «Езжай!» — ответил он резко, а потом не разговаривал со мной долго и не звонил. И только когда по мудрому наущению няни я «попросила прощения» — помирился со мной. «Уехала! Оставила меня, старика! Скучно ей!» — ворчал он обиженно, но уже целовал и простил, так как без меня ему было еще скучнее.

Аллилуева С. С. 134

Именно в эту полосу духовного опустошения и ожесточения так ловко подъехал к нему Берия, до того лишь изредка появлявшийся в Сочи, когда отец отдыхал там. Теперь он завладел доверием отца и очень скоро пролез, с его поддержкой, в первые секретари ЦК Грузии. Старая закавказская большевичка О. Г. Шатуновская рассказывала мне, как потрясены были все партийцы Грузии этим назначением, как упорно возражал против этого Орджоникидзе, — но отец настоял на своем.

Аллилуева С. С. 126

«Папа, я лично просил коменданта, чтобы он устроил жену учителя, но он отказался. Учитель устроил ее в рабочем бараке.

Папа, шлю тебе 3 камушка, на которых я сам рисовал».

В. Сталин — И. Сталину. 5 августа 1933 г.

Иногда он вдруг приезжал к нам в Зубалово — опустевшее, изменившееся, но для всех бесконечно дорогое. Тогда шли все в лес, выползали из своих комнат дедушка с бабушкой; иногда звонили в Зубалово-2, и оттуда быстренько приходили дядя Павлуша с детьми или А. И. Микоян. В лесу, на костре жарился шашлык, накрывался тут же стол, всех поили хорошим, легким грузинским вином. Меня отец при этом посылал сбегать на птичник за фазаньими и цесарочьими яйцами, — их легко можно было найти в ямках под кустами, — их запекали в горячей золе на костре. Мы, дети, обычно веселились на этих пикниках; не знаю, было ли весело взрослым... Бабушка, однажды, громко плакала, и отец уехал злой и раздраженный. У взрослых было слишком много поводов для взаимного недовольства и обид...

Аллилуева С. С. 134

Обстановка создана идеальная, чтоб учиться, развиваться и быть хорошими. Ужас в том, что дети чувствуют привилегированность своего положения, и это их губит навеки. Никогда у выдающихся родителей не бывает выдающихся детей, потому, что с самого детства

они обречены на ничтожество из-за исключительности своего положения. Надя много старалась растить детей в аскетизме, но после ее смерти все пошло прахом. В конце концов, всем обслуживающим детей такого великого человека, каким является Иосиф, выгодно, чтоб дети были в исключительных условиях, чтобы самим пользоваться плодами этой исключительности.

М. Сванидзе. Из дневника от 5 дек. 1934 г.

Советский принц Вася

Вася Сталин — умный мальчик, но своенравный. Еще в ранней молодости он стал пить. Учился он как попало, вел себя недисциплинированно и приносил много огорчений Сталину. Тот его, по-моему, порол за это и приставлял к нему для наблюдения чекистов, которые присматривали за ним. Светланка была другой. Она всегда, бывало, бегала по дому, когда мы приходили. Сталин называл ее «хозяйкой», и мы стали ее называть так же. Одевали ее нарядно. Помню на ней украинский костюмчик с вышитой сорочкой или сарафаном. Выглядела она, как нарядная куколка. Светланка очень похожа на мать; волосы темно-каштановые, лицо с мелкими крапинками. Правда, волосы у матери были несколько темнее, чем у дочери.

Хрущев Н. Т. 2. С. 65

«С малых лет оставшись без матери и не имея возможности воспитываться под повседневным наблюдением отца, я, по сути дела, рос и воспитывался в кругу взрослых мужчин (охраны), не отличавшихся нравственностью и воздержанностью. Это наложило свой отпечаток на всю последующую личную жизнь и характер. Рано стал курить и пить».

Из заявления В. Сталина в Президиум ЦК КПСС. 23 февр. 1953 г.

Цит. по: Иосиф Сталин в объятиях семьи: Сб. документов

По характеру шумливый — чисто ухарь-купец! Никого не боялся, кроме отца. Как-то еще до войны разбил о камни моторную лодку и бросил в кустах. Начальник транспортного подразделения Лукин пригрозил пожаловаться отцу. А Василий в ответ:

— Если ты, пузатый дурак, скажешь отцу про лодку, я твой толстый живот распорю!

Лукин обратился к Власику. Тот отмахнулся: не обращай внимания да почини моторку.

Рыбин А. С. 41

Василия в школе нещадно били, но дрался он только с теми, кто был или старше, или выше его по росту.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 63*

«Тов. Ефимов!

Няня и Светлана вернулись в Москву. Светлану надо немедленно определить в школу, иначе она одичает вконец. Прошу Вас и Паукера устроить ее в школу. Посоветуйтесь оба с няней и Каролиной Васильевной и определите, в какую школу устроить.

С приездом няни Каролина Васильевна должна взять отпуск. Скажите ей, что она должна взять отпуск, — иначе она надорвется вовсе. Если она захочет провести отпуск в Сочи, устройте ей поездку. Если почему либо не захочет, устройте ее в Зубалове и предоставьте ей все необходимое. Она — человек хороший и заслуживает всяческого внимания. Если она захочет взять с собой в Зубалово свою сестру, я не возражаю против этого.

За время отпуска Каролины Васильевны в доме в Москве останется няня. Следите хорошенько, чтобы Вася не безобразничал. Не давайте волю Васе и будьте с ним строги. Если Вася не будет слушаться няни или будет ее обижать, возьмите его в шоры.

Жду от Вас ответа

Привет!

И. СТАЛИН

П. С. Держите Васю подальше от Анны Сергеевны: она развращает его вредными и опасными уступками.

И. Ст.».

*Сталин — С. Ефимову (коменданту дачи в Зубалово).
12 сентября 1933 г.*

«Письмо Ваше получил 14.IX. Сегодня были с Ефимовым на квартире. Каролина Васильевна никуда ехать пока не может — она занята лечением в Москве, принимает в Крем[левской] больнице углекислые ванны и массаж. После лечения думает вначале октября отдохнуть пару недель в Зубалово. Это вполне ее устраивает. У няни в дороге была повторная ангина с температурой. Теперь уже поправляется, думаю, через пару дней будет совсем здорова.

С Васей и учителем (с каждым отдельно) при Каро[лине] Васильевне я имел серьезный разговор. Напомнил Васе все его грехи, пригрозил. Он обещал мне с сегодняшнего дня вести себя хорошо. Учителю предложил не замазывать Васины проказы, и не советываться ему с Анной Сергеевной и бабушкой, а говорить обо всем Карол[ине] Васильев[не] или звонить мне.

Хорошо было бы Васю перевести в другую школу. В 20-й школе очень много развинченных ребят — у меня намечена 25 школа на Пименском пер. (Тверская). Там очень строго, большая дисциплина. В какую его группу зачислят — четвертую или пятую — покажут испытания. В эту же школу можно поместить и Светланку. Было бы хорошо взять ей учительницу. Я сегодня одну нашел. Знает немецкий, французский языки. Член партии с 19 г. Одинока, ей 41 год — хороший педагог. Она же могла бы и Васе преподавать языки.

По всем вопросам прошу Вашего согласия и ответа».

К. Паукер — Сталину. 13 сентября 1933 г.

«Нужно срочно спросить ответ на мое письмо по следующим вопросам: первое — о переводе Васи в другую школу; второе — о приеме учительницы и устройстве Светланы в школу.

На все это я спросил в письме согласия. Ответа нет. Время идет. Мне надо телеграфное или письменное согласие на все мои предложения. Не могу сам решить эти дела. Вообще срочный перевод Васи в другую школу необходим по ряду соображений. Спросите, может быть ждате приезда».

К. Паукер — Н. Власику (шифровка). 23 сентября 1933 г.

«Я живу средне и занимаюсь в новой школе очень хорошей и думаю, что я стану тоже хорошим Васькой Красным».

В. Сталин — И. Сталину. 1 октября 1933 г.

«Здравствуйте товарищ Паукер! Я живу хорошо. С Томом мы не деремся.

Вы писали, что я довел пупка до слез, но я этого не делал и со стороны Власика считаю не правильным обвинять меня в этом».

В. Сталин — В. Паукеру. 16 июня 1934 г.

«Здравствуй папа!

Я живу ничего хожу в школу и вообще жизнь идет весело. Папа. Я играю в первой школьной команде по футболу но каждый раз когда я хожу играть бывают по этому вопросу разговоры, что мол без папиного разрешения нельзя и вообще.

Ты мне напиши могу я играть или нет, как ты скажешь так и будет. Светлана послала тебе письмо с Ефимовым а я не успел и посылаю с Зинаидой Гавриловной. У меня маленькая просьба чтобы ты прислал немного персиков.

26./IX.

Васька Красный»

В. Сталин — И. Сталину. 26 сентября 1934 г.

(Текст письма приводится с сохранением орфографии оригинала)

Сталин принял нас с семьями на даче, под Мацестой. Солдатская обстановка, соломенный матрац на койке...

Он в те дни ждал высадки на льдины полюса Папанина: «Надо знать изотерму и изобары. Без прогноза погоды лететь нельзя!»

Ничего не получилось с нашей задумкой.

Тогда, мне помнится, мы познакомились и с Васей Сталиным. Он очень внимательно слушал наши рассказы о полетах. Была и Светлана...

Г. Байдуков.

Цит. по: *Грибанов С. С. 244–245*

Тщательно разбирая его [Сталина] жизнь и его поведение, трудно найти в них какие-либо человеческие черты. Единственное, что я мог бы отметить в этом смысле, это некоторая отцовская привязанность к дочке — Светлане. И то до некоторого момента. А кроме этого, пожалуй, ничего.

Бажанов Б. С. 176

Вася тоже последние полгода все время с отцом. Но внутренне он не заботится быть отцу приятным, т. к. учиться не важно и ведет себя в школе на «удовлетворительно». Приходится всем окружающим скрывать от отца все Васины проделки. При отце он тихий и дисциплинированный мальчик.

М. Сванидзе. Из дневника от 26 сент. 1934 г.

За ужином говорили о Васе. Он учится плохо. И. дал ему 2 мес. на исправление и пригрозил прогнать из дому и взять на воспитание 3-их вместо него способных парней. Нюра плакала горько, у Павла тоже наворачивались на глаза слезы. Они мало верят в то, что Вася исправится за 2 мес. и считают эту угрозу уже осуществившейся. Отец верит наоборот в способности Васи и в возможность исправления. Конечно, Васю надо привести в порядок. Он зачванился тем, что сын великого человека и, почивая на лаврах отца, жутко ведет себя с окружающими. Светлану отец считает менее способной, но сознающей свои обязанности. Обоих он считает холодными, ни к кому не привязанными, преступно скоро забывшими мать. Очень неровными в

отношении их окружающих. Он знает их до мелочей. Он прав, как всегда во всем. Какой это аналитический ум, какой он исключительный психолог. Будучи таким занятым человеком, как он знает всех окружающих до мелочей.

М. Сванидзе. Из дневника от 17 нояб. 1935 г.

Заговорили о Светланочке и И. весь засиял...

М. Сванидзе. Из дневника от 28 июня 1935 г.

Вася уже прощен и был у отца. Очевидно он выправил отметки. Я очень рада. Вася — мальчик чрезвычайно жизнеспособный и хитрый — он умеет обходить даже своего отца и являть себя прямым и искренним, не будучи таковым на самом деле.

М. Сванидзе. Из дневника от 17 дек. 1935 г.

«Сообщаю Вам о наших делах. Во-первых Светлана и Вася здоровы, чувствуют себя хорошо.

Светлана учится хорошо. Вася занимается плохо — ленится, три раза К[аролине] В[асильевне] звонила заведывающая школой — говорила, что Вася один день не стал в классе заниматься по химии, через несколько дней так отказался от географии, мотивируя отказ, что неподготовился. В тетрадях по письму пишет разными чернилами, то черными, то синими, то красными, что в школе не разрешается. Бывают случаи — в школу забывает взять то тетрадь, то вечную ручку, а другой ручкой он писать не может и отказывается. 7.IX в школу не пошел совсем, говоря, что у него болит горло, но

показать горло врачу отказался, температура у него была нормальная, а перед выходным днем и в выходной день он уроков не делал и по моему в школу не пошел не потому, что у него болело горло, а потому что не сделал уроков, и болезнь горла придумал, чтобы не идти в школу.

Вася имеет большое пристрастие к игре в футбол, так что через день после уроков в школе идет играть в футбол и домой приходит вместо 3 час в 6—7 вечера, конечно, усталый и учить уже уроки ему трудновато, тем более, что учителя у него нет, я его отпустил по распоряжению «тов. С.», а с учительницей Вася занимается только по немецкому языку, а по остальным предметам он за помощью к ней не обращается, говоря, что он справляется сам.

17/IX по двум предметам в школе получил отметку плохо, так, что у него есть уже 5—6 отметок на плохо.

Несколько дней тому назад у Васи в кармане К[аролина] В[асильевна] обнаружила 10 рублей, на вопрос, откуда у него деньги, он вперед ей ответил, что не твое дело, а потом сказал, что он продал альбом с почтовыми марками, альбом этот ему был кем-то подарен.

19/IX он на листе бумаги писал все свое имя и фамилию, а в конце написал «Вася Ст... (написано полностью) родился 1921 г. марта месяца умер в 1935 году. 20 IX мне об этом сказала К[аролина] В[асильевна], записки сам я не видел, так как она ее уничтожила, эта надпись производит нехорошее впечатление уж незадумал-ли он что?

Отношения у меня с ним бывают хорошие, а бывают и такие, когда он капризничает.

В Кремле с ним вместе живет Том, с которым он и проводит время. Каждый выходной день «дети» проводят в Зубалове.

Вообще Вася чувствует себя взрослым и настойчиво требует исполнения его желаний, иногда глупых, почему у нас и происходят с ним разногласия, которые почти сейчас же анулируются благодаря моим доводам и уговорам».

С. Ефимов — Н. Власику. 22 сентября 1935 г.

С. А. Ефимов обращается к своему непосредственному начальнику Н. С. Власику, находившемуся вместе с И. В. Сталиным на отдыхе в Сочи. Н. С. Власик, видимо, доложил Сталину об этом письме, т. к. в письме Светлане... говорилось: «Хозяюшка! Получил твое письмо и открытку. Это хорошо, что папку не забываешь. Посылаю тебе немножко гранатовых яблок. Через несколько дней пошлю мандарины. Ешь, веселись... Васе ничего не посылаю, так как он стал плохо учиться».

Грибанов С. С. 246

«В средней школе, хотя и имел способности, занимался от зачета к зачету и поэтому выше середняка не поднимался».

Из заявления В. Сталина в Президиум ЦК КПСС.

23 февр. 1953 г.

Вечно загруженный работой, Сталин мало занимался детьми. Однако спрашивал об оценках в школе, проверял дневники, по-отцовски «снял стружку».

В. Молотов.

Цит. по: Чуев Ф. С. 63

Особенно доставалось Василию, который учился неважно, да и вел себя не лучше. Его школьный учитель, видимо, не выдержал и пожаловался отцу на Василия. Это в 1938 году!

Отец ответил — сохранились два листочка письма. Вот его ответ:

«Преподавателю т. мартышину.

Ваше письмо о художествах Василия Сталина получил. Спасибо за письмо.

Отвечаю с большим опозданием ввиду перегруженности работой. Прошу извинения.

Василий — избалованный юноша средних способностей, дикаренок (тип скифа!), не всегда правдив, любит шантажировать слабеньких «руководителей», нередко нахал, со слабой, или — вернее — неорганизованной волей.

Его избаловали всякие «кумы» и «кумушки», то и дело подчеркивающие, что он «сын Сталина».

Я рад, что в Вашем лице нашелся хоть один уважающий себя преподаватель, который поступает с Василием, как со всеми, и требует от нахала подчинения общему режиму в школе. Василия портят директора, вроде упомянутого вами, люди-тряпки, которым не место в школе, и если наглец-Василий не успел еще погубить себя, то это потому, что существуют в нашей стране кое-какие преподаватели, которые не дают спуску капризному барчуку.

Мой совет: требовать построже от Василия и не бояться фальшивых, шантажистских угроз капризника насчет «самоубийства».

Будете иметь в этом мою поддержку.

К сожалению, сам я не имею возможности возиться с Василием. Но обещаю время от времени брать его за шиворот.

Привет!

И. Сталин.

8/П-38г.».

Комментировать не стану. Скажу только о четкости характеристик: в этом коротком письме выпукло видны и Василий, и его преподаватель, и директор школы, и сам Сталин.

Говорят, увидев это письмо, сотрудники НКВД отлетели от товарища преподавателя, как ошпаренные...

Чуев Ф. С. 64–65

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Пользуюсь случаем выразить Вам глубочайшее удовлетворение, перешедшее в радость, которое доставило мне Ваше ответное письмо.

Я не знаю Вас лично, но знал, что Вы ответите и ждал ответа.

Ваш ответ — выражение непосредственности и простоты, свойственной гению, — оставил неизгладимое впечатление. Теперь я могу сказать, что знаю Вас лично. Простите за нескладные обороты, т. к. пишу экспромтом.

Ваше письмо подняло на новую высоту мою ненависть к обывательщине вообще и к обывателям из среды моих коллег, в частности, которые на мои неоднократные предложения поставить Вас в известность о работе Василия, твердили: «В лучшем случае — бесполезно, а в худшем — опасно!» или: «Молчи. Молчание украшает юность».

Цель настоящего письма — доложить Вам о впечатлении от работы Василия по истории и о его настроении после Вашего вмешательства.

Василий занимался дополнительно под моим руководством с 13.VI по 5 июля С. г. и сдавал мне зачеты по частям курса, что стимулировало его на дальнейшую работу, а мне давало возможность составить твердое представление о степени его подготовленности. Продолжительность зачетов 1 час и более.

В результате могу сообщить, что достигнутые им знания сугубо относительны, не покоятся на прочном фундаменте, поверхностны, страдают многими пробелами и недостатками, в частности схематизмом и социологизмом. Но и то, что он сумел одолеть в такой

короткий срок и, что меня особенно удовлетворяет, совершенно сознательно, дает мне право выставить ему за год посредственную оценку.

Прошу извинить за навязчивость, но я не могу скрыть от Вас одного наблюдения, а именно: Василий болезненно переживает ту неприятность, которую он Вам причинил. Вам, которого он искренно любит и к которому его влечет.

Однажды, в разговоре со мной о его самочувствии, Василий заявил мне, что готов сделать все, чтобы восстановить Ваше доверие, чтобы быть ближе к Вам.

Мне понятны его потребности. Мое мнение: если Василию предоставить известную свободу в смысле сокращения до минимума опеки над ним, иногда оскорбляющей его и в то же время обеспечить систематический, но незаметный для него контроль за тем как он оправдывает оказанное ему доверие, Василий будет тем, чем он должен быть.

В заключение должен довести до Вашего сведения, что я, по всей вероятности, не смогу оправдать той доли доверия, которую Вы мне оказали, когда писали, что в руководстве работой Василия и его поведением я могу рассчитывать на Вашу поддержку, т. к. в списке преподавателей спец. школы № 2 на 1938/39 г. я не числюсь.

Тысяча извинений

Привет!

В. Мартышин — Сталину. [После 5 июля 1938 г.]

Года за два с половиной до войны, а, может быть, даже немного раньше, не могу сейчас припомнить точную дату, я стала работать в московской спецшколе преподавателем немецкого языка. Было мне в ту пору неполных девятнадцать, за плечами всего-то-навсего техникум иностранных языков, правда, я продолжала учиться дальше, в институте, на вечернем отделении.

Помню первый день занятий. В класс меня привел директор школы, въедливый и придирчивый, из породы бытовавших в те годы недоверчивых, всех во всем подозревавших демагогов, с которыми одинаково тягостно молчать и говорить. Одет он был так, как одевались в то время многие ответственные работники — полувоенного образца френч, подобный тому, какой носил товарищ Сталин, на ногах светлые бурки, отороченные кудрявым барашковым мехом.

Перед тем, как войти в класс, еще в учительской, директор дал мне журнал; в журнале — столбиком, как оно и полагается, были написаны фамилии учеников. В конце списка стояла не фамилия, а одно лишь имя — «Василий».

— Знаете, кто это? — спросил директор.

— Нет, не знаю.

Он, щурясь, окинул меня пронзительным взглядом, зачем-то расстегнул пуговку на вороте своего френча, нахмурил жиденькие брови, как бы предваряя значительность последующих слов.

— Это сын товарища Сталина, — внушительно произнес он. — Понимаете? Сын товарища Сталина!

Странное дело, многое стерлось в памяти за истекшие годы, но вот этот разговор помнится до

мельчайших подробностей, снова видится мне узенькая полоска усов над верхней губой директора, острые, хитренькие глазки его в припухлых мешочках, слышится голос, вдруг разом потерявший свой несколько визгливый тембр и обретший внезапную начальственную величавость. Начальственную и в то же время подобострастную. Уж не знаю, как эти две противоречащие друг другу интонации умели сочетаться в его голосе, но что было, то было — сочетались!

Он остановился, выждал паузу, чтобы подчеркнуть то, что сейчас выскажет.

— Никогда никому ни при каких обстоятельствах не говорите, что сын товарища Сталина учится в этой школе. Поняли?

Я молча кивнула.

— Запомните еще вот что: берегитесь потерять классный журнал! Журнал может попасть в руки врага. Враг, возможно, пытается собрать все сведения о товарище Сталине, для него, конечно же, важно и интересно, где учится сын товарища Сталина, где можно обнаружить сына товарища Сталина, поэтому еще и еще раз напоминаю вам — берегите классный журнал, как зеницу ока!

— И еще помните, — он поднял кверху острый, словно циркуль, указательный палец с длинным, заботливо ухоженным ногтем, — вы можете спрашивать сына товарища Сталина, можете вызывать его к доске, но никогда никаких ему замечаний, ни одного-единого. Запомните это!

Потом директор школы представил меня и ушел, тут же я села за стол.

Признаюсь, очень хотелось увидеть сына нашего вождя, еще как хотелось! Ведь, если так подумать, я была не намного старше своих учеников, ну, а потом, кто бы на моем месте, пусть даже самый опытный и зрелый человек, не захотел бы лично, воочию узреть сына великого отца народов?..

И вдруг что-то ударило меня в лоб, не больно, но ощутимо. От неожиданности я вскочила со стула, по классу пронесся откровенный смех.

На пол, рядом с моим столом, упал белый «голубь», я подняла его, он был сделан умело, из довольно плотного картона непогрешимой белизны.

Смех разрастался все сильнее.

«Что же делать? Может быть, обратить все в шутку?»

Однако я не успела даже слова произнести, как откуда-то сбоку снова полетел белый картонный голубь, упав на мой стол.

— Кто это сделал? — спросила я.

Молчание было ответом мне.

— Я надеюсь, что тот, кто бросил в меня голубя, окажется сознательным и открыто признает свою вину...

Снова молчание. Потом из-за парты, стоявшей возле окна, встал коренастый мальчик. Что-то знакомое, много раз виденное, почудилось мне в надменном очерке губ, в хмурых бровях, сдвинутых к переносице; нижние веки у него были слегка приподняты, и потому взгляд казался как бы притушенным. Откинув назад голову, он ясно, отчетливо проговорил:

— Свою вину? А что за вина, хотелось бы знать?

Я продолжала вглядываться в его лицо, и чем дольше вглядывалась, тем все более знакомым казался мне его низкий, с вертикальной морщиной лоб, коротко стриженные, рыжеватого оттенка волосы, срезанный подбородок. — Так вот, — сказал Василий, конечно же, это был он, — я это сделал. Оба голубя послал вам я. Как привет или приветствие. Называйте как хотите...

Он произносил слова отрывисто, словно рубил их пополам, надменные губы его дрогнули в неясной улыбке.

— Поняли? — спросил он меня, спросил так, словно я была в чем-то перед ним виновата.

Я молчала. Вспомнилась мне моя комната на Большой Бронной, за которую я не платила квартплату уже четвертый месяц, мамино лицо. Надо было маме подбросить немного деньжат, сама никогда не попросит, а ведь ей, наверное, не продержаться до конца месяца, и еще следовало подшить старые, прохудившиеся валенки и отдать перелицевать зимнее пальто. И на все нужны деньги, деньги, деньги, а их долго не было у меня...

Много чего вспомнилось в эти тягостные мгновения, когда сын великого вождя всех времен и народов ждал моего ответа.

— Поняла, — сказала я.

Л. Уварова.

Цит. по: *Краскова В. С.* 118–121

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Приказом Наркома Просвещения я снят с работы пом. директора по учебной части. Основной причиной, по сути дела, является вопрос о воспитании и обучении Вашего сына Васи. Письмо к Вам тов. Мартышина В. В. и Ваш ответ ему сыграли решающую роль. Зам. наркома Просвещения тов. Лихачев, не заслушав отчета о моей работе и не произведя никакого обследования, сделал скороспелое заключение, не вскрывающее действительных причин неудовлетворительной работы школы и воспитания и обучения Васи.

В воспитании Васи, пришедшего из 175 школы, были многие неправильности — подхалимство, о котором Вася, не стесняясь, рассказывал окружающим. Решено было Сталина Васю, Микояна Степана, Фрунзе Тимура и др. подчинить общешкольному режиму, беречь и любить их, но «не нянчиться» с ними. Вначале все было благополучно, а отдельные отклонения от общего режима быстро ликвидировались, напр. — застаю Васю во время урока в комнате комсорга, делаю ему замечание и Вася немедленно идет в класс, или — получив сведения о плохом поведении Фрунзе Тимура, добиваюсь разговора по телефону с т. Ворошиловой, что оказало влияние на Тимура.

Результаты работы в первом полугодии были плодотворны. Во втором полугодии начались осложнения. Надо указать, что работа в школе протекала исключительно в трудных условиях: отсутствие положения о спецшколе, инертность Наркомпроса в этом вопросе, крайне бедная материальная база, недостаток и текучесть педагогических кадров. Все это усугублялось разобщенностью школы с семьей большого контингента

учащихся — детей крупных ответственных работников, в частности детей членов Политбюро ЦК ВКП(б).

На отсутствие связи школы с семьей я и обращаю особое внимание, считая его кардинальным вопросом.

Вася опаздывает на уроки, не выполняет домашние задания. Вызываем его для беседы, выясняем причины и оказывается, что он просыпает, проводит много времени в манеже и т. п. Школа не может оказать в данном случае воздействия, так как она разобщена с семьей. Вместе с тем передают Ваш приказ завести для Васи второй дневник для подробной записи дисциплины и успеваемости Васи, который об этом ничего не должен знать. Сотрудники НКВД утверждали, что Вы просматриваете дневник, подчеркивая синим и красным карандашом. Но такая система связи школы с семьей себя не оправдала.

Не наладилась связь школы с семьей и Т. Фрунзе. Запросов никогда не поступало, а вызывать представителей семьи на родительские собрания директор не разрешал. Когда у Васи начала снижаться успеваемость, мною лично с ним, при участии классного руководителя, было составлено расписание дополнительных занятий, но Вася от них уклонился и выяснить причину уклонения точно не удалось, так как в это время были отозваны сотрудники НКВД и прекращено ведение второго дневника.

Постепенно Вася все больше начал отходить от общешкольного режима, сознавая бессилие школы воздействовать на него. Комсорг и директор утверждали, что Вася требует особого подхода, что он может притти в такое состояние, когда ни за что нельзя ручаться. В конце учебного года дошло до резких выходов по

отношению, особенно, преподавателя истории В. В. Мартышина. Инцидент с отметкой по истории за IV ч[етверть] Вам уже известен. Об этом было сообщено инспектору ГорОНО т. Крюкову. Мною было назначено Васе весеннее испытание по истории, что директором было отменено. Затем Вася стал манкировать некоторые испытания. Вызванный мною на испытания по русскому языку к 2 ч. дня, он по приезде был отпущен директором.

8 или 9 июня я с комсоргом просили принять нас зам. наркома Просвещения т. Лихачева. Тов. Лихачев назначил прием на 11.VI, но прием отпал, так как в этот день появилась заметка в «Учительской газете» — «Директор — очковтиратель», подробности которой не были тщательно рассмотрены.

Оргвыводы сделаны, но основной вопрос, вопрос воспитания и обучения Васи, Тимура, Степана и др. останется неразрешенным пока не установится настоящая тесная связь школы и семьи и отсюда правильная ориентировка и осведомленность семьи и школы.

Только тогда, несомненно, Вася закончит школу в числе лучших учеников (он способен, но неустойчив), а учитель будет чувствовать под собой твердую почву и будет исключена возможность подвергнуться взысканию наркома, сводящего на нет двадцатилетнюю педагогическую работу».

Н. Макеев — Сталину. 15 июня 1938 г.

Не знаю, почему Василий невзлюбил меня. Может быть, сказала его нелюбовь к немецкому и он механически перенес эту нелюбовь на меня? Не знаю.

Знаю лишь одно, он никогда не выполнял домашние задания, большей частью отказывался пересказать содержание того или иного рассказа, прочитанного в классе, отговариваясь всегда одинаково:

— Я себя плохо чувствую...

Сознавая свою силу, абсолютную безнаказанность, он, не мигая, смотрел на меня в упор своими зеленоватыми глазами, которые казались мне скользкими, словно бы убегающими.

Как-то в самом начале, когда я стала преподавать, я обратилась к Василию.

— Пожалуйста, перескажите мне то, что я сейчас читала.

Он не сразу ответил мне:

— Что-то мне не хочется пересказывать.

Зеленоватые глаза его чуть сощурились.

Я чувствовала, весь класс, затаив дыхание, ждет, что скажу теперь я.

— Хорошо, — сказала я и поставила против его имени в журнале слово из четырех букв: «неуд».

В тот день я не успела выйти из школы, как за мной в раздевалку ринулись три или четыре добровольца.

— Скорее, вас требует директор!

Так и сказали: не просит зайти, а требует.

Я поднялась в директорский кабинет. Хозяин кабинета расхаживал по комнате, от окна к двери и обратно. Завидев меня, он круто обернулся, встал передо

мной, заложил руки в карманы своего полувоенного френча.

— Вы что, — начал он тихо, почти неслышно. — Вы что, с ума сошли?

Бросился к своему письменному столу, схватил со стола классный журнал, раскрыл его.

— Это, это что такое?

— Это «неуд», — сказала я. — Он не захотел пересказывать, сказал, что не хочется. Кроме того, он никогда не выполняет заданий.

Несколько мгновений директор смотрел на меня. Не могу передать ту постепенно меняющуюся гамму различных чувств, которые выражали его глаза, чего только там не было: удивление, негодование, презрение, отвращение.

— Вот что, — начал он, выдержав значительную паузу, должно быть, ожидая каких-то моих оправданий, но я тоже молчала, да и что тут можно было сказать, — вот что, если еще раз вы позволите себе такое...

Он запнулся в поисках нужного слова.

— Такое самоуправство, то, имейте в виду, с нашей школой можете распрощаться.

— Но он же не пожелал отвечать, — сказала я.

Директор мгновенно оборвал меня:

— Значит, не хотел, — директор пристукнул кулаком по столу. — Очевидно, вы забыли наш разговор, повторю еще раз, а вы извольте слушать. Никогда, ни при каких обстоятельствах не делайте Василию замечаний, никогда

не ставьте ему плохие отметки, это уже не ваша забота — ставить ему отметки.

— Но если он не хочет отвечать урок? — спросила я.
— Что же делать тогда? Какой же это пример для всех остальных учеников?

Директор откашлялся, как и всегда, когда намеревался сказать что-то важное, значительное и торжественно произнес:

— Сын товарища Сталина — пример для всех учеников, как бы он ни учился, отвечает ли он урок или не желает отвечать. Сын товарища Сталина — исключение из общего правила.

С тем я и ушла. Исключение из общего правила? Да, так оно и есть, наверное...

Однажды Василия не было в школе около недели, но вдруг он явился к моему уроку. И, не слушая меня, стал напевать что-то.

Я замолчала, он замолчал тоже. Я начала объяснять новое грамматическое правило, он снова запел.

Я спросила:

— Я вам не мешаю?

— Нет, — ответил он, усмехнувшись. — Продолжайте...

Прозвенел звонок. Я вышла на улицу, было холодно, ветрено, снег сыпал крупными хлопьями с неба.

Я шла и плакала.

Л. Уварова.

Цит. по: Краскова В. С. 118–121

«Папа! Я не приеду больше до тех пор пока не кончу школу, хотя очень соскучился по тебе. Осталось недолго и я решил выдержать, потому что я думаю тебе будет приятней встретиться со мной уже окончившим школу, да и мне это будет во много раз приятней. Я думаю, что поймешь меня и согласишься со мной».

В. Сталин — И. Сталину. 13 ноября 1939 г.

Яков: начало трагедии

...А Яша в декабре 1935 года женится во второй раз и снова вопреки воле отца, не одобрявшего выбор сына. Понятно, что отношения между ними могли только ухудшиться. В 1938 году у Якова рождается дочь Галина.

Аллилуев В. С. 49

«Яша был хорош собой, он очень нравился женщинам. Я сама была влюблена в него», — вспоминает Марфа Максимовна Пешкова, внучка Горького».

Васильева Л. С. 92

В 1935 г. Яша приехал из Питера в Москву и поступил в Военную Артиллерийскую Академию. Примерно через год он женился на очень хорошенькой женщине, оставленной ее мужем. Юля была еврейкой, и

это опять вызвало недовольство отца. Правда, в те годы он еще не высказывал свою ненависть к евреям так явно, — это началось у него позже, после войны, но в душе он никогда не питал к ним симпатии.

Аллилуева С. С. 146

Как-то летом 1935 года отец и мать возвращались домой из Серебряного Бора, вместе с ними в машине ехала и Юлия. Неожиданно они увидели на обочине машину, возле которой стоял Яков, в его машине случились какие-то неполадки, родители уговорили Якова поехать домой вместе с ними. Так произошло его знакомство с Юлией, а та уцепилась за него мертвой хваткой и, по существу, женила его на себе: в один прекрасный день она заявила к нему с чемоданами и осталась жить. 11 декабря 1935 года вопреки воле отца брак их состоялся и был зарегистрирован в загсе Фрунзенского района Москвы. Между тем как раз в это время в Урюпинске, где Яков был весной этого года, другая женщина — Ольга Павловна Голышева — ждала от него ребенка. Он родился спустя месяц после регистрации брака Якова с Юлией. Его назвали Женей. Евгений Яковлевич Джугашвили — ныне полковник запаса. Знал ли Яков о рождении сына? Не берусь судить. В нашей семье о существовании Евгения узнали лишь после смерти Сталина, хотя в 1936 году Ольга Голышева при регистрации ребенка отцом его записала Якова Джугашвили.

Аллилуев В. С. 118

«Яша вторично вступил в брак с Юлией Исааковной Бессараб. Она хорошенькая женщина лет 30—32-х, кокетливая, говорит с апломбом глупости, читает романы, поставила себе целью уйти от мужа и сделать «карьеру», что и выполнила. Не знаю, как отнесется к этому И. Она живет уже у Яши, вещи пока у мужа. Боюсь, чтоб она не просчиталась. Яша у нее 3-ий или 4-ый муж. Она старше его. Женщина, которая летом еще говорила, что без покрашенных губ чувствует себя хуже, чем если б она пришла в общество голой — перестала делать маникюр, красить губы и делать прическу — невестка великого человека. Конечно она хорошая хозяйка, женщина, которая возьмет Яшу в руки и заставит его подтянуться и фигурировать, но если он будет подтягиваться за счет отца, то ее афера потерпит фиаско — а она, конечно, метит на это. Поглядим, что будет».

М. Сванидзе. Из дневника от 17 нояб. 1935 г.

Сама Юля была одесситкой, там прошла ее молодость, она танцевала в одном из кафешантанов. Была она на год старше Якова, ее первый муж был секретарь моего отца — Николай Петрович Бессараб.

Аллилуев В. С. 117–118

По утверждениям английской печати, четырежды была замужем, в том числе за заместителем наркома внутренних дел Украины Бессарабом.

Красиков С. С. 154

О второй жене Якова ходило много слухов. Западная пресса смаковала пикантные детали из жизни Юлии Исааковны Мельцер — так звали его новую избранницу, и Сталину докладывали все, что писали по этому поводу западные газеты. А писали они разное: и что она была четырежды замужем, в том числе за заместителем наркома внутренних дел Украины Бессарабом, и что одно время пребывала в любовницах начальника личной охраны Сталина генерал-лейтенанта Власика. Каково было читать подобное о жене своего сына?

Зенькович Н. С. 125

Яша знал все слабости Юлии, но относился к ней, как истинный рыцарь, когда ее критиковали другие. Он любил ее, любил дочь Галочку...

Аллилуева С. С. 95

Иосиф Виссарионович был недоволен выбором Якова, досталось от него и моим родителям за то, что они познакомили сына с Юлией. А все дело в том, что у Юлии был отвратительный характер, с ее приходом в нашей семье начались бесконечные склоки и раздоры, доставлявшие ей искреннее удовольствие, она купалась в этих интригах. Эта женщина всегда ассоциировалась у меня с пиковой дамой, она даже внешне была похожа на нее.

Аллилуев В. С. 118

Папа даже поправился. Рубашки, носки и платки его были в образцовом порядке, пиджак и брюки разутюжены от души. Дед быстро заметил эту перемену. Покрутил папу и сказал: «Вот теперь вижу, что у тебя жена хорошая!»...

Отправляясь в Зубалово знакомиться с Дедом, Ма была совершенно спокойна. Она не сомневалась, что «старик» — понравится. Обиженный за «старика» папа изо всех сил пытался настроить ее на более торжественный лад. Его попытки остановил вопрос: «Яша, ну почему на меня все смотрят?»

Ма оказалась права. Все прошло отлично. «Старик» без конца шутил, кормил Ма с вилки и первый тост поднял в ее честь. Вскоре «молодые» получили уютную двухкомнатную квартиру недалеко от Садового кольца (Дед здраво рассудил, что жить им надо самостоятельно и отдельно).

Джугашвили Г. С. 21, 24

28-го были «тетушки» в Кремле на рождении Светочки (11 лет). Впервые был Яша с женою. И[осиф] не пришел по-моему умышленно. Он отодвигает это удовольствие познакомиться с новой невесткой. И впрямь радости мало. Она хорошенькая, старше Яши — он у нее — 5-й муж, не считая иных прочих, разведенная особа, не умная, мало культурная, поймала Яшу, конечно, умышленно все подстроив. В общем, лучше, если б этого не было. Жаль и нашему не блестящему кругу еще один член общества. Жаль И. Подумать, полуумная О. Е., идиот Федор, слабоумный Павел и Нюра, недалекий Стах,

ленивый Вася, слабохарактерный Яша. Нормальные люди Ал., Женя, я и все искупающая для И. Светочка. Да, еще хорош дедушка, с причудами, но хороший старик — и это близкие более или менее люди для И. И к чему еще Юлия — какая-то авантюристка, как было б хорошо если б Яша женился на скромной, милой девочке из своей революционной семьи, мы б ее любили и баловали — а эта принесла сплетни, злость и пересуды.

М. Сванидзе. Из дневника от 29 дек. 1935 г.

Я любила его за ровность, мягкость и спокойствие... Яша уважал отца и его мнения, и по его желанию он стал военным, но они были слишком разные люди, сойтись душевно им было невозможно. «Отец всегда говорит тезисами», — как-то раз сказал мне Яша...

Аллилуева С. С. 145

«Родился в 1908 году в г. Баку в семье профессионального революционера.

Ныне отец Джугашвили-Сталин И.В. находится на партийной работе.

Мать умерла в 1908 году. Брат Василий Сталин занимается в авиашколе. Сестра Светлана, учащаяся средней школы г. Москвы. Жена, Юлия Исааковна Мельцер, родилась в Одессе в семье служащего. Брат жены служащий г. Одессы. Мать жены — домохозяйка. До 1935 года жена на иждивении отца — училась.

С 1936 г. по 1937 г. работал на электростанции завода им. Сталина в должности дежурного инженера

трубочиста. В 1937 г. поступил на вечернее отделение Артакадеми РККА».

Анкета Я. Джугашвили, заполненная им перед началом войны.

Цит. по: Иосиф Сталин в объятиях семьи. С. 123

Мать довольно часто разговаривала со Сталиным по телефону и всегда это делала спокойно, без какой-либо нервозности. Обычно она шла к И. Ф. Тевосяну, который жил в соседней квартире, и пользовалась его «вертушкой», телефоном спецсвязи, стоявшим у него дома.

— Пойду к Тевосяну, — говорила она в таких случаях, — позвоню Иосифу.

И шла, и звонила, и разговаривала с ним. И никогда ей в этом не было отказа.

Володя Тевосян, сын Ивана Федоровича, вспоминая те годы, говорит:

— «Вертушка» стояла у нас в спальне отца. Анна Сергеевна частенько заходила к нам, и я провожал ее в спальню, где стоял этот телефон. Она набирала номер, и ее соединяли со Сталиным. Разговор обычно касался семейных дел, детей, Светланы, Василия. Иногда Анна Сергеевна жаловалась Сталину на те или иные «художества» его детей...

Аллилуев В. С. 205

А главное — сменилась вся система хозяйства в доме. Раньше мама сама набирала откуда-то людей, понравившихся ей своими человеческими качествами. Теперь же все в доме было поставлено на казенный государственный счет. Сразу же колоссально вырос сам штат обслуживающего персонала или «обслуги» (как его называли, в отличие от прежней, «буржуазной», прислуги). Появились на каждой даче коменданты, штат охраны (со своим особым начальником), два повара, чтобы сменяли один другого и работали ежедневно, двойной штат подавальщиц, уборщиц — тоже для смены. Все эти люди набирались специальным отделом кадров, — естественно, по условиям, какие ставил этот отдел, — и, попав в «обслужу», становились «сотрудниками» МГБ (тогда еще ГПУ).

В 1938 году Берия воцарился в Москве и стал ежедневно бывать у отца, и его влияние на отца не прекращалось до самой смерти. Я говорю не случайно о его влиянии на отца, а не наоборот. Я считаю, что Берия был хитрее, вероломнее, коварнее, наглее, целеустремленнее, тверже, — следовательно сильнее, чем отец. У отца были слабые струны, — он мог сомневаться, он был доверчивее, грубее, резче; он был проще, его можно было провести такому хитрецу, как Берия. Этот знал слабые струны отца — уязвленное самолюбие, опустошенность, душевное одиночество, и он лил масло в огонь, и раздувал его сколько мог, и тут же льстил с чисто восточным бесстыдством. Льстил, славословил так, что старые друзья морщились от стыда, — они привыкли видеть в отце равного товарища...

Аллилуева С. С. 115, 126–127

При мне Сталин приезжал в Зубалово только раз. Это было в середине апреля 1941 года, когда был подписан пакт о нейтралитете между СССР и Японией. То было воскресенье, 13 апреля. После его подписания Сталин и Молотов приехали на дачу. Пакт был чрезвычайно важен для страны, и оба были в хорошем настроении.

Примерно часа за два до их приезда позвонили на дачу и предупредили, что И. В. Сталин намерен приехать в Зубалово. Обычно звонили А. Н. Поскребышев или Н. С. Власик. Был яркий, солнечный день, мы вышли во двор встречать Сталина. Это была первая встреча мамы со Сталиным после их давней ссоры. Они чуть задержались у машины, а потом мы стали подниматься по лестнице — я впереди, а мать и Сталин немного сзади. Иосиф Виссарионович повернулся к моей маме и сказал, кивнув в мою сторону: «Ну вот, за такого сына с тобой и помириться можно!»

Сталин предложил всех собрать за столом. Леонид отправился в Зубалово-2, чтобы привезти Киру, Сергея и Сашу (все это племянники и племянницы Сталина. — *Е. Г.*). Кроме Аллилуевых, был только Молотов, который в те годы был, пожалуй, ближе всех к Сталину и везде его сопровождал. Пока ждали Леонида с домочадцами, подали чай. Рядом со Сталиным оказался красивый набор шоколадных конфет фабрики «Красный Октябрь». Коробка ярко-красного цвета имела форму усеченной пирамиды, когда с нее снималась крышка, она раскладывалась и превращалась в пятиконечную звезду. Центр коробки и пять ее лучей были заполнены шоколадными конфетами и закрывались слюдяными

крышками. Сталин заинтересовался этим набором, который он явно видел впервые, снял крышку и, чтобы добраться до конфет, разорвал слюду. Мне хотелось ему подсказать, что слюду рвать не надо, нужно просто снять с луча свою крышку. Меня тогда поразили его руки, сухие и очень красивые, с коротко подстриженными ногтями на заостренных, почти женских пальцах. Конфеты оказались припудренными плесенью. Тогда досталось всем — детям за то, что «зажрались» и не едят даже такие конфеты, взрослым — за то, что плохо занимаются детьми и гноят продукты, которых в стране еще не изобилие. На этом инцидент был исчерпан.

Аллилуев В. С. *121*

Отец как бы демонстративно отрешился от всех семейных дел, от семьи, от родных и близких ему людей...

Все его существо целиком было посвящено другому, — политике, борьбе, — поэтому чужие люди всегда были для него важнее и значительнее близких.

Аллилуева С. С. *126, 134*

ВОЙНА

«Обманул-таки подлец Риббентроп»

До 16 лет Артем (приемный сын Сталина. — *Е. Г.*) рос в семье Сталина. Последний раз видел его 15 мая 1937 года — ездили вместе на дачу. Сталин, Василий, Светлана, Артем и охранник Власик. В машине Сталин говорил о роли артиллерии в грядущей войне, может, желая подействовать на Артема, мечтавшего стать летчиком. А может, тогда уже в Сталине состоялось убеждение, которое он выскажет позже в лаконичной, характерной сталинской формулировке: «Артиллерия — бог войны».

Как обычно, проезжали по Дорогомиловской улице, и Сталин обратил внимание своего охранника на дом, который строили уже три года:

— Власик, я думаю, что три года и три недели строителям хватит, чтобы соорудить этот дом.

Через двадцать дней — на день раньше! — новоселам вручили ордера на квартиры...

Чуев Ф. С. 61

После прихода Гитлера к власти отношения с Германией резко изменились. Немецкие военные учебные центры на нашей территории были ликвидированы, отношения становились все более враждебными. В связи с этим стали пересматриваться и оперативные планы. Раньше, по прежнему оперативному плану, как основной наш противник на западе рассматривалась Польша; теперь, по новому

оперативному плану, как основной противник рассматривалась гитлеровская Германия.

А. Василевский (Маршал Советского Союза).

Цит. по: *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. М.: Правда, 1990. С. 360

Если вы откроете энциклопедию «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.», вышедшую к 40-летию Победы над фашизмом, и начнете выписывать из нее фамилии всех наркомов, на плечи которых легли все тяготы войны, то вы не можете не быть поражены следующим фактом: из 47 наркомов большинство составляют русские, белорусы, украинцы. То есть еврейских наркомов образца 1934—1935 годов сменили славяне образца 1938—1940 годов... Просто при Сталине некомпетентные евреи вынуждены были уйти со своих постов, а те, кто был сторонником Троцкого и плел заговоры, были посажены в концлагеря или уничтожены. Ведь терять свои посты и привилегии они не хотели. Поэтому и шло яростное сопротивление. Они теряли власть над Россией.

Е. Я. Джугашвили (внук Сталина).

Цит. по: *Краскова В. С.* 342

Когда в апреле 1939 года я был утвержден в должности наркома ВМФ, Сталин уже не любил возражений. Вокруг него образовалась своего рода плотная оболочка из подхалимов и угодников, которые мешали проникнуть к нему нужным людям. Нам, молодым, поднятым волнами беспокойного периода

1937—1938 гг. и пытавшимся, по неопытности, «свое суждение иметь», приходилось быстро убеждаться, что наша участь — больше слушать и меньше говорить.

Н. Г. Кузнецов.

Цит. по: Вождь, хозяин, диктатор. М.: Патриот, 1988. С. 414

Перед войной Сталин предоставлял вести Военный совет Ворошилову, тот сидел за председательским столом, а Сталин за крайним столиком в овальном зале справа. Когда оратор выходил на трибуну и докладывал, Сталин, задавая ему вопросы, подходил вплотную и задавал вопросы лицом к лицу, стоя перед этой трибункой.

Характерный, хотя и малозначительный, может быть, диалог:

— Так вы в Монголии запрещаете пить нашим командирам?

— Запрещаю, товарищ Сталин.

— Может быть, не рекомендуете, скажем так.

— Не рекомендую, товарищ Сталин.

— Ну, это другое дело.

Допускаю, что терпимость Сталина к пьющим людям связана и с его национальностью, с его грузинскими повадками. И она, эта терпимость, могла рождать мысль о том, что он сам пьет, в то время когда сам он не пил много.

Конев И. Записки командующего фронтом. М.: Голос, 2000. С. 130

Перед войной Сталин редко выезжал из Москвы, если не считать его поездок в отпуск на Кавказ. Его поездка в Ленинград после убийства Кирова стала эпохальным событием. Парадные выезды его царственных предшественников не отвечают ни его стилю, ни его политике. Он осторожный человек и лучше всего чувствует себя дома. Он также понимает, что, дистанцируясь от всех, он приобретает какой-то налет таинственности. Если не считать коротких похоронных процессий, когда он идет по короткому маршруту, заранее расчищенному ОГПУ, или когда он появляется на Мавзолее в дни государственных праздников, Сталин, насколько я помню только один раз ходил по улицам Москвы. Его спонтанная прогулка от Большого театра до Кремля произвела фурор, и на следующий день все советские газеты дали ее красочное описание.

Бармин А. *С. 305*

Однажды отец собрал подросших Василия и Артема, позвал старшего Якова:

— Ребята, скоро война, и вы должны стать военными.

Яков и Артем стали артиллеристами, Василий — летчиком. Когда началась Великая Отечественная, все трое отправились на фронт. В первый же день Сталин позвонил в Наркомат обороны, чтобы их взяли немедленно. Это была единственная от него привилегия, как от отца, когда он похлопотал за своих детей. Что бы ни говорили, но это факт: все три сына лидера державы воевали. Яков погиб героем в фашистском концлагере,

Василий летал на истребителях, а Артем, последовательно пройдя все ступени, закончил войну командиром полка и продолжал службу...

Чуев Ф. С. 65

В эти годы уже ощущалось надвигающееся дыхание войны. В одном из разговоров с сыном Сталин сказал об этом напрямик и добавил — Красной Армии требуются хорошие командиры. По совету отца Яков поступил в Военную артиллерийскую академию, которую он закончил перед самой войной летом 1941 года. Выпускнику академии старшему лейтенанту Якову Иосифовичу Джугашвили было тогда 34 года.

Аллилуев В. С. 49

«В 1938 г., после окончания девяти классов средней школы, поступил учиться в Качинскую Краснознаменную школу летчиков, которую окончил в 1940 году, и был назначен летчиком в 16-й истребительный авиаполк 24-й истребительной авиадивизии, в которой прослужил до сентября 1940 года.

18 июня 1945 года

В. Сталин».

Из автобиографии В. Сталина (Архив Министерства обороны).

(Здесь и далее автобиография В. Сталина цит. по: Иосиф Сталин в объятиях семьи: Сб. документов)

«Готовился стать артиллеристом и поэтому пошел учиться в I Московскую Арт. Спец. Школу. Но отец решил, что двум сыновьям в артиллерии быть не следует, и я уехал в летное училище».

Из заявления В. Сталина в Президиум ЦК КПСС.

23 февр. 1953 г.

Василий Сталин на своем «Харлее» и в кожанке прибыл под Севастополь, учиться.

Из воспоминаний неизвестного однокашника В. Сталина.

Цит. по: Васильева Л.

«Товарищу СТАЛИНУ.

Мною был направлен с письмом к начальнику Качинской авиашколы — комбригу т. ИВАНОВУ сотрудник, который на месте выяснил, что узнав о приезде Васи, командование школы сделало для него исключение, с нарушением общих условий, существующих для курсантов.

По прибытии Васи в г. Севастополь на вокзале его встретили комиссар школы — полковой комиссар т. СЕМЕНОВ и работник Особого отдела. По дороге в школу Вася сказал т. СЕМЕНОВУ: «В этом году в Севастополь должен приехать папа отдыхать и, вероятно, заедет на Качу».

Поместили Васю не в общежитие для курсантов, а в отдельный дом для приезжих, в так называемую гостиницу-школу».

Л. Берия — Сталину. 8 декабря 1938 г.

Он, [Василий] Долгушин, Гаранин, Ветров москвичи были, своей командой держались. Жил Василий не с нами в казарме, а в доме комсостава.

Из воспоминаний неизвестного однокашника В. Сталина.

Цит. по: *Васильева Л. С. 118*

«Первые дни питание ему готовили отдельно в комсоставской столовой. Был случай, когда Вася заказал восточное блюдо, изготовление которого не было известно местным поварам и специально был послан человек в Севастополь, чтобы узнать, как готовится это блюдо.

Три-четыре раза на машине, предоставляемой командованием школы, Вася ездил в Севастополь и Мухлатку, звонил по телефону ВЧ в Москву т. ПОСКРЕБЫШЕВУ и в 1-й отдел ГУГБ НКВД.

24 ноября С. г. Вася с начальником штаба школы — ГЕРАСИМЕНКО на территории школы катались на мотоциклах. Вася упал, получил легкие царапины на лице и руках. По просьбе Васи — ГЕРАСИМЕНКО этот факт от командования скрывал несколько дней.

До укомплектования группы Вася занимается с преподавателями индивидуально по теории полетов, изучения материальной части самолета «У-2» и мотора «М-11», а также по уставу. В письме, посланном в адрес Начальника Качинской авиашколы т. ИВАНОВА и

Начальника НКВД Крымской АССР — т. ЯКУШЕВА, мною были даны следующие указания:

а) снять гласную охрану как неприемлемую и организовать агентурную охрану с тем, однако, чтобы была гарантирована сохранность жизни и здоровья Васи.

б) Внимание и заботу в отношении него проявлять не в смысле создания каких-либо особых условий, нарушающих установленный режим и внутренний распорядок авиашколы, а оказания помощи в деле хорошего усвоения программы школы и соблюдения учебной и бытовой дисциплины».

Л. Берия — Сталину. 8 декабря 1938 г.

Многие, знавшие его по Каче, рассказывали мне об одном распоряжении Сталина по поводу сына. Когда Василий прибыл в авиашколу, его поселили в отдельной комнате. «Начальник школы комдив Иванов, — вспоминал Дмитрий Николаевич Цвиленко, — предоставил Васе все условия вольной жизни. Но когда Сталин узнал о тех льготах, он по прямому проводу передал начальнику авиашколы распоряжение немедленно перевести его сына на казарменное положение и предъявлять к нему как к курсанту все требования воинских уставов. В тот же день Василия перевели в первую эскадрилью, и вскоре он стал старшиной подразделения. А до него здесь командовал один товарищ, за которым закрепилось звание старшина Всея Крымского полуострова — Кача-то в Крыму располагалась. Так вот, у того старшины было много собственных афоризмов и постулатов. Скажем, спрашивает у курсантов, как правильно носить пилотку, и тут же наставляет: «Пилотка, товарищи курсанты,

носятся — два пальца от брове и один палец от ухе». Василя курсанты любили. Как старшина, он был требовательным, но справедливым, а в повседневной жизни добрым и отзывчивым человеком. Отец ему никогда ничего не присылал, но иной раз приходили посылки от Ворошилова и Молотова. Василий тогда распечатывал их при всех и делил содержимое поровну — будь тут 20 человек или 100...

Грибанов С. С. 245–246

В гараже выпьет — и на мотоцикл. Чуть не разбился однажды. Вывихнул ногу, попал в госпиталь, оттуда прямиком в нашу эскадрилью. Вдогонку телеграмма. Текст и сейчас наизусть помню: «Курсанта Сталина содержать на общих основаниях. И. Сталин».

Перевели Василя в казарму на 39 человек. Вообще он казался простым парнем. В курилку зайдет, всех «Казбеком» угостит.

Обучались мы на И-16. Строгая машина. Много жизней унесла. Василий, правда, на И-16 летать отказался. Специально для него оборудовали ДС-16.

Из воспоминаний неизвестного однокашника В. Сталина.

Цит. по: *Васильева Л. С.* 118–119

«Здравствуй дорогой папа!

Большое спасибо за письмо. Я живу хорошо. Занимаюсь много и пока успешно.

Товарища себе уже нашел, некого Мишу Лепина, очень хорошего и умного парня.

Думаю подать заявление в партию. Придется много готовиться, но ни чего, думаю, что примут.

Вообще живем очень хорошо и весело. Приехало новое пополнение курсантов и все из Москвы. Пятнадцать человек.

Погода у нас испортилась. Дуют очень сильные северные ветры, но пока погода летная и я летаю».

В. Сталин — И. Сталину. 15 декабря 1938 г.

«Политически грамотен. Предан делу партии Ленина-Сталина и нашей родине. Живо интересуется и хорошо разбирается в вопросах международного и внутреннего положений. Хороший общественник, активно участвует в общественно-комсомольской организации звена. Самокритичный, несколько резковат в быту с курсантами. Вообще с курсантами уживчив и пользуется хорошим авторитетом.

Теоретическая успеваемость хорошая. Может учиться отлично, мало оценивает теоретическую учебу, особенно систематическое изучение предмета. Любит учить «залпом» — сразу, не усидчивый. Летным делом интересуется. Летать любит. Усвоение отличное, закрепление хорошее, недооценивает «мелочей» в технике пилотирования, вследствие чего допускает отклонения в полете, которые после серьезного, решительного замечания изживает и не допускает в последующих полетах.

Воинская дисциплина хорошая, имел ряд нарушений в начале обучения: опаздывание в Учебно-летное отделение, выход на полеты не бритым, пререкание со старшиной группы, стремился оправдать их объективными причинами. В последнее время резко улучшилась дисциплина, откровенно признает и охотно изживает недостатки.

Общая оценка техники пилотирования ОТЛИЧНАЯ.
<...>

Пилотаж любит и чувствует себя на нем хорошо. Осмотрительность в полете отличная. Пилотирует энергично, свободно. В полете инициативный, решительный. На контрольных полетах несколько волнуется.

На неудачи в полете реагирует болезненно, внутренняя досада на себя, особенно в элементах полета, которые уже делал хорошо.

Считаю, что курсант т. Сталин к самостоятельному вылету готов».

Летно-строевая характеристика В. И. Сталина.

17 февраля 1939 г.

Цит. по: *Грибанов С. Заложники времени*

«Лично проверьте не допускалось ли перескакивания в летном обучении при проведении вывозных полетов курсанта Василия С. Впредь лично и тщательно за этим следите и этого не допускать, не торопиться. Продолжать дальнейшее обучение выдержкой не переутомлять тщательным контролем и отшлифовкой с инструктором всех элементов полета

особо расчета на посадку удлинить тренировку с инструктором».

Телеграмма Управления ВВС РККА

Командованию Качинской авиашколы.

20 февраля 1939 г.

«Курсант Сталин Василий сегодня выпущен самостоятельно самолете У-два оценкой отлично

Комбриг Иванов.

Верно: комдив подпись».

Телеграмма Начальника Качинской авиашколы —

Управлению ВВС РККА.

20 февраля 1939 г.

«Политически грамотный, предан делу партии Ленина-Сталина и социалистической родине. Политически и морально устойчивый. Может хранить военную тайну. Хорошо разбирается и живо интересуется вопросами международного и внутреннего положения страны. Общее развитие хорошее. Пользуется хорошим деловым и политическим авторитетом среди товарищей, активно участвует в общественной жизни части. Энергичный, инициативный, настойчивый, принятое решение доводит до конца, требовательный к подчиненным, как старшина отряда, внимательный к запросам подчиненных, резковат в обращении, иногда в разговорах с вышестоящими командирами. Лично

дисциплинированный, может служить примером для других, охотно делится с товарищами своими знаниями. Теоретическая успеваемость отличная. Техника пилотирования отличная. Больше интересуется практическими занятиями по всем предметам, недооценивает теоретическую часть их. Хорошо усвоил полеты в закрытой кабине и штурманские, отлично выполнял полеты на высоту с кислородом, отлично летает строем. Летать любит, но недостаточно тщательно готовится к полетам, необходим контроль за подготовкой к полетам. Физически развит хорошо. Строевая подготовка отличная.

По личным и летным качествам может быть использован в истребительной части, как летчик истребитель и достоин присвоения военного звания «ЛЕЙТЕНАНТА», т. к. все предметы и технику пилотирования сдал на отлично».

Выпускная аттестация В. И. Сталина.

25 марта 1940 г.

Попав на Качу к распределению курсантов по частям, я решил выяснить, нет ли среди выпускников талантливых летунов, которых можно бы рекомендовать в наш институт. В разговоре с инструкторами узнал, что среди качинцев сын Сталина Василий. Это, конечно, заинтересовало меня: для нашего НИИ такой кадр был бы весьма полезен.

Знакомлюсь с инструктором Василия, высказываю ему соображения, но тот быстро развеял мои надежды. Он сказал, что летает Василий смело, с охотой, профессию летчика любит, но работать консультантом у

конструкторов не пойдет — хочет стать авиационным командиром. Тогда я решил сам поговорить с выпускником и попросил инструктора познакомить с ним.

Помню, по всем правилам устава мне представился стройный, красивый паренек, почти юноша. Был он уже в летной форме, на отца, которого я не раз очень близко видел на совещаниях в Кремле, не походил. Я поздравил Василия с окончанием школы. Он вежливо поблагодарил. Тогда я спросил, доволен ли он своим назначением — младшим летчиком в истребительный полк. Ответ был утвердительным. «А на каких самолетах вы летали в последнее время?» — решил я заинтересовать молодого пилота новой техникой. Василий ответил, что выбрал для себя работу летчика-истребителя, поэтому летал на И-16, И-153 последнего выпуска. А до этого — на самолетах Р-1 и Р-5. «Замечаний по технике пилотирования имел мало, — сказал Василий, потом добавил: — Может, потому, что фамилия такая — Сталин. Но все инструкции и наставления, рекомендованные вашим институтом, я старался выполнять в точности. В небе вольности недопустимы».

Мне понравились и сам молодой летчик, и его рассуждения. И я предложил ему работать в нашем НИИ испытателем, привел доводы в пользу такого перехода. Василий выслушал меня внимательно, но все-таки отказался...

В. Пчелко (бывший представитель НИИ ВВС).

Цит. по: *Грибанов С. С. 92–93*

«Училище окончил отлично со званием лейтенант. С момента окончания училища для меня разговор с отцом,

как с отцом, почти перестал существовать. Каждая встреча превращалась в разговор о ВВС...»

Из заявления В. Сталина в Президиум ЦК КПСС.

23 февр. 1953 г.

Может показаться странным, что даже в авиации он [Сталин] являлся авторитетом. Вот подтверждение того же Байдукова:

— Сталин имел большие познания в техническом оснащении самолетов. Бывало, соберет професси́у поодиночке, разберется во всех тонкостях. Потом на совещании как начнет пулять тончайшими вопросами, — мы все рты поразеваем от удивления.

Рыбин А. С. 13

Его интересовали состояние и уровень немецкой, английской и французской авиации. Я был поражен его осведомленностью. Он разговаривал как авиационный специалист.

— А как вы думаете, — спросил он, — почему на истребителях «Спитфайр» ставят мелкокалиберные пулеметы, а не пушки?

— Да потому, что у них авиапушек нет, — ответил я.

— Я тоже так думаю, — сказал Сталин. — Но ведь мало иметь пушку, — продолжал он. — Надо и двигатель приспособить под установку пушки. Верно?

— Верно.

— У них ведь и двигателя такого нет?

— Нет.

— А вы знакомы с работой конструктора Климова — авиационным двигателем, на который можно установить двадцатимиллиметровую авиационную пушку Шпитального?

— Знаком.

— Как вы расцениваете эту работу?

— Работа интересная и очень полезная.

— Правильный ли это путь? А может быть, путь англичан более правильный? Не взялись бы вы построить истребитель с мотором Климова и пушкой Шпитального?

— Я истребителями еще никогда не занимался, но это было бы для меня большой честью.

— Вот подумайте над этим.

Яковлев А. С. 134

— Во время финской войны Сталину привезли новый пулемет на полозьях. Сталин попросил себе винтовку из караулки, лазил по ковру с этим пулеметом, нашел несколько недостатков — с большим знанием дела.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 345*

Вспоминается такой эпизод. Я впервые встретился с немецкими танками «королевские тигры» в период битвы на Западной Украине. Для того чтобы эффективно бороться с ними, приходилось все время таскать с места

на место 152-миллиметровые пушки-гаубицы и 122-миллиметровые пушки, которыми не так-то легко маневрировать. Однако нам ничего не оставалось делать. Мы вынуждены были идти на это, потому что в то время у нас не было другой возможности остановить немецкий тяжелый танк с очень сильной лобовой броней и с очень мощным мотором. Все другие средства были малоэффективны. Мы выдвигали эти орудия и не пропускали «королевских тигров». Но все это происходило с огромными трудностями.

Я позвонил Сталину и сказал, что, по мнению, сложившемуся у нас на фронте, пора поставить на наш танк «ИС» 122-миллиметровую пушку. Она била бы любую броню на любых немецких танках. Сталин выслушал меня и сказал:

— Это правильно, предложение хорошее. Я сам уже не раз обращался к этому вопросу. У нас уже возникла тревога, что наш танк слабо вооружен и не может быть противопоставлен тяжелому немецкому танку с его вооружением. Я уже дал задание товарищу Малышеву, а вы сами ему позвоните, чтобы он ускорил решение вопроса об установке 122-миллиметровой пушки на танк «ИС-3».

Это был только один из многих разговоров с ним. Он дает представление о том, насколько Сталин был знаком с характером вооружения, с основными данными тех или иных самолетов, танков и артиллерийских систем.

Конев И. С. 496–497

— У Сталина была поразительная работоспособность... Я это точно знаю. То, что ему нужно

было, он досконально знал и следил. Это совершенно правильно. И смотрел не в одну сторону, а во все стороны. Это политически важно было, скажем, авиация — так авиация... (Я спросил выдающегося авиаконструктора А. С. Яковлева, разбирался ли Сталин в авиации, ответ был: «О-о-о!» — Ф. Ч.) Пушки — так пушки, танки — так танки, положение в Сибири — так положение в Сибири, политика Англии — так политика Англии, одним словом, то, что руководитель не должен был выпускать из своего поля зрения...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 315*

Уже накануне войны Сталин провел заседание, на котором спросил командующего ВВС П. В. Рычагова об аварийности в Военно-воздушных силах. Павел Васильевич, 30-летний главком, не имевший страха ни перед противником в бою, ни перед гневом начальства, ответил:

«Аварийность и будет высокая. Потому что вы нас заставляете летать на гробах» Сталин покраснел, остановил суровый взор на Рычагове — все замерли. И тогда, выдержав паузу, с известным акцентом он произнес: «Вы не должны были так сказать». Повторил эту фразу еще раз и распорядился: «Заседание закрывается».

Грибанов С. С. 157

— К технике у Сталина было огромное чутье. Он никогда не занимался техникой специально, не изучал

совершенно, по крайней мере. Я у него никогда ни одной технической книги не видел, но он разбирался в сообщениях и то, что получал от конструкторов и заводов, внимательно читал, сопоставлял, тут же находил слабые места и выходил из положения.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 315*

Сравнение отечественной авиации с немецкой (к тому времени, о котором идет речь, перед войной. — *Е. Г.*) было в нашу пользу. Созданные советскими конструкторами истребители быстрее и маневреннее немецких. Ильюшинский штурмовик — уникален. Но огорчались мы тем, что на вооружении нашей авиации новых машин находилось еще немного: процесс их серийного производства только разворачивался. В 1940 году было произведено всего 64 истребителя ЯК-1, 20 истребителей МиГ-3. Пикирующих бомбардировщиков ПЕ-2 насчитывалось лишь два экземпляра. В первой половине 1941 года было выпущено 1946 истребителей МиГ-3, ЯК-1, ЛАГГ-3, 458 бомбардировщиков ПЕ-2 и 249 штурмовиков ИЛ-2. В Военно-Воздушных Силах подавляющее большинство боевых самолетов было старых марок. Но машин таких имелось у нас много, и это несколько успокаивало.

Яковлев А. С. 190

Глубокой ночью в Кремле в августе 1942 года Сталин познакомил меня с одним аспектом советской позиции. «У нас создалось впечатление, — сказал Сталин, — что правительства Англии и Франции не

приняли решения вступить в войну в случае нападения на Польшу, но надеялись, что дипломатическое объединение Англии, Франции и России остановит Гитлера. Мы были уверены, что этого не будет». «Сколько дивизий, — спросил Сталин, — Франция выставит против Германии после мобилизации?» Ответом было: «Около сотни». Тогда он спросил: «А сколько дивизий пошлет Англия?» Ему ответили: «Две и еще две позднее». «Ах, две и еще две, позднее, — повторил Сталин. — А знаете ли вы, — спросил он, — сколько дивизий мы выставим на германском фронте, если мы вступим в войну против Германии?» Молчание. «Больше трехсот». Сталин не сказал мне, с кем или когда произошел этот разговор. Нужно, признать, что это была действительно твердая почва, впрочем, неблагоприятная для сотрудника министерства иностранных дел Стрэнга.

Для того чтобы выторговать более выгодные условия в переговорах, Сталин и Молотов считали необходимым скрывать свои истинные намерения до самой последней минуты. Молотов и его подчиненные проявили изумительные образцы двуличия во всех сношениях с обеими сторонами. Уже 4 августа германский посол Шуленбург мог телеграфировать из Москвы только следующее:

«Из всего отношения Молотова было видно, что Советское правительство фактически более склонно к улучшению германо-советских отношений, но что прежнее недоверие к Германии еще не изжито. Мое общее впечатление таково, что Советское правительство в настоящее время полно решимости подписать соглашение с Англией и Францией, если они выполнят все советские пожелания. Переговоры, конечно, могли бы продолжаться еще долго, в особенности потому, что

недоверие к Англии также сильно... С нашей стороны потребуются значительные усилия, чтобы заставить Советское правительство совершить поворот».

Ему не стоило беспокоиться: жребий был брошен.

Черчилль У. *Вторая мировая война. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 80–81.*

На протяжении тех же лет, 1934—1939, Гитлера занимали проблемы противоположного, нежели Сталина, характера: внешняя политика и перевооружение, а не внутренние проблемы. Если Сталину в 1938—1939 гг. пришлось все больше внимания уделять внешней политике и обороне, то не по причине собственных экспансионистских амбиций или желания распространять революцию, а из-за того, что успехи Германии угрожали его достижениям в Советском Союзе. Эта угроза стала очевидной и распространилась до восточных границ России благодаря Антикоминтерновскому пакту.

Высказывают мнение, что программу внешней политики, которую Гитлер изложил в «Майн Кампф» и «Второй книге», нельзя рассматривать всерьез как руководство для политики, которая завершилась пактом с Советской Россией, державой, уничтожить которую он поставил себе целью, и войной с Англией, державой, к союзу с которой он стремился. Но, рассуждая таким образом, мы забываем о разнице между конечной целью Гитлера (расистской империей на Востоке) и тактикой, к которой он прибегал для достижения этой цели. Первая оставалась неизменной, но именно сочетанию последовательности в достижении цели, даже когда он подписывал германо-советский пакт, с поразительной гибкостью тактики он обязан своим успехам. Незадолго

до того, как Риббентроп слетал в Москву, Гитлер 11 августа 1939 года сказал Карлу Буркхардту, комиссару Лиги Наций в Данциге:

«Все, что я предпринимаю, направлено против русских. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, тогда я буду вынужден пойти на соглашение с русскими, побить Запад и затем, после его поражения, снова повернуть против Советского Союза со всеми моими силами. Мне нужна Украина, чтобы они не могли уморить нас голодом, как это случилось в последней войне».

Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. В 2 т. Смоленск, 1994. Т. 2. С. 210

Вечером 19 августа Сталин сообщил Политбюро о своем намерении подписать пакт с Германией. 22 августа союзнические миссии лишь вечером смогли разыскать маршала Ворошилова. Вечером он сказал главе французской миссии: «Вопрос о военном сотрудничестве с Францией висит в воздухе уже несколько лет, но так и не был разрешен. В прошлом году, когда погибала Чехословакия, мы ждали от Франции сигнала, но он не был дан. Наши войска были наготове... Французское и английское правительства теперь слишком затянули политические и военные переговоры. Ввиду этого не исключена возможность некоторых политических событий».

На следующий день в Москву прибыл Риббентроп.

Черчилль У. С. 81

В конце августа 1939 года в Москву на четырехмоторном пассажирском самолете «Кондор» прилетел министр иностранных дел гитлеровской Германии Риббентроп. Он явился с предложением заключить договор о ненападении между Советским Союзом и Германией.

Яковлев А. С. 143

Я получил указание лететь в Москву с Риббентропом, чтобы присутствовать на его встрече со Сталиным. В этом случае я ехал не в качестве переводчика, так как я не говорил по-русски. В мои функции входило составление отчета о ходе переговоров и запись любых соглашений, которые могут быть достигнуты. Этого я ожидал меньше всего. Переводчик по сути своей профессии вряд ли не найдет слов, но в этом случае все слова вылетели бы у меня из головы, если бы я попытался выразить свое изумление. Друзья действительно намекали мне, что Гитлер уже некоторое время кокетничает идеей сближения с Советским Союзом. Человек, связанный и с Гитлером, и с Риббентропом, Гевел, тоже рассказывал мне, с каким восторгом, почти с восхищением Гитлер говорил о Сталине, когда в Канцелярии показывали кинохронику, в которой русский диктатор дружелюбно кивал своим солдатам на параде. Но я не придавал особого значения таким вещам, и в результате новый поворот оказался для меня почти таким же сенсационным, как для Германии и всего мира. «Зловещая новость разразилась над миром как взрыв», — пишет Черчилль в своей книге «Приближение бури».

**Шмидт П. (личный переводчик Гитлера).
Переводчик Гитлера. Смоленск: Русич, 2001. С.
181–182**

23 августа во второй половине дня, между 4 и 5 часами, мы в самолете фюрера прибыли в московский аэропорт, над которым рядом с флагом Советского Союза развевался флаг рейха. Мы были встречены нашим послом графом фон дер Шуленбургом и русским послом Потемкиным (Потемкин в то время был первым заместителем наркома иностранных дел СССР. — *Е. Г.*). Обойдя строй почетного караула советских военно-воздушных сил, который произвел на нас хорошее впечатление своим внешним видом и выправкой, мы в сопровождении русского полковника направились в здание бывшего австрийского посольства, в котором я жил в течение всего пребывания в Москве.

Риббентроп И. фон. Мемуары дипломата. Смоленск, 1998. С. 186–187

Когда в тридцать девятом году Риббентроп летел в Москву на своем самолете, то по дороге, в районе Великих Лук (не убежден, точно ли называю пункт. — *К. С.*), он был обстрелян нашей зенитной батареей. Командир зенитной батареи приказал открыть стрельбу по этому самолету — таково, видимо, было его настроение в отношении немцев. Мало того, что была открыта стрельба, на самолете, как впоследствии выяснилось, уже после посадки в Москве, были пробоины от попадания осколков.

Я знаю всю эту историю, потому что был направлен с комиссией для расследования этого дела на месте. Но самое интересное, что, хотя мы ждали заявления от немцев, их протеста, ни заявления, ни протеста с их стороны не последовало. Ни Риббентроп, ни сопровождающие его лица, ни сотрудники германского посольства в Москве никому не сообщили ни одного слова об этом факте. (Мои собственные соображения, что реакция немцев очень показательна. Видимо, они решили добиться заключения договора во что бы то ни стало, невзирая ни на что, именно поэтому не заявили протеста, который мог хотя бы в какой-то мере помешать намеченному. — К. С.)

А. Василевский.

Цит. по: *СИМОНОВ К. С.* 358

Что прежде всего поразило меня, едва я вышел из самолета, так это щит со словом «Москва», написанным по-французски, а рядом с ним флаг со свастикой в дружеском соприкосновении с флагом с серпом и молотом. Перед ним стоял Потемкин, депутат народного комиссариата иностранных дел, чья фамилия, казалось, символически подчеркивала нереальность всей сцены. Он возглавлял делегацию официальных лиц, прибывших встретить нас. С ним были итальянский посол Россо, с которым я познакомился в Женеве, и немецкий посол фон Шуленбург. Мы поехали в Москву в русских машинах, очень удобных и похожих на американские бьюики.

Шмидт П. С. 183–184

После шести лет официально проповедуемой вражды к Гитлеру и нацизму такой поворот событий в глазах многих был подобен землетрясению. Возникшее замешательство отразилось даже на самой церемонии приема Риббентропа в Москве. У русских не было нацистских флагов. Наконец их достали — флаги с изображением свастики — на студии «Мосфильм», где снимались антифашистские фильмы. Советский оркестр спешно разучил нацистский гимн. Этот гимн был сыгран вместе с «Интернационалом» в аэропорту, куда приземлился Риббентроп. После короткой церемонии Риббентропа увезли в Кремль, где немедленно начались переговоры.

Ч. Болен (посол США в СССР).

Цит. по: *Соловьев Б., Суходеев В.* Полководец Сталин. М., 2000

Сначала у меня состоялась в германском посольстве беседа с нашим послом графом Шуленбургом. Туда мне сообщили, что сегодня в 6 часов меня ожидают в Кремле. Кто именно будет вести переговоры со мной — Молотов или сам Сталин, — сообщено не было. «Какие странные эти московские нравы!» — подумал я про себя. Незадолго до назначенного срока за нами заехал широкоплечий русский полковник (как я слышал, это был начальник личной охраны Сталина!), и вскоре мы уже въезжали в Кремль. По дороге Шуленбург обращал мое внимание на некоторые исторические здания. Затем мы остановились у небольшого подъезда и нас провели вверх по короткой, похожей на башенную лестнице. Когда мы поднялись, один из сотрудников ввел нас в продолговатый кабинет, в конце которого нас стоя

ожидал Сталин, рядом с ним стоял Молотов. Шуленбург даже не смог удержать возглас удивления: хотя он находился в Советском Союзе вот уже несколько лет, со Сталиным он еще не говорил никогда.

После краткого официального приветствия мы вчетвером — Сталин, Молотов, граф Шуленбург и я — уселись за стол. Кроме нас присутствовал наш переводчик — советник посольства Хильгер, прекрасный знаток русской жизни, и молодой светловолосый русский переводчик Павлов, который явно пользовался особым доверием Сталина.

Риббентроп И. фон. С. 187

В два часа ночи был подписан Советско-германский пакт о ненападении.

Болен Ч.

Цит. по: *Соловьев Б., Суходеев В. С. 239*

От Советского Союза договор был подписан, как известно, Молотовым, и поэтому он получил неофициальное название «пакт Молотова-Риббентропа».

Медведев Р. А. Они окружали Сталина. М.: Политиздат, 1990. С. 36

Сталин с первого же момента нашей встречи произвел на меня сильное впечатление: человек необычайного масштаба. Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердый, но при этом и великодушный стиль ведения переговоров показывали,

что свою фамилию он носит по праву. Ход моих переговоров и бесед со Сталиным дал мне ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, — человека, который сумел сплотить двухсотмиллионное население своей империи сильнее, чем какой-либо царь прежде.

Риббентроп И. фон. С. 190

Фигура, которую Сталин двинул теперь на престол советской внешней политики, заслуживает некоторого описания, которое в то время не было доступно ни английскому, ни французскому правительству. Вячеслав Молотов был человеком выдающихся способностей и хладнокровной беспощадности. Он пережил ужасающие случайности и испытания, которым все большевистские лидеры подвергались в годы победоносной революции. Он жил и преуспевал в обществе, где постоянно меняющиеся интриги сопровождались постоянной угрозой личной ликвидации. Его подобная пушечному ядру голова, черные усы и смысленные глаза, его каменное лицо, ловкость речи и невозмутимая манера себя держать были подходящим выражением его качеств и ловкости. Больше всех других он годился для того, чтобы быть представителем и орудием политики не поддающейся учету машины. Я встречал его на равной ноге только в переговорах, где иногда проявлялись проблески юмора, или на банкетах, где он благодушно предлагал длинную серию традиционных и бессмысленных тостов. Я никогда не встречал человека, более совершенно представляющего современное

понятие работа. И при всем том это все же был, видимо, толковый и остро отточенный дипломат... один за другим щекотливые, испытующие, затруднительные разговоры проводились с совершенной выдержкой, непроницаемостью и вежливой официальной корректностью. Ни разу не обнаружилась какая-либо щель. Ни разу не была допущена ненужная полуоткровенность. Его улыбка сибирской зимы, его тщательно взвешенные и часто разумные слова, его приветливая манера себя держать делали его совершенным орудием советской политики в дышащем смертью мире.

Переписка с ним по спорным вопросам всегда была бесполезна и, если заходила далеко, кончалась лганьем и оскорблениями. Только раз я как будто видел у него нормальную человеческую реакцию. Это было весной 1942, когда он остановился в Англии на обратном пути из Соединенных Штатов. Мы подписали англо-советский договор, и ему предстоял опасный полет домой. У садовой калитки на Даунинг-стрит, которой мы пользовались для сохранения секрета, я крепко взял его за руку, и мы посмотрели друг другу в лицо. Внезапно он показался глубоко взволнованным. За маской показался человек. Он ответил мне таким же рукопожатием, и это было жизнью или смертью для многих... В Молотове советская машина, без сомнения, нашла способного и во многих отношениях типичного для нее представителя — всегда верного члена партии и последователя коммунистической доктрины... Мазарини, Талейран, Меттерних приняли бы его в свою компанию, если бы существовал другой мир, в который большевики позволяли себе входить....

У. Черчилль.

Цит. по: *Медведев Р.* Они окружали Сталина. М.: Политиздат, 1990. С. 64–66

В 1939 году, когда сняли Литвинова и я пришел на иностранные дела, Сталин сказал мне: «Убери из наркомата евреев». Слава богу, что сказал! Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно. Латыши и евреи... И каждый за собой целый хвост тащил. Причем свысока смотрели, когда я пришел, издевались над теми мерами, которые я начал проводить...

Сталин, конечно, был настороже в отношении евреев. Тем не менее самым преданным ему был Каганович. Берия за спиной Кагановича говорил: «Лазарь, этот Израиль».

Сталин не был антисемитом, как его порой пытаются изобразить. Он отмечал в еврейском народе многие качества: работоспособность, спаянность, политическую активность. У них активность выше средней, безусловно. Поэтому есть очень горячие в одну сторону и очень горячие в другую. В условиях хрущевского периода эти, вторые, подняли голову, они к Сталину относятся с лютой ненавистью.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф.* С. 332–333

Преобладание евреев в этом комиссариате в годы моего пребывания в России (с 1922 по 1934 — *С. Г.*) было

почти смехотворным; русские были представлены седым швейцаром и пожилыми, опустившегося вида женщинами, разносившими чай.

У. Г. Чемберлен (английский журналист).

Цит. по: *Грибанов С.* Сталин и евреи. М., 2000. С. 33.

(Далее цит.: *Грибанов С.*)

...Само собою обнаруживалось и различие между Сталиным и Молотовым.

У Молотова нельзя было проследить ни за мыслью, ни за процессом ее зарождения. Так же и характер его оставался всегда замкнутым и неопределенным. Сталин же обладал живым и почти беспокойным темпераментом. Он спрашивал — себя и других, и полемизировал — сам с собою и с остальными. Не хочу сказать, что Молотов не проявлял темперамента или что Сталин не умел сдерживаться и притворяться — позже я и того и другого видел и в этих ролях. Просто Молотов был всегда без оттенков, всегда одинаков, вне зависимости от того, о чем или о ком шла речь, в то время как Сталин был совсем другим в своей коммунистической среде. Черчилль охарактеризовал Молотова как совершенного современного робота. Это верно. Но это только внешняя и только одна из его особенностей, Сталин был холоден и расчетлив не меньше, чем Молотов. Но у Сталина была страстная натура со множеством лиц — причем каждое из них было настолько убедительно, что казалось, что он никогда не притворяется, а всегда искренне переживает каждую из своих ролей. Именно поэтому он обладал большей проницательностью и большими

возможностями, чем Молотов. Создавалось впечатление, что Молотов на все — в том числе на коммунизм и его конечные цели — смотрит, как на величины относительные, как на что-то, чему он подчиняется не столько по собственному хотению, сколько в силу неизбежности. Для него как будто не существовало постоянных величин. Преходящей, несовершенной реальности, ежедневно навязывающей нечто новое, он отдавал себя и всю свою жизнь. И для Сталина все было преходящим. Но это была его философская точка зрения. Потому что за преходящим и в нем самом — за данной реальностью и в ней самой — скрываются некие абсолютные великие идеалы, его идеалы, к которым он может приблизиться, конечно исправляя и сменяя при этом саму реальность и находящихся в ней живых людей.

Глядя в прошлое, мне кажется, что Молотов со своим релятивизмом и способностью к мелкой ежедневной практике, и Сталин со своим фанатическим догматизмом, более широкими горизонтами и инстинктивным ощущением будущих, завтрашних возможностей — идеально дополняли друг друга. Больше того, Молотов, хотя и маломочный без руководства Сталина, был последнему во многом необходим. Хотя оба не стеснялись в выборе средств, мне кажется, что Сталин их все-таки внимательно обдумывал и сообразовывал с обстоятельствами. Для Молотова же выбор средств был заранее безразличен и не важен. Я думаю, что он не только подстрекал Сталина на многое, но и поддерживал его, устраняя его сомнения. И хотя главная роль в претворении отсталой России в современную промышленную имперскую силу, принадлежит Сталину, — благодаря его многогранности и пробивной силе, —

было бы ошибочно недооценивать роли Молотова, в особенности как практика.

Молотов и физически был как бы предназначен для такой роли: основательный, размеренный, собранный и выносливый. Он пил больше Сталина, но его тосты были короче и нацелены на непосредственный политический эффект. Его личная жизнь была незаметной, и когда я через год познакомился с его женой, скромной и изящной, у меня создалось впечатление, что на ее месте могла быть и любая другая, способная выполнять определенные, необходимые ему функции.

Джилас М. Разговоры со Сталиным. Нью-Йорк, 1962. С. 66–68

Он [Молотов] присутствовал при всех беседах Сталина с иностранцами, хотя в них практически не участвовал, а больше молчал. Иногда сам Сталин обращался к нему по какому-либо конкретному вопросу, называя его «Вячеслав». Молотов же в присутствии посторонних строго придерживался официального «товарищ Сталин».

Бережков В. М. Рядом со Сталиным. М.: Вагриус, 1999. С. 237

Характерно было его отношение к Молотову — очевидно, Сталин считал его своим ближайшим сотрудником. Как я убедился позже, Молотов был единственным из членов Политбюро, к которому Сталин обращался на «ты», это много значит, если принять во

внимание, что русские часто обращаются на «вы» даже к довольно близким людям.

Джилас М. С. 59

Молотов позволял себе спорить со Сталиным.

Д. Шепилов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 315*

...В том же самом помещении (это был служебный кабинет Молотова) был сервирован небольшой ужин на четыре персоны. В самом начале его произошло неожиданное событие: Сталин встал и произнес короткий тост, в котором сказал об Адольфе Гитлере как о человеке, которого он всегда чрезвычайно почитал. В подчеркнута дружеских словах Сталин выразил надежду, что подписанные сейчас договоры кладут начало новой фазе германо-советских отношений. Молотов тоже встал и тоже высказался подобным образом. Я ответил нашим русским хозяевам в таких же дружеских выражениях. Таким образом, за немногие часы моего пребывания в Москве было достигнуто такое соглашение, о котором я при своем отъезде из Берлина и помыслить не мог и которое наполняло меня теперь величайшими надеждами насчет будущего развития германо-советских отношений.

Риббентроп И. фон. С. 189–190

...Риббентроп и его спутники восторженно описывали небольшой импровизированный праздник, который Сталин устроил после подписания этого соглашения. Как «добрый отец семейства», Сталин лично

позаботился о своих гостях. По русскому обычаю, тосты следовали один за другим. Сталин предложил выпить за здоровье Гитлера со словами: «Я знаю, как сильно народ Германии любит своего фюрера. Поэтому я хотел бы выпить за его здоровье».

Шмидт П. С. 181–182

— Сталин немецкий знал немножко?— В Европе бывал. Понимал.

— Когда Риббентроп говорил, он понимал?

— Нет, не понимал. И я не понимал. Самые разнообразные бывают разговоры, меня спрашивают: «На скольких языках вы говорите?» Я всем отвечаю: «На русском».

Из беседы Ф. Чуева с В. Молотовым.

Цит. по: Чуев Ф. С. 315

Заслуживающим упоминания кажется мне небольшой, но характерный эпизод, произошедший в конце этого вечера. Я спросил Сталина, может ли сопровождавший меня личный фотограф фюрера сделать несколько снимков. Сталин согласился, и это был первый случай, когда он разрешил фотографировать в Кремле иностранцу. Когда же Сталин и мы, гости, были сняты с бокалами крымского шампанского в руках, Сталин запротестовал: публикации такого снимка он не желает! По моему требованию фоторепортер вынул пленку из аппарата и передал ее Сталину, но тот отдал ее обратно, заметив при этом: он доверяет нам, что снимок опубликован не будет. Эпизод этот незначителен, но

характерен для широкой натуры наших хозяев и для той атмосферы, в которой закончился мой первый визит в Москву.

Риббентроп И. фон. С. 190

...Когда в 1939 году принимали Риббентропа, обедали в Андреевском зале, Сталин сидел напротив Молотова, рядом Риббентроп, переводчик, какой-то еще немецкий чин и я. Молотов говорил тосты. Потом Сталин произнес тост за меня: «Выпьем за нашего наркома путей сообщения Лазаря Кагановича!»

Я же еврей, я понимаю, какой ход сделал Сталин! Он не мог ко мне дотянуться через Риббентропа, встал из-за стола, подошел и чокнулся. Риббентроп вынужден был сделать то же самое. Сталин дал понять, что договор мы подписали, но идеологию не изменяем. А когда выходили из зала, в дверях он мне сказал: «Нам нужно выиграть время».

Л. Каганович.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 115*

28 сентября 1939 года Молотов подписал еще один договор с Германией — «Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией».

Медведев Р. С. 37

Когда я на следующее утро из окна моей квартиры поглядел через улицу, один из сопровождавших меня обратил мое внимание на нескольких человек,

выглядывавших из окна расположенного напротив большого жилого дома — здания английского или французского посольства. То были члены английской и французской военных миссий, которые вот уже длительное время вели в Москве переговоры об англо-франко-советском военном союзе.

В процессе наших бесед я, разумеется, спросил Сталина об этих военных миссиях. Он ответил: «С ними вежливо распрощаются». Так оно и произошло. Тем не менее, я полагаю, что контакты между западными военными и Москвой после их отъезда все же сохранились. Другой вопрос, заданный мною Сталину, касался того, как совместить наш пакт с русско-французским договором 1936 г. На это Сталин лаконично ответил: «Русские интересы важнее всех других».

Риббентроп И. фон. С. 190–191

В сорок первом году Сталин хорошо знал, что армия не готова к войне, и всеми правдами и неправдами стремился оттянуть войну. Он пытался это делать и до финской войны, которая в еще большей степени открыла ему глаза на нашу неподготовленность к войне. Сначала он пытался договориться с западными державами. К тому времени, когда уже стало ясно, что они всерьез договариваться с нами не желают, стали протискивать почву немцы. В результате чего и был заключен тот пакт с Гитлером, при помощи которого Гитлер обвел нас вокруг пальца.

А. Василевский.

Цит. по: *Симонов К. С. 358*

Гитлер встретил Риббентропа как героя и назвал «вторым Бисмарком». Риббентроп не находил слов, чтобы выразить свои впечатления от теплого приема, который ему оказали в Москве, где «он чувствовал себя как дома, в кругу старых друзей по партии». Гитлера в особенности заинтересовали фотографии, запечатлевшие моменты этого исторического события, сделанные его личным фотографом Хоффманом, которого Гитлер отправил в Москву с Риббентропом, чтобы тот заснял с близкого расстояния мочки ушей большевистского вождя, по которым Гитлер надеялся определить, течет ли в жилах Сталина еврейская кровь (если они прижаты к черепу — еврей, а если нет — ариец). С облегчением Гитлер признал, что Сталин успешно прошел тест и не является евреем.

Буллок А. Т. 2. С. 210

Честным этот пакт никогда не был, потому что слишком глубока пропасть между мировоззрениями...

А. Гитлер.

Цит. по: *Фест И.* Адальф Гитлер. Биография: В 3 т. Пермь, 1993. Т. 3. С. 238

«Здравствуй мой дорогой, милый папочка!

Как ты живешь? Как здоровье? Скучаешь без меня и Васи, или нет? Папочка, я по тебе соскучилась страшно, все жду тебя, а тебе все нет и нет. «Печенкой чувствую», что ты опять надуешь меня, ссылаясь на отсутствие директив, и не приедешь. Ай-ай-ай!

Не-хорошо, товарищ секретарь №1, надувать свою хозяйку!

В Москве, говорят, погода нехорошая, то холодно, то жарко, то дожди, а здесь хорошо; я выеду в Москву 29-го, я приеду 31-го.

Учеба у нас начнется 2-го сентября, потому что 1-го воскресенье, выходной день. Теперь опять с географией канитель получится: прибавилось 5 республик, прибавилась территория, население, увеличилось количество промышленных предприятий, — а учебник-то 1938 года. Тем более, что у нас в этом году Экономическая география СССР — в учебнике очень многого не будет. Я видела этот учебник; хотя он и толщиной в два пальца, но там много всякой лишней чепухи — так называемого художественного оформления — разных снимков, видов, например виды Сочи, Мацесты, всех курортов и вообще никому не нужных картинок».

С. Аллилуева — Сталину. 22 августа 1940 г. Сочи

Вопрос: Когда состоялась Ваша первая встреча с И.В. Сталиным и каково Ваше общее впечатление о ней?

Ответ: Эту встречу я запомнил в деталях на всю жизнь. Была вторая половина апреля 1940 г. Я только что вернулся с Сельскохозяйственной выставки, где с группой контролеров Комиссии Советского Контроля проверял состояние дела с завершением работ к открытию выставки, как позвонил телефон и меня вызвали в Кремль к И.В. Сталину.

Мне еще ни разу не приходилось бывать у Сталина, хотя за последние два года я часто вызывался в Кремль к отдельным руководителям партии и правительства.

В назначенный час я явился в приемную Сталина, где за письменным столом сидел А.Н. Поскребышев. Поздоровавшись со мной, он сказал:

— Пошли!

Мы вошли в коридор.

— Вот здесь, — сказал Поскребышев, указывая на дверь. — Когда будешь уходить, зайди сначала ко мне.

Он повернулся и ушел к себе.

За дверью была небольшая комната Президиума Свердловского круглого зала. Здесь в этот день, 17 апреля 1940 г., проходило военное совещание по итогам советско-финляндской войны. Я знал об этом и мне очень хотелось присутствовать на этом совещании, потому что к обсуждавшимся вопросам я уже имел некоторое отношение по линии Комиссии Советского Контроля.

В указанной комнате находились Сталин, Молотов, Булганин и нарком лесной и бумажной промышленности СССР Анцелович.

Я робко поздоровался и встал у двери. Ко мне подошел Булганин и сказал: «Постой здесь». Я стоял в смущении как, видимо, обычно бывает в присутствии великого или знаменитого человека. В это время Сталин, сильно взволнованный, ходил по комнате.

— Кажется, уже достаточно получено уроков, — сказал он с гневом в голосе.

Потом воцарилась тишина. Тишину нарушила только булькавшая вода, которую Сталин наливал себе в стакан

из бутылки с «нарзаном». Выпив глоток, Сталин закурил папиросу и снова прошелся по комнате. Я внимательно следил за каждым движением вождя и всматривался в его лицо, стараясь уловить и запомнить каждую черту. Он был невысокого роста и не слишком широк в плечах. Чуть продолговатое лицо было покрыто еле заметными морщинами. Все ещё густые, зачесанные кверху волосы слегка покрылись сединой. В чертах его проступало нечто военное. Резко бросались в глаза энергия и сила, которые были в выражении его лица.

Сталин был одет в полувоенную форму: наглухо застегнутая куртка, шаровары защитного цвета, сапоги.

Я впервые близко увидел Сталина.

До этого мне приходилось видеть его только издали: на торжественных заседаниях, во время парадов, на трибуне совещаний. И всегда этот образ возникал в ассоциации с теми многочисленными портретами, скульптурами, фотографиями, которых много было повсюду. Теперь же передо мной Сталин находился совсем близко, я мог протянуть руку, чтобы дотронуться до него. Многие сейчас хотели быть на моем месте, чтобы вот так близко смотреть на человека, на одного из тех немногих лиц, которые совершили великие дела, составившие целую полосу в истории человечества.

Конечно, возвеличивание Сталина, которое велось в течение ряда лет в нашей стране, оказывало и на меня огромное психологическое воздействие. Я явился к Сталину, когда у меня вполне сложилось впечатление о нем как о великом человеке, гении и вожде. И теперь, когда я был рядом с ним и всматривался в него, я уже не мог иметь о нем другого мнения. Он производил на меня сильное, неотразимое впечатление. Его личность давила

на меня своим величием, которое ему было создано
ежечасной, ежедневной пропагандой его личности.

Разумеется, как и в каждом человеке, были
слабости, промахи и у Сталина. Можно сомневаться во
всем, но значение в истории Сталина от этого не
изменится. Справедливость должна быть сильной, а сила
— справедливой.

Я. Чадаев (в годы войны управ. делами СНК СССР).

Цит. по: *Куманев Г. С. 392–393*

«Документ № 1

Начальнику 00 НКВД МВО

Майору государственной

безопасности

тов. Базилевич

СПЕЦЗАПИСКА

В обслуживании Особым отделением 57-й
авиабригады 16-й истребительный авиаполк для
прохождения дальнейшей службы прибыл лейтенант
Сталин Василий Иосифович.

Учитывая авторитет отца Сталина В. И. — тов.
Сталина, — политкомандование 57-й авиабригады в лице
комиссара авиабригады — полкового комиссара
Воеводина и нач. политотдела авиабригады —
батальонного комиссара Соловьева ставят лейтенанта
Сталина в такие условия, которые могут привести к
антагонизму между ним и другими военнослужащими
авиаполка.

Лейтенант Сталин командованием авиабригады поселен в квартире-общежитии летного состава 16-го АП в отдельной комнате нового 8-го дома гарнизона, который еще не радиофицирован. По распоряжению нач. политотдела бригады Соловьева с занятием комнаты л-том Сталиным был сделан специальный ввод радиоточки в комнату л-та Сталина, даже несмотря на то, что в квартире было 4 комнаты и остальные 3 комнаты остались нерадиофицированными.

Комиссар авиабригады — полковой комиссар Воеводин на один из последних концертов в ДКА привел с собой л-та Сталина, причем раздел его не в общей раздевалке, а в кабинете начальника ДКА, где всегда раздевается и сам, посадил вместе с собой на 1-й ряд, отведенный для руководящего состава авиабригады.

После концерта среди военнослужащих было много разговоров, сводившихся к тому, что вот достаточно л-ту Сталину иметь отца, занимающего высокое положение в стране, так сразу же к нему совершенно другое отношение, даже со стороны комиссара авиабригады.

Сообщается на Ваше распоряжение.

Начальник ОО НКВД 57 АБ

Сержант государственной безопасности

апрель 1940 года Титов».

*Из «Папки агентурной разработки В. И. Сталина».
Листы 1—2.*

Цит. по: *Грибанов С. В.* Хроника времен Василия Сталина. М.: Гея итерум, 1999.

(Далее цит.: *Грибанов С.*)

«...В сентябре 1940 года поступил учиться на командный факультет Военно-воздушной академии, где проучился до декабря 1940 года».

Из автобиографии В. Сталина от 18 июня 1945 года

«Здравствуй дорогой отец!

Как твоё здоровье? Как ты себя чувствуешь?

Я недавно (22, 23-го и половина 24-го) был в Москве, по вызову Рычагова, очень хотел тебя видеть, но мне сказали, что ты занят и не можешь.

Рычагов вызывал меня по поводу учебы. Летать мне тут опять не дают. Боятся как бы чего не вышло. Он меня вызывал и очень сильно отругал за то, что я начал вместо того, чтобы заниматься теорией ходить и доказывать начальству о том, что необходимо летать. И приказал об этом вызове и разговоре доложить тебе, но я тебя не видел.

Все же Рычагов приказал давать мне летать столько же сколько летают и остальные. Это для меня самое главное, так как я уже 2 месяца не летал и если так пошло бы и дальше, то пришлось бы учиться сначала летать.

В. Сталин — И. Сталину. 4 марта 1941 г.

Артем Федорович (приемный сын Сталина. — Е. Г.) хранит письма Василия к отцу. Не просто письма — отец, как обычно, нанес на них свои резолюции. В одном письме Василий просит отца выслать ему денег — в части открылся буфет, да еще хотелось бы сшить новую

офицерскую форму. На этом письме в левом верхнем углу отец написал так:

«1. Насколько мне известно, строевой паек в частях ВВС КА вполне достаточен.

2. Особая форма для сына тов. Сталина в Красной Армии не предусмотрена».

— То есть денег Васька не получил, — смеется Артем Федорович.

Чуев Ф. С. 66

«...В январе 1941 года был направлен на липецкие авиационные курсы усовершенствования командиров эскадрилий, которые окончил в мае 1941 года».

Из автобиографии В. Сталина от 18 июня 1945 года

Совершенствовать свое командирское мастерство летчик Василий отправился не один. Вместе с ним в Липецк прибыла его юная жена Галина Бурдонская.

Молодые люди познакомились случайно — из-за общей любви к хоккею. Василий знал хоккеиста Владимира Меньшикова, а хоккеист Меньшиков — Галину Бурдонскую, да не просто знал, а еще и в женихах числился. Летом 1940-го он-то и познакомил Василия со своей невестой где-то в районе стадиона «Динамо», как выяснилось потом, совершенно напрасно. Лихой атакующей хватки летчика-истребителя Галя Бурдонская не выдержала и сдалась на милость победителя, как ее давний предок наполеоновский солдат Шарль Поль

Бурдонэ. Раненный в заснеженных полях России, француз остался в наших краях, полюбил русскую девушку — так и пошел по Московитии род Бурдонских.

Грибанов С. С. 99

Василий по натуре был человеком шальной смелости. Ухаживая за мной, он не раз пролетал над станцией метро «Кировская» на небольшом самолете. За такие вольности его наказывали. Но наказывали робко и И. В. Сталину об этом не докладывали. Они не знали, что отношения между отцом и сыном складывались далеко не безоблачно. В конце 40-го мы поженились и вскоре уехали в Липецк, где он служил...

Г. Бурдонская.

Цит. по: Грибанов С. С. 35

Я разговариваю с Надей Сталиной — дочерью Василия и Гали:

«Мама жила у метро Тургеневская, и папа на бреющем полете, пролетал часто над ее метро. У нее был низкий голос, она была очень хорошенькая, с великолепной фигурой. Им было по 19, когда они расписались. Об этом папа послал письмо Сталину, она все волновалась и спрашивала, пришел ли ответ. Однажды, когда папа ушел, она нашла в мусорной корзине разорванные бумажки, исписанные красным карандашом. Там было написано: «Женился, черт с тобой! Если хорошая девушка — мы ее все будем любить. Мне только ее жаль, что она вышла за такого идиота, как ты»...

Комиссар объясняет, что необходима дисциплина, курение запрещено. В это время садится самолет. Вылезает летчик и, не спеша, на крыле, закуривает. Комиссар подбегает, устраивает разнос. А летчик, — это был Василий Сталин, — кожаными перчатками хлещет комиссара по щекам. При всех...

И. Борисов (бывший курсант-однокашник В. Сталина).

Цит. по: *Васильева Л. С.* 121

«Документ № 3

Народный Комиссариат

обороны Союза ССР

3 Управление

Агентурное донесение

14 июня 1941 года

Начальнику 3-го (истребительного) отдела 1 Управления ГУ ВВС полковнику тов. Гращенкову поручено выпустить на самолетах «Лаг-3» и «Як-3» сына тов. Сталина, ст.— л-та тов. Сталина.

Ст. л-т Сталин ежедневно приезжает к полковнику Гращенкову в 16-17 часов, и едут на аэродром на полеты. Перед полетами ст. л-т т. Сталин много ездит на автомашине, тренируется на скаковой лошади и уже к концу дня едет на аэродром летать уже достаточно усталым.

По рассказам полковника Гращенкова (со слов ст. л-та т. Сталина), ст. л-т т. Сталин почти ежедневно порядочно напивается со своими друзьями, сыном Микояна и др., пользуясь тем, что живет отдельно от отца, и утром похмеляется, чтобы чувствовать себя лучше.

9 июня С. г. ст. л-т т. Сталин взял с собой сына т. Микояна, передел его в свою форму и попросил полковника т. Гращенкова провезти его на самолетах.

Полковник т. Гращенков, потворствуя весьма опасным забавам, взял его на самолет УТИ-4 и произвел полет.

Ст. л-т т. Сталин просил полковника Гращенкова «покрутить» т. Микояна в полете так, чтобы вызвать у него рвоту.

Т. Гращенков, правда, не разрешил себе этого, и ст. л-т т. Сталин сказал: «Вот когда полечу самостоятельно, тогда я его покручу».

Ст. л-т т. Сталин очень молодой, горячий, не встречал соответствующего руководства, а наоборот, поощряемый т. Гращенковым, может в один из дней, никого не ставя в известность, взять в полет кого-нибудь из приятелей и, думая удивить их, может позволить себе то, что приведет к катастрофе, а это вызовет непоправимые последствия в здоровье т. Сталина.

Необходимо установить надзор за поведением ст. л-та т. Сталина и исключить возможность попыток к полетам вне программы его подготовки. Капитан госбезопасности (подпись неразборчива)».

Из «Папки агентурной разработки В. И. Сталина».
Листы 5-6

«Документ № 4

Совершенно секретно

Народный Комиссариат

Внутренних Дел Союза ССР

Управление Особых отделов

Агентурное донесение

2 отделение

2 отдел

9 сентября 1941 года

8 сентября 1941 года т. Василий в 15.00 прилетел с завода № 301 с механиком т. Тарановым и приказал подготовить самолет через 30 минут, в 18.00 подъезжает на автомашине с двумя девушками, авиатехник т. Ефимов запускает мотор и выруливает на старт. Дает приказание т. Таранову сесть в автомашину и привезти девушек на старт, чтобы видеть, как он будет летать. Во время полета он делал резкие виражи и проходил на большой скорости бреющим полетом, делая затем горки. После полета самолет поставил в ангар и уехал. В ночь с 8 на 9 сентября 1941 года во время воздушной тревоги т. Василий приехал на аэродром, вместе с ним приехала молодая девушка, он въехал на своей автомашине в ангар. Приказал автомеханику т. Таранову запустить мотор и стал требовать, чтобы его выпустили в воздух. Время было 0.15, причем он был в нетрезвом состоянии. Когда его убедили, что вылет невозможен, он согласился

и сказал: «Я пойду лягу спать, а когда будут бомбить, то вы меня разбудите».

Ему отвели кабинет полковника Грачева, и он вместе с девушкой остался там до утра.

Данный факт является серьезным и опасным тем, что он своим приказом может разрешить себе вылет.

Вылет же ночью очень опасен тем, что он ночью на этом типе самолета не летал и, кроме этого, была сильная стрельба из зенитных орудий.

Мероприятия: к сведению нач. 2 отдела».

Там же. Листы 7—8

Что немцы готовились к войне и что она будет, несмотря на пакт, были убеждены все, кто ездил в ноябре сорокового года вместе с Молотовым в Берлин. Я тоже ездил в составе этой делегации, как один из представителей Генерального штаба. После этой поездки, после приемов, разговоров там ни у кого из нас не было ни малейших сомнений в том, что Гитлер держит камень за пазухой. Об этом говорили и самому Молотову. Насколько я понял, он тоже придерживался этой точки зрения.

Больше того, германский посол в Москве Шуленбург, который сопровождал нас туда и обратно, нашел возможным, несмотря на всю рискованность этого его положения, на обратном пути говорить о пакте, в то же время настойчиво намекая на то, что взаимоотношения между нашими странами оставляют желать много лучшего. Короче говоря, он старался нам

дать понять, что считает возможным возникновение войны.

А. Василевский.

Цит. по: *Симонов К. С.* 358–359

О том, что в начале лета уже пахло войной, можно судить и по такому факту. В конце мая или начале июня 1941 года руководящих работников Наркомата авиапромышленности и ВВС вызвали в Кремль по вопросам маскировки. В ЦК было получено письмо от одного летчика о том, что у самой границы наши лагеря выстроились как на параде: поставили белые палатки рядами, так что сверху они ясно видны. Никакой маскировки нет.

От нас потребовали объяснений, как маскируются самолеты. Мы доложили, что бомбардировщики СБ выпускаются серебристой окраски, то есть никак не маскируются и очень заметны на фоне аэродрома сверху. Истребители окрашиваются сверху зеленой краской, а снизу голубой — это считается защитной окраской. Но зеленая краска делается в один цвет и сверху покрывается лаком, поэтому машина очень блестит и заметна не меньше, чем покрашенная алюминиевой краской.

Сталин подробно интересовался тем, как маскируются военные самолеты за границей. Услышав, что немцы, а также американцы и англичане покрывают свои самолеты трехцветным камуфляжем под окружающую окраску местности, он упрекнул нас в беспечности. В ходе совещания выяснилось, что один из институтов Наркомата обороны, разрабатывающий

образцы маскировки, имеет несколько вариантов маскировочной окраски самолетов, но до сих пор не дал еще окончательного. Нас назвали безответственными бюрократами и приказали дать в трехдневный срок предложения о маскировке самолетов.

Яковлев А. С. 191–192

Наши задачи в отношении России: вооруженные силы разгромить, государство ликвидировать... Борьба двух мировоззрений. Уничтожающая оценка большевизма: это все равно что антиобщественное преступление. Коммунизм — чудовищная опасность для будущего. Нам не следует придерживаться тут законов солдатского товарищества. Коммунист не был товарищем и не будет. Речь идет о борьбе на уничтожение. Нужно бороться с ядом разложения. Это не вопрос военных судов. Войсковые начальники должны знать, о чем тут идет речь. Они обязаны руководить этой борьбой... Комиссары и люди из ГПУ — это преступники, так с ними и следует обращаться... Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке же жесткость — это благо для будущего. От командиров требуется жертва — преодолевать все сомнения...

Конспект речи Гитлера перед высшими офицерами 30 марта 1941 г.

Из дневника Ф. Гальдера.

Цит. по: *Фест И. Т. 2. С. 335*

Решение И. В. Сталина, накануне войны запретившего подводить основные вооруженные силы

СССР к новым неукрепленным западным границам, приведшее в конечном счете к разгрому фашистской Германии, ярко характеризует его как поистине мудрого политика и полководца.

Остается разве что добавить, что в связи с тяжелыми потерями немецко-фашистских войск на советско-германском фронте у Гитлера, узнавшего, что задуманная им провокация не удалась и что Сталин, вопреки надеждам, не подвел основные вооруженные силы к слабо укрепленным новым границам СССР, развился тяжелый гипертонический криз, сопровождавшийся, по мнению личного врача Гитлера, кровоизлиянием в мозг.

Жухрай В. М. *Сталин: правда и ложь. М., 1996. С. 80*

22 июня, ровно в 3.15

В роковой день 22 июня 1941 г. в 2 час. 10 мин. утра я поехал на командный пункт группы и поднялся на наблюдательную вышку южнее Бокугалы (15 км северо-западнее Бреста). Я прибыл туда в 3 час. 10 мин., когда было темно. В 3 час. 15 мин началась наша артиллерийская подготовка...

Гудериан Г. *Воспоминания солдата. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 130*

Несколько позже, проанализировав все случившееся в первый день войны, мы смогли в общих чертах представить себе картину событий. В субботний вечер и в ночь на воскресенье всюду отмечалось подозрительное оживление по ту сторону границы. Пограничники и армейская разведка доносили о шуме танковых и тракторных моторов. А в полночь в полосе 5-й армии, к западу от Владимир-Волынского, границу перешел немецкий фельдфебель. Перебежчик рассказал, что у фашистов все готово к наступлению и начнут они его в 4 часа утра. Начальник погранзаставы доложил по инстанции. Известие было настолько важным, что начальник пограничных войск Украины генерал В. А. Хоменко немедленно сообщил обо всем в Москву своему начальству и в штаб округа.

У всех первой мыслью было: «А не провокация ли это?» Стали ждать решения Москвы.

Баграмян И. Х. Так начиналась война. М.: Голос, 2000. С. 90–91

Первый удар по Советскому Союзу гитлеровцы нанесли своей авиацией. 22 июня фашистские бомбардировщики в сопровождении истребителей вторглись в советское воздушное пространство и сбросили бомбы на Киев, Севастополь, Ригу, Каунас, Вильнюс, Гродно, Брест, Барановичи, Житомир, Бобруйск и другие мирные советские города. Наши люди узнали о «Хейнкелях» и «Юнкерсах», «Дорнье» и «Мессершмиттах». Война, которую мы до сих пор вели в конструкторских бюро, стала войной в воздухе.

Яковлев А. С. 194

После смерти И. В. Сталина появились версии о том, что некоторые командующие и их штабы в ночь на двадцать второе июня, ничего не подозревая, мирно спали или беззаботно веселились. Это не соответствует действительности... В 3 часа 07 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение и связь. — *Е. Г.*) флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов». Я спросил адмирала: «Ваше решение?» — «Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота».

Жуков Г. Воспоминания и размышления. В 3 т. М., 1990. Т. 2. С. 325

Несколько раз Микоян рассказывал мне о беспрецедентном в истории дипломатии случае, когда в мае 1941 г. германский посол в СССР граф Фридрих Шуленбург на обеде в честь советского посла В. Г. Деканозова в присутствии двух переводчиков Г. Хильгера и В. Д. Павлова доверительно предупредил Кремль о предстоящем фашистском нападении. Однако Сталин просто отмахнулся и от этого важного сообщения, посчитав его очередной немецкой дезинформацией.

Куманев Г. С. 23

Задумываясь над поведением Сталина и его ближайших помощников, я склонен сделать вывод, что они до последнего момента не верили в возможность

нападения Гитлера. Сталина крайне нервировали и злили все более настойчивые доклады (устные и письменные) о возраставшей угрозе фашистской агрессии. Он все резче отметал факты и доводы.

Н. Г. Кузнецов (Вице-адмирал флота Советского Союза).

Цит. по: *Куманев Г. С.* 294

За две недели до войны я докладывал Сталину по разным текущим вопросам. Это были действительно текущие вопросы, и некоторые из них даже не были срочные. Я помню это свидание и абсолютно уверен, что Сталин был тогда совершенно убежден в том, что войны не будет, что немцы на нас не нападут. Он был абсолютно в этом убежден. Когда несколькими днями позднее я докладывал своему прямому начальнику о тех сведениях, которые свидетельствовали о совершенно очевидных симптомах подготовки немцев к войне и близком ее начале, и просил его доложить об этом Сталину, то мой прямой начальник сказал:

— Да говорили ему уже, говорили... Все это он знает. Все знает, думаешь, не знает? Знает. Все знает...

И. Исаков (Адмирал флота Советского Союза).

Цит. по: *Симонов К. С.* 344

...Он считал, что немцы могут воспользоваться любыми сведениями о приведении наших войск в боевую готовность для того, чтобы начать войну. А в то, что они могут начать войну без всяких поводов с нашей стороны, при наличии пакта, до самого конца не верил. Больше

того, он гневно одергивал людей, вносивших предложения об обеспечении боевой готовности в приграничных районах, видимо, считая, что и наши военные способны своими действиями спровоцировать войну с немцами.

А. Василевский.

Цит. по: *Симонов К. С. 361*

Его [Сталина] упрямство, — говорил мне Микоян, — большая самоуверенность и большое самомнение очень дорого стоили стране, нашему народу. Сталин фактически обеспечил внезапность фашистской агрессии со всеми ее тяжелыми последствиями. Говорить с ним весной и, особенно в начале лета 1941 г. о том, что Германия в любой день может напасть на СССР, было делом абсолютно бесполезным. Сталин уверовал в то, что война с немцами может начаться где-то в конце 1942 г. или в середине его, т.е. после того, как Гитлер поставит Англию на колени. Воевать же на два фронта, по его мнению, фюрер никогда не решится. «А к этому времени мы успешно выполним третью пятилетку, и пусть Гитлер попробует тогда сунуть нос», — уверенно заключал Сталин. Но когда кто-то начинал убеждать вождя, что появились новые достоверные свидетельства о концентрации германских войск, о секретных заявлениях и решениях правителей рейха, словом, о возрастании опасности нападения, то он быстро выходил из себя и в резко угрожающем тоне пресекал дальнейшую информацию.

Куманев Г. С. 22–23

Давно бытует прочное мнение, будто война застала Сталина врасплох. В связи с этим вспоминается такой эпизод. 5 мая на совещании в Кремле один бравый комкор заявил, что наш бронепоезд стоит на запасном пути. Сталин тотчас охладил его:

— Какая чушь! Какой запасной путь, когда враг стоит у границ Советского Союза!

Отсюда сами делайте вывод...

Рыбин А. С. 20

Сталин несет ответственность не просто за тот факт, что он с непостижимым упорством не желал считаться с важнейшими донесениями разведчиков. Главная его вина перед страной в том, что он создал гибельную атмосферу, когда десятки вполне компетентных людей, располагавших неопровержимыми документальными данными, не располагали возможностью доказать главе государства масштаб опасности и не располагали правами для того, чтобы принять достаточные меры к ее предотвращению.

Симонов К. С. 296

Я не могу сказать точно, правдиво ли был информирован И. В. Сталин, действительно ли сообщалось ему о дне начала войны. Важные данные подобного рода, которые И. В. Сталин, быть может, получал лично, он мне не сообщал. Правда, однажды он сказал мне:

— Нам один человек передает очень важные сведения о намерениях гитлеровского правительства, но у нас есть некоторые сомнения.

Возможно, речь шла о Р. Зорге, о котором я узнал после войны.

Жуков Г. Т. 2. С. 20

Но он имел предвзятое мнение, которое вообще в военном деле самое страшное из всех возможных вещей — когда у командующего, у человека, стоящего во главе, твердое предвзятое мнение относительно того, как будет действовать противник и как развернутся события. Это одна из самых частых причин самых больших катастроф.

И. Исаков.

Цит. по: *Симонов К. С.* 346

А пока... Пока все шло своим чередом. В школах закончились экзамены. Мы продолжали жить в Зубалове. Произошел очередной скандал, учиненный Юлией, и мать с бабушкой поругались из-за нее с Яшей. Василий привез на дачу Галину Бурдонскую, она была на пятом месяце беременности. Галина легко вписалась в нашу семью, мы ее полюбили. В начале июня пошли маслята. Было их невероятно много, и старые люди говорили, плохая примета — к войне. Буквально накануне ее в Зубалово приехал Яков, поздним вечером зашел к нам в комнату и попросил прощения у бабушки и мамы за прошлый скандал. В тот вечер никто еще не знал, что мы видим Яшу в последний раз.

Аллилуев В. С. 122

Прекрасным летним вечером 21 июня 1941 года, в 9 часов 30 минут, за девять часов до запланированного немецкого нападения, Молотов принял в своем кабинете в Кремле германского посла и вручил ему, по выражению Черчилля, свою «последнюю глупость». Упомянув о новых нарушениях границы немецкими самолетами, на что он дал указание советскому послу в Берлине обратить внимание Риббентропа, Молотов перешел к другому вопросу, о чем Шуленбург в тот же вечер сообщил срочной телеграммой в Берлин.

«Имеется ряд признаков, — говорил Молотов послу, — что германское правительство недоволено Советским правительством. Даже ходят слухи, что нависает угроза войны между Германией и Советским Союзом... Советское правительство оказалось не в состоянии понять причины недовольства правительства Германии... Он был бы признателен, если бы я мог ему сказать, что привело к нынешнему состоянию германо-советских отношений»...

Ширер У. Крах нацистской империи. Смоленск: Русич, 1998. С. 346–349

В субботу, 21 июня 1941 г., поздно вечером мы, члены Политбюро ЦК партии, собрались у Сталина на его кремлевской квартире. Обменивались мнениями по внутренним и международным вопросам. Сталин по-прежнему считал, что в ближайшее время Гитлер не начнет войну против СССР... Затем в Кремль приехали нарком обороны СССР Маршал Советского Союза Тимошенко, начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Жуков и начальник Оперативного

управления Генштаба генерал-майор Ватутин. Они-то и сообщили: только что получены сведения от перебежчика — немецкого фельдфебеля, что германские войска выходят в исходные районы для вторжения и утром 22 июня перейдут нашу границу. Сталин усомнился в правдивости информации, сказав:

— А не перебросили ли перебежчика специально, чтобы спровоцировать нас?

А. Микоян.

Цит. по: *Куманев Г. С. 24*

В 0 часов 25 минут 22 июня окружной узел связи в Тернополе начал прием телеграммы из Москвы. Она адресовалась командующим войсками всех западных округов. Нарком и начальник Генерального штаба предупреждали, что «в течение 22—23.6.41 г. возможна внезапное нападение немцев», и требовали, не поддаваясь ни на какие провокационные действия, привести войска «в полную боевую готовность встретить внезапный удар немцев и их союзников». Далее в телеграмме указывались конкретные мероприятия, которые следовало осуществить:

«а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность; войска держать рассредоточение и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава, подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

Только в половине третьего ночи закончился прием этой очень важной, но, к сожалению, весьма пространной директивы. До начала фашистского нападения оставалось менее полутора часов.

Читатель может спросить, а не проще было бы в целях экономии времени подать из Генерального штаба короткий обусловленный сигнал, приняв который командование округа могло бы приказать войскам столь же коротко: ввести в действие «КОВО-41» (так назывался у нас план прикрытия государственной границы). Все это заняло бы не более 15—20 минут.

По-видимому, в Москве на это не решились. Ведь сигнал о вводе в действие плана прикрытия означал бы не только подъем всех войск по боевой тревоге и вывод их на намеченные рубежи, но и проведение мобилизации на всей территории округа...

Баграмян И. С. 91–92

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года, чуть позже трех часов, итальянский диктатор Муссолини был разбужен — поступило послание Гитлера. «По ночам я даже своих слуг не тревожу, но эти немцы просто безжалостно заставляют меня вскакивать с кровати», — недовольно пожаловался он. Письмо начиналось с фразы о «месяцах тревожных раздумий» и информировало далее

Муссолини о предстоящем наступлении. «Я чувствую себя, — заверял Гитлер в этом документе, неизменно и энергично возвращаясь в нем то и дело к собственной персоне, — с тех пор, как заставил себя принять это решение, снова внутренне свободным. При всей искренности стремления добиться окончательной разрядки, сотрудничество с Советским Союзом все же часто сильно обременяло меня; ибо в чем-то оно казалось мне разрывом со всем моим происхождением, моими взглядами и моими прежними обязательствами. Я счастлив, что избавился от этих душевных мук».

Фест И. Т. З. С. 404

Нацистско-советский медовый месяц закончился. 22 июня 1941 года в 3 часа 30 минут утра, за полчаса до завершения дипломатических формальностей в Кремле и на Вильгельмштрассе, грохот нацистских орудий по фронту, протянувшемуся на сотни миль, развеял иллюзии Москвы относительно дружбы с нацистской Германией.

Ширер У. С. 346–349

И, конечно, уж вовсе трагическое впечатление производит висящая на стене в музее Брестской крепости красноармейская газета 4-й армии «Часовой Родины», вышедшая утром 22 июня 1941 года с передовой «Летнему спорту — широкий размах».

Симонов К. С. 402

Сталин уже покинул Кремль и ехал на свою дачу в Кунцеве, когда адмирал Кузнецов пытался доложить ему о налете немецкой авиации на севастопольский порт, но не смог его найти. В 3.30 пополуночи Тимошенко и Жуков получили известия о бомбовых налетах на Минск на западе, на Киев на юго-западе и на прибалтийские страны. У Жукова, в отличие от Кузнецова, имелся личный номер Сталина.

Буллок А. *Т. 2. С. 342*

В 3 часа 30 минут (22 июня 1941 г.) начальник штаба Западного округа генерал В.Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа генерал М.А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским военным округом генерал Ф. И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской авиации на Каунас и другие города.

Нарком приказал звонить И.В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала управления охраны.

— Кто говорит?

— Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

— Что? Сейчас?! — изумился начальник охраны. — Товарищ Сталин спит.

— Будьте немедля: немцы бомбят наши города!

Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили: «Подождите».

Минуты через три к аппарату подошел И.В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И. В. Сталин молчит. Слышу лишь его дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание. Наконец И. В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Приезжайте в Кремль с Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро...

Жуков Г. Т. 2. С. 315

По мнению сына Бери, Поскребышеву не надо было обзванивать членов Политбюро:

— Все они, включая моего отца, — говорит Серго Лаврентьевич, — давно находились в Кремле. Разумеется, не ложился спать в ту ночь и Сталин. Почему-то нигде не пишут, кто первым сообщил ему о начале войны. А между тем информацию Сталин получал не только от начальника Генерального штаба.

Зенькович Н. Маршалы и генсеки. Смоленск: Русич, 1997. С. 100.

(Далее цит.: Зенькович Н.)

Мы разошлись около трех часов ночи, а уже через час меня разбудили: война! Сразу же члены Политбюро ЦК собрались в кремлевском кабинете у Сталина. Он выглядел очень подавленным, потрясенным. «Обманул-таки подлец Риббентроп», — несколько раз повторил Сталин.

А. Микоян.

Цит. по: *Куманев Г. С. 24*

В 4 часа 30 минут утра мы с Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет. И.В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку.

Жуков Г. Т. 2. С. 315

Чадаев: «На рассвете у Сталина были собраны члены Политбюро плюс Тимошенко и Жуков. Докладывал Тимошенко: «Нападение немцев следует считать свершившимся фактом, противник разбомбил основные аэродромы, порты, крупные железнодорожные узлы связи». Затем Сталин начал говорить, говорил медленно, подыскивая слова, иногда голос прерывала спазма. Когда он закончил, молчали все и молчал он. Наконец он подошел к Молотову: «Надо еще раз связаться с Берлином и позвонить в посольство».

Он еще цепляется за надежду: а может, все-таки провокация? «Молотов из кабинета позвонил в наркомат иностранных дел, все ждали, он сказал кому-то, чуть

заикаясь: «Пусть едет». И пояснил: «Шуленбург хочет меня видеть». Сталин сказал коротко: «Иди»...

Радзинский Э. С. 493

Вообще о Молотове, — добавил Анастас Иванович, — наша пропаганда сотворила немало легенд и разных небылиц: о том, что он уж очень мудрый, справедливый, добрый. Те, кто бывал в кабинете у Сталина, часто видели рядом с ним Молотова. Но, как правило, он сидел и молчал. Возможно, Сталин эту декорацию с присутствием Молотова делал для того, чтобы создать представление, что он никогда не решает важные вопросы один. Вот у него есть «правая рука», его тень — Молотов, и он с ним постоянно советуется. Вообще же Вячеслав Михайлович — большой тугодум, лишенный чувства нового, смелой инициативы, и человек он к тому же весьма черствый и тщеславный, — подчеркнул Микоян.

Куманев Г. С. 26

Когда Молотов принял его, Шуленбург зачитал вариант официального заявления Гитлера в форме дипломатической ноты. «Это объявление войны?» — спросил Молотов, а затем, дав гневу овладеть собой, кричал, что немецкое наступление — это вероломство беспрецедентное в истории, что абсурдно говорить о концентрации советских войск, угрожающих Германии, что, если они не нравились немецкому правительству, ему нужно было только заявить об этом и они были бы выведены. «Конечно, мы не заслужили этого».

«...Я возразил (продолжил Шуленбург), что не смогу ответить на его [Молотова] вопросы, поскольку не располагаю соответствующей информацией».

Вскоре он получит эту информацию, ибо уже в то время из Берлина в Москву для него передавалось по радио длинное зашифрованное указание от Риббентропа, датированное 21 июня 1941 года, с пометкой «совершенно срочно, государственная тайна, послу лично»:

«С получением этой телеграммы все материалы по шифрованию должны быть уничтожены. Рацию необходимо вывести из строя.

Пожалуйста, немедленно информируйте господина Молотова, что вам необходимо сделать ему срочное сообщение. Затем, пожалуйста, сделайте ему следующее заявление».

Это было уже знакомое заявление, полное всякого рода затасканных измышлений и лжи, в составлении которых Гитлер и Риббентроп набили руку и к которым они прибегали каждый раз, чтобы оправдать очередной акт неспровоцированной агрессии. Однако данное заявление — такое, во всяком случае создалось впечатление у автора этих строк при повторном его прочтении — превосходило все предыдущие по абсолютному бесстыдству и лживости. В то время как Германия неукоснительно соблюдала условия нацистско-советского пакта, говорилось в заявлении, Россия неоднократно нарушала их. СССР осуществлял «подрывную деятельность, терроризм и шпионаж»

против Германии, он «боролся против усилий Германии установить стабильный порядок в Европе». Он вступил в сговор с Англией, чтобы осуществить «нападение на германские войска в Румынии и Болгарии». Сосредоточивая «все наличные русские силы на протяженном фронте от Балтики до Черного моря», он «угрожал» рейху. Далее в заявлении говорилось:

«Донесения, полученные за последние несколько дней, исключают любые сомнения относительно агрессивного характера такого сосредоточения русских войск. Кроме того, имеются донесения из Англии о переговорах посла Криппса по более тесному политическому и военному сотрудничеству между Англией и Советским Союзом.»

Резюмируя вышесказанное, правительство рейха в связи с этим заявляет, что Советское правительство вопреки принятым им обязательствам:

1) не только продолжало, но и усилило свои попытки подорвать Германию и Европу;

2) проводило все более и более антигерманскую внешнюю политику;

3) сосредоточило все свои силы в готовности на границе с Германией. Тем самым Советское правительство разорвало свои договоры с Германией и собирается напасть на нее с тыла. В связи с этим фюрер приказал германским вооруженным силам противодействовать этой угрозе всеми имеющимися в их распоряжении средствами».

«Пожалуйста, не вступайте ни в какое обсуждение этого сообщения», — предупреждал Риббентроп своего посла в конце телеграммы. Что мог сказать потрясенный

и разочарованный Шуленбург, посвятивший лучшие годы своей жизни налаживанию германо-русских отношений и твердо знавший, что нападение на Советский Союз ничем не спровоцировано и не имеет оправдания?

Ширер У. С. 346–349

— Известно, что граф Шуленбург был против войны с Советским Союзом. В связи с этим он даже перед войной направил меморандум Гитлеру. Помимо официальных, дипломатических слов что-нибудь личное он говорил?

— Тогда было не до личных разговоров. Шуленбург держался спокойно. Он, конечно, не мог ничего. Впоследствии он был расстрелян.

— Плохо сообщал Гитлеру о России?

— Ну это, вероятно, само собой. Но — участвовал в заговоре против Гитлера. А вот его переводчик, советник германского посольства Хильгер, когда вручали ноту, прослезился.

— Шуленбург тогда старый уже был?

— Что значит старый? Мо-моложе мо-моего теперешнего возраста, а я еще и сейчас в старики не гожусь.

Из беседы Ф. Чуева с В. Молотовым.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 57*

Вернувшись в Кремль перед самым рассветом, он [Шуленбург] ограничился прочтением немецкого заявления. Молотов, потрясенный, молча выслушал

посла до конца и затем сказал: «Это война. Считаете ли вы, что мы это заслужили?»»

Ширер У. С. 349

Сталин был уверен, что Шуленбург передаст список политических, экономических и, возможно, территориальных претензий Гитлера. Когда Молотов сообщил вместо этого, что Гитлер объявил им войну, «Сталин упал в свое кресло и углубился в размышления. Последовала долгая, тяжелая пауза»...

Буллок А. Т. 2. С. 343

Так закончилась карьера посла (Шуленбурга. — *Е. Г.*), дипломата старой школы. Возвратившись в Германию, он вынужден был подать в отставку, а затем присоединился к оппозиции, возглавляемой Беком, Гёрделером, Хасселем и другими. Одно время его кандидатура даже намечалась на пост министра иностранных дел. Как утверждает Хассель, в 1943 году Шуленбург был готов пересечь линию русско-германского фронта, чтобы договориться со Сталиным о заключении мира с антинацистским правительством Германии. После июльского заговора 1944 года против Гитлера Шуленбург был арестован, заключен в тюрьму и 10 ноября казнен гестапо.

Ширер У. С. 346–349

Пока Молотов встречался с Шуленбургом, Тимошенко и Жуков направились к Сталину с требованием привести войска на границе в состояние

боевой готовности. Пока они обсуждали этот вопрос со Сталиным, собрались на заседание члены Политбюро. Сталин спросил их: «Что делать?», никто не отвечал. Тимошенко же был уверен, что нужно было привести в состояние боевой готовности все войска в пограничных районах. Жуков имел при себе заранее подготовленный проект, и Сталин приказал зачитать его, однако, прослушав текст, Сталин запротестовал: *«Еще рано давать такой приказ. Пожалуй, вопрос можно уладить мирным путем. Войска не должны поддаваться на провокации».*

Буллок А. Т. 2. С. 343

...Много раз за семнадцать лет наших встреч разговор возвращался к 22 июня. В целом, со слов Молотова, получалась такая картина.

— То ли Жуков ошибается, то ли я запомнил, — говорит Молотов. — Позвонил Жуков. Он не сказал, что война началась, но опасность на границе уже была. Либо бомбежка, либо получили другие тревожные сведения. Вполне возможно, что настоящей войны еще не было, но уже накал был такой, что в штабе поняли: необходимо собраться. В крайнем случае около двух часов ночи мы собрались в Кремле, у Сталина, — когда с дачи едешь, минут двадцать — тридцать пять надо.

Подождите... В этой части он, может быть, не точен. Жуков и Тимошенко подняли нас: на границе что-то тревожное уже началось. Может, кто-то раньше сообщил им о какой-то отдельной бомбежке, и раньше двух началось, это уже второстепенный вопрос. Мы собрались у товарища Сталина в Кремле около двух часов ночи, официальное заседание, все члены Политбюро были

вызваны. До этого, двадцать первого июня, вечером мы были на даче у Сталина часов до одиннадцати-двенадцати. Может быть, даже кино смотрели, в свое время мы часто так делали вечером — после обеда смотрели кино. Потом разошлись, и снова нас собрали. А между двумя и тремя ночи позвонили от Шуленбурга в мой секретариат, а из моего секретариата — Поскребышеву, что немецкий посол Шуленбург хочет видеть наркома иностранных дел Молотова. Ну и тогда я пошел из кабинета Сталина наверх к себе, мы были в одном доме, на одном этаже, но на разных участках. Мой кабинет выходил углом прямо на Ивана Великого. Члены Политбюро оставались у Сталина, а я пошел к себе принимать Шуленбурга — это минуты две-три пройти. Иначе было бы так: если б на дачу мне позвонили, что просится на прием Шуленбург, то я должен был позвонить Сталину — послы министрам иностранных дел по ночам не звонят. И, конечно, в таком случае я без ведома Сталина не пошел бы встречать Шуленбурга, а я не помню, чтоб я звонил Сталину с дачи. Но я бы запомнил, потому что у меня не могло быть другой мысли, кроме того, что начинается война, или что-то в этом роде. Но звонил мне не Шуленбург, а чекист, связанный с Поскребышевым: Сталин дал указание собраться. Шуленбурга я принимал в полтретьего или в три ночи, думаю, не позже трех часов. Германский посол вручил ноту одновременно с нападением. У них все было согласовано, и, видно, у посла было указание: явиться в такой-то час, ему было известно, когда начнется. Этого мы, конечно, знать не могли.

— Но и в три немец еще не напал на нас...

— В разных местах по-разному. В Севастополе отразили налет. Часа в два-три напали. Чего вы

держитесь за пустяковую часть этого дела? Все, конечно, интересно, и эти детали можно уточнить до минуты путем документов и расспросов, но они не имеют значения. Маленков и Каганович должны помнить, когда их вызвали. Это, по-моему, было не позже чем в половине третьего. И Жуков с Тимошенко прибыли не позже трех часов. А то, что Жуков это относит ко времени после четырех, он запаздывает сознательно, чтобы подогнать время к своим часам. События развернулись раньше.

— Известно, что Сталин по ночам обычно работал, а в эту ночь почему-то спал, и Жуков его разбудил...

— Да, Жуков хочет себя показать. Это не вполне точно, — отвечает Молотов.

— Не знаю, насколько это так, но кого спросить, если не вас, вы якобы сказали послу: «Чем мы это заслужили?»

— Если вы берете из книги Верта — это выдумка. Он же не присутствовал, откуда он мог знать? Это чистая выдумка. Конечно, я такой глупости не мог сказать. Нелепо. Абсурд. От кого он мог это получить? Были два немца и мой переводчик... У Чаковского тоже много надуманной психологии, когда он описывает этот эпизод. Но Шуленбурга принимал все-таки я, а не Чаковский...

Из беседы Ф. Чуева с В. Молотовым.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 56–57*

Единственным человеком, которому Молотов доверился, взяв с него слово, что тот будет держать в тайне подробности, был писатель Иван Стаднюк:

— Обнародовать эти сведения пока нельзя. Они наделают много шума за рубежом. Буржуазные писаки могут завопить, что никакого внезапного нападения Германии на нас не было, а была объявлена война, как полагалось по международным нормам...

Заинтригованный Стаднюк, работавший тогда над романом «Война», поклялся молчать как рыба. И услышал невероятную историю:

— 22 июня 1941 года между двумя и тремя часами ночи на моей даче раздался телефонный звонок германского посла графа фон Шуленбурга. Он просил срочно принять его для вручения важнейшего государственного документа. Нетрудно было догадаться, что речь идет о меморандуме Гитлера об объявлении войны. Я ответил послу, что буду ждать его в наркомате иностранных дел и сообщил Сталину о разговоре с Шуленбургом. Сталин ответил: «Езжай в Москву, но прими немецкого посла только после того, как военные нам доложат, что вторжение началось... Я тоже еду и собираю Политбюро. Будем ждать тебя». Я так и поступил.

— А как же тогда относиться к мемуарам Жукова? — спросил писатель у Молотова. — Маршал пишет, что он, получив известие о начале немцами военных действий, с трудом заставил по телефону охранников Сталина разбудить его...

— Я тоже об этом размышлял, — сказал Молотов. — Полагаю, что дежурный генерал охраны Сталина, получив звонок Жукова, не доложил ему, что Сталин уехал. Не полагалось... И в то же время Сталин позвонил Жукову, тоже не сказав ему, что он в Кремле... Вам же советую писать в книге, что я узнал о намерении

Шуленбурга вручить меморандум об объявлении войны от позвонившего мне дежурного по наркомату иностранных дел...

Зенькович Н. С. 103–104

В тот же предрассветный час аналогичная сцена происходила на Вильгельмштрассе в Берлине.

Ширер У. С. 346

...В первые часы утра 22 июня 1941 года я ждал вместе с Риббентропом в его кабинете на Вильгельмштрассе прихода советского посла Деканозова. Накануне, в субботу, начиная с полудня, Деканозов каждый час звонил в министерство иностранных дел, утверждая, что ему нужно уладить срочное дело с министром иностранных дел. Ему отвечали, как всегда перед важными событиями, что министра нет в Берлине.

Шмидт П. С. 324

Наконец в 2 часа ночи 22 июня ему сообщили, что Риббентроп примет его в 4 часа утра в министерстве иностранных дел. Там посол, являвшийся одновременно заместителем комиссара по иностранным делам, палачом и порученцем Сталина, был, подобно Молотову в Москве, просто сражен услышанным. Доктор Шмидт, присутствовавший при этом, описывает эту сцену следующим образом...

Ширер У. С. 346–349

Я никогда не видел Риббентропа в таком возбужденном состоянии, как в те пять минут перед приходом Деканозова. Он метался по комнате, как зверь в клетке. «Фюрер абсолютно прав, что нападает сейчас на Россию, — говорил он скорее самому себе, чем мне; он повторял это снова и снова, как будто хотел как-то успокоить сам себя. — Русские, несомненно, нападут сами, если этого сейчас не сделаем мы». Он ходил взад и вперед по комнате в большом волнении, со сверкающими глазами, без конца повторяя эти слова. Тогда я приписал его состояние тому факту, что он считал себя создателем взаимопонимания между русскими и немцами и ему было трудно разрушать плоды своих трудов. Сегодня я почти готов поверить, что в тот день он почувствовал, может быть и подсознательно, что решение, которое он должен сообщить русскому послу, приведет к катастрофе.

Шмидт П. С. 324–325

Когда в ночь перед нападением вокруг Гитлера царило деловое предположительное настроение, он [Риббентроп] сказал: «У меня такое чувство, словно я распахиваю дверь в темное, никогда не виденное мной помещение и не знаю, что находится за этой дверью».

Фест И. С. 404

Деканозов появился в точно назначенное время и, очевидно не догадываясь ни о чем, подал Риббентропу руку. Мы сели, и с помощью «маленького Павлова» Деканозов приступил к изложению дела, по поводу которого его правительство требовало разъяснений от Риббентропа. Но едва он начал, как Риббентроп с

каменным выражением лица прервал его со словами: «Теперь вопрос об этом уже не стоит. Враждебное отношение советского правительства к Германии и серьезная угроза, которую представляет концентрация русских войск на восточной границе Германии вынуждают рейх принять военные контрмеры». Риббентроп не употребил таких слов, как «война» или «объявление войны», наверное, он считал их слишком «плутократическими», а может быть, Гитлер дал ему указание избежать этих слов. «Так, начиная с утра сегодняшнего дня в военной сфере предприняты соответствующие контрмеры». Затем он зачитал короткий, но пламенный список «преступлений», особенно в отношении Пакта, заключенного Советской Россией с Югославией как раз перед началом войны между этой страной и Германией. «Сожалею, но больше ничего не могу сказать, — закончил он. — Особенно учитывая то, что сам я пришел к выводу, что, несмотря на серьезные попытки, мне не удалось установить разумные отношения между нашими двумя странами».

Деканозов быстро обрел хладнокровие; он выразил свое глубокое сожаление о том, что события приняли такой оборот. «Это произошло исключительно по причине позиции отказа от сотрудничества, занятой немецким правительством, — перевел Павлов, в то время как я делал заметки для ответа. — В сложившихся обстоятельствах мне не остается ничего иного, как оговорить с вашим начальником протокольного отдела отъезд моей миссии на родину». Деканозов встал, небрежно поклонился и вышел в сопровождении Павлова, не пожав руки Риббентропу. «Так вполне могла начинаться русская авантюра Наполеона», — подумал я,

и мне стало стыдно за мои неважные познания в истории.

Шмидт П. С. 325–326

И. В. Сталин был волевой человек и, как говорится, не трусливого десятка. Несколько подавленным я его видел только один раз. Это было на рассвете 22 июня 1941 года...

Жуков Г. Т. 2. С. 12

Я часто вспоминаю рассказ Берии о поведении Сталина, когда ему доложили о начале войны. Сначала он не хотел в это поверить и цеплялся за надежду, что это провокация, приказывал даже не открывать огня, надеялся на чудо, пытался спрятаться за собственные иллюзии. Затем военные доказали ему, что прятаться поздно, и ему пришлось поверить, что действительно началась война с Германией. Ему стали докладывать о победоносном продвижении гитлеровских войск. Тут-то открыто проявилось то, что он скрывал от всех, — его панический страх перед Гитлером, Сталин выглядел старым, пришибленным, растерянным. Членам Политбюро, собравшимся у него в кабинете, он сказал: «Все, чего добился Ленин и что он нам оставил, мы про[срали]... Все погибло». И, ничего не добавив, вышел из кабинета, уехал к себе на дачу, а потом некоторое время никого не принимал.

Хрущев Н. Т. 2. С. 138–139

Остается разве что добавить, что Хрущев — первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Украины, в первые дни Великой Отечественной войны в Москве не был, находился в Киеве и как вел себя Сталин в эти дни, вообще ничего знать не мог.

Жухрай В. С. 78

Решили, что надо выступить по радио в связи с началом войны. Конечно, предложили, чтобы это сделал Сталин. Но Сталин отказался: «Пусть Молотов выступит». Мы все возражали против этого: народ не поймет, почему в такой ответственный исторический момент услышат обращение к народу не Сталина — Первого секретаря ЦК партии, Председателя правительства, а его заместителя. Нам важно сейчас, чтобы авторитетный голос раздался с призывом к народу — всем подняться на оборону страны. Однако наши уговоры ни к чему не привели. Сталин говорил, что не может выступить сейчас, что сделает это в другой раз. Так как Сталин упорно отказывался, то решили, пусть выступит Молотов. Выступление Молотова прозвучало в 12 часов дня 22 июня.

Микоян А. С. 388–389

Говорят, что в первую неделю войны И.В. Сталин якобы так растерялся, что не мог даже выступить по радио с речью и поручил свое выступление В. М. Молотову. Это суждение не соответствует действительности...

Жуков Г. Т. 2. С. 10

Просто-напросто Сталину нужно было время для того, чтобы разобраться в обстановке и принять необходимые решения, обеспечившие перевод всей нашей жизни и деятельности на военный лад. Только сделав все это, он обратился к народу по радио. Сталин знал цену своим словам и никогда не бросал их на ветер!

Аллилуев В. С. 123

Приемная дочь истории — легенда утверждает: 22 июня 1941 года у И. В. Сталина оказался нарыв в горле. В час ночи к больному был вызван профессор Борис Сергеевич Преображенский, который поставил диагноз: тяжелейшая флегмозная ангина. Градусник показывал за сорок.

В три часа ночи Сталину позвонил Г. К. Жуков и сообщил, что немцы бомбят наши города. В 4.30 Сталин вызвал военных и всех членов Политбюро в Кремль и около 13 часов пробыл в кремлевском кабинете. Выступить по радио с обращением к советскому народу он не мог, потому было принято решение, что с обращением к народу по радио выступит В. М. Молотов.

Красиков С. С. 75

— Но действительно ли у Сталина была растерянность в первые дни или часы войны? — спрашиваю Молотова.

— А как же Вы думаете? Ведь Сталин был живой человек и на какое-то время неожиданные события его буквально потрясли и ошеломили. Он в самом деле не

верил, что война так близка. И эта его позиция оказалась ошибочной...

Куманев Г. *С. 12–13*

Далее он [Молотов] рассказал, как вместе со Сталиным писали обращение к народу, с которым Молотов выступил 22 июня в двенадцать часов дня с Центрального телеграфа.

— Почему я, а не Сталин? Он не хотел выступать первым, нужно, чтобы была более ясная картина, какой тон и какой подход. Он, как автомат, сразу не мог на все ответить, это невозможно. Человек ведь. Но не только человек — это не совсем точно. Он и человек, и политик. Как политик он должен был и выждать, и кое-что посмотреть, ведь у него манера выступлений была очень четкая, а сразу сориентироваться, дать четкий ответ в то время было невозможно. Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах.

Чуев Ф. *С. 59*

Около 13 часов 22 июня 1941 года больной Сталин, у которого температура по-прежнему держалась за сорок, временами впадавший в полузабытье, все еще был в своем кремлевском кабинете. Выступать по радио с обращением к советскому народу в таком состоянии он, понятно, не мог. Поэтому еще утром было принято решение, что в 12 часов 22 июня 1941 г. с таким обращением к советскому народу выступит Молотов. Пересиливая недомогание, Сталин пытался решать ряд важнейших и неотложных вопросов, связанных с

обороной страны. Около 7 часов утра 22 июня 1941 г. Сталин подписал директиву вооруженным силам об отражении гитлеровской агрессии.

Жухрай В. С. 10

И. В. Сталин о своем заболевании не сказал даже близким соратникам. Он понимал, что это сообщение в начале войны может деморализовать армию и народ. Вместе с тем он не хотел и доставлять радости врагу.

Соловьев Б., Суходеев В. С. 58

Я мельком видел Сталина в коридоре... Вид у него был усталый, утомленный. Его рябое лицо осунулось. В первой половине дня Политбюро утвердило обращение к советскому народу. В 12 часов его зачитал Молотов.

Я. Чадаев.

Цит. по: *Куманев Г. С.* 123

— Ваши слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами», — стали одним из главных лозунгов войны.

— Это официальная речь. Составлял ее я, редактировали, участвовали все члены Политбюро. Поэтому я не могу сказать, что это только мои слова. Там были и поправки, и добавки, само собой.

— Сталин участвовал?

— Конечно, еще бы! Такую речь просто не могли пропустить без него, чтоб утвердить, а когда утверждают, Сталин очень строгий редактор. Какие слова

он внес, первые или последние, я не могу сказать. Но за редакцию этой речи он тоже отвечает.

Из беседы Ф. Чуева с В. Молотовым.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 59*

К 12 часам дня я находился в своем кабинете и с тяжелым чувством приготовился слушать по радио речь В. М. Молотова. Война опрокинула у всех обычный распорядок мыслей. На душе было беспокойно, тревожно. Серьезность тона речи Молотова красноречиво говорила о том положении, в каком оказалась наша Родина.

Примерно часа через два после правительственного сообщения мне позвонили из приемной Молотова и передали приглашение придти к нему. Не успел я зайти в его кабинет, как сюда же вошел Сталин. Я хотел было удалиться, но Сталин сказал:

— Куда Вы? Оставайтесь здесь.

Я задержался у двери и стал ждать указаний.

— Ну и волновался ты, — произнес Сталин, обращаясь к Молотову, — но выступил хорошо.

— А мне казалось, что я сказал не так хорошо, — ответил тот...

Я. Чадаев.

Цит. по: *Куманев Г. С. 411–412*

Конечно, это было ошибкой. Но Сталин был в таком подавленном состоянии, что действительно не знал, что сказать народу. Ведь внушали народу, что войны в

ближайшие месяцы не будет. Чего стоит одно сообщение ТАСС от 14 июня 1941 г., уверявшее всех, что слухи о намерении Германии совершить нападение на СССР лишены всякой почвы! Ну, а если война все-таки начнется, то враг сразу же будет разбит на его территории и т.д. И вот теперь надо признать ошибочность такой позиции, признать, что уже в первые часы войны мы терпим поражение.

А. Микоян.

Цит. по: *Куманев Г. С. 25*

Чтобы как-то сгладить допущенную оплошность и дать понять, что Молотов лишь «озвучил» мысли вождя, 23 июня текст правительственного обращения был опубликован в газетах рядом с большой фотографией Сталина.

Микоян А. С. 233

Около 7 часов утра 22 июня 1941 года Сталин подписал директиву Вооруженным Силам об отражении агрессии. А в 13 часов позвонил Жукову...

Красиков С. С. 75

В 7 часов 15 минут утра 22 июня, после того, как гитлеровцы сбросили бомбы на ряд наших аэродромов и городов, смяли заставы, пересекли границу, нарком обороны С. К. Тимошенко приказал:

«1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они

нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиации установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100-150 км, разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территории Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать».

Яковлев А. С. 190–191

Примерно в 13 часов мне позвонил И. В. Сталин сказал:

— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Я их вызвал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым выехать в штаб фронта в Тернополь. Я спросил:

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И. В. Сталин ответил:

— Оставьте за себя Ватутина.

Потом несколько раздраженно добавил:

— Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся.

Я позвонил домой, чтобы меня не ждали, и минут через сорок был уже в воздухе. Тут только вспомнил, что со вчерашнего дня ничего не ел. Выручили летчики, угостившие меня крепким чаем с бутербродами...

Жуков Г. Т. 2. С. 13

Знаменитый полярный летчик Герой Советского Союза М. В. Водопьянов поведал мне, что 22 июня 1941 года, узнав о начале войны, он прилетел на гидросамолете с Севера в Москву, приводнился в Химках и сразу же поехал в Кремль. Его принял Сталин. Водопьянов предложил осуществить налет наших бомбардировщиков на фашистскую Германию.

— Как вы это себе представляете? — спросил Сталин и подошел к карте.

Водопьянов провел линию от Москвы до Берлина.

— А не лучше ли отсюда? — сказал Сталин и показал на остров в Балтийском море.

Это было в первый день войны...

Чуев Ф. С. 123

Вечером Сталин был настроен мрачно, говорил гневно: «Павлов (командующий Западным фронтом, принявшим на себя первый удар немцев. — Е. Г.) не имеет связи даже со штабами армий, говорит, опоздала директива... Почему опоздала? А если б мы вообще не

успели дать директиву? Разве без директивы армия не должна находиться в полной боевой готовности, разве я должен приказывать своим часам, чтобы они шли»...

Я. Чадаев.

Цит. по: Куманев Г. С. 136

Безумный день продолжался. С фронта поступали все новые отчаянные сведения.

Чадаев: «Докладывал Тимошенко:

— Удар превзошел все ожидания. В первые часы войны вражеская авиация нанесла массированные удары по аэродромам и войскам.

— Стало быть, много советских самолетов уничтожено прямо на земле? — Сталин пришел в неопишное негодование, прохаживался по кабинету. — Неужели до всех аэродромов добралась немецкая авиация?

— К сожалению, так.

— Сколько же уничтожено самолетов?

— По предварительным подсчетам, около 700.

«На самом деле, — пишет далее Чадаев, — в несколько раз больше... Наиболее тяжелые потери понес Западный фронт». И опять — проклинал командующий Павлов.

Радзинский Э. С. 495

На следующий день после начала войны в газетах была опубликована первая сводка Главного

командования Красной Армии. Лаконичным военным языком сообщалось, что «после ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями. Только на Гродненском и Кристынопольском направлениях противнику удалось достичь незначительных успехов и занять местечки Кальвария, Стоянув и Цехановец (первые два в 15 километрах и последний в 10 километрах от границы)».

Эта успокоительная информация вселяла надежду, что гитлеровцам не удастся продвинуться далеко. Как известно, все мы были тогда воспитаны на доктрине, что предстоящая война, если она и разразится, будет выиграна «малой кровью» и «на чужой территории».

Яковлев А. С. 194–195

23 июня в 4 час. 10 мин. я оставил свой командный пункт и направился в 12-й армейский корпус, где генерал Шрот доложил мне о ходе боев за Брест-Литовск. Из этого корпуса я поехал в 47-й танковый корпус, в деревню Бильдейки, в 23 км северо-восточнее Брест-Литовска. Там я переговорил с генералом Лемельзенем и установил телефонную связь с моим командным пунктом, чтобы ознакомиться с общей обстановкой. Затем я направился в 17-ю танковую дивизию, в которую и прибыл в 8 час. Командир пехотной бригады генерал Риттер фон Вебер доложил мне о своих действиях. В 8 час. 30 мин. я встретил командира 18-й танковой дивизии генерала Неринга, затем еще раз генерала Лемельзена. Потом я поехал в Пружаны, куда был переброшен командный пункт танковой группы. Оперативная группа моего штаба прибыла в Пружаны в 19 час.

В этот день 24-й танковый корпус с боями продвигался вдоль дороги Кобрин, Береза Картузская на Слуцк. Командный пункт корпуса переместился в Береза Картузская.

У меня создалось впечатление, что 47-му танковому корпусу предстоят серьезные бои с русскими, двигавшимися из Белостока в направлении на юго-восток, и поэтому я решил остаться в 47-м танковом корпусе еще на один день.

24 июня в 8 час. 25 мин. я оставил свой командный пункт и поехал по направлению к Слониму. В этот город уже вошла 17-я танковая дивизия. Но по дороге от Ружаны в Слоним я натолкнулся на русскую пехоту, державшую под огнем шоссе, по которому должно было идти наступление. Батарея 17-й танковой дивизии и спешившиеся стрелки-мотоциклисты вяло вели на шоссе огневой бой. Я вынужден был вмешаться и огнем пулемета из командирского танка заставил противника покинуть свои позиции. Теперь я мог продолжать поездку. В 11 час. 30 мин. я прибыл на командный пункт 17-й танковой дивизии, расположенный на западной окраине Слонима, где, кроме командира дивизии генерала фон Арнима, я встретил командира корпуса генерала Лемельзена.

Обсуждая создавшуюся обстановку, мы слышали в нашем тылу интенсивный артиллерийский и пулеметный огонь, горящая грузовая автомашина мешала наблюдать за шоссе, идущим из Белостока, обстановка была неясной, пока из дыма не показались два русских танка. Ведя интенсивный огонь из пушек и пулеметов, они пытались пробиться на Слоним, преследуемые нашими танками Т-IV, которые также интенсивно стреляли.

Русские танки обнаружили нас, в нескольких шагах от места нашего нахождения разорвалось несколько снарядов: мы лишились возможности видеть и слышать. Будучи опытными солдатами, мы тотчас же бросились на землю, и только не привыкший к войне бедняга подполковник Феллер, присланный к нам командующим резервной армией, сделал это недостаточно быстро и получил весьма неприятное ранение. Командир противотанкового дивизиона подполковник Дальмер-Цербе получил тяжелое ранение и через несколько дней умер. Эти русские танки удалось уничтожить в городе.

Затем я осмотрел передовые позиции в Слониме и поехал на танке Т-IV через нейтральную полосу в 18-ю танковую дивизию. В 15 час. 30 мин. я снова был в Слониме, после того как 18-я танковая дивизия получила задачу наступать в направлении Барановичи, а 29-я мотодивизия — ускорить продвижение в направлении Слонима. Затем я поехал обратно на командный пункт группы и вдруг наскочил на русскую пехоту, которая на грузовых автомашинах была переброшена к Слониму, солдаты как раз намеревались сойти с машин. Сидевший рядом со мной водитель получил приказ «Полный газ», и мы пролетели мимо изумленных русских. Ошеломленные такой неожиданной встречей, они не успели даже открыть огонь. Русские, должно быть, узнали меня, так как их пресса сообщила потом о моей смерти, поэтому меня попросили исправить их ошибку через немецкое радио.

В 20 час. 15 мин. я снова был в своем штабе. Там я узнал о тяжелых боях на нашем правом фланге, где с 23 июня у Малорита 53-й армейский корпус успешно отбивал атаки русских. Части 12-го армейского корпуса,

находившиеся между 24-м и 47-м танковыми корпусами, стали устанавливать связь, правда, еще недостаточно прочную, левому флангу танковой группы серьезно угрожало все возрастающее давление русских, отступавших из Белостока. Пришлось обеспечить этот фланг, быстро подтянув 29-ю мотодивизию и 47-й танковый корпус.

К счастью, мы не знали, как нервничал Гитлер в этот день, опасаясь, что крупные русские силы могут сорвать на каком-либо участке наш охватывающий маневр. Гитлер хотел приостановить продвижение танковой группы и направить ее немедленно против сил противника в районе Белостока. На этот раз главное командование оказалось еще достаточно сильным, чтобы настоять на ранее принятом решении и завершить охват наступлением на Минск.

Вильно (Вильнюс) и Ковно (Каунас) были взяты. Финны захватили Аландские острова. Богатый никелем район Петсамо (Печенга) был занят 1-м немецким горно-стрелковым корпусом.

Гудериан Г. С. 132–134

Меня ошеломило сообщение Советского Информбюро о том, что за 22, 23 и 24 июня советская авиация потеряла 374 боевых самолета и что эти самолеты гитлеровцы уничтожили, главным образом, на аэродромах. Позднее, после уточнений, эта цифра оказалась значительно большей. Выяснилось, что немецкая авиация напала на 66 аэродромов наших пограничных округов. Уже к полудню первого дня войны мы потеряли 1200 самолетов: 300 погибло в воздушных боях и 900 было уничтожено на аэродромах (История

Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Т. 1. С. 477.).

Яковлев А. С. 195

«Это же чудовищное преступление, — сказал Сталин. — Надо головы поснимать с виновных». — И тут же поручил НКВД расследовать это дело.

Я. Чадаев.

Цит. по: *Куманев Г. С. 123*

Вопрос: Почему же все-таки немцам удалось прорвать фронт и углубиться на нашу территорию?

Ответ: На Брестском направлении против 6-й и 42-й дивизий обрушилось сразу три механизированных корпуса, что создало превосходство противника как численностью, так и качеством техники. Командующий 4-й армией Коробков, потеряв управление и, по-видимому, растерявшись, не смог в достаточной мере закрыть основного направления своими силами, хотя бы путем подтягивания на это направление 49-й дивизии. На 6-ю и 42-ю дивизии на этом же Брестском направлении противником была брошена огромная масса бомбардировочной авиации. По докладу Коробкова, эта авиация со всей тщательностью обрабатывала расположение нашей пехоты, а пикирующие бомбардировщики противника выводили из строя орудие за орудием. Господство авиации противника в воздухе было полное, тем паче что наша истребительная авиация уже в первый день одновременным ударом противника ровно в 4 часа утра по всем аэродромам была в

значительном количестве выбита, не поднявшись в воздух. Я лично не мог физически проверить, как была рассредоточена на аэродроме авиация, в то время как командующий ВВС Копец и его заместитель Таюрский, зам. по политчасти Листов и начальник штаба ВВС Тараненко доложил мне, что приказ наркома обороны о сосредоточенном расположении авиации ими выполнен.

Вопрос: Имели ли вы сообщение, что на границе появились самолеты противника?

Ответ: Такое сообщение я получил одновременно с началом бомбежки. Минский центральный пост ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение и связь. — *Е. Г.*) получил сообщение о перелете государственной границы авиацией противника через четыре минуты, а приграничные аэродромы это сообщение получили значительно раньше, но подняться в воздух не смогли, так как новой техникой в ночных условиях не овладели.

*Из протоколов допроса генерала армии Д. Павлова.
7 июля 1941 г.*

Цит. по: *Зенькович Н.*

Лишь после войны из книги С. С. Смирнова мы узнали о великом подвиге защитников Брестской крепости, первыми принявших удар врага. Но уже в самом начале событий с фронта приходили сообщения о беззаветной преданности Родине советских людей.

В развернувшихся воздушных боях даже на устаревших типах самолетов советские летчики сумели нанести гитлеровцам серьезный ущерб. Только в период с 22 июня по 19 июля, то есть менее чем за месяц,

германская армия потеряла в воздушных боях около 1300 самолетов.

Яковлев А. С. 195

Лишь вечером 22 июня 1941 года И. В. Сталин возвратился в Волынское. Из-за нарыва в горле он ничего не ел. Тяжело больной И. В. Сталин приезжал работать в Кремль.

Соловьев Б., Суходеев В. С. 58

Во второй день авиация противника целый день производила налеты на аэродромы, где был расположен истребительный полк 43-й авиационной дивизии, произведя 12 раз бомбардировку аэродрома.

В силу того, что аэродром Лошница был разбомблен и материальная часть, учебная и гражданская, не могущая летать, вся выведена из строя, командование ВВС перебазировало полк на аэродром Слепянка. Одновременно во второй день противник наносил разрушение железнодорожным узлам Орша, Борисов, Бобруйск, Осиповичи и разрушил полностью артиллерийский склад в Гайновке.

Авиация противника в этот день потеряла 27 самолетов.

*Из протоколов допроса генерала армии Д. Павлова.
7 июля 1914 г.*

Цит. по: *Зенькович Н.*

«Мы всё прос...ли»

Сталин в подавленном состоянии находился на ближней даче в Волынском (в районе Кунцево).

Микоян А. С. 389

Самой обитаемой дачей при этом считалась так называемая Ближняя, или Кунцевская, дача, из которой в марте 1953 года и вывезут тело вождя для прощания с трудящимися... На ближней двухэтажной даче второй этаж был почти необитаем. При нажмие включателя свет загорался одновременно во всем здании. Прямо на дачу была подведена одноколейная ветка метро, но мы ни разу на метро к даче не приезжали.

Красиков С. С. 76–83

Сталин трое суток — 23, 24 и 25 июня 1941 г. — пролежал пластом, никого не принимая, без еды. Есть из-за нарыва в горле он не мог. В эти дни, кто бы ни звонил, получали один и тот же ответ: «Товарищ Сталин занят и разговаривать с вами не может».

О болезни И. В. Сталина не знала даже его личная охрана. Эти несколько дней члены Политбюро ЦК ВКП(б) Сталина не видели и естественно терялись в догадках.

Жухрай В. С. 11

И вот он не приехал... Ближайшее окружение было встревожено, если не сказать больше. Мы все всегда

знали: проходило немного времени, чтобы тот или иной работник не был к нему приглашен. А теперь телефоны молчат, известно только одно: он на Ближней даче, но никто не решается поехать к нему. В эти дни его уединения у Молотова собрались члены Политбюро и стали решать, как быть? По сообщению обслуживающего персонала дачи, Сталин был жив, здоров. Но отключился от всех, никого не принимает, не подходит к телефонным аппаратам. Члены Политбюро единодушно решили: ехать всем.

Я. Чадаев.

Цит. по: Куманев Г. С. 203–204

Молотов, правда, сказал, что Сталин в последние два дня в такой прострации, что ничем не интересуется, не проявляет никакой инициативы, находится в плохом состоянии. Тогда Вознесенский, возмущенный всем услышанным, сказал: «Вячеслав, иди вперед, мы за тобой пойдем», — то есть в том смысле, что если Сталин будет себя так вести и дальше, то Молотов должен вести нас, и мы пойдем за ним.

Другие члены Политбюро подобных высказываний не делали и на заявление Вознесенского не обратили внимания. У нас была уверенность в том, что мы сможем организовать оборону и сражаться по-настоящему. Однако это сделать будет не так легко. Никакого упаднического настроения у нас не было. Но Вознесенский был особенно возбужден.

Микоян А. С. 391

Подъезжаем к сталинской «ближней» даче, в лесу за Поклонной горой. Охрана, видя среди нас Берия, сразу же открывает ворота, и мы подъезжаем к дому «хозяина». Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Увидев нас, он буквально окаменел. Голова ушла в плечи, в расширенных глазах явный испуг. (Сталин, конечно, решил, что мы пришли его арестовывать). Он вопросительно смотрит на нас и глухо выдавливает из себя: «Зачем пришли?» Заданный им вопрос был весьма странным. Ведь, по сути дела, он сам должен был нас созвать.

Молотов выступил вперед и от имени всех нас сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы быстро все решалось, чтобы страну поставить на ноги. Говорит о предложении создать Государственный Комитет Оборона. Сталин меняется буквально на глазах. Прежнего испуга как не бывало, плечи выпрямились. Но все же он посмотрел удивленно и после некоторой паузы сказал: «Согласен. А кто председатель?»

— Ты, товарищ Сталин, — говорит Молотов.

А. Микоян.

Цит. по: *Куманев Г. С.* 30–31

Было бы неправильным не сказать о том, что после первых тяжелых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец. В одной из бесед в эти дни он заявил:

— То, что создал Ленин, мы безвозвратно потеряли.

После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вообще не приступал

к делам и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены Политбюро и сказали, что нужно безотлагательно принимать какие-то меры для того, чтобы поправить положение.

Н. Хрущев. Из доклада на XX съезде КПСС.

Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3

Всех нас поразило тогда вид Сталина. Он выглядел исхудавшим, осунувшимся... землистое лицо, покрытое оспинками... он был хмур.

Он сказал: «Да, нет великого Ленина... Посмотрел бы он на нас, кому судьбу страны доверил. От советских людей идет поток писем, в которых справедливо упрекают нас: неужели нельзя остановить врага, дать отпор. Наверное, среди вас есть и такие, которые не прочь переложить вину, разумеется, на меня».

Молотов: «Спасибо за откровенность, но заявляю; если бы кто-то попытался направить меня против тебя, я послал бы этого дурака к чертовой матери... Мы просим тебя вернуться к делам, со своей стороны мы будем активно помогать».

Сталин: «Но все-таки подумайте: могу ли я дальше оправдывать надежды, довести страну до победного конца. Может, есть более достойные кандидатуры?»

Ворошилов: «Думаю, единодушно выражу мнение: достойнее никого нет».

И сразу же раздались дружные голоса: «Правильно!»

Я. Чадаев, со слов Булганина.

Цит. по: *Радзинский Э. С.* 504

Конечно, Сталин хотел победы. Но когда он увидел результаты своих трудов по уничтожению кадров, увидел, что армия обескровлена и ослаблена, а люди, которые пришли к ее руководству, недостаточно опытные, недостаточно подготовлены и не умеют командовать; и даже ранее того, когда он увидел, что наша армия получила достойный отпор от маленькой Финляндии, что ее замечательный, героический народ мужественно защищал свою страну и нанес нам большой урон; когда Сталин все это увидел, у него появился какой-то физический, животный страх перед Гитлером. И он все делал, чтобы ублажить Гитлера. Но у Гитлера имелись свои планы, Гитлер поставил целью жизни уничтожить большевизм. И поэтому умаслить его, уговорить отказаться от войны было невозможно. Тут воли Сталина была парализована волей врага.

Хрущев Н. *Т. 2. С. 138*

25 июня Поскребышев срочно вызвал меня в приемную Сталина. Надо было сделать протокольную запись. Я сразу же вошел в кабинет. Кроме Сталина, Тимошенко и Ватутина, никого не было. Ватутин заканчивал доклад.

— Если резюмировать коротко, то положение на фронтах крайне тяжелое. Не исключено, на какое-то время оно станет еще более тяжелым... — сказал Сталин.

После этого Тимошенко спросил Сталина: отправлять ли на передовую позицию его сына Якова, который очень туда просится.

— Некоторые, — молвил Сталин, сдерживая гнев, — мягко говоря, чересчур ретивые работники всегда стремятся угодить начальству. Я не причисляю вас к таковым, но советую вам впредь никогда не ставить передо мной подобных вопросов...

Я. Чадаев.

Цит. по: Куманев Г. С. 123

Вопрос: Поддерживал он связь со своим отцом до начала войны? Есть ли у него еще сестры и братья?

Ответ: Нет, никакой, т. е. я уехал 22 июня. До 22-го мы встречались, как обычно.

Из протокола допроса немцами Я. Джугашвили. 18 июля 1941 г.

(Здесь и далее текст протоколов цит. по: Иосиф Сталин в объятиях семьи: Сб. документов)

Яша ушел на фронт на следующий же день после начала войны, и мы с ним простились по телефону, — уже невозможно было встретиться. Их часть отправляли прямо туда, где царила тогда полнейшая неразбериха — на запад Белоруссии, под Барановичи. Вскоре (от него) перестали поступать какие бы то ни было известия.

Аллилуева С. С. 145

Вопрос: Что же сказал ему отец напоследок, прощаясь с ним 22 июня?

Ответ: Иди, воюй!

Из протокола допроса немцами Я. Джугашвили. 18 июля 1941 г.

...Старший брат мой Яша отправился на фронт уже 23 июня, вместе со своей батареей, вместе со всем выпуском своей Академии. Они только что закончили Академию, как раз к началу войны.

Он не сделал попытки использовать какую-нибудь, хоть самую малейшую возможность избежать опасности — хотя бы поехать не в самое пекло (в Белоруссию), или, может быть, отправиться куда-нибудь в тыл, или остаться где-нибудь при штабе.

Подобное поведение было исключено для него всем его характером, всем укладом его честной, порядочной и строгой жизни. И, так как отец относился к нему незаслуженно холодно, — а это было всем известно, — то никто из высших военных чинов не стал оказывать ему протекцию, зная, что это встретило бы только ярость отца.

Аллилуева С. С. 143

Когда отец [Яков] уходил на фронт, Ма провожала его в красном платье. Очевидно, она уже точно знала, что это дурная примета, и все-таки надела его. Почему? Возможно, оно было новым или особенно ей шло... Она

часто вспоминала об этом платье и, как мне тогда казалось, видела в нем первопричину всех бед.

Джугашвили Г. С. 25

«Дорогая Юля!

Все обстоит хорошо. Путешествие довольно интересное. Единственное, что меня беспокоит — это твое здоровье. Береги Галку и себя, скажи ей, что папе Яше хорошо. При первом удобном случае напишу более пространное письмо. Обо мне не беспокойтесь, я устроился прекрасно. Завтра или послезавтра сообщу тебе точный адрес и попрошу прислать мне часы с секундомером и перочинный нож.

Целую крепко Галю, Юлю, отца, Светлану, Васю. Передай привет всем. Еще раз крепко обнимаю тебя и прошу не беспокоиться обо мне... Весь твой Яша.

Я. Джугашвили — Ю. Мельцер. 26 июня 1941 г.

Перед началом войны Яше было тридцать три года, а мне пятнадцать, и мы только-только с ним подружились по-настоящему.

Аллилуева С. С. 145

У нее [Светланы] было сильно развито предчувствие. Видит сон: большое гнездо, в нем орел с птенцами, и орел выбрасывает птенцов из гнезда.

— Это о Яше. Что-то случилось с ним, — говорит мне Светлана.

Вскоре стало известно, что Яша попал в плен.

Пешкова М.

Цит. по: *Краскова В. С.* 181

26 июня на командный пункт Юго-Западного фронта в Тернополь мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

— На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Можете вы немедленно вылететь в Москву?

— Сейчас переговорю с товарищами Кирпоносом и Пуркаевым о дальнейших действиях и выведу на аэродром.

Поздно вечером 26 июня я прилетел в Москву и прямо с аэродрома — к И. В. Сталину. В кабинете И. В. Сталина стояли навтыяжку нарком С. К. Тимошенко и мой первый заместитель генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Оба бледные, осунувшиеся, с покрасневшими от бессонницы глазами. И. В. Сталин был не в лучшем состоянии.

Поздоровавшись кивком, И. В. Сталин сказал:

— Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке? — И бросил на стол карту Западного фронта.

— Нам нужно минут сорок, чтобы разобраться, — сказал я.

— Хорошо, через сорок минут доложите.

Мы вышли в соседнюю комнату и стали обсуждать положение дел и наши возможности на Западном фронте. Наши предложения И. В. Сталиным были утверждены и тотчас же оформлены соответствующими распоряжениями...

Жуков Г. Т. 2. С. 34–35

Во второй половине дня 27 июня я зашел к Поскребышеву... Позвонил правительственный телефон, Поскребышев ответил:

— Товарища Сталина нет, и не знаю, когда он будет.

— Позвонить, что ли, на дачу? — спросил вошедший заместитель наркома обороны Лев Мехлис.

— Позвоните, — сказал Поскребышев. Мехлис привычно набрал по вертушке номер Ближней дачи и ждал полминуты. Но никто не ответил.

— Непонятно, — сказал Поскребышев. — Может быть, выехал сюда, но тогда мне позвонили бы из охраны.

Подождали еще несколько минут. Поняв, что ждать не стоит, пошли к Молотову. В это время позвонил телефон, и Молотов кому-то ответил, что не знает, будет ли Сталин в Кремле...

На следующий день я пришел в приемную Сталина. Но Сталин не приехал. У всех было недоумение — что случилось?

На другой день я опять отправился в приемную подписывать бумагу. И Поскребышев мне сказал сразу и определенно;

— Товарища Сталина нет и едва ли будет.

— Может быть, он выехал на фронт?

— Ну что ж ты меня терзаешь! Сказал: нет и не будет...

Я. Чадаев.

Цит. по: *Куманев Г. С.* 205–206

— Пишут, что в первые дни войны он растерялся, дар речи потерял.

— Растерялся — нельзя сказать, переживал — да, но не показывал наружу. Свои трудности у Сталина были, безусловно. Что не переживал — нелепо. Но его изображают не таким, каким он был, — как кающегося грешника его изображают! Ну, это абсурд, конечно. Все эти дни и ночи он, как всегда, работал, некогда ему было теряться или дар речи терять.

Из беседы Ф. Чуева с В. Молотовым.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 60

Мне вспоминается один эпизод, случившийся в первые дни войны, который, безусловно, характерен для Сталина и опровергает утверждение о его грубости и бессердечности в отношении окружающих и подчиненных. Не помню, какого числа, но, во всяком случае, в первую же неделю войны, на третий или четвертый день, была объявлена воздушная тревога. Население было уже подготовлено, и все без паники укрылись в убежище. Но факт сам по себе был неприятный. В первые же дни войны врагу удалось

прорваться к сердцу страны — Москве. Утром населению было объявлено, что была учебная тревога с целью подготовки жителей столицы к укрытию в убежищах.

Что же произошло на самом деле? Оказалось, что наш заградогонь, охранявший подступы к столице, принял свои самолеты за вражеские и открыл по ним огонь. Была объявлена воздушная тревога. Потом все это быстро выяснилось и был дан отбой.

Узнав об этом, Сталин тут же вызвал помощника командующего войсками Московского военного округа по ПВО Громадина М. С. Легко представить себе самочувствие Громадина. Ошибка была серьезной, и надо было давать объяснения самому наркому обороны. Что, кроме заслуженного наказания, мог ожидать он от этой встречи? Но все его опасения жестокого разгона оказались напрасными. Сталин принял его приветливо и тепло, расспросил его обо всем, поинтересовался, где он учился, что закончил, и в заключение сказал: «Вы уж постарайтесь больше не ошибаться и помните, что сейчас идет война и ошибки могут привести к тяжелым последствиям».

Вышел Громадин от Сталина и облегченно вздохнул, откровенно признавшись, что такого внимательного и теплого отношения к себе после совершенной ошибки он никак не ожидал.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 120–121

Наступил второй день войны — из Москвы ни слова, потом пришел третий, четвертый день снова ни слова. Ни Молотов, ни Сталин не подают признаков жизни. Тогда

мне еще не было известно, что в момент нападения немцев Сталин заперся, никого не принимал и никак не участвовал в решении государственных дел.

Майский И. М. (полпред в Лондоне). *Воспоминания советского посла. М., 1965. С. 407*

Насколько я помню, Сталин был очень потрясен случившимся — таким началом войны. Он категорически не допускал этой возможности. Размеры потрясения были связаны и с масштабом ответственности, а также и с тем, что Сталину, привыкшему к полному повиновению, к абсолютной власти, к отсутствию сопротивления своей воле, вдруг пришлось в первые же дни войны столкнуться с силой, которая в тот момент оказалась сильнее его. Ему была противопоставлена сила, с которой он в тот момент не мог совладать. Это было потрясение огромное, насколько я знаю, он несколько дней находился в состоянии, близком к прострации. Думаю, что с этим связано и то, что не он, а Молотов выступил по радио и говорил о начале войны, хотя естественно было бы ждать такого выступления именно Сталина.

И. Исаков.

Цит. по: *Симонов К. С. 346*

Однако есть же документы, в них зафиксировано все, чем занимался в те дни Сталин. Это, например, тетради, где регистрировались лица, побывавшие на приеме у него в Кремле. Это десятки людей — руководители страны и партии, военачальники, наркомы,

директора заводов и другие лица, с утра до позднего вечера приходившие в кабинет Сталина по его вызову.

Аллилуев В. С. 123

В архиве ЦК КПСС хранятся тетради записи лиц, принятых И. В. Сталиным с 1927 по 1953 г. В них зафиксированы фамилии посетителей и время их пребывания в сталинском кабинете в Кремле (сохранена орфография документа. — *Е. Г.*)

«22 июня 1941 г.

1. т. Молотов вход в 5.45 м.

выход 12.05 м.

2. т. Берия вход 5.45 м.

выход 9.20 м.

3. т. Тимошенко вход в 5.45 м.

выход 8.30 м.

4. т. Мехлис вход в 5.45 м.

выход 8.30 м.

5. т. Жуков вход в 5.45 м.

выход 8.30

6. т. Маленков вход 7.30 м.

выход 9.20 м.

7. т. Микоян вход в 7.55 м.

выход 9.30 м.

8. т. Каганович Л. М. в 8.00 м.
выход 9.35 м.
9. т. Ворошилов вход 8.00 м.
выход 10.15 м.
10. т. Вышинский вход 7.30 м.
выход 10.40 м.
11. т. Кузнецов вход в 8.15 м.
выход 8.30 м.
12. т. Димитров вход 8.40 м.
выход 10.40 м.
13. т. Мануильский вход в 8.40 м.
выход 10.40 м.
14. т. Кузнецов вход 9.40 м.
выход 10.20 м.
15. т. Микоян вход 9.50 м.
выход 10.30 м.
16. т. Молотов вход в 12.25 м.
выход 16.45 м.
17. т. Ворошилов вход в [11].40 м.
выход 12.05 м.
18. т. Берия вход в 11.30 м.
выход 12.00 м.
19. т. Маленков вход 11.30 м.
выход 12.00 м.

20. т. Ворошилов вход 12.30 м.

выход 16.45 м.

21. т. Микоян вход в 12.30 м.

выход 14.30 м.

22. т. Вышинский в 13.05 м.

выход 15.25 м.

23. т. Шапошников в 13.15 м.

выход 16.00 м.

24. т. Тимошенко в 14.00 м.

выход 16.00 м.

25. т. Жуков вход 14.00 м.

выход 16.00 м.

26. т. Ватутин вход 14.00 м.

выход 16.00 м.

27. т. Кузнецов вход 15.20 м.

выход 15.45 м.

28. т. Кулик вход 15.30 м.

выход 16.00 м.

29. т. Берия вход в 16.25 м.

выход 16.45 м.

Последние вышли в 16.45 м.»

Из тетради записи лиц, принятых И. В. Сталиным
21—28 июня 1941 г.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 216—217

Спрашиваю о 22 июня 1941 года:

— Был ли Сталин растерян? Говорят, никого не принимал?

— Ложь! Мы-то у него были... Нас принимал. Ночью мы собрались у Сталина, когда Молотов принимал Шуленбурга. Сталин каждому из нас сразу же дал задание — мне по транспорту, Микояну — по снабжению.

Л. Каганович.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 115

Г. А. Куманев: Лазарь Моисеевич, в 6-ом номере за этот год (1990) журнала Известия ЦК КПСС (Вы его, наверное, получаете) опубликовано содержание тетради записей лиц, принятых Сталиным с вечера 21 по 28 июня 1941 г. И вот в записи за 22 июня дежурным отмечено, что в 8.00 часов к нему в кремлевский кабинет вошел т. Каганович Л.М., а вышел в 9.35, т.е. Вы находились у Сталина полтора часа.

Л. М. Каганович. Да, верно.

Г. А. Куманев: А каким Вы нашли Сталина в тот момент?

Л. М. Каганович: Собранным, спокойным, решительным.

Г. А. Куманев: Интересно, какие лично Вам он дал указания?

Л. М. Каганович: Очень много указаний я получил. Они показались мне весьма продуманными, деловыми и своевременными.

Г. А. Куманев: Вы пришли по своей инициативе или Сталин Вас вызвал?

Л. М. Каганович: Вызвал Сталин, он всех вызывал. Конечно, основной круг заданий мне был связан с работой железнодорожного транспорта. Эти поручения касались проблем максимального обеспечения перевозок оперативных, снабженческих, народнохозяйственных, а также и эвакуационных. Я ведь тогда был Министром путей сообщения СССР...

Куманев Г. С. 73

О неделе, проведенной Сталиным на Кунцевской даче в полнейшей отключке, пишут многие военачальники, министры, партийные функционеры. Однако немало и тех, кто видел вождя в то время и утверждают: да, он сильно переживал, даже изменился внешне, но о панике или о страхе не может быть и речи. О его работоспособности, собранности и энергии свидетельствуют записи в журнале, который вели сотрудники приемной, регистрировавшие принятых им лиц. 22 июня, в первый день войны, — 29 встреч, 23 июня — 21, 24-го — 20, 25-го — 29, 26-го — 28, 27-го — 30, 28-го — 21 встреча. Журнал бесстрастно фиксировал фамилии лиц, прошедших в кремлевский кабинет Сталина — того же Микояна, Вознесенского, главы Коминтерна Георгия Димитрова, маршалов, министров, идеологов. Указывается время каждой аудиенции — до 12, а то и до 1.30 ночи. Журнал, правда, рассекречен совсем недавно...

Зенькович Н. С. 113

Когда началась война, рассказывает Молотов, он со Сталиным ездил в Наркомат обороны. С ними был Маленков и еще кто-то. Сталин довольно грубо разговаривал с Тимошенко и Жуковым.

— Он редко выходил из себя, — говорит Молотов.

Чуев Ф. С. 55

Вечером 29 июня у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. Всех интересовало положение на Западном фронте, в Белоруссии. Но подробных данных о положении на территории этой республики тогда еще не поступило. Известно было только, что связи с войсками Западного фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны маршалу Тимошенко. Однако тот ничего конкретного о положении на западном направлении сказать не смог.

Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой. В кабинете наркома были Тимошенко, Жуков и Ватутин, Сталин держался спокойно, спрашивал, где командование фронта, какая имеется с ним связь. Жуков докладывал, что связь потеряна и за весь день восстановить ее не удалось. Потом Сталин другие вопросы задавал: почему допустили прорыв немцев, какие меры приняты к налаживанию связи и т.д. Жуков ответил, какие меры приняты, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для восстановления связи — никто не знает. Очевидно, только в этот момент Сталин по-настоящему понял всю серьезность просчетов в оценке возможности, времени и последствий нападения Германии и ее союзников.

И все же около получаса поговорили довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: что за Генеральный штаб, что за начальник Генштаба, который так растерялся, что не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует. Раз нет связи, Генштаб бессилён руководить. Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал за состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек не выдержал, разрыдался как баба и быстро вышел в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5—10 Молотов привел внешне спокойного, но все еще с влажными глазами Жукова.

А. Микоян.

Цит. по: Куманев Г. С. 28–29

Обычно спокойный и рассудительный, он по временам впадал в острую раздражительность, взгляд становился тяжелым, жестким. Не много я знаю смельчаков, которые могли выдержать его гнев.

Жуков Г. Т. 2. С. 521

Я со Сталиным ездил в наркомат обороны... Сталин довольно грубо разговаривал с Тимошенко и Жуковым, хотя он редко выходил из себя. Потом мы поехали на дачу, где он сказал: «Просрали». Это относилось ко всем нам!

В. Молотов.

Цит. по: Чуев Ф. С. 123

Сталин был в очень сложном состоянии. Он не ругался, но не по себе было.

— Как держался?

— Как держался? Как Сталину полагается держаться. Твердо.

— А вот Чаковский пишет, что он...

— Что там Чаковский пишет, я не помню, мы о другом совсем говорили. Он сказал: «Прос...ли». Это относилось ко всем нам, вместе взятым. Это я хорошо помню, поэтому и говорю. «Все прос...ли», — он просто сказал. «А мы прос...ли». Такое было трудное состояние тогда. Ну, я старался его немножко ободрить.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 60–61*

Сталин был очень удручен. Когда вышли из наркомата, он такую фразу сказал: «Ленин оставил нам великое наследие, а мы, его наследники, все это просрали». Мы были поражены этим высказыванием Сталина. Выходит, что все безвозвратно потеряно...

Микоян А. С. 390

— Из рассказов Вячеслава Михайловича я понял, что обнажилась грань, за которой мог последовать взрыв с самыми тяжкими последствиями, — признавался автору этой книги Иван Фотиевич (Стаднюк) в 1991 году. — Ссора вспыхнула тяжелейшая, с матерщиной и угрозами. Сталин материл Тимошенко, Жукова и Ватутина, обзывал

их бездарями, ничтожествами, ротными писаришками, портяночниками. Нервное перенапряжение сказалось и на военных. Тимошенко с Жуковым тоже наговорили сгоряча немало оскорбительного в адрес вождя. Кончилось тем, что побелевший Жуков послал Сталина по матушке и потребовал немедленно покинуть кабинет и не мешать им изучать обстановку и принимать решения. Изумленный наглостью военных, Берия пытался вступить за хозяина, но Сталин, ни с кем не попрощавшись, направился к выходу.

Молотов рассказал Стаднюку потрясающие подробности! Когда нежданные визитеры спускались во внутренний двор наркомата обороны, где дожидались машины, Берия что-то возбужденно доказывал Сталину, зловеще поблескивая стеклами пенсне. По долетавшим обрывкам фраз Молотову показалось, что глава грозного ведомства предупреждал о возможности этой ночью военного переворота. Сталин выслушал, не проронив ни слова, а потом, не заезжая в Кремль, поехал на Кунцевскую дачу.

Машина Берии свернула на Лубянку. Это означало, что ее хозяин проведет на службе всю ночь, а его люди, расставленные в разных местах, будут докладывать ему о каждом подозрительном движении в городе.

Зенькович Н. С. 114–115

Вечером [29 июня 1941] я вновь зашел с бумагами к Поскребышеву, и вновь... Сталин не появился. У меня скопилось много бумаг, и поскольку первым заместителем был Вознесенский, я попросил его

подписать. Вознесенский позвонил Молотову, потом долго слушал его и, положив трубку, сказал:

— Молотов просит обождать один день и просит членов Политбюро собраться у него через два часа. Так что пусть эти документы побудут у вас...

Вознесенский поднял трубку вертушки, ждал минуту и сказал:

— Никто на даче не отвечает. Непонятно, видно, что-то случилось с ним в такой тяжелый момент...

Я. Чадаев.

Цит. по: Куманев Г. С. 123

Ранним утром 30 июня 1941 года Сталин приехал в Кремль с принятым решением: вся власть в стране переходит Государственному Комитету Оборона во главе с ним, Сталиным.

Нарком обороны Тимошенко в тот же день был удален из Москвы и направлен в Смоленск — командующим Западным фронтом. Первый заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Ватутин назначался начальником штаба Северо-Западного фронта.

Из тройки высокопоставленных военных, участвовавших во вчерашней крупной ссоре, в Москве оставался пока на недолгое время — начальник Генштаба Жуков, с которого Берия не спускал глаз. Вскоре и Жуков тоже оставит Москву и направится навстречу своей неувядаемой славе.

Такие вот последствия имел скандальный инцидент в здании наркомата обороны поздним вечером 29 июня 1941 года.

Зенькович Н. *С. 115*

До 1949 г., т.е. на протяжении всех 70 лет жизни Сталин не знал, что такое безвыходное положение, он всегда, в самые критические моменты сохранял ясную голову и непоколебимый оптимизм, и даже в июне 1941 г., ему потребовалось всего 5(пять!) суток, чтобы полностью восстановиться после шока от германского нападения и организовать военную жизнь огромной страны и ее вооруженных сил — на новых началах, не допустив в стране ни тени паники, отчаяния или уныния.

Похлебкин В. *С. 106*

Илия, митрополит гор Ливанских, затворился в каменном подземелье и без сна и еды стоял на коленях с молитвой Божьей матери о России. И было ему чудесное видение (о котором он написал письмо главам Русской церкви); на третьи сутки в огненном столпе к нему явилась Богородица и передала ему определение Божие: «Должны быть открыты по всей стране храмы и духовные монастыри. Священники должны быть возвращены из тюрем. Ленинград не сдавать, но обнести город Святой иконой Казанской Божьей матери. Потом икону везти в Москву и совершить там молебен, и далее везти ее в Сталинград».

Хозяин решил исполнить видение Илии. Так начался его удивительный и такой короткий возврат к Богу.

Радзинский Э. С. 505–506

Сталин, находясь в Москве, имел возможность напрямую вмешиваться во все, и подчас его вмешательство стоило многих жизней на фронте. А в конце концов мы под руководством Сталина одержали победу, но с чересчур большими жертвами, невероятными потерями. Без Сталина враг явно был бы разгромлен с меньшими потерями.

Хрущев Н. Т. 2. С. 140

— Вы меня, кажется, спрашивали о роли Сталина в Великой Отечественной войне. Так вот, хочу подчеркнуть, что всем нам очень повезло, что с самого начала войны с нами был Сталин.

В. Молотов.

Цит. по: *Куманев Г. С. 12*

Сталин заговорил

Все ждали выступления И. В. Сталина. Но Сталин молчал...

Аллилуев В. С. 123

И только третьего июля Сталин заговорил и заговорил так, как он никогда не говорил до тех пор, заговорил словами: «Братья и сестры...» В этой речи я лично чувствовал присутствие глубокого человеческого потрясения у человека, произносившего ее.

И. Исаков.

Цит. по: *СИМОНОВ К. С. 346*

Сталин согласился вернуться в Кремль и опять приступил к работе, выступил по радио. Это было его знаменитое выступление 3 июля 1941 года. Но еще долгое время он не подписывал сам никаких директив. На всех верховных документах стояла подпись: «Ставка». А он начал подписываться как Верховный главнокомандующий только тогда, когда наши войска стали оказывать серьезное сопротивление фашистам. Вот что рассказал Берия о состоянии Сталина в начале войны.

Хрущев Н. Т. 2. С. 139

Диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан рассказывал, как перед выступлением Сталина по радио 3 июля 1941 года его инструктировали Берия и Власик: «На все вопросы товарища Сталина отвечать «да» или «нет», ни о чем не спрашивать».

Ощупали одежду, даже носки посмотрели.

Сталин, увидев Левитана, сказал: «Так вот вы какой? Таким я вас и представлял. — И спросил: Как вы думаете, как мне читать?» «Как вы всегда читаете, товарищ Сталин, так и читайте», — нашелся Левитан. «А

где мне паузы делать?» — «Где вы их всегда делаете, товарищ Сталин, там и делайте». Тут Сталин не выдержал и рассмеялся.

Чуев Ф. *С. 59*

3 июля по радио выступил И.В. Сталин. Он обратился к народу не обычно, как это было раньше. «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота. К Вам обращаюсь я, друзья мои!»

Докучаев М. *С. 288*

Но, хотя он волновался, интонации его речи оставались размеренными, глуховатый голос звучал без понижений, повышений и восклицательных знаков. И в несоответствии этого ровного голоса трагизму положения, о котором он говорил, была сила. Она не удивляла: от Сталина и ждали ее... Сталин не называл положение трагическим: само это слово было трудно представить себе в его устах, — но то, о чем он говорил, — ополчение, оккупированные территории, партизанская война, — означало конец иллюзии... И в том, что Сталин говорил о неудачном начале этой громадной и страшной войны, не особенно меняя привычный лексикон, — как об очень больших трудностях, которые надо как можно скорее преодолеть, — в этом тоже чувствовалась не слабость, а сила... и пронзившее душу обращение: «Друзья мои!»...

Симонов К. М. *Живые и мертвые. М.: Худож. лит, 1989. С. 345*

Хотим мы сегодня признать или не хотим, но ведь именно его речь, начинавшаяся словами «Братья и сестры», в сорок первом вызвала невиданный энтузиазм у людей самых разных возрастов. Они пошли на призывные пункты добровольцами. Вера в слово — огромная вера, если произносит его авторитетный человек. А то, что Сталин был для миллионов авторитетной личностью, — отрицать можно либо по скудоумию, либо по злему умыслу.

Михалков С. С. 96

Хочу только добавить, что каждая строчка этого исторического обращения была им выношена, выстрадана, взвешена и продумана, спустя более полувека ее нельзя читать без сильного душевного волнения. Она вся какая-то необычная, в ней ощущается дыхание многовековой российской истории.

Аллилуев В. С. 124

— А речь третьего июля он готовил или Политбюро?

— Нет, это он. Так не подготовишь. За него не подготовишь. Это без нашей редакции. Некоторые речи он говорил без предварительной редакции. Надо сказать, мы все раньше говорили без предварительной редакции. Даже в 1945-м или в 1946-м, когда я делал доклад на ноябрьской годовщине или в ООН выступал, это были мои слова, меня никто не редактировал. Я не по писаному говорил, а более-менее вольно.

Из беседы Ф. Чуева с В. Молотовым

Цит. по: Чуев Ф. С. 59

К этому времени довольно полно представлялась картина вероломного нападения гитлеровской Германии, с чего и начал Сталин свое обращение. Он подверг критике непобедимость немецко-фашистской армии и на исторических примерах с армиями Наполеона и Вильгельма показал, что непобедимых армий не было и нет.

В своем выступлении он сказал: «Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет. Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году... Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги, как Гитлер и Риббентроп».

И далее продолжал Сталин: «Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора лет и возможность подготовки своих сил для отпора, если бы фашистская Германия рискнула напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии».

И.В. Сталин предупредил советский народ о том, что враг жесток и неумолим и что в смертельной схватке решается вопрос о свободе или порабощении нашего народа. Захватчик хочет разрушить национальную

культуру всех советских народов, превратить их в рабов немецких баронов.

Сталин призвал советских людей «перестроиться на военный лад, не знающий пощады врагу, чтобы в наших рядах не было нытиков, трусов, паникеров и дезертиров, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей».

В своей речи Сталин говорил о всесторонней помощи Красной Армии, об укреплении ее тыла, организации беспощадной борьбы с дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, призвал уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов. Он поставил задачи по борьбе во вражеском тылу, развертыванию партизанского движения на оккупированной территории СССР, создавая тем самым невыносимые условия для врага.

«Войну с фашистской Германией, — сказал Сталин, — нельзя считать обычной. Она является войной не только между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск.... И в этой освободительной войне мы не будем одиноки. Наша борьба сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические, свободы».

Докучаев М. С. 288–299

Повторюсь: надо сегодня напрячь воображение, чтобы представить себе ту нешуточную веру в Сталина, которая существовала не в воздухе, а в массах. Само

собой разумеется — тут огромна роль пропаганды и агитации, но — что было, то было... В Сталина верили как в того, чья воля и ум помогут всем нам одолеть фашизм, вернуть мирную жизнь.

Михалков С. С. 96

Это была самая сильная речь Сталина. Ее до сих пор помнят советские люди и никогда не забудут спокойный, но несколько суховатый грузинский акцент и бульканье наливаемой воды, паузу, которую Сталин сделал, чтобы налить ее в стакан и смочить пересохшее горло.

Докучаев М. С. 289

Мне вспомнились высказывания Ивана Петровича Павлова... Он определенно считал, что самые редкие и самые сложные структуры мозга — государственных деятелей, Божьей милостью, если так можно выразиться, прирожденных. Особенно ясно для меня становится это, когда в радио слышится Сталина речь... такая власть над людьми и такое впечатление на людей...

В. Вернадский.

Цит. по: *Шабалов А.* Одиннадцатый удар товарища Сталина. Ростов-на-Дону, 1996. С. 10

На приеме в честь командиров Красной Армии, одержавшей великую победу, Сталин в первый и последний раз признал:

«Наше правительство сделало немало ошибок, в 1941—1942 году были моменты отчаяния, когда наша

армия отступала, оставляя наши родные села и города... потому что не было выбора. Другой народ мог бы сказать правительству: «Вы не оправдали нашего доверия, уходите, мы поставим новое правительство, которое подпишет с немцами мир и даст нам передышку». Но русский народ не пошел этим путем, потому что верил в политику своего правительства. Спасибо тебе, великий русский народ, за доверие...»

Буллок А. *Т. 2. С. 575*

История Якова. Плен

В начале июля появились упоминания о таких городах, как Псков, Витебск, было названо Смоленское направление. 16 июля немцы вступили в Смоленск. Стало очевидно: враг рвется к Москве.

Яковлев А. С. 195

В газете «Красная звезда» от 15 августа 1941 года я прочитал такую корреспонденцию с фронта: «Среди наших командиров мне довелось встретить сыновей славных героев гражданской войны. Они не уступают отцам в героизме. На одной батарее, громившей немцев прямой наводкой, я встретил капитана — сына легендарного Чапаева. Он дерется самоотверженно и честно. На этом же участке фронта я видел сына Пархоменко — старшего лейтенанта, который храбростью напомнил мне своего отца.

Изумительный пример подлинного героизма и преданности Родине показал в боях под Витебском командир батареи Яков Джугашвили. В ожесточенном бою он до последнего снаряда не оставлял своего боевого поста, уничтожая врага».

В газете не сказано, что уже более месяца сын Сталина находился в немецком плену, оставаясь верным присяге, Родине и вождю.

Чуев Ф. С. 550

В плен он попал в самом начале войны, 16 июля 1941 года, под Витебском.

Грибанов С. С. 231

Батарея отца почти сразу попала в окружение. Снаряды кончились. Один солдат (контуженый, принятый за мертвого) выбрался к своим. Рассказ его был скуп. Дикий угар рукопашной, провал. Потом свет, тишина, трупы на вздыбленной земле и никого — живых... Последнее, что он помнил об отце: «На старшем лейтенанте было много крови...»

Джугашвили Г. С. 24

Через несколько месяцев после начала войны вдруг мой Артем появился у меня дома: он вышел из окружения в районе Калинина и пробрался в Москву. Он-то мне и рассказал, как сын Сталина попал в плен. Немцы окружили его батарею, была команда отступить, но Яша не подчинился приказу. «Я его стал уговаривать,

— говорил Артем, — что нужно отойти. Яков ответил: «Я сын Сталина и не позволю батарее отступить».

Микоян А. С. 362

Допрашивали военнопленного старшего лейтенанта Джугашвили у командующего авиацией 4-й армии — вот почему текст оказался в архиве германского «люфтваффе».

Зенькович Н. С. 129

Какое Вы имеете звание в советской армии и в какой части служили?

Старший лейтенант. Служил в 14 гаубичном полку, приданном 14 танковой дивизии, артиллерийский полк при 14 дивизии.

Как же Вы попали к нам?

Я, т. е. собственно не я, а остатки этой дивизии, мы были разбиты 7.7, а остатки этой дивизии были окружены в районе Лясново.

Вы добровольно пришли к нам, или были захвачены в бою?

Не добровольно, я был вынужден.

Вы были взяты в плен один, или же с товарищами и сколько их было?

К сожалению, совершенное вами окружение вызвало такую панику, что все разбежались в разные стороны. Видите ли, нас окружили, все разбежались, я находился в это время у командира дивизии.

Вы были командиром дивизии?

Нет, я командир батареи, но в тот момент, когда нам стало ясно, что мы окружены — в это время я находился у командира дивизии, в штабе. Я побежал к своим, но в этот момент меня подозвала группа красноармейцев, которая хотела пробиться. Они попросили меня принять командование и атаковать ваши части. Я это сделал, но красноармейцы должны были испугаться, я остался один, я не знал, где находятся мои артиллеристы, ни одного из них я не встретил. Если вас это интересует, я могу рассказать более подробно. Какое сегодня число? (Сегодня 18-е). Значит, сегодня 18-е. Значит, позавчера ночью под Лясново, в 1 /₂ км от Лясново, в этот день утром мы были окружены, мы вели бой с вами.

Как обращались с Вами наши солдаты?

Ну, только сапоги с меня сняли, в общем же, я сказал бы, не плохо. Могу впрочем сказать, что и с вашими пленными обращаются не плохо.

Из протокола допроса немцами Я. Джугашвили.

18 июля 1941 г.

Рассказывают, в лагере, это под Борисовом на Березине, в первый же день Якова чуть было не расстреляли. Когда немцы выстроили наших пленных и последовала команда «Комиссары и евреи, два шага вперед!» — Яков остался в строю. Тогда ему приказали: «Выходи! Ты ведь еврей!» Яков Джугашвили ответил: «Ошибаетесь, я не еврей». И кто-то подтвердил: «Это — грузин, сын Сталина».

А когда эта дивизия (в которой служил Яков Джугашвили. — Е. Г.) вошла впервые в соприкосновение с немецкими войсками?

Это было 5-го, 6-го, 7-го. 6-го велась разведка боем, которая обошлась нам очень дорого, и все же 7-го Вы должны были проиграть сражение, но Ваша авиация мешала и разбила нас.

Когда была рассеяна дивизия?

7-го она была разбита. Ваша авиация разбила ее. Я едва остался жив и этим я должен быть благодарен исключительно Вашей авиации.

Понесла дивизия большие жертвы?

Мы потеряли 70% танков, 70 или 60%, от 60% до 70%.

Сколько же всего танков имела дивизия?

Видите ли, она не была полностью укомплектована, старые танки еще не были заменены новыми... но новые уже были.

А сколько их примерно было?

Мы считали, что примерно 250 танков, точно я не могу Вам сказать. Организацию я знаю, но точно я этого не могу сказать. Было больше 200 танков, 250-300, примерно так.

А в чем причина плохой боеспособности армии?

Благодаря немецким пикирующим бомбардировщикам, благодаря неумным действиям нашего командования, глупым действиям... идиотским,

можно сказать... потому что части ставили под огонь, прямо посылали под огонь.

Из протокола допроса немцами Я. Джугашвили.

18 июля 1941 г.

О том, что Яков — сын Сталина, немцы узнали совершенно случайно. Попал он в плен раненым, и его узнал такой же раненый однополчанин. Бросился к нему. Рядом оказался немецкий осведомитель, он-то и сообщил, кто такой старший лейтенант Джугашвили.

Берия С. С. 128

Но раньше ведь у вас говорили: из страха перед пленом красноармейцы лучше застрелятся.

Я должен высказаться по этому вопросу откровенно; если бы мои красноармейцы отступили, если бы я увидел, что моя дивизия отступает, я бы сам застрелился, так как отступить нельзя.

Почему же солдаты покинули его?

Нет, это были не мои солдаты, это была пехота.

Знал ли он, что согласно международному праву с пленным солдатом в гражданской одежде предусматривается совершенно иное обращение, чем с солдатом в военной форме? Зачем он надел гражданскую одежду?

Я скажу вам почему, потому что я хотел бежать к своим, а если бы меня заподозрили в том, что я имел намерение заниматься шпионажем, то для этого я ведь должен был знать немецкий язык.

Известно ли ему о приказе, в котором говорится, что если солдату грозит опасность быть взятым в плен, он должен обеспечить себя гражданской одеждой?

Видите ли, мне известно только, что все те, кто после этого окружения разбежались, начали переодеваться и я тоже дал себя уговорить это сделать.

Из протокола допроса немцами Я. Джугашвили.

18 июля 1941 г.

Я не только свидетель тех событий, но и непосредственный их участник.

Я служил командиром радиоотделения 5-й батареи 14-го гаубичного артполка 14-й бронетанковой дивизии. О том, что 6-й батареей этого же полка будет командовать сын Сталина, мы узнали еще накануне войны.

Когда началась война, несколько дней ушло на перевооружение и переобмундирование полка. Затем мы своим ходом по Смоленской дороге двинулись на запад.

В районе станции Лиозно нам приказали занять позиции, где мы простояли несколько дней.

4 июля 1941 года снова двинулись на запад, миновали город Витебск и выбрали позиции западнее этого города, кажется, на восточной стороне реки Западная Двина. Здесь 5 июля впервые вступили в бой.

Наблюдательный пункт был один для всего дивизиона. На нем находился командир дивизиона, командиры 4, 5 и 6-й батарей, а также разведчики, связисты, радисты. Я, как командир радиоотделения 5-й батареи, также находился здесь с несколькими радистами

и радиостанцией ПК-6. Естественно, здесь же был и Яков Джугашвили.

Три дня, 5, 6 и 7 июля, наша дивизия пыталась выбить немцев с занимаемых ими позиций, но отсутствие поддержки со стороны нашей авиации не позволило добиться успеха, и мы каждый раз возвращались на исходные позиции.

Телефонную связь между НП (наблюдательным пунктом) и огневой позицией дивизиона часто рвало немецкими снарядами. Тогда команды на ведение огня приходилось передавать по радио.

К концу дня 7 июля закрепленная за мной радиостанция вышла из строя. Необходимо было нести ее в мастерскую дивизии. А в это время поступил приказ, ночью построить блиндажи на НП.

Всю ночь шли работы по рытью котлованов, заготовке бревен в ближайшем лесу и доставке их на НП. В это время на НП из числа красноармейцев и младших командиров оставались только те, кто копал котлован и периодически приносил бревна. Часовых не выставляли. Я участвовал в доставке бревен.

Из-за темноты почти невозможно было рассмотреть лица тех, кто находился на НП. Да и некогда было этим заниматься — нас торопили со строительством блиндажей.

К рассвету 8 июля блиндажи были построены, и я, с разрешения командира взвода, с двумя радистами и радиостанцией направился в мастерскую дивизии. Путь туда лежал мимо огневых позиций, где нам предложили позавтракать. Мы кончали завтрак, когда огневые позиции начала обстреливать немецкая артиллерия.

Орудийные расчеты стали выводить свои орудия из-под обстрела тягачами. Мы с радиостанцией также направились к дороге. И вдруг встретились с автомашиной, на которой ехали те, кто был на НП. Старшего лейтенанта Джугашвили среди них не было.

Оказалось, что с утра 8 июля нашу дивизию передислоцируют на несколько километров южнее. Зачем же мы тогда ночью строили блиндажи? Немцы не мешали нам перемещаться, только самолет-разведчик «рама» кружил над нами. Вскоре началось отступление в восточном направлении. Полк отходил в полном составе, и в окружение не попадали ни он, ни 6-я батарея.

О том, что Я. Джугашвили оказался в немецком плену, я узнал позже из немецких листовок.

А как же он попал в плен?

Анализируя сказанное выше, можно прийти к выводу, что это случилось в ночь с 7-го на 8 июля во время строительства блиндажей на НП. Темнота. Постоянное движение. Людей на НП мало. Часовых нет. Вероятно, этим и воспользовались немецкие разведчики.

Дату своего первого боя, как и первого боя батареи Я. Джугашвили, я запомнил на всю жизнь. Так же, как и дату последнего боя — 2 мая 1945 года в Берлине.

Вполне возможно, что в документах, составленных командованием полка и дивизии, умышленно искажены факты, чтобы избежать неприятностей.

И. Дубов.

Цит. по: *Красиков С. Возле вождей. С. 101*

О пленении Якова Джугашвили в результате проведенной немецкой разведкой операции есть и такое свидетельство: «В июле 1941 года я был в прямом подчинении у старшего лейтенанта Я. Джугашвили. По приказу командования наш взвод броневиков БА-6 26-го танкового полка был назначен в полевое охранение гаубичной батареи 14-го артиллерийского полка. Нам было приказано в случае прорыва немцев и явной угрозы увезти командира батареи Я. Джугашвили с поля боя.

Однако так случилось, что в ходе подготовки его эвакуации ему был передан приказ срочно явиться на командный пункт дивизиона. Следующий с ним адъютант погиб, а он оттуда уже не вернулся. Мы тогда так и решили, что это специально было подстроено. Ведь был приказ уже об отступлении и, видимо, на КП дивизиона уже никого не было.

По прибытии на разъезд Катынь нас встретили сотрудники особого отдела. Нас троих — командира 1-го огневого взвода, ординарца Я. Джугашвили и меня, командира взвода броневиков полевого охранения, неоднократно допрашивали — как могло случиться, что и батареи, и взвод охранения вышли, а Я. Джугашвили оказался в плену? Майор, допрашивавший нас, все говорил: “Придется кому-то оторвать голову”. Но, к счастью, до этого дело не дошло...»

Красиков С. С. 103

И сегодня нельзя со всей определенностью сказать, читал ли Сталин совершенно секретное донесение, направленное 26 июля 1941 года в Главное,

политическое управление Красной Армии политуправлением Западного фронта.

Вот оно. Удивительная откровенность! Мехлису честно докладывают, что, хотя старший лейтенант Яков Джугашвили и был назначен командиром батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й танковой дивизии, к своему месту службы ему пришлось буквально пробиваться: командир полка решил придержать сына вождя при штабе.

Когда под ударами противника начался отход дивизии, ее командир отдал приказ об отводе батареи Джугашвили первой. В течение всего марша по приказу командира соединения сына Сталина опекали высокие должностные лица. Как только началась бомбежка, место в своей машине ему предложил начальник особого отдела дивизии. Однако старший лейтенант отказался. Тогда комдив полковник Васильев приказал начальнику артиллерии, невзирая ни на какие возражения молодого офицера, вывезти его в район сосредоточения дивизии — на станцию Лиозно. «Приказ был выполнен», — читаем в донесении политуправления.

Тринадцатого июля батарея Якова Джугашвили в составе полка наступала на Витебск. Однако на другой день немцы нанесли сильный встречный удар и обошли полк. Более-менее организованный выход из окружения был проведен в ночь с шестнадцатого на семнадцатое июля. Сына Сталина с вышедшими не было.

В суете и неразберихе Якова хватились лишь через несколько дней. Двадцать первого июля на его поиски направили группу мотоциклистов во главе со старшим политруком Гороховым. В районе озера Каспля поисковики наткнулись на красноармейца по фамилии

Лопуридзе. На вопрос, не встречал ли он случайно старшего лейтенанта Джугашвили, красноармеец сказал: да, встречал. Более того, выяснилось, что они вместе выходили из окружения.

По рассказу Лопуридзе, они с Джугашвили переоделись в гражданскую одежду, а документы закопали.

— Где же Джугашвили? — вскричал старший политрук Горохов.

— Мы дошли вместе до озера. Немцев поблизости не было, и старший лейтенант решил немного передохнуть. А я двинулся дальше, пока не встретил вас...

Почесав за ухом, Горохов подумал, что Джугашвили за это время наверняка вышел к своим. Не приступая к дальнейшим поискам, политрук вернулся в дивизию. Однако Якова там не было.

Только на следующий день, 22 июля, отважились доложить в политотдел и штаб армии об исчезновении сына Сталина. Должностное положение и воинские звания лиц, занятых поисками старшего лейтенанта, начали повышаться. 23 июля в операцию включились командиры штаба армии, 24 июля на поиски выехала группа работников особого отдела штаба фронта. Безрезультатно. Время было потеряно.

«Принимаются все меры к быстрейшему розыску тов. Джугашвили», — заверял в донесении на имя армейского комиссара 1-го ранга Мехлиса начальник политуправления Западного фронта бригадный комиссар Румянцев. Увы, в это время пленника уже допрашивали в

штаб-квартире командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Клюге.

Зенькович Н. С. 133–135

Не будет ли он возражать, если мы сообщим по радио о его пленении, с тем, чтобы его семья и его жена узнали, что сын жив, или он думает, что отцу это безразлично?

Нет, по радио не нужно.

Почему? Потому что его отец занимает самый высокий пост в правительстве, или же он думает, что отец заклеит его позором?

Я не хочу скрывать, что это позор, я не хотел идти, но в этом были виноваты мои друзья, виноваты были крестьяне, которые хотели меня выдать. Они не знали точно, кто я. Я им этого не сказал. Они думали, что из-за меня их будут обстреливать.

Его товарищи помешали ему что либо подобное сделать, или и они причастны к тому, что он живым попал в плен?

Они виноваты в этом, они поддерживали крестьян. Крестьяне говорили: — «уходите». Я просто зашел в избу. Они говорили: «Уходи сейчас же, а то мы донесем на тебя!» Они уже начали мне угрожать. Они были в панике. Я им сказал, что и они должны уходить, но было поздно, меня все равно поймали бы. Выхода не было. Итак, человек должен бороться до тех пор, пока имеется хотя бы малейшая возможность, а когда нет никакой возможности, то... Крестьянка прямо плакала, она говорила, что убьют ее детей, сожгут ее дом.

Из протокола допроса немцами Я. Джугашвили.

18 июля 1941 г.

Впервые в советской прессе молчание об именитом пленнике было нарушено только в 1978 году, когда журнал «Литературная Грузия» опубликовал материалы немецких архивов о смерти Якова Джугашвили в концлагере Заксенхаузен.

Зенькович Н. С. 138

Каково его мнение по вопросу о том, что гражданское население и прежде всего красных комиссаров призывают сжигать все те места, которые они оставляют, сжигать все запасы. Это же вызовет голод, это же ужасное бедствие, которое постигнет все советско-русское население.

Видите ли, я не Советский Союз, точнее, я только гражданин Советского Союза, поэтому я не могу ничего сказать. Может быть Вас интересует мое личное мнение. Когда Наполеон вошел в Россию, делалось то же самое.

Считает он это правильным?

(Продолжительная пауза). Скажу откровенно, я считаю это правильным.

А почему именно?

Почему не говорить об этом? Потому что мы враги, правда? Зачем скрывать? Если мы враги, значит надо бороться, а в борьбе все средства хороши. Мы ведь говорили о том, что парашютисты, например, да, парашютисты, действуют в тылу. Ваши и наши. Ваши,

скажем, действуют у нас. Ну, враги это враги, вот и все! Что тут скрывать. Было бы смешно скрывать это.

Но эта мера направлена все же прежде всего против народа.

Я этого, конечно, не отрицаю.

Думает ли он, что правительство сделает с Москвой то же самое, что было сделано во времена Наполеона?

Я не могу сказать, я не в курсе дела, не знаю этого.

Думает ли он, что эти мероприятия смогут задержать продвижение немцев?

Я действительно этого не знаю, я не могу этого сказать.

Счел ли бы он правильным, если бы красное правительство подожгло Москву и промышленные предприятия?

Я считаю любое средство в борьбе хорошим, в борьбе все средства хороши! Борьба есть борьба, так я считаю.

Да, но ведь это же самоуничтожение вообще.

Почему это так естественно, что вы возьмете Москву? Почему вы убеждены в том, что непременно возьмете Москву? Вы очень [само]уверены, очень!

Из протокола допроса немцами Я. Джугашвили.

18 июля 1941 г.

Якова уговаривали, пытались склонить к сотрудничеству с вермахтом. Геббельсовская пропаганда заготовила и листовки — своеобразные пропуска для тех,

кто сдавался в плен. На одной из листовок фотография, где Джугашвили беседует с немецкими офицерами и рядом текст: «Предъявитель сего, не желая бессмысленного кровопролития за интересы жидов и комиссаров, оставляет побежденную Красную Армию и переходит на сторону Германских Вооруженных Сил».

Грибанов С. С. 231

Сильно ли он верит в остатки красной авиации. Сюда же не залетает ни один самолет.

Видите ли, я этих остатков не вижу, откровенно говоря, я в них верю.

Да, но как же так, разве так бывает, что сначала дают себя избить до полусмерти, а потом говорят, что я еще жизнеспособен. Это ведь несколько необычно.

Правильно, но почему-то все же в это не верится.

Из протокола допроса немцами Я. Джугашвили.

18 июля 1941 г.

Штрик-Штрикфельд, благополучно доживший в ФРГ до своей смерти в 1977 году, оставил воспоминания о том, как он безуспешно пытался завербовать Якова на место, впоследствии занятое генералом Власовым.

Аллилуев В. С. 53

С сыном Сталина работал матерый разведчик капитан В. Штрик-Штрикфельд, который в конце концов сломал-таки Власова. А вот с Яковом Джугашвили вышла осечка. Помещенный в роскошный берлинский отель

«Адлон», именитый пленник не поддавался на щедрые посулы. Скончавшийся в 1977 году в ФРГ разведчик Штрик-Штрикфельд, небезуспешно специализировавшийся в годы войны на вербовке попавших в плен советских генералов, что видно на примере Власова и его окружения, обжегся на старшем лейтенанте, чей стаж воинской службы не превышал и месяца. Из вышедших при жизни этого вербовщика мемуаров видно, что Яков Джугашвили не пошел на сотрудничество с врагом, не изменил Родине.

Зенькович Н. С. 139

Почему он не хочет, чтобы его семья знала о том, что он в плену? Может быть он думает, что семья из-за этого пострадает?

Я, собственно говоря, ничего не думаю. Если хотите, сообщите, не хотите, не надо. Что тут сообщать? Пожалуйста, сообщайте, мне все равно.

Разве это позор для солдата попасть в плен, или же он думает, что его семья будет иметь из-за этого неприятности?

Нет, никаких неприятностей, мне стыдно, мне!

Да, но ведь после войны он снова вернется домой. Тогда ему придется стыдиться всю жизнь. С солдатом ведь всегда может случиться, что он попадет в плен, будучи ли ранен или просто как храбрый солдат.

Мне стыдно перед отцом, что я остался жив.

Но ведь не только перед отцом, но и перед женой!

Жена — это безразлично.

Разве его не беспокоит, что жена беспокоится о нем. Может быть семейная жизнь в России настолько безразличная вещь, что он даже не ощущает потребности известить своих близких, как это делает немецкий солдат, попадая в плен.

Нет, она мне не безразлична, я ее очень уважаю, я очень люблю ее!

Из протокола допроса немцами Я. Джугашвили.

18 июля 1941 г.

И только в постсоветское время в архиве Сталина было обнаружено письмо Якова, датированное 19 июля 1941 года. Оно было адресовано отцу и доставлено ему дипломатическим путем. Никто — ни Стаднюк, ни Успенский, ни Волкогонов во время работы над своими произведениями не были допущены к личным бумагам Сталина и не могли знать о существовании этого документа. «Дорогой отец! — говорится в нем. — Я в плену, здоров, скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей в Германию. Обращение хорошее. Желаю здоровья. Привет всем. Яша».

Зенькович Н. С. 716

До наших дней дошла весточка от старшего лейтенанта Якова Иосифовича Джугашвили:

«Если не придется увидеть уже своей Родины, прошу заявить моему отцу Иосифу Виссарионовичу Сталину, что я никогда его не предавал, а то, что сфабриковала гитлеровская пропаганда, является явной ложью.

Яков Джугашвили».

Поражает это «заявить». Не «сообщить», «известить», «доложить» — нет, «заявить».

Чуев Ф. С. 65–66

Помнится, в Кремле у Сталина я впервые встретился с его сыном, отцом Евгения, Яковом Джугашвили. Это был истинный рыцарь. Вглядитесь в Евгения, еще одного отпрыска Джугашвили, он, как вылитый, похож на своих предков. Те, кто встречался и беседовал со Сталиным, обязательно заметят их сходство, и не только внешнее, но и в манере ходить, вообще в поведении, характере. Я рад, что Евгений часто навещает меня, привозит своих сыновей Виссариона и Якова Джугашвили. Встречи с ними продлевают мне жизнь, придают силы. В Москве живет дочь Якова, Галина. И хотя я не поддерживаю с ней близких отношений, но знаю, что она приятный человек во всех отношениях, крупный ученый. Прекрасно, когда у достойного человека остаются достойные дети.

Я хорошо помню, что в годы войны Сталин, всецело поглощенный государственными делами, мог встречаться с близкими не чаще двух раз в год и очень переживал.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 409*

19 ноября 1977 года в ресторане «Арагви» с Евгением Джугашвили отмечали посмертное награждение его отца орденом Отечественной войны первой степени. Один из гостей, генерал КГБ,

рассказывал, что после войны арестовали германского разведчика, которому Риббентроп поручил вести работу в лагере с пленным Яковом Джугашвили. Немцам никак не удавалось сделать снимок улыбающегося Якова. К нему подослали эсэсовца-грузина с пачкой любимых папирос Якова.

Ожидали, что это произведет желанный эффект, ибо Яков был заядлым курильщиком, как, и его отец.

Он сидел посреди камеры, мельком взглянул на предложенные папиросы и отвел глаза.

— Яша, я пришел к тебе как грузин к грузину, — сказал эсэсовец.

— Тогда почему ты в этой форме? — ответил Яков вопросом.

Чуев Ф. С. 549–550

Известна ли ему позиция национал-социалистской Германии по отношению к еврейству и знает ли он, что теперешнее красное правительство, главным образом, состоит из евреев? Считает ли он, что русский народ когда-либо выскажется против евреев?

Все это ерунда, болтовня, они не имеют никакого влияния, напротив, я лично, если хотите, я сам могу Вам сказать, что русский народ всегда питал ненависть к евреям.

А почему ненавидят комиссаров и евреев в тех городах и селах, через которые мы прошли. Люди постоянно говорят — евреи — наше несчастье в красной России.

Что я должен Вам ответить? О комиссарах скажу позднее, о евреях я могу только сказать, что они не умеют работать, что евреи и цыгане одинаковы, они не хотят работать. Главное, с их точки зрения, — это торговля. Некоторые евреи, живущие у нас, говорят даже, что в Германии им было бы лучше, потому что там разрешают торговать. Пусть нас и бьют, но зато нам разрешат торговать. У нас не разрешается торговать, если ты хочешь, можешь учиться, если ты хочешь, можешь работать, но он не хочет работать, он не умеет, он или занимается торговлей, или же хочет стать инженером, а быть рабочим или техником, или же крестьянином он не хочет, поэтому их и не уважают.

Известно ли ему, что в Германии изгнали евреев из торговли, науки, искусства, медицины и др. мест, которыми они завладели?

Да, я знаю это, я знаю, знаю. Я хочу сообщить Вам еще один факт. Слышали Вы, что в Советском Союзе имеется еврейская область Биробиджан. На границе между Манчжоу-Го и СССР имеется автономная еврейская область, там не осталось ни одного еврея, остались одни русские. Они не умеют, они не хотят работать.

Из протокола допроса немцами Я. Джугашвили.

18 июля 1941 г.

По одним сведениям из сообщений фашистского радио, по другим — от Вильгельма Пика И. В. Сталин узнал, что Яков Иосифович попал в плен.

Соловьев Б., Суходеев В. С. 74

Справки «наводили», как утверждает испанская коммунистка Долорес Ибаррури, специальные отряды, или, как бы нынче сказали, омовцы. Один такой отряд был переброшен через линию фронта и погиб.

Грибанов С. С. 230

На Москву осенью 1941 года сбрасывали листовки с Яшиными фотографиями — в гимнастерке, без ремня, без петлиц, худой и черный. Василий принес их домой, мы долго разглядывали, надеясь, что это фальшивка, — но нет, не узнать Яшу было невозможно...

Аллилуева С. С. 146

Когда Яков попал в плен, немцы стали разбрасывать от его имени листовки с призывом к русскому народу выступить против советского строя и против Сталина. Эти листовки появлялись и возле нашей дачи, и я читал их. Было ясно, что это провокация. Никто не верил, что сын Сталина стал предателем. И Сталин в это не верил. Он был, конечно, возмущен, что сын попал в плен.

Микоян А. С. 362

На Москву осенью 1941 года сбрасывали листовки с Яшиными фотографиями. Собственный сын Сталина сдался в плен, потому что всякое сопротивление германской армии отныне бесполезно! Следуйте примеру сына Сталина — он жив, здоров и чувствует себя прекрасно. Зачем вам приносить бесполезные жертвы;

идти на верную смерть, когда даже сын вашего
верховного заправила сдался в плен. Переходите и вы!

Аллилуева С. С. 97

Отец мог бы гордиться поведением сына... Но...

Васильева Л. С. 97

Это было в то время, когда Сталин издал приказ: в плен не сдаваться, а если попал в плен, то жена и все остальная семья высылаются. Поэтому Сталин выслал и жену Якова в Сибирь. Кажется, он и не видел ее никогда.

Микоян А. С. 362

Судьба Юлии Мельцер, матери дочери Якова, далеко не безоблачна, хотя она в это время жила в семье И. Сталина. После того как И. Сталину стали известны некоторые сведения о пленении Якова, у него возникло подозрение в предательстве. Сталин стал подозревать и жену Якова, которая вскоре была арестована, позже реабилитирована.

Колесник А. С. 404

...Юля с Галочкой оставались у нас. Неведомо почему (в первые месяцы войны никто не знал толком, что делать, даже отец), нас отослали всех в Сочи: дедушку с бабушкой, Анну Сергеевну с двумя ее сыновьями. Юлю с Галочкой и меня с няней. В конце августа я говорила из Сочи с отцом по телефону. Юля стояла рядом, не сводя глаз с моего лица. Я спросила

его, почему нет известий от Яши, и он медленно и ясно произнес: «Яша попал в плен». И, прежде чем я успела открыть рот, добавил: «Не говори ничего его жене пока что». Юля поняла по моему лицу, что что-то стряслось, и бросилась ко мне с вопросами, как только я положила трубку, но я лишь твердила: «Он ничего сам не знает». Новость казалась мне столь страшной, что я была бы не в силах сказать ее Юле — пусть уж ей скажет кто-нибудь другой... Но отцом руководили совсем не гуманные соображения по отношению к Юле: у него зародилась мысль, что этот плен неспроста, что Яшу кто-то умышленно «выдал» и «подвел», и не причастна ли к этому Юля. Когда мы вернулись к сентябрю в Москву, он сказал мне: «Яшина дочка пусть останется пока у тебя. А жена его, по-видимому, нечестный человек, надо будет в этом разобраться».

И Юля была арестована в Москве, осенью 1941 года, и пробыла в тюрьме до весны 1943 года, когда «выяснилось», что она не имела никакого отношения к этому несчастью, и когда поведение самого Яши в плену, наконец-то, убедило отца, что он тоже не собирался сам сдаваться в плен.

Аллилуева С. С. 145–146

Допросы вертелись вокруг кожаной куртки. На листовках, которые сбрасывали немцы, была фотография: немецкие офицеры сидят за столом, в руках кружки с пивом. Немного сбоку — папа с лицом спокойным и веселым. Он смотрит не на них, а прямо перед собой. На нем неновая кожаная куртка. Людям со стороны фотография не показалась бы странной, но тем, кому пришлось ее внимательно рассматривать или даже

изучать, бросилась в глаза не только отвлеченность взгляда и позы, но и эта ношенная штатская одежда. Таких вещей при нем быть не могло. Старье с чужого плеча? Подобный вариант не слишком годился для рекламы. Возможно, и даже скорее всего, среди тех, кто разглядывал листовку, находился человек, близко его знавший. Не силясь определить монтаж при помощи логических выводов, он просто узнал куртку, в которой видел папу на охоте, рыбной ловле, в Зубалове, где он обычно ее и носил. Была и фотография его в этой самой куртке. Как могла она перекочевать из семейного альбома в руки автора или авторов листовок? Ма не знала, что отвечать, и задававшие вопрос на время успокаивались. Потом все начиналось сначала, монотонное и упорное кружение вокруг одной точки («Подумайте хорошо, прежде чем ответить»... «Ведь я вам уже говорила»...) Медленный, не затягивающий до конца водоворот...

Джугашвили Г. С. 26–27

Новейшими изысканиями установлено, что его внучка Галя, дочь Юлии и Якова, тюрьмы избежала. По распоряжению Сталина ее отвезли на Дальнюю дачу, где жили старики Аллилуевы — его тесть и теща. Что касается снохи, то Сталин, который никогда не называл ее по имени, велел отправить ее в Сибирь, в Красноярский край. Точно так поступали с семьями других военнопленных.

— Почему мы должны делать исключение для Якова Джугашвили? Законы пишутся для всех, — сказал он при этом.

В конце июля Сталин пригласил к себе мою мать, и у них была доверительная беседа, о которой потом она не раз вспоминала. Он тогда сказал ей, что война будет очень тяжелой и кровопролитной, нам еще придется отступать и отступать, но победа будет за нами, в этом никто не может сомневаться. Потом он попросил взять с собой детей, бабушку, деда и поехать к Светлане в Сочи, чтобы ей одной не было тоскливо и одиноко в это тяжелое время.

Аллилуев В. С. 124

В осажденной Москве

В августе 1941 года Сталин с Булганиным ездили ночью в район Малоярославца для осмотра боевых позиций. Черным восьмицилиндровым «Фордом» управлял шофер Кривченков, сотрудниками для поручений были: генерал Румянцев — старый чекист, участвовавший еще в подавлении левых эсеров и освобождении Дзержинского, Хрусталева, Тукова.

Они же через несколько дней сопровождали Сталина, Ворошилова и Жукова во время осмотра Можайской оборонительной линии. Под Звенигородом остановились на окраине деревни. Вездесущие мальчишки тут же узнали гостей и забегали с криком:

— Ура! К нам товарищ Сталин и Ворошилов приехали!

В конце октября Сталин и Ворошилов поехали на боевые позиции шестнадцатой армии генерала Рокоссовского, где наблюдали за первыми залпами «Катюш». Когда они побатарейно дали залп — пронесся огненный смерч. После этого надо было сделать рывок в сторону километров на пять. Но тяжелый «форд» застрял в проселочной грязи. Верховного посадили в нашу хвостовую машину и быстро вывезли на шоссейную дорогу. Расстроенный шофер Кривченков просил не бросать его без помощи. Выручил танк, вытянувший машину на шоссе. Конечно, немецкая авиация тотчас нанесла бомбовый удар по месту стоянки «Катюш», но те уже находились далеко. На рассвете Сталин в грязной машине вернулся в Москву. В этой поездке вождя сопровождали прежние сотрудники.

Рыбин А. С. 27

19 августа 1941 года Сталин вызвал наркома Шахурина, конструктора Ильюшина, главкома ВВС Жигарева, его заместителя Петрова и меня.

Встретил нас посреди комнаты и, прежде чем объяснить, зачем вызвал, обратился к Ильюшину:

— На ваших самолетах хорошо воюют. Известно ли вам об этом? Военные особенно хвалят штурмовик ИЛ-2. Какую вам дали премию за ИЛ-2? (Речь шла о первых Сталинских премиях, которые присуждались в марте 1941 года.)

Ильюшин ответил, что получил премию второй степени и очень благодарен правительству за это.

— Чего же благодарны? — сказал Сталин. — За эту машину вы заслуживаете премии первой степени. И, обращаясь к наркому, сказал:

— Нужно дать Ильюшину премию первой степени.

Я был рад за Ильюшина, и мне припомнился один эпизод, происшедший незадолго до войны, в феврале 1941 года.

По срочному вызову нарком и я поехали к Сталину. В его кабинете находились Маленков, Жданов и директор ленинградского Кировского завода Зальцман. Сталин был возбужден и нервно расхаживал по кабинету. Как выяснилось, нас вызвали по поводу производства штурмовиков Ильюшина. Завод, выпускавший ИЛ-2, сорвал сроки сдачи машин.

ИЛы производились тогда в условиях довольно сложной кооперации. Бронированные корпуса штурмовика поставлял один завод, а ему, в свою очередь, раскроенные броневые плиты заготовлял другой. Не добившись накануне толкового ответа о причинах задержки выпуска штурмовиков, Сталин позвонил в Ленинград Жданову и поручил ему разобраться в этом деле. Жданов вызвал руководителей завода и дал им серьезную трепку за несвоевременную подачу корпусов штурмовика, но виновные ссылались на задержку в получении раскроя бронированных листов с Кировского завода. Пришлось вызвать и Зальцмана. Последний, чтобы оправдаться в глазах Жданова, привез ему одну из синек серийных чертежей корпуса ИЛ-2, полученных с авиазавода. Синька уже побывала в цехах, на верстаках, и была испещрена многочисленными

технологическими пометками. Зальцман разложил на столе у Жданова этот чертеж и заявил, что низкое качество чертежей является причиной большого брака и срыва выполнения задания по броне. Жданов сообщил об этом Сталину. В результате состоялось обсуждение вопроса об ИЛах, на которое вызвали нас, Жданова и Зальцмана.

Когда Зальцман стал потрясать перед Сталиным якобы негодным чертежом, я сразу понял, в чем дело. Чертеж действительно был рабочим цеховым документом — рваный, в масляных пятнах, а многочисленные технологические пометки можно было принять за исправление ошибок. Зальцман сказал, будто бы все чертежи штурмовика такие. Сталин рассвирепел.

— Мне давно говорили, что Ильюшин неряха. Какой это чертеж? Безобразие. Я ему покажу!

Я вступился за Ильюшина, постарался объяснить, в чем дело, но Сталин ничего не хотел слушать. Он соединился по телефону с Ильюшиным и заявил дословно следующее:

— Вы неряха. Я привлеку вас к ответственности.

Ильюшин что-то пытался объяснить по телефону, но Сталин не стал с ним разговаривать.

— Я занят, мне некогда. Передаю трубку Жданову, объясняйтесь с ним.

И опять:

— Я привлеку вас к ответственности.

В тот же вечер расстроенный Сергей Владимирович поехал в Ленинград и утром, прямо с поезда, отправился на Кировский завод. Там с цеховыми работниками он

детально во всем разобрался и о нечестном поступке Зальцмана доложил Жданову, от которого Зальцману крепко попало. Но Сергей Владимирович Ильюшин долго переживал несправедливый упрек Сталина в конструкторской неряшливости.

Теперь превосходная оценка Илов Сталиным служила для Ильюшина большей наградой, чем премия первой степени.

Яковлев А. С. 217–218

16 сентября (немецким командованием. — *Е. Г.*) была спущена в войска директива о проведении операции «Тайфун», основной целью которой являлось уничтожение советской столицы.

Докучаев М. С. 291

Самые тревожные дни наступили после взятия немцами Орла 3 октября. 6 октября был сдан Брянск. В сводке Совинформбюро за 11 октября сообщалось о напряженных боях с противником на Вяземском и Брянском направлениях.

Яковлев А. С. 327

6 октября наш командный пункт был перемещен в Севск. Южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжелый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла

значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить.

Гудериан Г. С. 225

Угроза воздушного нападения, тем не менее, нависла и над Москвой с ее сотнями заводов. Хотя противовоздушная оборона Москвы, как показало дальнейшее, действовала хорошо и работники ПВО проявили подлинный героизм в защите столицы, в первые дни многое еще не было продумано. Это, прежде всего, сказалось в некоторых совершенно нелепых мероприятиях по маскировке. Например, для того чтобы замаскировать московский Центральный аэродром имени Фрунзе, на Ленинградском шоссе — от Белорусского вокзала и до Бегов — асфальт был засыпан мелким шлаком. Так как движение по этому участку улицы не прекращалось, то весь район оказался окутанным густыми тучами размолотого шлака.

Яковлев А. С. 193–194

Начался второй этап наступления на Москву. Без боя были взяты Орел и Брянск, окружены две группировки советских войск (две армии под Брянском и четыре под Вязьмой). Гитлер был убежден, что это конец Советской России. Все обещало блистательную победу. Пресса и радио Германии известили, что противник уничтожен. Была даже создана команда для уничтожения Кремля.

Докучаев М. С. 291

В связи с приближением линии фронта, а, следовательно, и аэродромов противника опасность налета вражеской авиации на столицу стала реальной, и в Ставке устроили для проверки, так сказать, механизма противовоздушной обороны военную игру по отражению воздушного нападения на Москву.

Военная игра проводилась в особнячке, по соседству с нашим наркоматом, где в первые дни войны помещалась Ставка Верховного Главнокомандования, пока не было готово кремлевское бомбоубежище.

Мы с наркомом Шахуриным и замнаркома Дементьевым в числе других были приглашены на это учение.

В маленьком зальце особняка по стенам были развешаны схемы различных вариантов возможных налетов на Москву, карты размещения зенитных батарей вокруг города, а также аэродромов истребителей противовоздушной обороны. На стульях лежал большой фанерный щит с наколотой на нем картой московской зоны ПВО. В центре планшета — план Москвы, опоясанной несколькими кольцами разного цвета, изображавшими систему ближней и дальней противовоздушной обороны. На плане города было нанесено также расположение зенитных батарей и аэростатов заграждения. На учении присутствовали главком ВВС П. Ф. Жигарев, его заместитель И. Ф. Петров и еще несколько генералов, фамилии которых я, к сожалению, теперь уже не помню.

Докладывали командующий противовоздушной обороной генерал-майор Громадин и командующий истребительной авиацией ПВО полковник Климов.

Проигрывались разные варианты воздушного нападения на Москву, то есть налеты с разных направлений, на разных высотах, днем и ночью, и демонстрировались соответствующие способы отражения этих налетов различными родами оружия противовоздушной обороны.

На протяжении всего учения Сталин внимательно за всем наблюдал и слушал, но не проронил ни слова. Когда игра была закончена и, как полагалось, атаки воображаемых самолетов противника отражены, он молча обошел вокруг планшета. Создалось впечатление, что разыгранные варианты ни в чем его не убедили, что у него какое-то недоверчивое отношение ко всему этому делу. Наконец, раскуривая свою трубку, он произнес как бы сквозь зубы:

— Не знаю, может быть, так и надо.

Потом молча пошел в кабинет, пригласив туда Шахурина, Дементьева, Жигарева, Петрова и меня.

Не было уверенности, что защита Москвы с воздуха обеспечивается надежно.

Так же как и на нас, на него эта военная игра не произвела серьезного впечатления: как-то все схематично и бумажно.

И в кабинете Сталин опять сказал:

— Может быть, так и надо. Кто его знает?..

А потом несколько раз повторил:

— Людей нет, кому поручишь. Людей не хватает.

Когда Сталин заговорил о людях, Дементьев шепнул мне:

— Давай попросим за Баландина.

Я кивнул ему, и мы воспользовались паузой в разговоре.

— Товарищ Сталин, вот уже больше месяца, как арестован наш замнаркома по двигателям Баландин. Мы не знаем, за что он сидит, но не представляем себе, чтобы он был врагом. Он нужен в наркомате, — руководство двигателестроением очень ослаблено. Просим вас рассмотреть это дело.

— Да, сидит уже дней сорок, а никаких показаний не дает. Может быть, за ним и нет ничего. Очень возможно. И так бывает. — ответил Сталин.

На другой день Василий Петрович Баландин, осунувшийся, остриженный наголо, уже занял свой кабинет в наркомате и продолжал работу, как будто с ним ничего и не случилось.

А через несколько дней Сталин спросил:

— Ну, как Баландин?

— Работает, товарищ Сталин, как ни в чем не бывало.

— Да, зря посадили.

По-видимому, Сталин прочел в моем взгляде недоумение — как же можно сажать в тюрьму невинных людей?! — и без всяких расспросов с моей стороны сказал:

— Да, вот так и бывает. Толковый человек, хорошо работает, ему завидуют, под него подкапываются. А если он к тому же человек смелый, говорит то, что думает, — вызывает недовольство и привлекает к себе внимание подозрительных чекистов, которые сами дела не знают,

но охотно пользуются всякими слухами и сплетнями. Ежов мерзавец! Разложившийся человек. Звонишь к нему в наркомат — говорят: уехал в ЦК. Звонишь в ЦК — говорят: уехал на работу. Посылаешь к нему на дом — оказывается, лежит на кровати мертвецки пьяный. Многих невинных погубил. Мы его за это расстреляли.

После таких слов создавалось впечатление, что беззакония творятся за спиной Сталина. Но в то же время другие факты вызывали противоположные мысли. Мог ли, скажем, Сталин не знать о том, что творил Берия?

А. А. Жданов однажды рассказал мне анекдот про любимую трубку Сталина: «Сталин жалуется: пропала трубка. Ему говорят: «Возьмите другую, ведь у вас вон их сколько». — «Да ведь то любимая, я много бы дал, чтобы ее найти».

Берия постарался: через три дня нашлось 10 воров, и каждый из них «признался», что именно он украл трубку.

А еще через день Сталин нашел свою трубку. Оказывается, она просто завалилась за диван в его комнате».

И Жданов весело смеялся этому страшному анекдоту.

Министр Хруничев рассказывал, что он был свидетелем, как Берия с присущим ему коварством пытался скомпрометировать и меня в глазах Сталина. Однако, на мое счастье, Сталин мне верил...

Яковлев А. С. 211–213

Вы знаете, какая вещь? Сталин очень верил людям, как это ни странно звучит. Он был очень доверчивым человеком. Это была своеобразная сторона его мании величия, его очень высокого мнения о самом себе. И, когда он смотрел на человека, разговаривал с ним, он считал, что человек, глядя ему в глаза, не может ему соврать, что он должен сказать ему правду и говорит ему правду. Вот почему он оказывался доверчивым, и люди преспокойно ему лгали и втирали очки. И вы не совсем правы, когда говорите, что Сталин знал цену Ежову, Берии, всегда знал и что они были просто орудием в его руках. Это, с одной стороны, так, а с другой стороны, они его и обманывали. В особенности Берия. Это был человек умный, хитрый, сильный, и он был большой мастер втирать очки. Такой авантюрист, который шел на все. И Сталину он втирал очки. Тот считал, что он его не может обмануть, а он его преспокойно обманывал. А Сталин ему доверял. А к старости особенно. Тут сказывалась к старости и национальная черта, возвращалась привязанность национальная: говорил с ним на одном языке — это все тоже играло роль.

И. Конев.

Цит. по: Симонов К. Глазами человека моего поколения. С. 119

12 октября немцы захватили Каширу, 14-го — Калинин, подошли к Туле, до Москвы оставался всего лишь один рывок.

Докучаев М. С. 292

— Ходят слухи, что в 1941 году в Политбюро было голосование, сдавать Москву или нет. Могло быть такое?

— Не могло быть! — восклицает Молотов. — Нет! Конечно, не могло. Чепуха, абсолютная чепуха. Логически не могло быть. Тогда это предательство — в тот момент голосовать. Тогда могут сказать, что высказалось большинство. И если было бы меньшинство-большинство, то это меньшинство уничтожили бы прямо потому, что это предательское дело!

Такой разговор ходит еще и потому, что были моменты, когда Жуков практически предлагал сдать Москву.

Он допускал это. Голованов об этом писал. А голосование в Политбюро — это чепуха! Это абсурд. Это только могло присниться кому-то.

(Думается, что в ту пору в Политбюро могло быть уже единодушное мнение, поэтому голосование исключалось. — *Ф. И.*)

Из беседы Ф. Чуева с В. Молотовым.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 68*

Вечером 15 октября Берия с Щербаковым собрали в НКВД первых секретарей райкомов. Перетрусивший Берия лживо заявил:

— Немецкие танки уже в Одинцово. Связь с фронтом прервана. По решению ГКО необходимо заминировать все крупные заводы и важные объекты. Оставьте по пятьсот человек от района для защиты

Москвы. Детей и стариков ночью эвакуируйте. Раздайте все продукты населению, чтобы не достались врагу.

Наш театр и ближнюю дачу немедленно заминировали. В городе начались беспорядки, подогретеные слухами, будто Сталин уехал на Калининский фронт или куда-то еще подальше...

Где же он был в ту роковую ночь? Шофер Митрюхин помнит, что из Кремля Сталин хотел ехать на ближнюю дачу. Румянцев начал его отговаривать под предлогом, будто там уже сняты шторы, отвернуты краны, выключено отопление и тому подобное. Но Сталин все равно приказал ехать. Ворота были уже на запоре. Орлов с той стороны доложил обстановку. С досадой крикнув, Сталин сказал:

— Сейчас же все разминируйте.

Пришлось Орлову отпирать ворота и топить печку в маленьком домике, где тоже имелась кремлевская вертушка. Пока Сталин разговаривал с командующими, прибывшие саперы разминировали основной дом.

Рыбин А. *С. 21*

В наркомате (путей сообщения) мы увидели в те дни нечто невероятное: двери раскрыты, суетятся люди, выносят кипы бумаг, одним словом, паника. Нас принял нарком Л. М. Каганович. Он был, как никогда, возбужден, отдавал направо и налево приказания. И вот от человека, чье имя носил тогда Московский метрополитен... услышали:

— Метрополитен закрыть. Подготовить за три часа предложения по его уничтожению, разрушить объекты любым способом.

Приказывалось поезда с людьми эвакуировать в Андижан. Что нельзя эвакуировать — сломать, уничтожить... Нарком сказал, что Москву могут захватить внезапно...

С. Теплов (начальник одного из отделов Метрополитена).

Цит. по: Колодный Л. Испытание // Московская правда. 1987. 16 окт.

Все это привело к панике и заставило первого секретаря МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербакова выступить по радио и успокоить население столицы. Он заявил, что Сталин в Москве, что за Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови.

Докучаев М. С. 292

В эти напряженные дни, которые переживала Москва, а с нею и вся страна, мне довелось побывать у Сталина. Настроение было, прямо скажу, нервное. Все мы, причастные к оборонной промышленности, особенно чувствовали свою долю ответственности за положение на фронте.

Сталин принял меня и наркома в Кремле у себя на квартире, в столовой. Было часа четыре дня. Когда мы зашли в комнату, то почувствовали какую-то необычную тишину и покой. Сталин был один. По-видимому, перед нашим приходом он прилег отдохнуть. На стуле около

дивана в белом полотняном чехле лежал раскрытый томик Горького, перевернутый вверх корешком.

Поздоровавшись, Сталин стал прохаживаться вдоль комнаты. Я очень внимательно всматривался в эту знакомую фигуру и старался угадать душевное состояние человека, к которому были теперь устремлены взоры и надежды миллионов людей. Он был спокоен, в нем не заметно было никакого возбуждения. Чувствовалось, правда, крайнее переутомление Сталина, пережитые бессонные ночи. На лице его, более бледном, чем обычно, видны следы усталости и забот. За все время разговора с нами, хотя и невеселого, его спокойствие не только не нарушилось, но и передалось нам.

Он не спеша, мягко прохаживался вдоль обеденного стола, разламывал папиросы и набивал табаком свою трубку. Делал это очень неторопливо, как-то по-домашнему, а от этого и вся обстановка вокруг становилась обыденной и простой. Успокаивающе действовал также и примятый диван, на котором он только что отдыхал, и томик Горького, и открытая, неполная, лежавшая на столе черно-зеленая коробка папирос «Герцеговина Флор», и сама манера набивать трубку, такая обычная и хорошо знакомая.

Яковлев А. С. 327–328

В кабинет, где всегда царила тишина, едва доносился перезвон кремлевских курантов. Сам «хозяин» излучал благожелательность, неторопливость. Казалось, ничего драматического не происходит за стенами этой комнаты, ничто его не тревожит. У него масса времени, он готов вести беседу хоть всю ночь. И это подкупало. Его собеседники не подозревали, что уже принимаются

меры к эвакуации Москвы, минируются мосты и правительственные здания, что создан подпольный обком столицы, а его будущим работникам выданы паспорта на вымышленные имена, что казавшийся им таким беззаботным «хозяин» кремлевского кабинета прикидывает различные варианты на случай спешного выезда правительства в надежное место. После войны он в минуту откровения сам признался, что положение было отчаянным. Но сейчас он умело это скрывает за любезной улыбкой и показной невозмутимостью. Говоря о нуждах Красной Армии и промышленности, Сталин называет не только зенитные, противотанковые орудия и алюминий для производства самолетов, но и оборудование для предприятий, целые заводы. Поначалу собеседники недоумевают: доставка и установка оборудования, налаживание производства потребуют многие месяцы, если не годы.

А ведь западные военные эксперты утверждают, что советское сопротивление рухнет в ближайшие четыре-пять недель. О каком же строительстве новых заводов может идти речь? Даже оружие посылать русским рискованно — как бы оно не попало в руки немцев. Но если Сталин просит заводы, значит, он что-то знает, о чем не ведают ни эксперты, ни политики в западных демократиях. И как понимать олимпийское спокойствие Сталина и его заявление Гопкинсу, что, если американцы пришлют алюминий, СССР будет воевать хоть четыре года? Несомненно, Сталину виднее, как обстоят тут дела! И вот Гопкинс, Бивербрук, Гарриман заверяют Рузвельта и Черчилля, что Советский Союз выстоит и что есть смысл приступить к организации военных поставок стойкому советскому союзнику. Сталин блефовал, но, по счастью, оказался прав. Так же как и

тогда, когда после посещения британским министром иностранных дел Антони Иденом подмосковного фронта во второй половине декабря 1941 года он заявил:

— Русские были два раза в Берлине, будут и в третий раз...

Бережков В. С. 237–238

Сталин обладал очень сложной и своеобразной чертой характера. Ее приходилось редко видеть у других лиц. Иногда при хороших делах, при удачном развитии событий его настроение было прямо противоположно происходящему: он был замкнут, суров, резок, требователен. А когда на горизонте сгущались тучки, когда события оборачивались неприятностями, — он был настроен оптимистически. Именно такое настроение у Сталина было в первый период войны, когда наша армия отступала, один за другим переходили в руки врага города, а Сталин был выдержан, невозмутим, проявляя большую терпимость, как будто события развиваются спокойно и безоблачно. Чем это можно объяснить? Очевидно, тем, что если бы Сталин стал демонстрировать пессимизм или какое-то уныние, то это удручающе подействовало бы на других, внесло бы растерянность.

Я. Чадаев.

Цит. по: *Куманев Г. С.* 383

16 октября, утром, вдруг будит меня охрана (семья — кроме двух старших сыновей — была на даче, от которой немецкие мотоциклисты были замечены в 25-30 км) и сообщает, что Сталин просит зайти к нему в

кабинет. Тогда в его кабинете собирались и члены ГКО и Политбюро. В восемь меня разбудили, а в 9 часов утра нужно было быть у Сталина. Все вызванные Сталиным уже собрались: Молотов, Маленков, Вознесенский, Щербаков, Каганович. Сталин был не очень взволнован, коротко изложил обстановку. Сказал, что до подхода наших войск немцы могут раньше подбросить свои резервы и прорвать фронт под Москвой. Он предложил срочно, сегодня же эвакуировать правительство и важнейшие учреждения, выдающихся политических и государственных деятелей, которые были в Москве, а также подготовить город на случай вторжения немцев. Необходимо назначить надежных людей, которые могли бы подложить взрывчатку под важнейшее оборудование машиностроительных заводов и других предприятий, чтобы его не мог использовать противник в случае занятия Москвы для производства боеприпасов. Кроме того, он предложил командующему Московским военным округом генералу Артемьеву подготовить план обороны города, имея в виду удержать если не весь город, то хотя бы часть его до подхода основных резервов. Когда подойдут войска из Сибири, будет организован прорыв, и немцев вышибут из Москвы.

Сталин сказал, что правительство и иностранные посольства надо эвакуировать в Куйбышев, а наркоматы — в другие города. Он предложил Молотову и мне вызвать немедленно всех наркомов, объяснить им, что немедленно, в течение суток необходимо организовать эвакуацию всех наркоматов.

Мы согласились с предложением Сталина. Обстановка требовала немедленно принять меры. Только, видимо, надо было это делать раньше и спокойнее, но мы не могли всего предвидеть. Тут же я

вышел в комнату Поскребышева и позвонил управляющему делами Совнаркома СССР, чтобы тот вызвал всех наркомов. По нашим расчетам, через 15 минут они должны были уже быть.

Сталин предложил всем членам Политбюро и ГКО выехать сегодня же. «Я выеду завтра утром», — сказал он. Я не утерпел и по своей вспыльчивости спросил: «Почему, если ты можешь ехать завтра, мы должны ехать сегодня? Мы тоже можем поехать завтра. А, например, Щербаков (секретарь МК партии) и Берия (НКВД) вообще должны организовать подпольное сопротивление и только после этого покинуть город». И добавил твердо: «Я остаюсь и завтра поеду вместе с тобой». Другие молчали. Вообще, постановка этого вопроса была так неожиданна, что не вызвала никаких других мнений.

Микоян А. С. 417–418

...Едем к Молотову в Ильинское с Шотой Ивановичем Кванталиани (при Сталине — ответственный работник ЦК партии Грузии. — *Е. Г.*) и Александром Евгеньевичем Головановым (бывшим в войну Главным маршалом авиации).

День выдался теплый. Голованов высоченный, в темной куртке, без шапки, Шота среднего роста, широкий, тоже без шапки.

Мы сели в усовскую электричку. Я достал свежий номер «Комсомолки» — интервью с Г. К. Жуковым. Корреспондент В. Песков задает вопрос: «Не было ли опасным держать управление решающим сражением так близко от фронта?» Речь идет о штабе Западного фронта в деревне Перхушково во время

Московской битвы. Жуков отвечает: «Риск был. Ставка мне говорила об этом. Да и сам я разве не понимал? Но я хорошо понимал и другое: оттяни штаб фронта — вслед за ним оттянутся штабы армейские, дивизионные. А этого допустить было нельзя».

— Врет! — резко сказал Голованов и отбросил газету на скамейку электрички. — Он ставил перед Сталиным вопрос о том, чтобы перенести штаб Западного фронта из Перхушкова за восточную окраину Москвы, в район Арзамаса. Это означало сдачу Москвы противнику. Я был свидетелем телефонного разговора Сталина с членом Военного совета ВВС Западного фронта генералом Степановым — тот поставил этот вопрос перед Сталиным по поручению командования фронтом. Сталин ответил: «Возьмите лопаты и копайте себе могилы. Штаб Западного фронта останется в Перхушково, а я останусь в Москве. До свидания». Кроме Степанова об этом знают Василевский и Штеменко. Жуков есть Жуков, но факт есть факт. А при встрече скажет, что, либо такого не было, либо корреспондент не так написал, — усмехнулся Голованов.

Чуев Ф. С. 504–505

Вопрос: Действительно ли Сталин собирался эвакуироваться из Москвы осенью 1941 г.?

А.Е. Голованов: Отвечая на этот вопрос, расскажу вам один эпизод. В октябре 1941 г. когда враг стоял у стен столицы, положение наше в военном отношении было чрезвычайно напряженным. А вы знаете, что в каждом коллективе, когда создается серьезное,

напряженное положение, есть товарищи, которые твердо держатся на ногах, а есть и такие, которые колеблются.

В один из дней этого месяца Ставка Верховного Главнокомандования послала в Перхушково, в штаб Западного фронта армейского комиссара Степанова для выяснения положения на фронте. Мне довелось в это время быть в Ставке ВГК у Сталина. Армейский комиссар Степанов, ознакомившись с положением дел, звонит в Ставку. Телефоны у Верховного были усиленные, и он не прикладывал трубку к уху, а держал на достаточно большом расстоянии. Все было слышно.

Степанов докладывает Сталину, что он посоветовался с местным руководством и руководство считает, что штаб фронта надо уводить на восток за Москву, видимо, в Арзамас, а командный пункт организовать на восточных окраинах Москвы. В это время как раз шла интенсивная эвакуация населения и промышленности из города.

Наступило длительное молчание... После этого длительного молчания, весьма неудобного, Сталин задает вопрос Степанову: «Товарищ Степанов, узнайте у товарищей, есть ли у них лопаты?» — Опять какое-то неудобное молчание...

— Что, товарищ Сталин?

— Лопаты есть у товарищей?

Слышно, как Степанов кого-то спрашивает. Товарищи задают ему вопрос: какие лопаты, саперные или обыкновенные? Степанов вновь спрашивает Сталина:

— Товарищ Сталин, а какие лопаты: саперные или какие-то другие?

Сталин говорит:

— Все равно какие.

В трубке слышно, как раздаются бодрые, даже радостные голоса: «Да, да, есть!»

И Степанов почти с воодушевлением докладывает:

— Товарищ Сталин, есть лопаты! А что с ними делать?

И Сталин отвечает очень спокойно:

— Товарищ Степанов, передайте вашим товарищам, путь берут лопаты и копают себе могилы. Мы не уйдем из Москвы. Ставка остается в Москве. А они никуда не уйдут из Перхушково.

А. Голованов (Главный маршал авиации с 1944 г.).

Цит. по: *Куманев Г. С. 272*

Голованов сказал так (привожу запись из своего дневника):

— Жуков написал, что 6 октября 1941 года Сталин у него спрашивал, отстоим ли Москву, и Жуков твердо ответил: «Отстоим!» А ведь было так, что он прислал генерала Соколовского к Василевскому (Александр Михайлович это должен помнить), чтобы тот в Генштабе принял узел связи для Западного фронта. Василевский с недоумением позвонил об этом Сталину, и тот дал нагоняй Жукову. Жуков предлагал сдать Москву, и так оно и было бы, если бы не Сталин.

— Но это надо подтвердить документально, — сказал я.

— Как подтвердишь? — ответил Голованов. — Большинство документов, показывающих истинную роль Сталина в войне, сожгли при Хрущеве. Так были уничтожены три тома моей переписки со Сталиным. Умрет Василевский, умрет Голованов, умрет Штеменко, и никто не узнает истинную правду. А ведь этот факт нисколько не принижает роли Жукова, а показывает, сколько было сомнений и какими усилиями советского народа была достигнута победа под Москвой!

Но и сравнивать в этом деле Жукова с Кутузовым тоже нельзя, ибо сдача Москвы в 1941 году значила для нас куда больше, чем в 1812-м, когда она не была столицей. Жуков мог не знать того, что знал Сталин и что стало всем нам известно значительно позже: с падением Москвы против нас на востоке выступала Япония, и воевать в то время сразу на два фронта...

Рассказанное Головановым подтверждается выступлением перед читателями генерала армии С. М. Штеменко. Вот отрывок из стенограммы:

«Командный пункт Жукова в период угрожающего положения находился ближе к линии обороны. Жуков обратился к Сталину с просьбой о разрешении перевода своего командного пункта подальше от линии обороны, к Белорусскому вокзалу. Сталин ответил, что если Жуков перейдет к Белорусскому вокзалу, то он займет его место».

Чуев Ф. С. 311–312

Запомнился такой разговор с Кагановичем. Когда мы вместе с ним спускались в лифте, он сказал мне такую фразу, которая меня просто огорошила: «Слушай, когда

будете ночью уезжать, то, пожалуйста, скажите мне, чтобы я не застрял здесь». Я ответил: «О чем ты говоришь? Я же сказал, что ночью я не уеду, мы поедем со Сталиным завтра, а ты уедешь со своим наркоматом».

Микоян А. С. 418

О себе И. С. Конев сказал, что к началу войны он безгранично верил Сталину, любил его, находился под его обаянием.

Первые сомнения, связанные со Сталиным, первые разочарования возникли в ходе войны. Взрыв этих чувств был дважды. В первые дни войны, в первые ее недели, когда он почувствовал, что происходит что-то не то, ощутил утрату волевого начала оттуда, сверху, этого привычного волевого начала, которое исходило от Сталина. Да, у него было тогда ощущение, что Сталин в начале войны растерялся. И второй раз такое же ощущение, еще более сильное, было в начале Московского сражения, когда Сталин, несмотря на явную очевидность этого, несмотря на обращение фронта к нему, не согласился на своевременный отвод войск на Можайский рубеж, а потом, когда развернулось немецкое наступление и обстановка стала крайне тяжелой, почти катастрофической, Сталин тоже растерялся.

Именно тогда он позвонил на Западный фронт с почти истерическими словами о себе в третьем лице: «Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам, товарищ Сталин сделает все, что в его силах, чтобы исправить сложившееся положение». Вот тут И. С. Конев

почувствовал крайнюю растерянность Сталина, отсутствие волевого начала.

А когда на фронт приехал с комиссией Молотов, который, вообще говоря, человек крайне неумный, и те, кто о нем жалеет, просто плохо знают его, — вот тогда при участии Молотова попытались свалить всю вину на военных, объявить их ответственными за создавшееся положение — вот тут у Конева возникло ощущение, что Сталин не соответствует тому представлению о нем, которое сложилось у него, Конева, представлению о чем-то бесконечно сильном. Представление это оставалось, но за ним стоял растерявшийся в тот момент человек. Растерявшийся и во многом виновный.

Симонов К. С. 308–309

Я застал Сталина в комнате одного. Он сидел на стуле, что было необычно. На столе стояла нетронутая, остывшая еда. Сталин молчал. В том, что он слышал и видел, как я вошел, сомнений не было, напоминать о себе я счел бестактным. Мелькнула мысль: что-то случилось, но что? Таким Сталина мне видеть не доводилось. Тишина давила.

— У нас большая беда, большое горе, — услышал я, наконец, тихий, но четкий голос Сталина. — Немец прорвал оборону под Вязьмой, окружено шестнадцать наших дивизий.

После некоторой паузы, то ли спрашивая меня, то ли обращаясь к себе, Сталин также тихо сказал:

— Что будем делать? Что будем делать?

Видимо, происшедшее ошеломило его.

Потом он поднял голову, посмотрел на меня. Никогда — ни прежде, ни после этого — мне не приходилось видеть человеческого лица с выражением такой душевной муки. Мы встречались с ним и разговаривали не более двух дней тому назад, но за эти два дня он сильно осунулся.

Ответить что-либо, дать какой-то совет я, естественно, не мог, и Сталин, конечно, понимал это. Что мог сказать и что мог посоветовать в то время и в таких делах командир авиационной дивизии?..

Вошел помощник, доложил, что прибыл Борис Михайлович Шапошников. Сталин встал, сказал, чтобы он входил. На лице его не осталось и следа от только что переживаемых чувств. Начались доклады.

Получив задание, я вскоре уехал.

А. Голованов.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 321–322

Я прибыл тогда из Ленинграда. Прямо с аэродрома я был вызван лично к Сталину в Ставку.

Я застал необычайную обстановку. Никого постороннего в кабинете. Более, чем обычно, вежливый разговор:

— Вы встретили Жукова?

— Нет, товарищ Сталин.

— Значит, Вы с ним разминулись в пути. Он вчера вылетел в Ленинград. Вы знаете, что мы сняли Ворошилова? Освободили его?

— Нет, не знаю.

— Да, мы освободили Ворошилова и туда вылетел Жуков.

Но я почувствовал, что основной разговор заключается не в этом. И тут Сталин говорит:

— Вы знаете, нам, возможно, придется оставить Питер? (Он часто Ленинград называл Питером. Я передаю это точно.)

— Вам задание — заминировать корабли, заминировать так, чтобы в случае такой необходимости ни один корабль не попал в руки врага. Подготовьте соответствующую телеграмму.

У меня вырвалось:

— Я такую телеграмму подготовить не могу! Подписывать не буду.

Он удивился:

— Это почему?

— Это настолько крупное и серьезное решение, что я это сделать не могу. Да и к тому же Балтийский флот подчинен не мне, а Ленинградскому фронту.

Он задумался. Потом сказал:

— Вы отправитесь к маршалу Шапошникову и составите с ним телеграмму и заделаете две подписи.

Я поехал к Борису Михайловичу Шапошникову — начальнику Генерального штаба. Передал ему распоряжение. А он мне:

— Голубчик, что ты меня втягиваешь в это грязное дело! Флотские дела — это ваши дела. Я к ним отношения не имею.

— Это приказ Сталина!

Он задумался, а потом предложил:

— Давай напишем телеграмму за тремя подписями: Сталин, Шапошников и Кузнецов и поедем к Сталину.

Мы так и сделали. Поехали к Сталину. Он колебался, колебался. Потом взял телеграмму и отложил ее в сторону. И говорит:

— Идите.

Вот такой был тяжелей момент.

Н. Кузнецов.

Цит. по: *Куманев Г. С. 297–298*

Спустя несколько дней после одного из бурных разговоров с командующим фронтом, я ночью вернулся с истринской позиции, где шел жаркий бой. Дежурный доложил, что командарма вызывает к ВЧ Сталин. Противник в то время потеснил опять наши части. Незначительно потеснил, но все же... Словом, идя к аппарату, я представлял, под впечатлением разговора с Жуковым, какие же громы ожидают меня сейчас. Во всяком случае, приготовился к худшему. Взял разговорную трубку и доложил о себе. В ответ услышал спокойный ровный голос Верховного главнокомандующего. Он спросил, какая сейчас обстановка на Истринском рубеже. Докладывая об этом, я сразу же пытался сказать о намеченных мерах противодействия. Но Сталин мягко остановил, сказав, что о моих мероприятиях говорить не надо. Тем подчеркивалось доверие к командарму... Нужно ли добавлять, что такое внимание Верховного

главнокомандующего означало очень многое для тех, кому оно уделялось. А теплый отеческий тон подбадривал, укреплял уверенность...

Баграмян И. С. 402

В тот же день, 16 октября 1941 г., было принято постановление ГКО, предусматривающее начать немедленную эвакуацию из столицы, а в случае появления в городе фашистских танков взорвать важнейшие объекты, за исключением метрополитена, водопровода и канализации.

Микоян А. С. 419

В частях противовоздушной обороны не все могли отличить свой самолет от вражеского. В первые дни войны наши самолеты иногда принимали за немецкие, и тогда открывалась беспорядочная пальба. Пришлось в срочном порядке издать массовым тиражом небольшой альбом с изображением силуэтов и описанием основных характеристик наших и немецких боевых самолетов. Конечно, все это: и бомбоубежища, и военный камуфляж, и ознакомление зенитчиков с внешними признаками своих и вражеских самолетов, и многое другое — должно было быть сделано заблаговременно.

Яковлев А. С. 194

Конечно, все это надо было делать и все использовать. Возьмите хотя бы эвакуацию Московского зоопарка. Слона! Надо же было догадаться! В такую тяжелую минуту, когда вся страна только и думает о том,

удержимся ли мы еще месяц или хотя бы неделю, Сталин вдруг эвакуирует слона! И в эти же дни собирает автоконструкторов и обсуждает с ними проект конструкции нового комфортабельного легкового автомобиля! Значит, государство не думает о смерти, а намеревается выжить и победить

Г. Эгнатошвили.

Цит. по: *Логинов В. С.* 10

Это может показаться невероятным — в самый разгар борьбы с фашизмом автозавод «ЗИС» разработал и выпустил образцы новых легковых машин. Уже летом сорок третьего года члены Политбюро осматривали сияющие лаком «ЗИС-110», «Победу» и «Москвич». Сталин буквально все ощупывал, садился за руль, проверяя, удобно ли будет шоферу в кабине. В заключение спросил:

— Какая стоимость машин?

— «Победа» — шестнадцать, «Москвич» — одиннадцать, а «ЗИС» — семьдесят пять тысяч, — пояснил директор завода Лихачев.

— Дороговато, дороговато...

— Товарищ Сталин, мы дешевле не можем. Иначе потерпим банкротство.

— Ничего. Народ выдержал такую войну... Поэтому часть убытков государство возьмет на себя. После войны давайте запускать машины в серийное производство.

Так и случилось...

В октябре 1941 года по совету Маленкова и Берии Хрущев предложил Сталину для безопасности покинуть Москву. Верховный молча взял его под руку и вывел, точнее — выставил из кабинета. Разве это не оскорбительно?

Рыбин А. С. 33–34, 56

...Я спросил, были ли у Сталина колебания в октябре 1941 года — уехать из Москвы или остаться?

— Это чушь, никаких колебаний не было. Он не собирался уезжать из Москвы. Я выезжал всего на два-три дня в Куйбышев и оставил там старшим Вознесенского. Сталин сказал мне: «Посмотри, как там устроились, и сразу возвращайся»...

Из беседы Ф. Чуева с В. Молотовым.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 68*

Вопрос: Собирался ли И. В. Сталин в тяжелые октябрьские дни сорок первого года эвакуироваться из Москвы? В постановлении ГКО от 15 октября 1941 г. за № 801 «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы», которое мне в начале 60-х годов удалось обнаружить в Кремлевском архиве, прямо говорилось, что «т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке». В последнее время появились некоторые публикации, где поддерживается версия о намерении Сталина покинуть в те дни столицу.

Ответ: Это не соответствует действительности. Хорошо помню, как в середине октября накануне эвакуации в Куйбышев части Совнаркома и Управления

делами я зашел в комнату охраны, где находился генерал Н.С. Власик, чтобы попрощаться с ним. К этому времени мы были хорошо знакомы друг с другом, часто встречались семьями.

Начальник охраны Сталина с огорчением воспринял весть о моем отъезде.

— Но, ничего, — сказал он, — скоро вернетесь.

— Да, я в этом уверен.

— Уверен в этом и товарищ Сталин.

— А не было разговора о том, что и он на крайний случай временно переберется к нам в Куйбышев?

— Я знаю, — сказал Власик, — был разговор на эту тему между Сталиным и Ждановым. «Хозяин» твердо и решительно заявил, что не может быть и речи об этом: он остается на своем посту в Москве. Но мы все-таки на всякий крайний случай сейчас сформировали специальный небольшой поезд, который уже находится в полной готовности к отбытию.

— Товарищ Сталин, конечно, о нём не знает? — спросил я.

— Пока не знает, но, может быть, сегодня или завтра узнает.

В последующем Вознесенский, Калинин, Поскребышев и некоторые другие руководящие работники мне подтвердили, что Сталин действительно не собирался эвакуироваться куда-либо из Москвы.

Я. Чадаев.

Цит. по: *Куманев Г. С.* 418–419

Еще могу добавить, что на центральном аэродроме имени Чкалова, на краю которого сейчас находится здание аэровокзала, стояли наготове четыре «Дугласа». Полковник Грачев сидел в кабине личного самолета Сталина. Однако Берии и Маленкову ни под каким предлогом не удалось выпроводить вождя из столицы, чтобы в случае ее падения умыть руки.

Рыбин А. С. 23

Еще одна взлетная полоса предполагалась в те дни в первопрестольной — прямо с Красной площади. Правда, не для боевой работы, а для вывоза из Москвы Иосифа Сталина. Верховный, как рассказывал генерал Сбытов, ответил на такое предложение решительным отказом:

— Пусть Жигарев (в то время — командующий авиацией Московского округа. — *Е. Г.*) и улетает в любую сторону! — сказал Сталин. — Я останусь здесь до последнего...

Грибанов С. С. 118

В должность начальника Генерального штаба я фактически вступил 15 октября 1941 года. Шапошников в то время приболел и выехал в Арзамас вместе почти со всем Генеральным штабом. Сталин вызвал меня к себе и приказал мне возглавить группу Генерального штаба в Москве при нем, оставив для этой работы восемь офицеров Генерального штаба. Я стал возражать, что такое количество офицеров — восемь человек — не может обеспечить необходимый масштаб работы, что с таким количеством людей работать нельзя, что нужно

гораздо больше людей. Но Сталин стоял на своем и, несмотря на мои повторные возражения, повторил, чтобы я оставил себе восемь офицеров Генерального штаба и я сам — девятый.

Только уже позднее я понял его упорство в тот день. Оказывается, на аэродроме уже стояли в полной готовности самолеты на случай эвакуации Ставки и правительства из Москвы, и на этих самолетах были расписаны все места, по этому расписанию на всю группу Генерального штаба было оставлено девять мест — для меня и моих восьми офицеров. Об этом мне потом рассказал Поскребышев. Вообще говоря, то, что самолеты стояли в готовности, было абсолютно правильным мероприятием в той обстановке, когда прорвавшимся немецким танкам нужно было всего несколько часов ходу для того, чтобы быть в центре Москвы.

А. Василевский.

Цит. по: Симонов К. С. 356–357

Мне очень хотелось задать ему один самый важный для меня вопрос, но я все не решался, однако, уже прощаясь, все-таки не вытерпел:

— Товарищ Сталин, а удастся удержать Москву?

Он ответил не сразу, прошелся молча по комнате, остановился у стола, набил трубку свежим табаком.

— Думаю, что сейчас не это главное. Важно побыстрее накопить резервы. Вот мы с ними побарахтаемся еще немного и погоним обратно...

Он подчеркнул мысль о том, что Германия долго выдержать не сможет. Несмотря на то, что она использует в войне ресурсы всей Европы. Сырьевых ресурсов у Гитлера надолго не хватит. Другое дело у нас.

Сталин повторил несколько раз:

— Государство не может жить без резервов!

Этот разговор по возвращении в наркомат я записал дословно.

Яковлев А. С. 327–328

Сталин держал книжечку, у него все наиболее важное было там записано, в том числе резервы. Резервы, резервы, резервы, резервы... Он им придавал исключительное значение и держал их вот так вот. Если что-то и выдавал, то в первые месяцы войны — по крохе — одному, второму, третьему... Говорил: выжимай из себя, что можешь, и если потом увидишь, что уже все исчерпано, я тебе помогу.

Л. Каганович.

Цит. по: *Куманев Г. С. 68*

Несмотря на все трудности, особенно в первые месяцы войны, Сталин никогда не сомневался в победе.

Накануне праздника 7 ноября 1941 года, узнав, что я отправил его библиотеку в Куйбышев, он с твердой уверенностью сказал:

— Напрасно ты это сделал. Москву мы никогда не отдадим!

Н. Власик.

Цит. по: *Логинов В. С. 128*

По этому поводу распространилось немало небылиц. И в документальной, и в художественной литературе довелось читать о том, как Сталин приехал к ожидавшему его поезду и чуть ли не два часа ходил по платформе, раздумывая, уезжать или не уезжать ему из Москвы в Куйбышев. Один из охранников Сталина, А. Рыбин, сказал мне, что такого случая не было, а стоявший у платформы поезд предназначался для В. М. Молотова и дипломатов. Кто-кто, а охрана знала точно, где и когда бывал Сталин.

Чуев Ф. С. 68

В послевоенные годы по данному вопросу я прочитал в книге писателя Петра Проскурина «Имя твое» следующие строки:

«Ему [Сталину] вспомнилось состоявшееся в осень сорок первого решение о необходимости его немедленного отъезда из Москвы в Куйбышев и в памяти четко возникло утро девятнадцатого октября, Рогожско-Симоновский тупик, спецпоезд, пустынная платформа, терпеливо ждавшие пришедшие его провожать товарищи.

... Никто не видел его лица, дойдя до края платформы своим неспешным характерным шагом, он, не говоря никому ни слова, круто повернулся, горбясь больше обычного, прошел к своей машине, сел в нее и уехал назад».

При встрече с В.М. Молотовым я рассказал ему об этой публикации и спросил, был ли действительно такой случай? Молотов ответил отрицательно, заметив при этом, что Петр Проскурин, — видимо, писатель с богатой фантазией...

Куманев Г. С. 419

Враг точно знал, где находится сталинская дача, и бомбил ее, надеясь обезглавить государство. Вокруг дома расположили дальнобойные морские зенитки, Сталин много раз поднимался на солярий, наблюдая за плотностью зенитного огня, отгоняющего самолеты. Потом фашисты применили осветительные ракеты на парашютах, которые зенитчики расстреливали на лету.

Рыбин А. С. 20

Под первым этажом этой дачи на два этажа вниз находился бункер-кабинет с подсобными помещениями на случай военных бомбежек. В нем-то и работал Генштаб во главе с Верховным во время войны... Другой такой бункер имелся неподалеку от здания правительства в Кремле, третий — около центрального телеграфа. Спроектировали на военное время даже бункер в Куйбышеве (Самаре). Утверждают, что Сталин в нем никогда не бывал. Однако людям свойственно по забывчивости ошибаться. По утверждениям сына Г. М. Маленкова Андрея, Иосиф Виссарионович в 1941 году на две недели выезжал в упоминаемый город, оставляя за себя Георгия Максимилиановича. Не посмотреть этого надежного убежища он не мог.

Все бункеры-кабинеты были спроектированы идентично оригиналу рабочего кабинета Верховного в Кремле.

Красиков С. С. 80

Рядом с террасой дачи стоял спаренный зенитный пулемет. Над головой промелькнул вражеский самолет. Оказавшийся поблизости Василий Сталин с шумом подбежал к бойцам, возмущаясь, почему они, трусы, не стреляют, и выпустил вслед самолету всю очередь. Услышав стрельбу, отец спросил Тукова:

— Кто там палил?

— Василий.

— Ну и как, попал?

— Нет.

— Тоже мне, «ворошиловский стрелок»...

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 123

Заодно хочу развеять сплетни о сталинской трусости. Вот несколько наглядных примеров. Хотя территория дальней дачи «Семеновское» постоянно обстреливалась минометным огнем противника, Сталин продолжал туда приезжать. Наконец даже поступило грозное предупреждение НКВД, будто одна из мин, уйдя в землю, не взорвалась. Вдобавок предполагалась умышленная закладка мины около дачи, а то и под нее. Пришлось доложить об этом Сталину. Соловов (охранник, которому это было поручено), естественно, опасался

разноса: куда смотрел? Но Сталин совершенно спокойно сказал:

— Вы же танкист и минер. Что ж, пойдёмте проверим.

Соловов начал действовать миноискателем, Сталин с любопытством топтался рядом. Да ещё норовил обогнать Соловова, а тот не мог его отправить подальше в безопасное место. Благо, все кончилось удачно. Потом над ближней дачей появился вражеский самолет. Зенитчики открыли огонь. Осколки снарядов градом сыпались на землю и шипели, как змеи. Власик трижды предлагал Сталину пойти в укрытие, но тот отмахивался, продолжая наблюдать за настырным стервятником и пальбой зенитчиков, лупивших впустую. Наконец протянул:

— Власик, не беспокойтесь. Наша бомба мимо нас не пролетит.

...Все же какой-то ас ухитрился послать бомбу точно. Она упала с внешней стороны забора и, не взорвавшись, ушла в землю. Когда саперы выкопали ее, то в стабилизаторе обнаружили свернутую бумажку с изображением сжатого кулака и надписью «Рот Фронт». А если бы тонна этой взрывчатки ухнула?! Вот как все роковым образом совпало...

Рыбин А. С. 20

— Однажды Берия предупредил Сталина, что дача заминирована. «Ну что ж, пойдём искать мину», — сказал Сталин. Взял с собой солдата с миноискателем, и вдвоем направились вокруг дачи. Ничего не обнаружили.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 365*

Во время битвы за Москву заместитель командующего тылом, впоследствии заместитель наркома обороны генерал-полковник Василий Иванович Виноградов, почти ежедневно встречавшийся тогда со Сталиным, утверждал, что именно Верховный главнокомандующий был самым спокойным и замечательно уравновешенным человеком

Жухрай В. С. 78

Надо, забегаая вперед, сказать, что он сохранил эту сдержанность и потом, среди побед и ликований, когда люди вокруг него были возбуждены этими победами. Он был просто несколько веселее, чаще шутил, улыбался, но к этому и сводились, пожалуй, все перемены в его поведении, скажем, в сорок четвертом году по сравнению с сорок первым.

И. Исаков.

Цит. по: *Симонов К. С. 347*

Сталин регулярно появлялся на улицах, осматривал их после налетов немецкой авиации. Но, прежде всего люди должны были видеть его и твердо знать, что вождь вместе с ними находится в столице и руководит ее защитой. Для еще большей убедительности он проверял посты на улице Горького, Земляном валу. Смоленской

площади. На дежурных бойцов это производило огромное впечатление.

Рыбин А. С. 20

Разные люди, в том числе даже очень заинтересованные в отъезде, свидетельствуют о твердой решимости Сталина остаться и отстоять Москву. Типичным был поступок известного солиста Большого театра С. Я. Лемешева. Он наотрез отказался эвакуироваться и, выйдя из машины у Казанского вокзала, убежденно заявил:

— А почему я, собственно, должен ехать в Куйбышев, когда Сталин находится в Москве? Нам надо здесь помогать фронту, открывать наш театр, а не стремиться в тыл...

Соловьев Б., Суходеев В. С. 73

Как-то в четыре утра Сталин вышел на Калужской. Под ногами хрустело битое стекло. Вокруг полыхали деревянные дома. Машины скорой помощи подбирали убитых и раненых. Нас мигом окружили потрясенные люди. Некоторые женщины были с перепуганными, плачущими детьми. Внимательно глядя на них, Сталин сказал Власику:

— А детей надо эвакуировать в глубь страны.

Все наперебой стали спрашивать, когда же Красная Армия остановит врага и погонит с нашей земли? Успокаивая людей, Сталин улыбнулся:

— Будет, будет и на нашей улице праздник!

Затем, тоже после бомбежки, мы шли по улице Горького. У Елисеевского магазина над головами столпившихся людей появилась женщина, взобравшаяся на подставку фонаря, и стала громко укорять:

— Разве можно, товарищ Сталин, так ходить по улицам в такое тяжкое время? Ведь враг может в любой момент сбросить бомбу!

Сталин только развел руками. Тут он действительно рисковал наравне со всеми. И одинаково с нами переживал результаты воздушных боев над Кубинкой, когда с двух сторон порой участвовало до четырехсот самолетов. После успешно отбитых атак Сталин тут же требовал для награждения списки отличившихся летчиков. Особенно задушевно он принял Виктора Талалихина, совершившего свой знаменитый таран.

Рыбин А. С. 20

Однако попытки эвакуировать Верховного в Куйбышев были, но поговорить с ним об этом никто не решался. Тогда попробовали узнать косвенно.

— Товарищ Сталин, когда отправить из Москвы полк охраны?

— Если будет нужно, я этот полк сам поведу в атаку,
— ответил Сталин.

В. Молотов.

Цит. по: Чуев Ф. С. 68

Поздно вечером снова повалил густой снег. Можайское шоссе за городом оказалось запруженным

отступающими красноармейцами и спасавшимися от фашистов беженцами. Среди людей понуро брели коровы и свиньи. Перед машиной появилась женщина, которая едва тянула санки с домашним скарбом и двумя плачущими детишками. Не торопя шофера двигаться с места, Сталин удрученно смотрел на это жутковато-безмолвное шествие... Трудно сказать, о чем думал. Но в полночь, когда на даче собралось Политбюро, после требования везде наводить железный порядок, он внезапно пригласил в кабинет сестру-хозяйку Истомину и спросил:

— Валентина Васильевна, вы собираетесь из Москвы эвакуироваться.

— Товарищ Сталин, Москва — наш родной дом, ее надо защищать! — смело заявила она.

— Слышите, как думают москвичи? — особым тоном сказал Сталин членам Политбюро.

Рыбин А. *С. 22*

Осенью 1941 года в Куйбышеве было подготовлено жилье и для отца. Ждали, что он сюда приедет. Отремонтировали несколько дач на берегу Волги, выстроили под землей колоссальные бомбоубежища. В городе для него отвели бывшее здание обкома, устроили там такие же пустынные комнаты со столами и диванами, какие были у него в Москве. Все это ожидало его напрасно целую зиму.

Аллилуева С. *С. 153*

Осенью 1941 года, когда встал вопрос о возможной эвакуации руководства государства и партии в Куйбышев, в дачном поселке Приволжского военного округа (ПриВО, как его все называли), расположенном в лесу, на высоком берегу Волги, начались работы по обустройству помещений. Предполагалось, что в одном из них будет жить Сталин. В теле самого берега соорудили бомбоубежище. О нем написано немало небылиц, и даже Светлана говорит о его «колоссальности». Думаю, что она написала это с чужих слов, сама она вряд ли была в нем, так как бомбоубежище было построено только летом 1942 года, уже после ее отъезда в Москву,

Не знаю, как выглядит это сооружение сегодня, но тогда, в 1942 году, оно удивило меня своими скромными размерами.

Я был в нем дважды. Один раз, когда его показывали бабушке и матери, а во второй раз, когда его приехал осматривать К. Е. Ворошилов — летом 1942 года. Бомбоубежище было расположено глубоко под землей и могло выдержать любую бомбардировку, вплоть до атомной. Попасть в него можно было прямо из дачи, на которой летом 1942 года мы жили. Уже при нас в дачу был вмонтирован специальный лифт. Это был верхний вход в бомбоубежище. Был еще нижний вход (или выход), расположенный практически на самом берегу Волги.

Аллилуев В. С. *153–154*

Не помню точно числа, это было, может, 19 ноября, во всяком случае в самый напряженный момент борьбы

за Москву, мне на командный пункт позвонил Сталин и тревожным голосом спросил:

— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я Вам говорю это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

— Москву, безусловно, удержим, но нам нужно еще не менее двух армий и хотя бы 200 танков, — доложил я Верховному.

— Это неплохо, что у Вас такая уверенность. Позвоните в Генеральный штаб Василевскому и договоритесь, куда сосредоточивать две резервные армии, которые Вы просите. Они у нас будут в конце ноября. Но танков дать пока не можем. У нас их пока нет.

Г. Жуков.

Цит. по: *Куманев Г. С. 170*

В. М. Молотов рассказывал:

— Мы с Жуковым практически в одно и то же время выполнили одну и ту же задачу, отодвигая войну: я подписал Пакт о ненападении с Германией а Жуков на Дальнем Востоке дал отпор японским самураям.

Как появился Жуков на Халхин-Голе? Сталин сказал наркому Оборона С. К. Тимошенко:

— Мне нужен такой командир, чтоб он не просто разгромил японцев, а свирепо порвал их на куски чтоб у них вообще отпала охота идти на Север. Пусть устремятся в Океанию!

Таким командиром стал комкор Жуков.

Чуев Ф. С. 324

Присутствие Жукова в кабинете Сталина всегда чувствовалось, и, несмотря на то, что личность Сталина подавляла, Жуков держался независимо, свободно, естественно и без подобострастия.

Яковлев А. С. 267

Вот говорят, Сталин не послушал Жукова, приказал не сдавать Киев, — замечает Молотов, — и говорят: Жуков прав. Но Сталин не послушал Жукова, предлагавшего фактически сдать Москву, но об этом не говорят. То, что пишут о Сталине, — самая большая ложь за последнее время.

В. Молотов.

Цит. по: Чуев Ф. С. 66

Мне запомнился один маленький эпизод. Дело происходило в августе или сентябре 1941 года на ближней даче Сталина, в Кунцеве. После работы, в конце дня, Сталин пригласил нас пообедать. Стол был сервирован на открытой веранде. Вечерело. Сталин подошел к выключателю, повернул его, вспыхнул яркий электрический свет.

Это было очень необычно, потому что вся Москва в это время погружалась в мрак затемнения. Сталин мог себе это позволить, потому что его всегда первого информировали об обстановке в воздухе.

Сталин с нетерпением ждал Жукова, который почему-то задерживался.

Уже после того, как все уселись за стол, явился Жуков, поздоровался со Сталиным и с самым непринужденным видом, без особого приглашения занял место за столом. Видимо, он проголодался, налил себе полную тарелку супа и, не обращая ни на кого внимания, принялся за обед. Потом взял второе и компот.

Сталин не мешал ему есть и только после того, как Жуков закончил с обедом, обратился к нему с вопросами и подключил к общему разговору.

Яковлев А. С. 267–268

Конечно, Жуков готовился к решающему сражению круглосуточно, по ночам разгоняя сон ледяной водой или по часу кружил на своем «Кальмаре». До какого предела тогда он был взвинчен, можно судить по такому примеру. 4 декабря в штабе фронта шло совещание командующих армиями. Позвонил Сталин. Слушая его, Жуков нахмурил брови, побелел. Наконец отрезал:

— Передо мной две армии противника, свой фронт. Мне лучше знать и решать, как поступить. Вы можете там расставлять оловянных солдатиков, устраивать сражения, если у вас есть время.

Сталин, видно, тоже вспылал. В ответ Жуков со всего маху послал его подальше!

Рыбин А. С. 25

Вспоминаю, как сам Жуков говорил о Сталине:

— К моему сожалению, мои личные отношения со Сталиным не сложились. Но он уважал мою военную голову, а я ценил его государственный разум.

И, подумав, добавил:

— Сталин меня снимал, понижал, но не унижал. Попробуй меня кто-нибудь при нем обидь — Сталин за меня голову оторвет! — И показал рукой, как бы это сделал Сталин.

Чуев Ф. С. 323–324

Г. К. Жукову, сыгравшему выдающуюся роль в спасении Ленинграда и за успешную предыдущую полководческую деятельность, первому за годы Отечественной войны из советских военачальников, в январе 1943 года было присвоено воинское звание Маршал Советского Союза. В представлении на звание Сталин написал всего три слова: «Жуков спас Москву». И, передавая документ начальнику управления наркомата обороны генералу Румянцеву, сказал: «Я думаю, что этого будет достаточно».

Патриот. 1995. № 46

Комендант ближней дачи Орлов служил у Сталина с тридцать седьмого по пятьдесят третий год. Значит, имел право отметить самое важное в характере вождя: «Он не любил соглашательских суждений вроде: «Как скажете, так и сделаем». В подобных случаях обычно говорил: «Такие советчики мне не нужны». Узнав это, я порой спорил с ним, отстаивая свою точку зрения. Сталин озадаченно ворчал: «Хорошо, я над этим подумаю».

Терпеть не мог, когда к нему входили изгибаясь или выходили вперед пятками. Заходить к нему нужно было твердым шагом. Если надо — в любое время. Кабинет никогда не закрывался. Теперь прибавим следующее суждение: «Сталин уважал Жукова за прямоту и патриотизм. Он у Сталина был самым почетным гостем».

Вместе с полководческим даром этого, видимо, было уже достаточно, чтобы Сталин сдержал естественный гнев на неслыханную выходку Жукова 4 декабря, протерпел целый день пятого и только ровно в полночь по ВЧ осторожно спросил:

— Товарищ Жуков, как Москва?

— Товарищ Сталин, Москву мы не сдадим, — заверил Георгий Константинович.

— Тогда я пойду часа два отдохну.

— Можно...

Да, Сталин сумел тогда удержаться от возмущения, но обиду все-таки не забыл. Вот почему за самую трудную операцию всей войны полководец был награжден только медалью.

Рыбин А. С. 25

Мне рассказывали бывшие командующие, что когда в 1941 году они приезжали с фронта в Москву, то звонили в Кремль, в основном затем, чтобы узнать, уехал Сталин или нет. Узнавали, что он в Москве, и сразу появлялась уверенность в победе.

Чуев Ф. С. 68

И еще вопрос, на который хотелось бы ответить, который задают иногда мне, — как чувствовал себя Сталин в тот тревожный момент, где он находился в процессе битвы за Москву?

Надо сказать, что Сталин был серьезно встревожен создавшейся обстановкой в октябре месяце, особенно в период 7—25 октября. А когда нам удалось организовать оборону на линии Волоколамск—Можайск—Тула и удалось остановить наступающие части противника, Сталин был уверен в том, что врагу не удастся взять Москву, и он не покидал Москвы в течение всего сражения и всей войны. Эта уверенность Государственного Комитета Оборона, который возглавлял Сталин, была продемонстрирована, как вам известно, парадами войск 7 ноября в Москве, Куйбышеве и в других районах.

Г. Жуков.

Цит. по: *Куманев Г. С.* 167—168

«Милый мой папочка, дорогая моя радость, здравствуй!

Как ты живешь, мой дорогой секретаришка? Я тут устроилась хорошо, хожу в школу. Ребята все московские, знакомых очень много, так что не скучно.

Дорогой мой папуля, я скучаю всегда по тебе, когда уезжаю куда-нибудь, но сейчас что-то особенно к тебе хочется. Если бы ты разрешил, то я прилетела бы на самолете, дня на 2—3 (тут «Дугласы» ходят в Москву каждый день). Ехать на поезде — очень надоедливо. А на самолете, если позволишь — я сейчас же прилечу.

Недавно дочка Маленкова и сын Булганина улетели в Москву — так если им можно летать, то почему мне нельзя? Они одного возраста со мной и вообще ничем не лучше меня».

С. Аллилуева — Сталину. 19 сентября [1941 г.], г. Куйбышев

В конце октября 1941 года я поехала в Москву — повидать отца. Он не писал мне, говорить с ним по телефону было трудно — он нервничал, сердился и отвечал лишь, что ему некогда со мной разговаривать.

В Москву я приехала 28 октября — в тот самый день, когда бомбы попали в Большой театр, в университет на Моховой и в здание ЦК на Старой площади. Отец был в убежище, в Кремле, и я спустилась туда. Такие же комнаты, отделанные деревянными панелями, тот же большой стол с приборами, как и у него в Кунцево, точно такая же мебель. Коменданты гордились тем, как они здорово копировали Ближнюю дачу, считая, что угождают этим отцу. Пришли те же лица, что и всегда только все теперь в военной форме. Все были возбуждены — только что сообщили, что разведчик, пролетев над Москвой, всюду набросал небольших бомб...

Отец не замечал меня, я мешала ему. Кругом лежали и висели карты, ему докладывали обстановку на фронтах.

Наконец, он заметил меня, надо было что-то сказать... «Ну, как ты там, подружилась с кем-нибудь из куйбышевцев?» — спросил он, не очень думая о своем вопросе. «Нет, — ответила я, — там организовали

специальную школу из эвакуированных детей, их много очень», — сказала я, не предполагая, какова будет на это реакция. Отец вдруг поднял на меня быстрые глаза, как он делал всегда, когда что-либо его задевало: «Как? Специальную школу?» — я видела, что он приходит постепенно в ярость. «Ах вы! — он искал слова поприличнее, — ах вы, каста проклятая! Ишь, правительство, москвичи приехали, школу им отдельную подавай! Власик — подлец, это его все рук дело!». Он был уже в гневе, и только неотложные дела и присутствие других отвлекли его от этой темы.

Он был прав, — приехала каста, приехала столичная верхушка в город, наполовину выселенный, чтобы разместить все эти семьи, привыкшие к комфортабельной жизни и «теснившиеся» здесь в скромных провинциальных квартирках...

Но поздно было говорить о касте, она уже успела возникнуть и теперь, конечно, жила по своим кастовым законам.

Аллилуева С. С. 150–151

В конце октября гитлеровцы, преодолевая упорное сопротивление, достигли подступов к Москве. Всего лишь несколько десятков километров отделяло их от нее. И вдруг наступило относительное затишье. Был достигнут тот предел, когда клинья танковых колонн, охвативших Москву с севера и юга, вдруг застыли. Немцы на время выдохлись. Это спокойствие и вынудило Сталина обратиться к Жукову с вопросом, может ли он гарантировать продление передышки на несколько дней и, получив заверения, принял решение назначить на 6 и

7 ноября традиционное празднование 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Докучаев М. Москва. Кремль. Охрана. М. 1995. С. 292–293.

(Далее цит.: Докучаев М.)

4 ноября 1941 года в Елоховском соборе состоялась литургия в день праздника иконы Казанской Богоматери, по-другому именованной иконы Богоматери всех Скорбящих Радости, на литургии протодиакон храма Святителя Николая, что на Новокузнецкой улице, отец Иаков Абакумов, родной брат начальника СМЕРШа и заместителя наркома обороны СССР Абакумова, впервые произнес многолетие Сталину. Владелец низкого, звучного баритона, он произнес: «Богохранимой стране Российской, властям и воинству ея... и первоверховному вождю...», а молящиеся тысячами голосов грянули: «Многие лета!» А протодиакон Иоанно-Предтеченского храма с Красной Пресни провозгласил «вечную память» воинам, убиенным на поле брани.

Эта литургия предувредила выступление Сталина 7 ноября 1941 года, которое начинается словами: «Братья и сестры! Да осенит вас победоносное знамя Александра Невского...» С этого момента начался путь сближения Церкви и советской власти. Обращение Сталина к воинам и мирянам было поддержано посланием митрополита Сергия (Старгородского). А в декабре 1941-го был открыт храм в Ельне, неподалеку от передовой, в котором перед советскими воинами совершилось молебствие с пожеланием им победы и с

провозглашением многолетия вождю всех народов — товарищу Сталину.

Красиков С. С. 255–256

Парад 7 ноября 1941

За несколько дней до ноябрьских праздников в 1941 году т. Сталин вызвал меня и сказал, что надо подготовить помещение станции метро «Маяковская» для проведения Торжественного заседания.

Времени было очень мало, я сейчас же позвонил заместителю председателя Моссовета Яснову и договорился поехать вместе с ним на площадь Маяковского. Приехав и осмотрев станцию метро, мы составили план. Надо было построить сцену, достать кресла, устроить комнату отдыха для президиума и организовать концерт. Все это мы быстро организовали, и в назначенное время зал был готов. Спускаясь по эскалатору на Торжественное заседание, т. Сталин посмотрел на меня (я был одет в бекешу и папаху) и сказал: «Вот у тебя на папахе звезда, а у меня ее нет. Все-таки, знаешь, неудобно — главнокомандующий, а одет не по форме, и на фуражке даже нет звезды, ты уж достань мне, пожалуйста, звезду».

Когда т. Сталин уезжал домой после заседания, на его фуражке блестела звезда. В этой фуражке и в простой шинели без каких-либо знаков отличия он выступал на историческом параде 7 ноября 1941 года.

Мне удалось его удачно сфотографировать, и эта фотография была распространена в большом количестве. Бойцы прикрепляли ее на танки и со словами: «За Родину! За Сталина!» — шли в ожесточенные атаки. Но это я забежал вперед.

Н. Власик.

Цит. по: *Логинов В. С.* 123

Вечером 6 ноября в зале станции метро «Маяковская» состоялось торжественное собрание, на котором с докладом выступил И. В. Сталин. Он сказал: «Истекший год явился не только годом мирного строительства, но и годом войны с немецко-фашистскими захватчиками, вероломно напавшими на нашу миролюбивую страну. Период мирного строительства кончился... В итоге четырех месяцев войны... опасность для нашей страны не только не ослабла, а, наоборот, еще больше усилилась». И. В. Сталин в своем докладе высмеял расчеты гитлеровских руководителей, задумавших уничтожить Советский Союз за пару месяцев блицкрига, недооценив прочности советского строя, силы его Красной Армии...

Л. Каганович.

Цит. по: *Куманев Г. С.* 293

Иосиф Виссарионович привел ряд выдержек из инструкций Гитлера и Геринга немецким солдатам, в которых говорилось об уничтожении славянских наций, завоевании мира путем жестокости, убийств и насилия. «И эти люди, — заявил он, — лишены совести и чести,

люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова».

«Немецкие захватчики, — сказал Сталин, — хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же... они ее получают. Никакой пощады немецким захватчикам. Смерть немецким оккупантам!»

Докучаев М. С. 293–294

7 ноября на Красной площади, как обычно, был назначен парад. Были приняты все меры для обеспечения безопасности и порядка, но все же риск был велик.

Н. Власик.

Цит. по: *Логинов В. С. 122*

Это был не обычный парад. В нем участвовали части и соединения, которые прямо с Красной площади уходили на фронт...

Докучаев М. С. 294

Утром 7 ноября т. Сталин встал очень рано. Было еще темно, на улице бушевала метель, нанося огромные сугробы снега. Я проводил его на Красную площадь ровно в 8 часов, т. Сталин и руководители партии и правительства поднялись на Мавзолей. Под бой часов из

Спасских ворот на горячем коне появился принимающий парад Маршал Советского Союза т. Буденный. Парад начался. Объезжая войска и поздравляя их с праздником, т. Буденный слышал в ответ такое горячее и дружное «ура!», что я увидел, как прояснилось лицо у т. Сталина, каким оно стало радостным и довольным.

Н. Власик.

Цит. по: *Логинов В. С.* 122–123

То, что Сталин будет говорить на параде 7 ноября 1941 года, я, конечно, знал. Он говорил мне. Не помню, давал ли он читать речь, — наверное, даже давал читать. Обыкновенно давал читать. На параде 7 ноября его речь не была записана, он потом отдельно записал.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 61

Стараясь стоять всегда на виду у Сталина, чтобы он мог в любую минуту позвать меня, я сам не спускал с него глаз. И действительно, я ему понадобился. Надо сказать, что перед парадом была договоренность передавать парад по радио только по площадям Москвы. Подозвав меня, т. Сталин спросил, нельзя ли сделать так, чтобы передать Красную площадь в эфир, то есть, чтобы парад на Красной площади слышал весь мир.

Я спустился вниз, в Мавзолей, где у меня дежурил начальник отдела связи т. Потапов, там же находился министр связи, и передал им желание т. Сталина. Получив в ответ: «Все будет обеспечено», — я вернулся, чтобы доложить об этом т. Сталину. Он уже начал свое

историческое выступление. Я обратился к Молотову, который стоял рядом, и сказал громко, чтобы слышал т. Сталин:

— Красная площадь вышла в эфир!

Н. Власик.

Цит. по: *ЛОГИНОВ В. С.* 123

...Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!... Да здравствует наша славная Родина, ее свобода и независимость!

Сталин.

Из выступления 7 ноября 1941 г.

Сказано это было на военном параде на Красной площади 7 ноября 1941 года, который проводили в условиях охвата Москвы 51 дивизиями противника. Сам факт проведения парада в это время и в этом месте имел огромное значение для подъема морального духа русского народа... Лозунги «биться до последней капли крови» и «ни пяди земли врагу» имели в то время вовсе не отвлеченный характер. Тяжелейшие условия требовали чрезвычайных мер сопротивления...

Микоян А. С. 345

Октябрьский праздник 1941 года я встречал не в Москве. Здесь не было затемнений и других признаков

прифронтовых городов, к чему уже привыкли москвичи. Но и наш сибирский город жил суровой, напряженной жизнью — все подчинялось интересам фронта.

В предпраздничную ночь мы услышали по радио о том, что в Москве, как обычно, состоялось торжественное заседание, на котором выступил Сталин. На другой день мы узнали о параде на Красной площади и о том, что Сталин, как всегда, стоял на Мавзолее. Весь день 7 ноября по радио передавалась речь Сталина перед фронтовиками, проходившими торжественным маршем по Красной площади.

Все это вливало в сердца миллионов людей чувство уверенности в завтрашнем дне, веру в нашу победу.

Яковлев А. С. 240

Впоследствии, просматривая документальный фильм о параде, историки заметили, что на морозном воздухе у Сталина, не идет пар изо рта! Было высказано предположение, что на параде он никакой речи не произносил, что это — одна из фальсификаций.

Радзинский Э. С. 519

Однако мало кто знает, что в это время произошел один курьезный случай, в результате которого произнесенная речь И. В. Сталина на Красной площади оказалась записанной на пленку только в ее начале. То ли из-за мокрого снега, который шел тогда непрерывно, то ли по другим причинам отсырела пленка и не позволила сделать полностью запись его речи. Все понимали и отдавали себе отчет в том, что из себя

представляла эта речь по историческому значению. Забегали здорово тогда по кабинетам ЦК партии руководители советского радиовещания.

Докучаев М. С. 295

Речь и парад должна была снимать кинохроника. Группу операторов разместили на ночь на студии документальных фильмов. Но (видимо, в целях конспирации) ей сообщили неверное время начала парада. «Мы знали, что парад начнется, как обычно, в 10 утра. Парад начался в 8 утра. Проснувшись, по радио мы с ужасом услышали, что парад уже идет и Сталин говорит речь. Мы помчались на Красную площадь, но снять нам уже удалось только общий план парада», — вспоминал участвовавший в этой съемке звукооператор В. Котов.

Радзинский Э. С. 567

Писатель Александр Воинов рассказал мне поразительную историю:

«В конце ноября сорок первого я получил недельный отпуск, — после контузии и награждения орденом. Поехал в Куйбышев, там тогда находилась наша вторая столица. Встречаю на улице Киселева, режиссера кинохроники по кличке «Рыжий».

— Хочешь посмотреть мой новый фильм? — спросил Киселев. — Я снимал парад на Красной площади, когда выступал товарищ Сталин.

— Конечно, хочу.

И мы отправились в то здание, где было выделено несколько комнаток кинохронике. В маленький просмотровый зал натолкалось народа видимо-невидимо; фильм смотрели затаенно, многие плакали; мягкие хлопья снега царственно и беззвучно ложатся на брусчатку Красной площади, на Мавзолей, на шинели красноармейцев и командиров, на осунувшееся лицо Сталина и его соратников — товарищей Молотова, Ворошилова, Берия, Андреева, Кагановича, Калинина, Щербакова, Микояна... Снежное безмолвие, тревожная тишина, оживление... Только одно живое во всей панораме — дыхание людей; кто простужен — ловит воздух ртом, счастливики в валенках и теплом белье дырявят студёный воздух струйками теплого белого пара из носа.

Апофеозом фильма был тот момент, когда Сталин приблизился к микрофону и произнес свою короткую речь. Я представил себе счастье красноармейцев моего батальона, когда они увидят эти кадры: Отец — в скромной солдатской шинели, осунувшийся, но такой родной и любимый, — говорит со своими Детьми...

— Слушай, — спросил я Киселева, жадно вглядываясь в лицо Вождя, — а почему у него пар не идет изо рта?

Киселев окаменел. Я почувствовал, как замерло его плечо: он словно бы не слышал моего вопроса, а мне тогда исполнилось двадцать шесть, дипломатии учен не был, свято верил догмам: «Ничего не таи в душе, спрашивай все, что не понял, товарищи помогут разобраться во всем».

— Нет, но почему все же у товарища Сталина не идет пар изо рта? — продолжал удивляться я. — У всех шел, а у него — нет...

Сзади, из напряженно-тревожной темноты, кто-то спросил требовательным шепотом:

— Кто задал этот вопрос?

Киселев яростно толкнул меня коленом, закашлялся и показал глазами на дверь, поднимаясь со стула, шепнул, стараясь скрыть свои слова надрывным кашлем: «Иди за мной».

Недоумевая, я вышел: в коридоре поразила мертвенной бледности Киселева: «Немедленно возвращайся на фронт, — прошептал он. — Забудь об этом просмотре! Никому не говори ни слова! Знаешь, кто о тебе сейчас спрашивал?! Беги на вокзал, и чтоб ноги твоей здесь не было! Я твою фамилию не помню: какой-то журналист, и ты молчи, что мы дружили, ясно?!»

С этими словами «Рыжий» вернулся в зал. Я по-прежнему не очень-то понимал, что произошло, но то, как он был испуган, как выступили мелкие веснушки на его побелевшем лице, как тряслись руки, подсказало мне: «дело пахнет керосином, я прикоснулся к чему-то запретному, надо драпать».

И я бегом бросился на вокзал, сел в проходящий эшелон и вернулся на фронт, терзаемый безответным: «так почему же не шел пар изо рта товарища Сталина?»

...С режиссером Киселевым я познакомился летом пятьдесят седьмого в Кабуле, где работал переводчиком

с пушту и английского на торгово-промышленной ярмарке.

Киселев делал документальный фильм об этой ярмарке, престиж кинематографиста был тогда еще достаточно велик, он властно командовал директорами павильонов, переводчиками, гостями, организовывая нужные ему сцены, пару раз я переводил ему, когда он снимал эпизоды с наиболее уважаемыми пуштунами.

Вот к нему-то я и обратился с вопросом: «Так почему же не шел пар изо рта товарища Сталина?»

С той поры, когда он снимал легендарный парад, прошло пятнадцать лет, Сталин умер, пришло время Хрущева, в стране настала кратковременная оттепель, люди начали постепенно — со страхом и неверием пытаться изживать из себя ввевшийся страх и привычное неверие друг в друга.

Киселев ответил мне не сразу; мялся, глядя на меня, молодого еще совсем, потом вдруг отчаянно махнул рукой:

— Ладно, расскажу... Наркомкино Большаков назначил меня ответственным за съемку парада на Красной площади... Честь огромная... Сняли... В ту же ночь проявили на Лиховом переулке... Кадры — поразительные, однако речь Сталина на звуко пленку не записывалась... Представляете?! Нет, вы себе этого представить не можете... Это гибель не только всех нас, всех наших родственников и друзей, но и разгром кинохроники: «злостный саботаж скрытых врагов народа, лишивших человечество уникального документа...» Именно тогда я и начал сидеть, в те страшные минуты,

когда звукооператор, едва шевеля посиневшими губами, сообщил эту новость.

«Как это могло случиться? — спросил я его, придя в себя. — Ты понимаешь, что нас ждет? Ты понимаешь, что мы, — объективно, — льем воду на мельницу Гитлера?» — «Да, — ответил мой товарищ едва слышно. — Понимаю... Но ведь я не имел времени, чтобы проверить кабель, все ж было в спешке... Снег... Наверное, что-то не сработало в соединительных шнурах... Я за своих ребят ручаюсь головой, ты ж их тоже знаешь, большевики, комсомольцы...». — «Рыков тоже называл себя большевиком, — ответил я ему, — а на поверку оказался гестаповским шпионом».

— Словом, — продолжил Киселев, — я поехал к председателю комитета кинематографии Ивану Григорьевичу Большакову. Тот выслушал меня, побледнел, походил по кабинету, потом, остановившись надо мною, спросил: «Какие предложения? Кто виноват в случившемся?» — «Виноват я. С меня и спрос. Предложение одно: сегодня ночью построить выгородку декорации в одном из кремлевских залов и снять там товарища Сталина». — «А как объяснить, что съемка на Красной площади была сорвана?» — «Съемка не сорвана. Кадры сняты уникальные. Но из-за того, что у нас не было времени заранее подготовиться к работе, один из соединителей микрофона отошел — снег, обледенело, — охрана постоянно гнала наших людей к камере, подальше от Мавзолея...»

Большаков снова походил по кабинету, потом снял трубку «вертушки», набрал трехзначный номер: «Товарищ Сталин, добрый вечер, тревожит Большаков... Кинохроника сняла замечательный фильм о параде на

Красной площади... Однако из-за неожиданных погодных условий звук получился некачественный. Интересы кинематографа требуют построить выгородку в Кремле и снять фрагмент речи в Грановитой палате. Что? Выгородка — это часть Мавзолея, товарищ Сталин... Да... Именно так... Это займет тридцать минут, товарищ Сталин... Да, не больше... Хорошо... Выгородку мы построим часа за четыре... Сегодня в три? — Большаков посмотрел на меня с растерянностью; большие настенные часы показывали одиннадцать вечера; я решительно кивнул, мол, успеем; нарком покашлял, потом тягуче ответил: — Лучше бы часов в пять... Хорошо, товарищ Сталин, большое спасибо, в половине пятого съемочная группа прибудет к Спасским воротам, строителей и художников вышлют немедленно...».

...Ровно в четыре тридцать утра дверь Грановитой палаты отворилась и вошел Сталин. Видимо, Большаков его предупредил уже, верховный был в той же солдатской шинели, что выступал давеча; хмуро кивнув съемочной группе, он поднялся на выгородку, сколоченную за это время нашими художниками; я дал знак осветителям, они врубили юпитеры; свет был ослепительным, внезапным; Сталин прикрыл глаза рукой, медленно достал из кармана текст выступления и начал говорить — в своей неторопливой, обсматривающей манере. Я наблюдал его вблизи, видел, как он похудел, какие тяжелые мешки у него под глазами, как отчетливы оспины и седина, обернувшись к операторам, я сделал едва заметное движение рукой; они поняли: надо избегать крупных планов, вождю это могло не понравиться, народ привык к совершенно иному облику Верховного: широко расправленная грудь, черные усы, прищурливая усмешливость глаз; здесь же, в Грановитой

палате, на деревянном помосте, изображавшем Мавзолей, стоял согбенный, уставший старик.

Семенов Ю. Ненаписанные романы. М., 1996. С. 323–324

Открыли окна, чтобы шел у него хоть немного пар изо рта, и Сталин прочел перед камерой свою речь.

В. Котов (звукооператор).

Цит. по: *Радзинский Э. С.* 519

...И в тот короткий миг, когда я обернулся к операторам, мой коллега, отвечавший за звукозапись, показал руками, что и сейчас, в этом огромном, пустом зале, когда мерно стрекотали камеры, и юпитеры жарили лицо Сталина, текст Верховного по-прежнему не идет на пленку... Я ощутил приступ тошноты, своды палаты начали рушиться на меня, сделалось душно, и я вдруг ощутил свою никчемную, крохотную малость. Зачем надо было класть жизнь на то, чтобы рваться вперед и вверх?! Жил бы себе тихо и незаметно! Умер бы дома, в кругу родных, не обрек бы их на грядущую муку и ужас! Но именно в момент отчаяния, в ситуации кризисной, решения приходят мгновенно... Когда Сталин, закончив читать выступление, снял фуражку, вытер вспотевший лоб и неторопливо пошел к выходу из Грановитой палаты, я обежал Большакова, который сопровождал Верховного, и сказал: «Товарищ Сталин, вам придется прочитать выступление еще раз...» Помню испуг Большакова, страх, который он не мог скрыть; никогда не забуду реакцию Сталина: «Это — почему?» Он спросил меня, не подымая глаз, голосом, полным усталого

безразличия. И я, глядя на Большакова, словно гипнотизируя его, моля не выдавать мою вынужденную ложь, ответил: «В кинематографе принято делать дубль, товарищ Сталин».

Верховный, наконец, медленно поднял на меня свои глаза; они только издали казались улыбчивыми и отеческими; когда я увидел их вблизи, — желтые, постояннодвигающиеся, тревожные, — мне стало не по себе. Сталин медленно оборотился к Большакову; лицо наркома сделалось лепным — прочитывался каждый мускул; однако он согласно кивнул, хоть и не произнес ни слова. Медленно повернувшись, Сталин вернулся к выгородке, под жаркий свет юпитеров. Я подбежал к звукооператору, шепнул, чтоб он еще раз проверил все соединения, подошел к микрофону и постучал пальцем по сетке; звуковик обмяк в кресле, некое подобие улыбки тронуло его бескровные губы, — все в порядке, пошло! А в моей голове мелькнула шальная мысль: Вот бы попросить, — «Товарищ Сталин, скажите-ка: раз — два — три, проба!» И я подумал: а ведь он бы выполнил мою просьбу, — важно только было сказать приказным голосом... ..Дубль получился; Сталин так же, как и первый раз, не прощаясь ни с кем, медленно пошел к выходу; я семенил за Большаковым, который был, как всегда, на полшага за Иосифом Виссарионовичем. Уже около двери Сталин жестко усмехнулся: «И в кино одни Макиавелли».

Эти странные слова Сталина, которые так запомнились Киселеву, преследовали меня; я искал ответ на вопрос: «почему именно Макиавелли?»

Искал и не мог найти.

...Среди режиссеров, которых Сталин высоко ценил, был и Чиаурели; тот подробно рассказывал ему о «технологическом процессе» создания фильма; поэтому Верховный знал, что в документальных лентах «дублей» не делают, — на то они и документальные, одно слово — «хроника».

Большакову — при очередной встрече — Сталин заметил: «А этот ваш режиссер, что снимал в Грановитой палате, смелый человек... Таких бы и посылать на самые боевые участки — не подведет».

Семенов Ю. С. 323–324

Исторический парад 7 ноября 1941 года на Красной площади и выступление Сталина сыграли огромную роль в ходе войны. Он поднял дух в войсках, укрепил веру в победу и воодушевил народ на новые подвиги как на фронте, так и в тылу.

Н. Власик.

Цит. по: *Логинов В. С. 122*

Во время Московской битвы Буденный сказал Сталину, что новых шашек нет, и кавалеристам выдали старые с надписью «За веру, царя и отечество».

— А немецкие головы они рубят? — спросил Сталин.

— Рубят, товарищ Сталин.

— Так дай же Бог этим шашкам — за веру, царя и отечество! — сказал Сталин.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 389*

...Когда я увидел Сталина в начале декабря сорок первого года, а я его до этого во время войны не видел, — Сталин уже был точно таким, каким он был раньше. Это был прежний, все тот же Сталин. Та же медлительность, то же хождение мягкими шагами, чаще всего сзади стульев, на которых сидят присутствующие, та же ленивая размеренность шагов. Та же тщательно выработанная медлительная манера речи, с короткими абзацами и длинными паузами, тот же низкий, спокойный голос.

И. Исаков.

Цит. по: *Симонов К. С. 346–347*

Сумели провести переброску всех производительных сил с запада на восток, не успевали разгрузить, — уже начинали делать... Нет, это очень, очень сложная фигура, там было и величие, и знание.

Д. Шепилов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 331–332*

А в это время в Зубалово

Между тем события в Зубалове вдруг развернулись так, как никто ни ожидать, ни представить себе не мог.

Аллилуев В. С. 165

«В июне 1941 года я был назначен на должность инспектора-летчика Управления ВВС КА. В этой должности прослужил до сентября 1941 года, после чего до января 1943 года служил начальником инспекции ВВС КА.

Из автобиографии В. Сталина от 18 июня 1945 года

А как работала эскадрилья «яков», их комэск Сталин?

В те дни лишь несколько человек летали на задания: новые машины Як-1 поступали в полк в разобранном виде. Их собирали, облетывали, опробовали оружие. А тут еще неувязка: пилотов, которые раньше не летали на «яке», следовало потренировать на таком же самолете, но со спаренным управлением, а спарки в полку не было.

Василию, конечно, не терпелось освоить «як». И вот однажды утром, работая в штабе, я услышал гул самолета, — припоминал потом генерал Шинкаренко. — Погода была облачная, заявок на боевые вылеты не поступило, учебно-тренировочные полеты не планировались. «Кто же самовольничает?» — встревожился я. Подошел к окну и вижу «як», вырывающийся на взлетную полосу. Звоню на стоянку. Докладывают: «Командир эскадрильи решил выполнить

тренировочный полет». Только этого не хватало! Без единого провозного — и сразу самостоятельный?..

Тот полет заставил крепко поволноваться командира и комиссара полка. И любого-то пилота не всякий отважится выпустить на новой машине без подготовки, без провозных, а тут — сын Сталина...

Василий взлетел уверенно. Набрал высоту до нижней кромки облаков, выполнил, как принято, круг — маршрут с четырьмя разворотами в районе аэродрома — и запросил по радио: «Я — Сокол. Разрешите посадку».

Скорость на «яке», как в воздухе, так и посадочная, была значительно больше, чем на «ишачке». Летчик сообразил, что будет перелет, и принял грамотное решение — уйти на второй круг, чтобы не промазать и приземлить машину в безопасных пределах летного поля. Но только с третьего захода колеса «яка» коснулись земли. Василий справился с посадкой, хотя пробег самолета оказался больше рассчитанного. Многие на аэродроме тогда видели, как истребитель вырвался за посадочную полосу, а затем стремительно понесся на линию железной дороги...

Кто-то сказал, что у пьяных и влюбленных есть свой ангел-хранитель. Василий был трезв. Но то, что произошло дальше, другому хватило бы на полжизни — вспоминать да рассказывать в ярких красках. А вышло вот что. Самолет на большой скорости ударился о железнодорожное полотно, вздыбился, перескочил через рельсы, чудом не зацепив их колесами шасси, и остановился в нескольких метрах от глубокого оврага...

— Конечно, я отчитал тогда Василия, — заметил Шинкаренко, — пытался образумить его, но он беспечно отмахнулся, мол, что шуметь — машина-то цела. А потом

откровенно заявил: «Надоело сидеть, когда другие летают. Я все-таки комэск. Сколько, в конце концов, ту спарку ждать!..» И тут Василий вдруг предложил: «Отпусти в Москву. Даю слово: будут у нас те машины!»

Шинкаренко согласился. Но едва комэск улетел пробивать «яки» с двойным управлением, он вызвал комиссара Лысенко и завел разговор о том, как бы половчее избавиться от бесшабашного пилота.

— С таким командиром эскадрильи, чего доброго, под трибунал угодишь, — высказал тревогу Шинкаренко, и комиссар согласился:

Да, придется докладывать члену Военного совета. Иного выхода не вижу.

Так и сделали. Тот в свою очередь передал соображения начальнику Политуправления Красной Армии Л. З. Мехлису. А уж Лев Захарович знал, что делать. Когда Василий вернулся в полк, пригнав обещанные машины, и доложил Шинкаренко о своем назначении в инспекцию ВВС, да теперь не просто летчиком, а начальником инспекции, все поняли — работа Льва Захаровича.

Сколько таких захарычей будет еще, увиваться вокруг Василия, сына Сталина, холуйничать, лебезить, выбивая себе чины, награды, высокие звания, и с какой легкостью вся эта придворная свора отвернется от него при первой же возможности. Да что отвернется — предаст!..

Грибанов С. С. 116–117

Я часто задумываюсь над вопросом, где истоки той страшной беды Василия, которая называется алкоголизмом. Я вижу ее в одном: его нельзя было держать в тылу, в этой Инспекции тем более. Человек он был активный, моторный, смелый. Летал прекрасно, на фронт рвался, и его место, безусловно, было там, он тяготился своим тыловым положением и страдал оттого, что люди думают, что он хорошо устроился за отцовской спиной. Пить он начал именно тогда, когда работал в Инспекции.

Аллилуев В. С. 164

Жизнь в Зубалове была в ту зиму 1942 и 1943 года необычной и неприятной... В дом вошел неведомый ему до этой поры дух пьяного разгула. К Василию приезжали гости: спортсмены, актеры, его друзья — летчики, и постоянно устраивались обильные возлияния, гремела радиола. Шло веселье, как будто не было войны. И вместе с тем было предельно скучно, — ни одного лица, с кем бы всерьез поговорить, ну хотя бы о том, что происходит в мире, в стране, и у себя в душе... В нашем доме всегда было скучно, я привыкла к изоляции, к одиночеству. Но если раньше было скучно и тихо, теперь было скучно и шумно.

Аллилуева С. С. 153–154

Закончилось все, как и должно было, большим скандалом. Кто виноват? Сталин, конечно, нес свою долю вины. Он практически уже давно устранился от семейных забот, передоверив свои чада близким родственникам, и жизнь всей семьи знал неглубоко, не в деталях. А в годы

войны семья отодвигалась на совсем второстепенные позиции. К тому же Сталин, очевидно, рассчитывал, что дед, бабушка или моя мать, если что-то дома будет принимать дурной оборот, сумеют вовремя вмешаться или обратятся к нему за помощью. Еще была охрана, обслуживающий персонал, которые в любой момент могли рассказать о том, что происходит в Зубалове, своему начальству или Н. С. Власику, который при необходимости мог сообщить обо всем Сталину.

Аллилуев В. *С. 165*

Один из его тогдашних собутыльников, писатель Б. В-в (по понятным причинам ограничимся инициалами), позднее показал на следствии по делу Василия Сталина:

«Однажды застал у своей жены, Л. Ц-ой (кинозвезда конца 30-х годов — Э. Р.), ее приятельницу, артистку В. Серову, и неизвестного офицера-летчика. Тот стал уговаривать поехать на дачу. По дороге Серова сказала, что он является Василием Сталиным. На даче он начал беспардонно приставать к моей жене, Л. Ц-ой, пытаясь утащить ее в уединенное место. Я вмешался в резкой форме, он извинился, и в остальном ужин прошел без особых происшествий, не считая, что подвыпивший Василий взял из камина обуглившуюся головешку и разрисовал ею лица сидевших за столом кинооператора С. и режиссера К.».

Радзинский Э. *С. 528–529*

А тут еще его втянули в создание какого-то фильма о летчиках, который он должен консультировать. Так Василий познакомился с Каплером, а через него со

многими деятелями литературы и искусства. В Зубалове начались гульбища и застолья, в них принимали участие А. Я. Каплер, Р. Кармен со своей красавицей женой Ниной, К. Симонов, М. Слуцкий, В. Войтехов, А. Мессерер и его племянница Суламифь, В. Серова, Л. Целиковская и многие другие, всех не упомнишь.

Аллилуев В. С. 164–165

Во время войны Сталину сказали, что его сын Василий на дальней даче пьет с женой одного артиста. Сталин велел привезти сына. Когда Василий вошел в кабинет, Сталин снял ремень и хлестанул его по лицу:

— Подлец! Ты подумал, что люди скажут о твоём отце? Идет война, а ты пьянствуешь!

Жданов попытался защитить Василия, но Сталин хлестанул и его — сгоряча.

Артем Сергеев, (приемный сын Сталина) рассказывает, как Василий поделился тогда с ним своим успехом на любовном поприще: у него живет московская красавица Нина, жена кинооператора Романа Кармена. Однако радость Василия была недолгой.

Чуев Ф. С. 553

В ту же зиму 1942—43 года я познакомилась с человеком, из-за которого навсегда испортились мои отношения с отцом, — с Алексеем Яковлевичем Каплером.

Аллилуева С. С. 155

Василий сошелся с женой Р. Кармена, а у Светланы начался роман с Люсей — так друзья звали Каплера.

Аллилуев В. С. 165

Василий привез Каплера к нам в Зубалово в конце октября 1942 года... В первый момент мы оба, кажется, не произвели друг на друга никакого впечатления. Но потом — нас всех пригласили на просмотры фильмов в Гнездниковском переулке, и тут мы впервые заговорили о кино.

Люся Каплер — как все его звали — был очень удивлен, что я что-то вообще понимаю, и доволен, что мне не понравился американский боевик с герлс и чечеткой. Тогда он предложил показать мне «хорошие фильмы» по своему выбору и в следующий раз привез к нам в Зубалово «Королеву Христину» с Гретой Гарбо. Я была совершенно потрясена тогда фильмом, а Люся был очень доволен мной...

Аллилуева С. С. 156–157

Дед, бабушка и моя мать хорошо представляли себе, что Сталину сейчас не до семьи, он и себе-то не принадлежал. Помню, как-то зимой 1943 года я был в Кремле у бабушки и зашел от нее домой к Светлане.

При мне позвонил А. Н. Поскребышев с Ближней дачи и сказал, что скоро домой приедет Сталин. Мы ждали его часа три, но так и не дождались. Потом нам вновь позвонили, извинились и сообщили, что приехать Сталину не удастся — что-то случилось на фронте.

Аллилуев В. С. 165

Итак, в конце октября сорок второго был задуман фильм о летчиках. Василию предложили стать военным консультантом его.

Грибанов С. С. 151

Правда, дальше шумных застолий дело, кажется, не подвинулось...

Аллилуева С. С. 156

В том же декабре в Химках готовилась к перегону на Северо-Западный фронт группа «лавочкиных». Принимал самолеты комдив Захаров. Осенью сорок первого в горячке отступления, уцелев от расправы скорых на руку трибуналов, он был сослан на восток, спустя год помилован и вот вновь собирал под свои знамена авиадивизию.

По-мальчишески обрадовался Георгий Захаров встрече в те дни с товарищем по испанским событиям кинооператором Карменом. Но однажды приятель пришел к нему и с ходу ошарашил краткой, но достаточно эмоциональной речью.

— Жора, — сказал он, — я пойду и расстреляю Васю...

Представить, что Кармен готовит покушение на сына Сталина, можно было только в бредовом сне и Георгий Захаров засмеялся:

— И что нынче за мода пошла: чуть что — расстреляю!..

— Нет, нет, я застрелю Васю, — упрямо повторил Кармен, и по его тревожно бегающим глазам, взволнованному голосу комдив Захаров понял, что приятель не шутит.

— Послушай, Роман, — остановил он его, — ты начнешь палить в Васю, он — в тебя. Скажи, что хоть произошло?..

А произошла старая как мир, банальная история, которые долгие годы так любили выслушивать у нас ханжи-мужики на различных собраниях и заседаниях различных комитетов да советов якобы в интересах цементированной ячейки социалистического общества — советской семьи. А из зала кричат: «Давай подробности!..»

Ну что же, скажем прямо, в той разыгрываемой по всем драматическим законам любовной истории оказалась замешана уже знакомая нам Нина Орлова...

Грибанов С. С. 146

Что было дальше, мне доподлинно неизвестно, так как в Зубалове мы уже не жили, но если верить Главному маршалу авиации А. Е. Голованову, Сталин поручил разобраться с Василием Генеральному прокурору СССР. Круто!

Аллилуев В. С. 165

Обошлось, однако, слава богу, без патронов. А «телегу» на Василия его отцу Кармен все-таки наката. Сомнения — тревожить вождя всех народов или как-то обойтись, самому разобраться — конечно, были. Но

надежду на успех задуманного поддерживала родственная — в прошлом — связь с Ярославским. Миней Израилевич до недавнего времени был тестем Кармена — он не отказал в просьбе. Письмо Иосифу Сталину передал.

Грибанов С. С. 151

То ли Р. Кармен написал ему письмо, то ли Власик наконец решился доложить Сталину, но факт остается фактом — о проделках Василия Сталину стало известно.

Аллилуев В. С. 165

Кармен написал Сталину, тот вызвал Генерального прокурора и дал указание насчет своего сына:

— Судить мерзавца по закону!

Главный законник страны вызвал Василия:

— У вас живет жена Кармена?

— Живет.

— А почему она у вас живет?

— Сам не знаю.

— Почему вы ее не отпускаете?

— Так пусть уходит, пожалуйста!

Когда отцу доложили об этом разговоре, он покачал головой, приговаривая: «Вот подлец! Вот подлец!» И синим карандашом была продавлена такая резолюция:

«1. Эту дуру вернуть Кармену. 2. Полковника В. Сталина посадить на 15 суток строгого ареста».

А. Сергеев.

Цит. по: Чуев Ф. С. 66

Дочери И. Сталина тогда было 16 лет...

Грибанов С. С. 151

Первая ее серьезная влюбленность была связана с Каплером. Он вскружил ей голову.

М. Пешкова (внучка Горького).

Цит. по: Краскова С. С. 184

Мимолетные встречи сорокалетнего человека с «гимназисткой» и недолгое их продолжение потом — стоит ли вообще много говорить и думать об этом?

Аллилуева С. С. 156

Это было первое внимание к ней взрослого мужчины. Они встречались, гуляли по улицам Москвы, и, конечно, ей было с ним очень интересно, он массу рассказывал, вводя ее в окружающий мир.

М. Пешкова.

Цит. по: Краскова С. С. 185

Я знал его — он был другом моего отца. Тучный Каплер был некрасив, да и писал, скажем, «не лучше других». Талант его был в другом: это был гениальный

*рассказчик. Когда говорил — завораживал.
Сирена-Каплер...*

Радзинский Э. С. 528

Незадолго до этого он возвратился из партизанского края Белоруссии, где собрал интересный материал для фильма. Он жил в нетопленной гостинице «Савой», куда приходили к нему его многочисленные друзья, военные корреспонденты.

Нас потянуло друг к другу неудержимо. После праздников Люся еще несколько дней оставался в Москве, потом ему предстояла поездка в Сталинград. В эти несколько дней мы старались видеться как можно чаще, хотя при моем образе жизни это было невообразимо трудно. Но Люся приходил к моей школе и стоял в подъезде соседнего дома, наблюдая за мной. А у меня радостно сжималось сердце, так как я знала, что он там... Мы ходили в холодную военную Третьяковку, смотрели выставку о войне. Мы бродили там долго, пока не отзвонили все звонки, — нам некуда было деваться. Потом ходили в театры. Тогда только что пошел «Фронт» Корнейчука, о котором Люся сказал, что «искусство там и не ночевало». Смотрели «Синюю птицу», потом «Пиковую даму»; Люся признался, что терпеть не может оперу, но нам хорошо было гулять по фойе.

Аллилуева С. С. 157–158

В день своего рождения она в классе показала мне его подарок — замечательный старинный эмалевый кулон: зеленый лист с жучком.

М. Пешкова.

Цит. по: Краскова С. С. 185

...Светлана часами разговаривала с Каплером по телефону от бабушки, а та, слыша все время имя Люся, ни о чем не догадывалась и считала, что внучка беседует с любимой подружкой, и рада была радехонька, что Светлана ее часто навещает.

Аллилуев В. С. 166

Вскоре Люся уехал в Сталинград. Это был канун Сталинградской битвы. Люся знал, что мне будет интересно все знать, что он увидит там — и он сделал потрясающий по своему рыцарству и легкомыслию шаг... В конце ноября, развернув «Правду», я прочла в ней статью спецкора А. Каплера — «Письмо лейтенанта Л. из Сталинграда. Письмо первое» — и дальше, в форме письма некоего лейтенанта к своей любимой, рассказывалось обо всем, что происходило тогда в Сталинграде, за которым следил в те дни весь мир.

Увидев это, я похолодела. Я представила себе, как мой отец разворачивает газету... Дело в том, что ему уже было «доложено» о моем странном, очень странном поведении. И он уже однажды намекнул мне очень недовольным тоном, что я веду себя недопустимо. Я оставила этот намек без внимания и продолжала вести себя так же, а теперь он, несомненно, прочтет эту статью, где все так понятно, — даже наше хождение в Третьяковку описано совершенно точно...

И надо же было так закончить статью: «Сейчас в Москве, наверное, идет снег. Из твоего окна видна зубчатая стена Кремля»... Боже мой, что теперь будет?!

Аллилуева С. С. 159

В те годы, когда Алексей Яковлевич был ведущим кинопанорамы, мне довелось с ним познакомиться. Однажды мы даже оказались за праздничным столом. После третьей рюмки я набрался то ли смелости, то ли наглости и спросил Алексея Яковлевича о Светлане Аллилуевой. Надо было видеть, как резко изменился этот милый, улыбчивый человек! Он мгновенно замкнулся, что-то проворчал и перевел разговор на другую тему.

Ну что ж, думаю, что теперь, когда Алексея Яковлевича давно нет с нами, можно рассказать о самом трудном и самом мрачном периоде его жизни.

Сопельняк Б. Смерть в рассрочку. М.: Гея, 1998. С. 79

2-го марта 1943 года... пришли к нему домой двое и попросили следовать за ними. И поехали они все на Лубянку. Тут увидел Люся и знаменитого нашего генерала Власика, приехавшего лично удостовериться, так ли все идет, как надо. Все шло, как надо... Люсю обыскали, объявили ему, что он арестован. Мотивы — связи с иностранцами. Он действительно бывал не раз за границей, и в Москве знал едва ли не всех иностранных корреспондентов. Этого он не мог отрицать. И этого было уже достаточно для обвинения в чем угодно...

Аллилуева С. С. 161

Во время уроков она показывала мне газету со статьей «Письма с фронта», которая, несомненно, была адресована ей. Я ее читала, держа газету под партой.

М. Пешкова.

Цит. по: Краскова С. С. 184

3-го марта утром, когда я собиралась в школу, неожиданно домой приехал отец, что было совершенно необычно. Он прошел своим быстрым шагом прямо в мою комнату, где от одного его взгляда окаменела моя няня, да так и приросла к полу в углу комнаты... Я никогда еще не видела отца таким. Обычно сдержанный и на слова и на эмоции, он задыхался от гнева, он едва мог говорить: «Где, где это все? — выговорил он, — где все эти письма твоего писателя?»

Нельзя передать, с каким презрением выговорил он слово «писатель»... «Мне все известно! Все твои телефонные разговоры — вот они, здесь! — он похлопал себя рукой по карману. — Ну! Давай сюда! Твой Каплер английский шпион, он арестован!»

Я достала из своего стола все Люсины записки и фотографии с его надписями, которые он привез мне из Сталинграда. Тут были и его записные книжки, и наброски рассказов, и один новый сценарий о Шостаковиче. Тут было и длинное печальное прощальное письмо Люси, которое он дал мне в день рождения — на память о нем. «А я люблю его!» — сказала, наконец, я, обретя дар речи. «Любишь!» — выкрикнул отец с невыразимой злостью к самому этому слову — и я получила две пощечины, — впервые в своей жизни.

«Подумайте, няня, до чего она дошла! — он не мог больше сдерживаться. — Идет такая война, а она занята ...!» — и он произнес грубые мужицкие слова, — других слов он не находил... «Нет, нет, нет, — повторяла моя няня, стоя в углу и отмахиваясь от чего-то страшного пухлой своей рукой, — нет, нет, нет!»

«Как так — нет?! — не унимался отец, хотя после пощечин он уже выдохся и стал говорить спокойнее. — Как так нет, я все знаю!» И, взглянув на меня, произнес то, что сразило меня наповал: «Ты бы посмотрела на себя — кому ты нужна?! У него кругом бабы, дура!» И ушел к себе в столовую, забрав все, чтобы прочитать своими глазами.

Аллилуева С. С. 161–162

Она была хороша тогда по признаниям внучек Горького Марфы и Дарьи: «Зеленоглазая, живая, с копной рыжих волос — чудо! И умница.

Васильева Л. С. 186

У меня все было сломано в душе. Последние его слова попали в точку. Можно было бы безрезультатно пытаться очернить в моих глазах Люсю — это не имело бы успеха. Но, когда мне сказали — «Посмотри на себя» — тут я поняла, что действительно, кому могла быть я нужна? Разве мог Люся всерьез полюбить меня? Зачем я была нужна ему? Фразу о том, что «твой Каплер — английский шпион», я даже как-то не осознала сразу. И только лишь, машинально продолжая собираться в

школу, поняла, наконец, что произошло с Люсей... Но все это было как во сне.

Как во сне я вернулась из школы. «Зайди в столовую к папе» — сказали мне. Я пошла молча. Отец рвал и бросал в корзину мои письма и фотографии. «Писатель! — бормотал он. — Не умеет толком писать по-русски! Уж не могла себе русского найти!» То, что Каплер — еврей, раздражало его, кажется, больше всего...

Аллилуева С. С. 162

Пока великовозрастный ухажер по командировке «Правды» изучает фронтовую жизнь где-то под Сталинградом, а успокоившаяся Светлана прилежно занимается в московской школе № 175, получая заслуженные «пятерки», самое время сказать о том вреде, который причинил многим людям, миллионам людей, Каплер своим необдуманном поведением. У таких деятелей, как Сталин, личное неразрывно связано с общественным. Хотел того Каплер или нет, скорее всего, не хотел, но он спровоцировал Иосифа Виссарионовича на новую вспышку антисемитизма, которая не угаснет до самой смерти, превратив интернационалиста Сталина в убеждённого активного «жидоеда». Увы, это так.

Пунктирно проследим предысторию. Сразу после Октябрьской революции Сталин становится Наркомом по делам национальностей и лучше других видит удивительную аномалию. В стране, где евреев всего два-три процента, они захватывают почти все руководящие посты в партии, в государстве, в карательных органах. Нагло осуществляют местечковый лозунг: «Дайте нам равные права, а остальное мы

возьмем сами». И берут, отбрасывая тех, кто мешает. Свердлов и Троцкий приступают к уничтожению казачества — Сталин, Ворошилов, Будённый срывают их замыслы, к середине тридцатых годов вообще восстанавливая донскую и кубанскую конницу, даже с ее особой традиционной формой. Далее. В ответ на «белый террор» объявляется «красный террор». Только в Петрограде под руководством Зиновьева при одобрении Троцкого без суда и следствия ликвидировано около десяти тысяч лучших представителей русской интеллигенции. В этом огромном трагическом списке нет ни одной еврейской фамилии. Зато освободившиеся квартиры и должности сразу же были заняты новыми лицами, понятно какими. Сталин в ту пору еще не имел такого влияния, чтобы остановить расправу...

К концу тридцатых годов, когда был уничтожен Троцкий, смещены с высоких постов его последователи, установлена в руководящих звеньях некая национальная пропорциональность, пресловутый «еврейский вопрос» начал затухать сам собой. Наверно, он вообще исчез бы, если бы представители еврейской нации не будировали его. Они действительно стучали во все двери, лезли во все щели, требуя особых преимуществ. Добились же, что создан был у нас Еврейский антифашистский комитет, единственный такой комитет по национальному признаку. «Триумвират» соорганизовался — ну, не могли они жить спокойно, как все. Одни неприятности от их претензий...

Характерная деталь. На первом же после скандала с Каплером Пленуме ЦК Иосиф Виссарионович произнес (цитирую по памяти) такие фразы: «Необходимо опять заняться проклятым вопросом, которым я занимался всю жизнь, но, как видно, немногого достиг. Это

национальный вопрос... Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведётся за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются. Великая Отечественная война ведется за спасение, за свободу и независимость нашей Родины во главе с великим русским народом».

Успенский В. Тайный советник вождя. М. 1996. С. 356

Имеющимися материалами Каплер А.Я. изобличается в том, что, будучи антисоветски настроенным, в своем окружении вел враждебные разговоры и клеветал на руководителей ВКП(б) и советского правительства. Каплер поддерживал близкую связь с иностранцами, подозрительными по шпионажу.

Из приговора в деле № 6863 по обвинению А. Каплера

Обо мне, разумеется, не было произнесено ни одного слова. Так началась для Люси иная жизнь, которая продолжалась для него, начиная с этого дня, десять лет...

Аллилуева С. С. 161

Обвиняемый Каплер А.Я., ознакомившись с материалами дела, заявил, что виновным себя в предъявленном обвинении не признает. Вместе с тем Каплер заявил, что до ареста, будучи облечен доверием и щедро награжден, вел себя нескромно, «по-богемски», в разговорах и поведении был иногда легкомыслен,

зазнался, и все это могло служить поводом для ложного толкования и извращения фактов заинтересованными лицами.

Лист в деле А. Каплера
от 10 ноября 1943 г.

Клеветой в отношении руководителей партии и правительства не занимался, был и остался беспредельно преданным Сталину и глубоко уважающим всех руководителей партии и правительства.

Дописано рукой А. Каплера
на страницах дела за 10 ноября 1943 г.

Каплера Алексея Яковлевича за антисоветскую агитацию заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет.

Приговор в деле А. Каплера
от 10 ноября 1943 г.

Люся был вскоре выслан на север на пять лет. Он жил в Воркуте, работал в театре. По окончании срока он решил уехать в Киев, к своим родителям (в Москву ему не разрешалось вернуться). Но он, все-таки, ненадолго приехал в Москву, несмотря на всю опасность.

Это был 1948 год...

Он приехал. И, когда он сел в поезд, чтобы ехать в Киев, то в вагон вошли, и со следующей станции он был увезен совсем в другом направлении... Теперь уж его

выслали не на поселение, а в лагеря, в страшные лагеря под Интой, работать в шахте. Еще пять лет. За слушание...

Аллилуева С. С. 163

Не будет преувеличением утверждать, что почти каждый (или уж, по крайней мере, подавлявшее большинство) человек с «кавказским менталитетом», оказавшись они на месте Сталина, — то есть в ситуации «совращения» дочери-школьницы сорокалетним мужчиной и при наличии безграничной власти — поступил бы гораздо более жестоко! В разгар своего «романа» Каплер выезжал в Сталинград (откуда прислал в «Правду» любовное письмо «лейтенанта Л.» — то есть «Люси», — вполне очевидно обращённое к Светлане). И Сталину ничего не стоило отдать тайный приказ пристрелить Каплера в прифронтовой обстановке, — хотя, конечно, и в Москве для этого годился любой «несчастный случай»... Тем не менее, сталинская «всепожирающая месть» (по выражению А.В. Антонова-Овсеенко) не пошла дальше «административной высылки» Каплера, которая в те суровые времена явно была редким исключением, а не правилом...

Кожин В. Россия. Век XX-й. М. 1999

Весной 1943 года я окончила школу. С отцом мы не встречались и даже не разговаривали по телефону четыре месяца, с того дня 3-го марта. Лишь в июле я позвонила к нему и сказала, что школу окончила. «Приезжай!» — буркнул он.

Я показала ему аттестат и сказала, что хочу поступать в университет, на филологический. Меня тянуло к литературе, и это же советовала мне Анна Алексеевна, наша школьная учительница.

«В литераторы хочешь! — недовольно проговорил отец, — так и тянет тебя в эту богему! Они же необразованные все, и ты хочешь быть такой... Нет, ты получи хорошее образование, — ну хотя бы на историческом. Надо знать историю общества, — литератору тоже это необходимо. Изучи историю, а потом занимайся, чем хочешь...» Таково было его резюме. И хотя оно было слишком категоричным, а я уже собралась с подругой вместе подавать на филологический, — я, все-таки, еще раз поверила авторитету отца и поступила на исторический факультет.

Я никогда не жалею об этом.

Аллилуева С. С. 165

Летом 1943 года Светлана закончила школу и поступила в Московский университет на исторический факультет. Была с этим связана одна забавная история. Не помню почему, но она вовремя не представила документы в приемную комиссию, а когда собралась это сделать, прием был уже закончен. Как раз в тот день Светлана встретила с отцом. Тот поинтересовался, где она думает учиться дальше. Светлана ответила и рассказала о своей неудаче. «А ты пойдешь к председателю приемной комиссии и хорошенько попроси его. Я думаю, тебе помогут», — посоветовал Сталин.

Светлана так и сделала, но вопреки ее ожиданиям председатель только развел руками. Ничем, мол, помочь

не могу, прием документов действительно закончен. «А папа сказал, что вы мне поможете», — пролепетала вконец обескураженная Светлана. «У вас, видимо, очень грозный папа», — улыбнулся председатель и только тут поинтересовался фамилией абитуриентки. И он действительно помог...

Аллилуев В. С. 169–170

Я думаю, что эта несостоявшаяся любовь во многом сломала ее и предопределила будущее...

М. Пешкова.

Цит. по: Краскова С. С. 185

Василий был изгнан из Зубалова, — как и я, — «за разложение» и — по личному приказу отца (в его качестве министра обороны!) — получил десять суток карцера.

Аллилуева С. С. 166

Все эти семейные неурядицы, конечно, самым неприятным образом действовали на Сталина. Усугублялось это тем, что именно в этот период продолжались наши крупнейшие неудачи на фронтах...

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 123

Керчь. Май 1942

В мае 1942 г., будучи представителем Ставки ВГК на Крымском фронте, Мехлис не сумел обеспечить организацию обороны. Проявив удивительную самонадеянность, он стал вмешиваться во все дела и, по существу, стал во главе командования. За короткий срок Мехлис перетасовал всех командиров. Даже такой крупный военный деятель, как маршал С.М. Буденный (он в это время был главкомом войсками Северо-Кавказского направления, а затем командующим Северо-Кавказским фронтом) не мог ничего сделать и призвать к порядку Мехлиса. Последний никому не хотел подчиняться, заявляя, что он назначен Ставкой и только перед ней должен отчитываться. Начатое противником наступление закончилось полным поражением советских войск...

Я. Чадаев.

Цит. по: *Куманев Г. С.* 436–438

Семь лет назад один из наших писателей-фронтовиков писал мне следующее:

«Я был на Керченском полуострове в 1942 году. Мне ясна причина позорнейшего поражения. Полное недоверие командующим армиями и фронтом, самодурство и дикий произвол Мехлиса, человека неграмотного в военном деле... Запретил рыть окопы, чтобы не подрывать наступательного духа солдат. Выдвинул тяжелую артиллерию и штабы армии на самую передовую и т. д. Три армии стояли на фронте 16

километров, дивизия занимала по фронту 600—700 метров, нигде никогда я потом не видел такой насыщенности войсками. И все это смешалось в кровавую кашу, было сброшено в море, погибло только потому, что фронтом командовал не полководец, а безумец...»

Симонов К. С. 297

Я видел Мехлиса, когда нам было приказано эвакуировать то, что еще можно было эвакуировать с Керченского полуострова. Кстати сказать, мы эвакуировали все-таки 121 000 человек, и, несмотря на позор нашего поражения и размеры его, об этом тоже нельзя забывать. Нельзя представлять себе дело так, что все там погибли и никто не выжил. Так вот, в эти последние дни, когда мне было приказано участвовать в эвакуации, я видел там, под Керчью, Мехлиса. Он делал вид, что ищет смерти. У него был не то разбит, не то легко ранен лоб, но повязки не было, там была кровавая царапина с кровоподтеками; он был небрит несколько дней. Руки и ноги были в грязи, он, видимо, помогал шоферу вытаскивать машину и после этого не считал нужным привести себя в порядок. Вид был отчаянный. Машина у него тоже была какая-то имевшая совершенно отчаянный вид, и ездил он вдвоем с шофером, без всякой охраны. Несмотря на трагичность положения, было что-то в этом показное, — человек показывает, что он ищет смерти.

В ответ на эти слова Исакова я сказал, что Мехлис, может быть, не только показывал, что ищет смерти, но и действительно искал ее тогда.

— Возможно, — сказал он. — Может быть, и искал. Но при этом показывал, что ищет смерти, подчеркивал и

это, и мне было противно от этого, и до сих пор остается противным.

Я сказал, что, по моим наблюдениям, Мехлис храбрый человек.

— Да, если хотите. Он там, под Керчью, лез все время вперед, вперед. Знаю также, что на финском фронте он бывал в боях, ходил в рядах батальона в атаку. Но, во-первых, это ни в чем не оправдывает его — ни в бездарных действиях в финскую войну, ни в керченской катастрофе, за которую на нем лежит главная ответственность. На мой взгляд, он не храбрый, он нервозный, взвинченный, фанатичный. Между прочим, я присутствовал у Сталина на обсуждении итогов финской войны, и там был Мехлис, был Тимошенко, был Ворошилов. Мехлис несколько раз вылезал то с комментариями, то с репликой, после чего вдруг Сталин сказал:

— А Мехлис вообще фанатик, его нельзя подпускать к армии.

Я помню, меня тогда удивило, что, несмотря на эти слова, Мехлис продолжал на этом заседании держаться как ни в чем не бывало и еще не раз вылезал со своими репликами.

И. Исаков.

Цит. по: *Симонов К. С.* 351–352

После окончания советско-финской войны был созван Пленум Центрального Комитета партии по итогам войны и о состоянии наших Вооруженных Сил. На этом Пленуме нарком обороны Ворошилов выступил с

докладом о состоянии армии и нарисовал в нем очень мрачную картину состояния Красной Армии. Он сделал вывод, что во всем этом деле его вина, Ворошилова, и поэтому просит Центральный Комитет партии освободить его от должности наркома. Ведь он уже почти 15 лет возглавляет НКО. А за это время у всякого может притупиться острота восприятия, недостатки могут казаться обычным явлением.

После выступления Ворошилова Мехлис берет слово и начинает поносить Ворошилова: нет, товарищи, Ворошилов так не должен уйти от этого деда, его надо строжайше наказать. Одним словом, хотя бы арестовать.

После этой истерики Сталин выходит из-за стола Президиума, поднимается на трибуну, отталкивает Мехлиса и говорит:

— Товарищи! Вот тут Мехлис произнес истерическую речь. Я первый раз в жизни встречаю такого наркома, чтобы с такой откровенностью и остротой раскритиковал свою деятельность. Но, с другой стороны, если Мехлис считает для него это неудовлетворительным, то если я вам начну рассказывать о Мехлисе, что Мехлис из себя представляет, то от него мокрого места не останется... И сошел с трибуны.

А. Хрулев (в то время начальник снабжения Красной Армии).

Цит. по: *Куманев Г. С. 352*

Днем 3 июня 1942 г. я зашел в приемную Сталина, где встретил Мехлиса. Передо мной стоял усталый,

осунувшийся, ничем, казалось, особенно не выделяющийся, человек.

Сталина в кабинете еще не было. Поскребышев сидел, склонившись над бумагами, подбирая их для доклада Верховному.

— Сегодня у «хозяина» очень занятый день, — сказал он. — Сколько неприятных донесений, — черт бы их побрал!

Мехлис заинтересовано устремил взгляд в сторону Поскребышева, но Александр Николаевич молчал.

— Вероятно, что-нибудь неприятное произошло на фронте? — спросил Мехлис.

— Вам больше знать, ведь Вы только что с фронта прибыли...

— Да, с фронта. И я хочу доложить товарищу Сталину о наших злополучных делах.

— К сожалению, именно злополучных. Теперь и Севастополь под угрозой, — вот-вот падет, а затем могут последовать и другие неприятности.

Поскребышев сердито добавил:

— Видимо, руководство операцией было не на высоте. Товарищ Сталин очень недоволен, что Керчь прошляпили. Ведь сил и техники там хватало, чтобы дать немцам по зубам.

Мехлис покраснел и заявил в ответ, что со стороны всегда все кажется иначе и что он все объяснит товарищу Сталину.

— Вы, вероятно, считаете, — вмешался я, — что причины нашего поражения под Керчью объективные,

вызванные только обстоятельствами сложившейся обстановки?

— Что, что Вы сказали?

Я повторил свой вопрос, добавив, что допущенный провал очень мало объясним, с моей точки зрения. Всё довольно ясно.

— Именно с Вашей точки зрения! — иронически и зло изрек Мехлис. — Вы же не военный, а я кадровый военный работник! Как Вы можете!..

Но в это время в дверях появился Сталин.

Мехлис соскочил с места.

— Здравствуйте, товарищ Сталин! Разрешите Вам доложить.

Сталин чуть приостановился, на мгновение взглянул на Мехлиса сверху вниз и с волнением в голосе произнес:

— Будьте Вы прокляты!

И тут же вошел в кабинет, захлопнув за собой дверь. Мехлис медленно опустил руки по швам и отвернулся к окну... Я понял, что ждать не стоит, и вышел из приемной. Как потом я узнал от Поскребышева, Мехлис, какое-то время спустя, был все же принят в тот день Сталиным. Виновник крымской катастрофы буквально валялся в ногах у вождя. И представьте — смог избежать вполне заслуженной суровой кары. Он был снят со всех постов и понижен в воинском звании, но уже через месяц стал членом Военного совета 6-й армии, затем членом Военного совета Воронежского и ряда других фронтов. А в 1944 г. Мехлис снова получил повышение в воинском звании, став генерал-полковником.

Я. Чадаев.

Цит. по: *Куманев Г. С.* 436–438

...Генерал-лейтенант Г. Ф. Самойлович, Герой Советского Союза, рассказал мне такой эпизод. Когда Мехлиса, виновного в крупном поражении наших войск, решили предать суду военного трибунала, он явился к Сталину и упал на колени:

— Товарищ Сталин! Прикажете расстрелять эту дурацкую жидовскую башку!

— Ну, раз такая самокритика, — сказал Сталин. Мехлиса простили...

Чуев Ф. С. 551

Бывший командующий фронтом Рокоссовский рассказал мне, как он случайно оказался свидетелем последнего разговора Сталина с Козловым, уже смещенным с должности командующего Крымским фронтом после Керченской катастрофы.

Рокоссовский получил новое назначение, кажется, шел с армии на фронт. Это было в конце мая или в июне 1942 года. В самом конце разговора у Сталина на эту тему, когда Рокоссовский уже собирался попрощаться, вошел Поскребышев и сказал, что прибыл и ждет приема Козлов. Сталин сначала было простился с Рокоссовским, а потом вдруг задержал его и сказал:

— Подождите немного, тут у меня будет один разговор, интересный, может быть, для вас. Побудьте.

И, обращаясь к Поскребышеву, сказал, чтобы вызвали Козлова.

Козлов вошел, и хотя это было очень скоро после Керченской катастрофы, все это было еще очень свежо в памяти, Сталин встретил его совершенно спокойно, ничем не показал ни гнева, ни неприязни. Поздоровался за руку и сказал:

— Слушаю вас. Вы просили, чтобы я вас принял. Какие у вас ко мне вопросы?

Козлов, который сам попросился на прием к Сталину после того, как был издан приказ о смещении его с должности командующего Крымским фронтом и о снижении в звании, стал говорить о том, что он считает, что это несправедливо по отношению к нему, что он делал все, что мог, чтобы овладеть положением, приложил все силы. Говорил он все это в очень взвинченном, истерическом тоне.

Сталин спокойно выслушал его, не перебивая. Слушал долго. Потом спросил:

— У вас все?

— Да.

— Вот видите, вы хотели сделать все, что могли, но не смогли сделать того, что были должны сделать.

В ответ на эти слова, сказанные очень спокойно, Козлов стал говорить о Мехлисе, что Мехлис не давал ему делать то, что он считал нужным, вмешивался, давил на него, и он не имел возможности командовать из-за Мехлиса так, как считал необходимым.

Сталин спокойно остановил его и спросил:

— Подождите, товарищ Козлов! Скажите, кто был у вас командующим фронтом, вы или Мехлис?

— Я.

— Значит, вы командовали фронтом?

— Да.

— Ваши приказаны обязаны были выполнять все на фронте?

— Да, но...

— Вы как командующий отвечали за ход операции?

— Да, но...

— Подождите. Мехлис не был командующим фронтом?

— Не был...

— Значит, вы командующий фронтом, а Мехлис не командующий фронтом? Значит, вы должны были командовать, а не Мехлис, да?

— Да, но...

— Подождите. Вы командующий фронтом?

— Я, но он мне не давал командовать.

— Почему же вы не позвонили и не сообщили?

— Я хотел позвонить, но не имел возможности.

— Почему?

— Со мною все время находился Мехлис, и я не мог позвонить без него. Мне пришлось бы звонить в его присутствии.

— Хорошо. Почему же вы не могли позвонить в его присутствии?

Молчит.

— Почему, если вы считали, что правы вы, а не он, почему же не могли позвонить в его присутствии?

— Очевидно, вы, товарищ Козлов, боялись Мехлиса больше, чем немцев?

— Вы не знаете Мехлиса, товарищ Сталин, — воскликнул Козлов.

— Ну, это, положим, неверно, товарищ Козлов. Я-то знаю товарища Мехлиса. А теперь хочу вас спросить: почему вы жалуетесь? Вы командовали фронтом, вы отвечали за действия фронта, с вас за это спрашивается, вы за это смещены. Я считаю, что все правильно сделано с вами, товарищ Козлов.

Потом, когда Козлов ушел, он повернулся к Рокоссовскому и, прощаясь с ним, сказал:

— Вот какой интересный разговор, товарищ Рокоссовский.

И. Исаков.

Цит. по: *Симонов К. С.* 340–342

Секретари правления Союза писателей СССР Фадеев и Макарьев пожаловались Сталину на главного редактора «Правды» Л. З. Мехлиса. (Об этом мне рассказал писатель Михаил Бубеннов:)

Сталин сказал в ответ:

— Это страшный человек, Мехлис. Просите о чем угодно, но с ним я ничего не могу сделать. Он работал у меня помощником, и был случай, когда уборщица не успела протопить печи в Кремле, опоздала на работу,

что-то у нее дома случилось. Мехлис ее уволил, — дескать, не заботится о здоровье товарища Сталина. Она пришла ко мне в слезах, и я ее восстановил на работе. Но не тут-то было! Ко мне является Мехлис и кладет мне на стол заявление с просьбой уволить его по собственному желанию. Я удивился, а он говорит, что поскольку я отменил его приказ, то теперь у него не будет авторитета среди подчиненных. Я ему говорю: «Забери заявление и иди работай!».

Он послушался, забрал заявление, но часа через два снова приходит: «Я все обдумал и все-таки считаю нужным подать заявление». Я ему говорю: «Слушай, не морочь мне голову, порви это заявление, я сижу здесь, ты сидишь там, иди работай!»

Послушал, но через некоторое время снова приходит. Я вынужден был отправить его в «Правду». Это страшный человек. Ничего не могу с ним поделать, — повторил Сталин.

Чуев Ф. С. 550–551

Мы стоим и разговариваем с Мехлисом (Мехлис — еврей). Выходит из своего кабинета Сталин и подходит к нам. Мехлис говорит: «Вот, товарищ Сталин, получено письмо от товарища Файвиловича. Товарищ Файвилович очень недоволен поведением ЦК. Он протестует, ставит ЦК на вид, требует, считает политику ЦК ошибочной и т.д. (Надо пояснить: товарищ Файвилович — четвертый секретарь ЦК комсомола).

Сталин вспышивает: «Что этот паршивый жидёнок себе воображает!» Тут же товарищ Сталин соображает, что он сказал что-то лишнее. Он поворачивается и

уходит к себе в кабинет. Я смотрю на Мехлиса с любопытством: «Ну, как, Левка, проглотил?» — «Что? Что? — делает вид, что удивляется, Мехлис. — В чем дело?» — «Как в чем?.. — говорю я. — Ты все ж-таки еврей». — «Нет, говорит Мехлис, — я не еврей, я — коммунист».

Это удобная позиция. Она позволит Мехлису до конца его дней быть верным и преданным сталинцем, и оказывать Сталину незаменимые услуги.

Бажанов Б. С. 123

Сталин воюет

— А как Сталин справлялся с обязанностями председателя ГКО и Верховного Главнокомандующего? — задаю вопрос Микояну. — Всегда ли был «на высоте»?

— К сожалению, далеко не всегда, особенно в первые месяцы войны, — говорит Анастас Иванович.

Эти слова он, в частности, подтвердил следующим примером.

— Хорошо запомнил день 18 мая сорок второго года, когда возникла серьезная опасность провала нашей Харьковской наступательной операции. Поздно вечером несколько членов Политбюро ЦК: Молотов, Берия, Калинин, Маленков, кажется, Андреев и я находились в кабинете Сталина. Мы уже знали, что Сталин отклонил просьбу Военного Совета Юго-Западного направления

прекратить дальнейшее наступление советских войск на Харьков из-за угрозы их окружения. Внезапно раздался телефонный сигнал.

«Узнай, кто и что надо?» — сказал Сталин Маленкову.

Тот взял трубку и сообщил, что звонит Хрущев (он тогда являлся членом Военного Совета Юго-Западного направления).

— Чего он хочет? — спрашивает Сталин.

— Хрущев от имени командования просит разрешения немедленно прекратить наступление на Харьков, чтобы сосредоточить основные усилия для отражения контрудара противника, — говорит Маленков.

— Передай ему, что приказы не обсуждаются, а выполняются, — заявил Сталин. — И повесь трубку.

Маленков так и сделал.

— Меня тогда просто поразило, — подчеркнул Микоян. — Человек звонит из самого пекла, надо срочно во всем разобраться и принять какие-то экстренные решительные меры — и такое пренебрежительно-барское отношение со стороны лица, несущего на своих плечах столь высокую ответственность. Чем все это закончилось тогда для нас под Харьковом, вы знаете.

Добавлю, что где-то в начале 1944 г., кажется, перед Пленумом ЦК, несколько членов Политбюро собрались в кабинете у Сталина. Был и Никита Хрущев. Тут я возьми и скажи:

— А прав был тогда Никита Сергеевич насчет немедленного прекращения наступления на Харьков...

Вы не представляете, как свирепо посмотрел на меня Сталин, и я был не рад, что затронул эту тему.

Куманев Г. *С. 33–34*

Во время войны, он безусловно был тронут. Мне кажется, что у него психика была как-то нарушена, потому что раньше Сталин вел себя довольно строго и держался, как положено держаться человеку, занимающему такой высокий пост.

Хрущев Н. Т. 2. С. 149

Наблюдая за ним в эти трудные годы, я поражаюсь его работоспособности. Как я уже говорил, он очень мало спал, напряжение было огромное, а годы у него были уже немолодые, все это не могло не отразиться в дальнейшем на его здоровье и нервах.

Н. Власик.

Цит. по: *Логинов В. С. 128*

И Великую Отечественную войну мы могли выиграть только благодаря коммунистической системе. Я ведь войну с первого дня видел, всю ее прошел, я знаю, что и как было. Если бы не Сталин, не сталинское руководство, разгромили бы нас уже в 1941 году.

Зиновьев А. // Советская Россия. 1997. 16 сент.

Если можно так выразиться, знатоками психологии ведения войны каждый в свое время и в своих масштабах были, как мне лично представляется, Александр

Македонский, Александр Невский, Дмитрий Донской, в более позднее время — Суворов, Кутузов, Наполеон и в эпоху XX века, конечно, Сталин. Совершенно ясно, что пословица «один в поле не воин» относится к каждому из перечисленных выше. Все они имели достойных полководцев. У Наполеона это были маршалы Ней, Мюрат, начальник штаба Бертье и другие, у Кутузова — Багратион, Раевский, Давыдов и другие, у Сталина — Жуков, Рокоссовский, начальник Генерального штаба Шапошников, потом Василевский и многие другие. Однако как решение вопросов ведения войны, так и вся ответственность за них лежала и лежит на плечах основных руководителей. Как пример можно привести, что всю ответственность за внезапность неожиданного по времени нападения Гитлера на нашу страну и первоначальные результаты мы возлагаем на Сталина, ибо он стоял во главе государства, хотя к этому имеют прямое отношение и С. К. Тимошенко — как нарком обороны, и Г. К. Жуков — как начальник Генерального штаба, и ряд других товарищей. К ним, как известно, каких-то особых претензий не предъявляется. Точно так же правомерно говорить и о стратегических, имеющих мировое значение победах и относить их тоже на счет тех людей, которые стояли во главе тех или иных кампаний или войны в целом и отвечали за их исход. Это логика...

А. Голованов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 325–326*

Далее. Вся стратегия Генерального штаба: отступление, оборона, наступление — подсказывалась Сталиным. Он был готов к большим массовым действиям,

стратегического масштаба, а не руководить какими-то тактическими операциями. Ими занимались другие. Овладеть всеми вопросами военной тактики от Сталина и не требовалось. Но в крупных стратегических операциях он как Верховный Главнокомандующий и председатель Ставки благодаря своим знаниям, природному уму, поразительной памяти и другим большим способностям разбирался весьма неплохо. Это общее и объективное мнение военных специалистов, которые его окружали. Согласен я только с тем, что к началу Великой Отечественной войны опыта у Сталина как военного стратега было, конечно, меньше, чем к концу ее. Но это естественно, это можно сказать о любом нашем военачальнике, полководце.

Л. Каганович.

Цит. по: *Куманев Г. С. 71*

Во время беседы он производил сильное впечатление: способность четко формулировать мысль, природный ум и редкая память... Поразительная работоспособность, умение быстро схватывать на лету суть дела позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество материала, которое было под силу только незаурядному человеку... Могу твердо сказать, он владел основными принципами организации фронтовых операций и групп фронтов. И руководил ими со знанием дела, хорошо разбирался в больших стратегических вопросах. Он был достойным Главнокомандующим.

Жуков Г. Т. 2. С. 521

После войны Сталин стал рассказывать о Жукове всякие небылицы, в частности, он говорил мне:

— Вот вы хвалили Жукова, а ведь он этого не заслуживает. Говорят, что Жуков на фронте перед какой-либо операцией поступал так: возьмет горсть земли, понюхает ее и потом говорит: можно, мол, начинать наступление...

Хрущев Н. Т. 2. С. 123

Жуков сам был против противопоставления его Сталину. На пресс-конференции 9 июня 1945 года в Берлине для советских и иностранных корреспондентов корреспондент «Таймс» Р. Паркер спросил Г. К. Жукова:

— Принимал ли маршал Сталин повседневное деятельное участие в операциях, которые вы возглавляли?

Г. К. Жуков ответил достойно:

— Маршал Сталин деятельно и повседневно руководил всеми участками советско-германского фронта, в том числе и тем участком, на котором я находился...

Военно-исторический журнал. 1995. № 3. С. 30

Отмечая роль Сталина в достижении Победы, Молотов сказал:

— И никаким малым землям и приусадебным участкам не закрыть той большой земли, которой руководил Сталин!

Чуев Ф. С. 362

Близко узнать И. В. Сталина мне пришлось после 1940 года, когда я работал в должности начальника Генштаба, а во время войны — заместителем Верховного Главнокомандующего. О внешности И. В. Сталина писали уже не раз. Невысокого роста и непримечательный с виду, И. В. Сталин производил сильное впечатление. Лишенный позерства, он подкупал собеседника простотой общения. Свободная манера разговора, способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память даже очень искушенных и значительных людей заставляли во время беседы с И. В. Сталиным внутренне собраться и быть начеку. <...> Русский язык знал отлично и любил употреблять образные литературные сравнения, примеры, метафоры.

Жуков Г. Т. 2. С. 295.

Неоднократно я замечал, что Сталин не терпит безграмотности. Он возмущался при чтении плохо составленного документа. Иногда «экзамен» на грамотность приходилось сдавать на ходу.

Часто при обсуждении вопросов Сталин предлагал высказаться всем желающим, у некоторых сам спрашивал мнение, затем подводил итоги. Пододвинет кому-нибудь лист бумаги, карандаш и говорит:

— Пишите.

И сам диктует.

Мне не раз приходилось писать под его диктовку решения по авиационным вопросам. Он диктует и нет-нет да подойдет и через плечо поглядит, как получается. Однажды он остановился, посмотрел написанное и моей же рукой с карандашом поставил запятую.

В другой раз я не совсем удачно построил фразу. Он сказал:

— С подлежащими у вас что-то не в порядке. Вот как нужно!

И поправил.

— Если человек не может правильно изложить свои мысли, — говорил как-то Сталин, — значит, он и мыслит так же хаотично. Как же он в порученном деле наведет порядок?

Прочитав однажды документ, составленный одним военным, Сталин сказал:

— Вот безграмотный человек! А попробуй упрекнуть — сейчас начнет свою неграмотность объяснять рабоче-крестьянским происхождением. Это некультурность и неряшливость. Особенно в оборонном деле недопустимо рабочим и крестьянским происхождением объяснять недостатки своего образования, свою техническую неподготовленность, незнание дела. Враги нам скидки на социальное происхождение не сделают. Именно потому, что мы рабочие и крестьяне, мы должны быть всесторонне и безукоризненно подготовлены по всем вопросам не хуже врага.

Яковлев А. С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М., 1967. С. 401—402

Писал, как правило, сам от руки. Читал много и был широко осведомленным человеком в самых разнообразных областях. Его поразительная работоспособность, умение быстро схватывать материал позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество самого различного фактологического материала, которое было под силу только незаурядному человеку. Трудно сказать, какая черта характера преобладала в нем. Человек разносторонний и талантливый, он не был ровным. Он обладал сильной волей, характером скрытным и порывистым. Обычно спокойный и рассудительный он иногда впадал в раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он буквально менялся на глазах, еще больше бледнел, взгляд становился тяжелым и жестким. <...> Работал много, по 12—15 часов в сутки.

Жуков Г. С. 295–296

Осенью 1942 года в Москву приезжал Уинстон Черчилль.

Аллилуева С. С. 154

С аэродрома Черчилля доставили в отведенную ему резиденцию в Кунцеве. Гарриману был предоставлен особняк на улице Островского. Остальные члены делегации разместились в гостинице «Националь». Черчилля поразили удобства этой виллы, чего он никак

не ожидал в осажденной Москве. Ему сразу же приготовили горячую ванну, в которой он долго нежился после длительного и утомительного перелета. В столовой был сервирован изысканный ленч. Вышколенные официанты, разнообразные закуски, красная и черная икра, холодный поросенок, блюда кавказской, русской и французской кухни, вина, крепкие и прохладительные напитки, дорогая сервировка — всего этого лидер тори не рассчитывал встретить в стране большевиков. Он на всякий случай даже захватил с собой из Лондона сэндвичи, полагая, что в Кремле живут впроголодь. Позже, сказав об этом Сталину, он признался, что не надеялся на столь обильное угощение, съел в самолете несколько бутербродов, испортив себе аппетит. А Сталин впоследствии, в узком кругу, рассказывал об этом, приговаривая:

— Что за лицемер Черчилль! Хотел меня убедить, будто с такой комплекцией сидит в Лондоне только на сэндвичах...

Молотов заметил, что когда весной 1942 года в английской столице Черчилль пригласил его на ленч, то, кроме овсяной каши и ячменного эрзац-кофе, ничего не подавали.

— Все это дешевая игра в демократию, Вячеслав. Он тебя просто дурачил, — убежденно сказал Сталин...

Бережков В. С. 272

Как-то раз Александра Николаевна Накашидзе (воспитательница Светланы, подобранная Лаврентием Берия. — *Е. Г.*) позвонила мне и сказала, что надо приехать в город, потому что вечером Черчилль будет у

нас обедать и отец велел мне быть дома. Я поехала, думая о том, прилично ли сказать несколько слов по-английски — или уж лучше помалкивать.

Квартира наша была пуста и неуютна. В столовой у отца стояли пустые книжные шкафы, — библиотеку вывезли в Куйбышев. Домашние суетились, кто-то звонил из МИДа с рекомендациями, как надо принять иностранцев.

Аллилуева С. С. 154

Ту часть здания, где находился его кабинет, почему-то было принято называть «уголком», подобно тому как дача вождя называлась «ближней». Переводчик обычно приходил на «уголок» заблаговременно и располагался в комнате, находившейся непосредственно за кабинетом помощника Сталина А. Н. Поскребышева. Следующая комната была приемной, где обычно находились один-два охранника, а за ней — кабинет Сталина. Нельзя сказать, что охрана Сталина производила впечатление своей многочисленностью. Вероятно, охранников было более чем достаточно, но они располагались так, чтобы не мозолить глаза.

Трояновский О. С. 147

В служебных апартаментах Сталина царила деловая, спокойная атмосфера. В небольшой комнате рядом с секретариатом, куда я поначалу заходил в ожидании сигнала, что гости миновали Спасские ворота, на раскрашенных яркими цветами черных подносах стояли стаканы и бутылки с боржоми, а у стены выстроился ряд простых стульев. Некоторые авторы сейчас утверждают,

что всех посетителей, даже Молотова, перед кабинетом вождя обыскивали, что под креслами находились электронные приборы для проверки, не спрятал ли кто-то оружие. Ничего подобного не было. Во-первых, тогда еще не существовало электронных систем, а во-вторых, за все почти четыре года, что я приходил к Сталину, меня ни разу не обыскивали и вообще не подвергали каким-либо специальным проверкам. Между тем в наиболее тревожные последние месяцы 1941 года, когда опасались заброшенных в столицу немецких агентов, каждому из нас выдали пистолет. У меня, например, был маленький «вальтер», который легко можно было спрятать в кармане. Когда около шести утра заканчивалась работа, я, взяв его из сейфа, отправлялся в здание Наркоминдела на Кузнецком, где в подвале можно было немного отдохнуть, не реагируя на частые воздушные тревоги. В осенние и зимние месяцы светало поздно, и улицы были погружены во мрак. Правда, часто попадался комендантский патруль, проверял документы. Но ведь мог встретиться и немецкий диверсант. Вот на сей случай и полагалось оружие. По приходе в Кремль на работу следовало спрятать пистолет в сейф. Но никто не проверял, сделал ли я это и не взял ли оружие, отправляясь к Сталину.

Бережков В. С. 235–236

В своих воспоминаниях Черчилль образно описывает импровизированный ужин в Кремле у Сталина. Но у Сталина постоянно так ужинали.

В просторной, без украшений, но отделанной со вкусом столовой на передней половине длинного стола были расставлены разнообразные блюда в подогретых и

покрытых крышками тяжелых серебряных мисках, а также напитки, тарелки и другая посуда. Каждый обслуживал себя сам и садился куда хотел вокруг свободной половины стола. Сталин никогда не сидел во главе, но всегда садился на один и тот же стул: первый слева от главы стола.

Выбор еды и напитков был огромным — преобладали мясные блюда и крепкие водки. Но все остальное было простым, без претензий. Никто из прислуги не появлялся, если Сталин не звонил, а понадобилось это только один раз, когда я захотел пива. Войти в столовую мог только дежурный офицер. Каждый ел, что хотел и сколько хотел, предлагали и побуждали только пить — просто так и под здравицы.

Такой ужин обычно длился по шести и более часов — от десяти вечера до четырех-пяти утра. Ели и пили не спеша, под непринужденный разговор, который от шуток и анекдотов переходил на самые серьезные политические и даже философские темы. На этих ужинах в неофициальной обстановке приобретала свой подлинный облик значительная часть советской политики, они же были и наиболее частым и самым подходящим видом развлечения и единственной роскошью в однообразной и угрюмой жизни Сталина.

Джилас М. С. 72–73

Наконец, все гости прошли по коридору в столовую, и я отправилась туда же. Отец был чрезвычайно радужен. Он был в том самом гостеприимном и любезном расположении духа, которое очаровывало всех.

Аллилуева С. С. 154

Самым простым был хозяин. Сталин был в маршальской форме и мягких сапогах, без орденов, кроме золотой звезды — ордена Героя Советского Союза на левой стороне груди. В его поведении не было ничего искусственного, не было никакой позы. Это не был величественный Сталин с фотографий или из документальных фильмов — с замедленной продуманной походкой и жестами. Он ни на минуту не оставался спокойным — занимался трубкой с белой точкой английской фирмы Данхилл, очерчивал синим карандашом основное слово темы разговора и потом его постепенно перечеркивал косыми линиями, когда дискуссия об этом приближалась к концу, поворачивал туда-сюда голову, вертелся на месте.

И еще одно меня удивило: он был малого роста, тело его было некрасивым: туловище короткое и узкое, а руки и ноги слишком длинные — левая рука и плечо как бы слегка ограничены в движениях. У него был порядочный животик, а волосы редкие, хотя совсем лысым он ни был даже на темени. Лицо у него было белым с румяными скулами — я узнал потом, что цвет этот характерен для тех, кто подолгу сидит в кабинетах, на советских верхах его называют «кремлевским». Зубы у него были черные и неправильные, загнутые внутрь. Даже усы не были густыми и представительными. Все же голова его не была отталкивающей: что-то было в ней народное, крестьянское, хозяйское — быстрые желтые глаза, смесь строгости и плутоватости.

Джилас М. С. 58–59

Из коридора дверь вела в столовую, которую украшал светлого дерева сервант с расставленной в нем красивой посудой. Около серванта, выдвигаясь на середину просторной комнаты, под матерчатым оранжевым абажуром с шелковыми кистями стоял стол и рядом диван с круглыми валиками и высокой спинкой. На столе в любое время года стояла ваза с яблоками, открытая бутылка боржоми и стакан. В углу около серванта мягко пошептывал холодильник, а к холодильнику примыкал невысокий книжный шкаф с сочинениями классиков марксизма-ленинизма.

Красиков С. С. 80

Наша беседа, длившаяся час, подходила к концу, и я поднялся и начал прощаться. Сталин вдруг, казалось, пришел в замешательство и сказал особенно сердечным тоном, каким он еще не говорил со мной: «Вы уезжаете на рассвете. Почему бы нам не отправиться ко мне домой и не выпить немного?» Я сказал, что в принципе я всегда за такую политику. Он повел меня через многочисленные коридоры и комнаты до тех пор, пока мы не вышли на безлюдную мостовую внутри Кремля и через несколько сот шагов пришли в квартиру, в которой он жил. Он показал мне свои личные комнаты, которые были среднего размера и обставлены просто и достойно. Их было четыре — столовая, кабинет, спальня и большая ванная. Вскоре появилась сначала очень старая экономка, а затем красивая рыжеволосая девушка, которая покорно поцеловала своего отца. Он взглянул на меня с усмешкой в глазах, и мне показалось, что он хотел сказать: «Видите, мы, большевики, тоже живем семейной жизнью».

Черчилль У. С. 311

Он сказал: «Это моя дочь!» — и добавил, потрепав меня рукой по голове: «Рыжая!» Уинстон Черчилль заулыбался и заметил, что он тоже в молодости был рыжим, а теперь вот — он ткнул сигарой себе в голову... Потом он сказал, что его дочь служит в королевских военно-воздушных силах. Я понимала его, но смущалась что-либо произносить.

Аллилуева С. С. 154

Дочь Сталина начала накрывать на стол, и вскоре экономка появилась с несколькими блюдами. Тем временем Сталин раскупоривал разные бутылки, которые вскоре составили внушительную батарею. Затем он сказал: «Не позвать ли нам Молотова? Он беспокоится о коммюнике. Мы могли бы договориться о нем здесь. У Молотова есть одно особенное качество — он может пить». Тогда я понял, что предстоит обед. Я собирался обедать на государственной даче номер 7, где меня ждал польский командующий генерал Андерс, но я попросил моего нового и превосходного переводчика майора Бирса позвонить и передать, что я вернусь после полуночи. Вскоре прибыл Молотов. Мы сели за стол, и с двумя переводчиками нас было пятеро. Майор Бирс жил в Москве 20 лет и отлично понимал Сталина, с которым он в течение некоторого времени вел довольно живой разговор, в котором я не мог принять участия.

Черчилль У. С. 311–312

Со мной было покончено, разговор пошел по другому руслу — о пушках, самолетах... Я почти все понимала еще до того, как переводчик В.Н.Павлов стал переводить. Но мне не дали слушать долго, — отец меня поцеловал и сказал, что я могу идти заниматься своими делами.

Аллилуева С. *С. 154*

Обед был, очевидно, импровизированным и неожиданным, но постепенно приносили все больше и больше еды. Мы отведывали всего понемногу, по русскому обычаю, пробуя многочисленные и разнообразные блюда, и потягивали различные превосходные вина. Молотов принял свой самый приветливый вид, а Сталин, чтобы еще больше улучшить атмосферу, немилосердно подшучивал над ним.

Черчилль У. *С. 312*

Сталин умел и любил играть людьми. В течение войны и в начальный период «холодной войны» он и Молотов часто разыгрывали мизансцену, в ходе которой Молотов изображал жесткого оппонента, не желавшего идти на уступки западным союзникам, а Сталин его поправлял, шел на компромиссы, а иногда шутил, как в беседе с Черчиллем в 1944 году, что Молотов — это бандит, которого надо послать в Чикаго ко всем другим гангстерам.

Трояновский О. *С. 250*

Неуступчивость и жесткость всегда проявлял Молотов, в то время как Сталин, как бы сдерживал его и всегда предлагал более «мягкий» выход, но уж это решение было зато — последним.

Похлебкин В. *С. 81*

Много лет спустя в Лондоне тот же Антони Иден, который к тому времени, похоже, разгадал эту игру, рассказывал Хрущеву, что Сталин однажды сказал ему:

«Наверное, вам бывает тяжело с Молотовым — он очень упрямый человек. Мой совет: если вы зайдете с ним в тупик, обратитесь ко мне — я постараюсь вам помочь». По словам Идена, он пару раз с разрешения Черчилля действительно обращался к Сталину, когда переговоры с Молотовым заходили в тупик, и тот подсказывал выход из положения. На самом деле это, вероятно, был вариант, который советское руководство с самого начала держало про запас.

Трояновский О. *С. 146*

Почему ему захотелось показать меня Черчиллю, мне тогда не было понятно. А, впрочем, теперь мне это понятно, — ему хотелось хоть немного выглядеть обыкновенным человеком. Черчилль был ему симпатичен, это было заметно.

Аллилуева С. *С. 154*

При каждой встрече с Черчиллем Сталин не упускал случая выказать ему свое расположение. Возможно, он полагал, что лидер английских тори готов, наконец,

строить отношения с Советским Союзом на основе взаимного доверия, готов относиться к нему, Сталину, как к равному. Немало заявлений и жестов, сделанных тогда Черчиллем, казалось, подтверждали такой вывод.

Бережков В. *С. 373*

Мне кажется, он не привык к тому, чтобы ему неоднократно противоречили...

Черчилль У. *С. 300*

Особенно размякал высокий британский гость после очередного обильного ужина в Кремле, когда оба лидера уединялись в небольшом, изящно обставленном и выдержанном в зеленых тонах кабинете, примыкавшем к Екатерининскому залу, где обычно происходили банкеты. За коньяком и кофе, дымя огромной бирманской сигарой, Черчилль не раз предавался самобичеванию, прося Сталина не таить зла за то, что Англия участвовала в интервенции против молодой Советской России.

Бережков В. *С. 373–374*

Во время обеда Сталин оживленно говорил со мной через переводчика Павлова. «Несколько лет назад, — сказал он, — нас посетили Джордж Бернارد Шоу и леди Астор. Леди Астор предложила пригласить Ллойда Джорджа посетить Москву, на что Сталин ответил: «Для чего нам приглашать его? Он возглавлял интервенцию». На что леди Астор сказала: «Это неверно. Его ввел в заблуждение Черчилль». «Во всяком случае, — сказал Сталин, — Ллойд Джордж был главой правительства и

принадлежал к левым. Он нес ответственность, а мы предпочитаем открытых врагов притворным друзьям». «Ну что же, с Черчиллем теперь покончено», — заметила леди Астор. «Я не уверен, — ответил Сталин. — В критический момент английский народ может снова обратиться к этому старому боевому коню». Здесь я прервал его замечанием: «В том, что она сказала, много правды. Я принимал весьма активное участие в интервенции, и я не хочу, чтобы вы думали иначе». Он дружелюбно улыбнулся, и тогда я спросил: «Вы простили меня?» «Премьер Сталин говорит, — перевел Павлов, — что все это относится к прошлому, а прошлое принадлежит Богу».

Черчилль У. С. 281

Главный маршал авиации А. Е. Голованов вспомнил эпизод, когда его пригласили в Кремль на обед по случаю приезда Черчилля.

«За столом было всего несколько человек. Тосты следовали один за другим, и я, — вспомнил Голованов, — с беспокойством следил за Сталиным, ведь Черчилль — известный выпивоха, устроил за столом как бы состязание со Сталиным, кто больше примет спиртного».

Чуев Ф. С. 90

Такие обеды продолжаются долго, и с самого начала было произнесено в форме очень коротких речей много тостов и ответов на них. Распространялись глупые истории о том, что эти советские обеды превращаются в попойки. В этом нет ни доли правды. Маршал и его коллеги неизменно пили после тостов из крошечных

рюмок, делая в каждом случае лишь маленький глоток. Меня изрядно угощали.

Черчилль У. С. 307

Сталин пил на равных и, когда Черчилля на руках вынесли из-за стола отдыхать, подошел к Голованову и сказал: «Что ты на меня так смотришь? Не бойся, России я не пропью, а он у меня завтра будет вертеться, как карась на сковородке!»

В воспоминаниях Голованова эта фраза не прошла. На полях было написано: «Сталин так сказать не мог».

«Не мог! Да он мне лично это говорил!» — воскликнул Александр Евгеньевич.

Чуев Ф. С. 91

... Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества операции «Торч» (плана предстоящей высадки союзников в Северной Африке. — *Е. Г.*). Он перечислил четыре основных довода в ее пользу. Во-первых, это нанесет Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвертых, это поставит Италию под непосредственный удар.

Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на

протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно.

Черчилль У. С. 296

После одной из бесед с Черчиллем в кремлевском кабинете Сталина, закончившейся около трех ночи, моему коллеге Павлову поручили проводить британского премьера до предоставленной ему под резиденцию так называемой государственной дачи номер семь, а я должен был составить для советского посольства в Вашингтоне текст телеграммы, которую, по обыкновению, сразу же подписывал Сталин.

Мой первый вариант не во всем его устроил, и, сделав несколько конкретных замечаний, он предложил мне, устроившись в конце длинного, покрытого зеленым сукном стола, переписать текст начисто. Пока я был занят этим делом, Сталин прохаживался по узорчатой ковровой дорожке, попыхивая трубкой. Молотов остался у другого конца стола, где он сидел во время беседы с Черчиллем.

Вот тогда-то я и услышал из уст нашего вождя то, о чем до сего момента он не решался поведать никому.

— Как бы, Вячеслав, нам не пришлось пополнить список правительств в изгнании, — произнес Сталин глухим голосом. — Если германцы продвинутся за Урал, это может случиться...

— Но это равносильно гибели, — как-то растерянно отреагировал Молотов.

— Погибнуть мы всегда успеем. Но стоит прикинуть, какие могут быть варианты. Говорил же Черчилль, что в

случае оккупации нацистами Англии его правительство будет продолжать борьбу с врагом из заграницы, например из Канады.

Сталин подошел к одному из свернутых вдоль стены рулонов и, потянув за шнурок, развернул карту Восточного полушария.

— Победа над СССР, в чем в таком случае будет участвовать и Япония, — продолжал Сталин, — будет означать огромное усиление держав фашистской оси. Вот почему Англия и Америка будут еще больше нуждаться в помощи советского народа и нашей партии. Подпольные обкомы, которые мы создали в конце прошлого года, когда враг подошел к воротам Москвы, не расформированы и продолжают подготовку ко всеобщей партизанской войне. Наш народ верит в партию и ее руководство и будет выполнять наши указания, даже поступающие издалека...

Проведя своей здоровой правой рукой по периметру Советского Союза, Сталин продолжал:

— Нам, конечно, не следует повторять путь в Лондон, где уже и без того больше дюжины правительств в изгнании. Я не случайно сказал вчера Черчиллю, что уже бывал в Лондоне, на съезде партии большевиков вместе с Лениным. Мне этого хватит. Но вот Индия могла бы быть подходящим местом...

И он легонько провел трубкой по огромному субконтиненту.

Меня потрясло услышанное. Но я сделал вид, что погружен в свою работу. Постарался поскорее дописать телеграмму и не мешкая выбраться из сталинского

кабинета, где на меня вдруг обрушилось это страшное предположение.

Бережков В. *С. 351–352*

У меня сложилось впечатление, что Сталин умеет глубоко и хладнокровно взвешивать все обстоятельства и не тешит себя никакими иллюзиями.

Черчилль У. Вторая мировая война. В 6 т. М., 1999.

Т. 4. Поворот судьбы. С. 4

Утром 19 октября, когда Черчилль собирался отправляться в аэропорт, ему доставили две большие картонные коробки и личную записку Сталина. В них были упакованы вазы с тонким рисунком: на одной, предназначенной для супруги премьера, был изображен «рулевой в лодке», вторая называлась «Охотник с луком против медведя». Был ли здесь заложен какой-то тайный смысл? В письмах, которыми супруги Черчилль обменивались в дни московских переговоров, они называли Сталина «старым медведем». Но как мог об этом узнать хозяин Кремля?

Бережков В. *С. 374*

Перед нашим уходом Сталин вызвал Поскребышева и распорядился:

— Виски и сигары, которые подарил мне Черчилль, отдайте военным. — Затем, обращаясь к нам, добавил:

— Попробуйте, наверно, это — неплохо.

Когда мы садились в машину, ящик с виски и коробка сигар находились уже там.

Штеменко С. М. *Генеральный штаб в годы войны.* М., 1968. С. 292

Война по глобусу

В начале осени 1942 года Верховный Главнокомандующий вызвал к себе Жукова и меня. В связи с тяжелым положением под Сталинградом, он поставил вопрос о том, чтобы взять у нас с Западного и Калининского фронтов резервы для защиты города на Волге.

Мы также тяжело переживали события на юге. Однако считали, что исходя из общей обстановки на всем фронте, снимать войска с Западного и Калининского фронтов для переброски под Сталинград нельзя. Против Калининского и Западного фронтов немцы держали крупную группировку, которая за весь период боев под Сталинградом не была уменьшена ни на одну дивизию. По нашим представлениям, противник ждал результата сражения на Волге и в любое время мог ударить на Москву. Для нас обоих это было совершенно ясно, и мы не считали возможным рисковать Московским направлением, тем более самой Москвой, ослабляя силы Западного и Калининского фронтов.

Это наше решительное сопротивление вывело Сталина из равновесия. Сначала он выслушал нас, потом

спорил, доказывал, перешел на резкости и, наконец, сказал:

— Отправляйтесь.

Мы из его кабинета перешли в комнату для ожидающих приема. Сели там за столом, разложили свои карты и стали ждать, что произойдет дальше. Мы, конечно, считали для себя невозможным уехать после того, как Сталин оборвал разговор в состоянии крайнего раздражения. Каждый из нас понимал, что столь решительное сопротивление в очевидно заранее предрешенном Сталиным вопросе могло грозить нам отставкой, а может быть, и чем-то худшим. Но в этот момент нас не пугали никакие репрессии. Мы, находясь на своих постах, считали для себя невозможным дать согласие на изъятие резервов с Западного и Калининского фронтов. Мы не могли поставить под удар Москву, за безопасность которой несли прямую ответственность.

Истекло десять или пятнадцать минут, пришел один из членов Государственного Комитета обороны. Спрашивает:

— Ну как вы? Передумали? Есть у вас что-нибудь новое, чтобы доложить товарищу Сталину?

Мы отвечаем:

— Нет, не передумали, и никаких дополнительных соображений не имеем.

Продолжаем сидеть. Через некоторое время приходит другой член Государственного Комитета обороны:

— Ну что, надумали? Есть у вас предложения? Можете доложить их товарищу Сталину?

Отвечаем:

— Нет. Нет предложений и доложить ничего не можем.

Третьим пришел Молотов и, в свою очередь, стал спрашивать, не изменился ли наш взгляд на затронутую проблему. Мы ответили ему, что нет, наш взгляд на эту проблему не изменился.

Так продолжалось больше часа. В конце концов, Сталин вызвал нас к себе снова. Когда мы пришли он, отпустив несколько нелестных замечаний по поводу нашего упрямства, в конце концов заявил:

— Ну что ж, пусть будет по-вашему. Поезжайте к себе на фронты.

Конев И. С. *493–494*

Зная огромные полномочия и поистине железную властность Сталина, я был изумлен его манерой руководить. Он мог кратко скомандовать; «Отдать корпус!» — и точка. Но Сталин с большим тактом и терпением добивался, чтобы исполнитель сам пришел к выводу о необходимости этого шага. Мне впоследствии частенько самому приходилось уже в роли командующего фронтом разговаривать с Верховным Главнокомандующим, и я убедился, что он умел прислушиваться к мнению подчиненных. Если исполнитель твердо стоял на своем и выдвигал для обоснования своей позиции веские аргументы, Сталин почти всегда уступал.

Баграмян И. Х. Так начиналась война. М.: Голос, 2000. С. 402.

(Далее цит.: *Баграмян И.*)

При всей своей властности, суровости, я бы сказал жесткости, он живо откликался на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений. Во всяком случае, насколько я помню, как правило, он не упреждал присутствующих своим выводом, оценкой, решением. Зная вес своего слова, Сталин старался до поры не обнаруживать отношения к обсуждаемой проблеме, чаще всего или сидел будто бы отрешенно, или прохаживался почти бесшумно по кабинету, так что казалось, что он весьма далек от предмета разговора, думает о чем-то своем. И вдруг раздавалась короткая реплика, порой поворачивающая разговор в новое и, как потом зачастую оказывалось, единственно верное русло.

Устинов Д. Ф. Во имя Победы. Записки наркома вооружения. М., 1988. С. 90–91

Зимой 1942 года, когда, я командовал Калининским фронтом, в генеральном штабе возникло намерение спрямить линию фронта, ликвидировать все те узоры на карте, которые образовались в результате нашего контрнаступления. На Северо-Западном фронте, где к тому времени была окружена Спас-Демьянская группировка, создался причудливый узор. На Калининском фронте был большой выступ в сторону противника у холма Великих Лук. Дальше фронт проходил возле Ржева к Сычевке, там был еще один

выступ. Потом линия фронта шла к Ржеву, Зубцову и Волоколамску.

Видимо кто-то в генеральном штабе высказал соображение, что срезав все эти выступы, оставив часть территории и выровняв фронт, мы выкроим одну-две армии для того, чтобы держать их в резерве. В связи с этим Сталин пригласил командующего Северо-Западным фронтом П. А. Курочкина, и меня, как командующего Калининским фронтом, и командующего Западным фронтом Г. К. Жукова в Ставку.

Разговор происходил в Кремле в кабинете Сталина. Докладчик от Оперативного управления Генерального штаба генерал Бодин предложил спрямить фронт. Действительно, это создало бы некоторую возможность высвободить по одной армии на Калининском и Северо-Западном фронтах. На Западном фронте, где линия фронта спрямлялась мало, сэкономить на этом вряд ли что-либо удалось.

Такое предложение было как будто выгодным. Но Сталин все-таки не принял решения по этому предложению без ведома командующих фронтами. И теперь представитель Оперативного управления докладывал соображения Генерального штаба при нас троих.

Первым было заслушано мнение генерала Курочкина. Я хорошо понимал его. До этого от него все время требовали, чтобы он ликвидировал Демьянскую группировку и непременно взял Демьянск. С этой группировкой у него было чрезвычайно много возни, а результаты не соответствовали усилиям. Очевидно, вся эта история ему надоела, и он заявил о своей согласии с предложениями Генштаба.

Потом дело дошло до меня.

— Как вы? — спросил Сталин.

Я ответил:

— Нет, товарищ Сталин, я не согласен с этим предложением. Если мы проведем его в жизнь — немец будет только доволен.

— Почему доволен? — заинтересованно спросил Сталин.

Я объяснил, что если мы и сэкономим некоторые силы на спрямлении Северо-Западного и Калининского фронтов, то и немец тоже высвободит столько же, если не больше, сил и использует их для усиления своей группировки, стоящей перед Западным фронтом и нацеленной на Москву. Сейчас, пока фронт не спрямлен, силы немцев растянуты, им не из чего создать ударную группировку. Нам это выгодно. Особенно это выгодно Западному фронту, поскольку Калининский фронт своим далеко выдвинутым на запад выступом к Холму буквально нависает над немецкими войсками, стоящими перед Западным фронтом. Немцы вынуждены держать войска вокруг всего этого выступа. А если они их смогут высвободить, то несомненно используют для создания, группировки против Западного фронта, и это может соблазнить их на новый удар по Москве.

Кроме того, заметил я, отходя от этого выступления, мы уступим немцам плацдарм, который очень бы пригодился нам в дальнейшем для развертывания наступательных действий. Этот плацдарм, оперативно выгоден не только Калининскому, но и Западному фронту.

После меня слово предоставили Жукову. Георгий Константинович заявил, что предложение Генштаба невыгодно для Западного фронта.

— Я решительно против этого, — сказал Жуков. — Я согласен с командующим Калининским фронтом. Допускать спрямление фронта, товарищ Сталин, ни в коем случае нельзя.

В ходе обмена мнениями приводились доводы и за, и против. Сталин очень внимательно выслушивал всех. А в итоге принял решение: не менять положение, не отводить войска, не утрачивать плацдармы, которые могут быть использованы для будущих наступательных действий.

В последующем это решение оправдало себя. Мы убедились, насколько были важны выдвинутые вперед плацдармы и на Северо-Западном фронте и в особенности на Калининском и Западном. Немцы не предпринимали здесь никаких активных действий в течение всего сорок второго года. В частности, не делали этого потому, что над ними все время нависала угроза наших выдвинутых вперед плацдармов. Мы в принципе могли в любое время стянуть на эти плацдармы силы и нанести удар, который выходил бы глубоко в тыл всей группировки немцев. В сложной обстановке лета и осени сорок второго года, когда шли бои под Сталинградом, конфигурация наших фронтов приковывала к себе большие силы противника.

Конев И. С. *491–493*

В связи с вашей книгой скажу кое-что о Сталинградской операции, которой мне пришлось заниматься.

В последний период, перед началом нашего ноябрьского наступления, я был на Сталинградском фронте. Облазил там буквально все, готовя наступление. Наступление было назначено на девятнадцатое — по Юго-Западному и Донскому фронтам, на двадцатое — по Сталинградскому.

Вдруг семнадцатого вечером, когда я вернулся из частей, на командном пункте раздается звонок из Ставки. Звонит Сталин.

— Здравствуйте. Есть к вам срочное дело. Вам надо прибыть в Москву.

— Как прибыть в Москву, товарищ Сталин? Послезавтра начинается наступление, я не могу ехать!

— Дело такого рода, что вам необходимо прибыть в Москву. Успеете вернуться. Надо обсудить с вами...

Я пробовал еще объяснить невозможность своего отъезда с фронта, но Сталин еще раз повторил, что дело такого рода, что мне необходимо быть завтра в Москве у него. Ни в какие объяснения он при этом не вдавался.

Утром я вылетел. Прилетел в Москву около одиннадцати утра. Позвонил Поскребышеву. Он сказал, что Сталин на «ближней даче», но, очевидно, еще спит. Я позвонил туда, Сталин действительно еще спал, и мне оставалось только ждать. Я попросил передать, что прибыл и жду его распоряжений.

Через два или три часа позвонил Поскребышев и сказал, чтобы я прибыл к шести часам вечера «на

уголок». Так называлась квартира Сталина в Кремле. Если на дачу в Кунцеве — говорили «ближняя дача», если в Кремль — «на уголок».

Когда я в шесть часов приехал, совершенно не представляя, что случилось и зачем я вызван, в кабинете у Сталина шло совещание Государственного комитета обороны. Были Маленков, Берия, Микоян, Вознесенский, Молотов.

Сталин поздоровался со мной, предложил присесть. Потом подошел к своему письменному столу, взял какой-то конверт и, сев за стол, бросил его по столу мне.

— Вот, почитайте, пока мы здесь кончим свою гражданскую войну...

Он с членами Государственного комитета обороны продолжал обсуждать какие-то начатые еще до моего прихода вопросы, а я вынул из конверта лежавшие там листы и стал их читать с величайшим изумлением.

Сталину писал командир танкового корпуса генерал Вольский. Этот танковый корпус, сводный, полнокомплектный, хорошо подготовленный, должен был стать главной ударной силой нашего прорыва на Сталинградском фронте. Именно ему предстояло отрезать немцев с юга, прорваться к Калачу навстречу танковым частям Юго-Западного фронта. Именно на этот корпус на Сталинградском фронте делалась ставка как на ударную силу. Именно в этом корпусе я особенно часто бывал в последнее время, дневал и ночевал там, проверял его подготовку, многократно разговаривал с производившим на меня отличное впечатление его командиром генералом Вольским. Именно с этим Вольским я расстался только вчера днем, из его корпуса

поехал на командный пункт фронта, где меня застал звонок Сталина.

Вольский писал Сталину примерно следующее. «Дорогой товарищ Сталин. Считаю своим долгом сообщить вам, что я не верю в успех предстоящего наступления. У нас недостаточно сил и средств для него. Я убежден, что мы не сумеем прорвать немецкую оборону и выполнить поставленную перед нами задачу. Что вся эта операция может закончиться катастрофой, что такая катастрофа вызовет неисчислимы последствия, принесет нам потери, вредно отразится на всем положении страны, и немцы после этого смогут оказаться не только на Волге, но и за Волгой...»

Дальше следовала поразившая меня подпись: «Вольский».

Я прочел эту бумагу с величайшим изумлением и недоумением. Ничто, абсолютно ничто в поведении Вольского, в его настроении, в состоянии его войск не давало возможности поверить, что именно этот человек мог написать эту бумагу.

Я прочел письмо, положил в конверт и несколько минут ждал.

Сталин закончил обсуждение вопроса, которым они занимались, поднял на меня глаза и спросил:

— Ну, что вы скажете об этом письме, товарищ Василевский?

Я сказал, что поражен этим письмом.

— А что вы думаете насчет предстоящих действий после того, как прочли это письмо?

Я ответил, что по поводу предстоящих действий продолжаю и после этого письма думать то же, что и думал: наступление надо начинать в установленные сроки, по моему глубокому убеждению, оно увенчается успехом.

Сталин выслушал меня, потом спросил:

— А как вы объясняете это письмо?

Я сказал, что не могу объяснить это письмо.

— Как вы оцениваете автора этого письма?

Я ответил, что считаю Вольского отличным командиром корпуса, способным выполнить возложенное на него задание.

— А теперь, после этого письма? — спросил Сталин.
— Можно ли его оставить на корпусе, по вашему мнению?

Я несколько секунд думал над этим, потом сказал, что я лично считаю невозможным снимать командира корпуса накануне наступления и считаю правильным оставить Вольского на его должности, но, конечно, с ним необходимо говорить.

— А вы можете меня соединить с Вольским, — спросил Сталин, — чтобы я с ним поговорил?

Я сказал, что сейчас постараюсь это сделать. Вызвал по ВЧ командный пункт фронта, приказал найти Вольского и соединиться с ним через ВЧ и полевой телефон.

Через некоторое время Вольского нашли.

Сталин взял трубку. Этот разговор мне запомнился, и был он примерно такого содержания.

— Здравствуйте, Вольский. Я прочел ваше письмо. Я никому его не показывал, о нем никто не знает. Я думаю, что вы неправильно оцениваете наши и свои возможности. Я уверен, что вы справитесь с возложенными на вас задачами и сделаете все, чтобы ваш корпус выполнил все и добился успеха. Готовы ли вы сделать все от вас зависящее, чтобы выполнить поставленную перед вами задачу?

Очевидно, последовал ответ, что готов.

Тогда Сталин сказал:

— Я верю в то, что вы выполните вашу задачу, товарищ Вольский. Желаю вам успеха. Повторяю, о вашем письме не знает никто, кроме меня и Василевского, которому я показал его. Желаю успеха. До свидания.

Он говорил все это абсолютно спокойно, с полной выдержкой, я бы сказал даже, что говорил он с Вольским мягко.

Надо сказать, что я видел Сталина в разных видах и, не преувеличивая, могу сказать, что знаю его вдоль и поперек. И если говорить о людях, которые натерпелись от него, то я натерпелся от него как никто. Бывал он и со мной, и с другими груб, непозволительно, нестерпимо груб и несправедлив. Но, надо сказать правду, что бывал и таким, каким был в этом случае...

Прилетев, выехал к танкистам на направление главного удара. Был там. Потом, когда задержалось дело в армии Чистякова и у танкистов Кравченко, выехал к Чистякову с намерением навалиться на них, дать им духу за нерешительные действия, хотя это вообще не в моем характере, но необходимо было крупно поговорить. К

счастью для Чистякова и Кравченко, положение, пока я туда добрался, исправилось, Кравченко прорвался наконец, и предстоящий нам крупный разговор не состоялся, к счастью для них, да и к счастью для меня, конечно.

На юге Сталинградского фронта дело тоже шло хорошо: румын, конечно, прорвали. Вольский действовал решительно и удачно, полностью выполнил свою задачу. Когда оба фронта соединились в районе Калача, через день или два после соединения я впервые после всего происшедшего вновь увидел Вольского.

Я был еще на Юго-Западном фронте и докладывал Сталину о соединении фронтов и об организации внутреннего и внешнего фронта окружения. При этом докладе он спросил меня, как действовал Вольский и его корпус. Я сказал так, как оно и было, что корпус Вольского и его командир действовали отлично.

— Вот что, товарищ Василевский, — сказал Сталин. — Раз так, то я прошу вас найти там, на фронте, хоть что-нибудь пока, чтобы немедленно от моего имени наградить Вольского. Передайте ему мою благодарность, наградите его от моего имени и дайте понять, что другие награды ему и другим — впереди.

После этого звонка я подумал: чем же наградить Вольского? У меня был трофейный немецкий «вальтер», и я приказал там же, на месте, прикрепить к нему дощечку с соответствующей надписью, и, когда мы встретились с Вольским, я поздравил его с успехом, поблагодарил за хорошие действия, передал ему слова Сталина и от его имени этот пистолет. Мы стояли с Вольским, смотрели друг на друга, и с ним было такое

потрясение, что этот человек в моем присутствии зарыдал, как ребенок.

Так выглядит эта история с Вольским, который и до этого и в дальнейшем был в моих глазах превосходным танкистским начальником и отличным человеком...

А. Василевский.

Цит. по: *Симонов К. С. 361–366*

Что касается И. В. Сталина, то должен сказать, что именно во время войны отрицательные черты его характера были ослаблены, а сильные стороны его личности проявились наиболее полно. Сталин обладал уникальной работоспособностью, огромной силой воли, большим организаторским талантом. Понимая всю сложность и многогранность вопросов руководства войной, он многое доверял членам Политбюро ЦК, ГКО, руководителям наркоматов, сумел наладить безупречно четкую, согласованную, слаженную работу всех звеньев управления, добивался безусловного исполнения принятых решений.

Устинов Д. С. 90

Вот возьмите вы наше отступление в начале войны. В нем, сначала вынужденном, а потом уже маневренном, был заложен элемент наступления большого. Это рискованно говорить, потому что могут сказать: что же, вы сознательно отступали? Нет, неверно. Сначала вынужденное, а потом уже маневренное. И на этом Гитлер проиграл, погорел. А мы выиграли. Не всегда

отступление является проигрышем. Не всегда. Я так думаю.

Л. Каганович

Цит. по: *Чуев Ф. С. 228*

Считаю, что Сталинградский фронт наличными силами уже не в состоянии был сдержать наступление Манштейна. Наблюдая это своими глазами, я, поехав на командный пункт Юго-Западного фронта, позвонил оттуда Сталину и настойчиво попросил, чтобы для контрудара по Манштейну Сталинградскому фронту была придана Вторая гвардейская армия, которая по первоначальному плану действительно была предназначена для наращивания удара на Ростов с тем, чтобы в результате этого удара отрезать не только войска, окруженные под Сталинградом, но и кавказскую группировку немцев. Я это знал, разумеется, но, тем не менее, в сложившемся критическом положении настаивал на переадресовании армии.

Сталин эту армию отдавать категорически не хотел, не хотел менять для нее первоначально поставленную задачу. После моих решительных настояний он сказал, что обдумает этот вопрос и даст ответ. В ожидании этого ответа я на свой страх и риск приказал Малиновскому начать движение частей армии в новый район, из которого она должна была действовать против Манштейна, приказал ему также садиться на командный пункт к Толбухину, забрать у него линии связи, для того, чтобы сразу наладить управление вновь прибывающими войсками. Это приказание было дано поздно вечером, а ответа от Сталина еще не было.

Как я впоследствии узнал, Сталин в эту ночь обсуждал в Ставке мое требование, и там были высказаны различные мнения. В частности, Жуков считал, что армию переадресовывать не надо, что пусть в крайнем случае Паулюс прорывается из Сталинграда навстречу Манштейну и движется дальше на запад. Все равно ничего изменять не надо, и надо в соответствии с прежним планом наносить удар Второй гвардейской армией и другими частями на Ростов. Об этом шли в ту ночь споры в Ставке.

А я ходил из угла в угол и ожидал, что мне ответят, потому что фактически я уже двинул армию. Наконец, в 5 часов утра Сталин позвонил мне и сказал злобно, раздраженно всего четыре слова:

— Черт с вами, берите!

И бросил трубку.

Так был решен этот вопрос.

А. Василевский.

Цит. по: *Симонов К. С.* 369–370

Военные — это было его ведомство, его личное ведомство, и он во время войны не давал их в обиду, умел заставить их уважать, склонен был принимать меры для того, чтобы поднять их значение, роль, авторитет и все, что с этим было связано.

Симонов К. С. 323

За четыре года войны нам, командующим фронтами, не раз приходилось докладывать Сталину о положении

дел и предстоящих планах. Мы уже привыкли к обстановке, к тому, что Сталин и в момент наших докладов, и выслушивая наши соображения по ходу обсуждения вопросов, и высказывая свое мнение, и принимая соответствующие решения, — обычно делал все это, не присаживаясь к столу. Зачастую он ходил по своему большому кабинету, останавливался временами перед тем из нас, к кому был намерен обратиться. И так, стоя, вел обсуждение того или иного вопроса. Мы все тоже, естественно, стояли. Члены Государственного Комитета обороны, если они присутствовали на докладе, обычно сидели за столом для заседаний, обменивались между собой мнениями. Как правило, никаких вопросов нам, командующим фронтами, они не задавали. Сталин иногда обращался к ним с тем или иным вопросом, они высказывали свои суждения. Однако непосредственных указаний нам, командующим, помимо Сталина обычно никто не давал.

Конев И. С. *488–489*

Когда же у него было ощущение предварительное, что вопрос в генеральном направлении нужно решить таким, а не иным образом, — это называлось «подготовить вопрос», так, кстати, и до сих пор называется, — он вызывал двух-трех человек и рекомендовал им выступить в определенном направлении. И людям, которые уже не по первому разу присутствовали на таких заседаниях, было по выступлениям этих людей ясно, куда клонится дело. Но и при таких обсуждениях, тем не менее, он не торопился, не обрывал и не мешал высказать иные точки зрения, которые иногда какими-то своими частностями,

сторонами попадали в орбиту его зрения и входили в последующие его резюме и выработанные на их основе резолюции, то есть учитывались тоже, несмотря на предрешенность, — в какой-то мере, конечно.

И. Исаков.

Цит. по: *Симонов К. С. 336*

Некоторые встречи со Сталиным были очень напряженными, особенно в тяжелые дни. Иногда дело доходило до резких вспышек с его стороны. Бывало так, что выслушивал наши доклады с откровенным недовольством и раздражением, особенно, когда они не соответствовали его предварительным представлениям.

Конев И. С. 493

Иногда Сталин прерывал доклад неожиданным вопросом, обращенным к кому-либо из присутствующих: «А что вы думаете по этому вопросу?» или «А как вы относитесь к такому предложению?» Причем характерный акцент делался именно на слове «вы». Сталин смотрел на того, кого спрашивал, пристально и требовательно, никогда не торопил с ответом. Вместе с тем все знали, что чересчур медлить нельзя. Отвечать же нужно не только по существу, но и однозначно. Сталин уловок и дипломатических хитростей не терпел. Да и за самим вопросом всегда стояло нечто большее, чем просто ожидание того или иного ответа.

Д. Устинов. С. 91

Он даже провоцировал столкновения мнений, спрашивал: «А что скажет такой-то?.. А что скажет такой-то?..» Выслушивая людей и выслушивая разные мнения, он, видимо, проверял себя и корректировал. В иных случаях искал опору для своего предвзятого мнения, искал мнения, подтверждающие его правоту, и если находил достаточную опору, то в конце высказывал свое мнение с известными коррективами, родившимися в ходе обсуждения. Иногда, думаю, когда он сталкивался с суждениями, которые опровергали его собственное первоначальное мнение и заставляли изменить его, он сворачивал разговор, откладывал его, давая себе возможность обдумать сложившуюся ситуацию.

И. Исаков.

Цит. по: *СИМОНОВ К. С.* 348

Во время докладов и последующего обсуждения, мы чувствовали себя свободно. Обстановка ни в какой степени не давила на нас. Та скованность, то стояние перед Сталиным навтыяжку, которые изображены в фильме «Падение Берлина», не имели ничего общего с действительностью. Сталин расхаживал по кабинету, дымя трубкой: он много курил. Другим тоже не возбранялось курить в его присутствии без специального на то разрешения. На столе всегда лежали коробки с папиросами.

Словом, атмосферы формальной субординации в кабинете Верховного Главнокомандующего не было.

Конев И. С. 489

На заседаниях не было никаких стенограмм, никаких протоколов, никаких технических работников. Правда, позднее Сталин дал указания управделами СНК Я. Е. Чадаеву кое-что записывать и стал приглашать его на заседания.

А. Хрулев.

Цит. по: *Куманев Г. С.* 345

Надо сказать, что он вел заседания по принципу классических военных советов. Очень внимательно, неторопливо, не прерывая, не сбивая, выслушивал всех. Причем старался дать слово примерно в порядке старшинства, так, чтобы высказанное предыдущим не сдерживало последующего. И только в конце, выловив все существенное из того, что говорилось, отметя крайности, взяв полезное из разных точек зрения, делал резюме, подводил итоги. Так было в тех случаях, когда он не становился на совершенно определенную точку зрения с самого начала. Ну, речь идет в данном случае, разумеется, о вопросах военных, технических и военных, а не общеполитических. На них я, к сожалению, не присутствовал.

И. Исаков.

Цит. по: *Симонов К. С.* 335–336

Такой была обстановка во второй половине войны. Она существенно отличалась от обстановки первого периода войны. Тогда по воле Сталина планирование некоторых операций проходило в обстановке сверхсекретности. С планами заранее знакомился

настолько узкий круг людей, что это впоследствии мешало нормальному проведению операций. Все это было связано с излишней подозрительностью, отличавшей тогда Сталина.

Конев И. С. 490

Думается, вряд ли верно опускать в современных публикациях фамилию Сталина под теми или иными документами, подписанными им как Верховным главнокомандующим. Или в ряде случаев — я говорю о тех случаях, когда речь идет персонально о нем, — заменять его имя словом «Ставка»: «Ставка» решила, из «Ставки» позвонили.

Симонов К. С. 301

В некоторых книгах у нас получила хождение версия, будто И. В. Сталин руководил боевыми операциями «по глобусу». Ничего более нелепого мне никогда не приходилось читать.

Мерецков К. На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1968. С. 380

Чего, например, стоило заявление Хрущева, будто Сталин во время войны планировал операции и руководил ими по большому глобусу, находившемуся у него в кабинете. Одно только это утверждение автора доклада вызвало тогда довольно широкий (хотя и негласный) протест, особенно среди военных деятелей, да и многих рядовых ветеранов Великой Отечественной войны.

Ведь давно известно, что ни одна из крупных войн прошлого не заканчивалась победой армии, во главе которой со всеми данными ему высокими полномочиями находился серый, придурковатый, безликий и трусливый главнокомандующий. Хотелось бы по этому поводу напомнить и такое изречение, приписываемое Наполеону: «Стадо баранов, руководимое львом, сильнее стада львов во главе с бараном».

А. Новиков (главный маршал авиации).

Цит. по: *Куманев Г. С. 325*

За время войны, бывая в Ставке и в кабинете Верховного Главнокомандующего с докладами, присутствуя на многочисленных совещаниях, я видел, как решались дела.

Мерецков К. С. 380

До 1942 года Сталин пережидал воздушные тревоги в кремлевском бомбоубежище. Наконец небольшое появилось на даче. В основном для спокойствия Власика, очень переживавшего, что Верховный Главнокомандующий беззащитен перед любой шальной бомбой.

Рыбин А. С. 72

Любопытная подробность, что из себя представлял этот кабинет: ход туда был обыкновенный, забетонированный, со всеми полагающимися в таких случаях устройствами, но когда вы из тамбура входили в самый кабинет, то вы как бы оказывались не внизу, а

наверху. Это был точно такой же кабинет, как кабинет Сталина в ЦК. Такие же высокие дубовые панели, такой же стол, стулья, такой же письменный стол, те же портреты Ленина и Маркса на стене, и даже гардины висели такие же самые, закрывая несуществующие окна. Только (это даже не сразу бросалось в глаза) площадь кабинета, была раза в два меньше того, верхнего.

И. Исаков.

Цит. по: *СИМОНОВ К. С. 343*

В 1943 году на даче надстроили второй этаж. Заодно Сталин ликвидировал свой прежний кабинет, соединив его с большим залом, где проводились все заседания Политбюро и принимались различные руководители. В зале поставили три больших дивана, на которых спал Сталин, при случае падая на ближайший. Ведь от страшного нервного напряжения его года два изводила бессонница. Ликвидация кабинета объяснялась не только тем, что много места требовали разложенные всюду карты всех фронтов. Просто во время войны у Сталина появилось кислородное голодание. Потом для лучшей циркуляции воздуха в густом лесу на территории дачи даже прорубили сквозные просеки.

Рыбин А. С. 72

Из кабинета раскрыта дверь в следующую комнату, стены которой сплошь увешаны географическими картами. Посередине комнаты и в самом деле стоит большой глобус.

Яковлев А. С. 407

К глобусу И. В. Сталин тоже обращался, ибо перед ним вставали задачи и такого масштаба. Но вообще-то он всегда работал с картой и при разборе предстоящих операций порой, хотя далеко не всегда, даже «мельчил». Последнее мне казалось излишним. <...> Неверно упрекать его в отсутствии интереса к деталям. <...> Даже в стратегических военных вопросах И. В. Сталин не руководствовался ориентировкой «по глобусу». Тем более смешно говорить это применительно к вопросам тактическим, а они его тоже интересовали и немало. (...) В сентябре 1941 года я получил новое назначение. Помню, как в связи с этим был вызван в кабинет Верховного Главнокомандующего. И. В. Сталин стоял у карты и внимательно вглядывался в нее, затем повернулся в мою сторону, сделал несколько шагов навстречу и сказал:

— Здравствуйте, товарищ Мерецков! Как вы себя чувствуете?

— Здравствуйте, товарищ Сталин! Чувствую себя хорошо. Прошу разъяснить боевое задание!

И. В. Сталин не спеша раскурил свою трубку, подошел к карте и спокойно стал знакомить меня с положением на Северо-Западном направлении. <...> Через два дня я вылетел в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандующего на Северо-Западный фронт.

Мерецков К. С. 380

И. В. Сталин с каждым из нас поздоровался за руку и тут же всех позвал к столу. На большом столе его

рабочего кабинета лежала карта. На карте разноцветными карандашами изображена какая-то схема. Сталин подробно разъяснил, что это схема оборонительных рубежей

Патоличев Н. Испытания на зрелость. М., 1977. С. 127

Ложь о «глобусе» опровергают и оперативные документы. Генерал армии А. И. Грибков, работавший в годы войны в Оперативном управлении Генерального штаба, свидетельствует: «Н. С. Хрущев, развенчивая культ личности И. В. Сталина, утверждал, что, мол, тот руководил фронтами по глобусу. Разумеется, все это ложь. В военных архивах хранятся карты различных масштабов с пометками, сделанными рукой Верховного Главнокомандующего».

Военно-исторический журнал. 1995. № 3. С. 30

Адмирал Кузнецов Н. Г. в своей книге «Накануне» (1966) так же решился опровергнуть это утверждение: «Совершенно неверно злобное утверждение, будто бы он по глобусу оценивал обстановку и принимал решения. Я мог бы привести много примеров, как Сталин, уточняя с военачальниками положение на фронтах, знал, когда нужно, вплоть до положения каждого полка».

Н. Власик.

Цит. по: *Логинов В. С. 131*

В фойе карты по всем стенам. Хрущев говорил, что он по глобусу руководил, — наоборот, он очень карты

любил географические, вот здесь Азия была, Европа, все карты. Здесь мы топтались подолгу... Как бы Северный Ледовитый океан, сибирские реки, богатства Сибири использовать — этим он очень интересовался, особенно устьем Оби. Обская губа уж очень он... Как бы там построить порт...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 389*

Когда мы докладывали по карте, то ее разворачивали на большом столе для заседаний. Сталин заходил с той же стороны, где стояли и мы. Следя за нашими пояснениями, он рассматривал карту.

Сталина интересовали на карте, главным образом основные крупные географические пункты. Что же касается топографического изображения — рельеф, условия местности и так далее, — этим Сталин не интересовался. Мы знали заранее, что никаких вопросов в этом отношении у него не возникнет.

Конев И. С. 489

Идти же на доклад в Ставку, к И. В. Сталину, скажем, с картами, на которых были хоть какие-то «белые пятна», сообщать ему ориентировочные, а тем более преувеличенные данные, было невозможно. И. В. Сталин не терпел ответов наугад, требовал исчерпывающей полноты и ясности...

Жуков Г. Т. 2. С. 294

Однажды Г. К. Жуков, будучи командующим Западным фронтом, приехал с докладом в Ставку. Были разложены карты, начался доклад. Сталин, как правило, никогда не прерывал говорящего. По окончании доклада он указал пальцем место на карте и спросил:

— А это что такое?

Георгий Константинович нагнулся над картой и, слегка покраснев, ответил:

— Офицер, наносивший обстановку, неточно провел здесь линию обороны. Она проходит тут. — И показал точное расположение переднего края (на карте линия обороны частично проходила по болоту).

— Желательно, чтобы сюда приезжали с точными данными, — заметил Сталин.

Для каждого из нас это был предметный урок. Вот и повоюй тут «по глобусу».

А. Голованов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 321–322*

Всевозможные карты фронтов не помещались в прежнем зале ближней дачи. В сорок третьем году сталинский кабинет и еще пару комнат ликвидировали, присоединив к залу. Дополнительную площадь немедленно заняли карты, лежащие на длинном столе, диванах, на полу и подоконниках. Сталин работал над ними без очков, с большой и малой лупами. Постоянно записывая свои мысли, чиркая карандашом на столе, подоконнике или где придется. Трудно установить, когда он отдыхал. Иной раз посреди ночи вдруг уезжал в «Семеновское». На террасе и под лестницей второго

этажа стояли жесткие плетеные топчаны. Как-то рано утром Орлов (охранник) прошел все комнаты — пусты. Обнаружил Сталина уже на террасе, на таком топчане. Он спал в шинели, ботинках, прикрывшись фуражкой от солнца. Вот где его свалила усталость...

Рыбин А. С. 123

И последний вопрос, Иван Христофорович: какова вкратце Ваша общая оценка роли Сталина в войне?

И. Х. Баграмян: Когда я вспоминаю о деятельности Сталина на посту Верховного Главнокомандующего, главным образом, во время и после Курской битвы, то я не могу не сказать о его незаурядных организаторских способностях, удивительной, даже феноменальной памяти, об умении быстро схватывать суть тех или иных предложений, суммировать, обобщать их и чаще всего приходиться к правильным решениям. Руководил он вооруженной борьбой, конечно, не по глобусу.

Куманев Г. С. 285

Так что Сталин и военная стратегия были не в разрыве, а в единстве. Я лично глубоко убежден в том, что свою военную стратегию: отступления, действия фронтов, армий, родов войск, их применение — всё это Сталин детально обдумывал. Он получал сведения отовсюду, от каждого командующего фронтом, армией, наркома или замнаркома, представителя Ставки, уполномоченного ГКО, директора крупного комбината или оборонного предприятия. Он определял и время, когда и куда направлять силы и выделять резервы..

Л. Каганович.

Цит. по: *Куманев Г. С.* 68

Мне много раз доводилось читать и слышать о том, как он бывал жесток, груб с людьми, в том числе с теми военными людьми, с которыми он повседневно работал и на которых опирался в годы войны. Так вот, такого Сталина я на этих заседаниях ни разу не видел.

Симонов К. С. 178–179

Конструктор артиллерийских систем В. Г. Грабин рассказывал мне, как в канун 1942 года его пригласил Сталин и сказал:

— Ваша пушка спасла Россию. Вы что хотите — Героя Социалистического Труда или Сталинскую премию?

— Мне все равно, товарищ Сталин.

Дали и то, и другое.

Чуев Ф. С. 535

Сняли с производства самолеты Ту-2. Шахурин просил этого не делать, но Сталин возразил, что нужны истребители, а не бомбардировщики Ту-2. Дней через двадцать выяснилось, что это хороший самолет. Сталин понял, что ошибся, что надо восстановить производство Ту-2, и говорит Шахурину: «Почему на меня не пожаловались в ЦК?»

И Шахурин пишет: «На Сталина в ЦК никто не жаловался».

Генерал-лейтенант В. С. Рябов рассказывал мне, как во время войны генерал А. И. Еременко наградил орденами членов редакции фронтовой газеты, печатавшей его стихи. Сталин, узнав об этом, прикатал вернуть ордена. Единственный подобный случай за всю войну.

Чуев Ф. С. 535, 311

Летчик Борис Ковзан — уникальный герой Великой Отечественной войны, который совершил четыре (!) воздушных тарана и остался живой. Он рассказывал мне, как после вручения Звезды Героя его пригласил Сталин и подробно обо всем расспросил. Поинтересовался, чем дальше собирается заниматься Ковзан.— Вернусь в свою часть, буду продолжать воевать, — отвечал изрубленный металлом летчик-истребитель.

— Думаю, вы уже достаточно повоевали, — сказал Сталин. — А вот подучиться бы не мешало, скажем, в академии.

— Я не потяну, товарищ Сталин, — честно признался Ковзан.

— А вы дайте мне слово, что будете учиться!

— Обещаю, товарищ Сталин.

— А как у вас дома дела?

— Только вот родился сын.

— Поздравляю! Стране нужны люди.

Когда летчик вышел во двор, его ждала машина, и на заднем сиденье он обнаружил большую коробку, где

лежали пеленки, распашонки — все для новорожденного...

Ковзан вернулся в свою часть, его вызвал вышестоящий генерал:

— Что будем делать?

— Служить, — ответил летчик.

— А какое слово вы дали товарищу Сталину? «Все знает», — подумал Ковзан. Пришлось поступать в академию, где он на вступительных экзаменах не ответил ни на один вопрос и был принят.

Чуев Ф. С. 536–537

Обычно раз в месяц докладывали в Ставке проект распределения вооружения и боеприпасов на следующий месяц войны. Однажды при утверждении такой ведомости Сталину бросились в глаза цифры: «Для НКВД — 50 000 винтовок». Он забросал нас вопросами: кто конкретно дал эту заявку, зачем столько винтовок для НКВД? Мы сказали, что сами удивлены этим, но Берия настаивает. Тотчас же вызвали Берия. Тот пытался дать объяснение на грузинском языке. Сталин с раздражением оборвал его и предложил ответить по-русски: зачем и для чего ему нужно столько винтовок?

— Это нужно для вооружения вновь формируемых дивизий НКВД, — сказал Берия.

— Достаточно будет и половины — двадцати пяти тысяч.

Берия стал упрямо настаивать. Сталин дважды пытался урезонить его. Берия ничего не хотел слушать.

Тогда раздраженный до предела Сталин сказал нам:

— Зачеркните то, что там значится, и напишите десять тысяч винтовок.

И тут же утвердил ведомость.

Воронов Н. (начальник артиллерии Красной Армии).
На службе военной. М., 1963. С. 194–195

К лету сорок второго года конструкторы создали мощный танк. Однако из-за недостатков машины несли в боях существенные потери. Сталин решил сам разобраться в изъянах. Танк доставили в Кремль. По просьбе Сталина им управлял водитель, участвовавший в боях. Конструктор усердно объяснял ходовые и боевые качества машины. Не дослушав его, Сталин попросил Тукова помочь взобраться на броню. Люк был открыт. Водитель пояснил Верховному, что во время боя на ходу стрелять нельзя: сначала надо остановиться и дать три-четыре прицельных выстрела. Таким образом танк сам становился хорошей мишенью для противника. Конструктор заволновался. Успокоив его, Сталин спросил:

— Сколько потребуется времени устранить недостатки?

— Месяц, товарищ Сталин!

— Даем три месяца. Смотрите, не подведите нас и фронт, который ждет этот танк. А танкист — добрый малый. С такими можно воевать и побеждать. Не обижайте его, он прав.

Рыбин А. С. 32

...Однажды приехал с докладом в Кремль и увидел у Сталина два новых портрета, написанных красками. Это были портреты русских полководцев Суворова и Кутузова.

А. Голованов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 321*

Во время войны появились портреты Суворова и Кутузова, бездарно выполненные, в безвкусных дешевых рамах.

Яковлев А. С. 407

Почему именно эти портреты появились в кабинете Сталина? Ведь были же на Руси и другие, не менее известные полководцы, спасшие ее в прямом смысле от порабощения, такие как Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский! Не раз после появления этих портретов возникали в присутствии Верховного разговоры о Суворове и Кутузове.

— Нравятся? — спросил меня Сталин.

— Хорошие портреты.

— А кто больше нравится?

— Мне ближе Суворов.

— А Кутузов? Он ведь не только полководец, но и дипломат, мудрый в решениях и осторожный в действиях.

— Да, вы, пожалуй, правы, товарищ Сталин.

— А почему ты со мной соглашаешься? Суворов — 20 походов, 80 сражений, ни одного поражения! Умение быстро оценить обстановку, принять решение, в котором никогда не ошибался, а главное, солдаты шли за ним в огонь и воду, верили и всегда побеждали!

Мне ни разу не довелось слышать личного мнения самого Верховного, кому же из них он отдает предпочтение. За все годы общения с ним это был единственный случай, когда на заданный вопрос я не получил от Сталина конкретного, прямого ответа.

И все-таки однажды, когда снова зашел разговор о Суворове и Кутузове, я был свидетелем того, как Сталин долго, молча прохаживался по кабинету, остановился и сказал: «Если бы можно было распорядиться личными качествами людей, я бы сложил качества Василевского и Жукова вместе и поделил бы их между ними пополам».

А. Голованов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 321–322*

Генерал Мерецков просил у Ставки дополнительно корпус для решения боевой задачи. Все были против. Сталин молчал. Мерецков расстроился.

После заседания к нему подошел Сталин и сказал:

— А корпус я вам все-таки дам.

Оказалось, правильно.

Чуев Ф. С. 554

Почему Хрущев невзлюбил Сталина?

В марте 1943 года не стало еще одного летчика кремлевского подворья — Леонида Хрущева. О его судьбе, последних месяцах боевой работы мне рассказал бывший командир 303-й авиадивизии Герой Советского Союза генерал-майор авиации Г. Н. Захаров.

К Георгию Нефедовичу летчик Хрущев попал сразу после трибунала. Как уж там получилось, кто знает, но он кого-то застрелил в ресторане.

Грибанов С. С. 232

У мамы с папой было трое общих детей — я, Сережа и Леночка. Двое от первой жены — Юлия и Леонид, они были намного старше. Дочь Леонида, тоже Юлия, была близка нам по возрасту, и мы ее воспринимали как сестру. Хрущевы удочерили Юлию после смерти ее отца.

Леонид жил в Киеве, работал в школе пилотов. Во время войны участвовал в массированных налетах на Германию. Налеты без сопровождения. Получил тяжелое ранение, лежал в госпитале, в Куйбышеве — мы тогда всей семьей были в Куйбышеве, в эвакуации, а отец — на фронте. Леонид долго лежал в госпитале, в одной палате с Рубеном Ибаррури. Они дружили. Брат долго выздоравливал. Пили в госпитале, и брат, пьяный, застрелил человека, попал под трибунал. Его послали на передовую.

Р. Хрущева (дочь Н. С. Хрущева).

Цит. по: *Васильева Л. С.* 132

Мы с ним провели (в госпитале. — *Е. Г.*), встречаясь почти ежедневно, более двух месяцев. К сожалению, он привык выпивать. В Куйбышеве в гостинице жил в то время командированный на какое-то предприятие его товарищ, имевший блат на ликеро-водочном заводе. Они получали там напитки в расчете на неделю и распивали почти каждый вечер в гостиничном номере. Я, хотя почти не пил, часто бывал там. Приходили и другие гости, в том числе и девушки. Мы с ним познакомились и подружились тогда с двумя молодыми танцовщицами из Большого театра, который был там в эвакуации. Леонид, даже изрядно выпив, оставался добродушным и скоро засыпал... Когда я уехал в Москву, произошла трагедия, о которой я узнал позже от одного приятеля Леонида. Однажды в компании оказался какой-то моряк с фронта. Когда все были сильно «под градусом», в разговоре кто-то сказал, что Леонид очень меткий стрелок. На спор моряк предложил Леониду сбить выстрелом из пистолета бутылку с его головы. Леонид, как рассказывал этот приятель, долго отказывался, но потом все-таки выстрелил и отбил у бутылки горлышко. Моряк счел это недостаточным, сказал, что надо попасть в саму бутылку. Леонид снова выстрелил и попал моряку в лоб...

Микоян С. С. 150

Об этом стало известно Сталину. Хрущев, как член Военного Совета одного из фронтов, первый секретарь ЦК КП(б) Украины, начал спасать сына от наказания. На встрече с Хрущевым Сталин спросил его: «Вы ходатайствуете о своем сыне как член Политбюро или

как отец?» — «Как отец», — ответил Хрущев. Тогда Сталин задал ему вопрос: «А вы думали о том отце, сына которого убил ваш сын? Что он скажет?»

Е. Джугашвили (внук Сталина)

Цит. по: *Аллилуев В. С. 159–160*

Никита Сергеевич, говорят, просил Сталина за сына, на что тот ответил: «Что заработал — то и получай...»

Грибанов С. С. 232

Подробности инцидента Сталина не интересовали. Он твердо был уверен, что виноват в свершившемся сын Хрущева. Это не первый случай, когда в порыве алкогольного угара он выхватил пистолет и налетел на кого-то.

Докучаев М. С. 342

Его судили и дали восемь лет с отбытием на фронте. Когда Леонид был проездом в Москве, мы встретились, но я еще этой истории не знал, а он мне ничего не сказал.

Микоян С. С. 239–240

В начале 1941 года с ним уже произошло подобное, он должен был предстать перед судом, но благодаря отцу избежал не только, наказания, но и суда...

Докучаев М. С. 342

Война диктовала законы военного времени, и они были законом для всех. Леонид из офицеров был разжалован в рядовые и направлен в штрафной батальон. Вскоре попал в плен. Немцы, узнав, что среди пленных сын члена Политбюро, стали использовать его для агитации в прифронтовой полосе: выступая по радио, он агитировал советских солдат и офицеров сдаваться в плен... Дело приняло политический характер. Сталин дал указание начальнику Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко выкрасть сына Хрущева у немцев. Когда Сталину доложили, что Леонид доставлен в расположение одного из партизанских отрядов, и попросили самолет для доставки его в Москву, то Сталин ответил: «Не надо рисковать еще одним офицером, судите Леонида Хрущева на месте». Сын Хрущева был расстрелян как изменник Родины.

Хрущев после смерти Сталина тщательно скрывал этот факт, и даже был пущен слух, что летчик Леонид Хрущев погиб смертью храбрых в бою с несколькими немецкими истребителями. У нас умеют распускать слухи.

Е. Джугашвили.

Цит. по: *Аллилуев В. С.* 159–160

Хрущев в душе был противником Сталина... Озлоблен на Сталина за то, что его сын попал в такое положение, что его расстреляли... Сталин сына его не хотел помиловать... После такого озлобления он на все идет, только бы запачкать имя Сталина...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 324

Сам Хрущев, будучи членом Военного Совета юго-западного направления, то есть армий, сражающихся под Харьковом, в критический момент, когда немцы окружили наши войска, бросил фронт и бежал в Москву. Ему грозило попасть под суд военного трибунала. От наказания его спас Молотов.

Ну, и в одном из послевоенных выступлений Сталин назвал Хрущева придурком. Может быть, все это и вылилось потом, после смерти Сталина, в открытую ненависть к Сталину, и Хрущев стал насаждать ее в народе.

Хрущев был мстительный человек. Мстя Сталину, он мстил его детям.

Е. Джугашвили.

Цит. по: *Аллилуев В. С.* 159–160

Сталин заказывает гимн

...Весной 1943 года, когда солнце повернуло на победу, маршал Сталин решил, что пора сменить государственный гимн. Новый гимн должен был разнести весть о народе-победителе по всему свету.

Граждане СССР свыклись с прежним гимном, но нельзя же брать Европу под звуки «Интернационала».

Это Верховный очень понимал. «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...». Что союзники скажут?..

...Приверженный грандиозным масштабам, Сталин мобилизовал 160 музыкантов — целую роту, обязав участвовать в этом ристалище выдающихся мастеров: Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна и официально приравненного к ним Александрова.

Жюри отобрало 14 произведений и устроило прослушивание в Большом театре при участии оркестра под управлением Мелик-Пашаева... Вот сыгран последний гимн, и Сталин пригласил в ложу маститых авторов. Сталин предложил всем сесть и, дымя своей неизменной трубкой, спросил:

— Скажите, товарищ Хачатурян, что по-Вашему нужно сделать, чтобы улучшить качество музыки? Вы ведь получили замечания жюри?

— Мне кажется, — ответил Хачатурян, — что хорошо бы ввести в хор женские голоса...

— Нэ надо женщин...

— А вы, товарищ Шостакович, — обратился к нему Сталин, — получили замечания жюри? Вы с ними согласны?

— Да, да!

— Сколько же Вам надо времени, чтобы переделать музыку?

— Три дня, — сказал Шостакович, — и прочитал в глазах Вождя, что и его музыка не пройдет.

— Вот, товарищи композиторы, — сказала Сталин, — прослушали мы последние гимны. Есть у нас свое

мнение, но хотелось бы прежде, чем принять окончательное решение, посоветоваться с вами. Кажется нам, что величию Страны Советов больше всего соответствует гимн профессора... — кивок в сторону Александрова. К описываемому времени Александр Васильевич Александров, главный музыкальный фаворит Вождя, пользовался невиданным почетом. Без руководимого им... ансамбля песни и пляски Красной Армии, не обходился ни один ответственный концерт.

— Только я вот что скажу Вам, профессор, там у Вас что-то с инструментацией неладно.

Композитор смешался:

— ...Да, да, Иосиф Виссарионович, Вы совершенно правы, мне вот некогда было, и я поручил Кнушевицкому, а он схалтурил, безобразно отнесся, надо переделать...

Взрывается Шостакович:

— Александр Васильевич! Замолчите немедленно! Сейчас же замолчите! Как вам не стыдно? Кто же за вашу музыку будет отвечать, если не вы сами! Как вы можете так говорить о человеке, которого здесь нет и который является вашим подчиненным по армии. Сейчас же замолчите!

Все замерли. После тяжелой паузы Вождь заметил:

— А что, профессор, нехорошо получилось...

Антонов-Овсеенко А. Театр Иосифа Сталина. М.: АСТ, 2000. С. 136–138

Среди ночи раздался телефонный звонок:

— Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин!

— Надеюсь, что не разбудил... Прослушали мы сегодня Гимн. Куцо получается... Мало слов. Ничего не сказано о Красной Армии. Надо написать еще один куплет, посвятив его армии. Отразить роль нашей армии в героической борьбе против захватчиков. Показать нашу мощь и веру в победу...

— Когда это нужно? — почему-то спросил я.

— Когда напишете — пришлете, а мы посмотрим, — ответил Сталин и положил трубку.

28 октября 1943 года В. П. Московский находит авторов по телефону и сообщает о срочном вызове к Сталину.

На часах 22 часа 30 минут.

У стены, на которой висят портреты Суворова и Кутузова, длинный стол для совещаний. Справа столик с разноцветными телефонными аппаратами. Прямо напротив авторов с листком бумаги в руках стоит Сталин. За длинным столом сидят Молотов, Ворошилов, Маленков, Щербаков...

Сталин протягивает мне напечатанный на машинке текст Гимна.

— Ознакомьтесь! — говорит Сталин. — Нет ли у вас возражений? Надо еще поработать. Главное, сохранить эти мысли. Возможно ли это?

— Да, — отвечаю я. — Можно нам подумать до завтра?

— Нет, нам это нужно сегодня. Садитесь, поработайте. Вот карандаш, бумага, — приглашает нас к столу Сталин...

Мы садимся. Но необычная обстановка смущает.

— Что? Неудобно здесь работать? — спрашивает Сталин улыбаясь. — Сейчас вам дадут другое место.

Запев третьего куплета не ложится в размер предыдущего. Однако множество вариантов, написанных накануне, помогают авторам решить задачу. В 23.45 они возвращаются в кабинет Сталина и предлагают новый вариант.

После короткого обсуждения этих строк и очередных уточнений Сталин говорит Щербакову:

— Товарищ Щербаков, пусть этот текст отпечатают сейчас на машинке. Вы пока посидите с нами, — обращается он к нам.

Так появился куплет, в котором были строки:

Мы армию нашу растили в сраженьях,

Захватчиков подлых с дороги сметем!

С. Михалков.

Цит. по: *Краскова В. Звезды кремлевской эстрады.* Минск, 1996. С. 136–137

Я вспоминаю еще такой эпизод. В дни работы над текстом Гимна СССР меня разыскали на фронте и привезли к командующему генерал-лейтенанту Курочкину. Тот говорит: «Срочно звоните Ворошилову, он интересовался, где вы пропадаете».

Дозваниваюсь до Ворошилова, слышу в трубке: «Товарищ Сталин просил у вас узнать, можно ли заменить знак препинания во второй строке второго куплета?»»

Получить согласие авторов текста на изменение одного знака препинания? Что за причуда?

Естественно, я не возражал...

Михалков С. *От и до... Книга воспоминаний.* М.: ОЛИМП, 1997. С. 156

После заключительного прослушивания гимна в Большом театре нас пригласили в ложу правительства — к накрытому столу. Сталин нас встретил и сказал, что, по русскому обычаю, надо «обмыть» гимн. Посадил рядом. Здесь же были члены Политбюро... Мы находились в ложе до пяти часов утра. Говорили в основном Эль-Регистан, я и Сталин. Остальные молчали. Когда было смешно, все смеялись. Сталин попросил меня почитать стихи. Я прочитал «Дядю Степу», другие веселые детские стихи. Сталин смеялся до слез. Слезы капали по усам. Во время разговора Сталин цитировал Чехова, он сказал такую фразу, я ее запомнил, что «мы робких не любим, но и нахалов не любим». Тосты поднимали мы и товарищ Щербаков. Сталин сделал нам замечание: «Вы зачем осушаете бокал до дна? С вами будет неинтересно разговаривать». Он спросил меня, партийный ли я. Я сказал, что беспартийный. Он ответил: «Ну ничего, я тоже был беспартийным». Нашими биографиями Сталин, видимо, не интересовался. Регистана он иронически спросил: «Почему вы

Эль-Регистан? Вы кому подчиняетесь: католикоосу или муфтию?»

Михалков С. // Огонек. 1988. № 12. С. 7

«Солдата на маршала не меняю»

Зимой 1943—44 года, уже после Сталинграда, отец вдруг сказал мне в одну из редких тогда наших встреч: «Немцы предлагали обменять Яшу на кого-нибудь из своих... Стану я с ними торговаться! Нет, на войне — как на войне». Он волновался, — это было видно по его раздраженному тону, — и больше не стал говорить об этом ни слова, а сунул мне какой-то текст на английском языке, что-то из переписки с Рузвельтом, и сказал: «Ну-ка, переведи! Учила, учила английский язык, а можешь ли перевести?» Я перевела, он был удивлен и доволен, — и аудиенция закончилась, так как ему было уже некогда.

Аллилуева С. С. 147

Отец тяжело переживал плен Якова. Когда предложили обменять его, сказал: Там все мои сыны.

А. Сергеев (приемный сын Сталина).

Цит. по: Чуев Ф. С. 65

— Сталин не стал его выручать, сказал: «Там все мои сыны».

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 192*

Как известно, Сталин отверг предложение нацистов обменять сына на Паулюса. Председателю шведского Красного Креста графу Бернадоту он ответил лаконично: «Я солдат на фельдмаршалов не меняю». Думаю, эта фраза стоила ему глубокой зарубки на сердце. Такие раны не заживают.

Аллилуев В. С. 53

Известно, что, когда Сталину через шведский Красный Крест предложили обменять Якова на плененного в Сталинграде фельдмаршала Паулюса, Сталин ответил: «Солдата на маршала не меняю». Известно также и другое его высказывание: «Нам нужно сейчас взять в плен как можно больше немецких генералов, чтобы их всех обменять на одного человека — Эрнста Тельмана».

Чуев Ф. С. 550

То, что Сталин отверг предложение об обмене фельдмаршала Паулюса на сына, правда. При этом разговоре присутствовало довольно много людей...

Берия С. С. 220

Он [Яков] был тихим, молчаливым героем, чей подвиг был так же незаметен, честен и бескорыстен, как и вся его жизнь.

Аллилуева С. С. 147

Тегеран 43

Известно, что только дважды за свое тридцатилетнее правление Сталин покидал пределы Советского Союза: в 1943 году для участия в Тегеранской встрече «Большой тройки» и два года спустя — в Потсдамской конференции глав стран-победительниц. Обе его заграничные поездки были вызваны чрезвычайными обстоятельствами.

Краскова В. С. Тайны кремлевской охраны. Минск, 2000. С. 176.

(Далее цит.: *Краскова В.*)

В Тегеран Сталин летел на самолете, командиром которого был В. Г. Грачев. Судьба столкнула меня с летчиком в 1973 году, оказалось, что он живет двумя этажами выше нашей квартиры, куда я переехал в том году. Виктор Григорьевич Грачев — генерал-лейтенант авиации — личность легендарная. Герой Советского Союза, во время гражданской войны в Испании командовал интернациональной эскадрильей. Несколько лет назад оставшиеся в живых летчики этой эскадрильи

встречались в Москве, был среди них и Виктор Григорьевич. Оказалось, что ни один испанский летчик этой эскадрильи не воевал на стороне фашистской Германии, а один из них командовал четверкой истребителей, сопровождавших самолет Сталина в Тегеран, и этой своей миссией всегда гордится, рассказывал мне Грачев.

Аллилуев В. С. 176

У Черчилля охрана была невероятно шумливой, всегда с криком и грохотом вскакивала в машины и — гнала по улицам во весь дух! Оцепление располагалось на перекрестках с пулеметами, похожими на наши. Любопытные иранцы английского языка не понимали. Чтоб они дуриком не лезли под машины, охрана разговаривала с ними при помощи кованных ботинок.

Рыбин А. С. 33

Я был не в восторге от того, как была организована встреча по моем прибытии на самолете в Тегеран. Английский посланник встретил меня на своей машине, и мы отправились с аэродрома в нашу дипломатическую миссию. По пути нашего следования в город на протяжении почти трех миль через каждые 50 ярдов были расставлены персидские конные патрули. Таким образом, каждый злоумышленник мог знать, какая важная особа приезжает и каким путем она проследует. Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два-три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой.

Американская служба безопасности более умно обеспечила защиту президента. Президентская машина проследовала в сопровождении усиленного эскорта бронемашин. В то же время самолет президента приземлился в неизвестном месте, и президент отправился без всякой охраны в американскую миссию по улицам и переулкам, где его никто не ждал.

Здание английской миссии и окружающие его сады почти примыкают к советскому посольству, и поскольку англо-индийская бригада, которой было поручено нас охранять, поддерживала прямую связь с еще более многочисленными русскими войсками, окружавшими их владение, то вскоре они объединились, и мы, таким образом, оказались в изолированном районе, в котором соблюдались все меры предосторожности военного времени. Американская миссия охраняемая американскими войсками, находилась более чем в полумиле, а это означало, что в течение всего периода конференции либо президенту, либо Сталину и мне пришлось бы дважды или трижды в день ездить туда и обратно по узким улицам Тегерана. К тому же Молотов, прибывший в Тегеран за 24 часа до нашего приезда, выступил с рассказом о том, что советская разведка раскрыла заговор, имевший целью убийство одного или более членов «Большой тройки», как нас называли, и поэтому мысль о том, что кто-то из нас должен постоянно разъезжать туда и обратно, вызывала у него глубокую тревогу. «Если что-нибудь подобное случится, — сказал он, — это может создать самое неблагоприятное впечатление». Этого нельзя было отрицать. Я всячески поддерживал просьбу Молотова к президенту переехать в здание советского посольства, которое было в три или четыре раза больше, чем остальные, и занимало

большую территорию, окруженную теперь советскими войсками и полицией. Мы уговорили Рузвельта принять этот разумный совет, и на следующий день он со всем своим штатом, включая и превосходных филиппинских поваров с его яхты, переехал в русское владение, где ему было отведено обширное и удобное помещение...

Черчилль У. С. 250–252

— Из всех забавных историй, которые рассказывают обо мне, самые забавные — это те, что написаны историками. Они утверждают, что я должен был со своей командой похитить Рузвельта во время Ялтинской конференции. Это глупость: никогда мне Гитлер не приказывал этого. Сейчас я вам скажу правду по поводу этой истории: в действительности Гитлер приказал мне похитить Рузвельта во время предыдущей конференции — той, что проходила в Тегеране... Но бац! (смеется)... из-за различных причин это дело не удалось обделать с достаточным успехом...

Отто Скорцени. Из интервью парижскому «Эспрессо». 1964 г.

Когда я вошел в комнату, примыкавшую к залу пленарных заседаний, там уже находился Сталин в маршальской форме. Он пристально посмотрел на меня, и я поспешил извиниться за небольшое опоздание, пояснив, что явился прямо с аэродрома. Сталин слегка кивнул головой, медленно прошелся по комнате, взял из бокового кармана кителя коробку с надписью «Герцеговина флор», вынул папиросу, закурил. Прищурившись, взглянул менее строго, спросил:

— Не очень устали с дороги? Готовы переводить? Беседа будет ответственной.

— Готов, товарищ Сталин. За ночь в Баку хорошо отдохнул. Чувствую себя нормально.

Сталин подошел к столу, небрежно бросил на него коробку с папиросами. Зажег спичку и раскурил погасшую папиросу. Затем, медленным жестом загасив спичку, указал ею на диван и сказал:

— Здесь, с краю, сяду я. Рузвельта привезут в коляске, пусть он расположится слева от кресла, где будете сидеть вы.

— Ясно, — ответил я.

Мне уже не раз приходилось переводить Сталина, но я ни разу не слышал, чтобы он придавал значение таким деталям. Возможно, он нервничал перед встречей с Рузвельтом.

Бережков В. С. 272

Когда говорил американский президент, все присутствовавшие выслушивали его очень внимательно. Они наблюдали за ходом и поворотом его мысли, за меткими суждениями, шутками. Все сознавали, что он высказывал мысли, которые имеют огромное значение в предстоящем строительстве здания мира.

Выступал или делал замечания премьер-министр Англии. Он умело и даже ловко формулировал свои мысли, умел блеснуть и шуткой. Чувствовалось, что он «на ты» не только с политикой, но и с историей, особенно новейшей...

Тем не менее, как-то само собой получалось, что все присутствующие — и главные, и не главные участники — фиксировали взгляды на Сталине. Даже если говорил другой участник, то почему-то большинство присутствующих все равно наблюдали за Сталиным, за выражением его лица, за взглядом, стараясь понять, как он оценивает слова и мысли своих коллег.

И вот тихо, как бы между прочим, начинал говорить Сталин. Он говорил так, как будто кроме него присутствовали еще только двое. Ни малейшей скованности, никакого желания произвести эффект, ни единой шероховатости в изложении мысли у него не было. Каждое слово у него звучало так, как будто было специально заготовлено для того, чтобы сказать его в этой аудитории и в этот момент.

Обращало на себя внимание то, что во время высказываний Сталина, даже если они не относились к высокой политике, Рузвельт часто старался дать понять свое отношение — либо кивком головы, либо своим открытым взглядом — словам советского лидера.

Громыко А. Памятное: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 181, 227–228

И мой отец, и Черчилль блестяще знали историю. Сталин по-своему учил историю и географию. Он знал английский, отлично понимал по-английски, но виду не подавал. Я узнал об этом, когда брал у него интервью, а к тому времени я уже посещал курсы русского языка, и когда иногда в моем присутствии велся разговор по-русски, я мог понять, о чем речь. Я обнаружил, что он так же знает английский, как любой из тех русских, кто встречался с отцом, не считая

специалистов-переводчиков. Сталин внимательно слушал все, что говорили на этих встречах Черчилль и отец, затем ждал перевода и выигрывал таким образом время, отлично зная, что было сказано. У него было преимущество перед обоими, но он никогда себя не выдавал.

Э. Рузвельт (сын Ф. Рузвельта).

Цит. по: Соловьев Б., Суходеев В. С. 123

Когда в ходе заседания говорил Сталин — выступал он, как правило, с непродолжительными заявлениями — все присутствующие в зале ловили каждое его слово. Он нередко говорил так, что его слова резали слух обоих лидеров западных держав, хотя сами высказывания по своей форме вовсе не были резкими, тем более грубыми — такт соблюдался. То, что заявлял Сталин, плотно укладывалось в сознании тех, к кому он обращался.

Бросалось в глаза, что Рузвельт и Черчилль неодинаково реагируют на заявления Сталина: спокойно и с пониманием — Рузвельт и со строгим выражением лица, а то и с выражением плохо скрываемого недовольства — Черчилль...

Громыко А. Т. 1. С. 227

Надо заметить, что Сталин зарубежных деятелей не особенно баловал вниманием, берег честь и достоинство нашей страны. И уж тем более кощунственна была бы сама мысль о каком-то заигрывании с зарубежными деятелями, какого бы высокого ранга они ни были.

Соловьев Б., Суходеев В. С. 270

Не было ни одного лишнего слова, жеста, ужимки. Казалось, что говоришь с замечательно уравновешенной машиной, разумной машиной. Иосиф Сталин знал, чего он хочет, знал, чего хочет Россия, и он полагал, что вы также это знаете... Если он всегда такой же, как я его слышал, то он никогда не говорит зря ни слова... Кажется, что у него нет сомнений. Он создает у вас уверенность в том, что Россия выдержит атаки немецкой армии.

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 1. М., 1958. С. 547–548

...Сталин несколько раз пытался получить ответ от Черчилля, когда начнется высадка союзников в Европе, то есть когда будет открыт второй фронт. Но он так и не получил этого ответа. Однажды, едва сдержавшись, Сталин поднялся с кресла и сказал Ворошилову и Молотову:

— У нас слишком много дел дома, чтобы здесь тратить время. Ничего путного, как я вижу, не получается...

Черчилль в замешательстве, боясь, что конференция может быть сорвана, заявил:

— Маршал неверно меня понял. Такую дату можно назвать — май сорок четвертого...

Атмосфера разрядилась.

Участники конференции продолжали работу.

Громько А. Т. 1. С. 173

Этот человек умеет действовать. У него цель всегда перед глазами. Работать с ним одно удовольствие. Никаких околичностей. Он излагает вопрос, который хочет обсудить, и никуда не отклоняется.

Ф. Рузвельт.

Цит. по: Советская Россия. 1998. 15 янв.

При подписании коммюнике у т. Сталина что-то случилось с авторучкой. Он обратился ко мне. Я дал ему свою авторучку, которой и был подписан этот исторический документ. Эту ручку я храню как память об этом знаменательном дне.

Н. Власик.

Цит. по: *Логинов В. С.* 126

Пока на конференции решались мировые вопросы, мы с Белеховым случайно обнаружили недалеко от зеркального дворца гарем. Тут же невольно страсть «захотели пить». И под этим предлогом проникли в душный барак, поделенный на засиженные мухами каморки, в которых ютились женщины разных возрастов и разной красоты. Одни скучающе бродили, другие работали; третьи лежали. Некоторых надсмотрщики почему-то охаживали длинными арапниками. Нам тоже чуть не досталось от бородача, который предложил немедленно покинуть владение их шахского величества. Бедные, несчастные красавицы... Кой черт им так завидовали?..

Однажды во время обеда, который проходил в советском посольстве, Рузвельт похвалил советское шампанское, которое ему очень понравилось. Запомнив это, Сталин после обеда поручил мне тут же отправить Рузвельту ящик шампанского.

Н. Власик.

Цит. по: *Логинов В. С.* 125

Там же, в Тегеране, был и такой эпизод. Во время острого обсуждения проблемы второго фронта многие заметили, что Иден передал Черчиллю небольшую записочку. Премьер, прочтя ее, что-то приписал и вернул Идену. Тот, пробежав черчиллевскую запись, скомкал листок и бросил в стоявшую рядом корзину для бумаг. Когда заседание окончилось и все разошлись, Сталин поручил мне извлечь эту записку и доложить, о чем там идет речь. Он, видимо, полагал, что там могло быть нечто относящееся к позиции Англии по обсуждавшемуся вопросу.

Вместе с одним из офицеров сталинской охраны нам удалось найти листок, и я побежал с ним к Сталину, который вместе с Молотовым прогуливался в посольском парке.

Развернув бумажку, я стал читать: «Уинстон, у вас расстегнута ширинка».

И дальше рукой Черчилля: «Благодарю. Старый орел не выпадет из гнезда»...

Сталин очень потешался.

Бережков В. *С. 272*

За время пребывания в Тегеране т. Сталин нанес визит шаху Ирана Мохаммеду Реза Пехлеви в его поистине сказочном хрустальном дворце. Эту встречу мне лично удалось запечатлеть на фотографии.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 124

В знак уважения к вождю и нашей стране шах преподнес такой подарок, что Орлов с Туковым еле-еле дотащили его до машины. <...>

После конференции Сталин направился в Сталинград. Осмотрел разрушенный город, штаб Паулюса, на улицах — горы немецких касок.

— Эх, горе-завоеватели... В касках-то головы были?.. А город мы выстроим красивее прежнего. С нашим народом все сделаем!

Рыбин А. *С. 33*

Поехали по коридору среди развалин зданий и штабелей немецкой техники. Неожиданно машина Верховного столкнулась со встречной, шофером которой оказалась женщина. Сталин вышел. Увидев его, женщина перепуганно заплакала. Сталин успокоил ее:

— Да вы не плачьте... Наша машина бронированная, а вы свою поправите.

Тут откуда-то налетела милиция. Сталин заступился:

— Вы ее не трогайте. Она не виновата.

Н. Власик.

Цит. по: *Логинов В. С.* 28

— Вы ее не трогайте, она не виновата, виновата война.

Чуев Ф. С. 546

Двинулись дальше... Домой.

Рыбин А. С. 53

«Сталинский сокол» Василий Сталин

Все эти события мирового масштаба, конечно, не давали Сталину времени хотя бы мало-мальски сосредоточиться на семейных делах. Их, собственно, для него как бы и не существовало. Между тем с его сыновьями и дочерью продолжали происходить разного рода события, которые к приятным никак не отнесешь...

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 123

«В январе 1943 года я был назначен командиром 32-го Гвардейского истребительного авиаполка, где прослужил до декабря 1943 года».

Из автобиографии В. Сталина от 18 июня 1945 года

Из инспекции Василий уговорил лететь с ним в полк Коробкова, Якушина, Семенова, Баклана, Долгушина, Степана Микояна. Так группой на Як-9 и перебрались вчерашние летчики-инспектора на аэродром Старая Торопа.

— Только приземлились, собрались у землянки, — вспоминал потом Степан Анастасович (Микоян), — вдруг, откуда ни возьмись, «юнкерс»! Зенитки открыли по нему огонь, пара машин из дежурного звена пошла на взлет, а немец спокойно разворачивается и, как на полигоне, пикирует на нас. Уже сброшены бомбы. Каждая, когда летит, кажется, предназначена именно тебе. И хотя боевое крещение под Сталинградом я уже прошел, но, прямо скажу, ничего приятного от той встречи с «юнкерсом» не испытывал. Мгновенье — и с кем-то из пилотов скрылся в землянке.

Когда бомбы отгрохотали, все стихло, я пулей кинулся наверх: «Где Василий?» А Вася — живой, весь в снегу! — вылезает из сугроба сапогами вперед, и мы с минуту стоим молчаливые, растерянные. Все тогда обошлось, осколками только три самолета побило. Эх, и

смеялись потом: «Ничего себе, командир полка представился боевому коллективу!..»

Грибанов С. С. 153

Фамилия Сталин рождала у советских людей самый широкий спектр эмоций — от поклонения до ненависти. У летчика Сергея Долгушина не было повода для жалоб. Василий Иосифович Сталин, сын вождя, обязан был Долгушину своей жизнью, поэтому считал себя его должником.

В период октября-декабря 1942 года Долгушина для продолжения службы направили в инспекцию советских ВВС, начальником которой был Василий Сталин. В январе 1943 года инспекция была расформирована, а капитан Долгушин вернулся в свое соединение, которое в это время было переименовано в 32 ГИАП и получило нового командира. Им стал В. И. Сталин. Главная тяжесть боев легла на опытных пилотов: Долгушина, Бобкова, Мошина и Холодова. Командир полка также иногда выполнял боевые полеты, чаще всего в звене Долгушина. В 32 ГИАП он выполнил около 30 полетов, сбив 2—3 самолета противника. Во время одного из боевых полетов Василий Сталин оставил своего ведомого и бросился в погоню за «Fw-190». Увлеченный боем, он не заметил, что другая немецкая машина села ему на хвост. В этой ситуации его спас Долгушин, сбив немца. После вылета, не выбирая слов, Долгушин высказал молодому Сталину все, что думает о его методе полетов. Тот на минуту онемел, а потом ответил с улыбкой: «Сергей, может уже хватит?»

Краскова В. С. 161

Сохранились записи вылетов Василия Сталина в эти напряженные дни.

Вот десяткой истребителей группа ушла на прикрытие наших войск в район Хмели. В 13 часов 36 минут взлетели Сталин, Герасимов, Якушин, Коробков, Долгушин, Батов, Шишкин, Гнатенко, Луцкий, Хользунов. Задание выполнили. Но при возвращении летчики попали в такой снегопад, что свой аэродром не нашли, и сели в Старой Торопе.

Странно читать о сыне Сталина обывательские импровизации. Один уважающий себя весьма крупный авиационный специалист поставил как-то под сомнение сбитый Василием самолет. Маршал заявил в газетном интервью, что и летал-де Василий с няньками. Эх, добро бы рассуждал так дилетант, человек некомпетентный в летных делах — а то ведь летчик! Неужто неизвестно, что истребитель в боевой машине всегда один. Если летят на задание парой, звеном или эскадрильей — так это принятые боевые порядки. В той же паре ведомый — щит ведущего. А опытный ведущий разве бросит в беде своего напарника?

Так кто же здесь нянька?..

26 февраля Сталин вылетал на задание с Ореховым и был тогда ведущим пары. Орехов, что ли, нянька? Да, Владимир Александрович опытный воздушный боец, на него можно было положиться в любой схватке с противником. Но в тот же день Василий летал со Степаном Микояном — и опять ведущим. А Степан-то совсем молодой пилот...

Были боевые вылеты командира истребительного авиаполка Сталина в паре с Власовым, Луцким,

Якимовым. А то уходил на задание вообще один. Например, 8 марта, 9 марта.

...Напряженность боевой работы все нарастала. В начале марта Василий вылетал на задания почти ежедневно, иной раз делал по три-четыре боевых вылета в день. Об этом рассказывают штабные документы, те же политдонесения.

Заместитель командира полка по политической части майор Стельмашук 9 марта сообщал в дивизию следующее:

«С 1 по 7 марта было сделано на сопровождение самолетов Ил-2 в район цели, а также прикрытие своих войск 227 боевых вылетов, проведено 10 групповых воздушных боев. Сбито 20 самолетов противника, из них ФВ-190 — 8 самолетов, Ме-109 — 12 самолетов. Образцы боевой работы показывали летчики-коммунисты:

гв. старший лейтенант Лепин, сбивший 2 самолета Ме-109гг;

гв. капитан Почечуев, сбивший 1 ФВ-190 и 1 Ме-109ф;

гв. лейтенант Марков, сбивший 1 ФВ-190 и 1 Ме-109гг;

гв. младший лейтенант Разуванов, сбивший 2 самолета ФВ-190. Один самолет ФВ-190 сбит лично гв. полковником Сталиным. Исключительную отвагу проявил в воздушном бою 5 марта в районе Коломна и западнее коммуны имени Крупской Герой Советского Союза гв. капитан Холодов. Патрулировавшие наши 4 самолета, где старшим был тов. Холодов, встретили до 5 Ме-109гг и 5 ФВ-190. В завязавшемся неравном бою, видя явное превосходство сил противника, после нескольких атак гв.

капитан Холодов таранил Me-109гг, сам выбросился на парашюте. Таран подтверждает пленный немецкий летчик, тоже выбросившийся на парашюте.

В этом же бою, беря пример со своего командира, гв. капитан Коваль пошел на таран и таранил самолет противника ФВ-190, отрубив ему винтом хвост, сам произвел посадку на р. Ловать; был доставлен в тяжелом состоянии в госпиталь, поломав при посадке ввиду неуправляемости самолета обе руки и ногу. На тараненном немецком самолете ФВ-190 оказался летчик-майор. Таран подтверждают командиры зенитной батареи и летчики Лепин и Макаров...»

Далее майор Стельмашук доносил в политотдел дивизии о делах на земле:

«Заседанием партийной комиссии принято в ряды ВКП(б) — 5 человек.

Выпущен 1 номер стенгазеты.

Вывод: политико-моральное состояние полка хорошее, полк готов выполнять любую задачу».

Комиссар 32-го гвардейского авиаполка, как всегда, был педантичен в своих политдонесениях: два тарана, одна стенгазета, две поломанные руки и одна нога...

Остается добавить, что тот боевой вылет, когда истребителям 32-го гвардейского пришлось таранить противника — дважды в одном бою — проходил на высоте 200 метров и ниже. Они сошлись с большой группой «мессершмиттов» и «фоккеров». Завязался тяжелый бой. Наши летчики, как видно из политдонесения, стояли насмерть. Два «фоккера» бойцы сбили тараном. Один, горящий от атаки Василия Сталина, упал в районе деревни Семкина Горушка. Там же свое

место нашел и «фоккер», сбитый младшим лейтенантом Вишняковым.

Назову всех участников того боевого вылета: Холодов, Макаров, Баклан, Коваль, Сталин, Лепин, Шульженко, Вишняков.

Интересно, кто у кого в той огненной метели был нянькой?!

Грибанов С. С. *163–165*

Позывные радиообмена Василия Иосифовича были «Сокол». Соколом и был второй сын вождя.

Красиков С. С. *110*

«Сокол» — это был позывной Василия для радиообмена в полете. В достопамятные времена летчиков всех именовали соколами. Точнее говорили так: «сталинский сокол!» — и звучало это динамично, с вызовом. Мы гордились, что именно нам вождь выражал свою отеческую любовь. Да иначе, казалось, и быть не могло. Курсантам в летные книжки записывали: «Летчик — это концентрированная воля, характер, умение идти на риск». Или еще: «Сердце кровью обливается когда слышу, что летчика обижают». Так говорил Сталин, и мы верили — в обиду нашу братву он действительно не даст никому!

Грибанов С. С. *147*

Ни один военачальник, так или иначе встречавшийся в жизни с Василием, не мог сказать, что

отец способствовал должностному продвижению сына по службе, но Василий с начала войны рос как на дрожжах от майора до генерал-майора.

Е. Савицкий (маршал авиации).

Цит. по: *Грибанов С. С.* 125

«2 марта 1943 г. во время осмотра самолета Як-9, принадлежащего командиру 32-го гвардейского истребительного авиаполка гвардии полковнику Сталину В. И. (техник самолета — старший техник-лейтенант Поваренкин), обнаружено в соединении первой тяги от хвоста рулей глубины воткнутое техническое шило, которое заклинивало управление самолета.

Предварительным расследованием выяснилось, что самолет последний полет имел 26.2.43 г., с тех пор на нем производилась работа по проверке шасси и съемка бензобаков...

Считаю: совершен акт с диверсионной целью.

Необходимо немедленно: для личной охраны гвардии полковника Сталина, штаба полка и самолетов Сталина и капитана Микояна прикомандировать к полку 2 отделения по 10 человек автоматчиков из внутренних войск НКВД.

Заместитель командира 32 ГИАП

по политической части гв. майор Стельмашук.

2. III. 1943 г.».

Чтобы закончить разговор о настроениях людей 32-го гвардейского полка, командовать которым

предстояло сыну Сталина, приведу еще один документ тех давних лет:

«Организовать осмотр всего личного состава. Впредь на лечение дефицитные медикаменты, необходимые для раненых, не расходовать, а лечить старыми методами. Учитывая важность сохранения людских ресурсов, факт заболевания гонореей расцениваю как членовредительство и впредь на заболевших буду накладывать самые строгие взыскания, вплоть до предания суду».

В. Сталин».

Такой вот приказ. Подказала его жизнь. Судя по нему, дух у гвардейцев 32-го авиаполка был вполне крепок.

Грибанов С. С. 156

— Он себя ранил во время войны — что-то взорвалось около него на пирушке, а попить он умел...

В. Молотов.

Цит. по: Чуев Ф. С. 358

Последний штрих Васильиных «чудаществ» — это рыбная ловля под аккомпанемент реактивного снаряда, которая кончилась трагически: напарник погиб, а Василий с сильным ранением в ногу угодил в госпиталь. После этого Зубалово закрыли, а Василия отовсюду выгнали.

Аллилуев В. С. 166

Говорят, от состояния звезд при рождении будут зависеть все твои и взлеты, и падения. Под каким знаком родился — так и пойдет. Не по этому ли поводу премудрый Соломон заметил однажды: мы едва можем постичь и то, что на земле, и с трудом понимаем то, что под руками, а что на небесах — кто исследовал?..

Так ли, не так, но вот в судьбе Василия Сталина один месяц — март.

В этом месяце, 19 числа, 1921 года Василий родился.

В марте 1940 года он окончил Качинскую школу летчиков и получил первичное воинское звание — лейтенант.

11 марта 1943 года его наградили орденом Александра Невского.

1 марта 1946-го постановлением Совнаркома СССР Василию Сталину присвоено воинское звание генерал-майор авиации.

5 марта 1953 года умер отец Василия.

26 марта 1953 года приказом министра обороны Василия Сталина уволили из кадров Советской Армии.

19 марта 1962 года смерть Василия.

Такой вот получается расклад — без компьютера. Если же еще обратиться к хронике военных лет, к тому весеннему месяцу, когда в Россию возвращаются жаворонки, заметим, что 5 марта в воздушном бою над Семкиной Горушкой Василий Сталин сбил и самолет противника — ФВ-190.

21 марта пятеркой «яков» Василий сопровождал правительственный «дуглас» на участке маршрута Калинин — Москва: Задание с ним выполняли тогда Власов, Бабков, Орехов, Луцкий. Это был последний вылет Василия в компании лихих пилотяг, которых он собрал в полк еще под Сталинградом.

23 марта поступило распоряжение: 32-му истребительному перелететь на подмосковный аэродром Малино. Предстояло укомплектование полка людьми, боевой техникой. 1-й истребительный авиакорпус, в который входил полк Сталина, выводили из боев — начиналась подготовка к Курской битве. Но вместо аэродрома Малино Василий приземлился всем полком на одном из полевых аэродромов.

«Пилотам надо отдохнуть», — принял он командирское решение. И отдохнули...

Грибанов С. С. 169

«...Происшествие произошло при следующих обстоятельствах. В 15.30 группа летного состава, состоящая из командира АП полковника Сталина В. И., Героя Советского Союза подполковника Власова Н., заместителя командира 3 АЭ, Героя Советского Союза капитана Баклан А. Я., заместителя командира 2 АЭ, Героя Советского Союза капитана Котова А. Г., заместителя командира 1 АЭ, Героя Советского Союза Гаранина В. И., командира звена старшего лейтенанта Шишкина А. П., инженера по вооружению полка инженер-капитана Разина Е. И., вышла на реку Селижаровка, находящуюся в 1,5 километра от аэродрома, на рыбную ловлю.

Бросая в воду гранаты и реактивные снаряды, глушили рыбу, собирая ее с берега сачком. Перед бросанием реактивного снаряда инженер-капитан Разин предварительно ставил кольцо капсуля детонатора на максимальное замедление (22 секунды), отворачивал ветрянку, а затем бросал снаряд в воду. Так им лично было брошено 3 реактивных снаряда. Готовясь к броску последнего реактивного снаряда, инженер-капитан Разин вывернул ветрянку — мгновенно произошел взрыв в руке, в результате чего 1 человек был убит, 1 тяжело и 1 легко ранен...»

Из политдонесения о чрезвычайном происшествии в 32-м гвардейском истребительном авиаполку.

Такое вот вышло приключение на рыбалке у реки. Тем, легко раненным, выпало быть Василию. Осколком реактивного снаряда ему раздробило пятку правой ноги.

Грибанов С. С. 170

Об обстоятельствах ранения В. И. Сталина его адъютант на допросе 3 апреля 1953 г. сообщил следующее: «В 1943 году я, будучи адъютантом авиаэскадрильи, принимал участие в рыбной ловле, которая была организована Василием Сталиным на реке в районе гор. Осташково, Калининской области. Эта рыбная ловля кончилась тем, что один из авиаснарядов «РС», которыми мы глушили рыбу, взорвался в руках участвовавшего в ней полкового инженера. Взрывом этот инженер был убит, а летчик Котов и Василий Сталин ранены.

Приказом Верховного Главнокомандующего Василий Сталин был отстранен от должности инспектора истребительного авиакорпуса и в течение восьми месяцев после этого отсиживался на даче во Внуково».

Из архива НКВД.

Ф. 45, оп. 1, д. 1557, л. 40—41.

Цит. по: Иосиф Сталин в объятиях семьи: Сб. документов.

«Тов. Сталин В. И. доставлен в Кремлевскую больницу 4/IV-43 г. в 11 часов по поводу ранений осколком снаряда.

Ранение левой щеки с наличием в ней мелкого металлического осколка и ранение левой стопы с повреждением костей ее и наличием крупного металлического осколка.

В 14 часов 4/IV-43 г. под общим наркозом проф. А. Д. Очкиным произведена операция иссечения поврежденных тканей и удаления осколков.

Ранение стопы относится к разряду серьезных.

В связи с загрязнением ран введены противостолбнячная и противогангренозная сыворотки.

Общее состояние раненого вполне удовлетворительное.

Начальник Лечсанупра Кремля *Бусалов*

Заключение лечсанупра Кремля о состоянии здоровья В. И. Сталина от 4 апреля 1943 г.

Конечно, Сталину об этом доложили, и он пришел в ярость.

Аллилуев В. С. 57

Обычно, после похорон погибшего летчика летное начальство разрешало психологическую разгрузку танцами — до упаду. Иногда девчата из соседних с аэродромом деревень, не зная причины сих мероприятий, спрашивали пилотов: «Что-то давно у вас танцев не было?..»

Василию Сталину психологическую разгрузку после той рыбалки снова определил отец.

Грибанов С. С. 170

«Командующему ВВС Красной Армии
маршалу авиации тов. *НОВИКОВУ*

ПРИКАЗЫВАЮ:

1) Немедленно снять с должности командира авиационного полка полковника СТАЛИНА В. И. и не давать ему каких-либо командных постов впредь до моего распоряжения.

2) Полку и бывшему командиру полка полковнику Сталину объявить, что полковник Сталин снимается с должности командира полка за пьянство и разгул и за то, что он портит и развращает полк.

Исполнение донести.

Народный Комиссар Обороны *И. Сталин*»

Приказ Наркома Оборона СССР

26 мая 1943 г.

Василий лежал в госпитале, торопил время, подгоняя врачей.

Грибанов С. С. 23

Василия отовсюду выгнали, и он, выйдя из госпиталя с перевязанной еще ногой, какое-то время жил у нас, часто жалуясь моей матери, что его не хотят послать на фронт: «Этими руками только чертей душить, — возмущался Василий, а я сижу здесь, в тылу!»

Аллилуев В. С. 57

Смерть Якова

И ни он, ни отец не знали тогда, что 14 апреля 1943 года не стало Якова Джугашвили.

Грибанов С. С. 23

Яша перенес почти четыре года плена, который наверное был для него ужаснее, чем для кого-либо другого...

Аллилуева С. С. 147

О судьбе Якова Джугашвили существует много версий. По одной — он умер в конце 1944 года от сыпного тифа в лазарете лагеря Ламсдорф. По другой — бросился на колючую проволоку, в которой был пропущен электроток.

Краскова В. С. 115

Я видела недавно во французском журнале статью шотландского офицера, якобы очевидца гибели Яши. К статьям подобного рода надо относиться осторожно — на Западе слишком много всяких фальшивок о «частной жизни» моего отца и членов его семьи. Но в этой статье — похожи на правду две вещи: фото Яши, худого, изможденного, в солдатской шинели, безусловно, не подделка; и тот, приведенный автором факт, что отец тогда ответил отрицательно, на официальный вопрос корреспондентов о том, находится ли в плену его сын. Это значит, что он сделал вид, что не знает этого, — и тем самым, следовательно, бросил Яшу на произвол судьбы... Это весьма похоже на отца — отказываться от своих, забывать их, как будто бы их не было... Впрочем, мы предали точно также всех своих пленных...

Аллилуева С. С. 148

«Оперативным Сектором МВД гор. Берлина 10-го июля С. г. был арестован работник отдела «1-Ц» Главного штаба Центральной группы немецких войск — Генсгер Пауль.

Будучи допрошенным, он показал, что в 1941 году в городе Борисове он в качестве переводчика участвовал на допросе старшего лейтенанта артиллерии Джугашвили Якова. Допрос вел капитан отдела «1-Ц» доктор Шульце, работник 5 отдела Главного Управления Имперской Безопасности. После допроса Джугашвили был направлен в концлагерь Заксенхаузен.

В дальнейшем нами было установлено, что американцы в 1945 году арестовали более 15 работников лагеря Заксенхаузен. Поэтому была заявлена просьба передать их для дальнейшего следствия нам, так как лагерь Заксенхаузен находится на нашей территории. Американцы передали арестованных, в числе которых оказался комендант лагеря Кайндль полковник «СС», и командир охранного батальона Вегнер подполковник «СС».

В целях проверки показаний Генсгера был допрошен арестованный бывший командир охранного батальона «СС» дивизии «мертвая голова», охранявшего концлагерь Заксенхаузен Вегнер Густав, 1905 года рождения, с высшим полицейским образованием, член фашистской партии с 1939 года.

На допросе Вегнер Густав показал, что в концлагере Заксенхаузен находился особый лагерь «А». В этом лагере содержались генералы и старшие офицеры Красной Армии, английской и греческой армий.

В марте месяце 1943 года Вегнер шел по территории особого лагеря «А» вместе с комендантом концлагеря Заксенхаузен полковником «СС» — Кайндль, который обратил его внимание на барак № 2 и сказал, что в этот барак сегодня должны быть переведены из тюрьмы концлагеря два старшие лейтенанта, один из которых

является сыном Сталина, а второй родственником Молотова.

При этом приказал ему, чтобы в бараке вывесили правила поведения военнопленных на русском языке.

На следующий день действительно в барак № 2 были переведены генерал Бессонов, два подполковника и старшие лейтенанты Джугашвили Яков и Кокорин. Генерал-майор Бессонов у немцев был начальником школы диверсантов-подростков в гор. Познань, в настоящее время арестован и находится в Москве.

В последующем Вегнер несколько раз приходил в барак № 2 и спрашивал у старшего лейтенанта Джугашвили, какие он имеет просьбы к комендатуре лагеря. Джугашвили никогда ничего не просил, кроме газет, по которым интересовался положением на фронте. Свою фамилию Джугашвили никогда не называл. Держал себя всегда независимо и с некоторым презрением к администрации лагеря.

Далее Вегнер показал, что в конце 1943 года ему стало известно что Джугашвили был убит часовым «при попытке к бегству». Подробностей убийства Вегнер, якобы, не знает, так как следствие по этому случаю велось по поручению Гимmlера.

В связи с такими показаниями нами был допрошен комендант концлагеря Заксенхаузен — Кайндль, полковник СС, член фашистской партии с 1937 года, который подтвердил, что действительно старший лейтенант Джугашвили в течение трех недель содержался в лагерной тюрьме, а затем по указанию Гимmlера был переведен в особый лагерь «А». Этот лагерь состоял из трех барачков, огороженных каменной стеной и, кроме того, на расстоянии 2-х метров от стены

были поставлены 3 забора из колючей проволоки. Через один из них был пропущен ток высокого напряжения.

Как показал Кайндль, он каждую неделю входил в барак № 2 и интересовался заключенными.

Генерал Бессонов по заданию Гиммлера писал проект о реорганизации России по принципу Германии. Кайндлю было известно, что Бессонов и два подполковника являлись агентами гестапо, работали более года под руководством немцев по разложению Красной Армии, но в чем-то провинились и поэтому их направили в концлагерь.

Старший лейтенант Джугашвили держал себя замкнуто, ни с кем не разговаривал, в том числе и с генералом Бессоновым, и никаких просьб к администрации лагеря не заявлял, но весьма интересовался положением на фронте.

Кайндль один раз, по просьбе Джугашвили, кроме газет, дал карту с обозначением положения частей Красной Армии и немецкой армии. Джугашвили долго и внимательно рассматривал карту.

И. А. Серов — С. Н. Круглову. Берлин, 14 сентября 1946 г.

Цит. по: Иосиф Сталин в объятиях семьи: Сб. документов

Довольно долго немецкое командование не оставляло попыток использовать факт пленения Якова Джугашвили в пропагандистских целях. Яков Джугашвили содержался под надзором в ведомстве Геббельса, и лишь в начале 1942 года его, как

обыкновенного пленного, отправили в офицерский лагерь «Хаммельбург XIII Б». Затем последовал перевод в лагерь «ХС» под Любеком, неудачная попытка побега через подкоп из барака и очередной перевод — в концлагерь Заксенхаузен.

Краскова В. С. 111

В 1964 году с группой наших и немецких летчиков я совершал этакий пропагандистский полет дружбы по Германской Демократической Республике. Повод для этого был достаточно серьезный. Три наших парня только что получили боевые Ордена: летчики Иванушкин и Зиновьев — Красного Знамени, штурман наведения Гуринов — Красной Звезды. С летчиками так недолго просуществовавшей на страже идей мировой революции Национальной народной армии ГДР мы встретились в Берлине. Вечерком познакомились накоротке, отчего Федя Зиновьев утром следующего дня оказался в полном отпаде и отъезд по маршруту пришлось задержать, пока Федю в чувство приводили. Но потом ничего. Полетели!

Было много интересных встреч с рабочими, крестьянами, бывшими генералами и солдатами вермахта. Познакомились мы и с различными достопримечательностями, как тогда писали, братского государства.

Побывали в бывшем концлагере Заксенхаузене. Мрачное место. Каменные стены, бараки, проволочный забор под электротоком в 1000 вольт напряжением, крематорий.

Так вот сюда после нескольких неудавшихся попыток побега в особое отделение «А» и был помещен старший лейтенант Я. Джугашвили.

Грибанов С. С. 230–231

Есть очевидцы таких слов генерала Д. М. Карбышева, сказанных им в адрес Якова (в апреле 1942 года генерала доставили в Хаммельбург): «К Якову Иосифовичу следует относиться как к непоколебимому советскому патриоту. Это очень честный и скромный товарищ. Он немногословен и держится особняком, потому что за ним постоянно следят. Он опасается подвести тех, кто с ним будет общаться».

Аллилуев В. С. 53

Спустя много лет, возвращались домой люди, которые тоже побывали в плену, а освободившись из плена, попадали к нам в лагеря, в тайгу, на север... Многие слышали о том, что Яша был в плену, — немцы использовали этот факт в пропагандных целях. Но было известно, что он вел себя достойно, не поддаваясь ни на какие провокации и, соответственно, испытывал жестокое обращение.

Аллилуева С. С. 146

«Капитан артиллерии Яков Иосифович Джугашвили (сын маршала СССР товарища Сталина) находился со мной в плену в Южной Баварии, около маленького города Гоммельбурга. Лагерь военнопленных был международного характера, где были заключены в

застенки: — советские, французские, английские и бельгийские офицеры. В этом лагере были заключены 27 советских генералов и много старшего начальствующего состава РККА.

Яков Джугашвили в этом лагере был заключен с апреля месяца 1942 года и был в нем по июнь 1942 года, после чего был переведен в другой мне неизвестный лагерь. Яшу Джугашвили лично знали многие советские офицеры. За короткий промежуток времени нахождения в Гоммельбургском лагере показал себя стойким, а своим поведением мужественным и непоколебимым советским офицером, достойным сыном Великого отца, Маршала товарища Сталина. Питание он получал такое же, как и остальные советские офицеры, т. е. 150 гр. отварного — «хлеба», в день один раз брюквенный суп без всякой приправы.

Немцы его использовали на хозяйственных работах внутри лагеря, воспользовавшись его способностями; — он работал резчиком по кости. Из лошадиных костей он резал фигуры, шахматы, табачные трубки и т. д.

Ежедневно приезжали к нему фотокорреспонденты фашистских газет с сотрудниками Гестапо, чтобы принудить Яшу и получить от него им выгодные сведения, на что всегда встречали твердый отказ: «Я люблю свою Родину, я никогда ничего не скажу плохого о моей Родине!» — таков был ответ Яши. Яшу Джугашвили одели немцы в «камуфлет». На его красноармейском мундире в 12-ти местах большими буквами разноцветными красками было написано «S. U.»

Начальник штаба 1-го Сов. партизанского полка

майор
(Минасян)».

Справка майора Минасяна о Я. Джугашвили от 12 марта 1945 г.

Цит. по: Иосиф Сталин в объятиях семьи: Сб. документов. С. 202

Капитан А. К. Ужинский, москвич, находился тогда в этом лагере. Однажды на его глазах охранник стал выводить на одежде Якова буквы СУ (Совет Унион), он расчертил ее всю, вплоть до пилотки. Пока «художник» трудился, Яша обернулся к толпившимся рядом пленным офицерам и громко крикнул: «Пусть малюет! «Советский Союз» — такая надпись мне делает честь. Я горжусь этим!»...

А вот свидетельство из стана врагов. Эсэсовец И. Кауфман, бывший охранник в Хаммельбурге, писал в 1967 году на страницах западногерманской газеты «Вильд ам эснтаг»: «Сын Сталина выступал в защиту своей страны всякий раз, как представлялся случай. Он был твердо убежден, что русские победят в войне».

Аллилуев В. С. 53

Немецкий разведчик, капитан Штрик-Штрикфельд, живший в ФРГ, вспоминал, как пытался завербовать Якова на создание своей армии против Красной Армии — позднее на эту роль вербовали генерала Власова:

«Сын Сталина с неприязнью встречал мои рассуждения о превосходстве германской нации: «Находясь в ваших руках, я за все время не обнаружил ни одной причины смотреть на вас снизу вверх».

Васильева Л. С. 77

Во время пребывания в Любеке Джугашвили сдружился с поляками. Его близкими друзьями были поручик Кордани, свободно говоривший по-русски, поручик Венцлевич, поручик Мысловский. Мы обсуждали разные темы, играли в карты, шахматы... Рассказывая о своих трагических переживаниях, он подчеркивал, что никогда не изменит родине, что заявления немецкой прессы — ничем не прикрытая ложь. Он верил в победу Советского Союза...

Салацкий В. (польский военнопленный). // Литературная Грузия. 1978. № 6

Четвертого мая 1942 года трое вооруженных автоматами охранников во главе с капитаном ввели в наш барак пленного в советской военной форме. Этот тщательно охраняемый пленный и был старший лейтенант Джугашвили. Мы сразу узнали его: без головного убора, черноволосый, точно такой же, как на фотографии, помещенной в фашистской газете... Несколько раз мне удавалось встретиться с Яковом с глазу на глаз. Он рассказывал о том, что никогда не делал немцам никаких заявлений, и просил — если ему больше не придется увидеть своей родины, сообщить отцу, что он остался верен воинскому долгу. Все, что состряпала фашистская пропаганда — ложь.

Венцлевич М. (польский военнопленный) // Литературная Грузия. 1978. № 6

В «Деле № Т-176» (это дело завели англичане, после того, как в их руки попали документы о гибели Я. Джугашвили. — *Е. Г.*) зафиксировано, что незадолго до своей смерти заключенный заявил: «Скоро германские захватчики будут переодеты в наши лохмотья и каждый из них, способный работать, поедет в Россию восстанавливать камень за камнем все то, что они разрушили...»

Аллилуев В. С. 53

Немцы продержали его в плену в лагере до конца войны, в лагере и убили его, якобы при попытке к бегству. По словам бывшего французского премьер-министра Эррио, который находился с ним в этом лагере, Яков вел себя исключительно достойно и мужественно. После окончания войны Эррио писал об этом Сталину.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 94

В Национальном архиве США, в отделе трофейных документов, хранится письмо Г. Гимmlера в министерство иностранных дел. Он пишет:

«Дорогой Риббентроп!

Посылаю Вам рапорт об обстоятельствах, при которых военнопленный Яков Джугашвили, сын Сталина,

был расстрелян при попытке к бегству из особого блока «А» в Заксенхаузене близ Ораниенбурга.

Хайль Гитлер.

Ваш Генрих Гиммлер».

Аллилуев В. С. 53

Относительно убийства Джугашвили, Кайндль показал, что в конце 1943 года старший лейтенант Джугашвили был убит часовым при следующих обстоятельствах:

Арестованные барака № 2 были на прогулке около барака. В 7 часов вечера СС-овец — Юнглинг, наблюдавший за ними приказал зайти в барак и все пошли. Джугашвили не пошел и потребовал коменданта лагеря. СС-овец Юнглинг повторил свое приказание, но Джугашвили отказался его выполнить. Тогда СС-овец сказал, что пойдет звонить по телефону коменданту Кайндлю. Во время разговора по телефону Юнглинг сказал Кайндлю, что слышит выстрел и повесил трубку. В это время, как показывает Кайндль, происходило следующее: Джугашвили, идя в раздумьи, перешел через нейтральную тропу к проволоке. Часовой взял винтовку на изготовку и крикнул «стой». Джугашвили продолжал идти. Часовой крикнул «стрелять буду».

После этого окрика Джугашвили начал ругаться, схватился руками за гимнастерку, разорвал ворот, обнажил грудь и закричал часовому «стреляй». Часовой выстрелил в голову и убил Джугашвили.

Арестованный Кайндль, чтобы оправдаться в расстреле Джугашвили на допросе добавил, что

Джугашвили одновременно с выстрелом часового схватился за проволоку высокого напряжения и сразу же упал на первые два ряда колючей проволоки.

В таком положении убитый Джугашвили по указанию Кайндля лежал 24 часа, пока не поступило распоряжение Гимmlера снять труп и отвезти на исследование в лагерьный крематорий. Затем в крематорий приехали два профессора из Имперской Безопасности, которые составили акт о том, что Джугашвили убит ударом электрического тока высокого напряжения, а выстрел в голову последовал после. Вместе с этим в акте было записано, что часовой действовал правильно, согласно инструкции.

После заключения профессоров, тело Джугашвили было сожжено в крематории, а пепел помещен в урну, которая была отправлена вместе с материалами расследования убийства Джугашвили в Главное Управление Имперской Безопасности.

Как показывает Кайндль, он во время следствия боялся неприятностей от Гимmlера, но дело обошлось «благополучно».

В целях проверки правильности показаний Кайндля о расстреле Джугашвили, ему было предложено описать внешний вид Джугашвили.

Кайндль хорошо помнит внешний облик Джугашвили и правильно описал его.

Кроме того, был предъявлен снимок Джугашвили, вырезанный из немецкого журнала. И на снимке Кайндль сразу показал Джугашвили.

Таким образом, показания Кайндля в той части, что у него в лагере в 1943 году содержался и был расстрелян Джугашвили, не вызывают сомнения.

Добавление Кайндля о том, что Джугашвили убит электрическим током высокого напряжения является вымыслом Кайндля в целях смягчения его ответственности за расстрел Джугашвили.

На заданный мной вопрос Кайндлю, где хранилось личное дело на военнопленного Джугашвили, он ответил, что дело хранил у себя в сейфе, а перед капитуляцией Германии приказал своему адъютанту сжечь.

В ходе следствия установлено, что комендант концлагеря полковник «СС» — Кайндль и командир охранного батальона «СС» — подполковник «СС» ВЕГНЕР, боясь предстоящей ответственности за совершенные преступления в концлагере, не все говорят. Зафиксированы их попытки покончить жизнь самоубийством, при этом высказывают намерения броситься на часового, разбиться о стену камеры и т. д.

В связи с тем, что при приеме нами арестованных работников «СС» лагеря Заксенхаузен от американцев последние просили пригласить их на суд, поэтому применить меры физического воздействия к арестованным Кайндлю и ВЕГНЕРУ в полной мере не представилось возможным. Организованы агентурные мероприятия по внутрикамерному освещению арестованных.

В связи с передачей оперативной работы по Германии в МГБ, все материалы по этому вопросу будут находиться в Берлинском Оперсекторе.

Зам. Министра Внутренних Дел

Союза ССР *И. СЕРОВ*

*И. Серов — С. Круглову (министру ВД СССР).
Берлин. 14 сентября 1947 г.*

Джугашвили пролез через проволоку и оказался на центральной полосе. Затем он поставил одну ногу на полосу колючей проволоки и одновременно левой рукой схватился за изолятор. Отпустив его, схватился за электрический провод. Мгновение он стоял неподвижно, с отставленной назад правой ногой, грудью вперед, закричав: «Часовой! Вы же солдат, не будьте трусом, застрелите меня!» Я выстрелил из пистолета. Пуля попала в голову, в четырех сантиметрах от правого уха. Смерть была мгновенной...

Из свидетельства К. Харфика,

*офицера СС, дежурившего 14 апр. 1943 г. при
ограждении лагеря.*

Цит. по: *Красикова С. С. 105*

«Попытка к бегству», — рапортовало лагерное начальство.

Васильева Л. С. 101

В архиве Заксенхаузена хранились воспоминания бывшего узника этого лагеря Гарри Науекса. Он свидетельствовал о том, что Яков Джугашвили 14 апреля 1943 года отказался войти в барак и бросился в запретную зону. Раздался выстрел — и пуля сразила

пленника. Для того чтобы гибель сына Сталина квалифицировать как «попытку к бегству», охранники бросили его на проволоку с током.

Грибанов С. С. 232

Как считалось долгое время, фотографии повисшего на проволоке тела Якова обошли многие газеты мира. Однако некоторые свидетельства бывших узников и охранников концлагеря позволили взглянуть на его гибель иначе. Согласно этим свидетельствам, после отказа Сталина обменять своего сына на фельдмаршала Паулюса гитлеровцы решили отомстить, запечатлев на киноплёнке мучительную казнь Якова, с тем, чтобы передать эту плёнку отцу.

Краскова В. С. 111

Есть и заключение о смерти Якова Джугашвили. Врач эсэсовской дивизии «Мертвая голова» подтверждает, что 14 апреля 1943 года он осмотрел пленного и констатировал смерть от выстрела в голову...

Грибанов С. С. 232

В конце войны

В июне 1943 года Сталин вызвал меня и назначил Командующим Резервным фронтом. Характеризуя положение этого фронта и его значение, он несколько раз упоминал о том, что войска разбросаны сейчас на больших степных просторах. В конце концов, несколько раз повторив слово «в степях» Верховный Главнокомандующий сказал:

— Так и назовем его — Степной фронт.

У меня сложилось впечатление, что Сталин уже тогда довольно отчетливо видел, как будут развиваться летом дальнейшие операции. Более того, он представлял, какое значение может и должен сыграть в них Степной фронт.

Попутно отмечу, что формирование в тылу действующих фронтов целого Резервного фронта из шести укомплектованных общевойсковых армий и танковой армии плюс несколько механизированных танковых и кавалерийских корпусов с большим количеством приданных артиллерийских частей — было, пожалуй, беспрецедентным делом в истории войн. Чтобы создать в тылу такой мощный кулак, Верховному Главнокомандующему нужно было обладать сильным характером и большой выдержкой.

Конев И. С. *494–495*

В тот памятный вечер, оставивший у меня неизгладимое впечатление, И.В.Сталин не раз по ходу доклада и в процессе его обсуждения также разъяснял нам, как наилучшим образом использовать боевые свойства пехоты, танков, авиации в предстоящих летних операциях Красной Армии. <...> Из Кремля я вернулся

весь во власти новых впечатлений. Я понял, что во главе наших Вооруженных Сил стоит не только выдающийся политический деятель современности, но также и хорошо подготовленный в вопросах военной теории и практики военачальник...

Во время обсуждения предложений командующих Верховный был немногословен. Он больше слушал, изредка задавал короткие, точно сформулированные вопросы. У него была идеальная память на цифры, фамилии, названия населенных пунктов, меткие выражения. Сталин был предельно собран...

Баграмян И. Х. Так мы шли к победе. М. Воениздат, 1977. С. 59, 61, 300

Должен сказать по справедливости, что во второй половине войны Сталин не игнорировал Генеральный штаб. Ранее он допускал большие просчеты в своем подходе к этому чрезвычайному военному органу. Я бы даже сказал, что Сталин просто неправильно относился к нему, не понимал до конца характера, роли и значения организации управления войсками. Ко второй половине войны он уже убедился в том, что Генеральный штаб — это его основной орган управления, на который он может положиться как Верховный Главнокомандующий, и через который призван осуществлять все свои распоряжения... Во время вызовов командующих фронтов к Сталину в последние годы войны при всех обстоятельствах присутствовали представители Генштаба — начальник Генерального штаба или исполняющий его обязанности и начальник Оперативного управления. В конце войны это — генералы А. И. Антонов и С. М. Штеменко. Никаких стенографисток и никакого иного фиксирования

происходивших разговоров, как правило, не было... Сталин, как правило, не отдавал распоряжений в отсутствие этих руководящих работников Генерального штаба. Видимо, он уже отлично понял, что без этого военного органа ему, как Верховному Главнокомандующему, обходиться нельзя. Добавлю к этому, что с точки зрения планирования операций, он очень серьезно считался с предложениями командующих фронтами.

Конев И. С. 490

И Сталин, если первое время, в начале войны, посылал нашего брата к черту, многое брал на себя, явно переоценивая свои силы и военные знания, потом изменил к нам свое отношение и особенно уже в 1943-1944 гг. Иногда сам принимает решение, потом спрашивает наше с Жуковым мнение: «Ну, что?»

Говорим: «Товарищ Сталин, нам казалось бы в этой обстановке надо сделать то-то и то-то, внести такие-то коррективы, уточнения в план операции».

— Ну, черт возьми, где же вы были, что же вы молчали?

— Нет, мы эти предложения уже вносили.

Подумает и, как правило, соглашается с замечаниями.

А. Василевский.

Цит. по: *Куманев Г. С. 244*

То, что я еще скажу, относится не только к этой последней встрече, но и к ряду предыдущих на последнем этапе войны. В этот период он показывал себя человеком, внешне весьма компетентным в вопросах оперативного искусства. Но все-таки в этой сфере и теперь его знания были поверхностны и подлинной глубины понимания оперативной обстановки он не проявлял.

Что касается общей стратегической обстановки, то Сталин обстоятельно разбирался в ней, быстро улавливал происходящие перемены. Вообще, к концу войны у него все более и более проявлялась уверенность в своих суждениях, в своих выводах по чисто военным вопросам. А вместе с этой уверенностью появлялось и все большее спокойствие. Он все реже навязывал командующим фронтами свои собственные решения по частным вопросам, — наступайте вот так, а не эдаким образом.

Раньше, бывало, навязывал, указывал, в каком направлении и на каком именно участке более выгодно наступать или сосредоточивать силы. Сейчас, к концу войны, всего этого не было и в помине. Зато он очень тщательно рассматривал все вопросы, связанные с количеством войск, вооружением и боевой техникой, которые просил тот или иной фронт. Здесь он спорил достаточно компетентно, знал общий состав вооруженных сил и возможности, из которых приходилось ему исходить, что-то давая или в чем-то отказывая тому или иному фронту.

«Дорогой

Иосиф Виссарионович!

Коллектив школы № 175 Свердловского района г. Москвы поздравляет Вас с окончанием Вашей дочерью Светланой курса средней школы с аттестатом отличника и выражает уверенность, что и в дальнейшем она будет работать всегда и везде со свойственной ей глубиной и настойчивостью.

По поручению коллектива школы

Директор школы О. Леонова

15 июня 1943 г.»

О. Леонова — Сталину.

Цит. по: Иосиф Сталин в объятиях семьи: Сб. документов

Видел Сталина в гневе, в раздражении, даже в иступлении. Ругаться он умел, беспощадным быть тоже. Помню историю в районе, кажется, Холма (не уверен в пункте. — *К.С.*) в сорок втором году зимой, когда дивизия Масленникова попала в окружение и осталась на голодном пайке. Мне как начальнику Генерального штаба было поручено организовать ее снабжение по воздуху. Непосредственно как авиатор занимался этим делом Жигарев. И вот случись же так, что целый отряд транспортных самолетов, который сбрасывал провиант, промахнулся, и весь груз сбросил на глазах у дивизии Масленникова немцам. Масленников, видя это, дает отчаянную радиограмму: «Мы дышаем с голоду, а вы кормите немцев!» Радиограмма попала к Сталину. Сталин вызвал меня и Жигарева и был во время этого разговора

настолько вне себя, что я один момент боялся, что он своими руками расстреляет Жигарева тут же, у себя в кабинете.

К зиме сорок третьего — сорок четвертого года, когда мы вышли 4-м и 3-м Украинскими фронтами на нижнее течение Днепра и отрезали Крым, но не ворвались в него, у немцев оставался против нас на восточном берегу Днепра так называемый Никопольский плацдарм. Я так же, как и командующие фронтами, не считал, что плацдарм представляет для нас непосредственную опасность, и считал необходимым решать дальнейший исход дела на западном берегу Днепра — нанося удары вглубь, через Днепр, значительно севернее плацдарма. Мы считали, что тем самым заставим немцев самих уйти с этого плацдарма.

Именно так мы докладывали Сталину и докладывали не один раз. Но он в этом случае уперся. Его крайне беспокоил этот плацдарм, он боялся, что немцы сосредоточат на нем силы и ударом с плацдарма на юго-восток, к морю, отрежут 4-й Украинский фронт. Никакие наши убеждения на него не действовали, и он требовал от нас во что бы то ни стало отнять у немцев этот плацдарм. И сколько мы положили людей в безуспешных атаках на этот плацдарм, один бог знает! Несколько раз настаивали на отмене приказа, мотивируя невыгодностью для нас лобовых ударов по этому плацдарму, — ничего не помогло. Через два или три месяца, уже в разгаре зимы, Сталин запросил наши соображения о предстоящем наступлении 4-го и 3-го Украинских фронтов. Я как представитель Ставки, координировавший действия обоих фронтов, представил вместе с командующими наши соображения. У нас, особенно после потерь на Никопольском плацдарме, с

силами было не так густо, и мы запросили значительное количество сил и средств, необходимое, по нашему мнению, для решительного наступления обоих фронтов.

Через день после того, как наши соображения были направлены в Ставку, раздался звонок Сталина.

— Говорит Сталин. Василевский?

— Да. Слушаю вас, товарищ Сталин.

— Скажите, Василевский, кто у нас начальник Генерального штаба?

Что ответить на такой вопрос? Я ответил, что официально начальником штаба по сей день являюсь я. Во всяком случае, я так считаю.

Сталин на это отвечает:

— И я так до сих пор считаю. Но если вы начальник Генерального штаба, почему же вы пишете в Ставку такую ерунду, которую вы написали в своем проекте директивы? Начальник Генерального штаба не имеет права писать такую ерунду. Вы требуете у Ставки того-то и того-то, того-то и того-то, но вы как начальник Генерального штаба должны знать, что у нас этого нет и что нам сейчас неоткуда взять то, что вы требуете.

Я ответил, что мы указали то, что нам необходимо для наступления, и я считаю, что, во всяком случае, часть этого можно взять с других фронтов.

— Другим фронтам тоже надо наступать, — отвечает Сталин, — и вы это знаете как начальник Генерального штаба. А пишете такую ерунду.

Несколько секунд я молчу, и он молчит. Потом он говорит:

— Выходите из положения своими средствами. Ограбьте Толбухина. У него есть авиационный корпус, есть механизированный корпус, в тылу, во втором эшелоне, у него есть армия. Заберите все это у него, ограбьте его, поставьте в оборону весь 4-й Украинский фронт, а все это отдайте Малиновскому. Вы же сами не так давно предлагали решать дело на западном берегу Днепра, вот и решайте дело не сразу обоими фронтами, а последовательно. Ограбьте Толбухина, поставьте его в оборону, отдайте все, чем он располагает, Малиновскому, наносите удар войсками Малиновского, и, не откладывая до весны, а сейчас же, зимой, чем раньше — тем лучше. А когда добьетесь успеха и Малиновский продвинется, поставьте его в оборону, ограбьте его, отдайте все Толбухину и всеми силами идите по Крыму.

Форма разговора устроить не могла, но с существом нельзя было не согласиться. Во многих случаях — и чем дальше, тем чаще — Сталин умел правильно и глубоко решать стратегические оперативные вопросы и подсказывал наиболее верные решения. И говоря о нем, этого тоже не следует упускать из виду.

Я поехал к Малиновскому, поговорил с ним, и мы в соответствии с предложением Сталина спланировали операцию, которая впоследствии оправдала себя на деле.

А. Василевский.

Цит. по: *Симонов К. С. 371–373*

Сталин... Сложный, противоречивый, но очень умный. В войну вначале разбирался в стратегических вопросах слабо, но ум, логика мышления, общие знания,

хватка сослужили ему хорошую службу, и во втором периоде войны, после Сталинграда, был как Верховный Главнокомандующий вполне на месте. Мне нравилось, что в работе Ставки не было бюрократической волокиты — вопросы решались тут же. Но предварительно он всесторонне изучал вопрос или план будущей операции. Внимательно исследовал данные, вызывал к себе людей, военных специалистов, и на заседание приходил во всеоружии. Не терпел верхоглядства, приблизительности. Между прочим, умел слушать возражения. Это неверно, что Сталину возражать было нельзя, я возражал, доказывал, и не раз!

Жуков Г. Т. 2. С. 102

Взгляд Жукова на Сталина, сложившийся в ходе войны, представляет особую ценность, потому что этот взгляд опирается на огромный четырехлетний опыт совместной работы.

Симонов К. С. 372

Но при всем том, что я сказал, о Сталине как о военном руководителе в годы войны необходимо написать правду. Он не был военным человеком, но он обладал гениальным умом. Он умел глубоко проникать в сущность дела и подсказывать военное решение.

А. Василевский.

Цит. по: *Симонов К. С. 361*

«Должен указать Вам, что я возложил на Вас задачи координировать действия 1-го и 2-го Украинских

фронтов, а между тем из сегодняшнего Вашего доклада видно, что несмотря на всю остроту положения, Вы недостаточно осведомлены об обстановке; Вам неизвестно о занятии противником Хильки и Нова-Буда; Вы не знаете решения Конева об использовании 5 гв. кк. [гвардейского кавалерийского корпуса] и танкового корпуса Ротмистрова с целью уничтожения противника, прорвавшегося на Шендеровку. Сил и средств на левом крыле 1 УФ и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно для того, чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить Корсуньскую группировку. Требую от Вас, чтобы Вы уделили исполнению этой задачи главное внимание»

Сталин — Г. Жукову.

ЦАМО Ф. 148 а, оп. 3963, д. 158, лл. 32—33.

За время войны мною было хорошо усвоено: все, что решил Верховный, никто уже изменить не сможет. Это — закон!

Но сказанное совершенно не значит, что со Сталиным нельзя было спорить. Напротив, он обладал завидным терпением, соглашался с разумными доводами. Но это — на стадии обсуждения того или иного вопроса. А когда же по нему уже принималось решение, никакие изменения не допускались.

Кстати, когда Сталин обращался к сидящему (я говорю о нас, военных, бывавших в Ставке), то вставать не следовало. Верховный еще очень не любил, когда говоривший не смотрел ему в глаза. Сам он говорил глуховато, а по телефону — тихо. В этом случае приходилось напрягать все внимание.

Работу в Ставке отличала простота, большая интеллигентность. Никаких показных речей, повышенного тона, все разговоры — вполголоса. Помнится, когда И. В. Сталину было присвоено звание Маршала Советского Союза, его по-прежнему следовало именовать «товарищ Сталин». Он не любил, чтобы перед ним вытягивались в струнку, не терпел строевых подходов и отходов.

При всей своей строгости Сталин иногда давал нам уроки снисходительного отношения к небольшим человеческим слабостям. Особенно мне запомнился такой случай. Как-то раз нас, нескольких военных, в том числе и Н. Н. Воронова, задержали в кабинете Верховного дольше положенного. Сидим, решаем свои вопросы. А тут как раз входит Поскребышев и докладывает, что такой-то генерал (не буду называть его фамилии, но скажу, что тогда он командовал на фронте крупным соединением) прибыл.

— Пусть войдет, — сказал Сталин.

И каково же было наше изумление, когда в кабинет вошел... не совсем твердо державшийся на ногах генерал! Он подошел к столу и, вцепившись руками в его край, смертельно бледный, пробормотал, что явился по приказанию. Мы затаили дыхание. Что-то теперь будет с беднягой! Но Верховный молча поднялся, подошел к генералу и мягко спросил:

— Вы как будто сейчас нездоровы?

— Да, — еле выдавил тот из пересохших губ.

— Ну тогда мы встретимся с вами завтра, — сказал Сталин и отпустил генерала...

Когда тот закрыл за собой дверь, И. В. Сталин заметил, ни к кому, собственно, не обращаясь:

— Товарищ сегодня получил орден за успешно проведенную операцию. Что будет вызван в Ставку, он, естественно, не знал. Ну и отметил на радостях свою награду. Так что особой вины в том, что он явился в таком состоянии, считаю, нет...

Да, таков был он, И. В. Сталин. Это во многом благодаря ему в партийно-политическом и государственном руководстве страной с первого дня войны и до последнего было нерушимое единство. Слово Верховного (а он же и председатель ГКО, генеральный секретарь ЦК партии) было, повторяю, законом.

Сталин не терпел, когда от него утаивали истинное положение дел.

Яковлев Н. Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1984. С. 74–76

Я целиком разделяю слова маршала А. Е. Голованова:

«Каждый также знал, что ответит сполна, несмотря ни на какие заслуги, если он мог что-то сделать, но не сделал. Всяческие отговорки, которые у нас, к сожалению, всегда находятся, для Сталина не имели никакого значения. Если же человек в чем-то ошибся, но сам пришел и сказал прямо обо всем — как бы тяжелы ни были последствия ошибки, никогда за этим не следовало наказания...

Болтунов Сталин не терпел. Не раз слышал я от него, что человек, который не держит своего слова, не

имеет лица. О таких людях он говорил с презрением. И наоборот, хозяева своего слова пользовались его уважением. Он заботился о них, заботился об их семьях, хотя никогда об этом не говорил и этого не подчеркивал. Сам работая круглыми сутками, он требовал работы и от других. Кто выдерживал, тот работал. Кто не выдерживал — уходил...»

Аллилуев В. С. 170

Но случались, хотя и очень редко, и такие моменты. Вот содержание одного документа, копию которого я храню по сей день:

«Маршалу Василевскому.

Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки... Предупреждаю Вас, что в случае, если Вы хоть раз еще позволите забыть о своем долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта.

И. Сталин.»

Эта телеграмма меня тогда буквально ошеломила, до этого ведь я не получал ни одного серьезного замечания по службе. А все дело заключалось в том, что, находясь в частях Красной Армии, которые вели очень напряженные бои за освобождение Донбасса, я примерно на 4 часа нарушил предписание Верховного — до полуночи того дня, т.е. 16 августа, дать ему очередное сообщение.

А. Василевский.

Цит. по: *Куманев Г. С.* 241–242

Вот один весьма важный штрих к характеристике А. М. Василевского. На Александра Михайловича большое впечатление производило завещание академика Ивана Петровича Павлова молодежи. И Василевский задумал вместе с Георгием Константиновичем Жуковым рассказать молодежи, как они, два Маршала Советского Союза, воспринимают и оценивают Великую Отечественную войну, оставить свое напутствие молодым людям, идущим служить в Советскую Армию, готовящимся к защите своей Родины. К огорчению, Георгия Константиновича вскоре не стало. Однако Александр Михайлович, будучи сам в то время тяжело больным, все же написал такую брошюру страниц на сто машинописного текста. Как человек дисциплинированный, он передал рукопись в Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота. Однако некий военный чиновник бросил упрек маршалу, что он слишком часто упоминает фамилию Сталина, иногда заменяя только на «Верховный Главнокомандующий». Обычно сдержанный, на этот раз Александр Михайлович с присущей ему прямоотой и даже резко ответил: «А что, полковник, разве вы в годы Отечественной войны были рядом с И. В. Сталиным, знаете, что он нам говорил, как нами руководил, что и как мы совместно обсуждали? И кто вам дал право диктовать, сколько раз можно упоминать фамилию Сталина! Я честно излагаю события и факты. Как было, именно так и должно быть запечатлено!»

В итоге брошюра, а по существу книга, не увидела свет. После кончины Александра Михайловича ее не

удалось издать и жене Екатерине Васильевне. Где-то теперь эта рукопись Маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского?

Соловьев Б., Суходеев В. С. 192–193

...Один из очередных тостов И. В. Сталин предложил за мое здоровье, и вслед за этим он задал мне неожиданный вопрос: почему по окончании семинарии я «не пошел в попы»? Я, несколько смутившись, ответил, что ни я, ни отец не имели такого желания, что ни один из его четырех сыновей не стал священником. На это Сталин, улыбаясь в усы, заметил:

— Так, так. Вы не имели такого желания. Понятно. А вот мы с Микояном хотели пойти в попы, но нас почему-то не взяли. Почему, не поймем до сих пор.

Беседа на этом не кончилась.

— Скажите, пожалуйста, — продолжал он, — почему вы, да и ваши братья, совершенно не помогаете материально отцу? Насколько мне известно, один ваш брат — врач, другой — агроном, третий — командир, летчик и обеспеченный человек. Я думаю, что все вы могли бы помогать родителям, тогда бы старик не сейчас, а давным-давно бросил бы свою церковь. Она была нужна ему, чтобы как-то существовать.

Я ответил, что с 1926 года я порвал всякую связь с родителями. И если бы я поступил иначе, то, по-видимому, не только не состоял бы в рядах нашей партии, но едва ли бы служил в рядах Рабоче-Крестьянской Армии и тем более в системе

Генерального штаба. В подтверждение я привел следующий факт.

За несколько недель до этого впервые за многие годы я получил письмо от отца. (Во всех служебных анкетах, заполненных мною до этого, указывалось, что я связи с родителями не имею...) Я немедленно доложил о письме секретарю своей партийной организации, который потребовал от меня, чтобы впредь я сохранял во взаимоотношениях с родителями прежний порядок.

Сталина и членов Политбюро, присутствовавших на обеде, этот факт удивил. Сталин сказал, чтобы я немедленно установил с родителями связь, оказывал бы им систематическую материальную помощь и сообщил бы об этом разрешении в парторганизацию Генштаба.

Надо сказать, что через несколько лет Сталин почему-то вновь вспомнил о моих стариках, спросив, где и как они живут. Я ответил, что мать умерла, а 80-летний отец живет в Кинешме у старшей дочери, бывшей учительницы, потерявшей во время Великой Отечественной войны мужа и сына.

— А почему бы вам не взять отца, а быть может, и сестру к себе? Наверное, им здесь было бы не хуже, — посоветовал Сталин.

Думаю, что и в этих добрых чувствах Сталина к моим близким не обошлось без Бориса Михайловича (Шапошникова. — *Е. Г.*)...»

Василевский А. Дело всей жизни. М., 1976. С. 333–334

Однажды Александр Михайлович, не без некоторого смущения, поведал одному из авторов книги о таком состоявшемся между Сталиным и им разговоре. Закончив деловой разбор положения дел на фронте, Иосиф Виссарионович попросил его задержаться и внезапно спросил:

— Как вы материально помогаете родителям? Ведь, насколько мне известно, — продолжал Сталин, — один ваш брат — врач, другой — агроном, третий — командир, летчик, да и вы человек обеспеченный, могли бы помогать родителям. Тогда бы ваш отец бросил свою церковь, которая в его возрасте нужна ему для существования.

Александр Михайлович сказал, что он откровенно сознался Сталину, что со священником отцом давно, года с 1926, утратил всякую связь.

— Так вы со священником дело не имеете, — с лукавинкой заметил Сталин. — А как же вы имеете дело со мной? Ведь я учился в семинарии и хотел пойти в попы.

— Вы, товарищ Сталин, Верховный Главнокомандующий, — ответил Александр Михайлович.

Уже серьезно Сталин сказал:

— Вот что. Советую вам установить связь с родителями и оказывать им систематическую материальную помощь. Поезжайте к ним. Несколько дней вам хватит?

На возражение Василевского — время военное и уехать никак нельзя — Сталин спокойно произнес:

— А мы вас заменим на несколько дней.

Побывав у родителей, Александр Михайлович узнал, что его отец Михаил Александрович регулярно получает денежные переводы и убежден, что их посылает ему именно он, Александр, а не другие сыновья, ибо сумма всегда довольно значительная. Кто посылает эти переводы — стало загадкой и для Александра Михайловича. И только по возвращении в Москву все прояснилось. Деньги священнику М. А. Василевскому регулярно посылал лично И. В. Сталин.

Свой рассказ Александр Михайлович заключил так. Прибыв, он сразу же доложил И. В. Сталину, что наладил отношения с отцом.

— Это вы правильно сделали, — ответил Сталин. Затем Иосиф Виссарионович достал из сейфа пачку квитанций почтовых переводов. И, передавая их, произнес: — Но со мной вы теперь долго не расплатитесь!

Соловьев Б., Суходеев В. С. 190–191

С начала Отечественной войны во многих церквах страны произносились страстные, убежденные проповеди. Вот как звучала проповедь протоиерея Николая Ренского, настоятеля храма Святого Апостола Филиппа, в день памяти воина-великомученика Феодора Стратилата: «Еще молодым священником служил я в Москве в древнем храме преподобного Феодора Студита у Никитских ворот. Феодор Студит во святом крещении получил имя Феодор в честь воина Феодора. В храме погребены все предки Александра Васильевича Суворова. И вот сегодня, когда враг у стен Мости, я вместе с вами обращаюсь с мольбой к мученику Феодору Стратилату.

Да осенит его воинское знамя паши полки и да будет с нами Бог и победа!»

Красиков С. С. 250

Приходится еще раз сказать о Михаиле Ивановиче Калининe, как о простом и очень умном человеке. Тут же после принятия решения о введении погон в Красной Армии, Сталин предложил пройти к нему на квартиру на ужин.

Когда мы все однажды собрались на квартире Сталина и сели за стол, М.И. Калинин повел разговор о том, что не все старое стоит немедленно забрасывать, иногда это старое помогает делу, проведению определенной политики, и тут же он рассказал об одной встрече с Лениным, когда его назначили председателем ВЦИК. Сталин тут же вмешался и поправил его, сказав, что его не назначили, а избрали председателем ВЦИК.

«Вот, когда меня избрали председателем ВЦИК, — продолжал М.И. Калинин, — вызывает меня однажды Ленин к себе и говорит: «Товарищ Калинин, не можете ли Вы съездить в Смоленскую губернию и выяснить, — почему смоленские крестьяне не хотят признавать декреты Советской власти и не дают нам хлеба, не дают нам солдат для Красной Армии?»»

Я заявил Ленину, что раз надо, то съезжу и выясню в чем дело, переговорю с крестьянами. Когда я побывал в ряде сел и побеседовал с крестьянами, то они на мои вопросы, — почему они не хотят признавать декреты Советской власти и не дают людей в Красную Армию, в один голос отвечали: «Да мы, Михаил Иванович, все дадим: и хлеб, и людей, только зачем вы разоряете

церкви и попов угоняете? Вот если вы не будете церкви разорять и попов угонять, то мы будем полностью Советскую власть признавать и хлеба дадим, и людей для Красной Армии, и все декреты Советской власти выполнять». Я возвратился в Москву и обо всем этом рассказал Ленину. Ленин улыбнулся и говорит: «Тов. Калинин, если они только этого хотят и не больше, то мы дадим им это с удовольствием, запретим закрывать церкви и попов угонять».

Сталин до конца выслушал рассказ Калинина о его поездке в Смоленскую губернию, и, несколько подумав, произнес: «Да, этот вопрос и на сегодня не потерял своей остроты. Леваки много принесли нам вреда в вопросах религии. Религию можно победить только путем воспитания людей, а не административными мерами, поэтому вопрос о церквях до сих пор не потерял своего актуального значения».

Не могу утверждать, было ли это связано с разговором Сталина с Калининым у него на квартире, но на следующий день я видел как под руки ввели в кабинет Сталина престарелого патриарха Сергия, после чего были проведены многие мероприятия в отношении религии, которые памяты всем.

А. Хрулев.

Цит. по: *Куманев Г. С.* 369–370

Вечером 4 сентября 1943 г. Сталин впервые за годы советской власти принял в Кремле патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия и двух его коллег — митрополитов Алексея (Ленинградского) и Николая (Крутицкого и Коломенского), чтобы поблагодарить их за

внесение церковью в фонд обороны 150 млн. рублей, собранных за счет пожертвований верующих. В ходе беседы, Сталин поинтересовался проблемами, которые стоят перед церковью. На это митрополит Сергей ответил, что самая главная у них проблема — это выборы патриарха, так как для этого надо собрать Поместный собор, что в условиях войны, отсутствия транспорта, осуществить в огромной стране трудно, и на что потребуется один-два месяца.

«А нельзя ли проявить большевистские темпы?» — спросил Сталин. И тут же отдал распоряжение привлечь авиацию для сбора всех епископов, чтобы открыть Поместный собор не через месяц, а через три дня! Тут же договорились, что открытие состоится 8 сентября, хотя разговор шел уже во втором часу ночи 5 сентября, а уже в 5—6 часов утра в Богоявленском соборе состоялась торжественная литургия, где митрополит Сергей объявил о том, что 8 сентября в Москве соберется Поместный собор. Выйдя после службы из церкви, прихожане могли прочитать подвезенные к киоскам вокруг собора свежие номера «Известий», где было уже опубликовано сообщение ТАСС о приеме Сталиным в Кремле — трех митрополитов. На всю «операцию» потребовалось буквально не более трех часов.

Вот это и означало — «если надо, то будет сделано все, — даже невозможное». А надо это было в связи с тем, что 9—10 сентября должны были прибыть в Москву американцы, которые рассчитывали собрать факты о подавлении в СССР большевиками — религии.

Похлебкин В. С. *133–134*

А вот что происходило за день до этого. Спешка была невероятная. Большевизм тем и отличается от всех других систем, что все нужно немедленно и сейчас... Наиболее точное описание происходившего дает, по-видимому, А. Э. Левитин-Краснов, находившийся в 1943 году в Ульяновске и хорошо знакомый с некоторыми из видных архиереев...

Медведев Р. С. 47–48

3 сентября (1943 г.) митрополит Сергей и его приближенные — Колчицкий с семьей и архимандрит Иоанн Разумов — были уже в вагоне. Отъезд проводился в такой спешке, что не успели даже упаковать вещи. Взяли лишь все самое необходимое... События, развертывались с кинематографической быстротой. На другой день рано утром поезд был в Москве. На вокзале митрополита встречали приехавший из Ленинграда столь же внезапно митрополит Алексей (будущий патриарх) и митрополит Киевский Николай... Неожиданность следовала за неожиданностью: митрополита повезли не в его резиденцию в Баумановском переулке, где он жил 15 лет, а в Чистый переулок, в роскошный особняк, который был до войны личной резиденцией германского посла графа Шуленбурга... 4 сентября утром было объявлено, что вечером предстоит визит в Кремль. В 9 часов вечера в Чистый переулок приехал правительственный автомобиль. В него усадили митрополитов Сергея, Алексея и Николая... Через 10 минут автомобиль въехал в Кремль, а еще через 10 минут они вошли в обширный кабинет, облицованный деревом, где за столом сидели два человека... Сталин и Молотов. Обменялись рукопожатиями, уселись. Беседу начал

Молотов сообщением о том, что Правительство СССР и лично товарищ Сталин хотят знать нужды церкви. Два митрополита Алексей и Николай растерянно молчали. Неожиданно заговорил Сергей... Митрополит заговорил спокойно, слегка заикаясь, деловым тоном человека, привыкшего говорить о серьезных вещах с самыми высокопоставленными людьми. (Когда Сталин был семинаристом, митрополит Сергей был уже в сане епископа, ректором Петербургской духовной академии.)

Митрополит указал на необходимость широкого открытия храмов, количество которых совершенно не удовлетворяет религиозные потребности народа. Он также заявил о необходимости созыва Собора и выборов патриарха. Наконец, он заявил о необходимости широкого открытия духовных учебных заведений, так как у церкви отсутствуют кадры священнослужителей. Здесь Сталин неожиданно прервал молчание. «А почему у вас нет кадров? Куда они делись?» — спросил он, вынув изо рта трубку и в упор глядя на своих собеседников. Алексей и Николай смутились... всем было известно, что «кадры» перебиты в лагерях. Но митрополит Сергей не смутился... Старик ответил: «Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится Маршалом Советского Союза».

Довольная усмешка тронула уста диктатора. Он сказал: «Да, да, как же. Я семинарист. Слышал тогда и о вас». Затем он стал вспоминать семинарские годы. ...Сказал, что мать его до самой смерти сожалела, что он не стал священником. Разговор диктатора с митрополитом принял непринужденный характер. Затем после чаепития началась деловая беседа.

Левитин-Краснов А. Рук твоих жар. Тель-Авив. 1979.
С. 105

Не говорил [Сталин] ничего плохого о религии. Когда избирали патриарха, сказал подошедшим к нему попам, у которых были разные мнения по кандидатурам:

— Вы подумайте и решите, а то ведь не каждый день вам придется встречаться с товарищем Сталиным.

А. Сергеев.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 69*

...К Сталину обратился будущий патриарх Всея Руси Алексей с просьбой разрешить открыть церкви в Москве.

— Открывайте, — сказал Сталин. — Русским матерям есть за кого помолиться, есть по ком поплакать.

Приободренный патриарх осмелился попросить разрешения открыть и духовные учебные заведения. Сталин разрешил открыть богословские школы, а насчет семинарий сказал: «История знает случаи, когда из духовных семинарий выходили неплохие революционеры! А впрочем, от них мало толку. Вот видите, я учился в семинарии, и ничего путного из этого не вышло».

Мне об этом рассказал бывший начальник югославской гвардии Момо Джурич — ему довелось лететь в одном самолете с нашим патриархом и даже пить с ним водку.

Чуев Ф. С. 538

Беседа затянулась до трех часов ночи. В ней помимо Сталина и Молотова участвовали также технические эксперты. Беседу эту можно назвать в полном, смысле этого слова исторической. Во время беседы были выработаны Устав Русской церкви и те условия, в которых она существует до сего времени. Как известно, этот порядок в настоящее время вызывает множество нареканий... Но в тот момент, после десятилетий террора, направленного против церкви, новый порядок являлся, несомненно, прогрессивным шагом, так как означал возможность легального существования для православной церкви.

В конце беседы престарелый, больной митрополит был страшно утомлен. Тут и последовал тот эпизод, о котором упоминает Солженицын. Сталин, взяв митрополита под руку, осторожно, как настоящий иподьякон, свел его по лестнице вниз и сказал ему на прощанье следующую фразу: «Владыко! Это все, что я могу в настоящее время для вас сделать». И с этими словами простился с иерархами.

Через несколько дней в особняке в Чистом переулке был созван Собор епископов (собрать его было нетрудно: в русской церкви было в то время семнадцать епископов), а в воскресенье 12 сентября, в день Александра Невского, в Елоховском Богоявленном соборе произошла интронизация вновь избранного патриарха, каким стал митрополит Сергей. Русская церковь после 18-летнего перерыва вновь увенчалась патриархом.

Левитин-Краснов А. С. 105–108

Да, «если нужно, то в социалистической стране, можно сделать все, даже — невозможное».

Второй эпизод, также относится ко времени приема Сталиным митрополита Сергия в Кремле. Сталин представил Сергию будущего Председателя комитета по делам церкви, генерал-майора КГБ Г. Г. Карпова, сказав, что тот будет своего рода «связным» между правительством и церковью.

Сергий: Но разве это не тот Карпов, который нас преследовал?

Сталин: Тот самый. Партия приказывала преследовать Вас и он выполнял приказ партии. А теперь мы приказываем ему быть Вашим ангелом-хранителем. Я знаю Карпова, он исполнительный работник...

Похлебкин В. С. 134

А писатель Владимир Солоухин, служивший во время войны в Кремле, рассказывал: «Выходит на крыльцо Иосиф Виссарионович. По левую руку — патриарх Алексей, по правую...» «Наверно, Молотов?» — спросил я. «Митрополит Крутицкий и Коломенский, — не моргнув, ответил Владимир Алексеевич. — А что ты смеешься? Он попов уважал. Сказывалось семинарское образование...»

Чуев Ф. С. 329–330

Вот еще любопытный эпизод на эту тему. В первую мировую войну был тяжело ранен один врач-хирург. Понимая, что шансов выжить у него почти нет, он дал обет, что если не умрет, то станет служить Богу. И

выжил. И сдержал обет, став сельским священником. Во вторую мировую войну он ушел в партизаны и, как наиболее грамотный, стал начальником штаба партизанского отряда, но, поскольку были раненые и больные, пришлось ему вспомнить и свою первую профессию. И многих он спас.

На приеме в Кремле в честь отличившихся партизан он был представлен Сталину, которому рассказали его историю. Сталин поинтересовался, чем он будет заниматься после войны. Тот ответил, что вернется в свой приход. Сталину, видимо, хотелось обратить его к медицинской деятельности, и он сказал: «Эх, какого хирурга мы потеряли в вашем лице!» «А какого пастыря потеряла церковь в вашем лице, Иосиф Виссарионович!» — ответил поп-хирург-партизан.

Чуев Ф. С. 538

— Сталин был по природе своей человек не робкого десятка и очень любил людей талантливых и храбрых. Таких, как, скажем, Рокоссовский, — говорит Молотов.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 588*

Сталин любил Константина Константиновича Рокоссовского, называл его «мой Багратион». И Белорусская операция 1944 года получила кодовое название «Операция Багратион» в честь не только П. И. Багратиона выдающегося полководца освободительной войны 1812 года, боевого сподвижника

генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова, но и в честь К. К. Рокоссовского.

Соловьев Б., Суходеев В. С. 123

Нарком высшей школы Кафтанов во время войны ведал научными разработками. Арестовали начальника минометного управления, с которым он контактировал. Кафтанов, зная об этом аресте, на заседании Политбюро сказал Сталину, что четыре дня не может дозвониться до этого товарища, и добавил:

— Прошу вас, товарищ Сталин, наказать его!

— А где он? — спросил Сталин.

— У нас, — ответил Берия.

...Через некоторое время этот товарищ появился в дверях.

— Садитесь, а то мы вас заждались, — сказал Сталин.

Ванникова в войну внезапно освободили из заключения, привезли к Сталину, и тот назначил его наркомом. Ванников сказал:

— Завтра я явлюсь в наркомат, вчерашний зэк. Какой у меня будет авторитет среди подчиненных?

— О вашем авторитете мы позаботимся, — ответил Сталин. — Нашел время сидеть!

Утром, когда Ванников приехал на работу, на его столе лежала «Правда» с Указом о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда.

Во время войны Сталин поручил Байбакову открытие новых нефтяных месторождений в довольно короткий срок. Когда Байбаков возразил, что это невозможно, Сталин ответил:

— Будет нефть — будет Байбаков, не будет нефти — не будет Байбакова!

Вскоре были открыты новые месторождения в Татарии и Башкирии.

Чуев Ф. С. 535–536, 534

В результате наступательной операции советские войска вышли к Балтийскому морю, и командующий генерал Баграмян решил порадовать Сталина, послав ему бутылку балтийской воды. Но пока эта бутылка добиралась до Кремля, немцам удалось отбить плацдарм и потеснить наши войска с побережья. Сталин уже знал об этом и, когда ему вручили бутылку, сказал:

— Верните ее товарищу Баграмяну, пусть он ее выльет в Балтийское море!

Во время войны маршал Шапошников болел и попросил освободить его от поста начальника Генерального штаба. Сталин сказал ему:

— Борис Михайлович, работайте только четыре часа в сутки, а все остальное время лежите дома и думайте, думайте, думайте...

Чуев Ф. С. 90, 69

Фронтвик Л. Д. Петров, друживший с зятем Молотова, рассказывал мне, как во время войны в Автономную Республику немцев Поволжья наши выбросили десант, переодетый в фашистскую форму. «Своих» встретили как своих — ожидали...

Решением Государственного Комитета Обороны все это автономное национальное образование выселили, а десантная часть получила звание гвардейской.

Я не знаю, чтобы переселенные немцы так возмущались своей судьбой, как, скажем, чеченцы или крымские татары.

На юбилее Расула Гамзатова в 1993 году я сидел в президиуме рядом с Джохаром Дудаевым и слышал, как он с гордостью сообщил, что во время войны чеченцы поднесли Гитлеру белого коня. А ведь раньше отрицали!

Чуев Ф. С. 536

Воспоминания о представителях Ставки, невольно воспроизводят в памяти вопрос, неоднократно задаваемый мне в последнее время некоторыми военными историками: выезжал ли на фронты И. В. Сталин?

Мне известна лишь одна его поездка. Это было в первых числах августа 1943 года в период подготовки Смоленской операции. Тогда Главнокомандующий побывал на командных пунктах Западного и Калининского фронтов, где и состоялась его встреча с командующими этими фронтами генералами армии В. Д. Соколовским и А. И. Еременко. Поездка заняла двое суток. О других выездах на фронт Сталина мне ничего неизвестно. Думаю, что их и не было. Да, собственно,

характер деятельности Верховного Главнокомандующего не требовал таких выездов. Ставка ежедневно получала обширную и разнообразную информацию о положении на фронтах, о боевой обстановке, о состоянии советских войск, их морально-боевых качествах, о деятельности командующих фронтами и армиями, а также данные о противнике. Все это позволяло Верховному Главнокомандующему точно знать ход вооруженной борьбы на каждый день и принимать правильные решения. Кроме того, он ежедневно держал связь с представителями Ставки на фронтах и с командующими фронтами и другими военачальниками.

Василевский А. С. 131

Я среди прочих вопросов задал вопрос о том, приходило ли ему [И. Коневу] как командующему фронтом когда-нибудь в голову, почему Сталин не бывает на фронтах, не посещает фронты, ставил ли он внутренне когда-нибудь это лыко в строку Сталину. Он наотрез сказал, что нет, он об этом никогда не думал, верней, никогда не ощущал как необходимость приездов Сталина на фронт и поэтому и не ждал их и не ставил в упрек Сталину то, что он этого не делает. В этом не было никакой нужды. Находясь в Москве, в Ставке Верховного главнокомандования, Сталин был именно в том месте, где он и должен был находиться, откуда он мог управлять всем, чем ему должно было управлять. Он не был человеком поля боя, он неважно разбирался в топографии, не чувствовал ее. Он воспринимал географию, большие категории, крупные населенные пункты, общую стратегическую обстановку, и, для того чтобы разбираться в этих вопросах, руководить, исходя

из этого, ему не было никакой необходимости выезжать на фронт.

Симонов К. С. 510

Во время войны т. Сталин выезжал на фронт, но я его не сопровождал из конспиративных соображений. Считалось, что если Власик в Москве, то и Сталин в Москве.

Н. Власик.

Цит. по: *Логинов В. С. 128*

В середине ноября (1941) в сопровождении Хрусталева, Кириллина, Тукова, Круташова по Волоколамскому шоссе в полдень Сталин прибыл в село Ленино-Лупиха. Остановил машину около пятистенной избы, на крыльце которой висел небольшой белый флажок с красным крестом. В госпитале находились раненые, только что вышедшие из боев. Когда появился Сталин, они не могли поверить своим глазам.

Сперва он беседовал стоя, потом сел на табуретку и придвинулся к бойцу, лежащему на койке. Сталин интересовался, чем сильны немецкие солдаты и офицеры, какие у них слабые стороны. Ему охотно отвечали, что противник еще очень силен, хотя уже не тот — боевой дух прихватило первыми морозами. Сейчас бы самое время ударить! Сталин просил еще немного потерпеть, пока измотают немцев, и намекнул, что хватит силенок для наступления. Покинули мы госпиталь, когда уже вечерело. Пошел снежок, и подул ветер. За

околицей Сталин внимательно осмотрел окрестности. И Митрюхин погнал домой.

Рыбин А. С. 27

Во время войны, когда выехал на фронт, жил в избе с охранниками. Хозяйка поначалу пускать не хотела.

— Не ругайте ее, — сказал он утром сопровождающим, — она ж не знала, кто у нее ночевал!

А. Сергеев.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 61*

Летом 1942 года Сталин ездил на Западный фронт. За рекой Ламой вместе с военными наблюдал, как проходили испытания самолета, управляемого по радио с земли. После испытаний переехали через понтонный мост, и в сопровождении Тукова, Хрусталева на поезде Сталин вернулся в Москву.

Рыбин А. С. 27

«Смоленские ворота» по-прежнему оставались полураспахнутыми. Надежно закрыть их не удавалось. Это постоянно тревожило Сталина. Наконец он собрался лично познакомиться с обстановкой на фронте. 1 августа 1943 года генерал Серов и полковник Лукин получили указание подготовить спецпоезд. Орлов подал его с Каланчевки на переезд Кунцево. Первым в карликовый вагон царских времен поднялся Сталин, одетый в серое штатское пальто и фуражку с красной звездой. За ним — Берия и комендант дачи Ефимов. Из охраны — Кузьмичев

с Раковым. Спецпоезд состоял из древнего паровоза, который вел машинист Винеvский, жестких вагонов, платформ с дровами, сеном и песком. Тщательно закамуфлированный, он в целом имел безобидный вид. В жестком вагоне находились Румянцев, Туков, Круташов, Кашеваров, Кириллин.

До Гжатска поезд шел всю ночь. Серов с Лукиным находились впереди для разведки и подготовки транспорта. Мы следовали за поездом на автобусе по шоссе. Станция и город были в развалинах. От Гжатска на «виллисе» Сталин поехал в штаб Западного фронта. Вместе с командующим генералом Соколовским и членом Военного совета Булганиным почти до утра 3 августа выяснял обстановку и торопил с подготовкой к наступлению. Провел ряд совещаний с генералами и офицерами фронта. Прилег отдохнуть уже на рассвете, попросив Румянцева разбудить ровно в пять. Но тот «проспал», дав Сталину отдохнуть пару лишних часов. Их связывала давняя дружба, в честь которой наш генерал единственный имел право называть Верховного Главнокомандующего просто Иосифом Виссарионовичем. В прошлый раз, когда Румянцев неожиданно всхрапнул на переднем сидении машины, и Жданов поинтересовался, кто же кого охраняет, Сталин возразил: «Кутузов тоже дремал, но все видел». А теперь он вспылал от подобного разгильдяйства, турнув с глаз долой генерал-лейтенанта, которого перевели на другую работу.

Здесь же под горячую руку едва не подвернулся Орлов. Грузовая машина с продуктами по вине одного недотепы куда-то пропала. Достать другие продукты в разоренном Юхнове Орлов не смог и стал ждать машину.

Проголодавшийся Берия грозил за это повесить его на первом же дереве. Но Сталин неожиданно резюмировал:

— Скорее всего петля плачет по главному организатору всей поездки, чем по Орлову.

В благодарность за это Орлов как-то все-таки ухитрился найти для сытного обеда, вероятно, единственного в округе барана.

От Соколовского Верховный поехал в Юхнов к Главному маршалу артиллерии Воронову. По дороге минут сорок прохаживался по лесу и, шумно дыша свежим воздухом, с горечью приговаривал:

— Какая тишина... Даже не верится, что кругом полыхает война и гибнут люди...

В Юхнове Сталин провел совещание с артиллеристами, пожурился им за спокойствие:

— Вы тут сидите на одном месте, чаи распиваете и не думаете о наступлении. Надо готовиться к нему.

Переночевал в штабе и 4 августа поехал на станцию Михалево, где уже стоял спецпоезд. В вагонах было темно, пахло карболкой. Сталин удивился отсутствию света. Позвали проводника. Глубокий старец с казачьими усами и пышной бородой вытянулся во фронт. Сталин спросил:

— Можно дать свет?

— Так точно, товарищ Сталин, можно!

Старик по-прежнему стоял оцепенело навтыяжку с поднятой рукой у козырька. Видя, что он так и не двинется с места, Сталин подошел и опустил его руку, с легким укором сказав:

— Зачем так много почестей для нас.

Рыбин А. С. 28–29

Во время одной из своих поездок в действующую армию на Калининском фронте Сталин застал пьяного генерала.

— Нашел время пить! — сказал Верховный.

Но тут же добавил:

— Вы мне Ивана Михайловича не обижайте!

(Рассказал А. Т. Рыбин, сопровождавший Сталина в поездках на фронт.)

Чуев Ф. С. 553

5 августа (1993 г. — *Е. Г.*), когда были взяты Орел и Белгород, в Ставке возникла новая идея. Как только командующие фронтами доложили Верховному о взятии этих городов... генерала Антонова и меня вызвали в Ставку. Сталин только что вернулся с Калининского фронта. Собрались и все остальные члены Ставки.

— Читаете ли вы военную историю? — обратился Верховный к Антонову и ко мне.

Мы смешались, не зная, что ответить. Вопрос показался странным: до истории ли было нам тогда!

А Сталин меж тем продолжал:

— Если бы вы ее читали, то знали бы, что еще в древние времена, когда войска одерживали победы, то в честь полководцев и их войск гудели все колокола, и нам неплохо бы как-то отмечать победы более ощутимо, а не

только поздравительными приказами. Мы думаем, — кивнул он головой на сидевших за столом членов Ставки, — давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, артиллерийские салюты. И учинить какую-то иллюминацию...

Так было решено отмечать победы наших войск торжественными залпами в Москве, и каждый залп сопровождался пуском разноцветных ракет, а перед тем передавать по всем радиостанциям Советского Союза приказ Верховного Главнокомандующего.

Штеменко С. С. 448–449

В годы Великой Отечественной войны Сталин разработал систему салютов, которая во-первых, сильно отличалась от традиционной международной, а во-вторых, была построена на только ему известных и им изобретенных численных принципах. Однако эта система была настолько стройной, понятной и логичной, что ее без всяких оговорок признали во всем мире. При этом надо заметить, что никто не знал и не догадывался, что создателем был Сталин. Вернее знать-то знали такие ближайшие люди в Ставке Верховного Главнокомандующего, как маршалы Жуков, Василевский, Ворошилов, Шапошников, Берия, генерал армии — Антонов, но нигде, никогда, даже в мемуарах, изданных после смерти Сталина, они об этом не обмолвились и словом. Причины здесь две: во-первых, так сказать «обет молчания», а во-вторых — и это главное — бескультурье и непонимание этими людьми вообще символики, отсутствие у них представления о том, что любое изобретение, новое слово в этой области уже само по себе — гениально, что это — выдающееся явление.

Похлебкин В. С. 100

...Генерал И. Н. Рыжков, работавший в годы войны в Генштабе, рассказал В. М. Молотову, как писали приказ о первом салюте по поводу освобождения Орла и Белгорода и забыли сказать о павших. Сталин напомнил об этом. «Я добавил, — говорил Иван Николаевич: — Вечная память героям, павшим в боях...»

Сталин прочитал и сказал: «Знаете, не память, а слава. Память звучит по-церковному. Вечная слава героям, павшим в боях за честь и независимость нашей Родины!»

Чуев Ф. С. 76

Весной 1944-го я вышла замуж.

Аллилуева С. С. 167

История Светланы

Молчаливая, спокойная, скромная, она всем нам очень нравилась. И со стороны Сталина к ней отношение было отеческое. Испортилось оно, когда Светлана вышла замуж за студента Морозова, еврея по национальности.

Микоян А. С. 362

Мой первый муж, студент, как и я, был знакомый мне еще давно — мы учились в одной и той же школе. Он был еврей, и это не устраивало моего отца. Но он как-то смирился с этим, ему не хотелось опять перегибать палку — и поэтому он дал мне согласие на этот брак.

Я ездила к отцу специально для разговора об этом шаге. С ним вообще стало трудно говорить. Он был раз и навсегда мной недоволен, он был во мне разочарован.

Был май, все цвело кругом у него на даче — кипела черемуха, было тихо, пчелы жужжали... «Значит, замуж хочешь?» — сказал он. Потом долго молчал, смотрел на деревья... «Да, весна...», — сказал он вдруг. И добавил:

«Черт с тобой, делай, что хочешь...»

Аллилуева С. С. 167

Я не знал ее мужа Морозова, по-моему. Фамилия у него русская, сам он еврей. Некоторое время Сталин его терпел, хотя я никогда не видел, чтобы Морозов был приглашен тестем в гости. Когда у них родился сын, думаю, что Сталин его никогда и не видел. И это тоже откладывало отпечаток на душу Светланы. Потом разгорелся приступ антисемитизма у Сталина, и она была вынуждена развестись с Морозовым. Он умный человек, хороший специалист, имеет ученую степень доктора экономических наук, настоящий советский человек.

Хрущев Н. Т. 2. С. 66–67

Только на одном отец настоял — чтобы мой муж не появлялся у него в доме. Нам дали квартиру в городе, — да мы были и довольны этим... И лишь одного он нас

лишил — своего радушия, любви, человеческого отношения. Он ни разу не встретился с моим первым мужем и твердо сказал, что этого не будет. «Слишком он расчетлив, твой молодой человек...» — говорил он мне. — Смотри-ка, на фронте ведь страшно, там стреляют, — а он, видишь, в тылу окопался...» Я молчала и не настаивала на встрече, она плохо бы кончилась...

Аллилуева С. С. 167

Зато знаю, как Сталин приструнил первого мужа Светланы Мороза, который быстро вошел во вкус и развил бурную деятельность, используя правительственную мастерскую для бесплатного пошива костюмов и пальто не только для себя, но и для бесчисленной родни. Это стало настолько обременительным, что Соловову пришлось доложить о злоупотреблениях Сталину. Он сказал Светлане:

— Ты — студентка, он — тоже студент. На кого вы рассчитываете? На отцовскую шею? Не пойдет.

Рыбин А. С. 41

Опасения Сталина о «расчетливости» стали подтверждаться, Светланину квартиру заполнили родственники мужа, они докучали ей своими просьбами и требованиями об устройстве того или иного чада в «тепленькое местечко» и наивными ожиданиями всяческих благ, которые должны, как манна небесная, посыпаться на них. Но, как говорится, в нашей семье «этот номер не плясал». Обращаться к Сталину или его окружению с подобными вопросами было и бесполезно и небезопасно. В итоге отношения между супругами стали

охлаждаться, а среди наших новых родственников воцарилось уныние...

Аллилуев В. С. 178

Посылаю тебе (хотя ты и не просил об этом) фотографию моего сынишки, — посмотри на что он похож.

С. Аллилуева — Сталину. 12 октября 1947г.

В то время Светлана была дружна с Евгенией Александровной (одной из родственниц по линии Аллилуевых. — Е. Г.) и как-то сообщила ей, что скоро разведется с мужем. Евгения Александровна, уверенная, что за этим стоит воля отца, неосторожно воскликнула, намекая на перенесенный Сталиным insult: «Что, твой папочка совсем выжил из ума?» — «Да нет, отец тут ни при чем, он еще ничего и не знает об этом. Так решила я. А причины... они исключительно личного характера». На том разговор и завершился.

Аллилуев В. С. 212

Гринберг (имевший отношение к деятельности Еврейского антифашистского комитета. — Е. Г.) сообщил также, что Михоэлс и руководимый им Еврейский антифашистский комитет ставит перед собой задачу создания на территории СССР Еврейской республики, а для разрешения «еврейского вопроса» и пресечения антисемитизма в стране они намерены использовать брак Светланы Сталиной с Г. Морозовым, надеясь

соответствующим образом обработать Морозова и через него информировать Сталина по «еврейскому вопросу».

В. Наумов.

Цит. по: Грибанов С. С. 57

Как позднее показало следствие, разработка идеи создания еврейской республики в Крыму осуществлялась уже в 1943 году совместно советскими и американскими сионистами, хотя инициатива, по-видимому, принадлежала последним. Американских сионистов в этом вопросе поддерживало правительство США. Руководитель сионистской организации «Джойнт» Д. Розенберг заявил, что «...Крым интересует нас не только как евреев, но и как американцев, поскольку Крым — это Черное море, Балканы и Турция».

15 февраля 1944 года на имя Сталина поступило письмо с предложением о создании на территории Крыма Еврейской социалистической республики, подписанное руководством Еврейского антифашистского комитета: С. М. Михоэлсом, Ш. Эпштейном, И. С. Фефером (под редакцией С. А. Лозовского).

Однако Сталин отклонил это посягательство еврейских националистов на суверенные права русского народа. Как позднее вспоминал Н.С. Хрущёв, «когда из Крыма выселили татар, тогда некоторые евреи начали развивать идею о переселении туда евреев, чтобы создать в Крыму еврейское государство. А что это было бы за государство? Это был бы американский плацдарм на юге нашей страны. Я был против идеи и полностью соглашался в этом вопросе со Сталиным. Нельзя идти на

поводу у даллесов, которые не прочь бы создать плацдарм против нас».

О. Платонов.

Цит. по: Грибанов С. С. 45

В нашей семье произошло событие, в мае 1947 года Светлана развелась с Г. Морозовым. В сущности, общепринятого развода не было: Григория выставили из квартиры, а Василий, забрав у Светланы паспорт, отвез его в милицию и вернулся оттуда с «чистым», без брачных печатей паспортом. Вот и вся процедура — развод по-кремлевски.

Аллилуев В. С. 178

Когда Сталин потребовал от Светланы, чтобы она развелась с мужем, он, видимо, сказал примерно то же и Маленкову. Его дочь, очень приятная девушка Воля, вышла замуж за Шамберга, сына друга Маленкова. Его отец — прекрасный партийный работник и высокопорядочный человек. У Маленкова проработал много лет в аппарате. Все резолюции, которые поручались Маленкову, готовились Шамбергом, грамотеем и умницей. Я много раз встречал Шамберга-сына у Маленкова, и он мне очень нравился: и молод, и способен, и образован. Тоже был экономистом. И вдруг мне рассказала жена Маленкова, Валерия Алексеевна, к которой я относился с большим уважением, что Воля разошлась с первым мужем и вышла за архитектора. Не стану сравнивать, кто из них хуже или лучше, это личное дело. Жена сама определяет, какой муж у нее лучше, — первый или

второй. Я же считаю, что и второй был хорошим парнем. Он был моложе жены на несколько лет. Воле это могло нравиться. Но оставить сына отцовского друга? Мне это было и непонятно, и неприятно.

Маленков не был антисемитом. Да он и не говорил мне, что Сталин ему что-то сказал на этот счет. Но я убежден, что даже если Сталин ему прямо ничего такого и не сказал, то когда он услышал, что Сталин потребовал, чтобы Светлана развелась со своим мужем, потому что тот еврей, то Маленков «догадался» сам и заставил сделать то же самое свою дочь. Тут налицо проявление самого низкопробного, позорного антисемитизма. Я лично Маленкову это не приписываю, перед нами холуйское услужение, если Сталин так сделал, то и он так поступит. Вообще же я считал, что Маленков был нормальным по взглядам человеком и не болел упомянутой позорной болезнью.

Хрущев Н. Т. 2. С. 67

К этому времени у Сталина антиеврейские чувства приняли острую форму. Он арестовал отца Морозова, какого-то простого, никому не известного человека, сказав нам, что это — американский шпион, выполнявший задание проникнуть через женитьбу сына в доверие к Сталину с целью передавать все сведения американцам. Затем он поставил условие дочери: если она не разойдется с Морозовым, того арестуют. Светлана подчинилась, и они разошлись.

Микоян А. С.362

Он никогда не требовал, чтобы мы расстались. Мы расстались весной 1947 года — прожив три года — по причинам личного порядка, и тем удивительнее было мне слышать позже, будто отец настоял на разводе, будто он этого потребовал. За это время я видела его, наверное, еще раза два.

Аллилуева С. С. 163

Морозов очень долго не мог устроиться на работу. С этой просьбой он обращался к моей жене и сыновьям. Через некоторое время удалось его устроить на работу в научный институт. Он до сих пор работает научным сотрудником, как был, так и остался хорошим человеком.

Микоян А. С. 362

Отец был, конечно, доволен, что я рассталась со своим первым мужем, который ему никогда не нравился. Он несколько стал мягче со мной после этого, но ненадолго. Все-таки, я его раздражала, — из меня получилось совсем не то, чего бы ему хотелось. Но к сыну моему он относился с нежностью.

Аллилуева С. С. 169

Будущий сват «вождя, народов» прежде занимался коммерцией. В 1922 году он открыл собственную аптеку в Москве.

Но за дачу взятки должностному лицу в 1924 году попал на один год в тюрьму. Выйдя на свободу, Морозов бросил ставшую небезопасной частнопредпринимательскую деятельность и перешел на

государственную службу. Когда его сын женился на дочери Сталина, И. Г. Морозов работал скромным бухгалтером на одном из московских предприятий. Однако с этого момента жизнь незаметного советского служащего чудесным образом переменилась. Он стал частым гостем в правительственной санатории «Барвиха». Представляясь там старым большевиком и профессором, он вошёл в круг влиятельной советской элиты, познакомившись наряду с прочими с П. С. Жемчужиной, Р. С. Землячкой и с директором Института физиологии АН СССР академиком Л. С. Штерн. В 1945 году последняя взяла его к себе заместителем по административно-хозяйственной части.

Оказавшись в новом положении, сулившем захватывающие перспективы, И. Г. Морозов совершенно упустил из виду, что его особа превратилась в объект повышенного внимания МГБ. В разговорах с родственниками и знакомыми он, не задумываясь о последствиях, хвастался новыми связями в правительственных структурах, не забывая при этом небрежно упомянуть, что вхож к Сталину, который приглашает его на приемы в Кремль. Расплата за столь беспечные, сколь и опасные выдумки наступила в начале 1948 года, когда И. Г. Морозова препроводили на Лубянку, инкриминировав ему «проведение антисоветской работы и распространение клеветнических измышлений против главы Советского государства».

Костырченко Г. В плену у красного фараона. М.: Международные отношения, 1994.

Судя по материалам дела, он [И. Г. Морозов] был весьма деятельным человеком, как и два других сына

Гриши Вульфовича Мороза. Еще в 1923 году он был арестован по делу о взятке (деле № 4429) и осужден в 1924 году на десять лет тюрьмы со строгой изоляцией, однако через год был освобожден. Владел магазином аптекарских товаров на Б. Грузинской, затем работал представителем мучной фирмы своего родного дяди «Гинзбург и братья Валяевы». Его родной брат Моисей в 1931 и 1934 годах привлекался к суду за валютные махинации, а другой брат, Савелий, в 20-х годах эмигрировал во Францию и жил в Париже.

Вскоре после того, как сын Иосифа Григорьевича Морозова, Гриша, женился на Светлане (1944 год), Морозов-старший оказался в «Барвихе», где лежал смертельно больной дед (Аллилуев С. Я. — *Е. Г.*). Шел март 1945 года. Морозов развил бурную деятельность, чтобы получить приличное должностное кресло. У него была хорошо налаженная система информации, и он выяснил, что в одном из институтов в подчинении Тевосяна есть вакантная должность заместителя директора. За содействием он обратился к моей матери, навещавшей деда в «Барвихе». Отказать настойчивому родственнику ей не удалось, и она обратилась с этой просьбой к Ивану Федоровичу. Но Тевосян, исповедовавший на серьезе партийные принципы, в «блатной протекции» решительно отказал.

Иосифа Григорьевича этот отказ не смутил, и он обратился с той же целью к академику Лине Штерн, и она взяла его заместителем по хозяйственным делам в свой институт физиологии. Интересная деталь — брат Лины Штерн, Бруно Штерн, в те годы был крупным бизнесменом, жившим за границей.

Наблюдавший всю эту картину бурной деятельности Морозова-старшего мой дед, человек умный и чуткий, одним из первых понял, что новые родственники Светланы ни ее, ни других до добра не доведут. Рано или поздно все эти корыстные штучки обернутся скандалом, Сталин такого не терпит. Вокруг Светланы, да и Василия, как я уже писал, все время суетились какие-то люди, связанные с Морозовыми, всем им чего-то от них надо было заполучить. Поэтому дед незадолго до своей смерти предупредил мою мать: «Держись подальше от Василия и Светланы». Мать эта фраза тогда потрясла...

Аллилуев В. С. 245–246

Я знала — или вернее догадывалась позже, когда стала взрослой и сама пришла к вере, что у моего отца была сложная душа, противоречивый характер и часто двойственное отношение к жизни. Что его инстинктивно тянуло к чистым душам, каковыми была его первая жена Екатерина Сванидзе и позже — моя мама Надя Аллилуева. Они были нужны ему. Ему нужна была какая-то опора, и он находил ее в хороших, чистых характерах. Однако они не выдерживали долго возле него и умирали, и тогда он лишался своих ангелов и злобные силы одолевали его. Когда я была еще маленькой чистой девочкой, я тоже была ему нужна, он находил возле меня успокоение и утешение, но когда я выросла и стала влюбляться в не приходившихся ему по вкусу людей, он отвернулся от меня...

В следующий раз мы увиделись не скоро... Отец заболел, и болел долго и трудно. Сказались напряжение

и усталость военных лет и возраст, — ему ведь было уже шестьдесят шесть лет.

Я даже не помню, виделись ли мы с ним зимой 1945-46 года... Я снова училась в университете — надо было наверстывать пропущенный из-за ребенка год... Мы жили с мужем в городской нашей квартире, учились оба. Наш сын жил в Зубалове с нянями — моей и своей. Отец, очевидно, считал, что поскольку все, что надо, для меня делается, — чего же еще требовать? С моим мужем он твердо решил не знакомиться.

Аллилуева С. С. 209, 325

Ялта. Февраль 1945

На Ялтинской конференции глав государств антигитлеровской коалиции Сталин удивил всех армянским коньяком. Об изготовлении его подробно поведал затем бывший Председатель Совета Министров Армянской ССР Арам Сергеевич Пирузян. Он рассказал: «Где-то в середине 1944 года мне позвонил И.В. Сталин и сказал: «Я знаю, что в Армении давно работают над созданием коньяка высшего качества. Такие же работы ведутся и в других республиках Закавказья. Необходимо в кратчайший срок изготовить первоклассный ароматный коньяк и представить его к концу года на дегустацию в Москву».

Задание было ясным, весьма сложным для тяжелого военного времени, но его надо было срочно выполнять.

Как выяснил потом Арам Сергеевич, такая же команда была дана и руководителям правительств Грузии, Азербайджана и республик Средней Азии. Впоследствии Сталин не забыл своего указания и, несмотря на большую занятость и трудное положение, иногда звонил и спрашивал: «А как обстоит дело с коньяком?»

Шел ускоренный процесс изготовления коньяка, над чем работали многие винодельческие предприятия и лучшие мастера коньячного дела. К намеченному сроку было изготовлено несколько сортов и, наряду с подобной продукцией других республик, армянские коньяки были доставлены в Москву.

Сталин лично дегустировал их и признал самым лучшим армянский коньяк. Никто тогда не знал, для каких целей все это делалось в спешном порядке и в такое трудное время. Только после завершения Ялтинской конференции стало известно, что армянский коньяк пришелся по вкусу всем руководителям великих государств и членам их делегаций, а затем и получил огромную популярность. Особенно он понравился Черчиллю, который до конца своей жизни ежегодно покупал целый железнодорожный вагон армянского коньяка.

Говорят, что когда Черчилля спрашивали о причинах его долгожительства, а он умер в возрасте девяноста с лишним лет, то он отвечал: «Пейте армянский коньяк, курите гаванские сигары и никогда не опаздывайте к обеду».

Докучаев М. С. 297–298

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам.

Черчилль У. *С. 285*

Однажды британский премьер твердо решил не вставать. Но, когда Сталин вошел, «какая-то сверхъестественная сила», как он выразился, подняла его со стула.

Бережков В. *С. 233*

На конференции в Крыму присутствовали министры иностранных дел, начальники штабов и другие советники. Кроме них были секретари, охрана, летный состав, обслуживающий персонал. Обо всех надо было подумать, всех обеспечить питанием, транспортом и всем необходимым. Нужно было организовать приемы, завтраки, обеды.

У американцев и англичан принято на всех приемах подавать крошечные бутерброды-сандвичи.

Хотя время было еще военное и с продуктами были трудности, я решил принимать гостей по русскому обычаю хлебосольно и распорядился, чтобы бутерброды приготовили большие, такие, как у нас принято, густо намазанные маслом, икрой, чтобы ветчины или рыбы лежал солидный кусок. И официанток подобрал рослых, румяных девушек. Успех моих бутербродов превзошел все ожидания.

Н. Власик.

Цит. по: *Логинов В. С.* 126

Во время пребывания в Ялте был другой случай, когда не все прошло так гладко. Рузвельт, который давал завтрак, сказал, что он и я в секретных телеграммах всегда называем Сталина «Дядя Джо». Я предложил, чтобы он сказал Сталину об этом в конфиденциальном разговоре, но он пошутил на этот счет при всех. Создалось напряженное положение. Сталин обиделся. «Когда я могу оставить этот стол?» — спросил он возмущенно. Бирнс (советник британского посольства, неоднократно общавшийся со Сталиным.— *Е. Г.*) спас положение удачным замечанием. «В конце концов, — сказал он, — ведь вы употребляете выражение «Дядя Сэм», так почему же «Дядя Джо» звучит так уж обидно?» После этого маршал успокоился, и Молотов позднее уверял меня, что он понял шутку. Он уже знал, что за границей многие называют его «Дядя Джо», и понял, что прозвище было дано ему дружески, в знак симпатии.

Черчилль У. С. 304–305

Сталин узнает о смерти Якова

В феврале 1945 года, сразу же по возвращении из Ялты в Москву, Сталин начал жаловаться на головную боль, тошноту, позывы к рвоте и легкое головокружение.

Через несколько дней он ощутил сильную боль в области сердца и жаловался, что ощущает, будто его грудная клетка стягивается железной лентой. Немедленно вызванный крупный кардиолог профессор Мясников при осмотре вначале не обнаружил ясных клинических признаков какого-либо заболевания. Однако явные симптомы стенокардии и внезапное падение кровяного давления у пациента, хронически страдавшего гипертонией, заставляли заподозрить инфаркт, что в конце концов и было подтверждено электрокардиограммой. Анализ электрокардиограммы показывает наличие локального инфаркта верхушки сердца.

Естественно, что кремлевским врачам было приказано держать эту информацию в строжайшем секрете и не давать просочиться ни малейшей подробности за стены Кремля, а тем более, на Запад. Аналогичные меры секретности сопровождали и повторный локальный инфаркт, случившийся спустя несколько недель в конце апреля 1945 года.

Ноймайр А. С. 417–418

Во время одной прогулки И. В. Сталин неожиданно стал рассказывать мне о своем детстве.

Так за разговором прошло не менее часа. Потом сказал:

— Идемте пить чай, нам нужно кое о чем поговорить.

На обратном пути я спросил:

— Товарищ Сталин, давно хотел узнать о вашем сыне Якове. Нет ли сведений о его судьбе?

На этот вопрос он ответил не сразу. Пройдя добрую сотню шагов, он сказал каким-то приглушенным голосом:

— Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его фашисты. По наведенным справкам, держат они его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену Родине.

Помолчав минуту, твердо добавил:

— Нет, Яков предпочтет любую смерть измене Родине.

Чувствовалось, он глубоко переживает за сына. Сидя за столом, И. В. Сталин долго молчал, не притрагиваясь к еде. Потом, как бы продолжая свои размышления, с горечью произнес:

— Какая тяжелая война! Сколько она унесла жизней наших людей. Видимо, у нас мало останется семей, у которых не погибли близкие...

Жуков Г. Т. 3. С. 50

А разговор Сталина с Жуковым происходил в марте 1945-го, то есть отец до конца войны не знал — жив ли его сын Яков.

Грибанов С. С. 232

Кстати, об американцах. В мае-июне 1945 года в их руки попали секретные документы немцев — о том, как был застрелен Яков Джугашвили. Сначала эту папку союзники намеревались передать Сталину, о чем

исполнявший обязанности госсекретаря США Грю информировал посла США в СССР Гарримана телеграммой от 30 июня 1945 года.

Зенькович Н. С. 145

«Сейчас в Германии объединенная группа экспертов государственного департамента и британского министерства иностранных дел изучает важные германские секретные документы о том, как был застрелен сын Сталина, пытавшийся якобы совершить побег из концлагеря. На сей счет обнаружено: письмо Гиммлера к Риббентропу в связи с данным происшествием, фотографии, несколько страниц документации. Британское министерство иностранных дел рекомендовало английскому и американскому правительствам передать оригиналы указанных документов Сталину, а для этого поручить английскому послу в СССР Кларку Керру информировать о найденных документах Молотова и попросить у Молотова совета, как наилучшим образом отдать документы Сталину. Кларк Керр мог бы заявить, что это совместная англо-американская находка, и презентовать ее от имени британского министерства и посольства США. Есть мнение, однако, что передачу документов следует произвести не от лица нашего посольства, а госдепартамента. Суждение посольства о способе вручения документов Сталину было бы желательно знать в госдепартаменте. Вы можете обратиться к Молотову, если сочтете это полезным. Действуйте сообща с Кларком Керром при наличии у него аналогичных инструкций. Грю».

Из телеграммы и. о. Госсекретаря США Грю

послу США в СССР Гарриману. 30 июня 1945 г.

Однако уже через пять дней Вашингтон почему-то передумал и предназначенные для передачи Москве документы были на долгие годы засекречены в архиве госдепартамента США. Об их существовании впервые сказали в 1968 году, когда истек срок давности для секретных документов военного времени.

Эта не до конца проясненная история имела не менее интригующее продолжение. При Брежневем закрытым Указом от 28 октября 1977 года Президиум Верховного Совета СССР наградил Якова Джугашвили орденом Отечественной войны I степени посмертно. В последний месяц правления Черненко так же тихо, без огласки, орден — через восемь лет — был передан на хранение дочери награжденного — Галине Яковлевне.

Зенькович Н. С. 716

После войны возникли подробности о смерти Якова. Поляк Александр Салацкий, бывший военнопленный, в 1981 году опубликовал в Варшаве воспоминания, в которых говорилось о ссоре между русскими и англичанами, жившими в одном бараке лагеря Заксенхаузен. Русские пленные считали, что англичане лебезят перед немцами, русские отказывались отдавать честь немецким офицерам, саботировали их приказы, а наказание получал весь барак, включая «законопослушных» англичан, которые открыто возмущались «русскими национальными недостатками».

Васильева Л. С. 104–105

Яков Джугашвили постоянно ощущал безысходность своего положения. Он часто впадал в депрессию, отказывался от еды... вечером 14 апреля 1943 года Яков отказался войти в барак и бросился в мертвую зону. Часовой выстрелил. Смерть наступила мгновенно. И тогда труп бросили на проволочный забор, находившийся под высоким напряжением.

В. Салацкий (польский военнопленный) // Литературная Грузия. 1978. № 6

Слышались оскорбления: «грязные русские», «большевистские свиньи». Якова ударили по лицу. Именно поэтому вечером он отказался войти в барак. И с криком «застрелите меня» бросился на колючую проволоку.

Васильева Л. С. 104–105

Следует отказаться от намерения проинформировать маршала Сталина, в противном случае придется обратить внимание на то, что смерть его сына вызвана англо-русской ссорой.

М. Вайе (британский дипломат).

Частное письмо. 1945 г.

«После тщательного изучения этого дела и его сути британское министерство иностранных дел предложило отвергнуть первоначальную идею передачи документов, которые по причине их неприятного содержания могли

огорчить Сталина. Советским должностным лицам ничего не сообщили, и государственный департамент информировал посла Гарримана в телеграмме от 23 августа 1945 года, что достигнута договоренность не отдавать документы Сталину...

Справка из «Дела № Т-116».

Цит. по: *Аллилуев В.* Хроника одной семьи: Аллилуевы — Сталин. М.: Мол. гв., 1995

Конечно же, совсем не боязь «огорчить» Сталина, как справедливо замечает Иона Андронов, заставила ближайшее окружение Трумэна и Черчилля спрятать «Дело № Т-176» в секретный архив. Скорее всего, они сами сильно огорчились, уяснив из дела о мужественном поведении в плену Якова. Их, стоявших у истоков «холодной войны», гораздо больше устраивали слухи, порочащие сына главнокомандующего, запущенные геббельсовской пропагандой.

Аллилуев В. С. 51–52

В 1945 году читал в одной болгарской газете заметку о том, что в германских газетах опубликовано обращение генералиссимуса Сталина, в котором, он предлагает за миллион западногерманских марок сообщить ему достоверные сведения о судьбе Якова Джугашвили.

Некто Чернявский из Гомеля

Цит. по: *Васильева Л.* С. 106

«В конце января С.г. Первым Белорусским фронтом была освобождена из немецкого лагеря группа югославских офицеров. Среди освобожденных — генерал югославской жандармерии Стефанович, который рассказал следующее. В лагере «Х-с» г. Любек содержался ст. л-т Джугашвили Яков, а также сын бывшего премьер-министра Франции Леона Блюма — капитан Роберт Блюм и другие. Джугашвили и Блюм содержались в одной камере. Стефанович раз 15 заходил к Джугашвили, предлагал материальную помощь, но тот отказывался, вел себя независимо и гордо. Не вставал перед немецкими офицерами, подвергаясь за это карцеру. Газетные сплетни обо мне — ложь, говорил Джугашвили. Был уверен в победе СССР. Написал мне свой адрес в Москве: ул. Грановского, д. 3, кв. 84. Берия».

Л. Берия — Сталину. Март 1945 г.

Вместе с Яковом в плену содержался бельгийский король Леопольд. После войны он написал письмо Сталину, в котором рассказал о гибели сына... Король Леопольд писал Сталину, что Якова расстреляли во внутреннем дворе тюрьмы, перед самым подходом советских войск, расстреляли вместе с Тельманом

...Михаил Геловани — актер, исполнявший роль Сталина в советских фильмах, вспоминал о том, как диктатор принял известие о гибели старшего сына. Было это на банкете.

«Застолье было сумрачным. Получилось что-то вроде тризны. В тот день Берия принес Сталину личное

дело Якова Джугашвили. По грузинскому обычаю, Сталин оросил кусок черного хлеба несколькими каплями красного вина и съел его в память о сыне».

Краскова В. С. 112, 115

Потом еще раз он сказал о Яше летом 1945 года, после победы. Мы долго не виделись до того. «Яшу расстреляли немцы. Я получил письмо от бельгийского офицера, принца что ли, с соболезнованием — он был очевидцем... Их всех освободили американцы...» Ему было тяжело, он не хотел долго задерживаться на этой теме. Валентина Васильевна Истомина (Валечка), бывшая в то время экономкой у отца, рассказывала мне позже, что такое же известие о Яшиной гибели услышал К. Е. Ворошилов на одном из фронтов в Германии, в самом конце войны. Он не знал, как сказать об этом отцу, и страдал сам — Яшу все знали и любили. Так услышали об этом из двух источников.

Аллилуева С. С. 147

Утверждали также, что Якова из лагеря Дахау освободили американцы и затем где-то спрятали.

И, наконец, самая сенсационная версия говорит, что немцы летом 1944 года привезли его в один из лагерей, расположенных в Италии, откуда ему удалось совершить побег. А потом было так. Однажды ночью кто-то постучал в дверь дома Джовани Лиесси, жившего вместе с матерью и сестрами.

Джовани воевал в партизанском отряде против фашистов, и он знал, что стоит у дверей Яков, русский

офицер, которого в партизанской бригаде называли «капитаном Монти». Молодой симпатичный человек с печальными большими глазами понравился сестре Джовани — Паоле. Она влюбилась в капитана, и он ответил ей на любовь.

6 февраля 1945 года Яков с двумя партизанами пошел в разведку. Неожиданно их окружили. Капитан крикнул: «Нам отсюда не выбраться. Мы подорвем себя гранатами — они нас живыми не возьмут!»

От капитана Монти Паола родила сына Джордже. Вскоре после этого события она посетила советского консула в Венеции. Там ей сказали: «Если вы хотите отказаться от ребенка, вам не придется ни о чем беспокоиться». Но Паола отказалась от помощи. Позже она вышла замуж за Ренато Дзамбона, усыновившего сына советского офицера.

Джордже — прямо-таки вылитый отец, как утверждают хорошо знавшие Монти бывшие партизаны. Но был ли «капитан Монти», действительно, Яковом Джугашвили, сыном Сталина? Жители итальянской деревни Рефрентоло с гордостью говорят: «Да, был»...

Краскова В. С. 116

Не случайно после войны появилось множество версий о судьбе Якова Джугашвили, которого якобы видели то в Италии, то в Латинской Америке. Явилось миру сонмище «очевидцев» и ловких самозванцев. Фантазии продолжают гулять по страницам прессы и в наши дни, не гнушаются их пересказывать или сочинять новые и отечественные журналисты. Одной из «свежих»

версий является байка о том, что Яков натурализовался в Ираке, а Саддам Хусейн — его сын.

Аллилуев В. *С. 53*

Может быть, слишком поздно, когда Яша уже погиб, отец почувствовал к нему какое-то тепло и осознал несправедливость своего отношения к нему...

Аллилуева С. *С. 147*

В 1977 году по ходатайству многих лиц Яков Иосифович Джугашвили был награжден орденом Отечественной войны 1 степени (посмертно). Орден передан на хранение его дочери Галине Яковлевне Джугашвили.

Соловьев Б., Суходеев В. *С. 76*

Посмертная награда Якову Джугашвили, врученная его родственникам, была единственным завершением трагической судьбы солдата вне зависимости от того, кому он приходится сыном.

Однако судьба ордена оказалась столь же непростой.

А. С. Володина (этой по-своему самоотверженной женщиной были собраны материалы о жизни и гибели Якова Джугашвили, Анелли Сергеевна — хранитель музея Московского института инженеров транспорта, в котором учился в свое время сын Сталина. — *Е. Г.*) в свое время отправила в Президиум Верховного Совета письмо с

просьбой сообщить номер и дату Указа о награждении Якова. Ответа не последовало.

Анелли Сергеевна представляет собой тот редкий и странный тип наших соотечественников, которые убеждены в том, что все вокруг — от хранителя музея до Генерального секретаря ЦК КПСС — обязаны жить исключительно по закону.

Поскольку Георгадзе без всякой причины не ответил на ее вежливое и предельно деловое письмо, она отправилась в приемную Президиума Верховного Совета лично. «Дежурная сотрудница приемной прямо при мне позвонила в наградной отдел. По мере того, как дежурная слушала то, что ей отвечали, лицо ее постепенно вытягивалось».

«На ваше письмо никакого ответа не будет, — сухо сказала она, наконец, Володиной. — Если хотите, обращайтесь в Верховный Совет Грузии».

Володина, прекрасно понимала, что ордена в стране выдает отнюдь не Верховный Совет Грузии.

Георгадзе объявил о награде по поручению Леонида Брежнева. Но... Указ о награждении Брежнев, по всей видимости, подписывать раздумал. Георгадзе был этим чрезвычайно подавлен, поскольку в глазах своих соотечественников теперь выглядел человеком, мягко говоря, не информированным. Следующее свое письмо Володина отправила уже первому заму Леонида Ильича В. Кузнецову, был все-таки Указ или не был? И почему сотрудницы секретариата, в нарушение установленного порядка работы с письмами и заявлениями, отсылают ее в Грузию?

Отвечал Анелли Сергеевне заместитель заведующего наградным отделом ПВС Ракушин. Он объяснил, что Указ пока не подписан, поскольку «его время еще не пришло». Товарищ Ракушин объяснил Анелли Сергеевне, что безответственных распространителей нелепых слухов и домыслов легко могут наказать — от увольнения с работы до серьезной проверки умственных способностей в психиатрической больнице.

Однако Володина — фронтовик, ветеран войны — не испугалась, потому что ясно видела идиотизм ситуации, была уверена в собственной правоте. Правда, обращаться оставалось только к Господу Богу, которого в Кремле вышестоящие инстанции не признавали.

Когда страна, наконец, осиротела, Анелли Сергеевна обратилась с теми же вопросами к новому секретарю Президиума Тенгизу Ментешашвили. Ответ был прежним, а отвечал уже знакомый человек, почти родной — все тот же товарищ Ракушин.

«Вам же все объяснили, а вы опять свое! — сердился он. — Прекратите заниматься этой личностью, иначе все это плохо кончится!»

За спиной Анелли Сергеевны стоял всего лишь совет ветеранов родного МИИТа, но ее не уволили, не посадили и не упрятали, хотя грозили еще не раз.

Наступил 1985 год. К 40-летию Победы орденами Отечественной войны было решено наградить всех оставшихся в живых ветеранов. По совету Володиной, дочь Якова — Галина Джугашвили — написала в Министерство обороны. На этот раз инстанции

реагировали иначе, вскоре ей позвонили из военкомата: просили явиться за орденом.

Прямо в их присутствии в военкомате заполнили орденскую книжку, проставив и номер, и дату таинственного Указа. Указ ПВС СССР имел номер 6461-IX и дату — 28 октября 1977 года. Орден был передан дочерью Якова Джугашвили на хранение в музей МИИТа.

Об этом узнали в Грузии. К Володиной приезжала целая делегация генералов грузинской национальности уговаривать отдать орден в Тбилиси — Яков Джугашвили в республике был очень популярен, обещали большие деньги... Не отдала.

И все же оставался непроясненным последний вопрос. Для завершения экспозиции, по всем музейным правилам, требовалась копия Указа о награждении. Но тайна оставалась неподвластной времени, на письменные просьбы Володиной отвечали уклончиво — посылали подальше, в другие инстанции.

Прошли первые самые демократические выборы в новый Верховный совет. За ними вторые самые демократические — в Государственную Думу. Именно туда, в аппарат Думы, направила Володина свой последний запрос. И вот какой получила ответ.

«На Ваш запрос № 238\03 от 1 июня 1994 года сообщаем, что Указ Президиума Верховного Совета СССР № 6461-XI от 28 октября 1977 года имеет гриф «секретно». Ксерокопированию и использованию в экспозиции музея не подлежит. Зав. архивом Государственной Думы Л. В. Стабровская».

Смерть молчаливого Якова Джугашвили осталась загадкой...

Краскова В. С. 112–115

А благодарной памяти Яша заслуживал; разве быть честным, порядочным человеком в наше время — не подвиг?..

Аллилуева С. С. 148

Победа

В конце апреля 1945 года Советская Армия вела трудные и упорные бои за столицу фашистской Германии. Жуков доложил Сталину, что к 1 мая Берлин взять не удастся, нужна перегруппировка сил. «Я ожидал, — писал впоследствии Жуков, — от Сталина резких возражений, а Сталин ответил так: «Ну ничего, впереди Первомай, это и так большой праздник, народ хорошо его встретит. А что касается того, возьмем ли Берлин 2 или 3 мая, это не имеет большого значения. Я с Вами согласен, надо жалеть людей, мы меньше потеряем солдат. Подготовьте лучше заключительный этап этой операции».

Кожемяко В. Битва за Берлин // Правда. 1995. 26 апр.

Война с гитлеровской Германией окончилась 8 мая подписанием акта о ее безоговорочной капитуляции, но

для всех нас, присутствовавших на этом приеме, итоговой чертой, завершающим аккордом четырех лет войны был незабываемый вечер в Георгиевском зале Кремлевского дворца 24 мая 1945 года.

А ровно через месяц мне выпало счастье стать свидетелем величайшего апофеоза нашей победы — знаменитого парада войск на Красной площади 24 июня 1945 года. Это был не обычный парад. Перед Мавзолеем Ленина торжественным маршем проходили наиболее прославившиеся части войск действующей армии, прибывшие на Красную площадь прямо с недавно умолкших фронтов Отечественной войны. Войска проходили по площади в порядке расположения фронтов: открывал парад самый северный — Карельский фронт, а замыкал самый южный — 3-й Украинский. Впереди колонны каждого фронта шел его командующий — маршал, генерал армии.

Яковлев А. С. 323

О самом акте подписания капитуляции я попутно хочу рассказать следующее. Вам, историку, это известно не меньше, чем мне, что, когда война свертывалась, то такие союзники, как Черчилль, не только думали о каком-то согласованном окончании войны с Германией, но уже начали опасаться за последствия победы над фашизмом и подумывать, нельзя ли использовать немцев для войны с Советским Союзом.

Известен такой факт. Когда у гитлеровцев не осталось шансов на победу, когда Берлин пал, то они бросились в штаб союзников. А в штабе союзников был наш генерал Сулопаров. Его пригласил генерал

Эйзенхауэр и стал говорить о том, что враг предлагает капитуляцию: давайте подпишем.

И Сулопаров, не додумав до конца, 7 мая в Реймсе подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии. И союзники расшумели это на весь мир.

Что это была за капитуляция? Это была капитуляция перед Англией и Америкой.

Естественно, что туда из Москвы Сулопарову пошла телеграмма: «Эту капитуляцию не считать действительной».

Тогда же было поручено маршалу Жукову подыскать соответствующее помещение и организовать подписание безоговорочной капитуляции в Берлине.

Известно и другое. Когда Сулопаров подписал эту капитуляцию и когда наша Ставка почувствовала, что тут идет какая-то игра и нам нельзя расхолаживаться, то в этот день, 7 мая, была дана телефонограмма всем флотам: «Война продолжается». Иными словами, было сказано: вы ни на какие удочки не идите, обстановка может повернуться как угодно...

Н. Кузнецов.

Цит. по: *Куманев Г. С. 301–302*

9-го мая 1945 года, когда по радио объявили о конце войны, — я позвонила отцу. Было раннее утро. Я ужасно волновалась, — в Москве было шумно, весело, уже все знали о победе... «Папа, поздравляю тебя, победа!» — смогла только сказать я, и мне захотелось плакать.

«Да, победа! — сказал он. — Спасибо. Поздравляю тебя! Как ты себя чувствуешь?» Я чувствовала себя великолепно, как все в Москве в тот день!

Аллилуева С. С. 168

После войны генералы везли вещи из Германии. Сперва на это смотрели сквозь пальцы, а потом Сталин приказал проверять в Бресте составы и переводить имущество в пользу государства.

Один генерал-полковник у которого экспроприировали целый вагон вещей, стал возмущаться, что напишет Сталину. Об этом мне поведал маршал А. Е. Голованов. «И ведь хватило ума — написал!» — смеялся Александр Евгеньевич.

Верховный прочитал и наложил такую резолюцию:

«Вернуть г.-полковнику барахло», И. Сталин». Нет, его не понизили в звании до полковника, но вся военная верхушка узнала об этом и подсмеивалась над ним.

Чуев Ф. С. 90

Богатства, якобы надаренные победоносным маршалам подчиненными в Европе, ни у кого особо не сверкали, лишь у Жукова провели обыск и изъятое вывезли на «студебеккере», все, вплоть до шкур, и Сталин заметил: «Скорняк останется скорняком», вспомнив, что служил Жуков до революции в меховом магазине.

Терехов А. Дом на Грановского // Совершенно секретно. № 305

После победы в 1945-м, отмечая исключительные заслуги И. В. Сталина в Великой Отечественной войне, Политбюро ЦК ВКП(б) постановило:

1. Переименовать столицу СССР город Москва в город Сталин.

2. Присвоить И. В. Сталину звание Генералиссимуса Советского Союза.

3. Наградить И. В. Сталина вторым орденом «Победа».

4. Присвоить И. В. Сталину звание Героя Советского Союза.

Сталин категорически отверг эти решения. По первому пункту его поддержал Молотов, и этого было достаточно, чтобы Москва осталась Москвой.

Чуев Ф. С. 547–548

Очень интересной была реакция Сталина на наше предложение присвоить ему звание генералиссимуса. Это было уже после войны. На заседании Политбюро где обсуждался этот вопрос, присутствовали Жуков, Василевский, я и Рокоссовский (если не ошибаюсь). Сталин сначала отказывался, но мы настойчиво выдвигали это предложение. Я дважды говорил об этом. И должен сказать, что в тот момент искренне считал это необходимым и заслуженным. Мотивировали мы тем, что по статуту русской армии, одержавшему большие победы, победоносно окончившему кампанию, присваивается такое звание.

Вопрос о присвоении звания генералиссимуса обсуждался несколько раз, и каждый раз Сталин убеждал этого не делать.

Соловьев Б., Суходеев В. С. 200

Сталин несколько раз прерывал нас, говорил: «Садитесь», а потом сказал о себе в третьем лице:

— Хотите присвоить товарищу Сталину генералиссимуса. Зачем это нужно товарищу Сталину? Товарищу Сталину это не нужно. Товарищ Сталин и без этого имеет авторитет. Это вам нужны звания для авторитета. Товарищу Сталину не нужны никакие звания для авторитета. Подумаешь, нашли звание для товарища Сталина — генералиссимус. Чан Кайши — генералиссимус, Франко — генералиссимус. Нечего сказать, хорошая компания для товарища Сталина. Вы маршалы, и я маршал, вы что, меня хотите выставить из маршалов? В какие-то генералиссимусы? Что это за звание? Переведите мне.

Пришлось тащить разные исторические книги и статуты и объяснять, что это в четвертый раз в истории русской армии после Меншикова и еще кого-то, и Суворова.

В конце концов он согласился. Но во всей этой сцене была очень характерная для поведения Сталина противоречивость: пренебрежение ко всякому блеску, ко всякому формальному чинопочитанию и в то же время

чрезвычайное высокомерие, прятавшееся за той скромностью, которая паче гордости.

Конев И. С. *118–119*

И только после вмешательства Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского дал свое согласие, когда последний заявил: «Товарищ Сталин, вы маршал и я маршал, вы меня наказать не сможете!»

Соловьев Б., Суходеев В. С. *200*

У меня лично вызывает удивление то, что он объявил себя генералиссимусом и стал носить маршальскую форму. Тем более это было странно, что к его полувоенному облику давно привык весь мир, и этот облик, известный всем, вполне вязался с войной. В звании и форме было что-то мелочное, шедшее откуда-то из молодости, с тех времен, когда он был маленьким по общественному положению человеком — наблюдателем тифлисской метеостанции. Как-то странно сочетать положение вождя партии, мира со званием генералиссимуса, с желанием носить маршальскую форму, с брюками, на которых красный лампас — одна из самых одиозных примет царского времени. Мне невольно вспоминается снимок тех ранних лет — знаете, тот, с шеей, замотанной кашне, и по контрасту с этим снимком торчащая из-под стола нога в шевровом, хорошо начищенном ботинке, и брючина с красным лампасом и штрипкой.

И. Исаков.

Цит. по: *Симонов К. С. 348*

— Сталин жалел, что согласился на генералиссимуса. Он всегда жалел. И правильно. Это перестарались Каганович, Берия... И командующие настаивали.

— Кузнецов пишет...

— Он не все знает. Сталин был против. Сожалел: «Зачем мне все это?» Для чего ему какие-то внешние отличия, когда он был всем известный человек! Военные — это одно дело, а Сталин — политик, государственный руководитель. Суворов же не был государственным и партийным деятелем! Ему это звание было нужно. А Сталин — руководитель коммунистического движения, социалистического строительства. Это звание ему было не нужно. Нет, он очень жалел.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 310*

Между прочим, он вообще придавал, на мой взгляд, излишнее значение форме, и люди, которые страшно были увлечены по своей службе изобретением новых мундиров или восстановлением старых русских мундиров, находили какой-то отзвук в нем, одобрение. Помню, как всерьез обсуждался вопрос о введении адъютантских аксельбантов и эполет; помню, как в закрытых машинах везли в Кремль шесть человек, обмундированных в армейские мундиры с эполетами, и шесть человек, одетых во флотские кители с эполетами. И это было не в конце войны, а в разгар ее.

И. Исаков.

Цит. по: *Симонов К. С.* 348–349

— Сталин только один, имейте в виду, а генералов-то много. Потом было ругался: «Как я согласился?» Вождь всей партии, всего народа и международного движения коммунистического и только генералиссимус. Это же принижает, а не поднимает! Он был гораздо выше этого! Генералиссимус — специалист в военной области. А он — и в военной, и в партийной, и в международной. Два раза пытались ему присвоить. Первую попытку он отбил, а потом согласился и жалел об этом.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 310

Как Верховный Главнокомандующий, он принял звание генералиссимуса. А вот все попытки штабистов создать для него специальную форму под это звание закончились скандалом. Он до конца своей жизни носил маршальскую форму, которую незадолго до смерти отдал художнику П. В. Васильеву. Кстати, музей в Гори пытался заполучить эту форму у художника, но тот настаивал, чтобы на этот счет было принято решение ЦК КПСС. Сегодня нет ни КПСС, ни ЦК. Вопрос так и повис в воздухе.

Аллилуев В. С. 198

Перед Парадом Победы его решили порадовать новой формой Генералиссимуса. Сшили три образца. Начальник тыла Хрулев одел молодцов атлетического

сложения и выставил в приемной ЦК. Выйдя из кабинета, Сталин окинул взглядом накидки с атласной красной подкладкой, раззолоченные пуговицы, галуны, аксельбанты и спросил:

— Это что за павлины?

— Товарищ Сталин, это три образца формы Генералиссимуса. Какая вам понравится, ту и будете носить, — доложил Хрулев.

Сталин шуганул их всех вместе. Парад Победы он принимал в прежней рабочей форме.

Рыбин А. С. 36

Андрей Васильевич Хрулев все изобретал маршальские костюмы всякие, и Сталин как-то явился на заседание в маршальском, чего-то прицепил к себе. В коричнево-шоколадном костюме, такой же «сталинке» в полоску, в рубчик, а так я все время в сером его видел.

Д. Шепилов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 324*

Убедили Сталина и взять второй орден «Победа».

Соловьев Б., Суходеев В. С. 200

В конце мая 1945 года по предложению И. В. Сталина в ознаменование Победы над фашистской Германией было решено провести в Москве Парад Победы, пригласить наиболее отличившихся героев-солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов, «Эту идею, вспоминал Г. К. Жуков, — все

горячо поддержали, тут же внося ряд практических предложений... Кажется, 18—19 июня, меня вызвал к себе на дачу Верховный. Он спросил, не разучился ли я ездить на коне.

— Нет, не разучился.

— Вот что, вам придется принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский.

Я ответил:

— Спасибо за такую честь, но не лучше ли парад принимать вам? Вы Верховный Главнокомандующий, по праву и обязанности следует вам принимать парад.

И. В. Сталин сказал:

— Я уже стар принимать парады. Принимайте вы, вы помоложе...

Аллилуев В. С. 193–194

Известно, что Парад Победы в 1945 году принимал Георгий Жуков. Он не знал, что произошло незадолго до того на Центральном аэродроме, где шла репетиция. Сын Сталина Василий рассказал о казусе, который вышел с его отцом:

— Говорю вам под большим секретом. Отец сам готовился принимать Парад Победы. Но третьего дня во время езды от неумелого употребления шпор конь вынес отца по Манежу. Отец ухватился за гриву, пытался удержаться в седле, но не сумел и упал. Ушиб себе при этом плечо и голову, а когда встал — плюнул и сказал: «Пусть Жуков принимает парад, он старый кавалерист».

Мир новостей. 2001. 25 дек. С. 5

Когда вся подготовительная работа была проведена, созвали совещание, на которое пригласили командующих фронтами, был доложен ритуал парада. Остался открытым один вопрос: кто будет принимать Парад Победы и кто будет им командовать?

Один за другим выступали маршалы и единодушно предлагали:

— Парад Победы должен принимать товарищ Сталин.

Сталин, по своему обыкновению, ходил по кабинету, слушал выступающих, хмурился. Подошел к столу.

— Принимающий Парад Победы должен выехать на Красную Площадь на коне. А я стар, чтобы на коне ездить.

Мы все горячо стали возражать.

— Почему обязательно на коне? Президент США Рузвельт — тоже верховный главнокомандующий, а на машине парады принимал.

Сталин усмехнулся.

— Рузвельт — другое дело, у него ноги парализованы были, а у меня, слава Богу, здоровые. Традиция у нас такая: на коне на Красную площадь надо выезжать. — И еще раз подчеркнул: — Традиция!

После паузы посмотрел на меня и на Жукова и сказал:

— Есть у нас два маршала-кавалериста — Жуков и Рокоссовский. Вот пусть один командует Парадом Победы, а другой Парад Победы принимает...

К. Рокоссовский.

Цит. по: Полководцы. М.: Мол. гв., 1995. С. 305–306

Сталин в День Победы вдруг протянул Рокоссовскому букет роз и сказал что-то вроде: с вами мы особенно были не правы.

Терехов А. Дом на Грановского // Совершенно секретно. № 305

Я видел за 1925—1945 годы по меньшей мере 20 военных парадов на Красной площади, но этот невозможно сравнить ни с одним. Орудия со звездами на стволах, казалось, издают еще запах пороха. По брусчатке Красной площади двигались «катюши», еще недавно разившие врага огненным смерчем, танки и вездеходы, прошедшие по земле поверженного фашистского рейха.

Яковлев А. С. 323

Вместе с мамой и Леонидом я был на этом параде. Мы стояли на трибуне для гостей слева от Мавзолея. Прошло почти полвека, а я, как вчера, вижу эту впечатляющую картину: под барабанный бой на брусчатку Красной площади к подножию Мавзолея летят фашистские знамена и штандарты, среди них и личный штандарт самого Гитлера. А какие были прекрасные лица у наших солдат и офицеров, в них что-то было от былинных героев-витязей, от тех, кто сражался на Куликовом поле, Чудском озере, Бородино.

Потрясающим моментом парада Победы, запечатлевшимся на всю жизнь, было предание позору плененных знамен противника. Неожиданно смолкает могучий оркестр. Красная площадь погружается в молчание. Раздаются тревожные дробные звуки сотен барабанов. В четком строю, отбивая железный шаг, появляется колонна советских воинов. 200 солдат несут 200 вражеских знамен. Поравнявшись с Мавзолеем, солдаты совершают крутой поворот и с силой швыряют к его подножию трофейные фашистские знамена и штандарты с черными свастиками. Льет дождь. На мокрый гранит брошены сотни знамен и штандартов. Враг повержен. В сознании вновь и вновь проносится все невыразимо тяжелое, что пережито нашей страной за годы войны. Какое глубокое удовлетворение от справедливого возмездия!

Яковлев А. С. 323–324

Можно ли обвинять Сталина в зазнайстве, в приписывании себе всех успехов в победе, если вспомнить тост, произнесенный им на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года. Сталин поднял тост за советский народ, и прежде всего за русский народ. За народ, у которого ясный ум, стойкий характер и терпение.

Н. Власик.

Цит. по: *Логинов В. С. 129*

Как только он встал и попытался говорить, его слова потонули в громе аплодисментов. Когда немножко утихли, Сталин сказал:

— Разрешите мне взять слово. Можно? Опять овации, возгласы: «Можно! Можно! Просим!» И Сталин произнес свое известное слово о русском народе. Он сказал:

— Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа...

Присутствовавшие восторженными рукоплесканиями и криками «ура!» встретили эти слова:

— Я пью, прежде всего, — продолжал Сталин, — за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение. У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и

обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!..

Речь Сталина постоянно прерывалась долго не смолкавшими овациями, поэтому его короткий тост занял чуть ли не полчаса.

Наконец Сталин не выдержал и засмеялся:

— Дайте мне сказать, другим ораторам слово после предоставим. Все выскажутся.

Новый взрыв аплодисментов и криков «ура»! Свое выступление Сталин закончил словами:

— За здоровье русского народа!

И осушил бокал.

Яковлев А. С. 320–321

В нашей семье каждый подтвердит, что это сталинское слово о русском народе было глубоко искренним, оно выразило его личное отношение и его личную оценку замечательных качеств великого народа. Сам Сталин формировался и вырос на русской культуре, которую ставил превыше всего. Его интернационализм коммуниста всегда был окрашен цветом русского патриотизма. Он и говорил часто — «мы русские...».

Аллилуев В. С. 193

«18 июня. <...> Сегодня был у Федина. Он правит стенограмму своего выступления в честь эстонцев. Заговорили об Эренбурге. «Я, — говорит он, — был в Кремле на приеме в честь окончания войны. Встал Сталин и произнес свой знаменитый тост за русский народ — и Эр. вдруг заплакал. Что-то показалось ему в этом обидное».

По словам Федина, один из литераторов в кулуарах Союза назвал Эр. «патриархом космополитов».

К. Чуковский. Из дневника от 18 июня 1954 г.

Цит. по: *Чуковский К. И. Дневник. М., 1994*

В промежутках между тостами на эстраде Георгиевского зала выступали лучшие московские артисты. В зените своей славы были Галина Уланова и Ольга Лепешинская, восхищали певцы Максим Михайлов и Марк Рейзен, Валерия Барсова и Вера Давыдова, жив был основатель и руководитель ансамбля Красной Армии А. В. Александров. Звезды нашего балета и музыкального искусства в этот вечер действительно блистали. Я называю эти имена — они дороги мне и моему поколению, это часть нашей жизни, эпохи расцвета многих талантов.

Яковлев А. С. 321

На другой день после парада Указом Президиума Верховного Совета ССР И. В. Сталину было присвоено звание Героя Советского Союза. Инициативу в этом

проявил Маленков, но Сталин от этой высокой чести отказался да еще с Калинин, подписавшим Указ, поговорил круто — я, мол, в боевых действиях участия не принимал, подвигов не совершал, я просто руководитель.

Аллилуев В. С. 195

...Разговор зашел о присвоении Сталину звания Героя Советского Союза после войны. Сталин сказал, что он не подходит под статус Героя Советского Союза. Героя присваивают за лично проявленное мужество.

«Я такого мужества не проявил», — сказал Сталин.

И не взял Звезду. Его только рисовали на портретах с этой Звездой. Когда он умер, Золотую Звезду Героя Советского Союза выдал начальник Наградного отдела. Ее прикололи на подушку и несли на похоронах.

— Сталин носил только одну звездочку — Героя Социалистического Труда. Я иногда надевал орден Ленина, — добавляет Молотов.

Упорно предлагали одно время Москву переименовать в город Сталин. Очень упорно! Я возражал. Каганович предлагал. Высказывался: «Есть не только ленинизм, но и сталинизм!»

Сталин возмущался.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 310*

Он был одет в светло-защитный мундир с маршальскими погонами и широкими красными

генеральскими лампасами. На груди — только одна звездочка Героя Социалистического Труда.

Рогаль-Левицкий Д.

Цит. по: *Громов Е. С. 344*

Правда, художники рисовали И. В. Сталина с двумя звездами — Героя Социалистического Труда и Героя Советского Союза.

Чуев Ф. С. 548

Что же касается звания Героя Социалистического Труда, которое ему было присвоено в день 60-летия со дня рождения, то Золотую звезду к свежевыглаженному кителю прикрепил дочь Светлана. А поскольку на Востоке существует обычай, если сделала женщина, то так тому и быть, Сталин эту Золотую звезду не снимал до самых последних дней жизни.

Соловьев Б., Суходеев В. С. 200

Одна любопытная подробность. Уже после войны однажды он [Сталин], будучи еще, кажется, министром обороны, — Булганин был его первым заместителем, — вызвал нескольких военных, шли деловые разговоры, потом встал вопрос об отпуске.

— Как ваше здоровье?

— Здоровье так себе, товарищ Сталин.

— В отпуск идете?

— Да, иду.

— На сколько?

— На полтора месяца.

— Это что, Булганин вам полтора месяца дает?

— Да, больше не положено, товарищ Сталин.

— Как так не положено?

Обращается к Булганину:

— Дайте ему три месяца. И ему три месяца, и ему три месяца, и ему три месяца. Надо понимать, что люди вынесли на своих плечах. Какая была тяжесть, как устали. Надо понимать, как устали люди. Что такое полтора месяца? Надо три месяца, чтобы почувствовали, привели себя в порядок, отдохнули, полечились. Как так не понимать? Не понимает этого Булганин, не понимает. Не понимаю, как может не понимать. Нет, не понимает. Что он понимает? Ничего он не понимает.

Конев И. С. 129

Потсдам. Июль 1945

17 июля 1945 года открылась Потсдамская конференция глав правительств СССР, США, Великобритании. Сначала в ней участвовали И. В. Сталин, Г. Трумен, Черчилль У. Затем Черчилля сменил К.-Р. Эттли, победивший на парламентских выборах 2 августа.

Первое официальное упоминание о гипертонии у Сталина относится к февралю 1945 года, времени проведения Ялтинской конференции. К этому времени относятся первые субъективные жалобы на головную боль, шум в ушах, состояние головокружения, сопровождающиеся легкой тошнотой. Как это часто бывает у лиц, страдающих гипертонической болезнью, поводом для подобных явлений, послужили, скорее всего, психические перегрузки, вызванные сложными переговорами с партнерами по конференции. Насколько силен был перенесенный Сталиным стресс, показывает серьезное состояние его здоровья по возвращении в Москву: к описанным выше симптомам прибавилась сильная устойчивая боль в области сердца и под грудиной. У него возникало ощущение, что его грудь затянута — типичные симптомы приступа стенокардии. Приглашенный для консультации кардиолог профессор Мясников на основании этих симптомов и резкого снижения кровяного давления (угрожающий симптом у больных гипертонией) высказал предположение о том, что у больного имел место инфаркт. Кардиограмма, снятая немедленно, подтвердила это предположение, показав, что произошел ограниченный инфаркт верхушки сердца. Уже через несколько недель, в мае 1945 года, имел место повторный ограниченный инфаркт, который Сталин также перенес без осложнений. Рецидивы инфаркта значительно чаще происходят у курильщиков, которые не могут расстаться со своей привычкой, и поскольку Сталин проигнорировал запрет на курение, наложенный врачами, не удивительно, что за несколько дней до начала Потсдамской конференции в июле 1945

года у него произошел третий инфаркт, который, как и предыдущие два, держался, естественно, в строгом секрете. Вне всяких сомнений, поездка в Потсдам и такой момент была сопряжена с определенным риском.

Ноймайр А. С. 448–449

На конференцию в Потсдам Сталин отправился на поезде, он хотел собственными глазами увидеть, как выглядела наша земля после фашистского нашествия...

В день прибытия американской делегации в Берлин, рано утром в США успешно прошли первые испытания атомного оружия — взорвана первая атомная бомба. 21 июля, ознакомившись с подробным отчетом об этих испытаниях в Аламогордо, Трумен собрал совещание высших военных чинов, находившихся в Потсдаме: адмиралов У.-Д. Лега, Э.-Д. Кинга, генералов Д.-К. Маршалла, Г.-Х. Арнольда и Д.-Д. Эйзенхауэра, для обсуждения всего одного вопроса — использовать ли бомбу против Японии. Ответ был единодушно положительный. Впоследствии Г. Трумен писал в своих мемуарах: «Я рассматривал атомную бомбу как военное оружие и никогда не сомневался, что оно должно быть использовано».

Через три дня Г. Трумен и военный министр США Г. Стимсон одобрили приказ командующему стратегической авиации генералу Спаатсу об атомной бомбардировке Японии. Ее намечали провести сразу после 3 августа в наилучшую для этих целей погоду. В качестве цели выбраны были четыре города — Хиросима, Нагасаки, Кокура и Ниигата.

Аллилуев В. С. 190, 196

Американцы решили выжать максимум возможного из своего атомного преимущества, им очень хотелось сломать Сталина, запугать его. Трумен и Черчилль полагали, что такая «психологическая атака» заставит СССР быть несговорчивее. После одного из совещаний Г. Трумен, отозвав Сталина в сторонку, проинформировал его о том, что в США создано новейшее оружие огромной разрушительной силы. К его глубокому разочарованию и изумлению, Сталин воспринял эту новость спокойно, и никакой ожидаемой реакции не последовало.

Бережков В. С. 123

У. Черчилль, внимательно наблюдавший в это время за Сталиным, решил, что он «не понял значения сделанного ему сообщения». Но эти политики не знали Сталина, он-то понял, какой реакции от него ждут, понял, о чем идет речь, но у него имелись аргументы, о которых ни Черчилль, ни Трумен не предполагали. Работы по созданию атомной бомбы у нас велись полным ходом, американские испытания только подхлестнули их темпы. Пройдет немного времени, и американская атомная монополия будет ликвидирована нашей страной. Но это будет завтра, а пока сегодня навязать нашей делегации свою волю на Потсдамской конференции США и Великобритании не удалось.

Аллилуев В. С. 196–197

На одном из послевоенных заседаний Политбюро Сталин сказал:

— Над нашей Родиной вновь нависла серьезная опасность — над делом великого Ленина, над головой каждого советского человека. И прежде всего, она висит над вашей головой, товарищ Берия! Вы будете отвечать перед нашим народом за создание атомной бомбы!

За создание атомной бомбы полагалось звание Героя Социалистического Труда, особая Сталинская премия размером в 600 тысяч рублей, дача, автомобиль и право родственникам поступать в вузы без вступительных экзаменов.

Несколько советских ученых были удостоены этих почестей. Говорят, звание Героя получил и один из немецких физиков-атомщиков, вывезенных нашими разведчиками, но насколько это достоверно, не ручаюсь. Список предполагаемых Героев принес Берии Курчатов, руководивший созданием бомбы. Берия посмотрел и спросил:

— Что ты мне пишешь: Иванов — за открытие каких-то лучей, Петров — за нейтронную реакцию. Я в этом ничего не понимаю. — И обратился к своему помощнику: — Дай-ка наш список!

Тот протянул ему бумагу. Берия заметил:

— Правильно. Иванову можно дать Героя — ему у нас за невыполнение полагается расстрел, а Петрову у нас значится 15 лет, так что, извини, дорогой, ему только орден Ленина и дача!

Говорят, узнав об этом, академик Флеров поспешил уйти из этой системы и остался с одной Звездой, а его

коллеги Курчатов, Харитон, Зельдович, Сахаров впоследствии стали трижды Героями...

Чуев Ф. С. 109

Встреча «Большой тройки» 17 июля — 2 августа 1945 года на Потсдамской конференции, которой суждено было стать последней встречей союзников на высшем уровне, должна была установить порядок демонтажа и выплаты репараций побежденной Германией, а также порядок работы «Контрольного совета» союзников в Берлине. Вместо недавно умершего Рузвельта в конференции участвовал президент Гарри Трумэн, не имевший практически никакого опыта во внешней политике, который появился на конференции одетым в элегантный полосатый двубортный костюм. Черчилль, прибывший в светлом парадном мундире с тремя рядами орденских планок над левым карманом, по сравнению с Ялтой, настолько сдал, что, по выражению доктора Морана, «уже не располагал энергией, достаточной для того, чтобы использовать свои шансы». И действительно, только подключение к переговорам преемника Черчилля, лейбориста Эттли, прибывшего в Потсдам 29 июля, позволило ему отстаивать интересы Великобритании. Третий в этой компании, Сталин, появлялся на переговорах в белом парадном кителе с золотыми погонами и в темно-синих брюках с двойными лампасами. Он единственный из всех участников опоздал на один день. Сегодня известно, что за несколько дней до этого он перенес третий инфаркт. Он, естественно, стремился скрыть это от партнеров. Однако от присутствовавших на конференции не укрылась его неуверенная походка и бледность. Трумэну при встрече

Сталин сказал: «Прошу простить за то, что опоздал на день, меня задержали переговоры с китайцами. Я хотел лететь самолетом, но врачи категорически запретили» — и выразительно указал на сердце. Несмотря на недавно перенесенный инфаркт, Сталин проявил завидную боеспособность, о чем свидетельствует унылая запись в дневнике доктора Морана: «Нам нечего было противопоставить настойчивости и упорству Сталина». Все это нашло свое отражение в устройстве послевоенной Европы, которое соответствовало «Потсдамской декларации» от 2 августа 1945 года.

Ноймайр А. С. 418–419

Наш вождь любил делать ссылки на царственных правителей Российской империи. Перед Потсдамской конференцией Гарриман, находившийся среди встречавших советскую делегацию на вокзале поверженной столицы «третьего рейха», спросил Сталина, приятно ли ему оказаться победителем в Берлине.

— Царь Александр до Парижа дошел, — невозмутимо ответил Сталин.

Была ли это шутка, или тут скрывался какой-то потаенный смысл?!

Бережков В. С. 371

— Говорят, Гарриман спросил у Сталина, что, наверно, ему приятно: вот немцы стояли у самой Москвы, а он сейчас делит Берлин? И Сталин ответил: «Царь Александр дошел до Парижа».

— Правильно.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 148*

Вскоре после освобождения Франции руководитель французской компартии Морис Торез, приехав в Москву и встретившись со Сталиным, спросил его:

— Де Голль требует, чтобы участники Сопротивления сдали властям оружие. Как нам поступить?

— Прячьте оружие! — ответил «вождь народов». — Может случиться, что вы еще окажете нам поддержку.

Что имел в виду Сталин? Опасался ли он, что недавние западные союзники развяжут войну против Советского Союза? Или же сам мечтал двинуть Красную Армию к Атлантике?

Бережков В. С. 272

На переговорах шли споры о послевоенных границах, и Черчилль сказал:

— Но Львов никогда не был русским городом!

— А Варшава была, — возразил Сталин.

Чуев Ф. С. 539

В конечном итоге, даже начальник британского генштаба генерал Брук, поначалу весьма критически настроенный по отношению к Сталину, с удивлением

вынужден был признать, что Сталин «всегда быстро и безошибочно улавливал все аспекты любой ситуации».

Ноймайр А. *С. 412*

Известно, с каким мастерством, выдержкой он вел переговоры с Черчиллем, Иденом, когда они приезжали в Москву; с Рузвельтом и Черчиллем на Тегеранской и Ялтинской конференциях и на Потсдамской конференции, где кроме Черчилля были Эттли — новый английский премьер и Трумэн — президент США после смерти Рузвельта. И теперь, когда перечитываешь записи бесед, чувствуешь превосходство Сталина в манере высказываний и точности формулировок, легкости, спокойствию и разумности. Где нужно, он настойчив, умеет находить новые аргументы в поддержку своей линии, не уступая им; в других случаях делает уступки, которые не противоречат нашим интересам, что производит приятное впечатление на собеседников.

Микоян А. *С. 547*

В Потсдаме летом 1945 года, после провала Черчилля на всеобщих выборах в Англии, его сменил новый лейбористский премьер Клемент Эттли. Вместе с ним в Потсдам прибыл и новый министр иностранных дел Великобритании, видный деятель английского рабочего движения Эрнст Бэвин.

Как-то в туалете (переводчик порой должен был сопровождать своего шефа и туда) Бэвин, стоя неподалеку от Сталина у писсуара, пошутил:

— Это — единственное место в капиталистическом мире, где трудящийся может с полным правом взять средства производства в собственные руки...

Сталин, хитро улыбнувшись, поддержал шутку:

— То же и в социалистическом мире...

Бережков В. С. 324

Характерная подробность: после победы над Германией при всех неограниченных возможностях Сталина поинтересоваться хотя бы тем, где похоронен его сын, он не только не воспользовался ими, но в 1945 году не ответил на телеграмму советской администрации в Германии, в которой сообщалось о месте захоронения останков Якова.

Васильева Л. С. 104

...В 1945 году в Потсдаме Сталину предложили поехать в Заксенхаузен, посмотреть, где погиб его сын.

— Я приехал сюда не по личным делам, — ответил Сталин.

Маршал Жуков пишет, что Сталин очень тяжело переживал гибель старшего сына, но никому этого не показывал.

Чуев Ф. С. 550

Кто-то, не помню уже сейчас кто, рассказывал мне о Потсдамской конференции и о том случае, который имел там якобы место. К этому времени труп Гитлера был найден, опознан и где-то хранился в том первоизданном

виде, в каком его нашли. Кто-то, видимо, Берия, или, может быть, Серов, доложив об этом Сталину, предложил не то привезти показать труп, не то поехать посмотреть. Сталин сказал: «Хорошо, завтра утром поеду посмотрю». Потом, когда утром к нему пришли с тем, что нужно ехать, он махнул рукой и сказал: «Не поеду. Пусть Молотов и Берия едут смотрят. Я не поеду».

Конев И. С. 126

На заключительном ужине Сталин поднялся из-за стола с бокалом в руке и сказал:

— Сегодня, как и ранее, мы, трое лидеров, пришли к взаимопониманию. Мы беседуем, едим и пьем, приятно проводим время. Тем временем наши переводчики работают, и их работа не из легких. У них нет времени есть и пить. Мы полагаемся на них в выражении наших мыслей друг другу. Я предлагаю тост за переводчиков!

Он обошел вокруг стола и чокнулся с каждым из переводчиков.

Подняв свой бокал, Черчилль воскликнул:

— Переводчики всего мира, объединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своей аудитории! (Эта пародия на коммунистический лозунг очень понравилась Сталину, и он долго смеялся).

Грей Я. С. 195

Во время Потсдамской конференции Сталин дал прощальный концерт для Черчилля.

Соловьев Б., Суходеев В. С. 285

Сталин дал для Черчилля прощальный концерт с участием лучших артистов. Сам выполнял роль конферансье. Разговаривая с каждым исполнителем, был очень любезен. Однако все здорово волновались. Успокаивая их, Сталин по секрету шепнул, что зря они так переживают — их будут слушать простые любители. Это всем придало уверенность. Работали на концерте в полную силу, исполняя произведения Баха, Моцарта, Чайковского.

Вдруг случилось непредвиденное. Сталин попросил исполнить что-либо из русских народных и советских песен. Оказалось, что никто к этому не готов. Спасла положение Г. Баринова, смело севшая за рояль. Она спела знаменитую «Землянку», «В лесу прифронтовом» и другие песни. Сталин долго стоял у рояля, задумчиво слушая артистку. Потом преподнес ей роскошный букет прекрасных роз. Так завершился на рассвете незабываемый концерт в Бабелсберге.

Рыбин А. С. 36–37

А я отца увидела снова лишь в августе, — когда он возвратился с Потсдамской конференции. Я помню, что в тот день, когда я была у него, пришли обычные его посетители и сказали, что американцы сбросили в Японии первую атомную бомбу... Все были заняты этим сообщением, и отец не особенно внимательно разговаривал со мной. А у меня были такие важные — для меня — новости. Родился сын! Ему уже три месяца и назвали его Иосиф... Какое значение могли иметь подобные мелочи в ряду мировых событий, — это было просто никому неинтересно... К тому же мой брат успел

что-то наговорить отцу нелестное о моем муже, — и отец был холоден, безразличен, замкнут.

Аллилуева С. С. 325

«Я никогда еще так не радовалась как в тот день, когда получила твое письмо и мандарины. Ты прав, я теперь, действительно, не воробушка, а целая «ворона», в соответствии с этим и твое письмо с посылкой обрадовали меня намного больше, чем когда я была «воробьем». Даже сынишка попробовал апельсиновый сок, но пока он еще не понимает толку ни в чем, кроме каши.

Я очень, очень рада, что ты здоров и хорошо отдыхаешь. А то москвичи, непривычные к твоему отсутствию, начали пускать слухи, что ты очень серьезно заболел, что к тебе такой-то и такой-то врачи поехали, и волей-неволей пугаешься и думаешь не похоже ли это в какой-то мере на правду; ведь твои-то «верные стражи» и не скажут мне ничего, из всего тайну делают...

Одним словом, как я и была уверена ничем ты не болеешь и преспокойно отдыхаешь; продолжай так же и дальше, милый папочка, нечего тебе тут сейчас делать.

В Москве последние дни тепло совсем, от -1 до +2°, мокро и противно; сплошной грипп и насморк. Кроме того, москвичей последние полмесяца, стали жутко грабить и убивать по ночам какие-то бандиты и хулиганы.

Доходит до того, что в центральных районах (по ул. Горького, например) люди боятся с наступлением

темноты выходить на улицу и особенно в темные переулки;

Сегодня мне сказали, что ходит слух, что «Сталин вернулся в Москву и издал приказ ликвидировать бандитизм и воровство к Новому году». Люди всегда если приписывают тебе что-нибудь, то хорошее...»

С. Аллилуева — Сталину. 1 декабря 1945 г.

В 1946 году Василий служил в Германии при группе Советских войск. Он занимал двухэтажный особняк. При нем были дети: сын и дочь. Охрана — пограничники в зеленых фуражках. Продовольствие ему привозили пограничники на двух ишаках. Славился жестокостью. Его боялись военные, но особенно — немецкое население. И в то же время он очень заботился о семьях офицеров.

После очередного хулиганства уехал в Москву. Думали, отец сурово накажет его, но вскоре на обложке журнала «Огонек» появилась его фотография в кабине самолета....

Е. Савицкий (маршал авиации).

Цит. по: Грибанов С. С. 125

Василий Сталин повадился ездить к нам в штаб фронта и неизменно, как барышник, интересовался «новинками», автомашинами, которые исправно пригоняли по распоряжению командарма Чуйкова. Приятное он сочетал с полезным, обходил кабинеты начальства, вел там какие-то беседы. Не обходил и Г. К. Жукова. Везде, понятно, к Васе должное внимание, почет

и уважение. Как-то Вася отправился на охоту в леса неподалеку от Берлина вместе с Жуковым, Телегиным, Серовым. Когда загонщики, а за ними маршал и генералы скрылись из виду, Вася — не таков он был, чтобы лазить по чащобам, поэтому остался на стоянке — обратился ко мне: «Сашка, скажи самому, чтобы отдал мне тот «паккард». Он положил глаз на отличный четырехместный «паккард» серого цвета, взятый для нужд штаба. Мне довелось прокатить его разок на нем.

Охотники, как водится, вернулись без добычи, мы хорошо закусили привезенной с собой снедью. Вася крепко выпил. По пути назад я все примеривался получше затеять разговор с Жуковым, как он вдруг сам спросил меня, не стоит ли отдать Василию Иосифовичу серый «паккард», наверное, машина нам не очень нужна. Что тут сказать, конечно, нам она ни к чему. Через несколько дней пригнал «паккард» в распоряжение 286-й дивизии. Застал Васю на квартире в душевной беседе с шеф-пилотом маршала Женей Смирновым. «Царский сын» усадил меня за стол. Все как подобает: икра черная, икра красная, коньяк, водка, Вася на взводе. Разговор о машинах, их у В. И. Сталина, наверное, набралось с полдюжины. Он запомнил услугу и в дальнейшем радостно приветствовал «Сашку» при каждой встрече, именовал другом...

А. Бучин (личный шофер маршала Жукова).

Цит. по: Грибанов С. С. 50

В заключение этой военной темы хочу рассказать об одном интересном эпизоде. Как известно, для увековечения подвига советского народа и его Вооруженных Сил, спасших мир от коричневой чумы,

решено было соорудить в Берлине монумент. Скульптор Е. В. Вучетич, автор этого знаменитого мемориального комплекса, вспоминал, что сразу после Потсдама его пригласил к себе К. Е. Ворошилов. Он посоветовал скульптору сделать центральной фигурой мемориала Сталина, поскольку именно он подписывал от Советского Союза исторические решения Потсдамской конференции, определившей судьбы мира и Европы на многие годы.

Аллилуев В. С. 200

Вучетич сделал соответствующий эскиз. Однако подготовил еще один — «Воин-освободитель», вдохновленный рассказом о советском солдате, спасшем, рискуя жизнью, немецкую девочку во время штурма Берлина. Оба эскиза выставили для обзора в одном из залов Московского Кремля. Посмотреть работу скульптора пришло много народа. Все столпились около полутораметровой скульптурной фигуры генералиссимуса и громко высказывали свое одобрение. Фигуру солдата с девочкой будто не замечали. Появился Сталин. Не торопясь прошел вокруг эскизов, повернувшись к скульптору, спросил:

— Слушайте, Вучетич, вам не надоел этот... с усами?

— Он нацелился мундштуком трубки в лицо полутораметровой фигуры.

— Это пока эскиз, — попытался кто-то заступиться за скульптора.

— Автор был контужен на фронте, но не лишен языка, — прервал Сталин и устремил взгляд на фигуру под целлофаном. — А это что?

— Это тоже эскиз, — ответил Вучетич.

— Тоже и... кажется, не то же, — заметил Сталин. — Покажите...

Вучетич снял целлофан с фигуры солдата. Сталин скупно улыбнулся и сказал:

— Вот этого солдата мы и поставим в центре Берлина на высоком могильном холме... Пусть этот великан в бронзе, победитель несет на своей груди девочку — светлые надежды народа, освобожденного от фашизма.

Потом добавил:

— Только знаете, Вучетич, автомат в руке солдата надо заменить чем-то другим. Автомат — утилитарный предмет нашего времени, а памятник будет стоять в веках. Дайте ему в руку что-то более символичное. Ну, скажем, меч. Увесистый, солидный. Этим мечом солдат разрушил фашистскую свастику. Меч опущен, но горе будет тому, кто вынудит богатыря поднять этот меч... Согласны?..

— Дайте подумать, — ответил Вучетич.

— Думать никому не запрещено. Думайте. Желаю успеха... Возражений не слышу. Да и нет в них нужды...

Сталин крепко пожал Вучетичу руку.

Так был сооружен широко известный тридцатиметровый бронзовый воин-освободитель в плащ-палатке, с непокрытой головой, стоящий в полный рост и попирающий сапогом поверженную и разбитую свастику, левой рукой поддерживающий прижавшуюся к его груди девочку, а в опущенной правой руке держащий тяжелый меч.

Красная звезда. 1999. 12 янв.

«Памятник воинам Советской Армии, павшим в боях с фашизмом» был открыт 8 мая 1949 года. Между прочим, еще в 1937 году Гитлер хотел здесь, в Трептов-парке, соорудить памятник, прославляющий его эпоху. Венчать ансамбль должен был дворец победы. Тысячи обработанных элементов, некогда предназначавшиеся для нацистского памятника, пошли на отделку памятника-ансамбля воинам Советской Армии.

Аллилуев В. С. 201

ОДИНОЧЕСТВО

«Он всюду видел врагов»

В конце 1945 года Сталин тяжело заболел: инсульт. Сказались огромное напряжение предвоенных и военных лет, накопившаяся за эти годы усталость, возраст — ему уже было шестьдесят шесть лет. Болел он долго, трудно, но помощь медицины и внутренняя воля позволили одолеть эту хворобу, из которой далеко не каждый мог выкарабкаться.

Аллилуев В. С. 206

Возможно (об этом пишет один из врачей — жертв «процесса над врачами-убийцами»), что Сталин в последние годы жизни перенес несколько мелких инсультов.

Белادي Л., Краус Т. *Сталин. М.: Политиздат, 1989. С. 229*

Как и Ленин, он был весьма невысокого мнения о русских врачах и предпочитал научным медицинским рекомендациям народные методы самолечения.

Ноймайр А. С. 446

Лекарства отец выбирал себе сам, а единственным авторитетом в медицине был для него академик В. Н. Виноградов, который раз-два в год смотрел его.

Аллилуева С. С. 25

Немного в последние годы стал сдавать, по-моему, Сталин. Но он столько пережил! Я просто удивляюсь, как он это все мог вынести!

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 362*

Вообще-то он позволял два раза в год углубленно обследовать себя сначала своему многолетнему личному врачу, профессору Плетневу, который был предан суду и

в 1941 году расстрелян, а затем профессору Виноградову, которого также ожидала смертная казнь после процесса по «делу врачей».

Ноймайр А. С. 445

В разговорах у него в кабинете он все чаще жаловался на старость, говорил полушутя, полусерьезно, что ему все еще приходится нервничать и ругаться. В кабинете появлялся все реже и реже. За последние полгода я видел его раза два. Руководство делами перепоручил своим замам. Более крупные вопросы было придумано решать «тройками» или «пятерками». Выработанные проекты решений посылались на утверждение Сталину, а позднее составлялся и отсылался ему на дачу просто длинный перечень вопросов. Его виза служила одобрением всего перечисленного.

Н. Кузнецов.

Цит. по: Вождь, хозяин, диктатор. М., 1988. С. 413

Он постарел. Ему хотелось покоя. Он не знал порою сам, чего ему хотелось... Вечером крутили кино — старые, довоенные фильмы, «Волгу-Волгу», которую он очень любил, фильмы Чаплина.

Аллилуева С. С. 170

Сталин приехал в ресторан «Метрополь». В фойе было пусто — чекисты постарались. И только гардеробщик выскочил навстречу:

— Разрешите помочь, Иосиф Виссарионович?

— Пожалуй, это я еще умею делать сам, — сказал Сталин, снимая шинель.

Чуев Ф. С. 143

За немногими исключениями, «личную жизнь» Сталина составляла его работа. Распорядок его дня всегда был одинаков и в будни, и по воскресеньям.

Ноймайр А. С. 358

...Сталин работал круглосуточно. Только глухая полночь его настигала, и он ложился, где придется. Кровати у него не было, спал на диванах. Еще стояли два плетеных топчана. Один на террасе, второй под лестницей на второй этаж.

Как-то в 6 часов я пошел по комнатам искать хозяина дачи. Прошел туда, сюда, его нет. Зашел на террасу, а он отдыхает на плетеном топчане в шинели, ботинках, фуражке. Но, поскольку заходило солнце и лучи падали на его лицо, он прикрыл его маршальской фуражкой. Бывали случаи, когда мы его заставляли отдыхающим на топчане под лестницей. Обедал в разное время — в 5, 8, 10, 23 час. и т.д. Щи русские, гречневая каша с кусочком мяса, компот из сухофруктов. Иногда заказывал яичницу-глазунью. Меня наказывал за промахи в работе стопкой цинандали или телиани. Он знал, что я не пил вино. Обычно он говорил: «Хозяин, а вот это вам за тот промах, помните?» Пил Сталин вина мало, только перед обедом. Одну бутылку цинандали пил

целую неделю. Для гостей были на столе всякие вина и закуски...

И. М. Орлов (заместитель коменданта Ближней дачи Сталина в Кунцеве).

Цит. по: *Докучаев М.*

Артем Федорович (напомним, что это его приемный сын. — *Е. Г.*), конечно, не видел Сталина на работе, но хорошо помнит его быт. Впрочем, и дома у Сталина продолжалась работа. Когда он возвращался со службы, за ним шел его помощник Поскребышев с мешком писем и высыпал их на большой стол. Вероятно, прежде чем попасть к Сталину, письма эти заранее сортировались, отбирались, но он читал их постоянно, огромное количество, и на каждом оставлял пометки.

Чуев Ф. С. 59

Когда Сталин приходил домой с работы, — рассказывал мне Артем Федорович, — за ним шел Поскребышев с мешком писем. Сталин садился за стол, читал, некоторые — вслух. На письмах делал пометки или писал краткие резолюции. В основном просьбы, жалобы... Шахтеры написали, что у них нет бани. «Начальник — враг народа!» — сказал Сталин.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 350*

Один летчик поделился с вождем своей квартирной проблемой: обещают и ничего не дают. «Если и Вы не поможете, товарищ Сталин, буду жаловаться выше».

Интересно, куда, какому богу собирался жаловаться летчик, но квартиру получил незамедлительно...

Чуев Ф. С. 59–60

В последние годы Сталин нередко проявлял капризное упрямство, порожденное, видимо, его безграничной властью, ставил в тупик неожиданностью своих решений и поступков.

Как-то в 1947 г. он выдвинул предложение, чтобы каждый из нас подготовил из среды своих работников пять-шесть человек, которые могли бы заменить нас самих, когда ЦК сочтет нужным это сделать. Он это настойчиво повторял несколько раз.

Высказавшись в поддержку такой идеи, я заметил, что, зная своих работников, не могу подготовить пять-шесть человек с гарантией, что они смогут меня заменить, хотя два-три работника у меня есть на примете. Если с ними хорошо поработать года два, то они могут стать достойными кандидатами для замены. В ответ на вопрос Сталина, кто они, я назвал трех своих заместителей: Крутикова, Меньшикова и Кумыкина, и конкретно рассказал, на что они способны, какие имеют достоинства и недостатки. В последующем Сталин часто спрашивал о них. Отвечая ему, я всякий раз подчеркивал способности Крутикова.

Через год Сталин неожиданно предложил Крутикова на должность заместителя Председателя Совета Министров СССР с возложением на него обязанностей,

связанных с внутренней торговлей. Я резко возражал, убеждая Сталина, что он не готов для такой ответственной должности, что для этого надо ему еще поработать министром, но даже министром внешней торговли он сегодня не может еще стать, но через год это может быть реально.

«Как так? — спросил Сталин. — Ты же его очень хорошо рекомендовал!» (Он, видимо, решил, что я не хочу расставаться с таким работником.) — «Да, имея в виду, что он хорошо работает моим заместителем, и я вижу для него в перспективе должность министра. Но я же не говорил, что он может стать твоим заместителем, к тому же прямо сейчас».

Сталин со свойственным ему упрямством, несмотря на мои настойчивые возражения, в июле 1948 г. все же провел назначение Крутикова, даже не побеседовав с ним. Через семь месяцев он был вынужден освободить его с переводом на меньшую работу.

Микоян А. С. 526

— Вы считаете, что после войны Сталину надо было уходить на пенсию?

— Нет, я так не считаю. Но он, по-моему, был переутомлен. И тут кое-кто на этом играл.

— Рыбин слышал, как Сталин однажды сказал: «Кто-то действует от моего имени».

— Это возможно, — согласился Молотов.

— После войны Сталин собрался уходить на пенсию и за столом сказал: «Пусть Вячеслав теперь поработает. Он помоложе». Разговор такой у него был на даче, в узком кругу. Он сказал без всякого тоста.

Молотов говорил также, что при этом Каганович даже заплакал — не хотел такого назначения. Каганович отрицал это, сказав мне, что, конечно, сожалел о возможном уходе Сталина на пенсию, но ничего не имел против Молотова на посту председателя Совета Министров, который тот занимал еще в 1930—1941 гг.

Из бесед Ф. Чуева с В. Молотовым.

Цит. по: Чуев Ф. С. 329

Сталин хотел уйти не вообще от руководства, а от непосредственного руководства. Он говорил: «Считаю, что после семидесяти лет люди должны от непосредственного руководства уходить».

— А как он это понимал?

— Это — в звании, в чинах, участвовать в партийной жизни, только не Председатель Совнаркома. Люди, говорит, найдутся на наши места. Он это говорил после войны. Сталин не называл Молотова прямым наследником, нет, но я думаю, что он имел в виду. Председатель Совнаркома или Совета Министров — Молотов, конечно. Я думаю, имел в виду. Во всяком случае, он больше никого не называл. Я, во всяком случае, этого не слышал. И тем более не плакал.

Л. Каганович.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 74–75*

После Великой Отечественной войны с каждым годом становилось заметнее, что Сталин слабеет физически. Особенно заметно сказывалось это в провалах его памяти. Иной раз сидим за столом, и он, обращаясь к человеку, с которым общался десятки, а может быть, и больше лет, вдруг останавливается и никак не может припомнить его фамилию. Он очень раздражался в таких случаях, не хотел, чтобы это было замечено другими. А это еще больше стимулировало угасание его человеческих сил.

Хрущев Н. Т. 2. С. 75

...В послевоенные годы память у него стала сдавать сильно. Однажды он даже забыл фамилию Булганина в его присутствии.

Микоян А. С. 356

Помню, однажды обратился он к Булганину и никак не мог припомнить его фамилию. Смотрит, смотрит на него и говорит: «Как ваша фамилия?» — «Булганин». — «Да, Булганин!» — и только тут высказал то, что и хотел сначала сказать Булганину. Подобные явления повторялись довольно часто, и это приводило его в неистовство.

Хрущев Н. Т. 2. С. 75

В тот ноябрь 1948 года мы возвращались в Москву вместе, поездом... У меня в купе был журнал «Искусство», я сидела и разглядывала репродукции. Вошел отец, заглянул в журнал. «Что это?» — спросил он. Это был Репин, рисунки, этюды. «А я этого никогда не видел...», сказал он вдруг с такой грустью в голосе, что мне сделалось больно... Я представила себе на минуту, что случилось бы, если бы отец вдруг, — нет, в какой-нибудь специально отведенный для него лично, закрытый день пошел бы посмотреть Третьяковку, — что бы там творилось. Боже! И что бы творилось потом! Сколько бы беготни, суд-пересуд, болтовни нелепой... Должно быть, отец сам представлял, что это для него просто стало невозможным — как и многие другие невинные, доступные другим, развлечения. И он этого не делал. Или он боялся. Не знаю.

Аллилуева С. С. 173

В минуты досуга кремлевский правитель любил вырезать художественные репродукции из «Огонька».

Громов Е. С. 7

Сталин даже в туалет боялся зайти без охраны. Это, конечно, результат работы больного мозга. Человек сам себя запугал, да тут, видимо, и Берия руку приложил.

Сталин с Берия изощрялись в убийствах людей, невероятные способы придумывали и уничтожали их. Вот он, видимо, и переносил на себя: почему к нему не могут применять такие же методы люди, желающие его сжить со свету?

Я думаю, что именно это его начинало терзать. Его терзали действия, которые он применял к своим врагам, к людям, к которым он с недоверием относился. Все они были «враги народа»... Я один раз был свидетелем такого факта, и мне было очень неприятно. Сталин пошел в уборную. Охрана — человек, который за ним буквально по пятам ходил, остался на месте.

Сталин вышел из уборной и набросился при нас на этого чекиста, начал его распекать: «Что вы не выполняете своих обязанностей? Вы охраняете, так вы должны охранять, а вы тут сидите, развалившись!»

Он оправдывался: «Товарищ Сталин, я же знаю, что там дверей нет. Вот одна дверь-то, так за той дверью стоит мой человек, который несет охрану».

Он на него грубо набросился: «Вы со мной должны ходить!»

Это невероятно, чтобы он с ним ходил даже в туалет!

Хрущев Н. Т. 1. С. 81

В конце 1948 года поднялась новая волна арестов. Попали в тюрьму мои тетки — вдова Павлуши, вдова Реденса. Попали в тюрьму и все их знакомые. Арестовали и отца моего первого мужа — старика И. Г. Морозова. Потом пошла кампания против «космополитов», и арестовали еще массу народа.

Арестовали и Полину Семеновну Жемчужину — не убоявшись нанести такой страшный удар Молотову. Арестовали А. Лозовского. Убили Михоэлса. Они все обвинялись в том, что входили в «сионистский центр».

«Сионисты подбросили и тебе твоего первого муженька», — сказал мне некоторое время спустя отец. «Папа, да ведь молодежи это безразлично, — какой там сионизм?» — пыталась возразить я. «Нет! Ты не понимаешь! — сказал он резко, — сионизмом заражено все старшее поколение, а они и молодежь учат...» Спорить было бесполезно.

Аллилуева С. С. 174

В последний период у него была мания преследования. Настолько он издергался, настолько его подтачивали, раздражали, настраивали против того или иного — это факт. Никакой человек бы не выдержал. И он, по-моему, не выдержал. И принимал меры, и очень крайние. К сожалению, это было. Тут он перегнул. Погибли такие, как Вознесенский, Кузнецов... Все-таки у него была в конце жизни мания преследования. Да и не могла не быть. Это удел всех тех, кто там сидит подолгу.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 550*

Как-то Сталин вызвал нас и говорит: «Приехал Ракоши отдыхать на Кавказ». Ракоши приезжал туда не в первый раз. «Он звонил, просился ко мне». Мы молчим. «Надо сказать, чтобы он приехал». Позвонили Ракоши, а Сталин нам говорит: «Откуда Ракоши знает, когда я отдыхаю на Кавказе? Всегда, когда я на Кавказе, он тоже приезжает. Видимо, какая-то разведка информирует его». Уже и Ракоши попал в число подозрительных. «Надо, — продолжает, — отучить его от этого». Приехал Ракоши. Он тоже участвовал в обедах с попойками. И

раз, когда подвыпил, говорит: «Слушайте, что вы этим делом занимаетесь? Это же пьянство». Назвал вещи своими именами.

Мы и сами знали, но находили для себя оправдание: мы «жертвы». Но нас это все же обидело, и Берия сказал Сталину, что Ракоши говорит, будто мы пьянствуем. Сталин в ответ: «Хорошо, сейчас посмотрим». Сели за стол, и начал он Ракоши накачивать, влил в него две или три бутылки шампанского и другого вина. Я боялся, что Ракоши не выдержит и тут же умрет. Нет, выкарабкался. Утром он кое-как проснулся (а он договорился со Сталиным, что уезжает) и попросил себе завтрак отдельно. Сталин позавтракал в одиночку. Ракоши не пошел к Сталину завтракать, и тот подшучивал: «Вот до какого состояния я его довел!»

Но потом Ракоши стал в глазах Сталина подозрительным человеком: откуда он знает, когда Сталин отдыхает на Кавказе и почему не ест вместе с ним? А ведь для Ракоши ничего не составляло позвонить в Секретариат ЦК, и ему сказали бы, что Сталин сейчас на Кавказе.

Хрущев Н. Т. 2. С. 58

В 1948 г., когда Сталин отдыхал в Мюссерах, я приехал к нему вместе с Молотовым. Был и Поскребышев, который редко сидел за обеденным столом, но в этот раз он присутствовал. Видимо, это присутствие было заранее согласовано со Сталиным и сделано с определенной целью, как я потом догадался. Происходила обычная для такого случая нормальная беседа. Я сидел рядом со Сталиным, но за углом стола.

Поскребышев сидел на другой стороне стола, с краю. Молотов — напротив меня.

Вдруг в середине ужина Поскребышев встал с места и говорит: «Товарищ Сталин, пока вы отдыхаете здесь на юге, Молотов и Микоян в Москве подготовили заговор против вас».

Это было настолько неожиданно, что с криком: «Ах ты мерзавец!» — я схватил свой стул и замахнулся на него. Сталин остановил меня за руку и сказал: «Зачем ты так кричишь, ты же у меня в гостях». Я возмутился: «Невозможно же слушать подобное, ничего такого не было и не могло быть!» Еле успокоившись, сел на место. Все были наэлектризованы. Молотов побелел как бумага, но, не сказав ни слова, сидел как статуя. А Сталин продолжал говорить спокойно, без возмущения: «Раз так — не обращай на него внимания». Видимо, все это было заранее обговорено между Сталиным и Поскребышевым. До этого подобных случаев не было.

Сталин постепенно перевел разговор на другую тему. Но этот инцидент произвел на нас такое впечатление, что посещение наше оказалось короче обычного, и мы вскоре уехали.

Видимо, у Сталина зародились какие-то подозрения и я допускаю, что в возникновении их содействовал Поскребышев. И вовсе не потому, что он имел что-то против Молотова и меня. Обычно один на один со мной он всегда объяснялся мне в любви, говорил, что высоко ценит меня, противопоставлял другим, например Молотову, в честности и корректности и пр. Просто он это сделал, выполняя поручение Сталина. Желая понравиться Сталину и укрепить свое положение, Поскребышев мог до этого наверное, рассказать Сталину,

что я часто захожу в кабинет Молотова, и это соответствовало действительности. Поскребышев видимо, вел наблюдение, кто и куда ходит.

Микоян А. С. 535

Вокруг отца как будто очерчен черный круг, — все, попадающие в его пределы, гибнут, разрушаются, исчезают из жизни...

Аллилуева С. С. 194

Я прекрасно понимал, какая была создана вокруг него обстановка в последние годы его жизни, как ему было трудно. Он был старым, больным, одиноким человеком.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 136

Он всюду видел врагов. Это было уже патологией, это была мания преследования — от опустошения, от одиночества.

Аллилуева С. С. 175

Помню, как однажды мы смотрели мрачный, неприятный фильм на историческую тему. Он был поставлен в Англии. Речь шла о каких-то сокровищах, которые должны были переправить из Индии в Лондон, а на всем протяжении пути действовали испанские пираты, нападавшие на английские корабли и убивавшие их экипажи. Когда настало время перевозки сокровищ,

англичане вспомнили о капитане одного пиратского корабля, сидевшем у них в тюрьме. Это был ловкий пират, смельчак и головорез. Англичане решили, спросить его не возьмется ли он за это дело. Капитан ответил, что возьмется, но при условии, что ему позволят набрать свой собственный экипаж из числа пиратов, сидевших вместе с ним в тюрьме. Англичане согласились. Они дали ему корабль, и он отправился в Индию, где взял на борт сокровища. На обратном пути он начал одного за другим отправлять на тот свет членов своего экипажа. При этом он делал вот что: в своей каюте ставил портрет очередного собрата, которого намеревался убрать — просто в порядке напоминания самому себе. Уничтожив этого человека и выбросив его за борт, он ставил портрет своей следующей жертвы. В самом конце, кажется, убрали самого капитана. Говорят, это была подлинная история.

Хрущев Н. Т. 2. С. 78

Это была ужасная картина! Такое поведение даже в бандитском мире, наверное, считалось бы аморальным. В этом мире ведь своя мораль есть — товарища своего не выдавай и т.д. А здесь отсутствие даже бандитской морали, не говоря уже о человеческой. А Сталин восхищался: «Молодец, как он здорово это сделал!» Эту картину он три или четыре раза смотрел. На второй или третий раз после показа этой картины, когда нас Сталин вызвал к себе, я стал говорить, что это бесчеловечная картина и т.д., конечно, не в прямой полемике со Сталиным, а с другими. Мы говорили между собой и удивлялись, как Сталин может восхищаться таким фильмом. По существу же, здесь он находил некоторое

оправдание тому, что он делал сам в 1937—1938 гг. — так я, конечно, думаю.

Микоян А. С. 533–534

Кончился просмотр этой картины, и Сталин, как обычно, предложил поехать покушать к нему на дачу. Маленков и Берия сели в машину со Сталиным, а мы с Булганиным в моей машине поехали следом. Приехали мы на Ближнюю, сейчас же пошли руки мыть. Как всегда, перебрасывались словами. Берия говорит:

— Слушай, ты знаешь, что Сталин сказал, когда мы ехали: «А этот капитан — не глупый парень, он соображал, что делал».

Он стал меня подбивать, чтобы я эту тему за столом поднял и сказал, что это мерзавец. Я поколебался, но согласился. За столом я сказал:

— Товарищ Сталин, какой мерзавец этот капитан — ближайших своих друзей погубил!

Сталин посмотрел на меня и ничего не сказал. Я тоже прекратил опасный разговор на эту тему. Тут видна параллель: он тоже, как этот пират, составил себе списки, фотографии ему были не нужны, и командовал своими подручными, чья пришла очередь. Куда до него этому бандиту! Этот младенец уничтожил там десяток или полтора десятка человек, а Сталин-то уничтожил сотни тысяч. Я не могу сказать точно, сколько, но, когда Сталин умер, в лагерях было до десяти миллионов человек. Там, конечно, были и уголовники, и наши военнопленные — огромное количество людей, которое и не снилось этому английскому пирату-бандиту.

Видимо, этим же объясняется восхищение Сталина личностью Ивана Грозного, особенно его деятельностью, когда он в интересах создания единого русского государства убивал бояр самым зверским методом, не считаясь ни с какой моралью, за что русские историки еще при царском режиме критически относились к нему. Сталин же говорил, что Иван Грозный еще мало убил бояр, что их надо было всех убить, тогда он смог бы раньше создать действительно единое крепкое русское государство. Он оправдывал и многоженство Ивана IV: у жен-де было большое приданое, которое Иван Грозный направлял на создание армии. Как-то Сталин сказал, что Иван Грозный был женат в действительности не на черкешенке, а на грузинке, потому что в старой России грузинок называли черкешенками.

Микоян А. С. 534

Орлов, между прочим, сообщает, что со времени Ежова на верхах НКВД Сталина иначе не называли в секретной переписке, как Иван Васильевич (в память Грозного). Этот псевдоним Сталина, замечает автор, знали не больше десяти человек.

Вейнбаум М. Александр Орлов и его книга // Новое русское слово. 1953. 9—16 дек.

Видимо, этими же мотивами можно объяснить оценку Сталиным некоторых действий Гитлера, хотя это было еще до развертывания репрессий. Так, когда

Гитлер, стремясь укрепить свою власть, послал своих соратников в казармы штурмовиков и учинил там расправу на месте без суда и следствия над верхушкой левых штурмовиков — Ремом и другими, это поразительное зверство вызвало всеобщее возмущение. И я был поражен, когда Сталин, возвращаясь несколько раз к этому факту, восхищался смелостью, упорством Гитлера, который пошел на такую меру, чтобы укрепить свою власть. «Вот молодец, вот здорово, — говорил Сталин. — Это надо уметь!» На меня это произвело ужасное впечатление. Это же бандитская шайка, которая по-бандитски друг с другом расправляется! Чем же она может вызвать восхищение.

Микоян А. *С. 534–535*

Смотрел, бывало, на близкого человека и говорил ему: «Что это у вас глаза бегают?» Имелись случаи, когда после этого люди кончали свою жизнь.

Хрущев Н. *Т. 2. С. 139*

Еще мне рассказывали:

Один гражданин во время выступления Сталина машинально глянул на свои наручные часы. А дело было в большом зале, где сидело и слушало много народа. И что же? Эта оплошность стоила человеку немало — им занялись соответствующие органы.

Михалков С. *С. 95–96*

В последние два года жизни Сталина у него большей частью на даче дневали и ночевали Хрущев,

Берия и Маленков. Хрущев и Берия были неразлучная пара, дружили. Потом на какой-то почве у них возникли... Берия, может, решил, конечно, что зачем ему держать Хрущева, когда он может один управлять? Может быть, и решил.

Л. Каганович.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 81*

Мы очень часто ездили к Сталину, почти каждый вечер. Только когда нездоровилось Сталину, были пропуски. Других причин не было, потому что Сталину девать себя было некуда.

Он был, как тот купец из «Горячего сердца», которого Тарханов играл. У этого купца был какой-то приближенный, который все думал, чем занять его время. Купец говорил: «Ну, что сегодня будем делать?» — и тот должен был придумать, что делать. Они в разбойников играли и прочее... Ему делать было нечего, он не способен что-нибудь делать, а мы должны были работать, работать на своих постах, на которые мы были избраны, а, кроме того, мы должны были участвовать в вечерах Сталина в качестве персонажей из «Горячего сердца» и развлекать его.

Хрущев Н. Т. 2. С. 81

— Запомните, — сказал во время одной беседы Анастас Иванович, — Сталин в конце 30-х годов — это совершенно изменившийся человек: до предела подозрительный, безжалостный и страшно самоуверенный. О себе нередко говорил уже в третьем

лице. По-моему, тогда он просто спятил. Впрочем, таким Сталин снова предстал перед нами и в последние три-четыре года до своей смерти.

Куманев Г. С. 22

Он не просто испытывал страх перед одиночеством и перед тем, что враги могут напасть на него по пути на дачу. Когда мы обедали с ним, Сталин не притрагивался ни к единому блюду, закуске или вину, пока кто-нибудь не пробовал их. Это показывает, что дело зашло слишком далеко. Он не доверял даже тем людям, которые обслуживали его, людям, которые проработали у него много лет и которые, вне всякого сомнения, были преданы ему. Он вообще никому не доверял. Когда мы приходили к Сталину на обед, нам всегда подавали его любимые блюда, и повара готовили их очень хорошо. Они были исключительно вкусными. Однако существовал определенный порядок приема пищи во время этих «вкусных обедов». Но об этом позже...

Хрущев Н. Т. 2. С. 85

«У тебя тоже бывают антисоветские высказывания», — сказал он мне совершенно серьезно и зло... Я не стала ни возражать, ни спрашивать, откуда такие сведения...

Аллилуева С. С. 175

Что бросилось мне в глаза, когда мы как-то в очередной раз собрались у Сталина? Обслуживавший его грузинский персонал исчез, остались только русские. Накануне за обедом Сталин поднял раз вопрос о том,

откуда набралось вокруг него столько грузин. Берия насторожился и отвечает: «Товарищ Сталин, это верные вам люди». Сталин возмутился: «Как так, грузины — верные, а русские — неверные?» — «Нет, я этого не говорю, просто здесь подобраны верные люди». Сталин раскричался: «Не нужны мне эти верные люди». И все грузины и грузинки исчезли из его окружения. То есть Сталин вернулся к тому положению, которое было вокруг него до войны. Тогда среди обслуживающего персонала на дачах и в доме у Сталина не встречалось грузин, а были одни русские.

Хрущев Н. Т. 2. С. 55

Застолье было обычным, — ничего нового. Как будто мир вокруг не существует. Неужели все эти, сидящие здесь люди, еще сегодня утром не узнали что-нибудь свежего и интересного со всех концов мира? Ведь они же располагают информацией, как никто иной, но, похоже, что не располагают.

Аллилуева С. С. 184

Берия выходит из берегов

Берия же все резче и резче проявлял в узком кругу лиц неуважение к Сталину. Более откровенные разговоры он вел с Маленковым, но случалось, и в моем присутствии. Иной раз он выражался очень

оскорбительно в адрес Сталина. Признаюсь, меня это настораживало. Такие выпады против Сталина со стороны Берии я рассматривал как провокацию, как желание втянуть меня в эти антисталинские разговоры с тем, чтобы потом выдать меня Сталину как антисоветского человека и «врага народа». Я уже видел раньше вероломство Берии и поэтому слушал, ушей не затыкал, но никогда не ввязывался в такие разговоры и никогда не поддерживал их. Несмотря на это, Берия продолжал в том же духе. Он был более чем уверен, что ему ничто не угрожает. Он, конечно, понимал, что я неспособен сыграть роль доносчика. К тому же я знал, что Сталин и Берия значительно ближе, чем Сталин и Хрущев. Милые бранятся — только тешатся. Два кавказца между собой легче договорятся. И я думал, что тут провокация, желание втянуть меня в разговоры, чтобы потом выдать и уничтожить. Это провокационный метод поведения. А Берия был на это мастер, он был вообще способен на все гнусное. Булганин тоже слышал такие разговоры, и думаю, что Булганин тоже правильно понимал их.

Не знаю, насколько Берия позволял себе такие выражения в присутствии Молотова и Ворошилова. В присутствии Кагановича он, безусловно, этого не делал, потому что он Кагановича ненавидел и опасался, что тот все передаст Сталину. Каганович и сам обладал гнусным характером, но другим, подхалимским. Мы порою одергивали Кагановича, когда он нападал на Ворошилова или Молотова, когда почувствовал, что они потеряли доверие у Сталина и можно лягать лежащих. Это безопасно. А раз безопасно, значит можно. Другой морали у него не было. Он уважал только того, от кого зависел и кто мог нанести ему удар.

Шатуновская (старая большевичка, участница революционной борьбы в Закавказье. — *Е. Г.*) говорила мне, что, роль Берия во время гражданской войны на Кавказе была двусмысленной... Он был прирожденный провокатор и, как разведчик, обслуживал то дашнаков, то красных, — по мере того как власть переходила то к одним, то к другим. Шатуновская утверждает, что однажды нашими военными Берия был арестован, — он попался на предательстве и сидел, ожидая кары, — и что была телеграмма от С. М. Кирова (командовавшего тогда операциями в Закавказье) с требованием расстрелять предателя. Этого не успели сделать, так как последовали опять военные действия и всем было не до этого маленького человечка. Но об этой телеграмме, о том, что она была, знали все закавказские старые большевики; знал о ней и сам Берия... Не здесь ли источник злодейского убийства Кирова много лет спустя? Ведь сразу после убийства Кирова в 1934 году Берия выдвигается и начинает свое движение вверх... Как странно совпадают эти два события — гибель одного и выдвигание другого. Наверное, Киров не допустил бы, чтобы этот человек стал членом ЦК...

Аллилуева С. С. 127

— О происхождении фамилии «Берия» мне грузины говорили, что «бери» означает «монах».

— А Сталин переводил фамилию «Берия» как «Стариков», — утверждает Молотов.

Мама еще давно (году в 29-м), как говорил мне сам отец, «устраивала сцены, требуя, чтобы ноги этого человека не было у нас в доме».

Отец говорил мне это позже, когда я была уже взрослой, и пояснял: «Я спрашивал ее — в чем дело? Приведи факты! Ты меня не убеждаешь, я не вижу фактов! А она только кричала: я не знаю, какие нужны тебе факты, я же вижу, что он негодяй! Я не сяду с ним за один стол! Ну, — говорил я ей тогда, — убирайся вон! Это мой товарищ, он хороший чекист, он помог нам в Грузии предусмотреть восстание мингрельцев, я ему верю. Факты, факты мне надо!» Бедная моя, умная мама! Факты были позже... <...> А уж когда отца «убеждали факты», что ранее хорошо известный ему человек, оказывается, дурной, тут с ним происходила какая-то психологическая метаморфоза. Быть может, в глубине души он и сомневался в этом, и страдал, и думал... Но он был подвластен железной, догматической логике: сказав А, надо сказать Б, В и все остальное. Согласившись однажды, что N — враг, уже дальше необходимо было признать, что *так это и есть*; дальше уже все «факты» складывались сами собой только в подтверждение этого... Вернуться назад и снова поверить, что N не враг, а честный человек, было для него психологически невозможно. *Прошлое исчезало* для него — в этом и была вся неумолимость и вся жестокость его природы. Прошлого, — совместного, общего, совместной борьбы за одинаковое дело, многолетней — дружбы, — всего этого как не бывало, оно им зачеркивалось каким-то внутренним, непонятым жестом, — и человек был

обречен. «А-а, ты меня предал», — что-то говорило в его душе, какой-то страшный дьявол брал его в руки, — «ну и я тебя больше не знаю!» Старые товарищи по работе, старые друзья и соратники могли взывать к нему, помня о прежнем его отношении к ним, — бесполезно! Он был уже глух к ним. Он не мог сделать шаг обратно, назад, к ним. Памяти уже не было. Был только злобный интерес — а как же ведет себя теперь? Признает ли он свои ошибки?

Аллилуева С. С. 75, 127

Выходила книга по истории создания большевистских организаций Закавказья. Писали ее один или два грузина, я уж теперь не помню фамилии, а автор один — Берия. А выяснилось, что он даже не читал эту книгу.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 412–413

В нашей семье, начиная с Надежды и кончая Сергеем Яковлевичем Аллилуевым, все дружно не любили Берия, считали его личностью гнусной и коварной. Не скрывали этого своего отношения и перед Сталиным. Я знаю, например, что дед в присутствии Берия сказал Сталину, что это враг. Ненавидели этого человека также и Василий со Светланой. Все беды, обрушившиеся на нашу семью, мы так или иначе связывали с этой личностью, его подлыми интригами. Когда в 1953 году Берия наконец-то был арестован, мой

старший брат прислал нам со студенческих военных сборов телеграмму: «Ликую с вами. Леонид».

Аллилуев В. С. 74

Г. А. Куманев: Чем же объяснить доверие Сталина к Берии?

Л. М. Каганович: Слушайте, как чем объяснить? А чем объяснить, что мы доверяем друг другу? Берия был не рядовым работником, работал на Кавказе, работал секретарем крайкома, его там выбрали, он организатор был неплохой, неглупый человек был, способный. Сталин его и выдвинул, потому что в это время уже не доверял Ежову, не доверял Ягоде. И решил выдвинуть Берию как человека, которому можно было более или менее доверять. Он его проверял, он его тоже проверял. Сталин всех проверял. Одним он доверял и ошибся чересчур, а другим — начинал не доверять и тоже ошибся. Сталин был очень бдительным и очень осторожным. Это же не шутка, нелегко руководить такой страной.

Куманев Г. С. 80

Берия был не глуп, наглый и коварный, лебезил перед Сталиным. Докладывал ему доносы, содержащие клевету на того или иного руководящего деятеля. Берия, чтобы показать свою близость к Сталину, обращался к нему на грузинском языке.

Между Берия и Сталиным ничего общего не было.

Берия — это сосуд мерзости, карьерист и провокатор...

Молотов В. // Лит. газ. 1990. 18 апр.

Удивительно, до чего отец был беспомощен перед махинациями Берия. Достаточно было принести бумаги, протоколы, где Н «признавал» свою вину или другие «признавали» ее за него. Если же он «не признавал», — это было еще хуже.

Аллилуева С. С. 75

В апреле 1953 года в поведении Берии я стал замечать некоторые перемены: разговаривая по телефону в моем присутствии (а иногда и еще нескольких старших офицеров госбезопасности) с Маленковым, Булганиным и Хрущевым, он открыто критиковал членов Президиума ЦК партии, обращался к ним фамильярно, на «ты». Как-то раз в присутствии начальника управления идеологической контрразведки Сазыкина он начал вспоминать, как спас Илью Эренбурга от сталинского гнева. По его словам, в 1939 году он получил приказ Сталина арестовать Эренбурга, как только тот вернется из Франции. На Лубянке Берию ждала телеграмма от резидента НКВД в Париже Василевского, в которой тот высоко оценивал политический вклад Эренбурга в развитие советско-французских отношений и его антифашистскую деятельность. Вместо того чтобы выполнить приказ Сталина, Берия на следующей встрече с ним показал телеграмму Василевского.

В ответ Сталин пробормотал:

— Ну что ж, если ты так любишь этого еврея, работай с ним и дальше.

Однажды, зайдя в кабинет к Берию, я услышал, как он спорит по телефону с Хрущевым:

— Послушай, ты сам просил меня найти способ ликвидировать Бандеру, а сейчас ваш ЦК препятствует назначению в МВД компетентных работников, профессионалов по борьбе с национализмом.

Развязный тон Берию в общении с Хрущевым озадачивал меня: ведь раньше он никогда не позволял себе такую вольность, когда рядом были его подчиненные.

Судоплатов П. С. 548–549

Более других приближенный к Сталину, он старался во всем подражать ему, мнил себя вторым человеком в государстве. И стал нарочно придумывать на соратников различные унижительные клички. Орджоникидзе у него слыл Вороной, Ворошилов — Индюком, Буденный, за страсть к лошадям, — Лошадиной Мордой, Ежов — Ужом, Маленков — Маланьей, Каганович — Кого Гогоничем, Хрущев — Хрущом, Булганин — Протодьяконом (за бороду), Шверник — Шиверником, Калинин — Козлининым, Молотов — Деревянной Задницей. И все это он позволял себе только потому, что сам Сталин Маленкова считал мягкотелым, Булганина — богообразным, Хрущева — заискивающим и хитрым, прикидывающимся простаком.

Красиков С. С. 334

Летом Сталин работал в беседке. Поблизости Берия с Хрущевым играли в городки. Берия вдруг закричал:

— Эй, Мартин Баруля, бей первым!

А Хрущев называл его прокурором. Улышав эти прозвища, Сталин как цыкнул:

— Что вы, как маленькие дети!

Больше Берия не называл Хрущева по прозвищу, которое появилось после того, как он привез с Украины артистов, сыгравших в Москве постановку с таким названием.

Рыбин А. С. 42

Я уже говорила, что во многом отец и Берия повинны вместе. Я не стану перекидывать вину с одного на другого. Они стали, к сожалению, духовно неразрывны. Но влияние этого ужасающего, злобного демона на отца было слишком сильным и неизменно эффективным...

Аллилуева С. С. 127

После войны, когда я стал часто встречаться со Сталиным, я все больше и больше чувствовал, что Сталин уже не доверяет Берии. Даже больше, чем не доверяет: он боится его. На чем был основан этот страх, мне тогда было непонятно. Позднее, когда вскрылась сталинская машина по уничтожению людей и все средства, брошенные на достижение этой цели, а ведь именно Берия управлял этими средствами и проводил нужные акции по поручению Сталина, я понял, что Сталин, видимо, сделал вывод: если Берия делает это по

его поручению с теми, на кого он указывает пальцем, то может это делать и по своей инициативе, по собственному выбору. Сталин боялся, как бы при случае такой выбор не пал на него. Поэтому он и убоился Берии. Конечно, он никому об этом не говорил. Но это становилось заметным.

Хрущев Н. *Т. 2. С. 55*

В последние годы правления Сталина в небольшой круг его приближенных входили Маленков, Булганин, Хрущев и Берия. Сталин всячески старался разжигать соперничество между ними. В 1951 году в его немилость попал Берия. По указанию Верховного в квартире его матери были установлены подслушивающие устройства. А от самого Берия потребовал вести «дело мингрелов», сфабрикованное по обвинению их в заговоре по отделению от Советского Союза.

Красиков С. *С. 48*

Светлана рассказывала мне, что незадолго до своей смерти Сталин сказал — Берия, как он теперь понял, враг, и у него будет с ним поединок. Позднее прозрение! Времени на поединок ему уже не дали.

Аллилуев В. *С. 74*

Все дело в том, что Берия был в первую очередь заинтересован в портрете вождя в «черной траурной каемочке».

В конце своей жизни Сталин понял, кто такой Л. П. Берия. Вот ведь как получается! Многие говорили

Сталину, что Берия человек чуждый. В нашей семье об этом открыто говорили дед, бабушка, моя мать. Но Сталин вроде бы и не реагировал на это, даже спорил. Может быть, он что-то и «наматывал на ус», но никаких притеснений Берия не чинил, карьере его не ломал. Циник до мозга костей, человек абсолютно чуждый идеям и идеалам коммунизма, ловкий карьерист и интриган, Берия умел работать и справлялся с любым поручаемым ему делом. А дела ему поручались ответственнейшие. Ведь разработка атомного оружия проводилась под личным контролем Берия, и это поручение дал ему Сталин. В годы войны патронировал боеприпасы, изготовление новых видов оружия.

Аллилуева С. С. 233–234

...Он способствовал тому, чтобы Сталин поскорее умер. Потому что близкие мне люди, которые охраняли его, говорили, что Берия обычно старался последним уходить и напоследок говорил ему такие новости, которые его расстраивали и не давали ночью спать... Мне так говорили начальники охраны. Обычно, когда Берия один оставался, Сталин долго не засыпал: Берия постепенно, капля по капле, убивал его.

Г. Эгнатошвили.

Цит. по: *Логинов В. С. 26*

«Одинокий стал. Жалко его было»

Так вот, когда его доверие к Берии было подорвано, все грузины враз исчезли. Сталин уже не доверял людям Берии. Но в результате своего болезненного состояния он не доверял уже и русскому обслуживающему персоналу, ибо его тоже подбирал Берия, который долгое время работал в органах госбезопасности, все кадры ему были известны, все перед ним подхалимничали, и ему легко было использовать этих людей в своих целях.

Теперь Сталин, находясь за столом, не ел и не пил, пока кто-либо другой не попробует из этого блюда или из этой бутылки. А он находил к тому повод. Идет, например, дегустация вина: грузины прислали, надо попробовать старое вино. Конечно, он прекрасно знал нашу «дегустацию» и ни во что ее не ставил, а сам диктовал, хорошее вино или плохое. Но ему требовалось, чтобы мы попробовали, а он выжидал: человек не падает, тогда и он немножко выпьет, посмакует, а потом начинает пить как следует. Хочет он что-нибудь откусать, так на этот случай у каждого из нас имелось «любимое блюдо», и каждый должен был первым попробовать его. «Вот гусиные потроха. Никита, вы еще не пробовали?» «Нет», — отвечаю, а сам вижу, что он хочет взять, да боится. Тут я попробую, и он сразу начинает есть. «Вот несоленая селедка». Он любил несоленую, а потом каждый солил себе по собственному вкусу. Я возьму, тогда и он берет. И вот так каждое блюдо обязательно имело своего дегустатора, который выявлял, отравлено оно или не отравлено, а Сталин смотрел и выжидал.

Дегустировали все, кроме Берии. Потому что Берия, даже когда обедали у Сталина, получал обед со своей кухни, который ему привозили. Матрена Петровна, которая подавала обед, говорила: «Товарищ Берия, вот ваша травка». Все смеялись, а он ел эту траву, как едят в Средней Азии, брал рукой и клал в рот. Не знаю, как грузины едят плов, рукою или нет. Но Берия ел, беря руками.

Хрущев Н. *Т. 2. С. 57*

Когда отношения со Сталиным у меня были еще хорошие, я иногда посылал ему несколько бутылок новых вин, главным образом грузинских или крымских. Это ему нравилось. Но с началом репрессий и усилившейся мнительностью Сталина я перестал это делать. Когда же появился Берия, то он стал присылать Сталину разные сорта вин. А пили мы их все вместе. В последние годы, когда мнительность Сталина резко возросла, он делал так: поставит новую бутылку и говорит мне или Берия: «Вы, как кавказцы, разбираетесь в винах больше других, попробуйте, стоит ли пить это вино?» Я всегда говорил, хорошее вино или плохое — нарочно пил бокал до конца. Берия тоже. Каждое новое вино проверялось таким образом. Я думал: почему он это делает? Ведь самое лучшее — ему самому попробовать вино и судить, хорошее оно или плохое. Потом мне показалось, и другие подтвердили, что таким образом он охранял себя от возможности отравления: ведь винное дело было подчинено мне, а бутылки присылал Берия, получая из Грузии. Вот на нас он и проверял.

Микоян А. *С. 354*

Продукты для высшего руководства выращивались и приготавливались на специальных фермах и комбинатах под строгим наблюдением особого отдела правительственной охраны. Руководил этим деликатным и считавшимся чрезвычайно ответственным делом высоченный главный повар «хозяина» из НКВД Игнаташвили, которого Сталин, очень опасавшийся потенциальных отравителей, всячески ублажал, присвоив ему генеральский чин.

Бережков В. С. 256

Помню, как Сталин учинил мне разнос в присутствии того духанщика, генерал-лейтенанта, который пьянствовал со всеми нами. Одно дело, когда он поставлял яства и напитки, и другое — пить с человеком, которого никто не знал, и вести при нем сокровенные разговоры о государственных делах. Однажды, помню, прилетел я с фронта, и мне нужно было назавтра же улететь. Я сговорился со Сталиным, что улечу рано утром. Поэтому мне очень не хотелось напиваться у Сталина, а затем в тяжелом состоянии уезжать и лететь к себе. Стыдно было бы на аэродроме встречаться с людьми, потому что обязательно встретится кто-то, и ты станешь с ним говорить, а он увидит, в каком ты состоянии. Это было позорно. И я решил как-нибудь отделаться от обеда, не оставаясь надолго, а было уже поздно (правда, по сталинскому исчислению суточного времени, было еще рано), два часа ночи. И я говорю: «Товарищ Сталин, разрешите откланяться. Я завтра хочу улететь пораньше, как договорился с вами». — «Завтра?» — «Завтра». Пауза.

И вдруг он понес: «Вы отвечаете за смерть генерала Костенко, который погиб в 1942 году». — «Да, я отвечаю, потому что я член Военного совета фронта и отвечаю за гибель каждого генерала и солдата. Но это — война, всегда кто-нибудь гибнет». А он о его смерти и узнал-то от меня. Я раньше Костенко ему расхваливал. Сам он никогда его не видел. А он — опять и опять. Не помню, сколько времени он мурзил этот вопрос, буквально издевался надо мной. Мне было очень стыдно. Другие же члены Политбюро, зная все, так к этому относились: сегодня — меня, завтра — другого... Так Сталин и действовал: шел по кругу.

Но рядом находился еще и духанщик, с которым я никогда, как говорится, гусей не пас и никаких дел с ним не имел. И вот — быть наказанным, стоять без вины виноватым и в таком издевательском положении при постороннем. Только Сталин мог позволить себе такое. Совершеннейшая бесконтрольность! Мы говорили порою, что он когда-нибудь дойдет до того, что станет штаны при нас снимать и облегчаться за столом, а потом говорить, что это в интересах родины. Он, безусловно, был уже тронутым. Мне кажется, что у него была как-то нарушена психика, потому что раньше он вел себя довольно строго и держал себя, как положено человеку, занимающему столь высокий пост.

Хрущев Н. *Т. 2. С. 52*

...Вдруг сказал: «Вам здесь, вероятно, скучно. Я-то привык к одиночеству, привык, еще будучи в тюрьме». Это звучало вполне искренне, и я тогда подумал, что Сталин действительно одинокий человек. Вероятно, таковы издержки неограниченной власти.

Трояновский О. А. *Через годы и расстояния. М.: Вагриус, 1997. С. 162*

В последние годы жизни у Сталина развился какой-то страх. Это я замечал по многим признакам. Например, когда мы ехали из Кремля после просмотра кинокартин на «ближнюю» дачу, то стали вдруг петлять по улицам и переулкам Москвы, пока проезжали довольно короткое расстояние от Кремля до западной дуги Москвы-реки и еще не выехали за Москву-реку. В машину со Сталиным обычно садились Берия и Маленков, а остальные рассаживались по своему выбору. Я чаще всего садился в одну машину с Булганиным.

Я спрашивал потом тех, кто садился со Сталиным: «Чего вы петляли по переулкам?» Они отвечали: «Ты нас не спрашивай. Не мы определяли маршрут. Сталин сам называл улицы. Он, видимо, имел при себе план Москвы и намечал маршрут, и когда выезжали, то говорил: повернуть туда, повернуть сюда, ехать так-то, выехать туда-то. Не надо быть умным, чтобы догадаться, что это он принимал меры, чтобы ввести в заблуждение врагов, которые могли бы покушаться на его жизнь. Он даже охране заранее не говорил, каким поедет маршрутом, и каждый раз менял маршруты. Чем это было вызвано? Недоверием ко всем и страхом за свою жизнь.

Потом мы злословили между собой, когда приезжали на «ближнюю» дачу, что там в дверях и воротах усиливались запоры. Появлялись всякие новые задвижки, затем чуть ли не сборно-разборные баррикады. Ну кто же может к Сталину зайти на дачу, когда там два забора, а между ними собаки бегают, проведена электрическая сигнализация и имеются

прочие средства охраны? Мы считали, впрочем, что это все правильно: Сталин занимал такое положение, что для врагов советского строя был весьма «привлекательной» фигурой. Тут шутить было нельзя, хотя и подражать ему было бы тоже вредно. Тогда в Кремль никого из обычных граждан не пускали. Кремль был недоступен. То же самое можно сказать и о правительственных ложах в театрах. Абсолютно ни для кого они не были доступны, кроме тех лиц, которые шли туда вместе со Сталиным. Туда, где он сидел, никто и не входил без Сталина. И там тоже принимались все меры предосторожности.

Хрущев Н. Т. 2. С. 124–125

Он запирался в спальне один изнутри. Видимо, у него появилась мания преследования на фоне его расправ с людьми. И страх...

Микоян А. С. 356

Признание Сталина в том, что он никому, даже сам себе, не верит, приоткрывает завесу над некоторыми причинами той трагедии, которая разыгралась в бытность его руководителем партии и страны. А сталинский период — очень долгий.

Хрущев Н. Т. 2. С. 77

Отец, по-видимому, с возрастом стал томиться одиночеством. Он был уже так изолирован от всех, так вознесен, что вокруг него образовался вакуум — не с кем было молвить слово...

Шепилов копирует Сталина: «Вот наркомзэм прислал мнэ сегодня предложэние такое — по-моему, можно принять».

Члены Политбюро: «Принять!»

«Из Минфина чэпуху какую-то прислали». Все: «Отклонить!»

— Политбюро работало не творчески, — продолжает Шепилов. — Все диктовал Сталин.

— Но Сталин разбирался? — спрашиваю.

— Он разбирался, но споров-то, споров не было. Обсуждений не было. А так — он разбирался, и въедливо разбирался. Но как скажет, так и будет.

Д. Шепилов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 315*

Следует однако иметь ввиду, что, если у вас имелось важное и неотложное дело, можно было прийти в кабинет Сталина и без приглашения. Я так делал неоднократно, и Сталин меня ни разу не выгонял. Да он и никого не выгонял.

Надо было сидеть и слушать. Но когда создавалась какая-то пауза, я обычно говорил:

— У меня есть один вопрос.

— Сидите. (Что означало — этот вопрос он будет рассматривать.) Однажды я прихожу к Сталину и говорю, что надо выпустить постановление ГКО,

устанавливающее порядок санитарной обработки бойцов, следующих на фронт, в Москве.

— Для чего?

— Поскольку у нас в Поволжье сыпной тиф, надо гарантировать от заноса на фронт эпидемии.

— Чтобы вы с фронта растащили заразу?

— Нет, товарищ Сталин.

— Вы ничего не знаете. Давайте Смирнова.

Вызвали начальника Главного медицинского управления Красной Армии Смирнова. Е. И. Смирнов начинает рассказывать ему, что положение у нас действительно тревожное, и чтобы обезопасить фронт от проникновения эпидемии, надо проделать эту операцию.

— И Вы ничего не знаете? Давайте Митерева.

Пришел нарком здравоохранения СССР Г. А. Митерев и убедил, что это надо сделать, что необходимо обезопасить армию от проникновения эпидемии на фронт.

Бывали и другие казусы. Авиация просит дать на подготовку кадров 2200 тысяч тонн высокооктанового бензина, а мы можем выделить максимум 700 тысяч тонн. Генерал-полковник В. В. Никитин из Управления снабжения горючим НКО докладывает, что Хрулев дает очень мало бензина, мы не можем выполнить программу подготовки летчиков, которая утверждена ГКО. Сталин вызывает меня. Я ему докладываю, что у нас ресурсы бензина не позволяют дать больше 700 тысяч тонн, а кроме того, план распределения бензина мы уже утвердили, там записано 700 тысяч тонн, и теперь надо только пересматривать план.

Он ничего не говорит, вызывает Поскребышева:

— Ну-ка, Микояна сюда.

Приходит Микоян. Сталин к нему обращается и говорит:

— Летчики просят 2200 тысяч тонн высокооктанового бензина. Тов. Хрулев дает только 700 тысяч тонн. Можно удовлетворять просьбу летчиков?

— Можно.

Я тут же Микояну говорю:

— За счет чего?

— У меня кое-что есть.

— Нет, Анастас Иванович, ничего больше нет. Я записал в этот план полностью все, что у нас запланировано получить из Америки, но процентов пятнадцать-двадцать танкеров гибнет, немцы их уничтожают. Я все это подсчитал.

Сталин вмешивается и говорит:

— Что вы спорите? Микоян этим делом ведает и знает.

Я отвечаю:

— Нет, товарищ Сталин, он этим не ведает и не в курсе дела, и я сейчас ему объясню, что он не сможет этого сделать. Сталин спрашивает:

— Что есть реального?

Я поясняю:

— В этом плане есть 500 тысяч тонн резервов Ставки. Распределяйте этот резерв Ставки.

— Что же я без резерва останусь? Не годится.

Уходим. После этого разговора Микоян вызывает М. И. Кормилицына — начальника Управления снабжения горячим:

— Прибавьте 500 тысяч тонн.

Тот отвечает:

— Я ничего не могу прибавить.

Микоян заявляет:

— Позвоните Хрулеву, пусть Хрулев это сделает.

— Ничего не надо звонить Хрулеву.

Кормилицын возвращается, приходит ко мне и рассказывает.

Я говорю:

— Делай, если он тебе приказал.

Я не видел, чтобы Сталину кто-нибудь возражал, что этого сделать нельзя, а когда я возражал, он говорил:

— Что это за человек, ему хоть кол на головы теши, он все свое...

А. Хрулев (в годы войны начальник тыла армии. — Е. Г.).

Цит. по: *Куманев Г. С. 346–347*

В конце жизни, усмехаясь, он говорил о сподвижниках: «Все великие! Все гениальные! А чаю выпить не с кем».

Радзинский Э. С. 584

Да, сколько я участвовал в работе Политбюро, главным было то, что сказал Сталин. Вот когда Туполев или Курчатов приезжали, атомные дела решались, тогда развешивали схемы, карты... А так обычно — принять, и все. Особенно когда речь шла о Сталинских премиях...

Д. Шепилов.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 316

Как правило, повседневное обсуждение важнейших государственных дел велось у Сталина в узком кругу лиц, без каких-либо записей и стенограмм, сопровождалось свободным обменом мнений, и окончательное решение принималось после того, как сам Сталин, как говорится, подведет черту. Конечно, его личное мнение было всегда решающим, но формировалось оно под влиянием высказываний присутствовавших.

Яковлев А. С. 397

Его страшно угнетало одиночество. Он нуждался в том, чтобы около него постоянно находились люди. Когда Сталин просыпался утром, он немедленно вызывал нас. Он либо приглашал нас на просмотр кинофильмов, либо начинал разговор, который можно было закончить в две минуты, но который он растягивал в связи с тем, чтобы мы подольше оставались с ним. Для нас это было пустым времяпрепровождением. Правда, иногда мы решали государственные и партийные проблемы, но тратили на них лишь незначительную часть времени.

Главное заключалось в том, чтобы занять время Сталина и избавить его от мук одиночества. Одиночество угнетало Сталина, и он боялся его.

Хрущев Н. Т. 2. С. 95

«Одиноким, жалко его было, старый стал», — сказал мне бывший его охранник.

Радзинский Э. С. 592

Под Новый год особенно все шло, как заведенная машина. Если же он нас вообще не вызывает день-два, то мы считали, что со Сталиным что-то случилось. Видимо, он заболел. Он страдал от одиночества, тяготился оставаться без людей...

Хрущев Н. Т. 2. С. 26

В последние годы своей жизни он был невероятно холоден, закрыт ото всех и также от меня, погружен в какое-то мрачное молчание. Только с моими детьми всего лишь за три месяца до смерти он вдруг раскрылся и повеселел. Дети вели себя тогда, как всякие нормальные внуки, а он вдруг сделался обыкновенным дедушкой, угощавшим их всяческими яствами. Крестьянский сын, он жил только политикой всю жизнь, но его душе тоже нужны были какие-то отдушины. Мать занимала в его душе постоянное место и была надежной опорой и ему — никогда его не покидавшей. Жены и дети — были скорее разочарованием. Внуки могли бы быть утешением, но он не удосужился повидать их всех при жизни.

В это время Сталин уже был на большом ущербе.

А как на отдых ездили!.. Помню, я несколько раз был принесен в жертву. Берия подбадривал: «Ну, слушай, кому-то надо страдать».

Страдания заключались в том, чтобы ехать отдыхать в то же время, когда Сталин на Кавказе отдыхает. Это считалось наказанием для нас, потому что это уже не отдых. Все время надо было быть со Сталиным, проводить с ним бесконечные обеды и ужины. Сталин ко мне хорошо относился и, когда ехал в отпуск, часто меня приглашал: «Поедемте, вам тоже отпуск дать?»

«Хорошо, поехали. Я очень доволен. Я рад», — говорил я, но предпочитал бы не ехать. Сказать это ему было совершенно невозможно, я ехал и страдал с ним.

Я помню отдых в Боржоми. По-моему, он единственный раз отдыхал в Боржоми. Он позвонил туда: я отдыхал в Сочи, а Микоян — где-то в Сухуми. Одним словом, всех, кто отдыхал на Кавказе, плюс Берия, который в это время работал, он вызвал к себе, и мы собрались в Боржоми. Дом был большой, но плохо оборудованный. Там до этого был музей. Поэтому спален не было, и мы жили очень скученно. Я, по-моему, тогда жил в одной комнате с Микояном, но очень мы чувствовали себя плохо: во всем зависели от Сталина. У нас были разные режимы дня: мы уже находимся, нагуляемся, и тогда начинается день.

Об одном недостатке Сталина

Однажды Сталин меня внезапно, в конце какого то ужина, спросил, почему в югославской партии мало евреев и почему они не играют в ней никакой роли? Я попытался объяснить:

— Евреев в Югославии вообще немного и в большинстве они принадлежали к среднему слою. — И добавил: — Единственный выдающийся коммунист-еврей это Пияде, но и он больше чувствует себя сербом, чем евреем.

Сталин начал вспоминать:

— Пияде, небольшой, в очках? Да, помню, он был у меня. А какая его функция?

— Член Центрального комитета, старый коммунист, переводчик «Капитала», — объяснил я.

— А у нас в Центральном комитете евреев нет! — прервал меня он и начал вызывающе смеяться:

— Вы антисемиты! И вы, Джилас, и вы антисемит!

Этот смех и его слова я понял, как и следовало, в обратном смысле — как выражение его антисемитизма и вызов, чтобы я высказал свое мнение о евреях, в особенности о евреях в коммунистическом движении. Я молчал и посмеивался — это мне было нетрудно, поскольку я антисемитом никогда не был, а коммунистов разделял только на хороших и плохих. Но Сталин вскоре

и сам оставил эту скользкую тему, удовлетворившись циничным вызовом.

Джилас М. С. 66–68

Вообще большим недостатком, который я видел у Сталина, было неприязненное отношение к еврейской нации. Он вождь, он теоретик, и поэтому в своих трудах и в своих выступлениях он не давал и намека на это. Боже упаси, если бы кто-то сослался на его разговоры, на его высказывания, от которых явно несло антисемитизмом.

Когда ему приходилось говорить о еврее, он всегда разговаривал от имени еврея со знакомым мне утрированным произношением. Так говорили несознательные, отсталые люди, которые с презрением относились к евреям, коверкали язык, выпячивали еврейские отрицательные черты. Сталин это тоже очень любил, и у него выходило неплохо.

Хрущев Н. Т. 2. С. 232

— А о Сталине? Был ли Сталин антисемитом?

— О Сталине я вам скажу следующее. Есть высказывания Сталина по этому вопросу — о том, что антисемитизм у нас уголовно наказуем. Сталин не был антисемитом. Но жизнь так сложилась, что его противники были евреи. Зиновьев, Каменев, Троцкий... Что ему оставалось делать, если почти все его враги — евреи?

Затем, он был политически и национально очень щепетилен и осторожен по характеру.

Л. Каганович.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 172

Начальник Воениздата генерал Маринов был похож на грузина, черноволосый, кучерявый, с усиками. Во время его доклада Сталин внимательно смотрел на него и потом спросил:

— А кто вы по национальности, товарищ Маринов?

Сказать, что он грузин, вождю народов, к тому же грузину, Маринов не решился, но нашел выход:

— Я грузинский еврей, товарищ Сталин.

На что Сталин ответил:

— Товарищ Маринов, я знаю так: или грузин, или еврей.

Чуев Ф. С. 539

Помню, в начале 50-х годов возникли какие-то шероховатости, что-то вроде волынки, среди молодежи на 30-м авиационном заводе. Доложили об этом Сталину по партийной линии. И госбезопасность тоже докладывала. Зачинщиков приписали к евреям.

Когда мы сидели у Сталина и обменивались мнениями, он обратился ко мне как к секретарю Московского горкома партии: «Надо организовать здоровых рабочих, пусть они возьмут дубинки и, когда кончится рабочий день, побьют этих евреев». Я присутствовал там не один: были еще Молотов, Берия, Маленков. Кагановича не было. При Кагановиче он антисемитских высказываний никогда себе не позволял.

Слушаю я его и думаю: «Что он говорит? Как это можно?».

Хрущев Н. Т. 2. С. 45–46

Антисемитизм опасен для трудящихся, как ложная тропинка, сбивающая их с правильного пути и приводящая их в джунгли. Потому коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма... В СССР строжайше преследуется по законам антисемитизм как явление глубоко враждебное Советскому строю.

Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью.

Ответ Сталина на запрос Еврейского телеграфного агентства из Америки. 12 января 1931 г.

Сталин не был антисемитом, как его порой пытаются изобразить. Он отмечал в еврейском народе многие качества: работоспособность, спаянность, политическую активность. У них активность выше средней, безусловно. Поэтому есть очень горячие в одну сторону и очень горячие в другую. В условиях хрущевского периода эти, вторые, подняли голову, они к Сталину относятся с лютой ненавистью.

Однако в царских тюрьмах и ссылках их не так много было, а когда взяли власть, многие сразу стали большевиками, хотя большинство из них были меньшевиками.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 123

Еще в декабре 1947 г. в американской печати была опубликована статья о личной жизни Сталина. МГБ познакомил вождя с ее содержанием. Сталин приказал найти виновных. 16 декабря 1947 г. была арестована К. А. Аллилуева. В ходе допросов она указала на старшего научного сотрудника Института экономики АН СССР И. И. Гольдштейна, который был критически настроен по отношению к советской действительности. В январе 1948 г. арестованный Гольдштейн показал, что личной жизнью Сталина интересовался великий артист и руководитель Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) С.М. Михоэлс, что он пытался воспользоваться браком Светланы Аллилуевой с Г. Морозовым, чтобы повлиять на отношение Сталина к евреям.

Ю. Бокарев.

Цит. по: *Грибанов С. С.* 123

Я вам рассказываю интимное. Он щепетильно и настороженно относился к национальному вопросу. Но боялся Сталин того, что у евреев много мелкобуржуазных элементов, и они могут мешать движению. Но это не антисемитизм. Иногда появлялись отдельные моменты, но у него четкость была очень большая.

Л. Каганович.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 172

Маршал бронетанковых войск Катукоев рассказывал, что однажды в кабинете у Сталина он упомянул фамилию генерала Иванова.

— Это не тот Иванов, который изменил своей нации? — спросил Сталин.

Прежде у Иванова была еврейская фамилия.

— Тот самый, — ответил Катукоев.

— А русской нации он не изменит?

Чуев Ф. С. 537

Я не собираюсь касаться различных аспектов проблемы государства Израиль. Коснусь лишь одной грани, которая так или иначе связана с темой моей книги. Бен-Гурион, первый премьер-министр и министр обороны нового государства, был одним из организаторов и лидеров сионистской правой социал-демократической партии Израиля (МАПАИ). Приведу одно его высказывание:

«Я не постесняюсь признаться, что, если бы у меня было бы столько же власти, сколько желаний, я бы подобрал способных, развитых, порядочных, преданных нашему делу молодых людей, горящих желанием переделать евреев, и послал бы их в страны, где евреи погрязли в греховном самодовольстве.

Этим молодым людям я бы приказал замаскироваться под неевреев и преследовать евреев грубыми методами антисемитизма под такими лозунгами: «грязные евреи!», «евреи, убирайтесь в Палестину!». Я уверяю вас, что результаты эмиграции... превысили бы в десять тысяч раз результаты, которых добиваются наши

вожеры-эmissары, вот уже десятилетия расточающие свои проповеди глухим».

Полагаю, что сионистская пропаганда в послевоенной России весьма активно работала на раздувание антисемитизма, чтобы понуждать еврейское население эмигрировать в Израиль. Предметом ее особого внимания и «заботы» была интеллигенция еврейского происхождения, ее старались обласкать и затянуть в свои сети часто обманным путем. Некоторые наши деятели культуры и науки становились орудием сионистского влияния, не подозревая об этом. И громкие кампании тех времен — «дело врачей», борьба с «безродным космополитизмом», история с Крымской еврейской автономией — были не результатом мифического «зоологического антисемитизма» Сталина, о чем столь широко вещали наши «демократы», а плодами целенаправленной политики лидеров и идеологов сионизма, за каждым из них прячется тайная, тщательно скрываема ниточка, ведущая за пределы нашей страны, в молодое развивающееся государство...

Аллилуев В. *С. 223–224*

Генеалогические изыскания на верхнем этаже политического истеблишмента показали, что из одиннадцати членов политбюро Каганович был евреем, Берия — полуевреем, а у пятерых товарищей — Молотова, Ворошилова, Маленкова, Андреева и Хрущева были евреи в родне!

Ноймайр А. *С. 422*

Евреи всегда мутят воду, потому что они меньше зависят от традиций страны и больше поддерживают узы с зарубежными сородичами. Мы вполне разгромили еврейский буржуазный национализм, все эти сионистские организации еще в 1920-е годы. Однако, после войны, когда Красная Армия спасла евреев от Гитлера, и когда советское правительство помогло евреям, пережившим трагедию гитлеровского геноцида, образовать государство Израиль в Палестине, еврейский буржуазный национализм в нашей стране снова поднял голову. Хорошо зная психологию и тактику сионистов, я обеспокоился и сообщил о своей тревоге Сталину. Иосиф Виссарионович согласился с моими доводами о том, что целесообразно свернуть деятельность еврейского антифашистского комитета, слишком тесно связанного с зарубежными сионистскими центрами в США, Израиле и Европе, и нанести удар по «космополитизму», прежде всего, по космополитично настроенной советской еврейской интеллигенции. Я считаю, это была тогда правильная мера, она оздоровила идеологическую обстановку в партии и государстве. Сейчас же, в годы крушения коммунистических идеалов, нет ничего удивительного, что еврейские «возмутители спокойствия» снова в первых рядах.

Л. Каганович (из бесед с Зоей Касаткиной).

Цит. по: *Грибанов С. С.* 56

Вот еще один эпизод. В военные годы было создано Совинформбюро для сбора всевозможных материалов о нашей стране, о действиях Красной Армии, о борьбе против гитлеровской Германии и для распространения этих материалов в нашей и западной прессе, главным

образом в США. Так как там очень влиятельны круги еврейской нации, то и у нас в Совинформбюро входило немало евреев, занимавших высокое положение в стране. Заместителем начальника, а потом и начальником там был прежний генеральный секретарь Профинтерна, заместитель наркома иностранных дел Лозовский. Возник также Еврейский антифашистский комитет. Среди прочих в него вступил по рекомендации свыше Герой Советского Союза генерал Крейзер. В этом комитете состоял и Михоэлс. Он был родственником академика философа Митина. В этот же комитет, конечно, входила и жена Молотова Жемчужина.

Хрущев Н. Т. 2. С. 51–52

Отец действительно был инициатором создания Еврейского антифашистского комитета. Целый ряд видных деятелей, связанных с сионизмом, были связаны — я этого не отрицаю — и с моим отцом...

Берия С. С. 338

Когда освободили Украину, в ЕАКе (Еврейском антифашистском комитете) составили документ (не знаю, кто явился инициатором), в котором предлагалось Крым (после выселения оттуда татар) превратить в еврейскую автономию в составе РСФСР.

Хрущев Н. Т. 2. С. 52

С. Михоэлс тогда был одержим идеей создания в СССР Еврейской Автономной Республики. Биробиджан, считал он, интеллигенцию ни за что не привлечет, а куда

народу без своей интеллигенции! Сам ли он додумался до этого или кто-то ему «подкинул идею» организовать такую Республику в Крыму, утверждать не собираюсь. Однако отказ его не обескуражил, не здесь, так где-нибудь в другом месте организуем — например, в Центральной России, считал он. С. Михоэлс решил двигать свою идею, используя в этих целях брак Светланы с Григорием Морозовым. По его словам, к этому браку был проявлен большой интерес со стороны еврейской общественности США.

Аллилуев В. *С. 246*

Помню, как мне по этому вопросу звонил Молотов, советовался. Молотов, видимо, был втянут в это дело через Жемчужину. Наиболее активную роль в комитете играли Лозовский и Михоэлс. Сталин же буквально взбесился. Через какое-то время начались аресты. Схватили Лозовского, позднее Жемчужину. Был дискредитирован Молотов. Соответствующие материалы рассылались членам ЦК, и там все было использовано, чтобы дискредитировать Жемчужину и уколоть мужское самолюбие Молотова. Помню грязный документ, в котором говорилось, что она была неверна мужу, и даже указывалось, кто были ее любовниками. Много было написано гнусности.

Хрущев Н. *Т. 2. С. 52*

По словам Д. Н. Гофштейна: «В Куйбышеве я встретился с Бергельсоном, который, пересказывая мысль Михоэлса, настойчиво доказывал, что еврейское государство надо создавать не в Палестине, а у нас в

Советском Союзе, так как это, по его мнению, наиболее реально. Ссылаясь на свою осведомленность о влиянии американских евреев на правительственные круги США, Бергельсон утверждал, что если нам удастся заручиться их поддержкой, то они сумеют через правительство США оказать давление на Советский Союз, при котором Советское правительство вынуждено будет пойти нам на уступки».

Ю. Бокарев.

Цит. по: *Грибанов С. С.* 123

Как позднее показало следствие, разработка идеи создания еврейской республики в Крыму осуществлялась уже в 1943 году совместно советскими и американскими сионистами, хотя инициатива, по-видимому, принадлежала последним. Американских сионистов в этом вопросе поддерживало правительство США. Руководитель сионистской организации «Джойнт» Д. Розенберг заявил, что «...Крым интересуется нас не только как евреев, но и как американцев, поскольку Крым — это Черное море, Балканы и Турция»...

Платонов О. Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина. М.: Москвитянин, 1997. С. 325

Теперь — о вопросе по существу. Нужно ли было создавать в Крыму еврейскую автономную республику? Я считаю, что раз уже имелась Еврейская автономная область, то вряд ли нужно что-то еще создавать в Крыму.

Хрущев Н. Т. 2. С. 51

После редактирования записки (о создании еврейской автономии в Крыму. — Е. Г.) Лозовским она была послана 12 февраля 1944 г. Сталину и Молотову. Видимо, все-таки ее авторы не учли ряд критических замечаний Лозовского. Я, например, не могу себе представить, чтобы старый партиец, заместитель наркома иностранных дел, мог пропустить тот ее пассаж, где говорится, что «...антисемитизм в СССР, у себя на родине, зачастую действует на отдельные прослойки евреев более гнетуще, чем истребление немцами более 4 млн. евреев и гибель своих близких и родных». В конце концов, не всю правду можно было говорить в лицо социалистическим лидерам. Тем более это неуместно в докладной записке, обосновывающей целесообразность заселения Крыма евреями.

Бокарев Ю. С. 123

15 февраля 1944 года на имя Сталина и поступило письмо с предложением о создании на территории Крыма Еврейской социалистической республики, подписанное руководством Еврейского антифашистского комитета: С.М. Михоэлсом, Ш. Эпштейном, И.С. Фефером (под редакцией С.А. Лозовского).

Однако Сталин отклонил это посягательство еврейских националистов на суверенные права Русского Народа. Как позднее вспоминал Н.С. Хрущев, «когда из Крыма выселили татар, тогда некоторые евреи начали развивать идею о переселении туда евреев, чтобы создать в Крыму еврейское государство. А что это было бы за государство? Это был бы американский плацдарм на юге нашей страна. Я был против идеи и полностью соглашался в этом вопросе со Сталиным. Нельзя идти на

поводу у даллесов, которые не прочь бы создать плацдарм против нас».

Платонов О. С. 325

Однако это ведь только ничтожная часть бесстыдной просьбы. Крым будет освобожден весной 1944 года. Следовательно, никто не смел и предположить тогда, в феврале 1944-го, об изгнании татар. Таким образом, евреи просят отдать земли, занятые другим народом. Следовательно, они предлагают выселить, изгнать этот народ, а освободившееся место отдать им (все закручивалось по совпадающим признакам будущей палестинской трагедии, но на землю Палестины у евреев имелись хотя бы библейские права, а Крым — с какого бока?). Это типично сионистская постановка вопроса...

Таковы факты, что там ни толкуй, ни пиши, а под документом три подписи; среди них... Михоэлса, воплощения иудейской чистоты и талантливости.

И уже совершенно иной предстает деятельность Еврейского антифашистского комитета, и его разгон с последующими репрессиями. Тот, кто звал на изгнание другого народа, иначе говоря, подавление его — без этого так просто целый народ не выселить — сам оказался в положении тех, от кого намеревался «очистить» благословенный край...

Ю. Власов.

Цит. по: *Грибанов С. С. 85*

Обратились с этим предложением к Сталину. Вот тут и разгорелся сыр-бор. Сталин расценил дело так: налицо

акция американских сионистов, члены этого комитета — агенты сионизма, которые хотят создать свое государство в Крыму, чтобы отторгнуть его от Советского Союза и утвердить там агентуру американского империализма. Был дан простор воображению.

Хрущев Н. *Т. 2. С. 52*

Как видно из вышесказанного, Сталин прекрасно понимал, что создание Еврейской Автономной Республики в Крыму или в какой-либо другой области центральной части РСФСР, где еврейское население составляло абсолютное меньшинство, было невозможно и неизбежно вызвало бы недовольство русского народа, да и других народов, проживающих на этих территориях, и считал эту идею Михоэлса изначально порочной, И то, что Сталин был прав, видно хотя бы из провалившихся в наши дни попыток создания Автономной Республики немцев Поволжья, а также и из весьма поучительного опыта создания в том же 1948 году государства Израиль и тех бед, которые обрушились при этом на коренное население, проживающее на отошедших к нему территориях.

Аллилуев В. *С. 247*

А мы все питались тогда рассуждениями Сталина и поддавались его влиянию. Мысль Сталина про шпионаж появилась потому, что Крым — морская граница, доступная иностранным судам. Он считал, что никак нельзя допустить это с точки зрения обороны. Мы ведь всегда стояли на той точке зрения, что надо укреплять оборону, а не ослаблять ее. Правда, данный вопрос по

существованию никогда не обсуждался, а только высказывались точки зрения об осторожности и бдительности. Тут-то и была проявлена Сталиным «бдительность», и он пресек поползновения мирового сионизма, его попытки создать опору в нашей стране для борьбы американского империализма против нас. Если встать на эту позицию, то не надо было разрешать создавать эту республику. Так оно и было решено.

Хрущев Н. *Т. 2. С. 52*

...Попытка Михоэлса, Фефера, Лозовского, Юзефовича, Жемчужиной, Меир отторгнуть у СССР Крым в пользу евреев успехом не увенчалась ни в 1944-ом, ни в 1948 году.

Тогда они стали прибегать к демонстрациям протеста. Несколько таких демонстраций во главе с Жемчужиной были проведены в Крыму, несколько — в Москве. Одна из них происходила на Красной площади с выкриками: «Сталина! Сталина!»

Сталин в форме генералиссимуса Советского Союза вышел к Спасскому проходу. Постоял, послушал крики. Внимательно присмотрелся к обращающей на себя внимание скандирующей Жемчужиной П. С.: «Крым — евреям! Крым — евреям!» И со словами: «Ну! Ну!» — вернулся в Кремль...

Красиков С. *С. 339*

Но официального обсуждения и решения никакого не было, а вот аресты начались.

Хрущев Н. *Т. 2. С. 52*

У жены В. М. Молотова обнаружились давние связи с международными сионистскими кругами, за что она и была арестована. А после того, как 9 января 1948 года И. И. Гольдштейн в ходе следствия показал, что в 1943 году С. М. Михоэлс, находясь в США, вступил в контакт с сионистскими кругами, которые впоследствии проявили большой интерес к браку Светланы с Григорием Морозовым, почему, в сущности, Михоэлс и появился на нашем горизонте, после этих показаний арест Соломона Моисеевича был бы неизбежен. Трагическая гибель в январе 1948 года спасла его от тюрьмы. Но вот кому эта гибель была нужна, это не пустой вопрос. Думаю, Сталин в этом был абсолютно не заинтересован. Скорее всего опасались живого Михоэлса сионистские круги, которые могли быть засвечены в ходе неизбежного следствия. Тем более, что распад брака Светланы и Григория показал бесплодность их усилий. Зато его гибель можно использовать для очередного запугивания еврейской интеллигенции, подбивая ее к эмиграции.

Аллилуев В. С. 247

Сейчас общепринятой является версия, что Михоэлс был убит сотрудниками МГБ по личному распоряжению Сталина. Не обошлись без нее и издатели стенограммы суда над еврейским антифашистским комитетом. (Единственными источниками, подтверждающими эту версию, являются протоколы допросов Л. Берия и В. Абакумова. Условия этих допросов были таковы, что многие показания подследственных оказались недостоверными.)... Из показаний художественного руководителя Московского Государственного Еврейского

театра В. Д. Зускина выясняется, что как только труп Михоэлса прибыл в Москву, стало ясно, что хоронить его в таком виде нельзя. Поработать над трупом вызвался друг Михоэлса академик Б. И. Збарский, который взял его в свой институт для обработки. Збарский неофициально обследовал трупы и установил, что Михоэлс и Голубев, несомненно, стали жертвой дорожной катастрофы. Конечно, она могла быть подстроена сотрудниками МГБ. Но вот что интересно: Збарский говорил сотрудникам Еврейского театра, что смерть Михоэлса наступила не от полученных повреждений, а от переохлаждения тела в результате многочасового пребывания в сугробе. Можно ли представить себе, что сотрудники МГБ оставили Михоэлса на улице, не удостоверившись в его смерти? По итогам допроса других членов еврейского антифашистского комитета видно, что результаты работы Збарского не вышли за пределы Еврейского театра.

Бокарев Ю. Остров Крым. Загадка проекта еврейской автономии в Крыму. М., 1995. С. 123

Остров Крым

Я и сейчас не могу ничего сказать о том, какие причины вызвали тот факт, что Сталин отвернулся от Молотова. Конечно, если вспомнить о его жене Жемчужиной, которую Сталин посадил, то Молотов до конца не соглашался в этом вопросе и со Сталиным, и с пленумом ЦК. Когда на пленуме стоял вопрос о ее

выводе из состава ЦК партии, все проголосовали «за», а Молотов воздержался. Он не голосовал «против», но воздержался. Это взорвало Сталина. Правда, и после всего этого Молотов остался со Сталиным. Однако событие на пленуме наложило отпечаток на дальнейшее отношение Сталина к Молотову. Если принять во внимание характер Сталина, то ясно, что бесследно для их отношений такой инцидент не мог пройти. И все-таки у них сохранялась близость и продолжалась совместная работа.

Но потом Сталин начал со злостью лягать Молотова. Особенно хорошим барометром неустойчивости Молотова служил Каганович. Каганович с подначивания Сталина как бы играл роль цепного пса, которого выпускали, чтобы рвать тело того или другого члена Политбюро, к которому, как он чувствовал, Сталин питал какое-то охлаждение. Каганович всегда неприязненно относился к Молотову. Я слышал от Кагановича, что он его очень не любил, даже ненавидел. Но и знал свое место: Молотов есть Молотов. В послевоенное время Каганович начал нападать, и очень резко, на Молотова, а когда бывал на заседаниях Ворошилов, то и на Ворошилова. Нас, других, это раздражало. Это я говорю о себе, Булганине и даже Бериин. Мы были недовольны Кагановичем и иной раз подавали контрреплики, сдерживая его. Тут Каганович сразу поджимал хвост, он был трусливым человеком.

Хрущев Н. Т. 2. С. 80

На окутанном тайнами Пленуме ЦК КПСС собравшемся через день после окончания XIX съезда партии, как мне поведал один из его участников, Сталин

очень резко выступил против Микояна и особенно Молотова...

— ...Вторая ошибка товарища Молотова, — отметил Сталин, — заключается в том, что он выступает за то, чтобы создать в Крыму еврейскую автономию. Зачем? На каком основании? Разве у них нет своей автономии? Почему они не хотят развивать Биробиджан?..

Аллилуев В. С. 246–247

Спустя какое-то время в такую же опалу попал Микоян. Я и сейчас не могу сказать, в чем его обвинял Сталин. Молотов — тот вроде американский агент, потому что он в США имел вагон и, следовательно, там жили его истинные хозяева. Ну, а Микоян? Агентом какой страны он был? Я уже после смерти Сталина не раз шутил и спрашивал Анастаса Ивановича: «Слушай, скажи, какой страны ты агент? Уж ты, наверное, если агент, то не какой-то одной страны?» Анастас Иванович, сам любивший пошутить, на шутку отвечал шуткой. Вот так мы шутили. Но это стало шуткой уже после смерти Сталина. А при Сталине, если бы он еще полгода пожил, то отослал бы Молотова с Микояном к прадедам, куда отсылал всех «врагов народа», расправился бы с ними. Вот до чего дело дошло!

Хрущев Н. Т. 2. С. 81–82

...И вот уже совсем разойдясь, Микоян вспоминал про политбюровские мальчишники на Ближней кунцевской даче, где в последние годы почти безвыездно жил Сталин. «Число членов Политбюро всегда было нечетным, — рассказывал Анастас Иванович, — а обедать

садились за прямоугольным столом, придвинутым к стеклянной двери, выходившей на балкон, в комнате второго этажа. Оставался свободным один торец стола. Сидевший за ним смотрел прямо в балконную дверь. На этом месте сидел самый нелюбимый член Политбюро, судьба которого висела на волоске. Сталин, боявшийся покушения, полагал, что если что-то и произойдет, то первой жертвой станет тот, кто сидит прямо напротив окна». По мере изменения своего расположения к людям он менял их места за обеденным столом, но все же в последние месяцы жизни Сталина роковое место занимал Микоян.

Из записок генерал-лейтенанта КГБ Н. С. Леонова.

Цит. по: *Докучаев М. С.* 123

Как-то мы были после кино на очередном кормлении на «ближней» даче Сталина. Сталин уже был навеселе, он всегда себя доводил до такого состояния, когда организовывались эти обеды или ужины.

Сталин вдруг спросил: «Кто входит в Бюро?» Перечислили: тот-то, тот-то. Дошли до Ворошилова. «Кто? Ворошилов? Как он пролез?» Мы смотрим друг на друга. «Товарищ Сталин, вы же сами его назвали. Вы его назвали, и Пленум избрал Ворошилова в состав Бюро».

Он не стал дальше развивать свои мысли. Но, следовательно, он ему не простил, а только как-то по старой привычке назвал его фамилию.

Ворошилов был избран, но он не пользовался всеми правами члена Президиума ЦК. Это выражалось в том, что Сталин его не всегда вызывал на заседания, не всегда вызывал на просмотр кинокартин и,

следовательно, он не всегда попадал на обеды. А это великая была честь. Ворошилов бывал, но редко. Другой раз он прозвонит сам и приходит.

Хрущев Н. Т. 2. С. 59

Сталин о Ворошилове был довольно критического мнения. В некоторых отношениях. Особенно после войны. Ворошилов иногда ссылаясь: «Мы же с тобой познакомились в Баку в 1907 году». А Сталин: «А этого я не помню».

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 380*

Сталин почему-то относился к нему без должного почтения в последние годы своей жизни. В чем причина — не знаю. Возможно, происходило то же, что и с Молотовым: «младотурки» оттирали старых из окружения Сталина, а последний боялся соперников.

Мне думается, не без основания однажды Сталин в ответ на мою ссылку на Ворошилова сказал: «Да что он понимает во флотских делах! Ему лишь бы корабли давали самый полный ход так, чтобы песок летел из-под винтов». А ведь Климент Ефремович 15 лет руководил флотами. Сталин, к сожалению, в известной степени был прав.

Н. Кузнецов.

Цит. по: Вождь, хозяин, диктатор. М., 1988. С. 408

Возвращаясь к ушедшему времени, еще раз скажу: дело дошло до того, что Сталин стал считать шпионом Ворошилова! Наверное, лет пять он не приглашал его ни на какие высокие заседания, какие собирались, прежде всего, на заседания Политбюро. Впрочем, настоящих заседаний уже не происходило, а имели место эпизодические собрания, буквально на ходу, перед обедом или перед ужином, хотя там решались вопросы и текущего порядка, принципиальные, крупнейшие. Ворошилов туда доступа уже не имел.

Подозревать, что Ворошилов — английский шпион? Это же величайшая глупость. Не знаю, до чего надо дойти в недоверии к людям, чтобы обрести такое состояние души. Сталин не верил тому самому Ворошилову, с которым много лет вместе воевал и работал рука об руку. Честность Ворошилова перед партией, перед рабочим классом ни в какой степени не может подвергаться никакому сомнению. Другой вопрос — оценка его деятельности на посту наркома обороны. Она показала его несостоятельность как наркома.

Хрущев Н. *Т. 2. С. 78*

От Ворошилова как от наркома обороны ждали, конечно, большего. Он всей душой хотел, но не смог. Новый подход к делу нужен. Перед Финской войной он был против автоматов: «Где это нам набрать столько пуль, если поставим ППШ? Это же не наберешься!» А уж надо набираться, хочешь не хочешь. Коли у тебя такой противник, надо иметь не меньше, чем он. Конечно, он отставал. «Мы будем не в состоянии». А Сталин ему: «Как не в состоянии? Другие имеют, почему мы не в состоянии?»

Сталин умел учиться и быстро схватывал новое.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 382*

Рассказывают, что однажды Сталин, испытывая на верность своего товарища по партии и по руководству страной, спросил Ворошилова:

— Ты можешь застрелить ради меня свою любимую собаку?

И Ворошилов на глазах у Сталина застрелил любимого пса...

Михалков С. С. 148

Когда в последние годы жизни Сталина Молотов утратил его доверие, то Сталин, отдыхая как-то в Сухуми, поставил вдруг такой вопрос: Молотов является американским агентом, сотрудничает с США. Сейчас просто невозможно даже представить, что такое могло прозвучать. Молотов тут же начал апеллировать к другим. Там был и я, и Микоян, и все сказали, что это невероятно. «А вот, помните, — говорит Сталин, — Молотов, будучи на какой-то Ассамблее Организации Объединенных Наций, сообщил, что он ехал из Нью-Йорка в Вашингтон. Раз ехал, значит, у него там есть собственный салон-вагон, как он мог его занять? Значит, он американский агент». Мы отвечали, что там никаких личных железнодорожных вагонов государственные деятели не имеют. Сталин же мыслил по образу и подобию порядка, заведенного им в СССР, где у него имелся не только салон-вагон, а и целый

отдельный поезд. То есть считал, что такой же порядок существует в капиталистических странах.

Он резко отреагировал на недоверие, проявленное к его высказываниям, и сейчас же продиктовал телеграмму Вышинскому, находившемуся тогда в Нью-Йорке, потребовал, чтобы Вышинский проверил, имеется ли у Молотова собственный вагон? Тут же телеграмма была послана шифровкой. Вышинский срочно ответил, что по проверенным сведениям в данное время у Молотова в Нью-Йорке собственного вагона не обнаружено, Сталина этот ответ не удовлетворил. Да ему и не нужен был ответ. Главное, что у него уже засело в голове недоверие, и он искал оправдания своему недоверию, подкрепления его, чтобы показать другим, что они слепцы, ничего не видящие. Он любил повторять нам: «Слепцы вы, котята, передушат вас империалисты без меня». Так ему хотелось, так ему нужно было. Он желал удостовериться, что Молотов — нечестный человек.

Хрущев Н. Т. 2. С. 81

Однако известно другое: в 1948 году появилось новое государство — Израиль, послом которого в СССР была направлена Голда Меир, являвшаяся подругой Жемчужиной. Жемчужина не только устроила прием в честь долгожданной гостьи, но и пригласила ту жить к себе на дачу.

Поговаривают, что П. С. Жемчужина совместно с Голдой Меир выработали план обращения в ЦК с просьбой объявить Крым Еврейской автономной областью.

Сталин приглашает к себе Вячеслава Михайловича и резко спрашивает;

— Скажи, правильно ли это, если высокий иностранный гость живет дома у членов правительства?

Молотов отвечает:

— Нет, разумеется.

Сталин:

— Скажи, а как следовало бы поступить с таким членом правительства?

Молотов:

— Наказать по закону.

Сталин:

— Ну так и поступай.

Предвидя последствия и следуя сталинскому наказу, В. М. Молотов разводится с П. С. Жемчужиной, ее арестовывают. Она больше года проводит в тюрьме и три года в ссылке, в Казахстане.

Красиков С. С. *145–146*

Когда на заседании Политбюро Сталин прочитал материал, который ему чекисты доставили на Полину, у меня коленки задрожали... Ее обвиняли в связях с сионистскими организациями, с послом Израиля Голдой Меир, в том, что хотели сделать Крым еврейской республикой... Были у нее хорошие отношения с Михоэлсом... Конечно, ей надо было быть разборчивее в связях. Ее сняли с работы, но какое-то время не

арестовывали... Сталин мне сказал: «Тебе надо разойтись с женой».

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 123*

И опять Молотов не рассказывает до конца... В Архиве президента я нашел необходимое дополнение к его рассказу. Оказалось, на Политбюро, когда его ни в чем не повинную жену исключали из партии, Молотов героически... воздержался от голосования.

Но уже вскоре он покорно написал Хозяину: «20 января 1949 года. Совершенно секретно. Тов. Сталину. При голосовании в ЦК предложения об исключении из партии П. С. Жемчужиной я воздержался, что признаю политически неверным. Заявляю, что, продумав этот вопрос, я голосую за это решение ЦК, которое отвечает интересам партии и государства и учит правильному пониманию коммунистической партийности. Кроме того я признаю свою тяжелую вину, что вовремя не удержал близкого мне человека от ложных шагов и связей с антисоветскими националистами вроде Михоэлса. Молотов».

Радзинский Э. С. 577

— Она мне сказала: «Если так нужно для партии, разойдусь». В конце 1948-го мы разошлись, а в 1949-м ее арестовали...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 123*

Долго тянулся следственный процесс по делу этого комитета, и в конце концов все кончилось трагически, Лозовский был расстрелян, а ряд лиц сослали. Я думал тогда, что Жемчужину расстреляли, потому что об этом никому ничего не докладывалось и никто в этом не отчитывался. Все доложили Сталину, а Сталин лично сам казнил и миловал. О том, что она жива, я узнал уже после смерти Сталина, когда Молотов сказал, что Жемчужина находится в ссылке. Все согласились, что ее надо освободить. Берия, освободив ее, торжественно вручил ее Молотову. Он рассказывал мне, как Молотов приехал к нему в министерство и там встретился с Жемчужиной. Она была еле жива, он обнял ее. Берия рассказывал с какой-то иронией, но Молотову и Жемчужиной выражал сочувствие, демонстрируя, что вроде это была его инициатива освободить ее.

Хрущев Н. *Т. 2. С. 51*

А Полина Семеновна Жемчужина и в тюрьме по воле Сталина отсидела, и в ссылке была, и родных ее арестовали и пытали. И после всего этого она говорила дочери Сталина: «Никогда не забывай, что твой отец был гений».

Может быть, Пушкин все же ошибался насчет гения и злодейства?

Трояновский О. *С. 146–147*

Однажды один из родственников Полины Жемчужиной за столом стал осуждать Сталина. Она его

быстро поставила на своё место: «Молодой человек, вы ничего не понимаете ни в Сталине, ни в его времени. Если б вы знали, как ему было трудно сидеть в его кресле!»

Чуев Ф. *С. 123*

Спокойным со Сталиным не мог чувствовать себя никто. Как-то уже после ареста врачей, когда действия Сталина стали принимать явно антисемитский характер, Каганович сказал мне, что ужасно плохо себя чувствует: Сталин предложил ему вместе с интеллигентами и специалистами еврейской национальности написать и опубликовать в газетах групповое заявление с разоблачением сионизма, отмежевавшись от него. «Мне больно потому, — говорил Каганович, — что я по совести всегда боролся с сионизмом, а теперь я должен от него «отмежеваться»! Это было за месяц или полтора до смерти Сталина — готовилось «добровольно-принудительное» выселение евреев из Москвы.

Смерть Сталина помешала исполнению этого дела.

Микоян А. *С. 536*

— Пишут в «Вечерке», что хотели три миллиона евреев выселить в Сибирь, на Север, правда ли это? — спрашиваю.

— В «деле врачей» не только евреи, там было много и русских, и армян. Писали даже, — говорит Лазарь Моисеевич, — в одной книге было написано, будто бы при Кагановиче было предложение выселить евреев, и

что Каганович порвал партбилет, бросил на стол Сталину и сказал: «Я выхожу из партии». Это вранье! Никогда ничего подобного не было. Никогда при мне разговора на эту тему не было.

— Не было разговора о выселении евреев?

— Абсолютно! — вскипает Каганович. — Абсолютно не было разговора, абсолютно. Ни разу. Ни разу не было разговора на этот счет. Абсолютно не было ни разу разговора на эту тему.

— Было ли заседание Политбюро по этому поводу перед смертью Сталина?

— Не было.

Чуев Ф. С. 241

— Верно ли говорят, что в последний год жизни Сталин хотел всех евреев из Москвы выселить?

— Глупость, — отвечает Молотов. — Значит, он глупый человек? Этого о нем даже враги не говорили. Вообще, конечно, его состояние последнее время...

Чуев Ф. С. 552

Сталин был очень внимателен к национальным моим чувствам и всегда разговаривал со мной мягко на этот счет. Он даже один раз меня спросил: «А почему вы, когда мы смеемся над евреями, становитесь грустным, мрачным по лицу?» Он вглядывался в лица, в глаза. «Вот Микоян у нас — мы про армян смеемся, и Микоян хохочет вместе с нами над армянами». Я говорю: «Видите, товарищ Сталин, вы национальные чувства и характер

хорошо знаете. Видимо, в характере евреев сказалось то, что их очень много били, и они, как мимоза. К ней только, притронься, она сразу закрывается». Сталин: «Вот это здорово ты сказал!» Понял он меня. «Как мимоза», — повторил. Ему понравилось. «Так, видимо, — говорю, — в каждом еврейском характере. Вы же признаете, что евреи — не нация, но в характере их есть национальное. Видимо, в характере это заложено». Ему понравилось это объяснение. Он понял меня.

Л. Каганович.

Цит. по: Чуев Ф. С. 135

Берия и Богдан Кобулов часто рассказывали мне, что Сталин любил шутки и анекдоты антимусульманского, и в частности антиазербайджанского толка, особенно когда их рассказывали в присутствии Багирова, первого секретаря компартии Азербайджана, который просто не выносил издевательских интонаций Кобулова, произносившего русские слова с азербайджанским акцентом. Это заставляет меня думать, что юмор, направленный против той или иной национальной группы, был по душе Сталину и он, в сущности, являлся антисемитом не больше, чем антимусульманином.

Судоплатов П. С. 475

Несмотря на все преступления Сталина, необходимо упомянуть о судьбе тех двух с половиной миллионов евреев, которые были по его приказу перемещены с территорий, подвергшихся оккупации, во внутренние районы России и таким образом спасены от нацистских

концентрационных лагерей. Об этом еврейская националистическая и сионистская печать часто забывает.

И. Дойчер (английский биограф Сталина).

Цит. по: *Белади Л., Краус Т. С. 294–295*

В то время как Соединенные Штаты отказали в приеме кораблям с еврейскими беженцами, спасавшимися от Гитлера, а Британия в годы войны отправляла их в концлагеря в Австралии, Советский Союз был единственной страной, открывшей свои границы для беглецов от фашистского террора в сколько-нибудь серьезном масштабе. После немецкой оккупации Западной Польши за советскую границу бежало около 500 000 евреев. Более двух миллионов советских евреев были перевезены из западных областей Советского Союза в Среднюю Азию, чтобы не попасть в руки нацистских захватчиков...

Не кто иной, как крайне правый сионист Менахем Бегин, бывший премьер-министр Израиля, признал: «Я не могу забыть, и ни один еврей не должен забывать этого... Благодаря Советскому Союзу сотни тысяч евреев были спасены от рук нацистов». На самом деле число советских и восточноевропейских евреев, переживавших нацистский геноцид благодаря Советскому Союзу, было намного выше, возможно, около трех миллионов...

И в то же время именно Сталин наряду с США был главным международным инициатором создания сионистского государства в Палестине.

Бюллетень Спартаковцев. 1992. № 3.

...Понимая всю разрушительность сионизма, Сталин, тем не менее, признал Израиль, видимо, желая, чтобы евреев в России стало меньше.

Шаабан Ш. (арабский публицист). Кто освободит эти страны от сионистских мудрецов? М., 1998. С. 123

В конце жизни

Я вспомнил рассказ П. Попиводы о том, как в 1949 году отмечали 70-летие Сталина в Большом театре. Сталин был мрачен, не слушал речей, выходил из президиума за кулисы, курил. За кулисами навстречу ему попал венгерский лидер Матиас Ракоши.

— Сколько вам лет, товарищ Ракоши? — спросил Сталин.

— Пятьдесят шесть, — вытянулся Ракоши.

— Комсомолец, — сказал Сталин и похлопал его по плечу.

Чуев Ф. С. 553

После юбилейных торжеств по случаю его 70-летия в декабре 1949 года общее состояние здоровья Сталина заметно ухудшилось. При этом основные неприятности ему доставляло постоянно высокое давление крови. Однажды, в середине этого месяца, вечером, собираясь

уехать на дачу, Сталин почувствовал сильное головокружение, после чего на короткое время потерял сознание. «Оруженосец» Поскребышев помог ему встать и, поддерживая его на ногах, предложил немедленно вызвать медицинскую помощь из кремлевской больницы, от чего Сталин резко и решительно отказался. Он спокойно посидел некоторое время, выпил чаю и сказал, что головокружение постепенно проходит и остается лишь тупая боль в затылке. Отказ от медицинской помощи вполне согласуется со всевозраставшим в последнее время недоверием Сталина к врачам. Из-за этого недоверия он следовал медицинским рекомендациям только в тех случаях, когда это было совершенно необходимо. На медицинские обследования он соглашался только в крайних случаях, как, например, после перенесенного инфаркта перед поездкой на Потсдамскую конференцию. Но и в этих случаях Сталин избегал кремлевской больницы, оснащенной самым современным оборудованием, и предпочитал собственный госпиталь на Минском шоссе в Филях.

Ноймайр А. С. 426–427

Тогда же, в честь юбилея, в Георгиевском зале Кремля состоялся прием для членов Политбюро. За здоровье товарища Сталина Молотов так набрался, что начал вести себя неприлично, грубо предложив А. Пирогову спеть. Тот отмахнулся:

— Вячеслав Михайлович, вы же сами хорошо поете. Возьмите и спойте.

— Подхалим Пирогов! — почему-то рассвирепел Молотов и грохнул кулаком по столу. Пришлось его с

эскортом вывести в служебную комнату. В назидание всем Сталин посетовал:

— Нам, большевикам, негоже напиваться и упиваться.

После чего вместе с Ворошиловым и Буденным стал петь революционные песни. Семен Михайлович лихо играл на гармошке и, наконец, даже пустился в пляс. Это озаботило Сталина:

— Как бы наш маршал того... не рассыпался...

Рыбин А. С. 18

Премьер-министр Румынии Петру Гроза после банкета сказал Сталину:

— Вы знаете, я очень люблю женщин.

— А я очень люблю коммунистов, — ответил Сталин.

Чуев Ф. С. 545

Тогда же ему подарили отменного арабского скакуна, которого всего раз Орлов запряг в сани. Прокатился Сталин с гостями по территории дачи и отправил скакуна в Зубалово. Кто там на нем гарцевал — не знаю. Словом, из всех подарков, какие прислали к юбилею, Сталин взял себе только рукавицы и бурки.

Рыбин А. С. 72

Сталину шлют подарки. Француженка, у которой фашисты расстреляли дочку, послала Сталину единственное, что у нее осталось от ребенка — шапочку.

Такого подарка никто не получит, и нет весов, на которых можно взвесить такую любовь...

Эренбург И. // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 21

Все подарки, присылавшиеся ему со всех концов земли, он велел собрать и передать в музей, — это не из ханжества, не из позы, — как многие утверждают, — а оттого, что он в самом деле не знал, что ему делать со всем этим изобилием дорогих и даже драгоценных вещей — картин, фарфора, мебели, оружия, утвари, одежды, национальных изделий, — он не знал, зачем это все ему... Изредка он что-либо отдавал мне — национальный румынский или болгарский костюм, но вообще, даже то, что присылалось для меня, он считал недопустимым использовать в быту. Он понимал, что чувства, которые вкладывались в эти вещи, были символическими, и считал, что и относиться к этим вещам следует, как к символам. В 1950 открыли в Москве «Музей подарков», и мне часто приходилось слышать от знакомых дам (при жизни отца, да и после его смерти): — «Ах, там был такой чудесный гарнитур! А какая радиола! Неужели вам не могли этого отдать?» Нет, не могли!

Аллилуева С. С. 181–182

К семидесятилетию Сталина был преподнесен действительно редкий ковер — семь на десять метров с полутысячей цветowych оттенков. Говорят, его целых три года ткали тридцать самых лучших мастериц Азербайджана. Однако на даче он только побыл по пути в какой-то музей.

...После войны, в последние годы жизни Сталина, с ним уже не было такого близкого общения, как в детстве и юности. Но кое-что запомнилось.

— Я был у Василия Сталина на даче в Горках-4. По-моему, это 1949 год. Только началось освоение бомбардировщика Ил-28, и произошла катастрофа. Экипаж погиб. Василий позвонил отцу. Сталин ответил: «То, что произошла катастрофа, вы не забудете. Но не забудьте, что там был экипаж, а у экипажа остались семьи. Вот это не забудьте!»

А. Сергеев.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 69–70*

В записках Плетнева (личный врач Сталина. — *Е. Г.*) мы находим следующее описание диктатора: Сталин обладал неустрашимостью и мужеством льва, умом змеи, слабостью и трусостью зайца, и все это одновременно! Он плохо переносил физическую боль, и боли в суставах иногда доводили его до исступления. Он не терпел возражений, был склонен к хвастовству и любил лесть. Он обладал широким кругозором, проницательностью, изворотливостью, гибкостью и сильной склонностью к авантюризму. Однако одних лишь духовных его способностей было бы недостаточно для успешного восхождения, если бы не дьявольские хитрость и коварство и поразительное знание человеческой души со всеми ее слабостями. Он был упрямым, последовательным и обладал невиданной силой воли и железными нервами. Обмануть его, стоя перед ним, было

очень трудно, потому что возникало впечатление, что его глаза видят тебя насквозь... По выражению лица невозможно было угадать его истинных мыслей. Иногда он казался обманчиво добродушным и дружелюбным, в то время как испытывал к этому человеку только вражду и ненависть. Он страдал только двумя расстройствами: мегаломанией и манией преследования.

Ноймайр А. С. 362

Отец не терпел, когда вмешивались в его оценки людей. Если он выбрасывал кого-либо, давно знакомого ему, из своего сердца, если он уже переводил в своей душе этого человека в разряд «врагов», то невозможно было заводить с ним разговор об этом человеке. Сделать «обратный перевод» его из врагов, из мнимых врагов, назад — он не был в состоянии и только бесился от подобных попыток.

Аллилуева С. С. 57

Грубо он вел себя не раз на моих глазах и по отношению к Светлане, любимой дочери. Но любовь его к ней и ее детям тоже была очень жестокой. Его занимал только он сам. Другие его не интересовали ни в политике, ни дома. Это был монарх, самодержец. Сделав несчастными миллионы людей, он сделал несчастными и своих близких...

С. Гинзбург (нарком в правительстве Сталина).

Цит. по: Колесник А. Хроника жизни семьи Сталина. М., 1990. С. 404

Ведь он допускал оскорбления даже по отношению к самым близким людям. Хочу в подтверждение рассказать о таком эпизоде. Это было уже, наверное, в последний год его жизни. Мы собрались у Сталина, когда он пригласил нас встретить Новый год у него на «ближней». Чего-либо особого в тот Новый год по сравнению с другими вечерами, которые мы у него проводили, не происходило. Собрался тот же состав людей, но внутреннее настроение было, конечно, повышенным. Новый год! Обедали, закусывали, пили. Сталин был в хорошем настроении, поэтому сам пил много и других принуждал. Выпили изрядное количество вина. Затем он подошел к радиоле и начал ставить пластинки. Слушали оркестровую музыку, русские песни, грузинские. Потом он поставил танцевальную музыку, и все начали танцевать.

У нас имелся «признанный» танцор — Микоян, но любые его танцы походили один на другой, что русские, что кавказские, все они брали начало с лезгинки. Потом Ворошилов подхватил танец, за ним и другие. Лично я никогда, как говорится, ног не передвигал: из меня танцор как корова на льду. Но я тоже «танцевал». Каганович — танцор не более высокого класса, чем я, да и Маленков. Булганин когда-то хорошо танцевал, видимо, в молодости. Он вытапывал в такт что-то русское. Сталин тоже передвигал ногами и расставлял руки. Я бы сказал, что общее настроение было хорошим. Только Молотова не было с нами. Молотов был городским танцором. Он воспитывался в интеллигентной семье, потом был студентом, плясал на студенческих вечеринках, к тому же любил классическую музыку и сам играл на скрипке, вообще был музыкальным человеком. В моих глазах плохого ценителя он являлся танцором

первого класса. Мы пели и подпевали пластинкам, которые заводил Сталин.

Потом появилась Светланка. Так ее Сталин называл, и мы вслед за ним. Я не знаю, вызвали ли ее по телефону или она сама приехала. Она попала в стаю немолодых людей, мягко говоря. Приехала трезвая молодая женщина, и отец ее сейчас же заставил танцевать, хотя она устала. Я видел, что она танцует еле-еле. Отец требует, а она не может. Она встала и прислонилась плечом к стене около радиолы. К ней подошел Сталин, и я тоже. Стояли вместе. Сталин пошатывался, говорил; «Ну, Светланка, танцуй. Хозяйка, танцуй». — «Я уже танцевала, папа. Я устала». Он взял ее пятерней за волосы и потянул. Смотрю, у нее краска на лице выступила, и слезы появились на глазах. Так жалко было смотреть на нее. А отец тянул ее, потом дернул за волосы. Это считалось проявлением любезности отца. Безусловно так, потому что он любил Светланку. Васю он тоже любил, но и критиковал за пьянство и за недисциплинированность. А Светланка училась хорошо, и поведение ее как девушки было хорошим. Я ничего дурного никогда не слышал о ней, и Сталин гордился ею. Просто таким способом он выражал отцовские чувства. А делал это грубо не потому, что хотел сделать ей больно. Но он не умел иначе.

Хрущев Н. Т. 2. С. 62–63

В ту зиму он сделал много для меня. Я тогда развелась со своим вторым мужем и ушла из семьи Ждановых. Отец разрешил мне жить в городе, а не в Кремле — мне дали квартиру, в которой я живу с детьми по сей день. Но он оговорил это право по-своему —

хорошо, ты хочешь жить самостоятельно, тогда ты не будешь больше пользоваться ни казенной машиной, ни казенной дачей. «Вот тебе деньги — купи себе машину и едь сама, а твои шоферские права покажешь мне», — сказал он. Меня это вполне устраивало. Это давало мне некоторую свободу и возможность нормально общаться с людьми, — живя снова в Кремле, в нашей старой квартире, это было бы невозможно.

Отец не возражал, когда я сказала, что уйду от Ждановых. — «Делай, как хочешь», — ответил он. Но он был недоволен разводом, это было ему не по сердцу...

Аллилуева С. С. 185

Он [Сталин] зарабатывает в месяц несколько сот рублей, которые составляют скромный максимум чиновника в коммунистической партии (у нас это составляло бы нечто вроде полутора или двух тысяч франков).

Барбюс А. С. 331

Сталин был заядлым курильщиком и страдал гипертонией, с которой его врачи тщетно пытались бороться. Как и Ленин, он не очень высоко ценил отечественных врачей и относился к ним в основном с недоверием. Он несколько раз в год проходил терапевтическое обследование, но те лекарства, которые ему прописывали от высокого давления, складывал в ящик, предпочитая пользоваться йодными каплями — распространенным в России народным средством — и

посещать сибирскую парную баню, которой он приписывал чудодейственные свойства.

Ноймайр А. С. 416

Наверное, в связи с болезнью он дважды, после 19-го съезда (октябрь 1952), заявлял в ЦК о своем желании уйти в отставку. Этот факт хорошо известен составу ЦК, избранному на 19-м съезде...

Аллилуева С. С. 182

Лекарства, прописанные врачами, Сталин предпочитал регулярно забрасывать в ящик стола. Когда ему почему-либо приходила в голову такая мысль, он извлекал лекарства из ящика и принимал их.

Многолетняя гипертония, которую лечили совершенно непригодными средствами, в сочетании с хроническим злоупотреблением никотином не могла не привести к необратимому поражению всей сосудистой системы. В клиническом отношении в последние годы жизни Сталина наибольшее значение приобрел атеросклероз сосудов головного мозга. Хрущев писал, что в последние годы жизни Сталин все чаще обращался к воспоминаниям детства и пытался связать их с событиями последнего времени, что является характерным симптомом цереброваскулярного заболевания. Типичными для подобных сосудистых изменений мозга являются также нарушения способности к запоминанию и провалы памяти, на которые Сталин жаловался в пожилом возрасте. Сюда же следует отнести

нескладную речь с тяжеловесной моторикой, на что обратили внимание все присутствовавшие на XIX съезде партии.

Ноймайр А. *С. 445–446, 449*

После XIX съезда партии в 1952 году на Пленуме ЦК партии Сталин выступил с предложением освободить его от работы в ЦК и Совете Министров по состоянию здоровья. Решение же было принято только об освобождении его от обязанностей наркома Вооруженных Сил.

Кузнецов Н. *С. 412*

Действительно, к этому времени атеросклероз сосудов мозга зашел довольно далеко, проявлениями чего бывали галлюцинации и расстройство речи. По-видимому, именно по этой причине он лишь дважды очень коротко выступил на съезде при открытии съезда и на заключительном его заседании. Но даже после десятиминутного выступления всем делегатам стало ясно, что его речь затруднена и беспомощна.

Ноймайр А. *С. 431*

В последние годы отец перечитывал Горького, но говорил о нем с раздражением. А давно, когда хотел польстить Горькому, собственноручно написал на его сказке «Девушка и смерть»: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете. И. Сталин».

Не знаю, польстило ли Горькому такое превознесение его малоудачной небольшой поэмы, но

могу с уверенностью сказать, что ничто в искусстве не было дальше от понимания моего отца, чем романтическое воспевание женщины и любви. Аллилуева С. С. 19

Столь неоправданный панегирик непритязательной сказке только самые догматичные горьковеды могли принимать всерьез. Но принимал ли его всерьез Горький? Вот что рассказывает, по семейным преданиям, сын близкого к автору поэмы писателя Всеволода Иванова Вячеслав Иванов. За неделю до отъезда Горького в Италию у него в гостях были Сталин и Ворошилов. Они «написали свою резолюцию на его сказке «Девушка и смерть». Мой отец, говоривший об этом эпизоде с Горьким, утверждал решительно, что Горький был оскорблен. Сталин и Ворошилов были пьяны и валяли дурака».

Громов Е. С. 93

Ему было уже семьдесят два года, но он очень бодро ходил своей стремительной походкой по парку, а за ним, отдуваясь, ковыляли толстые генералы охраны. Иногда он менял направление, поворачивался кругом, — натыкался прямо на них, — тут его взрывало от злости и, найдя любой маленький повод, он распекал первого попавшегося под руку...

Аллилуева С. С. 177

Зато вот другой пример. Был погожий сентябрьский полдень. Море спокойно катило бирюзовые волны. По их

глади прыгали солнечные зайчики. На открытом месте жарился на посту Антонов. Я же стоял несколько дальше, под развесистым деревом, которое надежно укрывало от раскаленного солнца и вероятного дождя. Вдруг возникла грозовая туча. В темноте обрушился шквальный ливень. Огненные стрелы молний падали в кипящую морскую пучину. Эхо громовых раскатов с оглушительным грохотом разносилось по ущельям. Однако часовой обязан стоять на посту при любых обстоятельствах. Сталин в это время видел в окно, как полоскало Антонова. После грозы он вышел в сопровождении комиссара Богданова. По инструкции часовой не должен был попадать на глаза Сталину. Антонов тут же так сиганул в кусты, что уронил на дорожку плащ. Сталин подошел к нему, спросив:

— Где часовой? Позовите его.

Антонов подбежал, вытянувшись в струнку, отчеканил:

— Слушаю вас, товарищ Сталин!

— А здорово вы промокли... Я все видел.

— Ничего, товарищ Сталин, скоро одежда подсохнет.

— Почему тут нет грибка для часового? — обратился Сталин к Богданову. — Вас бы поставить под ливень, чтобы все почувствовали на собственной спине. Через два часа поставить гриб.

В назначенное время он явился с проверкой. Увидев новенький гриб, ворчливо заключил:

— Любой вопрос, даже самый простой, приходится всем миром решать. А ведь это прямая обязанность Богданова.

— Спасибо, товарищ Сталин, за отеческую заботу о нас! — от всей души поблагодарил его Альтшулер, сменивший Антонова.

Рыбин А. С. 9

Однажды, во время летнего отдыха, один из сотрудников, охранявших территорию дачи, где отдыхал т. Сталин, заснул на посту. В его оправдание надо заметить, что сотрудников охраны у меня было всего девять человек, а территория была большая, вся в зарослях, и люди, конечно, уставали. Тов. Сталину доложили об этом, он вызвал меня и спросил, какие были приняты меры в отношении этого сотрудника. Я ответил, что хочу снять его с работы и отправить в Москву.

И. В. поинтересовался, сознался ли он в том, что заснул на посту. Я ответил, что сознался.

— Ну, раз сознался, не наказывай его, пусть работает, — сказал И. В.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 114

Тогда телевизоров еще не имелось. Мы, сотрудники охраны, для развлечения проводили вечера самодеятельности. Я читал поэму Багрицкого «Дума про Опанаса», Пантюшин играл на гармошке. Иногда нас посещал Сталин. Хлопал жидко, но все же благодарил за инициативу. Особенно ему нравилась русская пляска,

которую мастерски, с различными коленцами, исполнял Макшеев. Еще более искрометно он откалывал цыганскую пляску. Однажды Власик неожиданно для всех запретил Пантюшину играть. Музыка не звучала целую неделю. Мертвая тишина уже давила на перепонки. Сталин удивился:

— Ваш гармонист что, уехал в Москву?

— Я думал, гармошка мешает вам работать, — признался Власик.

— Нет, я с удовольствием слушаю русские песни и старинные вальсы. Пусть гармонист не стесняется.

Так Пантюшин к всеобщей радости вновь стал играть на балконе общежития.

Рыбин А. С. 9

В издательстве «Советская Россия» мне довелось работать с женщиной, которая в свое время служила экономкой на сталинской даче на Холодной речке. После смерти Сталина его прислугу распределили по семьям членов Политбюро.

«Сталин был очень прост в обращении, — говорила она, — много проще других, с кем пришлось сталкиваться. Он очень хорошо к людям относился».

Чуев Ф. С. 311

Бывший школьный учитель Сталина прислал ему письмо с просьбой дать ему взаймы от государства пять тысяч рублей на постройку дома. От Сталина пришел пакет, на котором было написано: «Народному учителю».

Тогда еще не было такого звания, но этого учителя стали называть только так.

В письме Сталин ответил, что у нас нет закона, по которому государство могло бы дать займы такие деньги. «Обычно я не беру гонораров за свои произведения, а сейчас взял и посылаю Вам три тысячи. Больше у меня нет, к сожалению. Но я позвоню Первому секретарю вашей партии Берии, чтобы он нашел возможность предоставить Вам недостающие две тысячи».

— Не мог сразу ко мне обратиться! — сказал Берия.

Домик построили...

Чуев Ф. С. 548

(Сталин посетил крейсер «Киров». — *Е. Г.*). Тов. Сталин под несмолкаемое приветствие «ура!» всего экипажа обошел крейсер. Радостными и восторженными были лица матросов. Согласившись на просьбу адмирала Юмашева сфотографироваться вместе с личным составом крейсера, т. Сталин подозвал меня. Я попал, можно сказать, в фотокорреспонденты. Снимал я уже немало, и т. Сталин видел мои снимки. Но, несмотря на это, я очень волновался, так как не был уверен в пленке. Тов. Сталин видел мое состояние и, как всегда, проявил чуткость.

Когда я закончил снимать, сделав для гарантии несколько фотографий, он подозвал сотрудника из охраны и сказал: «Власик так старался, а его никто не снял. Вот вы сфотографируйте его вместе с нами». Я передал фотоаппарат сотруднику, объяснив все, что было необходимо, и он тоже сделал несколько снимков.

Фотографии получились очень удачные и были перепечатаны во многих газетах.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 108–109

В поездках Сталина часто сопровождал охранник Туков. Он сидел на переднем сиденье рядом с шофером и имел обыкновение в пути засыпать. Кто-то из членов Политбюро, ехавший со Сталиным на заднем сиденье, заметил:

— Товарищ Сталин, я не пойму, кто из вас кого охраняет?

— Это что, — ответил Иосиф Виссарионович, — он еще мне свой пистолет в плащ сунул — возьмите, мол, на всякий случай!

Чуев Ф. С. 544

Однажды по дороге из Москвы он явно настроился принять ванну. Взяв белье, пошел туда. Трудно представить, как поворачивал вентили, но воды не было. Никакой. Вернулся, сердито сказав:

— Вас приставили смотреть за исправностью ванны.

Бросил на стол белье, мочалку с мылом и ушел. Охранник Соловов кинулся к вентилям. Вода вовсю хлестнула из кранов. Соловов с радостью доложил об этом. Однако, прогуливаясь по террасе, Сталин уже передумал мыться. Но чувство вины за нелепый казус осталось. Этак с подходцем спросил:

— Хозяин, как вы думаете, вот эта старая сосна не может в бурю обрушиться на нашу хату?

— Давайте на всякий случай спилим ее, — предложил Соловов.

— А как? Ведь ее все равно потянет на хату.

— Распилим по частям. Сначала снимем на веревках макушку, потом — середину. И все обойдется.

— Правильно. Так и сделайте.

Соловов пошел за рабочими. Но через полчаса Сталин признался:

— Хозяин, я передумал дерево спиливать. Оно, пожалуй, еще нас переживет.

Вот как он повинулся сразу за две свои оплошности, тут же исправив их...

Рыбин А. С. 75

Однажды Сталину стало скучно на даче. Да и от работы, видимо, устал. Позвал часового выпить с ним по рюмочке. Тот сказал:

— Товарищ Сталин, я же на службе.

— А я тут х.. валяю? — обиделся Сталин.

*Случай, рассказанный автору В. Лазуткиным,
министром Гостелерадио в правительстве В.
Черномырдина.*

Никогда не кричал, не шумел на нас. Был скромным, вежливым, обходительным. Любил пошутить. Всегда питался с нами, по существу, из одного котла.

Обязательно интересовался нашими домашними заботами. Узнав, что Туков живет с женой и больной дочкой в одной комнате и потому не высыпается, — помог ему получить квартиру. Словом, все мы постоянно видели перед собой честного, душевного человека, который резко отличался от многих членов Политбюро и правительства.

Рыбин А. С. 47

— Она [Светлана] пишет, что отца любили все — прислуга, охрана. Он был прост в обращении, ничего не требовал особенного от прислуги, всегда выполнял просьбы, помогал...

— Это да, это правильно, — соглашается Молотов. — Лимонник завел на даче. Большой лимонник, специально здание большое отведенное... А чтобы он копался там, я этого не видел. Все: ох! ах! ох! А я, по совести говоря, меньше других охал и ахал, по мне — на кой черт ему этот лимонник! Лимонник в Москве! Какая польза, какой интерес от него, я не понимаю? Как будто опыты какие-то проводил. Во-первых, тогда надо знать дело. А пользоваться какими-то методами — зачем? Отдых. Предложил: «Давайте построим второй этаж на даче». Я там никогда не бывал, там Светлана, по-моему, жила или бывала. На кой это черт...

(Про лимонник мне рассказывал Акакий Иванович Мгеладзе, бывший Первый секретарь ЦК Грузии. Его Сталин пригласил к себе на дачу, отрезал кусочек лимона, угостил. «Хороший лимон?» — «Хороший, товарищ Сталин». — «Сам выращивал».)

Погуляли, поговорили. Сталин снова отрезает дольку: «На, еще попробуй». Приходится есть, хвалить. «Сам вырастил, и где — в Москве!» — говорит Сталин. Еще походили, он опять угощает: «Смотри, даже в Москве растет!»

Когда Мгеладзе уже стало неважно жевать этот лимон, его осенило: «Товарищ Сталин, обязуюсь, что Грузия будет обеспечивать лимонами всю страну!» И назвал срок. «Наконец-то додумался!» — сказал Сталин.)

Чуев Ф. С. 305

Зимой Сталин вышел из дома в тулупе и подшитых валенках, погулял, покурил и спросил у Мельникова.

- По сколько часов стоите на посту?
- По три через шесть, товарищ Сталин.
- На какой срок получаете обмундирование?
- На год, товарищ Сталин.
- А сколько получаете зарплату?
- Шестьсот рублей, товарищ Сталин.
- Не богато, не богато...

После этого разговора нам всем увеличили зарплату и дали второй комплект обмундирования. Сталин был счастлив безмерно. Ведь по сравнению с нами он считал себя богачом — имел пару шинелей, три пальто и целых четыре кителя!

Рыбин А. С. 42–43

Дочь А. Н. Поскребышева Наташа рассказала мне, как в детстве позвонила отцу на работу:

— Это папа?

— Это не папа. А что ты хочешь? Может, я помогу?

— Не получается задачка по арифметике...

И долго вдвоем со Сталиным они решали по телефону задачу про бассейн и трубы, по которым вливается и выливается вода...

Потом Наташе влетело от отца за то, что она отнимала время у самого Сталина.

Чуев Ф. С. 379

По берегам речки высились деревья с грецкими орехами, которые мы сшибали палками. Тут же была прачечная. Из любопытства я зашел туда и обратил внимание на заношенный воротник белой шелковой рубашки. Спросил:

— Чья эта такая?..

— Иосифа Виссарионовича, — сказала прачка. — Он занашивает рубашки, пока не снимут под конвоем.

Это можно было принять за неряшливость. Но потом я узнал, что Сталин экономил во всем. Его с трудом уговаривали сшить что-то новое. Например, летнее пальто. Ботинки носил до последней возможности. Другие надевать отказывался из-за больных ног. Своих детей тоже не баловал роскошью. Наверное, желая угодить, Власик дал Светлане отдельную дачу, пустующую тогда. Прознав об этом, Сталин сказал:

— Власик, не надо беззаконничать. Она кто, член Политбюро, член ЦК? Освободите дачу и дайте ей место там, где живут все.

Рыбин А. С. 8

Я был очень возбужден, когда вошел в кабинет, но стоило мне посмотреть на Сталина, как это ощущение исчезло. То, что я увидел, меня поразило. Я увидел уставшего старика. Сталин очень изменился. Его волосы сильно поредели, и хотя он всегда говорил медленно, теперь он явно произносил слова как бы через силу, а паузы между словами стали длиннее. Видимо, слухи о двух инсультах были верны: один он перенес после Ялтинской конференции, а другой — накануне семидесятилетия, в 1949 году. (Запись П. Судоплатова относится к февралю 1953 г. — *Е. Г.*)

Судоплатов П. С. 320

— Так я и говорю, что Сталин взял на себя такой груз, что, конечно, устал, ему было уже очень трудно в последние годы, когда он состарился, а главное, уже был очень утомлен, почти не лечился человек, он боялся лечиться. Для этого тоже были свои основания, потому что могли подсунуть — врагов у Сталина было достаточно. И он боялся, что через кого-нибудь ему что-нибудь подсунут либо в еду, либо в лекарство, — до крайностей доходил. В известной степени это можно понять, потому что действительно очень трудно было все это вынести на своих плечах. У него различные сомнения, видимо, возникали, а если кто-нибудь еще

подначивал это дело, не хватало терпения, воли, чтоб все это перенести. Вот его положение.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 553–554*

В последнее время он жил особенно уединенно, поездка на юг осенью 1951 года была последней. Больше он не выезжал из Москвы и почти все время находился в Кунцево, которое все перестраивали и перестраивали. В последние годы, рядом с большим домом, выстроили маленький деревянный дом, — там лучше был воздух; в комнате с камином отец часто и проводил дни. Никакой роскоши там не было, — только деревянные панели на стенах и хороший ковер на полу были дорогими.

Аллилуева С. С. 181

На наших глазах происходило снижение активности Сталина, а государственный аппарат работал все менее четко...

Кузнецов Н. С. 415

Я рассказывал и о делах — успехах и недостатках, всегда откровенно говорил о трудностях на рынке, в снабжении населения, о жалобах. До последних лет он слушал меня внимательно и ценил такую информацию, а я этим пользовался.

Потом, особенно после войны, Сталин стал раздражительным. Я же, по старой привычке, рассказывал ему все, что знал, что происходит в стране,

что народ волнуется. Говорил, что нет мяса, нет некоторых товаров и о других недостатках. Сталин стал нервничать, сердиться — почему нет? Раз он очень раздраженно стал меня допытывать, почему нет продуктов. Я ответил, как думал. Это было время, когда Маленков в Совмине ведал сельским хозяйством. Я сказал Сталину: «Пусть Маленков скажет, почему отсутствуют необходимые продукты, ему легче это сделать». Я правду говорил. Сталин посмотрел на Маленкова. Тот молчал, делая вид, что со мной спорить нечего. Сталин, видимо, понял, не стал допрашивать Маленкова, ибо тот все равно не мог ничего объяснить.

И до этого, и в данном случае Маленков или Берия наступали мне на ногу под столом, давая понять, чтобы я перестал такие откровенные вещи говорить. Я смотрел на них удивленно. Потом, когда спорил с ними, доказывая, что я прав, они мне говорили:

«А какая польза от этого? Это только раздражает Сталина. Он начинает нападать то на одного, то на другого. Ему надо говорить все то, что понравится, чтобы создать атмосферу благополучия, не портить обстановки за обедом». Я срывался еще несколько раз, но меня вновь предупреждали, и постепенно я стал говорить о делах мало и между прочим.

Микоян А. С. 354–355

Ведь ему пошел семьдесят четвертый год. Сказывалась постоянная гипертония. Раз на ходу чуть не упал от головокружения. Туков успел поддержать. Порой с трудом поднимался по лестнице на второй этаж в свой

кремлевский кабинет. И как-то невольно пожаловался Орлову:

— Чертова старость дает о себе знать...

Рыбин А. *С. 43*

Сейчас иной раз удивляешься, почему в последние годы множество правительственных постановлений и президентских указов попросту игнорируется аппаратом. Такая ситуация была абсолютно немыслима в сталинское время.

Бережков В. *С. 231*

Но вот настали времена, когда существовали только умелые отписки. Отправление бумаг в адрес какого-нибудь министра формально снимало ответственность с одного и не накладывало на другого, и все затихало «до лучших времен». Все понимали, что происходит что-то ненормальное в государстве. Образовался какой-то «центростоп», по выражению самого Сталина, но изменить это положение никто не брался и не и не мог.

Кузнецов Н. *С. 413*

В последние годы жизни Сталин подолгу слушал 28-й концерт Моцарта, — разговор души самой с собой.

Душе Иосифа Виссарионовича было о чем с собой поговорить, и она исповедовалась.

Красиков С. *С. 515*

— Ну, склероз, это у всех в разной степени к старости... Но у него было заметно, что он очень нервно настроен. Подозревает всех.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 362

Помню, как Сталин отдыхал в последний раз в Новом Афоне. Это был 1951 г. (знаю это, потому что в 1952 г. он в отпуск не ездил, а раз Сталин не поехал, то и из руководства тоже никто не ездил в отпуск, а в 1953 г. он умер, следовательно, то был 1951 г.). Он пригласил меня, как часто случалось и раньше, к себе. Я тогда отдыхал, кажется, в Сочи, оттуда приехал к нему в Новый Афон, и мы затем отдыхали вместе. Потом он позвонил Микояну, который отдыхал в Сухуми. Тот тоже приехал. Так мы вдвоем и жили у Сталина. Не помню, сколько дней мы там прожили, но долго. Однажды, еще до обеда, Сталин поднялся, оделся и вышел из дома. Мы присоединились к нему и стояли втроем перед домом. И вдруг, без всякого повода, Сталин пристально так посмотрел на меня и говорит: «Пропавший я человек. Никому не верю. Сам себе не верю». Когда он это сказал, мы буквально онемели. Ни я, ни Микоян ничего не смогли промолвить в ответ. Сталин тоже нам больше ничего не сказал. Постояли мы и затем повели обычный разговор.

Я потом все время не мог мысленно отвязаться от этих слов. Зачем он это сказал? Да, все мы на протяжении длительного времени видели его недоверие к людям. Но когда он так категорично заявил, что никому

и даже сам себе не верит, это показалось ужасным. Можете себе представить? Человек, занимающий столь высокий пост, решающий судьбы всей страны, влияющий на судьбы мира, — и делает такое заявление? Если вдуматься, если проанализировать под этим углом зрения все зло, содеянное Сталиным, то станет понятно, что он действительно никогда и никому не верил. Но тут есть и иная сторона дела. Одна — не верить, это его, так сказать, право. Конечно, это создает тяжелое душевное состояние у человека, имеющего такой характер. Но другое, когда человек, который никому не верит, обладает характером, толкающим его поэтому на уничтожение всех тех, кому он не верит.

Вот почему в его окружении все были временными людьми. Покамест он им в какой-то степени еще доверял, они физически существовали и работали. А когда переставал верить, то начинал «присматриваться». И вот чаша недоверия в отношении того или другого из людей, которые вместе с ним работали, переполнялась, приходила их печальная очередь, и они следовали за теми, которых уже не было в живых. Собственно, так и случилось раз от разу с теми, кто работал рядом с ним и вместе боролся в рядах партии над ее сплочением. Потом почти все эти люди были уничтожены. Возьмем, к примеру, того же Каменева... Не знаю, какие в ранние годы были у Сталина отношения с Троцким. Ленин в предсмертной записке упомянул, что в партии два самых выдающихся человека — Троцкий и Сталин. И тут же Ленин написал об отрицательных чертах Сталина.

Хрущев Н. *Т. 2. С. 76–77*

— И еще одна деталь. Он [Хрущев] пишет, что 17 февраля 1953 года Сталин принял посла Индии К. Менона. Рисовал на листках блокнота волков: «Крестьяне поступают мудро, убивая бешеных волков!» Вроде бы он имел в виду некоторых членов Политбюро.

— Рисовал для забавы, — ответил Молотов.

Чуев Ф. С. 401

В самое последнее время обычными лицами были: Берия, Маленков, Булганин и Микоян. Появлялся и Хрущев. С 1949-го года, после ареста его жены, Молотов был фактически не у дел, и его даже в дни болезни отца не позвали. Надо сказать, что в это самое последнее время даже давнишние приближенные отца были в опале: неизменный Власик сел в тюрьму зимой 1952 года, и тогда же был отстранен его личный секретарь Поскребышев, служивший ему около 20-ти лет.

Аллилуева С. С. 181

В то время, о котором я пишу, Сталин получал зарплату тысячу рублей в месяц. Один из дюжины его секретарей получал за него деньги и распоряжался ими. Первого числа каждого месяца комендант Кремля направлял Сталину небольшой счет за квартиру и такой же небольшой счет за питание. Когда Хозяин уезжал в отпуск на Кавказ, его секретарь оплачивал стоимость обычной путевки в доме отдыха. Кроме того, три процента зарплаты уходило на партийные взносы. Как член правительства Сталин имел право на бесплатный проезд по железной дороге. Личных автомобилей у него не было. У него практически не было никакого личного

имущества. Не было ни чековой книжки, ни кошелька. Как Микадо или Далай Лама, Сталин никогда не прикасался к деньгам. Но это совсем не значит, что он жил экономно, это означает, что он жил без всякого отчета о том, во что могут обойтись любые его капризы.

Бармин А. С. 315

Вся его зарплата ежемесячно складывалась в пакетах у него на столе. Я не знаю, была ли у него сберегательная книжка, — наверное нет. Денег он сам не тратил, их некуда и не на что было ему тратить. Весь его быт, дачи, дома, прислуга, питание, одежда, — все это оплачивалось государством, для чего существовало специальное управление где-то в системе МГБ, а там — своя бухгалтерия, и неизвестно сколько они тратили... Он и сам этого не знал. Иногда он набрасывался на своих комендантов и генералов из охраны, на Власика, с бранью — «Дармоеды! Наживаетесь здесь, знаю я, сколько денег у вас сквозь сито протекает!» Но он ничего не знал, он только интуитивно чувствовал, что улетают огромные средства... Он пытался как-то провести ревизию своему хозяйству, но из этого ничего не вышло — ему подсунули какие-то выдуманные цифры. Он пришел в ярость, но так ничего и не мог узнать. При своей всевластности он был бессилён, беспомощен против ужасающей системы, выросшей вокруг него как гигантские соты, — он не мог ни сломать ее, ни хотя бы проконтролировать...

Аллилуева С. С. 184

В конце жизни Сталин решил проверить, во что обходится государству его содержание. Посмотрел счета и ужаснулся:

— Это что? Я столько съел и выпил, столько износил обуви и костюмов?

Итогом этой проверки стало снятие верного помощника — Поскребышева, а начальник охраны генерал Власик угодил за решетку... Погуляли ребята...

А. Сергеев.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 61*

Отстранив из-за жены самого Молотова, посадив начальника охраны Власика и выгнав своего помощника Поскребышева, Сталин фактически остался одинок.

Когда забирали генерала Власика, рассказывала его дочь, он сказал:

— Все. Сталину недолго осталось.

Чуев Ф. С. 196

— Некоторые считают, что Сталина убил Берия. Я думаю, это не исключено. Потому что на кого Сталин мог опереться, если мне не доверял и видел, что другие не особенно твердо стоят?

— Западные радиостанции подробно рассказывали о «деле врачей», что суд над ними должен был состояться пятого марта, и как раз в этот день умирает Сталин. Прозрачный намек, что его умертвили.

— Возможно. Не исключено, конечно. Берия был коварный, ненадежный. Да просто за свою шкуру он мог.

Тут клубок очень запутанный. Я тоже держусь такого мнения, что Сталин умер не своей смертью. Ничем особенно не болел. Работал все время... Живой был, и очень.

— Авторханов пишет, что Берия, Маленков и Хрущев сначала хотели Сталина изолировать, отвезти его на Соловки...

— Ерунда. Это мало похоже на правду.

— Хрущев сказал Гарриману свою версию смерти Сталина. Сталин пригласил «четверку» к себе на дачу. В субботу было застолье, а в воскресенье он не позвонил. В понедельник начальник охраны сообщил о его болезни. «Четверка» приехала на дачу, но они не стали вызывать врачей, отказались видеться с больным и разъехались по домам. Врачей вызвали только тогда, когда стало ясно, что он в безнадежном состоянии. Врачи опоздали якобы из-за гололедицы на дорогах.

Хрущев в выступлении по радио 19 июля 1964 года сказал: «В истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли от топора так же, как сами свою власть поддерживали топором». Приводит версии И. Г. Эренбурга и П. К. Пономаренко, которые во многом совпадают. В конце февраля Сталин собрал заседание Президиума ЦК по вопросу о «деле врачей» и о депортации советских евреев в отдельную зону СССР. Предложения Сталина не были поддержаны, после чего он упал без сознания. Берия там отмалчивался, а потом тоже отошел от Сталина.

— Что Берия причастен к этому делу, я допускаю. Он откровенно сыграл очень коварную роль.

Из беседы Ф. Чуева с В. Молотовым.

Цит. по: Чуев Ф. С. 353, 395

Итак, лечащий врач Сталина был посажен под арест и полностью от него изолирован. Берия, создав «дело врачей», таким образом шел прямой наводкой к своей цели — укоротить жизнь Сталина, поставить его здоровье под угрозу и тем самым простимулировать летальный исход.

Одновременно с «делом врачей» произошел еще ряд событий, которые выстраиваются в одну цепочку. Был арестован генерал Н. С. Власик, начальник личной охраны И. В. Сталина. В тот же год отстранен от обязанностей секретаря А. Н. Поскребышев. Совпадения? За этим также прячутся длинные руки Берия.

Аллилуева С. С. 233

Внутренняя борьба за власть в период с 1948 по 1952 год вызвала новую волну антисемитизма — возникло «дело врачей». Хотя оно и было частью антисемитской кампании, одними евреями не ограничились. Скорее «дело врачей» явилось продолжением борьбы, в которой сводились старые счеты в руководстве страны. Сталин с помощью Маленкова и Хрущева хотел провести «чистку» в рядах старой гвардии и отстранить от власти Берия. Главными фигурами в пресловутом «деле врачей» должны были стать Молотов, Ворошилов и Микоян, эти последние из могикан в сталинском Политбюро. Однако вся правда в отношении «дела врачей» так никогда и не была обнародована, даже в период горбачевской гласности.

Причина в том, что речь шла о грязной борьбе за власть, развернувшейся в Кремле перед смертью Сталина и захватившей, по существу, все руководство.

Судоплатов П. С. 307

В Праге совершенно неожиданно для всех осенью 1952 года был арестован секретарь партии, иудей Рудольф Сланский. Вместе с ним была арестована и группа других видных иудеев. Судили их молниеносно. Одиннадцать из осужденных были иудеями. Они были приговорены к смерти и немедленно расстреляны. Среди расстрелянных был и сам Сланский. Процесс был начат Готвальдом, другом Сталина. Без всякого сомнения, с согласия Сталина и по его указанию проводился весь процесс, вплоть до экзекуции.

Настоящее имя Сланского было Зальнман. Впервые за все время существования коммунизма было официально объявлено, что «сионисты и правительство Израиля являются агентами американского империализма». Эта акция была открытым объявлением войны мировому иудейству. Сталин поддержал Готвальда и немедленно начал «Процесс иудейских докторов».

Дичев Т. Зловещий заговор. Ургенч, 1992. С. 69

Принято считать, что «дело врачей» началось с истерического письма Сталину, в котором врачи-евреи обвинялись в вынашивании планов умерщвления руководителей страны с помощью неправильных методов лечения и ядов. Автором письма была приобретающая скандальную известность Лидия Тимашук, врач кремлевской поликлиники. Письмо Тимашук, однако,

было послано Сталину не в 1952 году, накануне арестов врачей, а в августе 1948 года. В нем утверждалось, что академик Виноградов неправильно лечил Жданова и других руководителей, в результате чего Жданов умер.

Судоплатов П. С. 307

Однажды едем в машине. Сталин говорит: «Что делать? Умерли один за другим Жданов, Димитров, Чойбалсан, а ранее — Менжинский, Горький... Не может такого быть, чтобы так внезапно умирали государственные деятели! Видимо, надо заменить старых кремлевских врачей и подобрать молодых». Я сказал: «Товарищ Сталин, старые врачи имеют большую врачебную практику, а молодые — одна зелень, без опыта». Сталин:

«Нет, надо заменить... поступают сообщения об отравлении лекарствами соратников, из кремлевской больницы. НКВД настаивает на аресте некоторых старых врачей, лечивших Димитрова, Жданова и других».

В. Туков (сотрудник для поручений Сталина).

Цит. по: *Грибанов С. С. 59–60*

«Дело врачей» происходило в последнюю зиму его жизни. Валентина Васильевна рассказывала мне позже, что отец был очень огорчен оборотом событий. Она слышала, как это обсуждалось за столом, во время обеда. Она подавала на стол, как всегда. Отец говорил, что не верит в их «нечестность», что этого не может быть, — ведь «доказательством» служили доносы доктора

Тимашук, — все присутствующие, как обычно в таких случаях, лишь молчали...

Аллилуева С. С. 182–183

На самом деле все обстояло иначе. Письмо Тимашук, адресованное не Сталину, а начальнику управления охраны МГБ Н. Власику, было написано 29 августа 1948 года. Оно касалось диагноза, поставленного Жданову, и было вполне обоснованным, учитывая то, что Жданов был тогда еще жив. История этого письма была очень простой. 28 августа 1948 года у Жданова, отдохавшего в санатории ЦК ВКП(б) на Валдае, произошел сердечный приступ. Ранее, в конце 1941 года, у Жданова был инфаркт, и его проблемы с сердцем не были новыми. Тимашук была срочно вызвана из Москвы для снятия кардиограммы и установления диагноза. Предварительный диагноз, поставленный другими врачами, определил лишь «сердечную недостаточность».

Медведев Ж., Медведев Р. С. 32

Известно, что главный идеолог партии страдал от тяжелого атеросклеротического изменения сосудов сердца. Вследствие постоянно нараставших стрессов, которые Жданов пытался снять, прибегая к алкоголю, болезнь стала прогрессировать с осени 1947 года (тогда он прошел неудачный курс лечения в Сочи) и резко обострилась летом 1948-го, после того как ему пришлось уступить пост второго секретаря ЦК Маленкову. 13 июля, расстроенный происшедшим, Жданов сначала отправился отдыхать на юг, но поскольку там стояла невыносимая жара, его вскоре перевезли в среднюю полосу России, на

Валдай, в санаторий «Долгие бороды». За лечебными процедурами и пешими прогулками проходили дни, и Жданов начал постепенно успокаиваться, что положительно сказалось на его самочувствии. Однако 23 июля ему позвонил заведующий Агитпропом Шепилов (осознавший, что фортуна изменила его бывшему покровителю и старавшийся прибиться к лагерю победившего Маленкова), и между ними состоялась продолжительная беседа. По свидетельству медицинского персонала, разговор был явно неприятен Жданову, он что-то кричал в трубку в состоянии крайнего эмоционального возбуждения. А ночью у него случился тяжелый сердечный приступ. Однако прибывшие 25 июля из Москвы профессора Кремлевской больницы В. Н. Виноградов, В. Х. Василенко и П. И. Егоров в присутствии лечащего доктора Г. И. Майорова и врача-диагноста С. Е. Карпай констатировали, что ничего экстраординарного не произошло и у больного имел место острый приступ сердечной астмы. Причем основной причиной недомогания был назван застарелый кардиосклероз. После чего авторитетная комиссия отбыла восвояси, не внося никаких особенных изменений в ранее назначенное лечение.

Костырченко Г. С. 638–639

Электрокардиограмма, сделанная Тимашук, объективно указывала на обширный инфаркт и определяла его локализацию. Этот диагноз предполагал строгий постельный режим. Однако главные врачи — начальник Лечебно-санаторного управления Кремля П. И. Егоров, главный кардиолог В. Н. Виноградов, профессор

В. Х. Василенко и лечащий врач Жданова Г. И. Майоров отказались признать диагноз Тимашук и изменить режим больного, разрешавший его прогулки, посещение кино и т. д. Тимашук писала, что ее диагноз обоснован, прилагала копию электрокардиограммы для нового консилиума и предупреждала, что без постельного режима «исход может быть трагическим». Диагноз Тимашук не был зафиксирован в истории болезни. Через два дня, 31 августа 1948 года, встав с кровати для посещения туалета, Жданов умер. Результаты вскрытия подтвердили диагноз Тимашук, но не были включены в официальное коммюнике о болезни и смерти Жданова. Тимашук в этом медицинском конфликте была безусловно права. Другие врачи совершили ошибку. Никаких «немедленных заключений» Сталин не делал, и неизвестно даже, знал ли он в 1948 году о письме Тимашук или нет.

Медведев Ж., Медведев Р. С. 32

Тогда реакция Сталина выразилась в презрительном «чепуха», и письмо пошло в архив. Там оно и оставалось без всякого движения в течение трех лет, пока его не извлекли в конце 1951 года.

Судоплатов П. С. 307

В некоторых исследованиях «дела врачей» утверждается, что Власик был смещен в 1952 году именно за «сокрытие письма Тимашук». Все врачи, о которых пишет Тимашук, были русскими. Никакой «сионистский заговор» на основании этого письма не просматривался.

Медведев Ж., Медведев Р. С. 32

Все видели, что Сталин относился к Жданову с особым теплом. Поэтому после похорон устроил на даче поминки. Уезжая вечером домой, Молотов наказал Старостину:

— Если Сталин соберется ночью поливать цветы, не выпускай его из дома. Он может простыть.

Да, уже сказывались годы. Сталин легко простужался, частенько болел ангиной. Поэтому Старостин загнал ключ в скважину так, чтобы Сталин не мог открыть дверь. Впустую прокряхтев около нее, Сталин попросил:

— Откройте дверь.

— На улице дождь. Вы можете простыть, заболеть, — возразил Старостин.

— Повторяю: откройте дверь!

— Товарищ Сталин, открыть вам дверь не могу.

— Скажите вашему министру, чтобы он вас откомандировал! — вспылил Сталин. — Вы мне больше не нужны.

— Есть! — козырнул Старостин, однако с места не двинулся. Возмущенно пошумев, что его, Генералиссимуса, не слушается какой-то охранник, Сталин ушел спать. Утром Старостин обреченно понес в машину свои вещи. Тут его вызвали к Сталину, который миролюбиво предложил:

— О чем вчера говорили — забудьте. Я не говорил, вы не слышали. Отдыхайте и приходите на работу.

Очередной фиктивный «заговор» как раз и породила болезнь Жданова, в борьбе с которой номенклатурная медицина, на ее несчастье, продемонстрировала свою неэффективность. Несмотря на тяжесть заболевания, требовавшего постоянного контроля, в течение трех недель, начиная с 7 августа, у секретаря ЦК не снимались электрокардиограммы. Лечащий врач Майоров вместо того, чтобы организовать правильный уход и надлежащее лечение, передоверил все медицинской сестре, а сам часами занимался рыбной ловлей. В итоге 27 августа Жданову опять стало плохо. На следующий день на Валдай вновь вылетели профессора Егоров, Виноградов и Василенко, захватившие с собой на сей раз для снятия электрокардиограммы Тимашук (вместо врача Карпай, которая находилась в это время в отпуске). Проведя обследование, Тимашук установила «инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки». Но ее мнение, противоречившее точке зрения профессоров-консультантов, последние сочли ошибочным и настояли на том, чтобы она переписала свое заключение в соответствии с ранее поставленным ими диагнозом: «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни». Однако 29 августа у Жданова, которому Егоров и лечащий врач разрешили вставать с постели, гулять в парке и смотреть кино, вновь случился сердечный приступ. Тогда Тимашук, страшась ответственности, которую могли возложить на нее в случае смерти Жданова, потребовала установления для больного строгого постельного режима.

Одновременно она решила сообщить о своем первоначальном диагнозе начальнику главного управления охраны МГБ СССР Н. С. Власику, что и сделала, передав ему письмо через личного охранника Жданова А.М. Белова. Заключение Тимашук вместе с приложенными к нему листками кардиографии попало к Абакумову, и тот его вручил 30 августа Сталину. А на следующий день Жданов умер.

Костырченко Г. С. 639–640

«Все же необходимо признать, что у А. А. Жданова имелся инфаркт, и отрицание его мною, профессорами Василенко, Егоровым, докторами Майоровым и Карпай было с нашей стороны ошибкой. При этом злого умысла в постановке диагноза и метода лечения у нас не было».

Проф. В. Виноградов — Л. Берии. 27 марта 1953 г.

Таким образом, сведения, сообщенные Тимашук следствию летом 1952 года о болезни и лечении Жданова, носили достаточно квалифицированный и в значительной мере обоснованный характер, что подтвердило данное 29 августа главным терапевтом Минздрава СССР профессором П. Е. Лукомским заключение, повторившее диагноз Тимашук.

Костырченко Г. С. 642

Приведем выдержку из статьи Уайта, напечатанную в «Ридерс Дайджест» в июне 1962 года:

«13 января 1953 года произошел самый страшный удар. Заголовки газет вопили, что девять выдающихся

московских докторов (большинство из них иудеи) сознались в том, что они занимались отравлением своих пациентов в Кремле по заданию Американско-иудейского Объединенного Распределительного Комитета, работая в пользу всемирного иудейского заговора».

В течение 3 месяцев было арестовано бесчисленное количество иудеев. Потом милостиво умер Сталин 5-го марта 1953 года. Нетрудно догадаться, кто устроил этот «акт милосердия».

Дичев Т. С. 69–70

После того как Берия удалось добиться ареста профессоров, Тимашук была награждена, как разоблачившая врагов народа, но вскоре она погибла в автомобильной катастрофе.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 45

И если у Сталина были пороки во взглядах на дела, в его отношении к людям, то развитию этих пороков значительно способствовало поведение Булганина. Подтверждением того, что это было так, является наш разговор со Сталиным по поводу смерти в 1947 г. генерал-полковника В. В. Глаголева. Сталин утверждал, что генерал-полковник Глаголев отравлен врачами. Я пытался возразить ему, ссылаясь на то, кому нужен Глаголев, не имевший большого государственного значения ни как генерал, ни как общественный деятель. Да и не такой уж он большой командир, чтобы врачи,

рискуя всем, могли сосредоточить свое внимание на Глаголеве и отравить его.

Присутствующий при этом разговоре Булганин, ни одним словом не возразил против такой точки зрения Сталина, может быть, и болезненной. Он тут же заявил, что он поручил маршалу А. М. Василевскому назначить комиссию и проверить путем вскрытия трупа Глаголева, что с ним произошло. А после, отведя меня в сторону, сказал, что не нужно спорить по этим вопросам со Сталиным.

А. Хрулев.

Цит. по: *Куманев Г. С. 367*

Так называемое «дело врачей», в котором группа медиков обвинялась в заговоре с целью убийства руководящих коммунистов, было, судя по всему, придумано Сталиным для того, чтобы устроить новую чистку. Многие наблюдатели полагали, что люди, окружавшие Сталина, из страха погибнуть в новой массовой чистке, сами прикончили старика. Мне это всегда казалось сомнительным. В одной из бесед Хрущев изложил мне свою версию смерти Сталина. Позже по моей просьбе он разрешил мне опубликовать ее. Как рассказывал Хрущев, в последние годы жизни Сталин стал еще более недоверчивым, деспотичным и жестоким, чем во время войны, когда я с ним познакомился: «Он не доверял никому, и никто из нас не доверял ему. Он даже не поручал нам работы, с которой не мог справиться сам. Нам было очень трудно с ним. Однажды вечером в субботу он пригласил нас на ужин на загородную дачу, — продолжал Хрущев. — Сталин был в хорошем настроении. Это был веселый вечер, и все мы были

довольны. Затем мы поехали домой. По воскресеньям Сталин имел обыкновение звонить каждому из нас, чтобы поговорить о работе, но в это воскресенье он не позвонил, что показалось нам странным. В понедельник он не вернулся в город, а вечером в понедельник нам позвонил начальник его охраны и сказал, что Сталин болен. Мы все — Берия, Маленков, Булганин и я — поспешили к нему за город. Он был уже без сознания. В результате кровоизлияния были парализованы рука, нога и язык. Мы три дня оставались возле него, но он не приходил в сознание. Потом он на какое-то время пришел в себя, и мы пошли в его комнату. Сестра поила его чаем с ложечки. Он пожал нам руки, слабо улыбнулся и показал здоровой рукой на картинку над кроватью, где маленькая девочка с ложечки поила барашка. Этим жестом он показал нам, что так же беспомощен, как этот барашек. Чуть позже он умер. Я плакал. Мы, в конце концов, все были его учениками и обязаны ему всем».

Я спросил, назначил ли Сталин перед смертью преемника. Хрущев ответил почти с горечью: «Он не назначил никого. Он думал, что будет жить вечно».

Гарриман А. Мир с Россией. М.: Политиздат, 1957. С. 438—439

Необходимо отметить, что до своей болезни — последние, по-видимому, три года — Сталин не обращался к врачам за медицинской помощью, во всяком случае так сказал нам начальник Лечсанупра Кремля. Несколько лет назад, живя на своей даче под Мацестой, Сталин заболел гриппом — у него был Н. А. Кипшидзе (из Тбилиси) и М. М. Шихов, работающий в Бальнеологическом институте в Сочи. Рассказывали, что

он был суров и недоверчив. В Москве он, по-видимому, избегал медицины. На его большой даче в Кунцеве не было даже аптечки с первыми необходимыми средствами: не было, между прочим, даже нитроглицерина, и если бы у него случился припадок грудной жабы, он мог бы умереть от спазма, который устраняется двумя каплями лекарства. Хоть бы сестру завели под видом горничной или врача под видом одного из полковников — все-таки человеку 72 года!

Мясников А. Кончина // Лит. газ. 1989. 1 марта

У Сталина была аптечка в одном из шкафов его кабинета. Шкаф закрывался. Хозяин не часто пользовался им — был против любых лекарств. Но врачи подобрали ему препарат, который позволял устранить последствия перенесенного инсульта. Дикумарин назывался, или крысиный яд. В определенной дозе он препятствовал свертыванию крови.

Грибанов С. С. 301–302

С каких пор у него гипертония — тоже никто не знал (и он ее никогда не лечил). Светлана, его дочь, интеллигентная и симпатичная молодая жена Ю. А. Жданова, сына Жданова (доцента-химика, заведовавшего отделом науки ЦК), рассказывала, что на ее просьбы показаться врачам «папа отвечал категорическим отказом». Тут же я вспомнил слова, сказанные Сталиным Г. Ф. Лангу, когда тот жил у больного Горького: «Врачи не умеют лечить. Вот у нас в Грузии много крепких столетних стариков, они лечатся сухим вином и надевают теплую бурку».

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

Начиная с того памятного вечера в конце декабря, когда Сталину исполнилось 73 года, стал развиваться процесс еще большего отчуждения между вождем и его соратниками. Сталин сохранил привычку к уединению и увеличил штат личной охраны. Он никого не хотел видеть, и если принимал кого-то, то лишь поодиночке и обязательно в присутствии своего личного секретаря Поскребышева.

Каган С. С. 130

Последний разговор с моим отцом произошел у меня в январе или феврале 1953 года. Он внезапно позвонил мне тогда и спросил, как обычно, без всяких обиняков: «Это ты передала мне письмо от Надирашвили?» Я ничего не передавала. И, кроме того, существовало железное правило, чтобы писем к отцу не носить и не быть «почтовым ящиком». Однако он желал знать, кто же передал ему данное письмо. «Ты знаешь его?» — «Нет, папа, я не знаю такого». — «Ладно», — и он уже повесил трубку.

Аллилуева С. С. 211

Я подошел вплотную к последним дням жизни Сталина. Наверное, начну рассказ с того последнего дня, когда мы были у еще живого Сталина. Мы потом разъехались и больше с ним здоровым не встретились. А приехали, когда были вызваны известием, что он заболел, и провели с ним последние часы его болезни.

Мы у него проводили время в последний субботний вечер, и он был в хорошем настроении, казался нам здоровым, и внешне ничто не вызывало какой-либо тревоги относительно такого конца, который наступил уже к утру. А сейчас скажу сразу, что как-то в последние недели жизни Сталина мы с Берией проходили мимо двери его столовой, и он показал мне на стол, заваленный горою нераспечатанных красных пакетов. Видно было, что к ним давно никто не притрагивался «Вот тут, наверное, и твои лежат», — сказал Берия. Уже после смерти Сталина я поинтересовался, как поступали с такими бумагами. Начальник охраны Власик ответил: «У нас был специальный человек, который потом вскрывал их, а то так оставлять неудобно, а мы отсылали содержимое обратно тем, кто присылал».

Хрущев Н. Т. 2. С. 127

И вот я у него последний раз, — но я ведь не знала, что это — последний раз. Обычное застолье, обычные лица, привычные разговоры, остроты, шутки многолетней давности. Странно — отец не курит. Странно — у него красный цвет лица, хотя он обычно всегда был бледен (очевидно, было уже сильно повышенное давление). Но он, как всегда, пьет маленькими глотками грузинское вино — слабое, легкое, ароматное.

Странно все в комнате — эти дурацкие портреты писателей на стенах, эти «Запорожцы», эти детские фотографии из журналов... А, впрочем, что странного, захотелось человеку, чтобы стены не были голыми, а повесить хоть одну из тысяч дарившихся ему картин, он не считал возможным. Правда, в углу комнаты висит в раме китайская вышивка, — яркий огромный тигр, — но

она висит там еще с довоенных времен, это уже привычно.

Аллилуева С. С. 183–184

За железным занавесом евреи всего мира отмечали веселый праздник Пурим. В Нью-Йорке, в центральной синагоге Хабада, шел праздничный фарбрэнген. Ребе говорил слова Торы. Неожиданно, без всякой связи с предыдущим, Ребе стал рассказывать историю об одном еврее, который, как-то приехав в Петербург по делам, очутился в толпе в тот момент, когда по улице проезжал царь Павел I. Народ, приветствуя царя, громко кричал «ура! ура!». Герой рассказа был простым человеком из местечка, плохо понимал русский язык и не знал, что такое «ура». Он подумал, что кричат «гу ра», означющее «он — плохой», и, дабы не выделяться из толпы, стал вместе со всеми громко кричать «гу ра! гу ра!». А через несколько дней царь Павел умер. На него было совершено покушение. «Поэтому, — предложил Ребе, — давайте и мы сегодня, как тот еврей, вместе прокричим: «гу ра!». Присутствовавшие были в полном недоумении. Какая странная история. Почему Ребе рассказал ее сейчас? Никто ничего не понимал, но Ребе просит — и тысячи хасидов и гостей, собравшихся на фарбрэнген, громко скандировали «гу ра! гу ра!..».

Сталин умер через 3 дня после Пурима. Удар случился с ним в Пурим...

Лехаим (издание Московской религиозной еврейской общины «Марьина роща»).

Цит. по: *Грибанов С. С. 27*

Делегация французских коммунистов, посетившая Москву, говорила совершенно открыто, что у Сталина был легкий удар во время приступа ярости, когда он грозил выселить всех иудеев в Биробиджан.

Дичев Т. С. 70

Профессор А. Авторханов утверждает, что против вождя возник заговор после так называемого еврейского вопроса, связанного с делом врачей. В заговоре приняла участие четверка в лице Берия, Булганина, Маленкова и Хрущева. Поздним вечером они собрались в кремлевском кабинете вождя, и Каганович потребовал особой комиссии по объективному расследованию дела врачей... Сталин возмутился; грубо осадив Лазаря ругательными словами, он попытался нажать кнопку вызова личной охраны.

Возмутился и Каганович. Изорвал в клочки удостоверение члена Президиума ЦК КПСС и швырнул клочки в лицо Сталину.

Красиков С. С. 147–148

Члены Президиума окружили письменный стол Сталина кольцом. Тот сидел, откинувшись на спинку кресла, словно защищаясь от вредоносного дыхания стоявших вокруг. Лазарь без обиняков перешел сразу к делу. Он предложил создать комиссию для расследования дела врачей, арестованных по обвинению в так называемом заговоре.

— Нет никаких подтверждений тому обвинению, которое им представлено, однако они томятся в тюрьме вот уже несколько месяцев.

Сталин, поначалу контролировавший ход разбирательства, все еще не решался назначить дату начала процесса и не сформулировал точно, что он хочет с ними сделать.

Но это была лишь часть подготовленной против него двойной атаки. Лазарь потребовал также, чтобы Сталин немедленно отменил свои распоряжения о высылке советских евреев.

Сталин был потрясен. Он привскочил и вытянулся на спинке кресла с вытаращенными глазами, не веря своим ушам. Лазарь не унимался. Он тут же поставил вопрос на голосование. Одна за другой вокруг стола медленно поднялись вверх правые руки. Только Берия и Хрущев отступили назад, не подняв рук. В таком решении они участвовать не пожелали. Лазарь с презрением посмотрел на своего давнего протеже. Низкорослый лысый человечек отвел глаза и предпочел смотреть на Сталина...

Лазарь не сдавался, упрямо стоя на своем.

— Если мы не уйдем свободно из твоего кабинета, Красная Армия займет Кремль!

Сталин метнул взгляд на Берия. Лаврентий ежился от страха в углу. Рука у него была как-то вывернута вверх, а голова болталась из стороны в сторону.

Вождь обошел стол и встал перед ним лицом к собравшимся. Он заметно вздрагивал. В уголках рта появилась пена...

Каган С. С. 130–131

Сталин вторично пытается нажать кнопку вызова личной охраны, но Микоян оттолкнул дряхлеющую руку Верховного, и со Сталиным случился припадок: он упал без сознания.

Красиков С. С. 148

СМЕРТЬ

Умер Сталин неожиданно. Хотя некоторые из нас в последний период его жизни реже бывали у него в домашних условиях, но на совещаниях, официальных заседаниях мы с удовлетворением видели, что, несмотря на усталость от войны, Сталин выглядел хорошо. Он был активен, бодр и по-прежнему вел обсуждение вопросов живо и содержательно.

Л. Каганович.

Цит. по: Чуев Ф. С. 499

В феврале 1953 г. Сталин внезапно заболел. Как это случилось? Мы все были у него в субботу. Происходило это после XIX съезда партии, когда Сталин уже

«подвесил» судьбу Микояна и Молотова. На первом же Пленуме после съезда он предложил создать вместо Политбюро Президиум ЦК партии в составе 25 человек и назвал поименно многих новых людей. Я и другие прежние члены Политбюро были удивлены, как и кем составлялся этот список? Ведь Сталин не знал этих людей, кто же ему помогал? Я и сейчас толком не знаю. Спрашивал Маленкова, но он ответил, что сам не знает. По своему положению Маленков должен был принимать участие в формировании Президиума, подборе людей и составлении списка, но не был к тому допущен. Может быть, это сделал сам Сталин? Сейчас я по некоторым признакам предполагаю, что он при подборе новых кадров воспользовался помощью Кагановича. Внутри Президиума действовало более узкое Бюро. Президиум фактически и не собирался, все вопросы решало Бюро. Это Сталин выдумал такую, совершенно неуставную форму: никакое Бюро не было предусмотрено в уставе партии.

Для чего Сталин создал Бюро Президиума? Ему было, видимо, неудобно сразу вышибать Молотова и Микояна, и он сделал расширенный Президиум, а потом выбрал Бюро узкого характера. Как он сказал, для оперативного руководства. И туда ни Молотова, ни Микояна не ввел, то есть «подвесил» их. Я убежден, что если бы Сталин прожил еще какое-то время, то катастрофой кончилась бы жизнь и Молотова, и Микояна. Вообще же сразу после XIX съезда партии Сталин повел политику изоляции Молотова и Микояна, не приглашал их никуда, ни на дачу, ни на квартиру, ни в кино, куда мы прежде ходили вместе.

Хрущев Н. Т. 2. С. 128–129

28 февраля вместе с «соратниками» он посмотрел в Кремле кинокартину. Потом предложил всем членам Политбюро приехать на дачу. В полночь прибыли Берия, Маленков, Хрущев и Булганин. Остальные в силу возраста предпочли домашние постели.

Рыбин А. С. 43

Сталин приехал на дачу в Кунцево около 24 часов. Вскоре приехали Л. Берия, Г. Маленков, Н. Хрущев и Н. Булганин.

*Лозгачев П. (помощник коменданта дачи).
Последние дни Сталина // Досье. Прилож. к газете
«Гласность». 2001. 13 дек.*

Приехали. Он говорит: «Давайте посмотрим кино». Посмотрели. Потом говорит снова: «Поедемте, покушаем на ближней даче». Поехали, поужинали. Ужин затянулся. Сталин называл такой вечерний, очень поздний ужин обедом. Мы кончили его, наверное, в пять или шесть утра. Обычное время, когда кончались его «обеды». Сталин был навеселе, в очень хорошем расположении духа. Ничто не свидетельствовало, что может случиться какая-то неожиданность.

Хрущев Н. Т. 2. С. 129

С 28 февраля на I марта на ближней даче дежурили Хрусталева, Лозгачев, Туков и Бутусова.

Лозгачев П. Последние дни Сталина // Досье. Прилож. к газете «Гласность». 2001. 13 дек.

Гостям подали только виноградный сок, приготовленный Матреной Бутусовой. Фрукты, как обычно, лежали на столе в хрустальной вазе. Сталин привычно разбавил кипяченой водой стопку «Телиани», которой хватило на все застолье. Мирная беседа продолжалась до четырех часов утра уже 1 марта.

Рыбин А. С. 43

В пятом часу утра гости уехали. Прикрепленный полковник Хрусталев закрыл двери.

Лозгачев П. Последние дни Сталина // Досье. Прилож. к газете «Гласность». 2001. 13 дек.

Когда выходили в вестибюль, Сталин, как обычно, пошел проводить нас. Он много шутил, замахнулся, вроде бы пальцем, и ткнул меня в живот, назвав Микитой. Когда он бывал в хорошем расположении духа, то всегда называл меня по-украински Микитой. Распрощались мы и разъехались.

Хрущев Н. Т. 2. С. 129

Гостей проводил Хрусталев. Потом Сталин сказал ему:

— Я ложусь отдыхать. Вызывать вас не буду. И вы можете спать. — Подобного распоряжения он никогда не

давал. Оно удивило Хрусталева необычностью. Хотя настроение у Сталина было бодрым...

Рыбин А. С. 44

Мы действительно легли спать, чем были очень довольны. Проспали до 10 часов утра.

Что делал Хрусталиев с 5 часов утра до 10 часов утра, мы не знаем.

В 10 часов утра его сменил другой прикрепленный М. Старостин.

Лозгачев П. Последние дни Сталина // Досье. Прилож. к газете «Гласность». 2001. 13 дек.

Мы уехали в хорошем настроении, потому что ничего плохого за обедом не случилось, а не всегда обеды кончались в таком добром тоне. Разъехались по домам. Я ожидал, что, поскольку завтра выходной день, Сталин обязательно нас вызовет, поэтому целый день не обедал, думал, может быть, он позовет пораньше. Потом все же поел. Нет и нет звонка! Я не верил, что выходной день может быть пожертвован им в нашу пользу, такого почти никогда не происходило. Но нет! Уже было поздно, я разделся, лег в постель...

Хрущев Н. Т. 2. С. 129

В ночь с 28 февраля на 1 марта Сергей Васильевич Гусаров стоял на посту у входа в главный дом дачи, видел, как выходили примерно в 4.00 часа утра Маленков, Берия и Хрущев. Ему запомнилось, что

Маленков тогда облегченно вздохнул и все они разъехались по домам.

Когда Молотову был задан вопрос: «Могло быть, что они... отравили Сталина, когда выпивали с ним в последний день перед болезнью?» — он прямо ответил: «Могло быть. Берия, Маленков были тесно связаны, Хрущев примкнул к ним и имел свои цели. Он всех перехитрил».

Докучаев М. С. 384

Все сплетни о том, что люди Берия убили Сталина, голословны. Без ведома Игнатьева и Маленкова получить выход на Сталина никто из сталинского окружения не мог...

Судоплатов П. С. 123

Позволю себе не согласиться с уважаемым автором. При смене руководителей МГБ сотрудники секретных подразделений чаще всего оставались на своих местах, в том числе в охране и обслуживании Сталина.

Красиков С. С. 49

Очевидно, он ощущал повышенное давление, но врачей не было. Виноградов был арестован, а больше он никому не доверял и никого не подпускал к себе близко. Он принимал сам какие-то пилюли, капал в стакан с водой несколько капель йода, — откуда-то брал он сам эти фельдшерские рецепты, но он сам же делал недопустимое: ...за сутки до удара, он был в бане (построенной у него на даче в отдельном домике) и

парился там, по своей старой сибирской привычке. Ни один врач не разрешил бы этого, но врачей не было...

Аллилуева С. С. 182

Тем временем, произошла суточная смена личной охраны Сталина. Обычно Сталин вставал в 10—11 часов. Я смотрю, уже 12 часов, а движения в комнатах Сталина нет. Постепенно ближайšie к Сталину люди из охраны стали волноваться и теряться в догадках: почему Сталин не встает, никого к себе не вызывает.

Лозгачев П. Последние дни Сталина // Досье. Прилож. к газете «Гласность». 2001. 13 дек.

С утра все занимались положенными делами. В полдень заметили, что в комнатах все еще нет никакого движения. Это насторожило. Но заходить без вызова к вождю не полагалось. А соответствующего сигнала по-прежнему не было. Наконец в полседьмого вечера в кабинете вспыхнул свет. Все облегченно вздохнули, полагая, что сейчас последует приглашение. Однако не дождались его... Происходило явное для Сталина нарушение распорядка дня. Пусть даже воскресного.

Рыбин А. С. 45

В 16 часов Старостин говорит: «Что будете делать?»

Обычно я входил с корреспонденцией к Сталину, когда замечал, что он уже встал. Сидим в служебном кабинете и думаем: что же делать. Дождали до 6 часов вечера, а движения в комнатах Сталина все нет. Я говорю Старостину: «Иди ты, как начальник охраны».

Старостин отвечает: «Я боюсь, иди ты с пакетами» (в мою обязанность входило приносить Сталину полученную корреспонденцию).

Лозгачев П. Последние дни Сталина // Досье. Прилож. к газете «Гласность». 2001. 13 дек.

Пока препирались, привезли свежую почту из ЦК. Это давало возможность войти на законном основании.

Рыбин А. С. 44

В 22.30 пришла почта на имя Сталина. Тут я использовал момент. Забрал от нарочного почту и решительным, твердым шагом направился к Сталину. Прошел одну комнату, заглянул в ванную комнату, осмотрел большой зал, но Сталина ни там, ни тут не было. Уже вышел из большого зала в коридор и обратил внимание на открытую дверь в малую столовую, из которой просвечивалась полоска электроосвещения. Заглянул туда и увидел перед собой трагическую картину. Сталин лежал на ковре около стола, как бы облокотившись на руку. Я оцепенел. Покушение, отравление, инсульт?

Быстро побежал к нему: «Что с вами, товарищ Сталин?» В ответ услышал «дз-з-з» и больше ничего. На полу валялись карманные часы 1-го часового завода, газета «Правда», на столе бутылка минеральной воды и стакан. Я быстро по домофону вызвал Старостина, Тукова и Бутусову. Они прибежали и спросили: «Товарищ Сталин, вас положить на кушетку?»

Как показалось, он кивнул головой. Положили, но она мала. Возникла необходимость перенести его на диван в большой зал. Все четверо понесли товарища Сталина в большой зал. Видно было, что он уже озяб в одной нижней солдатской рубашке. Видимо, он лежал в полусознательном состоянии с 19 часов, постепенно теряя сознание.

Сталина положили на диван и укрыли пледом.

Лозгачев П. Последние дни Сталина // Досье. Прилож. к газете «Гласность». 2001. 13 дек.

Чекисты подняли его, положили на кушетку в малой столовой. Там были малая столовая и большая. Сталин лежал на полу в большой столовой. Следовательно, поднялся с постели, вышел в столовую, там упал и подмочился.

Хрущев Н. Т. 2. С. 129

Бутузова тут же распустила ему завернутые по локоть рукава нижней рубашки... Лозгачев сел рядом ждать врачей.

Рыбин А. С. 44

Срочно позвонили министру Государственной безопасности С. Игнатьеву. Он был не из храбрых и адресовал Старостина к Берии. Позвонили Г. Маленкову и изложили тяжелое состояние Сталина. В ответ Георгий Максимилианович пробормотал что-то невнятное и положил трубку. Через час позвонил сам Маленков и

ответил Старостину: «Берию я не нашел, ищите его сами».

Старостин бегаёт и шумит: «Звони, Лозгачев». А кому звонить, когда уже все знают о болезни Сталина. Ещё через час позвонил уже сам Берия: «О болезни товарища Сталина никому не звоните и не говорите». Так же мигом положил трубку.

Лозгачев П. Последние дни Сталина // Досье. Прилож. к газете «Гласность». 2001. 13 дек.

Вдруг звонит мне Маленков: «Сейчас позвони ли от Сталина ребята (он назвал фамилии), чекисты, и они тревожно сообщили, что будто бы что-то произошло со Сталиным. Надо будет срочно выехать туда. Я звоню тебе и известил Берию и Булганина. Отправляйся прямо туда». Я сейчас же вызвал машину. Она была у меня на даче. Быстро оделся, приехал, все это заняло минут 15. Мы условились, что войдем не к Сталину, а к дежурным. Зашли туда, спросили: «В чем дело?» Они: «Обычно товарищ Сталин в такое время, часов в 11 вечера, обязательно звонит, вызывает и просит чаю. Иной раз он и кушает. Сейчас этого не было». Послали мы на разведку Матрену Петровну, подавальщицу, немолодую женщину, много лет проработавшую у Сталина, ограниченную, но честную и преданную ему женщину.

Чекисты сказали нам, что они уже послали её посмотреть, что там такое. Она сказала, что товарищ Сталин лежит на полу, спит, а под ним подмочено.

Хрущев Н. Т. 2. С. 129

Я остался один у постели больного. Обида от беспомощности перехватила горло и душили слезы. А врачей все нет и нет. В 3 часа ночи зашуршала машина у дачи. Я полагал, что это врачи приехали, но с появлением Берии и Маленкова надежда на медицинскую помощь лопнула. Берия, задрав голову, поблескивая пенсне, прогромыхал в зал к Сталину, который по-прежнему лежал под пледом вблизи камина. У Маленкова скрипели новые ботинки. Он их снял в коридоре, взял под мышку и зашел к Сталину. Встали поодаль от больного Сталина, который по роду заболеваемости захрипел.

Берия: «Что, Лозгачев, производишь панику и шум? Видишь, товарищ Сталин крепко спит. Нас не тревожь и товарища Сталина не беспокой».

Постояли соратники и удалились из зала, хотя я им доказывал, что товарищ Сталин тяжело болен.

Лозгачев П. Последние дни Сталина // Досье. Прилож. к газете «Гласность». 2001. 13 дек.

Лозгачев стал доказывать, что больному срочно необходима медицинская помощь. Но Берия перебил его грязным сквернословием. С тем друзья покинули зал. Встретив Старостина, Берия устроил ему разнос:

— Кто вас, дураков, к товарищу Сталину приставил? Вы недостойны работать у него! Я еще вами займусь! Наконец они уехали. Часы отбивали уходящее время. И все очевидней становилось: врачи не спешат на помощь.

Тут я понял, что налицо предательство Берии, Маленкова, мечтающих о скорой смерти товарища Сталина.

Лозгачев П. Последние дни Сталина // Досье. Прилож. к газете «Гласность». 2001. 13 дек.

Академик В. Н. Виноградов уже находился в тюрьме, а он был личным врачом Сталина и, кроме него, никто к нему не допускался. Поэтому, когда во вторую половину дня 1 марта 1953 года обслуживающий персонал нашел отца, лежавшим на полу возле столика с телефонами без сознания, и потребовал, чтобы вызвали немедленно врача, никто этого не сделал.

Аллилуева С. С. 216

Снова я остался один у больного Сталина. Каждая минута тянулась не менее часа. Часы пробили 4, 5, 6, 7 утра, а медпомощи и признаков не видно.

Это было ужасно и непонятно: что же происходит с соратниками товарища Сталина?

Лозгачев П. Последние дни Сталина // Досье. Прилож. к газете «Гласность». 2001. 13 дек.

В течение последующих 12—14 часов на даче в Кунцево разыгралась драма: обслуга и охрана, взбунтовавшись, требовали немедленного вызова врача, а правительство уверяло их, что «не надо паниковать». Берия же утверждал, что «ничего не случилось: он спит».

Аллилуева С. С. 217

Когда нам сказали, что произошел такой случай и теперь он как будто спит, мы посчитали, что неудобно нам появляться у него и фиксировать свое присутствие, раз он находится в столь неблагоприятном положении. Мы разъехались по домам.

Хрущев Н. Т. 2. С. 130

И с этим вердиктом правительство уехало, чтобы вновь возвратиться обратно только через несколько часов — так как вся охрана дачи и вся обслуга теперь уже не на шутку разъярились. Наконец члены правительства потребовали, чтобы больного перенесли в другую комнату, раздели и положили в постель, — все еще без врачей, то есть, с медицинской точки зрения, делая недопустимое. Больных с ударом, с кровоизлиянием в мозг нельзя передвигать и переносить. Это — в дополнение к тому факту, что врача, имевшегося поблизости, так и не вызвали для помощи больному.

Аллилуева С. С. 217

Бросается в глаза, что ни слова не сказано о какой-либо медицинской помощи больному.

Ноймайр А. С. 439

Безусловно, старые служаки, такие, как Власик и Поскребышев, немедленно распорядились бы без уведомления правительства, и врач прибыл бы тут же.

Но вместо этого, в то время, как весь взволнованный происходившим персонал требовал вызвать врача (тут же из соседнего здания, в котором помещалась охрана), высшие чины охраны решили соблюдать «субординацию»: известить сначала своих начальников и спросить, что делать. Это заняло многие часы (отец лежал тем временем на полу безо всякой помощи), и, наконец, приехало все правительство, чтобы воочию убедиться, что действительно произошел удар, — диагноз, который первой поставила подавальщица Мотя Бутузова.

Аллилуева С. С. 216–217

Прошло небольшое время, опять слышу звонок. Вновь Маленков: «Опять звонили ребята от товарища Сталина. Говорят, что все-таки что-то с ним не так. Хотя Матрена Петровна и сказала, что он спокойно спит, но это необычный сон. Надо еще раз съездить». Мы условились, что Маленков позвонит всем другим членам Бюро, включая Ворошилова и Кагановича, которые отсутствовали на обеде и в первый раз на дачу не приезжали. Условились также, что вызовем и врачей. Опять приехали мы в дежурку.

Хрущев Н. Т. 2. С. 131

Врача так и не позвали.

Аллилуева С. С. 217

Так больной Сталин больше полусуток пролежал без медицинской помощи.

Лозгачев П. Последние дни Сталина // Досье. Прилож. к газете «Гласность». 2001. 13 дек.

Лишь в половине восьмого приехал Хрущев, утешив:
— Скоро будет медицина.

Рыбин А. С. 45

Когда ночью меня вызвали на «Ближнюю дачу», я застал там Берия, Хрущева и Маленкова. Они сказали мне, что со Сталиным случился удар, он парализован и лишен дара речи, что вызваны врачи. Я был потрясен и заплакал.

Каганович Л. С. 499

Сталина я видел за четыре-пять недель до его смерти. Он был вполне здоров. Когда он заболел, меня вызвали. Я приехал на дачу, там были члены Бюро. Из не членов Бюро, по-моему, только меня и Микояна вызвали. Командовал Берия.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 395

Когда мы зашли в комнату, где лежал Сталин с закрытыми глазами, он открыл глаза и обвел нас всех глазами, всматриваясь в каждого из нас. По этому взгляду видно было, что он сохранил сознание, силился что-то сказать, но не смог и вновь закрыл глаза. Мы все с

глубокой скорбью и печалью смотрели на Сталина, находившегося в тяжелом состоянии.

Каганович Л. С. 499

Сталин лежал на диване. Глаза закрыты. Иногда он открывал их и пытался что-то говорить, но сознание к нему так и не вернулось. Когда он пытался говорить, к нему подбегал Берия и целовал его руку.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 395*

Вскоре приехали остальные члены Политбюро: Ворошилов, Молотов, Микоян и другие. Приехали врачи во главе с Министром здравоохранения.

Каганович Л. С. 499

Врачам начали звонить около 7 часов утра 2 марта. Ни Хрущев, ни Маленков, безусловно, не знали, каких именно врачей следует вызывать. Поэтому был вызван министр здравоохранения А. Третьяков, и уже он принимал решение о составе первого консилиума. Утром 2 марта о болезни Сталина сообщили также Ворошилову и Кагановичу, а немного позже дочери Сталина Светлане и сыну Василию.

Медведев Ж., Медведев Р. С. 27

Наконец, 2 марта, то есть, спустя более чем 24 часа к пациенту, находившемуся в бессознательном состоянии, прибыла, а вернее, была допущена

медицинская бригада во главе с кардиологом П. Е. Лукомским, действительным членом Академии медицинских наук.

Ноймайр А. С. 441–442

Поздно вечером 2 марта 1953 года к нам на квартиру заехал сотрудник спецотдела Кремлевской больницы: «Я за вами — к больному хозяину». Я быстро простился с женой, мы заехали на улицу Калинина, там ждали нас проф. Н. В. Коновалов (невропатолог) и Е. М. Гареев, и помчались на дачу Сталина в Кунцево (напротив нового университета). Мы в молчании доехали до ворот — колючая проволока по обе стороны рва и забора, собаки.

Мясников А. Кончина // Лит. газ. 1989. 1 марта

...Начался весь цирк с Академией медицинских наук — как будто для установки диагноза нужна Академия. Не ранее чем в 10 часов утра прибыли, наконец, врачи, но они так и не смогли найти истории болезни с последними данными, с записями и определениями, сделанными ранее академиком Виноградовым... Где-то в секретных недрах Кремлевки была похоронена эта история болезни — столь нужная именно сейчас. Ее так и не нашли.

Аллилуева С. С. 217

В 9 часов 2 марта прибыли врачи, среди которых были Лукомский, Мясников, Тареев и др. Начали осматривать Сталина. Руки у них тряслись. Пришлось помочь разрезать рубашку на товарище Сталине.

Лозгачев П. Последние дни Сталина // Досье. Прилож. к газете «Гласность». 2001. 13 дек.

Около девяти часов действительно появились врачи во главе с профессором Лукомским. Руки у всех от волнения тряслись так, что не могли снять с больного нижнюю рубашку. Пришлось разрезать ее ножницами.

Рыбин А. С. 45

Наконец мы в доме (обширном павильоне с просторными комнатами, обставленными широкими тахтами, стены отделаны полированной фанерой). В одной из комнат уже был министр здравоохранения (новый — А. Ф. Третьяков, Е. И. Смирнов был еще в декабре снят в связи с ревизией министерства правительственной комиссией и перешел вновь в военное ведомство на прежнее амплу начальника Военно-санитарного управления), проф. П. Е. Лукомский (главный терапевт Минздрава). Известные невропатологи Роман Ткачев, Н. Филимонов, Иванов-Незнамов — терапевт Лечсанупра Кремля.

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

Из врачей помню известного кардиолога профессора Лукомского. А с ним появился еще кто-то из медиков, но кто, сейчас не помню. Зашли мы в комнату. Сталин лежал на кушетке. Мы сказали врачам, чтобы они приступили к своему делу и обследовали, в каком состоянии находится товарищ Сталин. Первым подошел Лукомский, очень осторожно, и я его понимал. Он

прикасался к руке Сталина, как к горячему железу, подергиваясь даже. Берия же грубовато сказал: «Вы врач, так берите, как следует».

Лукомский заявил, что правая рука у Сталина не действует. Парализована также левая нога, и он не в состоянии говорить. Состояние тяжелое. Тут ему сразу разрезали костюм, переодели и перенесли в большую столовую, положили на кушетку, где он спал и где побольше воздуха. Тогда же решили установить рядом с ним дежурство врачей. Мы, члены Бюро Президиума, тоже установили свое постоянное дежурство. Распределились так: Берия и Маленков вдвоем дежурят, Каганович и Ворошилов, я и Булганин. Главными «определяющими» были Маленков и Берия. Они взяли для себя дневное время, нам с Булганиным выпало ночное. Я очень волновался и, признаюсь, жалел, что можем потерять Сталина, который оставался в крайне тяжелом положении. Врачи сказали, что при таком заболевании почти никто не возвращался к труду. Человек мог еще жить, но что он останется трудоспособным, маловероятно: чаще всего такие заболевания непродолжительны, а кончаются катастрофой.

Хрущев Н. Т. 2. С. 131

Сталин лежал грузный, он оказался коротким и толстоватым, лицо было перекошено, правые рука и нога лежали как плети. Он тяжело дышал, периодически то тише, то сильнее (дыхание Чейма-Стокса). Кровяное давление 210/110, мерцательная аритмия. Лейкоцитоз до 17000. Была высокая температура — 38° с десятymi... При выслушивании и выстукивании сердца особых

отклонений не отмечалось, в боковых и передних отделах легких ничего патологического не определялось. Диагноз нам представлялся, слава Богу, ясным: кровоизлияние в левом полушарии мозга на почве гипертонии и атеросклероза. Лечение было назначено обильное...

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

Осмотрели. Установили кровоизлияние в мозг. Приступили к лечению. Ставили пиявки, подавали больному кислород из подушки.

Лозгачев П. Последние дни Сталина // Досье. Прилож. к газете «Гласность». 2001. 13 дек.

В большом зале, где лежал отец, толпилась масса народу. Незнакомые врачи, впервые увидевшие больного (академик В. Н. Виноградов, много лет наблюдавший отца, сидел в тюрьме), ужасно суетились вокруг. Ставили пиявки на затылок и шею, снимали кардиограммы, делали рентген легких, медсестра беспрестанно делала какие-то уколы, один из врачей непрерывно записывал в журнал ход болезни. Все делалось, как надо. Все суетились, спасая жизнь, которую нельзя было уже спасти.

Аллилуева С. С. 12

«Консилиум в составе начальника ЛСУК (Лечебно-санитарное управление Кремля) тов. Куперина И. И., профессоров Лукомского П. Е., Глазунова И. С., Ткачева Р. А. и доц. Иванова-Незнамова В. И. 2-го марта

в 7 час. утра освидетельствовали состояние здоровья тов. И. В. Сталина.

При осмотре в 7 час. утра — больной лежит на диване на спине, голова повернута влево, глаза закрыты, умеренная гиперемия лица, было непроизвольное мочеиспускание (одежда промочена мочой). При попытке врача прощупать пульс на левой лучевой артерии проявилось двигательное беспокойство в левой руке и левой ноге. Дыхание не расстроено. Пульс 78 в 1 минуту с редкими выпадениями. Тоны сердца глуховаты. Кровяное давление 190—110. В легких спереди хрипов нет. В области правого локтевого сустава следы ушиба (эксфолиация и небольшая припухлость).

Больной в бессознательном состоянии. Правая носогубная складка опущена. При поднимании век глазные яблоки уходят то влево, то вправо. Зрачки средней ширины, реакция на свет снижена. Движения в правых конечностях отсутствуют, в левых временами двигательное беспокойство.

Диагноз: гипертоническая болезнь, общий атеросклероз с преимущественным поражением сосудов головного мозга, правосторонняя гемиплегия вследствие кровоизлияния в бассейне средней левой мозговой артерии, атеросклеротический кардиосклероз, нефросклероз.

Состояние больного крайне тяжелое.

Назначения: абсолютный покой, оставить больного на диване, пиявки за уши (поставлено 8 шт.), холод на голову, гипертоническая микроклизма (1 стакан 10%-ного раствора сернокислой магнезии). Снять зубные протезы. От питания сегодня воздержаться.

Установить круглосуточное дежурство невропатолога, терапевта и медсестры. Осторожное введение с чайной ложечки жидкости при отсутствии поперхивания».

Из «Медицинского заключения о состоянии здоровья тов. Сталина. 2 марта 1953 г.»

Цит. по: *Зенькович Н.*

Наверное, предлагали применить еще что-то, действующее сильнее, потому что Берия нагонял страху:

— А вы гарантируете жизнь товарищу Сталину, гарантируете?!

Рыбин А. С. 45

Когда мы въехали в ворота и на дорожке возле дома машину остановили Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин, я решила, что все кончено... Я вышла, они взяли меня под руки. Лица обоих были заплаканы. «Идем в дом, — сказали они, — там Берия и Маленков тебе все расскажут».

Аллилуева С. С. 11

Несколько дней шла борьба за сохранение жизни Сталина, врачи делали все возможное. Мы, члены Политбюро, все время находились здесь, отлучаясь лишь на короткое время.

Каганович Л. Памятные записки. М.: Вагриус, 1996. С. 499

Это были тогда страшные дни. Ощущение, что что-то привычное, устойчивое и прочное сдвинулось, пошатнулось, началось для меня с того момента, когда 2-го марта меня разыскали на уроке французского языка в Академии общественных наук и передали, что «Маленков просит приехать на Ближнюю»... Это было уже невероятно — чтобы кто-то иной, а не отец, приглашал приехать к нему на дачу... Я ехала туда со странным чувством смятения.

Аллилуева С. С. 11

2 марта вызвали Светлану и Василия. Тот сразу где-то вмазал и с порога закричал:

— Сволочи, загубили отца!

Рыбин А. С. 45

Василий, конечно, знал куда больше, чем я, об обстоятельствах смерти отца, так как с ним говорили все обслуживающие Кунцевскую дачу в те же дни марта 1953 года.

Аллилуева С. С. 219

Некоторые члены правительства на него ошетинились. А Ворошилов стал урезонивать:

— Василий, успокойся. Мы принимаем все меры для спасения жизни товарища Сталина.

Рыбин А. С. 45

В доме, — уже в передней, — было все не как обычно, вместо привычной тишины, глубокой тишины, кто-то бегал и суетился. Когда мне сказали, наконец, что у отца был ночью удар и что он без сознания — я почувствовала даже облегчение, потому что мне казалось, что его уже нет.

Аллилуева С. С. 12

Итак, наконец, врачи все же появились на месте событий, но никто не знал их имен — кампания Сталина против врачей обернулась против него самого. Академик Виноградов, долго и преданно выполнявший свой долг в качестве его личного врача, уже долгое время невинно томился в тюрьме, так же, как и начальник лечсанупра Кремля профессор Егоров. Только в результате этого могло случиться, что Сталин в течение двадцати четырех часов или дольше, в состоянии одностороннего паралича и потери речи, без медицинской помощи лежал на полу своей комнаты. Виной тому, бесспорно, было то обстоятельство, что никому не было разрешено входить в комнаты Сталина без его прямого вызова. Это подтвердил в 1963 году Хрущев в беседе с представителями польской компартии. Эта версия, естественно, также попала на Запад и была напечатана французским журналом «Пари Матч» и немецким журналом «Дер Шпигель».

Ноймайр А. С. 440–441

Мы видели, что Сталин лежит без сознания и не сознает, в каком он состоянии. Стали кормить его: с ложечки давали бульон и сладкий чай. Распоряжались

там врачи. Они откачивали у него мочу, он же оставался без движения. Я заметил, что при откачке он старался как бы прикрыться, чувствуя неловкость. Значит, что-то сознает. Днем (не помню, на какой именно день его заболевания) Сталин пришел в сознание. Это было видно по выражению его лица. Но говорить он не мог, а поднял левую руку и начал показывать не то на потолок, не то на стену. У него на губах появилось что-то вроде улыбки. Потом стал жать нам руки. Я ему подал свою, и он пожал ее левой рукой, правая не действовала. Пожатием руки он передавал свои чувства. Тогда я сказал: «Знаете, почему он показывает нам рукой? На стене висит вырезанная из «Огонька» репродукция с картины какого-то художника. Там девочка кормит из рожка ягненка. А мы поим товарища Сталина с ложечки, и он, видимо, показывая нам пальцем на картину, улыбается: мол, посмотрите, я в таком же состоянии, как этот ягненок».

Хрущев Н. *Т. 2. С. 130*

Термин «цереброваскулярное заболевание» распространяется на все заболевания, при которых патологический процесс захватывает один или несколько сосудов мозга. Как правило, причиной таких заболеваний являются атеросклеротические изменения стенок сосудов, которые, опять же, обычно связаны с повышенным кровяным давлением и влекут за собой ухудшение снабжения различных отделов мозга кровью и кислородом. Как правило, из неврологической картины выпадения отдельных функций при временном остром сокращении кровоснабжения, так называемом преходящем приступе, можно установить, какая артерия

или какой отдел мозга затронуты. Такой преходящий приступ с потерей сознания после сильного головокружения, сопровождающийся тупой болью в области затылка, случился у Сталина в декабре 1949 года, согласно описанию Поскребышева. Клиническое значение таких приступов очень велико, поскольку они нередко являются предшественниками инфаркта сосудов мозга, то есть инсульта. Подобный инсульт произошел у Сталина 1 марта 1953 года, что было спровоцировано резким скачком давления после необычайно острого спора с членами президиума ЦК. Вначале Сталин отреагировал на провоцирующее требование припадком ярости, а затем потерял сознание. Прибывшая по не вполне выясненным причинам лишь 2 марта медицинская бригада во главе с кардиологом профессором Лукомским обследовала пациента, который к этому моменту уже длительное время находился в бессознательном состоянии, и установила правостороннюю гемиплегию с параличом ноги и руки. На основании опроса экономки было установлено также наличие паралича речи, типичное для кровоизлияний в левое полушарие мозга в окрестности так называемой «внутренней капсулы». Описанные явления выпадения функций в зависимости от степени и скорости распространения кровоизлияния могут развиваться на протяжении нескольких минут, нескольких часов или нескольких дней. При массивном кровоизлиянии пациент практически сразу теряет сознание, у него наступает паралич половины тела, и в подобных случаях происходит очень быстрое ухудшение состояния.

Ноймайр А. С. 449–450

Отец был без сознания, как констатировали врачи. Инсульт был очень сильный, речь была потеряна, правая половина тела парализована. Несколько раз он открывал глаза — взгляд был затуманен, кто знает, узнавал ли он кого-нибудь. Тогда все кидались к нему, стараясь уловить слово или хотя бы желание в глазах. Я сидела возле, держала его за руку, он смотрел на меня, — вряд ли он видел. Я поцеловала его и поцеловала руку, — больше мне уже ничего не оставалось.

Аллилуева С. С. 14

Консилиум был прерван появлением Берия и Маленкова (в дальнейшем они приходили и уходили не иначе как вдвоем). Берия обратился к нам со словами о постигшем партию и наш народ несчастье и выразил уверенность, что мы сделаем все, что в силах медицины, и т. д. «Имейте в виду, — сказал он, — что партия и правительство вам абсолютно доверяют, и все, что найдете нужным предпринимать, с нашей стороны не встретит ничего, кроме полного согласия и помощи».

Эти слова были сказаны, вероятно, в связи с тем, что в это время часть профессоров — «врачи-убийцы» — сидела в тюрьме и ожидала смертной казни.

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

Где-то заседала специальная сессия Академии медицинских наук, решая, что бы еще предпринять. В соседнем небольшом зале непрерывно совещался какой-то еще медицинский совет, тоже решавший как быть. Привезли установку для искусственного дыхания из какого-то НИИ, и с ней молодых специалистов, — кроме

них, должно быть, никто бы не сумел ею воспользоваться. Громоздкий агрегат так и простоял без дела, а молодые врачи ошалело озирались вокруг, совершенно подавленные происходящим. Я вдруг сообразила, что вот эту молодую женщину-врача я знаю, — где я ее видела?.. Мы кивнули друг другу, но не разговаривали. Все старались молчать, как в храме, никто не говорил о посторонних вещах. Здесь, в зале, совершалось что-то значительное, почти великое, — это чувствовали все — и вели себя подобающим образом.

Аллилуева С. С. 12–13

Тех «ошалело озиравшихся вокруг» молодых врачей в 1998 году разыскал корреспондент газеты «Комсомольская правда» Андрей Павлов. Владимиру Александровичу Неговскому было 89 лет, Галине Дмитриевне Чесноковой чуть меньше. Журналист взял интервью у последних живых из тех, кто был на сталинской даче в Кунцеве 2—5 марта 1953 года. Оно появилось в газете 5 марта 1998 года.

Зенькович Н. С. 113–114

В ту ночь я дежурила во Второй градской больнице, оперировала больного. Операция была самой обычной, удалялся желчный пузырь. Я закончила все, но еще находилась в операционной. И вдруг ко мне подходят и говорят: «Галина Дмитриевна, вас срочно просят подойти...» Что, как, зачем? Молчат. Выхожу. Стоят двое милиционеров.

Они меня крепко взяли под руки и не отпускали, пока не вывели на улицу и не посадили в машину. Я даже

не переоделась, на мне были халат, маска, шапочка. Спрашиваю: «Куда вы меня везете?» Молчат. А тогда многих врачей сажали, поэтому я подумала, что и меня взяли, как остальных.

Я сидела и спрашивала, куда меня везут, пока наконец один из милиционеров спокойно не сказал: «Погодите немного, приедем, — сами увидите». Ехали мы, ехали. И вдруг нас обгоняет машина, и из нее кто-то машет рукой. Это был Неговский. Это с его подачи меня вызвали к Сталину. Неговский знал, что я работаю над проблемами нарушения функций головного мозга, у меня и диссертация была с этим связана.

Чеснокова Г. Смерть Сталина // Комс. правда. 1988.
5 марта

Как меня пригласили на дачу? Мне позвонил кто-то. По-моему, даже дочка Сталина... как ее? Да, Светлана. И кто-то еще, кто возглавлял работы по лечению Сталина, звонил. Я тогда заведовал лабораторией экспериментальной физиологии по оживлению организма. Мы взяли с собой аппарат искусственного дыхания. Это был еще несовершенный аппарат для вдувания мехаи воздуха в легкие. Это уже история, таких аппаратов давно нет.

Народу на даче было очень много. Почти все известные невропатологи того времени, терапевты. Всего человек пятнадцать. Среди них ведущие специалисты по нервной системе, по дыханию. Все знаменитости были собраны там! Я был среди них самым молодым врачом. Рекомендации определенные давал, говорил об искусственном дыхании, о массаже сердца. Я рассказывал о вещах, которые не получили еще

широкого утверждения. Я был единственный из молодых ученых, который занимался реаниматологией.

Неговский В. // Комс. правда. 1988. 5 марта

Приехали в Кунцево. Я была раздета, у меня мерзли ноги, поскольку я была в одних туфельках. Меня сразу завели в зал. Это небольшая кунцевская дача. Там стояли все члены правительства. Ворошилов и Берия наперебой стали меня расспрашивать, кто я такая, что я закончила и что я собираюсь делать. Я им и говорю: «Я не знаю, во-первых, куда я приехала...» Берия ответил: «Сейчас мы все вам покажем...» И нас повели в спальню.

Иосиф Виссарионович лежал на раскрытой тахте. Я испугалась. Сталин казался совершенно мертвым. Это был очень старый, бледный человек с вытянутыми вдоль тела руками. Рядом с ним стояла его дочь Светлана, в той же комнате находились врачи из «кремлевки». Ясно было, что нас пригласили как реаниматоров, оживлять. Я стояла в сторонке, когда меня вдруг Светлана позвала. Она говорит: «Идите ко мне, вы женщина, я хочу постоять вместе с вами... Я боюсь одна». Иногда говорят, что и сын Сталина Василий находился там. Но его к Сталину не пустили, так как он был сильно пьян.

Вот так я со второго по пятое марта и провела четыре дня в этой комнате. Я почти никуда не отлучалась, никуда не ходила. Иногда присаживалась на стул, когда ноги уже не держали. Не ела ничего, иногда пить забывала. Только когда Светлана воду пила, иногда мне предлагала, и я чувствовала, какая страшная у меня жажда. В туалет меня сопровождала милиция.

Чеснокова Г. // Комс. правда. 1988. 5 марта

Болезнь Сталина, конечно, получила широкий отклик в нашей стране и за рубежом. Но, как говорится, от великого до смешного один шаг. В медицинских учреждениях — ученом совете министерства, президиуме академии, в некоторых институтах — были созданы совещания для обсуждения, как помочь в лечении Сталина. Вносились предложения о тех или иных мерах, которые предлагалось направлять консилиуму врачей. Для борьбы, например, с гипертонией советовали способы лечения, разработанные в институте терапии (и было странно читать направленные мне мои же рекомендации). Далее прислали описание метода лекарственного сна, а между тем больной был в глубоком бессознательном состоянии — сопоре, то есть спячке. Профессор Неговский предлагал лечить расстройство дыхания аппаратом искусственного дыхания, разработанным им для спасения утопающих и отравленных угарным газом, — его машины даже подогнали к дому, но, увидев больного, автор согласился не настаивать на своем методе (зато он «примазался» к консилиуму, что было ему как партийному человеку, конечно, интересно; однако бюллетень ему не давали подписывать, и поэтому его имя не печаталось в газетах).

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

Только один человек вел себя почти неприлично — это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распиравших его страстей. А страсти его были — честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть... Он

так старался, в этот ответственный момент, как бы не перехитрить и как бы не недохитрить! И это было написано на его лбу. Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного, — отец иногда открывал глаза, но, по-видимому, это было без сознания или в затуманенном сознании. Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза, он желал и тут быть «самым верным, самым преданным» — каковым он изо всех сил старался казаться отцу и в чем, к сожалению, слишком долго преуспевал...

Аллилуева С. С. 13

У меня не сложилось впечатления, что Берия был очень возбужден, как вспоминает Светлана Аллилуева. Да, начальствующий тон, но ничего другого сказать не могу. В отношении меня был корректен, вежлив. Ничего мне не приказывал. Даже поддерживал: «Находите нужным, делайте!»

Неговский В. // Комс. правда. 1988. 5 марта

Как только Сталин свалился, Берия в открытую стал пылать злобой против него. И ругал его, и издевался над ним. Просто невозможно было его слушать! Интересно впрочем, что как только Сталин пришел в чувство и дал понять, что может выздороветь, Берия бросился к нему, встал на колени, схватил его руку и начал ее целовать. Когда же Сталин опять потерял сознание и закрыл глаза, Берия поднялся на ноги и плюнул на пол. Вот истинный Берия! Коварный даже в отношении Сталина, которого он вроде бы возносил и боготворил.

Хрущев Н. Т. 2. С. 131

Состав консилиума решил остаться на все время, я позвонил домой. Мы ночевали в соседнем доме. Каждый из нас нес свои часы дежурства у постели больного. Постоянно находился при больном и кто-нибудь из членов Политбюро ЦК — чаще всего Ворошилов, Каганович, Булганин, Микоян.

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

У постели Сталина было организовано круглосуточное дежурство членов Политбюро. Дежурили попарно: Хрущев с Булганиным, Каганович с Ворошиловым, Маленков с Берия. Мне этого дежурства не предложили. Наоборот, товарищи посоветовали, пока они дежурят, заниматься в Совете Министров СССР, заменять их в какой-то мере.

Я не возражал, ибо мне ни к чему была политическая кухня, в которую, по существу, превратились эти дежурства — там уже шла борьба за власть. Правда, ночью, часа в два, я заходил туда ненадолго и потому мог составить впечатление о том, что там происходило.

Микоян А. С. 580

Третьего утром консилиум должен был дать ответ на вопрос Маленкова о прогнозе. Ответ наш мог быть только отрицательным — смерть неизбежна. Маленков дал нам понять, что он ожидал такого заключения, хотя и надеется, что медицинские мероприятия смогут если не

сохранить жизнь, то продлить ее на достаточный срок. Мы поняли: речь идет о необходимом фоне для подготовки организации новой власти, а вместе с тем и общественного мнения.

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

Я слушала, как в тумане, окаменев. Все подробности уже не имели значения. Я чувствовала только одно — что он умрет. В этом я не сомневалась ни минуты, хотя еще не говорила с врачами, — просто я видела, что все вокруг, весь этот дом, все уже умирает у меня на глазах. И все три дня, проведенные там, я только это одно и видела, и мне было ясно, что иного исхода быть не может.

Аллилуева С. С. 14

Все правительство плакало... А я ничем не могу помочь. Была уверенность, что тут ничего нельзя поделывать. Он стопроцентно должен был умереть! Тринадцать часов пролежал без сознания, никто ему тогда не помогал, кровоизлияние в мозг было. Мы приехали, когда он уже умирал. У него были полуоткрытые глаза, они едва двигались. Дыхание поверхностное, еле заметное.

Чеснокова Г. // Комс. правда. 1988. 5 марта

На следующий день было опубликовано первое правительственное сообщение о болезни Сталина, «для лечения товарища Сталина привлечены лучшие медицинские силы» — с перечислением наших фамилий

и званий, упомянуто было также, что «лечение товарища Сталина проводится под постоянным наблюдением Центрального Комитета КПСС и Советского правительства».

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

Наступило наше дежурство с Булганиным. Мы и днем с ним приезжали на дачу к Сталину, когда появлялись профессора, и ночью дежурили. Я с Булганиным тогда был больше откровенен, чем с другими, доверял ему самые сокровенные мысли и сказал:

«Николай Александрович, видимо, сейчас мы находимся в таком положении, что Сталин вскоре умрет. Он явно не выживет. Да и врачи говорят, что не выживет. Ты знаешь, какой пост наметил себе Берия?» — «Какой?» Он возьмет пост министра госбезопасности (в ту пору Министерства государственной безопасности и внутренних дел были разделены). Нам никак нельзя допустить это. Если Берия получит госбезопасность — это будет начало нашего конца. Он возьмет этот пост для того, чтобы уничтожить всех нас и он это сделает!»

Булганин сказал, что согласен со мной. И мы стали обсуждать, как будем действовать. Я ему: «Поговорю с Маленковым. Думаю, что Маленков такого же мнения, он ведь должен все понимать. Надо что-то сделать, иначе для партии будет катастрофа». Этот вопрос касался не только нас, а всей страны, хотя и нам, конечно, не хотелось попасть под нож Берии. Получится возврат к 1937—1938 годам, а может быть, даже похуже. У меня имелись сомнения: я не считал Берию коммунистом и полагал, что он просто пролез в партию. У меня маячили

в сознании слова Каминского, что во время гражданской войны, когда англичане оккупировали Баку, он был агентом их контрразведки, что это волк в овечьей шкуре, влезший в доверие к Сталину и занявший высокое положение. Сам Сталин тяготился им. Мне казалось, что были дни, когда Сталин боялся Берии.

Хрущев Н. Т. 2. С. 131–132

Тут же мы составили первый бюллетень о состоянии здоровья И. В. Сталина (на 2 часа 4 марта). В нем имелась многозначительная фраза: «Проводится ряд терапевтических мероприятий, направленных на восстановление жизненно важных функций организма». Этим как бы выражалась в осторожной форме некая надежда на «восстановление», то есть расчет на некоторое успокоение страны. Тем временем всем членам ЦК и другим руководителям партийных и советских органов был послан вызов срочно прибыть в Москву для обсуждения положения в связи с предстоящей смертью главы государства.

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

Обнародовать до смерти успели только два бюллетеня — на два часа ночи четвертого марта и на два часа ночи пятого марта. В первом сообщалось: «Второго и третьего марта были проведены соответствующие лечебные мероприятия, направленные на улучшение нарушенных функций дыхания и кровообращения, которые пока не дали существенного перелома в течение болезни. К двум часам ночи четвертого марта состояние здоровья И. В. Сталина продолжает оставаться

тяжелым...» Во втором бюллетене практически повторялась информация, содержащаяся в первом: «К ночи на пятое марта состояние здоровья И. В. Сталина продолжает оставаться тяжелым. Больной находится в сопорозном (глубоком бессознательном) состоянии. Нервная регуляция дыхания, а также деятельность сердца остаются резко нарушенными...»

Третий бюллетень — на четыре часа дня пятого марта с сообщением о том, что в течение ночи и первой половины дня пятого марта состояние здоровья больного ухудшилось, был опубликован в «Правде» шестого марта одновременно с информацией о кончине Сталина. Это породило много различных слухов и предположений относительно подлинных сроков наступления смерти.

Зенькович Н. С. 121–122

Отец умирал страшно и трудно. И это была первая — и единственная пока что — смерть, которую я видела. Бог дает легкую смерть праведникам...

Аллилуева С. С. 15

Сталин дышал тяжело, иногда стонал. Только на один короткий миг нам показалось, что он осмысленным взглядом обвел окружавших его. Тогда Ворошилов склонился над ним и сказал: «Товарищ Сталин, мы все здесь твои верные друзья и соратники. Как ты себя чувствуешь, дорогой?» Но взгляд уже ничего не выражал, опять сопор. Ночью много раз казалось, что он умирает. На следующее утро, четвертого, кому-то пришла в голову идея, нет ли вдобавок ко всему инфаркта миокарда. Из больницы прибыла молодая

врачиха, сняла электрокардиограммы и безапелляционно заявила: «Да, инфаркт». Переполох. Уже в деле врачей-убийц фигурировало умышленное недиагностирование инфаркта миокарда у погубленных-де ими руководителей государства. Теперь, вероятно, мы... Ведь до сих пор в своих медицинских заключениях не указывали на возможность инфаркта. А они уже известны всему миру. Жаловаться на боли, столь, характерный симптом инфаркта, Сталин, будучи без сознания, естественно, не мог. Лейкоцитоз и повышенная температура могли говорить и в пользу инфаркта.

Консилиум был в нерешительности. Я первый решил пойти ва-банк: «Электрокардиографические изменения слишком монотонны для инфаркта — во всех отведениях. Это мозговые псевдоинфарктные электрокардиограммы. Мои сотрудники по ВММА получали такие кривые в опытах с закрытой травмой черепа. Возможно, что они могут быть и при инсультах».

Невропатологи поддержали: возможно, что они мозговые, во всяком случае, основной диагноз — кровоизлияние в мозг — им достаточно ясен. Несмотря на самоуверенный дискант электрокардиографички, консилиум не признал инфаркта. В диагноз был, впрочем, внесен новый штрих: возможны очаговые кровоизлияния в мышце сердца в связи с тяжелыми сосудодвигательными нарушениями на почве кровоизлияния в базальные ганглии мозга.

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

Наконец о болезни вождя узнала страна. На даче все чаще раздавались звонки доброжелателей,

предлагавших свои услуги. Некоторые клятвенно уверяли, что поднимут Сталина. Звонили профессора даже из демократических стран. Один был особо настойчив. Туков позвал к телефону Берия. Тот завопил в трубку:

— Ты кто такой? Провокатор или бандит? Скажи свое имя! Я с тобой расправлюсь!

Поняв, с кем имеет дело, профессор предпочел замолчать.

Рыбин А. С. 45

Весь день пятого мы что-то впрыскивали, писали дневник, составляли бюллетени. Тем временем на втором этаже собрались члены ЦК: члены Политбюро подходили к умирающему, люди рангом пониже смотрели через дверь, не решаясь подходить ближе даже к полумертвому хозяину. Помню, Н. С. Хрущев... также держался у дверей, во всяком случае, и в это время иерархия соблюдалась: впереди Маленков и Берия, далее Ворошилов, потом Каганович, затем Булганин, Микоян. Молотов был нездоров, гриппозная пневмония, но он два-три раза приезжал на короткий срок.

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

Все они (я не говорю о Берия, который был единственным в своем роде выродком) суетились тут все эти дни, старались помочь и, вместе с тем, страшились — чем все окончится? Но искренние слезы были в те дни у многих — я видела там в слезах и К. Е. Ворошилова, и Л. М. Кагановича, и Г. М. Маленкова, и Н. А. Булганина, и Н.

С. Хрущева. Что говорить, помимо общего дела, объединявшего их с отцом, слишком велико было очарование его одаренной натуры, оно захватывало людей, увлекало, ему невозможно было сопротивляться. Это испытали и знали многие, — и те, кто теперь делает вид, что никогда этого не испытывал, и те, кто не делает подобного вида. Все разошлись. Осталось на одре тело, которое должно было лежать здесь еще несколько часов, — таков порядок. Остались в зале Н. А. Булганин и А. И. Микоян, осталась я, сидя на диване у противоположной стены. Погасили половину всех огней, ушли врачи. Осталась только медсестра, старая сиделка, знакомая мне давно по кремлевской больнице. Она тихо прибирала что-то на огромном обеденном столе, стоявшем в середине зала.

Аллилуева С. С. 16

Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью: эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление упало. И это явление нас несколько озадачило — как это объяснить?

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

Члены Политбюро поочередно дежурили у постели больного. Иногда он пытался открыть глаза или шевельнуть губами, но сил не хватало. 5 марта стал падать пульс. Берия подошел к нему с просьбой:

— Товарищ Сталин, скажи что-нибудь. Здесь все члены Политбюро.

Ворошилов оттащил его за рукав, говоря:

— Пусть к нему подойдет обслуга. Он лучше ее узнает...

Рыбин А. С. 45–46

...Люди, служившие у отца, любили его. Он не был капризен в быту, — наоборот, он был непритязателен, прост и приветлив с прислугой, а если и распекал, то только «начальников» — генералов из охраны, генералов-комендантов. Прислуга же не могла пожаловаться ни на самодурство, ни на жестокость, — наоборот, часто просили у него помочь в чем-либо и никогда не получали отказа. А Валечка — как и все они — за последние годы знала о нем куда больше и видела больше, чем я, жившая далеко и отчужденно. И за этим большим столом, где она всегда прислуживала при больших застольях, повидала она людей со всего света. Очень много видела она интересного, — конечно, в рамках своего кругозора, — но рассказывает мне теперь, когда мы видимся, очень живо, ярко, с юмором. И как вся прислуга, до последних дней своих, она будет убеждена, что не было на свете человека лучше, чем мой отец. И не переубедить их всех никогда и ничем.

Аллилуева С. С. 17

Для поддержки падающего давления непрерывно вводились различные лекарства. Все участники консилиума толпились вокруг больного и в соседней комнате в тревогах и догадках. Дежурил от ЦК Н. А. Булганин. Я заметил, что он на нас посматривает подозрительно и, пожалуй, враждебно. Он блестел маршальскими звездами на погонах, лицо одутловато,

клок волос вперед — немножко похож на какого-то царя Романова или, может, на генерала периода русско-японской войны. Стоя у дивана, он обратился ко мне: «Профессор Мясников, отчего это у него рвота кровью?» Я ответил; «Возможно, это результат мелких кровоизлияний в стенке желудка сосудистого характера — в связи с гипертонией и инсультом». — «Возможно? — передразнил он неприязненно. — А может быть, у него рак желудка, у Сталина? Смотрите, — прибавил он с оттенком угрозы, — а то у вас все сосудистые да сосудистые, а главное-то и про...» (Он явно хотел сказать — провороните или прошляпите, но спохватился и закончил: «пропустите».)

Врачи же почему-то не удосужились взять рвоту на исследование.

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

Здесь все было неподдельно и искренне, и никто ни перед кем не демонстрировал ни своей скорби, ни своей верности. Все знали друг друга много лет. Все знали и меня, и то, что я была плохой дочерью, и то, что отец мой был плохим отцом, и то, что отец все-таки любил меня, а я любила его. Никто здесь не считал его ни богом, ни сверхчеловеком, ни гением, ни злодеем, — его любили и уважали за самые обыкновенные человеческие качества, о которых прислуга судит всегда безошибочно.

Аллилуева С. С. 19

Возвращаюсь к тексту записи от шестнадцатого марта пятьдесят третьего года (Симонов описывает события, которые происходили в это время в Кремле, где

должно было начаться совместное заседание ЦК, Совета Министров и Верховного Совета, о котором было потом сообщено в газетах и по радио. — *Е. Г.*) «Меня не оставляло чувство, что все как будто остается таким же, каким и было: тот же путь вдоль кремлевской стены, изнутри ее, и тот же офицер, проверяющий документы у входа, и та же дверь, и та же лестница, по которой мне раньше приходилось подниматься шесть раз за последние годы. Но в молчании людей, в тишине лестницы, в тишине коридоров, тихих и прежде, но сейчас как-то вдруг особенно тихих, было ощущение того, что в этом доме несчастье.

Когда я поднялся по лестнице и прошел по коридору, сначала попал не в ту из комнат секретариата Сталина, в которую мне следовало пройти, а зашел в другую, в ту самую, где когда-то, в сорок седьмом году, вместе с Фадеевым и Горбатовым мы сидели и ждали десять минут, когда нас примет Сталин, — в тот первый раз, когда я его увидел.

В комнате все так же, как и прежде, стояли столы, один из них — посередине комнаты. Поднялся человек и сказал: «Нет, сейчас налево и в следующую дверь». Я вышел и, пройдя в следующую дверь в соседнюю комнату, вспомнил, что и здесь мы сидели и поджидали — два или три раза — перед обсуждением Сталинских премий. Тогда сидели и разговаривали. А сейчас в этой комнате было абсолютное молчание, хотя в ней находилось много людей. Молчание было полное, глубокое. За этим молчанием стояло чувство, что вот где-то здесь, через несколько комнат, еще коридор, еще комната, потом еще комната и где-то в какой-то комнате у себя на квартире лежит умирающий Сталин. И нас, молчаливо сидящих здесь, отделяют от него

всего-навсего кусок коридора и несколько дверей. Сталин лежит и никак не может прийти в сознание очень близко от нас, именно в этом самом доме, в котором мы сидим».

Симонов К. *Глазами человека моего поколения. М.: Правда, 1990. С. 251–252*

Объяснение желудочно-кишечных кровоизлияний записано в дневнике и вошло в подробный эпикриз, составленный в конце дня, когда больной еще дышал, но смерть ожидалась с часу на час.

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

Снова возвращаюсь к записи пятьдесят третьего года:

«Пятое марта, вечер. В Свердловском зале должно начаться совместное заседание ЦК, Совета Министров и Верховного Совета, о котором было потом сообщено в газетах и по радио. Я пришел задолго до назначенного времени, минут за сорок, но в зале собралось уже больше половины участников, а спустя десять минут пришли все. Может быть, только два или три человека появились меньше чем за полчаса до начала. И вот несколько сот людей, среди которых почти все были знакомы друг с другом, знали друг друга по работе, знали в лицо, по многим встречам, — несколько сот людей сорок минут, а пришедшие раньше меня еще дольше, сидели совершенно молча, ожидая начала. Сидели рядом, касаясь друг друга плечами, видели друг друга, но никто никому не говорил ни одного слова. Никто ни у кого ничего не спрашивал. И мне казалось,

что никто из присутствующих даже и не испытывает потребности заговорить. До самого начала в зале стояла такая тишина, что, не пробив сорок минут сам в этой тишине, я бы никогда не поверил, что могут так молчать триста тесно сидящих рядом друг с другом людей. Никогда по гроб жизни не забуду этого молчания».

Симонов К. М. *С. 253*

К вечеру 5 марта сердце начало останавливаться. Мы с Неговским решили — надо делать массаж сердца. Мы открыли его грудь. Сталин был одет в домашний халат, под ним рубаша без пуговиц, брюки. Я распахнула халат, спустила брюки. Рубашка мешала. Я сначала хотела ее стянуть, а потом просто разорвала. Руками. Я сильная была. А ножницы искать уже времени не оставалось. Было видно, что сердце останавливается, счет шел на секунды. Я обнажила грудь Иосифа Виссарионовича, и мы с Неговским начали попеременно делать массаж — он пятнадцать минут, я пятнадцать минут.

Так мы делали массаж больше часа, когда стало ясно, что сердце завести уже не удастся. Искусственное дыхание делать было нельзя, при кровоизлиянии в мозг это строжайше запрещено. Наконец, ко мне подошел Берия, сказал: «Хватит!» Глаза у Сталина были широко раскрыты. Мы видели, что он умер, что уже не дышит. И прекратили делать массаж.

Чеснокова Г. // Комс. правда. 1988. 5 марта

Итак, поговорили мы обо всем с Булганиным, кончилось наше дежурство, и я уехал домой. Хотел

поспать, потому что долго не спал на дежурстве. Принял снотворное, лег. Только лег, но еще не уснул, услышал звонок. Маленков: «Срочно приезжай, у Сталина произошло ухудшение. Выезжай срочно!» Я сейчас же вызвал машину. Действительно, Сталин был в очень плохом состоянии. Приехали и другие. Все видели, что Сталин умирает. Медики сказали нам, что началась агония. Он перестал дышать. Стали делать ему искусственное дыхание. Появился какой-то огромный мужчина, начал его тискать, совершать манипуляции, чтобы вернуть дыхание. Мне, признаться, было очень жалко Сталина, так тот его терзал. И я сказал: «Послушайте, бросьте это, пожалуйста. Умер же человек. Чего вы хотите? К жизни его не вернуть». Он был мертв, но ведь больно смотреть, как его треплют. Ненужные манипуляции прекратили.

Хрущев Н. Т. 2. С. 133

Сталину сделали какой-то сильнодействующий укол. От него тело вздрогнуло, зрачки расширились. И минут через пять наступила смерть. Оказывается, подобный укол, способный поднять или окончательно погубить больного, полагалось делать лишь после согласия близких родных. Но Светлану и Василия не спросили. Все решал Берия.

Рыбин А. С. 45–46

Кровоизлияние в мозг распространяется постепенно на все центры, и при здоровом и сильном сердце оно медленно захватывает центры дыхания и человек умирает от удушья. Дыхание все учащалось и учащалось.

Последние двенадцать часов уже было ясно, что кислородное голодание увеличивалось. Лицо потемнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели. Последние час или два человек просто медленно задыхался. Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент — не знаю, так ли на самом деле, но так казалось — очевидно в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонившихся над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут, — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть — тут он поднял вдруг кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то вверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно к кому и к чему он относился... В следующий момент, душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела.

Аллилуева С. С. 15

Незадолго до смерти Сталин неожиданно приподнял левую руку. Казалось, что он пришел в сознание и хочет что-то сказать. Все правительство, которое стояло за нами, напряглось, приумолкло. Но он уронил руку обратно и ничего не сказал.

Чеснокова Г. // Комс. правда. 1988. 5 марта

Перед самой смертью Сталин, по свидетельству его дочери, «суровым взглядом» «обвел всех стоящих

вокруг, показывая левой рукой с вытянутым указательным пальцем вверх». Как убеждена С. Аллилуева, отец в последний миг жизни обратился к Богу. Я с уважением отношусь к этому мнению.

Громов Е. С. 43

Перед смертью Сталин поднял руку. Поднять-то поднял, но...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 398*

Описанное Светланой удушье, наступившее у ее отца незадолго до смерти, которое сопровождалось иссиня-черной окраской шеи и лица, указывает на острое нарушение функции левого желудочка сердца с образованием массивного отека легкого, причиной чего явился только что произошедший обширный инфаркт, что и было подтверждено электрокардиограммой. В качестве лечебного мероприятия был применен обычный в подобных ситуациях отсос крови пиявками. Кроме того, для усиления функции левого желудочка пациент получил инъекции строфантина, а также камфару и кофеин для поддержки кровообращения. Для снятия симптомов сильного удушья была обеспечена искусственная подача кислорода. Ввиду повышения температуры и увеличения числа белых кровяных телец был назначен пенициллин в качестве своевременного противодействия пневмонии, которая может быстро развиться на фоне отека легкого.

Ноймайр А. С. 450

Я думала, что сама задохнусь, я впиалась руками в стоявшую возле молодую знакомую докторшу, — она застонала от боли, мы держались с ней друг за друга.

Душа отлетела. Тело успокоилось, лицо побледнело и приняло свой знакомый облик, через несколько мгновений оно стало невозмутимым, спокойным и красивым. Все стояли вокруг, окаменев, в молчании, несколько минут, — не знаю сколько, — кажется, что долго.

Аллилуева С. С. 15–16

В левой части спальни на светлом лакированном паркете стояло несколько кадучек с пальмами, выдвигался напыщенный диван с круглыми валиками и высоко взбитой спинкой, над которой располагалась полочка для статуэток. На этом диване вождь советского народа скончался.

Красиков С. С. 89

«Состояние больного на утро 5-го марта ухудшилось. Расстройства дыхания усилились и были особенно резко выражены во вторую половину ночи и утром 5.III. В начале девятого у больного появилась кровавая рвота, не обильная, которая закончилась тяжелым коллапсом, из которого больного с трудом удалось вывести. В 11 час. 30 мин. после нескольких рвотных движений вновь наступил коллапс с сильным потом, исчезновением пульса на лучевой артерии; из

коллапса больной был выведен с трудом после инъекций камфоры, кофеина, кардиозола, строфантина и т.д.

Электрокардиограмма, снятая в 11 час. утра, показала острые нарушения коронарного кровообращения с очаговыми изменениями преимущественно в задней стенке сердца.

Причиной кровавой рвоты консилиум считает сосудисто-трофические поражения слизистой оболочки желудка.

19.50. Инъекции 3,0 камфоры. Пульс частый, слабый. Неполное смыкание век.

20.00. Пульс 150, слабого наполнения. Инъекции 1,0 кофеина.

20.10. Пульс 140, наполнение несколько лучше. Потливость. Дыхание 45. Внутримышечно введен глюконат кальция 10,0. Коматозное состояние. Частый слабого наполнения пульс. Потливость общая, резкая. Неполное смыкание век. Отсутствие рефлекторных движений в левых конечностях. Поверхностное дыхание.

20.35. 2,0 кардиозола.

20.45. Глюконат кальция 10,0 внутримышечно.

20.50. Камфора 3, 0.

21.00. 2,0 кофеина.

21.10. Резкий цианоз лица. Кожа влажная. Дыхание 45 в 1 минуту. Пульс аритмичный, 140 в 1 минуту, малого наполнения, временами нитевидный. Легкие — коробочный звук, спереди и на боковой поверхности хрипов не выслушивается. Сердце — тоны глухие,

эмбриокардия. Живот вздут. При перкуссии живота тимпанит.

21.20. Введено под кожу 200,0 глюкозы 5 % раствора.

21.30. Резкая потливость. Больной влажный. Пульс нитевидный. Цианоз усилился. Число дыханий — 48 в 1 минуту. Тоны сердца глухие. Кислород (1 подушка). Дыхание поверхностное.

21.40. Карбоген (46 % CO.) 30 секунд, потом кислород. Цианоз остается. Пульс едва прощупывается. Больной влажный. Дыхание учащенное, поверхностное. Повторен карбоген (60 CO.) и кислород. Сделаны инъекции камфоры и адреналина. Искусственное дыхание.

21.50. товарищ И. В. Сталин скончался.

Третьяков, Лукомский, Тареев, Коновалов, Мясников, Филимонов, Глазунов, Ткачев, Иванов».

Заключение консилиума о смерти Сталина. 5 марта 1953 г., 12 час. дня.

Цит. по: *Ноймар А.* Диктаторы в зеркале медицины.

Это был момент, конечно, в высокой степени знаменательный. Как только мы установили, что пульс пропал, дыхание прекратилось и сердце остановилось — в просторную комнату тихо вошли руководящие деятели партии и правительства, дочь Светлана, сын Василий и охрана. Все стояли неподвижно в торжественном молчании долго, я даже не знаю сколько — около тридцати минут или дольше. Свершилось, несомненно, великое историческое событие. Ушел из жизни вождь,

перед которым трепетала вся страна, а, в сущности, в той или иной степени и весь мир. Великий диктатор, еще недавно всесильный и недосягаемый, превратился в жалкий, бедный труп, который завтра же будут кромсать на куски патологоанатомы...

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

Потом члены правительства устремились к выходу, надо было ехать в Москву, в ЦК, где все сидели и ждали вестей. Они поехали сообщить весть, которую тайно все ожидали. Не будем грешить друг против друга — их раздирали те же противоречивые чувства, что и меня — скорбь и облегчение...

Аллилуева С. С. 16

...Зазвонила вертушка. Трубку взял Шепилов, сказал в нее несколько раз: «Да, да», — и, вернувшись к столу, за которым мы сидели, сказал: «Позвонили, что товарищ Сталин умер».

И несмотря на все предыдущее — на заседание, после которого мы приехали сюда, на решения, которое были приняты, все равно что-то в нас, во всяком случае во мне, содрогнулось в эту минуту. Что-то в жизни кончилось. Что-то другое, неизвестное еще, началось. Началось не тогда, когда в связи с тем-то и тем-то оказалось необходимым назначить Маленкова Председателем Совета Министров еще при жизни Сталина и он был им назначен, — не тогда, а вот сейчас, после этого звонка.

Не помню, кто что взял на себя, что собрался делать и написать, — я сказал, что напишу стихи, я не знал, сумею ли написать эти стихи, но знал, что ни на что другое в этот момент не способен.

Не задерживаясь в «Правде», я поехал домой. «Литературная газета» выходила только послезавтра, седьмого, и я, вернувшись домой, позвонил своему заместителю Борису Сергеевичу Рюрикову, что приеду часа через два, заперся у себя в комнате и стал писать стихи. Написал первые две строфы и вдруг неожиданно для себя, сидя за столом, разрыдался. Мог бы не признаваться в этом сейчас, потому что не люблю ничьих слез — ни чужих, ни собственных, — но, наверное, без этого трудно даже самому себе объяснить меру потрясения. Я плакал не от горя, не от жалости к умершему, это не были сентиментальные слезы, это были слезы потрясения. В жизни что-то так перевернулось, потрясение от этого переворота было таким огромным, что оно должно было проявиться как-то и физически, в данном случае судорогой рыданий, которые несколько минут колотили меня.

Симонов К. С. 257

Стоя в молчании, мы думали, вероятно, каждый свое, но общее чувство было — ощущение перемен, которые должны, которые не могут не произойти в жизни нашего государства, нашего народа... Что-то должно обязательно измениться в нашей жизни, притом к лучшему...

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

В последние минуты, когда все уже кончалось, Берия вдруг заметил меня и распорядился: «Уведите Светлану!» На него посмотрели те, кто стоял вокруг, но никто и не подумал пошевелиться. А когда все было кончено, он первым выскочил в коридор и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывававший торжества: «Хрусталев! Машину!»

Аллилуева С. С. 13

Как только Сталин умер, Берия тотчас сел в свою машину и умчался в Москву с «ближней» дачи. Мы решили вызвать туда всех членов Бюро или, если получится, всех членов Президиума ЦК партии. Точно не помню. Пока они ехали, Маленков расхаживал по комнате, волновался. Я решил поговорить с ним. «Егор, — говорю, — мне надо с тобой побеседовать». «О чем?» — холодно спросил он. «Сталин умер. Как мы дальше будем жить?» — «А что сейчас говорить? Съедутся все, и будем говорить. Для этого и собираемся». Казалось бы, демократический ответ. Но я-то понял по-другому, понял так, что давно уже все вопросы оговорены им с Берией, все давно обсуждено. «Ну, ладно, — отвечаю, — поговорим потом».

Вот собрались все. Тоже увидели, что Сталин умер. Приехала и Светлана. Я ее встретил. Когда встречал, сильно разволновался, заплакал, но смог сдержаться. Мне было искренне жаль Сталина, его детей, я душою оплакивал его смерть, волновался за будущее партии, всей страны. Чувствовал, что сейчас Берия начнет заправлять всем. А это — начало конца. Я не доверял ему, не считал уже его коммунистом. Я считал его

способным на все, быстрым на расправу мясником и убийцей.

Хрущев Н. Т. 2. С. 133

Пришли проститься прислуга, охрана. Вот где было истинное чувство, искренняя печаль. Повара, шоферы, дежурные диспетчеры из охраны, подавальщицы, садовники — все они тихо входили, подходили молча к постели, и все плакали. Утирали слезы как дети, руками, рукавами, платками. Многие плакали навзрыд, и сестра давала им валерьянку, сама плача. А я-то, каменная, сидела, стояла, смотрела, и хоть бы слезинка выкатилась... И уйти не могла, а все смотрела, смотрела, оторваться не могла.

Аллилуева С. С. 17

Светлана плакала. После смерти Сталина Неговский отошел, а меня Светлана не пускала. Она попросила причесать его. Он был всклокочен и брови в беспорядке. Я причесала брови, потом волосы. Назад зачесывала и немного направо. Волосы у него были не очень жидкие. Потом Светлана обратила внимание, что у него открыты глаза. Я стала закрывать ему глаза, но они никак не закрывались. Тогда я попросила Светлану дать мне пятаки. Она говорит так растерянно: «А у меня нет...» И тогда я еще раз опустила ему веки и долго-долго держала, чтобы глаза закрылись. Потом отпустила, но веки все равно чуть-чуть приподнялись и слегка приоткрыли белки.

Ворошилов плакал. Маленков был спокоен. Берия кричал, носил мундир Сталина, что-то еще на улицу, в

машину. «Скорую» он вызывал, чтобы отвезти тело в Кремль.

Чеснокова Г. // Комс. правда. 1988. 5 марта

Пришла проститься Валентина Васильевна Истомина, — Валечка, как ее все звали, — экономка, работавшая у отца на этой даче лет восемнадцать. Она грохнулась на колени возле дивана, упала головой на грудь покойнику и заплакала в голос, как в деревне. Долго она не могла остановиться, и никто не мешал ей.

Аллилуева С. С. 17

Пятого марта 1953 года отец возвратился домой раньше обычного, где-то перед полночью. «А как же дежурство?» — пронеслось у меня в голове. Пока отец снимал пиджак, умывался, мы молча ожидали, собравшись в столовой. Он вышел, устало сел на диван, вытянув ноги. Помолчал, потом произнес: «Сталин умер. Сегодня. Завтра объявят». Он прикрыл глаза.

Я вышел в соседнюю комнату, комок подкатился к горлу, а в голове сверлила мысль: «Что же теперь будет?»

Я искренне переживал, но мое второе «я» как бы со стороны оценивало происходящее, и я внутренне ужаснулся, что глубина моих чувств недостаточна, не соответствует трагизму момента. Однако большего не получилось, я вернулся в столовую.

Отец продолжал сидеть на диване, полуприкрыв глаза. Остальные застыли на стульях вокруг стола. Я никого не замечал, смотрел только на отца.

Помявшись, спросил: «Где прощание?» — «В Колонном зале. Завтра объявят», — как мне показалось, равнодушно и как-то отчужденно ответил отец. Затем он добавил после паузы: «Очень устал за эти дни. Пойду посплю».

Отец тяжело поднялся и медленно направился в спальню.

Я был растерян и возмущен: «Как можно в такую минуту идти спать? И ни слова не сказать о нем. Как будто ничего не случилось!» Поведение отца поразило меня...

С. Хрущев.

Цит. по: *Зенькович Н. С.* 130–131

Поздно ночью, — или, вернее, под утро уже, — приехали, чтобы увезти тело на вскрытие. Тут меня начала колотить какая-то нервная дрожь, — ну, хоть бы слезы, хоть бы заплакать. Нет, колотит только. Принесли носилки, положили на них тело. Впервые увидела я отца нагим, — красивое тело, совсем не дряхлое, не стариковское. И меня охватила, кольнула ножом в сердце странная боль — и я ощутила и поняла, что значит быть «плоть от плоти». И поняла я, что перестало жить и дышать тело, от которого дарована мне жизнь, и вот я буду жить еще и жить на этой земле.

Аллилуева С. С. 17–18

Смерть Сталина я воспринял, скажу откровенно, двояко. В основном, мне было жаль Светлану, его дочь. Она ведь — я это хорошо знал — и до этого была

одиноким человеком, а после смерти Сталина жизнь ее и вовсе не заладилась. Внешне, конечно, и Хрущев, и Ворошилов, к примеру, ее опекали, на самом же деле, эти люди прекрасно знали очень слабую психику Светланы и подталкивали ее к тому; что, в конце концов, и случилось.

Берия С. С. 303

И тело увезли.

Аллилуева С. С. 18

Шестого марта в 11—12 часов дня на Садово-Триумфальной во флигеле во дворе здания, которое занимает кафедра биохимии 1-го МОЛМИ, состоялось вскрытие тела Сталина. Присутствовали из состава комиссии только я и Лукомский. Были типы из охраны. Вскрывал А. И. Струков, профессор 1-го МОЛМИ, присутствовал П. Н. Аничков (президент АМН), биохимик профессор С. Р. Мордашев, который должен был труп бальзамировать, патологоанатомы: профессора Скворцов, Мигунов, Русаков. По ходу вскрытия мы, конечно, беспокоились — что с сердцем? Откуда кровавая рвота? Все подтвердилось. Инфаркта не оказалось (были найдены лишь очаги кровоизлияния)...

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

Результаты вскрытия не только подтвердили диагноз кровоизлияния в мозг, повлекшее за собой паралич правой половины тела и поражение моторного центра речи, расположенного в левом полушарии

головного мозга, но и выявили свежий инфаркт миокарда, причиной которого явилась выраженная гипертрофия стенки левого желудочка сердца на почве многолетней гипертонической болезни. Это патологическое изменение повлекло за собой острый отек левого легкого. Кроме того, вскрытие выявило сильно выраженные склеротические изменения всех артерий головного мозга. В этом, по-видимому, кроется одна из причин ошибочных действий и неправильных оценок ситуаций Сталиным в последние годы его жизни.

Ноймайр А. С. 451

...Сильный склероз мозговых артерий, который мы видели на вскрытии И. В. Сталина, может возбудить вопрос: насколько это заболевание, несомненно, развившееся на протяжении ряда лет — могло сказаться на состоянии Сталина, на его характере, на его поступках в эти годы. Ведь хорошо известно, что атеросклероз мозговых сосудов, приводящий к нарушению питания нервных клеток, сопровождается нарушением функций нервной системы. Прежде всего со стороны высшей нервной деятельности отмечается ослабление процессов торможения, в том числе и дифференциального. Легко себе представить, что в поведении Сталина это проявлялось потерей ориентации — что хорошо, что дурно, что полезно, а что вредно, что допустимо, что недопустимо, кто друг, а кто враг. Параллельно происходит так называемое обострение черт личности: сердитый человек становится злым, несколько подозрительный становится подозрительным болезненно, начинает испытывать манию преследования — это

полностью соответствует поведению Сталина в последние годы жизни.

Мясников А. // Лит. газ. 1989. 1 марта

...Нужно просто учитывать возраст и общее состояние Сталина, который к своему здоровью относился скверно: обедал когда придется, никакой диеты не соблюдал. Очень любил яичницу, способствующую возникновению бляшек на сосудах. Специального диетолога или хотя бы личного врача не имел. Правда, во время и после войны его навещали профессора Виноградов, Преображенский и Бакулев. Доктор Кулинич брал кровь из пальца, делал уколы от гипертонии. Но в последнее время, если одолевала гипертония или очередная ангина, он к врачам не обращался — этого еще не хватало! А брал у Поскребышева, бывшего фельдшера, необходимые таблетки. Штатные врачи обслуживали в основном сотрудников охраны и крайне редко — самого Сталина.

Так что его здоровье было серьезно ослаблено возрастом, сопутствующими хворями. А кровоизлияние при гипертонии немудрено. Туков присутствовал при вскрытии. Начальник Санитарного управления Куперин показал ему, где лопнул мозговой сосуд. Там разлилась кровь размером с пяточок. Куперин сказал:

— Вот эту кровь сразу бы ликвидировать... Человек бы еще жил...

Да вот кто бы смог тогда совершить это чудо?

Рыбин А. С. 50

Все как-то неосознанно ждали, сидя в столовой, одного: скоро, в шесть часов утра по радио объявят весть о том, что мы уже знали. Но всем нужно было это услышать, как будто бы без этого мы не могли поверить. И вот, наконец, шесть часов. И медленный, медленный голос Левитана или кого-то другого, похожего на Левитана, — голос, который всегда сообщал нечто важное. И тут все поняли: да, это правда, это случилось. И все снова заплакали — мужчины, женщины, все... И я редела, и мне было хорошо, что я не одна, и что все эти люди понимают, что случилось, и плачут со мной вместе.

Аллилуева С. С. 18–19

Для подтверждения диагноза «кровоизлияние в мозг, поразившее функции жизненно важных зон мозга», поставленного кардиологом, профессором Мясниковым, и невропатологом, профессором Коноваловым, а также для проверки правильности действий врачей при лечении Сталина была создана комиссия из семи членов АМН. Результаты работы комиссии были опубликованы в печати 7 марта 1953 года: «Результаты патологоанатомического исследования полностью подтверждают диагноз, поставленный врачами-профессорами, лечившими И. В. Сталина. Данные патологоанатомического исследования установили необратимый характер болезни И. В. Сталина, начиная с момента возникновения кровоизлияния в мозг. Поэтому принятые энергичные меры лечения не могли дать положительного результата и предотвратить роковой исход». Протокол вскрытия, подписанный девятью врачами и заверенный патологоанатомом профессором Мигуновым, завершается

точным заключением: «...очаг кровоизлияния в области подкорковых узлов левого полушария головного мозга, ответственном за перекрестный паралич половины тела. Кроме того, выявлены значительные атеросклеротические изменения всех сосудов головного мозга... установлена значительная гипертрофия левого желудочка сердца и свежее кровотечение стенки миокарда».

Ноймайр А. С. 450–451

Было часов 5 утра. Я пошла в кухню. В коридоре слышались громкие рыдания, — это сестра, проявлявшая здесь же, в ванной комнате, кардиограмму, громко плакала, — она так плакала, как будто погибла сразу вся ее семья... «Вот, заперлась и плачет уже давно», сказали мне.

Аллилуева С. С. 18

«ЭПИКРИЗ

Смерть Иосифа Виссарионовича Сталина последовала от обширного мозгового кровоизлияния, вызвавшего необратимые нарушения жизненно важных функций дыхания и кровообращения. Кровоизлияние в мозг возникло на почве гипертонической болезни, которая способствовала также развитию атеросклероза мозговых и в меньшей степени венечных артерий сердца. В связи с кровоизлиянием возникли острые нарушения кровообращения в мышце сердца. Одновременно возникли множественные мелкие кровоизлияния в слизистой желудка и желудочное кровотечение. Учитывая течение болезни, следует признать, что

указанные нарушения кровообращения способствовали развитию повторных приступов коллапса, которые наблюдались в последний день жизни И. В. Сталина.

Комиссия считает целесообразным; вскрытие и долговременное бальзамирование тела товарища Сталина произвести в специальной лаборатории Мавзолея В. И. Ленина».

Из протокола № 1 заседания комиссии по организации похорон товарища Сталина.

Цит. по: *Ноймайр А.* Диктаторы в зеркале медицины

«ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПОХОРОН ТОВАРИЩА ИОСИФА ВИССАРИОНОВИЧА СТАЛИНА. ТТ. ХРУЩЕВУ Н. С., КАГАНОВИЧУ Л. М.

Выражая желание советского народа и свое лично, сохранить облик дорогого всем нам Иосифа Виссарионовича на долгие-долгие годы, я предлагаю свои услуги для создания мавзолея товарищу СТАЛИНУ из незамерзающего стекла.

У меня имеется акт на испытание способа изготовления незамерзающего стекла при температуре 60 градусов ниже нуля. По моим расчетам это стекло должно выдержать ниже нуля температуру до 100 градусов.

Необходимое количество стекла для мавзолея можно произвести на ряде заводов промышленности строительных материалов СССР в виде стеклоблоков малого размера и стеклопакетов больших размеров.

Производство такого стекла для строительства мавзолея можно организовать в короткие сроки. Стекло такой марки не пропускает холод и тепло.

Все остальные технические подробности я могу комиссии доложить лично.

Дважды лауреат Сталинской премии
конструктор-изобретатель

С. КОРОЛЕВ

6 марта 1953 г.»

Цит. по: *Докучаев М. С.* 328

«ПАТАЛОГОАНАТОМИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ

Гипертоническая болезнь со значительной гипертрофией левого желудочка сердца. Выраженный атеросклероз артерий головного мозга, умеренный атеросклероз венечных артерий сердца, атеросклеротический нефросклероз. Обширное кровоизлияние с размягчением в области подкорковых узлов и внутренней капсулы левого полушария мозга. Множественные субэндокардиальные кровоизлияния в левом желудочке, преимущественно в перегородке. Неравномерность кровенаполнения в области задней стенки левого желудочка с дистрофическими изменениями миокарда. Множественные мелкие геморрагические эрозии слизистой оболочки желудка и двенадцатиперстной кишки с умеренным кровоизлиянием в полость желудка и тонких кишок. Острый катаральный бронхит правого легкого, преимущественно нижней доли. Отек правого легкого с гипостазами и ателектазами... Ожирение печени с небольшими цирротическими

изменениями. Множественные дивертикулы сигмовидной кишки и брюшинные спайки по ее окружности».

Из протокола № 1 заседания комиссии по организации похорон товарища Сталина.

Цит. по: *Зенькович Н. С.* 138

Приведенные выше клинические и патологоанатомические данные позволяют полностью исключить возможность отравления в результате предумышленного покушения на убийство. Намеки на такую возможность, делавшиеся преемником Сталина Никитой Хрущевым после XXII съезда партии в 1961 году, но всей видимости, имели определенную цель. После обнародования правды о чудовищных преступлениях Сталина новые правители пытались как-то реабилитировать собственное поведение и убедить разъяренных товарищей в том, что уже при жизни Сталина они были антисталинистами и, будучи «ленинским ядром», пытались активно противодействовать Сталину. С точки зрения завоевания и укрепления доверия советского народа к новому руководству намек на существование заговора и плана отравления Сталина мог иметь определенный смысл.

Ноймайр А. С. 452

Когда 5 марта во второй половине дня отец скончался и тело было затем увезено на вскрытие, началась по приказанию Берия эвакуация всей дачи в Кунцево. Весь персонал и охрана, требовавшая немедленного вызова врача, была *уволена*. Всем было велено молчать. Дачу закрыли и двери опечатали. Все

имущество и мебель вывезли. Никакой дачи никогда «не было». Официальное коммюнике правительства сообщило народу *ложь*: что «Сталин умер в своей квартире в Кремле». Сделано это было для того, чтобы никто из персонала не смог бы жаловаться: никакой дачи в данных обстоятельствах «не существовало»...

Аллилуева С. С. 217–218

Физическая слабость Сталина оставалась народу неизвестна, и поэтому его кончина произвела ошеломляющее впечатление.

Кузнецов Н. С. 413

Вспоминаю такой эпизод: вместе с Хрущевым я был включен в Комиссию по похоронам Сталина, и вот когда мы ехали в авто с телом Сталина, Хрущев тронул меня за руку и сказал: «Как, Лазарь, будем жить-то и работать без Сталина? Тяжело будет нам». Помню мой ответ: «В 1924 году, когда умер Ленин, положение в стране и в партии было потруднее: был НЭП, нэпманы, восстановление разрушенного хозяйства не было еще завершено, в партии орудовали троцкистская и другие оппозиции, — а выжили мы, да еще как пошли вперед, потому что верные Ленинизму кадры сплотились вокруг ЦК, который повел партию по Ленинскому пути. Если будем твердо держаться этого Ленинского пути, по которому нас вел Сталин, мы выживем и будем успешно двигаться вперед».

Хрущев пожал мою руку и сказал: «Ты говоришь правильно — будем все вместе идти по этому пути, по которому нас вел Сталин».

Хрущев, как и все мы, активно участвовал в составлении приведенного обращения ЦК. Не думаю, что Хрущев был тогда искренен и не хитрил, как некоторые полагают.

Каганович Л. С. 500

Если бы кто из наследников Сталина задумал, после его смерти, что-либо продать из вещей, находившихся в его квартире в Волынском, он не сумел бы этого сделать — продать было нечего. Ценных вещей, картин (на стене висела лишь искусно сделанная репродукция с картины художника Ефанова «Бурелом», да несколько фотографий из журнала «Огонек»), дорогой мебели у Сталина не было. Многочисленные подарки, порой очень дорогие и уникальные, которые Сталин получал от обожавших его рабочих и трудовых коллективов со всех концов мира (особенно в дни своего 60-летия и 70-летия), он себе не оставлял, немедленно передавал в собственность государства (в музей).

Жухрай В. С. 74

— Сталин очень строго к этому относился. Его и хоронить-то не в чем было. Рукава обтрепанные у мундира подшили, почистили...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 358*

После смерти Сталина в спальне на столике Старостин обнаружил сберегательную книжку. Там скопилось всего девятьсот рублей — все богатство вождя. Старостин передал сберкнижку Светлане.

Рыбин А. С. 75

Точно такое же отношение было у И. В. Сталина к гонорарам, которые причитались ему за публикации его трудов (а это были действительно его труды, ибо писал он, как и готовил свои речи, сам!), он считал, что эти деньги, в рублях ли, долларах или в какой другой валюте, принадлежат народу, и поэтому нет ничего удивительного в том, что после смерти Сталина осталось всего лишь 30 тысяч рублей, которые Светлана и разделила между всеми его внуками.

Чтобы понять, какая это была тогда сумма, скажу, что в те годы шахтер получал в месяц от 8 до 13 тысяч рублей. Машина «Москвич-401» стоила 8 тысяч рублей, ЗИМ — 40 тысяч, ЗИС-110 — 75 тысяч рублей.

Аллилуев В. С. 285

Когда готовились похороны И. В. Сталина, приближенного к нему генерала из личной охраны попросили заменить ботинки, в которых Сталину предстояло лежать в гробу в Колонном зале Дома Союзов. Ботинки были очень старыми, да еще со стоптанными каблуками. «Нет у него других», — ответил генерал и заплакал.

Жухрай В. С. 79

В 1961 году Управление делами ЦК КПСС осмелилось инвентаризовать и перевезти их [вещи Сталина] со спецдачи в Волынском на склады хозяйственного отдела. Имущества оказалось не так уж мало, и это при том, что часть его перевели из числа музейных редкостей в хозяйственный инвентарь, часть оставили для использования на остальных спецдачах и хозяйствах. Изделия из драгоценных металлов передали в госфонд, часть личных вещей переслали инвалидным домам, а часть уничтожили, как не имеющую исторического значения. И, тем не менее, из малого дома в Волынском забрали: четыре дубовых столика, двенадцать настенных бра и люстру, два на матрасника, три термометра наружных и два комнатных градусника, одиннадцать шелковых занавесок и полузанавесок, одну плевательницу.

Из главного дома тридцать восемь рожковых люстр, тринадцать термометров, семь обеденных столов, восемьдесят девять шелковых занавесок (репс), тринадцать мраморных пепельниц, тридцать три кресла, два водочных графина и четырнадцать рюмок, один чайник для заварки, одну масленку, одну подушку-думку, десять козелков для полотенец, рояль концертный с чехлом и стулом, столовый сервиз на пятьдесят девять предметов с инвентарным номером 576.

Из бильярдного домика: пятнадцать драпировочных занавесок из сурового полотна, три бра, одну кленовую скамейку, один термометр, одну мыльницу фаянсовую и полный бильярдный набор, включая пятьдесят восемь киев.

Из бани — пять махровых халатов и одиннадцать разных, тридцать пять салфеток, семь перинок. Из беседки — один плетеный лежак, кнопку звонковую, тридцать штор, два термометра наружных и один ламбрекен.

Посуды забрано невероятно много. Среди нее — соусницы фарфоровые, икорница стеклянная, судок для специй, шпажки для шашлыка, самовар, стаканы чайные с подстаканниками, стопки нарзанные.

Из личной одежды: мундир, пояс маршальский, двое брюк, шинель, сапоги, ботинки с резинкой, две фуражки, папаха каракулевая, шапка-ушанка, две сабли и три пары шпор.

В музее с дачи ушли подарки вождю от трудящихся, среди которых: гобелены и ковры с портретами Ленина, слоновые бивни в серебряной оправе, лодка в форме дракона, бронзовый бюст Рузвельта, глобус на подставке из слоновой кости от экипажей китобойной флотилии «Слава», бронзовая скульптура Олега Кошевого, кубок из кости мамонта.

Передано Гознаку для переплавки — серебряная скульптура и два бюста Сталина, один портсигар, восемнадцать посеребренных пластинок к подаркам, фляга для вина.

Из наград нагрудных — значок «X лет Октября», значок с изображением серпа, молота и звезды, депутатский значок ВЦИК № 120, орден Красного Знамени старого образца № 400 (с красной лентой), орден с изображением звезды и полумесяца, бронзовый, 1922 года.

Из вещей и подарков, подлежащих использованию, кроме мебели, значатся: трубка ореховая, фотография Е. Г. Джугашвили, альбом «Басни С. Михалкова», четыре лупы, одна кастрюля алюминиевая с крышкой, фарфоровая фигура «Гусь», швейная машинка ПМЗ, бурка, фотопортрет «Меня сегодня приняли в пионеры», тапочки беговые на шипах, портреты Горького, Демьяна Бедного, Серафимовича, Шолохова, Маяковского, Аллилуевой, модель паровоза, домино, два будильника, девяносто три грампластинки оперной музыки, восемь пластинок балетной музыки, пятьдесят семь пластинок русских и украинских песен, шуба белая (чехословацкая), двадцать три курительных трубки, четыре винтовки и пять военных биноклей, портрет Мао Цзэдуна на фарфоре, один градусник, двадцать различных отрезков, сто двадцать семь карандашей, шесть метров коверкота, секатор.

Списаны по акту как пришедшие в негодность: два мундира, четырнадцать шерстяных кителей, две толстовки с брюками, тринадцать брюк к мундиру, два кавказских пояса, четыре штатских костюма, десять пар туфель-сандалий, восемнадцать помочей, одна шапка монгольская и три каракулевых папахи, шаровары бархатные синие, три башлыка, сапоги кавказские мягкие желтые, блокнот «Делегату XVIII съезда ВКП(в)», две бекеша, пять меховых шуб, девять шинелей и пальто, пятнадцать расчесок. «Списали» и медицинское оборудование: вождя; кислородные подушки, пузырь для льда, грелку резиновую, поильник, мочеприемник с чехлом, судно подкладное, а также портрет Буденного, три пары унтов, двадцать воротничков, тридцать девять мундштуков и две чистки для трубок.

В инвалидные дома ушло; восемьдесят две пары брюк, тринадцать шарфов, шестьдесят семь шерстяных курток (эпонжевых), пять пар галош, восемь пар сапог, сто сорок четыре платка, тридцать восемь верхних рубашек, один тулуп и четырнадцать пальто, два кожаных чемодана, одно кимоно, двадцать одна пара батистового белья, пять пар кальсон, восемь репсовых халатов, одна пара валенок, три двухрядные гармони с футлярами и один неисправный баян.

Красиков С. С. 90–92

Гроб с телом покойного был установлен в Доме Союзов.

Рыбин А. С. 46

Хотя мне сообщили по телефону, что надо прийти в Колонный зал около трех часов дня, я с большим трудом добрался туда только около пяти. Подойти к Колонному залу пешком было уже почти невозможно...

Симонов К. С. 261

Плачущий Клемент Готвальд спросил у Ворошилова:

— Как же вы не уберегли товарища Сталина?

— Все мы накануне смотрели картину в Кремле. Сталин был бодр и весел. После картины мы разошлись по своим домам...

Все верно. Для первого маршала это событие было такой же ошеломляющей неожиданностью. Однако именно тогда Ворошилов прикрепил на китель покойного

Золотую Звезду Героя Советского Союза. Ту самую, от которой Сталин прежде отрекся.

Рыбин А. С. 46

Когда я стоял один из самых последних караулов вдруг по помосту, на котором стоял гроб, на две-три ступеньки вверх поднялась дочь Сталина Светлана и долго смотрела на отца, на его лицо. Повернулась, отошла и снова села в кресло, стоявшее справа от головы Сталина.

Симонов К. С. 263

Из тайно записанного спецслужбами разговора сына Сталина Василия с шофером Февралевым о похоронах отца: «У гроба в почетном карауле стоят Маленков, Берия, Молотов, Булганин. И вдруг старуха им говорит: «Убили, сволочи, радуйтесь! Будьте вы прокляты!»

Зенькович Н. Покушения и инсценировки. С. 306

Вечером 8 марта звонит мне сосед — маршал связи Пересыпкин.

— Ты был в Колонном?

— Нет, Иван Терентьевич.

— Давай быстро одевайся, едем вместе. Я сейчас собираюсь туда.

И вот мы с Пересыпкиным, оба в военной форме, мчимся в город.

Подъезжаем к первому подъезду Колонного зала со стороны Охотного ряда. Знакомый вестибюль, раздевалка, лестница на второй этаж и большой холл перед эстрадой, где обычно собираются президиумы различных конференций и заседаний перед выходом в зал. Сегодня здесь множество людей.

Через каждые несколько минут — очередной почетный караул. Мне прикрепляют на левом рукаве траурную повязку. Люстры Колонного зала затянуты черным крепом. Пол покрыт еловыми ветками. На эстраде симфонический оркестр, слева, в центре зала, на возвышении, утопающий в цветах гроб. В голове и в ногах его стоят часовые.

В числе других и я стал в почетный караул. Не стыжусь признаться: комок подступил к горлу. Я с трудом сдержался, чтобы не разрыдаться.

Яковлев А. С. 409–410

Еще стоя в Колонном зале, я несколько раз думал, почему именно так положены руки у Сталина, и вдруг, когда вошли в Мавзолей, понял, что руки у него положены точно так же, как поверх френча были положены руки у Ленина...

Симонов К. С. 264

Сразу же после неожиданной болезни вождя какие-то странные личности забрали у наследников Лидии Тимашук все материалы, относящиеся к делу врачей.

Красиков С. С. 90

Продолжали сменяться последние караулы. Из задней двери вышли руководители партии и правительства и подошли к гробу. В эту же минуту маршалы начали брать подушки с орденами и медалями Сталина. И только тут я заметил, хотя несколько раз за эти дни стоял в карауле, лежавшие перед гробом в ногах эти подушки. Первую подушку взял Буденный, за ним стали брать другие. Гроб закрыли крышкой с полукруглым стеклянным или плексигласовым фонарем над лицом Сталина, подняли и понесли. Процессия двигалась медленно, мы шли в последних рядах ее, позади нас, еще через один или два ряда шли дипломаты. Оглянувшись, я увидел, что некоторые из них идут в странно и даже нелепо выглядывших в этой процессии цилиндрах.

Симонов К. С. 263

Утро 9 марта 1953 года было холодным и хмурым. На одной из ближайших к Мавзолею трибун с болью в сердце пережил я всю печальную церемонию похорон.

Яковлев А. С. 410

Прошло более сорока лет после смерти Сталина, а я никак не забуду ту живую и непосредственную реакцию нашего народа на эту смерть. Сколько потом было руководителей страны, ушедших в небытие, а такой искренней печали и слез я больше не видел. И такого всеобщего уважения и любви не заслужил больше ни один лидер страны!

Аллилуев В. С. 297

Сначала внутри Мавзолея, поднимаясь по его ступеням, мы проходили рядом с саркофагом, в котором лежал Ленин, а потом, повернувшись, проходили рядом с гробом Сталина, поставленным на черный узкий мраморный камень, рядом с саркофагом Ленина, и, проходя тут, впервые совсем уже близко, меньше, чем на расстоянии вытянутой руки, я еще раз увидел лицо Сталина. Оно было до такой степени живое, если это можно сказать о мертвом лице, что с какой-то особенной страшной силой потрясения именно в эту секунду я подумал, что он умер. А потом пошли ступеньки лестницы, все это осталось позади, и мы вышли из Мавзолея.

Симонов К. С. 264

...Передают рассказ бывшего Первого секретаря ЦК Компартии Грузии А. Мгеладзе о его встрече с Берией сразу после похорон Сталина. Берия хохотал, крыл Сталина матом: «Корифей науки! Ха-ха-ха!»

Чуев Ф. С. 396

И совершенно необычно было видеть в столь скорбное для Родины время радостных и улыбающихся Лазаря Моисеевича и Юрия Лазаревича Кагановичей: первого на трибуне Мавзолея, второго — в первой шеренге готовящегося к траурному маршу подразделения академии Жуковского.

Ларисе Николаевне Васильевой в книге «Кремлевские жены» почему-то было угодно похоронить Юрия Лазаревича в 1952 году. Потому я бы адресовал ее к хроникальным кинокадрам похорон И. В. Сталина, где и сегодня возможно убедиться, что в начале марта 1953 года отец и сын Кагановичи были живы и на траурной церемонии не скрывали своей радости по поводу случившегося.

Красиков С. С. 148–149

Оказавшись в полной изоляции, Поскребышев ненадолго пережил своего хозяина и при встречах со знакомыми с опаской говорил:

— Сталина убил Берия. — И торопливо отходил в сторону.

Красиков С. С. 48

ЛИЧНОСТЬ: СВИДЕТЕЛЬСТВА БЕЗ КУПЮР

Очень немногое из его личной жизни становится известным общественности.

Фейхтвангер Л. С. 232

Я хотел знать (и мне это было необходимо) вкусы и привычки т. Сталина, особенности его характера, и я с любопытством и интересом ко всему присматривался.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 54

Я постепенно, очень медленно расшифровывал его характер.

Гронский И. М. *Из прошлого // Известия. 1991. С. 192*

О частной жизни Сталина, о его семье, привычках почти ничего точно не известно. Он не позволяет публично праздновать день своего рождения. Когда его приветствуют в публичных местах, он всегда стремится подчеркнуть, что эти приветствия относятся исключительно к проводимой им политике, а не лично к нему. Когда, например, съезд постановил принять предложенную и окончательно отредактированную Сталиным Конституцию и устроил ему бурную овацию, он аплодировал вместе со всеми, чтобы показать, что он принимает эту овацию не как признательность ему, а как признательность его политике.

Фейхтвангер Л. С. 232

В личной жизни Сталин был очень скромн, одевался просто. Ему очень шла гражданская одежда, подчеркивавшая еще больше его простоту. Часто я у него

обедал дома и на даче один или до середины 30-х гг. с женой. Между прочим, моя жена безоговорочно верила Сталину, уважала его и считала, что все беззакония, которые творились, делаются без его ведома.

Микоян А. С. 35

Сталина близко я увидел впервые: в сером коверкотовом однобортном пальто-макинтоше, такого же материала фуражке, в мягких шевровых сапогах.

Яковлев А. С. 77

Полувоенный костюм, в котором я впервые его увидел, стал постоянной одеждой, пока наконец не превратился в нынешнюю внушительную форму маршала. Для этого могло быть несколько причин. Одна, я думаю, заключается в его комплексе власти. Из-за физических дефектов — усохшей руки и двух сросшихся на ноге пальцев — он был признан негодным к военной службе в царской армии. Военная форма, видимо, дает ему некоторую компенсацию за это.

Бармин А. С. 304

— Сталин часто ходил в старой дохе, рассказывал мне (Чуеву) Артем Федорович. По-видимому, она у него была с Гражданской войны, но многие считали, что он привез ее из ссылки, из Туруханского края... В прихожей висела его фронтовая шинель, которую ему однажды пытались заменить, но он устроил скандал: «Вы пользуетесь тем, что можете мне каждый день приносить

новую шинель, а мне еще эта лет десять послужит!»
Старые-престарые валенки...

Чуев Ф. С. 359

...Выходные туфли у него имелись только одни. Еще довоенные. Кожа уже вся потрескалась. Подошвы истерлись. В общем, еле дышали на ладан. Всем было страшно неловко, что Сталин ходил в них на работе и приемах, в театре и других людных местах. Вся охрана решила сшить новые туфли. Ночью Матрена Бутузова поставила их к дивану, а старые унесла. Утром Сталин позвал Орлова и спокойным, мягким голосом спросил:

— Где мои ботинки?

— Товарищ Сталин, ведь вы — Генеральный секретарь нашей партии. Генералиссимус, глава правительства! Вы же постоянно находитесь в общественных местах! Каждый день принимаете иностранных послов и гостей. А сейчас, во время предстоящих юбилейных торжеств!.. — пылко наступал Орлов, уже привыкший, что вождь прислушивается к его советам.

— Лучше верните мне ботинки, — прервал его Сталин и продолжал носить их до последних дней. Благо Матрене удавалось блеском крема скрыть ветхость обуви.

Рыбин А. С. 72

У него нет особых требований или особых привычек. Он всегда одет в полувоенный, просторный, удобный костюм. Курит тот же табак, что и мы с вами. Но для тех, для кого он мыслит и работает, он хочет побольше всего

и получше, чтобы вкусы и требования росли у нас вместе с культурой и материальным благосостоянием. Он всегда весел, остроумен, ровен и вежлив...

Толстой А. Н. Избр. соч. М., 1950. Т. 6. С. 455

Но главная причина его постоянства в одежде, наверное, тоньше. Чтобы тоталитарная система была устойчивой необходимо, чтобы большинство населения обожествляло лидера. Для этого им нужен постоянный образ. Неизменность — один из атрибутов божества, и Сталин достаточно умен, чтобы не чувствовать это.

Бармин А. С. 304

Изображения Сталина встречаются на каждом шагу, его имя на всех устах, похвалы ему во всех выступлениях. В частности, в Грузии в любом жилище, даже в самом жалком, самом убогом, вы непременно увидите портрет Сталина на том самом месте, где раньше висела икона. Я не знаю, что это: обожание, любовь, страх, но везде и повсюду — он.

Жид А. Возвращение из СССР. М., 1990. С. 88

Во всей истории нет человека, которого бы так почитали при жизни. В этом отношении можно вспомнить разве что Цезаря, но мы сомневаемся, имел ли Цезарь при жизни такой престиж, поклонение и богоподобную власть над народом, какой обладает Сталин. То, что говорит Сталин, является для народа истиной, даже если это противоречит естественному закону. Его родина уже превратилась в место паломничества. Люди, посещавшие

музей, пока мы там были, переговаривались шепотом и ходили на цыпочках. В тот день ответственной по музею была очень хорошенькая молодая девушка, и после прочитанной лекции она пошла в сад, срезала розы и преподнесла каждому из нас по бутону. Все тщательно спрятали цветы, чтобы сберечь их как сокровище в память о святом месте. Нет, во всей истории мы не знаем ничего, что можно было бы с этим сравнить.

Если Сталин при жизни обладает такой властью, то чем он станет, когда умрет? Во многих речах, которые нам пришлось выслушать в России, ораторы вдруг приводили цитату из Сталина в качестве окончательного доказательства справедливости своей мысли — точь-в-точь как средневековые схоласты ухватывались за цитату из Аристотеля. В России слово Сталина — истина в последней инстанции, и, что бы он ни сказал, никто не возразит. И это непреложный факт, чем бы ни пытались это объяснить — пропагандой, воспитанием, постоянным напоминанием, повсюду, присутствующей иконографией. Ощутить это в полной мере можно, когда услышишь, как слышали мы много раз:

— Сталин никогда не ошибался. За всю свою жизнь он не ошибся ни разу.

И человек, который говорит такое, преподносит это не как аргумент — это неопровержимо, он говорит это как абсолютную истину, вне всяких аргументов.

Стейнбек Д. Русский дневник. М.: Мысль. 1989. С. 110

На портретах Сталин производил впечатление высокого, широкоплечего, представительного человека.

В жизни он скорее небольшого роста, худощав, в просторной комнате Кремля, где я с ним встретился, он был как-то незаметен.

Фейхтвангер Л. *С. 231*

В реальной жизни Сталин сильно отличается от его ретушированных фотографий, которые доносят его облик до мира. Он более груб, прост и меньше ростом.

Бармин А. *С. 304*

Взглянув на него, я испытал нечто близкое к шоку. Он был совершенно не похож на того Сталина, образ которого сложился в моем сознании. Ниже среднего роста, исхудавший, с землистым, усталым лицом, изрытым оспой. Китель военного покроя висел на его сухощавой фигуре. Одна рука была короче другой — почти вся кисть скрывалась в рукаве. Неужели это он? Как будто его подменили!

Бережков В. *С. 233*

Сталин был немного ниже среднего роста, сложен очень пропорционально, держался прямо, не сутулился. Я никогда не видел у него румянца, цвет лица — серо-землистый. Лицо в мелких оспинах. Волосы гладко зачесаны назад, черные, с сильной сединой.

Яковлев А. *С. 397*

— Ленин ростом не выше Сталина был, но более коренастый. Потом у Сталина брюшко появилось...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 298*

Сталин — человек среднего роста, не очень плотный и отнюдь не военно-монументальный, как его изображают в гипсовых бюстах...

Зелинский К. Воспоминания // Вопросы литературы. 1991. Май. С. 156

Вставленные в стельку под пяткой прокладки делали его выше, чем он был на самом деле.

Бережков В. С. 273

Роста был небольшого, вероятно, не более пяти футов и четырех-пяти дюймов (или 1 метр 63 см) Такер Р. *С. 77*

Объективно же рост его составлял 1 м 67 см, как и у Наполеона.

Ноймайр А. С. 361

Сталин, едва ли превышавший 5 футов и 5 дюймов, был правильного, крепкого, но не грубого телосложения...

Хью Ланги (переводчик на встречах в верхах во время второй мировой войны).

Цит. по: *Ноймар А. С. 196*

Меня встретил человек среднего роста, с очень широкими плечами, крепко стоящий на ногах. И точно вылитая из одного металла с торсом, с сильно развитой шеей голова со спокойным твердым лицом...

Рындзюнская М. // Декада московских зрелищ. 1939. 21 дек. № 36. С. 16

Первое впечатление навсегда осталось в моей памяти. Это было впечатление о человеке какой-то удивительной стабильности и уверенной силы. Терпение — довольно редкая черта у людей дела. Она редко сочетается с «капризностью», «нелояльностью», «грубостью» и опасной жадой власти — как раз теми четырьмя чертами характера, которые Ленин отметил у Сталина в своем предсмертном письме к съезду партии, известном как его «завещание».

Бармин А. С. 304

Он был невысокого роста, что совершенно не соответствовало тому ходячему мнению о нем, которое установилось по его портретам и фотографиям. Волосы были посеребрены легкой проседью. В плечах — широк, шаг твердый, движения отнюдь не резкие.

Д. Рогаль-Левицкий.

Цит. по: *Громов Е. С. 344*

Вопрос: Когда состоялась Ваша первая встреча с И.В. Сталиным и каково Ваше общее впечатление о ней?

Ответ: Эту встречу я запомнил в деталях на всю жизнь. Была вторая половина апреля 1940 г. Я только что вернулся с Сельскохозяйственной выставки, где с группой контролеров Комиссии Советского Контроля проверял состояние дела с завершением работ к открытию выставки, как позвонил телефон и меня вызвали в Кремль к И.В. Сталину.

Мне еще ни разу не приходилось бывать у Сталина, хотя за последние два года я часто вызывался в Кремль к отдельным руководителям партии и правительства.

В назначенный час я явился в приемную Сталина, где за письменным столом сидел А. Н. Поскребышев. Поздоровавшись со мной, он сказал:

— Пошли!

Мы вошли в коридор.

— Вот здесь, — сказал Поскребышев, указывая на дверь. — Когда будешь уходить, зайди сначала ко мне.

Он повернулся и ушел к себе.

За дверью была небольшая комната Президиума Свердловского круглого зала. Здесь в этот день, 17 апреля 1940 г., проходило военное совещание по итогам советско-финляндской войны. Я знал об этом и мне очень хотелось присутствовать на этом совещании, потому что к обсуждавшимся вопросам я уже имел некоторое отношение по линии Комиссии Советского Контроля.

В указанной комнате находились Сталин, Молотов, Булганин и нарком лесной и бумажной промышленности СССР Анцелович.

Я робко поздоровался и встал у двери. Ко мне подошел Булганин и сказал: «Постой здесь». Я стоял в

смущении как, видимо, обычно бывает в присутствии великого или знаменитого человека. В это время Сталин, сильно взволнованный, ходил по комнате.

— Кажется, уже достаточно получено уроков, — сказал он с гневом в голосе.

Потом воцарилась тишина. Тишину нарушила только булькавшая вода, которую Сталин наливал себе в стакан из бутылки с «нарзаном». Выпив глоток, Сталин закурил папиросу и снова прошелся по комнате. Я внимательно следил за каждым движением вождя и всматривался в его лицо, стараясь уловить и запомнить каждую черту. Он был невысокого роста и не слишком широк в плечах. Чуть продолговатое лицо было покрыто еле заметными морщинами. Все еще густые, зачесанные кверху волосы слегка покрылись сединой. В чертах его проступало нечто военное. Резко бросались в глаза энергия и сила, которые были в выражении его лица.

Сталин был одет в полувоенную форму: наглухо застегнутая куртка, шаровары защитного цвета, сапоги.

Я впервые близко увидел Сталина.

До этого мне приходилось видеть его только издали: на торжественных заседаниях, во время парадов, на трибуне совещаний. И всегда этот образ возникал в ассоциации с теми многочисленными портретами, скульптурами, фотографиями, которых много было повсюду. Теперь же передо мной Сталин находился совсем близко, я мог протянуть руку, чтобы дотронуться до него. Многие сейчас хотели быть на моем месте, чтобы вот так близко смотреть на человека, на одного из тех немногих лиц, которые совершили великие дела, составившие целую полосу в истории человечества.

Конечно, возвеличивание Сталина, которое велось в течение ряда лет в нашей стране, оказывало и на меня огромное психологическое воздействие. Я явился к Сталину, когда у меня вполне сложилось впечатление о нем как о великом человеке, гении и вожде. И теперь, когда я был рядом с ним и всматривался в него, я уже не мог иметь о нем другого мнения. Он производил на меня сильное, неотразимое впечатление. Его личность давила на меня своим величием, которое ему было создано ежечасной, ежедневной пропагандой его личности.

Я. Чадаев.

Цит. по: *Куманев Г. С. 392–393*

На затылке бросались в глаза морщины.

Ноймайр А. С. 361

Рука его была совсем маленькой, пожатие вялым.

Бережков В. С. 233

Лицо его было покрыто оспинами и красными пятнами, кожа была вялой.

Ноймайр А. С. 360

— Есть портрет, где видны оспинки на лице Сталина. Говорят, он сказал по этому поводу: «Художники — слишком наблюдательный народ».

Сталин говорил, что, когда он был в сибирской ссылке, тамошние крестьяне его называли в деревне

Оська Корявый. Оспинки были на лице, но малозаметные. Если присмотришься... Когда мне об этом говорят, я вспоминаю.

В. Молотов.

Цит. по: Чуев Ф. С. 299

Параллельно жандармы наделяли его своими кличками, наиболее устойчивой была кличка «Рябой», намекавшая на следы от оспы на его лице.

Троцкий Л. С. 233

Волосы, как обычно у грузин, были иссиня-черного цвета.

Ноймайр А. С. 361

Желтоватый отлив его глаз заставлял чутких людей настораживаться.

Троцкий Л. С. 234

Крестинский (деятель начального этапа революции. — *Е. Г.*), в частной беседе сказал о нем: «Это дрянной человек с желтыми глазами».

Такер Р. С. 381

— Какие глаза были у Сталина?

— По-моему, красивые. Карие, да.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 298*

Вот как описал эти глаза Луис Фишер, которому довелось брать у Сталина интервью в Кремле: «Густые брови, мясистые веки и влажное мерцание над зрачками, казалось, специально созданы для того, чтобы прикрывать его взгляд от изучающих взглядов других. За время трехчасовой беседы Сталин всего два раза, и то очень коротко, открыто посмотрел мне в лицо».

Ноймайр А. *С. 361*

Глаза серо-коричневые. Иногда, когда он хотел, — добрые, даже без улыбки, а с улыбкой — подкупающе ласковые. Иногда, в гневе, — пронзительные.

Яковлев А. С. 397

У него темно-коричневые, иногда кажущиеся карими, глаза.

Он не похож ни на европейца, ни на азиата, но представляет собой какую-то смесь этих двух типов.

Бармин А. *С. 304*

Он нравился женщинам.

<...>

— Вообще Сталин красивый был. Женщины должны были увлекаться им. Он имел успех.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 309

Сталин, что никак не передано в его изображениях, очень подвижен...

Зелинский К. Воспоминания // Вопросы литературы. 1991. Май. С. 156

Его лицо никак не отражает его мысли. На мой взгляд, в нем есть какое-то сочетание тяжести и угрюмости.

Бармин А. С. 304

Сталин поражает... своей боевой снаряженностью. Чуть что, он тотчас ловит мысль, могущую оспорить или пересечь его мысль... и парирует ее. Он очень чуток к возражениям и вообще странно внимателен ко всему, что говорится вокруг него. Кажется, он не слушает или забыл. Нет... он все поймал на радиостанцию своего мозга, работающую на всех волнах. Ответ готов тотчас, в лоб, напрямик, да или нет... Он всегда готов к бою.

Зелинский К. Воспоминания // Вопросы литературы. 1991. Май. С. 156

Один только Сталин в 20—50-х годах продолжал сам писать и готовить свои выступления и доклады, свои статьи. Во всех остальных звеньях управления страной перешли на пользование шпаргалками, заготовленными не лучшими, а самыми худшими, самыми низшими

представителями советского чиновничества. Спрашивается — можно ли винить в этом Сталина, или вернее будет сказать, что *даже ему оказалось не под силу борьба с ленью, всеобщей косностью и вездесущим русским «авось, и так сойдет»*. И не в этом ли факте невозможности добиться нужных результатов в стране, путем терпеливой, долгой разъяснительной работы, Сталину, который знал, что надо спешить (ибо «отсталых бьют») в конце-концов, *пришлось уповать только на приказы, наказания, репрессии, как на единственную возможную форму эффективного руководства страной, где прежде столетиями процветали и укоренялись разгильдяйство, наплевательское отношение к казенной собственности, взяточничество, воровство и мошенничество во всех звеньях государственного аппарата и во всех порах общественной структуры населения?*

Недаром Сталин подчеркивал в одном из своих выступлений, что особенностью реформаторской деятельности Петра I было то, что ему к сожалению, *пришлось бороться с варварством и отсталостью в стране — не цивилизованными, а варварскими методами.*

Похлебкин В. С. 136–137

Его социализм был холодным, ясным и грубым.

Дойчер И. *Сталин. Политическая биография.* Лондон, 1949. С. 341

Тов. Сталин не был прирожденным оратором, говорил он тихо, но излагал свои мысли необыкновенно просто и доходчиво.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 122

Сталин говорит неприкрашенно и умеет даже сложные мысли выражать просто. Порой он говорит слишком просто, как человек, который привык так формулировать свои мысли, чтобы они стали понятны от Москвы до Владивостока. Возможно, он не обладает остроумием, но ему, несомненно, свойствен юмор, иногда его юмор становится опасным. Он посмеивается время от времени глуховатым, лукавым смешком. Он чувствует себя весьма свободно во многих областях и цитирует, по памяти, не подготовившись, имена, даты, факты всегда точно.

Фейхтвангер Л. С. 232

Сталин, как всегда, говорил очень неторопливо, иногда повторял сказанное, останавливался, молчал, думал, прохаживался. Видимо, вопрос был продуман им заранее, но какие-то подробности, повороты приходили в голову сейчас, по ходу разговора.

Симонов К. С. 132

Боли в ногах (полиартрит) не давали ему долго сидеть. Если стоял, то обязательно переминался. При

ходьбе становилось легче. Поэтому во время работы или совещания он всегда прохаживался по кабинету.

Рыбин А. С. 5

Когда он говорил, он умел превосходно прятать себя и свое мнение. Я уже вам говорил об этом, но хочу повторить: мимика его была чрезвычайно бедной, скупой, он не делал подчеркнуто непроницаемого выражения лица, но лицо его было спокойно. А, кроме того, он любил ходить так, чтобы присутствующие не видели его лица, и так как он сам выбирал эти моменты, то это тоже помогало ему скрывать свои чувства и мысли. По его лицу невозможно или почти невозможно было угадать направление его мыслей. И в этом был смысл, потому что охотников угадывать его мысли было много, он знал это, знал и меру своего авторитета, а также и меру того подхалимажа, на который способны люди, старающиеся ему поддакнуть. Поэтому он был осторожен, особенно тогда, когда речь шла о вопросе, который был ему относительно мало знаком, и он хотел узнать в подробностях чужие мнения.

И. Исаков.

Цит. по: *Симонов К. С. 347*

Мимика его была чрезвычайно бедной, скупой, и по лицу нельзя было угадать направление его мыслей. Ни одного лишнего жеста... выработанная манера, которая стала естественной. Эту сдержанность он сохранял во время побед и ликований.

Конев И. С. 123

Другим заметным качеством Сталина было его умение слушать. Он вызывал нужных ему людей, как бы случайно затевал разговор и незаметно вытягивал из собеседника все, что тот знал. Обладая феноменальной памятью, он запоминал всю полученную по конкретному вопросу информацию и в последующих беседах дельно высказывался, цитировал книги, которых не читал, словом, производил впечатление знающего человека. Пользоваться знаниями других людей, переваривать их и выдавать за плод работы собственного ума — всем этим Сталин обладал в совершенстве.

Бережков В. С. 152

Когда Сталин говорит, он играет перламутровым перочинным ножичком, висящим на часовой цепочке под френчем...

Зелинский К. Воспоминания // Вопросы литературы. 1991. Май. С. 156

Сталин говорит медленно, тихим, немного глухим голосом. Он не любит диалогов с короткими, взволнованными вопросами, ответами, отступлениями. Он предпочитает им медленные обдуманые фразы. Говорит он очень отчетливо, иногда так, как если бы он диктовал. Во время разговора расхаживает взад и вперед по комнате, затем внезапно подходит к собеседнику и, вытянув по направлению к нему указательный палец своей красивой руки, объясняет, растолковывает или,

формулируя свои обдуманые фразы, рисует цветным карандашом узоры на листе бумаги.

Фейхтвангер Л. С. 231–232

Сталин не любил широкого круга людей, посещения заводов, колхозов, собраний, что до 30-х гг. еще как-то выносил. Кажется, был тогда на заводе «Динамо» и еще где-то, но мало. Однако из бесед с окружающими товарищами, из их информации он много знал, так как эти люди, как правило, были квалифицированными, умеющими правильно разбираться в фактах и событиях, и поэтому Сталин был в целом в курсе всего того, что происходит в стране и за рубежом.

Микоян А. С. 556

Осенью 1947 года в Сочи я по поручению Сталина встречал на аэродроме английскую делегацию лейбористов — членов парламента. Тов. Сталин принимал их у себя на даче. Он разрешил мне присутствовать на этом приеме. Для меня эта встреча была очень интересной.

Англичане задавали вопросы глубоко политического характера, а также экономического. Тов. Сталин давал короткие, ясные, исчерпывающие ответы. После приема я проводил гостей на отведенную им дачу. На приеме были два наших переводчика. За ужином они поделились своими впечатлениями об этой встрече. Англичане были поражены эрудицией т. Сталина. «Это действительно великий человек, он не только прекрасно разбирается во всех политических вопросах, но и великолепно знает

экономику Англии», — говорили удивленные и восхищенные гости.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 112

Большую часть беседы он стоял или делал несколько шагов назад и вперед перед столом. Курил кривую трубку. Впрочем, курил мало. Зажигал ее, затягивался один раз, потом через несколько минут опять зажигал опять затягивался, и она снова гасла, но он почти все время держал ее в руке. Иногда он, подойдя к своему стулу, заложив за спинку большие пальцы, легонько барабанил по стулу остальными. Во время беседы он часто улыбался, но когда говорил о главной, занимавшей его теме — о патриотизме и о самоуничижении, лицо его было суровым и говорил он об этом с горечью в голосе, а два или три раза в его вообще-то спокойном голосе в каких-то интонациях прорывалось волнение.

Симонов К. С. 138–139

При обсуждении какого-либо вопроса машинально водил толстым синим или красным карандашом по листу чистой бумаги, пачка которой всегда лежала перед ним. На этом листе записывал свои замечания. Уходя домой, листочки эти складывал и уносил с собой.

Яковлев А. С. 398

У меня сложности порой возникали с составлением телеграмм нашим послам в Лондоне и Вашингтоне.

Проект телеграммы следовало приготовить сразу же после беседы, пока Сталин еще оставался у себя.

По своей старой подпольной привычке Сталин работал всю ночь, и прием дипломатов обычно проводился поздно, а то и на рассвете. Беседа порой продолжалась два-три часа, но телеграмма должна была занимать не больше двух страниц. Продиктовав, я снова отправлялся в кабинет Сталина. Он просматривал текст, делал те или иные поправки и подписывал. Но бывало и так, что его не устраивал мой вариант. Это его раздражало. Правда, груб он не был, а просто укорял:

— Вы тут сидели, переводили, все слышали, а ничего не поняли. Разве это важно, что вы тут написали? Главное в другом...

Он, однако, понимал, что я старался, но не сумел. И не было смысла отсылать меня с простым напутствием: «Переделайте». Он говорил:

— Берите блокнот и записывайте... — и диктовал по пунктам то, что считал важным.

После этого не стоило особого труда составить новую телеграмму. Все же всякий раз, когда случалось такое, долго оставался неприятный осадок.

Бережков В. С. 240

В то время мне приходилось очень часто встречаться со Сталиным и слушать его: на заседаниях, на совещаниях, на конференциях, слушать и видеть его деятельность при встречах с ним у него на квартире и в обстановке работы руководящего коллектива — Политбюро Центрального Комитета. На этом фоне Сталин

резко выделялся, особенно четкостью своих формулировок. Меня это очень подкупало. Я всей душой был предан ЦК партии во главе со Сталиным и самому Сталину в первую очередь

Хрущев Н. *Т. 1. С. 58*

Что касается заседаний, то, например, накануне войны заседания Бюро Совнаркома под председательством Сталина проводились регулярно в установленные дни и часы. Он ставил на обсуждение самые различные вопросы. Сталин обладал умением вести заседания экономно, уплотненно, был точен в режиме труда, лаконичен в словах и речах. Помимо этого проявлял демократичность и в ведении заседаний. Сталин стремился ближе приобщить к руководству делами правительства заместителей Председателя Совнаркома СССР. В дальнейшем он установил порядок, по которому по очереди некоторые из его заместителей вели заседания Бюро Совнаркома. В частности, это поручалось Вознесенскому, Косыгину, Маленкову, Берии.

Я. Чадаев.

Цит. по: *Куманев Г. С. 385*

Идти к Сталину с докладом неподготовленным, без знания сути дела было весьма рискованным и опрометчивым шагом со всеми вытекающими отсюда последствиями, — рассказывал Пономаренко. — Но это не означает, что атмосфера во время заседаний с участием Сталина или встреч с ним была какой-то напряженной, гнетущей. Отнюдь. Имели место и дискуссии, и даже острые споры, хотя за ним всегда было

последнее слово. Заседания у Сталина нередко проходили без какой-либо заранее объявленной повестки дня, но все поднимавшиеся на них вопросы продумывались им очень тщательно, вплоть до мелочей. Приведу один пример. В ноябре 1948 г. в конце заседания Политбюро, на котором был и я, недавно назначенный секретарем ЦК партии, Сталин, обращаясь к присутствующим, сказал:

«В декабре исполняется 50 лет заместителю министра Вооруженных Сил маршалу артиллерии товарищу Яковлеву. Его следует наградить. Но каким орденом?» Все молчали. Поскольку молчание затянулось, я решил проявить инициативу и предложил наградить Николая Дмитриевича орденом Ленина. Сталин посмотрел в мою сторону и спросил мнение членов Политбюро. Снова молчание. «Ну, что ж, — сказал он с недовольной ноткой, — орденом Ленина, так орденом Ленина». Закрывая заседание, попросил меня задержаться. Подошел ко мне и, пристально глядя в глаза, произнес: «Вы что, товарищ Пономаренко, полагаете, что мы, ставя такие вопросы, заранее их не продумываем? Ошибаетесь, товарищ Пономаренко. К Вашему сведению, в этом году к 30-летию Советской Армии товарищ Яковлев очередной орденом Ленина уже получил. Будьте повнимательнее...»

П. Пономаренко.

Цит. по: *Куманев Г. С. 96*

На партийных мероприятиях и деловых совещаниях он обычно молча слушает, курит трубку или папиросу. Слушая, рисует бессмысленные узоры на листе своего блокнота. Два личных секретаря Сталина, Поскребышев

и Двинский, однажды писали в «Правде», что иногда в таких случаях Сталин пишет в своем блокноте: «Ленин — учитель — друг». Они утверждали: «В конце рабочего дня мы находили у него на столе листки бумаги с этими словами». Нельзя исключать, что Сталин сам инспирирует подобные рекламные трюки, но это совсем не значит, что нам следует верить в его сентиментальность.

Бармин А. С. 304

Все эти факты свидетельствуют о присущей Сталину тенденции к самодраматизации, которую мы уже отмечали в связи с некоторыми этапами его биографии. Определенная склонность Сталина к мелодраме была замечена многими, в том числе и теми, кто имел возможность наблюдать за ним непосредственно. Бывший американский посол в Москве Джордж Кеннан назвал его «превосходным актером» Такер Р. С. 392

Надо признать, что при всех своих отвратительных качествах Сталин обладал способностью очаровывать собеседников. Он, несомненно, был большой актер и мог создать образ обаятельного, скромного, даже простецкого человека. В первые недели войны, когда казалось, что Советский Союз вот-вот рухнет, все высокопоставленные иностранные посетители, начиная с Гарри Гопкинса, были настроены весьма пессимистически. А уезжали они из Москвы в полной уверенности, что советский народ будет сражаться и в конечном счете победит. Но ведь положение у нас было действительно катастрофическое. Враг неотвратимо двигался на восток. Чуть ли не каждую ночь приходилось

прятаться в бомбоубежищах. Так что же побуждало Гопкинса, Гарримана, Бивербрука и других опытных и скептически настроенных политиков менять свою точку зрения? Только беседы со Сталиным. Несмотря на казавшуюся безнадежной ситуацию, он умел создать атмосферу непринужденности, спокойствия.

Бережков В. *С. 237*

Милован Джилас, который оставил нам написанный с натуры характерный портрет Сталина, пишет, что, когда он играл какую-то роль, она становилась для него реальностью, что его «притворство было настолько непосредственным, что казалось, будто он сам верит в правдивость и искренность того, что говорит».

Такер Р. *С. 392*

Сталин — гениальный артист. Талант мгновенного перевоплощения был у него поистине шаляпинских масштабов. Вот, например, беседует Сталин с человеком. Ласков. Нежен. И улыбка, и глаза — все искренне. Придаться не к чему. Провожает до дверей. И уже через несколько секунд совсем другое выражение лица. Говорит: «Какая сволочь!» — «Товарищ Сталин, вы же только что другое говорили». — «Надо было подбодрить, чтобы работал».

Гронский И. *С. 152*

Сталин с самого начала произвел на меня сильное впечатление, и мое мнение о его способностях никогда не менялось. Его личность оказывала влияние на

собеседника без каких-либо видимых усилий с его стороны. Он обладал хорошими манерами, может быть, это была врожденная грузинская черта. И хотя мне было известно, что этот человек лишен чувства пощады, я уважал его интеллектуальные способности и даже испытывал чувство симпатии к нему, которое я никак не мог как следует проанализировать.

А. Иден (премьер-министр Англии).

Цит. по: *Соловьев Б., Суходеев В. С. 141*

По словам Джиласа, Сталин — это «страстная и многогранная натура, причем все грани были равными и настолько убедительными, что казалось, он никогда не притворялся, а всегда действительно переживал каждую из своих ролей...».

Такер Р. *С. 392–393*

Действительно, Сталин, когда хотел, когда, по его мнению, это было необходимо, владел собой полностью, умел так повести прием людей и беседу с ними, что производил отличное, приятное впечатление.

Микоян А. *С. 547*

Во время беседы произошел такой эпизод. На какой-то фразе, видимо под влиянием стресса, я запутался и, вместо того чтобы переводить Сталина на английский, стал повторять его слова по-русски. В первый момент присутствующие не могли понять, что происходит, потом начали смеяться. Тогда Сталин обнял меня, как бы выражая сочувствие уставшему

переводчику. Это было откровенное актерство, но оно произвело должное впечатление на английских гостей.

Трояновский О. С. 156

Способность Сталина вводить людей в заблуждение была неотъемлемой частью его величия как государственного деятеля. Так же как его способность высказывать простые, разумные, внешне невинные мысли... Наш век не знает более великого мастера тактического искусства. Непретенциозный, спокойный фасад, который обезоруживал так же, как первые ходы гроссмейстера в шахматах — это была только какая-то часть его блестящего и в то же время грозного мастерства.

Дж. Кеннан (посол США в СССР).

Цит. по: *Соловьев Б., Суходеев В. С. 146*

Играл Сталин и со своими ближайшими соратниками. Примером может послужить А. Н. Косыгин, человек трезвого ума и уравновешенного характера. Незадолго до своей смерти Сталин густо замесил так называемое «ленинградское дело», в результате которого погибли близкие Косыгину люди. Причем, как рассказывал мне Алексей Николаевич, Сталин сам направлял ему копии протоколов допросов с показаниями подследственных, которые утверждали (несомненно, под воздействием теперь уже хорошо известных методов), что Косыгин вместе с ними замышлял страшные дела против советской власти. Это была психологическая атака на проверку нервов.

И тем не менее Косыгин неизменно вспоминал о Сталине с чувством, близким к благоговению. Помню его рассказ о том, как он не мог заснуть всю ночь, после решения XXII съезда КПСС о выносе тела Сталина из мавзолея.

Трояновский О. *С. 146*

В этом контексте следует отметить, что Сталин очень любил драматические постановки на сцене и на экране, в том числе исторические драмы, такие, как «Ленин в Октябре», одним из действующих лиц которой был он сам. Юрий Елагин, работу которого мы использовали в качестве одного из источников по этому вопросу, вспоминает, как Сталин появился в Московском театре имени Вахтангова на специальном просмотре последнего акта героико-революционной драмы «Человек с ружьем», посвященном юбилею Ленина. По ходу пьесы Ленин приветствовал красногвардейцев, уходящих на фронт, со ступенек Смольного, а Сталин появлялся рядом с ним. Елагин, исполнявший партию ударных в оркестре, наблюдал за Сталиным, который из своей ложи аплодировал Рубену Симонову, игравшему Сталина, и, очевидно, получал большое удовольствие от спектакля.

Такер Р. *С. 393*

Сталин был весьма проницательным. Хотя он долго не всматривался в находящегося перед ним человека, но сразу как бы охватывал его всего. Он не переносил верхоглядства, неискренности и «виляния». При обнаружении подобного выражение лица Сталина

мгновенно изменялось. Наружу прорывались презрение и гнев.

Я. Чадаев.

Цит. по: *Куманев Г. С. 393*

...Однажды Сталин обратил внимание Чадаева на одну, как ему казалось, допускаемую оплошность или недочет. Как-то, выйдя во время заседания Бюро Совнаркома в приемную, Сталин увидел там большую группу наркомов, ожидающих вызовов по своим вопросам.

После окончания заседания, когда мы остались вдвоем, — вспоминал бывший управделами СНК, — Сталин подозвал меня. Я удивился и терялся в догадках. При этом, естественно, волновался.

Глаза из-под его густых ресниц смотрели на меня строго.

— Вот что, — сказал Сталин. — Не годится, когда много людей вызываете заранее, а потом они зря тратят время на ожидание. Следующий раз этого не допускайте.

Я сразу же ответил: «Слушаюсь, товарищ Сталин». Но все-таки добавил: «Сколь не говоришь им не приходить рано, они все равно приходят».

— Ну что с ними поделаешь, — сморщился Сталин и отправился к выходу.

«На всю жизнь запомнил я это замечание Сталина», — писал в своих мемуарах Яков Ермолаевич.

Куманев Г. С. 381–382

...Сталин говорит очень спокойно, медленно, уверенно, иногда повторяя фразы. Он говорит с легким грузинским акцентом. Сталин почти не жестикулирует. Сгибая руку в локте, он только слегка поворачивает ладонь ребром то в одну, то в другую сторону, как бы направляя словесный поток. Иногда он поворачивается корпусом в сторону подающего реплику... Его ирония довольно тонка. Сейчас это не тот Сталин, который был в начале вечера, Сталин, прыскающий под стол, давящийся смехом и готовый смеяться. Сейчас его улыбка чуть уловима под усами. Иронические замечания отдают металлом. В них нет ничего добродушного. Сталин стоит прочно, по-военному.

Зелинский К. С. 162–163

Вместе с тем, к числу «слабостей» Сталина следует несомненно отнести его всегдашнее стремление произвести впечатление своей всесильности, хотя это и достигалось, как бы неброскими, косвенными и «естественными» мерами. Здесь важно подчеркнуть, что речь шла не о личном выпячивании своего «я», а исключительно о демонстрации *всемогущества социалистического государства*. И делалось это в двух, как правило, случаях: во-первых, для иллюстрации тезиса о том, что «если надо стране, то будет сделано все, даже — невозможное» и, во-вторых, для иллюстрации другого любимого сталинского тезиса: что «если приказано, то должно быть выполнено, хоть ты умри»... Как известно, у Сталина было несколько переводчиков, для каждого языка — свой специалист. Переводчиком с немецкого и на немецкий был Бережков, переводчиком с английским языком — был Павлов.

Бережков стал работать в МИДе еще до войны, участвовал в переговорах с Гитлером и Риббентропом, «удостоился» особого внимания Гитлера, который с трудом поверил, что Бережков русский, и, по-видимому, так и остался убежденным, что перед ним — немец, столь тонко чувствовал этот переводчик иностранный язык.

Как-то случайно, Сталин узнал, хотя Бережков об этом прежде не упоминал, что тот знает помимо немецкого и английский язык. Однако никакого влияния этот факт в положение Бережкова не внес, и казалось, вообще, не был принят Сталиным во внимание, ибо Бережков был твердо закреплен, как переводчик № 1 по немецкому языку, и, даже если бы он и знал другой язык, то трудно было бы предположить, что он знал его лучше немецкого, ибо то был язык его детства.

И вот, как-то спустя два или три года, всего за 5—10 минут до начала ответственных переговоров с американцами Сталину сообщают, что Павлов не сможет присутствовать, так как неожиданно заболел.

Американцы, уже прибывшие в Кремль, узнав об этом — заволновались: будут отложены или сорваны переговоры? Советник посольства США в Москве Чарльз Болен, с тревогой спрашивает у Сталина:

— Что же делать?

Но Сталин невозмутим. Он единственный, из всех присутствующих, кто совершенно спокойно воспринимает сложившуюся ситуацию.

— Что делать? — Будем работать, — невозмутимо заявляет он.

— Но кто же будет переводить? — нервно спрашивает Ч. Болен.

— Переводить будет Бережков. Вызовите его.

— Но Бережков же немецкий переводчик, а не английский, — не унимается Ч. Болен.

— Это не имеет значения, — заявляет Сталин. С американцами — шок!

— Как так не имеет значения?

— Я ему прикажу и Бережков будет переводить с английского, — спокойно объясняет Сталин.

Действительно, явившийся тотчас Бережков отвечает на приказание Сталина – «есть!», блестяще проводит свою работу, а американцы, находящиеся в состоянии легкого обалдения во все время переговоров, следят не столько за их ходом, сколько не устают поражаться гладкому английскому Бережкова, и почти (а может быть и на все 100%) верят, что *«Сталин может приказать все, что угодно, и это непременно будет исполнено»*.

Похлебкин В. С. 134–135

Впоследствии Гарриман придумал анекдот о моем появлении в кабинете Сталина: поначалу беседу переводил с советской стороны Павлов, а с американской — Чарльз Болен, 3-й секретарь посольства США в СССР. В связи с его именем Гарриман, впоследствии приходя иногда с другим переводчиком, любил по-русски повторять: «Болен — болен». Это неизменно смешило Сталина.

У Павлова тогда будто бы возникли трудности с переводом, и Болен принялся помогать ему. Это не понравилось Сталину. Он обратился к Молотову:

— Почему американец поправляет моего переводчика? Это не дело. А где, Вячеслав, тот молодой человек, что переводил беседу с Гитлером? Пусть он придет и поможет нам.

— Но он ведь переводил на немецкий...

— Ничего, я ему скажу, будет переводить на английский...

Так я предстал пред светлые очи «хозяина» и сделался его личным переводчиком.

Говорят, английский парламент может все, он лишь не может превратить мужчину в женщину. Своим рассказом Гарриман весьма язвительно иронизировал по поводу всемогущества «великого вождя».

Бережков В. С. 232

Любил пошутить. Не терпел соглашателей, угодников. Узнав его характер, я нередко вступал с ним в дискуссии. Сталин иногда задумчиво говорил: «Может, вы и правы. Я подумаю».

Рыбин А. С. 70

Добавлю еще, что Сталин был — насколько я заметил — живой, страстной, порывистой, но и высокоорганизованной и контролирующей себя личностью. Разве в противном случае он смог бы

управлять таким громадным современным государством и руководить такими страшными и сложными военными действиями?

Джилас М. *С. 206–207*

Выступление Сталина было всегда событием. Его выступления всегда ждали. А когда он говорил, все слушали его внимательно, с захватывающим интересом, чуть ли не благоговейно. Его речи не были насыщены набором красивых оборотов и фраз. Это были речи, которые зажигали слушателей, зажигали их сознательно и разумно действовать так и идти туда, и решать задачи так, как начертала партия. Он всегда оставался сдержанным в словах, но эти слова были простыми, ясными, понятными. Они содержали такую большую логику, глубину, огромную внутреннюю правду, что их трудно было не понять, не подчиниться, не выполнить их. Сталин произвольно привязывал к себе, убеждал и потрясал содержанием своих речей...

Я. Чадаев.

Цит. по: *Куманев Г. С. 393*

Трудно сказать, был ли он сдержан вообще, очевидно, нет. Но личину эту он давно надел на себя, как шкуру, к которой привык до такой степени, что она стала его второй натурой. Это была не просто сдержанность, это была манера, повадка, настолько тщательно разработанная, что она уже не воспринималась как манера. Ни одного лишнего жеста, ни одного лишнего слова. Манера, выработанная настолько, что она воспринималась как естественная. Но на самом деле в

ней был расчет на то, чтобы не показать никому, что он думает, не дать угадать своих мыслей, не дать никому составить заранее представление о том, что он может сказать и как он может решить. Это с одной стороны. С другой, медлительность, паузы были связаны с желанием не сказать ничего такого, что придется брать обратно, не сказать ничего сгоряча, успеть взвесить каждое свое слово.

И. Исаков.

Цит. по: *Симонов К. С. 347*

...А говорил он, особенно когда прохаживался, не очень заботясь о том, хорошо ли слышат его, это мы после беседы со Сталиным почувствовали по собственной усталости от напряжения тех трех часов, в которые мы старались не пропустить ни одного сказанного им слова. Говорил, то приближаясь, то удаляясь, то громче, то тише, иногда оказываясь почти спиной к слушателям, начинал и заканчивал фразу, не успев повернуться.

Симонов К. С. 143

Хотя Сталин ходил не останавливаясь, мне казалось, он не ослабил свое внимание, наоборот, стал более сосредоточен. Его замечания отличались некоторой жесткостью, которую он и не думал скрывать. Подобная резкость по отношению к людям, приглашенным на прием, была самой, пожалуй, типичной чертой в его поведении, составляя неотъемлемую часть личности Сталина — такую же, как оспины на его лице, придававшие ему суровый вид.

Он чрезвычайно прямолинеен, почти до невежливости, и не возражает против такой же прямолинейности своего собеседника.

Фейхтвангер Л. С. 213

Он реагировал быстро, резко, без колебаний и, по-видимому, не был сторонником долгих разъяснений — хотя собеседника он выслушивал.

Джилас М. С. 59

Мы говорили со Сталиным о свободе печати, о демократии и, как я писал выше, об обожествлении его личности. В начале беседы он говорил общими фразами и прибегал к известным шаблонным оборотам партийного лексикона. Позднее я перестал чувствовать в нем партийного руководителя. Он предстал передо мной как индивидуальность. Не всегда соглашаясь со мной, он все время оставался глубоким, умным, вдумчивым.

Фейхтвангер Л. С. 232

В своих выступлениях Сталин был безапелляционен, но прост. С людьми — это мы иногда видели в кинохронике — держался просто. Одевался просто, одинаково. В нем не чувствовалось ничего показного, никаких внешних претензий на величие или избранность. И это соответствовало нашим представлениям о том, каким должен быть человек, стоящий во главе партии. В

итоге Сталин был все это вкупе: все эти ощущения, все эти реальные и дорисованные нами положительные черты руководителя партии и государства.

Симонов К. С. 75

Когда он бывал в хорошем настроении или что-либо его смешило, он улыбался. Но улыбался сдержанно, одними уголками рта, и даже и эту скупую улыбку прикрывал рукой и трубкой.

И. Исаков.

Цит. по: *Симонов К. С. 348*

Сталин говорит с очень сильным грузинским акцентом. Оратор он плохой. Пишет речи и произносит их плохо, заглядывая в бумажку. Впечатление на слушателей производят не слова: а решительность тона и жестов. Иногда, впрочем, и слова: на заседаниях Политбюро Сталин бывает чрезвычайно груб и пересыпает речь матерной бранью.

Беседовский Г. С. 299

Во время пьянок с товарищами по партии на своей даче он с удовольствием употреблял грубые и вульгарные выражения.

Ноймайр А. С. 360

Кстати о матерщине. Обсуждение государственных вопросов в Политбюро и совнаркомах редко когда не сопровождается непечатными словами. Но и в этом

отношении соблюдается строгая партийная иерархия: При Сталине позволяли себе «материться» только Рыков да Ворошилов, остальные же почтительно сдерживали себя и распускали языки тогда, когда за Сталиным закрывалась дверь. Из известных «вождей» один только украинский наркомзем Шлихтер не терпел непечатной брани и произнесенное в присутствии матерное слово считал для себя оскорблением...

Беседовский Г. С. 299

...Министр угольной промышленности А. Ф. Засядько, не выбирая выражений, часами отчитывал подчиненных по правительственному телефону.

Министра пригласили на заседание Политбюро. Он прибыл, когда все члены Политбюро уже были в сборе. В углу стоял чугунный магнитофон.

— Товарищ Засядько прибыл! — доложил Поскребышев.

— Просите, — распорядился Сталин, — и начинайте. Поскребышев приглашает Засядько, включает магнитофон, и Политбюро в течение часа слушает такой отборный мат министра, что начинает ерзать на стульях. Поскребышев выключает магнитофон.

— Есть ли вопросы к товарищу Засядько? — спрашивает Сталин.

Вопросов нет.

— Вы свободны, товарищ За-сядь-ко, — медленно, с растяжкой фамилии говорит Сталин, как бы стараясь министра засадить.

Всю жизнь Александр Федорович ждал оргвыводов Политбюро, не предполагая, что был наказан прослушиванием магнитофонной записи.

Красиков С. С. 520

— Сталин хорошо владел русским?

— Да. Он хорошо выступал, — отвечает Молотов, — много читал, очень много, чутье имел художественное.

Сталин все писал сам. Аппарат никогда ему не писал. Это ленинская традиция. Зиновьев сам писал, Каменев — сам. О Троцком и говорить нечего.

Чуев Ф. С. 301

Что же касается знания других языков, то не владея ими в активной, разговорной форме, Сталин относительно свободно читал по-немецки, знал латынь, хорошо древнегреческий, церковно-славянский, разбирался в фарси (персидский), понимал по-армянски, не говоря уже о грузинском и русском, который также можно считать иностранным языком для Сталина. Одно время, в середине 20-х годов Сталин занимался также французским, но о результатах этих занятий сведений не имеется.

Похлебкин В. С. 138–139

Сталина было нетрудно переводить. У него был сильный грузинский акцент, но по-русски он выражал мысли правильно и точно, используя богатый набор слов. Он говорил короткими фразами, а периоды между

паузами не были длинными, так что для переводчика не составляло труда делать заметки, а затем воспроизводить его высказывания.

Трояновский О. С. 149

— Сталин на заседании писал сам или вызывал Поскребышева и диктовал ему. Он формулировал очень четко, очень быстро, очень кратко, и не просто основу — в большинстве случаев он давал документ. Потом выводились добавки, кое-какие изменения в окончательном тексте.

Сталин античный мир и мифологию знал очень хорошо. Эта сторона у него очень сильная. Он над собой много работал... Политика? Он всю жизнь политикой занимался... Тихо немножко говорил, но если есть акустика... Не любил быстро. Рассудительно и вместе с тем довольно художественно.

Иногда неправильно делал ударения, но редко.

В. Молотов.

Цит. по: Чуев Ф. С. 301

В первые годы знакомства Сталин интересовался моим чтением, рекомендовал книги, которые следовало бы перечитать.

Однажды речь коснулась работников, не совсем хорошо себя проявивших, и Сталин вскользь заметил:

— Вот еще Мильтиад и Фемистокл из Замоскворечья!

Я не понял и задал вопрос:

— Почему из Замоскворечья?

— А вы не знаете, кто были Мильтиад и Фемистокл?

— Полководцы в Древней Греции.

— А чем они отличались?

— В битвах каких-то... А чем, точно не знаю.

Сталин достал из книжного шкафа том Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, отыскал статью «Фемистокл», указал пальцем нужное место.

— Читайте вслух, — сказал он.

Я прочитал фразу, относящуюся к Фемистоклу:

«После Марафонской битвы он, как говорили, не спал по ночам и на вопрос друзей отвечал, что «слава Мильтиада не дает ему спать».

— Как известно, оба они кончили печально, — заметил Сталин. — Так и наши доморощенные, замоскворецкие: завидуют один другому, а дело страдает.

Яковлев А. С. 404

Иногда во время вечерних чаепитий в его комнате Сталин подходил к вертящейся этажерке у кровати и доставал томик Чехова. «Хамелеон», «Унтер Пришибеев» и другие рассказы Чехова он очень любил. Он читал, подчеркивая неповторимо смешные реплики действующих лиц «Хамелеона». Все мы громко хохотали и просили почитать еще. Он читал нам часто из Пушкина и из Горького. Очень любил и почти наизусть знал он

чеховскую «Душечку». «Ну, эта-то! Настоящая «Душечка», — часто определял он чеховским эпитетом кого-нибудь из знакомых.

Аллилуева А. С. 190

Из современной литературы любил Зощенко. Иногда нам с Василием читал вслух. Однажды смеялся чуть не до слез, а потом: сказал: «А здесь товарищ Зощенко вспомнил про ГеПеУ и изменил концовку!» «ГеПеУ!» — произнес Сталин.

А. Сергеев.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 60–61*

Из писателей, как я заметил, наиболее часто в подходящих случаях Сталин цитировал Салтыкова-Щедрина, Чехова, Гоголя. Чувствовалось, что был он человек весьма начитанный. Однажды за ужином он очень к месту с иронией сравнивал героев романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» — шедевра французской литературы XVI века — с некоторыми современными деятелями.

<...>

Сталин одобрительно высказывался о приключенческих романах Майна Рида, Жюль Верна, Фенимора Купера. Вспоминал, что в детстве зачитывался книгами этих писателей. Когда я спросил его, почему же сейчас (это было до войны) почти не издают у нас этих писателей, он ответил:

— Нельзя же по каждой мелочи принимать решение правительства.

Яковлев А. С. 403

Сталин рассказывал, как Святой Франциск учил жить без собственности. Один монах его спросил: «Можно ли мне иметь хотя бы мою Библию?» И он ответил: «Сегодня у тебя — «моя Библия». А завтра ты уже прикажешь: «Принеси-ка мне мою Библию».

П. Павленко (писатель).

Цит. по: *Радзинский Э. С. 132*

Поразил меня и его выговор: чувствовалось, что он не русский. Но его русский словарь был богат, а речь, в которую он вставлял русские пословицы и изречения, живописна и пластична. Позже я убедился, что Сталин хорошо знал русскую литературу — но только ее. Вне русских рамок он был хорошо знаком лишь с политической историей.

Джилас М. С. 59

Характеризуя одного хвастуна, Сталин сравнил его с чеховским персонажем, который хвалился, что «в Греции все есть».

— Помните?

— Нет, не помню, товарищ Сталин.

— Чехова не читали?

— Читал, конечно, а этого не помню.

— Перечитайте.

Яковлев А. С. 404

Однажды Сталин сказал о том, что любой человек, который имеет отношение к внешней политике или политике вообще, должен хорошо знать историю. При этом рекомендовал изучать произведения немецких историков, которые, как он выразился, пашут глубже, чем другие.

Трояновский О. С. 161

Намечалось испытание одного нового самолета. Провести его нужно было очень срочно. Нашлись современные пошехонцы из авиационников, предложившие отвезти машину для испытания далеко от завода на том основании, что там находятся летчики-испытатели.

Сталин сказал:

— Зачем же машину везти? Проще летчикам сюда приехать. Кто же так работает?! Почему не думаете? С щедринских глуповцев пример берете. Знаете, как они теленка на баню тащили, а Волгу толчком замесили?

Яковлев А. С. 404

(Скажу в скобках, что по всем вопросам литературы, даже самым незначительным, Сталин проявлял совершенно потрясшую меня осведомленность.)

Симонов К. С. 160

На людях Сталин всегда был сдержанным, вежливым, внимательным. Случаев, чтобы он выходил из себя, я наблюдал единицы.

Гронский И. *С. 152–153*

Когда раздражался, на лице появлялись мелкие красные пятна.

Яковлев А. *С. 397*

Сталин в гневе был страшен, вернее, опасен, трудно было на него смотреть в это время и трудно было присутствовать при таких сценах. Я присутствовал при нескольких таких сильных вспышках гнева, но все происходило не так, как можно себе представить, не зная этого.

Вот одна из таких вспышек гнева, как это выглядело.

Но прежде чем говорить о том, как это выглядело в этом конкретном случае, хочу сказать вообще о том, с чем у меня связываются воспоминания об этих вспышках гнева. В прусском уставе еще бог весть с каких времен, чуть ли не с Фридриха, в уставе, действующем и сейчас в германской армии, в обоих — восточной и западной, между прочим, есть такое правило: назначать меры дисциплинарного взыскания нельзя в тот день, когда совершен проступок. А надо сделать это не ранее, чем на следующий день. То есть, можно сказать, что вы за это будете отправлены на гауптвахту, но на сколько суток — на пять, на десять, на двадцать, — этого сказать сразу

нельзя, не положено. Это можно определить на следующий день. Для чего это делается? Для повышения авторитета командира, для того, чтобы он имел время обдумать свое решение, чтобы не принял его сгоряча, чтобы не вышло так, что он назначит слишком слабое или слишком сильное наказание, не выяснив всего и не обдумав на холодную голову. В результате всем будет ясно, что это неверное приказание, а отменить он уже не сможет, потому что оно, это взыскание, будет уже наложено. Вот это первое, что вспоминается мне, когда я думаю о гневе Сталина. У него было — во всяком случае в те времена, о которых я вспоминаю, — такое обыкновение — задержать немного решение, которое он собирался принять в гневе.

И. Исаков.

Цит. по: *Симонов К. С.* 338

Между прочим, интересная черта была у Сталина: когда он сердился, то поднимался со стула и, стоя, кого-нибудь отчитывал, накаляясь все больше и больше, наконец, раскуривал свою трубку, начинал ходить вдоль кабинета, постепенно успокаиваясь. Все знали: начал ходить — верный признак того, что гроза миновала.

Яковлев А. С. 398

...Видели ли вы, как в зоологическом парке тигры играют с тигрятами? Это очень интересное зрелище. Он лежит ленивый, большой, величественный, а тигренок к нему лезет, лезет, лезет. Тормошит его, кусает, надоедает... Потом вдруг тигр заносит лапу и ударяет его, но в самую последнюю секунду задерживает удар,

девять десятых удара придерживает и ударяет только одной десятой всей своей силы. Удерживает, помня всю мощь этой лапы и понимая, что если ударить всей силой, то он сломает хребет, убьет...

Эта ассоциация тоже у меня возникла в связи с теми моими воспоминаниями, о которых я говорю.

Вот одно из них. Это происходило на Военном совете, незадолго до войны, совсем незадолго, перед самой войной. Речь шла об аварийности в авиации, аварийность была большая. Сталин по своей привычке, как обычно на таких заседаниях, курил трубку и ходил вдоль стола, приглядываясь к присутствующим, иногда глядя в глаза, иногда в спины.

Давались то те, то другие объяснения аварийности, пока не дошла очередь до командовавшего тогда военно-воздушными силами Рычагова. Он был, кажется, генерал-лейтенантом, вообще был молод, а уж выглядел совершенным мальчишкой по внешности. И вот когда до него дошла очередь, он вдруг говорит;

— Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах.

Это было совершенно неожиданно, он покраснел, сорвался, наступила абсолютная гробовая тишина. Стоял только Рычагов, еще не отошедший после своего выкрика, багровый и взволнованный, и в нескольких шагах от него стоял Сталин. Вообще-то он ходил, но когда Рычагов сказал это, Сталин остановился.

Скажу свое мнение. Говорить это в такой форме на Военном совете не следовало. Сталин много усилий отдавал авиации, много ею занимался и разбирался в связанных с нею вопросах довольно основательно, во

всяком случае, куда более основательно, чем большинство людей, возглавлявших в то время Наркомат обороны. Он гораздо лучше знал авиацию. Несомненно, эта реплика Рычагова в такой форме прозвучала для него личным оскорблением, и это все понимали.

Сталин остановился и молчал. Все ждали, что будет.

Он постоял, потом пошел мимо стола, в том же направлении, в каком и шел. Дошел до конца, повернулся, прошел всю комнату назад в полной тишине, снова повернулся и, вынув трубку изо рта, сказал медленно и тихо, не повышая голоса:

— Вы не должны были так сказать!

И пошел опять. Опять дошел до конца, повернулся снова, прошел всю комнату, опять повернулся и остановился почти на том же самом месте, что и в первый раз, снова сказал тем же низким спокойным голосом:

— Вы не должны были так сказать, — и, сделав крошечную паузу, добавил: — Заседание закрывается.

И первым вышел из комнаты.

Все стали собирать свои папки, портфели, ушли, ожидая, что будет дальше.

Ни завтра, ни послезавтра, ни через два дня, ни через три ничего не было. А через неделю Рычагов был арестован и исчез навсегда.

Вот так это происходило. Вот так выглядела вспышка гнева у Сталина.

И. Исаков.

Цит. по: *СИМОНОВ К. С.* 339–340

Повестка заседаний Политбюро, в которых я принимал участие, состояла обычно из множества вопросов. Все докладчики ждут в секретариате — небольшой комнате рядом с залом заседаний. Когда подходила очередь — докладчика вызывали.

Я тогда плохо слышал и потому садился рядом с Молотовым, который в ту пору вел заседания, и рядом с тем местом, где стоял докладчик. Чуть поодаль, за столом со множеством телефонов, сидела девушка — стенографистка, горбунья, абсолютно бессловесное создание.

В повестке дня стоял вопрос о работе ОГИЗа. Докладчик — Халатов. Он вошел и встал не там, где положено, а возле другого конца стола, ближе к Сталину. Только Халатов собрался докладывать, Сталин ему бросает:

- Почему вы в шапке? Халатов растерялся:
- Вы же знаете, я постоянно хожу в этой шапке.
- Это неуважение к Политбюро! Снимите шапку!
- Но, Иосиф Виссарионович, почему?

Я никогда прежде не видел Сталина в таком состоянии. Обычно он был корректен, говорил тихо, а тут буквально взбешен. Халатов не стал снимать свою злополучную шапку, Сталин вскочил и выбежал из зала заседаний. В полушутливых тонах мы все стали уговаривать Халатова: «Артем, не валяй дурака...» Халатов послушался, стал делать доклад. Вернулся Сталин. Сел. Поднял руку. Молотов, как всегда, объявил, что «слово имеет товарищ Сталин».

Короткое выступление генсека сводилось к следующему: «Политическая обстановка в стране изменилась, а мы, мол, этого недоучли. Мне кажется, что ОГИЗ надо разукрупнить. Я предлагаю выделить из ОГИЗа пять издательств».

Предложение это было принято. Халатов, таким образом, вышел с заседания никем.

Гронский И. С. 153

Многие люди шли к Сталину на прием с каким-то трепетом, с большим волнением. У меня этого не было. Его я не боялся, не видел в нем какого-то зверя или неприступного человека, не желающего вести разговор на свободную тему. Со Сталиным я всегда был откровенен...

А. Хрулев.

Цит. по: *Куманев Г. С. 334*

Похожий случай приключился с Арнольдовым (одним из крупных чиновников, руководивших тогда вопросами культуры. – *Е. Г.*), который вошел в зал заседаний, опираясь на палку. Сталин вытаращил глаза, затряс руками:

— Что это у вас? Почему вы с палкой?

Я чувствую, что Арнольдов горит. Вынул папиросу — на заседаниях Политбюро разрешалось курить — и, пытаясь говорить как можно спокойнее, заметил:

— Иосиф Виссарионович, если у него палку отнять, то он упадет, он только что вылез из катастрофы — у

него нога сломана... Парень надежный, — и тихо Арнольдову: — Докладывай.

На этот раз обошлось.

Гронский И. С. 153–154

Дело происходило летом 1935 года на даче у Молотова, незадолго до отъезда Микояна в США для закупки различного оборудования. На даче оказался американский гражданин по имени Кон — родственник жены Молотова. Вскоре появился Сталин. После ужина он вышел с Микояном в сад и сказал:

— Этот Кон — капиталист. Когда будешь в Америке, повидайся с ним. Он нам поможет завязать политический диалог с Рузвельтом.

Прибыв в Вашингтон, Микоян установил, что «капиталист» Кон владеет шестью бензоколонками и, конечно же, никакого доступа в Белый дом не имеет. Нечего было и думать о посредничестве Кона. Между тем во время встречи с Генри Фордом последний по своей инициативе предложил Микояну познакомить его с Рузвельтом. Тогдашний советский посол в США А. Трояновский сразу же проинформировал об этом Москву. Ответа не поступило, и Микоян с Рузвельтом не встретился. Я недоумевал, почему он так поступил, ведь Сталин добивался диалога с Рузвельтом.

— Вы плохо знаете Сталина, — пояснил Микоян. — Он же поручил действовать через Кона. Если бы я без его санкции воспользовался услугами Форда, он бы сказал: «Вот там Микоян хочет быть умнее нас, пустился в большую политику». Он никогда бы мне не простил.

Обязательно когда-либо это вспомнил бы и использовал против меня...

Этот эпизод свидетельствует о ловкости хитрого армянина, подтверждая ходившую много позже по Москве поговорку: «От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича», относившуюся к Микояну. Он уцелел в бурный период — от Владимира Ильича Ленина до Леонида Ильича Брежнева. Но самое любопытное здесь то, насколько примитивное представление имел Сталин об американских порядках. Он считал, что раз Кон капиталист, то, значит, и запросто вхож к президенту.

Бережков В. С. 277

Вот еще один эпизод, характеризующий Сталина. Уже с другой стороны. После войны дела на Украине пошли быстро в гору. Республика восстанавливала сельское хозяйство, промышленность, соответственно улучшалось и отношение Сталина к украинским руководителям, включая меня как председателя Совета народных комиссаров УССР и Первого секретаря ЦК КП(б)У. Однажды разгорелся спор о тракторном заводе. Микоян докладывал касательно дизельного трактора КД-35, который был создан в Белоруссии. Хороший трактор, но дорогой. Микоян хвалил этот трактор. Сталин спросил о моем мнении, и я тоже его похвалил. Правда, я видел, что трактор еще недоработанный и маломощный, зато с дизелем. Сталина тоже подкупало, что трактор дизельный, потому что горючее будет дешевле. И вдруг у него мелькнула мысль (или кто-то подсказал ему), что хорошо бы перевести и другие заводы на производство дизельных тракторов. И он предложил перейти на выпуск таких тракторов прежде всего Харьковскому заводу.

Я пытался доказать, что делать этого нельзя. Нарком тракторной промышленности Акопов тоже выступал против и вооружал меня необходимыми цифровыми данными. Но Сталин был неумолим и записал свою идею в решение Политбюро.

Данная идея была, однако, столь непопулярна, что даже все остальные члены Политбюро, в том числе и Берия, что случалось редко, тоже заняли нашу с Акоповым позицию. Разгорелись споры. Спустя какое-то время Сталин, вспомнив, спросил: «Как, перевели Харьковский завод на выпуск КД-35?» «Нет, — говорю, — не перевели». Он страшно возмутился, устроил большой скандал. Акопову записали выговор за невыполнение решения. Тут Берия, Маленков и Микоян махнули рукой: посчитали, что ничего не сделаешь, раз Сталин хочет этого.

Я же продолжал борьбу. Раз Сталин, отдыхая в Сочи, вызвал меня туда с Украины. Я приехал. Там уже были Маленков, потом прибыли Берия с Молотовым. Он опять поставил вопрос об этом тракторе и разносил меня, как говорится, в пух и прах. А я ему доказывал: «Товарищ Сталин, не делайте этого, это будет вредно: Посмотрите, КД-35 имеет 35 лошадиных сил, а мы уже сейчас производим на Харьковском заводе 54-сильные трактора. В день выпускаем 100 тракторов. Если начнем переходить на новую модель, то начнем с нуля, потеряем много времени, а ведь нам не хватает тракторов. Будет подорвано сельское хозяйство, снизится производительность труда. Сейчас один тракторист работает на тракторе в 54 силы, а станет работать на тракторе в 35 сил. 54-сильный трактор тянет пятилемешный плуг, а тот потянет в лучшем случае трехлемешный, а то и двухлемешный. В 2 с лишним раза

понизится производительность труда при вспашке». Но Сталин был неумолим.

Берия и Маленков шепчут мне: «Не упорствуй. Что ты лезешь на рожон? Ты же видишь, что без толку». Я остался при своем мнении. И вот интересно (что тоже было характерно для Сталина): этот человек при гневной вспышке мог причинить большое зло. Но когда доказываешь свою правоту и если при этом дашь ему здоровые факты, он, в конце концов поймет, что человек отстаивает полезное дело, и поддержит. Для меня оказалось неожиданностью то, что произошло, когда Сталин осенью приехал в Москву и я тоже приехал туда из Киева. Собрались мы. Вижу, Сталин пребывает в хорошем настроении. Ходит, как всегда, по своему кабинету. Мы расселись, каждый на обычное место. Вдруг он говорит: «Ну что же, ребята? (в исключительных случаях он пользовался этим словом). Может, уступим ему, черту?» — и показывает на меня пальцем.

Панибратское обращение свидетельствовало о его хорошем расположении к человеку. «Давайте, — продолжает, — уступим ему по тракторам». А я потом ему говорил: «Товарищ Сталин, вы сделали доброе дело. Мы бы сейчас лишились тысяч тракторов, потому что фактически завод в Харькове прекратил бы их выпуск».

Да, бывали такие случаи, когда настойчиво возражаешь ему, и если он убедится в твоей правоте, то отступит от своей точки зрения и примет точку зрения собеседника. Это, конечно, положительное качество. Но, к сожалению, можно было пересчитать по пальцам случаи, когда так происходило. Чаще случалось так: уж

если Сталин сказал, умно ли то или глупо, полезно или вредно, все равно заставит сделать. И делали!

Хрущев Н. *Т. 1. С. 42–44*

Кстати, есть немало фактов, что Сталин брал отдельные дела попавших под репрессии людей под свой контроль, и тогда они завершались для пострадавших вполне благополучно.

Аллилуев В. *С. 169*

Г. А. Куманев: Поскольку мы еще раз затронули такую трагическую страницу в нашей истории, хочу у Вас спросить, Александр Михайлович: случилось ли Вам реально помочь кому-либо из пострадавших в результате репрессий?

А. М. Василевский: Да, неоднократно случилось. Вот один пример. Получил я в 1944 г. письмо из тюрьмы. Пишет мой приятель, бывший сослуживец Шавловский, с которым я работал четыре года в Управлении боевой подготовки. Чудеснейший парень, исключительно честный партиец. Его потом в 1938 г. послали начальником штаба одной армии. И в том же году его и посадили. Я об этом не знал. И вдруг такое письмо. Он пишет: «Помогите. Мне так страшно хочется повоевать и доказать свою невиновность...»

Я, будучи у Сталина, доложил все вопросы, какие были. А потом он спрашивает: «Есть еще что-нибудь?»

Отвечаю: «Товарищ Сталин, есть один вопрос, небольшой, но для меня очень серьезный».

— Что у Вас?

— Вот я получил письмо от товарища, который с тридцать восьмого года — шесть лет — сидит в тюрьме. За него, дай Бог, могу всем положиться, что это наш, настоящий патриот, сильный военный человек... Ну, правда, может сейчас немного пооторвался. Но если его пошлем на корпус, он всегда себя оправдает.

— А кто такой?

— Я назвал фамилию, звание: был генерал-майором.

— Значит, ручаетесь за него?

— Ручаюсь.

— Позвоните сейчас же Абакумову. Немедленно представьте мое распоряжение об освобождении.

Я позвонил Поскребышеву, тот сообщил Абакумову об указании Сталина.

После этого я уехал на фронт, а через несколько дней мне из Генерального штаба освобожденный генерал звонит: «Прибыл в Ваше распоряжение».

Как он работал, если бы Вы знали, в 1944 и 1945 годы! Изумительно!

Г .А. Куманев: А он сейчас жив?

А.М. Василевский: Жив! Проживает в Ленинграде. Такие теплые письма мне пишет. Опять просится на какую-нибудь трудную работу...

Куманев Г. С. 236–237

Помнится, на какой-то областной конференции в самом ее начале ко мне подошел зав. отделом сельского хозяйства Брандт. Он считался очень сильным партийным работником, отлично знал сельское хозяйство, особенно производство льна.

Но я получал много писем, главные образом от военных, насчет того, что в Московском обкоме ответственный пост занял-де сын белогвардейца полковника Брандта, который в 1918 году поднял восстание в Калуге. Мы проверяли эти обвинения, они были ложными.

И вот Брандт говорит мне довольно спокойно: «Товарищ Хрущев, надоело мне объясняться и оправдываться. Я думаю покончить жизнь самоубийством».

Спрашиваю его, в чем дело, почему он так мрачно настроен.

Он поясняет, что продолжается путаница. Отец его, действительно, был полковником царской армии и жил в Калуге, но он умер еще до революции. А восстание в Калуге поднял другой полковник Брандт.

Далее следовало довольно-таки подробное изложение обстоятельств жизни его отца, который женился в Калуге на своей кухарке, любил вышивать и даже продавал свои вышивки. После его смерти семья осталась без средств, сам Брандт и его братья пошли работать кто куда. И вот сам он стал партийным работником, братья его командиры Красной Армии, и сколько раз он об этом говорил и докладывал каждой партийной конференции; получается, все время должен

бить себя кулаком в грудь и клясться, что он честный человек. Ему это надоело.

Я сказал: «Успокойтесь. Если все в порядке, мы вас возьмем под защиту».

Но я знал, что моих слов недостаточно и эта областная партийная конференция может быть для него роковой. Достаточно кому-либо выступить и сказать, а он, конечно, подтвердит, что отец его, действительно, полковник Брандт из Калуги. Тот ли Брандт или не тот Брандт, уже не имело значения, тогда не разбирались, и, думаю, он не дожил бы до разбора этого дела, его подобрали бы чекисты, и вот судьба его решена.

Я счел нужным обратиться к Сталину. Тогда это было мне доступно. Попросил, чтобы он меня принял, и рассказал ему всю историю Брандта, как сложилась его судьба и что некоторые требуют расправиться с ним за вину другого Брандта, не имеющего никакого отношения к нашему завсельхозотделом.

Сталин выслушал, внимательно посмотрел и спросил:

— Вы уверены, что он честный человек?

— Абсолютно уверен, товарищ Сталин, это проверенный человек, он много лет работает в Московской области. (Тогда Калуга входила в Московскую область.)

— Если вы уверены, что это честный человек, защищайте его, не давайте в обиду.

Мне, конечно, было приятно это слышать, я обрадовался.

Он еще добавил:

— Скажите Брандту об этом.

В результате к Брандту никто не придирался, он беспрепятственно был избран членом ЦК Партии.

В этом весь Сталин.

Не поверил в какой-то момент и — нет человека. Удалось убедить его — будет поддерживать товарища.

Хрущев Н. Т. 2. С. 354–357

Государь Александр III в одной из своих поездок согрешил с некоей особой простого звания, которую просил сообщить ему, если вдруг кто родится у нее.

В положенный срок государь получил извещение, что родился мальчик. В ответ пришла высочайшая телеграмма: «Отроку дать имя Сергей, отчество мое, фамилия — по прозвищу». Так и появился на свет Сергей Александрович Миротворцев. В свое время он сумел избежать трагической участи царской семьи, ибо не распространялся о своем происхождении. Однако позднее, в тридцатые годы, чекисты раскопали, чей он отпрыск, и стали готовить его дальнейшей судьбе соответствующий эпохе удел. Бумага о нем поступила Сталину, и тот написал на ней следующую резолюцию: «Он не виноват, что его отец был такой блядун».

С. А. Миротворцев стал профессором, имел заслуги и получил Сталинскую премию.

Чуев Ф. С. 533

Командир партизанского отряда на оккупированной врагом Белоруссии, Герой Советского Союза И. Титков

отказался выполнить распоряжение одного из заместителей Л. П. Берия о расстреле группы власовцев, добровольно перешедших на нашу сторону, и через П. К. Пономаренко дошел с этим вопросом лично до Сталина. Преступное распоряжение было отменено, а все добровольно перешедшие бойцы по указанию Сталина были награждены боевыми орденами и медалями. Расскажу еще об одном примечательном случае — истории генерала М. А. Пуркаева. Перед войной он работал в нашей военной миссии в Берлине. Агенты абвера решили его завербовать. Сначала подсунули ему смазливую горничную, а потом с помощью компрометирующих фотографий стали склонять к сотрудничеству. Пуркаев, однако, не дрогнул, приехал в Москву и рассказал о случившемся своему руководству. История закончилась тем, что М. А. Пуркаева вновь отправили в Берлин по распоряжению Сталина.

Аллилуев В. С. 169

Помню, однажды на заседании Политбюро встал несколько необычный вопрос об одном лице, командированном Внешторгом в какую-то латиноамериканскую страну. Подошла очередь данного вопроса. Вызвали этого человека. Пришел он, очень растерянный с виду, лет тридцати пяти. Начинается обсуждение. К нему обращается Сталин: «Расскажите нам все, как было, ничего не утаивая». Тот рассказывает, что приехал в эту страну делать какие-то заказы. Сейчас я точно уже не помню, от какой организации и куда он ездил. Но не это главное. Тут интересно, как реагировал Сталин. А человек продолжает: «Я зашел в ресторан поесть. Сел за стол, заказал обед. Ко мне подсел

какой-то молодой человек и спрашивает: «Вы из России?» — «Да, из России». — «А как вы относитесь к музыке?» — «Люблю послушать, если хорошо играют на скрипке». — «А что вы приехали закупать?» — «Я приехал закупать оборудование». — «А вы в России служили в армии?» — «Да, служил». — «В каких частях?» — «В кавалерии, я кавалерист, люблю лошадей и сейчас, хотя уже не служу». — «А как вы стреляете? Вы же были военным». — «Неплохо стреляю». А на завтра мне перевели, что было обо мне написано в газетах. Я просто за голову взялся. Оказывается, это был журналист, представитель какой-то газеты, но он не представился мне, а я по своей неопытности стал с ним разговаривать и отвечать на его вопросы. Он написал, что приехал такой-то, что будет размещать заказы на такую-то сумму (все это был вымысел), что любит ездить верхом, настоящий джигит, хороший стрелок и спортсмен, стреляет вот так-то и попадает туда-то на таком-то расстоянии, к тому же скрипач, и т. д. Одним словом, столько было написано чепухи, что я ужаснулся, но сделать уже ничего не мог. Через некоторое время посольство предложило мне, чтобы я возвратился на Родину. Вот я приехал и докладываю вам, как это было. Очень прошу учесть, что было сделано без какого-либо злого умысла».

Пока он рассказывал, все хихикали и подшучивали над ним, особенно лица, приглашенные со стороны. Но члены ЦК и Ревизионной комиссии, которые всегда присутствовали на заседаниях, вели себя сдержанно, ожидая, что же теперь будет. Когда я посмотрел на этого человека, мне его стало жалко; он оказался жертвой собственной простоты, наивности, а как скажется на нем разбор дела на заседании Политбюро? Человек этот

говорил очень чистосердечно, но смущался. Сталин же приободрял его: «Рассказывайте, рассказывайте», причем спокойным, дружелюбным тоном. Вдруг Сталин говорит: «Ну, что же, доверился человек и стал жертвой этих разбойников пера, пиратов... А больше ничего не было?» — «Ничего». — «Давайте считать, что вопрос исчерпан. Смотрите, в дальнейшем будьте поосторожнее». Мне очень понравился такой исход обсуждения.

После этого объявили перерыв. Тогда Политбюро заседало долго, и час, и два, и больше, делали перерыв, после чего все уходили в другой зал, где стояли столы со стульями и подавался чай с бутербродами. Тогда было голодное время даже для таких людей, как я, занимавших довольно высокое положение, жили мы более чем скромно, даже не всегда можно было вдоволь поесть у себя дома. Поэтому, приходя в Кремль, наедались там досыта бутербродами с колбасой и ветчиной, пили сладкий чай и пользовались всеми благами как люди, не избалованные яствами изысканной кухни. Так вот, когда был объявлен перерыв и все пошли в «обжорку», как мы между собой в шутку ее называли, он, бедняга, продолжал сидеть, настолько, видимо, потрясенный неожиданным для него исходом дела, что, пока ему кто-то не сказал об окончании заседания, он не двигался с места.

Мне очень понравились такая человечность и простота Сталина, понимание им души человека. Казалось ведь, что человек уже обречен, раз поставлен на обсуждение этот вопрос. Думаю, что, наверное, пришло какое-то донесение Сталину, после чего Сталин

сам поставил этот вопрос на Политбюро, чтобы показать, каков он и как решает такие дела.

Хрущев Н. Т. 1. С. 54–55

Таких примеров я бы мог Вам привести немало. Когда Сталин бывал и хорошем настроении, скажешь ему что-нибудь подобное, он сразу: «А-а, ручаетесь? Позвоните, чтобы освободили»...

Куманев Г. С. 236–237

Зато неприятно поразил меня такой случай. Кажется, шел 1932 год. В Москве была голодуха, и я как второй секретарь горкома партии затрачивал много усилий на изыскание возможностей прокормить рабочий класс. Занялись мы кроликами. Сталин сам выдвинул эту идею, и я увлекся этим делом: с большим рвением проводил в жизнь указание Сталина развивать кролиководство. Каждая фабрика и каждый завод там, где только возможно и даже, к сожалению, где невозможно, разводили кроликов. Потом занялись шампиньонами: строили погреба, закладывали траншеи. Некоторые заводы хорошо поддерживали продуктами свои столовые, но всякое массовое движение, даже хорошее, часто ведет к извращениям. Поэтому случалось много неприятных казусов. Не всегда такие хозяйства окупались, были и убыточные, и не все директора поддерживали их. Гуляло в обиходе прозвание этих грибниц гробницами.

При распределении карточек с талонами на продукты и товары было много жульничества. Ведь всегда так: раз карточки, значит, недостаток, а

недостаток толкает людей, особенно неустойчивых, на обход законов. При таких условиях воры просто плодятся. Каганович сказал мне: «Вы приготовьтесь к докладу на Политбюро насчет борьбы в Москве за упорядочение карточной системы. Надо лишить карточек тех людей, которые добыли их незаконно, воровским способом». Карточки были разные — для работающих и для неработающих. Для работающих — тоже разные, и это тоже один из рычагов, который двигал людей на всяческие ухищрения и даже злоупотребления. Мы провели тогда большую работу со всеми организациями, включая профсоюзы, милицию и чекистов. Сотни тысяч карточек просто сэкономиили или отобрали, лишив их тех людей, которые были недостойны. Ведь тогда шла острая борьба за хлеб, за продукты питания, за выполнение первой пятилетки. Надо было обеспечить в первую очередь питанием тех, кто сам способствовал успеху пятилетки.

Настал день, когда нас должны были слушать по этому вопросу на Политбюро. Каганович сказал, что докладывать буду я. Это меня очень беспокоило и даже напугало: выступать на таком авторитетном заседании, где Сталин будет оценивать мой доклад. Председательствовал тогда на заседаниях Молотов, Сталин никогда в то время не председательствовал. Только после войны Сталин уже чаще, чем раньше, сам вел заседания. В 40-е годы на заседаниях Политбюро обычно царил сдержанность. Но в 30-е годы обсуждение некоторых вопросов проходило довольно бурно, особенно если кто-нибудь позволял себе выразить свои эмоции. Тогда это еще допускалось. Раз, например, вспылал Серго Орджоникидзе, вообще очень горячий

человек, налетел на наркома внешней торговли Розенгольца и чуть не ударил его...

Итак, сделал я доклад, рассказывая, каких больших мы добились успехов. А Сталин подал реплику: «Не хвастайте, не хвастайте, товарищ Хрущев. Много, очень много осталось воров, а вы думаете, что всех выловили». На меня это сильно подействовало: действительно, я посчитал, что мы буквально всех воров разоблачили, а вот Сталин, хоть и не выходил за пределы Кремля, а видит, что жуликов еще очень много. По существу, так и было. Но то, как именно подал он реплику, понравилось мне очень: в таком родительском тоне. Это тоже поднимало Сталина в моих глазах.

А теперь перейду к упомянутому мною неприятному эпизоду. Через какое-то время я узнал, что такой же доклад будут делать ленинградцы. Меня заинтересовало, какую же работу провели они? У нас было соцсоревнование с ленинградцами по всем вопросам, и гласное, и негласное. Настал день, когда этот вопрос был поставлен в повестку дня на Политбюро. Пришел я на заседание и сижу себе на своем месте (места были не нумерованные, но за постоянными посетителями заседаний они как-то закрепились). Доклад делал секретарь городского партийного комитета. Первым секретарем был Сергей Миронович Киров, но не он делал доклад, а другой секретарь, с латышской фамилией. Я его мало знал. Но ведь он секретарь Ленинградского горкома; уже поэтому я относился к нему с должным уважением. Доклад он, с моей точки зрения, сделал хороший: ленинградцы тоже много поработали, обеспечили экономию и сократили много карточек к выдаче.

Был объявлен перерыв, народ повалил в «обжорку», а я как-то задержался.. Сталин, видимо, ожидал, пока пройдут те, кто занимал задние места. И тут я стал невольным свидетелем, как Сталин перебрасывался фразами об этом секретаре с Кировым. Он спросил его, что это за человек. Сергей Миронович что-то ответил ему, вероятно, положительно. Сталин же бросил реплику, унижавшую и оскорблявшую этого секретаря. Для меня это было просто страшным моральным ударом. Я даже в мыслях не допускал, что Сталин, вождь партии, вождь рабочего класса, может так неуважительно относиться к члену партии.

Помню, наступали мы и заняли у белых город Малоархангельск; пришел ко мне местный учитель, человек небольшого ума, и спросил, какой пост ему дадут, если он вступит в партию. Меня это возмутило, но я сдержался и сказал: «Самый ответственный пост». — «А какой?» — «Дадут винтовку в руки и пошлют бить белогвардейцев. Это сейчас самый ответственный пост. Решается вопрос, быть или не быть Советской власти. Что может быть более ответственным?» — «Ну если так, то я не пойду в партию». Говорю: «Самое лучшее. Вы не ходите!»

Я отвлекся. А вот Сталин, вождь, у которого, казалось, я должен брать уроки доброго отношения к людям и понимания их, пускает такую реплику. Вот уже столько лет прошло, а его слова все еще сидят осколком у меня в памяти. Они оставили отрицательное мнение о Сталине. В его словах прозвучало пренебрежение к людям. Латыш, о котором шла речь, был простой человек, видимо, из рабочих. Тогда латышей вообще среди нашего актива было очень много.

Хрущев Н. *Т. 1. С. 62–64*

На столе у Сталина рядом с массивным письменным прибором в бронзовом стакане всегда торчало множество двухцветных сине-красных больших восьмигранных карандашей. Он брал их в ладонь и перебирал пальцами, как бы тренируя полупарализованную руку.

Бережков В. *С. 231*

На письменном столе все документы и канцелярские принадлежности лежали в образцовом порядке. Сталин к нему привык, точно зная, где что находится, и ничего не разрешал перекладывать. Во время уборки Матрена Бутузова все аккуратно возвращала на место.

Рыбин А. С. 72–73

Сталин любил, чтобы в кабинете было светло. Сам включал полный свет люстр. Опускал или поднимал шторы на окнах кабинета в зависимости от погоды и времени дня.

Яковлев А. С. 407

Когда я сказал, что видел Сталина во гневе только несколько раз, надо учесть, что он умел прятать свои чувства, и умел это очень хорошо. Для этого у него были давно выработанные навыки. Он ходил, отворачивался, смотрел в пол, курил трубку, возился с ней... Все это были средства для того, чтобы сдержаться, не проявить своих чувств, не выдать их. И это надо было

знать для того, чтобы учитывать, что значит в те или иные минуты это его мнимое спокойствие.

И. Исаков.

Цит. по: *Симонов К. С. 340*

Когда Сталину требовалось поговорить с кем-нибудь по телефону, он почти никогда сам не звонил. В таких случаях вызывал Поскребышева и говорил:

— Пусть позвонит такой-то.

Яковлев А. С. 400

Сталин выделяется из всех мне известных людей, стоящих у власти, своей простотой. Я говорил с ним откровенно о безвкусном и не знающем меры культе его личности, и он мне также откровенно отвечал. Ему жаль, сказал он, времени, которое он должен тратить на представительство. Это вполне вероятно, Сталин — мне много об этом рассказывали и даже документально это подтверждали — обладает огромной работоспособностью и вникает сам в каждую мелочь, так что у него действительно не остается времени на излишние церемонии. Из сотен приветственных телеграмм, приходящих на его имя, он отвечает не больше чем на одну.

Фейхтвангер Л. С. 213

На публичных мероприятиях Сталин никогда не сидит в центре, а где-нибудь сбоку или сзади.

Бармин А. С. 305

Во время заседаний Сталин мало сидел на председательском месте, и я всегда внимательно оглядывал движущуюся мимо меня фигуру в защитном френче, вглядывался в его манеру держать себя, прислушивался к его неторопливой негромкой речи, интонации голоса и хотел понять, в чем притягательность этого человека, почему так беспрекословно покоряются его воле и желаниям миллионы людей. Почему эти неторопливые слова так бурно и сильно впечатляют слушателей, вызывая у них прилив огромной энергии и подъема? Хотелось делать именно так, как говорил Сталин, не сомневаясь, с полной ответственностью выполнять все его указания и распоряжения. Видимо, сила этого воздействия состояла в том, что Сталин был уверен в правдивости, верности своих слов, в ясности своих мыслей, безошибочности выдвигаемых им предложений, и его уверенность охватывала и завоевывала массы.

Я. Чадаев.

Цит. по: *Куманев Г. С.* 385–386

— Сталин поздно ложился спать?..

— Я бы сказал, чересчур поздно, — соглашается Молотов. — Он работал много.

— У него и у вас, можно сказать, личной жизни не было.

— Она была, но была, конечно, урезана.

Чуев Ф. С. 313

Рабочий день Сталина начинался, как правило, после трех часов пополудни. Заканчивал он работу не раньше двух-трех часов ночи, а нередко и позже.

Яковлев А. С. 407

Сталин ложился спать после четырех утра. Часто ночью вызывал меня к себе, и мы работали порой до рассвета.

Гронский И. С. 149

Стоило, однако, А. А. Новикову, командующему Военно-Воздушными Силами, отдать приказ, в котором говорилось: в связи с тем, что тов. Сталин работает в такие-то часы, приказываю работать в те же часы, на что Верховный отреагировал: мало ли, что я так работаю...

Сталин, например, мог прийти в четыре часа, а потом в восемь часов. Сегодня он закончил работать в одиннадцать часов вечера, а пришел в восемь часов утра и т.д.

У меня на улице Горького была кремлевская вертушка. Звонит. Берешь трубку:

— Вы почему не спите?

Я говорю:

— Позвольте, Вы звоните, значит Вы считаете, что я не должен спать.

А. Хрулев.

Цит. по: *Куманев Г. С. 345*

— Маршал Василевский говорит, что не встречал человека с такой памятью, как у Сталина.

— Память исключительная.

Из беседы Ф. Чуева с В. Молотовым.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 315*

Вспоминает К. Ворошилов. Он жил с Кобой в одной комнате в 1906 году, во время стокгольмского IV съезда Российской социал-демократической партии. На отдыхе молодой грузин мог на память воспроизводить обширные отрывки из литературных произведений. В своем московском дневнике французский писатель Р. Роллан не без удивления записывал «долгий разговор» с Горьким. Тот, в частности, рассказывал о «поразительной памяти» Сталина. «Прочитав страницу, он повторяет ее наизусть почти без ошибок».

Громов Е. С. 18

Квартира Сталина в Кремле, недалеко от Свердловского зала, была небольшая, кажется, три комнаты и кухня. Большая комната была одновременно и столовой и кабинетом. Во всяком случае, в углу ее стоял письменный стол, на котором лежало много книг и журналов.

Некоторые — с закладками. Было ощущение, что Сталин много читал.

Конев И. С. 126–127

Товарищ Сталин много читал, следил за политической и художественной литературой.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 96

Сталин много читал. Насколько я мог судить, это в основном были толстые литературные журналы. Один или два таких журнала всегда лежали в гостиной, открытые на том месте, где он прервал свое чтение. Александр Фадеев, который в качестве генерального секретаря Союза писателей СССР часто общался со Сталиным по литературным делам, говорил (разумеется, после его смерти), что у Сталина был плохой вкус. Думаю, он имел в виду утилитарный подход Сталина к литературе и искусству. Ценным он считал только то, что, по его мнению, могло воздействовать на читателя в правильном направлении, то есть укрепить в нем мысли и эмоции, полезные для дела строительства социализма. Это приводило к весьма печальным результатам, о чем свидетельствует, например, известное постановление о ленинградских журналах «Звезда» и «Ленинград».

Трояновский О. С. 159

Сталин говорил, что его норма чтения — 500 страниц в день.

Громов Е. С. 239

На меня произвело впечатление, что в 68 лет он читал без очков.

Трояновский О. С. 154

Так сказать, в порядке ревностной борьбы с культом личности разорена во времена Хрущева сталинская библиотека, насчитывавшая тысячи тысячи томов. Хорошо, что энтузиасты из Центрального партийного архива сумели сохранить сотни книг и журналов из этой библиотеки с личными пометами ее хозяина.

Громов Е. С. 7

Жданов рассказал о замечании Сталина по поводу любовных стихов К. Симонова: «Надо было напечатать всего два экземпляра — один для нее, второй для него!» — на что Сталин хрипло рассмеялся, сопровождаемый хохотом остальных.

Джилас М. С. 149

В 1989 году известный писатель Юлиан Семенов задумал выпускать ежемесячную газету с непривычным для советского уха названием «Совершенно секретно».

— О чем вы будете писать в своей газете? — настороженно спросил я, когда ко мне на Старую площадь пришел популярный детективист.

И Семенов рассказал одну из невероятных историй.

Вот она.

Много лег подряд союзное Министерство финансов возглавлял Зверев. Работал он и при Сталине.

Как-то после войны министр, обеспокоенный высокими гонорарами ряда крупных писателей,

подготовил на эту тему докладную записку и представил ее лично Сталину. Ознакомившись с материалами, Сталин сказал, чтобы к нему пригласили Зверева.

Министр вошел в кабинет, поздоровался. Сталин, оторвавшись от бумаг, рассеянно кивнул. Однако сесть не предложил. Видно, аккуратные столбцы цифр вызывали у него раздражение. Зверев обрадовался: неужели потрафил?

— Стало быть, получается, что у нас есть писатели-миллионеры? Ужасно звучит, а, Зверев? Миллионеры-писатели...

— Ужасно, товарищ Сталин, ужасно, — подтвердил министр.

Хозяин протянул блюдущему государственной интерес финансисту его папку с материалами:

— Ужасно, товарищ Зверев, что у нас так мало писателей-миллионеров... Писатели — это память нации. А что они напишут, если будут жить впроголодь?

Зверев растерянно смотрел на Сталина. А тот сравнивал своего министра с завистливым крестьянином, считающим заработка усердного соседа, который не самогон пьет, а работает от зари до зари, вместо того чтобы на собраниях глотку драть.

Зенькович Н. С. 31–32

При редких встречах с писателями, актерами, учеными отец хотел выглядеть заинтересованным и осведомленным, что часто производило впечатление. Если гости приезжали к нему на дачу, то он проявлял старомодную куртуазность к дамам: подносил им только

что срезанную розу или пышную ветку сирени. Он был галантен с женами известных авиационных конструкторов, с женами маршалов в тех случаях, когда было важно и нужно быть приветливым с мужьями. Но в своей обычной, повседневной жизни он совершенно не стремился ни к вежливости, ни к самому малейшему эстетизму.

Аллилуева С. С. 17

На одном из совещаний Сталин заметил Михалкову:
— Михалков, вы написали плохую пьесу «Раки».

Михалков взял слово и разнес пьесу в пух и прах.

Закончил выступление поговоркой: «Век живи — век учишься, а дураком умрешь!»

Сталин при этом походил, походил по залу и изрек:

«Первую половину поговорки придумали мудрые люди, а вторую — пошляки».

<...>

Партийный руководитель писательской организации Д. А. Поликарпов жаловался вождю:

— Трудно работать с творческой интеллигенцией: один — пьет, другой — гуляет, третий — плохо пишет, четвертый — вообще не пишет.

Сталин вспылил:

— Товарищ Поликарпов, других писателей у меня нет. Будем работать с этими.

Красиков С. С. 521, 516

Сталин спросил у Фадеева, почему не выдвинули на соискание Сталинской премии писателя С. Злобина за роман «Степан Разин». Фадеев ответил, что Злобин не занимается общественной работой, его нигде не видно.

— А может, он в это время пишет? — спросил Сталин.

<...>

Сталин сказал Демьяну Бедному:

— Вы знаете, почему вы плохой поэт? Потому что поэзия должна быть грустновата. Чуев Ф. С. 532

Бюро обычно собиралось следующим порядком. Официальных заседаний как таковых не проводилось. Когда Сталин приезжал в город с «Ближней дачи», где он в то время жил, он созывал нас через Секретариат Центрального комитета.

Мы собирались либо в его кремлевском кабинете, либо — чаще всего — в кинозале Кремля. Мы смотрели кинофильмы и говорили о различных делах в перерывах между частями. Вздремнув после обеда, Сталин часов в 7—8 вечера отправлялся в Кремль. Мы уже ожидали его...

Хрущев Н. Т. 2. С. 99

Фильмы «представлял» правительству сначала З. Шумяцкий, потом, недолго, Дукельский, потом — долгие годы И. Г. Большаков. <...> Еще не было принято критиковать фильмы и заставлять их переделывать. Обычно смотрели, одобряли, и фильм шел в прокат.

Даже если что-то и не совсем было по вкусу, то это не грозило судьбе фильма и его создателя. «Разнос» чуть ли не каждого нового фильма стал обычным делом лишь после войны. Я уходила из кино поздно, быстро бежала домой по пустынному, тихому Кремлю и назавтра шла в школу, а голова была полна героями кино. Отец считал, что мне полезнее посмотреть фильм, чем сидеть дома. Вернее всего, он даже и не думал, что мне полезно, — просто ему было приятно, чтобы я шла с ним вместе: я его развлекала, отвлекала и потешала.

Аллилуева С. С. 307

Он обычно сам выбирал кинофильмы. Как правило, это были так называемые трофейные картины, они пришли с Запада. Среди них много было американских. Сталин особенно любил ковбойские фильмы. Он ругал их, давал им должную идеологическую оценку и тут же заказывал новые. Фильмы шли без субтитров, поэтому министр кинематографии И. И. Большаков громко переводил нам их содержание. Он переводил со всех языков, но на самом деле не знал ни одного. Ему заранее рассказывали содержание фильма. Он старался запомнить его, а затем «переводил» кинофильм. Мы часто шутили по поводу его переводов, особенно Берия. Во многих случаях Большаков просто искажал содержание или же объяснял то, что каждый мог сам видеть на экране: «Вот он выходит из комнаты... Вот он переходит улицу». Тут вмешивался Берия и помогал Большакову: «Посмотрите! Он пустился бежать! Вот он бежит!»

Сталин смотрел фильмы только в кремлевском кинозале, который был оборудован проектором,

устаревшим даже по тем временам. Это помещение больше не используется в качестве кинозала. Мы смотрели там всевозможные фильмы — немецкие, английские, французские, американские, а также фильмы других стран. В архиве хранилось огромное количество кинокартин. В общем, они нам не очень нравились.

Хрущев Н. Т. 2. С. 85

...В течение всего показа Сталин выступал с комментариями, реагировал на происходящее так, как это делают необразованные люди, которые принимают художественную реальность за действительность.

М. Джилас.

Цит. по: *Такер Р. С. 393*

В кинематографической среде рассказывали тогда такую вот байку — документального подтверждения она не имеет. Хозяин посмотрел фильм «Большой вальс». Эта американская, сильно сделанная картина с колоссальным успехом шла в нашем прокате. Понравилась она и Сталину. И тогда он отклонил список советских кинематографистов, представленных к правительственной награде. Вождь якобы сказал: пусть «они» (советские кинематографисты) сначала научатся работать так профессионально, как работают создатели «Большого вальса».

Громов Е. С. 63–64

Кинозал был устроен в Кремле, в помещении бывшего зимнего сада, соединенного переходами со

старым кремлевским дворцом. Отправлялись туда после обеда, т. е. часов в девять вечера. Это, конечно, было поздно для меня, но я так умоляла, что отец не мог отказывать и со смехом говорил, выталкивая меня вперед: «Ну, веди нас, веди, хозяйка, а то мы собьемся с дороги без руководителя!» И я шествовала впереди длинной процессии, в другой конец безлюдного Кремля, а позади ползли гуськом тяжелые бронированные машины и шагала бесчисленная охрана...

Кино заканчивалось поздно, часа в два ночи: смотрели по две картины или даже больше. Меня отсылали домой спать, — мне надо было в семь часов утра вставать и идти в школу.

Гувернантка моя, Лидия Георгиевна, возмущалась и требовала от меня отказываться, когда приглашали в кино так поздно, но разве можно было отказаться? Сколько чудных фильмов начинали свое шествие по экранам именно с этого маленького экрана в Кремле! «Чапаев», «Трилогия о Максиме», фильмы о Петре I, «Цирк» и «Волга-Волга», — все лучшие ленты советского кинематографа делали свой первый шаг в этом кремлевском зале.

Аллилуева С. С. 307

На... встрече с Довженко кремлевский правитель высказал мнение и о фильме «Последний маскарад» М. Чиаурели. «Хороший фильм. Только его стоит посмотреть несколько раз. — И, обращаясь к товарищу Ворошилову, добавил: — Я вообще думаю, что хорошие фильмы нужно смотреть несколько раз. За один раз ведь трудно до

конца понять все, что режиссер думал и хотел сказать на экране...»

Громов Е. С. 193

Я никогда не забуду, как Столпер мне в лицах рассказывал историю резко не понравившегося Сталину фильма «Закон жизни», который они делали вдвоем с режиссером Ивановым по сценарию Авдеенко. Весь огонь резкой, можно сказать, почти беспощадной критики был обрушен Сталиным на автора сценария, на Авдеенко, а Столпер и Иванов как бы при сем присутствовали. И когда кто-то на этом разгроме обратил внимание Сталина на двух сидевших тут же режиссеров: дескать, что же делать с ними, надо, мол, покарать и их, а не только одного Авдеенко, Сталин не поддержал этого. Небрежно покрутил пальцем в воздухе, показывая, как крутится в аппарате лента, и сказал: «А что они? Они только крутили то, что он им написал». И, сказав это, возвратился к разговору об Авдеенко.

Симонов К. С. 185

Эту новеллу рассказал мне кинорежиссер Александр Борисович Столпер, которого я считаю своим учителем. Именно он посвятил меня в тайны кинодраматургии. Столпер снимал тогда «Повесть о настоящем человеке» по Полевому. Было это в Звенигороде, и туда приехал сценарист фильма Михаил Григорьевич Папава.

— А знаете, как началась карьера Папавы? — спросил меня Столпер, озорно сверкнув глазами (я тоже

находился в Звенигороде, мы обсуждали идею будущего сценария). И Столпер рассказал вот что:

— Показывали вождю фильм «Иван Павлов». («Академик Иван Павлов», 1949 год. — *Е. Г.*) Смотрели фильм, как полагалось в те времена, Сталин и вся его политбюровская команда. Режиссер фильма Рошаль сидел в прихожей, в зал его, плебея, конечно же не пускали, но дверь в зал милостиво оставили открытой. Рошаль тихонько умирал в упомянутой прихожей.

Как только пошли вступительные титры фильма, Сталин спросил у Берии:

— Скажи, Лаврентий, вот тут сценарий Папавы... Папавы — они откуда? Из Ткварчели? (название грузинского города Столпер приводил наугад).

— Да нет, Иосиф Виссарионович, — позволил себе не согласиться Берия, — Папавы, они все из Батуми...

— Что ты мне болтаешь про Батуми, Папава мог быть еще из Сухуми... — сказал товарищ Сталин.

И всю картину Сталин и Берия обсуждали, откуда родом Папава, перемежая русский язык с грузинским, а в прихожей Рошаль был уже готов к отправке в реанимацию или напрямик в морг. Министр кинематографии Большаков, сидевший ближе к открытой двери кинозала, тоже паниковал — фильм явно проваливался. Кем он теперь будет — бывшим министром или заключенным?

В зале зажгли свет, Сталин поднялся с места.

— Хороший сценарий написал товарищ Папава! — и ушел. За ним потянулись остальные...

У Рошалья хватило сил лишь затравленно поглядеть вслед великим мира сего.

Счастливый Большаков обнял Рошалья:

— Как зовут Папаву? Надо срочно его поздравить с большой творческой удачей! Да, — спохватился министр, — и вас надо поздравить... заодно!

— Папаву зовут Миша! — пролепетал Рошаль. Надо добавить, что картину смотрели, по сталинскому обыкновению, ночью. И вот среди ночи в Министерстве кинематографии начали поднимать с постели всех чиновников — как отчество Папавы? Не знал никто! А звонить Папаве и запросто сказать ему «Миша» или официально «товарищ Папава» министр уже не смел.

Кто-то сообразил, что Папава дружит со Столпером. Большаков позвонил ему в четыре часа утра.

— Как отчество Папавы?

— Григорьевич... — спросонья Столпер не понимал происходящего. И позже решил, что этот звонок ему приснился.

Министр тотчас позвонил Папаве, конечно, разбудил его, назвал Михаилом Григорьевичем и взволнованным голосом сообщил, что его работу высоко оценил сам товарищ Сталин!

Бедный и неизвестный Папава начал новую жизнь. Гонорар за сценарий повысили. Квартиру дали. До этого он жил, естественно, в коммуналке. Кроме квартиры дали еще Сталинскую премию первой степени.

Но если бы товарищ Сталин знал, что родом Папава был из Москвы и ни слова не знал по-грузински, изменилась бы судьба Папавы, стал бы он в одночасье

Михаилом Григорьевичем и классиком советской кинодраматургии? Папава, который сам любил пересказывать эту историю, шутил, что не стал бы...

Много лет спустя я спросил у Рошаля — правду ли поведал Столпер, и Григорий Львович подтвердил, что все это чистая правда.

Э. Брагинский.

Цит. по: *Громов Е. С.* 214–215

Разные люди, которым довелось смотреть кинофильмы со Сталиным, рассказали мне много эпизодов на эту тему. Вот один из них.

В 1989 году смотрели «Поезд идет на восток». Фильм не ахти какой: едет поезд, останавливается...

— Какая это станция? — спросил Сталин

— Демьяновка.

— Вот здесь я и сойду, — сказал Сталин и вышел из зала.

Чуев Ф. С. 529

По окончании сеанса Сталин обычно предлагал: «Как вы думаете, не стоит ли нам перекусить?» Все остальные не испытывали голода. Как правило, это происходило в час или в два часа ночи. Пора было ложиться спать, ведь на следующий день нам предстояло идти на работу. Но Сталину не нужно было работать по утрам, о нас же он не думал. Каждый из нас отвечал: да, хорошо бы перекусить. Подобная ложь стала чем-то вроде рефлекса. *Хрущев Н. Т. 2. С. 101*

Обычные же регулярные заседания Политбюро начинались утром и заканчивались к обеду.

Бажанов Б. *С. 176–177*

Называется обед, но какой обед в десять-одиннадцать вечера.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 361*

Сталин часто приглашал после этого к себе домой ужинать, — или, как он говорил, «обедать».

— На сегодня, кажется, хватит, — говорил он. — Не знаю, как другие, а я проголодался. Специально никого не приглашаю, чтобы это не приняли как обязательное и обременительное, а кто хочет пообедать, прошу!

Ну, кто откажется!

Все идут с ним на кремлевскую квартиру.

Кремлевская квартира граничила со служебным кабинетом.

Окнами выходила, так же как и кабинет, на Арсенал.

Яковлев А. С. 407

Отец не любил вещей, его быт был пуританским, он не выражал себя в вещах, и оставшиеся дома, комнаты, квартиры не выражают его.

Аллилуева С. *С. 20*

Почти каждый вечер раздавался мне звонок: «Приезжайте, пообедаем». То были страшные обеды. Возвращались мы домой к утру, а многим нужно на работу выходить. Я старался поспеть к 10 часам, а в обеденный перерыв пытался поспать, потому что всегда висела угроза: не поспишь, а он вызовет, и будешь потом у него дремать. Для того, кто дремал у Сталина за столом, это кончалось плохо.

Хрущев Н. Т. 1. С. 41

Почти каждый день (в последние годы, после войны) к нему съезжалось «обедать» всё Политбюро. Обедали в большом зале, тут же принимали приезжавших гостей.

Аллилуева С. С. 25

Когда мы прибывали на дачу, «заседание» продолжалось, если это можно назвать заседанием. Подобная система работы, если это можно было назвать работой, существовала в послевоенный период вплоть до смерти Сталина. Ни Центральный Комитет, ни Политбюро, ни Бюро Президиума не работали регулярно. Однако заседания в узком кругу продолжались с точностью часового механизма. Если он не вызывал нас два-три дня, мы думали, что он заболел или с ним что-нибудь случилось.

Хрущев Н. Т. 2. С. 86

Обстановка столовой более чем скромная. Налево, во всю стену, старинный, громоздкий, темного дерева буфет с бокалами и, по кавказскому обычаю, рогами для вина. Посредине — стол, накрытый белоснежной скатертью человек на десять. В простенке, напротив входной двери, между окнами, тахта-диван. Направо у стены — шкаф с книгами и дверь во внутренние комнаты.

Яковлев А. С. 408

В другом углу была радиола с пластинками, у отца была хорошая коллекция народных песен — русских, грузинских, украинских. Иной музыки он не признавал.

Аллилуева С. С. 16

За столом человек двадцать, пожалуй, могло быть. Суворов и Кутузов, портреты на стене висели, возле окна. В кабинете была маска Ленина в футляре, на подставке, под стеклянным колпаком. Отдельный столик для телефонов. Просторный кабинет на третьем этаже. За окном сейчас виден Вечный огонь.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 367*

В комнате лежал большой мягкий ковер и был камин — единственные атрибуты роскоши и комфорта, которые отец признавал и любил.

Аллилуева С. С. 25

Обеденный стол занимал большую часть комнаты. Стол был длинный, но не грандиозный. Очевидно, за ним могли усесться человек пятнадцать-шестнадцать, может быть немного больше...

Конев И. С. 127

...Пожалею бумагу. Вот здесь на половине столовую вам изображу. Стол был большой, продолговатый, потому что компания у него частенько большая собиралась. Тут тоже у него было постоянное место. Большая комната, тоже, наверно, три окна. Вот здесь был диван. Прямо скажем, квартира не очень удобная. Около кухни раздевалка. На даче был патефон. Отдыхали на этом деле. Здесь чаще встречались, когда мирная жизнь была. По вечерам после заседаний идем к нему обедать. Продолжается разговор, само собой...

В. Молотов.

Цит. по: Чуев Ф. С. 358

«Приехать обедать» к отцу — это и означало приехать решить какой-то вопрос.

Аллилуева С. С. 16

Принимая кого-то из приезжающих военных на даче — иногда это было на даче, — он после разговора к обеду или к ужину вызывал членов Политбюро, тех или иных, передавая это через Власика, начальника охраны своей, и предполагалось, что все быстро и беспрекословно явятся. Так было заведено.

Сталин занимал обычное место в торце стола. С правой руки, как всегда, стоял графин с чистой водой.

Штеменко С. С. 294

Сотрудники Сталина тоже привыкли к такому образу жизни и работы, проводя ночи на ужинах у Сталина или у кого-нибудь из других руководителей. В своих кабинетах они до обеда не появлялись, зато обыкновенно оставались в них до поздней ночи. Это усложняло и затрудняло работу высшей администрации, но она приспособилась. Приспособился и дипломатический корпус, поскольку он имел контакт с кем-нибудь из членов Политбюро.

Не было никакой установленной очередности присутствия членов Политбюро или других высокопоставленных руководителей на этих ужинах. Обычно присутствовали те, кто имел какое-то отношение к делам гостя или к текущим вопросам. Но круг приглашаемых был очевидно узок и бывать на этих ужинах считалось особой честью. Один лишь Молотов бывал на них всегда — я думаю потому, что он был не только наркомом (а затем министром) иностранных дел, но фактически заместителем Сталина.

На этих ужинах советские вожди были наиболее близки между собой, наиболее интимны. Каждый рассказывал о новостях своего сектора, сегодняшних встречах, о своих планах на будущее. Богатая трапеза и большие, хотя не чрезмерные количества алкоголя оживляли дух, углубляли атмосферу сердечности и

непринужденности. Неопытный посетитель не заметил бы почти никакой разницы между Сталиным и остальными. Но она была: к его мнению внимательно прислушивались, никто с ним не спорил слишком упрямо — все несколько походило на патриархальную семью с жестким хозяином, выходок которого челядь всегда побаивалась.

Джилас М. С. 73–74

Ужин, или, как говорил Сталин, «обед», по существу, являлся продолжением совещания, начатого в служебном кабинете. Но разговор шел свободнее, чередовался обменом мнениями на самые разнообразные темы: политические, международные, по вопросам техники, литературы, искусства. Увлечшись каким-нибудь вопросом, Сталин шел к шкафу, доставал нужную книгу. Если в разговоре требовалась справка по географии, он брал свою старую, уже потертую карту, раскладывал ее на столе и говорил:

— Посмотрим на моей карте. Правда, она поистрепалась порядочно, но еще служит.

Яковлев А. С. 408

Бывало, часа два посидим и уже хочется разойтись. Но он заводил беседу, задавал вопросы на деловые темы. Обычно все проходило нормально, но иногда он, не сдерживая себя, горячился, грубил, нападал на тех или других товарищей. Это оставляло неприятный осадок. Но такое было не часто.

Микоян А. С. 353

— Какой Сталин был в общении?

— Простой, очень, очень хороший, компанейский человек. Был хороший товарищ. Его я знаю хорошо...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 311*

— А каков Сталин был в быту, вне работы?

— Бывал и общительным, и приветливым, и гостеприимным, но всегда надо было быть начеку. Сталин частенько приглашал людей и, прежде всего, из своего круга к себе на дачу. Отказаться от приглашения было весьма нежелательно. Лично я ехал туда, как правило, с тяжелым чувством. Ибо знал, что придется много пить, причем крепкие напитки. Сам «хозяин» предпочитал полусладкие грузинские вина («Киндзмараули», «Хванчкару»), а в последние годы — «Шампанское», которое разбавлял минеральной водой. Пил понемногу и с интересом наблюдал, как ведут себя и о чем говорят изрядно «набравшиеся» гости.

Как-то после очередного тоста, вынужденный осушить целый бокал коньяка, я вышел из столовой и обнаружил рядом небольшую комнату. Там был и умывальник, и диванчик, чем я не преминул воспользоваться. Через час-полтора вышел оттуда почти отрезвевшим, посвежевшим и снова присоединился к гостям. Так продолжалось в течение еще двух-трех вечеринок, пока меня не выследил Берия. Он тут же донес о моей «комнате отдыха» Сталину. Тот подошел ко

мне и с нескрываемым раздражением медленно и зло произнес:

— Ты что? Хочешь быть всех умнее? Можешь потом сильно пожалеть...

Таков был «наш вождь и учитель».

А. Микоян.

Цит. по: *Куманев Г. С. 34–35*

В это время Хозяин окончательно поменял день на ночь. Теперь он работал ночью — и вместе с ним не спали начальники всех учреждений. И вот глубокой ночью в Московский планетарий позвонили с Ближней дачи. Там шло полуночное застолье у Хозяина, во время которого товарищи Молотов и Каганович поспорили. Молотов утверждал, что звезда над дачей — это Орион, Каганович назвал ее Кассиопеей. Хозяин велел позвонить в Планетарий. К сожалению, бодрствовавший директор Планетария был не астрономом, но офицером НКВД (директора-астронома давно арестовали). Он попросил немного времени, чтобы узнать о звезде у оставшихся астрономов.

Чтобы не обсуждать по телефону столь ответственный вопрос, директор велел немедленно привезти в Планетарий известного астронома А. Но с ним получился конфуз. Он был другом недавно арестованного ленинградского астронома Нумерова и поэтому по ночам теперь не спал — ждал. И когда за окном услышал звук подъехавшей машины, понял — конец.

Потом в дверь позвонили — страшно, требовательно позвонили... Он пошел открывать и умер на пороге от

разрыва сердца. Пришлось отправлять машину ко второй оставшейся знаменитости.

Астроном Б. был ближайшим другом того же Нумерова. Звук подъехавшей машины он услышал в половине третьего — это был *тот* час. В окно он увидел черную машину — ту самую. И когда в его дверь позвонили, он уже принял решение и, открыв окно, полетел к любимым звездам. Правда, не вверх, а вниз...

Только в пять утра, потеряв к тому времени еще одного астронома, директор узнал название звезды и позвонил на дачу:

— Передайте товарищам Молотову и Кагановичу...

— Некому передавать — все спать давно ушли, — ответил дежурный.

Эту историю, весело смеясь, мне рассказал писатель Каплер, отсидевший несколько лет в лагерях за любовь к сталинской дочери.

Радзинский Э. С. 431–432

На этих ужинах перекраивалась судьба громадной русской земли, новозанятых стран, а во многом и всего человечества. На них, конечно, никто не выступал в поддержку крупных творческих произведений «инженеров человеческих душ», зато, надо полагать, многие из этих произведений были там навеки похоронены.

Одного я там ни разу не слышал — разговоров о внутривластной оппозиции и о расправах с нею. Это, очевидно, входило, главным образом, в компетенцию лично Сталина и секретной полиции. А поскольку

советские вожди были тоже только людьми — про совесть они часто забывали, тем более охотно, что воспоминание о ней могло быть опасным для их собственной участи.

Джилас М. С. 75

Бытовая сторона жизни Сталина мне нравилась.

Хрущев Н. Т. 2. С. 89

Сталин был очень артельным человеком, веселом и щедрым. Мало кто из членов Политбюро так просто общался со своей охраной. Нередко где-нибудь на горе в лесочке мы жарили шашлык. Верней, непосредственно у шашлычного горнила Сталин стоял сам, никому недоверяя эту важную операцию, и давал нам необходимые указания. Один подносил дрова. Второй железные прутья готовил. Третий мясо на них насаживал. Четвертый — стол накрывал. Работа кипела. Когда с нами не было других членов Политбюро, — весь нажаренный Сталиным шашлык мы под метлу зачищали!

Рыбин А. С. 39

К приходу приглашенных на ужин стол накрыт. Поставлены приборы.

На правом от входа конце стола все холодные кушанья, закуска. Несколько бутылок, включая шампанское и коньяк. Водка в графинах. Две суповницы, накрытые крышками: харчо и другой какой-либо суп. Стопка тарелок. Суп каждый сам себе наливает. Вообще никакого обслуживающего персонала за столом нет.

Изредка женщина в белом халате и головной повязке приносит что-нибудь горячее.

Яковлев А. С. 408

На столе обычно бывали перцовка, коньяк и всякие вина грузинские, привезенные оттуда, с наклейками, напечатанными на пишущей машинке. Сталин хорошо разбирался в винах и любил говорить о них со знанием дела: какое вино, какими качествами отличается, какое количество его производится, из какой деревни, чем обуславливаются его особенности.

Конев И. С. 127

Раньше обеды у Сталина были как у самого простого служащего: обычно из двух блюд или из трех — суп на первое, на второе мясо или рыба и компот на третье. Иногда на закуску — селедка. Подавалось изредка легкое грузинское вино.

Но после смерти жены, а особенно в последние годы он очень изменился, стал больше пить, и обеды стали более обильными, состоявшими из многих блюд. Сидели за столом по 3—4 часа, а раньше больше получаса никогда не тратили.

Микоян А. С. 353

...Обед у Сталина, даже очень большой, всегда проходил без услуг официантов, они только приносили в столовую все необходимое и молча удалялись. На стол заблаговременно выставлялись приборы, хлеб, коньяк, водка, сухие вина, пряности, соль, какие-то травы, овощи

и грибы. Колбас, ветчины и иных закусок, как правило, не бывало. Консервов он не терпел.

Первые обеденные блюда в больших судках располагались несколько в стороне на другом столе. Там же стояли стопки чистых тарелок.

Сталин подходил к судкам, приподнимал крышки и, заглядывая туда, вслух говорил, ни к кому, однако, не обращаясь:

— Ага, суп... А тут уха... Здесь щи... Нальем щей, — и сам наливал, а затем нес тарелку к обеденному столу.

Без всякого приглашения то же делал каждый из присутствующих, независимо от своего положения.

Наливали себе кто что хотел.

Затем приносили набор вторых блюд, и каждый также сам брал из них то, что больше нравится. Пили, конечно, мало, по одной-две рюмки. В первый раз мы с Антоновым не стали пить совсем. Сталин заметил это и, чуть улыбнувшись, сказал:

— По рюмке можно и генштабистам.

Вместо третьего чаще всего бывал чай. Наливали его из большого, кипящего самовара, стоявшего на том же отдельном столе. Чайник с заваркой подогревался на конфорке.

Штеменко С. С. 291–292

Я наблюдал за Сталиным, сколько он ел. Он ел минимум в два раза больше меня. А я считал, что объедаюсь. Например, он брал глубокую тарелку, смешивал два разных супа в этой тарелке, потом по

крестьянской привычке, которую я знал по своей деревне, крошил кусочками хлеб в горячий суп и покрывал все это другой тарелкой — пар сохранялся там и хлеб впитывал влагу — и доедал все это до конца. Потом закуски, вторые блюда, много мяса. Ел он медленно, запивая вином.

Микоян А. С. 353

Сталин поглощал количества еды, огромные даже для более крупного человека. Чаще всего это были мясные блюда — здесь чувствовалось его горское происхождение. Он любил и различные специальные блюда, которыми изобилует эта страна с разными климатами и цивилизациями, но я не заметил, чтобы какое-то определенное блюдо ему особенно нравилось. Пил он скорее умеренно, чаще всего смешивая в небольших бокалах красное вино и водку.

Джилас М. С. 74

Как водится, мы сидели за столом, уставленным всякими вкусными вещами — свежими овощами, фруктами, орехами. Было хорошее грузинское вино, настоящее, деревенское, — его привозили только для отца последние годы, — он знал в нем толк, потягивал крошечными рюмками. Но, хотя бы он и не сделал ни одного глотка, вино должно было присутствовать на столе в большом выборе, — всегда стояла целая батарея бутылок. И хотя он ел совсем мало, что-то ковырял и отщипывал по крошкам, но стол должен был быть уставлен едой. Таково было правило.

Аллилуева С. С. 68

Постепенно он стал увлекаться разнообразной едой. Обстановка обеда или ужина была организована разумно в том смысле, что девушки, которые подавали, ставили закуски на стол сразу, а супы — на другой стол. Каждый брал то, что хотел, потом подходил к другому столу, наливал себе тот или другой суп, брал чистую салфетку. Словом — самообслуживание. Одновременно с едой обсуждались разные вопросы, он даже говорил, что это вроде политического клуба.

Микоян А. С. 353

...Он угощал детей вином, — кавказская привычка.

Аллилуева С. С. 68

Если остальные собеседники были свои, московские, а гость – приезжий... то он сажал гостя неизменно с правой стороны от себя и оказывал ему по ходу ужина наибольшее внимание. Не любил, когда отказывались пить, но если ссылались на здоровье и если он этому верил, знал, что это действительно так, — хотя и морщился, но проявлял известную терпимость, заставлял выпить рюмку перцовки, а потом не настаивал. Угощая перцовкой, любил шутить. Если там присутствовал Ворошилов, говорил: «Вот смотрите, какой цвет лица у Ворошилова. Это потому, что он пьет перцовку, поэтому такой здоровый». Тех, кто поддавался на это, он напайвал. Напайвал и своих ближайших соратников.

Видимо, это уже вошло у него в привычку и было частью программы, включавшей для него элемент развлечения.

Конев И. С. 127

Сталин заставлял нас пить много, видимо, для того, чтобы наши языки развязались, чтобы не могли мы контролировать, о чем надо говорить, о чем не надо, а он будет потом знать, кто что думает.

Микоян А. С. 353

На мои вопросы по поводу того, не пил ли Сталин сам, следовал один и тот же решительный ответ: нет, он никогда, на памяти моего собеседника (И. С. Конева. — *Е. Г.*), и этого, и других, с кем я до сих пор говорил, пьян не бывал. Любил напоить, но сам пьян не бывал.

Симонов К. С. 128–129

Сталин много не пил, а других втягивал здорово. Видимо, считал нужным проверить людей, чтоб немножко свободней говорили. А сам он любил выпить, но умеренно. Редко напивался, но бывало. Бывало, бывало.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 268

Сталин был очень чуток, — говорит Лазарь Моисеевич. — Ну, например, сидим за столом, ужинаем, выпиваем. Сам он пил воду с вином, воду с коньяком. Это неверно говорят, что он любил выпить и прочее. Но

любил, чтоб у него выпивали. Ко мне иногда приставал Берия, как и к другим: «Выпей!» А я говорю: «Не хочу, не буду» — «Как так не хочу?» — «А вот не хочу, не могу, не буду». А я действительно не умел пить. Тогда Сталин ему говорит: «Ты к нему не приставай. Он не умеет пить. Евреи вообще не умеют пить. И поэтому не надо к нему приставать. Это ведь не грузин».

Л. Каганович.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 141*

Если верить молве, он мог выпить до двадцати рюмок водки, и у него даже не начинал заплетаться язык. Американские дипломаты подтверждают, что никогда не видели Сталина пьяным даже после весьма многочисленных тостов.

Ноймайр А. С. 360

Бутылки «Цинандали» ему за глаза хватало на полмесяца. Это «соратники» обедались за его счет и пили до упаду водку.

Рыбин А. С. 48

Ни разу я не заметил на нем признаков опьянения, чего не мог бы сказать про Молотова, а в особенности про Берия, который был почти пьяницей. Регулярно обедавшие на таких ужинах советские вожди днем ели мало и нерегулярно, а многие из них один день в неделю для «разгрузки» проводили на фруктах и соках.

Джилас М. С. 74

Мне кажется, выпивать Берия не любил, хотя приходилось часто. Маленков тоже не любил. Вот Ворошилов — да. Ворошилов всегда угощал перцовкой.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 268*

Что касается самого Сталина... С 1930 по 1953 год охрана видела его «в невесомости» всего дважды: на дне рождения С. М. Штеменко и на поминках А. А. Жданова.

Рыбин А. С. 60

Выпивши, был веселый, обязательно заводил патефон. Ставил всякие штуки. Много пластинок было. Во-первых, русские народные песни очень любил, потом некоторые комические вещи ставил, грузинские песни... Очень хорошие пластинки.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 268*

Сталин очень любил напаять тех, кто пришел к нему в гости, а сам пил мало, во всяком случае, на людях. Пил из небольшой рюмки и обычно только вино. Иногда, как сказал мой собеседник, он пил из небольшой рюмки, поставив ее в большой бокал, так, чтобы внешне выглядело, что он поднимает большую посуду в руке. Но я не уяснил себе, как это практически могло быть.

И. Конев.

Цит. по: Симонов К. С. 127

— Шампанское любил?

— Да, он шампанское любил. Это его любимое вино. Он с шампанского начинал...

— Какие вина вы со Сталиным пили? «Киндзмараули»?

— «Киндзмараули» — мало. Вот тогда было...

— «Цинандали»?

— Не-е-ет, красные вина. Я пил «Цигистави». А когда я не доливал, Берия говорил: «Как ты пьешь?» — «Пью как все».

— Это кисленькое вино, а все пили сладкое, сладковатое... Как это называется... Ну, черт...

— «Хванчкара»?

— Нет, «Хванчкару» редко. «Оджалешви» тоже пили. Очень много. До войны.

— «Цоликаури»? — подсказывают.

— «Цоликаури»! — вспомнив, восклицает Молотов. — Он мало пил вино. Предпочитал коньяк понемногу. С чаем...

— Правда, что у Сталина были отпечатаны на машинке этикетки вин — Штеменко пишет?

— Не, не, не, ничего не было. Может, что-то случайно...

Калинин мало пил. Он и редко в нашей компании бывал, Калинин.

Хрущев выпивать сильно стал позже. А Булганин вообще не воздерживался, склонен был, да.

— В народе говорят: Берия водку не пил никогда.

— Да ну что вы! Всегда с нами пил, потому что он перед Сталиным всегда хотел отличиться. Если Сталин говорил, он не отставал, как же... Талантливый организатор, но жестокий человек, беспощадный. Его другом был Маленков, а потом Хрущев к ним примазался. Разные, а есть кое-что и общее.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 312*

— А кто у вас тамадой был?

— Берия, — отвечает Каганович.

Чуев Ф. С. 141

Вечер не мог обойтись без пошлости, конечно со стороны Берия. Меня заставили выпить стопку перцовки. Берия, скаля зубы, объяснив, как эта водка плохо воздействует на половые железы, употреблял при этом самые грубые выражения. Пока Берия говорил, Сталин внимательно смотрел на меня, готовый расхохотаться. Заметив мою кислую реакцию, он остался серьезным.

Джилас М. С. 149

Обслуживала Сталина на квартире одна женщина — русская, немолодая — Матрена Ивановна, простая, но

очень опытная, вышколенная, в белой косыночке на голове. Очень аккуратная, чистюля.

Конев И. С. 127

Сталин очень любил рыбные блюда. Несколько сортов всегда было: дунайскую сельдь очень любил, керченскую, рыба копченого, шемаю копченую, отварную рыбу, птицу любил: цесарок, уток, цыплят. Любил тонкие ребра барашка, сделанные на вертеле. Очень вкусная вещь. Тонкие ребра, мало мяса, сухо зажаренные. Это блюдо всем всегда нравилось. И перепела отварные. Это были самые лучшие блюда.

Микоян А. С. 353

К его столу доставляли рыбу из специальных прудов, фазанов и барашков из собственных хозяйств, грузинские вина урожая лучших лет. С юга самолетом доставлялись свежие фрукты. Он не имел понятия, сколько стоит доставка всех этих вещей... Мне неизвестно, знал ли отец... что все съестное, поставлявшееся на кухню, специальные врачи подвергали химическому анализу на наличие яда. Каждый образец хлеба, мяса или фруктов снабжался аттестатом «Ядовитые вещества не обнаружены», на котором ставилась печать и подпись ответственного. Иногда в нашу кремлевскую квартиру приходил доктор Дьяков со своим баллончиком и брал пробы воздуха во всех комнатах.

Аллилуева С. С. 333

Он любил выдумывать и заказывать блюда, неизвестные нам. Например, стал заказывать поварам и постепенно совершенствовать одно блюдо: не то суп, не то второе. В большом котле смешивались баклажаны, помидоры, картошка, черный перец, лавровый лист, кусочки нежирного бараньего мяса — и все доводилось до готовности. Это блюдо подавалось в горячем виде и ставилось на тот стол, где мы брали первое. Когда открывали котел, то шел приятный аромат. Туда добавляли кинзу и другие травы. Блюдо было очень вкусным. Сталин дал ему название «Арагви».

Микоян А. *С. 353–354*

Своими вставными зубами Сталин плохо жевал. Мелковатые груши казались ему твердыми. Спросил у Лозгачева:

— А крупных и мягких нет?

— На базе только такие...

— А я с базы получил мягкие! — похвалился Берия.

— Поезжайте к нему и заберите все, — предложил Сталин.

Поехали. Забрали. Привезли. Груши оказались такими же самыми. Насмешливо глядя на хвастуна, Сталин покачал головой:

— Очковтирательство налицо!

Рыбин А. *С. 48*

Один раз Сталин сказал, чтобы я организовал доставку в Москву нельмы. Это было нетрудно, стали

привозить сырую рыбу. Я впервые в жизни узнал, что можно есть сырую рыбу. Вначале было противно даже трогать ее. Но потом понравилось. Крепко замороженная, как камень, тонко наструганная ленточками, она сразу подавалась на стол, чтобы не разморозилась. Пробовали сперва несмело, а потом понравилось. Ощущение во рту было приятное, как будто кондитерское изделие. Брали рыбу, потом чеснок и соль и сразу же запивали рюмкой коньяку.

Микоян А. С. 354

Помню такой инцидент Берия, Маленков и Микоян сговорились с девушками, которые приносили вино, чтобы те подавали им бутылки от вина, но наливали бы туда воду и слегка закрашивали ее вином или же соками. Таким образом, в бокалах виднелась жидкость нужного цвета, если белое было вино — то белая жидкость, если красное вино — то красная. А это была просто вода, и они пили ее. Но Щербаков разоблачил их: он налил себе «вина» из какой-то такой бутылки, попробовал и заорал: «Да они же пьют не вино!» Сталин взбесился, что его обманывают, и устроил большой скандал Берии, Маленкову и Микояну. Мы все возмущались Щербаковым, потому что не хотели пить вино, а если уж пить, то минимально, чтобы отделаться от Сталина, но не спаивать, не убивать себя. Щербаков тоже страдал от этого. Однако этот злостный подхалим не только сам подхалимничал, а и других толкал к тому же. Кончил он печально. Берия тогда правильно говорил, что Щербаков умер потому, что страшно много пил. Опился и помер.

Сталин, правда, говорил другое: что дураком был — стал уже выздоравливать, а потом не послушал

предостережения врачей и умер ночью, когда позволил себе излишества с женой. Но мы-то знали, что умер он оттого, что чрезмерно пил в угоду Сталину, а не из-за своей жадности к вину. У меня осталось самое неприятное впечатление об этом человеке, недобропорядочном и способном на все что угодно. Совести он не имел ни малейшей капли. Все мог сделать для того, чтобы поднять собственную персону и кого угодно готов был утопить в ложке. А Сталину это нравилось. Он любил нас стравливать, и он возвращал и укреплял внутренние подлые задатки Щербакова.

Хрущев Н. Т. 2. С. 41

В начале 50-х годов в 12 часов ночи меня неожиданно приглашает на Ближнюю дачу сам И. В. Сталин.

Приезжаю. На даче кроме Сталина находятся Маленков, Хрущев, Берия. Уже все сидят за накрытым столом, ужинают. Пригласили меня. Спросили, что буду пить, налили хванчкары. А я ужасно голоден, времени второй час ночи, я поднимаю тост за Сталина. Пьют все до дна. А я отпил половину и чувствую — задыхаюсь. Ставлю фужер, а Берия говорит:

— За товарища Сталина надо до дна пить.

Я что-то говорю про усталость, а Берия трагическим голосом просит:

— Товарищ Сталин, разрешите, я допью его бокал за ваше здоровье.

Я, конечно, понял что к чему. Схватился за фужер и говорю:

— За товарища Сталина я сам допью. — Предлагаю новую здравицу за товарища Сталина и допиваю содержимое. Сажусь за стол и вижу — мне снова до краев наполняют фужер. И кто-то из лизоблюдов, не помню кто, предлагает тост за Берия. Сталин спрашивает:

— А почему товарищ Ильичев за Берия не пьет? Обиделся или не в ладах с органами государственной безопасности? Нэ может он, — обращаясь к соратникам, говорит Сталин. — Дайте, товарищ Ильичев, я допью ваш бокал за Лаврентия Павловича.

Я пью уже без здравицы и чувствую, как тепло растекается по всему телу, а тело становится тяжелым-претяжелым. Пили еще за кого-то и за что-то, но я уже припоминаю с трудом. Помню лишь, как рассказывал анекдоты, байки, воспоминания, и через несколько лет узнал, что после моего ухода Сталин спросил:

— Так кого назначим главным редактором «Правды? Может, Ильичева?

— Пьет много, — говорит Берия. — Да и на язык невоздержан. Посолиднее бы надо человека. Поосновательнее...

А. Ильичев.

Цит. по: Соловьев Б., Суходеев В. С. 84–85

— А Вы никогда не попадали в трудное положение, бывая у Сталина?» — поинтересовался я... Лицо Чадаева приобрело несколько лукавый вид.

— В целом нет, не попадал, — улыбнулся он. — Правда, однажды одна непроизводительная ситуация сложилась для меня довольно непростая. В этот день, в конце мая 1941 г., состоялось заседание Бюро Совнаркома. Когда оно закончилось и все присутствовавшие стали выходить, Сталин сказал, что через пять минут будет продолжено заседание с членами Политбюро ЦК. Он дал мне знак подойти к письменному столу, а сам вышел в комнату отдыха.

Когда Сталин вернулся, я дал ему на подпись проект постановления о присвоении воинских званий. Поставив подпись, он спросил, как идет сооружение нового бомбоубежища в Кремле, как чувствует себя президент Академии наук СССР академик В.Л. Комаров, который, говорят, болен и т.д.

Надо признать, что Сталин проявлял большое внимание к работе и нуждам Академии наук. Он прислушивался к просьбам ученых. Когда президент Академии наук когда-либо обращался к Сталину с насущными проблемами, особенно связанными с предоставлением помещений или жилья, последний всегда шел навстречу и решал эти вопросы.

Пока я получал указания Сталина (одно из них — немедленно навестить академика Комарова), не заметил, что длинный стол уже накрыт закусками и напитками. За стол усаживались члены Политбюро. Отмечалось какое-то событие.

Я спросил Сталина, сможет ли он просмотреть и подписать составленный мною протокол заседания Бюро Совнаркома.

Разумеется, смогу, — ответил он и сразу же направился к длинному столу. Я последовал за ним.

Когда он сел на стул, я положил перед ним на стол протокол. Сталин стал внимательно читать.

Тут вдруг поднялся со стула Берия, взял большой фужер, до краев наполнил его отборным, самым крепким коньяком и поставил передо мной.

— За здоровье товарища Сталина, выпить до дна, — заявил он.

— Что Вы! Я не смогу столько и вообще крепкие напитки не пью, — тихо проговорил я. Все переглянулись, а Сталин продолжал читать протокол.

— За здоровье товарища Сталина, — еще раз предложил Берия. В этот момент я очень надеялся, что «хозяин» придет ко мне на помощь и положит конец «инициативе» Берии. Но Сталин продолжал свое чтение.

Прошло 2—3 секунды, и вот он приподнял голову и одним, чуть прищуренным глазом пристально посмотрел на меня.

Самопроизвольно мои руки потянулись к бокалу. Я взял его, повернул голову в сторону Сталина.

— За Ваше здоровье, товарищ Сталин!

Он чуть мотнул головой. Все внимательно наблюдали, как медленно исчезала из бокала «живительная влага». Я выпил до дна фужер, поставил его на стол и сразу же сделался красным и потным. Ощутил и боль в голове.

Сталин поднял на меня глаза. Мурашки пробежали по моим рукам и ногам. Он поставил свою подпись в конце протокола. Я быстро взял протокол, попросил разрешения удалиться и, стараясь идти по одной линии, поспешно вышел из кабинета. От опьянения

подкашивались ноги. Почти бегом дошел до своего места, заплетавшимся языком успел сказать секретарю: «Немедленно рассылайте». И буквально рухнул на диван.

Проснулся поздно ночью. Голова разламывалась на части. Выпил два полных, стакана «боржоми» — немного полегчало. До мельчайших подробностей стал перебирать в памяти происшедшее...

Я. Чадаев.

Цит. по: Куманев Г. С. 386–387

После этого мы с Молотовым прошли в уборную, находившуюся в подвале дачи — там было несколько уборных и писсуаров. Молотов начал уже на ходу расстегивать брюки, комментируя: «Это мы называем разгрузкой перед нагрузкой!»

А я, хотя мне подолгу пришлось бывать в тюрьмах, где человек вынужден забывать стыд, застеснялся Молотова как пожилого человека, зашел в уборную и закрыл за собой дверь.

Джилас М. С. 139–140

Во время таких мероприятий наибольшее удовольствие доставляли ему топорные шутки. Например, один из собутельников мог положить на сиденье соседа помидор в тот момент, когда тот садился.

Ноймайр А. С. 360

Просто невероятно, что Сталин порою выделял. Он в людей бросал помидоры, например, во время

войны, когда мы сидели в бомбоубежище. Я лично это видел. Когда мы приезжали к нему по военным делам, то после нашего доклада он обязательно приглашал к себе в убежище. Начинался обед, который часто заканчивался швырянием фруктов и овощей, иногда о потолок и стены, то руками, то ложками и вилками. Меня это возмущало: «Как это вождь страны и умный человек может напиваться до такого состояния и позволять себе такое?» Командующие фронтами, нынешние маршалы Советского Союза, тоже почти все прошли сквозь такое испытание, видели это постыдное зрелище. Такое началось в 1943 г, и продолжалось позже, когда Сталин обрел прежнюю форму и уверовал, что мы победим. А раньше он ходил, как мокрая курица. Тогда я не помню, чтобы случались какие-то обеды с выпивкой. Он был настолько угнетен, что на него просто жалко было смотреть.

Хрущев Н. Т. 1. С. 41–42

Одно для меня не было неожиданным: Сталин обладал чувством юмора — юмора грубого, самоуверенного, но не без изощренности и глубины.

Джилас М. С. 59

Сталин умел шуткой разрядить напряжение при обсуждении самого острого вопроса.

Яковлев А. С. 401

Сталин нравился мне и в быту. Я говорил уже об этом. Иной раз при встрече в домашней обстановке я слышал, как он шутил. Шутки у него

были для меня довольно необычными. Я обоготворял его личность и шуток поэтому от него не ждал, так что любая шутка мне казалась необычной: шутит «человек не от мира сего».

Хрущев Н. Т. 1. С. 54

И он шутит со своими придворными — «товарищами». Он шутит не только из царского великодушия. Царственность лишь в том, как он это делает: он никогда не шутит над самим собой. Он шутит потому, что ему нравится спускаться с олимпийских высот — показать, что он живой человек среди людей, время от времени напомнить, что личность без коллектива — ничто.

И я увлечен Сталиным и его шутками. Но краешек мозга и мое моральное существо трезвы и взволнованы: я замечаю и уродливое и не могу помириться с тем, как Сталин шутит — и как он сознательно не хочет сказать мне человеческого, товарищеского слова.

Джилас М. С. 102

У него был своеобразный юмор. Рассказывали, что однажды начальник политуправления Красной Армии Мехлис пожаловался Верховному главнокомандующему, что один из маршалов каждую неделю меняет фронтową жену. Мехлис спросил, что будем делать. Сталин с суровым видом ничего не отвечал. Мехлис, полагая, что он обдумывает строгое наказание, начал было сожалеть о своем доносе. Но тут Верховный с лукавой усмешкой прервал молчание:

— Завидовать будем...

Бережков В. С. 239

Сталин приехал на спектакль в Художественный театр. Его встретил Станиславский и, протянув руку, сказал:

— Алексеев, — называя свою настоящую фамилию.

— Джугашвили, — ответил Сталин, пожимая протянутую руку, и прошел к своему креслу.

Чуев Ф. С. 528

Противник неравных браков, он часто высмеивал маршала Кулика, который женился на восемнадцатилетней подруге своей дочери. Завидев его. Сталин подмигивал:

— Смотрите, жених ковыляет... Как бы не шлепнулся на ровном месте.

Рыбин А. С. 40

...Друг детства И. В. Джугашвили-Сталина священник Георгий приехал из Грузии в Москву и попросил у вождя аудиенции.

— Не могу я принять тебя в одежде священника. Люди неправильно поймут. Скажут, Генеральный секретарь ЦК КПСС встречается со священниками. Сшей себе гражданское платье — и милости прошу.

Георгий шьет модный гражданский костюм и идет на прием к Сталину. Военные проводят священника до

кабинета вождя, распахивают двери и слышат характерный негромкий хрипловатый смех:

— Ай, Гога! Переоделся! Бога не побоялся, а меня испугался! Ай, Гога!

Красиков С. С. 218–219

Академик А. А. Богомолец выдвинул теорию долголетия, и Сталин дал ему под это дело институт. Однако сам академик умер в 1946 году, прожив всего 65 лет.

— Всех надул! — сказал Сталин, узнав о его смерти.

<...>

После войны Н. А. Булганина назначили министром Обороны, и он стал готовиться принимать парад — учиться ездить верхом. Ему привели самую смирную, кобылу, и он тренировался в кремлевском дворе. Вышел Сталин, посмотрел и сказал:

— Ты сидишь на лошади, как начальник военторга!

Сразу возникает штатский облик Булганина с бородкой и в военной форме... Парад принимать стали на автомобилях.

«Все-таки, в чувстве юмора Сталину не откажешь!» — смеялся генерал-полковник А. Н. Пономарев, рассказавший мне этот эпизод.

<...>

Сталин отправился отдохнуть на Кавказ. Его сопровождали соратники. Поезд остановился в Ростове-на-Дону. Было это в начале тридцатых, и с охраной еще не очень усердствовали. Из вагона вышел

Ворошилов. Народ на перроне не ожидал явления наркома обороны и охнул от изумления:

— Ворошилов!!!

За ним вышел глава правительства, и еще более опешивший народ воскликнул:

— Молотов!!!

Ну, а когда на перроне появился Сталин, тут уж люди как бы сами собой выстроились и заплодировали.

Сталин, как обычно, поднял руку, приветствуя и в то же время останавливая овацию. Когда шум утих, из тамбура внезапно показался замешкавшийся Буденный. И на перроне какой-то казачок воскликнул:

— И Буденный, е... т... м...!

Казалось, что после выхода Сталина уже ничего не могло случиться — ан нет! Все дружно захохотали, в том числе и сам Сталин. С тех пор, когда сталинское руководство собиралось вместе и появлялся Семен Михайлович, Сталин неизменно говорил:

— И Буденный, е... т... м...!

Чуев Ф. С. 527, 534

Сталин иной раз в узком кругу вытаскивал из кармана письмо запорожцев турецкому султану — носил с собой несколько лет.

«Е...ли мы эту Англию!» — все смеялись, конечно. Но он придавал большое значение нашей дипломатии.

Чуев Ф. С. 91

И. С. Козловский обратился к Сталину с просьбой:

— Я никогда не был за границей.

— А не убежишь?

— Что вы, товарищ Сталин, мне родное село дороже, чем все заграницы, вместе взятые.

— Вот и поезжай в родное село.

Красиков С. С. 521

Представляя Мао Цзэдуну киноактера Бориса Андреева, исполнившего главную роль в фильме «Падение Берлина», Сталин сказал:

— Вот артист Борис Андреев. Мы с ним вдвоем брали Берлин.

Об этом мне рассказал присутствовавший на приеме писатель Михаил Бубеннов, автор знаменитой в то время «Белой березы».

— Сталин обладал чувством юмора, — говорит Молотов. — Но не часто этим занимался. На меня часто возлагал эти обязанности. У меня не было таких качеств, но, во всяком случае, я...

<...>

Сергей Михалков сидел, все время глядя на Сталина, как бы призывая его обратить внимание. Сталин почувствовал это и сказал Мао Цзэдуну:

— А это писатель Михалков. Его невозможно не заметить! — имея в виду, видимо, и высокий рост Сергея Владимировича.

Молотов сидел, как обычно, рядом со Сталиным. Улучив момент, когда Вячеслав Михайлович вышел, Михалков подсел к Сталину. Молотов вернулся и, заметив, что его место занято, отошел в сторону. Но Сталин сказал:

— Товарищ Михалков, на двух стульях трудно сидеть!

Чуев Ф. С. 143

...Киноактер Геловани, исполнявший роли Сталина в кино, для того чтобы лучше вжиться в роль прототипа, попросил поселить его на даче вождя у озера Рица.

Сталин ответил:

— Почему вживаться в мой образ надо с жизни на даче у озера Рица? Не лучше ли начать с Туруханского края.

Красиков С. С. 519

Помню, как во время выступления Козловского... некоторые члены Политбюро стали громко выражать пожелание, чтобы он спел задорную народную песню. Сталин спокойно, но во всеуслышание сказал:

— Зачем нажимать на товарища Козловского? Пусть он исполнит то, что сам желает. А желает он исполнить арию Ленского из оперы Чайковского «Евгений Онегин». Все дружно засмеялись, в том числе и Козловский. Он сразу же спел арию Ленского. Сталинский юмор все воспринимали с удовольствием.

Громыко А. Памятное. М.: Политиздат, 1988. Кн. 1. С. 204

— Сталин спросил у метеорологов, какой у них процент точности прогнозов. «Сорок процентов, товарищ Сталин». — «А вы говорите наоборот, и тогда у вас будет шестьдесят процентов».

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 363

Толстой по следам Красной Армии вступил в Западную Украину и, выломав паркет у Радзивиллов, объяснялся на границе: «Я депутат Верховного Совета!» Сталин насмешливо бросил тогда: «Я-то думал, вы настоящий граф»...

Терехов А. // Совершенно секретно. 1994. № 12. С. 12

Я вернулся тогда из поездки на Север. Там строили один военный объект, крупное предприятие. А дорога к этому объекту никуда не годилась. Сначала там через болото провели шоссе, которое было, как подушка, и все шевелилось, когда проезжали машины, а потом, чтобы ускорить дело, не закончив строительство железной дороги, просто положили на это шоссе сверху железнодорожное полотно. Часть пути приходилось ехать на машинах, часть на дрезинах или на железнодорожном составе, который состоял всего из двух грузовых вагонов. В общем, ерунда, так дело не делается.

Я был в составе комиссии, в которую входили представители разных ведомств. Руководитель комиссии не имел касательства к Наркомату путей сообщения, поэтому не был заинтересован в дороге. Несмотря на мои возражения, докладывая Сталину, он сказал, что все хорошо, все в порядке, и формально был прав, потому что по линии объекта, находившегося непосредственно в его подчинении, все действительно было в порядке, а о дороге он даже не заикнулся. Тогда я попросил слова и, горячась, сказал об этой железнодорожной ветке, о том, что это не лезет ни в какие ворота, что так мы предприятия не построим и что вообще эта накладка железнодорожных путей на шоссе, причем единственное, — не что иное, как вредительство. Тогда «вредительство» относилось к терминологии, можно сказать, модной, бывшей в ходу, и я употребил именно это выражение.

Сталин дослушал до конца, потом сказал спокойно: «Вы довольно убедительно, товарищ (он назвал мою фамилию), проанализировали состояние дела. Действительно, объективно говоря, эта дорога в таком виде, в каком она сейчас есть, не что иное, как вредительство. Но прежде всего тут надо выяснить, кто вредитель? Я — вредитель. Я дал указание построить эту дорогу. Доложили мне, что другого выхода нет, что это ускорит темпы, подробностей не доложили, доложили в общих чертах. Я согласился для ускорения темпов. Так что вредитель в данном случае я. Восстановим истину. А теперь давайте принимать решение, как быть в дальнейшем».

Это был один из многих случаев, когда он демонстрировал и чувство юмора, в высшей степени ему свойственное, очень своеобразного юмора, и в общем-то

способность сказать о своей ошибке или заблуждении, сказать самому.

И. Исаков.

Цит. по: *Симонов К. С. 333–334*

В ином случае Сталин на протяжении нескольких военных лет, время от времени, донимал другого маршала вопросом: почему его не арестовали в 1937 году? Не успевал тот раскрыть рот, как Сталин строго приказывал: «Можете идти!» И так повторялось до конца войны. Жена маршала после каждого подобного случая готовила ему узелок с теплыми вещами и сухарями, ожидая, что ее супруг вот-вот угодит в Сибирь. Настал День Победы. Сталин, окруженный военачальниками, произносит речь...

— Были у нас и тяжелые времена, и радостные победы, но мы всегда умели пошутить. Не правда ли, маршал...

И он называет имя злополучного объекта своих «шуток».

Бережков В. С. 239–240

— Посмотрите, как было трудно дышать, как было трудно работать Ломоносову, например. Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами, — сказал Сталин и вдруг, лукаво прищурясь, чуть слышной скороговоркой прорифмовал: — засранцами, — усмехнулся и снова стал серьезным.

Симонов К. С. 126

Рассказывали и анекдоты и Сталину особенно понравился один, который рассказал я. Разговаривают турок и черногорец в один из редких моментов перемирия. Турок интересуется, почему черногорцы все время затевают войны? «Для грабежа», — говорит черногорец, — «мы — люди бедные, вот и смотрим, нельзя ли где пограбить. А вы ради чего воюете?»

— «Ради чести и славы», — отвечает турок. На это черногорец: «Ну да, каждый воюет ради того, чего у него нет».

Сталин с хохотом прокомментировал:

— Ей-богу, глубокая мысль: каждый воюет ради того, чего у него нет!

Смеялся и Молотов, но опять скупно и беззвучно — действительно, у него не было способности ни создавать, ни воспринимать юмор.

Джилас М. С. 77

... Жданов сел за рояль. Начались танцы. Воспользовавшись паузой, Сталин подошел к роялю и сказал что-то Жданову. Тот улыбнулся и заиграл частушечную мелодию. Сталин вполголоса, но так, что я хорошо слышал, пропел несколько нецензурных русских частушек.

Михалков С. С. 98

Семен (имеется в виду С. М. Буденный) или Клим (К. Е. Ворошилов), перепившись, брали в руки баяны и либо

пели, либо шли в пляс. Буденный бесподобно «цыганочку» откаблучивал, Микоян «лезгинку» на пуантах изображал. Но все его танцы были похожи один на другой: и русские, и кавказские, все они брали начало с «лезгинки». Я — «гопака» выдавал.

Знаете ли вы, молодой человек, что украинский «гопак» — это никакой не танец, а своеобразный вид единоборства. Приседаю я перед Сталиным, прыгаю, а сам мысленно как бы удары ему наношу. Так иногда хочется его отгопачить, удержу нет. Думаю, и Анастас те же чувства испытывал, решительно размахивая руками в «лезгинке»: считаю, отлезгинить Сталина хотел.

Разойдемся, бывало, дом ходуном ходит. В глазах вождя веселые искорки поблескивают. Любил мужские застолья восточный деспот. А песню прямо-таки обожал.

Среди певцов особо выделялся Клим. Так, бывало, затянет звук «у» в песне «Летят утки», думаю, от Волынской до Крыма утки долетят, гуси назад вернутся, а он все еще «у-у-у» гудком тянет. Сталин за это Уклимом его называл.

Хрущев Н.

Цит. по: *Красиков С. С.* 83

Мы отошли от стола, но до того, как расходиться, Сталин запустил громадный автоматический проигрыватель. Он пытался и танцевать, как на своей родине — видно было, что он не лишен чувства ритма, но вскоре он остановился, сказав удрученно:

— Стареем, и я уже старик!

Но его помощники — чтобы не сказать бояре — начали его убеждать:

— Ах, нет, что вы! Вы прекрасно выглядите, вы прекрасно держитесь, ей-богу, для ваших лет...

Затем Сталин пустил пластинку, на которой колоратурные трели певицы сопровождал собачий вой и лай. Он смеялся над этим с преувеличенным, неумеренным наслаждением, а, заметив на моем лице изумление и неудовольствие, стал объяснять, чуть ли не извиняясь:

— Нет, это все-таки хорошо придумано, чертовски хорошо придумано.

Джилас М. С. 152

— Хрущев в своих мемуарах называет вас хорошим танцором. Городским танцором. Еще Микоян умел танцевать...

— Микоян танцевал лезгинку, — отвечает Молотов.— Я никогда не танцевал. А больше у нас никто танцевать не умел. Сталин не умел.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 362*

Очень улыбался товарищ Сталин и хохотал над танцем, который носит название «Подмосковной лирики».

В. Беляков (известный летчик, участник знаменитого перелета в Америку).

РЦХИНДИ. Ф. 558, оп. 4, д. 3648, л. 63

Но хохотал он не так уж часто. Пожалуй, Сталину нравились больше песни раздумчивые, даже печальные, типа «Сулико». Впрочем, привечал он и военные песни, и марши. Обожал лихой танец донских казаков с пиками и шашками.

Громов Е. *С. 240*

Пластинки все были помечены: отличные, хорошие, он выбирал и ставил. Заводил народные песни грузинские... русские народные песни, например «Стонет сизый голубочек» или «Ах, ты сад, мой сад» ... «Волжская бурлацкая», «Калинка-малинка», «Во поле березонька стояла», «Всю-то я вселенную проехал»... Эти песни часто исполнялись по радио.

В. Беляков.

РЦХИНДИ. Ф. 558, оп. 4, д. 3648, л. 63

Сам Верховный пел чисто поставленным голосом. Имея отличный слух, он в песне, как и в жизни, хотел быть лидером и вел за собой остальных.

Н. Хрущев.

Цит. по: *Красиков С. С. 83*

Дома у Сталина обычно пели квартетом — он, Михайлов, Ворошилов и Молотов. Исключительно музыкальный, Сталин пел вторым тенором. Его любимым

романсом был «Гори, гори, моя звезда», а из песен — украинская «У соседа хата била».

Рыбин А. С. 19

Музыку Сталин любил. Концерты, которые устраивались в Кремле, особенно с участием вокалистов, он воспринимал с большим интересом... Причем любил сильные голоса, мужские и женские... Восторженно отзывался о некоторых солистах Большого театра, например об Иване Семеновиче Козловском.

Громыко А. Кн. 1. С. 203

По свидетельству оперной прима Большого театра Валерии Барсовой, своей страсти к пению Сталин не изменил даже в суровом 1943 году. «Мы пели вместе хоровые и народные песни — русские, украинские, грузинские, дирижировал К. Е. Ворошилов».

Громов Е. С. 240

Мы все трое были певчими в церкви. И Сталин, и Ворошилов, и я. В разных местах, конечно. Сталин — в Тбилиси, Ворошилов — в Луганске, я — в своем Нолинске. Это было не тогда, когда мы были в Политбюро, а гораздо раньше. (Смех.) Сталин неплохо пел. <...> Вот мы трое пели. «Да исправится молитва твоя...» — и так далее. Очень хорошая музыка, пение церковное.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С.* 181

Петь он любил грузинские народные песни, а также, чему научился в ссылке, русские и украинские. Пел и революционные. Я не мог точно установить, пел ли он камерные песенки, городские романсы — скорее всего, был к ним равнодушен. Сама музыка была связана в его сознании преимущественно с пением, а также с танцем.

Громов Е. С. 17

...9 марта 1973-го Молотову исполнилось 83 года. Выглядит свежо, крепко, здраво мыслит. Было застолье с песнями. Он пел «Калинку», «Степь да степь кругом...», «Метелицу», «Вниз по Волге-реке...», «Соловей, соловей, пташечка...», «Сулико». Пел душой, от сердца. Сказал, что Сталин очень любил петь старинные русские песни.

Чуев Ф. С. 268

Позволяли они себе в тесном кругу спеть порою и белогвардейские песни. Гражданская война не забывалась.

Громов Е. С. 239

Мы потом вспоминали эти дни как доброе, старое время. Потому что создалась такая ситуация, когда ты не только не хочешь, но тебя воротит, а тебя накачивают, наливают. Да-да, и это делал Сталин.

Правда, мне он не раз говорил: «Вот помните, когда Берия не было в Москве, у нас не было таких питейных дел, пьянства не было».

Я тоже видел, что Берия в этих вопросах был подстрекателем в угоду Сталину. Сталину это нравилось, а Берия это чувствовал. Когда никто не хотел пить, а он видел, что у Сталина есть такая потребность, то он организовывал, выдумывал всякие предлоги, был затравщиком.

Об этом я говорю, потому что я обращаю внимание на то, что к концу жизни Сталина такое времяпровождение было убийственно и для работы, и даже физически. Спаивались люди, спивались, и чем больше напивался человек, тем больше получал удовольствия Сталин... Но, повторяю, так было позже.

Хрущев Н. *Т. 2. С. 144–145*

Петр Великий усваивал со своими помощниками похожие пирушки, на которых жрали и пили до потери сознания и решали судьбу России и русского народа.

Ощущение опустошенности такой жизни не исчезало, а постоянно ко мне во время ужина возвращалось, несмотря на то, что я гнал его от себя. Его особенно усугубляла старость Сталина с явными признаками сенильности (от фр. *sénilité* (дряхлость).— *Е. Г.*). И никакие уважение и любовь, которые я все еще упрямо пестовал в себе к его личности, не могли вытеснить из моего сознания этого ощущения.

В его сенильности было что-то трагическое и уродливое.

Но трагическое не было на виду — трагическими были мои мысли о неизбежности распада даже такой великой личности. Зато уродливое проявлялось ежеминутно.

Сталин и раньше любил хорошо поесть, но теперь он проявлял такую прожорливость, словно боялся, что ему не достанется любимых блюд. Пил же он сейчас, наоборот, меньше и осторожнее, как бы взвешивая каждую каплю — чтобы не повредила.

Еще более заметным был упадок его мысли. Он охотно вспоминал свою молодость — ссылку в Сибири, детство на Кавказе, новое же каждый раз сравнивал с чем-нибудь из прошедшего:

— Да, помню, то же самое было...

Джилас М. С. 142–143

После обеда иногда играли в городки. Сталин сам неплохо играл в городки, кидал как-то странно, тычком, но ловко, выбивая фигуры. Видимо, привычно и здорово играли в городки Молотов, Маленков и Каганович. Однажды состоялся матч в городки, на котором с одной стороны играли маршалы, а с другой — гражданские. Так это и было предложено Сталиным. Сам он играл на стороне маршалов. Непривычные, вернее, отвыкшие от игры в городки маршалы играли хуже наторелых гражданских. Сталин был недоволен этим, так как один при всем своем умении не мог выручить свою команду.

Конев И. С. 128

Только Микоян почему-то плохо играл. Сталин предпочитал сражаться в паре с Альтшулером или Померанцевым — отменными физкультурниками. Подыгрывать ему, Молотову, Кагановичу или Ворошилову строго запрещалось. Проигравшие сами подбирали разлетевшиеся от ударов городки и тщательно ставили соответствующие фигуры.

Рыбин А. С. 14

Осенью, обычно в августе-сентябре, т. Сталин уезжал на юг. Свой отпуск он проводил на Черноморском побережье, в Сочи или Гаграх. Жил он на юге месяца два. Отдыхая в Сочи, он иногда принимал мацестинские ванны.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 56

...Остановивались в маленькой дачке недалеко от Мацесты, где отец принимал ванны от ревматизма.

Аллилуева С. С. 35

Тогда на Рице сталинской дачи еще не имелось. Всем пришлось ночевать в бильярдной, оставшейся еще с царских времен. Постелили на полу матрасы, накрыли их простынями. Добыли подушки с одеялами. Сталин лег вместе с нами, голова — под бильярдом, а ноги — снаружи. Бдительная охрана от усталости тут же крепко заснула. Утром Сталин пожаловался:

— Друзья, у вас кто-то сильно храпел, спать не давал. Организуйте мне что-нибудь отдельно.

Рыбин А. С. 39

Живя на даче на озере Рица, наслаждаясь чистым прохладным воздухом, любясь красотой этого замечательного озера и живописностью окружающих его берегов, т. Сталин решил сделать этот красивый уголок достоянием всего народа. Когда на озеро Рица была проложена автомобильная дорога, туда стали ездить экскурсии. И вот, по указанию т. Сталина, на озере Рица была построена гостиница, ресторан и кафе-шашлычная.

Когда т. Сталин следующим летом приехал на озеро, он, прежде всего, поинтересовался, как работает ресторан, не высоки ли в нем цены, сколько стоит номер в гостинице. А на другой день лично сам все осмотрел, поговорил с директором ресторана, с официантами. Зашел в гостиницу, все осмотрел и, найдя, что цены за номер очень высоки, позвонил Любимову (министру) и распорядился снизить цены.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 110

В общих чертах опишу образ жизни Сталина на отдыхе. Помимо охраны, около него людей почти не было. Исключение составлял его многолетний помощник Александр Николаевич Поскребышев, человек штатский, но во время войны получивший воинское звание генерал-майора. Это была довольно мрачная личность, которая не внушала никаких симпатий. Поскребышев жил

где-то поблизости от сталинской дачи вместе со своей женой, женщиной с восточными чертами лица, которую я видел пару раз на пляже у подножия горы, на которой была расположена дача Сталина. Из канцелярских работников при Сталине были только двое — шифровальщик и машинистка-стенографистка, — оба из аппарата Центрального Комитета партии. С ними я больше всего и общался во время пребывания там на юге. Число обслуживающего персонала было, насколько я мог судить, минимальным. Во всяком случае, когда я обедал как гость Сталина, нас всегда обслуживала одна и та же женщина.

<...>

На юге Сталин вел жизнь отшельника. И течение моего девятидневного пребывания на его даче только дважды я замечал у него гостей. Однажды это был человек интеллигентного вида, возможно, ученый. Я видел, что Сталин обедал с ним в саду рядом с дачей. В другой раз к нему приехали из Киева Каганович и Хрущев. Впоследствии я узнал, что они приезжали, чтобы уладить возникший между ними конфликт. Каганович был тогда первым секретарем ЦК компартии Украины, а Хрущев там же — председателем Совета министров. Это были личности с разными характерами. Каганович имел склонность к крутым методам, он и послан был на Украину, чтобы выбивать хлеб из украинских крестьян. Хрущев же предпочитал применять более гибкие подходы. На состоявшемся разбирательстве я, разумеется, не присутствовал. Позднее стало известно, что решение Сталина свелось к тому, чтобы Каганович вернулся в Москву и снова занял пост заместителя Председателя Совета Министров СССР, а Хрущев стал

совмещать обе должности — первого секретаря ЦК компартии Украины и председателя Совета министров.

Вечером того же дня Сталин предложил своим гостям посмотреть кинофильм. Пригласили и меня. Показывали фильм-концерт с участием грузинских артистов. Помню, что по окончании сеанса Каганович сказал: «Вот украинцы хвастаются своей культурой, а разве ее можно сравнить с древней грузинской культурой». Это было сказано, явно чтобы польстить Сталину. Хрущев не поддержал разговор на эту тему. Промолчал и Сталин.

Трояновский О. С. 157–159

Мне хочется привести несколько примеров теплого и заботливого отношения Сталина к народу, сотрудникам и ко мне лично.

Вспоминается мне разговор, который происходил в тридцатые годы между Сталиным и Молотовым во время прогулки в Сочи. Разговор зашел о пятидневке. В то время воскресенье, как день отдыха, было отменено. Народ работал пять дней, а шестой день был днем отдыха. Рабочая неделя была непрерывной, и все отдыхали в разные дни. Тов. Молотов сказал, что до него дошли слухи, что народ недоволен пятидневкой, так как ни семья, ни друзья не могут вместе собраться, встретиться, чтобы провести свободный день.

Тов. Сталин, услышав это, тут же сказал:

— Раз народ недоволен, надо отменить пятидневку и сделать общий выходной день, как хочет народ. Надо объяснить это в печати и вынести решение.

Что и было сделано...

<...>

Говоря о поездках на юг, которые Сталин совершал ежегодно, мне хотелось более подробно рассказать об одной поездке, так как маршрут ее был необычен. Это было в 1947 году. В августе, числа не помню, Сталин вызвал меня и объявил, что поедем на юг не как обычно, на поезде, а до Харькова на машинах, а в Харькове сядем на поезд. Считая, что такое длительное путешествие на машинах будет для него утомительным, я пытался убедить его отказаться от такой поездки. Но он и слушать меня не захотел. План он одобрил, и я начал готовиться к этому ответственному путешествию. Выехали мы, кажется, 16 августа. Ехали до Харькова с тремя остановками — в Щекино Тульской области, Орле и Курске. На остановках все было очень скромно и просто, без всякого шума, что т. Сталину очень понравилось.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 113–114

«Он любит быструю езду...»

М. Сванидзе.

Запись из дневника от 14 ноября 1934 г.

Ели мы все вместе с т. Сталиным. И в Щекине, и в Курске т. Сталин гулял по городу. В пути между Тулой и Орлом у нас на «паккарде» перегрелись покрышки. Тов. Сталин велел остановить машину и сказал, что пройдет

немного пешком, а шофер за это время сменит покрышки, а потом нас догонит.

Пройдя немного по шоссе, мы увидели три грузовика, которые стояли у обочины шоссе, и на одном из них шофер тоже менял покрышку.

Увидя т. Сталина, рабочие так растерялись, что не верили своим глазам, так неожиданно было его появление на шоссе, да еще пешком. Когда мы прошли, они начали друг друга обнимать и целовать, говоря: «Вот какое счастье, так близко видели товарища Сталина!»

Пройдя еще немного, мы встретили маленького мальчика лет 11—12. Тов. Сталин остановился, протянул ему руку и сказал: «Ну, давай познакомимся. Как тебя зовут? Куда ты идешь?» Мальчик сказал, что зовут его Вова, идет он в деревню, где пасет коров, учится в 4 классе на четверки и пятерки.

В это время подошла наша машина, мы простились с Вовой и продолжали наше путешествие. После этой остановки т. Сталин пересел на ЗИС-110. Машина ему очень понравилась, и весь отпуск он ездил только на отечественном ЗИСе. В Орле мы сделали остановку, отдохнули, помылись с дороги, пообедали и тронулись в дальнейший путь. Следующая остановка была у нас в Курске. Мы остановились отдохнуть в квартире одного из наших работников-чекистов. Квартира была чистенькая и уютная, на полочке над диваном было много фарфоровых безделушек, а на подзеркальнике стояло много красивых флаконов с духами. Тов. Сталин внимательно осмотрел всю обстановку квартиры, потрогал безделушки, стоявшие на полочке, посмеялся, а когда мы, отдохнув, собрались уезжать, спросил меня, что же мы оставим хозяйке на память и нет ли у нас

одеколону. К счастью, одеколон нашелся, и в довольно красивом флаконе. Тов. Сталин сам отнес его в спальню, где он отдыхал, и поставил его на подзеркальник.

Несмотря на очень утомительную дорогу (мы выехали из Москвы вечером, ехали всю ночь и день) спал т. Сталин немногим больше двух часов. И. В. чувствовал себя очень хорошо, настроение у него было прекрасное, чему мы все были очень рады.

В разговоре он сказал, что очень доволен, что поехали на машинах, что он много увидел. Видел, как строят города, убирают поля, какие у нас дороги. Из кабинета этого не увидишь. Это были его доподлинные слова.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 107–108

Иногда после напряженной работы Сталину хотелось поохотиться на зайцев, которых ослепляли светом фар. Настигнув добычу, он азартно кричал:

— Стреляй!

Власик палил из ружья, но часто на ходу машины мазал. И заяц — в кусты. Сталин в таких случаях смеялся:

— Хитрый косой, прямо с мушки сорвался...

Рыбин А. С. 6

— Сталин спортом не занимался. В море не купался. Стрелять любил, да.

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 361*

Стрелял Дед отлично, — из винтовки, из револьвера. Меткость глаза взял у него мой отец. Правда, он не бил по гильзам, как Дед, а предпочитал тир. У меня до сих пор хранится бумажная мишень с дырочкой в сердцевине и посвященная Ма.

Джугашвили Г. С. 16

Много времени т. Сталин уделял саду. Живя в Сочи, он посадил в своем саду много лимонных и мандариновых деревьев и сам всегда следил за их ростом, радуясь, когда деревья хорошо принимались и начинали давать плоды.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 97

Во время отдыха Сталин любил порыбачить на Черной речке. Текла она с перекатами, порой совсем по мели. Воду имела чистую, холодную и отличную на вкус. Там, где было широко и глубоко, водились осетры. Общее руководство Сталин сразу брал на себя. Следуя по берегу, обнаруживал в ямах рыбу и показывал, куда бросать толовую шашку. После броска мы быстро уводили Сталина от реки. Ведь с шашкой шутки плохи. Мгновенно всплескивал фонтан воды, раздавался взрыв. В штатском, он иногда забавно бегал по берегу рысцой, как все мы, грешные, азартно вдохновляя нас на

рыбацкие подвиги. Глядя на него в такие моменты, трудно было поверить, что это — Генералиссимус!

Рыбин А. С. 39

То, что мне показалось особенно странным, так это отсутствие поблизости какого-либо врача. Был только кто-то типа фельдшера, способный оказать только самую элементарную медицинскую помощь.

Трояновский О. С. 157–158

Живя в Сочи, И. В. решил осмотреть мацестинские ванны. Зайдя в помещение, где больные принимают ванны, он увидел, что воду в ванны подают грязно-черного цвета. Он возмутился. Вернувшись домой, он вызвал профессора Валядинского, который был ответствен за состояние курорта, и спросил его: «Неужели вы не можете очистить воду? Почему больные должны принимать такие грязные ванны? Нужно сделать все возможное для очистки воды». После этого разговора были приняты все меры и вода в мацестинские ванны стала поступать чистая.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 114

Раз мы шли в Сочи мимо пляжа. Увидев жирных, развалившихся женщин с раскинутыми ногами, он весь передернулся:

— Какое безобразие! Пойдемте отсюда!

Рыбин А. С. 40

Любил т. Сталин животных. Однажды в Сочи он подобрал голодного бездомного щенка. Сам лично кормил его и заботился о нем. Но щенок оказался неблагодарным и, когда отъелся и окреп, сбежал.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 116

...На одной из сочинских дач в послевоенный год некоторое время с благословения Иосифа Виссарионовича жил медвежонок, пойманный на осенней охоте. Нагуляв в продолжение лета и крымской осени жиру, косолапый и косолапая соорудили себе берлоги в пещерах по соседству. И если медведь проторил тропу к своему логовищу напрямую, то медведица к своему предпочитала ходить обходными путями, в том числе и по проторенной тропе медведя. А перед залеганием в логовище долго кружила вокруг да около, проделывала всевозможные прыжки невдалеке от берлоги, наконец, повертывалась к берлоге задом и входила в нее пятясь, чем окончательно сбивала с толку и собак, и охотников.

Топтыгин при этом спал чутко, при приближении к становищу живности пренебреженно «здоровался», а медведица не то спокойно посапывала, храня полное безразличие, не то только изображала, что крепко спит.

Медведь вылез из берлоги первым. Принял вместо слабительного клюквыцы со мхом и принялся гонять по лесу пасшихся домашних животных.

О том стало известно Верховному, и он распорядился буяна утихомирить. Когда же охотники

выследили и обстреляли самца, на звуки выстрелов с тремя медвежатами шумно вывалилась мамаша и поперла напролом.

Убивать ее приказа не было, и охотники хотели лишь отпугнуть косматую, но ее отчаянная безалаберность стоила ей жизни.

Оставшиеся сиротами детеныши сразу стали беспомощными, и их легко изловили. Когда добычу показывали Иосифу Виссарионовичу, один из медвежат лизнул Генсеку руку, чем и predetermined судьбу свою и своих братишек.

Небольшие серо-желтые комочки вскоре стали бурыми и бесконечными забавами и шалостями доводили Генсека до умиления. Они забирались то на деревья, то прятались за углами, выслеживая предполагаемую жертву, чтобы неожиданно на нее наброситься, то носились взад и вперед по аллеям и под конец прыгали в бассейн, шумно плеща воду лапами.

Но миновало полгода, и зверята стали злы, прожорливы и неуживчивы, как и их непокорные родители. Добрым и покладистым остался только Буренок, прозванный так Сталиным за абсолютно рыжую шубку и уравновешенный нрав. Он и был оставлен с соизволения хозяина на даче, а два его сородича переданы в зоопарки. Оставшись в одиночестве, зверек заскучал, и охранники принялись развлекать его играми: выкатывали перед мордой мячи, раскачивались в подвешенной на цепях автомобильной покрышке, боролись друг с другом, и зверь начал принимать в играх самое активное участие.

Предпочитая всегда оставаться лидером, он грубо вытаскивал сотрудников из покрышки и сам в нее

устраивался; укатывающего от него мяч хватал за ноги, валил на землю и, обхватив мяч четырьмя лапами, шлепался на спину, рычанием приказывая мячу больше никому в лапы не даваться.

При борьбе же легко позволял себя валить и, как бы смеясь над своей неопытностью, неожиданно вывертывался, припечатывал соперника лопатками к земле и торжествующе рычал. Но, взрослея, больше и больше обижался и однажды поборовшего его И. В. Хрусталева так хватил пастью за локоть, что тот закричал от боли.

О зверстве Буренка прослышал Сталин и приказал поместить зверя в грот, забранный стальной решеткой. Буренок то по-щенячьи скулил, то по-медвежьи ревел. Сотрудники подносили заключенному всевозможные лакомства до тех пор, пока зверь зубами не прихватил сласть вместе с рукой дающего. Обхватив руку как капканом, он ее не откусывал, а немигающими глазами-углями впился в глаза угощавшего, как бы говоря: «Выпустишь — не откушу».

Когда же пострадавший пытался руку высвободить, зубы медведя сжимались крепче и человек вынужден был зверя уговаривать:

— Ну какая тебе корысть откусывать мне руку? Наестся ею ты все равно не сможешь, только раздражить зверский аппетит. Меня сделаешь инвалидом, а сам лишишься жизни. Ибо за это тебя обязательно пристрелят.

И зверь руку отпустил. После чего был вывезен в горы и отпущен на все четыре стороны.

Его [Сталина] очень беспокоила заболеваемость местного населения малярией. И по инициативе т. Сталина в Сочи были проведены большие посадки эвкалиптов. Это дерево, как известно, обладает ценными свойствами: оно необычайно быстро растет и высушивает почву, уничтожая рассадники малярийных заболеваний.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 96

В Цхалтубо он лечил ноги. Встретив рабочего, принявшего уже восемнадцать ванн, поинтересовался:

— Ну, как, вам помогли ванны?

— Пока, дорогой товарищ Сталин, не чувствую облегчения, — пожал плечами рабочий.

— Что же, получается, это не Цхалтубо, а — Цхалтуро? — улыбнулся Сталин.

Рыбин А. С. 72–73

Однажды во время поездки по городу т. Сталин решил заехать в порт. Доехав до причала, мы вышли из машины. В порту разгружался теплоход «Ворошилов». Тов. Сталин долго смотрел на разгрузку, теплоход ему не понравился, он нашел его неуклюжим. Когда мы возвращались к машинам, в порту собралась уже большая толпа. Всем хотелось посмотреть на вождя, убедиться, правда ли, что т. Сталин вот так просто гуляет по порту. Подойдя к машинам, т. Сталин тепло ответил на приветствия и, открыв дверцу, пригласил

ребят, которые сбежали к машине, прокатиться с нами. Тов. Сталину захотелось доставить детям какое-нибудь удовольствие, чем-нибудь их угостить. Поехали на «Ривьеру», там было открытое кафе. Мы зашли туда, усадили ребят за столики, но получилось то же, что в порту. Отдыхающие окружили нас, среди них было много детей. Пришлось их всех пригласить на лимонад. Я принес из буфета большую вазу конфет, и т. Сталин начал угощать детей конфетами. Одну маленькую девочку, видимо робкую, ребята оттеснили, и ей ничего не досталось, и она заплакала. Тогда т. Сталин взял ее на руки, чтобы она сама выбрала конфеты, которые ей понравятся.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 109

Моментом раздали два ящика. Вечером Сталин спросил Власика:

— Вы расплатились за конфеты?

— Нет. Не успел.

— Немедленно поезжайте и расплатитесь с киоскером.

Рыбин А. С. 40

Отдыхая в Сочи, т. Сталин часто гулял пешком по городу и по шоссе. Мне эти прогулки доставляли немало волнений, так как отдыхающих на улицах всегда было много, нас окружали толпы, все приветствовали т. Сталина. Всем хотелось пожать ему руку, поговорить с ним. Охранять вождя в такой обстановке было

чрезвычайно трудно, тем более что т. Сталин не любил, чтобы с ним ходила охрана. Обычно на прогулках его сопровождали я, секретарь Поскребышев и два-три офицера из охраны.

Помню однажды, во время прогулки на Мацесте т. Сталина и т. Молотова, мы встретили маленького мальчика лет шести, очень разговорчивого и смышленного. Он толково и обстоятельно отвечал на вопросы И. В. Когда они познакомились, т. Сталин протянул ему руку и спросил: «Как тебя зовут?» «Валька», — солидно ответил мальчик. «Ну, а меня Оська-рябой, — в тон ему сказал т. Сталин. — Ну вот, мы теперь с тобой знакомы». Мы с Молотовым рассмеялись, а мальчик внимательно посмотрел на И. В. У т. Сталина после перенесенной в детстве оспы было на лице несколько рябинок.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 109, 113

Основные развлечения Сталина на открытом воздухе — охота и купание в море. Иногда он играет в городки с Ворошиловым и другими ближайшими коллегами. Проигрывает он редко. Его усохшая левая рука не позволяет ему заниматься спортом более активно.

Бармин А. С. 317

Регулярно поступала на дачу фельдъегерская почта из Москвы, Поскребышев должен был разбирать всю эту массу бумаг и докладывать о них Сталину. Впрочем, надо

полагать, что какая-то предварительная разборка производилась и в Москве. Наиболее важные документы Сталин читал от начала до конца, другие просматривал, о третьих докладывал ему Поскребышев.

Трояновский О. С. 159

В продолжение всего отпуска он очень много работал, получал много почты. На юг он всегда брал кого-нибудь из сотрудников. В 20-х годах с ним ездил шифровальщик, начиная с 30-х годов — секретарь. Во время отпуска происходили и деловые встречи. Так, в конце 40-х годов к нему приезжали К. Готвальд и Э. Ходжа. Перед назначением в Польшу к нему на дачу в Гаграх приезжал К. К. Рокоссовский.

Н. Власик.

Цит. по: Логинов В. С. 96

— Светлана пишет: слезы ненавидел, не любил одеколон и духи.

— Это могло быть. Простота такая, чистота.

В. Молотов.

Цит. по: Чуев Ф. С. 309

Однажды после приема американской и английской делегаций Сталин поблагодарил всех артистов за труд и обратился к Давыдовой:

— Вы, Вера, интересная женщина. У вас хороший голос. Замечательно пели! Зачем же вам было надевать ультрамодный пояс? Вот Наталья Шпиллер тоже

интересная женщина с превосходным голосом. Но она одета скромно. И это никому не бросалось в глаза.

Видимо, иностранные гости нашли, что Давыдова одета крикливо. А это не очень соответствовало официальному приему. Вдруг подскочила Ольга Лепешинская, громко воскликнув:

— Иосиф Виссарионович, вам понравилось, как я танцевала?

— Вертелись-то вы хорошо, но лучше вас танцевал Асаф Мессерер, — охладил ее Сталин.

Рыбин А. С. 34–35

Может, такая пора была, а может, такой был Сталин (что почти одно и то же). Сталин не любил дорого выглядящих «дам», он любил простушек: испуганных, домоседок, скромниц, у которых на редких кремлевских приемах читалось в глазах кроткое: «А у нас в деревне все не так!»

Терехов А. Дом на Грановского // Совершенно секретно. № 305

— Говорят: какой-то грузин правил Россией...

— Тут еще есть такой момент, что Сталин, как грузин, инородец, мог позволить себе такие вещи в защиту русского народа, на какие на его месте русский руководитель не решился бы, — утверждает Молотов.

Чуев Ф. С. 377

И еще. В Сталине развилось глубокое чувство русского национализма. Сверхъестественно, но, похоже, этот грузин понял Россию, ее исторические традиции и устремления.

Грей Я. С. 55

Сталин рассказал как-то анекдот, популярный в Грузии, как Бог создавал нации из разных материалов, и на русских ничего не осталось, и пришлось их сделать из грязи. К тому, что у нас много свинства...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 329–330*

В Новом Афоне Сталин проводил совещание по сельскому хозяйству. Берия показал там свою бестактность, в присутствии русских и украинских академиков начав разговаривать по-грузински. Сталин одернул его:

— У меня секретов нет от участников совещания. Что это за неуважение к ним? Говорите на языке, понятном для всех.

Рыбин А. С. 48

В годы Великой Отечественной войны, ведя переговоры с руководителями великих держав, он очень часто ссылался на Советский Союз так: «Мы, русские, думаем...»

Не следует забывать, что после победы Октябрьской революции большевики много размышляли над тем, как

назвать новую Советскую республику. Они хотели избежать в названии слова «русская».

Белادي Л., Краус Т. *С. 226*

Во время беседы Сталин несколько раз употреблял выражение «мы, русские». При переводе на английский я, не задумываясь, как бы автоматически, говорил «мы, советские». Видимо, подсознательно я исходил из того, что Сталин, будучи грузином, не должен был называть себя русским. К счастью, никто не заметил эту переводческую оплошность. Уже после беседы я сообразил, что Сталин называл себя русским умышленно, и мне могло бы попасть за такую самодеятельность. Впредь я исходил из того, что коль скоро Сталин хотел называть себя русским — пусть он будет русским и по-английски.

Трояновский О. *С. 151*

Разговор с нами начался с того, что Сталин заинтересовался нашими впечатлениями о Советском Союзе Я сказал:

— Мы воодушевлены!

На что он заметил:

— А мы не воодушевлены, хотя делаем все, чтобы в России стало лучше.

Мне врезалось в память, что Сталин сказал именно Россия, а не Советский Союз. Это означало, что он не только инспирирует русский патриотизм, но и увлекается им, себя с ним идентифицирует.

— Сталин запрещал в присутствии русских говорить по-грузински. Берия однажды попытался, он его сильно отругал. (Мне вспомнилось, что С. Аллилуева в своей книге пишет, как ее брат Вася под большим секретом рассказал ей, что в молодости их папа был грузином. — Ф.Ч.)

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 358*

Брат мой Василий как-то сказал мне в те дни: «А знаешь, наш отец раньше был грузином». Мне было лет 6, и я не знала, что это такое — быть грузином, и он пояснил: «Они ходили в черкесках и резали всех кинжалами».

Аллилуева С. С. 34

О попытках Сталина подавить осознание того, что он был грузином, свидетельствует даже его манера говорить. По словам его дочери, «он читал по-грузински, но обычно говорил, что основательно подзабыл язык». По-русски Сталин говорил тихим, монотонным голосом, причем особенно смягчал те слова, в которых мог быть замечен грузинский акцент. Один из старых большевиков, слышавший выступление Сталина на VI съезде в 1917 г., впоследствии вспоминал: «На нем серый, скромный пиджак, сапоги, говорит негромко, не торопясь, совершенно спокойно. Замечаю, что сидящий в одном ряду со мной Ногин в то время, когда оратор

произнес со *своеобразным акцентом, как-то особенно мягко какое-то* слово, не удержался и так же мягко улыбнулся».

Такер Р. С. 389–390

В отличие от своих преемников, он не привел в Кремль ни одного земляка, с которым бы сблизился в юности. Даже самый доверенный человек, начальник личной охраны Н. С. Власик, был белорус, из Брестской области.

Зенькович Н. С. 18

— Не зря Сталин занялся вопросами языкознания. Он считал, что, когда победит мировая коммунистическая система — а он все дела к этому вел, — главным языком на земном шаре, языком межнационального общения станет язык Пушкина и Ленина...

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 326*

Он никогда не употребил выражения «мировая революция», в отличие от Троцкого, считавшего, что только мировая революция позволит подняться России, ставил Россию во главу угла. Она — ядро, и вокруг нее — весь мир.

А. Сергеев.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 69*

Еще отдельные эпизоды, которые связаны с деятельностью Сталина и характеризуют его.

Хрущев Н. *Т. 1. С. 54*

Сталин рассказал несколько историй, относящихся к своему пребыванию в Вене. Он частенько водил Галю (сводная сестра автора воспоминаний. — *Е. Г.*) погулять в парк и каждый раз покупал ей сладости. Однажды, когда девочка достаточно к нему привыкла, он предложил ее матери пари — куда пойдет Галя, если ее одновременно позовут она и он. Естественно, она пошла к Сталину, видимо рассчитывая, как обычно, получить очередную порцию сладостей. Может быть, я сужу слишком строго, но мне показалось, что эта история отражает циничный взгляд Сталина на людей, каждого из которых нетрудно тем или иным способом подкупить.

Трояновский О. С. 161–162

— Сталин говорил: «Правду охраняют батальоны лжи».

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 369*

...Я необыкновенный лентяй насчет писем и вообще переписки.

Сталин — Д. Бедному. 15. 07. 24 г.

Цит. по: *Сталин И. Соч. Т. 6. С. 273*

Эсерка Каплан находилась в пожизненном заключении. В порядке исключения она имела на Соловках даже свой огородик. Когда стало известно, что она умерла, Власик доложил об этом Сталину. Тот безразлично буркнул:

— Всеу свое время.

Рыбин А. С. 42

Сталин подписывал документы часто не читая, — это до тех пор, пока вы себя где-то не скомпрометировали. Все было построено на громадном доверии. Но стоило ему только (может быть, это чисто национальная черта) убедиться, что этот человек — мошенник, что он обманул, ловчит, судьба такого работника была решена.

Но в результате такого доверия было так, что много на тебя нагромождали обязанностей. Особенно Берия любил — он сотнями тысяч записывал валенки за счет военного ведомства. Если бы сказать Сталину, то разорвал бы такой документ, и Берия больше ни одного документа не подписал бы у него.

А. Хрулев.

Цит. по: *Куманев Г. С. 345–346*

Почему-то Сталин считал рожь малоценной культурой, а пшеницу чуть ли не «пупом земли». Я ему доказывал, что рожь не надо вытеснять, что ржаной хлеб привычен русскому народу, что он полезен: не случайно его много потребляют в Германии, Норвегии, Финляндии

— Сталина невозможно было разубедить, и дело дошло до того, что нам стало не хватать ржаной муки.

Микоян А. С. 547

Однажды (по-моему, перед XVII партийным съездом) мне позвонили и сказали, чтобы я сам позвонил по такому-то номеру телефона. Я знал, что это номер телефона на квартире Сталина. Звоню. Он мне говорит: «Товарищ Хрущев, до меня дошли слухи, что у вас в Москве неблагополучно дело обстоит с туалетами. Даже «по-маленькому» люди бегают и не знают, где бы найти такое место, чтобы освободиться. Создается нехорошее, неловкое положение. Вы подумайте с Булганиным о том, чтобы создать в городе подходящие условия». Казалось бы, такая мелочь. Но это меня еще больше подкупило: вот, даже о таких вопросах Сталин заботится и советует нам. Мы, конечно, развили бешеную деятельность с Булганиным и другими ответственными лицами, поручили обследовать все дома и дворы, хотя это касалось в основном дворов, поставили на ноги милицию. Потом Сталин уточнил задачу; надо создать культурные платные туалеты. И это тоже было сделано. Были построены отдельные туалеты. И все это придумал тоже Сталин.

Помню, как тогда не то на совещание, не то на конференцию съехались товарищи из провинции. Эйхе (он тогда, кажется, в Новосибирске был секретарем парторганизации) с такой латышской простотою спрашивал меня: «Товарищ Хрущев, правильно ли люди говорят, что вы занимаетесь уборными в городе Москве и что это — по поручению товарища Сталина?» «Да, верно, — отвечаю, — я занимаюсь туалетами и считаю, что в

этом проявляется забота о людях, потому что туалеты в таком большом городе — это заведения, без которых люди не могут обходиться даже в таких городах, как Москва». Вот такой эпизод, казалось бы, мелочевый, свидетельствует, что Сталин и мелочам уделяет внимание. Вождь мирового рабочего класса, как тогда говорили, вождь партии, а ведь не упускает из виду такую жизненно необходимую мелочь для человека, как городские туалеты. И это нас подкупало.

Хрущев Н. Т. 1. С. 59–60

Сидит Сталин дома за столом, — вспоминает Артем Федорович (приемный сын Сталина) — открывает бутылку нарзана, а крышка вместе с горлышком обламывается. Вторая, третья... Так пять штук... Просит принести подобную импортную воду (а не любил все заграничное!). Принесли. Нормально открыл пять бутылок подряд и выдал соответствующую резолюцию по отечественным бутылкам...

Чуев Ф. С. 60

Это произошло вскоре после того, как я был назначен наркомом. Меня вызвал Сталин и, что называется с порога, как только я вошел в кабинет, обрушился с упреками, причем в очень резком тоне: почему, почему, почему? Почему происходят такие-то события на таком-то заводе? Почему отстают это? Почему не делается то-то? И еще много разных «почему». Я настолько опешил, что еле вымолвил:

— Товарищ Сталин, вы, может быть, упустили из виду, что я всего несколько дней на этой должности. И услышал в ответ:

— Нет, нет, нет. Я ничего не упустил. Может быть, вы мне прикажете спрашивать с Кагановича, который был до вас на этой работе? Или чтобы я подождал еще год или полгода? Или даже месяц? Чтобы эти недостатки имели место? Чтобы я ничего не трогал? С кого же я должен спрашивать о том, что делается не так в авиапромышленности и не в таком темпе?

Совершенно пораженный сначала этим разговором, после некоторого раздумья я понял, что Сталин не только хотел с меня спросить, но и хотел, чтобы я так же спрашивал с других — требовательно, резко, со всей твердостью подходил к вопросам, которые решала в то время авиаиндустрия.

Шахурин А. И. Крылья победы. М., 1983. С. 70

О нем рассказывают сотни анекдотов, рисующих, как близко он принимает к сердцу судьбу каждого отдельного человека, например, он послал в Центральную Азию аэроплан с лекарствами, чтобы спасти умирающего ребенка, которого иначе не удалось бы спасти, или как он буквально насильно заставил одного чересчур скромного писателя, не заботящегося о себе, переехать в приличную, просторную квартиру. Но подобные анекдоты передаются только из уст в уста и лишь в исключительных случаях появляются в печати.

Фейхтвангер Л. С. 232

Обсуждалась кандидатура на пост министра угольной промышленности. Предложили директора одной из шахт Засядько. Кто-то возразил:

— Все хорошо, но он злоупотребляет спиртными напитками!

— Пригласите его ко мне, — сказал Сталин. Пришел Засядько. Сталин стал с ним беседовать и предложил выпить.

— С удовольствием, — сказал Засядько, налил стакан водки: — За ваше здоровье, товарищ Сталин! — выпил и продолжил разговор.

Сталин чуть отхлебнул и, внимательно наблюдая, предложил по второй. Засядько — хлобысь второй стакан, и ни в одном глазу. Сталин предложил по третьей, но его собеседник отодвинул свой стакан в сторону и сказал:

— Засядько меру знает.

Поговорили. На заседании Политбюро, когда снова встал вопрос о кандидатуре министра и снова было заявлено о злоупотреблении спиртным предлагаемым кандидатом, Сталин, прохаживаясь с трубкой, сказал:

— Засядько меру знает!

И много лет Засядько возглавлял нашу угольную промышленность...

Чуев Ф. С. 526–527

— А есть ли у Вас, Яков Ермолаевич. что-нибудь памятное о Сталине? — продолжаю расспрашивать Чадаева (надо напомнить, что Я. Е. Чадаев был в то

время управляющим делами Кремля. — *Е. Г.*). Его лицо просветлело:

— Есть, конечно, — часы и трубка.

— А как они оказались у Вас?

— Начну с часов, — ответил Чадаев. — Однажды при докладе Сталину, когда я левой рукой положил перед ним на стол несколько документов (в правой руке держал папку), он вдруг схватил меня за левую руку и не без иронии произнес: «Скажите, пожалуйста, какие у него интересные часы... Это что за часы?»

Я ответил, что это швейцарские часы, которыми пользуются американские летчики. Часы не боятся ударов, воды и магнитного притяжения. Мне их недавно подарили.

— Такие мне неизвестны, — сказал Сталин.

Я начал снимать часы, чтобы Сталин их лучше разглядел. Но он остановил меня:

— Не снимайте.

Подписав документы и поручив мне одно задание, Сталин чуть поднял руку в знак того, что можно уходить.

Проходя мимо Поскребышева, я спросил его: «Александр Николаевич, товарищ Сталин что-то моими часами заинтересовался?»

— Ты что, с Луны свалился? — отвечает тот. — У товарища Сталина есть коллекция ручных часов. Хотя и небольшая, но очень интересная.

От Сталина я зашел в кабинет к Булганину, чтобы получить визу на один проект распоряжения Совнаркома.

В двух словах рассказал Николаю Александровичу и о том, что Сталин заинтересовался моими часами.

— Ну-ка покажи, что это за часы.

Я снял с руки часы и положил на стол.

— Ничего особенного в них нет, — сказал Булганин. — Такими часами пользуются летчики. Но товарищ Сталин, очевидно, обратил на них внимание потому, что, как я знаю, он коллекционирует часы. Как-то я случайно оставил у него свои карманные часы, но обратно получить их уже и не пытался.

Вернувшись в свой кабинет, я быстро подготовил проект документа, который мне поручил сделать Сталин, и стал размышлять: подарить «хозяину» часы или нет. Ведь его реакция на этот шаг может быть разной, включая и нежелательный вариант («снять с работы за подхалимаж» и т.д.).

Наконец, я все-таки решился. Позвонил Поскребышеву и спросил, на месте ли Сталин. Он ответил, что Сталин ушел обедать. Тогда я отстегнул часы, положил их в конверт вместе с проектом постановления и отнес в приемную для передачи Сталину.

Обычно Сталин после ознакомления с моими бумагами вскоре меня вызывал и возвращал подписанные им документы. На этот раз никакого вызова не последовало. Прошли целые сутки. Я почти не спал. Ну, думаю, будет неприятный разгон за неосмотрительный поступок.

Наконец, звонит Поскребышев и говорит:

— Чего не заходишь? Давай приходи и часы свои забирай.

Я просто похолодел. Захожу к Поскребышеву. Получаю запечатанный конверт, в котором что-то топорщилось. Скорее — в свой кабинет, разрезаю ножницами конверт и извлекаю подписанный Сталиным документ и коробочку. Открываю ее и с изумлением вижу золотые часы-хронометр.

Через несколько дней меня встретил начальник охраны Сталина генерал Власик.

— Ну, задал ты мне задачу?

— Какую же, Николай Семенович?

— Ну, как же. Вызвал меня товарищ Сталин и дал поручение — срочно найти хорошие часы. Я всю Москву объездил и, наконец, в одном складе приобрел этот хронометр. Привез товарищу Сталину, а он и говорит: «Это для обмена с товарищем Чадаевым».

Сам же Сталин при последующих встречах со мной ни словом, ни намеком не напомнил мне и не показал вида о случае с часами. И не спросил меня — понравились ли мне его часы. В свою очередь и я не пытался чем-нибудь напомнить ему об этом случае...

Я. Чадаев.

Цит. по: Куманев Г. С. 387–389

После войны от сильного цунами на Курильских островах погибло 28 тысяч человек, среди которых было много военных. В одной воинской части остался жив солдат со знаменем. Когда об этом доложили Сталину, он решил представить солдата к званию Героя. С солдатом

побеседовало начальство, и он сказал, что во время стихийного бедствия думал о том, как бы уцелеть, а знамя ему только мешало, и он вообще случайно оказался возле него. Сталин, узнав об этом, сказал:

— Как жаль, что у нас нет награды за честность! — и велел все-таки поощрить солдата. Маршал Василевский приказал сшить ему форму из офицерского материала и дать отпуск домой на тридцать суток, не считая дороги.

Чуев Ф. *С. 89–90*

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС находился фонд И. В. Сталина, выделенный в особое, тщательно засекреченное хранение. До 1987 года доступа к нему не было. В середине своего правления, разворачивая антисталинскую кампанию, Горбачев дал поручение подобрать некоторые документы с резолюциями и визами Сталина для ознакомления журналистов и историков. Рассекречивался сталинский фонд избирательно. Как правило, открывались только те материалы, которые работали на версию кровавого тирана. Это документы, касающиеся борьбы Сталина против его политических противников внутри партии, процессов тридцатых годов, репрессивных действий ГПУ и НКВД. Нейтральные, а тем более не вписывавшиеся в разоблачительную линию сведения замалчивались.

Помнится чувство изумления, которое я испытал, когда обнаружил там такое вот письмо:

«Тов. Андрееву (Детиздат ЦК ВЛКСМ) и Смирновой (автору «Рассказов о детстве Сталина»).

Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина». Книга изобилует массой фактических неверностей. Но не это главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория... Народ делает героев — отвечают большевики...

Советую сжечь книжку.

И. Сталин. 16 февраля 1938 г.»

Письмо рукописное, четкий почерк автора угадывается сразу. И это в 1938 год, когда, согласно современной многочисленной антисталинской литературе, нарастало безудержное восхваление вождя?

Зенькович Н. С. 60–61

За одну из своих симфоний был выдвинут на соискание Сталинской премии по предложению Жданова композитор Голубев. Все знали, чей он протеже, и не сомневались, что премию он получит, к тому же первой степени. Когда списки лауреатов принесли на подпись Сталину, он спросил:

— Голубев... Симфония... Все — за, один — против. А кто этот один?

— Шостакович, товарищ Сталин.

— Товарищ Шостакович понимает в музыке больше нас, — сказал Сталин, и вычеркнул Голубева из списков

лауреатов. Симфония и вправду была слабой, но все голосовали за...

Чуев Ф. С. 532–533

На обед к Горькому оказались приглашенными Авербах и Фадеев. Когда-то близкие товарищи, они теперь друг с другом не разговаривали. Горькому это крайне не нравилось, он решил их помирить. Вдруг в дело вмешался самый почетный гость — товарищ Сталин. Он позвал к себе Фадеева и Авербаха и предложил кончить ссору, протянуть руки друг другу. В такой просьбе вождю не отказывают. Фадеев шагнул к Авербаху и протянул ему руку. А тот свою убрал за спину. Рука Фадеева повисла в воздухе. Сталин попал в неловкое положение, но быстро нашелся, заметив, что у Фадеева совсем нет характера. Зато он есть у Авербаха. Он может постоять за себя.

Громов Е. С. 159

...Узнав о разногласиях между писателями К. А. Фединым и М. А. Шолоховым, Сталин пригласил оппонентов в Кремль, усадил за стол и стал громко удивляться:

— Ходят слухи, что вы постоянно между собой спорите. В интересах советской литературы прошу вас помириться и подать друг другу руки в знак примирения...

Писатели молчат.

— Я прошу вас! — настаивает Сталин.

Писатели упорствуют.

— Сталин вас просит! — с металлическими нотками в голосе говорит Генсек.

Литераторы встают и нехотя протягивают друг другу руки.

— А теперь поцелуйтесь! — говорит Сталин. И когда оппоненты начинают целоваться, громко смеется:

— А я думал, вы принципиальные!

Красиков С. С. 518

...Сталин позвонил в Союз писателей, но его не смогли соединить ни с Фадеевым, ни с Сурковым — ни с кем из руководства. Отвечали только их секретари. Сталин спросил у членов Политбюро:

— Почему погибла Римская империя? — И сам ответил: — Потому что ею стали управлять секретари!

Чуев Ф. С. 531

Как-то ночью раздался телефонный звонок в квартире Пастернака.

Чуев Ф. С. 532

Вызывали «товарища Пастернака». Какой-то молодой мужской голос, не поздоровавшись, произнес:

— С вами будет говорить товарищ Сталин.

— Что за чепуха! Не может быть! Не говорите вздору!

Молодой человек: — Повторяю: с вами будет говорить товарищ Сталин.

— Не дурите! Не разыгрывайте меня!

Молодой человек: — Даю телефонный номер. Набирайте! — Пастернак, побледнев, стал набирать номер.

Сталин: — Говорит Сталин. Вы хлопчете за вашего друга Мандельштама?

— Дружбы между нами, собственно, никогда не было. Скорее наоборот. Я тяготился общением с ним. Но поговорить с вами — об этом я всегда мечтал,

Сталин: — Мы, старые большевики, никогда не отрекались от своих друзей. А вести с вами посторонние разговоры мне незачем.

На этом разговор оборвался...

Вильмонт Н. О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли. М., 1989. С. 218

— С вами говорит некий Сталин. Борис Леонидович, что вы думаете о поэте Мандельштаме?

Пастернак, знал, что Мандельштам арестован, и сказал:

Иосиф Виссарионович, давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Чуев Ф. С. 532

Сталин сообщил, что отдано распоряжение, что с Мандельштамом будет все в порядке Он спросил

Пастернака, почему тот не хлопотал «Если бы мой друг поэт попал в беду, я бы лез на стену, чтобы его спасти». Пастернак ответил, что если бы он не хлопотал, то Сталин бы не узнал об этом деле. «Почему вы не обратились ко мне или в писательские организации?» — «Писательские организации не занимаются этим с 1927 года» — «Но ведь он ваш друг?» Пастернак замялся и С[талин] после недолгой паузы продолжил вопрос — «Но ведь он же мастер, мастер?» Пастернак ответил: «Это не имеет значения»... Б. Л. думал, что С[талин] его проверяет, знает ли он про стихи, и этим он объяснил свои шаткие ответы.

«...Почему мы все говорим о Мандельштаме и Мандельштаме, я так давно хотел с вами поговорить» — «О чем?» — «О жизни и смерти». Сталин повесил трубку...

Ахматова А. Сочинения: В 2 т. М. 1990. Т. 2. С. 167–168

— Товарищ Пастернак, — ответил Сталин, — в свое время мы лучше защищали своих друзей! — И повесил трубку.

Говорят, после гибели Мандельштама совесть мучила Пастернака всю жизнь...

Чуев Ф. С. 532

Известный грузинский большевик Серго Кавторадзе долгое время был не у дел. О нем как бы забыли. Занимал с женой комнату в коммунальной квартире, где сосед постоянно ругал его за невыключенный свет в

туалете или невынесенное ведро с мусором. И вот после войны — телефонный звонок:

— Серго, это ты? Ты живой? Кто говорит? Лаврентий говорит!

— Здравствуйте, Лаврентий Павлович!

— Ой, как не стыдно! Просто Лаврентий... Забыл старых друзей, не звонишь, не заходишь! А мы сидим, вспоминаем старых друзей, товарищ Сталин спрашивает: «А где наш Серго Кавторадзе?» Я позвонил к себе на службу, мне сказали — ты в Москве. Приезжай к нам, я за тобой машину пришлю.

И вскоре Кавторадзе оказался за одним столом со Сталиным и Берией. Посидели, и Сталин говорит:

— А теперь, Серго, поедem к тебе, посмотрим, как ты живешь.

— Товарищ Сталин, уже поздно, и я, если б знал, сказал бы жене, она бы что-то приготовила...

— А мы возьмем бутылочку вина и тихо, скромно поедem, — сказал Сталин.

И поехали. В одной машине — охрана, во второй — Берия, в третьей — Сталин и Кавторадзе, в четвертой — бутылка с охраной...

Кавторадзе позвонил. Дверь открыл его сосед:

— Мало того, что он свет в туалете не тушит, он еще приходит в три часа ночи!

Сзади, из-за плеча Кавторадзе, выглядывал человек в шляпе, пенсне и белом кашне. Сосед тут же скрылся. В коридор проникла охрана, перекрыв входы-выходы. Кавторадзе хотел пойти первым, чтоб разбудить жену, но

Берия опередил его. Он приоткрыл дверь в комнату, просунул голову в шляпе, пенсне и кашне и лукаво произнес:

— А кто к вам прие-е-хал!

Сталин побыл недолго. Гости уехали. Наутро у входа в ванную Кавторадзе сказал задержавшемуся там соседу:

— А мыться надо побыстрее!

— Слушаюсь! — сказал сосед и вытянулся. Вскоре позвонил В. М. Молотов и сообщил Кавторадзе, что он назначен Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Румынии.

Чуев Ф. С. 543–544

КОНЕЦ

Разумеется, как и в каждом человеке, были слабости, промахи и у Сталина. Можно сомневаться во всем, но значение в истории Сталина от этого не изменится. Справедливость должна быть сильной, а сила — справедливой.

Я. Чадаев.

Цит. по: *Куманев Г. С. 393*

Сам Сталин, помнится, сказал во время войны: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора. Но ветер истории безжалостно развеет ее!»

В. Молотов.

Цит. по: *Чуев Ф. С. 396*

По воспоминаниям маршала К. К. Рокоссовского, Сталин, предвидя печальное, как-то сказал: «После моей смерти меня безжалостно дискредитируют. Но я знаю отлично, что после меня реабилитируют и восстановят в правах истории».

Красиков С. С. 359

Сталин обладал необычайно чутким и настойчивым умом. Помню, что в его присутствии невозможно было сделать какого-либо замечания или намека, без того, чтобы он тотчас этого не заметил. И если помнить, какое значение он придавал идеям — хотя они были для него лишь средством — то напрашивается вывод, что он видел и несовершенство созданного при нем строя. Этому сегодня есть немало подтверждений, в особенности в произведениях его дочери Светланы. Так она пишет, как, узнав, что в Куйбышеве создана специальная школа для эвакуированных детей московских партаппаратчиков, он воскликнул: «Ах, вы!.. Ах вы, каста проклятая!»

Джилас М. С. 204

И еще один штрих. Сталин, конечно, не питал иллюзий относительно своей деятельности, тех методов

и форм борьбы, которые пришлось применять для решения сложных государственных задач. Несколько лет назад съемочная группа Агентства печати «Новости» (АПН) снимала фильм о Псковско-Печерском монастыре и провела там около недели. В ходе работы сотрудники АПН постоянно общались с монашеской братией, сдружились с ней. Как-то монахи рассказали им, что Сталин был последним нашим руководителем, который незадолго до своей смерти посетил одного из иерархов Православной церкви и исповедовался в своих грехах. Узнав об этом факте, П. С. Хрущев пытался дознаться у иерарха, в чем именно каялся Сталин, но иерарх тайну исповеди выдать отказался, что повлекло за собой немалые для него неприятности.

Аллилуев В. С. 306

Если смотреть с точки зрения успеха и политической находчивости, Сталина, вероятно, не превзошел ни один государственный муж его времени.

Джилас М. С. 182

В ряде случаев свидетельство врага немало значит для оценки деятельности лидера, враждебного им по самой своей сущности. В США недавно был рассекречен доклад «Возможные последствия смерти Сталина и прихода Маленкова к власти в СССР». Он был составлен высшими инстанциями ЦРУ. К его подготовке были привлечены разведывательные управления государственного департамента, сухопутных войск, военно-морских сил, военно-воздушных сил и Объединенного комитета начальников штабов. Доклад

предназначался для самого узкого круга руководящих лиц страны. В нем отмечалось: «Смерть Сталина устранила человека, который стал полубогом. Для многих людей в СССР он был человеком из стали, который превратил Россию в промышленную и военную державу, который отразил германское нашествие и который привел народы СССР к величайшей военной победе в российской истории... Было бы неосторожно высказывать предположение, будто новый советский режим будет обладать сталинским искусством избегать большой войны... На протяжении некоторого времени ни один из преемников Сталина не будет в состоянии достичь сопоставимого статуса или сопоставимого значения в качестве символа международного коммунистического движения...»

Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 32, 33

...Если проанализировать действительную роль Сталина в истории коммунизма — то там рядом с Лениным он до сих пор наиболее грандиозная фигура. Он не на много развил идеи коммунизма, но защитил их и воплотил в общество и государство. Он не создал идеального общества — это невозможно уже по самой человеческой природе, но он превратил отсталую Россию в промышленную державу и империю, которая все более упрямо и непримиримо претендует на мировое господство. С неизбежностью выяснится, что он реально создал наиболее несправедливое общество современности, если не вообще в истории — во всяком случае оно в одинаковой мере несправедливо, неравноправно и несвободно... Но не будем

несправедливыми и к Сталину! То, что он хотел осуществить и то что он осуществлял — никак и невозможно осуществить иным способом. Те, кто его возносил и кем он руководил, с их абсолютными идеалами, замкнутыми формами собственности и власти, на той ступени развития российских и международных отношений, и не могли выдвинуть иного вождя, не могли применять иных методов. Создатель замкнутой социальной системы, Сталин был одновременно ее орудием и, когда изменились обстоятельства, он — слишком поздно — стал ее жертвой. Непревзойденный в насилии и преступлении, Сталин непревзойден также и как вождь и организатор определенной социальной системы. Его «ошибки» виднее чем у остальных и поэтому Сталин — наиболее дешевая цена, которой вожди этой системы хотят выкупить и себя и саму систему с ее гораздо более существенным и крупным злом.

Джилас М. С. 182–183

Сталин — удивительная личность. Он наделен необыкновенными способностями и разумом, а также умением схватывать суть практических вопросов. Он один из тех лидеров, наряду с Рузвельтом и Черчиллем, на плечи которых ложится такая ответственность, какой не будет знать ни один человек в ближайшие 500 лет.

Корделл Хэлл (государственный секретарь США в годы войны).

Цит. по: *Соловьев Б., Суходеев В. С. 123*

Сталин обладал большим чувством юмора и сарказма, а также способностью выражать свои мысли. Сталин и речи писал только сам. В его произведениях всегда звучала исполинская сила. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей всех времен и народов.

Черчилль У. С. 123

...Когда Сталин говорил в 1931 году: «Если мы не будем производить 10 миллионов тонн стали в год, то меньше чем за 10 лет нас раздавят», он был прав. Десять лет, то есть 1941 год. Если бы он тогда не совершил то невероятное усилие, которое, действительно, с человеческой точки зрения, стоило очень дорого, мы бы сейчас жили в эпоху Освенцима... В определенных исторических условиях сначала нужно делать то, что необходимо, даже если это будет стоить больших человеческих усилий. Я считаю, что с человеческой точки зрения сталинизм стоил нам очень дорого, но надо также сказать и о том, что если Европа свободна сегодня, так это благодаря Сталинграду.

Роже Гароди (видный французский ученый, писатель и общественный деятель).

Цит. по: Соловьев Б., Суходеев В. С. 123

И пусть кто-то пробует уверять будто не кричали солдаты, идя в штыковую: «За Родину! За Сталина» Где-то, может, и не кричали, но это был своего рода боевой, роковой клич, когда «либо пан, либо пропал».

Михалков С. С. 95

Великий человек. Двое таких было: Петр I и Он. Оба сделали Россию державой.

А. Керенский.

Цит. по: *Аллилуев В. С. 297*

Сталинизм последовательно и беспощадно уничтожал почву, на которой вырос, то примитивное полуазиатское общество, выделениями которого он питался. Варварскими методами он преуспел изгнать из России большую часть варварства, в котором черпал свою силу.

Дойчер И. Россия после Сталина. Лондон, 1953. С. 54

История действительно не знает сослагательных наклонений. Но я уверен, история страны пошла бы более праведными путями, если бы Сталину удалось провести свой поединок с Берия. И та команда «четырех», что собралась у одра вождя, сколотилась неслучайно, это были союзники Берия против Сталина. Их политические биографии, особенно у Маленкова, Хрущева и Берия, не раз пересекались, их связывали общие дела: Берия был назначен первым заместителем народного комиссара Внутренних дел в 1938 году по рекомендации Маленкова; Хрущев вместе с Берия и Маленковым принимали самое активное участие в раскрытии «заговора» Вознесенского, Кузнецова и Родионова.

Аллилуев В. С. 237

Отмечу хотя бы его огромную роль в руководстве народным хозяйством. Все основные вопросы военной перестройки и функционирования нашей экономики, даже в деталях, он держал в памяти и умело осуществлял все рычаги управления по заданному курсу.

В. Молотов.

Цит. по: *Куманев Г. С. 12*

Он был суров, но в главном справедлив, при нем страна стала могучей и великой державой с которой считался весь мир, страна обрела стабильность и уверенность в будущем, а жизнь народа улучшалась из года в год, было покончено с безработицей, голодом и бескультурьем, в государстве была создана гарантированная и дееспособная система социальной защиты трудящихся, общество обладало огромной жизненной силой, опирающейся на осознанные задачи и объединяющие идейно-нравственные устои. Трудящиеся впервые получили возможность подняться на такой высокий уровень в своем интеллектуальном и духовном развитии, который никогда раньше им не был доступен.

Аллилуев В. С. 297

...Сегодня, когда мы походя столкнули с пьедесталов всех, кто попался под руку, трудно представить, как воспринималось не только каждое слово Сталина, но каждый его жест и даже... отсутствие жеста...

Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А Он стоял, немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его — просто видеть — для всех нас было счастьем... Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства...

Пастернак шептал мне все время о нем восторженные слова... Домой мы шли с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью...

К. Чуковский. Запись из дневника от 22 апреля 1936 г.

Цит. по: *Чуковский К. И. Дневник. М., 1994*

Сам слышал от очевидцев: однажды Сталин пожимал руки военачальникам... и вдруг — одного пропустил. Случайно? Или с умыслом? Во всяком случае, все присутствующие такое событие истолковали однозначно: «непожатый» попал в опалу, и чем это для него кончится — неизвестно...

И. Эренбург описывает свои впечатления от увиденного на родине, когда он вернулся домой после длительного пребывания за границей и присутствовал на

I Всесоюзном совещании стахановцев. Тогда он впервые встретился с проявлениями культа, переходившими чуть ли не в массовую истерию. «Вдруг все встали и начали неистово аплодировать: из боковой двери, которой я не видел, вышел Сталин, за ним шли члены Политбюро... Зал аплодировал, кричал. Это продолжалось долго, может быть десять или пятнадцать минут. Сталин тоже хлопал в ладоши. Когда аплодисменты начали притихать, кто-то крикнул: «Великому Сталину ура!» — и все началось сначала. Наконец все сели, и тогда раздался отчаянный женский выкрик: «Сталину слава!» Мы вскочили и снова зааплодировали». Эренбург чуть позже отмечает: «Я поймал себя на том, что плохо слушаю — все время гляжу на Сталина. Оглянувшись, я увидел, что тем же заняты и другие».

Белادي Л., Краус Т. *С. 246*

Что это было такое, если даже в дневниках Он заставлял писать о себе как о земном Боге, и это ощущение земного Бога было даже у его врагов — и каких врагов! Вспомним, Черчилль говорил, как в дни Ялтинской конференции, когда Сталин входил в зал, они почему-то вставали и при этом держали руки по швам. Черчилль решил не вставать. Он пишет: «Сталин вошел, и вдруг будто потусторонняя сила подняла меня. Я встал».

Михалков С. *С. 94*

В качестве переговорщика маршал Сталин был самым серьезным партнером. Более того, если бы мне пришлось, используя свой примерно тридцатилетний

опыт участия в различного рода международных конференциях, подбирать команду для круглого стола, Сталин был бы моим самым первым кандидатом.

А. Иден (премьер-министр Англии).

Цит. по: *Соловьев Б., Суходеев В. С. 138*

Один из видных хозяйственников тех лет, Ю. Борисов, рассказывал уже в 60-х годах: «Вызывает меня товарищ Сталин. До этого мне не приходилось беседовать с ним. Ехал как в тумане. Ответ на его вопрос выпалил, глядя ему в глаза, стараясь не мигать. Мы все знали его фразу: «Глаза бегают — значит, на душе не чисто». Выслушав ответ, он сказал: «Спасибо, товарищ». Когда я ощутил его рукопожатие, меня словно молния пронзила. Спрятал я руку за обшлаг пиджака, спустился в машину, домчался домой и, не отвечая на вопросы встревоженной жены, подошел к кровати, где спал мой маленький сын. Вытащил руку и простер над его головой, чтобы коснулось и его сталинское тепло».

Радзинский Э. С. 10

Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью, был непревзойденным мастером находить пути выхода из самого безвыходного положения. В самые критические моменты несчастья и торжества оставался одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Сталин был необычайно сложной личностью...

Черчилль У. С. 123

Сталин действительно был велик, во всяком случае, в своем окружении выше всех на много голов. Но он был и артист, он был иезуит...

Хрущев Н. Т. 2. С. 92

Что же тогда Сталин? И почему все это так? В Сталине можно обнаружить черты всех предшествовавших ему тиранов — от Нерона и Калигулы до Ивана Грозного, Робеспьера и Гитлера. Но — как и любой из них — Сталин явление новое и самобытное. Он был наиболее законченный из всех, и его сопровождал наибольший успех. И хотя его насилие самое тотальное и самое вероломное — мне кажется, что считать Сталина садистом или уголовником было бы не только упрощением, но и ошибкой. В биографии Сталина Троцкий сообщает, что Сталин наслаждался убийством животных, а Хрущев говорил, что Сталин в последние годы страдал манией преследования. Мне не известны факты, которые бы подтверждали или опровергали их утверждения. Судя по всему, Сталин наслаждался казнью своих противников. Мне врезалось в память выражение, вдруг появившееся на сталинском лице во время разговора болгарской и югославской делегации со Сталиным и его сотрудниками, 10 февраля 1948 года в Кремле: это было холодное и мрачное наслаждение видом жертвы, чья судьба уже предрешена. Такое же выражение мне приходилось видеть и у других политиков, в момент, когда они «ломали шпагу» своих «заблудших» единомышленников и сонародников. Но всего этого — если оно и соответствует действительности — недостаточно, чтобы объяснить феномен Сталина. В особенности тут не могут помочь ни сомнительные

данные, опубликованные несколько лет назад в «Лайфе», что Сталин был агентом царской тайной полиции — охранки, ни утверждения одного американского историка — не столь уж невероятные — что Сталин выдавал царской полиции, не открывая ей при этом своего имени, меньшевиков и других небольшевистских деятелей, которых она арестовывала.

Джилас М. С. 205–206

Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставлял даже нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов. Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире, диктатором. Он принял Россию с сохой и оставил ее оснащенной атомным оружием. Нет, что бы мы не говорили о нем, — таких история и народы не забывают.

У. Черчилль (из выступления в палате лордов).

Цит. по: *Соловьев Б., Суходеев В. С. 185*

Лучшая часть трудов Сталина переживет Сталина, как это случилось с достижениями Кромвеля и Наполеона. Но чтобы спасти их для будущего и выявить их полную ценность, истории может быть еще потребуется очистить и упорядочить проделанное Сталиным с той же суровостью, как это было проделано в отношении Английской революции после смерти Кромвеля и Французской после Наполеона.

Deutser Y. Stalin. New York, 1967. P. 401

Список цитируемых источников

Автобиография В. И. Сталина. Цит. по: Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива: Сборник документов. М.: Родина, 1993.

Авторханов А. Убил ли Сталин Ленина? // Новый журнал. Нью-Йорк. 1957. № 10.

Алданов М. А. Сталин. Литература русского зарубежья. Антология в 6 т. М.: Книга, 1991. Т. 2.

Аллилуев В. Ф. Хроника одной семьи: Аллилуевы – Сталин. М.: Мол. гвардия, 1995.

Аллилуев С. Я. Пройденный путь. М., 1956.

Аллилуева А. С. Воспоминания. М., 1946.

Аллилуева С. И. Двадцать писем другу. М.: ЗАХАРОВ, 2000. (В сборнике также опубликованы выдержки из других произведений С. Аллилуевой: «Только один год», «Далекая музыка», «Книга для внучек»).

Антонов-Овсеенко А. Театр Иосифа Сталина. М.: АСТ, 2000.

Аронсон Г. Подлинный документ или фальшивка? // Новое русское слово. 1956. 26 апр.

Аронсон Г. Фальшивка о Сталине // Новое русское слово. 1956. 20 мая.

Арсенидзе Р. Из воспоминаний о Сталине // Новый журнал. Нью-Йорк. 1963. № 72.

Арутюнов Г., Волков Ф. Перед судом истории // Моск. правда. 1989. 30 марта.

Ахматова А. Сочинения: В 2 т. М. 1990. Т. 2.

Баграмян И. Х. Так мы шли к победе. М.: Воениздат, 1977.

Баграмян И. Х. Так начиналась война. М.: Голос, 2000.

Бадаев А. Большевики в Государственной думе. М., 1939.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж, 1990.

Бажанов Б. Кремль. Год 1920. Париж, 1931

Байкалов А. Мои встречи с Осипом Джугашвили // Возрождение. Париж. 1950. Март—апрель.

Барбюс А. Сталин. М., 1936.

Бармин А. Г. Соколы Троцкого. Пер. с англ. М.: Современник, 1997

Бек А. К истории последних ленинских документов. Из архива писателя, беседовавшего в 1967 году с личными секретарями Ленина // Моск. новости. 1989. 23 апр. № 17. С. 8—9.

Белادي Л., Краус Т. Сталин. М.: Политиздат, 1989.

Бережков В. М. Рядом со Сталиным. М.: Вагриус, 1999.

Берия С. Мой отец Лаврентий Берия. М.: Современник, 1995.

Беседовский Г. З. На путях к термидору. М.: Современник, 1997.

Бибинейшвили В. Е. (Барон). За четверть века (революционная борьба в Грузии). М. -Л., 1931.

Бокарев Ю. Остров Крым. Загадка проекта еврейской автономии в Крыму. М., 1995.

Большевики. 1903—1916. Документы по истории большевизма бывшего Московского охранного отделения. Нью-Йорк, 1990.

Брот А. Воспоминания о Василии Сталине // Аргументы и факты. 1991. 14 апр.

Брусенцов В. Н. Ленин // Простор. 1993. № 11.

Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. В 2 т. Смоленск, 1994.

Бурдонский А. В. Цит. по: Краскова В. Наследники Кремля. Минск: Литература, 1997.

Был ли Сталин агентом охраны? Сборник статей, материалов и документов. М.: Терра-Книжный клуб, 1999.

Валентинов Н. (Вольский Н. В.) Наследники Ленина. Нью-Йорк, 1990.

Валентинов Н. Неизвестный Ленин. М.: На боевом посту, 1992.

Василевский А. М. Дело всей жизни. М, 1976.

Васильева Л. Н. Кремлевские жены. М.: Вагриус, 1992.

Васильева Л. Н. Дети Кремля. М.: Атлантида, 1998.

Вейнбаум М. Александр Орлов и его книга // Новое русское слово. 1953. 9—16 дек.

Вейнбаум М. Сталин и его последыши // Новое русское слово. 1956. 21 марта.

Верещак С. Сталин в тюрьме // Дни (Париж). 1928.
22 янв.

Верт А. Россия в войне 1941—1945. М., 1967.

Вильмонт Н. О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли. М., 1989.

Власик Н. С. Цит. по: Логинов В. Тени Сталина. М.: Современник, 2000.

Военно-исторический журнал. 1995. № 3.

Вождь, диктатор, хозяин: Сборник. М.: Патриот, 1990.

Волков Ф. Взлет и падение Сталина. М., 1992.

Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х кн. М., 1990.

Володичева М. Воспоминания. Архив А. Бека // Моск. новости. 1989. 23 апр. № 17.

Воронов Н. На службе военной. М, 1963.

**Гальдер Ф. Военный дневник. 1939—1942.
Штудгарт, 1962—1964. Т. 2.**

Гарриман А. Мир с Россией. Нью-Йорк, 1946.

Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953.

Голубев И. Воспоминания о Сольвычегодской ссылке. ГАРФ, ф. 558, оп. 4, д. 540 л. 40

Грей Я. Сталин. М.: ИнтерДайджест, 1995.

Грибанов С. В. Заложники времени. М.: Военное издательство, 1992.

Грибанов С. В. Хроника времен Василия Сталина. М.: Гея итэрум, 1999.

Грибанов С. В. Сталин и евреи. М., 2000.

Громов. Е. С. Сталин. Власть и культура. М.: Республика, 1998.

Громыко А. А. Памятное. В 2 т. М., 1988.

Гронский И. М. Из прошлого. М.: Известия, 1991.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

Гюго В. 93-й год. М., 1988.

Дан Л. Бухарин о Сталине // Новый журнал. Нью-Йорк, 1964. №75.

Джилас М. Разговоры со Сталиным. Нью-Йорк, 1962.

Джугашвили Г. Я. Дед, отец, Ма и другие. М.: Олимп, 1993.

Дичев Т. Зловещий заговор. Ургенч: Мураббий, 1992.

Дмитриевский С. В. Сталин. Берлин, 1932.

Дойчер И. Сталин. Политическая биография. Лондон, 1949.

Докучаев М. С. История помнит. М.: Соборъ, 1998.

Докучаев М. С. Москва. Кремль. Охрана. М., 1995

Дон Левин И. Величайший секрет Сталина // Был ли Сталин агентом охраны: Сб. М.: Тера, 1991.

Дридзо В. Воспоминания. Коммунист. 1989. №5.

Елагин Ю. Укрощение искусств. Нью-Йорк, 1952.

Жерби А. Сталин был агентом охраны. Новое русское слово. 24 апр. 1956 г.

Жид А. Возвращение из СССР. М., 1990.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3 т. М., 1983.

Жухрай В. М. Сталин: правда и ложь. М., 1996.

Зенькович Н. А. Тайны уходящего века – 3. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

Зенькович Н. А. Вожди и соподвижники. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998.

Зенькович Н. А. Маршалы и генсеки. Интриги. Вражда. Заговоры. Смоленск: Русич, 1997.

Зенькович Н. А. Покушения и инсценировки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998.

Зелинский К. Одна встреча у Горького // Вопросы литературы. 1991. Май.

Зиновьев А. Сталин и война // Сов. Россия. 1997. 16 сент.

Иванов Я. Еще одна загадка Сталина // Независим. газ. 1996. 21 дек.

Иден А. Воспоминания. Лондон, 1967.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 12; 1990. № 6.

Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1948.

Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива: Сб. документов. М.: Родина, 1993.

Иремашвили И. Сталин и трагедия Грузии. Берлин, 1931.

Ицков И. Записки юриста. М., 1994.

Каган С. Кремлевский волк. Нью-Йорк, 1990.

Каганович Л. М. Памятные записки. М.: Вагриус, 1996.

Каптелов Б., Перегудова З. Был ли Сталин агентом Охранки? // Родина. 1989. № 5.

Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.

Кожемяко В. Битва за Берлин // Правда. 1995. 26 апр.

Кожин В. Россия. Век XX-й. М., 1999.

Колесник А. Хроника жизни семьи Сталина. М., 1990.

Колодный Л. Испытание // Моск. правда. 1987. 16 окт.

Конев И. С. Записки командующего фронтом. М.: Голос, 2000.

Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. М.:
Международные отношения, 2001

Костырченко Г. В плену у красного фараона. М.:
Международные отношения, 1994.

Красиков С. П. Возле вождей. М.: Современник,
1997.

Краскова В. С. Звезды кремлевской эстрады. Минск:
Литература, 2000.

Краскова В. С. Кремлевские дети. Минск:
Литература, 1998.

Краскова В. С. Преступления за кремлевской стеной.
Минск: Литература, 1999.

Краскова В. С. Наследники Кремля. Минск:
Литература, 1997.

Краскова В. С. Тайны кремлевской охраны. Минск:
Литература, 2000.

Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1966.

Кузнецов Н. Г. *Цит. по: Вождь, хозяин, диктатор. М., 1998.*

Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. М.: Былина, 1999.

Ларина-Бухарина А. М. Незабываемое. М., 1989.

Левитин-Краснов А. Рук твоих жар. Тель-Авив, 1979.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1979.

Литературная Грузия. 1978. № 6.

Лозгачев П. Последние дни Сталина. Досье. Приложение к газете «Гласность». 2001. 13 дек.

Логинов В. В тени Сталина. М.: Современник, 2000.

Майский И. М. Воспоминания советского посла. Война 1939—1943. М., 1965.

Мартов Ю. (Цедербаум). По поводу «эксов». Вперед. 1918. 26 апр.

Медведев Ж. А., Медведев Р. А. Неизвестный Сталин. М.: Права человека, 2001.

Медведев Р. А. Они окружали Сталина. Париж, 1984.

Меир Г. Моя жизнь. В 2 т. Иерусалим, 1993.

Мерецков К. А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1968.

Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999.

Микоян С. А. Аскетизм вождя // «Огонек». 1989. № 15.

Михалков С. В. От и до... Книга воспоминаний. М.: Олимп, 1997.

Могулия В. Сталин в годы учебы в духовном училище // Безбожник. 1939. 21 дек.

Мудрость вождей. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Мухин Ю. Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно. М., 1993.

Мясников А. Л. Кончина // Лит. газ. 1989. 1 марта.

Николаевский Б. Тайные страницы истории. Париж, 1964.

Ноймайр А. Диктаторы в зеркале медицины. Пер. с нем. Ростов на Дону: Феникс, 1997.

Орлов А. (Фельдбин Л.). Тайная история сталинских преступлений. М., 1991.

Орлов А. (Фельдбин Л.). Наследие // Был ли Сталин агентом Охранки?: Сб. статей. М.: Терра, 1999.

Орлов В. Г. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М.: Современник, 1998.

Павлов А. Последний день Сталина // Комс. правда. 1998. 5 марта.

Патоличев Н. Испытания на зрелость. М., 1977.

Перегудова З. Был ли Сталин агентом охраны? // Общая газ. 1997. 9—15 окт.

Пестковский С. Воспоминания о работе в Наркомнаце (1917—1919) // Пролетарская революция. 1930. № 6.

Пешкова М. Воспоминания. Цит. по: Грибанов С. В. Заложники времени. М.: Военное издательство, 1992.

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925—1936 гг. Сб. документов. М.: Россия молодая, 1995.

Платонов О. Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина. М.: Москвитянин, 1997.

Политическое завещание В. И. Ленина. М.: Моск. рабочий, 1989.

Полководцы. М.: Мол. гвардия, 1995.

Похлебкин В. В. Великий псевдоним. М., 1996.

Радзинский Э. Сталин. М., 1997.

Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. Сборник воспоминаний. М., 1937.

Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. М., 1937.

Риббентроп И. фон. Мемуары дипломата. Смоленск, 1998.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1968.

Ротмистров П. А. Время и танки. М., 1972.

Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947.

Рыбин А. Т. Рядом со Сталиным. Записки телохранителя. М.: ИРИС-ПРЕСС, 1994.

Рындзюнская М. Декада московских зрелищ. 1939. 21 дек. № 36.

Савицкий Е. Цит. по: Грибанов С. В. Заложники времени. М.: Военное издательство, 1992.

Сванидзе М. Дневник. В сб. документов. Сталин в объятиях семьи. М.: Родина. 1993

Седова Н. Цит. по: Троцкий Л. Сталин. Опыт политической биографии. В 2 т. Нью-Йорк, 1985.

Свердлов Я. М. Избранные произведения. М., 1957.

Семенов Ю. Ненаписанные романы. М., 1996

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М.: Правда, 1990.

Симонов К. М. Живые и мертвые. М.: Худ. лит., 1989.

Скорцени О. Тегеран. Интервью парижскому «Эспрессо». Май 1964.

Слассер Р. Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989.

Соловьев Б., Суходеев В. Полководец Сталин. М., 2000

Соломон (Исецкий) Г. Среди красных вождей. М.: Современник, 1995.

Сопельняк Б. Смерть в рассрочку. М.: Гей, 1998.

Сталин И. В. О Великой отечественной войне Советского Союза. М., 1946.

Сталин И. В. Сочинения. В 13 т. М., 1946—1952. Т. 5, 6.

Сталин в воспоминаниях современников и документах истории. М., 1995.

Старостин Н. Футбол сквозь годы. М., 1989.

Стейнбек Д. Русский дневник. М.: Мысль, 1989.

Суварин Б. Цит. по: Троцкий Л. Сталин. Опыт политической биографии В 2 т. Нью-Йорк, 1985.

Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997.

Суханов Н. Н. Записки о революции. В 3 т. М.: Издательство политической литературы, 1991.

Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879—1929. История и личность. М.: Прогресс, 1990.

Терехов А. Дом на набережной // Совершенно секретно. № 305.

Тетрадь записи лиц, принятых И. В. Сталиным 21—28 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 216—217.

Толстой А. Н. Избранные сочинения. В 6 т. М., 1950.

Трифонов Ю. Отблеск костра. М., 1966.

Троцкий Л. Сталин. Опыт политической биографии. В 2 т. Нью-Йорк, 1985.

Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Берлин: Гранит, 1932.

Троцкий Л. Портреты революционеров. Сб. статей. М., 1991.

Трояновский О. А. Через годы и расстояния. М.: Вагриус, 1997

Ульянова М. И. Об отношении В. И. Ленина к Сталину // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12.

Успенский В. Тайный советник вождя. М., 1996.

Устинов Д. Ф. Во имя Победы. Записки наркома вооружения. М., 1988.

Фейхтвангер Л. Москва 1937. М.: Политиздат, 1990.

Фельштинский Ю. Г. Вожди в законе. М.:
Терра-Книжный клуб, 1999.

Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным.
Нью-Йорк: Телекс, 1991.

Фест И. Адольф Гитлер. Биография. В 3 т. Пермь,
1993.

Фишер Л. Жизнь Ленина. Лондон, 1970.

Фотиева Л. Воспоминания. Архив А. Бека // Моск.
новости. 1989. 23 апр. № 17.

Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть В 4 т.. ИИК
«Московские новости, 1999.

Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях
// Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.

Черчилль У. Вторая мировая война. Ростов-на-Дону:
Феникс, 1997

Чуев Ф. Молотов: Полудержавный властелин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

Чуев Ф. Солдаты Империи. Беседы. Воспоминания, Документы. М. КОВЧЕГ, 1998.

Чуев Ф. Каганович. Шепилов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Чуковский К. И. Дневник. М., 1994.

Шабалов А. Одиннадцатый удар товарища Сталина. Ростов-на-Дону, 1996.

Шахурин А. И. Крылья победы. М., 1983.

Швейцер В. Сталин в туруханской ссылке. М., 1940.

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т.1—2. М., 1958.

Ширер У. Крах нацистской империи. Смоленск: Русич, 1998.

Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск: Русич, 2001

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968.

Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу: Военные мемуары. М., 1980.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Воспоминания: В 3 т. М., 1990.

Яковлев А. С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М.: Республика, 2000.

Яковлев Н. Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1984.

Яковлев Н. Н. Сталин: путь наверх. М., 2000.

Ярославский Е. О товарище Сталине. М., 1939.

Ярославцев В. Пантеон генералиссимуса // Рос. газ. 1992. 21 марта.

Deutser Y. Stalin. New York, 1967.

Payne R. The Rise and Fall of Stalin. New York, 1981.

Именной указатель

Аллилуев, Владимир Федорович (р. 1935), племянник жены Сталина Н. С. Аллилуевой.

Аллилуев Сергей Яковлевич (1866—1945), большевик, революционный деятель. Отец второй жены Сталина Н. С. Аллилуевой.

Аллилуева (Реденс), Анна Сергеевна (1896—1964), старшая сестра жены Сталина Надежды Аллилуевой.

Аллилуева Светлана Иосифовна (1923—1999), дочь Сталина. Автор нескольких книг воспоминаний.

Баграмян Иван Христофорович (1897—1982), видный военачальник, маршал. Участник важнейших событий Второй мировой войны.

Бадаев А. Е. (1883—1951), большевик, в 1912—1914 гг. — член Петербургского комитета РСДРП, депутат IV Государственной думы, отбывал ссылку в Туруханском крае.

Бажанов Борис Георгиевич (р.1900—?), помощник Ленина, секретарь Политбюро ЦК ВКП(б). Бежал за границу в 1928 г.

Барбюс Анри (1873—1935), французский писатель, автор серии биографических хроник.

Бармин Александр Григорьевич (1899—1987), дипломат-невозвращенец. Возглавлял русскую службу радиостанции «Голос Европы».

Белادي Ласло, Краус Томаш, венгерские историки. Исследователи жизни Сталина.

Беляков Александр Васильевич (1897—1982), генерал-лейтенант авиации (1943). В 1936—1937 гг. совершил беспосадочные перелеты с В. П. Чкаловым и Г. Ф. Байдуковым.

Бережков Валентин Михайлович (1976—1998), дипломат, личный переводчик Сталина.

Берия Серго Лаврентьевич (р. 1925), сын Л. П. Берия, конструктор ракет ПВО.

Беседовский Григорий Зиновьевич (1896—1949/1951?), дипломат, бежал за границу в 1929 г.

Брусенцов Владимир Николаевич (псевдоним, р. 1946), писатель, автор серии очерков о ведущих фигурах революции опубликованных в казахстанском журнале «Простор».

Буллок Алан, современный английский историк.

Валентинов Н. (Вольский Николай Владиславович) (1879—1964) меньшевик, историк и философ, эмигрант.

Василевский Александр Михайлович (1895—1977), видный военачальник, маршал. Один из виднейших полководцев Второй мировой войны.

Васильева Лариса Николаевна (р. 1935), известная российская поэтесса, прозаик, драматург. Автор художественно-публицистических исследований малоизвестных сторон частной жизни российской политической элиты XX в.

Верт Александр (1901—1969), английский военный журналист, автор нескольких капитальных трудов по истории Второй мировой войны.

Власик Николай Сергеевич (1896—1967), начальник Главного управления охраны Кремля, генерал-лейтенант.

Волкогонов Дмитрий Антонович (1928—1995), историк, доктор философских наук. Автор серии политических биографий крупнейших революционных и государственных деятелей.

Волкогонова Мария Акимовна (1881—1973), большевик, в 1918—1924 гг. — стенографистка Совнаркома, помощник секретаря СНК и СТО РСФСР.

Грей Ян, современный английский историк.

Грибанов Станислав Викентьевич, современный исследователь эпохи Сталина.

Громов Евгений Сергеевич (р. 1931), современный историк культуры.

Громыко Андрей Андреевич (1909—1989), советский государственный и партийный деятель, в последние годы правления Сталина занимал важные дипломатические посты.

Гронский Иван Михайлович (1894—1985), советский писатель и журналист, зам. ответственного редактора и ответственный редактор «Известий ЦИК СССР и ВЦИК», а также «Нового мира».

Гюго Виктор (1802—1885), французский писатель.

Джилас Милован (1911—1995), югославский политический деятель, сподвижник Тито.

Джугашвили Галина Яковлевна, дочь Якова Джугашвили, сына Сталина.

Дмитриевский Сергей Васильевич (1893—1964), дипломат-невозвращенец 20-х годов. Автор серии политических портретов советской политической элиты той поры.

Дойчер Исаак (1906—1967), историк, бывший польский коммунист, функционер Коминтерна, сторонник Л. Троцкого.

Докучаев Михаил Степанович (р. 1925), современный историк и публицист, участник войны, Герой Советского Союза. Автор нескольких книг об эпохе и личности Сталина.

Елагин Юрий Борисович (1910—1987), музыкант, эмигрант. Участник кремлевских концертов, инициатором которых в послевоенное время был Сталин.

Жид Андре (1869—1951), французский писатель, лауреат Нобелевской премии. Автор книги очерков о России 1947-го года.

Жуков Георгий Константинович (1896—1974), выдающийся советский военачальник.

Жухрай В. М., современный историк, автор книг о времени и личности Сталина.

Зенькович Николай Александрович, современный автор, специализирующийся на тайнах уходящего времени.

Исаков Иван Степанович (1894—1967), адмирал флота Советского Союза. В 1938—1946 гг. зам. и 1-й зам. наркома ВМФ, в 1941—1943 гг. одновременно начальник Главного морского штаба.

Каганович Лазарь Моисеевич (1893—1991), советский государственный и политический деятель, один из ближайших сподвижников Сталина.

Кеннан Джордж Фрост (р. 1904—?), американский дипломат, публицист, в марте-октябре 1952 г. — посол в СССР.

Киссинджер Генри Альфред (р. 1923), американский государственный деятель, долгие годы возглавлявший внешнеполитическое ведомство США. Автор нескольких капитальных трудов по политической истории современности

Кожин Вадим Валерианович (1930—2001), русский литературовед и историк, мыслитель-патриот.

Колесник А., современный публицист, автор книг о личной жизни Сталина.

Конев Иван Степанович (1897—1973), маршал, командующий войсками Западного, Калининского и Северо-Западного фронтов.

Костырченко Геннадий Васильевич (р. 1954), современный историк, специализирующийся на истории «еврейского вопроса».

Красиков Сергей Павлович, бывший офицер кремлевской охраны. Автор популярных сочинений о «дворцовых тайнах» советского времени.

Краскова Валентина Сергеевна, автор многочисленных изданий, в которых собраны документы и сведения о российских событиях XX в.

Кузнецов Николай Герасимович (1902—1974), адмирал, в 1939-1946 гг. — нарком ВМФ СССР и главнокомандующий ВМФ в годы войны.

Куманев Георгий Александрович (р. 1931), современный историк.

Ларина-Бухарина Анна Михайловна, жена Н. Бухарина.

Майский Иван Михайлович (1884—1975), советский дипломат. В 1932—1943 гг. — полпред в Великобритании.

Медведев Жорес Александрович (р. 1925), современный публицист и историк. Автор книг по ключевым вопросам современной истории.

Медведев Рой Александрович (р. 1925), современный публицист и историк. Автор книг по ключевым вопросам современной истории.

Меир Голда (1908—1978), израильский дипломат и государственный деятель, одна из инициативных фигур в

истории основания государства Израиль. Была послом в СССР.

Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897—1968), видный военачальник. В Великую Отечественную войну командовал войсками ряда армий и фронтов.

Микоян Анастас Иванович (1895—1978), видный партийный и государственный деятель. На протяжении сорока лет входил в Политбюро ЦК КПСС.

Михалков Сергей Владимирович (р. 1913), советский писатель.

Молотов Вячеслав Михайлович (1890—1986), большевик, крупнейший партийный и государственный деятель эпохи Сталина.

Мухин Юрий Игнатьевич, современный публицист. Автор книг в форме политических памфлетов.

Мясников Александр Леонидович (1899—1965), профессор, академик, один из врачей, дежуривших у постели умирающего Сталина. Автор воспоминаний.

Николаевский Борис Иванович (1887—1967), меньшевик, с 1921 г. эмигрант, жил в Германии, Франции, с 1940 г. в США.

Ноймайр Антон, современный немецкий врач, профессор медицины, надворный советник. Автор книг о диктаторах всех времен с точки зрения медицины.

Новиков Александр Александрович (1900—1976), советский военачальник, Главный маршал авиации (1944), командующий ВВС ряда фронтов.

Орлов Александр Михайлович (в кадрах ОГПУ-НКВД Никольский Лев Лазаревич, настоящее имя Фельдбинг Лейба Лазаревич) (1895—1973), ответственный работник ЧК, перебежчик. Автор книги и нескольких скандальных публикаций в американской прессе.

Орлов Владимир Григорьевич (1882—1941), русский контрразведчик еще с царских времен. Был внедрен в органы ВЧК.

Патоличев Николай Семенович (1908—1989), советский государственный и политический деятель.

Пестковский С. С. (1882—1937), сотрудник Сталина по первым годам работы в Совнаркоме.

Платонов Олег, современный российский историк, автор книг, посвященных малоисследованным моментам истории Отечества.

Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902—1984), советский партийный и государственный деятель.

Похлебкин Вильям Васильевич (1923—2000), современный писатель и ученый.

Радзинский Эдвард Станиславович (р. 1936), современный российский писатель и драматург. Автор популярных сочинений по истории России.

Рокоссовский Константин Константинович (1896—1968), советский военачальник, маршал, один из крупнейших полководцев.

Ротмистров Павел Алексеевич (1901—1982), советский военачальник, маршал бронетанковых войск.

Рыбин Алексей Трофимович (р. 1908), личный охранник Сталина.

Савицкий Евгений Яковлевич (1910—1990), советский военачальник, в Великую Отечественную войну командир авиадивизии и авиакорпуса.

Свердлов Яков Михайлович (1885—1919), большевистский деятель, отбывал вместе со Сталиным ссылку в Туруханском крае.

Симонов Константин Михайлович (1915—1979), советский писатель.

Слассер Роберт, современный американский историк, профессор Мичиганского университета. Биограф Сталина.

Сопельняк Борис, журналист, автор очерков, основанных на документах архива НКВД-КГБ.

Старостин Николай (1902—1996), известный спортсмен, узник ГУЛАГа.

Стейнбек Джон (1902—1968), американский писатель, лауреат Нобелевской премии. Автор книги путевых очерков по России.

Суварин Борис (1893—1984), журналист, французский социалист.

Судоплатов Павел (1907—1996), один из руководителей советских органов безопасности.

Суханов (Гиммер) Николай Николаевич (1882—1940), экономист, публицист, эсер, потом меньшевик, участник двух русских революций.

Такер Роберт, современный американский политолог, исследователь жизни Сталина.

Толстой Алексей Николаевич (1882/83—1945), советский писатель, академик.

Трифонов Юрий Валентинович (1925—1981), советский писатель.

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879-1940), один из главных организаторов Октябрьской революции в России. Автор многочисленных книг и статей автобиографического характера.

Трояновский Олег Александрович (р. 1919), советский дипломат.

Ульянова Мария Ильинична (1878—1937), младшая сестра Ленина. Занимала ряд ответственных постов в советском правительстве.

Устинов Дмитрий Федорович (1908—1984), советский государственный и военный деятель. Маршал Советского Союза. В 1941—1953 гг. нарком вооружений.

Фейхтвангер Лион (1884—1958), немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии. Автор книги путевых впечатлений о России 1937 года.

Фельштинский Юрий Германович (р. 1956), американский историк советского происхождения. Редактор-составитель и комментатор нескольких десятков томов архивных документов из зарубежных хранилищ.

Фишер Луис (1896—1970), известный американский историк и публицист, биограф Ленина.

Фотиева Лидия Александровна (1881—1875), большевик, в 1918—1930 гг. — секретарь Совнаркома и Совета труда и Обороны, одновременно в 1918—1924 гг. — секретарь В. И. Ленина.

Хрулев Андрей Васильевич (1892—1962), советский военный деятель, в войну — начальник тыла Красной Армии и нарком путей сообщения СССР.

Хрущев Никита Сергеевич (1894—1971), видный политический деятель СССР, сподвижник Сталина.

Чадаев Яков Ермолаевич (1904—1985), советский государственный деятель, в годы войны — управляющий делами СНК СССР.

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874—1965), премьер-министр Великобритании в годы Второй мировой войны, удостоен Нобелевской премии по литературе за многотомник «Вторая мировая война».

Чуев Феликс Иванович (1941—1999), известный русский поэт. Многие годы записывал свидетельства людей, сыгравших первостепенную роль в новейшей истории.

Чуковский Корней Иванович (1882—1969), советский писатель. Автор дневника 1901—1969 гг.

Шахурин Алексей Иванович (1904—1975), советский государственный и партийный деятель. В 1940—1946 гг. — нарком авиапромышленности СССР.

Швейцер Вера, жена известного закавказского большевика Сурена Спандаряна. Вместе с ним отбывала северную ссылку.

Шепилов Дмитрий Трофимович (1905—1995), советский государственный и политический деятель.

Ширер Уильям (1904—1993), американский журналист. Историк нацизма.

Штеменко Сергей Матвеевич (1907—1976), советский военачальник, генерал армии, в годы войны – начальник Оперативного управления Генштаба.

Эйзенхауэр Дуайт Дэвид (1890—1969), американский генерал в годы войны командовавший войсками союзников, позже 34-ый президент США.

Яковлев Александр Сергеевич (1906—1989), советский авиаконструктор, академик. В годы войны заместитель наркома авиапромышленности.

Яковлев Николай Дмитриевич (1898—1972), советский военачальник, маршал артиллерии.

Яковлев Николай Николаевич (р. 1927), историк, профессор. Автор политической биографии Сталина

Ярославский Емельян Минеевич (1878—1943), большевик, политический деятель, автор биографической книги о Сталине.